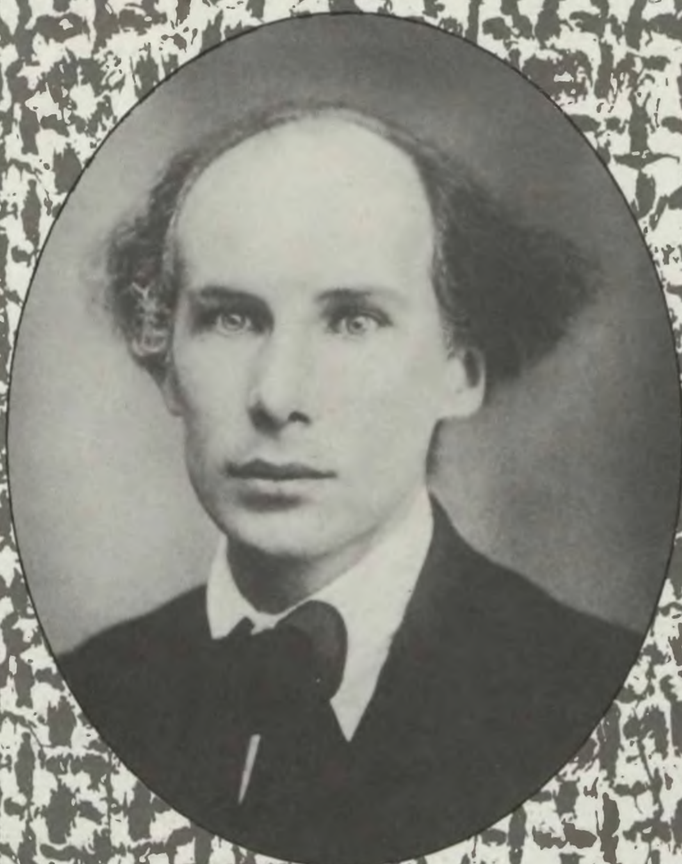
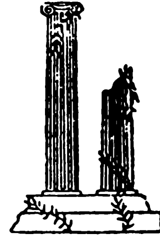
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
И
ИВАНОВ-РАЗУМНИК

ПЕРЕПИСКА





АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ИВАНОВ-РАЗУМНИК. ПЕРЕПИСКА

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
И
ИВАНОВ-РАЗУМНИК

ПЕРЕПИСКА

Публикация, вступительная статья и комментарии
А.В.Лаврова и Джона Мальмстада

Подготовка текста
Т.В.Павловой, А.В.Лаврова и Джона Мальмстада

Atheneum • Феникс
Санкт-Петербург
1998

ББК 83.3 (2=рус.) 6 (Белый)
УДК 8-6 (044)
А-656

А-656 **АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ИВАНОВ РАЗУМНИК. ПЕРЕПИСКА.** – СПб., Atheneum; Феникс, 1998. – 736 с., ил.

ISBN 5-901027-18-3

Переписка Андрея Белого (1880–1934) с выдающимся литературным критиком, публицистом, историком литературы Ивановым-Разумником (1878–1946) – самый большой по объему и богатый по содержанию эпистолярный комплекс, охватывающий вторую половину жизни и творческой деятельности крупнейшего писателя-символиста. Переписка – необходимое дополнение к мемуарным книгам Андрея Белого и одновременно богатый источник многообразных сведений о русской литературной жизни 1910–1920-х гг.

ISBN 5-901027-18-3

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ИВАНОВ-РАЗУМНИК: ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ К ПЕРЕПИСКЕ

Письма Андрея Белого (Бориса Николаевича Бугаева, 1880-1934) к Иванову-Разумнику (Разумнику Васильевичу Иванову, 1878-1946) – безусловно, самый большой по объему и богатый по содержанию эпистолярный комплекс, характеризующий вторую половину жизни и творческой деятельности крупнейшего писателя-символиста. Значительность затронутых в этих письмах проблем, яркость и выразительность интерпретаций во многом стимулированы тем, что корреспондентом Белого был один из самых видных деятелей русской литературы и общественной мысли начала века[1]. Критик, историк литературы, публицист, идеолог «неонародничества», инициатор ряда литературных начинаний, ставших заметными событиями в панораме культурной жизни и духовных исканий, Иванов-Разумник был связан тесными личными отношениями, помимо Белого, со многими выдающимися писателями эпохи – А.Блоком, А.Ремизовым, Ф.Сологубом, Е.Замятиным, М.Пришвиным, Н.Клюевым, С.Есениным, – и многие из них отмечали стимулирующую роль этого общения для своего творчества и идейного самоопределения; А.З.Штейнберг даже называл их писателями «из разумниковского гнезда»[2]. «Критические выступления Иванова-Разумника, – писал Э.Ф.Голлербах, – заставляли о себе говорить, его считали продолжателем Михайловского, но едва ли кто догадывался о всей значительности этого молчаливого и скромного человека, сумевшего сочетать народнические симпатии с признанием символизма. <...> Белинский, Герцен, Салтыков-Щедрин и... Блок, Андрей Белый – такова странная комбинация его симпатий, замешанных на подлинной культурности и большом душевном благородстве»[3]. Показательно, что тот же Голлербах к своему стихотворению «Андрей Белый» («Златую чашу зелий миротворных...», 1921) предпослал посвящение – Разумнику Васильевичу Иванову[4]: современники ощущали спаянность этих двух имен, их взаимодополняемость, были свидетелями тесной дружбы писателей и их духовного созвучия.

Большой объем переписки Андрея Белого и Иванова-Разумника объясняется в значительной мере тем, что взаимоотношения писателей, продолжавшиеся около двадцати лет, были по преимуществу взаимоотношениями «на расстоянии». Иванов-Разумник жил почти безвыездно в Царском (с 1918 г. – Детском) Селе; наиболее длительным и регулярным его живое общение с Белым было во время наездов последнего в Петроград, что зачастую включало продолжительное проживание его в царскосельской квартире Иванова-Разумника. Хроника личных встреч писателей выстраивается в следующий хронологический ряд[5]:

1913 г., 11 мая, Петербург. Личное знакомство Андрея Белого и Иванова-Разумника.

1913 г., конец мая, Петербург. Встреча на обратном пути Белого из Гельсингфорса в Боголюбы.

1916 г., 10, 12 сентября, Царское Село. Белый посещает Иванова-Разумника.

1917 г., 30 января – 8 марта. Белый попеременно в Петрограде и в Царском Селе (живет у Иванова-Разумника).

1917 г., начало октября – 24 октября. Белый в Петрограде и в Царском Селе у Иванова-Разумника.

1918 г., 12-24 марта, 17-25 апреля, 18-23 декабря. Иванов-Разумник в Москве; встречи с Андреем Белым[6].

---

[1] См. составленные Я.В.Леонтьевым краткую хронологическую канву жизни и творчества Иванова-Разумника (Литературное обозрение. 1993. №5. С.38-40) и библиографию его произведений и литературы о нем (Библиография. 1993. №3. С.64-73).

[2] Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911-1928) / Подготовка текста, послесловие и примечания Ж.Нива. Париж, 1991. С.162.

[3] Голлербах Э. Город муз: Царское Село в поэзии. СПб., 1993. С.144.

[4] *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.4. Ед.хр.56.

[5] Датировки до 1918 г. – по старому стилю, с 1918 г. – по новому стилю.

[6] Возможно, состоялись также встречи в Москве летом 1918 г. См. прим.5 к п.82.

1919 г., конец января. Кратковременный приезд Белого в Петроград и Детское Село к Иванову-Разумнику.

1920 г., 17 февраля – 9 июля. Белый живет в Петрограде; регулярные встречи с Ивановым-Разумником.

1921 г., 31 марта – 6 сентября. Белый в Петрограде, с конца июня до конца августа живет в Детском Селе у Иванова-Разумника.

1921 г., конец сентября – 11 октября. Белый в Петрограде перед отъездом за границу; встречи с Ивановым-Разумником.

1924 г., 11-19 февраля. Белый в Ленинграде; встречи с Ивановым-Разумником.

1926 г., апрель, Кучино (под Москвой). Иванов-Разумник гостит у Белого в течение трех недель.

1926 г., 10 мая – 17 июня. Белый попеременно в Ленинграде (у С.Д. и С.Г.Спасских) и в Детском Селе (у Иванова-Разумника).

1928 г., 6-10 сентября. Встречи Белого и Иванова-Разумника в Кучине.

1930 г., 28-31 мая. Иванов-Разумник гостит у Белого в Кучине.

1931 г., 10 апреля – 23 июня. Белый живет в Детском Селе по соседству с Ивановым-Разумником.

1931 г., 7 сентября – 30 декабря, Детское Село. Белый живет там же.

1932 г., 23-30 марта. Белый в Детском Селе, там же.

Остальное время в течение двадцатилетия Белый и Иванов-Разумник находились вдали друг от друга, и тогда переписка становилась заменой личных контактов (часть писем, впрочем, относится к периодам «совместной» их жизни, но это по большей части краткие деловые записки). Однако совокупность имеющихся в нашем распоряжении писем далеко не всегда выстраивается в связную и упорядоченную переписку, в цепочку «письмо – ответ, письмо – ответ», и не только по причине неорганизованности и необязательности корреспондентов. Значительная часть писем не уцелела. Корпус писем Белого пострадал, видимо, минимально – благодаря исключительной аккуратности сохранявшего их Иванова-Разумника (не дошли, в частности, письма Белого, посылавшиеся по адресу издательства «Сирин» и пропавшие вместе с «сиринским» архивом), многие же письма Иванова-Разумника погибли – либо местонахождение их неизвестно. Отсутствуют в архиве Белого, в частности, несколько писем, посланных Ивановым-Разумником в Швейцарию и не взятых Белым в 1916 г. с собой в Россию[7]; из писем, которые Иванов-Разумник посылал Белому в 1921-1922 гг. в Берлин, ни одно не дошло до адресата; исчезли многие письма Иванова-Разумника начала 1930-х гг.: сам Иванов-Разумник, составляя в конце 1930-х гг. комментарии к письмам Белого к нему, констатирует их пропажу. Возможно, письма погибли по случайной причине, но не исключено, что они были уничтожены Белым или его второй женой, К.Н.Бугаевой, после ареста Иванова-Разумника в феврале 1933 г. (в атмосфере сталинского террора владельцы нередко избавлялись и от менее «опасных» и «компрометирующих» документов); не исключено также, что какие-то из этих писем Иванова-Разумника уцелели в частных собраниях и еще будут обнаружены – как п.264, отколовшееся от основного корпуса писем Иванова-Разумника в архиве Белого и ныне поступившее в фонды Музея-квартиры Андрея Белого на Арбате.

Нерегулярность переписки, большие временные перерывы в ней, обилие «односторонних» писем объясняются во многом внешними обстоятельствами. Исторические «минуты роковые» – мировая война, революция, разруха первых лет большевистского владычества – не способствовали четкому и бесперебойному функционированию почтовой службы. Многие письма посылались «с оказией» – а после возвращения Белого из Берлина на родину в конце 1923 г. такой способ переписки стал наиболее приемлемым для обоих корреспондентов: отправлять письма «по шпекинской линии» (см. п.199) – через ведомство советского Шпекина, наследника гоголевского почтмейстера-перлюстратора из «Ревизора» – Белый и Иванов-Разумник избегали и поэтому часто писали друг другу не по внутренней потребности, а лишь тогда, когда открывалась возможность передать письмо через надежные руки[8].

---

[7] А.А.Тургенева (первая жена Белого, жившая вместе с ним в Швейцарии) в письме от 17 марта 1960 г., адресованном в Государственный Литературный музей, сообщала, что в ее собрании, в числе прочих документов, хранятся 2 письма Р.В.Иванова к Белому (*ГЛМ*. Ф.7. Оп.1. Ед.хр.49). Среди переданных ею в Гослитмузей материалов архива Белого этих писем нет. Наши попытки отыскать эти письма в Швейцарии не дали положительного результата.

[8] О том, что осторожность, которую проявляли Иванов-Разумник и Белый в своих письменных сообщениях, была вполне обоснованной, свидетельствуют, например, данные о перлюстрации с октября 1923

Начало знакомства и переписки Белого и Иванова-Разумника имело свою небольшую предысторию. Сам Иванов-Разумник в письме к К.Н.Бугаевой от 1 июля 1934 г. вспоминает: «Первая мимолетная моя встреча с Б<орисом> Н<иколаевичем> произошла на "башне" Вяч. Иванова – *кажется*, в 1910 году был я на башне этой, затащенный Л.Шестовым, всего единожды в жизни, – и больше там не появлялся, до того отвратно там мне показалось. Встречу эту с Б.Н. не считаю: мы не обменялись ни единым словом и косились друг на друга. Годами двумя ранее я напечатал в "Русск<их> Вед<омостях>" что-то весьма неодобрительное о философских статьях Б.Н., а еще года за два до того – в "Весах" было напечатано (кажется, Эллисом) что-то еще более неодобрительное о моей книге "Ист<ория> русск<ой> общ<ественной> мысли". Да и позднее (не в этом ли 1910 году?) Б.Н. печатно отозвался обо мне – не то в "Арабесках", не то в "Символизме" – весьма кисло. Так что первая встреча в этом году – была не встреча, а случайное прохождение через одну и ту же комнату»[9].

Иванова-Разумника немного подводит память: его обзорная статья «Русская литература в 1912 году», в которой статьи Белого, помещенные в журнале «Труды и дни», названы «философствованием на мало знакомые ему темы»[10], была напечатана в «Русских ведомостях» позже описанного «прохождения через одну и ту же комнату», состоявшегося, скорее всего, в феврале или марте 1910 г., – однако ранее, в другом годовом обзоре «Русская литература в 1908 году», критик высказался о двух книгах Белого – «Пепел» и «Кубок метелей», и столь же неодобрительно: «Этого поэта и публициста губит присущее ему гримасничанье: он словечка в простоте не скажет, все с ужимкой, и когда высказывает самую простую мысль, то старается сказать так, чтобы как можно умнее вышло. Отсюда свойственные ему гримасы и широковещательность, отсюда все эти иксы, нули, формулы, которыми он перегружает свои статьи, отсюда и самый стиль его писаний – точно институтское манерничанье дурного пошиба. Вот отчего и претензии его всегда шире исполнения, что особенно ясно сказалось в "Кубке метелей" – претенциозной и слабой книге»[11]. Скепсис и отчужденность, присущие этим характеристикам, наглядно отражают позицию Иванова-Разумника в начальный период его литературной деятельности, когда он, стараясь в новых историко-культурных условиях творчески развивать народнические идейно-эстетические установки «Русского богатства», еще «программно» дистанцировался от модернизма[12]. Однако уже самые первые попытки литературного самоопределения Иванова-Разумника свидетельствуют о его пристальном интересе к символистским новациям – и даже о готовности обсуждать проблематику «нового» искусства в кругу модернистов: еще будучи студентом Петербургского университета, он подготовил доклад на тему «О "декадентстве" в современном русском искусстве», с которым выступил 30 октября 1901 г. перед студенческой аудиторией (сохранился конспект этого доклада Иванова-Разумника в записной книжке А.Блока, тогда тоже студента)[13], а текст выступления – в котором «декадентство» объявлялось «интересным, живым, своеобразным и сильным течением» – предложил журналу «Мир искусства»[14]. Если бы редакцию «Мира искусства» этот критический опыт заинтересо-

---

по октябрь 1924 г.: было просмотрено более 5 млн писем и более 8 млн телеграмм (Измозик В.С. Первые советские инструкции по перлюстрации // Минувшее: Исторический альманах. Вып.21. М.; СПб., 1997. С.158). См. также: Измозик В.С. Перлюстрация в первые годы советской власти // Вопросы истории. 1995. №8. С.26-35.

[9] *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.200. Ср.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.23. СПб., 1998. С.440 (публикация В.Г.Белоуса). Рец. Эллиса на «Историю русской общественной мысли» Иванова-Разумника была опубликована в №11 «Весов» за 1907 г. (С.54-57). В книге Белого «Символизм» (М., 1910) – упомииание «хлесткого Иванова-Разумника» (С.598). О том, что Иванов-Разумник избегал появлений на ивановской «башне», можно судить по его письму к А.М.Ремизову от 29 ноября 1908 г.: «У Вячеслава Иванова быть не удалось; не думаю, чтобы это особенно его огорчило. Вы думаете, что мне следует "написать ему что-нибудь"; но что же именно? О том, почему не мог быть? Так ведь не для меня же была устроена Вячеславо-Ивановская среда!» (*РНБ*. Ф.634. Оп.1. Ед.хр.115).

[10] Иванов-Разумник. Заветное. О культурной традиции: Статьи 1912-1913 гг. Пб., 1922. С.26.

[11] Русские ведомости. 1909. №1. 1 января.

[12] О литературно-эстетических взглядах Иванова-Разумника этой поры см.: Петрова М.Г. Эстетика позднего народничества // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX в. М., 1975. С.156-170; Dobringer Elisabeth. Der Literaturkritiker R.V.Ivanov-Razumnik und seine Konzeption des Skythentums. München, 1991. S.22-129; Matsubara Hiroshi. Ivanov-Razumnik and the Controversy over Intelligentsia // Japanese Slavic and East European Studies. 1991. Vol.12. P.81-102.

[13] Подробнее см.: *ЛН*. Т.92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.2. М., 1981. С.367-369. Текст доклада сохранился в архиве Иванова-Разумника (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.86).

[14] Д.В.Философов, ведший литературный отдел «Мира искусства», спрашивал Вл.В.Гиппиуса в письме от 4 ноября 1901 г.: «Не знаете ли Вы студента-математика Разумника Иванова? Он нам прислал статью "о декадентстве" и будет лично в эту пятницу» (*ИРЛИ*. Ф.77. Ед.хр.225).

вал, литературный дебют Иванова-Разумника мог бы состояться в модернистском печатном органе.

В романе Марка Алданова «Бегство» (1932) мимоходом упоминаются книги Иванова-Разумника: они входят в круг чтения гимназиста 1910-х годов[15]. Эта повествовательная деталь весьма значима – давая осязаемое представление о популярности автора, о его реальном влиянии на умы. Широкую известность принесла Иванову-Разумнику прежде всего его двухтомная «История русской общественной мысли» (1907), выдержавшая за десять лет пять изданий; его критико-публицистические статьи и историко-литературные работы также вызвали широкий общественный резонанс, наглядно проявившийся в том, что уже в 1912 г. петербургское издательство «Прометей» приступило к изданию пятитомного собрания сочинений Иванова-Разумника; в том же году Иванов-Разумник возглавил литературный отдел петербургского журнала «Заветы» – одного из самых ярких и значительных изданий 1910-х гг. Андрей Белый вспоминает, что с работами Иванова-Разумника он решил познакомиться по совету своего дяди, Георгия Васильевича Бугаева, высоко оценившего книгу Иванова-Разумника «О смысле жизни» (1908): «...дядя открыл только начавшего печататься Иванова-Разумника; и мне доказывал: все философии – нуль после постановки вопроса о жизни у Иванова-Разумника; через него я и начал читать произведения человека, с которым позднее всей жизнью связался»[16]. Не могло не заинтересовать Белого и сообщение А.М.Ремизова (в письме к нему от 3 октября 1908 г.) о том, что Иванов-Разумник работает над книгой, в которой собирается говорить о Белом. Ремизов сообщал здесь же и царскосельский адрес критика: «Если хотите узнать, что будет за книга, спросите у самого ее автора»[17] (видимо, подразумевался замысел «Критической истории современной литературы», который так и не был осуществлен)[18].

В конце 1912 г. Иванов-Разумник участвовал в основании издательства «Сирин» и вошел в его организационное ядро. М.И.Терещенко, финансировавший издательство, считал основной задачей «Сирина» публикацию произведений крупных писателей из круга символистов. Тогда и родилась идея (инициатором ее был А.Блок) напечатать в «Сирине» роман Андрея Белого «Петербург», еще не завершенный автором, но уже получивший определенную известность в литературных кругах – в связи с отказом редакции «Русской мысли» принять рукопись к опубликованию[19]. В «Материале к биографии» Белый фиксирует – январь 1913 г.: «...я связуюсь в письмах с формирующимся издательством "*Сирин*". В январе ко мне заезжает в Берлин издатель "*Сирина*" М.И.Терещенко <...> и мы условливаемся о том, что мог бы я дать для издательства "*Сирин*"»; март 1913 г.: «...начинается у меня переписка с Р.В.Ивановым о "*Петербурге*"»[20]. Первая встреча Белого и Иванова-Разумника 11 мая 1913 г. в Петербурге, где Белый оказался проездом из Волынской губернии в Гельсингфорс, была посвящена обсуждению условий печатания романа.

«Первая встреча, – вспоминает Иванов-Разумник в цитированном выше письме к К.Н.Бугаевой, – произошла весною 1913 года, когда Б.Н. с Асей приехали в СПб. перед отъездом за границу <...>. Незадолго до этого Блоку и мне (тогда – редактору изд<ательст>ва "Сирин") с великими трудами удалось протащить "Петербург" сквозь Клавдинские теснины семьи Терещенок (издателей) и старания близкого к ним Ремизова не допустить этот роман в сборники "Сирина". Блок и я – одолели; Б.Н. приехал заключать договор и был у меня в "Сирине" ***в первый же день приезда***; разговор продолжался три-четыре часа. – Эту встречу я и считаю первой, после отъезда Б.Н. началась между нами деятельная переписка – сперва чисто деловая, потом – все менее и менее деловая (когда весною 1915 года "Сирин" прекратил существование)»[21].

---

[15] Алданов М. Бегство. М., 1991. С.294.

[16] Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989. С.150.

[17] *РГБ*. Ф.25. Карт.22. Ед.хр.5.

[18] Согласно предварительному плану этой книги (1916), 4-я глава 2-й части ее, названная «Вершины символизма и нового реализма», должна была быть посвящена творчеству «трех больших поэтов, мыслителей, художников» – Блока, Вяч.Иванова, Андрея Белого; 4-й раздел этой главы назван: «Вершина символизма – А.Белый; его путь от декадентства к теософии» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.70).

[19] Подробнее см.: Долгополов Л.К. Творческая история и историко-литературное значение романа А.Белого «Петербург» // *Петербург*. С.554-568.

[20] Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж.Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. Paris, 1988. С.348, 351.

[21] Минувшее: Исторический альманах. Вып.23. Указ. изд. С.440. Ср. запись Белого о приезде в Петербург в мае 1913 г.: «...я иду в "*Сирин*", где встречаюсь с Разумником Васильевичем Ивановым, который

В 1913–1916 гг. Белый находился за границей, с 1914 г. – постоянно в Швейцарии, где участвовал под руководством Рудольфа Штейнера в строительстве антропософского центра в Дорнахе – Гетеанума. Переписка с Ивановым-Разумником, контролировавшим печатание «Петербурга» в сборниках «Сирин», поначалу стимулировалась именно этим обстоятельством, а также другими «сиринскими» проектами относительно издания книг Белого (ни один из которых не осуществился). Налаживанию теплых дружественных отношений способствовала забота Иванова-Разумника об устройстве литературных дел Белого, отрезанного с началом мировой войны от России и оказавшегося в Швейцарии без необходимых средств: вдвоем с Блоком, фактически заменив отсутствующего автора, Иванов-Разумник организовал и осуществил в 1916 г. отдельное издание «Петербурга». «...Рад я очень и очень за Бугаева, – писал Иванов-Разумник М.К.Лемке 15 января 1916 г. в связи с предстоявшим выходом в свет этой книги, – и рад, что мог устроить все это дело; рад за него и – за литературу, которая получает такой роман... Я же его и в сборники провел! Да прочтите Вы его, хоть меня ради!»[22]

Иванов-Разумник принадлежал к числу тех, кто сразу осознал исключительное художественное значение романа Белого и отметил его появление как важнейшее событие в русской литературной жизни – при том, что он не готов был безоговорочно принимать роман и даже настаивал на том, что с «Петербургом» необходимо полемизировать и многое в нем опровергать (прежде всего эти возражения относились к трактовке Белым «революционной» проблематики: радикальный демократ Иванов-Разумник, хранивший верность заветам Белинского, Герцена и Михайловского, решительно не мог согласиться с «нигилизмом» автора, распространявшемся и на нее). В обзорной статье «Русская литература в 1913 году» он писал о «Петербурге»: «Роман этот мне совершенно враждебен – по всему: по внутренней философии, по построению, отчасти и по выполнению; и все-таки я считаю его глубоко замечательным явлением современной художественной литературы. Одного его было бы достаточно, чтобы в истории русской литературы минувший 1913-ый год не мог считаться пустым, "дырявым". Не собираюсь "восхвалять" этот роман, – наоборот, собираюсь восставать против него, против его сущности, против его "духа"; но и врагу надо воздавать должное. О замечательном романе этом еще много будет сказано»[23].

В последующих суждениях Иванова-Разумника о «Петербурге» акцент на «враждебности» романа идейным и эстетическим предпочтениям критика сглаживается, на первое место выступает вдумчивая интерпретация его содержания и стиля, анализ художественных новаций Белого. Не последнюю роль в этом, видимо, сыграли доверительность и взаимопонимание, установившиеся между Белым и Ивановым-Разумником в ходе эпистолярного контакта. Интерес к «Петербургу» влечет Иванова-Разумника к более глубокому осмыслению и подробному изучению творчества Белого в целом. В 1915 г. он пишет для 3-го тома «Русской литературы XX века» под редакцией С.А.Венгерова (М., 1916) обобщающую статью «Андрей Белый», в которой прослеживается эволюция писательского пути Белого и анализируются характер и направление его творческих исканий. Критик раскрывает свою тему в этой статье с объективностью и беспристрастностью историка литературы. Находя важнейший внутренний импульс Белого в борьбе с «ледяной пустыней» одиночества и безысходности, в преодолении «декадентства» и устремлении к масштабным темам и эстетическим решениям, исполненным широкого общественного звучания, Иванов-Разумник видит вершину творческого развития Белого в романе «Петербург», «равного которому давно не появлялось в русской литературе», и выражает

рассказывает мне о своей полемике с Мережковскими» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. Указ. изд. С.352). Белый «виделся с Р.В.Ивановым» и на обратном пути из Гельсингфорса (Там же. С.353).

[22] *ИРЛИ*. Ф.661. Ед.хр.473.

[23] Иванов-Разумник. Заветное. О культурной традиции: Статьи 1912-1913 гг. Пб., 1922. С.46-47. Вновь Иванов-Разумник затронул ту же проблему годы спустя, вспоминая (в письме к А.Г.Горнфельду от 8 мая 1934 г.) о ситуации с печатанием романа и о своей статье о «Петербурге»: «Там твердо сказано, что "Петербург" мне всемерно враждебен. И все-таки: когда я получил его рукопись в 1912 году и прочел, то был крайне огорчен, что не мог напечатать его в "Заветах" (денег не хватало); зато приложил все усилия, чтобы он вышел в "Сирине" – и это стоило мне (и Блоку) больших трудов. В чем же дело? Роман – враждебен, а сам стараюсь как можно лучше устроить его? Загадки, конечно, тут нет никакой, ибо "высокое искусство" повелительно. Когда "Отечественные Записки", печатая в 1875 г. "Подросток", извинялись перед читателями и заявляли, что, конечно, не напечатали бы "Бесов", – то этим не сказали себе комплимента. И "Бесов" надо было бы именно им напечатать, – и тут же сказать все то, что сказал Михайловский в 1872 г. в замечательной статье об этом романе» (Новое литературное обозрение. 1998. №31. С.233-234. Публ. В.Г.Белоуса и Ж.Шерона). Приведенные в письме параллели косвенно свидетельствуют о том, что критик Иванов-Разумник в своей текущей литературной деятельности сверялся с критериями Иванова-Разумника – историка литературы.

надежду на новые художественные открытия писателя в будущем: «...мы вправе ждать от него еще многих и многих достижений; но уже и прошлое делает его навсегда достигшим ее вершин»[24]. В 1916 г. Иванов-Разумник опубликовал специальную статью о «Петербурге» – «Восток или Запад? ("Петербург", роман Андрея Белого)»[25]; статья вызвала восторженный благодарственный отклик Белого (п.14).

После того как Белый в августе 1916 г. возвращается в Россию, его отношения с Ивановым-Разумником перерастают в прочную, многолетнюю дружбу. Писателя и критика объединяют антивоенная позиция, осознание глубокого и неразрешимого кризиса всего жизненного уклада России и Европы и неизбежности революционного переворота. Крепко связывает их и новое литературное начинание – организованный Ивановым-Разумником альманах «Скифы», для которого Белый предложил только что законченный им роман «Котик Летаев». Это произведение Иванов-Разумник воспринял восторженно (п.34; ср. позднейшую краткую оценку: «изумительнейший "Котик Летаев"»[26]) – несмотря на то, что он отнюдь не был приверженцем антропософии, оставившей в романе Белого зримый отпечаток[27]. И в дальнейшем антропософские взгляды, трактовки и подходы, которые на различные лады развивал Белый, не становились препятствием для их взаимопонимания: Иванов-Разумник умел истолковывать и переосмысливать построения Белого в плоскости собственных философских и культурологических воззрений. С годами в этом идейном согласии немалую роль стало играть и глубокое внутреннее противостояние насаждавшемуся «марксистско-ленинскому» мировоззрению: как отмечает хорошо знавший обоих А.З.Штейнберг, Белый и Иванов-Разумник «были не материалистами, а прирожденными ненавистниками материализма. Именно это их и сближало, хотя жили они и действовали каждый по-своему»[28].

В годы мировой войны Иванов-Разумник пришел к обоснованию того революционно-максималистского умонастроения, которое получило определение «скифства», «скифского» мироощущения; он же сыграл решающую роль и в оформлении «скифского» идейного объединения, литературными проекциями которого стали сборники «Скифы» (первый из них был сформирован Ивановым-Разумником, С.Д.Мстиславским и А.И.Иванчиным-Писаревым еще до революции, в конце 1916 г.), а также литературные отделы левоэсеровских изданий «Знамя труда» и «Наш путь» (редактировавшиеся Ивановым-Разумником) и ряд других издательских начинаний[29]. В лице Андрея Белого «скифское» мировосприятие и «скифская» творческая психология нашли яркое и законченное воплощение (эта ориентация писателя получила и «внешнее» выражение: Белый обозначен как соредактор – наряду с Ивановым-Разумником и С.Д.Мстиславским – 2-го сборника «Скифы», как ведущий постоянного отдела «На перевале (статьи)» – в литературном отделе «Знамени труда», где Иванов-Разумник, в свою очередь, вел постоянный отдел «Литература и революция»). Канун Февральской революции для Белого, гостившего в Царском Селе у Иванова-Разумника, – это «перманентная беседа с Р.В.Ива-

---

[24] *Вершины.* С.79, 86.

[25] Русские ведомости. 1916. №102. 14 марта.

[26] Из письма Иванова-Разумника к А.Н.Римскому-Корсакову от 10 августа 1937 г. (Иванов-Разумник: письмо из 1937 года / Публ. Вл.Белоуса // Час пик. 1994. №13 (213). 6 апреля. С.14). В статье Иванова-Разумника о Маяковском «Котик Летаев» попутно упоминается как «пример величайшего художественного достижения» (Иванов-Разумник Р.В. Владимир Маяковский («Мистерия» или «Буфф»). Берлин, 1922. С.21).

[27] Свой скепсис по отношению к новейшнм философско-мистическим религиозным доктринам Иванов-Разумник отразил в статье «Клопиные шкурки» (Заветы. 1913. №2): «Время мировых религий прошло, и напрасно теперь разные господа Рудольфы Штейнеры и госпожи Анни Безант пытаются клеить теософские коробочки: они смогут собрать вокруг себя из сотен миллионов человечества только жалкую кучку сектантов» (Иванов-Разумник. Заветное. Указ. изд. С.121).

[28] Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. Указ. изд. С.33-34.

[29] Подробнее о «скифстве» и его идейно-психологических контурах см.: Hoffman S. Scythian Theory and Literature, 1917-1924 // Art, Society, Revolution. Russia. 1917-1921. Stockholm, 1979. P.138-164; Duncan P.J.S. Ivanov-Razumnik and the Russian Revolution: From Scythianism to Suffocation // Canadian Slavonic Papers. 1979. Vol.21. №1. P.15-27; Dobringer E. Der Literaturkritiker R.V.Ivanov-Razumnik und seine Konzeption des Skythentums. München, 1991; Переписка <А.Блока> с Р.В.Ивановым-Разумником / Вступ. статья, публикация и комментарии А.В.Лаврова // *ЛН.* Т.92. Кн.2. С.376-380, 403-404; Иванова Е.В. Блоковские «Скифы»: политические и идеологические источники // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1988. Т.47. №5. С.421-430; Белоус В.Г. «Скифское», или Трагедия «мировоззрительного отношения» к действительности // Звезда. 1991. №10. С.158-166; Дьякова Е.А. Христианство и революция в миросозерцанин «скифов» (1917-1919 гг.) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1991. Т.50. №5. С.414-425; Белоус В.Г. Испытание духовным максимализмом: О мировоззрении и судьбе Р.В.Иванова-Разумника // Литературное обозрение. 1993. №5. С.25-37; Белоус В.Г. Иванов-Разумник и философские основания «скифской» идеи // Slavia Orientalis. 1995. T.XLIV. №3. С.363-373; Леонтьев Я.В. К истории взаимоотношений левого народничества и «скифов» // Лица: Биографический альманах. Вып.7. М.; СПб., 1996. С.446-469.

новым»[30]; именно в ту пору Иванов-Разумник становится его ближайшим другом и единомышленником в подходе к наиболее значимым общественным проблемам и в их эмоциональном и аналитическом восприятии. Впоследствии Андрей Белый признавался (в философско-автобиографическом очерке «Почему я стал символистом...», 1928): «...не одни литературные вкусы и личная дружба соединили меня с Ивановым-Разумником; темы народа, войны и революции были темами нашего сближения; но в "*кадетской*" культуре Москвы сидел я с зажатым ртом; лишь среди своих антропософов да среди "*скифов*"-петербуржцев я высказывался откровенно»[31].

В феврале 1917 г. в Царском Селе Белый работал над книгой, содержание которой, казалось бы, никак не было связано с общественной атмосферой тех дней, – над стиховедческим исследованием «О ритмическом жесте». И тем не менее в предисловии к книге (датированном 21 апреля 1917 г.) Белый счел возможным обозначить параллель между тем, что рождалось у него за письменным столом, и тем, что происходило на улицах столицы Российской империи:

«Я кончал свою книгу работою о ритмическом жесте... И – вдруг: каков жест!

Я внимательно изучал на бумаге мир линий. И – вдруг: оторвавшись от линий, попал неожиданно... в *линию* пулеметных огней, в ряд знамен, в проходившие толпы по улицам Петрограда: броневики, ощетинясь штыком, как громадные ёжики, фыркали: проносились над толпами; на "*ура*" отвечало "*ура*"; колыхались знамена. Вспоминая свой письменный стол, улыбался себе самому: "вот так жест! Вот так линия ритма!"

Поздравляю читателя: "С новой эрой!"»[32]

«Ритмический жест» в интерпретации Белого – не только локальный стиховедческий термин; это – и предельно общее обозначение созидательного акта, творческих пульсаций в их материальном воплощении. Воспринимая революцию как грандиозный «ритмический жест», как свершающийся опыт жизнетворчества, писатель наделяет это понятие специфическим содержанием: революция для него – не просто исторически конкретное событие, рассматриваемое и расцениваемое в социально-политическом ракурсе, а некое глобальное спонтанное явление, осмысляемое и переживаемое сквозь призму метафизических универсалий и символических соответствий. Стремление увидеть в событиях революции контуры жизнетворческого действа, за реальностью свершающегося социального переворота различить очертания грядущей и чаемой «революции духа» роднит Андрея Белого и Иванова-Разумника в дни, когда они вместе переживали крушение старого строя, оно же становится главным стимулирующим началом в их последующей переписке.

Восприятие Белым революции как иррациональной очистительной стихии, мятежной бури под знаком Апокалипсиса вполне отвечало тем предельно общим духовно-психологическим критериям, которыми в трактовке Иванова-Разумника определялось метафизическое содержание «скифства»: «"Скифское" – глубокая непримиримость, непримиримость не по форме своей, а по сущности, по духу, эту сущность проникающему. "Скифское" – вечная революционность, революционность – для любого строя, для любого "внешнего порядка" <...> исканий непримиренного и непримиримого духа <...>»[33]. Согласно Иванову-Разумнику, «скифское» максималистское мироощущение определяется через систему оппозиций: «скифская» «вечная революционность» противостоит «мелкому реформаторству», «духу компромисса», «святое безумие» – «благоразумию», «мечтатели» – «обывателям», пафос «исканий», свободного творческого созидания – «умеренности» и успокоенности «всесветного Мещанина», безраздельная устремленность в грядущее, к духовному преображению – усилиям, направленным к созиданию «внешнего порядка», новых социально-политических форм и норм. Анархо-утопическая окраска, присущая «скифству», вполне импонировала Белому, способному творчески воспринимать революцию и сопереживать ей только в обличье осуществляющегося мистического действа.

Примыкая к левому, наиболее радикальному крылу партии социалистов-революционеров (формально, однако, не будучи членом этой партии), Иванов-Разумник испытывал неудов-

---

[30] *РД*. Л.84 об.

[31] Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.474.

[32] Гречишкин С.С., Лавров А.В. О стиховедческом наследии Андрея Белого // Структура и семиотика художественного текста: Труды по знаковым системам. XII (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып.515). Тарту, 1981. С.133.

[33] Иванов-Разумник. Скифское. <Предисловие к неосуществленному сборнику статей, июнь 1917 г.> (Лавров А.В. «Скифское» – неопубликованная книга Иванова-Разумника // Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С.57).

летворенность слишком «благоразумным» ходом событий после Февраля, с позиций революционного максимализма решительно выступал против «умеренных», «обывательских» установок, убежденно отстаивал «поэзию» революции перед «правдой» конкретного политического момента. Идейные полюса, относительно которых обрисовывались очертания «скифства», получают в ходе его переписки с Андреем Белым еще один, «географический» ряд: Петроград уподобляется революционному Парижу 1871 года, Коммуне; Москва, цитадель монархизма, консерватизма, традиционного славянофильства, – контрреволюционному Версалю. Иванов-Разумник прилагает немало стараний к тому, чтобы противостоять воздействию на Белого консервативной Москвы и поддерживать его в состоянии перманентного «скифского» воодушевления. Настроения же Белого даже в эту послефевральскую пору духовного подъема и радостных надежд были весьма переменчивы: упоение «поэзией» общественного обновления сменялось у него тягостными переживаниями «правды» революционных будней; чаемая, но лишь угадываемая гармония и звучащая со всех сторон какофония сочетались в странное и обескураживающее единство. Иванов-Разумник, упорно гася в Белом его «московские», «кадетские», негативные эмоции, последовательно выступал как вдохновенный революционный дидакт – однако примечательно, что уже летом 1917 г., в пору наиболее интенсивного переживания надежд, связанных с революцией и ее перспективами, он вполне отчетливо и трезво осознает, что победить в завязавшейся борьбе на «внешнем» плане сумеют только политики-«минималисты», а не «скифы»-максималисты, что лично ему в разыгрываемой, по слову Белого, «мировой мистерии» уготована в конечном счете роль жертвы: «Под этим колесом революции (такой маленькой и такой мировой) все мы – обреченные» (26 августа 1917 г. – п.58).

Духовный энтузиазм Иванова-Разумника вызывал у Белого встречный подъем «скифских» настроений. И в письмах, и в статьях писатель обосновывает свое понимание осуществляющейся «всемирно-исторической драмы», исполняемой по священному новозаветному канону, – формулирует тезисы, которые Л.Ю.Бердяева тогда же хлестко определила как исповедание «мистического большевизма» (конечно, к собственно большевизму построения Белого не имели ни малейшего отношения; истоки его революционно-утопических и одновременно национально-мессианских постулатов восходили как к перетолкованным заветам классического славянофильства, так и, главным образом, к антропософии – к пророчествам Р.Штейнера о грядущей эре славянства, новой эре в послеатлантическом цикле человеческой цивилизации)[34]. В предчувствии «революции духа» для Белого – смысл и оправдание всего совершающегося: задача подлинной революции – в явлении миру «новых форм жизни», в возможности ощутить «ритм Нового Космоса» (5 мая 1917 г. – п.47). Мистико-апокалиптическое сознание Белого при этом вбирает в себя злободневную политическую реальность, пусть и на свой лад перетолкованную; от месяца к месяцу «левизна» его взглядов возрастает. Вспоминая о своих умонастроениях в июне 1917 г., Белый отмечает: «...месяц смятений, споров, растерянности, досады на *Врем<енное> правительство* <...> мне уже ясен социальный переворот; и весь жест – "*скорее бы*"!»[35]

Неудовлетворенность деятельностью Временного правительства и жажда решительных революционных действий отнюдь не свидетельствовали о «большевизации» Белого. Если затруднительно однозначно сформулировать, с какими именно политическими силами писатель связывал свои благие надежды на «социальный переворот», то, напротив, о его отношении к большевикам и их растущему влиянию можно судить вполне определенно: победа большевиков равнозначна для него торжеству охлократии, разгулу темных, разрушительных сил, это – надвигающаяся контрреволюция «слева» (п.51 – 16 июня 1917 г.).

Колебания между трезвым осознанием самоочевидных фактов, слагавшихся в картину глобальной социальной катастрофы, и верностью мистериально-утопическому революционаризму характерны для общественной позиции Белого и после Октябрьского переворота. При этом надежды писателя на освобождающее, насыщенное эсхатологическими импульсами движение к «революции духа» не угасают в течение ряда последующих месяцев и находят весьма выразительное художественное воплощение в поэме «Христос воскрес», написанной весной 1918 г. В статье «Россия и Инония» Иванов-Разумник назвал ее, наряду с «Двенадцатью» Блока

---

[34] См.: Майдель Р. фон. О некоторых аспектах взаимодействия антропософии и революционной мысли в России // Блоковский сборник. XI (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып.917). Тарту, 1990. С.67-81; Штейнер Р. О России. Из лекций разных лет / Сост., перевод, комментарии Г.А.Кавтарадзе. СПб., 1997; Коренева М.Ю. Образ России у Рудольфа Штейнера // Образ России: Россия и русские в восприятии Запада и Востока. СПб., 1998. С.305-316.

[35] *РД*. Л.87об.

и «Инонией» Есенина, «пророческой» поэмой, подтверждающей, что «в глубинах русской поэзии текут животворные ключи "нового Назарета"»[36]. Показательна и статья Белого «Сирин ученого варварства», напечатанная в газете «Знамя труда» 26 марта и 3 апреля 1918 г.; в упор не видя происходящего у него на глазах, писатель по-прежнему остается завороженным чарующими фантасмагориями в своих прорицаниях о России, которая «простерла над миром огни великолепнейших мифов»: «...русская современность, бунтуя против мертвой окостенелости позитивно исчисленных политических форм, черпает свои силы из прорастающих зерен народной стихии. Сорвана мертвая, Аполлонова маска с народного представительства, и образуется хор "Советов"; вся глубинная драма борений народной души, где слагаются "мифы" о новых, невиданных формах свободной, сияющей жизни – приподымаются, бьют наружу, как лава из жерл распахнувшихся кратеров; вся Россия, к негодованию, к ужасу материалистов культуры, теперь сгруппированных для защиты ветшающих ценностей, – вся Россия покрылась "оркестрами", потому что "Советы" – "оркестрии", столь чаемые Вячеславом Ивановым; материалистически-абстрактные взгляды на государство, одновременно и грубо-чувственные, и черствые, – плавятся; кристаллически-мертвые формы, заплавясь, текут живописными струями переменной действительности; и проступает сквозь них лик далекого будущего»[37].

Позиция Иванова-Разумника (политически солидаризировавшегося и после Октября с левыми эсерами) была в те дни достаточно сложной: он готов был возлагать вину за ход событий и на Керенского, и на большевистских лидеров, но при этом продолжал какое-то время верить в возможность поступательного развития революции даже в условиях большевистской диктатуры. Недоверие к правящей большевистской верхушке компенсировалось у Иванова-Разумника убежденностью в том, что «конечная, вечная победа – за великой, грядущей в мире, всесветной революцией»[38]; эта убежденность побуждала его провозглашать благословения революции вопреки всем вопиющим «фактам» и резко порицать тех, кто провалился «в бездну злобствования, отчаяния, непонимания, ненависти ко всему идущему и пришедшему» (п.79 – 16/3 февраля 1918 г.). Оглядываясь на евангельских Марию – избравшую заботу о духовном, «благую часть», – и Марфу – избравшую заботу о мирских благах, – он стоически утверждает «марийность». «В Иванове-Разумнике, – пишет Е.Г.Лундберг, – над его народничеством, сильнее всего отвращение к позитивным формам общественности, и он останется здесь, в октябре, пока октябрь не перестанет быть *Марией*»[39]. Прошло не менее полугода после Октябрьского переворота, прежде чем Иванов-Разумник определенно осознал, что утвердившаяся под революционными лозунгами государственная система решительно враждебна тем животворящим, «марийным» преобразовательным началам, которым он верил всецело и безраздельно. Позднее он с горечью вспоминал в этой связи: «Как мог я, всю свою литературную жизнь боровшийся с русским марксизмом <...> как мог я на минуту поверить в возможность хотя бы временного "пакта" с большевизмом, с его обманной "диктатурой пролетариата", с его компромиссами и всем тем, что восхищает его сторонников <...> Зверь сей сумел, сперва прикинувшись лисой, поодиночке проглотить всех: в январе 1918 г. – учредительное собрание и правых эсеров, в апреле – анархистов, в июле – левых эсеров... Да что там эсеры! Вот и четверть века прошло, а лисий хвост и волчья пасть остаются верны себе <...>»[40]. Уже в феврале 1919 г. Иванову-Разумнику представилась возможность непосредственно ощутить подлинную сущность новой власти, когда он был арестован Петроградской ЧК по обвинению в причастности к мифическому «заговору левых эсеров», этапирован в Москву и освобожден лишь две недели спустя (благодаря энергичным хлопотам В.Э.Мейерхольда).

Летом 1918 г. и Андрей Белый пережил «впервые сериозный перелом от розовой романтики в отношении к революции к исканию чисто реалистического самоопределения в ней»[41]. Два года спустя «розовая романтика» у Белого улетучивается почти бесследно; вместо нее – последовательное неприятие всего утвердившегося нового уклада жизни (п.111 – 17 декабря 1920 г.). Как и Иванов-Разумник, Белый стремился сохранить верность «буревой стихии» –

---

[36] Наш путь. 1918. №2 (май). С.149, 136. В целом же Иванов-Разумник, подробно рассмотревший эту поэму в «России и Инонии», оценил ее менее высоко, чем другие произведения Белого; см. с.162 наст. изд. (примеч.3 к п.82).

[37] Андрей Белый. Сирин ученого варварства (По поводу книги В.Иванова «Родное и вселенское»). Берлин, 1922. С.16, 17.

[38] Иванов-Разумник. Меч Бренна // Знамя труда. 1918. №137. 20(7) февраля.

[39] Лундберг Е. Записки писателя. Берлин, 1922. С.118.

[40] Иванов-Разумник. Писательские судьбы // Возвращение. Вып.1. М., 1991. С.310.

[41] *РД*. Л.93 об.

своим революционно окрашенным максималистским устремлениям, какими они определились в 1917 г.: «Революцию нашу призвали – мы сами: пришла! И революцию в будущем мы, боясь ее и ропща на нее, подзываем: придет!»[42], – но теперь его духовный энтузиазм отделен от политических «материй» резкой межой; писатель ощущает себя в двойной оппозиции – по отношению к рухнувшему старому миру и к нарождающемуся новому.

В конце 1919 г. в Петрограде начала свою деятельность Вольная Философская Ассоциация («Вольфила»), организаторами и руководителями которой стали Иванов-Разумник и Андрей Белый[43]. Это их совместное детище – своего рода локальное воплощение мечты о «революции духа», осуществляющейся в рамках достаточно узкого и замкнутого в себе культурного сообщества «посвященных» – открытого, однако, любым живым и творчески перспективным, «вольным», идейным веяниям, концепциям, исканиям: «Вольфила – это не программа, даже не мировоззрение; наоборот: предполагает она взаимное противоположение, пересечение и борьбу мировоззрений. Она – импульс к углублению совершившейся (и все еще совершающейся) революции в измерении духа: к духовной революции, которая приведет к освобождению человека на всех путях его духовного творчества и к новому воплощению достижений этого освобожденного творчества – к новой культуре. В этом смысле Вольфила стоит под знаком всеобъемлющего кризиса современной культуры и чаяний культуры новой: культуры свободы»[44]. Глобальная революция, направленная к постижению «новых форм жизни», не свершилась, но насытила своей творческой энергией и атмосферой интеллигентскую корпорацию, метонимически оформилась в программу относительно «малых дел» – духовных исканий и культуросозидательных усилий, основанных на незыблемом и универсальном принципе внутренней свободы. И Белый, и Иванов-Разумник считали «Вольфилу» организацией, унаследовавшей дух и основные идейные постулаты «скифства», верной той подлинной революционности, которая оказалась преданной забвению, извращению, поруганию. На 50-м заседании «Вольфилы», посвященном Платону (7 ноября 1920 г. – в третью годовщину Октябрьского переворота), Иванов-Разумник заявлял: «Как бы нам <ни> казались трудны будни, мы из-за будней не можем забыть "дней революции прекрасное начало". И в нашу эпоху "на поприще ума" нельзя нам отступать, нужен живой обмен мнений, и как раз того же характера, который был нужен в эпоху расцвета гуманизма <...> мы живем и дышим революционным воздухом времени, тем только духом, в котором есть животворящее начало»[45].

Андрей Белый был избран председателем Совета «Вольфилы», Иванов-Разумник стал товарищем председателя, членом Совета и основным организатором текущей деятельности Ассоциации на протяжении всех лет ее существования. Возглавил «Вольфилу» Белый по решительному настоянию Иванова-Разумника, который убедил в правильности такого выбора других членов-учредителей будущей организации. Член Совета «Вольфилы» А.З.Штейнберг свидетельствует: «Для Разумника Васильевича <...> Андрей Белый был чем-то совершенно исключительным: аксиомой, заветом и залогом <...> не будь Белого – не нужна была бы и вся наша академия, не он для нее, а она для него. По Разумнику, в творчестве Белого сконцентрированы все заветы русской литературы, он залог того, что линия Пушкин – Толстой не оборвется. На мелкотравчатом пути современной литературы он нечто прочное и непоколебимое, нечто в то же время стихийное. В Белом сглаживаются все противоречия, в том числе и разлад между интеллигенцией и народом. Одним словом, говоря языком Эвклида, Андрей Белый – аксиома, предпосылка всех предпосылок»[46]. Белый изо дня в день участвовал в работе «Вольфилы» во время своего пребывания в Петрограде в феврале–июле 1920 г. и в апреле–сентябре 1921 г.; он прочел курсы лекций «Культура мысли» (9 лекций, 9-30 марта 1920 г.) и «Антропософия как путь познания» (9 лекций, 15 мая – 20 июня 1920 г.)[47], регулярно предсе-

---

[42] Андрей Белый. На перевале. I. Весенние мысли // Наш путь. 1918. №2 (май). С.125.

[43] См.: Иванова Е.В. Вольная Философская Ассоциация: Труды и дни // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С.3-77; Белоус В.Г. Петроградская Вольная Философская Ассоциация (1919-1924) – антитоталитарный эксперимент в коммунистической стране. М., 1997.

[44] «Вольфила» // Жизнь. 1922. №1. С.174. Согласно убедительному предположению В.Г.Белоуса, републиковавшего эту анонимную заметку (Вопросы философии. 1996. №10. С.119-120), автором ее был Андрей Белый. См. также статью Белого «Вольная Философская Ассоциация» (Новая русская книга. 1922. №1. С.32-33).

[45] *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.11. Л.7. Приведено в статье В.Г.Белоуса «Испытание духовным максимализмом. О мировоззрении и судьбе Р.В.Иванова-Разумника» (Литературное обозрение. 1993. №5. С.30).

[46] Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. Указ. изд. С.33.

[47] Андрей Белый. Себе на память // *РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.96. Л.11об.-12. См. также: Белоус В.Г. Андрей Белый – председатель Вольной Философской Ассоциации (Вольфилы) // Вопросы философии. 1996. №10. С.113-122.

дательствовал на заседаниях и участвовал в прениях, выступал с собственными докладами. «Вольфильские» периоды жизни Белого были и временем его интенсивного общения с Ивановым-Разумником; документальное подтверждение этого – большое количество материалов, отражающих работу Белого в Ассоциации, которые сохранились в архиве Иванова-Разумника[48]. Свидетельством их совместной «вольфильской» деятельности является и книга «Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А.З.Штейнберг» – стенографический текст выступлений на 83-м открытом заседании «Вольфилы» 28 августа 1921 г., посвященном памяти ушедшего поэта. Эта небольшая книга, отпечатанная в начале января 1922 г., осталась единственным увидевшим свет изданием, подготовленным «Вольфилой»; материалы других заседаний опубликовать не удалось, не осуществились также идея «вольфильского» журнала[49] и замыслы периодических изданий, вынашивавшиеся Ивановым-Разумником в 1922 г., – ближайшим сотрудником которых предполагался опять же Андрей Белый (хотя и находившийся тогда за границей)[50].

Двухлетний перерыв в общении руководителей «Вольфилы» – а фактически и в переписке (поскольку ни одного письма Иванова-Разумника за это время до Белого не дошло) – был вызван отъездом Белого за границу осенью 1921 г. А.З.Штейнберг свидетельствует, что Иванов-Разумник, бывший принципиальным противником эмиграции из России, делал исключение для Андрея Белого; более того, был посвящен в план нелегального перехода через границу, который намеревался совершить Белый (отчаявшийся, после неоднократных попыток, добиться от советских властей зарубежной визы) вместе со Штейнбергом[51]. План, впрочем, сорвался, однако разрешение на выезд из страны было, в конце концов, получено от официальных инстанций.

Обстоятельства двухлетнего пребывания Белого в Германии хорошо известны по многочисленным мемуарным свидетельствам и документальным публикациям; отразились они и в письмах Белого Иванову-Разумнику из Берлина и более поздних. Пройдя тогда через один из наиболее тяжелых, кризисных периодов своей жизни, включавший драму окончательного расставания с женой, временное разуверение в антропософии, ощущение гибельной растраты самого себя в условиях чужого и чуждого, специфически «берлинского» быта, Белый оказался на пороге полного отчаяния, в духовном тупике, и готов был с благодарностью принять любую помощь и поддержку – в особенности если она открывала перспективу кардинального изменения столь опостылевшего ему жизненного уклада.

Такая помощь пришла из Москвы: в Берлин приехала близкая знакомая Белого по Московскому Антропософскому обществу К.Н.Васильева (впоследствии – спутница жизни Белого и вторая его жена), которая склонила его принять решение о возвращении на родину, в круг друзей и единомышленников.

---

[48] См.: Лавров А.В. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С.40-46.

[49] См.: Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. Указ. изд. С.98-101.

[50] В архиве Иванова-Разумника сохранился проект содержания «неосуществленного весною 1922 журнала изд<ательст>ва "Эпоха"» (1-й номер намечено было выпустить в марте 1922 г.), редакция которого замышлялась из 5 человек (Андрей Белый, Иванов-Разумник, Конст.Эрберг, Д.Пинес – секретарь редакции, Е.Я.Белицкий – представитель издательства); проект (автограф Иванова-Разумника) включал подробную роспись содержания №1 журнала «Эпоха» (общий объем 17 1/2 печ. л.): Вступительная статья; Влад. Гиппиус – «Лик человеческий», поэма, песни I-IV; Елена Данько – «Простые муки»; Александр Блок – Письма к Андрею Белому (1903-1905); Андрей Белый – «Вячеслав Иванов» (вероятно, подразумевалась статья «Сирин ученого варварства»); Конст.Эрберг – «По нагорьям искусства», «По нагорьям мысли»; вписано: «Из глубины», «Смена вех», «Логика» <Н.О.> Лосского; Андрей Белый – «Глоссолалия» (первоначально было: «О смысле познания»); М.Гершензон – «Труд»; А.Штейнберг – «Достоевский», гл.I-II; отделы «Хроника искусств и философии», «Библиография». Составлен был Ивановым-Разумником также развернутый перечень имен предполагаемых участников «Эпохи» («Материал для дальнейших №№-ов»), распределенных по трем рубрикам: «Стихи», «Проза», «Статьи»; имя Белого обозначено во 2-й и 3-й рубриках (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.147). См. также: Иванова Е.В. Вольная Философская Ассоциация: Труды и дни. Указ. изд. С.21-22. Более черновой и эскизный характер имеет проект содержания журнала «Основы» (редакторы – Иванов-Разумник и С.Д.Мстиславский), зафиксированный в записной книжке Иванова-Разумника (видимо, в конце 1922 – начале 1923 г.); в набросках содержания двух номеров, январского и февральского, значится: «Блок – Белый» (возможно, подразумевается публикация писем Блока к Белому, анонсировавшихся и в проекте «Эпохи»); из своих произведений Иванов-Разумник предполагал поместить в «Основах» воспоминания, статью о В.Хлебникове и Е.Гуро, а также философскую работу «Оправдание человека»; в набросках содержания №2 «Основ» значится роман Е.Замятина «Мы» (Там же. Ед.хр.5. Л.3об., 6об.- 7).

[51] См.: Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. Указ. изд. С.110-113.

Когда он еще жил в Германии, в Петрограде в 1923 г. вышла в свет книга Иванова-Разумника «Вершины», в которой были собраны статьи критика о Блоке и Белом[52]. Утверждая их «"вершинность" в горной цепи литературы XX столетия, тесно связанной с вершинами предыдущего века», Иванов-Разумник подчеркивал, что двух корифеев символизма роднят с классиками минувших эпох русской литературы неуспокоенность, неустанный поиск ответа на «проклятые вопросы» своего времени[53]. В книгу вошли статьи «Андрей Белый» (1915) и «Весть весны» (1918) – о поэме Белого «Христос воскрес»[54], а также две работы о романе Белого – «К истории текста "Петербурга"» (1923) и «Петербург» (1923). Последние две статьи (впервые опубликованные в «Вершинах» после выхода в свет сокращенной авторской, так называемой «берлинской» редакции «Петербурга») заслуживают особенного внимания. Пользуясь двумя опубликованными, а также суммарно характеризуя другие, неизданные редакции текста романа, Иванов-Разумник наглядно продемонстрировал развитие авторского замысла; сопоставив в различных аспектах пространную «сиринскую» редакцию (1913) с сокращенной «берлинской» (1922), он показал связь между эволюцией «идеологии» «Петербурга» – отмеченной ослаблением «воинственно-отрицательного отношения к революции и социализму»[55] – и изменениями в ритмической организации и изобразительных средствах романа. Две статьи о «Петербурге» в «Вершинах» были уже не критическими откликами, а, по сути, первыми исследовательскими интерпретациями романа Белого. Белый оценил работу Иванова-Разумника предельно высоко (п.129, 132), сам же автор впоследствии, в письме к А.Г.Горнфельду от 8 мая 1934 г., называл статью «Петербург» «лучшей из всех своих статей»[56].

«Вершинам» суждено было стать последней книгой Иванова-Разумника, в которой он мог дать свою трактовку явлений новейшей русской литературы и сформулировать свои критические оценки.

После этого деятельности Иванова-Разумника как критика и публициста, активно участвовавшего в живом литературном процессе на протяжении двух десятилетий, в советской печати был поставлен прочный заслон; критик попал в негласный проскрипционный список «нежелательных» авторов, даже самое литературное имя его стало считаться крамольным: приходилось выступать под новыми псевдонимами, а то и анонимно[57]. Не вышли в свет подготовленные в издательстве «Эпоха» 2-й выпуск сборника статей Иванова-Разумника под заглавием «Заветное», и его же сборник «Скифское. Статьи о духовном максимализме» (в двух выпусках); объявленные издательством «Колос» книги Иванова-Разумника «Россия и Европа» и «Оправдание человека» также не осуществились. Составленный Ивановым-Разумником сборник статей «Современная литература» увидел свет, после длительных проволочек, без обозначения имени составителя; свою обзорную статью о литературе пореволюционных лет «Взгляд и Нечто. Отрывок (К столетию "Горя от ума")» (1924) он напечатал в нем под псевдонимом Ипполит Удушьев: фамилия литератора, фигурирующего в монологе Репетилова, недвусмысленно указывала на состояние, до которого довели автора статьи.

«Ипполит Удушьев» сумел все же в последний раз сформулировать в печати представления Иванова-Разумника о русском литературном процессе первых десятилетий XX века и о «вершинности» символизма в нем; символистскую эпоху критик определяет как подлинный «золотой век» новейшей словесности, литературная же действительность начала 20-х годов в сравнении с ней – «серебряный век», не давший принципиально новых открытий и больших достижений, отмеченный «понижением духовного взлета при кажущемся повышении технического уровня, блеска формы»[58]. Новейшие произведения Андрея Белого – «Глоссолалия», «Преступление Николая Летаева» («вне сравнений с произведениями "молодой" литературы») – упоминаются в статье как знамения «золотого века» символизма, который для Иванова-

[52] Впервые в неполном объеме эти статьи были объединены в книге Иванова-Разумника «Александр Блок. Андрей Белый». (Пб., 1919).

[53] *Вершины*. С.10.

[54] Эта статья представляла собой часть ранее опубликованной статьи Иванова-Разумника «Россия и Инония», посвященную анализу поэмы Белого.

[55] *Вершины*. С.150.

[56] Новое литературное обозрение. 1998. №31. С.233.

[57] В очерке «Задушенные» (1942) Иванов-Разумник сообщает: «Когда в 1923 году вышла в издательстве "Колос" моя книга "Вершины" – цензура предложила издательству впредь не предъявлять для цензурования книг этого автора, ибо они вообще, независимо от их содержания, пропускаться не будут» (Возвращение. Вып.1. М., 1991. С.332). О литературно-критической деятельности Иванова-Разумника после выхода «Вершин» см.: Перхин В.В. Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. СПб., 1997. С.176-180.

[58] Современная литература: Сборник статей. Л., 1925. С.161-162.

Разумника – обещание и гарантия грядущей обновленной культуры: «...для меня подлинная литературная современность – не Пастернак, а Блок, не Эренбург, а Белый. С этими спутниками я не боюсь за будущее, за литературный путь; с ними я твердо знаю: пойду сегодня, приду завтра. И пусть даже не приду, не дойду, – а ведь я знаю, что не дойду, – что за беда! вместо меня дойдут другие»[59].

Ноты обреченности, звучащие в заключительных строках «Взгляда и Нечто», позволяют судить о внутреннем состоянии литератора, отрешенного от литературной и общественной жизни, лишенного возможности не только печатного, но и «устного» самовыражения: продолжавшаяся более четырех лет чрезвычайно интенсивная деятельность «Вольфилы» прекратилась, в 1924 г. Ассоциация была закрыта властями[60]. По горькой иронии судьбы, «Вольфила» в самый момент ее зарождения предстала для большевистской власти в криминальном свете: при аресте Иванова-Разумника в феврале 1919 г. основанием для последующих арестов послужила изъятая чекистами его записная книжка, в которую был занесен список фамилий предполагаемых участников замышляемой «Скифской Академии» – будущей «Вольфилы»[61]. В последующие годы репрессивные инстанции руководствовались уже не записями Иванова-Разумника, а собственными реестрами: в большинстве своем «вольфильцы», оставшиеся в России, пройдут через тюрьмы и лагеря либо будут истреблены как «антисоветчики» и «контрреволюционеры». Для самого Иванова-Разумника открывающиеся перспективы были предельно ясными; в письме к Ф.И.Седенко (П.Витязеву), руководителю издательства «Колос», от 25 марта 1926 г. он делился неутешительными прогнозами на будущее: «Всех нас лопает Левиафан "советской общественности"; думаю, что слопает когда-нибудь и индивидуально. Я уже очень близок к этому состоянию: впереди работы – никакой <...> вообще – крышка. Еще немного побарахтаюсь в пасти Левиафана, а потом, знаю: ам! – и нет меня»[62].

«Бывший литератор» (как называл себя Иванов-Разумник в письме к тому же корреспонденту от 26 февраля 1928 г.)[63] вынужден был искать новые возможности заработка. Он занимается переводами современных западноевропейских романов для петроградских издательств – становится, по его словам, «горе-переводчиком»[64], редактирует статьи для энциклопедического словаря и получает, наконец, возможность выступить на историко-литературном поприще – в амплуа интерпретатора явлений и имен давно прошедших десятилетий Иванов-Разумник еще был, до поры до времени, приемлем. Чрезвычайно интенсивная работа над подготовкой собраний сочинений М.Е.Салтыкова-Щедрина и А.Блока и монографии о Салтыкове, над изданиями воспоминаний И.И.Панаева, А.А.Григорьева, Н.И.Греча и других книг отнимает у него все силы, но не приносит необходимого материального достатка: беспросветная нужда становится единственно стабильным атрибутом быта.

В сходном положении отчужденности от литературной жизни и бытовых лишений оказался и Андрей Белый, вернувшийся в Москву в конце октября 1923 г. М.О.Гершензон писал о повсеместном равнодушии к Белому после его возвращения из Берлина[65]. В отличие от Иванова-Разумника, занимавшего последовательно жесткую, бескомпромиссную позицию по отношению к утвердившемуся режиму, Белый стремился всячески подчеркивать свою политическую лояльность и готовность влиться в строй писателей-«попутчиков»[66], но восстановлению прежнего «внешнего» литературного статуса эти усилия мало способствовали. Невостребованность Белого советской литературной общественностью середины 1920-х годов во многом определялась тем, что его творчество получило однозначно негативную оценку в книге Л.Д.Троцкого «Литература и революция» (1923) – оценку, которая по тем временам воспринималась законопослушными литераторами как верховный и окончательный вердикт. Связи, наладившиеся у Белого со «сменовеховским» журналом «Россия» И.Лежнева и с артелью пи-

---

[59] Современная литература. Указ. изд. С.174, 168, 181.
[60] См.: Иванова Е.В. Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни. Указ. изд. С.22.
[61] Иванов-Разумник Р.В. Тюрьмы и ссылки. Н.-Й., 1953. С.39-40.
[62] *РГАЛИ*. Ф.106. Оп.1. Ед.хр.64.
[63] Там же.
[64] На экземпляре переведенного им романа Франсиса Карко «Банда» (Л., 1926) Иванов-Разумник сделал дарственную надпись: «Дорогому Федору Кузьмичу Сологубу, мастеру перевода от горе-переводчика. Р.Иванов. 14 мая 1926. СПб.» (Библиотека ИРЛИ. Шифр 84 9/72).
[65] См. письмо М.О.Гершензона к Л.И.Шестову от 3 мая 1924 г. (М.О.Гершензон. Письма к Льву Шестову (1920-1925) / Публикация А.Д'Амелиа и В.Аллоя // Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. Paris, 1988. С.299-300).
[66] См.: Богомолов Н.А. Андрей Белый и советские писатели: К истории творческих связей // *Андрей Белый. Проблемы творчества.* С.325-327.

сателей «Круг», были непрочными и достаточно формальными; они не стали компенсацией тому ощущению собственного изгойства, которое испытывал Белый по отношению к столичной писательской среде. В автобиографическом очерке «Почему я стал символистом...» (1928) он так охарактеризовал эту пору своей жизни: «Я был "*живой труп*"; "*В<ольная> ф<илософская> а<ссоциация>*" – закрыта; "*А<нтропософское> о<бщество>*" – закрыто; журналы – закрыты для меня; издательства закрыты для меня; был момент, когда мелькнула странная картина меня, стоящего на Арбате... с протянутой рукою: "Подайте бывшему писателю"»[67]. В письмах Белого к Иванову-Разумнику, относящихся к последнему десятилетию жизни писателя, вырисовывается впечатляющая картина его «трудов и дней»: сложная издательская судьба книг, наталкивающихся на непонимание и неприятие, аресты близких людей, бытовые неурядицы и неустроенность, из ряда вон выходящая даже на фоне общей «коммунальной» неустроенности тех лет.

В этих обстоятельствах Белый воспринимает Иванова-Разумника как своего самого близкого друга и духовного «сочувственника». Ощущение себя вне литературы, вне привычной журнальной, литературно-организационной, лекционной работы, вне широкого круга слушателей и собеседников, за невозможностью регулярных выступлений в печати, побуждает Белого к активизации переписки, которая на свой лад заменяет эту, внутренне необходимую ему «общественность». Многие его письма к Иванову-Разумнику превращаются в развернутые импровизации на самые разнообразные темы, часто весьма далекие и от повседневной жизни Белого, и от собственно литературной проблематики. Поселившись в 1925 г. в подмосковном Кучине и тем самым внешне отгородившись на своем «таинственном острове» от чуждой и враждебной Москвы[68], Белый ревностно оберегал суверенитет и самодостаточность своего малого мира, открытого лишь немногим, и среди них – Иванову-Разумнику. В письмах к нему он постоянно отмечает пугающие приметы нового времени – эпохи вырождения, перемены в окружающем мире, где спонтанно нарастает одичание, оскотинивание людей («чтобы жить, надо заносорожиться и забегемотиться» – п.154) и планомерно ведется ломка человеческого естества, разрушение духовных основ жизни и выворачивание наизнанку моральных критериев. Характерен пристальный интерес Белого к фиксации происходящих природных катаклизмов и аномалий: для него, еще в юношескую пору «зоревых» медитаций видевшего в естественных феноменах знаки и «тайные» указания, наблюдаемые «катастрофы» и странные явления в природе, безусловно, осознавались в плане символических соответствий с катастрофами социальными – как зримые отражения гибельных и «непонятных» начал, все отчетливее ощущаемых в живой повседневности. Неприятие установившегося политического режима, вкупе с ясным осознанием собственной незавидной участи в условиях его существования, подспудно пронизывает всю переписку; безусловно, в личном общении писателей эти настроения проявлялись в более резкой и обнаженной форме[69].

Прежние революционно-экстатические мотивы уходят из переписки Белого и Иванова-Разумника, сквозной же становится тема насильственного, вынужденного молчания. «Деятель-

---

[67] Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.483. Весьма выразительно Белый обрисовал ситуацию, в которой он оказался по возвращении на родину, и собственную позицию в этих условиях в письме к В.Э.Мейерхольду от 5 марта 1927 г.: «...если бы несколько лет назад меня грубо не вытолкали б из всех обителей русской культуры, если бы не закопали бы заживо *человека*, который (это я знаю *хорошо*) может быть полезным, *имеет что сказать, чего другие не имеют*, я бы с головой ушел в ритм социального выявления и жил бы той атмосферой, которой некогда жил в "*Вольфиле*" <...> Так, как поступили со мной, хуже расстрела: живого, полного энергии человека *заживо* закопали. Но он, из своего гроба, создал себе *новое воскресение*; он вышел из социального гроба в отшельничество, уселся за книги, за мысли. И стал еще *живей*, чем прежде. <...> Некогда я, бросив монументальные творческие планы, весь ушел в деятельность общественную; и был там, как рыба в воде; но рыбу заставили жить в воздухе, лишили "*живой воды*". Я стал жить воздухом; не зовите меня обратно в "*воду*". Москва, поездки туда, все предложения, какие мне делают, отдаются мне *болью*. Ведь работать *во весь голос* с людьми мне *нельзя* (сами знаете!). И стало быть: надо работать без людей, но *для людей*: для будущего» (*РГАЛИ*. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1160).

[68] Белый снял «две комнатки на зиму» в Кучине в августе 1925 г.: «...так начинается мне мой "*таинственный остров*" Кучино, откуда я изредка, с опаской ныряю в столь опостылевшую мне Москву» (*РД*. Л.122).

[69] Ср. приводимый в воспоминаниях И.Д.Авдиевой эпизод (по всей вероятности, записанный со слов Иванова-Разумника):

«Андрей Белый спросил однажды Разумника Иванова: "Принимая во внимание, что Россию угнетали Романовы в течение 300 лет, сколько лет может продлиться большевистский террор?"

Разумник Васильевич ответил: "Конца мы не увидим, ибо нас уже не будет"» (Новое о Сергее Гедройц / Предисловие, публикация и комментарии А.Г.Меца // Лица: Биографический альманах. Вып.1. М.; СПб., 1992. С.302).

ность нам закрыта. Книги наши конфискуют. Рот забит тряпкой», – пишет Иванов-Разумник Белому 7 декабря 1923 г., размышляя об участи представителей «России №3», России будущего (п.135). Участь этой «России №3», принадлежность к которой ощущали в себе в 1920-е гг. оба корреспондента, символически отображена в романе Андрея Белого «Москва» (задуманном тогда же, когда было получено цитированное письмо) – в кульминационной сцене истязания профессора Коробкина, у которого в непереносном смысле «рот забит тряпкой», буквально по слову Иванова-Разумника[70].

Роман «Москва» (1925), со всеми невероятностями своего сюжета и гротескными чудовищностями образной ткани, только десятилетия спустя начинает прочитываться в своем провиденциальном смысле, под знаком того исторического опыта, которого Белый еще не мог иметь, но который, благодаря его «уникальной чуткости к широчайшим, всемирно-историческим движениям и сдвигам мировой истории», имплицитно организует и проясняет весь текст: «Бесовство перестает быть мороком и наваждением, оно становится частью жизни, влезает, въедается в нее, растет и ветвится вместе с нею. И это, может быть, самое глубокое прозрение Белого-визионера <...> он чует то, что бывает сокрыто от высоких умов: перистальтику эпохи»[71]. Современный культуролог видит в «Москве» Белого книгу-пророчество, подобную «Бесам» Достоевского: «... это упреждающее описание московских (!) процессов конца тридцатых, со всеми если не деталями, то элементами: мировой заговор против России, германский (а не какой другой) шпион, борьба вокруг научного открытия “оборонного” значения, следственные пытки. <...> “Москву” нужно назвать проникновением в метапсихологию советской власти, а еще лучше сказать, в терминах Юнга, в ее архетипы»[72]. Иванов-Разумник встретил новый роман Белого с воодушевлением[73], и приходится сожалеть, что он так и не довел до окончательного воплощения начатую им большую работу, посвященную анализу содержания и поэтики «Москвы»[74] – наподобие его статьи «Петербург», опубликованной в «Вершинах»; понимая, что напечатать эту работу ему в существующих условиях не удастся, критик откладывал реализацию замысла до лучших времен, уделяя основное время историко-литературным трудам и вынужденной поденщине, писать же «в стол» не оставалось сил.

В 1927 г. Белый совершил первую свою поездку в Закавказье. Пребывание там оказалось для него первой попыткой выхода из кучинского «затворничества» и вхождения в современную социальную и литературную действительность. Это вхождение проходило достаточно «мягко»: в Грузии идеологический пресс ощущался слабее, чем в Москве, Белого окружали грузинские поэты, воспитанные на символистской культуре и ценившие его как живого классика, ему открылась возможность вновь выступать перед широкой аудиторией. Последующие годы характеризуются нарастающей вовлеченностью писателя в орбиту советской литературной жизни. Творчество Белого сознательно разделяется на два потока – «цензурное», осуществляемое по издательским договорам и применительно к условиям цензурной проходимости, и «нецензурное» – то, что писалось без надежды на опубликование в обозримом будущем, адресованное «России №3» и для чтения в узком кругу друзей и единомышленников-антропософов. В «нецензурной» ипостаси Белый продолжает безоглядно утверждать верность себе и дорогим ему идеалам, даже в заглавии его автобиографического очерка (1928) – гордое провозглашение: «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития»; «цензурная» же артикуляция писателя зачастую включает казуистические пассажи с использованием современной «марксистской» фразеологии, изощренные попытки интерпретировать то или иное явление в приемлемом для советской идеологической системы ракурсе. Белый остро ощущает усиление тоталитаризма в стране, стоически переживает сужение вокруг себя кольца репрессий (П.Н.Зайцев приводит его слова, про-

---

[70] Возможно, в этой сцене романа отразились также впечатления Белого от очерка Е.И.Замятина «Роберт Майер» (Берлин; Пб., 1921), в котором, в частности, рассказывается о том, как гениального ученого заключили в сумасшедший дом, где его привязывали к стулу (С.48-49). К.Н.Бугаева свидетельствует, что этот фрагмент очерка произвел на Белого исключительно сильное впечатление (*Бугаева*. С.149).

[71] Аннинский Л. На кровях. Андрей Белый: путешествие из «Петербурга» в «Москву» полтора века спустя после Радищева и полтора десятилетия спустя после Ленина // Вопросы литературы. 1990. №11/12. С.16, 15.

[72] Парамонов Б. Маркиз де Кюстин: интродукция к сексуальной истории коммунизма // Парамонов Б. Конец стиля. СПб.; М., 1997. С.397.

[73] 8 мая 1934 г. Иванов-Разумник писал А.Г.Горнфельду о «Москве» и ее продолжении – романе «Маски»: «Это – потрясающие вещи, особенно “Москва” (“Маски” – слабее, но еще изумительнее по технике)» (Новое литературное обозрение. 1998. №31. С.234).

[74] В архиве Иванова-Разумника сохранились подготовительные материалы к работе о «Москве» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.78, 79).

изнесенные в начале января 1930 г.: «Надо заковать себя в сталь <...>, надо держаться, как держатся солдаты в окопах, несмотря на то, что каждая минута угрожает гибелью»[75]) – и в то же время старается увидеть позитивные сдвиги в окружающей жизни, обрести живую связь с новой действительностью, поддерживать контакты с писателями, вошедшими в литературу в пореволюционные годы. Едва ли эти усилия были сплошным самообманом, еще в меньшей мере – циничным приспособленчеством. Как известно, попытки «меряться пятилеткой», войти в согласие с новыми жизненными ритмами предпринимали в те годы и другие писатели, сформировавшиеся в «досоветскую» эпоху; Белый в этом отношении лишь отражал на свой собственный лад общую тенденцию.

Иванов-Разумник, реагировавший на все специфически «советское» даже не с ненавистью, а с презрением[76], относился к «конформистским» уклонам Белого без сочувствия и всячески пытался им противодействовать. В воспоминаниях он так охарактеризовал атмосферу их взаимоотношений на рубеже 1920–1930-х гг.: «Давняя дружба соединяла нас, но за последнее время стали омрачать ее непримиримые политические разногласия; не то, чтобы черная кошка пробежала между нами, но черный котенок не один раз уже пробовал просунуться, – с тех пор, как в книге "Ветер с Кавказа" Андрей Белый сделал попытку провозгласить "осанну" строительству новой жизни, умалчивая о методах ее»[77]. Этот «черный котенок» почти не заметен в переписке (в которой, однако, с годами все реже затрагиваются острые общественные проблемы), но, безусловно, он неоднократно «просовывался» в ходе личного общения. Споры и разногласия стали особенно напряженными в 1931 г., когда Белый прожил в течение нескольких месяцев рядом с Ивановым-Разумником в Детском Селе. В этом же году Белый испытал тяжелейшее потрясение – арест К.Н.Васильевой и других ближайших ему людей из круга московских антропософов, изъятие органами ГПУ его архива. Хотя энергичные хлопоты Белого дали свой результат: К.Н.Васильеву сравнительно быстро выпустили на свободу, часть рукописей вернули, – для психологического состояния Белого происшедшее, видимо, имело необратимые последствия: писатель готов теперь внутренне капитулировать перед «Левиафаном советской общественности».

Д.Е.Максимов в своих записях по следам беседы с К.Н.Бугаевой (январь 1944 г.) отмечает, что отношения Белого и Иванова-Разумника в 1932 «испортились»: «С тех пор близости между ними не было»[78]. Сохранился черновик письма Белого – видимо, неотправленного – к Д.М.Пинесу, другу и литературному соратнику Иванова-Разумника, относящийся к началу 1932 г.; он написан после возвращения Белого и его жены (брак с К.Н.Васильевой был зарегистрирован сразу после ее освобождения) из Детского Села в Москву и в перспективе новой поездки в Детское Село, чтобы собрать оставшееся там имущество и переправить в Москву. «...*Не до Детского!* – восклицает Белый. – Скажу больше: *н-е х-о-ч-у в Д-е-т-с-к-о-е*, из которого уехали морально разбитые; и при всех внешних сложностях *внутренне* отдохнули, пришли в себя: в Москве; и теперь – (Вы удивитесь?) – смотрю со страхом даже на те немногие дни, которые придется провести в Д<етском> при укладке и отправке вещей <...> все эти недоразумения в понимании слов, обещаний, шуток, идеологий, интересов между мной и Р.В. <...>, едва сдерживаемые (с октября до отъезда) усилиями К.Н., силившейся от меня заволакивать то, что в иные минуты <...> казалось "*бездной*", которой не было, которая стала подозреваться и до переезда в Детское <...>, – "*бездной*", развернувшейся между мною и Р.В.; вероятно, это просто разные ритмы жизни; "конкретное" мне – ему абстрактно, враждебно, ненавистно до... чертиков <...> Недаром нас разделяет Клюев и Сологуб, которых ценю, но которых... не *л-ю-б-л-ю*, так точно, как Р.В. не любит "*героев моего романа*"; наши перманентные при о Гоголе; он "*грыз*" меня с сентября, устраивая каждый день "*маленькие неприятности*" моей работе, как умея только до – "*ненавижу Гоголя*", "*ненавижу все, что ни коренится в Г<оголе>*" с подчерком: "*Не думайте, что люблю вас, как писателя: ц-е-н-ю, ненавидя собственно*"... То, что он кидался на меня, когда я читал по просьбе других отрывки-черновики, – лишь следствие каждодневных разговоров, в которых "*приятная соль*" была всегда солью присыпаемою с какой-то странной веселостью: причинить *боль для боли*. Вот почему *рефе-*

---

[75] Зайцев П.Н. Воспоминания об Андрее Белом / Публикация, вступительная статья и примечания В.П.Абрамова // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.98.

[76] Ср. дневниковую запись М.М.Пришвина о разговоре с Ивановым-Разумником 14 января 1937 г.: «Еще было: я сказал: "Злость у меня в душе". – "Нет, – ответил он, – это не злость, а презрение"» (Пришвин М. Дневник 1937 года / Публикация Л.А.Рязановой // Октябрь. 1994. №11. С.147).

[77] Иванов-Разумник Р.В. Тюрьмы и ссылки. Указ. изд. С.178.

[78] Максимов Д.Е. Мои интервью. (Частное собрание).

ратные дебаты так нервили меня: нервила подоплека; не *по-доброму*, не по-вольфильски он прел со мной: *л-и-ч-н-о*! И я, допуская право как угодно ругать меня, не прощаю ноты *личной озлобленности*; тут я очень чуток; и – увы – не "зло-памятлив", а просто: "*памятлив*"». Весь этот выплеск аффектированных эмоций, впрочем, завершается более спокойно и примирительно: «Знаю, что неравновесия меж мною и Разумниками, как столкновения двух ритмов жизни, изгладятся скоро и останется к Р.В. дружба, любовь и огромное уважение; но, видя его сейчас одержимым мне чуждыми настроениями, лучше временно отдалиться друг от друга»[79].

Как видно из этого письма, в кругу основных причин – или поводов – для напряженности в отношениях оказалась работа над исследованием «Мастерство Гоголя»; Белый писал эту книгу в Детском Селе с сентября 1931 г. (пользуясь, вероятно, богатейшей библиотекой Иванова-Разумника). В дискуссиях, возникавших по ходу работы над этой книгой, сказывались более общие причины разногласий, обусловленные тем, что Белый и Иванов-Разумник придерживались во многом различных правил общественного поведения и литературного самовыражения: ригористическая бескомпромиссность Иванова-Разумника противостояла компромиссной гибкости и «соглашательству» Андрея Белого (за которыми часто скрывалось стремление совладать с противником, пользуясь его же собственным оружием). Связанный договором с Государственным издательством художественной литературы, Белый стремился к тому, чтобы предпринятый им скрупулезнейший анализ писательской техники Гоголя не противоречил подходам социологического литературоведения, занимавшего тогда господствующие позиции и пользовавшегося официальным признанием (отсылки к суждениям о Гоголе В.Ф.Переверзева, патриарха социологического метода, неоднократно встречаются в книге).

Именно эти попытки сочетать фронтальное микроскопическое рассмотрение изобразительных средств, приемов сюжетосложения, стилевой фактуры произведений Гоголя (во многом предвосхитившее позднейшие методы структуральной поэтики) с толкованиями «классового» характера, инородными по отношению к исследовательским принципам Белого и чаще всего натянутыми, вызывали у Иванова-Разумника неприятие; не соглашался он – всегда отрицательно оценивавший творчество Д.С.Мережковского – и с теми интерпретациями Белого, которые были как бы подсказаны Мережковским и его методом субъективных аналогий (книга Мережковского о Гоголе в свое время оказала на Белого исключительно сильное воздействие, и генетические нити, восходящие к Мережковскому, в «Мастерстве Гоголя», безусловно, прослеживаются). О том, что именно эти две тенденции в исследовании Белого становились предметом споров и разногласий, свидетельствует сам Иванов-Разумник в письме к К.Н.Бугаевой от 1 июля 1934 г., написанном по прочтении «Мастерства Гоголя» (вышедшего в свет уже после смерти Белого, в апреле 1934 г.)[80]:

«...я эту книгу читаю (параллельно с самим Гоголем) уже в третий раз с карандашом в руке. Книга изумительная, – но кто же из нас не знал, что Б.Н. – гениальный человек, оживотворявший все, к чему бы ни прикоснулся? Но Вы помните: и в Д<етском> Селе, когда Б.Н. писал (и читал нам) эту свою книгу – у нас вспыхивали «дискуссии»; как часто отражение их, полемическое, нахожу в тексте! И до сих пор для меня совершенно неприемлемы две стороны этой книги: «переверзевская» и «мережковская». Для меня это – темные пятна. Везде, где я встречаю: «не оттого ли», «не потому ли» (излюбленные обороты Мережковского) – хочется ответить: да вовсе не оттого! Но очень часто и без этих риторических вопросов конструкция мысли остается «мережковской». Таких мест (к моему горю) – сотни; ограничиваюсь лишь одним примером[81]. Хлестаков в трактире: насвистывает сперва бодро, из "Роберта", потом, начиная унывать, переходит на меланхолическое "Не шей ты мне, матушка", и наконец (надоело же ждать!) "ни то, ни се". Очень тонко и остроумно схвачено. А вот "мережковские" комментарии: героика "Роберта" (откуда мы знаем, что "героика"? а может быть, вальс?) есть переступление через узы родства: проклятый Петро (почему же, допустим, вальс из "Роберта"

[79] *РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.126.

[80] Ср. замечание в письме Иванова-Разумника к жене от 21 мая 1934 г.: «...читал "Мастерство Гоголя". Мы с тобой знаем по чтениям Б.Н. эту изумительную книгу (с рядом частностей которой я совсем не согласен), написанную у нас в Д<етском> Селе» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.200). В письме от 1 сентября 1935 г. Иванов-Разумник спрашивал А.Н.Римского-Корсакова, своего друга с юношеских лет (сын композитора, музыковед): «...читали ли то, выше чего давно уже не было в русской литературе: "Маски" Андрея Белого <...>, его же удивительное "Мастерство Гоголя" <...>»; в письме к нему же от 10 августа 1937 г. Иванов-Разумник подчеркивал: «И хотя, например, я признаю подлинно гениальным Андрея Белого, но это не мешает мне видеть глубокие провалы его и в "Масках" и в книге о Гоголе. Дружба – дружбой, а правда – правдой» (*РИИС*. Ф.8. Разд.VII. Ед.хр.216).

[81] См.: Андрей Белый. Мастерство Гоголя: Исследование. М.; Л., 1934. С.163.

есть преступление через род?); потом сентиментальный романсик “Не шей ты мне, матушка” оказывается лицом Поприщина с его “Матушка, пожалей о дитятке” (до чего же это ужасно “мережковское”!); наконец “ни то, ни се” есть перерождение дворянского рода в мещанство (а это уже – “переверзевщина”, под которой я понимаю давно уже огорчавшую и огорчающую меня до сих пор попытку Б.Н. натянуть на себя марксизм). Все это – глубоко неприемлемо для меня, и об этом у нас с Б.Н. – помните? – в Д<етском> Селе происходили частые споры; все такие места в книге – точно уколы иглы. Я понимаю и знаю, что Б.Н. считал, будто нельзя провести книгу через цензурно-издательские Фермопилы, не омарксистив ее, – и в этом он очень ошибался. Только что прочел замечательную книгу М.М.Пришвина “Золотой рог” (достаньте и прочтите) – совершенно не омарксиченную и вполне цензурную. А к чему привели попытки Б.Н. говорить о “классах”, о “динамике капиталистического процесса” и т.п.? К предисловию в “Начале века”[82]. Так и хочется спросить, в стиле этих же мест из книги Б.Н.: “что́, сынку́? Помогли тебе твои ляхи?”[83] Все это мне очень больно, и Вы простите меня, если я огорчил Вас этой последней страничкой; но думаю, что еще более огорчил бы Вас безусловным и неискренним восхищением перед посмертной книгой Б.Н.: разве Вам это нужно? Тем более, что всем остальным в книге (т.е. 3/4 ее) – я восхищаюсь, радуюсь читая; кстати – чудесные рисунки! как жаль, что их так мало! Все они – сам Б.Н.»[84]

После того как Белый уехал в конце марта 1932 г. из Детского Села, он с Ивановым-Разумником более не встречался, в сентябре того же года заглохла и их переписка. 2 февраля 1933 г. Иванов-Разумник был арестован и препровожден в ленинградский Дом предварительного заключения. Инкриминировалось ему руководство «Идейно-организационным центром народнического движения» (изобретенным в недрах ОГПУ). С размахом замышленное и сфабрикованное дело, по которому было привлечено всего 764 человека, закончилось для «теоретика» «контрреволюционной областной эс-эровско-народнической организации» сравнительно мягким приговором: постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 28 июня 1933 г. он был выслан в Новосибирск на 3 года[85]. В сентябре Иванова-Разумника этапировали в Новосибирск, но пробыл он там недолго, полтора месяца, после чего место ссылки было заменено на Саратов.

В Саратове Иванов-Разумник узнал о кончине Андрея Белого, последовавшей 8 января 1934 г. Подробно написали ему об этом, как сообщал Иванов-Разумник жене, М.М.Пришвин (а Л.М.Алпатов-Пришвин, сын писателя, прислал три фотографии Белого в гробу) и бывшая «вольфилка» Н.И.Гаген-Торн. Письмо Гаген-Торн сохранилось в архиве Иванова-Разумника:

> Дорогой Разумник Васильевич! Давно хотела написать Вам, но потеряла и только сейчас нашла Ваш адрес, данный мне Р.Я.[86] при отъезде. Хотелось написать, чтобы рассказать Вам о Борисе Николаевиче, в тот последний заезд к нему, когда я еще видела его живым, и о Клавдии Николаевне, которую видела, приехав на похороны. О смерти Вы знаете из газет и, по-видимому, пожалуй, только из газет, милый Разумник Васильевич, т<ак> к<ак> Спасские и Кл<авдия> Ник<олаевна> Вашего адреса не знают, а Р.Я. еще не вернулась. Заболел Борис Николаевич еще в Коктебеле, летом – было кровоизлияние в мозг, на почве склероза, но как-то никто этого не сумел определить и приписали солнечному удару[87]. Всю осень были мучительные го-

---

[82] Имеется в виду официозное предисловие Л.Б.Каменева к воспоминаниям Андрея Белого «Начало века» (М.; Л., 1933), в котором давалась исключительно резкая оценка символизма и его места в истории русской литературы и общественной мысли – в опровержение усилий, затраченных Белым на защиту символизма в этой книге. Ознакомившись с предисловием Каменева во второй половине ноября 1933 г., Белый пришел в негодование, у него резко ухудшилось состояние здоровья; от болезни он уже не смог оправиться. 11 мая 1934 г. Иванов-Разумник, отсылая жене экземпляр «Начала века», писал: «Я думаю, что Б.Н. в значительной мере сам виноват в предисловии; как оно ни плоско, но вызвано позицией “тихони”. Tu l'as voulu, George Dandin! Об этом, как помнишь, много было копий поломано с Б.Н. за чайным столом» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.200. Французская фраза – цитата из комедии Мольера «Жорж Данден, или Одураченный муж»: «Ты этого хотел, Жорж Данден!»).

[83] Цитата из «Тараса Бульбы»: слова Тараса сыну перед его убийством (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т.2. [Л.], 1937. С.143).

[84] *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.200. Ср.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.23. Указ. изд. С.441-442 (публикация В.Г.Белоуса).

[85] Архив РНБ. Ф.16. Следственное дело Иванова-Разумника (ксерокопия). Л.402.

[86] Роза (Рахиль) Яковлевна Мительман (Пинес; 1893-1938) – жена Д.М.Пинеса, врач Института охраны материнства и младенчества.

[87] В Коктебеле Белый и К.Н.Бугаева жили со второй половины мая 1933 г., 15 июля у Белого случился обморок с последовавшими сильными головными болями (врачебный диагноз: солнечное перегревание, сильный склероз); 29 июля Белый и К.Н.Бугаева выехали в Москву.

ловные боли, а лечили от невроза. Очень сильно повлияло на него предисловие Каменева ко II т<ому> воспоминаний ("Начало века"). Б.Н. был взбешен и выведен из себя. Случилось вторичное кровоизлияние 3/XII. 8-ого декабря его отправили в больницу, а 8-ого января – он умер. Все время – мучительные головные боли. И у меня впечатление – он, быть может, не до конца сознательно, но чувствовал – близость завершения итогов. Это было страшно ясно в последней прогулке с ним. Шли в Новодевичий монастырь, рассказывал он о могиле Соловьевых, о воспоминаниях, связанных с Новодевичьим. Был очень грустный. Начались головные боли опять. Но работал много – всю осень. Закончил III т<ом> воспоминаний и 2 главы IV т<ома>. Серг<ей> Дмит<риевич> отдал III т<ом> в Издат<ельство> Писателей[88]. Если у Вас нет "Начало века", дорогой Разумник Васильевич, я Вам пришлю на время свой экземпляр и постараюсь достать для Вас. Хорошо? Буду очень рада письму от Вас и известиям, как Вы живете. Часто вспоминаю Вас и Дм<итрия> Мих<айловича>[89]. Борис Ник<олаевич> в последнее свидание с ним много говорил о Вас. Кл<авдия> Ник<олаевна> – молодец. Привет сердечный.

21/I <19>34 г. Н.Гаген-Торн. <...>[90]

Отклики Иванова-Разумника на смерть Белого, помимо естественных чувств скорби и горького осознания утраты близкого человека, включали и память об охлаждении отношений и фактическом прекращении контактов, и уязвленность тем, что, оказавшись в ссылке, он принужден был отнести Белого к числу «старых друзей», «спрятавшихся в кусты»[91]: ни в Новосибирске, ни в Саратове письма от Белого он не получил. 28 января 1934 г. Иванов-Разумник писал жене, незадолго до того возвратившейся в Детское Село из Саратова: «Смерть Б.Н. поразила нас в первую минуту своей неожиданностью; после твоего отъезда, в полном одиночестве, я как-то острее почувствовал эту утрату. Совсем неважно, что за последний год все сношения наши с ним прекратились, что он и К.Н. неожиданно для нас оказались среди тех многих лиц, которых я характеризую именем их патрона – иже во святых отец наших св. мученика Труса. Мы целый год прожили с Бугаевыми и знаем человеческие, слишком человеческие слабости их (ведь и у нас есть свои), знаем детский эгоизм, недостаток мужества, приспособляемость. Мало ли чтó мы знаем! Но ведь не этим будет помянут Б.Н. даже как человек, а не как писатель. О писателе – что и говорить. Но когда человек уходит от нас – все мелкое невольно отпадает перед лицом смерти, и вовсе не фарисейской является народная латинская мудрость – de mortius nil nisi bene, о мертвых – только хорошее. И я вполне искренно забыл, без всякого усилия, все то теневое, что еще так недавно, еще месяц тому назад готов был ставить Б<орису> Н<иколаеви>чу в мелкую человеческую вину. Все это мелкое – было, но ведь не этим мелким связаны мы были целые двадцать лет. А потом в моем одиночестве очень остро чувствуется вот что еще: он ушел, и кроме Пришвина из старых литературных друзей никого больше не осталось. Я вчера написал об этом Михалмихалычу, говоря ему, что ведь и у него остался из литературных сверстников и друзей только я один. Убедительно просил его жить подольше и сам обещался приложить со своей стороны всякое старание.

---

[88] С.Д.Мстиславский; свое отрицательное мнение о рукописи 3-го тома воспоминаний Белого «Между двух революций» он изложил в беседе с автором 10 мая 1933 г. В «Объяснительной записке к письмам Андрея Белого и тезисам разговора с ним» (14 июля 1940 г.) Мстиславский сообщает: «Я пригласил Бориса Николаевича для того, чтобы, по поручению издательства "Советский писатель", в возможно мягкой форме сообщить ему мотивы, по которым Редсовет отклонил представленную им рукопись "Между двух революций" <...> От какой-либо переработки рукописи Белый, конечно, отказался наотрез: он все время возвращался к теме о праве мастера на свободный голос и выражал уверенность, что ему удастся настоять на напечатании рукописи в этом виде» (*РГАЛИ*. Ф.306. Оп.1. Ед.хр.118. Л.2, 5). Дополнительные пояснения имеются в записях Г.А.Санникова: «Мстиславский по роли рецензента или редактора изд<ательства> "Федерация" вызвал Белого к себе <...> и устроил ему "пытку", как сам Белый характеризовал этот разговор. Сделал разнос 1-й части книги "Между двух революций" (сданной для печати в "Федерацию") и намекнул, что он – Мстиславский - вместе с Корнелием Зелинским книгу забракует, если А.Белый не сгладит ряд характеристик, по их мнению, неправильных» (Цит. по комментариям В.Нехотина к письмам Андрея Белого Г.А.Санникову // Наше наследие. 1990. №5 (17). С.94). Рукопись воспоминаний «Между двух революций» Белый передал в «Издательство Писателей в Ленинграде» по предложению С.Д.Спасского незадолго до смерти (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С.79).

[89] Д.М.Пинес был арестован 26 января 1933 г. по тому же делу, что и Иванов-Разумник, приговорен к двум годам лишения свободы.

[90] *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.250.

[91] Письмо Иванова-Разумника к жене от 4 февраля 1934 г. // Минувшее: Исторический альманах. Вып.23. Указ. изд. С.426.

С теплым чувством вспомнил я и Сологуба, с которым мы так уютно прожили стена в стену целых два года[92]. Как крепко забыт он теперь! Через немного времени та же судьба постигнет и Белого. Все это поколение, по слову Герцена, должно еще быть засыпано слоем навоза (об этом уж постараются!), занесено снегом, чтобы пустить зеленые ростки и воскреснуть вместе с весной. Кстати о навозе: не сохранился ли у Р<имского->К<орсакова> посвященный Белому номер "Литературной Газеты"? – Когда-нибудь о Белом будут написаны тома, а пока – не следует ждать от упражнений ("у" – это только для вежливости) "Литературной Газеты" ничего другого, кроме того, что она может дать. <...> Написал письмо Кл<авдии> Ник<олаевне> – и между прочим не скрыл, что был огорчен их годовым молчанием и что сам поэтому не писал им первый, не зная – не напугает ли их появление письма. Но все это – в форме мягкой, чтобы не задеть ее больно в такие тяжелые дни»[93].

Указанное письмо к К.Н.Бугаевой нам не известно, ответ же ее Иванов-Разумник приводит в письме к жене от 4 февраля 1934 г., одновременно передавая частично содержание своего послания к вдове Белого: «Кл<авдия> Ник<олаевна> не обиделась на то, что я вполне откровенно сообщил ей, как грустно мне было, что Б.Н. и она были за последний год в числе тех друзей, которые оказались "в нетях"; что Б.Н., присылая свои "Маски" летом Вячшишу[94] (нашел кому!), не прислал их тебе для меня. Она пишет: "Так тронуло и взволновало Ваше письмо. Простите, что отвечаю открыткой. На письмо еще нет сил. Но напишу непременно. Теперь хочу только спросить: как лучше переправить Вам книги? Было бы жаль, если бы они пропали. Буду ждать Ваших указаний. – Едва ли сумею и в письме написать Вам как следует. Скажу еще только, что Б.Н. постоянно следил за Вами, помнил. В Коктебеле он не пропускал ни одного вновь приехавшего, чтобы о Вас не спросить. – И еще скажу: он отошел совершенно тихо, точно заснул. Ни агонии, ни мук. Легкий выдох – и все... Простите уж, что так бессвязно пишу. Хочу поскорее ответить. А сознание жизни сейчас такое странное. Милый, простите. Будем помнить и любить его вместе. Я знаю, что Вы его очень любили, как и он Вас любил и ценил всегда. Ваша К.Б." – Ну вот, почти всю открытку переписал»[95].

История взаимоотношений Андрея Белого и Иванова-Разумника имеет и свое послесловие.

Живя после окончания саратовской ссылки в 1936-1937 гг. в Кашире (под Москвой), Иванов-Разумник – как сообщал он в одном из писем – «работал в Госуд<арственном> Литерат<урном> Музее над Андреем Белым, величайшим из писателей XX-го века»[96]. Лишенный средств к существованию, Иванов-Разумник предложил тогда директору Государственного Литературного музея В.Д.Бонч-Бруевичу приобрести автографы писем Андрея Белого; в январе 1937 г. был заключен договор, согласно которому Иванов-Разумник передавал в Музей не только автографы, но и подготовленный к печати машинописный текст писем Белого со своими комментариями к ним (в договоре были закреплены 40 печ. листов текста писем и 5 печ. листов комментариев к ним)[97]. 5 июля 1937 г. Иванов-Разумник сообщал А.Н.Римскому-Корсакову: «1-го июля – день в день по сроку договора – я сдал Бончу свою работу. Как мне удалось в полгода поднять такой груз – сам удивляюсь: около 40 п. л. текста, который надо было в двух копиях сверить с оригиналом с точностью до запятой, да 10 печ. л. (вместо 5-ти договорных) комментариев и примечаний, в которых разработан архивный материал в много десятков печатных листов. Успел все это сделать в такой короткий срок лишь потому, что все полгода работал, не разгибая спины, с утра и до ночи, забыв о том, что на свете существуют книги, прогулки, отдых и прочие приятные вещи»[98].

---

[92] В середине 1920-х гг. Ф.Сологуб подолгу жил в том же доме №20 по Колпинской ул. в Детском Селе, где была квартира Иванова-Разумника.

[93] *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.200. Ср.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.23. Указ. изд. С.422-423. Отклики на смерть Белого содержатся в двух номерах «Литературной газеты» – от 11 января (некролог) и 16 января 1934 г. (статья А.Болотникова «Андрей Белый»).

[94] В.Я.Шишков, проживавший тогда в Детском Селе. Роман Белого «Маски» (М.; Л., 1932) вышел в свет в январе 1933 г.

[95] *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.200. Ср.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.23. Указ. изд. С.426.

[96] Письмо к И.Д.Авдиевой от 15 февраля 1940 г. (Частное собрание).

[97] См. письмо Иванова-Разумника к жене от 9 июля 1937 г., в подробностях излагающее условия договора (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.197). Машинописная копия писем Белого к Иванову-Разумнику (в неполном объеме и частично в дефектном состоянии) сохранилась в архиве Иванова-Разумника (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.3. Ед.хр.81).

[98] *РИИС*. Ф.8. Разд.VII. Ед.хр.216.

Все три машинописных экземпляра комментариев к письмам Белого, представленные Ивановым-Разумником в Литературный музей[99], однако, бесследно исчезли[100]. В архиве Иванова-Разумника сохранилась лишь тетрадь, озаглавленная «Письма Андрея Белого к Р.В.Иванову (1913-1932 гг.)», которая содержит рукописный текст предисловия (датированного 1 мая 1937 г.) и рукописные комментарии, объем которых значительно меньше сданных в Музей 10 печатных листов[101]. Комментарии в тетради представляют собою аккуратно переписанный беловой текст, однако ясно, что это – лишь самая предварительная редакция той большой работы, которую проделал Иванов-Разумник.

После окончания этой работы, которая должна была стать достойным завершением и увенчанием двадцатилетней дружбы, Иванов-Разумник прожил еще девять лет – вероятно, самых тяжелых и драматических в его жизни. Два года он провел – как сообщал в письме к И.Д.Авдиевой от 20 сентября 1939 г. – «в Москве (но не выходя из дома)» (в письме к ней же от 15 февраля 1940 г.: «почти два года <...> провел в самой Москве, на довольно узкой жилплощади»)[102]. Слова эти подразумевали очередной арест: Иванов-Разумник вновь попал в машину уничтожения в самый разгар «ежовщины», 29 сентября 1937 г. был арестован в Кашире и доставлен в Москву, где пробыл в Бутырской и Таганской тюрьмах до 17 июня 1939 г.; проведя 21 месяц под следствием и не дав никаких очерняющих показаний, он был освобожден «за прекращением дела» – ощутив на себе плоды кратковременной и эфемерной следственной «оттепели» (в период между ликвидацией Ежова и началом новой активизации «обновленных» органов под руководством Берии). Сыграло свою роль в освобождении, вероятно, и заступничество В.Д.Бонч-Бруевича, давшего следователю подробную и благожелательную справку об Иванове-Разумнике как литературном работнике[103]. Тот же Бонч-Бруевич помог ему и после освобождения: по заданиям Литературного музея в 1939-1941 гг. Иванов-Разумник разыскивал, описывал и передавал на государственное хранение писательские архивы (немало рукописей, находящихся ныне в РГАЛИ, попало туда его стараниями).

---

[99] См. письмо Иванова-Разумника к жене от 3 июля 1937 г. (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.197).

[100] Сообщено в докладе С.В.Шумихина «Переписка Р.В.Иванова-Разумника как факт отечественной и мировой культуры» (De Visu. 1993. №9 (10). С.93-94). Возможно, что материалы, относящиеся к этой работе, были конфискованы, наряду с другими рукописями, при аресте Иванова-Разумника в 1937 г. и затем погибли (согласно акту от 14 мая 1938 г., изъятая в ходе обыска переписка была «уничтожена, как не имеющая никакого значения для следствия»; исполнители – оперуполномоченные 4 отделения 4 отдела УГБ Управления НКВД по Московской области Евстафьев и Багон // *ГАРФ*. Ф.10035. Оп.1. Дело П–7165. Л.4).

[101] *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.110. В этой тетради имеется и заметка Иванова-Разумника, содержащая сведения о структуре подготовленного им издания. Помимо полного корпуса писем Белого в хронологическом порядке, машинопись заключала:

«1) 29 писем К.Н.Бугаевой (Васильевой), написанных или по поручению Андрея Белого, или дополняющих содержание его писем.

2) «Надписи на книгах», сделанные Андреем Белым на его книгах, подаренных Р.В.Иванову.

Комментарии и Указатели к письмам состоят из следующих пяти отделов:

I. Хронологический указатель жизни и творчества Андрея Белого с 1911 по 1934 год.

II. Комментарии к письмам Андрея Белого (№№1-174).

III. Указатель произведений Андрея Белого, о которых говорится в этих письмах.

IV. Указатель имен.

V. Описание подлинников писем (заменяющее в то же время и оглавление)» (Л.35).

[102] Частное собрание.

[103] См.: Иванов-Разумник Р.В. Тюрьмы и ссылки. Указ. изд. С.393-394. В этом документе, направленном 23 апреля 1939 г. в следственную часть УНКВД г.Москвы следователю Чмелеву (в ответ на его запрос), Бонч-Бруевич, отмечая формальный характер своих отношений с арестованным («...лично мне Иванов-Разумник очень мало известен. Я его в своей жизни видел по делам Музея несколько раз, и ранее с ним никогда не был знаком») и чуждость взглядов Иванова-Разумника большевистской идеологии («Конечно, он не нашего поля ягода. Конечно, его мировоззрение эклектическое, он часто думает художественными эмоциями и образами, вводя их в свои критические статьи, и довольно жестко бичует писателей правых направлений, октябристов и пр. и т.п. представителей буржуазных партийных групп. Вместе с тем он никогда не возвышается до правильной классовой точки зрения <...>»), тем не менее, давал вполне объективную и благожелательную характеристику работе Иванова-Разумника, осуществлявшейся по договорам с Литературным музеем, и даже сообщал сведения, которые можно было расценить как косвенное ходатайство за арестованного: «В работах над материалами, а также в личных кратких разговорах со мной, я не нашел и не усмотрел ничего сколько-нибудь предосудительного в общем смысле. Наоборот, Иванов-Разумник высказывал большую радость о том, что вот именно только теперь при советской власти удается создать такие огромные архивохранилища, каким является Гослитмузей, и что он считает, что такие учреждения сыграют огромную роль в деле культурности и образования нашей страны. <...> В его комментариях к письмам А.Белого также нет никаких намеков на возврат к старому и желания толковать какие-либо события несогласованно с общепринятым направлением в литературоведении, которое уже установилось во всех наших работах» (*ГАРФ*. Ф.10035. Оп.1. Дело П–7165. Л.78-79об.).

Война застала Иванова-Разумника дома – в Пушкине (бывшем Детском Селе). Он и его семья подлежали аресту и высылке, намеченным на 19 сентября 1941 г.[104], однако за день до обозначенного срока, 18 сентября, Пушкин был занят немцами. Вместо сталинского «казенного дома» Иванова-Разумника ожидал гитлеровский: 25 февраля 1942 г. он попал в «эвакуацию фольксдойчей» (жена его Варвара Николаевна, урожденная Оттенберг, имела немецких предков) и был отправлен вместе с женой в лагерь для перемещенных лиц (Barackenlager) в Конице (под Данцигом), а затем в лагерь в прусском городе Старгард[105]. Дом, в котором до войны жил Иванов-Разумник, оказался в зоне боевых действий, и еще до депортации из Пушкина писатель мог наблюдать начало гибели своей библиотеки и архива. Царскосельская знакомая Иванова-Разумника Л.Осипова (О.Г.Полякова) записала в дневнике 6 февраля 1942 г.: «...погибла библиотека Разумника Васильевича. Она находилась в его квартире, на территории нашего санатория. Сейчас этот район совершенно недоступен для гражданского населения. А там было собрано несколько тысяч томов, и всё уникумы. Солдаты рвут и топчут и топят печки ими. А там была его переписка с такими поэтами, как Вячеслав Иванов, Белый, Блок, и прочими символистами и всеми акмеистами. Несколько раз умоляли немцев из этого дурацкого СД вывезти все эти сокровища. Всякий раз обещали и ничего не сделали. <...> И сколько ни вдалбливали в их телячьи головы, что эта библиотека, кроме своего культурного значения, имеет также и огромную материальную ценность и что хозяин отступается от своих прав на нее, только бы она не погибла, а была бы где-то в сохранности, – ничего не помогло!»[106]

Лишь после снятия ленинградской блокады, в августе 1944 г., остатки архива Иванова-Разумника были обнаружены Д.Е.Максимовым и затем поступили в Пушкинский Дом[107]; многие рукописи Андрея Белого, находившиеся там, сохранились не полностью и в дефектном состоянии, а от некоторых его материалов, бывших в архиве, вообще не осталось никаких следов[108].

Летом 1943 г. Иванову-Разумнику удалось освободиться из лагеря. Еще до того он публиковал в берлинской газете «Новое слово» литературно-исторические очерки, составившие цикл «Писательские судьбы»[109]; живя затем в Литве и в различных городах Германии (дольше всего – в Рендсбурге на Кильском канале), работал над воспоминаниями о своих тюремных злоключениях, начатыми еще во время саратовской ссылки; наладил контакты с прежними знакомыми – русскими писателями-эмигрантами[110]. После оккупации Германии Иванов-Разумник с женой оказались на территории, занятой западными союзниками. Варвара Николаевна умерла в Рендсбурге 18 марта 1946 г.; после этого Иванов-Разумник, с уже сильно подорванным здоровьем, перебрался к родственникам в Мюнхен, где и скончался 9 июня 1946 г.: в ночь с 3 на 4 июня с ним произошел удар, после которого он прожил еще пять дней.

17 сентября 1946 г. Н.Н.Берберова сообщала Б.И.Николаевскому: «Постараюсь написать Вам сейчас кое-что о Разумнике Васильевиче, который, как Вы знаете – умер.

Умер он, если верна информация П.А.Берлина, от радости, увидя в руках пришедшего к нему члена ОРТа американскую визу. От меня первой он, видимо, получил мысль о возможном выезде в Америку. <...> ОРТ видимо ему помог. Но он, бедный, потеряв в марте жену, был уже обессилен борьбой за жизнь, и сердце его не выдержало радости, как выдержало горе»[111].

---

[104] Иванов-Разумник Р.В.Тюрьмы и ссылки. Указ.изд. С.411.

[105] См.: Два документа о жизни Р.В.Иванова-Разумника (к выходу в свет полного текста его книги «Тюрьмы и ссылки») / Публикация и примеч. А.К.Клементьева // Вестник Русского Христианского Движения. 1995. №171. С.183-188; Беляева С.А. Возвращаясь к прошлому // Иванов-Разумник: Личность: Творчество: Роль в культуре. Указ. изд. С.39-43; Шерон Ж. Военные годы Иванова-Разумника: реконструкция по письмам и воспоминаниям // Там же. С.44-54; Мор Евг. (Сидорова Е.) Воспоминания об Иванове-Разумнике / Публикация В.Белоуса и Ж.Шерона // Русская мысль. 1996. №4146. 24-30 октября. С.11-12; Раевская-Хьюз О. Иванов-Разумник в 1942 году // Блоковский сборник. XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Тарту, 1996. С.214-232; Белоус В.Г. Изгнание Скифа // Вестник Русского Христианского Движения. 1997. №175. С.151-172.

[106] Осипова Л. Дневник коллаборантки // Грани. 1954. №21. С.122.

[107] См.: Максимов Д. Спасенный архив // Огонек. 1982. №49. С.19.

[108] См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. С.29-30.

[109] См.: Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Н.-Й., 1951; Возвращение. Вып.1. М., 1991. С.303-348.

[110] См. публикации писем Иванова-Разумника к А.М.Ремизову (1942) (Russian Literature Triquarterly. 1974. №8. P.495-499), Ф.А.Степуну (1944-1946) (Новый журнал. Н.-Й., 1984. №174. С.311-315. Публ. Ж.Шерона), Н.Н.Берберовой (1942-1946) (Cheron G. The Wartime Years of Ivanov-Razumnik: Correspondence with N.Berberova // Literature, Culture, and Society in the Modern Age. In Honor of Joseph Frank. Part II (Stanford Slavic Studies. Vol.4:2). Stanford, 1992. P.394-407), Б.К.Зайцеву (1942, 1946) (Звезда. 1996. №3. С.114-116. Публ. В.Г.Белоуса, Я.В.Леонтьева, Ж.Шерона).

[111] Cheron G. The Wartime Years of Ivanov-Razumnik... Op.cit. P.396-397.

Переписка Андрея Белого и Иванова-Разумника печатается по автографам, основная часть которых хранится в их архивах в РГАЛИ и РГБ.

Основной корпус писем Андрея Белого к Иванову-Разумнику хранится в фонде Иванова-Разумника в Российском гос. архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.4-23), письма распределены по годам написания: 1913 – ед.хр.4, 1914 – ед.хр.5, 1915 – ед.хр.6, 1916 – ед.хр.7, 1917 – ед.хр.8, 1918 – ед.хр.9, 1919 – ед.хр.10, 1920 – ед.хр.11, 1921 – ед.хр.12, 1922 – ед.хр.13, 1923 – ед.хр.14, 1924 – ед.хр.15, 1925 – ед.хр.16, 1926 – ед.хр.17, 1927 – ед.хр.18, 1928 – ед.хр.19, 1929 – ед.хр.20, 1930 – ед.хр.21, 1931 – ед.хр.22, 1932 – ед.хр.23. Одно письмо Белого к Иванову-Разумнику (п.112) хранится в архиве Константина Эрберга (К.А.Сюннерберга) (ИРЛИ. Ф.474. Ед.хр.491), еще одно письмо (п.170; машинописная копия) поступило в архив Белого (РГАЛИ. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.56).

Основной корпус писем Иванова-Разумника к Андрею Белому хранится в фонде Андрея Белого в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ. Ф.25. Карт.16. Ед.хр.6; Ед.хр.6а – письма 1913–1917; Ед.хр.6б – письма 1918–1929). Кроме того, 17 писем Иванова-Разумника к Андрею Белому (1919, 1921,1931–1932) хранятся в фонде Андрея Белого в РГАЛИ (Ф.53. Оп.1. Ед.хр.193): п.90-93, 114, 117-122, 237, 241, 248, 251, 254, 261. Два письма Иванова-Разумника к Белому хранятся в архиве Иванова-Разумника: п.108 – ИРЛИ. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.110. Л.20 (машинописная копия, приведенная в комментариях Иванова-Разумника к письмам Белого), п.115 – ИРЛИ. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.1. Л.32 (текст на обороте повестки Вольной Философской Ассоциации). Одно письмо Иванова-Разумника к Белому (п.264) хранится в Мемориальном музее-квартире Андрея Белого на Арбате (Москва).

Тексты телеграмм не включаются в основной корпус переписки, но приводятся в комментариях.

Тексты писем печатаются в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, но с сохранением индивидуальных и специфических особенностей написания; в частности, сохраняются разнобой, неточности и отклонения от принятой ныне нормы в воспроизведении иноязычных имен собственных и названий, однако без оговорок исправляются ошибочные и неточные написания в иноязычных фрагментах текста и приводятся к норме неверные написания имен собственных и названий, имеющих невариативную форму воспроизведения (*Гершензон* – у Белого: *Гершенсон*; *Блаватская* – у Белого: *Блавадская*, и т.п.). Описки и иные внешние погрешности текста исправляются без оговорок; синтаксические и прочие несогласованности исправляются без оговорок в тех случаях, когда правильное написание может быть восстановлено однозначно, в иных случаях приводится текст оригинала без исправления – либо в подстрочном примечании (если в основном корпусе дается предположительное исправленное написание), либо в основном корпусе с подстрочным примечанием: *Так в тексте.*

Публикации переписки предпослан текст рукописного Предисловия Иванова-Разумника к подготовленной им публикации «Письма Андрея Белого к Р.В.Иванову», а в комментариях приводятся цитаты из рукописного комментария Иванова-Разумника к этой публикации. Эти тексты печатаются по автографу (ИРЛИ. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.110), с сохранением используемых Ивановым-Разумником сокращений (АБ – Андрей Белый, ИР – Иванов-Разумник) и других специфических особенностей, но с изменением нумерации упоминаемых писем на ту, которая дается в настоящем издании, и снятием отсылок к тем разделам подготовленной Ивановым-Разумником публикации, которые не сохранились или в настоящем издании не воспроизводятся.

Часть публикуемых писем – в полном объеме или во фрагментах – была напечатана ранее в различных изданиях. Письма Андрея Белого к Иванову-Разумнику воспроизводились в следующих публикациях: Григорьян К. Андрей Белый в Грузии // Дружба народов. 1966. №2. С.230-237 (фрагменты из писем 1927–1929 гг. без обозначения адресата); Григорьян К. Андрей Белый об Армении // Литературная Армения. 1967. №1. С.76-81 (фрагменты из писем 1928–1929 гг.); Nivat G. Andrej Belyj: Lettre autobiographique a Ivanov-Razumnik // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1974. Vol.XV. №1-2. P.45-82 (письмо от 1-3 марта 1927 г.; опубликовано по копии, сделанной С.С.Гречишкиным и А.В.Лавровым, с пропусками и неточностями); Долгополов Л.К. А.Белый о постановке «исторической драмы» «Петербург» на сцене МХАТ-2 (по материалам ЦГАЛИ) // Русская литература. 1977. №2. С.173-176 (фрагменты из письма от 27 сентября 1925 г.); Keys R. The Bely – Ivanov-Razumnik Correspondence // Andrey Bely. A Critical Review. Ed. by Gerald Janecek. Lexington, Kentucky, 1978. P.193-204; Григорьян К.Н. Из неизданной переписки Андрея Белого // Русская литература. 1979. №3. С.205-210

(фрагменты из писем 1927 и 1929 гг.); Keys R. On the Death of Fyodor Sologub (Unpublished Letters of Andrey Bely and Ivanov-Razumnik) // Andrey Bely. Centenary Papers. By Boris Christa. Amsterdam, 1980. P.24-38 (письмо Иванова-Разумника к Белому от 21 декабря 1927 г., письма Белого к Иванову-Разумнику от 25 декабря 1927 – полностью, от 7-10 февраля 1928 г. – фрагменты); *Петербург*. С.516-522 (фрагменты из писем 1913–1915, 1925 гг.); Из писем Андрея Белого к Иванову-Разумнику / Предисловие и публикация А.В.Лаврова и Д.Е.Максимова. Примечания А.В.Лаврова // *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.707-749 (письма 1930–1932 гг.); «И с временем что-то неладное...» Письмо Андрея Белого Р.В.Иванову-Разумнику. 8 марта 1925 г. / Публикация С.Шумихина // Неизвестная Россия. XX век. Кн.II. <М.>, 1992. С.144-175; Из архивов ОГПУ (письмо Андрея Белого Иванову-Разумнику и завещание Андрея Белого) / Публикация А.В.Лаврова и С.В.Шумихина // Новое литературное обозрение. 1995. №14. С.157-164 (письмо от 24 ноября 1926 г.); Обатнина Е.Р., Белоус В.Г. Берлинская Вольфила (1921–1922): хроника // Вопросы философии. 1997. №7. С.144, 146-147, 151 (фрагменты из писем от 15 января и 12 марта 1922 г. и от 18 ноября 1923 г.).

Письма Иванова-Разумника к Андрею Белому воспроизводились в следующих публикациях: Rabinovitz S.J. On the Death of a Poet: The Final Days of Fyodor Sologub // Russian Literature Triquarterly. 1978. №15. P.361-368 (письмо от 7 декабря 1927 г.; также: Глагол. №1. Ann Arbor, 1977. С.195-198; Сологуб Ф. Творимая легенда. Кн.2. М., 1991. С.256-259); *ЛН*. Т.92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.3. М., 1982. С.468, 473 (фрагменты из писем от 21 августа 1916 и 29 апреля 1917 г.); Dobringer E. Der Literaturkritiker R.V.Ivanov-Razumnik und seine Konzeption des Skythentums. München, 1991. S.230-240 (фрагменты из переписки 1916–1918 гг.); Р.В.Иванов-Разумник о Петроградской Вольфиле 1921–1923 гг. / Публикация и комментарии Я.В.Леонтьева // Вопросы философии. 1993. №12. С.69-77 (письмо от 7 декабря 1923 г.).

Выражаем глубокую признательность за помощь в подготовке настоящего издания и за предоставление использованных в нем материалов К.М.Азадовскому, В.С.Бахтину, В.Г.Белоусу, Б.А.Кацу, Н.В.Котрелеву, К.А.Кумпан, В.П.Купченко, А.Г.Мецу, О.Раевской-Хьюз, Омри Ронену, М.Л.Спивак, Джону Элсворту, М.Д.Эльзону.

Особую благодарность за финансовую поддержку издания выражаем Дэвисовскому центру русских исследований Гарвардского университета, США (Davis Center for Russian Studies, Harvard University).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Андрей Белый. Проблемы творчества. – Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации / Составители Ст. Лесневский, Ал.Михайлов. М., 1988.

Блок – Белый. – Александр Блок и Андрей Белый: Переписка / Редакция, вступительная статья и комментарии В.Н.Орлова. М., 1940 (Летописи Государственного Литературного музея. Кн.7).

Бугаева. – Бугаева К.Н. Воспоминания о Белом / Edited, annotated, and with an Introduction by John E. Malmstad. Berkeley, Berkeley Slavic Specialties, 1981 (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol.2).

Вершины. – Иванов-Разумник. Вершины: Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923.

Ветер с Кавказа. – Андрей Белый. Ветер с Кавказа: Впечатления. М., 1928.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГЛМ – Отдел рукописей Государственного Литературного музея (Москва).

ИМЛИ – Отдел рукописей Института мировой литературы им. М.Горького Российской Академии наук (Москва).

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (С.-Петербург).

Лица. – Бугаева (Васильева) К.Н. Дневник: 1927-1928 / Предисловие, публикация и примечания Н.С.Малинина // Лица: Биографический альманах. Вып.7. М.; СПб., 1996. С.191-316.

ЛН – Литературное наследство.

МБ – Андрей Белый. Материал к биографии (Автограф. 1923 г. 163 лл.) // *РГАЛИ*. Ф.53. Оп.2. Ед.хр.3.

МДР – Андрей Белый. Между двух революций / Подготовка текста и комментарии А.В.Лаврова. М., 1990.

Минувшее 13, 14, 15. – А.Белый и П.Н.Зайцев: Переписка / Публикация Дж.Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.215-292; Вып.14. М.; СПб., 1993. С.439-498; Вып.15. М.; СПб., 1994. С.283-368.

НВ – Андрей Белый. Начало века / Подготовка текста и комментарии А.В.Лаврова. М., 1990.

Петербург. – Андрей Белый. Петербург: Роман в восьми главах с прологом и эпилогом / Издание подготовил Л.К.Долгополов. Л., 1981 (Серия «Литературные памятники»).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

РД – Андрей Белый. Ракурс к дневнику (январь 1899 г. – 3 июня 1930 г.). (Автограф. 165 лл.) // *РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.100.

РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).

РИИС – Отдел рукописей Российского Института истории искусств (С.-Петербург).

Стихотворения I, II, III. – Андрей Белый. Стихотворения Т.I-III. Herausgegeben, eingeleitet und kommentiert von John E. Malmstad. München, 1982-1984 («Centrifuga. Russian Reprintings and Printings». Vol.49).

ЦГАЛИ СПб. – Центральный государственный архив литературы и искусства в С.-Петербурге.

Чехов 1, 2. – Чехов Михаил: Литературное наследие / Составители И.И.Аброскина, М.С.Иванова, Н.А.Крымова. Комментарии И.И.Аброскиной, М.С.Ивановой. Общая научная редакция М.О.Кнебель. Редактор Н.А.Крымова. Т.1-2. М., 1995.

<ИВАНОВ-РАЗУМНИК>
ПИСЬМА АНДРЕЯ БЕЛОГО К Р.В.ИВАНОВУ
(1913-1932 гг.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В декабре 1933 года предсмертная болезнь прервала воспоминания Андрея Белого на четвертой главе четвертого тома; глава эта была посвящена истории романа «Петербург» и его издательским злоключениям. Воспоминания дошли до рассказа об устройстве этого романа в 1913 году в издательстве «Сирин», редактором которого был Р.В.Иванов.

Как раз с этого года и как раз с обмена письмами об этом романе и началась переписка Б.Н.Бугаева (Андрея Белого) и Р.В.Иванова (Иванова-Разумника), продолжавшаяся двадцать лет. Письма Андрея Белого по существу заканчивают прерванные смертью последние тома воспоминаний, рассказывая об его жизни и творчестве в течение двух последних десятилетий жизни.

Этот эпистолярный материал, обширный по объему (40 печ. листов), является в то же самое время в жизни Андрея Белого единственным, охватывающим период 1913–1933 годов. Переписка Андрея Белого с А.А.Блоком сошла почти на нет к годам революции. Переписка с коренным москвичом, А.С.Петровским («моим вечным спутником по жизни», как в одном из писем к ИР [№177] характеризует его Андрей Белый), деятельно велась лишь во время пребывания Андрея Белого вне Москвы, где оба они жили (а значит – и не переписывались) в периоды 1916–1921 и 1923–1933 годов. Переписка с Э.К.Метнером, былым «старым другом», закончилась в 1915 году. Письма к А.А.Тургеневой (Бугаевой) за 1916–1922 годы обнимают лишь шестилетие, да к тому же и судьба их пока неизвестна. Письма к К.Н.Васильевой (Бугаевой) за 1920–1921 годы, т.е. за интереснейший «вольфильский» период деятельности Андрея Белого (о чем – ниже) – к сожалению, не сохранились. И вообще не было ни одного цикла писем, захватывающего двадцатилетие 1913–1933 годов. В письмах к Р.В.Иванову мы имеем летопись жизни и творчества Андрея Белого за двадцать последних лет его жизни, и притом летопись, начинающуюся как раз там, где обрываются тома его воспоминаний.

В 1913–1914 г. это лишь деловая переписка о романе «Петербург» в частности, об издательстве «Сирин» вообще. Однако уже в самом первом письме (№2; предыдущие письма Андрея Белого за 1913 год остались в архиве «Сирина» у его издателя, М.И.Терещенко, и не сохранились; см. Комм., п.1) мы находим замечательную авторскую характеристику романа «Петербург»; в письмах 1914–1915 г. – рассказ о жизни в Дорнахе (№4), о постройке «Johannesbau» (см. Комментарии, письмо №4); рассказ, перемежающийся в дальнейших письмах постоянными литературными экскурсами (о «Золоте в Лазури», о «Симфониях», позднее – о «Котике Летаеве»), рассказ, прерванный началом мировой войны (письмо №6 – со схемами боев в Эльзасе), продолжающийся в марте и ноябре 1915 года (замечательное письмо №10) и заканчивающийся в июне 1916 года (№14). Как известно, Андрей Белый был последователем «антропософии», – но в четвертом – не написанном – томе своих воспоминаний он не имел бы возможности коснуться этой темы с такой непредвзятостью, с какой она выражена в его письмах 1913–1916 годов.

Осенью 1916 года Андрей Белый вернулся в Россию, поселился в Москве – и письма 1916–1921 годов обрисовывают его жизнь и творчество за эти революционные годы.

Творчество: «Котик Летаев» (как первая часть сперва семитомной «Моей жизни», – о чем единственное доселе известное указание см. в №15, – а потом десятитомной «Эпопеи», неосуществленных); «Преступление Николая Летаева»; «Записки Чудака»; три «Кризиса»; «Глоссолалия»; статьи по ритмике; поэма «Первое Свида-

ние», – обо всем этом in statu nascendi идет речь в письмах московского периода 1916–1921 годов.

Жизнь за эти годы: тяжелые бытовые условия; отношение к февральской, а потом октябрьской революции; послереволюционные впечатления и настроения, – обо всем этом в письмах говорится с искренностью и прямотой, недоступною для позднейших «воспоминаний». К тому же – в конце жизни Андрея Белого перспективы для него сместились – и он мог совершенно искренне вспоминать и заявлять (и в «Ракурсе к Дневнику» 1928 года, и в томах воспоминаний) о своем восторженном приятии Октября в 1917 году. Письма 1917–1918 г. вносят поправку в эти позднейшие заявления: Октябрь был принят Андреем Белым не в октябре 1917 года («радоваться... тому, что свершилось, я не могу» – п. №67), а лишь в январе 1918 года («в сказочной действительности мы живем!» – п. №77). Это – лишь один пример из многих. В самых искренних «воспоминаниях» – перспектива всегда смещена; письма – всегда беспристрастно выпрямляют ее. Из этого цикла писем особенно интересны: №96 (26 августа 1919 г.) – художественная картинка из детской жизни; №100 (ноябрь–декабрь 1919 г.) – характерная философская концепция, иллюстрируемая схемами; №107 (17 июля 1920 г.) – прелестная юмористическая картинка, живописующая московские впечатления того времени.

За весь этот период времени (1916–1921 гг.) письма прерываются лишь наездами Андрея Белого в Царское (потом Детское) Село к Р.В.Иванову (весь февраль и весь октябрь 1917 года), а потом – временными полугодовыми переездами в Петроград (февраль–июль 1920 г., апрель–сентябрь 1921 г.) и работою его в это время в Вольной Философской Ассоциации. Этот «вольфильский» этап в жизни Андрея Белого – несомненный тематический пробел всей обширной переписки (см. также №116, характерное письмо на тему о «Вольфиле»).

В конце 1921 года Андрей Белый уезжает за границу; пребывание его там продолжалось два года. Хотя за этот период времени (1922–1923 г.) сохранилось лишь три письма (№№125–127), а остальные систематически пропадали на почте, однако в этих трех письмах подводится общий итог всей тяжелой берлинской жизни Андрея Белого. Отзвуками берлинских впечатлений полны и первые по возвращении московские письма 1923 года (№№129, 132, 136), так что «берлинский» период жизни Андрея Белого в этих письмах освещен вполне. – Этим рубежом заканчивается первое десятилетие переписки, делящееся на три ярко выраженных «главы»: *Дорнах* (1913–1916), *Москва* (1916–1921), *Берлин* (1922-1923).

Второе десятилетие переписки, начинающееся с возвращения Андрея Белого в Москву в 1923 году, делится, подобно первому, на несколько «глав». Вступительную главу составляют письма периода московской жизни первых полутора лет после возвращения; это – *Москва* (1924–1925), это – «беспрокая жизнь», «безотрадная жизнь». Андрей Белый ощупью ищет линию творческой работы, переделывает роман «Петербург» в драму (десятки страниц об этом – в №№143, 146, 149, 153 и др.). Понемногу определяются новые темы творчества; начинает слагаться роман «Москва» (о нем позднее – тоже десятки страниц в письмах №№167, 171 и др.). Переписка за этот «московский период» (1924–1925 г.) не слишком интенсивна, но почти каждое письмо подводит итоги пережитому и передуманному (особенно характерны письма №№142 и 149). Так продолжается до второй половины 1925 года, когда заканчивается «московский период» жизни и начинается период «кучинский» (в дачном поселке Кучино, под Москвой).

Кучино (1925–1930) – новая глава в жизни и творчестве Андрея Белого, новая глава и в переписке. Здесь, после «беспрокой» московской жизни – творческий расцвет, и художественный и философский. В начале «кучинского периода» написана и закончена «Москва»; в начале 1926 года написана обширная (30 печ. листов) работа по философии культуры (осталась в рукописи; автор обрабатывал ее до 1931 года). В середине этого периода написана книга «Ритм, как диалектика»; в самом конце (1929–1930 г.) – «На рубеже двух столетий», «Начало века» и «Маски». Переписка этих годов не только отражает, но и расширяет все эти творческие планы; начинается ряд писем, образующих целые исследования на разнообразные культурно-исторические, литературные и философские темы. Эти письма пишутся в течение ряда дней (вернее – ночей); они заполняют многие десятки листов писчего формата, достигают

размера 3-4 печ. листов и посылаются «с оказией» (№№167, 171, 175, 177, 187, 197 и др.). Здесь и атомная теория, и ритмический жест, и театр, и миопатология, и литературные планы, и история науки, – всего вкратце не перечислить. «*Кучино*» (1925–1930 гг.) – период последнего расцвета творческих сил Андрея Белого (от «Москвы» до «Масок» включительно) – и письма этой эпохи наглядное тому подтверждение.

Но даже среди этих писем – совершенно исключительное значение для будущих биографов и исследователей творчества Андрея Белого имеет обширное его письмо от 1-3 марта 1927 года (№177). В этом письме он рисует (в буквальном смысле – с десятками чертежей, схем, набросков) этапы своего художественного творчества от первых «Симфоний» и до недавно законченной «Москвы». Письмо это – история творчества Андрея Белого за четверть века его литературной деятельности; этапы творчества рассматриваются на фоне этапов жизни; приводится ряд неизвестных фактов, особенно из «пред-симфонийного» периода, подробнейше вскрываются корни и самих «Симфоний». – Эта художественная автобиография (в 2 1/2 печ. листа!) – совершенно исключительный историко-литературный и биографический материал, значения которого нельзя преувеличить. Письмо это – цельное и законченное – несомненно заслуживает издания отдельною брошюрой.

Последняя глава переписки – и жизни – Андрея Белого, после окончания «кучинского периода» (1925–1930 гг.), могла бы быть названа – «*Скитания*» (1931–1933 гг.). «Кучино стало нам Скучиным», – шутит в одном из писем (№226) Андрей Белый; из-за бытовых условий пришлось с ним расстаться. Андрей Белый переезжает в начале 1931 года к Р.В.Иванову в Детское Село, где и живет почти год, с длительными наездами в Москву. Этот «детскосельский период» 1931–1932 года – второй пробел в переписке. За это время на Андрея Белого падают тяжелые житейские удары; в начале 1932 года ему по семейным условиям приходится переехать в Москву и доживать там жизнь в сыром подвале. Он завален работой («Мастерство Гоголя», третий том воспоминаний), он тяжело болен; письма за эти годы становятся почти исключительно «бытовыми». И из содержания их видно, что «быт» за эти годы заполонил собою почти всю жизнь Андрея Белого.

В 1933 году переписки между Андреем Белым и Р.В.Ивановым не было по независящим от них обстоятельствам.

Вот краткий обзор этой обширной переписки, показывающий, что действительно вся жизнь Андрея Белого за два последние ее десятилетия нашла в этих письмах свое почти «дневниковое» отражение. Именно поэтому собранные в одно целое письма эти и восполняют собою те тома воспоминаний (по замыслу Андрея Белого – четвертый и пятый), дописать которые помешала ему так рано пришедшая смерть (8 января 1934 года).

1 мая 1937 г. И.Р.
Страстная Суббота.

1. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
25 ноября 1913 г. Петербург[1].

25-XI / 8-XII 1913 г.

Простите, многоуважаемый Борис Николаевич, за долгое молчание: я не имел возможности ответить на Ваше октябрьское письмо. Сегодня получил последнее Ваше письмо и рукопись 8-ой главы «Петербурга»[2]; Вы нисколько не задержали печатания романа, – т<ак> к<ак> в «Сирине II-ом» напечатаны уже главы III-V (этот второй сборник выйдет через недели две)[3], а главы VI-VIII появятся только в III-ем сборнике, который выйдет лишь в начале февраля[4]. Само собою разумеется, что Ваше желание – прокорректировать конец VI-ой главы будет исполнено и контора «Сирина» вышлет Вам корректурные листы (вероятно, к концу декабря) – с просьбой вернуть их возможно скорее. – О романе Вашем напишу Вам как-нибудь подробно; несмотря на многие «но» (особенно – незнание революционеров) он очень радует меня, и я собираюсь о нем подробно писать[5].

Ждем Вашего делового письма о стихах и «Серебр<яном> Голубе»[6]. Кстати – от изд<ательст>ва «Мусагет» поступила просьба к изд<ательст>ву «Сирин» – часть гонорара за стихи и «Голубь» передать «Мусагету», в уплату Вашего долга ему[7]. Изд<ательст>во затрудняется исполнить это желание и предпочитает вести гонорарный расчет исключительно с Вами, предоставляя Вам самому ликвидировать дела с «Мусагетом».

В заключение – просьба: не нашлось бы у Вас несколько стихотворений – серия, цикл? Если да – я был бы очень благодарен, если бы Вы прислали их для журнала[8]. Быть может, есть неизданные из старых? Кажется, некоторые есть у А.А.Блока[9]. Не разрешите ли взять у него и переслать Вам на просмотр?

Всего лучшего. Искренне уважающий Вас

Р.Иванов.

[1] Написано на бланке издательства «Сирин».

Комментарий Иванова-Разумника:

«Переписка АБ и ИР началась по делам изд-ва "Сирин" (редактором которого был ИР) в начале 1913 года. Первые письма АБ, около десятка, остались в издательской части архива "Сирина", пропавшего в годы революции (вместе с десятками писем в издательство В.Брюсова, Ф.Сологуба, К.Бальмонта, А.Ремизова и др., а также и вместе с копировальной книгой ответных писем издательства). Письма же ИР к АБ за 1913–1916 гг. либо не сохранились, либо находятся у А.А.Тургеневой в Дорнахе, так как при отъезде АБ в Россию в 1916 году большая часть его бумаг "оставлена в груде вещей – в Дорнахе" <...> Переписка начинается с обмена мнениями о "Петербурге", тогда печатавшемся в сборниках "Сирина" (I-III; П., 1913–1914 г.). Подробный рассказ о том, с какими трудностями А.А.Блоку и ИР удалось провести "Петербург" в изд-во "Сирин" (ввиду противодействия А.М.Ремизова, влиявшего на издателя, М.И.Терещенко) – находится в большом письме ИР к КНБ <К.Н.Бугаевой> (от 1934 года)». (Л.5). Ср. с.8 наст. изд.

Публикуемое письмо – единственное из числа отправленных Ивановым-Разумником Белому в 1913–1914 гг., сохранившееся в московском архиве Белого.

[2] Работу над 8-й, заключительной, главой «Петербурга» и эпилогом Белый завершил в ноябре 1913 г. в Берлине (*РД*. Л.65).

[3] 2-й сборник «Сирин» вышел в свет в конце декабря 1913 г.

[4] 3-й сборник «Сирин», в котором было завершено печатание «Петербурга», вышел в свет позднее – в конце марта 1914 г.

[5] Первый печатный отзыв Иванова-Разумника о «Петербурге» – в его обзорной статье «Литература и общественность. Русская литература в 1913 году»: «К этому роману мне придется вернуться очень скоро, лишь только он будет закончен; теперь только два слова о нем. Роман этот мне совершенно враждебен – по всему: по внутренней философии, по построению, отчасти и по выполнению; и все-таки я считаю его глубоко замечательным явлением современной художественной литературы. Одного его было бы достаточно, чтобы в истории русской литературы минувший 1913-ый год не смог считаться пустым, "дырявым". Не собираюсь "восхвалять" этот роман – наоборот, собираюсь восставать против него, против его сущности,

против его "духа"; но и врагу надо воздавать должное. О замечательном романе этом еще много будет сказано; подождем его окончания. Быть может, роман этот явится во многом "определяющим" произведением Андрея Белого?» (Заветы. 1914. №1. Отд.II. С.93).

[6] Речь идет о предполагавшихся в издательстве «Сирин» издании «Собрания стихотворений» Белого и переизданиях его романа «Серебряный голубь» (М., 1910).

[7] Издательством «Мусагет» Белому перечислялись денежные авансы в счет гонорара за предполагавшиеся там к изданию его новые книги и тома задуманного собрания сочинений. Сведения, сообщаемые Ивановым-Разумником, восходят к письму Э.К.Метнера, руководителя «Мусагета», к владельцу «Сирина» М.И.Терещенко от 21 октября 1913 г.: «От Бориса Николаевича я получил известие о том, что *Сирин* согласен переиздать его стихи и *Голубя*. <...> Ввиду того, что Б.Н. по сию пору не отдал нам своего долга, и опираясь на наш разговор с Вами в Москве, я очень прошу Вас часть гонорара, причитающегося за стихи и *Голубя*, передать *Мусагету*, уведомив о сем Бугаева от себя. Я надеюсь, что это не помешает Бугаеву продолжать получать по-прежнему каждый месяц 300 р., т<ак> к<ак> его новый роман, по-видимому, – очень велик и даже словно распался на два романа. Обращаюсь к Вам с такою просьбою, потому что финансовое положение *Мусагета* и отчет, коим я обязан перед издателями, не позволяют мне бесконечно откладывать уплату Бугаевым его крупного долга, и потому, что ясно, что Бугаев вследствие разногласия своего с *Мусагетом* из-за антропософии писать для нашего издательства едва ли захочет или сможет; крупные же вещи (художественные) ему выгоднее отдавать *Сирину*; конечно, я не хочу лишать Бугаева этой выгоды – (наши чисто личные отношения, несмотря на все споры, непоколебимы), – но не могу допустить, чтобы от этих изменившихся отношений его к *Мусагету* последний пострадал» (*РГБ*. Ф.167. Карт.24. Ед.хр.32).

[8] Подразумевается журнал «Заветы», в котором Иванов-Разумник заведовал литературно-критическим отделом.

[9] К письмам, отправленным А.Блоку в 1912–1913 гг. из-за границы, Белый не прилагал текстов своих новых стихотворений.

2. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
12/25 декабря 1913 г. Берлин[1].

Глубокоуважаемый Разумник Васильевич!

Мне очень ценно и дорого Ваше мнение о моем романе, потому что в замысле моем виделись мне черты, абсолютно несоизмеримые с бытом, революцией и т.д. И потому-то я соглашаюсь охотно с Вами: вероятно, в романе есть крупнейшие погрешности против быта, знания среды и т.д. Революция, быт, 1905 год и т.д. вступили в фабулу случайно, невольно, вернее – не революция (ее не касаюсь я), а *провокация*; и опять-таки *провокация* эта – лишь теневая проекция иной какой-то провокации, провокации душевной, зародыши которой многие из нас долгие годы носят в себе незаметно, до внезапного развития какой-нибудь душевной болезни (не клинической), приводящей к банкротству; весь роман мой изображает в символах места и времени подсознательную жизнь искаженных мысленных форм; если бы мы могли осветить прожектором, внезапно, непосредственно под обычным сознанием лежащий пласт душевной жизни, многое обнаружилось бы там для нас неожиданного, прекрасного; еще более обнаружилось бы безобразного; обнаружилось бы кипение, так сказать, несваренных переживаний; и оно предстало бы нам в картинах «гротеск». Мой «*Петербург*» есть, в сущности, зафиксированная мгновенно жизнь подсознательная людей, сознанием оторванных от своей стихийности; кто сознательно не вживется в мир стихийности, того сознание разорвется в стихийном, почему-либо выступившем из берегов сознательности; подлинное местодействие романа — душа некоего не данного в романе лица, переутомленного мозговою работой, а действующие лица – мысленные формы, так сказать, недоплывшие до порога сознания. А быт, «*Петербург*», провокация с происходящей где-то на фоне романа революцией – только условное одеяние этих мысленных форм. Можно было бы роман назвать «*Мозговая игра*»[2]. В «*Серебр<яном> Голубе*» сознание героев, так сказать, без смысла и толку бросается в *стихийность*; здесь сознание отрывается от стихийности. Вывод – печальный: в том и другом случае. В третьей части трилогии[3] формула будет такова: сознание, органически соединившееся со стихиями и не утратившее в стихиях себя, есть *жизнь подлинная*. Такова формула моего романа; но, право, я не знал, что получилось из

формулы, когда я ее облек в «*Петербург*». Ваше одобрение, как критика и мыслителя, меня чрезвычайно радует: спасибо за хорошие слова о романе.

Страшно было бы мне важно и интересно Ваше печатное мнение для меня; и главное: поучительно. Я всегда стремился учиться у критики; но, увы: до сих пор учился малому: меня или немотивированно одобряли, или немотивированно ругали (чаще всего последними словами)[4]; а из брани или похвалы, право, мало что вынесешь.

Многоуважаемый Разумник Васильевич, перехожу к деловой части моего письма. Она обещает, кажется, быть длинной. Прежде всего мне было бы важным[*] знать количество печатных листов, хотя бы приблизительно, которые составят мой роман, по соображениям материальным. В конце мая, начале апреля я получил от *К<ниго-издательст>ва «Сирин»* расчетный лист следующего содержания (переписываю его сюда):

Б.Н.Бугаеву

Причитается:
Гонорар за «*Путевые Заметки*»[5] – 666 р.
" " за роман «Петербург», по 200 р. за лист (40 т<ысяч> печ<атных> букв) «*приблизительно*» за 24 листа – 4800 р.

Всего около руб. 5466.

Уплочено:
Возвращен «Мусагету» аванс, выданный за «Путевые Заметки» – 333,33
Возвращены К.Ф.Некрасову расходы по изданию романа «Петербург» – 1630,70[6]

Всего 1964 р. 03 к.
Переведено Б.Н.Бугаеву в Луцк[7] – 333

Всего уплочено 2297,03.
Остается уплатить около[**] 3170 рубл<ей>, каковая сумма будет выплачена ежемесячными высылками в размере 333 р.

Таково содержание «*расчетного листа*» к апрелю месяцу 1913 года. При 24 печ<атных> листах романа «*Петербург*» оставалось мне получить 3170 рублей ежемесячными присылками по 333 рубля. Эти порции денег (333 рубля) я получал, включая последнюю, декабрьскую получку, теперь от апреля до декабря, т.е. 9 месяцев, т.е.: я получил из суммы 3170 рублей следующую сумму 333 × 9 = 2997 рублей; следовательно: в счет расчетного листа мне остается дополучить около 173 рублей гонорару при условии, что роман «*Петербург*» заключает 24 печатных листов. Вот почему мне крайне важно знать теперь, когда у К<нигоиздательст>ва «*Сирин*» имеется весь роман, точную сумму печатных листов (по моим приблизительным подсчетам, около 27 печатных: от 26 до 28); это мне важно вот в каком отношении; так как я материально пока не обеспечен вовсе, то скорейшее знание количества печатных листов связано для меня с вопросом материального существования: до какого месяца «*Сирин*» мне высылает гонорар. Далее: при нашем свидании в *Петербурге*[8] Вы, помнится, говорили, что количество печатных листов за «*Путевые Заметки*» значительно превышают предполагавшегося[***] и что я могу рассчитывать на несколько бóльший гонорар за всю книгу. Теперь: при подсчете следуемых мне за *обе* книги гонорара мне хотелось бы, чтобы в случае, если я получу несколько больше за «Пут<евые> Заметки», то это приняли бы во внимание. Живя вне России и завися в денежном отношении от присылок, мне очень важно по крайней мере за месяц знать, когда приканчивается срок гонорара за упомянутые книги, чтобы заранее приискать себе источник средств.

---

[*] *Так в автографе. (Далее курсивом даются редакторские примечания, прямым шрифтом – примечания корреспондентов).*

[**] Точная сумма зависит от действительного количества печатных листов в романе «Петербург».

[***] *Так в автографе.*

И тут возникает для меня важный вопрос, который хотелось бы уже теперь привести к отчетливости (бóльшей или меньшей). «*Сирин*» высказал готовность переиздать моего «*Голубя*» и собрание стихотворений. Мне было бы очень существенно знать: 1) когда предполагает «*Сирин*» приступить к печатанию этих произведений; в таком случае я или[*] сейчас же приготовлю материал, т.е. кое-что в стихах и «*Голубя*»[**] просмотрю вновь: кое-что включу, кое-что исключу. 2) Мне было бы интересно знать, на какой гонорар я мог бы рассчитывать в общей сумме[***] (если не точно, то приблизительно): «*Голубь*» заключает около 15-16 печатных листов; три книги стихов «*Пепел*», «*Урна*», «*Золото в Лазури*» включаемы (с выпусками и добавлениями) в две книги с некоторого рода перегруппировкой материала. 3) Кроме общей суммы гонорара, мне да простите за неделикатность вопроса! – для меня крайне важно знать опять-таки заранее (за месяц, за два) в связи с печатанием книг, когда может быть мне выплачиваем гонорар, с какого срока и т.д.: со времени ли напечатания, со времени ли начала печатания и т.д., ибо, не имея определенной текущей литературной работы в журналах, ни личных средств, вопрос о гонораре есть просто вопрос о материальной жизни; с хлóпотами я мог бы пока кое-как устроиться месяца через два, но для этого должны быть устроены и доведены до конца сложные хлопоты с залогом участка моей земли[9]. Поэтому материально меня весьма выручал бы тот факт, если бы гонорар могло бы мне выплачивать К<нигоиздательст>во «*Сирин*» приблизительно на том же основании, как с романом: месячными присылками; когда К<нигоиздательст>во могло бы начать мне эту выплату, разумеется, судить не мне, а Вам, сообразно с Вашими планами и возможностью. Если Вам неудобно будет высылать мне *авансом* месячно вслед за окончанием высылки гонорара за «Пут<евые> Заметки» и «*Петербург*», разумеется, я согласен на Ваши издательские планы; если Вам не составит труда мое предложение (и я бы сказал, *просьба*), это меня бы очень-очень выручило и я был бы очень за это благодарен И<здатель>ству. В противном случае я был бы очень благодарен о своевременном уведомлении планов «*Сирина*» (издательских и гонорарном), ибо мне своевременно (*и теперь уже*) следует озаботиться, увы, о материальном существовании.

Видите, Разумник Васильевич, какие длинные и сложные деловые соображения; и верьте, я не приставал бы к Вам с ними, если бы они не были для меня существенно важны.

Теперь: перехожу к корректурам; к сожалению, мне прислали не то место: а как раз следующие сцены за присланными мне нужны; чтобы не обременять К<нигоиздательст>во посылкою корректур, я просто перескажу содержание сцены, которая по сложным соображениям *недопустима* в моем романе: это – сцена, где какие-то 7 человек, с ними и Незнакомец, встреченный на улице Алек<сандром> Ивановичем, сидят за столом и рассуждают о сердце, мозге, солнце, органах чувств и т.д. и т.д. Сцена эта, помнится, начинается после многоточия и кончается многоточием: сцену эту *всю убедительно прошу вычеркнуть*[10].

Если Вы узнаете эту сцену после ее характеристики, то просто сами ее вычеркните из корректур; если не узнаете, то – следующие два листа (до «Медного Всадника»)[11] я попросил бы: а в присланных корректурах мне исключать нечего; с корр<ектурами> опоздал, потому что пришли они в день кануна Рождества (сегодня 1-ый день праздника): высылаю завтра утром.

Большое спасибо за просьбу дать стихи; сейчас стихов нет; есть наброски; очень скоро пришлю Вам стихи (это время я не писал: записывал строки, строчки, строфы и бросал в портфель: но теперь, после романа, хочется писать, и Ваше предложение прозвучало мне приглашением писать: скоро пришлю Вам стихов). Если А.А.Блок говорит, что у него есть мои ненапечатанные стихи (а я что-то не помню), то, разумеется, если Вам стихи подходят, возьмите их на просмотр.

Вот, кажется, все...

---

[*] *Так в автографе.*

[**] *и «Голубя» – вписано.*

[***] Мне это важно заранее знать, чтобы сообразить сумму, которую в зависимости от гонорара я мог бы уделить «Мусагету».

———

Желаю Вам хорошей встречи праздников и праздничного отдыха. Еще раз извиняюсь, что обременил Вас таким длинным посланием.

Примите уверения в совершенном почтении и преданности.

Борис Бугаев.

P.S. «*Мусагету*» небольшими частями я буду выплачивать сам. Скоро ли выйдут «Путевые Заметки»?

[1] Ответ на п.1. Написано (как указано в тексте) в первый день Рождества (н.ст.). Почтовый штемпель получения: Петербург. 15.12.13.

[2] «Мозговая игра» – один из концептуальных образов в романе: «Мозговая игра носителя бриллиантовых знаков отличалась странными, весьма странными, чрезвычайно странными свойствами: черепная коробка его становилася чревом мысленных образов, воплощавшихся тотчас же в этот призрачный мир» (*Петербург*. С.34). Это же понятие Белый истолковывает в книге «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (М., 1917): «...пишучи свой роман "Петербург", я старался главным образом описать события, протекающие у нас в голове, и картину мира в "понятийном" взятии: получился ужас и бред; эти же ужас и бред – в нашем "мировоззрительном" круге; только, в нем находясь, мы его не видим, не слышим: и на всякое указание постороннего наблюдателя мы обижаемся» (С.30).

[3] Белый предполагал завершить трилогию «Восток или Запад», начатую «Серебряным голубем» и «Петербургом», романом под заглавием «Невидимый Град». Позже этот неосуществленный замысел модифицировался в идею самостоятельного цикла автобиографических произведений под общим заглавием «Моя жизнь». См.: Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. С.343-345.

[4] Подобное представление о характере критических откликов на его произведения оказалось у Белого весьма устойчивым; в 1927 г. он, составляя перечень запомнившихся ему статей о его произведениях, распределил их по трем рубрикам: «Дружественная критика», «Враждебная» и «Неопределенная», – а в заключительной части перечня привел имена критиков, соответственно по тем же трем рубрикам (*РГБ*. Ф.198. Карт.6. Ед.хр.5. Л.19-26об.).

[5] «Путевые заметки» Белого, готовившиеся в 1912 г. к изданию в «Мусагете», были переданы «Сирину», но не были напечатаны и этим издательством (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С.224). Позднее 1-й том этой книги (в переработанной редакции) был издан дважды: Офейра. Путевые заметки. Ч.1. М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1921; Путевые заметки. Т.1. Сицилия и Тунис. М.; Берлин: «Геликон», 1922 (более полная редакция текста). Из 2-го тома «Путевых заметок» при жизни Белого были опубликованы лишь отдельные главы; полностью текст его («Африканский дневник») напечатан в кн.: Российский архив. I. М., 1991. С.327-454 (публикация С.Воронина) – с предисловием Н.Котрелева «Злосчастная судьба счастливой книги. К истории путевых записок Андрея Белого».

[6] Константин Федорович Некрасов (1873–1940) – книгоиздатель, племянник Н.А.Некрасова. См. о нем во вступительной статье И.В.Вагановой к публикации «Из истории сотрудничества П.П.Муратова с издательством К.Ф.Некрасова» (Лица: Биографический альманах. 3. М.; СПб., 1993. С.159-166). После того, как «Русская мысль» отказалась печатать «Петербург», Некрасов предложил Белому опубликовать роман отдельной книгой в его ярославском издательстве. 10 марта 1912 г. он отправил Белому телеграмму: «По письму Грифа прошу оставить новый роман за мной отвечайте Ярославль голос Некрасову когда приехать Москву оформить условие Некрасов» (*РГБ*. Ф.25. Карт.21. Ед.хр.37. Гриф – С.А.Соколов (Кречетов), глава издательства «Гриф») – и в тот же день получил ответную телеграмму: «Роман задержал оформим условие приезжайте в Москву я до 17 известите о приезде Бугаев» (Гос. архив Ярославской области. Ф.952. Оп.1. Ед.хр.33. Л.1). Условия печатания романа Белый оговаривал уже после состоявшейся встречи в письме к Некрасову из Брюсселя от 22 марта (ст.ст.) 1912 г.: «Я согласен отдать Вам мой роман "Петербург", заключающий около 22 печатных листа по 40 000 букв (немного более или менее) за 2 200 рублей, предоставляя Вам выработать норму количества печатных экземпляров. Согласно нашему разговору Вы даете мне за полученную рукопись в счет авторского гонорара 1 100 рублей. Я же в течение 3-х месяцев, т.е. к концу июня, представляю Вам окончание романа. Из 1 100 рублей я получил 300. Остальные 800 рублей Вы обещали выслать в течение 2-х недель мне за границу» (Там же. Л.3-4. Тексты писем Белого к Некрасову любезно предоставлены нам И.В.Вагановой). О своих намерениях относительно издания «Петербурга» Некрасов извещал Белого 16/29 мая 1912 г.: «Книгу я хотел бы выпустить не позже 1 сентября. Печатанье – с отсылкой вам корректур – займет месяца 2» (*РГБ*. Ф.25. Карт.21. Ед.хр.37), – однако писатель не мог закончить работу над романом

(занимаясь одновременно и переработкой ранее написанных глав) ни применительно к этим издательским планам, ни в последующие месяцы 1912 г. (см.: Долгополов Л.К. Творческая история и историко-литературное значение романа А.Белого «Петербург» // *Петербург*. С.557-560). Когда возникло предложение печатать роман в «Сирине», Белый писал Блоку (декабрь 1912 г.), что пошел бы на это, «если бы Некрасов добровольно согласился бы уступить без претензии (не формально, а по-хорошему)», и пояснял: «Я продал Некрасову роман (до XX печатных листов) за 2 200 рублей. Первую половину давно получил и прожил; Некрасову же представил до 14 печатных листов, обязуясь до июля представить следующие 6-8. Но: случился Доктор. Все полетело к черту. Я мог работать с редкими промежутками» (*Блок – Белый*. С.305. «Доктор» – Р.Штейнер).

[7] В Боголюбах (Волынская губ.) под Луцком Белый жил с марта до конца июля 1913 г. (с перерывом на три недели в мае).

[8] Имеется в виду встреча с Ивановым-Разумником во время пребывания Белого в Петербурге 11-14 мая 1913 г., когда состоялось их личное знакомство. См. об этом во вступительной статье (С.8).

[9] Речь идет об устройстве дел, связанных с кавказским участком земли (вблизи Адлера), отцовским наследством Белого. В июне 1912 г. Белый писал матери, А.Д.Бугаевой, из Мюнхена: «Теперь *окончательно* решена постройка черноморской дороги (я об этом читал в *Речи*). Совет министров утвердил скорейшую ее постройку. С постройкой дороги (года через два) цена на нашу землю удвоится и более. Продавать имение жаль. <...> 3) "*Мусагет*" же, нуждаясь в деньгах, настаивает на том, чтобы я уплатил 3 000 долг. И вот самое рациональное и простое сейчас – вот что: не продавать, а заложить землю. Это я решил. Заложив за несколько тысяч (я буду платить %, то есть несколько сот рублей в год – 300-400), через 2-3 года мы продаем уже: пока же землю надо разбить на участки и сдать в аренду с условием, чтобы на ней разводили культуру плодовых деревьев» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.359. Л.134-135). Устройством этого дела занялся «практический» человек – В.К.Кампиони, отчим А.Тургеневой. В недатированном письме (1913 г.) к А.С.Петровскому Белый сообщал: «6 месяцев тому назад в итоге поездки В.К.Кампиони выяснилось состояние моего имения (оно лет через 5 будет стоить 30 000), невозможность его продажи теперь, невозможность его залога в *банки* и сложный план залога его у Вл<адимира> Константиновича, причем нам освобождалось тысяч 8; из них часть шла на уплату долгов (Мусагету и Блоку), часть на спокойное прожитие, хотя бы год. <...> В декабре все это рухнуло (ибо *война* испортила дела Вл<адимиру> Константиновичу, а он не мог взять в залог имение): мы остались в перспективе ужасной; за плечами долги, неоткуда достать ничего <...>» (*РГАЛИ*. Ф.2833. Оп.1. Ед.хр.527. Подразумевается 1-я Балканская война между Балканским союзом и Турцией, октябрь 1912 – май 1913 г.). Однако в письме к Э.К.Метнеру от 3 сентября (н.ст.) 1913 г., отправленном из Мюнхена, Петровский оповещал: «...у Б.Н. дела с имением подвигаются, оно разбито на участки, А<лександра> Дм<итриевна> отказалась от своей части, и он почти наверное вернет зимой часть долга» (*РГБ*. Ф.167. Карт.14. Ед.хр.35). Тем не менее хлопоты, предпринятые с целью продажи земельного участка, успехом не увенчались. В завещании, оформленном в Дорнахе 14 августа (н.ст.) 1916 г., Белый указывал: «...завещаю я Анне Алексеевне Тургеневой а) принадлежащий мне участок земли, находящейся в Сочинском уезде Черноморского округа, управление каковым участком по нотариальной доверенности передано мною в настоящее время Владимиру Константиновичу Кампиони <...>» (Andrej Belyj. Symbolismus. Anthroposophie. Ein Weg. Texte–Bilder–Daten. Herausgegeben, eingeleitet, mit Anmerkungen und einer Bibliografie versehen von Taja Gut. Dornach/Schweiz, 1997. S.78. Текст – факсимиле).

[10] Комментарий Иванова-Разумника:

«Сцена эта из сиринского текста изъята, согласно желанию автора; в рукописном оригинале "Петербурга" (у ИР) она занимает 1 1/2 стр. писч. формата (рукопись, гл.VI, стр.92-93). Она следует после многоточия на стр.97-ой III-ей части издания "Сирина". Вот ее текст:

. . . .

В двух шагах от него (через пять всего зданий) собрание состоялось в квартирке, где завесы предусмотрительно укрывали самый вид из окна; и печальный, и длинный, присоединяясь к товарищам, вошел в помещение это; все они потом удалились в отдельную комнату, заперли двери на ключ, помолчали и сели; было их – семь человек; шестеро преклонили почтительно головы, чтобы слушать.

Говорил же седьмой:

– "Мы – мировые пространства; мы глядим в запространственность; оттого нам и кажется, что пространства нас давят; мы глядим вне себя; некогда внутрь себя мы глядели; оттого все, что мы видели, было лишь созерцанием тела; если бы и теперь мы умели себя созерцать, как себя созерцали мы прежде, то извне поражающие нас картины, были б картинами наших органов, вкруг обставших горными кручами, отраженными зеркалами озер. Так мы себя созерцали".

И все шесть отвечали:

– "Так будем себя созерцать".

– "Времена и пространства – созерцания нас внутри нас, потому что пространство есть тело, а время – пульсация крови от органа к органу: от планеты к планете, потому что самая здесь планета впоследствии сжалась в орган; мы – система планет; солнце – сердце; наше '*я*', созерцавшее свое тело, в сущности созерцало не тело, а систему планет из засолнечной дали, где – высокое собрание зодиаков образует блистающий круг; зодиак окружает наш мозг; зодиак – это череп; совершаясь в мозгу, мысль касается черепа: пролетает пространства и внедряется в зодиаки; мысль не знает пространств, потому что в ней обитают пространства; а сатурнова орбита, начинаясь под мозгом, имея центр в солнце, – имеет центр в сердце; солнце – сердце; вы к сердцу прислушайтесь, вы пролейте в биения сердца свою звездную мысль: вам откроется жизнь бегущих планет – в жизни органов чувств. Так учит мудрость".

И все шесть отвечали:

– "Перенесем же мы темные ощущения чувств к глуби сердца: мы не только будем, как солнце – мы будем солнцем; вознесясь сердцем в мысль, мы в себя перебросим пространства; мы потушим пространства".

А седьмой продолжал:

– "Наши органы чувств – отверстия небосвода; став на границе себя, мы пробили те бездны; и пробивши те бездны, вывалились из себя; так встал видимый мир: небосвод нам кажется бездной; темные ж отверстия чувств, в которые мы из себя пролетели, порассыпались роями звезд; так мы вывернули себя наизнанку; наше тело, став видимым миром, этот видимый мир нам явило, как тело; став душою, пространство обернуло душу в пространство; оттого-то в груди – пустота; и за небосводом – душа; оттого и '*я*' есть '*не-я*'; и '*не-я*' – только '*я*'; нет окончания вокруг нас, потому что мы – конец и начало; в бесконечностях бесконечного – нет; и концу нет конца".

. . . .» (Л.5-5об.)

Приведенный текст изъят из 6-й главы «Петербурга»; в главке «Почему это было...» он следовал после абзаца «Мировое пространство пустынно! ∞ показалось бы нищенским...» (см.: *Петербург*. С.303). В беловой наборной рукописи, сохранившейся не в полном объеме (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.3. Ед.хр.23-а) соответствующие листы автографа отсутствуют. Список Иванова-Разумника – единственный источник текста этого фрагмента.

[11] Подразумевается главка «Гость» в 6-й главе романа (*Петербург*. С.305-307).

3. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
Начало января ст. ст. 1914 г. Берлин[1].

Глубокоуважаемый Разумник Васильевич!

Из присылки корректур мне и из телеграммы явствует, что Вы не получили очень длинного и делового письма моего[2]; это меня крайне удручает и конфузит: письмо послано было около месяца тому назад. Там, в письме, я писал о том, что уезжаю в Лейпциг, что корректуры мне можно не посылать, что место, подлежащее вычеркиванию, указать мне легко; и со спокойною совестью уехал я в Лейпциг, полагая, что корректура мне послана не будет; и вот все-таки корректура меня ждала, а в Лейпциге я был около 2-х недель. Теперь же, по возвращению из Лейпцига, где был длинный ряд лекций д<окто>ра Штейнера, был ряд лекций в Берлине, подготовление к Ген<еральному> Собранию и т.д.[3] В итоге: страшная усталость: едва рука водит пером. Поэтому заранее извиняюсь за, быть может, мало внятный тон моего письма, как и за те *qui pro quo*, которые могли возникнуть из неполучения Вами моего обстоятельного письма, написанного месяц тому назад.

Постараюсь вкратце и возможно яснее изложить те деловые пункты, которые мне хотелось бы разрешить. Во-первых: мы с женой[4] очень скоро покидаем Берлин, и поэтому мне очень важно знать мои отношения финансовые к «Сирину».

В апреле 1913* года я получил от Книгоиздательства «*Сирин*» следующий лист: переписываю его содержание.

Б.Н.Бугаеву.

Причитается:	*Уплачено*:
Гонорар за «Пут<евые> Заметки» – 666 р.	Возвращен «Мусагету» аванс, выданный за «Пут<евые> Заметки» – 333,33.

* *В автографе описка:* 1912; *на полях – помета Иванова-Разумника:* 1913-го!

<Гонорар за> роман «Петербург», по 200 р. за лист (в 40 т<ысяч> букв) *приблизительно* за 24 листа – 4800 р.

———

Всего *около*[5] руб. 5466.

Возвращены К.Ф.Некрасову расходы по изданию романа «Петербург» – 1630,70.

———

Всего 1964,03.
Переведено Б.Н.Бугаеву в Луцк 333.
Всего уплочено 2297,03.

Я получал ежемесячно от К<нигоиздательст>ва «Сирин» по 333 рубля: за апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь: то е<сть> 10 месяцев получал по 333 рубля: 333 x 10 = 3,330 рубля я уже получил. Между тем по расчетному листу я должен был получить 3170 рублей при условии, что роман «Петербург» = 24 печатных листам; он – более; и вот отсюда возникает крайне важный для меня вопрос: на сколько роман превышает 24 печатных листа? Т.е.: получу ли я еще за февраль, исчерпана ли сумма моего гонорара настоящей, январьской присылкой; мне это важно знать заранее, потому что мы переезжаем в Швейцарию, средств у нас нет, предстоят расходы и потому я должен *minimum* за месяц знать мои отношения финансовые к «Сирину», чтобы в случае исчерпанности гонорара суметь достать вовремя денег; я об этом писал в письме уже около месяца назад, но оно, вероятно, пропало.

Во-вторых: в Норвегии осенью (в сентябре)[6] я получил уведомление К<нигоиздательст>ва «Сирин», что оно согласно переиздать мои стихи и роман «Сер<ебряный> Голубь». И вот у меня возникает ряд вопросов к К<нигоиздательст>ву: когда, к какому времени мне приготовить к изданию мои стихи и роман. Сюда присоединяется еще один деликатный для меня вопрос: если бы «К<нигоиздательст>во» захотело печатать в скором времени мои эти произведения, то не было ли возможно какнибудь разложить сумму гонорара за них на месячные посылки; мне было бы, сознаюсь, крайне удобно, если бы в скором времени «*К<нигоиздательст>во*» приступило к печатанию этих произведений, потому что тогда я решился бы обратиться к К<нигоиздательст>ву с просьбой, весьма выручающей меня в данное время: в скором времени по исчерпанию моего гонорара за «Петербург» и «Путевые Заметки» высылать мне ежемесячные суммы в счет гонорара за стихи и за «*Голубь*», разумеется, если *И<здатель>ству* это будет удобно: меня бы это крайне выручило. А в противном случае я хотел бы *заранее знать*, что это невозможно, чтобы иметь время найти себе заработок или средства; но на это нужно время; из заграницы это трудно; это и заставляет меня обратиться в «*К<нигоиздательст>во Сирин*» вторично с тою же просьбой: 1) ответить на второй мой вопрос (когда «Сирин» предполагает приступить к изданию стихов и *Голубя*, на какой я могу рассчитывать гонорар, возможно ли мне высылать этот гонорар порциями), 2) ответить на первый вопрос (исчерпана ли сумма гонорара за «Пут<евые> Заметки» и «Петербург»). Извиняюсь, что пишу так сухо и кратко; но чувствую страшную физическую усталость; ужасно досадно, что пропало первое мое, более обстоятельное письмо.

Наконец: если нетрудно будет ответить, то было бы мне интересно знать: когда выйдут мои «Путевые Заметки».

———

Глубокоуважаемый Разумник Васильевич! Меня крайне порадовало Ваше мнение о моем романе: обрадовали Ваши слова, что нечто в моем романе Вас удовлетворило (что в романе ряд промахов, это я сознаю и сам); было бы мне крайне лестно и интересно видеть Ваше печатное мнение о нем (Вы писали, что собираетесь о нем писать): надеюсь, что Вы мне пришлете тогда Ваше печатное мнение (я отсюда вовсе не слежу за журналами, и ничего не знаю: писалось ли о «Петербурге» и что писалось: вообще вовсе не знаю, как выглядит он в печати). Мне самому то роман нравится, то вызывает *почти* отвращение; и тогда кажется, что нет позорного слова, которым бы можно было его заклеймить; и вдруг опять себе говорю: «А ведь это место недурно!..» и т.д. Словом, у меня самого нет никакого мнения о романе; поэтому-то Ваше мнение мне было бы крайне и полезно, и интересно.

———

Теперь последний пункт: о «Заветах»[7]: с радостью бы прислал свои стихи, если бы было время их превратить из невнятных строчек и строф в *стихи*: но весь этот месяц живу в курсе и лекциях доктора; поэтому с глубоким сожалением не могу ничего прислать. Но Вы позволите, как только будут настоящие стихи, прислать их в «*Заветы*» Вам. И если окажутся годными для напечатания, то напечатайте их, когда в журнале освободится место[8]. Ваше приглашение дать стихи в «Заветы» окрыляет меня. С «Заветами» я познакомился летом и очень их полюбил: живой, нужный журнал. Если что будет (стихи, рассказик), я пришлю Вам, а Вы поступайте, как сочтете нужным. В «Заветах» мне было бы очень радостно участвовать стихами. А за промедление со стихами не взыщите.

Остаюсь глубоко уважающий Вас и преданный Борис Бугаев.

P.S. Наш адрес тот же до 30 января, до 18-19 января старого* стиля, о дальнейшем адресе скоро уведомлю[9].

P.P.S. Мне важно теперь приблизительно знать общую сумму возможного гонорара за «Стихи» и «Голубь» ввиду моего долга К<нигоиздательст>ву «*Мусагет*», который я буду выплачивать сам.

[1] Согласно почтовым штемпелям, письмо было отправлено из Берлина 4/17 января 1914 г., получено в Петербурге 6 января 1914 г.; в тот же день Белый отправил Иванову-Разумнику телеграмму: «Стихов нет. Письмо следует».

[2] Имеется в виду п.2. Комментарий Иванова-Разумника: «Письмо было получено <...>, но письма АБ и ИР разошлись. Поэтому АБ повторяет содержание предыдущего письма» (Л.6).

[3] Белый уехал в Лейпциг 27 декабря 1913 г. (н.ст.) на курс лекций Штейнера «Христос и духовные миры» («Christus und die geistige Welt»), вернулся в Берлин 4 или 5 января (н.ст.) 1914 г. В Берлине он прослушал несколько открытых и закрытых («для эзотериков») лекций Штейнера. Второе генеральное собрание Антропософского общества проходило в Берлине с 18 по 23 января. В «Материале к биографии» Белый пишет в этой связи: «...если события лейпцигского курса развернулись для меня как мистерия посвящения меня в тайны духа, то весь период от 6-го января до генерального собрания стоит в памяти, как опять-таки *sui generis* мистерия моего посвящения в судьбы нашего духовного движения» («Андрей Белый и антропософия» / Публикация Дж.Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. 6. Paris, 1988. С.370. Текст исправлен по автографу: *МБ*. Л.73об.). Свод документальных материалов, отражающих роль антропософии в жизненной и духовной биографии Белого, представлен в кн.: Andrej Belyj. Symbolismus. Anthroposophie. Ein Weg. Texte–Bilder–Daten. Herausgegeben, eingeleitet, mit Anmerkungen und einer Bibliografie versehen von Taja Gut. Dornach, Rudolf Steiner Verlag, 1977, 364 S.

[4] Анна Алексеевна (Ася) Тургенева (1890-1966) в это время еще не была официальной женой Белого. В письме, отправленном из Базеля 4 февраля 1914 г., Белый сообщал матери: «...мы женимся (гражданским браком), чтобы нас не теснили швейцарские власти, и теперь хлопочем с бумагами, ездием <sic!> в Берн к поверенному и т.д.»; 25 февраля (н.ст.) он писал ей же: «Пока идет дело о нашем венчании, мы не можем снять в Дорнахе общее помещение и живем в отеле (в Базеле). Повенчаемся мы марта 15-го нов<ого> стиля» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.359. Л.167, 169). Гражданский брак был заключен в Берне 23 марта (н.ст.) 1914 г. (Kanton Bern. Eheregister des Zivilstandskreises Bern, Bd.1914, S.78, №157).

[5] Внизу рукой Белого приписка: «Точная сумма зависит от действительного количества печатных листов в романе "Петербург"».

[6] Белый пробыл в Норвегии (Христиания, Льян, Берген) месяц – с 12 сентября по 11 октября (н.ст.) 1913 г.

[7] Первый номер ежемесячного журнала «Заветы» (левонароднического и эсеровского по политической ориентации) вышел в свет в апреле 1912 г. (под редакцией В.М.Чернова и В.С.Миролюбова). Иванов-Разумник вошел в руководящее ядро журнала в сентябре того же года; взяв на себя фактическое руководство литературно-критическим отделом «Заветов», он стремился привлечь к сотрудничеству как писателей реалистической школы, так и символистов и «новых реалистов». См.: Петрова М.Г. Эстетика позднего народничества // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX в. М., 1975. С.161-169.

[8] В марте 1914 г. Белый послал Иванову-Разумнику стихотворение «Мне снились – и море, / И горы...» (автограф – на бланке Grand Hôtel Grünwald, München; в верхнем правом

* *В автографе описка:* нового.

углу – карандашная помета Иванова-Разумника: «Пол<учено> 20/III 1914»; автограф хранится вместе с письмами Белого к Иванову-Разумнику за 1914 г.). 5-й, майский номер «Заветов» за 1914 г. открывался этим стихотворением (с.1-2); в переработанном виде и под заглавием «Самосознание» оно вошло в кн. Белого «Звезда. Новые стихи» (Пб., 1922. С.8-9). Первоначальная редакция стихотворения перепечатана в кн.: *Стихотворения III*. С.260-261.

[9] Белый и А.Тургенева выехали из Берлина в Базель 31 января (н.ст.) 1914 г.; 4 февраля Белый писал матери: «Теперь мы уже не в Берлине, а пока в Базеле... Под Базелем у деревушки Дорнах строют спешно будущий наш Театр-Храм для мистерий; здесь воздвигнется ряд построек; вырастет целый поселок, – здание для курсов, художеств<енная> мастерская и т.д. Идет грандиозная спешная постройка, и кто чем может помочь, помогает. Вот мы и приехали, чтобы поселиться в Дорнахе на ряд месяцев (до самой мистерии) и одновременно предложить свои услуги по работе <...> и радостно хоть чем-нибудь реальным (работою) прикоснуться к делу Доктора» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.359. Л.167).

4. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
19 апреля / 2 мая 1914 г. Арлесгейм[1].

Адрес. Schweiz. Bei Basel. Arlesheim. Mattweg №318[2]. Herrn Boris Bugaieff.

Глубокоуважаемый Разумник Васильевич!

Спасибо за экземпляры «*Сирина*» и за прекрасное издание моего романа в «Сирине». В первый раз вижу свое произведение, не искаженное опечатками. И поскольку Вы имели касание к печатанию романа, сердечное спасибо Вам. До сих пор роковые опечатки искажали все мои произведения. А в «Петербурге» я почти не встречал опечаток; и главное, расстановка знаков препинания вполне авторская[3]. До сих пор автору не удавалось часто провести свою расстановку; и от этого терпело произведение. Передайте «Сиринам» мою благодарность за щедрый гонорар, полученный мною за «*Петербург*»: благодаря нему я мог 2 года прожить на свое произведение и поэтому смог его написать; большинство моих произведений *недописано*, или писано кое-как; над «Петербургом» удалось более поработать. Уж не знаю, что вышло из этого; хотелось бы знать Ваше мнение о «Петербурге», если бы Вы когда-нибудь удосужились мне о нем его высказать в письме; впрочем, ради Бога, не пишите ничего, если Вы в делах и Вам не до писем. Более, чем кто-либо, я понимаю, какая иногда бывает мука писать письма; и теперь, как раз, 3 месяца я в такой полосе, что перо валится из рук; три месяца, если мы не в переездах, мы в работе: строим «*Johannesbau*»; и почти буквально: с утра до вечера со стамесками в руках работаем над капителями и архитравом (Johannesbau – деревянный); здание еще только вырисовывается, но – что за форма! Это действительно *небывалый* воистину *новый*, воистину *оригинальный* стиль (не стиль-модерн); если можно с чем сравнить, так это с Софией (Константинополя)[4]. Я никогда в жизни физически не работал, а теперь, оказывается, вполне могу резать по дереву; и что это за великолепие работать самому, участвовать физически в коллективной работе над тем, что потом останется, как памятник[5]. Мы работаем над семью породами деревьев (архитрав и колонны из семи пород: дуба, ясени, бука, вишни, березы, явора...). Вы не можете себе представить, как прекрасно колотить по дереву: когда вработаешься, то каждый штрих стамески – слово; а все – произведение, поэма, но произведение коллективное, ибо мы, работающие, – оркестр, а наш дирижер – ну, конечно, Доктор[6]. Уходишь с утра на работу, возвращаешься к ночи: тело ноет, руки окоченевают, но кровь пульсирует какими-то небывалыми ритмами, и эта новая пульсация крови отдается в Тебе новою какою-то песнью: песнью утверждения жизни, надеждою, радостью; у меня под ритмом работы уже отчетливо определилась третья часть трилогии, которая должна быть сплошным «*да*»[7]; вот и собираюсь: месяца три поколотить еще дерево, сбросить с души последние остатки мерзостного «Голубя» и сплинного «Петербурга», чтобы потом сразу окунуться в 3-ью часть трилогии. А то у меня теперь чувство вины: написал 2 романа и подал критикам совершенно справедливое право укорять меня в нигилизме и отсутствии положительного *credo*. Верьте: оно у меня есть, только оно всегда было столь интимно и – как бы сказать – стыдливо, что пряталось в более глубокие пласты души,

чем те, из которых я черпал во время написания «*Голубя*» и «*Петербурга*». Теперь хочется сказать публично, «*во имя чего*» у меня такое отрицание современности в «Петербурге» и «Голубе». Но – сперва доколочу *архитрав* нашего *Вau*.

Кстати: если бы Вы вздумали мне написать, то не скажете ли, какое впечатление производит «*Петербург*» на читателей. Я ничего не знаю, как действует «Петербург». Знаю только 2 критики Игнатова в «Русск<их> Ведом<остях>»[8]. И очень удивлен ими и в общем благодарен Игнатову; ибо при его «*Standpunkt'e*»* он имел полное право меня пробрать без оговорок, а у него – оговорки, и весьма лестные для меня... Спасибо ему[9]...

Перехожу к деловой части письма: я получил рассчетный лист «Сирина». Пишу отдельно в Контору, что совершенно согласен с рассчетом. Высылаю рукописи стихов[10] и экземпляр «Голубя» с небольшими пометками в течение мая. Предоставляю «Сирину» право печатать, когда издательство сочтет нужным, но, если можно, просил бы в случае прекращения мне высылки денег после мая предупредить за месяц, ибо денег у меня нет, уехать от постройки *Вau* мне невозможно сейчас, и я попал бы в очень затруднительное положение, если бы «*Сирин*» не уведомил меня заранее о том, что срок высылки гонорара или аванса истек. Примите уверения в совершенной преданности и уважении.

Борис Бугаев.

[1] Заказное письмо. На конверте штемпели отправления (Arlesheim. 2.V.14) и получения (Петербург. 22.4.14).

[2] После возвращения из Праги, где Штейнер прочел две лекции 16 и 17 апреля, Белый и А.Тургенева поселились в небольшом селении Арлесгейм, рядом с Дорнахом, под Базелем: «Вернулись мы в нашу новую квартирку в две комнаты; комнаты сдавала нам Е.А.Ильина; поселились мы в Арлесгейме на *Mattweg*, отстоящей от "*Bau*" довольно далеко (<в> 20 минутах ходьбы); все в Дорнахе и Арлесгейме цвело; цвели яблони; и купол "*Bau*" возвышался среди белеющего цвета» (*МБ*, апрель 1914; Минувшее: Исторический альманах. 6. С.378).

[3] См. примеч.3-4 к п.1. Первый сб. «Сирин», включающий главы 1-3 «Петербурга», вышел в свет в середине октября (ст.ст.) 1913 г.; все три сборника отпечатаны тиражом 8100 экз. Белый получил три сборника одновременно и в своем восхищении не заметил многочисленных опечаток в тексте. См.: Долгополов Л.К. Текстологические принципы издания // *Петербург*. С.627-635.

[4] Храм св.Софии в Константинополе, построенный в 532–537 гг. Исидором из Милета и Анфимием из Тралл; главная святыня христианского Востока. После завоевания Константинополя турками в 1453 г. превращен в мечеть.

[5] Ср. позднейшие свидетельства Белого: «Начинается ежедневная работа по дереву; мы с Асей работаем над капителью "*Сатурна*" <...> переходим с Асей на капители "*Марса*"» (март 1914 г.); «Конец месяца ознаменовывается началом работ на архитравах, в *Schreinerei*; мы с Асей одни из первых, начавших работу в архитравной; огромные помещения были еще пусты; получаем архитрав "*Марса*" для большого купола» (апрель 1914 г.; *РД*. Л.67об., 68, 68об.). Белый подробно описывает свою работу резчиком по дереву на постройке Гетеанума («Johannesbau»), которая продолжалась до декабря 1914 г., в «Материале к биографии» (Минувшее. 6. С.378-379, 388-396).

[6] Та же параллель – в позднейших воспоминаниях Белого: «Дирижировал постройкою доктор – так именно: каждую отрасль работы – резьбу, стекло, живопись, купол, низ, круг из колонн и т.д. – брал инструментами он; и старался явить из оркестра работы симфонию» (Андрей Белый. Воспоминания о Штейнере / Подготовка текста, предисловие и примечания Фредерика Козлика. Paris, 1982. С.277).

[7] Комментарий Иванова-Разумника: «Это – первое упоминание о будущем "Котике Летаеве"» (Л.6об.). Наиболее вероятно, однако, что в данном случае Белый подразумевал тот свой замысел заключительной части трилогии, который в 1913 г. он предполагал воплотить под заглавием «Невидимый Град» (см.: *Петербург*. С.515).

---

* *«установке» (нем.)*

[8] Илья Николаевич Игнатов (1856–1921) – литературный и театральный критик, публицист. Имеются в виду его статьи, помещенные под рубрикой «Литературные отголоски». В первой из них, включающей отзыв о 1-м сборнике «Сирин», при характеристике «Петербурга» отмечается параллель между Аполлоном Аполлоновичем Аблеуховым и Алексеем Александровичем Карениным из «Анны Карениной» Л.Толстого (впоследствии неоднократно прослеженная исследователями) – с оговоркой о том, что «Каренин – фигура жизненная, а герой г. А.Белого – схема»; схематизм, по мысли критика, – отличительная особенность первых трех глав романа: «Оторванный от жизни Петербург, где единственной реальной фигурой, а не тенью, кажется провокатор, где всё только схемы и построения, а не жизнь, не плоть и кровь, во всяком случае не удовлетворение и не радость, рассматривается автором как нечто фиктивное, нелепое, ненастоящее. Движутся тени, и тени кажутся людьми; носятся какие-то отрывочные слова, начинаются действия, – и кажется, что ни в словах, ни в действиях не заложены те мысли и чувства, которые можно предполагать, и люди – не люди, а схемы» (Русские ведомости. 1913. №256. 6 ноября). Во второй статье, целиком посвященной разбору глав «Петербурга», опубликованных во 2-м «сиринском» сборнике, Игнатов утверждает: «Вторая часть – жизненнее и сильнее. И она, как первая, страшно манерна. Автор все время дарит читателя ужимками и изломами; все время жеманничает, но, – странное дело, – как быстро ко всей этой развязности привыкаешь: сначала возмущаешься, потом миришься, потом даже начинаешь находить в ней некоторые достоинства, – главным образом соответствие формы с содержанием: болезненно-вымученная форма отвечает кошмарности содержания. <...> В кошмаре мелькающих образов, теней и туманов представится фигура самого автора, смотрящего откуда-то сверху, но не с прочного основания, а с какой-то колеблющейся безвоздушности, на Петербург, на Россию, на борьбу людских существ, идей, символов, чувств». Игнатов отмечает сознательное использование автором «заготовленного материала» – образов и мотивов из классических литературных произведений: «Он как будто говорит: смотрите, вот тип, всем вам известный; я ставлю его в другие условия, я заставляю его пережить не те чувства, которые до сих пор его заставляли переживать другие авторы, – смотрите, как от этого меняется все дело и выясняется иной взгляд на жизнь». Приводя большой фрагмент из романа с рефреном «лак, лоск и блеск», Игнатов заключает: «Это великолепное описание великолепия достойно быть занесено на страницы хрестоматий как образец точности, внешней почтительности и злой насмешки» (Русские ведомости. 1914. №36. 13 февраля). Ср. характеристику отзывов Игнатова о «Петербурге» в энциклопедической статье о нем А.В.Чанцева (Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т.2. М., 1992. С.398).

[9] Ср. записи Белого о «Петербурге» в составленном им указателе критической литературы о его произведениях: «1) Игнатов (“*Русские Ведомости*” за 1913 год). Писал враждебно. 2) Игнатов (“*Русские Вед<омости>*”). Позднее: писал с оттенком сочувствия. 3) Игнатов же (“*Русские Ведомости*” за 1916 год). Писал в защиту “*Петербурга*”: tempora mutantur!» (*РГБ*. Ф.198. Карт.6. Ед.хр.5. Л.23. Подразумевается статья И.Игнатова «Об Андрее Белом», напечатанная в «Русских ведомостях» 22 декабря 1916 г.).

[10] Ср. запись Белого о мае 1914 г.: «...усаживаюсь дома подготовлять собрание стихов у “*Сирина*”» (*РД*. Л.69; см. также: *МБ*; Минувшее. 6. С.388).

5. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
19 июня / 2 июля 1914 г. Арлесгейм.

Арлесгейм 14 года. 2 июля н.ст.

Глубокоуважаемый Разумник Васильевич!

Извиняюсь за столь значительное опоздание высылки рукописей: верьте, это не от лени. Но я хотел подготовить 2-ое издание своих стихотворений, распределив их по новым отделам и переработав ряд стихотворений заново; этой работой я и занялся[1]. Но, занявшись переработкой, я понял, что мое намерение – не оставить камня на камне в «Золоте в Лазури», т.е. попросту заново написать «Золото в Лазури»[2]. Это вопервых; во-вторых: наступила горячка в строительных работах в «*Johannesbau*», и представьте: мы теперь все (я, моя жена, некоторые из москвичей)[3] завзятые скульпторы по дереву; на нас смотрят, как на рабочую единицу, мы распределены по группам, вырезываем архитравы, окна и т.д. И вот: надо было все архитравы к определенному числу поднять на верх, т.е. черновым образом закончить работу; и, – состоя в группе, было почти невозможно оторваться; так что переработка стихов за последние три недели остановилась; да и я стал раздумывать, надо ли изменять явно юношеские стихи; не показательнее ли они во всех их недостатках. Некоторые из харак-

тернейших для меня стихотворений – технически детские; наоборот: многие из технически зрелых – непоказательны вовсе. Ввиду моего изменившегося взгляда на стихотворную технику (техника для меня перестала играть роль; техника, форма – далеко не первое и не последнее в стихе), я перестал стыдиться своих технических несовершенств эпохи «*Золота в Лазури*» и решил издать стихи в хронологическом порядке: пусть издание моих стихов выглядит рассказом о моей эволюции, как поэта[4]. Во время этих раздумий о том, следует ли предпринимать издание, имея в виду связность отделов и зрелость формы, или же следует отдать себя на суд публики, не прикрашиваясь внешними штрихами, пришло письмо из «*Сирина*». Ввиду того, что я считаю предлагаемые Вам стихи завершенным этапом моей поэзии, к которому я уже не вернусь, и ввиду того, что я теперь намерен писать стихи по-другому, я решил не слишком исправлять форму; так: я оставил стихи эпохи 1900–1902 года, несмотря <на> их наивность (в формальном смысле), потому что они мне кажутся *детскими* и *милыми* именно в их беспомощности и т.д. Те стихотворения, которые я переработал (их не слишком много), я оставил в переработанном виде.

Теперь позвольте высказать несколько деловых соображений.

При моей работе в *Ваи* я не мог переписать все три сборника. Поэтому я переписал лишь некоторые стихи (главным образом те, которые переработал); те же, которые остаются без изменения, я распределил так, что на соответственном месте я пишу: название стихотворения, сборник, в котором оно напечатано, страницу; а если в перепечатываемом стихотворении есть сокращение, то я приписываю просьбу вычеркнуть *такую-то строфу*[5]. Если Вам неудобна такая система, напишите: я могу прислать Вам три сборника, хотя «Пепел» у меня имеется в единственном экземпляре (издание давно исчерпано); «*Золото в Лазури*» – тоже в единственном экземпляре (издание тоже, *кажется*, исчерпано), и я с трудом достал экземпляр через друзей у букиниста; мне было бы жаль лишиться последних книг своих («*Урна*» у меня имеется в двух экземплярах; издание *не исчерпано*). Ремингтонировать было не у кого. Повторяю: я могу прислать Вам все три сборника, если Вам они нужны для переиздания.

Далее: я хотел бы, чтобы все *посвящения* (их много), которые я не воспроизвел в рукописи сызнова, не перепечатывались бы. Посвящение имеет цену, если оно есть действительно посвящение, а не просто *визитная карточка*: посвящения «*визитные карточки*» я уничтожил[6].

«*Серебряного Голубя*» высылаю Вам вскоре, как только окончу разметку сокращений «Петербурга» для немецкого издания: издатель, Георг Мюллер (в Мюнхене) выдвинул моей переводчице условие, чтобы «*Петербург*» был одним томом, а для этого надо было сократить его страниц на 100. Сокращая, я так увлекся этой работой, что думаю: для будущего русского издания я сокращу его тоже страниц на 150. При сокращении он выигрывает сильно[7].

Мне бы очень хотелось знать, когда выйдут «*Путевые Заметки*». Кстати: если «*Сирин*» предполагает еще выпускать сборники в 1914 году и если иные из сборников выйдут ранее II-го тома собрания моих стихотворений, то я предложил бы «*Сирину*» в сборники серию моих последних стихов; их – пять, и помещены они в отделе «*1913–1914 годы*»; они – последние стихи 2-го тома и следуют за стихотворением, присланным для «*Заветов*»[8]. Впрочем, если бы «*Заветы*» захотели их напечатать, то я отдал бы с удовольствием эти стихи в «*Заветы*». Мне отсюда не видно, где им удобнее быть, а потому я и предоставляю их на Ваше усмотрение[9].

Позвольте уведомить К<нигоиздательств>во «*Сирин*», что 333 рубля в счет гонорара за напечатание «Голубя» и стихов (за июнь) я получил.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Борис Бугаев.

Мой постоянный адрес до декабря теперь следующий: Schweiz. Arlesheim bei Basel. Buchdruckerei bei Schmiedt (Haus Schmiedt).

[1] Комментарий Иванова-Разумника: «“Собрание Стихотворений” АБ в двух томах, приготовленное им для изд-ва “Сирин”, осталось ненапечатанным ввиду возникшей мировой войны и последовавшего вскоре закрытия изд-ва “Сирин” <...>. Оба тома (частью – рукопись, частью – машинопись) хранились у ИР до 1932 г., когда были взяты АБ для передачи в ГЛМ, где ныне и находятся» (Л.6об.). Макет «Собрания стихотворений» хранится в архиве Андрея Белого в *РГАЛИ*: Ф.53. Оп.1. Ед.хр.1 (Т.1); Ед.хр.3 (Т.2); Ед.хр.4 (Т.3 – «Зовы»). См. характеристику этого несостоявшегося издания в статье (Introduction) Джона Малмстада (*Стихотворения I*. С.28-31). В настоящее время издание осуществлено в серии «Литературные памятники» (Андрей Белый. Собрание стихотворений. 1914 / Издание подготовил А.В.Лавров. М., 1997).

[2] Об этой и последующих многочисленных попытках переработки Белым его книги стихов и лирической прозы «Золото в лазури» (М., 1904) см.: Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>. Литературное наследство Андрея Белого // *ЛН*. Т.27/28. М., 1937. С.583-584.

[3] Подразумеваются прежде всего Наталья Алексеевна Тургенева (1886–1942), сестра А.Тургеневой, и ее муж, юрист Александр Михайлович Поццо (1882–1941). Об июне 1914 г. Белый писал: «Усиленнейшая работа нашей группы на архитраве “*Марса*” (я, Наташа, Ася, Поццо), который с величайшим подъемом и напряжением сдаем. Переходим работать на “Юпитер”, архитрав Малого Купола, который отделываем под руководством указаний самого доктора» (*РД*. Л.69об.).

[4] В предисловии к «сиринскому» «Собранию стихотворений» (датированному: «Арлесгейм, 21 июля н.ст. 1914 г.») Белый писал в этой связи: «Предпринимая издание своих стихотворений, автор мог руководствоваться двумя мотивами напечатания или распределения. Во-первых: он мог руководствоваться принципом распределения по отделам, объединенным той или иной руководящей темой. Такое распределение имеет смысл в пределах одного сборника. Подбирать же стихотворения по темам и вытягивать тему на протяжении 14 лет в “*Собрании стихотворений*” не имеет смысла. Автор поэтому расположил свои стихотворения в хронологическом порядке <...> Хронологический порядок предполагает не столько эстетический критерий, сколько историко-литературный. Видна эволюция тем, интересующих автора» (Андрей Белый. Собрание стихотворений. 1914. С.3).

[5] Макет «Собрания стихотворений» подготовлен в соответствии с этими условиями: во многих случаях вверху листа рукой Белого (или А.Тургеневой) написано название произведения и дано указание на его местонахождение в книгах автора «Золото в лазури», «Пепел» (СПб., 1909) или «Урна» (М., 1909), а на свободном пространстве листа либо вклеен указанный лист печатного текста, либо этот текст перепечатан на машинке.

[6] Ср. зачеркнутую фразу в предисловии Белого к «Собранию стихотворений»: «...автор уничтожил ряд случайных посвящений, оставив лишь те из них, которые и доселе остались в силе» (Андрей Белый. Собрание стихотворений. 1914. С.349).

[7] Комментарий Иванова-Разумника: «Немецкий перевод “Петербурга”, сокращенного автором, вышел в свет лишь в 1919 году (München, bei Georg Müller). План АБ приготовить для второго русского издания “Петербург” тоже в сокращенном виде был им осуществлен лишь в 1922 году» (Л.6об.). Георг Мюллер (1877–1917) – глава книгоиздательской фирмы; переводчица «Петербурга» – Надя Штрассер (Strasser). Белый вспоминает о мае 1914 г.: «В это время я переписывался с некоей “*Надей Штрассер*”, живущей в Мюнхене; “*Надя Штрассер*” предлагала мне перевести “*Петербург*” на немецкий язык; впоследствии я узнал, что на мысль о переводе ее натолкнула фрау Моргенштерн (вдова поэта)» (*МБ*; Минувшее. Вып.6. С.390; ср.: Андрей Белый. Воспоминания о Штейнере. Указ. изд. С.174). Иванов-Разумник охарактеризовал пять редакций романа Белого в статье «К истории текста “Петербурга”» (*Вершины*. С.87-101). См. также: Долгополов Л.К. Основные редакции романа // *Петербург*. С.576-583.

[8] См. примеч.7 к п.3. Имеются в виду стихотворения, написанные в мае–июне 1914 г.: «В русских полях», «Упал на землю солнца красный круг...», «Мы – ослепленные, пока в душе не вскроем...», «Открылось!.. Весть весенняя!.. Удар молниеносный!..», «Мысль»; в макете «Собрания стихотворений» они представлены в виде беловых автографов. Все пять стихотворений позднее вошли в книгу Белого «Звезда» под другими заглавиями – соответственно, «Инспирация», «Звезда», «Воспоминание», «Чаша времен», «Дух» (С.60-61, 7, 43, 67, 41).

[9] Эти планы предварительных публикаций не осуществились, поскольку 4-й сборник «Сирин» не был скомплектован, а «Заветы» – закрыты правительственным распоряжением в августе 1914 г., после вступления России в войну (последний номер журнала вышел в июле 1914 г.). Стихотворение «Открылось!.. Весть весенняя!.. Удар молниеносный!..» Иванов-Разумник привел полностью в своей статье «Андрей Белый» (Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. проф. С.А.Венгерова. Т.3. Кн.7. М., 1916. С.63).

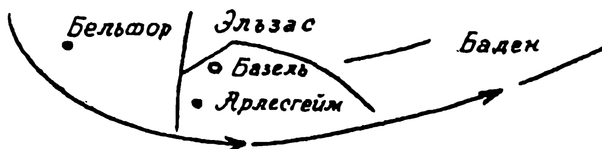
6. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
Первая половина августа (ст.ст.) 1914 г. Арлесгейм[1].

Глубокоуважаемый Разумник Васильевич!

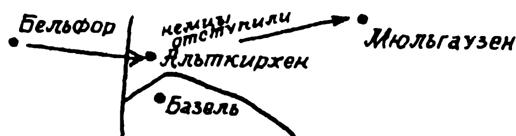
Получили ли Вы «Голубя»? Я его выслал в дни, когда прерывалось уже нормальное почтовое сношение, и не знаю, получили ли Вы книгу и телеграмму[2].

Мы отрезаны от России. Письма идут через Францию. Вокруг нас война; всю предыдущую неделю мы жили в районе пушечных выстрелов: бой у Бельфора, Альткирхена, Мюльгаузена мы слышали; у нас дребезжали стекла от пушечных выстрелов; долина, где мы живем, в случае, если бы повернули на нас пушки в Германии или во Франции, оказалась бы под огнем; все эти дни ходили тревожные слухи, что французы, собираясь обойти немцев, должны бы были пройти через долину, где расположен Арлесгейм; немцы преградили бы дорогу, и таким образом сражение произошло бы в нашей долине; два дня мы все жили так, что у всех были наготове дорожные сумки, чтобы по сигналу очистить местность, уйти в горы. Но теперь мобилизация в Швейцарии закончена; наш район наполнен войсками; ходят патрули, гремят барабаны, летают военные автомобили, в полях и в горах артиллерия: вряд ли французы и немцы нарушат нейтралитет; и мы продолжаем спокойно работать[3], прислушиваясь к отдаленной канонаде, то возникающей, то умолкающей[4]; вот наша местность:

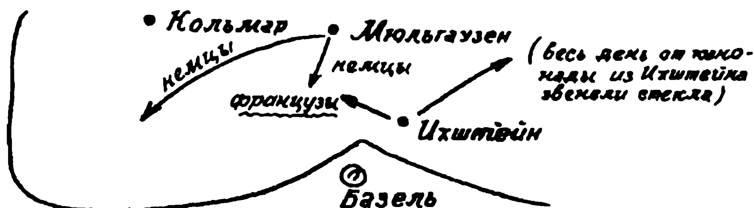
Сначала ждали движения французов



Движение обходное в Баден
Но французы пошли:



Потом французы стали как будто теснить на нас:



и все думали, что французы войдут в нашу долину.

Теперь положение изменилось, но ничего точного мы не знаем; пока в Обер-Эльзасе будут бои, мы в неуверенном положении.

Глубокоуважаемый Разумник Васильевич, ввиду невозможности сейчас нормально сноситься с Россией у меня возникает тревога; сможет ли «Сирин» переслать мне часть гонорара. Если бы это было возможно, то я был бы особенно доволен, ибо действительно здесь, на западе, будет очень жарко, и мы подвержены всяким случайностям. Говорят, что *чеки* не принимают, не принимают и русских денег, а возможен перевод по телеграфу; почта идет через Францию (через Калэ).

Пишу это письмо на всякий случай, посылаю с оказией (одна знакомая дама возвращается через Константинополь в Россию)[5]. Письмо придет к Вам недели через 2 (не ранее).

Остаюсь искренне преданный и готовый к услугам Б.Бугаев.

P.S. Адрес. Suisse. Arlesheim (près Bâle). Haus Schmiedt (Buckdruckerei). Bei Schmiedt. Мне.

[1] В правом верхнем углу первого листа – карандашная помета Иванова-Разумника: «Пол<учено> 26/VIII 14». На конверте – почтовый штемпель: Петербург 26.8.14.

Комментарий Иванова-Разумника: «Это недатированное письмо было получено ИР 26 августа (стар<ого> стиля, – 8 сент<ября> нового стиля). Так как в нем рассказывается о боях в Эльзасе, происходивших между 1 и 15 августа <...>, то с приблизительной до нескольких дней точностью, письмо это может быть датировано серединой августа 1914 года (нового стиля)» (Л.6об.).

[2] В своем комментарии Иванов-Разумник сообщает (Л.6об.; текст дефектный), что экземпляр «Серебряного голубя» с авторскими поправками по тексту был получен и хранится у него.

[3] Комментарий Иванова-Разумника: «...фраза: "...Мы продолжаем спокойно работать" – в оригинале письма резко подчеркнута карандашом, с чертой на полях: несомненная пометка военного цензора» (Л.6об.).

[4] В недатированном письме к матери, написанном (судя по содержанию) на второй неделе, между 9-м и 15-м августа н.ст. 1914 г. (видимо, как и письмо к Иванову-Разумнику) Белый рисовал менее тревожную картину: «Родная моя, милая, не беспокойся: в Дорнахе и Арлесгейме все тихо, спокойно, хотя мы и на французско-немецкой границе, но Швейцария нейтральная страна; на границе около 200 000 швейцарского войска охраняют нейтралитет. И мы мирно работаем над *Bau*. Чем страшнее война, тем мирнее и дружественней настроены те из антропософов, кто по воле судьбы оказался в Швейцарии, около Bau. Здесь немцы, русские, австрийцы, поляки, голландцы, англичане, норвежцы, шведы и т.д. сгруппированы около Доктора, а с Доктором хорошо и спокойно. На прошлой неделе слышалась канонада в Эльзасе; это шел бой французов и немцев под Мюльгаузеном; и всем нам было горестно и стыдно, что так близко от нас льется кровь и гибнут люди, а мы спокойно себе слушаем канонаду из мирной, невоюющей страны. <...> Теперь, как только выяснилось, что письма идут через Францию обходным путем, мы послали телеграмму, что здоровы» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.359. Л.180-181).

[5] Имеется в виду Татьяна Алексеевна Полиевктова (урожд. Орешникова), ближайшая в Москве подруга Е.А.Бальмонт, жены К.Д.Бальмонта. В цитированном письме к матери Белый сообщал: «...вот наконец представилась оказия Тебе переслать письмо. Ведь мы были более 2 1/2 недель совершенно отрезаны от России. Через Германию и Австрию письма не шли. Т.А.Полиевктова, уезжая в Россию через Турцию, везет это письмо к Тебе» (Там же. Л.180).

7. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
18 января / 1 февраля 1915 г. Дорнах.

Дорнах. 1-го февраля 1915 года[1].

Многоуважаемый Разумник Васильевич!

Извиняюсь за беспокойство; но я, чувствуя себя очень обеспокоенным, вынужден обратиться к Вам с просьбой выяснить один деликатный пункт. Вот скоро уж 2 месяца, как я не получал ничего из К<нигоиздательст>ва «Сирин», *пока* высылавшего мне за время войны приблизительно по 300 франков в месяц (я получил пять порций:

300 фр., 400 фр., 300 фр. через русское посольство и далее: 300 фр. и 300 фр. через цюрихский банк), начиная с августа по декабрь 1914 года. Ввиду того, что К<нигоиздательст>во «*Сирин*» высылает мне *авансы* в счет имеющихся выйти произведений моих («Сер<ебряного> Голубя» и «*Стихотворений*»), а также имея в виду, что печатание этих книг временно приостановлено, – ввиду всего этого я могу думать, что К<нигоиздательст>во «*Сирин*» могло мне приостановить дальнейшую высылку, не предупредив меня; мне было бы это теперь в том смысле рискованно, что 1) я должен *по крайней мере* месяца за *полтора* до приостановки высылок узнать об этом, ибо источников дохода у меня теперь никаких нет, 2) уехать из Швейцарии мы с женой не можем за отсутствием средств (и ряда других причин), 3) что моя жена нездорова сейчас[2], и я должен ей доставить некоторый бóльший комфорт, чем прежде (между прочим, мы вынуждены были переехать и теперь платим более за помещение)[3]. Ввиду всего этого неполучение ожидаемой мною в январе месяце суммы в 300 франков обеспокоило меня в том смысле, что заставило подумать меня: «Сирин мог не выслать мне денег вследствие прекращения аванса». Но тогда, думаю, «*Сирин*» меня бы уведомил заранее, принимая во внимание сложность и трудность положения русских за границей – теперь. Поэтому, полагаю, что неполучение мной *за январь* 1915 года – случайная задержка. Если я ошибаюсь, то прошу *очень* мне телеграфировать о том, чем скорее, тем лучше. Повторяю, чтобы мочь обернуться как-нибудь на будущее время, мне *важно*, *очень важно* месяца за полтора узнать до прекращения мне высылок частей аванса.

Если Вас, многоуважаемый Разумник Васильевич, сейчас нет в «Петербурге», то я уполномачиваю Контору К<нигоиздательст>ва «Сирин» прочесть это письмо, ввиду очень большой важности для меня иметь телеграмму от «Сирина» в случае прекращения мне высылок.

Уведомляю, что в декабре 1914 года я получил 300 франков через цюрихский банк и уже уведомил об этом К<нигоиздательст>во ещ<е> в конце декабря.

Мой новый адрес следующий.

Schweiz. Kanton Solothurn. Dornach (bei Basel).

Haus Emil Thomann (Baumalerei) an Herrn B.Bugaïeff.

Примите уверение в искреннем расположении и преданности.

Борис Бугаев.

Дорнах. 1 февраля н.ст. 1915 года.

[1] На конверте – почтовые штемпели: 2.II.15; Петроград. 14.2.15.

Иванов-Разумник в своем комментарии указывает, что между письмом от августа 1914 г. (п.6) и письмом от 1 февраля 1915 г. «несколько писем АБ к ИР по-видимому пропало на почте или было задержано военной цензурой» (Л.6об.).

[2] Ср. свидетельства Белого: «...заболеваем бронхитом: Ася с первого дня праздника <Рождества. – *Ред.*>, я – с второго; Наташа и Поццо – так же заболевают. Новый год встречаем в постелях» (декабрь 1914 г.; *РД*. Л.73); «Я уже к Новому году справился с болезнью; но болезнь Аси затянулась надолго; еще в феврале она едва ходила; а приподнятая температура длилась у нее до самого лета» (*МБ*; Минувшее. Вып.8. Paris, 1989. С.423).

[3] Белый вспоминает о январе 1915 г.: «...мне приходится приискивать другое помещение; в Арлесгейме и в Д<орна>хе обнаруживается мало комнат; наконец мне указывают помещение, которое должно освободиться к первому февралю; это – домик, стоящий на перекрестке дорог, ведущих из Арлесгейма в Обер-Дорнах и из Нижнего Дорнаха к “*Вац*” <...> Первого февраля мы перебираемся с Асей в новое помещение, к Frau Thomann и чувствуем себя здесь внешне недурно» (Там же. С.424-425).

8. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
3/16 марта 1915 г. Арлесгейм[1].

Глубокоуважаемый Разумник Васильевич,

спасибо Вам за любезное письмо[2]. Так приятно теперь получать известия из России, и так мало и редко я от кого-либо их получаю. Очень грустно, что «*Сирин*» приканчи-

вает часть своей деятельности[3]; мне очень грустно и стыдно не то, что мои книги не изданы, а то, что я как бы должник «*Сирина*», причем в долге своем *неповинный*, и тем не менее – должник. И несмотря на это, я охотно соглашаюсь ликвидировать свои дела с «Сирином» так, как предлагает он (а предлагает он ликвидировать наши дела по очень благородному способу), т.е. я соглашаюсь взять 930 рублей остающегося мне гонорара (если бы стихи и «*Голубь*» увидели свет); но, конечно, я беру их, потому что сейчас у меня не блестящи денежные дела и пока эти 930 рублей – единственное, на что я могу рассчитывать. Поэтому, если бы я мог уплатить «*Сирину*» хотя бы тем, что предоставить ему право напечатать мой роман отдельным изданием, – так, как Вы советуете, я бы мог гонорара не брать и тем уменьшить расходы «Сирина». Впрочем, напишите мне, если Вам это не трудно, – смотрите ли Вы, что я должник по отношению к «*Сирину*» (в моральном смысле), или нет? Мне было бы интересно знать Ваше мнение.

Если бы Вы были так любезны, то мне было бы приятнее всего, чтобы рукописи остались у Вас, потому что я решительно не знаю, кому их передать: вернувшись в Россию, я их возьму. «*Путевые Заметки*» сейчас все равно никуда не устроишь[4].

Еще раз хочется вернуться к роману. М.В.Терещенко[5] я напишу, но если бы Вы увидели его, случайно, лично, – может быть, Вы спросили бы его, согласится ли он выпустить роман *так*, как Вы советуете[6]. Мне было бы очень приятно, если бы Вы черкнули мне, считаете ли Вы, что *морально* я должник «Сирина». А кстати: ведь имя и отчество Терещенки – Михаил Васильевич? Видясь с ним только раз (полчаса) 2 года тому назад и потеряв его адрес[7], я теперь поймал себя на том, что сомневаюсь, таково ли его *имя и отчество*. Ведь – «*Михаил Васильевич*»?

Глубокоуважаемый Разумник Васильевич, очень-очень хотел бы я быть сейчас в России: если бы не ряд обстоятельств, меня здесь держащих, я, *конечно*, был бы в России и постарался пристроиться, чтобы быть полезным хоть чем-нибудь.

Отрезанность от России меня давит, и я уже начинаю хотеть, чтобы нас, ратников 2-го ополчения, поскорей призывали: но сам, своею волей не могу бросить дела, за которое мы с женою взялись: более чем когда-либо чувствую необходимость, *прямо долг*, отсиживаться при *Johannesbau* именно сейчас, когда все живое и огромное отхлынуло либо на западный, либо на восточный фронт, – именно теперь в качестве *русского* жить с *немцами* и англичанами и не отдаваться своим естественным чувствам и стремлениям, а *строить Bau* – этот знак «*мира всего мира*» – мне и кажется важным[8]. Конечно, я не стал бы сидеть здесь, если бы чувствовалось, что час – наступил, что пришла пора всем – без исключения – послужить России. Под службою я разумею реальное дело, а не «*лекцию*». Но читая газеты, видишь, что *пока* такой нужды нет, читать же хлесткие рефераты в роде «*от Канта к Круппу*»[9] или вопиять, как Л.Андреев, против немцев (попалась книжка какого-то журнала)[10] – кажется мне теперь, в эти сериозные дни, «*пустопорожним занятием*». Люди умирают в траншеях за Россию, а тут, нате, лекция – «*Душа России*»[11]. И хочется воскликнуть: «*Как смеете вы, такие-сякие, теперь, когда молчанием и делом доказывают, что есть Россия*, разливаться словами о России». Вот мне и кажется: в Россию мне надо ехать разве что – в лазарет, во фронт; и совсем не кажется мне важным возвращаться в Россию «*an und für sich*»*. Кажется, так и будет: либо вернусь в Россию, когда будет окончен *Bau*, а дела – бездна, либо – прямо вернусь на службу (военную ли, лазаретную ли), если призовут или если придет «*крайняя пора*».

Вам совершенно естественно удивляться, что может заставлять *русских* именно сейчас жить при *Bau*. Мы же, здешние русские, именно видим свою роль в том, чтобы Россия в лице нас, случайных, ничтожных, вложила свой труд в строение, долженое быть «*an und für sich*» бескорыстным приношением Духу. Если бы Вы знали: миллионная постройка (уже 4 000 000 марок затрачено) собрана главным образом грошами и добровольным подаянием; чудовищный труд по отделке и резьбе (еще работы года на 2) производится добровольно самими членами О<бщест>ва. Сколько людей, никогда не бравших в руки молотка, уже *год* ежедневно с утра до вечера сту-

* *самому по себе; безотносительно (нем.)*

чат огромными молотками *в над- и под- Ваи*, вися снаружи не лесах – в дождь, снег, в жару – и ведут жизнь чернорабочих; если бы Вы узнали, сколько любви и жертвы выказали люди, чтобы *Ваи* был, Вы бы поняли, что *Ваи* весь соткан из сплошной *любви* и *добровольной жертвы*. Эти люди воистину имеют право сказать: «*Ваи*» – наше детище в самом реальном смысле.

А теперь, когда уже 7 1/2 месяцев неустанно гремят пушки недалеко от нас, когда многие бросили *Ваи* и разъехались, *должна быть кучка* людей, кто сейчас, переборовши себя, остался бы на месте. Психология наша, русских при *Ваи*, вовсе не психология равнодушия, а психология добровольно отсиживающихся в *осаде* и выносящих всю тяжесть осады, чтобы именно в дни и часы всеобщей брани «*храм мира и любви*» созидался.

Ваи (не говоря о внутреннем его смысле) в чисто внешнем архитектоническом смысле будет единственным и первым в мире (если смогут его довести до конца), и задача нас, русских при *Ваи*, в том, чтобы *Ваи* был и *русским тоже*. Говорю, *если смогут его довести до конца*, т.е. если соберут денег для постройки, и если – *не разбежимся мы, добровольцы*: а соблазн разбежаться есть; в самом деле: сонная, спящая Швейцария, сонный, спящий Базель, нездоровая местность, туман, грязь, убогие деревушки, чисто физические трудности и физическая усталость от работы здесь, а пушки напоминают: всего за несколько километров – все иное: напряженная жизнь, шум и *дело*; *мировая война* за несколько километров, и *сон* – здесь. Соблазн великий!.. Но я сказал себе, что уеду отсюда – либо во фронт, либо на прямое дело, а пока буду выносить страду – «*здесь*». Простите, что пишу это все, но я чувствую и знаю тот укор, который бросают нам теперь из России. И право: психологически хотелось бы ответить на него лишь тем, что от работы здесь, минуя города, поехать и умереть на полях сражения, если придет час умирать за Россию. Но часа нет еще!..

———

Остаюсь искренне уважающий вас и преданный Борис Бугаев.

P.S. Мой адрес: *Schweiz*. Dornach bei Basel. Kanton Solothurn. Haus E.Thomann (Baumalerei). Herrn B.Bugaïeff.

<P.>P.S. Если дело с романом устроится, я буду рад. Если же нет, то я, к прискорбию, остаюсь должником; был бы я Вам чрезвычайно обязан, если бы Вы мне указали, в какие издательства мог бы я обратиться с предложением напечатать свои произведения[12].

3-летняя жизнь за границей меня выбросила из осведомленности. Я даже не знаю, какие издательства есть. Есть ли, например, «Шиповник»?[13] Если бы Вы указали, куда, по-Вашему, можно было бы мне обратиться, был бы я Вам чрезвычайно обязан.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Arlesheim. 16.III.15; Царское Село. 18.3.15.

[2] Текст этого письма Иванова-Разумника неизвестен.

[3] Комментарий Иванова-Разумника: «Изд-во “Сирин” закончило не часть деятельности, а всю свою деятельность и закрылось в апреле 1915 года» (Л.7. Более ранняя дата ликвидации издательства указана в записях А.М.Ремизова: «28 генваря 1915 г. Сирин уничтожен. Сегодня последний день» (*ИРЛИ*. Ф.256. Оп.2. Ед.хр.3. Л.33); в письме к Ф.Сологубу от 30 января 1915 г. Иванов-Разумник сообщал: «...я к “Сирину” отношения больше не имею <...>» (*ИРЛИ*. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.296). 10 марта 1915 г. Иванов-Разумник писал И.Н.Игнатову: «...прекращение “Заветов” было для меня скорее “литературным” кризисом, чем “финансовым”; совсем наоборот – прекращение “Сирина”, редакторство которого давало мне за последние два года возможность существования. Теперь мне надо “искать работы”, и притом не случайной <...>, а постоянной» (*РГАЛИ*. Ф.1701. Оп.2. Ед.хр.811).

[4] Комментарий Иванова-Разумника:

«Речь идет о двух томах “Собрания Стихотворений”, “Серебряном Голубе” и “Путевых Заметках” <...> что же касается “Путевых Заметок”, уже сданных в набор изд-вом “Сирин” (гранки сохранились у ИР), то АБ, вернувшись в Россию в 1916 году, взял рукопись у ИР и подверг ее впоследствии значительной переработке, закончив последнюю лишь летом 1919 года <...>. Первый том этой окончательной редакции был напечатан в 1922 году (Берлин; изд-во “Геликон”; “Офейра”. Книгоиздательство Писателей в Москве); т.II-ой "Путевых Заметок",

который АБ считал одной из лучших своих книг, так и остался ненапечатанным; рукопись в настоящее время хранится в ГЛМ» (Л.7. Ныне местонахождение рукописи 2-го тома «Путевых заметок» – *РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.15. См. также примеч.5 к п.2).

[5] Имеется в виду Михаил Иванович Терещенко (1886–1958, Монако), фабрикант-сахарозаводчик, владелец (совместно с сестрами) издательства «Сирин»; в 1917 г. – министр финансов, затем министр иностранных дел Временного правительства. Белый общался с ним в феврале 1913 г. («знакомство с Терещенкой, заехавшим в Берлин ко мне». – *РД*. Л.60об).

[6] Комментарий Иванова-Разумника: «Речь идет о предложении ИР закрывавшемуся изд-ву "Сирин" выпустить отдельным изданием "Петербург", сброшюровав роман из трех сборников "Сирина", в которых он был напечатан» (Л.7).

[7] 8/21 февраля 1913 г. Белый писал А.Блоку из Берлина: «М.И.Терещенко мне очень понравился: какая у него деликатная манера говорить с людьми. Впрочем, мы беседовали менее часу» (*Блок – Белый*. С.315).

[8] Ср. письмо Белого к матери от 14/27 июля 1915 г.: «Это подлинно антропософская школа; привела нас сюда судьба; и неспроста мы здесь, русские, строим храм "*Мира всего мира*"; в лице нас – кусочек России; мы знаем нашу ответственность, нашу роль, нашу необходимость быть сейчас здесь» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.359. Л.208).

[9] Подразумевается речь В.Ф.Эрна «От Канта к Круппу», прочитанная в Московском Религиозно-философском обществе памяти Вл.Соловьева 6 октября 1914 г. и посвященная резкой критике духовно-культурных основ современной Германии; опубликована в «Русской мысли» (1914. №12), вошла в книгу Эрна «Меч и Крест. Статьи о современных событиях» (М., 1915). См.: Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С.308-318.

[10] Имеется в виду журнал «Отечество» (редактор-издатель З.И.Гржебин), выходивший в свет с ноября 1914 г.; в нем печатались антигерманские публицистические статьи Л.Андреева «Письма о войне» (1914. №1,2), «Крестоносцы» (1914. №5) и др. Военная публицистика Андреева собрана в его кн. «В сей грозный час. Статьи» (Пг., 1915).

[11] Иванов-Разумник в комментарии ошибочно указывает: «"Душа России" – лекция и статья Д.Мережковского (1915 г.)» (Л.7). Подразумевается выступление Н.А.Бердяева, изданное отдельной брошюрой («Душа России». М., 1915). См.: Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С.1-29. О работах русских философов 1914–1916 гг., объединенных идеей религиозно-мистического национализма, см.: Хеллман Б. Когда время славянофильствовало. Русские философы и первая мировая война // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Проблемы истории русской литературы начала XX века (Slavica Helsingiensia, 6). Helsinki, 1989. С.211-239.

[12] С аналогичной просьбой Белый обратился в 1915 г. к Ф.Сологубу: «4 года уже скоро, как я ни <с> кем, кроме "*Сирина*", не был в сношении; и я растерял: адреса, издательства, словом, все, что меня связывает с литературою; не знаю просто, куда обратиться» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С.48).

[13] Петербургское издательство «Шиповник», основанное в 1906 г. и не прекращавшее своей деятельности до 1917 г.; «Шиповником» была издана книга стихов Андрея Белого «Пепел» (1909).

9. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
13/26 августа 1915 г. Песочки[1].

13/26 авг. 1915. Песочки[2].

Дорогой Борис Николаевич, –
Вы писали мне в апреле[3], отвечаю – в августе; за полугодовое опоздание – простите; причина его – попытки «устроить» два тома Ваших стихотворений, «Путевые Заметки» и отдельное изд<ание> «Петербурга». Ничего не удалось. В «Сирине» я рассчитывал устроить издание Ваших произведений в 10 томах: тт.I-II – собрание стихотворений, т.III – Симфонии, тт.IV-V-VI – три романа (включая сюда еще «ненаписанный», третий in spe*), тт.VII-VIII-IX-X – статьи («Символ<изм>», «Арабески», «Луг Зел<еный>», «Путев<ые> Зам<етки>») – собранные в хронологическом порядке, хотя и с легким подразделением на «роды и виды»[4]. Но мое редакторство в «Сирине» кончилось, – кончился «Сирин», планы повисли в воздухе. Теперь же, во

---

* *в будущем (лат.)*

время войны, никто ничего не печатает... Так и осталось лежать у меня рукописное Ваше собрание стихов, тт.I-II, и «Путевые Заметки». Напишите, куда передать их, что делать с ними.

К слову: материалы эти очень помогли мне теперь, когда я писал для «Русской литературы XX в.» большую статью: «Андрей Белый»[5]. Как подошел я к теме – увидите (а подошел я «эсхатологически» – главная тема)[6]; теперь же я хотел спросить о двух-трех мелочах – не для статьи, а для сведения: о некоторых именах во «2-ой Симфонии». Кто такое был «Барс Иванович»? – я думал было, что Федоров[7], но сомневаюсь. Кто – «пассивный и знающий Алексей Сергеевич Петковский»? – быть может, Эртель[8], дальнейшая судьба которого отражается и в I т<оме> стихов? Кто таков – «золотобородый аскет», Сергей Мусатов, кто – Дрожжиковский, санкт-петербургский мистик Шиповников и иные прочие? То есть, не «кто таковы», ибо это не фотографии, но кого имели Вы в виду в основе (подобно тому как «Мережкович» – явно Мережковский, циник-мистик – В.Розанов и т.п.)[9].

Вам, вероятно, странно возвращаться теперь к этому своему юношескому произведению; но ведь оно во многих отношениях – характернейшее; не говорю уже о том, что оно – удар «авансом» по самому себе ближайших же лет[10]. И еще одно: вот были Вы некогда не «пути безумий» (Ваши слова)[11], ждали *немедленного* исполнения эсхатологических чаяний, встречали Христа осеннею ночью. Все это уже пережито. Но – как же тот Христос, которого теперь (уже давно) Безант и Ледбитер воспитывают где-то под Мадрасом?[12] Если Вы в него не верите (ибо Вы со Штейнером), то почему молчите Вы об этом «космическом пер-гюнтстве»?[13] Из Мадраса обратимся в Швейцарию. От друзей Ваших я знаю, что постройка Johannesbau связана у них тоже с чаяниями эсхатологическими. Но тогда – «2-ая Симфония» должна быть для Вас вовсе не «юношеской книгой», и «путь безумий» – вовсе не путем безумий. Я думаю, что за 15 последних лет Вы завершили круг, вернулись по спирали к исходной точке, стали выше, но над нею же: «все то же, все строже сознанье мое»[14]...

Очень хотелось бы встретиться и поговорить обо всем. Но – когда это будет! Война. – А о войне – ничего написать Вам не могу, ибо письмо это будет читать военный цензор, а я о войне – думаю «нецензурно». И Вас не должны смущать – Швейцария Ваша, Ваше спокойное в ней сидение; каждому из нас придет свой час. Ваш – Вы сами почувствуете, когда; мой – после войны...

Пишите мне; адрес Вы знаете, – рад буду получить ответ, по нынешним расстояниям – хоть к Новому Году...

Всего и всего Вам доброго; крепко жму Вашу руку.

Разумник Иванов.

[1] Текст этого письма сохранился в копии у Иванова-Разумника и полностью приведен в его «Комментариях» (Л.7об.-8).

[2] Деревня в Псковской губ., по Московско-Виндавско-Рыбинской железной дороге. 9 июня 1915 г. Иванов-Разумник писал оттуда А.М.Ремизову: «...вот уже месяц, как мы здесь, – и так здесь хорошо, что и в войну перестаешь верить, и в погромы московские, и в сутолоку петербургскую <...> что здесь за красоты, какая река, какой лес, какой народ новгородский» (*ИРЛИ*. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.84).

[3] Апрельское письмо к Иванову-Разумнику среди сохранившихся писем Белого к нему не значится; не исключено, однако, что Иванов-Разумник подразумевает здесь не апрельское, а мартовское письмо Белого (п.8).

[4] Ср. авторский план собрания сочинений в 15 томах, приведенный в письме Белого к Э.К.Метнеру от 8 января (н.ст.) 1913 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С.64).

[5] См.: Иванов-Разумник. Андрей Белый // Русская литература XX века. 1890–1910 / Под ред. проф. С.А.Венгерова. Т.3. Ч.2 [Кн.7]. М., 1916. С.13-64. Под заглавием «Пылающий» статья вошла в кн.: Иванов-Разумник. Александр Блок. Андрей Белый. Пб., 1919; под заглавием «Андрей Белый» – в кн.: *Вершины*. С.27-86. Иванов-Разумник работал над этой статьей в Песочках; в цитированном выше (примеч.2) письме к Ремизову он просил: «...пусть первый приехавший привезет мне, хоть на несколько дней, *2-ую Симфонию А.Белого*. Очень мне она нужна».

[6] Одна из основных тематических линий статьи Иванова-Разумника – преодоление Андреем Белым «декадентства» через «эсхатологические чаяния», имевшие исток в проповеди Вл.Соловьева (см.: *Вершины*. С.34-36).

[7] Николай Федорович Федоров (1828–1903) – библиотекарь Румянцевского музея в Москве, религиозный мыслитель, создатель «Философии общего дела». См.: Гречишкин С.С., Лавров А.В. Андрей Белый и Н.Ф.Федоров // Творчество А.А.Блока и русская культура XX века: Блоковский сборник III (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып.459). Тарту, 1979. С.147-164.

[8] Михаил Александрович Эртель (ум. в начале 1920-х гг.) – историк, участник кружка «аргонавтов», теософ. Белый изобразил его в очерке-памфлете «Великий лгун» (Утро России. 1910. №247. 12 сентября) и в позднейших мемуарах (*НВ*. С.76-87).

[9] В статье «Андрей Белый» Иванов-Разумник дает «расшифровки» некоторых персонажей, фигурирующих в «Симфонии (2-й, драматической)» Белого (*Вершины*. С.39-40).

[10] Та же мысль – в статье Иванова-Разумника «Андрей Белый»: «...“осмеивание крайностей мистицизма” во второй симфонии было со стороны молодого автора плохо осознанным *ударом* по самому себе <...> “Осмеивание крайностей мистицизма” – это лишь сведение междупартийно-мистических счетов; сущность же – эсхатологические чаяния, которые так тесно связывают это полудетское и в целом очень слабое произведение Андрея Белого со всем его творчеством, от истоков и до самого конца» (*Вершины*. С.43).

[11] Подразумевается фраза из статьи «На перевале. VI. Отцы и дети русского символизма»: «...мы призываем с пути безумий к холодной ясности искусства, к гистологии науки, к серьезной, как музыка Баха, строгости теории познания» (Андрей Белый. Арабески. Книга статей. М., 1911. С.276-277), – цитируемая Ивановым-Разумником в статье «Андрей Белый» (*Вершины*. С.54, 55). О «пути безумий» Белого Иванов-Разумник говорит и в заключительном абзаце статьи (С.86).

[12] Анни Безант (Besant; 1847–1933) – английская писательница и общественный деятель, одна из лидеров Международного Теософского общества (с 1907 г. – его председатель). Чарльз Вебстер Ледбитер (Leadbeater; 1847–1934) – английский священник, снявший сан; активный деятель Теософского общества и ближайший сотрудник Безант. В 1911 г. Безант основала внутри Теософского общества «Орден Восточной Звезды», чтобы пропагандировать свое новое «открытие» – молодого индуса Джидду Кришнамурти (Альциона; 1895 или 1897 – 1986), в котором она видела воплощение («аватара») Христа. В одном из репортажей о Всемирном теософском конгрессе в Стокгольме (1913) сообщалось: «Кришнамурти <...>, по представлениям теософов, предопределено осуществить на грешной земле второе пришествие, быть новым воплощением Бога среди людей. <...> Вера во второе пришествие и в божественность Кришнамурти вызвала раскол среди единой до того религиозной секты – теософов. От них ушел и увел с собой многих их последователей выдающийся их представитель, ученый, доктор философии Рудольф Штейнер, не допускающий второго пришествия и не признающий Кришнамурти» (М.Х. Современные пророки. Письмо из Стокгольма // Синий журнал. 1913. №24. С.15). Белый писал в этой связи 20 ноября / 3 декабря 1912 г. М.К.Морозовой: «...борьба с Адиаром (штабом теос<офского> о<бще>ства) настолько обострилась (из-за самодурства Безант и лжехриста Альционы), что в Мюнхене Доктор прямо заявил: “Пусть лже-теософы выходят из О<бще>ства, зачем нам выходить” (лже-теософами он назвал вообще теософов). Вопрос об уходе из О<бще>ства дебатируется несколько месяцев; *теософия* (в том смысле, как говорят в России) и Доктор – непримиримы, ибо тут борьба: борьба за Христа против 1) Будды, 2) против духа антихриста» (*РГБ*. Ф.171. Карт.24. Ед.хр.1в). Адиар – теософский центр в предместье Мадраса, в Индии. В начале февраля 1913 г. А.Тургенева сообщала в письме к А.Д.Бугаевой: «Сейчас только что кончился теософский – т.е. нет – антропософский съезд. Так как мы уже не теософы. Доктор много лет уже боролся с ересями, кот<орые> распространяет индусская теософия, надеясь их переубедить, но кончилось тем, что у безантистов открылись какие-то некрасивые дела и Безант отставила Доктора от его должности руководителя немецкой секции, и за Доктором вышло из общества около 3 тысяч человек. Все очень довольны» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.368а). См. также: Carlson M. «No Religion Higher than Truth». A History of the Theosophical Movement in Russia, 1875–1922. Princeton, 1993. P.97-98.

[13] Тема «пергюнтства» (Пер Гюнт – герой одноименной драматической поэмы Г.Ибсена, 1867) в связи с новейшими теософскими построениями развивается Ивановым-Разумником в том же аспекте в статье «Андрей Белый»: «...на долгое время главная ненависть обманутого ложными пророчествами поэта – лже-пророк, Пер Гюнт, в какие бы перья он ни рядился»; «Теперь он борется с всяким “пергюнтством”, иногда попадая на время под его влияние: к этой болезни Андрей Белый всегда был очень восприимчив»; «Или он еще поймет, что вечное спасение его – в искании, что теософия – та же ледяная пустыня, что пророки и учителя ее – те же Пер Гюнты религиозного творчества? Восточные теософы – Безант, Ледбитер и их ком-

пания – воспитывают теперь ("посвященным" это давно известно) нового "бодисатву"; это некий молодой индус Кришнамурти, коему дано светлое имя "Альцион"; "посвященные" верят, что в лице его является на землю тридцатое, кажется, воплощение Христа. Этот грядущий Христос, – а если и не Христос, то вообще великий "Учитель", – является пока... издателем теософского журнала "The Herald of the Star": таково влияние века машин и печати на современного Мессию! Он еще юн, но скоро его выпустят в мир, если не раздумают и не испугаются своего космического шарлатанства... Будет ли ждать Андрей Белый, пока оно разоблачится <...>? Правда, Андрей Белый принадлежит к другой секте теософии, отвергнувшей Альциона – к западной теософии, к "антропософии" Рудольфа Штейнера, купно с которым и сотнями верующих строит уже давно теософский храм, Johannesbau, в швейцарских горах, в Дорнахе, – тоже в чаянии приближающихся эсхатологических событий. Но чем же эта затея мюнхенского Пер Гюнта лучше восточно-теософской затеи инсценировать второе пришествие Христа?» (*Вершины.* С.53, 54, 84-85).

[14] Заключительные строки стихотворения Белого «Мне снились – и море, и горы...» (см. примеч.7 к п.3): «Все то же, все строже – / Все строже сознанье мое». Приведя их (в редакции текста, представленной в «сиринском» «Собрании стихотворений») в статье «Андрей Белый», Иванов-Разумник заключал: «И он вправе говорить так о себе. От начала своего творчества и до последних дней его Андрей Белый совершал "все тот же" путь – путь исхода из ледяной пустыни, "все то же" искание истины вело его. И, совершив этот путь, он вернулся к исходной своей точке, истину и спасение увидел – в Христе-Грядущем. <...> Круг завершен и должен повториться в грядущем творчестве Андрея Белого. Если сумеет он сойти с нынешнего своего "пути безумий", снова должен будет он припасть к земле, возвратиться к народу; и хотя новое возвращение его будет "все то же", но оно будет и "все строже", все глубже, все требовательнее к себе» (*Вершины.* С.85-86).

10. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
7/20 ноября 1915 г. Дорнах[1].

Глубокоуважаемый и дорогой Разумник Васильевич,

Простите, что я так долго не отвечал на Ваше письмо, которое меня так порадовало и как весть из России, и как весть с очень, по-моему, трезвым взглядом на события современности, и как то, что Вы верно так поняли *ноту* юношеской моей симфонии, к которой *возврат* и есть, собственно, мое вступление в Антр<опософское> О<бщест>во.

Прежде всего позвольте Вас поблагодарить за участие ко мне, и за то, что Вы держите рукописи мои, и за то, что Вы немеревались предложить «Сирину» собрание моих сочинений. Что оно не устроилось, мне, конечно, печально (тем более, что доживаю последние деньги и просто не знаю, на что жить); но что Вы там в России подумали обо мне в очень трудный момент моей жизни (и внешний, и внутренний)[2] – вот за это спасибо, большое спасибо: ох, трудно, трудно нам бывает с женой – от всего вместе: трудности нашего положения вообще, трудности условий жизни, трудности быть антропософами *in concreto** и густой перенапряженности жизни. Если Вы представите себе, например, жизнь моей жены, очень хрупкой и слабой, то Вы, пожалуй, не поверите: ведь она почти без перерыва 19 месяцев колотит по дереву огромным молотком и подчас изнемогает, как многие, от чисто физической усталости, потому что с объявления войны почти все мужчины ушли и слабые женщины вырезают саженные формы (ведь наше строение все резное – внутри и извне) из крепкого, как камень, американского дуба, что работает маленькая кучка и, можно сказать, последняя и что в работе надо совмещать художественную чуткость с физической силой, т.е. прямо резать из огромных комьев дерева огромные формы; что приходится работать зимой на морозе, в ветрах, что прислуги у нас нет, и что моей жене приходится, вернувшись домой, работать дома; что те же, работающие, очень многому учатся в *эвритмии* и что за этот год это новое наше искусство двинулось огромными шагами благодаря ряду эвритмических постановок и ежедневных уроков[3]; и на группе работающих – вся тяжесть разработки этого нового искусства; присоедините к этому собственно антропософскую работу *sui generis*, присоедините к этому град лекций Д<о-

---

* *в частном случае; в действительности; на самом деле (лат.)*

кто>ра Штейнера (за три месяца август – октябрь он прочел 44 лекции нам)[4]; присоедините ряд сложностей жизни нашей общины среди враждебного населения; и мучительнейшие ситуации внутри и вовне О<бщест>ва, которые приходится переживать; присоедините все внутренние антиномии, встающие у нас; и получится невероятная *густота* и *сложность* жизни, от которой моментами падаешь[5]; и всю сумму впечатлений на *фоне пушечной стрельбы*, т.е. на фоне западного фронта, – просто не можешь связать.

Труднейшую, мучительную школу приходится переживать нам здесь. А мне это все тем более трудно, что вот уже с февраля 15-го года я постоянно выхожу из общей работы, чтобы мочь работать над книгами. Месяцев 5 приходилось мне работать над «*естественно-научными*» взглядами Гёте (теорией света) и методологией Штейнера, пишучи ответ на *фельетонно-хлесткую* и насквозь неверную книгу Метнера, который разросся в большую самостоятельную книгу (около 500 страниц) и дал мне возможность в будущем написать дельно о д<окто>ре Штейнере (его философии, теории знания и методике антропософии)[6]. Книга моя называется «*Р.Штейнер и Гёте в мировоззрении современности*»; и печатается в Москве (увы! я за нее ничего не получу!); мне ужасно было бы важно и ценно Ваше мнение о ней, когда она выйдет (я попрошу тотчас же по выходе ее Вам выслать из Москвы). Теперь же сижу над 3-ьей частью «*Трилогии*», которая разрастается ужасно и грозит быть трех-томием. Называется она «*Моя жизнь*»: первый том – «Детство, отрочество и юность»[7]. Первая часть тома, как и две другие части, в сущности, самостоятельны; ее кончу через 2-2 1/2 месяца; она называется «*Котик Летаев*» (годы младенчества); и мне бы хотелось ее пристроить в какой-нибудь журнал, в какой – не знаю; в ней 200 страниц, 5 глав[8].

Работа меня крайне интересует: мне мечтается форма, где «*Жизнь Давида Копперфильда*» взята по «*Вильгельму Мейстеру*»[9], а этот последний пересажен в события жизни душевной; приходится черпать материал, разумеется, из своей жизни, но не биографически: т.е., собственно, ответить себе: «Как ты стал таким, каков ты есть», т.е. самосознанием 35-летнего дать рельеф своим младенческим безотчетным волнениям, освободить эти волнения от всего наносного и показать, как *ядро* человека естественно развивается из себя и само из себя в стремлении к положительным устоям жизни приходит через ряд искусов к... духовной науке, потому что духовная наука и христианство для меня ныне синонимы; и детская песня души, превращенная в оркестрованную симфонию, есть наш путь; *песенка* души – восток; оркестровка и контрапункт – запад: а человеческое стремление (*не сам человек*), ведущее его от песни к симфонии, и есть *восток в западе* или *запад в востоке*.

Такова моя постановка: «Серебрян<ый> Голубь» – это Восток без Запада; и потому тут встает Люцифер (голубь с *ястребиным* клювом)[10]. «*Петроград*» – это Запад в России, т.е. Ариманическая Иллюзия, где механизм + голая абстракция логики создает мир Майи[11]. «Моя жизнь» – Восток в Западе или Запад в Востоке и рождение Христова Импульса в душе.

Тут подхожу я к вопросу, Вами поставленному: не вернулся ли я к своей эпохе «*Симфоний*», но не по кругу, а по спирали; да, конечно: собственно, все мои статьи, книги, стихи периода после симфоний (от 905<-го> до 912<-го> годов) есть перенесение настроений и устремлений «*симфоний*» в ту душевную зону, где о них я уже не мог говорить: т.е. вынесение их из литературы и слова: собственно точку своего христианского устремления я нес молчаливо: юношеская смелость и наивность высказываний заветнейшего не могла не привести к распылению самой почвы высказываний («*Пепел*», «*Урна*», «Петербург»); я не знал Аримана, а уж, *конечно*, он постарался в *своем царстве* задушить и исказить мне мои Симфонии; и таким искажением является 4-ая симфония «*Кубок Метелей*», где технические задания словесного контрапункта привели к *кощунству*[12]. Собственно, я хотел *глубинное* одеть в *слово*, и законы архитектоники слова создали собственно пародию на меня самого: для меня показательно, что мои «*Симфонии*» есть собственно стремление к контрапункту переживаний, к науке переживаний, и, как таковые, они суть непроизвольное желание «*умного пути*» без знания пути; это стремление без знания исказило мои «Симфонии»: «Возврат» – искаженнее первых двух: христианская наука в нем уродливо преломляется в «*санаторию*» д<окто>ра Орлова[13]; а «*Кубок Метели*» – еще искаженней «*Воз-*

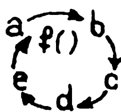
врата»: в нем *вечное* Любви распыляется в снег и ветер, а самая Любовь предстает, как... радение!!!

Мне видно: я *страну смысла* не знал в эти годы; но *песня смысла*... была *та же*, что и теперь; теперь *песня смысла* может учиться и может расти; тогда же ее звучание вслух должно было исказиться в словесном выражении.

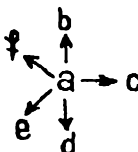
Но мне интересно: я хотел метаморфозу образов провести закономерно, как отображение закона метаморфозы понятий и пережитий; этот *закон* должен был быть не абстракцией, а музыкальным ритмом повторений, постепенно усложняющихся; и от этого – нарастание и усложнение любого образа в «*Кубке Метелей*», соответствующее нарастанию смысла; т.е. я хотел в образах изобразить учение д<окто>ра Штейнера о метаморфозе понятий и о вращении абстрактного смысла в плане стихийности, где этот абстрактный смысл вдруг начинает *заживать* своею жизнью, превращаясь в существо. На физическом плане мы имеем ряд логико-технических смыслов, неподвижных и прикрепленных к *орудию*: a, b, c, d, e, f; они предопределены кругом *методов*

f | a | b
e | d | c

Первое дуновение медитативной жизни сказывается в жизни понятий, как прохождение и преломление смысла «*а*» по смыслам и смыслами, где а – бежит



Как a, a_b, a_{bc}, a_{bcd}, и т.д.; где «*b*» бежит также; и в результате «*а*» становится



; то же – «*b*».

Абстрактный, замерзший смысл становится текучим, музыкальным; *смысл* понятия становится существом, из-под которого выявляется медитативный смысл собственно: он – *закон* метаморфозы, сказывающийся в жизни образов как *ритм* (д<окто>р Штейнер подчеркивает *ритмы* Бхагават-Гиты, Евангелий и т.д.[14] и указывает на невозможность говорить об этих произведениях вне композии).

Этот переход от понятия, как закона, к ритму, как закону, от *термина* к слову *живому*, от неподвижного образа к градации метаморфозы его, от *символа* к мифу многократно разобран д<окто>р<ом> Штейнером как переход от теории знания к имагинации, как переход от мышления физическим мозгом к мышлению эфирным мозгом; в «*Симфониях*» я не знал, что я, собственно, хотел гетевской «*точной фантазии мысли*»[15], т.е. мышления в эфирном плане; и, перенося сферу в область слова без знания законов и опыта, запутался, потерпел поражение и отступил: в «*бытовое описание*» в литературе и в «*теорию знания*» в области мысли.

В моем 3-ьем романе сами собой встают мне «*новые задачи*» симфонического письма: они звучат уже потому, что я хочу коснуться положительных устремлений душевной жизни.

Кстати о «*Симфониях*». Вы спрашиваете, кто такой *Барс Иванович*; это образ Льва Ивановича Поливанова, моего директора[16]; мы с товарищем (Соловьевым)[17] очень его любили и уже юношами, вспоминая гимназию, фантазировали на самые невероятные темы, заставляли Поливанова вставать из могилы и вмешиваться в события жизни; отражением этих *полу-шутливых* мифологем, под которыми жила в нас

уверенность в наступлении «*событий необычайных*», и явилась 2-ая Симфония; и Л.И.Поливанов попал туда. (2-ая Симфония не писалась для печати, а для Соловьевых[18], для чтения в интимном круге; и жаргон ее – «специфический»; мы его тогда называли «*арбатским наречием*»: она отражала наши интимные разговоры «*под лампой*», в которых принимал участие покойный Мих<аил> Сергеев<ич> Соловьев, его жена, их сын (Сергей Соловьев), я, А.С.Петровский[19] и др.). А «*Алексей Сергеич Петковский*» – мой товарищ по университету, верней 1/2 его; а другая 1/2 его – Поповский; и это – *между нами*. Петковский – А.С.Петровский, ныне антропософ, некогда мой товарищ по университету и наш соучастник в «*соловьевских беседах*»; в то время он пережил очень мучительный кризис от *материализма* и *скептицизма* к «*мистическому*» сознанию, которое в нем в то время двоилось: и он то становился «*подозревающим церковником*», а то чистым и просветленным мистиком; так как симфония писалась для «*своих*», для интимного круга, то я и выразил *педагогически* свое отношение к двум сторонам моего товарища, изобразив одну, как *Поповского*, а другую, как *Петковского*; это разъяснение, конечно, между нами, потому что ни *Поповский*, ни *Петковский* – не *Петровские*; Петровский же был в Дух<овной> Академии (по окончанию Университета), дружил с Флоренским[20], не выдержал тамошней атмосферы, ударился в ницшеанство; потом ушел в мистику, перевел «Зорю» Бёме и был инспиратором всей орфейской линии «Мусагета»[21], пока он не стал настолько явно выраженным антропософом, что «*Мусагет*» начал теснить его; ныне он служит в Рум<янцевском> Музее и если оттуда не уйдет, то лет через 15 превратится в Федорова[22], чего, впрочем, не будет, ибо он очень деятельный член московского антр<опософско>го кружка...

Спешу Вам ответить и по вопросу об *Альционе*, т.е. по поводу истории с Безант; эта история и принудила д<окто>р<а> Штейнера увести из «*Т<еософского> О<бщества>*» наше О<бще>ство[23]; Штейнер всегда был христианским антропософом; но по очень сложным и вполне понятным мотивам (мотивы эти им разъяснены в ряде интимных лекций) он предпочел внутри *Теософского общества* бороться с антихристианской нотой восточной теософии, чтобы собрать воедину подлинно христианские элементы Теос<офского> общества, где в *то время* еще не было столь явно выраженного шарлатанства; в сущности, в вопросе перевоплощения, в учении о душе и многих других пунктах он не совпадал с теософией линии Блаватской[24] и всегда в теософии проводил свою линию духовной науки, т.е. христианского ведения. Но поскольку вся история с Альционом – *явно гротеск*, постольку не стоит даже бороться с этой линией; она сама себя компрометирует; поскольку же она есть результат применения устарелых методов развития у людей, не долженствующих и подходить к иоге, постольку она – *болезнь*; патология этой болезни разобрана вполне у нас; но говорить о ней вслух среди вообще враждебного отношения к вопросам духовной науки значит: переносить операцию из *клиники* на улицу. Поэтому д<окто>р Штейнер, громя восточную линию на публичных лекциях, где он может отвечать на поставленные вопросы, не посвящает полемике с Безант свои книги.

Иногда бывает досадно, что огромные силы, существующие у нас, молчат, не выступают с книгами; мы вообще молчим: и д<окто>р Штейнер по возможности избегает, пока известный вопрос не назреет, его касаться *вовне*; а силы уже отходят: так, пока писал это письмо, пришло известие, что скончалась одна из руководительниц нашего Общества: Штинде[25]. И вот, после кончины ее, я могу сказать, что у меня было отношение к ней, ну как... к Льву Толстому, как... к старцу; она вся была типом *святой*, *христианской угодницы*, оставшейся в мире и помогающей не только молитвами, но и разбором всех дел всех 55 с лишним кружков, рассеянных по Европе; и образ ее передо мной стоит не только, как сильной ок<культист>ки, но, главным образом, как Наставницы, Утешительницы в скорбях, Молитвенницы и, что ли, *епископа* перво-христианских общин, когда епископ был *первый в любви*, а не *первый в звании*; трудная наша жизнь; и есть в нашем Обществе ну право же *угодники* и *святые*, но святые... XX века: не приметные в своей святости... Стоишь перед ними и говоришь себе: «У тебя "*оперение*" писателя: а вот у них... незаметный, каждодневный подвиг святости... Ты собственно недостоин одеть им обувь...» И вот таким человеком, *угодницей*, была покойная Штинде. К счастию, есть и другие, немногие.

На них-то, немногих, опираешься ты и несешь многое, но не отходишь, потому что большинство наших членов, как всякое «*большинство*»; и даже хуже обычного «*большинства*», ибо антропософия – проба сил воли; и кто не становится *лучше*, тот во многом становится еще *хуже*, составляя внешнюю картину «*штейнериста*» или «*штейнеристки*», за которую по справедливости нас ругают; к счастию, антропософская «*чандала*»[26] при всей многочисленности (эта многочисленность просто «*крест*» для доктора) – не *антропософский организм*, в котором живут и работают не праздная *масса*, а «*Штинде*»... И их-то усилиями, несмотря на титанические трудности, *без денег* даже, продолжается строиться Храм Мира, в который опирается – ирония судьбы – западный фронт; на твое присутствие здесь, как *ходока* из России, как представителя русского сознания, смотришь ты, как на долг. К сожалению, это «*присутствие*» грозит «*полным отсутствием*», т.е. доживаем последние 200 франков: получить же неоткуда ни гроша: и уже – полуголодаем, полухолодаем; и тут берет жуть: что будет – не со мной! – а с моею женой, которая истощена, слаба, полубольна... и обречена на ужасную жизнь...

Все проекты устроиться с литературой пролетели; да и ничего не могу сделать на расстоянии; между тем: занять денег здесь – не у кого; у всех – гроши; в администрации Постройки – нет денег; само Строение воздвигается работою даровою и добровольною бедняков; и кроме того: пользоваться помощию администрации Строения мне бы было щекотливо в условиях теперешнего момента, как писателю *русскому*; а уехать – нельзя (нужно 1000 франков); и кроме того – горько (я уже хорошо устроился с работой над романом); и приходится, дорогой Разумник Васильевич, с стыдом просить друзей и знакомых в России как-нибудь помочь мне устроиться с работой, книгами или литературным авансом, а то самому бытию на физическом плане воздвигаются столь большие трудности, что оно просто будет грозить забастовкой и остановкой... Оттого-то я и прошу Вас при случае как-нибудь замолвить обо мне слово где угодно и как угодно, ибо действительно: *выхода никакого*; проживаю последние гроши и достать *очень* трудно, *очень* сложно: почти невозможно; когда Вы получите это письмо, положение мое будет хуже губернаторского: нас могут выселить из квартиры, жена моя может слечь от простуды (стоит холод), а она, бедняжка, после 19-месячной неустанной работы надорвала свои очень хрупкие силы[27]. Более всего вынуждает меня, откинув стыд, просить Вас о литературной помощи мне, – опасение, что будет с женою[28].

Простите мне, что докучное напоминание о себе в этом смысле вмешалось в мое письмо к Вам, которое пишу с большою охотою, потому что Ваше письмо меня очень тронуло вниманием и интересом.

Еще раз простите. Остаюсь искренне преданный и готовый к услугам

Борис Бугаев.

P.S. Простите, что пишу на писчих листах: вышла бумага.

P.P.S. Наш адрес: Suisse. Dornach (près de Bâle). Maison Emil Thomann. Мне.

[1] Ответ на п.9. Заказное письмо; почтовые штемпели: Arlesheim. 20.XI.15; Петроград. 29.11.15. Отправлено по адресу: Васильевский Остров. 5 линия, д.28. Контора Типографии Стасюлевича.

Комментарий Иванова-Разумника: «Это письмо АБ является подробным ответом на письмо ИР от 13/26 августа 1915 года; впечатление, произведенное на АБ письмом, отмечено им, десятилетием позднее, в "Материалах к биографии" (рукопись ГЛМ)» (Л.7). Имеется в виду следующий фрагмент (*МБ*): «...я получил письмо от Иванова-Разумника; он кое-что спрашивал меня о моих литературных работах; письмо его было проникнуто теплотою и признанием моих литературных заслуг; оно показалось мне точно написанным из другого мира, где меня помнят, любят и ценят; здесь, в Дорнахе, никто меня не любил как писателя; многие <на> меня косились, неизвестно за что; я был окружен страшными, мне непонятными знаками судьбы» (Минувшее. Вып.8. С.450).

[2] Ср. позднейшее свидетельство Белого: «...август 1915 года, пожалуй, острие моей жизни, но – острие трагическое» (*МБ*; Минувшее. Вып.9. Paris, 1990. С.409).

[3] Комментарий Иванова-Разумника: «Эвритмия – изобретенное Штейнером искусство передачи слова (звуков) движениями рук, ног и тела» (Л.8об.). В письме к матери от 14/27 июля 1915 г. Белый сообщал: «...Д<окто>р постоянно ставит отрывки из Фауста в *эуритмии*; эуритмия – это искусство, изобретенное *Д<окто>ром*; передача звука слов в жестах и телодвижениях; получается нечто в роде танца; как Дёнкан танцует *симфонии*, так у нас целая школа *пластики* и *танца* стихотворений. И здесь Наташа и Ася опять-таки необходимы; у обеих, помоему, эуритмический талант <...> так что кроме работы еще постоянно репетиции, изучение ролей» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.359. Л.207).

[4] Белый пишет об этом матери (в цитированном письме): «...два раза в неделю лекции; когда Д<окто>р в Дорнахе, то всегда он читает; видишь, некогда даже задуматься; жизнь бьет ключом; Дорнах – это школа; приходится, так сказать, *жить* в *антропософии*; и трудно, ох как трудно, но и полезно» (Там же. Л.208).

[5] Подробнее об этом см.: *МБ*; Минувшее. Вып.9. С.414-418.

[6] Работу над книгой «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том “Размышлений о Гете”» (М., «Духовное знание», 1917) Белый вел с января по июнь 1915 г. В конце 1914 г. он ознакомился с книгой Э.К.Метнера «Размышления о Гете. Кн.1. Разбор взглядов Р.Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма» (М., «Мусагет», 1914) и поставил своей задачей подготовить полемический ответ. О ноябре-декабре 1914 г. Белый свидетельствует: «Прочитываю внимательнейше книгу Метнера против Штейнера; перечитываю “Goethes Weltanschauung” Штейнера и его же книгу “*Grundlinien* <einer Erkenntnistheorie der Goetheschen Weltanschauung>“; прочитываю оба тома Штейнера “*Rätsel der Philosophie*”, перечитываю курс о “*макрокосмическом мышлении*”, берусь за Канта; и прочитываю брошюру Штейнера “Goethe als Vater der neuen Aesthetik”, его же 2 брошюры о Геккеле, его брошюру об искусстве и внимательнейше штудирую “*Истину и науку*”. Гносеологические и теоретико-познавательные вопросы опять заполоняют мое сознание в связи с необходимостью писать книгу. Внимательно изучаю “*Farbenlehre*” Гёте <...> Все более углубляющийся штуди<у>м Гете в связи с книгой Метнера; читаю Гетево “*Geschichte der Farbenlehre*” и его же “Метаморфозу растений”. Внимательнейшее, весь месяц, прочтение вводительных статей Штейнера к 4 томам “*Naturwissenschaftlichen Schriften*” Гёте. Постоянные встречи с Метнером и длинные, теоретические споры с ним» (*РД*. Л.72-72об.).

[7] «Первые мысли об эпопее “Моя жизнь”» Белый относит к сентябрю 1915 г. (*РД*. Л.75об.). Ср. характеристику этого замысла в письме Белого к Ф.Сологубу, написанном, видимо, в ноябре 1915 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С.48).

[8] В октябре-ноябре 1915 г. Белый, согласно его свидетельствам (*РД*. Л.76об.), написал 1-3 главы «Котика Летаева».

[9] Романы «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» (1850) Чарлза Диккенса, особенно ценимый Белым с детства (см.: Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989. С.215), и «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1796) и «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1829) Иоганна Вольфганга Гете.

[10] Один из образов-лейтмотивов в романе «Серебряный голубь».

[11] В антропософской доктрине Штейнера «Люцифер» и «Ариман» выступают как символические обозначения темных сил, действующих в мире: «Ариман» – «Дух Лжи», «Властитель Смерти», начало материализма, в котором Штейнер видел основную движущую силу современности; «Люцифер» – «Искуситель», действующий в сфере чувств и страстей человека. Целью человеческой жизни должно быть отыскание равновесия между этими двумя импульсами. См. антропософскую трактовку этих понятий в лекции Г.Унгера «Противоборствующие силы в эволюции», выдержки из которой приводятся в примечаниях С.В.Казачкова и Т.Л.Стрижак в кн.: Волошина М. (Сабашникова М.В.) Зеленая Змея. История одной жизни. М., 1993. С.326-327. *Майя* – в древнеиндийской религиозной философии (воспринятой теософией и антропософией) олицетворение иллюзорности феноменального существования, ограниченности сознания.

[12] О «конструктивном механизме», использованном им при работе над «симфониями», Белый говорит в предисловии к кн. «Кубок метелей. Четвертая симфония» (М., 1908. С.1-4).

[13] Место действия части III 3-й «симфонии» «Возврат» (М., 1905).

[14] Белый имеет в виду цикл из пяти докладов Штейнера «Бхагавадгита и Послания апостола Павла» («Die Bhagavad Gita und die Paulusbriefe»), прочитанный в Кельне с 28 декабря (н.ст.) 1912 г. по 1 января 1913 г. См.: Штейнер Р. Бхагавадгита и Послания апостола Павла. Калуга, 1993. Белый присутствовал на лекциях. Он также присутствовал на чтении Штейне-

ром курса из девяти лекций «Оккультные основы Бхагавадгиты» («Die okkulten Grundlagen der Bhagavad Gita») с 28 мая по 5 июня 1913 г. (н.ст.) в Гельсингфорсе.

[15] «Точная фантазия мысли» – название одной из главок книги Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (Указ изд. С.233-235). Эта формула («eine exakte sinnliche Phantasie») восходит к отклику Гете на кн.: Ernst Stiedenroth. Psychologie zur Erklärung der Seelenerscheinungen. Erster Teil. Berlin, 1824 (Goethe J.W. von. Werke. Hamburger Ausgabe in 14 Bänden. Bd.13. Naturwissenschaftliche Schriften I. München, 1981. S.42).

[16] Л.И.Поливанов (1839–1899) – педагог, основатель и директор частной гимназии в Москве, в которой Белый учился в 1891–1899 гг. Белый дает его литературный портрет в воспоминаниях «На рубеже двух столетий» (М., 1989. С.259-286).

[17] Сергей Михайлович Соловьев (1885–1942) – поэт, прозаик, религиозный публицист; ближайший друг Белого с отроческих лет.

[18] С.Соловьев и его родители – Михаил Сергеевич Соловьев (1862–1903), педагог, переводчик, издатель сочинений своего брата Вл.С.Соловьева, и его жена Ольга Михайловна Соловьева (урожд. Коваленская, 1855–1903), художница и переводчица. О работе Белого над «Симфонией (2-й, драматической)» см.: *НВ*. С.138-147.

[19] Алексей Сергеевич Петровский (1881–1958) – ближайший друг и духовный спутник Белого со студенческих лет, участник кружка «аргонавтов», сотрудник издательства «Мусагет». Около 1910–1911 гг. стал антропософом, в 1914–1915 гг. участвовал в постройке Гетеанума, вернулся в Москву в июне 1915 г., организовал библиотеку Московского отделения Российского антропософского общества; многолетний сотрудник Библиотеки Румянцевского музея (затем – Библиотеки им.Ленина). Знаток истории гравюры и коллекционер (см.: Гравюры из коллекции А.С.Петровского. Каталог / Составитель Е.И.Кузищина. М., 1980). В 1930–1933 гг. был в заключении. См.: Письма Андрея Белого к А.С.Петровскому и Е.Н.Кезельман / Публикация Роджера Кийза // Новый журнал. 1976. №122. С.151-165.

[20] См. свидетельства об отношениях Петровского с Павлом Александровичем Флоренским (1882–1937) в публикации: Из наследия П.А.Флоренского. К истории отношений с Андреем Белым / Вступ. статья и комментарии Е.В.Ивановой и Л.А.Ильюниной // Контекст–1991: Литературно-теоретические исследования. М., 1991. С.9, 29.

[21] Якоб Бёме (1575–1624) – немецкий философ-мистик. См.: Бёме Я. Aurora, или Утренняя заря в восхождении / Перевод Алексея Петровского. М., «Мусагет», 1914 (издания «Орфей», кн.VI); репринтное переиздание – М., 1990. О серии «Орфей», созданной при издательстве «Мусагет» для публикации произведений философов-мистиков, см. статью-программу «Орфей» в «мусагетском» журнале «Труды и дни» (1912. №1. С.63-68. Первый раздел написан Вяч.Ивановым, второй – Андреем Белым).

[22] См. примеч.7 к п.9.

[23] Антропософское общество, как самостоятельное объединение по отношению к Теософскому обществу, было учреждено в Берлине 2-3 февраля 1913 г.

[24] Елена Петровна Блаватская (у Белого всюду ошибочно: Блавадская; урожд. Ган; 1831–1891) – основательница (совместно с Г.Олкоттом) Теософского об-ва (в Нью-Йорке в 1875 г.), автор очерков об индийской культуре, религиозно-мистических сочинений и трактатов, в которых изложены первоосновы теософского учения.

[25] София Штинде (Stinde, 1853–1915), художница, руководитель немецкой секции Антропософского общества, скончалась 17 ноября 1915 г. в Мюнхене. Белый пишет о ней («Из воспоминаний. 3. У Штейнера»): «София Штинде, графиня Калькрейт – незабываемые фигуры в движении Штейнера; обе – старинные ученицы, почти первозванные, самоотверженно работали годы для мюнхенской ложи <...> София Штинде, остроумная, острая <...> проносила с насмешливым несколько видом свой белый, нерозовый лик» (Беседа. 1923. №2. С.114-115). О ней см. также: Андрей Белый. Воспоминания о Штейнере. Указ. изд. С.161-166.

[26] Чандала (*санскр.*) – изгнанные, или люди без касты; название, применяемое ко всем низшим классам индусов. Об антропософской «чандале» Белый говорит и в «Воспоминаниях о Штейнере» (С.38).

[27] Ср. недатированное письмо Белого к матери, отправленное, видимо, в те же дни: «...оба мы с Асей – усталые, больные, грустные; трудно нам, ох, как трудно: подвела история с книгами; я был уверен устроиться; но с войной все отвлечены, ничего не устроилось: послал письма к Мережковскому, Сологубу и Ремизову – похлопотать за меня у издателей: будучи отрезан от родины, я ничего сам не могу устроить: я рассчитывал на собрание сочинений у "Сирина", т.е. на 2 года спокойной жизни; но "*Сирин*" кончился <...> устроиться можно на протяжении 3-х–4-х месяцев, а мы – без гроша, доживаем последние деньги; что делать,

не знаю: милая мамочка, помоги временно нам <...> помоги, милая, пришли нам 300 рублей взаймы» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.359. Л.212). А.Д.Бугаева выслала запрошенную сумму.

[28] Комментарий Иванова-Разумника: «Получив это письмо, ИР немедленно переслал АБ пятьсот рублей, как аванс за подготовлявшееся отдельное издание "Петербурга"» (Л.8об.).

11. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
27 февраля / 11 марта 1916 г. Дорнах[1].

Глубокоуважаемый и дорогой, –
Разумник Васильевич,
огромное Вам спасибо за материальную помощь, присланную мне на Рождестве; я все не отвечал Вам: я ждал письма объясняющего, *в чем дело*: и зная, что письма идут шесть недель, а деньги посланы по телеграфу, я думал, что письмо значительно опоздает; но *вот* – его нет; и я беспокоюсь: откуда же я получил столь любезно присланную Вами помощь мне? Еще раз огромное спасибо: но, конечно же, – это за какую-нибудь устроенную книгу? Если так, то огромное Вам спасибо за такое дружеское содействие. А.С.Петровский очень смутно написал моему знакомому (не мне), что Вам удалось пристроить мои «Путевые Заметки». И опять-таки он написал это столь невнятно, столь смутно, что я не уверен, так ли это? Надеюсь, что вскоре откроется источник столь выручившей нас с женой субсидии. Получил я приглашение писать фельетоны в «Бирж<евые> Вед<омости>». И уже отослал 2 фельетона[2]: шлю еще два: может быть, это аванс из газеты? Опять-таки ничего не знаю. Дорогой Разумник Васильевич, если бы Вы хоть словечком уведомили меня об источнике аванса, то я бы был Вам весьма благодарен: мне очень стыдно, что волей судьбы я доставил Вам столь много хлопот; я бесконечно благодарю Вас за доброе отношение ко мне. И жду, очень жду, что Вы пришлете мне Вашу статью обо мне, которую, как писали Вы, Вы пишете. Но ужасно: письма идут 6 недель (вместо прежних 3-4-х); и стало быть: ранее 3<-х> месяцев мне и не получить ответа на это письмо. А за это время невесть что может быть; вероятно: нас призовут[3]; и тогда ранее Вашего ответа, может быть, случится нам увидаться; до призыва же я не уеду (да и не на что: поездка с женой в Россию стоит теперь минимум 1200 франков, т.е. до 700 рублей по нынешнему курсу – конечно, в 3-ьем классе). Если вызовут – отправят на казенный счет. А так: было бы безумным мотовством уехать, если бы даже были и деньги.

Жизнь здесь унылая: все болею то нервным переутомлением, то одышкой, то страдаю сердечными припадками; *пушки* в Эльзасе начинаю просто не переносить. И уехать-то некуда. Роман мой застопорился[4]: очень много было у меня в личной жизни забот, огорчений и тяжелых переживаний; очень много и неприятностей на почве здешней местной жизни. Отчаянные господа (верней, госпожи, или проще – «*старые девы*») наши антропософы; 5% порядочных людей, 1/2% людей замечательных: прочие – никуда не нужный балласт, тормозящий все дело доктора; испортили купол наш «дряблою, декадентскою живописью»: вместо антр<опософского> искусства получилась дотошность самого захудалого модернизма; столько здесь тяжелого, нудного, что Вы и представить себе не можете: вот скоро 3 месяца д<окто>ра нет[5]; мы одни среди неприятностей, мелочностей, «теткинских» сплетен[6]: работники (т.е. молодежь) едва таскают ноги от усталости: у кого болезнь сердца, кто вытянул от колотьбы по дереву сухожилие, кто просто слег: и все это – в «базельском» мертвом сне, среди кляузных и зло настроенных деревушек.

Иногда такое отчаяние охватит, что просто по-собачьему «*выть*» хочется.

Очень много интересного и симптоматичного здесь на почве всякой литературы «текущего момента». Но о самом важном и интересном писать нельзя – все равно будет вычеркнуто: и моя отрада перелистывать французские, немецкие и швейцарские журналы, отыскивая «*перлы*», о которых фельетона – увы! – написать мне нельзя. Или сижу в базельской универс<итетской> библиотеке и читаю Ласка (очень интересного философа-немца, проткнутого чуть ли не... штыком сенегальца); его «*Lehre vom Urteil*» – одна из интереснейших книг современности[7]; но, увы, участь интересных

людей ныне – протыкать или быть протыкаемыми. Недавно читал курс лекций «*Кант и Штейнер в свете современных теоретико-познавательных проблем*»[8]. Читал, чтобы отвлечься от «*говора пушек*». Кстати: пишу А.С.Петровскому, чтобы он тотчас по выходе моей книги о Штейнере выслал ее Вам.

Что писать Вам? Но что напишешь из глухой швейцарской деревни – в столичный центр? Жизнь здесь сложна: но сложности «*специфические*»; о них и языком-то не расскажешь, а не только пером. Стучу опять по дереву – больше для моциона; при первых весенних цветочках возьму палку и пойду бродить по окрестностям[9]. Простите за это серое и несуразное письмо. Еще раз сердечное Вам спасибо.

Остаюсь искренне преданный и уважающий Вас

Борис Бугаев.

Дорнах. 11 м<арта> н.ст. 1916 года.

P.S. Адрес мой тот же: Dornach (près de Bâle). Maison Thomann. *Suisse*.

[1] Письмо отправлено с оказией через Москву (на конверте только русские марки); почтовые штемпели: Москва. 23.3.16; Царское Село. 24.3.16.

[2] Первые два очерка, помещенные в утренних выпусках «Биржевых Ведомостей», – «Гремящая тишина» (1916. №15542. 15 марта) и «Горизонты сознания» (1916. №15446. 17 марта). Всего с марта по август 1916 г. в «Биржевых Ведомостях» было напечатано 11 статей и очерков Белого, а также «Отрывки из детских впечатлений (Из повести “Котик Летаев”)» (№15533. 2 мая).

[3] Подразумевается ожидаемый призыв на военную службу.

[4] 4-ю главу «Котика Летаева» Белый писал в январе 1916 г., вернулся к работе только в мае (*РД*. Л.77об., 78об.).

[5] 19 или 20 января 1916 г. Штейнер уехал из Дорнаха в Берлин, оставался в Германии до 24 июля (см.: Lindenberg Ch. Rudolf Steiner. Eine Chronik. 1861–1925. Stuttgart, 1988. S.371).

[6] О «штейнеровских “*тетушках*”» Белый писал еще 1/14 мая 1912 г., сразу после первого знакомства с кругом приверженцев основателя антропософии (*Блок – Белый*. С.293, 294). В мемуарах «Начало века» («берлинская» редакция) Белый поясняет: «...соединение сектантства с поразительным отсутствием интересов к чему бы то ни было, кроме Штейнера, характеризовало тот тип теософок, которые были прозваны “*теософскими тетками*”; и характеризовала тот тип удивительная любовь к сплетням (мистическим, оккультическим, просто житейским). Да, “*тетка*” есть тип; подавлял он количеством; прийдя в общество, не разглядели б сразу вы действительно замечательных, образованных, углубленных людей (они были – не в малом количестве; и они доминировали морально) <...> воистину: выдержать “*тетку*” и не сбежать – есть победа над искусом» (Андрей Белый. Из воспоминаний. 3. У Штейнера // Беседа. 1923. №2. С.117). В «Воспоминаниях о Штейнере» Белый добавляет: «”*Тетка*” – определение антропософки, догматически шаржирующей антропософию <...> Термин “*тетка*” придуман доктором» (Указ. изд. С.68, 69).

[7] Эмиль Ласк (Lask, 1875–1915) – немецкий философ, представитель баденской школы неокантианства, убит на западном фронте 26 мая. Упоминается его книга «Die Lehre vom Urteil» (Tübingen, J.C.B.Mohr (P.Siebeck), 1912). О феврале 1916 г. Белый вспоминает: «Несколько раз в неделю сижу в Базельской библиотеке: читаю труд Ласка (не помню точно заглавие “*Methodologie... der exacten Wissenschaften*”)»; о марте того же года: «...читаю книгу Ласка “*Lehre vom Urteil*”» (*РД*. Л.78, 78об.).

[8] С декабря 1915 г. по февраль 1916 г. Белый читал этот курс из 12-ти лекций (см.: Минувшее. Вып.9. С.477-478) для группы русских антропософов в Дорнахе; с ним, вероятно, связана рукопись Белого «3 способа кантианского выведения позиции д-ра Штейнера» (*РГБ*. Ф.25. Карт.37. Ед.хр.6). В марте 1916 г. Белый читал для той же аудитории курс из четырех лекций «Штейнер и Гёте» (*РД*. Л.78об.). В 1959 г. А.А.Тургенева в письме к Т.А.Тургеневой и М.А.Олениной-д’Альгейм сообщала, что в числе рукописей Белого у нее имеется «большая работа по Канту (лекции)» (*ГЛМ*. Ф.7. Оп.1. Ед.хр.50).

[9] Белый сообщает о марте 1916 г.: «В середине месяца пешком с Поццо отправляемся из Дорнаха бродить: через Гемпен–Лисдаль идем в Аарбург. <...> Из Аарбурга идем в Солотурн и подъезжаем к Мутэ. <...> Через Мутэ–Биль возвращаемся в Дорнах» (*РД*. Л.78об.).

12. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
26 марта 1916 г. Царское Село[1].

26-III/8-IV 1916. Царское Село.
Колпинская ул., 20, кв.2

Дорогой Борис Николаевич,
винюсь: давно должен был я написать Вам «письмо разъяснительное» – и все откладывал да откладывал, чтобы сообщить Вам что-нибудь более определенное. Так и не дождался, – а тем временем получил вчера Ваше второе письмо, пересланное мне из Москвы; поэтому и пишу сегодня, чтобы в немногих словах рассказать Вам о положении дел.

Дело так было: еще в декабре А.А.Блок и я решили попросить разрешения бывших издателей «Сирина» на выпуск отдельным изданием «Петербурга», сброшюрованного из трех сборников. Издатели ответили согласием, – и немедленно же передали нам все оставшиеся у них экземпляры сборников, – каждого оказалось по 6000, – а я немедленно отправил один сброшюрованный экз<емпляр> в цензуру, где он пробыл более чем 1 1/2 месяца... Теперь он благополучно вышел из цензуры и ждет очереди у брошюровщика; я делаю все возможное, чтобы ускорить выход, и надеюсь, что в середине апреля роман выйдет в свет. Вместе с Блоком мы выбрали обложку, буквы, дали допечатать 2-3 странички из середины – и теперь «ждем плода»[2].

Итак – Вы являетесь собственником издания «Петербурга»; когда *все* 6000 экз. будут проданы – это даст Вам 7800 рубл<ей> (ибо цена экземп. – 2 р., из коих склад удерживает 35%); издание находится на складе типографии М.Стасюлевича (Вас<ильевский> Остр<ов>, 5 лин<ия>, д.28). На сброшюровку, печатание обложки, объявления и прочие расходы склад затратит, вероятно, рублей до 500; деньги эти будут им возмещены от продажи первых же экземпляров (Вы легко подсчитаете, что для погашения, напр<имер>, 500 рублей должны быть проданы 385 экз.). Все дела, все отчеты должен Вам давать склад; Блок и я – взяли на себя «литературную» сторону дела. Ряд статей о «Петербурге» уже намечен, кое-кому даны темы (напр<имер>, Пясту, для «Дня»)[3].

Если роман «пойдет» хорошо – Вы обеспечены года на два, т<ак> к<ак> за вычетом около 500 р. (больше или меньше – не знаю) расходов склада – вся остальная сумма принадлежит Вам. Но роман выйдет только в апреле, первые 400 экз. Вам ничего не дадут, так что «плодов» ждать можно только к осени. Ввиду этого мы (т.е. все те же А.А.Блок при моем содействии) решили взять «под роман» ссуду у Литературного Фонда, в Комитете которого я состою. Ссуда была взята дважды: в декабре (кажется) на 350 р., и в начале марта – на 300 р. Ссуду эту (последнюю) Вы вернете, если позволят обстоятельства, к сентябрю; первая – бессрочная[4].

Вот и все изложение «дела»; простите за скучное письмо, но оно – «деловое» и для Вас, быть может, не безынтересное. Как видите – все это не стоило мне ни труда, ни хлопот; в типографии Стасюлевича я все равно бываю еженедельно по своим делам (кстати – ручаюсь Вам за безусловно честное ведение авторских дел этой типографией и ее книжным складом; по делам своей книги переписываться можете с заведующим типогр<афией>: Иван Николаевич Литенин). Несравненно больше хлопотал и сделал А.А.Блок – несколько раз приезжавший в типографию, выбиравший шрифты, писавший в Литер<атурный> Фонд и т.п. Во всяком случае – оба мы рады, что могли посодействовать появлению в свет отдельного издания романа, который я лично очень ценю, который считаю высшим достижением не только Вашим, но и всей русской литературы последних лет. Большая моя статья о Вас уже напечатана, но выйдет в свет, кажется, не раньше осени[5].

И еще последнее: я сговорился с П.Е.Щеголевым, редактором литерат<урного> отд<ела> газеты «День», о помещении в этой газете 10 «фельетонов» из «Путевых Заметок» («Население Туниса», «Мгновенная мысль», «Базары», «Мечети», «Дервиш», «Мусульм<анская> культура», «Карфаген», «Кэруан», «Сиди-бу-Саид» и др.), но на днях он отказался от своего обещания, ввиду появления Ваших статей в «Бирж<евых> Ведом<остях>»[6]. Это, действительно, досадно; к тому же Вы, за границей, не знаете российских литературных дел и нашей «желтой прессы»; к ней принадле-

жат и «Бирж<евые> Вед<омости>», хотя в них, к сожалению, сотрудничают и Бердяев и Гершензон и иные многие[7].

Кончаю письмо, – после всех этих дел не хочется говорить о том, что «единое на потребу». Рад буду повидаться с Вами и поговорить, но от души желаю, чтобы это состоялось возможно позднее, чтобы до окончания войны могли Вы оставаться там, где теперь. Я знаю, это очень тяжело; но ведь и у нас не легче.

Адрес мой постоянный – дан выше; теперь же и до осени – лучше всего пишите мне на типографию Стасюлевича: с мая я уезжаю на лето и вернусь лишь к сентябрю[8]. Всего доброго. В следующий раз (быть может, еще до получения Вашего ответа) постараюсь написать Вам потолковее.

Крепко жму руку и шлю искренний привет.

Ваш Раз. Иванов.

[1] Ответ на п.10 и 11. Заказное (с печатью военной цензуры). Почтовые штемпели: Царское Село. 29.3.16; Dornach. 12.V.16; Lugano. 13.V.16. Переправлено из Дорнаха в Лугано (postlagernd Hôtel Bellevue), куда Белый уехал во второй половине апреля 1916 г.

[2] Комментарий Иванова-Разумника:

«История отдельного издания “Петербурга” в 1916 году была следующей. Три сборника “Сирина”, в которых был напечатан “Петербург” (1913–1914 г.), были изданы тиражом в 6 000 экз. каждый; из них ко времени закрытия “Сирина” к весне 1915 года было распространено по 3 000 экз.; на дальнейшее распространение рассчитывать не приходилось ввиду войны. Поэтому ИР предложил владельцу издательства “Сирин”, М.И.Терещенко, перед ликвидацией издательства, из всех трех тысяч оставшихся экземпляров каждого из трех сборников вырезать “Петербург”, сброшюровать и выпустить отдельным томом в изд-ве “Сирин”. Но М.И.Терещенко отклонил это предложение, желая окончательно ликвидировать издательство. После ликвидации (в апреле 1915 года) возник вопрос – что делать с изданиями “Сирина”, хранившимися на складе (собрания сочинений В.Брюсова, Ф.Сологуба, А.Ремизова, сборники “Сирина”); к осени 1915 года решено было пожертвовать все эти книги Вольно-Экономическому Обществу, для реализации их в пользу Комитета помощи раненым. Тогда А.А.Блок и ИР еще раз обратились к М.И.Терещенко с просьбой – уступить им оставшиеся экземпляры сборников “Сирина” для сброшюровки “Петербурга” в отдельный том; М.И.Терещенко согласился отдать им все 9 000 экз. сборников (по 3 000 экз. каждого из трех сборников) безвозмездно в пользу бедствовавшего тогда за границей автора “Петербурга”. Полученные экземпляры ИР передал в типографию М.М.Стасюлевича (управляющий – М.К.Лемке, фактор – Ив.Ник.Литенин <...>); типография, допечатав промежуточные страницы, сброшюровала роман; остальной материал сборников был отдан на сварку, кроме двухсот экземпляров “Розы и Креста”, вырезанных из сборника Ш по просьбе А.А.Блока и переданных ему. В конце января 1916 года роман был представлен в военную цензуру, где с ним произошел неожиданный анекдот: военный цензор предложил переименовать роман “Петербург” в “Петроград”, ввиду того, что уже в конце 1914 года таковое переименование города было произведено по высочайшему повелению... Однако цензора удалось убедить, что высочайшее повеление не распространяется на роман, в котором Петербург описывается до 1914 года. Цензурное разрешение было дано 23 февраля 1916 года – и в начале марта это отдельное издание “Петербурга” вышло в свет. – Склад издания был при типографии М.М.Стасюлевича (до осени 1916 года <...>); за вычетом небольших расходов по допечатыванию, сброшюровке, обложке и 35% скидки складу типографии за хранение, за комиссию и за распространение романа, на долю автора пришлось за это отдельное издание около 5 000 рублей; деньги эти помогли АБ по возвращении в Россию осенью 1916 года расплатиться с долгами <...> и существовать до середины 1917 года» (Л.8об.-9об.). «Петербург» вышел в свет отдельным изданием не в начале марта (ошибка памяти Иванова-Разумника), а в первой половине апреля 1916 г. (12 апреля 1916 г. Иванов-Разумник писал А.Блоку: «...мы можем поздравить друг друга: “Петербург” вышел в свет и уже продается в магазинах <...>» // *ЛН*. Т.92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.2. М., 1981. С.396). Дополнительные подробности об истории издания и распространения «Петербурга» содержатся в переписке Блока и Иванова-Разумника и комментариях к ней (Там же. С.392-403).

[3] Владимир Алексеевич Пяст (наст. фам. Пестовский, 1886–1940) – поэт-символист, переводчик, стиховед. Его отзыв о «Петербурге» («Роман философа») был напечатан в петроградской газете «День» (1916. №129. 12 мая). Иванов-Разумник оценивает эту статью в письме к Блоку от 13 мая 1916 г. (*ЛН*. Т.92. Кн.2. С.397).

[4] Обстоятельства получения этой ссуды затрагиваются в переписке Блока и Иванова-Разумника (Там же. С.392, 394-395).

[5] См. п.9, примеч.5.

[6] Павел Елисеевич Щеголев (1877–1931) – литературовед, историк революционного движения, редактор и издатель журнала «Былое». Газета «День» придерживалась эсеровского направления, и в этом отношении обращение туда Иванова-Разумника было закономерным. Щеголев уже помогал ему и Блоку в деле печатания «Петербурга» – содействовал прохождению романа через военную цензуру (см. письмо Блока к Иванову-Разумнику от 14 февраля 1916 г. // *ЛН*. Т.92. Кн.2. С.394).

[7] Статьи Николая Александровича Бердяева (1874–1948) и Михаила Осиповича Гершензона (1869–1925), историка русской литературы и общественной мысли, философа и публициста, в 1916 г. регулярно печатались в «Биржевых Ведомостях». В своей антивоенной статье «Испытание огнем» (1915) Иванов-Разумник резко отзывался о «косноязычных статьях Бердяева, наивных статьях М.Гершензона» («Скифы». Сб.1 [Пг.], 1917. С.278), содержавших философско-религиозное оправдание войны. 22 декабря 1915 г. Иванов-Разумник писал Гершензону: «На писания Ваши и не думаю "сердиться", но не мог не считать их общественно-вредными – особенно в начале звериного хора, когда люди принуждены были замолчать. <...> Постоянно встречать Ваши статьи среди звериных, в "Биржевых Ведомостях", – было досадно; досадно было слышать, как вы серьезно говорили об "этике войны" – и еще многое другое» (*РГБ*. Ф.746. Карт.34. Ед.хр.2).

[8] Иванов-Разумник уехал в деревню Песочки (Псковской губ.) 14 мая 1916 г. Свои впечатления от пребывания там он изложил в цикле очерков «Деревенское» (Иванов-Разумник. Перед грозой. 1916–1917 г. Пг., 1923. С.11-61).

13. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
13 мая 1916 г. Петроград[1].

13/26-V-1916

Дорогой Борис Николаевич,
месяца 1 1/2 – 2 тому назад я отправил Вам большое заказное письмо о делах[2]. Сегодня пишу лишь об одном деле: пришлите мне скорее Ваш роман[3], я имею возможность хорошо устроить его к осени. Посылайте мне на типографию Стасюлевича – П<е>т<ро>гр<ад>, Васильевский Остр<ов>, 5 лин<ия>, д.28, Ивану Николаевичу Литенину для меня. – Посылаю бандеролью статью мою о «Петерб<урге>»[4].

Ваш Р.Иванов.

[1] Открытка с видом Царского Села: Эрмитаж. Подъемная столовая. Почтовый штемпель: Петроград. 15 мая 1916; печать военной цензуры.

[2] Имеется в виду п.12.

[3] Подразумевается рукопись «Котика Летаева».

[4] Иванов-Разумник. «Восток или Запад?» («Петербург», роман А.Белого) // Русские ведомости. 1916. №102. 4 мая.

14. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
10/23 июня 1916 г. Дорнах[1].

Глубокоуважаемый и дорогой Разумник Васильевич!

Нет слов у меня для выражения Вам моей благодарности, признательности и смущения, которыми я был охвачен при чтении Вашего письма (я его получил не сразу: был я на «поправке» в Лугано)[2]; действительно: Вы и Алекс<андр> Алекс<андрович> Блок сделали для меня столько (в буквальном смысле слова выручили меня материально, ибо без Вашей поддержки и хлопот за меня я бы не знаю даже, как прожил...); мне стыдно за все то количество хлопот, которые я в неведении своем Вам доставил; а как мне Вас и Алекс<андра> Алекс<андровича> Блока отблагодарить за «*Петербург*», просто и не знаю... Верьте, я не умею выражаться словами: просто крепко, крепко жму руку Вам: ***спасибо***!

Только что получил «Русские Ведомости» с Вашей статьей о «Петербурге» и... опять должен сказать Вам: *спасибо*! Знаете ли, что я почти до слез был взволнован ей: ведь это (за 15 лет моей литер<атурной> деятельности) *первая статья* обо мне, которая меня взволновала и относительно которой я могу сказать, что *критика* не только проницает мои намерения, как автора, но и... учит меня, прочищает мне самому путь, облегчает мне думать о будущих моих произведениях; и вовсе не потому, что в статье Вашей я встречаю столь лестную для меня оценку «романа», а потому что столь выявлено в статье основное намеренье автора, идея; когда меня бранят или хвалят за «сценку», язык, «красочность», то мне как-то безразлично; например: когда Игнатов меня сначала «ругал» за язык, а потом хвалил[3], то мне было как-то безразлично, ибо и ругал и хвалил он «*не то*», что меня подвигало к писанию; что в стиле своем я «экспериментирую» неудачно, я и сам знаю; что в молодости я «*бросал в небеса ананасом*»[4], – я и сам знаю; что я с точки зрения «чистого искусства» – полухудожник, а с точки зрения «идеологии» – «смутьян»: *я и сам знаю*. Что я «декадент», я и сам знаю: и не то еще мог бы написать о себе; т.е. ругающих меня критиков я понимаю; а вот «*мука*», «*боль*», «*влюбление*» в тему твоего писания, заставляющего тебя, *полухудожника*, *смутьяна*, *декадента* и т.д., *опять* и *опять* возвращаться к литературе (до гробовой доски) и мучиться, и «сгорать» над несколькими «*темами-тайнами*», идущими за тобою сквозь всю твою жизнь, – критикою никогда не отмечалось; и Вы так тонко и ясно, и ярко в «газетной» статье подхватили и приняли любовно мою «*одну из тем-тайн*», – я почти до слез был взволнован: в душе отдалось как-то «У твоего рождающегося в муках твоей жизни ребенка есть *друг*, который "*приветит*" душевно твоего ребенка». Знаете, дорогой Разумник Васильевич, чувство родителей, по отношению к... «скажем», спасителям их детей?.. Вот у меня нечто такое шевельнулось к Вам за Вашу статью «Восток или Запад»: ведь до некоторой степени самое мое «*Я*» жизненно зависит от этой темы. Почему я 2 1/2 года сижу здесь и 2 года почти что в «*осаде*»? *Восток или запад*... Почему был период в моей жизни, когда я сказал себе: тебе остается спиться и издохнуть в канаве (тема «Пепла»)? *Восток или запад*... Через интимнейшие личные переживания, события жизни и даже общественные выступления всю жизнь тащилась в клубке «*тем-тайн*» эта «*тема-тайна*». А твое «*Я*», личность, условия жизни, биография, – так, *привесок*, средство к разрешению тебя мучащего лейт-мотива... Спасибо Вам!

Кстати: по прочтению Вашей статьи у меня в голове зашевелилась серия статей на тему «Восток или Запад»[5], и я хочу в ряде фельетонов («*увы*», придется писать в *Б<иржевых> В<едомостях>*) сделать пробег по истории – коснуться *Греции*, алекс<андрийского> периода, схоластики, Возрождения до наших дней... Придется писать в *Б<иржевых> В<едомостя>х*. Вы спросите, как я попал туда. Скажу, что и сам не знаю. Но я слышал еще за 8 месяцев до приглашения меня о коренной реорганизации этой газеты, что там распоряжается Тан[6] (которого я привык уважать), что *все* там пишут и т.д. (Газеты я не видел.) И когда получил вдруг приглашение туда в критический момент моей жизни, я, признаться сказать, думал, что это приглашение – результат Вашей любезности; у меня денег не было: надо было найти хоть какой-нибудь заработок, давалась мне *carte-blanche* относительно тем: я ответил согласием. И потом: я ухватился за «фельетоны» еще с другой точки зрения: как за средство привязаться к литературе, как за спасение, если хотите, чтобы не сойти с ума в ужасных условиях жизни нашей; верите ли: фельетоны – мое единственное развлечение и возможность «*отдохновенно-забыться*»; а потребность себя развлечь – огромна; подумайте: 2 1/2 года я живу в глухой, злой деревне среди враждебного населения и измученной кучки людей, дотерзывающих свое здоровье непосильным физическим трудом среди... «сумасшедшего дома» *старух*, *старых дев* и «*психо-патологических*» дам, съезжающихся из всех стран Европы не работать, а сплетничать, завидовать работающим и опозоривать их репутации. Заметьте: в нашем «*О<бщест>ве*» происходит нечто тягостное... Д<окто>р давно в отчаянии: движение слишком распространилось в «низы» и «подонки» общества; «сумасшедшие старухи», старые девы и тетки со времени войны перебесились; подлинно «членов», может быть, 400 на около *5000*; прочие – воистину «кухарки»; а условия нашей жизни таковы, что среди «кухарок» и сумасшедших *со-членов* приходится жить с утра до вечера, что мы живем в маленькой деревушке от 100-150-200 со-членов, что из этих *200* работают maximum *40*, а

прочие – элемент для «Пантелеймоновской часовни» (исцеляющей бесноватых)[7]; что может быть гнуснее «оккультной» старой девы, некультурной и мучимой страстями... до половых ненормальностей... (чье воображение грязней?); что может более угрожать благополучию Вашей жизни, если «*сто*» сплетниц этих зазавидует и заненавидит группу работающей молодежи, на своих плечах выносящих огромную постройку (художников, художниц, талантливых, самоотверженных, молодых, преданных д<окто>ру), – которым д<окто>р оказывает все знаки внимания, но которых по *многим* причинам местной жизни он не может огородить от «*ядовитой слюны*» ненавидящих полубесноватых старух (да его и нет с нами уже 1/2 года). Что было бы с «Ковчегом Завета», если бы нечистые животные там взбунтовались и овладели ковчегом в час потопа? Вот наше положение в Дорнахе: молодежь, *ухлопавшая* свое здоровье и силы, *выдана* 1) населению, 2) сумасшедшему дому; мы все не один раз бывали оклеветаны, опозорены, оплеваны: 1) глупым населением, до сих пор полагающим, что мы – «мормоны», и на этом основании считающим, что, например, молодые барышни и дамы, стучащие молотками, – «*работницы-проститутки*», которых топить надо; 2) мы все не раз бывали опозорены «извращенными» старухами (воображение оккультной старой девы – грязно до чудовищности...). У меня же моя Ася: она – нежная, чистая, самоотверженная! Вы знаете: я доходил до припадков нервного расстройства на одной той почве, о которой Вы и не можете подозревать. Одна «старая дева» в институте (и не *оккультная*) способна нагнать страх на несколько десятков пансионерок: что же способны проделать огромная свора оккультных добровольных инспектрисс над небольшой кучкой людей, *по условиям жизни* выданных с головою им: все воображение Сологуба меркнет перед «передоновщиной»[8], которою нас уже 1 1/2 года мажут здесь... Видите: вина я не пью и не могу утопить свои переживания минуты в «доброй чаше»; «музыки симфонической» в деревне нет; театра тоже нет. Я топлю свои «горестные минуты» в фельетонах; верите ли: как ребенку дорога игрушка, так мне дорого хотя бы где-нибудь писать, чувствовать себя – в круге другой, литературной, а не этой «*дорнахской*» жизни... «Биржевые Ведомости» над моим фельетоном ставят: «Базель»[9]. Я бы поправил их и поставил бы: «Сумасшедший дом». Мой голос – голос несумасшедшего из «*сумасшедшего дома*»; этот голос – просто руки беззащитного ребенка, протянутого к далекой матери России («мама, приди и возьми меня: меня здесь Бука бьет...»). Вы поймете меня: и не осудите за деятельное сотрудничество в «*Б<иржевых> В<едомостях >*».

Кончаю это письмо: еще раз спасибо, спасибо! Спасибо и за внешность «Петербурга», за обложку, которая мне очень нравится. Если вздумаете мне писать, то очень прошу: сообщите мне адрес А.А.Блока; у меня его нет, и поэтому я обременяю Вас просьбой: перешлите Блоку прилагаемое при сем письмо ему[10]. Если у Вас есть военно-пленные, то извещаю: мне из Базеля удобно пересылать им провизию; надо только, чтобы мне прислали на это деньги (я уже одного пленного еженедельно снабжаю провиантом через базельское «бюро», и мне труда бы не стоило снабжать еще когонибудь).

Остаюсь искренне преданный и глубоко благодарный Борис Бугаев.

P.S. Все, что я пишу о «старухах», «старых девах» и т.д., – пожалуйста, между нами: я *ведь очень верю в наше дело* и горячий защитник его; я не смешиваю движение с «большинством» в нем; «оно» – отвалится очень скоро.

[1] Ответ на п.12 и 13. Датируется по почтовому штемпелю: Arlesheim. 23.VI.16; Царское Село. 8.7.16.

[2] Город-курорт на одноименном озере в Швейцарии. 10/23 июня 1916 г. Белый писал матери: «В мае 2 недели прожили для отдыха в *Лугано* с Т.Я.Бергенгрюн и... представь себе: Боборыкиными!» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.359. Л.222).

[3] См. п.4, примеч.8.

[4] Подразумеваются строки «В небеса запустил / ананасом» из стихотворения «На горах» (1903; Андрей Белый. Золото в лазури. М., 1904. С.120), воспринимавшиеся современниками как своего рода образ-символ раннего творчества Белого.

[5] Комментарий Иванова-Разумника:

«Первая из этих статей была напечатана месяцем позднее в “Биржевых Ведомостях” под заглавием “Восток или Запад?” <№15661. 6 июля. – *Ред.*> <...>; вообще же говоря – здесь мы имеем первое упоминание о статье, позднее озаглавленной “Александрия и мы”, а еще позднее получившей окончательно первоначальное заглавие “Восток или Запад”» (Л.9об.). См.: Андрей Белый. Восток или Запад // Эпоха. Кн.1. М., 1918. С.161-210.

[6] Н.А.Тан (Владимир Германович Богораз, Тан-Богораз, 1865–1936) – этнограф, лингвист, поэт, прозаик, публицист, народоволец, много лет провел в ссылке. В «Биржевых Ведомостях» печатались его фронтовые очерки. Литературный отдел газеты с 1916 г. редактировал А.Л.Волынский.

[7] Ср. в «Петербурге»: «Вы такие б точно глаза встретили ночью в московской часовне Великомученика Пантелеймона, что у Никольских ворот: – часовня прославлена исцелением бесноватых» (*Петербург*. С.34). Пантелеймон (Пантолеон) Исцелитель (ум. в 305 г.) – святой, врач, лечивший больных безвозмездно.

[8] О «передоновщине» (Передонов – главный герой романа Ф.Сологуба «Мелкий бес») Белый писал еще в статье «Ф.Сологуб» («Далай-лама из Сапожка», 1908); см.: Андрей Белый. Луг зеленый: Книга статей. М., 1910. С.158.

[9] Четыре очерка Белого, опубликованные в «Биржевых Ведомостях» с 15 марта по 7 апреля 1916 г., были сопровождены пометой: «Базель»; очерк «У немецкой границы» (Биржевые Ведомости. 1916. №15527. 29 апреля. Утр. вып.) имел подзаголовок: «(От нашего корреспондента). Базель».

[10] Имеется в виду недатированное письмо Белого к Блоку с выражением благодарности за хлопоты вокруг издания «Петербурга» (*Блок – Белый*. С.329-331), написанное, видимо, одновременно (на полях – помета Блока: «Письмо пересл. Иванов-Разумник 1916 г. (июль?)» // Александр Блок. Переписка: Аннотированный каталог. Вып.2. Письма к Александру Блоку / Сост. Н.Т.Панченко, К.Н.Суворова, М.В.Чарушникова. М., 1979. С.63). 15 июля 1916 г. Иванов-Разумник сообщал Блоку из дер. Песочки: «...письмо Бугаева к Вам пришло на мое имя в Царское Село и оттуда, распечатанное, прибыло ко мне. Пересылаю его сегодня Вам и извиняюсь за военную цензуру. – Получил одновременно большое письмо его и очень обрадовался за “призыв”: из тяжелой и гнусной мути войдет он снова в живую жизнь» (*ЛН*. Т.92. Кн.2. С.401. Подразумевается обнародованный 7 июля высочайший указ о «призыве ратников I и II разрядов», распространявшийся на Белого).

15. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
Около 11/24 июля 1916 г. Дорнах[1].

Глубокоуважаемый Разумник Васильевич,

Получили ли Вы мое письмо (и письмо, с просьбою переслать Ал.Ал.Блоку), в котором я высказываю Вам горячую благодарность за все то, что Вы сделали для меня и за глубоко тронувший (более того, взволновавший меня) фельетон Ваш обо мне. Если не получили, то позвольте еще раз выразить Вам то глубокое чувство, которое поднимается во мне при мысли, что я в Вас встретил такую огромную, незабываемую ***никогда*** поддержку. Слов нет у меня: я могу лишь крепко-крепко пожать Вам руку: от глубины сердца спасибо Вам. И еще раз: *спасибо*!

Если Вы не получили моего письма, я скорблю: я там обо многом написал Вам; а теперь должен быть *лапидарен* (письмо идет с «*оказией*» и должно быть очень *кратко*); перехожу к делу: высылаю Вам рукопись повести «Котик Летаев» (1-5 глава); 6-ую и 7-ую главу, т.е. конец, высылаю в течение 2-3 недель (ближайших). «*Котик Летаев*» есть первая часть огромного романа «Моя жизнь» – в нем 7 частей[2]: «Котик Летаев» (годы младенч<ества>, «Коля Летаев» (годы отроч<ества>, «Николай Летаев» (юность), «Леонид Ледяной» (мужество), «Свет с востока» (восток), «Сфинкс» (запад), «*У преддверия Храма*» (мировая война)... Каждая часть – самостоятельное целое[3]. Предоставляю Вам право что угодно делать с рукописью[4].

Но вот в чем сила: мы – «*на службе*»... В течение 4-5 недель должен собраться ехать в Россию[5]. Денег – ни гроша. Прошу «Биржевые Ведомости» прислать франков 700; займу франков *200*; попрошу маму выслать франков *300-400* (больше она не может); максимум, что могу собрать, – это: *1300* франков; между тем: на проезд надо иметь для двоих минимум 1400-1500 франков (по *700* с человека: иногда приходится

ждать 2 недели корабля и «*проживаться*» в Англии). Кроме того, здесь есть долги. Если Вы сможете устроить рукопись и если в течение 3-4-х недель, т.е. в августе нового стиля, сможете откуда-нибудь мне выслать по телеграфу несколько сот франков (хотя бы авансом за рукопись), я был бы горячо Вам благодарен.

Если жена поедет со мной, то надо иметь деньги; если – нет, надо ее месяца на 3 обеспечить в Швейцарии[6]. Страшно был бы Вам благодарен, если бы возможно было бы «*под повесть*» достать мне денег.

Простите, что «*пристаю*» и в такой лапидарной форме. Письмо должен кончать. Сейчас оно идет с «оказией»...

Жду нетерпеливо ответа по телеграфу: возможно ли мне что-нибудь получить; должен всячески изловчиться, чтобы смочь уехать.

Остаюсь глубоко Вам преданный и благодарный Борис Бугаев.

P.S. Как Вы со «службой»? Александр Александрович – «*тоже*» ведь?[7]

Адрес: Suisse. Dornach (près de Bâle). Maison Thomann. Мне. Жду телеграммы.

[1] Согласно данным почтовых штемпелей, письмо отправлено из Швеции 2 августа (н.ст.) 1916 г., получено в Петрограде 1 августа (ст.ст.) 1916 г. Датируется по связи с телеграммой, посланной по адресу типографии М.М.Стасюлевича (Литенину для Иванова-Разумника): «Manuscript envoye si possible avance Bougaieff» («Рукопись послана если возможно аванс Бугаев»); на телеграмме – пометы Иванова-Разумника: «11/24 VII 1916», «Получено в СПб 12/25 VII».

[2] Комментарий Иванова-Разумника: «Дальнейшее перечисление заглавий этих семи частей – пока единственное известное указание на план грандиозного замысла серии романов, сперва носившей название “Моя жизнь”, а позднее переименованной в “Эпопею” и “Я”. Замысел серии из семи романов вскоре разросся до девяти романов <...>, а позднее (в 1920 году) АБ окончательно остановился на десяти романах своей “Эпопеи”, или “*Я*” <...> Из этого плана осуществлены три части: “Котик Летаев”, “Преступление Николая Летаева” (“Крещеный китаец”) и “Записки чудака”» (Л.9об.-10).

[3] К рукописному тексту «Котика Летаева», оставленному Белым в Дорнахе, приложен его автограф – указатель составляющих частей «Моей жизни» (*ИРЛИ*. P.I. Оп.2. Ед.хр.570. Л.3):

«*Моя жизнь*»
(3-ья часть Трилогии «*Восток или Запад*»)
Роман в семи частях
Часть первая: «Котик Летаев» (годы младенчества).
Часть вторая: «Коля Летаев» (годы отрочества).
Часть третья: «Николай Летаев» (годы юности).
Часть четвертая: «Леонид Ледяной» (годы мужества).
Часть пятая: «Свет с востока» (восток).
Часть шестая: «Сфинкс» (запад).
Часть седьмая: «У преддверия Храма» (восток или запад? Мировая война).

[4] Комментарий Иванова-Разумника:

«В середине 1916 года организовалась редакция предполагавшихся к изданию литературно-художественных и публицистических “альманахов”, заглавие которых еще не было установлено; редакцию составляли – А.И.Иванчин-Писарев (народоволец), С.Д.Масловский (С.Мстиславский, публицист, а впоследствии романист и драматург) и ИР. К началу 1917 года заглавие “альманахов” определилось: “Скифы”. Вышло два сборника – в августе и декабре 1917 года; в этих сборниках и появился “Котик Летаев”» (Л.10).

[5] См. примеч.10 к п.14. 15 июля 1916 г. Иванов-Разумник сообщал Блоку: «Петровский писал мне, что телеграфировал Бор<ису> Ник<олаевичу> о призыве и что ждет его в Москву недели через две-три» (*ЛН*. Т.92. Кн.2. С.401).

[6] Андрей Белый выехал из Дорнаха в Россию (кружным путем через Францию, Англию, Норвегию и Швецию в Петроград) в середине августа (н.ст.) 1916 г. А.Тургенева осталась в Швейцарии.

[7] Иванов-Разумник на военную службу не призывался. А.Блок, призванный указом от 7 июля 1916 г., был зачислен табельщиком в 13-ю инженерно-строительную дружину Всероссийского Союза Земств и Городов, выехал в расположение дружины (ст. Лунинец Полесских жел. дор., в районе Пинских болот) 26 июля. Ср. письмо Иванова-Разумника к А.М.Ремизову от 12 июля 1916 г.: «Призыв 15 VII Вас не коснулся (как и меня); но “Андрей Белый”, Блок – как они? С обоими я в переписке и обоим пишу сегодня» (*ИРЛИ*. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.84. Упомянутое письмо к Белому либо не было написано, либо не выявлено).

16. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
21 августа 1916 г. Песочки[1].

21 авг. 1916, дер. Песочки.

Дорогой Борис Николаевич,

я напоминаю себе Плюшкина, который на восьмушке бумаги скупо лепит строку на строку[2]; извиняюсь за это плюшкинство, – но в деревне здесь «бумажный кризис».

Письма Ваши я получил, по-видимому, все; в свою очередь хочу сказать спасибо Вам за них. Вы один из очень немногих наших писателей, которого я люблю не только как писателя (хотя и совершенно не знаю лично): я убежден в глубокой искренности Ваших писаний, я знаю, что у Вас подлинно «есть что-то за душой». Теперь это можно сказать не о многих. И потому – мне ценна Ваша вера, хотя я и не верю, что Вы остановитесь на этой вере; мне дороги Ваши искания и достижения, хотя бы сам я стоял и на другом полюсе. Все это – отвлекаясь от «литературы». С нею же – все подчеркивается, оформляется. На днях должна выйти большая моя статья о Вас (в VI-VII выпуске «Русск<ой> Лит<ературы> XX века»)[3], в которую статья из «Р<усских> В<едомостей>», о «Петербурге», войдет лишь как одна из глав. Когда прочтете ее – повторите ли Вы о целой статье то, что написали мне об отдельной главе? Если да, то очень этим меня обрадуете. А до того времени – может быть, мы еще и увидимся с Вами? Я не знаю – где Вы теперь? Пишу на авось по адресу А.С.Петровского, предполагая, что Вы уже в Москве[4].

Теперь несколько слов о «делах», которыми так скучно заполняются мои письма. Лето я провел в деревне; Ваши все письма получал с большим опозданием (письмо А.А.Блоку – переслал немедленно), а телеграмму – с опозданием громадным. Аванса за новый роман – устроить не мог до возвращения в город, но немедленно написал Стасюлевичу[5], чтобы он выслал Вам деньги за границу. Получил от него сведение, что им переведено Вам за границу в начале августа – 300 р. («на имя жены, по телеграфу»), и 8-го августа переведено Литературному фонду тоже 300 р., в погашение февральской ссуды. Теперь Вам надо «вступить во владение» своим романом; А.А.Блок и я передаем Вам его «из полы в полу». Склад писал мне, что роман идет прекрасно, разошлось до 2000 экземпляров[6].

Вы напрасно благодарите меня за все это издание; я сделал, без больших хлопот, только то, что Вы сделали бы для меня на моем месте. Но, правда, за Вами долг: Вы должны мне – экземпляр «Петербурга» с автографом, при первом удобном случае[7].

Надеюсь, что случай этот скоро представится, если Вы уже вернулись в Россию. Я через неделю, с 28 августа – уже в городе; мой постоянный адрес: *Царское Село, П<е>т<ро>г<радской> губернии, Колпинская ул., д.20, кв.2.* Если будете в Петербурге – нам необходимо повидаться: мой царскосельский телефон 4-57.

Только что прочел «Товарищу» (думаю – А.А.Блоку?) в Бирж<евых> Вед<омостях>[8]. Прекрасно. А.А. с 26 июля – на службе[9].

Крепко жму Вашу руку и шлю сердечный привет.

Ваш Р.Иванов.

[1] Ответ на п.14 и 15.

[2] Подразумевается эпизод из гл.VI 1-го тома «Мертвых душ»: Плюшкин пишет на «осьмушке» бумаги, «лепя скупо строка на строку, и не без сожаления подумывая о том, что все еще останется много чистого пробела» (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т.6. [Л.], 1951. С.127).

[3] См. п.9, примеч.5.

[4] В день написания этого письма Белый прибыл из-за границы в Петроград. В открытке, отправленной матери 21 или 22 августа (почтовый штемпель получения: Москва. 23.8.16), он извещал: «Милая мамочка, приехал <...> Адрес мой: Петроград. Отель “Селект”. <...> Через 2-3 дня увидимся» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.359. Л.226).

[5] Подразумевается: в типографию Стасюлевича (М.М.Стасюлевич умер в 1911 г.), которой заведовал М.К.Лемке. Владельцем фирмы «М.М.Стасюлевич» в 1916 г. была Любовь Исааковна Стасюлевич.

[6] Эти сведения Иванов-Разумник получил от М.К.Лемке (управляющего делами типографии М.М.Стасюлевича). 20 июля 1916 г. Иванов-Разумник сообщал Блоку: «Я получил от

Лемке ответ: разошлось "Петербурга" уже *2000* экз., из них за наличный расчет – 1000 <...> в "собственности" Бугаева уже до 1 1/2 тыс<яч> рубл<ей> в конторе Стасюлевича» (*ЛН*. Т.92. Кн.2. С.402). Сохранилось письмо В.В.Пашуканиса (заведовавшего коммерческой частью изд-ва «Мусагет») к Белому, подтверждавшее получение 2 тыс. рублей от издания «Петербурга» и погашение долга «Мусагету» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.240).

[7] Экземпляр «Петербурга» с дарительной надписью Белого Иванову-Разумнику, видимо, не сохранился. Другие надписи Белого на книгах, подаренных Иванову-Разумнику и его сыну Л.Р.Иванову, см. в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С.29, 31, 32.

[8] Стихотворение «Товарищу» («Я слышал те медлительные зовы...») было опубликовано в утреннем выпуске «Биржевых Ведомостей» 14 августа 1916 г. (№15739). Его адресат раскрывается в заглавии-посвящении, которое стихотворение получило в книге Белого «Звезда» (Пб., 1922. С.18): «А.М.Поццо».

[9] См. примеч.7 к п.15.

17. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
1 сентября 1916 г. Москва.

Москва. 1-го сентября[1].

Глубокоуважаемый и дорогой Разумник Васильевич,

Спасибо Вам за хорошее письмо. Был проездом в Петрограде[2] и никого не застал; не узнал даже в точности Вашего адреса: И.Н.Литенина не было; и Вашего адреса в точности мне не дали[3]; таким образом, не мог я ничего выяснить и о «*Петербурге*», потому что спешно должен был <ехать?> в Москву. Надеюсь, что в течение сентября мне удастся побывать в Петрограде и лично покончить с некоторыми делами. Глубоко благодарен за то, что Вы были столь добры: подумали о выплате спешного моего долга Литературному Фонду; и спасибо за то, что жене были высланы 300 рублей; я бесконечно тронут за внимание[4]. Что касается до повести «*Котик Летаев*», то я хотел бы поговорить с Вами о ней: я не знаю ведь, где Вы хотите ее напечатать, и вообще будет ли она напечатана; да и потом: в каком виде? Если она печатается скоро, в повременном издании, то я бы спешно закончил 2 последние главы ее; если она печатается теперь, то... мог бы оставить ее в таком виде, в каком Вам послал ее, приписав *эпилог* и прикинув недописанный кусок к следующей, II части «*Моей жизни*». Словом: в зависимости от Вас, я или *кончаю* повесть (приписав *эпилог*) или продолжаю ее. Если *повесть* должна тотчас же печататься и печататься без разбивки на части, то черкните мне об этом: вместо 7 глав пусть в ней будет 5 с эпилогом[5].

Вообще я как-то сорван с работы; и теперь налетает буря дел: я боюсь утратить рабочее настроение; досадно, что не знаешь, когда призовут: через две-три недели, или через 2-3 месяца; и эта неопределенность тягостно ложится на весь порядок и течение жизни.

Дорогой Разумник Васильевич, бесконечно благодарен Вам за статью, содержание которой весьма и весьма меня интригует[6]; может быть, пришлете мне 1, 2 оттиска ее: был бы Вам весьма признателен.

Очень жажду лично Вас увидать, для того, чтобы ближе познакомиться, если Вам это знакомство *хоть что-нибудь* скажет: очень странно: мы лично почти не знакомы; между тем мне кажется, что я Вас где-то знаю; и вот мне даже как-то совестно являться Вам на глаза. Когда буду в Петрограде, непременно, если позволите, я явлюсь к Вам: в Петроград или в Царское Село, – все равно.

Но прерываю письмо: надеюсь очень скоро Вас видеть и лично благодарить за все участие, которое Вы так щедро мне оказывали; постараюсь также освободить Вас от своих рукописей.

Остаюсь искренне уважающий Вас и глубоко преданный Борис Бугаев.

Мой адрес: Москва. Арбат. Никольский пер., д.21, кв.5.

[1] Ответ на п.16. Если авторская датировка не ошибочна, то письмо отправлено (заказным) существенно позднее дня написания (почтовые штемпели: Москва. 7.9.16; Царское Село. 8.9.16).

[2] Белый был в Петрограде 21-24 августа (3-6 сентября н.ст.) 1916 г.; 23 августа он писал матери: «...в среду, в четверг еду в Демьяново. Сейчас должен в Петрограде попытаться устроиться со своими литературными делами» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.359. Л.227. Среда, четверг – 24, 25 августа).

[3] Ср. запись в биографических заметках Белого «Жизнь без Аси»: «(Сентябрь) 3-6 – Петроград. Виделся с ред<акцией> "Биржевых Ведомостей". Был в типографии "Стасюлевича". Разыскивал Ремизова, Мережковского» (*РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1).

[4] Комментарий Иванова-Разумника:

«В феврале 1916 года скорый выход в свет отдельного издания "Петербурга" был уже обеспечен, но получение авторских денег за него могло затянуться (в зависимости от быстроты распродажи романа, сданного на комиссию), а переведенных в декабре 1915 года АБ пятисот рублей не могло хватить ему с женой больше, чем на два месяца; поэтому А.А.Блок и ИР решили обратиться в Литературный Фонд (одним из членов Правления которого был в то время ИР) с просьбой о краткосрочной ссуде (полугодовой) АБ в размере 500 р. под поручительство А.А.Блока. Ссуда была выдана и деньги переведены в феврале 1916 АБ. В августе в кассе книжного склада типографии М.М.Стасюлевича скопилось уже около 1000 р. авторских за проданные экземпляры "Петербурга". Из этих денег ИР уплатил взятую у Литературного Фонда для АБ ссуду и выслал в Дорнах А.А.Тургеневой-Бугаевой 300 рублей» (Л.10). Денежная ссуда из Литературного фонда была получена не в феврале (как, видимо, по памяти указывает Иванов-Разумник), а в марте 1916 г. (см.: *ЛН*. Т.92. Кн.2. С.394-395).

[5] В «Котике Летаеве» – шесть глав и эпилог; в сб. 1-м «Скифы» ([Пг.], 1917) помещены гл.I-IV (С.9-94).

[6] Подразумевается статья Иванова-Разумника «Андрей Белый» (см. п.9, примеч.5).

18. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
8 сентября 1916 г. Москва[1].

Глубокоуважаемый и дорогой Разумник Васильевич,

я в Петрограде – на два, три дня[2]. Необходимо Вас видеть. Напишите, когда Вы дома в Царском, или где встретиться в Петрограде, по адресу: Петроград. Вас<ильевский> Остров. 19 линия, д.14, кв.12. Священнику К.М.Аггееву[3]. Для меня: числа, когда я буду, суть: или – *10*, *11*, *12*, или *11*, *12*, или *11*, *12*, *13*. Дольше нельзя: 20<-го> уезжаю с Летучим отрядом[4].

Горячо Вам преданный

Б.Бугаев.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 8.9.16.

[2] Комментарий Иванова-Разумника: «Это надо понимать: "Я буду в Петрограде", так как письмо написано в Москве» (Л.10об.). Белый выехал из Москвы 8 сентября, был в Петрограде с 9 по 13 сентября.

[3] В «Жизни без Аси» Белый отмечает в записи от 11 сентября 1916 г.: «Встреча с Аггеевым» (*РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1). Константин Маркович Аггеев (Агеев, 1868–1921) – протоиерей, магистр богословия, действительный член и член совета Петербургского Религиозно-философского общества; преподавал в высших учебных заведениях. Сотрудничал в либеральной печати, автор книги «Христианство и его отношение к благоустроению земной жизни» (Киев, 1909). Аггееву принадлежит сочувственный отзыв на «Историю русской общественной мысли» Иванова-Разумника (Век. 1907. №25. 1 июля. С.401-402). В.В.Зеньковский в воспоминаниях «Мои встречи с выдающимися людьми» пишет об Аггееве: «...он был один из выдающихся священников в Петербурге, принимал участие во всех гремевших тогда религиозно-философских и литературных собраниях. <...> Но о.Константин, все легко схватывавший, не был глубок, и впечатление от него было именно как от порхающего мотылька, главным наслаждением для которого было быть среди "знаменитых" и "известных" людей. Вместе с тем он был истовый, верный священник, что и делало его значительным в глазах той литературной богемы, к которой он тянулся всей душой. Доброты был о.Константин совершенно исключительной, отсюда проистекала его жертвенность, которая умиляла в нем. Погиб он, замученный большевиками, когда <...> они завладели Крымом (период Бела Куна)» (Записки Русской академической группы в США. T.XXVI. New York, 1994. С.48).

[4] Комментарий Иванова-Разумника: «АБ предполагал ехать на Румынский фронт с санитарным отрядом свящ. К.М.Аггеева» (Л.10об.). Ср. свидетельство Белого: «...обедаю у св. Аггеева и уговариваюсь с ним ехать на румынский фронт (состоять при нем)» (*РД*. Л.81об.-82).

19. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
18 сентября 1916 г. Царское Село.

18 сент. 1916. Царское Село.
Колпинская, 20.

Дорогой Борис Николаевич,
боюсь, что письмо это не застанет уже Вас в Москве (ведь Вы собирались уехать 20/IX?)[1]. Если застанет – то хочу сообщить Вам вот о чем:

Сборник, о котором я Вам говорил, по-видимому, состоится[2]; когда надо будет прислать «Котика Летаева» – я Вам напишу, торопясь медленно: авось Вы успеете в ближайшие недели дописать две главы! Это первое. Второе: статьи «Восток и {или?} Запад» – отвергнуты Биржевкой, но у Вас, вероятно, сохранились. Что если бы Вы собрали их – для напечатания сразу, целиком в этом же сборнике? Соберите все, что кажется Вам не-подходящим для газеты; это будут, конечно, лучшие статьи – и в сборнике Вы сразу выскажетесь о многом (хотя – цензура!). Ответьте поскорее, не слишком медлите и со сборкой статей. Цикл «Восток или Запад» кажется мне особенно интересным[3].

Вы так «метеорно» скользнули в нашей царскосельской тишине, что будто я Вас и не видал. Но сердечно рад был познакомиться и поговорить с Вами[4]. Как мы ни расходились бы, но для меня Вы – один из очень немногих «литераторов» (не говорю – людей), у которого есть за душой подлинное, кровное: есть кровь, есть и жизнь[5]. Верю в подлинность Ваших духовных переживаний – и тем более ценю Вашу «литературу». Если увидимся еще – надеюсь познакомиться еще ближе.

Кстати (то есть некстати): ради всех богов – не слушайте всех Ваших москвичей, которые говорят всякий вздор о «Петербурге». Боюсь, что, наслушавшись, Вы начнете сокращать, сглаживать, вообще сильно изменять форму для «2-го издания»[6]. Для меня «Петербург», сглаженный и сокращенный ad usum publicum*, – был бы не исправленным, а испорченным.

Сообщите свой адрес или свои адреса. Я на всю зиму – безвыездно дома; если бы Вам случилось приехать в Петербург – заезжайте прямо к нам без всяких предуведомлений и останавливайтесь в моем кабинете, как совершенно свободной комнате. Тогда и поговорим подробнее и побродим по нашим тихим паркам. Варвара Николаевна[7] просит Вас откинуть всякие церемонии и считать нас Вашими старыми хорошими знакомыми (чтó и правда).

Надеюсь – до свидания, – и остаюсь искренне любящий Вас

Разумник Иванов.

[1] 19 сентября Белый выехал из Москвы в Киев.

[2] Подразумевается 1-й сборник «Скифы».

[3] Статьи, озаглавленные «Восток и Запад», не были напечатаны в «Скифах». См. п.14, примеч.5.

[4] В записях «Жизнь без Аси» Белый сообщает, что общался с Ивановым-Разумником в Царском Селе 10 сентября: «Встреча с Ивановым-Разумником. Дела о “Котике”»; 12 сентября: «Беседа с Р.В.Ивановым» (*РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1).

[5] В тех же выражениях Иванов-Разумник охарактеризовал тогда общение с Белым в письме к А.М.Ремизову: «Вчера провел у нас “день и ночь” – Бугаев. <...> Я впервые видел его по-настоящему и еще больше его полюбил; один из немногих людей, у которого за душой есть подлинное, кровное» (*ИРЛИ*. Ф.256. Оп.3. Ед.хр.84). Авторская датировка этого письма – 15 сентября 1916 г.; либо Иванов-Разумник ошибся в дате, либо неточны хронологические сведения, сообщаемые Белым в «Жизни без Аси».

---

* *для массового употребления (лат.)*

[6] Подразумевается предполагавшееся переиздание «Петербурга» издательством В.В.Пашуканиса (в начале сентября 1916 г. Белый заключил договор с Пашуканисом на издание собрания своих сочинений).

[7] В.Н.Иванова (урожд. Оттенберг, 1881–1946) – жена Иванова-Разумника.

20. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
25 сентября 1916 г. Москва[1].

Москва. 25 сентября. 16 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Разумник Васильевич,

я получил Ваше милое и любезное письмо: спасибо за него. Не ответил я сразу, потому что не знал, куда судьба меня кинет; дело в том, что, разойдясь с Конст<антином> Марк<овичем> Аггеевым и будучи призван, я не знал, каково мое положение относительно Союза[2] и пр. Теперь, получивши трехмесячную отсрочку[3] и отоспавшись, я тотчас же сел за обработку одного фельетона из серии «*Восток или запад*». Мысль, что мои *этюды* пойдут в Альманахе, очень мне улыбается; постараюсь теперь, в первую голову, покончить с повестью[4] и этюдами, а потом уже взвешу, куда мне девать себя. Надеюсь, что в 2-3 недели поспею.

Мне очень радостно, что я не отпугнул Вас от себя своим эмпирическим присутствием, несмотря на то, что был у Вас, в Царском, вне себя от усталости и переутомления; кажется, я нагородил у Вас много: у меня такая несчастная способность, что *именно* когда устаю, то говорю всегда путанно, нестерпимо и много; а потом – угрызаюсь!

Сердечное спасибо за ласковое приглашение к Вам: непременно им воспользуюсь; мне весьма улыбается ближе познакомиться с Вами и побродить в «*тихих кущах*». Пока же изучаю Москву и очень часто чувствую себя чрезвычайно отставшим от «*злоб дня*»: иногда присутствуешь при разговоре, при том или ином высказывании и, собственно, не понимаешь, в чем соль высказывания, но стараешься не делать удивленных глаз, дабы не выказать свою отсталость; Москва живет своей внутренней жизнью, но – отрешенно от* «*всего мира*»; у нее в иных отношениях как-то даже и нет органов соприкосновения с «вне-московским»; поэтому подчас глубокие события ее внутренно-идейной жизни носят какой-то «*утробный*» характер. Не участвуя в «*утробной*» жизни Москвы, чувствую себя иностранцем. И в этом мое спасение, потому что по опыту знаю: когда входишь в «утробную» московскую жизнь, теряешь всяческую самостоятельность и работоспособность; становишься просто «*ассимилируемым*» элементом; знаю я очень многих весьма замечательных людей, здесь индивидуально почивших и воскресших не для «коллективного делания», а в групповой, кружковской душе[5].

При первом признаке пробуждения в себе «*группового*» сознания... удираю... в Румынию!

Остаюсь искренно расположенный и уважающий Вас

Борис Бугаев.

P.S. Вашей супруге прошу передать мой привет и уважение.

[1] Ответ на п.19. На конверте почтовые штемпели: Москва. 27.9.16; Царское Село. 28.9.16.

[2] Подразумевается Всероссийский Союз Городов помощи больным и раненым воинам, учрежденный в 1914 г. с началом мировой войны.

[3] Известие о призыве на военную службу Белый получил 20 сентября, по дороге в Киев (в Брянске). О сентябре 1916 г. он вспоминает: «...получаю телеграмму о том, чтобы ехать к Агееву на фронт; в Брянске узнаю из газет о явке на освидетельствование; возвращаюсь с середины дороги в Москву; и иду на призыв (получаю отсрочку на 3 месяца)» (*РД*. Л.82об.). Иска-

---

* *В автографе:* «в»

женную версию этих обстоятельств передает Л.В.Иванова в письме к Вяч.Иванову и В.К.Ивановой-Шварсалон от 29 сентября 1916 г.: «Андрея Б<елого> отправили в Румынию, но он уже в Киеве чем-то заболел и его на время отпустили, на 1 месяц, кажется, а потом отправят, если он не устроится каким-нибудь писарем или что-то вроде <...>» (*РГБ*. Ф.109. Карт.25. Ед. хр.56).

[4] Подразумевается «Котик Летаев».

[5] О своих московских контактах в сентябре 1916 г. Белый вспоминает: «Сложнейше балансирую между *богэмой*, религ<иозно->фил<ософским> Обществом и антропософами» (*РД*. Л.81об.).

21. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
5 октября 1916 г. Царское Село[1].

5 окт. 1916 г. Царское Село.
Колпинская, 20.

Дорогой Борис Николаевич,
полученная Вами отсрочка на три месяца очень меня порадовала – «литературно»: авось за это время закончите Вы и «Котика» и цикл статей.

Сборник – состоится; к 1-му ноябрю хорошо бы получить от Вас 1) «Котика Летаева», 2) цикл статей «Восток или Запад», 3) цикл стихотворений (в крайнем случае – можно было бы даже собрать 5-6 уже разбросанных по газетам). Гонорарные условия за роман такие: половина гонорара (т.е. 100 р. с листа) – по сдаче рукописи; вторые 100 р. с листа – через два месяца после появления сборника; лист – 40000 букв. Подойдет ли это Вам?

Случайно встретил я в типографии – Пушкиньяца[2], чем-то весьма недовольного на Лемке, по-видимому взаимно[3]. Внешний вид его – доверия не внушающий; поэтому – вдвойне желаю Вам удачи и благополучия с этим издателем.

Рад я очень, что Вы не вошли с головой в московские литературные стойла; так Вы больше сохраните свою свободу. – Тороплюсь кончить этими снова «деловыми» строками, надеясь в следующий раз написать толковей. Если и не удастся написать – всего и всего Вам доброго. Крепко жму Вашу руку и остаюсь искренно Ваш

Р.Иванов.

[1] Ответ на п.20.

[2] Иванов-Разумник именует так Викентия Викентьевича Пашуканиса (?–1919), бывшего сотрудника «Мусагета», организовавшего в 1916 г. на базе «Мусагета» издательство собственного имени. Из предпринятого изд-вом В.В.Пашуканиса «Собрания эпических поэм» Андрея Белого вышли в свет в 1917 г. только два тома – 4-й («Северная симфония (1-я, героическая)», «Симфония (2-я, драматическая)») и 7-й («Серебряный голубь», ч.1). См.: Бугаева К. Петровский А., [Пинес Д.]. Литературное наследство Андрея Белого // *ЛН*. Т.27/28. М., 1937. С.576.

[3] Михаил Константинович Лемке (1872–1923) – историк русской общественной мысли, журналистики и цензуры, публицист; управлял делами типографии М.М.Стасюлевича. Иванов-Разумник состоял с ним в многолетних дружеских и деловых отношениях. Белый встречался с Лемке в Петрограде 11 сентября 1916 г.: «Беседа с М.К.Лемке. Получил 1 000 руб. за проданные экземпляры "*Петербурга*"» («Жизнь без Аси» // *РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1); «...знакомлюсь с Лемке, который сдает мне отчет по изданию "*Петербурга*" (передаю издание на Пашуканиса)» (*РД*. Л.81об.). Контакты Лемке и Пашуканиса были связаны с передачей прав на переиздание «Петербурга» в составе собрания сочинений Андрея Белого (еще 12 июля 1916 г. Иванов-Разумник извещал Лемке: «Заведующий изд-вом "Мусагет", но имеющий и собственное издательство, некий Пашуканис (только что выпустил в Москве собрание сочинений А.Блока и... Игоря Северянина) обращается со следующим предложением: 1) Он немедленно купит весь "Петербург" по 50% номинальной цены, *если* его из 6 000 экз. доселе продано не более 1 000 экз. 2) Деньги выплачивать будет Белому по 200 р. в месяц» // *ИРЛИ*. Ф.661. Ед.хр.473).

22. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
13 октября 1916 г. Москва[1].

Москва 13 окт. 16 года.

Глубокоуважаемый и дорогой Разумник Васильевич,

Не приедете ли Вы к нам в Москву?

Не удивляйтесь моему неожиданному приглашению. Вчера я долго сидел у Льва Исаковича Шестова, и он мне сообщил, что *очень-очень* зовет Вас: ему *очень-очень* нужно с Вами поговорить[2]; он бы поехал к Вам, но он плохо себя чувствует. Он рассказал мне, что зовет Вас в Москву, и просил меня присоединиться к его зову. Будучи совершенно уверен, что он имеет все основания Вас звать к себе, присоединяю и я свой голос: приезжайте в Москву!

Есть нечто весьма сериозное, о чем хотелось бы поговорить мне с Вами; Льву Исаковичу – тоже надо; быть может даже – надо нам с ним «*en deux*»* поговорить с Вами. Кроме всего: разумеется, было бы весьма радостно видеть в Москве. Не удивляйтесь же моему неожиданному зову. Просто, – зная Льва Исаковича, я знаю, что если он так настаивает на Вашем приезде, то *надо настаивать и мне*. И вы простите меня за мой, может быть, назойливый голос[3].

Огромное спасибо Вам за письмо; разумеется, рукописи я доставлю к 1-ому ноябрю (и «*Котика*», и «стихи»[4], и «статьи»); что касается до «*статей*», то – цикл «Восток или запад» я переработал в общее заглавие «Александрийский период и мы в освещении проблемы “восток или запад”»; вышло: до 40 писаных страниц. Это – немного? Форма – афористическая. Собираюсь в ноябре прочесть на эту тему доклад в «*рел<игиозно>-фил<ософском>*» О<бщест>ве в Москве[5].

Разумеется, условия гонорара меня весьма удовлетворяют: спасибо за них, большое! Более того: выручают; мне пришлось кое-чем обзавестись (у меня все вещи пропали в дороге); кроме того: пришлось послать жене, а жизнь – дорогая; и если, действительно, я мог бы получить часть гонорара при доставлении рукописи, т.е. в начале ноября, то почитал бы себя я счастливейшим человеком (я сейчас не пишу в газетах; и – заработка нет).

Но вот в чем сила: надо, чтобы Вы приехали в Москву: Л.И.Шестов так настаивает на этом...

Простите за лаконизм письма.

Остаюсь глубоко преданный и уважающий Вас Борис Бугаев.

P.S. Вашей супруге от меня привет и уважение.

[1] Ответ на п.21. Заказное письмо; почтовые штемпели: Москва. 15.10.16; Царское Село. 16.10.16.

[2] С философом и критиком Л.Шестовым (наст. фам. Шварцман, 1866–1938) Белый по возвращении в Россию впервые встретился в Москве в конце сентября 1916 г., в октябре он отмечает «оппонирование Шестову на его реферате в Рел<игиозно->Фил<ософском> О<бщест>ве» («Жизнь без Аси»» // *РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1). 16 октября 1916 г. Шестов писал А.М.Ремизову: «Зову я Раз<умника> Вас<ильевича> в Москву. Если увидишь его, воздействуй, чтоб ехал непременно» (Русская литература. 1992. №4. С.119. Публикация И.Ф.Даниловой и А.А.Данилевского).

[3] Намеченная встреча до конца 1916 г. не состоялась. Трудно судить о предполагавшемся конкретном содержании бесед Шестова и Иванова-Разумника; о том, что они должны были затрагивать острые общественно-политические проблемы и, видимо, последовательно антивоенную позицию Иванова-Разумника, можно судить по письму Шестова к Ремизову от 14 дека-

* *вдвоем (фр.)*

бря 1916 г.: «...о Раз<умнике> Вас<ильевиче> <...> мне, по-твоему, следовало бы приехать. Обдумывал я это всячески. Приехать трудно – а, потом, что я ему скажу? Т<о> е<сть> каким способом я смогу его переубедить? Думал, думал и ничего не выдумал, и, кажется мне, что и выдумать нельзя. Сам-то я вижу, что не так, как бы нужно, он поступает. <...> он написал резкое письмо Гершензону, резкое и несправедливое. Я ему по этому поводу тоже написал – он и не ответил. Если ты увидишь Р<азумника> Вас<ильевича>, узнай, получил ли он мое письмо, и тоже еще раз обдумай и посоветуйся, нужен ли мой приезд и поможет ли он делу» (Там же. С.121. О «резком письме» к Гершензону см. примеч.7 к п.12).

[4] В 1-м сборнике «Скифы» ([Пб.], 1917) был помещен цикл Андрея Белого «Из дневника» (С.1-8), состоящий из 6 стихотворений: «Упал на землю солнца красный круг...», «Едва яснеют огоньки...», «Есть в лете что-то роковое, злое...», «В годины праздных испытаний...», «Уже бледней в настенных тенях...», «Шутка» («Случится то, чего не чаешь...»). Все стихотворения вошли в книгу Белого «Звезда» (Пб., 1922).

[5] В заметках «Работа и чтение. 1916» Белый указывает: «*Сентябрь.* <...> Пишу статью “*Александрия и мы*”» (*РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.6). С докладом «Александрийская эпоха и мы в освещении проблемы “Восток и Запад”» Белый выступил в Московском Религиозно-философском обществе 30 ноября 1916 г., в Петербургском Религиозно-философском обществе – 12 февраля 1917 г. Текст доклада, сохранившийся в архиве Петербургского Религиозно-философского общества (*РГАЛИ*. Ф.2176), ныне подготовлен к печати М.С.Киктевым. Фрагменты, его составляющие, в другой композиционной последовательности вошли в статью Белого «Восток или Запад» (см. примеч.5 к п.14) и в его философско-художественные этюды под общим заглавием «На перевале».

23. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
18 октября 1916 г. Царское Село[1].

18 окт. 1916.

Дорогой Борис Николаевич, – только что написал я Льву Исааковичу, – в ответ на то, что Вы мне пишете. Повторяться не буду, а только крепко пожму Вашу руку с сердечным спасибо за доброе отношение. Сам я очень рад был бы побывать в Москве, повидать и Вас и Л.И., но обстоятельства крепче желания. И вообще – такая тугая нить опутывает теперь людей (и всегда опутывала, да не так явно), что желания стали менее исполнимы, чем когда-либо. Быть может, Вы бы и желали теперь вернуться в Базель, да нельзя. – Еще раз – большое и большое спасибо Вам за письмо – и не сердитесь на меня за эти сухие строки: – тугая нитка язык привязывает.

Стихи, роман, статьи – всё присылайте не позднее 15 ноября; в следующем письме напишу подробнее о сборнике, он обещает быть интересным. Если бы Лев Исаакович дал бы хоть маленькое «нечто о чем-нибудь» – было бы хорошо. При встрече – попробуйте спросить его; я тоже написал ему об этом сегодня[2].

Как же Вы в Москве обжились? Как работается? Город опасный по количеству слов, произносимых умными людьми – в несметном количестве. Знаете ли Вы гностическую легенду о том, как дьявол зло подшутил над Богом и человеком? В противовес и насмешку Богу-Слову – создал он маленькое, юркое человеческое «слово» и служителей его. Например – в Питере – холодного Мережковского, в Москве – милейшего Гершензона[3]. И многих.

Всего доброго Вам в Москве. Не забывайте, и (кстати) не называйте меня в письмах «глубокоуважаемый», – а то мне все кажется, что Вы на меня за что-то сердиты. Сердечный привет.

Ваш Разумник Иванов.

[1] Ответ на п.22.

[2] Это письмо к Л.Шестову нам неизвестно. Статья Шестова «Музыка и призраки» (1916) была напечатана в 1-м сб. «Скифы» (С.213-230). См. письма Шестова к А.М.Ремизову от 22 и 29 декабря 1916 г. и 12 января 1917 г. (Русская литература. 1992. №4. С.122-123). Эта статья – единственная публикация Шестова в «Скифах».

[3] Свое негативное отношение к творчеству Д.С.Мережковского Иванов-Разумник обосновал в статье «Мертвое мастерство (Д.Мережковский)» (в кн.: Иванов-Разумник. [Соч.] Т.2.

Творчество и критика. СПб., [1912]). Дружественные отношения его с М.О.Гершензоном омрачились после начала мировой войны, в связи с присоединением Гершензона к сонму «патриотически» настроенных литераторов (ср. примеч.7 к п.12). Как явствует из дарительной надписи Иванова-Разумника на стеклографе его статьи «Испытание огнем», он преподнес ее Гершензону (29 апреля 1916 г.) «в знак полного духовного расхождения» (*РГБ.* Ф.746. Карт.51. Ед.хр.15).

24. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
26 октября 1916 г. Москва[1].

Дорогой Разумник Васильевич!

Бесконечно мне жаль, что Вы не приехали: как себя чувствуете? Попали ли Вы в призыв?

Напишите мне хоть бы два слова: так хотелось бы видеть Вас. Некоторое время я думал поехать к Вам дня на два в Царское, а кстати и передать Вам лично «Котика», статью и стихи. Но, – попал в ежовые рукавицы сроков и дел.

Ужасно плохо работалось: донимает Москва. Поймали меня с лекцией, чуть ли не силком заставили ее прочесть[2]; и сорвался с работы...

Очень думаю о Вас: напишите о себе. Подайте голос. Мне очень беспокойно: что с Вами.

Остаюсь искренне любящий Вас Борис Бугаев.

P.S. Кстати: скучное, деловое – если Вы попадаете в набор, то – Вы будете взяты; тогда, – куда мне высылать рукописи; в Редакцию ль «Альманаха», к Вам лично? Рукописи все высылаю ноября 4-го. «Котик» – готов: надо лишь переписать последнюю главу[3].

Во-вторых: если мне возможно получить 1/2 или даже 1/3 гонорара теперь же при передаче рукописей, то я был бы очень благодарен, потому у меня тут срок одной расплаты с долгом; и беспокойство, что надо Асе выслать; далее: с меня взымают «консульства» за проезд и т.д.

Деньги были бы мне очень своевременны; если бы возможно было мне их получить до 15 ноября, то я был бы весьма счастлив. Еще раз: всего, всего, всего лучшего!

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 26.10.<16>; Царское Село. 29.10.16.

[2] Подразумевается лекция «Драма жизни», прочитанная Белым 24 октября в Камерном театре. Это его выступление, затрагивавшее не только темы театра, но и широкие философские проблемы, стало заметным событием московской культурной жизни. Один из обозревателей в этой связи писал: «Основная ценность вчерашнего доклада – удачное вскрытие катастрофического сознания современности. С заражающим внутренним волнением передал Андрей Белый это сознание *идущей беды*, безмерного кризиса, во всей нашей жизни, непрочности наших устоев и надвигающейся на нас мировой катастрофы, – внутренней, внутри нашего восприятия мира и жизни. <...> Одинаково и "театр содержания", и "театр форм" не могут передать этого нового сознания и нового восприятия. Приблизительно может передать это только "театр жеста", и заключительная часть доклада была посвящена обоснованию драмы жестов как ритмов нарастающих кризисов жизни» (М.З. «Драма жизни» (На лекции Андрея Белого) // Утро России. 1916. №298. 25 октября; ср.: [б.п.] На лекции Андрея Белого // Русские Ведомости. 1916. №246. 25 октября).

[3] Ср. записи Белого: «*Октябрь.* 6-ая глава и эпилог "Котика Летаева"» (Работа и чтение. 1916» // *РГБ.* Ф.25. Карт.31. Ед.хр.6); «*Ноябрь* 1-9. Москва. Отделка "Котика"» («Жизнь без Аси» // Там же. Ед.хр.1). 16 октября 1916 г. Белый выступал с чтением «Котика Летаева» в квартире Григоровых (см. его письмо к Г.Г.Шпету от 15 октября 1916 г. // Начала. 1992. №1. С.63. Публикация М.Г.Шторх).

25. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
3 ноября 1916 г. Москва[1].

Дорогой Разумник Васильевич!

У меня есть к Вам вопрос: «Русские Ведомости» меня просят дать им для одного фельетона что-нибудь из «Котика». Я очень тронут, польщен, удивлен, но – считаю «Котика» уже собственностью Редакции «Альманаха». И стало быть: мне остается к Вам обратиться с просьбой – высказать Ваше отношение по этому поводу. Жду ответа Редакции: разумеется, за отказ или за указание не давать отрывков в «Р<усские> В<едомости>» не обижусь; мне все-таки было б приятнее мотивировать мой отказ тем, что неудобно перед Редакцией, «Русским Ведомостям». Если Редакция сочтет возможным, чтобы был один фельетон из «Котика» там (строк на 400), то, разумеется, я был бы Редакции благодарен.

Кстати: статья, стихи, «Котик» – готово все. Когда высылать – куда, кому?

———

Дорогой Разумник Васильевич, Москва утомляет до бесчувствия и до покрытия всех чувств каким-то серым налетом; собираюсь убежать в Лавру[2]; и есть у меня мысль: если бы я Вам не помешал, к Вам заехать в Царское – дня 2-3.

Очень хотелось бы с Вами повидаться; и побыть вместе. Мог бы к 13-14 ноябрю быть у Вас. Если помешаю, то – скажите откровенно.

Остаюсь глубоко преданный и любящий Вас Борис Бугаев.

Москва. 3 ноября 16.

[1] Почтовые штемпели: Москва. 3.11.16; Царское Село. 5.11.16.

[2] Подразумевается Троице-Сергиева Лавра (Сергиев Посад). В записях «Жизнь без Аси» Белый датирует свое пребывание там 9-18 ноября (*РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1). Ср. позднейшие свидетельства Белого о пребывании в Сергиевом Посаде: «Углубляющиеся беседы и дружба с Соловьевыми; вечер у Флоренского <...> споры об антропософии, православии и католичестве; спор о том, что есть церковь (я, Соловьев, Флоренский)» (*РД*. Л.83об. Соловьевы – Сергей Михайлович и его жена Татьяна Алексеевна, урожд. Тургенева, сестра А.Тургеневой).

26. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
5 ноября 1916 г. Царское Село.

5/XI 1916.

Дорогой Борис Николаевич,
снова несколько строк: хочу сообщить только, что к 15<-му> ноябрю Вы получите «авансом» 500 рубл<ей> – достаточно ли пока? Если нет – черкните.

Чувствую я издали, как утроба Москвы хочет Вас всосать и переварить. Досада берет – хотелось бы снова писать Вам в Арлесгейм, или на фронт в Румынию, или куда угодно!

Получу рукописи – напишу Вам подробнее.

Искренне ваш Р.Иванов.

P.S. Если бы от меня долго не было ответа, то по всем делам, касающимся Альманаха, – обращайтесь к секретарю редакции: Сергею Порфирьевичу Постникову[1], Птг., Рыночный пер., д.10, кв.23.

[1] С.П.Постников (1883–1964) – литератор, библиограф, активный член партии эсеров; секретарь журнала «Заветы» (1912–1914), где работал в постоянном контакте с Ивановым-Разумником, один из редакторов эсеровской газеты «Дело Народа» (1917). Был избран в члены Учредительного Собрания; после нескольких неудачных попыток бежал из Советской России в 1921 г. Обосновался в Берлине, затем в Праге, где стал одним из основателей Русского заграничного исторического архива. В 1945 г. был арестован частями военной контрразведки СМЕРШ и доставлен в Москву, осужден на пять лет лагерей. После освобождения жил «по

минусу» в Никополе, где работал швейцаром в ресторане. В начале 1960-х гг. ему удалось выехать в Чехословакию к дочери, где он и скончался. Подробнее см.: Янгиров Р. «Заветный друг» Евгения Замятина: Новые материалы к творческой биографии писателя // Russian Studies. 1996. Т.II. №2. С.478-493; С.А.Есенин: Материалы к биографии. М., 1992. С.433-434 (комментарии Н.И.Гусевой, С.И.Субботина, С.В.Шумихина к воспоминаниям Постникова о Есенине). Написал краткие воспоминания «Андрей Белый, писатель и человек» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.41; опубликованы Я.Леонтьевым: Сегодня. 1994. 5 апреля. С.9), в которых, в частности, сообщает: «Я близко знал Бориса Николаевича, часто встречался с ним и следил с интересом за его творчеством, заслуживающим, по моему мнению, самого пристального внимания и изучения»; «В 1921 году мы все вместе – Борис Николаевич, Иванов-Разумник и я – шли за гробом А.Блока <...> Я спросил Разумника Васильевича, почему неверующего Блока хоронят по-православному? Он ответил, что так завещал сам Блок. А потом я услышал, как Иванов-Разумник спрашивает Белого: "Почему этот человек пристает ко мне с вопросами?" Близорукий Разумник, с которым я работал и виделся чуть ли не каждый день (в редакции журнала "Заветы"), не узнал меня: перед отъездом за границу я стриг себе усы и бороду. Белый, мягко улыбаясь, ответил: "Да это же наш 'заветный' Сергей Порфирьевич"... Сказано это было очень душевно и тепло, отчего Белый сразу стал мне своим и близким. Позже, когда мы возвращались с кладбища, Борис Николаевич говорил, что поедет со мной за границу. Но я вскоре же уехал в лодке через Финский залив, а Белый, спустя некоторое время, легально выехал в Берлин» (Л.1, 5-6). Труд Постникова «Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции: Библиография, 1918–1945 гг.» в 2-х тт. полностью издан в 1993 г. (New York, Norman Ross Publishing Inc.).

27. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
5 ноября 1916 г. Царское Село[1].

5 ноября 1916. Царское Село.

Дорогой Борис Николаевич, – только что, буквально минуту назад, опустил в ящик письмо к Вам, вернулся домой и нашел на столе Ваше письмо, – прочел, и втройне обрадовался. Первое – что «Котик Летаев» в отрывках Вы напечатаете в достопочтенных «Русских Ведомостях» (до чего они дошли!), второе – что уезжаете Вы из Москвы в Лавру, третье и главное – что Вы приедете к нам.

В «Русских Ведомостях», конечно, печатайте столько отрывков, сколько хотите! Редактор литературного отдела «Альманаха» – я (когда увидимся, расскажу все подробно), и я усиленно советую Вам дать в «Р<усские> Вед<омости>» по крайней мере 3-4 связанных между собой отрывка, строк по 400-500; а если можно, то и больше отрывков[2]. Это Вам будет очень удобно в отношении гонорарном, а «Альманаху» не причинит ни малейшего ущерба, – даже наоборот, если сделать в «Р<усских> В<едомостях>» следующее примечание к заглавию: «*Отрывки из романа "Кот<ик> Лет<аев>". Полностью роман будет напечатан в сборнике*...» Название сборника – увы! – до сих пор под вопросом; в понедельник, т.е. послезавтра, – сообщу Вам его окончательно. Могу прямо сообщить в «Р<усские> В<едомости>» – у меня с ними постоянные сношения[3]. Но дело не в этом. Главное: печатайте в «Р<усских> Вед<омостях>» решительно сколько хотите в отрывках, даже отдельными главами – очень и очень прошу Вас не думать, что это нежелательно «Альманаху».

(Кстати: рукописи романа, статьи, стихов – *не высылайте*, а привезите сами, если приедете через неделю.)

Теперь о приезде Вашем в Царское: не на 2-3 дня, а на сколько можете, чем больше – тем лучше; мы устроим Вам здесь тихий скит до Лавры и после московской сумятицы. Комната совсем свободная – в Вашем полном распоряжении. Мало кого я так рад был бы повидать, как Вас; наша короткая встреча оставила во мне глубоко радостное чувство, – и как писателя и как человека я не умом, а сердцем чувствую Вас. Поэтому – все церемонии отпадают. Приезжайте, как только вырветесь из московского чрева. Жена шлет Вам привет и ждет Вас вместе со мною.

Так значит – до скорого свидания; спасибо Вам, что Вы так хорошо надумали.

Искренно любящий Вас Разумник Иванов.

[1] Ответ на п.25.

[2] «Отрывки из детских впечатлений (Из повести “Котик Летаев”)» Андрея Белого были напечатаны в трех номерах «Русских Ведомостей» за 1916 г.: главки «На черте», «Ты еси», «Сон», «Вселенная», «Обморок», «Древняя тайна», «Философ» (№263, 13 ноября); «Папа», «Прогулка», «Музыка» (№280, 4 декабря); «Соня Дадарченко», «Закат», «Клоун Клеся», «Весна» (№298, 25 декабря). Эта публикация фрагментов из «Котика Летаева» послужила поводом для писем в редакцию газеты от читателей, требовавших объяснений и выражавших недовольство «чрезмерной необычностью и непонятностью рассказа»; ответом на них стала статья И.Н.Игнатова «Об Андрее Белом», в которой обращалось внимание на специфический предмет художественного исследования в романе – «мир подсознательный, мир эмоций, противоречивых, иногда мимолетных, иногда упорно настойчивых, преследующих, непонятных»: «...хаотический мир, называемый душой ребенка, представляется автором и с внешней стороны в виде таких же разбросанных, порою смутных, порою внезапно ярких характеристик» (Русские Ведомости. 1916. №295. 22 декабря).

[3] Иванов-Разумник с 1909 г. регулярно выступал со статьями в «Русских Ведомостях», в том числе с годовыми обзорами русской литературы. В 1915 г. он предложил «Русским Ведомостям» (в письме к И.Н.Игнатову от 10 марта // *РГАЛИ*. Ф.1701. Оп.2. Ед.хр.811) свое постоянное сотрудничество: ежемесячно давать две статьи. Контакты с редакцией газеты Иванов-Разумник осуществлял непосредственно через Игнатова (двоюродного брата М.М.Пришвина, с которым был в близких дружеских отношениях). С октября 1916 г. Иванов-Разумник регулярно выступал в «Русских Ведомостях» с циклом статей «С берегов Невы», подписанных псевдонимом «Вл.Холмский»: «I. “Сезон”» (№244. 22 октября), «II. “Романтики” (Новая драма Д.Мережковского)» (№247. 26 октября), «III. Притча про пчелок» (№254. 3 ноября), и т.д.

28. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
9 ноября 1916 г. Петроград.

9 – XI – 1916.

Дорогой Борис Николаевич,

в дополнение к прошлому моему письму сообщаю, – заглавие сборника: «*Скифы*». Я об этом сообщил уже и «Русским Ведомостям», то бишь Илье Николаевичу Игнатову[1].

Крепкое ожидание и сердечный привет.

Ваш Р.Иванов.

[1] И.Н.Игнатов (см. примеч.8 к п.4, примеч.3 к п.27) в 1906 г. вошел в состав Товарищества по изданию «Русских Ведомостей», в 1907 г. стал редактором газеты. В первой публикации глав из «Котика Летаева» в «Русских Ведомостях» (1916. №263. 13 ноября) заглавие «Отрывки из детских впечатлений (Из повести “Котик Летаев”)» сопровождалось редакционным примечанием: «Выйдет в петроградском альманахе “Скифы”».

29. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
14 ноября 1916 г. Москва[1].

Понедельник 14 ноября.

Глубокоуважаемый и дорогой Разумник Васильевич, –

Я чуть не плачу. Совсем собрался к Вам, но накануне отъезда разболелся (инфлуэнца, потом катарр и т.д.) и проболел неделю, именно те дни, которые рассчитывал пробыть с Вами, у Вас: собачья жизнь! Позвольте же мне перенести мой приезд, если Вам это ничего: приеду тотчас же после первого декабря. Ранее невозможно, потому что 20-го ноября занят одним выступлением[2], после двадцатого мой реферат в «Рел<игиозно>-фил<ософском>» О<бщест>ве[3], а 1-го моя лекция[4]. После первого до 15-го у меня во всех смыслах передышка. Так хочется, хочется Вас видеть. Позвольте же мне приехать к Вам после первого (так 3-го, 4-го) и пробыть у Вас с недельку. А то теперь, с риском застрять и не попасть к сроку в Москву, я бы мог пробыть всего

3 дня. Рукопись «Котика», стихов и статью я отсылаю с Григоровым, который в пятницу будет в Петрограде[5]. Он завезет ее Михаилу Константиновичу Лемке на хранение для Вас. Извиняюсь за просроченный срок: я думал лично Вам рукопись передать. Ужасно, ужасно печалюсь, что все так произошло.

До скорого все же, надеюсь, свидания.

Остаюсь искренне любящий Вас

Борис Бугаев.

Вашей супруге привет.

P.S. Если бы возможно было бы по получению рукописи прислать мне ту часть гонорара (500 рублей), которую Вы обещали, был бы глубоко тронут.

[1] На конверте почтовые штемпели: Москва. 14.11.16; Царское Село. 15.11.16.

[2] Речь идет о выступлении в этот день в помещении Художественного кинематографа (Арбатская пл.) на лекции Н.А.Бердяева «Кризис искусства», устраивавшейся Московским Художественным ателье; Белый был объявлен как один из оппонентов (наряду с А.К.Топорковым) лектора. См.: Русские Ведомости. 1916. №265. 16 ноября.

[3] Подразумевается доклад «Александрийская эпоха и мы в освещении проблемы “Восток и Запад”» (см. примеч.5 к п.22).

[4] Комментарий Иванова-Разумника: «В этот день АБ прочел публичную лекцию “Творчество мира”» (Л.11). Белый выступил с этой лекцией, устраивавшейся Обществом друзей Грибоедовской библиотеки, в Большой аудитории Политехнического музея 1 декабря 1916 г.

[5] Пятница – 18 ноября. Борис Павлович Григоров (1883–1945) – по профессии экономист; в 1911 г. входил в первый московский кружок по изучению работ Р.Штейнера, позднее участвовал в строительстве Гетеанума, переводил книги Штейнера «Истина и наука» (М., 1913), «Философия свободы» (Париж, 1932/33; перевод готовился к печати в 1918 г. московским издвом «Духовное знание»); один из основателей Российского Антропософского общества и его первый председатель. Впоследствии преподавал немецкий язык в московских вузах.

30. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
22 ноября 1916 г. Москва[1].

Глубокоуважаемый и дорогой Разумник Васильевич,

Произошло недоразумение. Б.П.Григоров узнал, что М.К.Лемке не в Петрограде, и поэтому в пятницу не отвез в Типографию Стасюлевича мои рукописи. Они находятся у Бориса Алексеевича Лемана[2]; которого адрес таков: Петроград, Рождественская, д.7/9, кв.24[3]. Он дома от 11<-ти> до 1<-го> часу дня. От 2<-х> до 5<-ти> с ним можно встретиться в Министерстве Торговли и Промышленности[4]: Справочная часть по внутренней торговле, тел.92-82. Я очень пенял Б.П.Григорову, что он все-таки не оставил рукописи в Типографии. Извиняюсь, что невольно опоздал. Я рассчитывал, что рукописи будут у Вас в пятницу.

До скорого свидания. Остаюсь глубоко преданный и любящий Вас

Борис Бугаев.

Вашей супруге привет.

[1] На конверте почтовые штемпели: Москва. 22.11.16; Царское Село. 23.11.16.

[2] Б.А.Леман (псевдоним – Б.Дикс, 1882–1945) – поэт, переводчик, критик, исследователь теософии Сен-Мартена (в декабре 1916 г. вышла его кн.: Сен-Мартен, неизвестный философ, как ученик дона Мартинеца де-Пасквалис. М., «Духовное знание», 1917), секретарь Петроградского отделения Российского Антропософского общества, руководитель ветви «Бенедиктус» Петроградского отделения. В середине 1920-х гг. как антропософ был выслан в Среднюю Азию, где в основном занимался музыкально-педагогической деятельностью.

[3] Белый упустил весьма значимый компонент адреса. В Петрограде – десять Рождественских улиц, Леман проживал по указанному адресу на 5-й Рождественской.

[4] Место службы Лемана – Отдел торговли Министерства торговли и промышленности.

31. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
28 ноября 1916 г. Петроград[1].

28 – XI – 1916.

Дорогой Борис Николаевич,

с рукописями Вашими вышло недоразумение, но все закончилось благополучно: вчера я достал их и немедленно же – сдаю в набор. Завтра увижу нашего секретаря редакции[2], только что вернувшегося из Москвы; он должен был побывать у Вас и вручить Вам часть аванса (200 р.)[3]. Вторую часть он же должен был выслать Вам 22-го, но боюсь, что он запоздал это сделать из-за поездки в Москву. Если завтра я узнаю, что это еще не сделано, то как быть: выслать ли Вам немедленно остальные 300 р. (числа 30/XI – 1/XII), или отложить их здесь дожидаться Вашего приезда?

Очень боюсь, что новый клубок дел задержит Вас снова в Москве, и очень хотел бы, чтобы этого не случилось. Жду Вас по-прежнему, – хотелось бы только, чтобы приезд Ваш не был мимолетным. По газетам знаю, что вышла Ваша книга[4]; с интересом величайшим прочту ее до Вашего приезда.

Так значит – до свидания и, надеюсь, до скорого.

Сердечно любящий Вас Разумник Иванов.

[1] Ответ на п.29 и 30. Почтовые штемпели: Петроград. 28.11.16 и 29.XI.16; Москва. 30.XI.1916.

[2] Речь идет о С.П.Постникове (см. примеч.1 к п.26).

[3] По смете 1-го сборника «Скифы», составленной Ивановым-Разумником (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.115), Белому причиталось за стихотворный цикл «Из дневника» 113 руб., за «Котика Летаева» – 1050 руб.

[4] Имеется в виду книга «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности» (см. примеч.6 к п.10), вышедшая в свет в середине ноября 1916 г.

32. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
3 декабря 1916 г. Москва[1].

3 декабря 16 года.

Дорогой Разумник Васильевич!

Ужасно, ужасно мне грустно: я опять схвачен; работать, вообще думать, располагать собой невозможно в Москве без *грубых*, *обижающих* людей приемов. Пока еще есть у меня остатки *вежества*, люди поступают со мной насильнически; вероятно, я скоро очень дойду, как и не раз доходил, до того аспекта в себе, который я в себе ненавижу, и который мне, – верьте же! – не присущ: –

«Андрей Белый –
Весь в скандалах поседелый...»[2]

Чувствую, что в душе, как последнее противодействие, зреет бунт: где-нибудь сорвусь и *оскандалюсь* в обществе: тогда все обидятся сразу: блистающие бриллиантами дамы, футуристы, религиозные искатели, газетные работники, почтенные и непочтенные; и пойдут меня бранить: газеты, кружки, «*салоны*» и т.д. Пишу это все, чтобы Вы, которого я почему-то всегда теперь крепко держу в душе, – чтобы Вы меня поняли: *опять* – в который раз! – не могу выехать. Я бы мог к Вам приехать, выехав 2-го дек<абря>, но оказался вечер у Лосевой (ввиду Ремизова), где читать надо было – из нравств<енной> обязанности[3]; на этом вечере обнаружилось: уехать не могу ни 3<-го>, ни 4<-го>, ни 5<-го>, ни 6-го. Между тем я дал слово 12<-го> уже быть в Москве. Кроме того: 23<-го> мой призыв (окончание отсрочки), а все билеты на возвратный путь в Москву из Петрограда расписаны; у меня есть цель: ставиться на службе в Москве; и поэтому: если я приеду позднее 12-го, то рискую застрять после 23-го; если приеду раньше, нарушу слово: быть 12-го в Москве. И поэтому, остается одно: пока после 6-го бежать в Троицу[4]. Дорогой Разумник Васильевич, я все сделаю, чтоб приехать, если *паче* чаяния будет возможность, до 23-го. А то придется отсро-

чить приезд до после праздников, если – опять-таки! – *паче* чаяния я получу отсрочку.

Как это все грустно и досадно: какая пустая и жалкая жизнь! Как вспоминаю я горы, тихие думы, свою жену – где это все? Как хотелось бы с Вами ходить по «*кущам*» Царского и – не могу: не жизнь, а «проклятие», «крест»... Самый печальный «*крест*» то, что, ощущая себя простым, тихим человеком, ищущим лишь спокойного уголка для работы с самыми скромными потребностями, я оказался «*моден*» в нескольких московских кружках. И это я – «самый немодный», почти неотесанный человек!

Вероятно, я окажусь скоро от усталости и «*несвоевременности*» своей в насильно навязанной шумихе по-прежнему «*Белым – в скандалах поседелым*»...

Остаюсь глубоко преданный Вам и любящий Вас Борис Бугаев.

Привет Вашей супруге.

P.S. Дорогой Разумник Васильевич, мне ужасно нужны *для жены* 300 рублей. Если можно, вышлите немедленно их на имя мамы, просто мамы моей (это на случай, если деньги со мной разъедутся). Александре Дмитриевне Бугаевой. Москва. Арбат. Никольский переулок, д.21, кв.5 (без ссылки, что для меня)[5]. Если можно их выслать скорее (это все ради жены), то буду очень благодарен. Заранее спасибо.

[1] Почтовые штемпели: Москва. 3.12.16; Царское Село. 4.12.16.

[2] В комментарии Иванова-Разумника – ошибочное указание: «Цитата из сатирического стихотворения (1908 г.) московского фельетониста Лоло (Мунштейна)» (Л.11). Подразумеваются строки из стихотворного фельетона М.М.Бескина «Был доклад и был скандал» (Раннее утро. 1909. №23. 29 января. С.2; подпись: Меб.):

Подавайте нам скандал!
И в скандалах поседелый
(Ах, для рифмы я соврал!)
Поднялся Андрюша Белый
И устроил вмиг скандал.

[3] Комментарий Иванова-Разумника: «Это был литературный вечер в пользу бедствовавшего писателя, Алексея Мих. Ремизова» (Л.11); «Лосева, московская меценатка, <...> отразилась в искусстве – портретом кисти В.Серова» (Л.12). 11 декабря 1916 г. Н.Г.Чулкова извещала Г.И.Чулкова: «Люба пишет, что у Лосевой был вечер в пользу Ремизова, на нем Андрей Белый поссорился с Бальмонтом» (*РГАЛИ*. Ф.548. Оп.1. Ед.хр.400. Люба – Л.И.Рыбакова, сестра Чулкова). Евдокия Ивановна Лосева (урожд. Чижова, 1881–1936) – вдова фабриканта, держательница литературного салона. Н.Г.Чулкова в своих воспоминаниях пишет о Лосевой: «У нее был салон, где появлялись знаменитости Москвы и Петербурга. Тут бывали философы – Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, Г.А.Рачинский, поэты – Андрей Белый, Вяч.Иванов, Бальмонт, Балтрушайтис, писатели – Максим Горький, Бор.Зайцев и другие. Музыканты и живописцы и даже военные генералы» (цит. в примечаниях Н.А.Богомолова и Д.Б.Волчека в кн.: Ходасевич Вл. Стихотворения. [«Библиотека поэта». Большая серия]. Л., 1989. С.374). После проведенного вечера Л.Шестов писал Ремизову (9 декабря 1916 г.): «Юр<гис> Каз<имирович Балтрушайтис. – *Ред*.> повез тебе 400 р<ублей> <...> Получил ли ты деньги? <...> Имей в виду, что ты можешь рассчитывать на получение (недели через 3, 4) еще двухсот рублей» (Русская литература. 1992. №4. С.120).

[4] Подразумевается Троице-Сергиева лавра (Сергиев Посад).

[5] После возвращения из Швейцарии Белый жил по указанному адресу, в квартире матери, А.Д.Бугаевой (урожд. Егоровой, 1858–1922).

33. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
22 декабря 1916 г. Москва[1].

22 декабря 16 года. Москва.

Глубокоуважаемый и дорогой Разумник Васильевич,

с праздником![2] Как хочется к Вам! До боли, до крика изнемогаю я в Москве, где по мере ухождения от себя (я чувствую давно себя выпитой оболочкой) я начинаю все глубже и глубже чувствовать полное расхождение с Москвой; и знаете, я подмечаю

странное свойство литературных москвичей: они все психически больны неумением оставаться с собою. Это – болезнь. Это какой-то взаимный вампиризм. Знаете, какая характерная черта укушенного вампирами? Та, что он сам превращается в вампира. Я не знаю, когда, кто кого впервые укусил, но вижу: все давно перекусаны; все – вампиры, без исключения; поэтому все давно кусают друг друга: ни у кого нет ни одного неискусанного места в душе; все покрыто укусами; даже более того: коростом от болячек. И вот этот-то корост и создает иллюзию выносливости и здоровья: создает иллюзию способности говорить и общаться 24 часа в сутки в продолжение ряда месяцев. Я думаю: первый симптом оздоровления многих было бы *явное* схождение с ума, выражающееся в крике «благим матом»; в этом крике «благим матом» был бы уже симптом оздоровления. Видите: моя психология «скандала» растет. Я уже в обществе начинаю грубить.

Дорогой Разумник Васильевич, я уже сам превратился в вампира: два месяца боролся; на третий, махнув рукой, пустился отплясывать вместе со всеми «danse macabre»*; иногда ловлю себя в моменте странного самораздвоения; и к ужасу вижу, что и я между М.О.Гершензоном и С.Н.Булгаковым[3] (побыв у одного и намереваясь бежать к другому) в пальто строчу ответ на анкету «*о судьбах России*»[4]... И поймав себя на таком пошлом времяпрепровождении, я слышу голос в себе, говорящий мне: «*Душа, как дошла ты до жизни такой*»...

Но не думайте, милый Разумник Васильевич, что я и подлинно стал такой; все-таки стиль моего поведения – бессознательный выбор линии наименьшей затраты сил до... благополучного бегства в места удаленные от всей этой суеты и словоизвержений.

Я здесь страшно одинок; и мне страшно, что ряд месяцев я обречен не неизвестность (тоскую по Асе[5], по тихой, трудовой жизни); и чтобы не стать жертвой «волков», не быть узнанным в своем решении вновь удрать «*в обитель мирную труда и чистых нег*»[6], – я начинаю вместе с другими подвывать по-«*волчьи*» (во мне просыпается лукавость Котика Летаева «*повилять рукой, как хвостом*»[7], чтобы заработать право убежать в уголок).

Вы спросите, почему я приличнее не устроился. Трудно объяснить: получив 3-месячную отсрочку и не живя с мамой уже 5 лет, я решил для нее с ней пожить. Мама моя – человек, чуждый моим запросам. С ней трудно[8]. Комната моя на юру, неудобная, и около входной двери; живу же я в том районе, куда точно по уговору съехались все знакомые (решительно все!). И вот я стал жертвой 3-месячной отсрочки и обещания жить вместе с мамой; меня донимают неугомонные таксы из одной двери и посетители из другой; самая же моя «*двух-дверная*» комната напоминает воистину мне мое сирое, ужасное житие в 1906, 7<-ом>, 8<-ом> и 9-ом годах[9]: это комната, где я хотел покончить с собой, где я был не самим собой, а собственным двойником («шутом» вроде «*красного домино*»)[10]; зеленый цвет мебели, пропитанной табачным дымом и многолетними разговорами истерио-неврастеников, донимает меня; я сбежал, встретив Асю, от мамы, неврастении, друзей, интриг, таксов и своего двойника[11]. И много раз впоследствии содрогался от воспоминания своего «*бытия*» в этой зеленой комнате[12]. И вот каково же теперь, после 5<-ти> лет счастливой жизни, быть лишенным Аси, Доктора, своего угла, трудовых дум, т.е. всего, что мне мило, и быть ввергнутым в свое прошлое: в зеленых креслах подслушивать своего двойника и видеть те же интриги, слышать истерио-неврастенические разговоры до 4-х часов ночи, быть схватываем<ым> футуристическими дамами здесь, требующими лекций, и выслушивать – увы! – долгие речи мамы о том, что я призван «*вращаться в о<бщест>ве*», что я наконец вырван из когтей тупых швейцарцев, Д<окто>ра, Аси, т.е. всего того, что я люблю. Вы понимаете, что в такой атмосфере нельзя работать. Мама – человек больной, видящий всюду химеры, и с тяжелым характером (притом меня не понимающий); и поэтому искони (со смерти папы)[13] наш дом был для меня олицетворением атмосферы рассказов Сологуба. Из-за этой атмосферы я когда-то чуть не запил. И поэтому Вы поймете, что мне невозможно работать или даже просто «*бытийствовать*» у себя. Это-то и вынуждает меня убегать из дому[14], т.е. комната моя не ограживает меня, а наоборот, выдает московскому «*круговому вращению*». В такой атмо-

---

* *пляску смерти (фр.)*

сфере разве что можно переживать настроение «*Петербурга*». А мое стремление к «солнышку», к утверждению жизни, к позитивному творчеству – увы! – не для Москвы: мечтаю по окончанию войны тотчас же удрать с Асей в Италию и приняться за «*Мою жизнь*». В Москве же могу лишь писать роман «*Моя гибель*».

Простите меня за плаксивый тон. Если получу отсрочку[15], скоро увидимся.

Остаюсь глубоко преданный и любящий Вас

Борис Бугаев.

Вашей супруге привет.

P.S. Спасибо большое за 300 рублей. Их получил, что с полученными прежде составят 500 рублей.

[1] Почтовые штемпели: Москва. 22.12.16; Царское Село. 24.12.16.

[2] Подразумевается Рождество.

[3] По возвращении из Швейцарии в Москву Белый общался с М.О.Гершензоном и Сергеем Николаевичем Булгаковым (1871–1944), философом, экономистом и богословом, весьма интенсивно – дискутируя, в частности, на темы, затрагивавшие актуальные общественно-политические проблемы. О ноябре 1916 г. Белый вспоминает: «За этот месяц решительно обостряется антивоенное настроение; я ощущаю себя почти пораженцем; беседы на эти темы <...> беседы *с Булгаковым особенно интимны*» (*РД*. Л.83об.).

[4] См.: «Война и творчество (наша анкета)» // Утро России. 1916. №344. 10 декабря. Под этой рубрикой на вопросы, обращенные к писателям – «1) могли ли они работать в период настоящей войны; 2) как отразилась война на их творчестве, в частности, и на русской литературе вообще; 3) в какой зависимости от войны протекает искание новых форм творчества» – были помещены ответы К.Д.Бальмонта, Н.А.Бердяева, Андрея Белого, Бориса Зайцева, гр. Алексея Н. Толстого. Приводим ответ Белого:

«На поставленные вами вопросы анкеты мне трудно ответить.

Попробую.

Мог ли я работать в период настоящей войны?

Будучи два года войны за границей, переживал я войну особенно тяжело; первый год войны я работать не мог, отрезанность от России, угнетенное душевное состояние, вызванное событиями войны, побудило меня, наконец, искать в работе того минимума душевного равновесия, без которого вообще трудно жить; я взял себя в руки; во второй год войны я работал поэтому с особенной интенсивностью.

Отразилась ли война на моей работе?

Судить не мне.

Я могу лишь отметить: я в работе своей сосредоточился совершенно сознательно на круге тем, не имеющем ничего общего с современностью, вообще не умею я систематически работать над тем, чем эмоционально бываю захвачен я,.

Так, на темы, затронутые 1905 годом, как писатель я мог лишь откликнуться в 1910 году (в романах "Серебряный голубь", "Петербург") потому, что лишь к этому времени несколько улеглись эти темы в душе; работа невозможна без некоторой доли спокойствия.

Думаю, что тема войны есть тема моей работы далекого еще будущего.

Но война отразилась в способе ставить проблемы сознания.

Как случилось, что *я* человечества довело нас всех до войны?

Война подготовлялась столетиями болезней сознания; освободить сознанье от сна, проснуться к правдивой действительности, чтобы быть не пассивным зрителем мировой драмы, а деятельным ее участником, стремиться разрешить эту драму в своем личном сознании по мере слабых сил своих, – вот единственное отражение темы войны в круге моих работ.

В какой зависимости от войны протекает искание новых форм творчества?

В единственной зависимости: искомые формы творчества должны быть правдивым отражением найденной гармонии жизни "я" народов, "я" личного; эти формы должны быть истинным мерилом самосознания человека: мы должны лучше *видеть* и *слышать*, чтоб увидеть в себе отблеск образа души родного народа, чтоб услышать голос ее, обращенный к нам.

Национальное самосознание, подлинное выражение русской культуры, которая в нас еще только дремлет, – вот лозунг будущего. Чтобы быть истинно национальными, мы должны чутко слушать в себе и в других, что болит в нас всех душа русской жизни.

Андрей Белый».

[5] Ср. записи Белого в «Жизни без Аси»: «Тоска по Асе» (19–30 ноября 1916 г.); «Тоска по Асе» (10–20 декабря 1916 г.) // *РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1.

[6] Неточно приводится заключительная строка стихотворения А.С.Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834). Белый неоднократно цитирует это стихотворение в «Петербурге».

[7] Подразумевается фрагмент из главки «Тихоня» 5-й главы романа: «...и оттого-то я скрыл свои взгляды... до очень позднего возраста; оттого-то и в гимназии я прослыл "дурачком"; для домашних же был я "Котенком", – хорошеньким мальчиком... в платьице, становящимся на *карачки*: повилять им всем хвостиком» (Андрей Белый. Котик Летаев. Пб., 1922. С.217).

[8] Ср. записи Белого в «Жизни без Аси»: «Неприятности с мамой» (19–30 ноября 1916 г.); «Ссора с мамой» (20–23 декабря 1916 г.).

[9] В квартире в доме Новикова в Никольском переулке (ныне Плотниковом, д.21) Белый жил постоянно с осени 1906 г. по 1910 г.

[10] Белый вспоминает о своих драматических переживаниях, связанных с любовью к Л.Д.Блок, летом-осенью 1906 г. (см.: *МДР*. С.83-86).

[11] После отъезда вместе с А.Тургеневой в конце ноября 1910 г. в заграничное путешествие Белый не жил в квартире матери вплоть до 1916 г.; находясь в Москве в 1911 г., он и А.Тургенева останавливались в меблированных комнатах, жили в квартире А.М.Поццо.

[12] Эти настроения Белого отразились в его стихотворении «Демон» (1908; Андрей Белый. Урна: Стихотворения. М., 1909. С.81-82); см. также: *МДР*. С.287-288.

[13] Николай Васильевич Бугаев скончался 29 мая 1903 г.

[14] В декабре 1916 г. Белый дважды «убегал» из Москвы: 10-14 декабря и 23-27 декабря жил в Сергиевом Посаде, у С.М.Соловьева и Т.А.Тургеневой. 19 декабря Т.А.Тургенева писала ему из Сергиева Посада: «Милый Боря, как жалко, что ты не приехал <...> Не приедешь ли ты на эти четыре дня <...> Сереже тоже очень хочется тебя видеть» (*РГБ*. Ф.25. Карт.27. Ед.хр.26).

[15] О декабре 1916 г. Белый вспоминает в связи с призывом на военную службу: «Конец месяца. <...> Меня вновь переосвидетельствуют (вновь – 2-месячная отсрочка)» (*РД*. Л.84). В конце декабря 1916 г. он сообщал М.К.Морозовой в недатированном письме: «...страшно плохо себя чувствовал все это время и поэтому спасался бегством в Посад. <...> С воинской повинностью полная неопределенность. Около 1-го января тащиться в Казармы: ужасно, как мучают»; 29 декабря 1916 г. писал ей же: «Я все время убегал в Лавру. <...> Думал, что буду у Вас 1-го января, но... именно в этот день (как это глупо!) надо мне являться в Крутицкие Казармы» (*РГБ*. Ф.171. Карт.24. Ед.хр.1г). По истечении последующих отсрочек Белый был окончательно освобожден от военной службы 21 июля 1917 г. (см. п.55).

34. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
1 января 1917 г. Царское Село[1].

1 января 1917.

Дорогой Борис Николаевич, –

– с Новым годом! И да будет он всем нам не тяжелее старого. – Особенно думается о Вас: чем кончилась явка 23 декабря? Есть ли новая отсрочка? Напишите – и простите, заодно, что я так запоздал ответом. Видеть Вас в Царском – не особенно надеюсь, – чувствую, как Вас Москва заглотнула, и очень думаю о Вас. Если б от меня зависело, с какой радостью отправил бы я Вас немедленно в Швейцарию, к тому самому учителю, от которого всячески спасают Вас московские Ваши друзья! Ибо, подлинно, не от него надо «спасать» Вас, а от друзей: я вижу теперь, что он – ни в чем не «помешал» Вам, наоборот – «Петербург», «Котик Летаев» доказательства этому, литературные свидетельства; – а вот московские друзья (всё милейшие люди), эти, спасая, только погубят. От них бы подальше – хоть на фронт, хоть в Троицко-Сергиевскую обитель, хоть в Царское... Знаете что? Если Вам еще дана отсрочка, если не держит Вас в Москве ничто очень важное – сделайте усилие над собой, вырвитесь из этого мешка, где уже начал «желудочный сок» заживо Вас переваривать – и приезжайте к нам в Царское *не на неделю*, а *на месяц*, *не менее*, с целью крепко отдохнуть, войти в колею работы. Я устрою Вам тихую жизнь, обещаю отсутствие разговоров московских, лыжи, парк; изредка – раз в неделю – два-три интересных для Вас человека, спокойную комнату и полную свободу... Кроме большого удовольствия, Вы мне и жене моей

ничего не доставите, ни малейших хлопот. Надо только «решиться»: собраться в один день, неожиданно для самого себя. Очень прошу Вас. Все зависит, впрочем, от 23/XII.

Есть, кстати, и деловая причина приезда: Вам надо будет спешно, в два дня, продержать авторскую корректуру «Котика Летаева» – он будет набран и сверстан к 5-7 января. Посылать в Москву – невозможно: военная цензура задерживает надолго такие бандероли, а сборник и без того сильно запоздал, надо спешить и спешить. «Котик» не может приехать в Москву – Вам надо приехать к «Котику» в Царское!

Я «держу корректуру» – значит, читаю «Котика» уже в пятый или шестой раз; подробно пишу о нем в статье для II-го сборника «Скифов», который выйдет в конце февраля[2]. Трудно мне говорить о нем – именно Вам: в письме не скажешь. Рад я и счастлив, что после «Петербурга», который я так высоко ценю, Вы пошли дальше и выше, достигли новых вершин (читатели в массе – вознегодуют, в ужас придут, проклянут, – если только посмеют, после успеха «Петербурга»: читатели очень боятся впросак попасть). В статье своей о Вас (она вышла в VII в<ыпуске> «Русск<ой> Лит<ературы> XX в.») я писал о предполагаемой третьей части трилогии, что она = второй и третьей части «Мертвых душ» по своей опасности для автора[3]. И вот я с радостью вижу, как художник в Вас побеждает все эти опасности, как он идет им навстречу и преодолевает их. Скажу Вам то, что Вы знаете, и то, с чем никогда Вы не согласитесь: конечно, весь «Котик» – это одно, почти сплошное (особенно в начале, – но и всюду) переложение «истин антропософии», учения Штейнера в художественную форму (стоит, – пример, – сравнить отношение Штейнера к «Ich»*, к его примеру Фихте[4] и т.п. с главками «Ты еси» и «И думаю» первой главы «Котика»). Но то, что в *книгах* Штейнера (подчеркиваю: *в книгах*, ибо личное изложение, быть может, меняет дело), то, что в его книгах безжизненно, схематично и мертво – для «читателя», не для «переживателя»[5], – то самое художник, Вы, – *заставляете переживать*, как художник только и может заставить. Если бы «учитель» обладал десятой, сотой долей художественного дарования «ученика» – антропософия покорила бы всех *показыванием*, а не рассказыванием![6] ...И вот почему убедился я, что не только не «гибнете» Вы в истине своей (мне чуждой), но новые силы находите, пока, на ее почве.

А губят Вас теперь – московские друзья, от которых бегите скорее, дорогой Борис Николаевич, и лучше всего – прямо в Царское Село... Жена моя шлет Вам привет и приглашение.

Сердечно Ваш Разумник Иванов

О многом бы еще написать хотелось, да... авось увидимся?!

[1] Ответ на п.33.

[2] В статьях Иванова-Разумника, опубликованных во 2-м сборнике «Скифы» («Поэты и революция», «Две России»), ничего не говорится о «Котике Летаеве». 2-й сборник вышел в свет лишь в конце 1917 г.

[3] Подразумевается следующий фрагмент из статьи «Андрей Белый»: «Остается с надеждой ждать появления третьего романа, последней части трилогии; с надеждой – но и с опасением. Ведь третья часть – это "синтез", разрешение противоречий, яркий свет; и страшно, что, пожалуй, Андрей Белый уже слишком прочно засел в новой своей вере, и проповедью истинности ее убьет в себе художника» (*Вершины*. С.84).

[4] Видимо, имеются в виду фрагменты из «Наукоучения» немецкого философа Иоганна Готтлиба Фихте (1762–1814), которыми открывается «Введение» в книге Р.Штейнера «Теософия» (русский перевод: М., «Духовное знание», 1915): «Когда осенью 1813 г. Иоганн Готтлиб Фихте выступил со своим "Учением", как зрелым плодом своей жизни, всецело посвященной служению истине, то в самом начале его он высказал следующее: "Это учение предполагает совершенно новый внутренний орган чувства, которым будет восприниматься новый мир, вовсе не существующий для обыкновенного человека". И затем он показал на сравнении, как непонятно должно быть это учение тому, кто хочет судить о нем по представлениям обычных чувств: "Представьте себе мир слепорожденных, которым ведомы лишь те вещи и те соотношения между ними, которые существуют благодаря чувству осязания. Придите к ним и заговорите с ними о красках и об иных соотношениях, существующих лишь благодаря свету и для

* *«Я» (нем.)*

зрения. Вы будете говорить им о том, чего нет, и еще самое лучшее, если они скажут вам об этом прямо; по крайней мере, вы скоро заметите свою ошибку, и если вы не в силах раскрыть их глаза, то вы прекратите напрасную речь". И вот, кто говорит людям о таких вещах, как в этом случае Фихте, тот слишком часто оказывается в положении, похожем на положение зрячего между слепорожденными. Но ведь это именно те вещи, которые относятся к истинному существу и высшей цели человека» (Штейнер Р. [Соч.] Т.I. Пенза, 1991. С.75).

[5] Вероятно, эта оговорка сделана с учетом доводов Белого, приводившихся в беседах с Ивановым-Разумником. Д.Е.Максимов в воспоминаниях «О том, как я видел и слышал Андрея Белого» свидетельствует, что, в ответ на его суждения о книгах Штейнера, сходные с мнением Иванова-Разумника, Белый заметил: «Сила Штейнера – не в книгах, а в личном общении, в прямом воздействии» (Максимов Д. Русские поэты начала века. Л., 1986. С.371). Подробнее см. гл.3 («Рудольф Штейнер, как лектор и педагог») в «Воспоминаниях о Штейнере» Белого (Указ. изд. С.100-156).

[6] Ср. аналогичные суждения в письме Иванова-Разумника к М.О.Гершензону от 31 января 1917 г.: «"Котика Летаева" я перечел (корректуру держал!) раз пять – и еще, по-видимому, без всяких корректур, прочту и перечту снова и снова. Удивительное произведение – насквозь антропософия, которую побеждает и претворяет в жизнь гениальный художник» (*РГБ*. Ф.746. Карт.34. Ед.хр.2).

35. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
5 января 1917 г.[1]

5 января. 1917 года.

Дорогой Разумник Васильевич!

С новым годом!

Спасибо, спасибо Вам за хорошее, доброе письмо, заставившее меня краснеть: Вы хвалите «*Котика*», а я вижу, скольких черт не хватает этой повести для того, чтобы оправдать замысел: просиди я в Швейцарии еще 2 только месяца, и повесть вышла бы; призыв сорвал меня с работы, а в Москве уже не было той сосредоточенной для работы жизни. Несмотря на то, что «*Котик*» – черновик, в нем находят, однако, известного рода свежесть. Это оттого, что, пишучи его в Швейцарии, я писал исключительно по утрам (со свежею головою), потом несколько часов бродил, занимался физическим трудом и прочее... А в Москве постоянно трещит голова в гула<х> голосов, поднимающих «*вопросы*»... Здесь, в Москве, до известной степени мы все Репетиловы[2]...

Дорогой Разумник Васильевич, я оттого еще не у Вас, что до *12* января судьба моя неопределенна (с 23 декабря нас гоняют с осмотра, и переосвидетельствование не может состояться). Я ничего не имею против того, чтобы быть солдатом. Но... сейчас роятся в голове работы: 1) надо бы кончить одну начатую рукопись[3], 2) надо бы приступить к продолжению 2-ой части «Моя жизнь». И говоря откровенно, я был бы благодарен отсрочке. Я оттого и не слишком регулировал жизнь: оставалось 1 1/2 <месяца> до явки, а в полтора месяца все равно ничего путного не напишешь. Если бы я получил теперь 3-месячную отсрочку, я бы 3 месяца проработал бы. И прежде всего: я бы приехал к Вам, в Царское. Но вот злосчастная судьба: до 24-го января не стоило бы приезжать, потому что 24<-го> я должен прочесть Союзу лекцию[4] (если получу отсрочку), а приезжать на неделю уже не стоит: я именно хотел бы погостить у Вас не менее 2-х – 3-х недель. Спасибо, спасибо за Ваше приглашение: оно до крайности улыбается мне. И – непременно, верно приеду, если только мне дадут отсрочку. Но... теперь: как быть с корректурами? Если Вам нужно спешить, а я все равно до 24-го связан, то... имеет ли мне смысл спешить к «*Котику*» и не предоставить ли «*Котика*» своей участи? Я вполне полагаюсь на Вас. Если же у Вас есть недоумение относительно иных мест «*Котика*», то, быть может, Вы мне изложите их письменно? Я могу быстро ответить. Уж и не знаю, как быть... Ведь не стоит же 15-го приехать, чтобы 20<-го> уже опять собираться на лекцию в Москву. А до 13-го далеко уехать я все равно не могу. Как бы то ни было, предоставляю «*Котика*» Вашему усмотрению. На всякий случай спешу Вас уведомить, что завтра, 6-го, я еду в Посад числа до 11-го; 12-го буду в Москве[5], а 13-го решится моя участь.

Дорогой Разумник Васильевич, как мне хочется Вас видеть. И отчаянно прельщает жизнь в Царском. Я уже мечтаю о прогулках, о лыжах, о беседах с Вами, о работе, но – увы! – 13-ое января может оборвать все эти мечты: ничего не имею против службы, но более всего боюсь Госпиталя и участи А.М.Ремизова[6]: безрезультатно протомиться там – самое ужасное!

Остаюсь искренне любящий Вас и преданный

Борис Бугаев.

P.S. Вашей супруге привет.

[1] Ответ на п.34. На конверте почтовые штемпели: Москва. 5.1.17; Царское Село. 6.1.17.

[2] Персонаж из «Горя от ума» А.С.Грибоедова.

[3] В комментарии Иванов-Разумник указывает, что Белый здесь имеет в виду «книгу “Кризис сознания”» (Л.11об.). Скорее всего, однако, подразумевается статья «Поэзия Блока», опубликованная в сборнике «Ветвь» (М., 1917), над которой Белый работал с ноября 1916 г., или его работа по поэтике, получившая впоследствии название «Жезл Аарона». В декабре 1916 – январе 1917 г. Белый занимался также переработкой «Золота в лазури» («Работа и чтение» // *РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.6).

[4] 24 января 1917 г. Белый прочел лекцию «Жезл Аарона» в Малом зале Московской консерватории. «Союз» – см. примеч.2 к п.20.

[5] Белый пробыл в Сергиевом Посаде с 6 по 11-е и с 17 по 24-е января 1917 г.

[6] Комментарий Иванова-Разумника: «А.М.Ремизов, призванный осенью 1916 г. на военную службу, был положен на исследование в Госпиталь; свое пребывание там он описал в произведении “Хождение по мукам”» (Л.11об.). См. также примечания И.Ф.Даниловой и А.А.Данилевского к письму Л.Шестова к Ремизову от 9 декабря 1916 г. (Русская литература. 1992. №4. С.120).

36. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
23 января 1917 г. Царское Село.

23 – I – 1917.

Дорогой Борис Николаевич,

за мною – письмо, а сегодняшнего не считайте: просто хочу я спросить Вас о результате сегодняшнего дня, 23<-го> янв<аря>: получили ли Вы новую отсрочку, и как вообще дела Ваши в этой области?

И еще второй повод этих строк: имею возможность немедленно напечатать, с авансом гонорара, лекцию Вашу «Жезл Аарона», – если статья эта уже заранее не обещана Вами кому-либо и куда-либо. Если даже и обещана целиком в журнал или сборник – пришлите отрывки на 2-3 фельетона. А лучше – всю статью; помещу ее «блестяще»[1].

«Скифы» печатаются; корректуру постараюсь выслать; боюсь задержки, но думаю, что выйдут они в конце февраля[2].

Черкните скорый ответ, а «настоящее» письмо – за мною. Приглашения в Царское С<ело> не повторяю – Вы имеете его раз на всегда. Всего и всего доброго.

Сердечно Ваш Разумник Иванов.

[1] Статья Белого «Жезл Аарона (О слове в поэзии)» была напечатана в 1-м сборнике «Скифы» (С.155-212).

[2] Такое же сообщение содержится в письме Иванова-Разумника к Ф.Сологубу от 7 февраля 1917 г. (*ИРЛИ*. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.296). Однако выход в свет 1-го сборника «Скифы» задержался на длительное время – до начала августа 1917 г. (см. п.56).

37. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
26 января 1917 г. Москва[1].

Января 26-го 17 года.

Глубокоуважаемый Разумник Васильевич,

спешу Вам ответить: с благодарностью принимаю Ваше любезное предложение устроить статью мою «Жезл Аарона», если только он, этот жезл, будет напечатан ранее лета, ибо он входит в книгу мою «*Кризис сознания*», которая появится летом или к осени[2]. Мне только надо будет записать 2-ую часть и все это переписать. Дорогой Разумник Васильевич, с радостью принимаю Ваше любезное приглашение: у меня уже есть билет, и я выезжаю из Москвы 29<-го>, <в> воскресенье; боюсь одного: подкрадывается легкая простуда; если она не разразится болезнью, то буду у Вас в понедельник, или во вторник. Спасибо за участие ко мне: повинность моя отсрочена до 13-го марта. Если и на этот раз не судьба нам свидеться, то уже я ничего не понимаю: билет у меня в кармане; и все дело – в здоровье[3].

Остаюсь искренне любящий Вас и преданный Борис Бугаев.

Вашей супруге привет.

[1] Ответ на п.36. На конверте почтовые штемпели: Москва. 27.1.17; Царское Село. 29.1.17.

[2] «Жезл Аарона» после публикации в «Скифах» при жизни Белого не переиздавался. Вероятно, именно эта статья должна была составить основу не вышедшей в свет 4-й части цикла Белого «На перевале», анонсировавшейся под заглавием «Кризис слова». См.: Андрей Белый. На перевале. I. Кризис жизни. Пб., «Алконост», 1918. С.118; Бугаева К., Петровский А., [Пинес Д.]. Литературное наследство Андрея Белого // *ЛН*. Т.27/28. М., 1937. С.621. Книга под заглавием «Кризис сознания» издана не была.

[3] Комментарий Иванова-Разумника: «АБ пробыл у Р.В. и В.Н. Ивановых в Царском Селе с 30 января по 8 марта 1917 года» (Л.11об.). 31 января 1917 г. Иванов-Разумник сообщал М.О.Гершензону: «Два дня уже у нас Борис Николаевич, приезд которого и мне и жене принес искреннюю радость» (*РГБ*. Ф.746. Карт.34. Ед.хр.2). Бывая тогда наездами в Петрограде, Белый основное время проводил у Иванова-Разумника в Царском Селе (30 января – 6 февраля, 8-11, 13-26 февраля, 4-8 марта): «Очень интенсивная жизнь у Р.В.Иванова; встречи и знакомства: с В.Н.Фигнер, профессором Метальниковым, Петровым-Водкиным, вернувшимся из Англии Замятиным, М.М.Пришвиным, пр. Гедройц; знакомство с семьей Мстиславских, с Есениным, Клюевым, Ганиным <...>» (*РД*. Л.84об.).

38. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
28 февраля 1917 г. Петроград*[1].

Дорогой Разумник Васильевич,

я думаю пробраться к Мережковским[2]: если за это время что-нибудь случится, станут жел<езные> дороги и т.д. – то я при возможности уехать в Москву все-таки уеду. Тогда буду Вас просить отправить багажом мои вещи. Я это все пишу ввиду следующей возможности: представьте; я – отрезан от Царского до пятницы (поезда стали и т.д.), а в пятницу** есть возможность уехать в Москву[3]: я поеду без багажа.

Остаюсь искренне преданный и уважающий Вас Борис Бугаев.

[1] Письмо написано в разгар Февральской революции. С.Д.Мстиславский (с вечера 26 февраля участвовавший в Таврическом дворце в формировании штаба восстания) вспоминает о встречах с Белым: «...хотя знакомство наше состоялось еще в 1916 году, но первый “большой” разговор был накануне февральского переворота. Белый обедал в этот день у меня и, поскольку наша беседа закончилась поздней ночью, остался ночевать у меня (я жил в Военной Академии на Суворовском проспекте <...>). Он вышел утром, собираясь проехать в Царское Село, – в то самое время, когда по ту сторону нашего академического плаца уже разгоралась стрельба – Волынский полк выходил из казарм. Так как Белому не удалось уехать – он вернулся и про-

---

* *Над текстом – датировка (рукой Иванова-Разумника):* Конец февраля 1917.

** *Приписка (рукой Иванова-Разумника):* 27 – II.

вел на моей квартире и следующую ночь, вместе с Ивановым-Разумником и еще несколькими лицами: я находился в Таврическом дворце, в штабе восстания» (*РГАЛИ*. Ф.306. Оп.1. Ед. хр.118. Л.1-1об. Волынский полк перешел на сторону восставших 27 февраля). Белый вспоминает о тех же днях: «...долгий разговор с Мстиславским (ночую у него); на другое утро выхожу почти под перестрелку вырвавшегося из казарм Волынского полка; начало революции застает в Петербурге» (*РД*. Л.85об.) Ср. дневниковую запись М.М.Пришвина от 2 марта 1917 г.: «В квартире Масловского, как в штабе. Для истории: 1-й выстрел раздался на дворе Николаевской Академии, и им был убит командир Волынского полка» (Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917. М., 1991. С.249. Масловский – С.Д.Мстиславский).

[2] Д.С.Мережковский и З.Н.Гиппиус жили на Сергиевской ул. (д.83), в доме на углу с Потемкинской ул., рядом с Таврическим дворцом, где заседала Государственная Дума; Николаевская военная академия, где у С.Д.Мстиславского оказался тогда Белый, находилась неподалеку, на Суворовском проспекте. В очерке «27 февраля 1917 года (Страница из воспоминаний)» Иванов-Разумник свидетельствует (имя Белого обозначено инициалами: А.Б.): «Отрезанный от Петербурга коротким нездоровьем, только 28-го рано утром мог я отправиться в штаб-квартиру подготовлявшихся тогда к выходу “Скифов”, к С.Д.Мстиславскому. Здесь мы разошлись с А.Б. – он отправился на Сергиевскую к Мережковским, куда и я должен был зайти к нему в 12 ч. ночи; меня же С.Д.Мстиславский провел в Таврический дворец, где он уже сутки работал в революционном штабе» (Иванов-Разумник. Перед грозой. 1916–1917 г. Пг., 1923. С.132). Ср. воспоминания Белого: «...заход в Академию к Мстиславскому, откуда пытаюсь пробраться к Мережковским, но попадаю под пулеметы у Думы; отсиживаюсь и под стенкой перебегаю к дому Мережковских; здесь, у Мережковских, живу дней пять, имея картину революции рядом <...>» (*РД*. Л.85об.); его же запись в «Жизни без Аси» (1-4 марта 1917 г.): «Дружба с Мережковскими. Жизнь около Гос. Думы. Процессии. Отрезан от Царского» (*РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1). Согласно дневнику З.Н.Гиппиус, Белый объявился у них 28 февраля: «...явился Боря Бугаев из Царского <...>. С вокзала к нам Боря полз 5 часов. Пулеметы со всех крыш. Раза три он прятался, ложился в снег, за какие-то заборы (даже на Кирочной), путаясь в шубе» (Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914–1919. Нью-Йорк, 1990. С.88). 29 марта 1917 г. З.Н.Гиппиус писала Э.Ф.Голлербаху: «Он, Боря Бугаев, попал к нам в самый разгар пулеметов и прожил у нас все “февральско-мартовские” дни» (*РНБ*. Ф.207. Ед.хр.29). Дневниковые записи Д.В.Философова за 28 февраля позволяют более точно указать время появления Белого у Мережковских: «5 ч. <...> Вкатился из Царского Боря Бугаев. Пять часов шел с вокзала к нам. Пулеметов на крышах много. У самого вокзала его встретили выстрелы пулеметов. <...> Боря вчера был у Масловского, в Николаевской академии» (Звезда. 1992. №1. С.200. Публикация Б.Колоницкого). В тот же день, в 11 час. вечера, Философов более подробно записал рассказ Белого: «Был тут третьего дня, когда была безоружная демонстрация и войска стреляли. <...> Вернулся в Царское. Там – темные слухи. <...> Первое столкновение с реальностью – на перроне Царскосельского вокзала. Солдаты с ружьями в виде толп, и притом “дружеские”. Треск пулеметов откуда-то с крыши. Обуглившийся участок. Крадусь через море толп на Николаевскую. Вдруг вижу – улица Достоевского. Вспоминаю, что тут редакция “Дня”. Вспоминаю, что Разумник Васильевич еще утром, пока я спал, что-то говорил о редакции. Он простуженный, не в духе. Идем с ним к Масловскому, в Академию Генерального штаба. Там – солдаты. Спрашиваем, можно пройти к Масловскому? – Пожалуйста, Академия наша. У Масловского тоже настроение кислое. В это время слышен с крыш треск пулеметов. Толпа отхлынула. Приезжают автомобили. Начинается пальба. Когда пальба стихла, крадусь к вам. На углу Кирочной опять пулеметы с крыш. Три раза по дороге к вам был под пулеметами» (Там же. С.201). Иванов-Разумник посетил Белого на квартире Мережковских поздним вечером 1 марта (Гиппиус З. Петербургские дневники. Указ. изд. С.92).

[3] Приписка Иванова-Разумника («27-II») явно ошибочна, ее опровергает его же комментарий: «Речь идет о пятнице 3 марта 1917 года, – так как предшествовавшая пятница была 24 февраля, т.е. до революции, а последующая пятница была 10 марта, когда АБ был уже в Москве <...>»; это письмо «могло быть написано, вероятнее всего, 1 марта, когда АБ и ИР, пробравшись 28 февраля из Царского Села в Петербург, расстались на несколько дней. <...> 4-го марта АБ вернулся в Царское Село» (Л.11об.). В Москву Белый уехал 8 марта.

39. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
10 марта 1917 г. Москва[1].

Москва 10-го марта 17 г.

Дорогой Разумник Васильевич,

Вчера вернулся в Москву. Она производит прекрасное впечатление. Буду на днях писать о Москве в «*День*»[2]. Здесь у нас усиленно организуются: буду завтра в собрании писателей[3].

Еще раз бесконечное спасибо Вам за ласку и гостеприимство: я чувствую, что неспроста мы прожили вместе этот месяц. Я полюбил очень Вас и Варвару Николаевну, привет ей. Буду скоро подробно писать. Привет Н.А.Клюеву, Пришвину[4], Сергею Дмитриевичу[5] и С.И.Метальникову[6].

Остаюсь искренне любящий Вас Борис Бугаев.

P.S. Просьба: если будет возможность, вышлите мне корректуры статьи «О слове в поэзии»[7].

[1] На конверте почтовые штемпели: Москва. 10.3.17; Царское Село. 12.3.17.

[2] Комментарий Иванова-Разумника: «В эту газету во второй половине февраля 1917 года ИР был приглашен редактировать еженедельное литературное приложение; вышел единственный номер за несколько дней до революции. В начале марта была организована газета "Дело Народа", литературный отдел которой до середины июля редактировал ИР. Ни в "Дне", ни в "Деле Народа" АБ не печатался» (Л.11об.-12).

[3] В «Жизни без Аси» Белый сообщает о 9-12 марта 1917 г.: «Москва. Образование "Клуба писателей". Говорю о событиях в "Клубе пис<ателей>"» (*РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1).

[4] С поэтом Николаем Алексеевичем Клюевым (1884–1937) и прозаиком Михаилом Михайловичем Пришвиным (1873–1954) Белый встречался в Царском Селе у Иванова-Разумника в феврале 1917 г. См.: Субботин С.И. Андрей Белый и Николай Клюев: К истории творческих взаимоотношений // *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.389-390. Знакомство Белого и Пришвина состоялось в 1908 г. у Мережковских; см.: Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917. М., 1991. С.417 (комментарий Я.З.Гришиной, В.Ю.Гришина).

[5] С.Д.Мстиславский (наст. фам. Масловский, 1876–1943) – публицист, прозаик, деятель эсеровской партии. В 1912–1914 гг. – заведующий отделом внутриполитической жизни журнала «Заветы», в 1916–1917 гг. – один из редакторов (вместе с Ивановым-Разумником и А.И.Иванчиным-Писаревым) и издателей сборников «Скифы» (сборники были отпечатаны в Типографии Николаевской военной академии). В дни Февральской революции – один из руководителей боевых действий в Петрограде, член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, товарищ председателя Союза офицеров-социалистов; см. его кн. «Пять дней. Начало и конец Февральской революции» (М., 1921; 2-е изд. – М.–Пб.–Берлин, 1922), «Гибель царизма» (Л., 1927).

[6] Комментарий Иванова-Разумника: «Проф. С.И.Метальников, известный биолог, ныне помощник директора института Пастера в Париже» (Л.12). Сергей Иванович Метальников (1870–1946), директор Петроградской биологической лаборатории, профессор Высших женских курсов и Высших курсов Лесгафта, автор книги «Проблема бессмертия в современной биологии» (Пг., 1917), проживал в дореволюционные годы в Царском Селе (Нижний бульвар, 7); Белый бывал у него в дни Февральской революции – ср. его сообщение в «Жизни без Аси»: «27-го <...> Смятение в Царском (собираемся у <...> проф. Метальникова)»; в эмиграции – один из инициаторов Русской академической группы (первое собрание – в феврале 1920 г. в Париже), в 1921–1922 г. сотрудник журнала «Современные записки», товарищ председателя библиотеки и профессор Русского народного университета в Париже. О его работе в Пастеровском институте см.: Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971. С.121-122; Ульянкина Т.И., Петров Р.В. Институт Пастера в Париже и русская эмиграция // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. М., 1994. Кн.1. С.310-324.

[7] Подзаголовок статьи «Жезл Аарона». Работу над ней Белый закончил в феврале 1917 г.; в заметках «Работа и чтение» за этот месяц он отметил: «"Жезл Аарона" (глава "Кризиса сознания")» (*РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.6). Статья была включена Ивановым-Разумником в печатавшийся тогда 1-й сборник «Скифы».

40. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
20 марта 1917 г. Царское Село[1].

20 марта 1917. Царское Село.

Дорогой Борис Николаевич,

и я всего две-три строки пишу сегодня Вам, в чаянии писем от Вас и в обещании письма от себя – лишь только немного приду в себя. А то – Вы знаете, как провел я неделю революции (как только выдержал!)[2]; вторую неделю, после отъезда Вашего, пролежал; третью – весь ушел в газетные и журнальные дела. (Вхожу в редакцию

«Дела Народа», органа с<оциалистов>-р<еволюционеров>[3]; собираю журнальные силы). ***NB***: *«Скифы» выйдут около Пасхи*[4]. Пишите. Как хорошо, что Вы пробыли у нас эти полтора месяца![5] Случайно ничего не случается. Варвара Николаевна шлет Вам сердечный привет и надеется, что Вы к нам еще не раз заглянете. Я жду Вашего письма и напишу Вам в свой черед обстоятельно. Привет свободным москвичам!

Сердечно любящий Р.Иванов.

P.S. Все жду: неужто у «них» (былые славян<офилы>, о.Флор<енский> и т.п.) не найдется стойких и искренних людей, мучеников своей веры? Неужто все они так сразу променяли мистическое самодержавие на демократическую республику?[6]

[1] Ответ на п.39. Почтовые штемпели: Петроград. 20.3.17; Москва. 1.4.17.

[2] См. об этом очерк Иванова-Разумника «27 февраля 1917 года (Страница из воспоминаний)» (1921) в его кн. «Перед грозой. 1916–1917 г.» (Пг., 1923. С.131-136).

[3] В мемуарах Иванов-Разумник свидетельствует: «Когда в первые же дни революции 1917 г. родилась эсеровская газета “Дело Народа”, я <...> вошел в редакцию для заведывания литературным отделом» (Иванов-Разумник Р.В. Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк, 1953. С.33). Сохранилось удостоверение на бланке «Дела Народа» (от 9 сентября 1917 г.) за подписями В.М.Зензинова и С.П.Постникова, подтверждающее, что Иванов-Разумник является редактором литературного отдела газеты (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.6. Л.2).

[4] Пасха в 1917 г. приходилась на 2 апреля; «Скифы» к этому сроку в свет не вышли (ср. примеч.2 к п.36).

[5] Белый гостил у Иванова-Разумника в Царском Селе (с наездами в Петроград) с 30 января по 8 марта 1917 г.

[6] Помимо П.А.Флоренского, Иванов-Разумник подразумевает здесь М.О.Гершензона, С.Н.Булгакова, Вяч.Иванова, В.Ф.Эрна, Н.А.Бердяева и других московских писателей и философов, с которыми Белый тогда часто встречался. Свою позицию по отношению к ним Иванов-Разумник отстаивал, в частности, в письме к Гершензону от 31 января 1917 г.: «...обидеть не Вас, а *Ваше* – к тому же наносное, пережитое, “отработанное” – я никогда не боялся, и впредь не побоюсь, ни письменно, ни устно, ни печатно. <...> Ибо все вы, москвичи, с самого начала “мировой войны” писали о ней словами недостойными, поистине пачкая белую бумагу. <...> И неужели до сих пор не стыдно Вячеславу Иванову призывать к “жертвенному себяотданию” – крепко сидя дома, забронировываясь своим возрастом и совершеннейшим от войны иммунитетом? Скажу Вам по совести – глядеть на все это со стороны было очень противно» (*РГБ*. Ф.746. Карт.34. Ед.хр.2).

41. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
29 марта 1917 г. Царское Село[1].

29 марта 1917. Царское Село.
Колпинская, 20.

Дорогой Борис Николаевич,
писал я Вам дважды по несколько слов – получили ли?[2] А от Вас – ни словечка. Где Вы? Что Вы? Напишите поскорее, ничего о Вас не знаю.

А наши дела здесь такие – начну с мелочей. «Скифы» выходят сейчас же после Пасхи. В «Дне»[3] бываю я редко – все время уходит на газеты и дела партии социалистов-революционеров (Господи, о чем теперь можно в письмах писать! Все еще никак не привыкнешь). На Пасхе – партийный съезд[4]. Все это отнимает бездну времени, три газеты на руках[5]; не знаешь, как и быть. К тому же я – вечный кипплинговский «кот, который ходит сам по себе»[6], и это создает бесчисленные трения, их надо преодолевать. Проза политической работы.

Из всех социалистов – с<оциалисты>-р<еволюционер>ы наиболее близки к общей культуре, тут еще возможна работа. *Просьба к Вам большая*: двиньте литературную Москву мне на помощь. Нужен *литературный* материал для газет – стихи, очерки, рассказы, письма. Политического материала больше, чем нужно; литературного – недохватка. Направляйте всё мне, *по царскосельскому адресу* и непременно – *заказным*.

Таковы наши здешние дела. А что у вас в Москве? Засилие «кадетское», или нет? Чем «левее» становится теперь эта партия, тем меньше и меньше ее уважаешь. Впрочем, довольно политики – расскажите лучше о себе и о своих планах и работах. Что «Котик» для осенних «Скифов»[7] – если будем целы и живы? Последнее – сомнительно; чем дальше в лес, тем больше дров. И если уцелеем от немца внешнего, то раньше или позже немец «внутренний», вроде Гучкова[8] и К°, перестреляет и перевешает всех нас, инако мыслящих. А как «мыслю» я – прочтите мою статью «Вольга и Микула»[9], посылаю Вам ее вместе с этим письмом. Согласны Вы с ней, или Вам она враждебна? Черкните и об этом. Она написана по случаю исполнения «месяца» со дня начала революции.

Как я рад за Вас, что те дни Вы пережили в центре событий! И за себя рад, что так чудесно провел время с Вами. Вспоминаю об этом месяце феврале, до начала революции, как о времени величайшего душевного отдыха – точно нарочно уделенного перед той бурей, которая разразилась и завертела всех нас. Жена и я сердечно любим Вас и вспоминаем; не забывайте же и Вы нас.

Обнимаю Вас дружески.

Ваш Разумник Иванов.

[1] Написано на бланке издательства «Скифы».

[2] Сохранилось только одно из этих писем, шедшее в Москву более 10 дней (п.40, примеч.1).

[3] Подразумевается редакция газеты «День». Иванов-Разумник участвовал в этой газете в феврале-марте 1917 г.; 6 февраля 1917 г. он сообщал Ан.Н.Чеботаревской: «"День", действительно, реформируется, в него входят заведующими отделами 6 "скифов" (худож<ественный> отд<ел> – Петров-Водкин, внутренний – Мст<иславский>, научный – Метальников, провинциальный – Пришвин и Добронравов, литературный – я). <...> Впрочем, в "Дне" не будет ни поэзии, ни беллетристики» (*ИРЛИ*. Ф.289. Оп.5. Ед.хр.109). Союз Иванова-Разумника с редакцией «Дня» оказался непродолжительным.

[4] Третий съезд Партии социалистов-революционеров состоялся в Москве позднее – с 25 мая по 4 июня 1917 г. См.: Третий съезд социалистов-революционеров. Пг., 1917.

[5] Имеются в виду «День», «Дело Народа» и «Земля и Воля» (см. п.44).

[6] Подразумевается детская сказка «Кошка, которая гуляла сама по себе» («The Cat that Walked by Himself») из сборника английского прозаика Редьярда Киплинга (1865–1936) «Сказки просто так» («Just So Stories...», 1902). Ср.: «...примкнув к идеологии народничества, я не пошел в партию, в то время политически его выражавшую, – в партию социалистов-революционеров: я был, говоря словами остроумной сказочки Киплинга, "кот, который ходит сам по себе", – партийные шоры были не для меня» (Иванов-Разумник Р.В. Тюрьмы и ссылки. Указ. изд. С.33). Иванов-Разумник использовал этот киплинговский образ применительно к себе и ранее; в письме к М.Горькому от 18/31 января 1912 г. он, в частности, отмечает: «...никто так не далек от партийности, как я. Знаете сказку Киплинга – "Кот, который ходит сам по себе"? Я тоже "хожу сам по себе" <...>» (*ЛН*. Т.95. Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М., 1988. С.716).

[7] Речь идет о задуманном Белым продолжении «Котика Летаева», предполагавшемся к опубликованию в последующих сборниках «Скифы».

[8] Александр Иванович Гучков (1862–1936) – один из основателей партии «Союз 17-го октября», с 1906 г. глава ее; с марта 1910 по март 1911 – председатель Государственной Думы. Со 2 марта по 30 апреля 1917 г. – военный и морской министр Временного правительства. Участвовал в финансировании Добровольческой армии. С 1919 г. – в эмиграции.

[9] Эта статья была опубликована в «Деле Народа» 27 марта 1917 г. (№11), вошла в кн.: Иванов-Разумник. Год революции: Статьи 1917 г. СПб., 1918. С.7-11.

42. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
4 апреля 1917 г. Москва[1].

Москва 4 апреля.

Дорогой Разумник Васильевич,

Христос воскресе![2]

С большой радостью получил Ваше письмо. С изумлением узнал, что ни я не получал Ваших писем, ни Вы не получили моего. Почта – отказывается служить. С огромной жадностью проглатывал Ваши строки: я очень часто думаю о Вас, о Варваре Николаевне. Видите, – как хорошо: Вы кипите деятельностью: у Вас – съезд, три газеты и т.д. А я – наоборот: по приезде в Москву я впал в какую-то нервную апатию и переутомление; не могу еще довести до конца свою книгу, и от этого, главным образом, спасался в Посад (работать)[3]. Москва производит радостное впечатление: что-то стойкое, кипучее, старинное (я сказал бы, удельно-вечевое) есть в общем облике современной Москвы; люди, вообще, радостно настроены; бодро смотрят вперед и совершенно искренне полевели (кн. Трубецкой и Самарин – стоят за республику)[4], Г.А.Рачинский шутит и пылит папиросой[5], М.О.Гершензон хочет федеративного строя, С.Н.Булгаков преобразует приход[6]; все очень помолодели и поюнели; но – мне несколько грустно; грустно, потому что многие совершенно искренно в пылу работы забыли, что они говорили месяцев 5 тому назад. И как-то в хоре московских голосов я ощутил себя «*бледной тенью*» со скрещенными руками[7]. Право, мне весело было радоваться будущему России у Вас, даже у Мережковских, а в Москве я выгляжу, пожалуй, реакционнее «*Московского Рел<игиозно->Фил<ософского> О<бщест>ва*»... Разумеется, дело не в реакционности (если хотите, я часто в разговорах с людьми ловлю себя на том, что у меня проскальзывают эс-эрские ноты), а в том, что «*шумим, братец, шумим*»[8] (юно-искреннее) осталось тем же, что и было. Наиболее мне симпатичен Н.А.Бердяев (он и вел себя в дни революции мужественно, и теперь менее «кипит»)[9]. Но, как-то странно: в отдельности, верю людям (верю в правду очень многих); и – не верю в коллектив «москвичей». Был несколько раз на собрании московских писателей: впечатление неважное[10]. Дорогой Разумник Васильевич, я Вас обманул: не пишу письма в «*День*»; но это оттого, что нервы мои несколько расшатались; и остаток энергии поглощает книга, которую, весьма некстати, принялся переделывать[11]. Если позволите, через месяц-полтора, прямо буду нуждаться в работе; и – обещаю всячески писать. Буду пропагандировать среди московских писателей, чтобы посылали Вам материал. Ужасно недостает Вас: я очень привык к Вам. Дома у меня – неуютно и сиро. Что касается внешней жизни, то, кажется, придется выступать на митингах: боюсь, жутко, но – тащут почти силком.

Насколько с одной стороны грустно и пусто в «*кружках арбатских*» (темы оскудели!), настолько сама Москва, митинги, кучки на улице – радостны; радостны, как природа. Читал Вашу статью «*Вольга и Микула*»; и – радуюсь ей; верю – в «*чудо*» русской революции, а приходится жить в круге двух абстракций: одна абстракция – мнения москвичей о Совете, другая абстракция – «*Социал-Демократ*», «*Правда*» (разумею газеты)[12]; здесь и там – две абстрактные, государственные централизации: централизация (империализм) сверху и централизация (социал-демократизм) снизу; поэтому всеми силами радуюсь всему красочно-индивидуальному (федеративному); знаете, среди богатой московской буржуазии живей, непосредственней и даже *левей* ощущают действительность (даже не пугаются социальной революции), нежели среди иных из умственно-идейных «*деятелей*»... Вчера слышал от двух «дам» (от Морозовой и Лосевой)[13] одинаковое мнение: Россию спасет и выведет на путь русский народ, а не интеллигенция, ни «*Совет*». И тут была хорошая нота радости.

Дорогой Разумник Васильевич: опять-таки деловое: приготовить ли мне копии со статьями для 2-го сборника «Скифов», если оный выйдет: жду с жадностью не столько «*Скифов*» (хочу их читать), сколько оттиска статьи «О слове <в> поэзии» для сдачи издателям[14]: а то придется от руки переписывать, а это – 8 пропащих дней. Если возможно: в первую голову вышлите. Желаю Вам бодрости, радости и здоровья. Привет мой Варваре Николаевне.

Остаюсь искренне преданный и любящий Вас Борис Бугаев.

[1] Ответ на п.41. Заказное; на конверте почтовые штемпели: Москва. 5.4.17; Царское Село. 7.4.17.

[2] См. примеч.4 к п.40.

[3] Белый жил в Сергиевом Посаде у С.М.Соловьева с 12 по 16 и с 19 по 30 марта 1917 г.; 17-19 марта приезжал в Москву, чтобы получить очередную двухмесячную отсрочку от при-

зыва на военную службу. Работал он в это время над задуманным многосоставным циклом «Кризис сознания» и, в частности, над исследованием «О ритмическом жесте», которое (в заметках «Работа и чтение») определял как «главу из Кризиса сознания» (*РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.6).

[4] Князь Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920) – религиозный философ, правовед, общественный деятель. Белый общался с ним в январе 1917 г.; Трубецкой поддержал тогда его в конфликте с И.А.Ильиным, разгоревшимся в связи с выходом в свет книги Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (см.: Гаврюшин Н.К. В спорах об антропософии: Иван Ильин против Андрея Белого // Вопросы философии. 1995. №7. С.101-103). Падение царского режима Трубецкой приветствовал в статье «Народно-русская революция» (Речь. 1917. №55. 5 марта). Александр Дмитриевич Самарин (1869–1932) – член Государственного совета, обер-прокурор Синода (июль–сентябрь 1915 г.), предводитель московского дворянства; в июне 1917 г. – один из претендентов на место московского митрополита (см.: Окунев Н.П. Дневник москвича (1917–1924). Paris, 1990. С.50); позднее – один из обвиняемых на процессе Московского совета объединенных приходов (дело «церковников» 11-16 января 1920 г. См.: Солженицын А. Архипелаг ГУЛаг. Т.I-II. Paris, 1973. С.327-330).

[5] Григорий Алексеевич Рачинский (1859–1939) – литератор, переводчик, философ; председатель Религиозно-философского общества в Москве. Белый дал его литературный портрет в мемуарах (*НВ*. С.102-112). Рачинский выразительно охарактеризован также в «Повести об одном десятилетии (1907–1917)» К.Г.Локса (Минувшее: Исторический альманах. Вып.15. М.; СПб., 1994. С.74-75. Публикация Е.В.Пастернак и К.М.Поливанова). Ср. «Воспоминания» Евгении Герцык (Paris, 1973): «Захаживал ко мне и старик Рачинский, просвещал в православии. Изумительная фигура старой Москвы: дымя папиросой, захлебываясь, целыми страницами гремел по-славянски из Ветхого завета <...> Подлинно верующий, подлинно ученый и, что важнее, вправду умный, он все же был каким-то шекспировским шутом во славу Божию – горсткой соли в пресном московском кругу» (С.122-123).

[6] Впоследствии С.Н.Булгаков противопоставлял свои консервативно-монархические убеждения после февраля 1917 г. настроениям других московских религиозных мыслителей: «Н.А.Бердяев бердяевствовал в отношении ко мне и моему монархизму, писал легкомысленные и безответственные статьи о "темной силе"; кн. Е.Н.Трубецкой плыл в широком русле кадетского либерализма и, кроме того, относился лично к Государю с застарелым раздражением <...>. Г.А.Рачинский, конечно, капитулировал по всему фронту и был левее левых (впрочем, он и прежде был таков же»; «Революция была мне только постыла и отвратительна» (Булгаков С., прот. Автобиографические заметки. 2-е изд. Paris, 1991. С.89, 91). Однако 3/16 марта 1917 г. Булгаков произнес в фойе Художественного театра речь на собрании писателей, опубликованную под названием «О даре свободы» (Русская свобода. 1917. №2. 29 апреля. С.12-15). Тогда же была издана его брошюра «Христианство и социализм» (М., 1917). См.: Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С.202-233, 329 (примечания В.Н.Акулинина).

[7] Ср. воспоминания Белого о Москве в конце марта 1917 г.: «...волна общественности, постоянные бурные беседы и уже намечающееся расхождение; я и Гершензон гораздо левее бердяевской атмосферы <...>» (*РД*. Л.86).

[8] Слова Репетилова («Горе от ума», действие 4, явление 4).

[9] Об отношениях Белого с Бердяевым см. статью А.Г.Бойчука «Андрей Белый и Николай Бердяев: К истории диалога» (Известия РАН. Серия литературы и языка. 1992. Т.51. №2. С.18-35) и его же предисловие к публикации писем Бердяева к Андрею Белому (De Visu. 1993. №2(3). С.12-15).

[10] В «Жизни без Аси» Белый сообщает: «9-12 <марта> <...> Образование "Клуба писателей". Говорю о событиях в "Клубе писателей"»; «17-19 <марта> <...> Говорю в "Клубе пис<ателей>" (возражение Бердяеву)» (*РГБ*. Ф.25. Карт. 31. Ед.хр.1).

[11] Ср. записи Белого («Работа и чтение») об апреле 1917 г.: «Работаю над переделкой и архитектоникой "*Кризиса сознания*". Переделываю его главы» (Там же. Ед.хр.6).

[12] Об апреле 1917 г. Белый вспоминает: «...не помню, когда начала выходить "*Правда*" (в апреле или в мае); но с первых же №№ мы с А.С.Петровским *внимательные читатели* "*Правды*"; "*левая*" антр<опософская> группа еще более "*левеет*"; мы с Гершензоном уже неприличны для бердяевской орьентации; этот месяц я крупнейше сражаюсь с Бердяевым; мой лозунг – "*Долой война*"» (*РД*. Л.87). Газета «Правда», центральный орган РСДРП, была возобновлена изданием в Петрограде с 1 марта 1917 г. «Социал-демократ» – орган Московского бюро ЦК и Московского комитета РСДРП (1917–1918; в 1918 г. после выхода №46 газета влита в «Правду»).

[13] О Лосевой см. примеч.3 к п.32. Маргарита Кирилловна Морозова (1873–1958) – вдова московского фабриканта и коллекционера М.А.Морозова; меценатка, учредительница москов-

ского религиозно-философского издательства «Путь». Белый был лично знаком с ней с весны 1905 г., но за четыре года до этого Морозова стала адресатом его лирико-романтических писем и предметом «мистической» любви. См.: *НВ*. С.504-509; Морозова М.К. Андрей Белый. / Предисловие и примечания В.П.Енишерлова. Публикация Е.М.Буромской-Морозовой и В.П.Енишерлова // *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.522-545; Морозова М.К. Мои воспоминания / Публикация Е.М.Буромской-Морозовой, примечания Д.М.Евсеева, послесловие Н.Семеновой // Наше наследие. 1991. №6. С.89-111; Думова Н. Московские меценаты. М., 1992. С.97-107; Malmstad John E. Andrej Belyj – Materials for a Biography // Stanford Slavic Studies. Vol.4. Literature, Culture and Society in the Modern Age. In Honor of Joseph Frank. Part II. Stanford, 1992. P.9-34.

[14] См. п.39, примеч.7. Подразумевается включение «Жезла Аарона» в несостоявшееся издание книги «Кризис сознания»; неясно, для какого издательства Белый тогда готовил эту книгу. Ср. его записи («Работа и чтение», апрель 1917 г.): «Работаю над переделкой и архитектоникой "*Кризиса сознания*". Переделываю его главы» (*РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.6).

43. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
25 апреля 1917 г. Москва[1].

Глубокоуважаемый и дорогой Разумник Васильевич,
только что получил Ваше письмо, написанное еще до Пасхи недели за две, вероятно[2]. Вот сколько идут письма!

Обращаюсь к Вам с рядом просьб (простите, что с места в карьер!): ради Бога, вышлите мне статью «О слове в поэзии»: ведь она задерживает всю мою книгу[3], т.е. 500 рублей, которые мне до зарезу нужны, хоть гранки, хоть оттиск, хоть корректуру. Ради Бога: а то я месяц уже жду («*Скифы*», вероятно, не выйдут?). Знаете, меня просто отчаяние берет: пишешь, пишешь, пишешь, а вместо того, чтоб дойти до конца, до чего-нибудь – рукописи твои распыляются, а ты снова – пишешь, пишешь... Мануилов Вам послал, оказывается, статью о Блоке[4]. Получили ли? И нужно ли Вам? Или – эта рукопись где-то в пространстве между Москвой и Петроградом? Союз Писателей гоняется за мной и за статьей, а статьи нет. Если статья у Вас и Вам нужна, я не прошу ее, если Вам не нужна, вышлите ее мне. Далее: как быть с окончанием «Котика»?[5] У меня нет никакого второго экземпляра. Выйдет ли 2-ой сборник? Если – нет, пришлите мне ее, но лучше с *оказией* с кем-нибудь: если – да, выйдет, может быть, пришлете мне переписанный экземпляр ее (с вычетом из гонорара за переписку); ужасно, дорогой Разумник Васильевич, – я весь исписался: от переутомления руки-ноги дрожат, а опять-таки изволь переписывать, снова переписывать, а рукописи все распыляются, и ты уже делаешь одно только отчаянное усилие собрать рукописи; пишешь и знаешь: все равно не выйдет нигде в печати. Жить устал: хочется умереть!

Книга моя «Кризис Сознания» разрослась: я как-то последнее время ей отдал много души; и – никому-то она не будет нужна.

Статью «*Александрия*» и «*Жест*»[6] не пересылаю Вам, потому что: 1) не знаю, выйдут ли «*Скифы*», 2) мысль о том, что их надо переписывать, лично потрясает меня (в них до 180 страниц); отдать переписать – дорого: и придется отдать книгу свою издателям, не имея 2-х экземпляров.

Писать статьи в газеты после того напряжения, которое я развил, пишучи книгу, не могу: устал – почти нервно болен: превратился в инвалида. Собрание сочинений – стоит[7]; статьи-рукописи распыляются; средства сношения ломаются; передвижения останавливаются; на улицах слышишь возгласы «буржуй»! В газетах пишут о том, чтобы «*буржуи не смели показываться на улицу в день народного праздника, чтобы не загрязнить чистые струи пролетариата*»[8]... И т.д. Надвигается голод, безденежье, а ты – капут! Измученный, переутомленный, оторванный от возможности работать... Хоть бы в солдаты забрали: был бы причислен, по крайней мере, к порядочному обществу...

Дорогой Разумник Васильевич, простите за этот грустный тон: грустно и пусто мне! Жена – далеко: от нее никаких вестей. Делать мне нечего... Да и не могу работать от переутомления.

Поднимаются голоса, что вообще ничего не нужно: интеллигенция не нужна, культура и наука не нужны... Искусство не нужно...

Что же нам, «*паразитам*», художникам – делать, если наш рабочий станок сломан; и – исковерканный выброшен на улицу...

Остается пойти к станку, учиться ремеслу, или поступить лакеем в ресторан.

Простите еще раз: пишу очень утомленный, в припадках невроза: одышка замучила!..

Вспоминаю наше житье. Мой привет Варваре Николаевне. И – детям.

Сердечно жму руку.

Любящий Вас Борис Бугаев.

Москва 25 апреля 17 года.

Получили ли мое заказное письмо?[9]

[1] Заказное письмо. Почтовые штемпели: Москва. 27.4.17; Царское Село. 29.4.17.

[2] Имеется в виду п.40. Комментарий Иванова-Разумника: «Письмо ИР к АБ от 29 марта 1917 года <...> получено АБ 25 апреля» (Л.12).

[3] См. п.42, примеч.14.

[4] Мануилов – Александр Аполлонович Мануйлов (1861–1929), экономист, профессор, редактор «Русских Ведомостей»; член ЦК партии кадетов, министр народного просвещения в первом составе Временного правительства (ушел в отставку в июле). 29 апреля 1917 г. Белый сообщал Блоку: «Я написал о Тебе статью (должна была пройти в 2-х фельетонах в "*Русских Ведомост<ях>*"). Но, по-видимому, Мануйлов испугался статей, и они пролежали 2 месяца в Редакции, откуда я с трудом выцарапал их. Теперь передал статью в сборник московского "*Клуба*" писателей (есть такой). Когда появится в свет этот сборник, никто не сможет сказать» (*Блок – Белый*. С.334). Статья Белого «Поэзия Блока» впервые опубликована в кн.: «Ветвь». Сборник Клуба московских писателей. М., 1917. С.267-283; под заглавием «А.Блок» вошла в кн. Белого «Поэзия слова» (Пб., 1922).

[5] Подразумевается беловой автограф заключительных глав «Котика Летаева», представленный во 2-й сборник «Скифы».

[6] См. п.14, примеч.5; п.22, примеч.5. «Жест» – исследование Белого «О ритмическом жесте», завершенное в апреле 1917 г. и оставшееся в рукописи; фрагменты из него опубликованы в работе С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова «О стиховедческом наследии Андрея Белого» (Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам XII (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып.515). Тарту, 1981. С.107-108, 132-139. В 1921 г. исследование «О ритмическом жесте» было переработано автором, анонсировалось с пометой «в печати» в кн.: «Северные дни». Сб.II. М., 1922. С.159. К.Н.Бугаева сообщает в этой связи: «"РЖ" был закончен в 1921 году – для издателя Григор<ия> Борис<овича> Городецкого. Перед отъездом за границу Б.Н. передал машинопись (около 120 стр.) В.О.Нилендеру для корректурных исправлений. В декабре 1921 г. В.О., прокорректировав, передал машинопись Г.Б.Городецкому, у которого она и находится ныне. <...> Сведения о "РЖ" записаны со слов В.О.Нилендера в августе 1935 года» (*РГАЛИ*. Ф.391. Оп.1. Ед.хр.66. Л.1). На сегодняшний день этот машинописный авторизованный текст книги «О ритмическом жесте» не выявлен.

[7] Из предполагавшегося многотомного «Собрания эпических поэм» Белого в издательстве В.В.Пашуканиса вышли в свет лишь тома IV («Симфонии» 1-я и 2-я) и VII («Серебряный голубь», ч.1) в 1917 г.

[8] Подобные заявления появились, в частности, в московской большевистской газете «Социал-демократ» (1917. №34. 18 апреля / 1 мая) в связи с манифестациями, приуроченными к 1 мая (18 апреля ст.ст.). В передовой статье (без подписи) «Первое мая и революционная с.-демократия» говорилось: «Одно из двух: или рабочие празднуют свой пролетарский, красный, революционный праздник, или празднует табельный день либеральный обыватель, надевающий то белую, то зеленую, то красную ленточку в зависимости от его "настроения". <...> Мы должны решительно сказать благодушным обывателям: руки прочь! Сегодняшний день – наш день, господа! <...> Нам не нужны ни табельные дни, ни красивые ленточки, ни расплывчатые благожелательные речи, ни всеобщее ликование, – даже тех, кто вчера травил нас. Мы думаем, что на этом празднике не слишком-то место и тем, кто вчера распинался за военный заем Терещенко и К°, а сегодня хочет поговорить на тему о братском единении. <...> Сегодня мы выходим на улицу как *класс*, единый во всем мире, во всем мире противопоставленный силам капитализма. Наше красное знамя окрашено в цвет живой крови, а не обывательской розовой воды». В том же номере «Социал-демократа» Борис Волин в статье «Руки прочь!» писал: «Сегодня корабль международной пролетарской солидарности отправляется в путь к светлым берегам социализма. – И бесконечные подводные животные и растения стремятся к

нему присосаться, чтобы запачкать его чистоту, чтобы замедлить его движение. Улитки и ракушки из "Русского Слова" уже забежали вперед и хотят со всех сторон облепить нас. <...> Рабочему классу не надо ваших славословий, либерально-буржуазные моллюски и раковины. Не присасывайтесь к нашему кораблю Международной Солидарности! Руки прочь от его светлого праздника!».

[9] Подразумевается п.42.

44. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
29 апреля 1917 г. Царское Село[1].

29 апреля 1917. Царское Село.
Колпинская, 20.

Дорогой Борис Николаевич,

очень и очень огорчился я, получив только что «заказное письмо» от Вас (чудо: оно шло только три-четыре дня!). Огорчился, во-первых, потому, что Вы не получили посланной мною после Пасхи бандероли и письма; во-вторых, потому, что так туго идут теперь Ваши (и не только Ваши!) литературные дела; но главное, больно огорчило меня Ваше настроение – я бы сказал даже не подавленное, а раздавленное. Но о главном – речь впереди; а пока отвечу Вам «по пунктам» если и не о главном, то о существенном.

1) «Жезл Аарона» был выслан мною Вам на 4-ый день Пасхи, в корректуре. На всякий случай посылаю сегодня же второй корректурный оттиск.

2) «Скифы» задержались в типографии не по нашей вине; теперь идет уже брошюровка, вопрос о выходе в свет «Скифов» есть поэтому вопрос нескольких дней, или недели.

3) Как только в начале мая выйдут «Скифы» – вступает в силу наше условие, и Вы, начиная с 1-го июня, получаете каждый месяц по 200 р. впредь до погашения всего гонорара.

4) Второй «*скифский*» сборник подготовляется к осени, и я очень и очень просил бы Вас не медлить с продолжением «Котика»[2]. Это и для Вас было бы благом – отвлекло бы Вас от многих тяжелых переживаний и прикрепило бы к любимой и нужной всем нам работе. «Нужной» – если даже и не сегодня, то через пять, десять, двадцать лет. Неужели же Вас не поднимает сознание, что газетная работа (моя теперешняя, например) – умрет вместе со мною, а никому не нужный «Котик» будет жить до конца русской литературы?

5) Печатную часть «Котика» получите в первом «Скифе», остальную часть (предназначенную для «Скифа II-го») – получите в перестуканном на машинке виде недели через две-три, но не позднее конца мая.

6) «Александрия» опоздала для второго «Скифа», – особенно если она пойдет в Ваш сборник «Кризис Сознания». Если «Жест» пойдет туда же – и он пропал для «Скифа»; если нет – с удовольствием отвожу ему место в «Скифе»-втором[3].

7) Статьи Ваши о Блоке – до меня не дошли[4], ничего о них не знаю, узнал впервые из Вашего письма. Очень буду рад их получить – немедленно же напечатаю их. Ускорьте высылку!*

8) Если Вы напишете небольшой (или большой) рассказ – на ту тему, о которой Вы говорили перед отъездом, – место ему и гонорар обеспечены[6]. Пришлите и декабрьское Ваше стихотворение – напечатаю с до-революционной датой[7].

Ну вот и все, кажется, дела. Сбросив их с плеч – перехожу ко второму листу, чтобы поговорить без пунктов, по-человечески. Начну как бы новое письмо.

Р.Иванов

---

29 – IV – 1917.

Вы хорошо знаете, дорогой Борис Николаевич, – как сердечно я Вас люблю (и как человека, и как писателя), а потому и не рассердитесь на мою искренность: письмо Ваше произвело на меня тяжелое впечатление не потому, что «дела» Ваши плохи,

* *Приписка на полях*: Напишите о Клюеве! Место уготовано[5].

что статьи, романы, книги не печатаются (это было бы горестно, но не тяжело), – а потому что дух Ваш раздавлен – не верю, что революцией, но уверен, что Москвой.

И я уверен еще вот в чем: если бы Вы были теперь в Петербурге, то совсем иначе воспринимали бы, чувствовали бы события по-иному. В Москве Вас ежедневно отравляют духовно те «бездельные» (в прямом смысле) люди, которые всю войну просидели в своих кабинетах и писали там статьи о необходимости войны до победы. Не нашлось среди них ни одного честного человека (я очень резок, и Вы меня простите), который понял бы, что нет у него права взывать к войне, сидя за письменным столом. В Германии пошли под ружье шестидесятилетние профессора, призывавшие к войне; видно, в стране «феноменализма» больше честных людей, чем в стране «онтологической Правды».

Теперь пришла революция – первые дни ее мы пережили вместе с Вами. И я уверен – продолжай Вы жить здесь, вне влияния московской разговорной атмосферы – никогда бы Вы не дошли до таких тяжелых переживаний, как теперь. Москвичи, конечно, – в ужасе. Для них революция – гром с ясного неба. Булгаков и Флоренский – как им войти на лоно «демократической республики» с миропомазанием мистического самодержавия? И какую личину надеть на себя хитро-мудрому Вячеславу Иванову? А прирожденный «ка-дет» Бердяев – как снести ему слабость и бессилие «кадетского» Временного Правительства! А Гершензон, с его травлей германцев, с его призывом решения *социальных* и *общественных* вопросов путем *личного* совершенствования – в какой дыре сидит он теперь?[8] Все они – прекраснейшие, умнейшие, великолепнейшие люди, охотно соглашаюсь; но только события наши всех их выбили из колеи, разбили наголову, сбросили со счетов истории.

Конечно – они оправятся. Москва себя еще покажет. Я твердо знаю, что раньше или позже, но будет у нас кровавая «контр-революция» – не романовская, не монархическая, не самодержавная, а «кадетская», с союзниками до черной сотни. Я твердо знаю, что в далеком или близком будущем – Петербург будет для нас Парижем, а Москва – Версалем 1871 года[9]. Я будто воочию вижу, как Гучков и Корнилов (а не они, так духовные их братья и дети) пойдут покорять под нозе «кадетской» Москвы (куда убежит все Временное Правительство) революционный Петербург, в котором у власти будет социалистическая демократия[10]. И тогда – решатся судьбы России и мира – не апокалиптические судьбы, а исторические, ближайшие. Вот тогда наступит день радости для московских Бердяевых, Булгаковых, Флоренских, Гершензонов, всей кадетствующей славянофильщины наших дней, – наступит день их, или их духовных братьев и потомков.

Мало вероятия на то, чтобы удалось избежать этого разделения. И тем более каждый из нас должен решить – где он и с кем он?

Вот почему очень тяжело было мне узнать из Вашего письма (и, скорее, не узнать, а почувствовать), что Вы уже отравлены Москвой, что потухла уже в Вас радость духовного освобождения, что Вы (грубо говоря) готовы были 21 апреля кричать на улицах – «Да здравствует Временное Правительство»[11], что Вы уже боитесь *хода истории вперед*, что Вы рады были бы поставить точку, затормозить, застопорить. Рад, если ошибаюсь; но думаю, что не ошибаюсь. Иначе Вы не обращали бы такого внимания на формы этого движения, не огорчались бы возгласами «буржуй», не говорили бы о тщете и ненужности своих работ. Да, «буржуй» – бывает разный. Один прячется от революции, как и от войны, хотя и кричит «да здравствует!», другой – бросается на войну, если призывает ее, бросается в революцию, если приветствует ее. И он не боится преходящих форм, а верит в душу революции. Вам ли не знать этого?

На арену мира впервые выходит народ, – руки завалены у него черной и спешной работой («ликвидация войны», «социализация земли» и т.п.); он смывает с лица страны искусство, науку, все. Ему не до того. Но разве искусство перестает жить? Разве я не верю, что теперь, сию минуту, «Котик» нужнее тысячи томов революционных рассказов? А с другой стороны – где же поэты, где художники? Как рьяно откликались на войну Брюсовы, Бальмонты и им подобные[12], – кто же поверит их революционному энтузиазму? А молчавшие тогда (Блок[13], Белый и еще немногие) – где же их революционный энтузиазм? Вчера получил я от Блока письмо с жалобами на «ужасную душевную слабость»[14]. А сегодня – Ваше письмо... Разве же это не характерно?

Я знаю – сердце былых «декадентов», былых «символистов» не лежит к революции. Но Вы, дорогой Борис Николаевич, Вы, ушедший от всей этой эстетической и эстетствующей повапленной мерзости, Вы, прошедший через искус духовного ведения, Вы-то как к ним попали? Как можете Вы хоть на минуту стоять в рядах кадетствующего эстетизма – и не убежать от него в ужасе? Как не видите Вы, что идет *мировая революция*, что в России лишь первая ее искра, что через год или через век, но от искры этой вспыхнет *мировой пожар*, вне огня которого – нет очищения для мира?

Не думайте, что о «пожаре» говорю я в реальном смысле. Не о пожаре усадьб и городов говорю я (будут и они, вне нашей воли), а о пожаре духа революционного. И дух этот, испепеляющий – есть дух созидающий. Испуганные «москвичи» (их и в Петербурге много) кричат теперь об охлократии, об анархии, о погибели. И это – от неверия. Я же настолько верю в душу человеческую, что готов даже (со смертью в сердце) принять гибель старых ценностей – ибо верю в творчество новых. И если толпа в безумии своем разрушит и сожжет Эрмитаж, взорвет театры и галереи, разорвет книги всех библиотек – и если я не погибну, противодействуя безумию толпы, то все же ни на минуту не скажу я: «довольно! стой!» – духу революции. Ибо, если надо испить и эту чашу, если надо перейти и через это (чего, верю, не будет), то все же исцеление и новое творчество – еще дальше впереди.

Дорогой Борис Николаевич, – может быть, все, что я здесь говорю, – ненужно, мелко, скучно; и говорю-то я все это скверно, ибо снова вот уже неделю серьезно болен я; но Вы простите меня за все за это. Очень я Вас люблю, и очень больно было бы мне видеть Вас «переваренным» в утробе московского кадетского праздноболтания. Зачем живете Вы в Москве?! Приезжайте опять к нам – вновь окунуться в иные волны. Вы отдохнете и душевно и телесно. Право! В любое время, когда бы Вы не приехали, – кабинет мой снова Ваш, имейте это в виду.

Простите за длинное письмо, – хотел бросить в корзину, да тогда не сумею написать нового. Ну, да Вы поймете.

В заключение – несколько строк о себе. Все эти недели, после Вашего отъезда, живу в колесе; долго ли выдержу – не знаю. Боюсь, что здоровье окончательно изменило. – С утра уезжаю в город, – в редакцию «Дела Народа» (посылаю Вам два-три №-ра с моими статьями)[15]. Редакция наша – на Неве, во дворце Андрея Владимировича[16]; у нас громадные залы, потолки в два света, золоченая мебель, окна на Неву – вообще берет смех; арабская сказка. Там же – вторая газета, в редакции которой работаю, – «Земля и Воля». Возобновляются с мая «Заветы»[17] (напечатаю все, что ни пришлете). Надо подготовлять «Скифы» – II. Видите – одной подлинно литературной работы сколько! А кроме того – в этом же дворце и помещение партии с<оциалистов>-р<еволюционеров>; там работа кипит, как в улье. Попадаю туда утром; дай Бог вырваться к вечеру. А вечером часто – дежурство редактора в ночной типографии до 5 ч. утра. Проснешься – и снова за то же колесо.

Так идет жизнь. Знаю, что всякое колесо – раздавит, что лучше отойти в сторону, но не отойду. А как хотелось бы теперь засесть месяца на два-три, кончить большую книгу[18]... Никогда этого не будет. Но я счастлив буду, если книгу напишете Вы (Вы и напишете), – ибо буду знать, что если бы я (и не один я) не вертелся в колесе, то Вы (и не одни Вы) не написали бы книги. Пишите же «Котика», с нетерпением жду; только, ради Бога, стряхните с себя московский прах – или Вы погибнете, как художник. Искусство не может быть не революционно – Вы это сами знаете.

Простите, дорогой Борис Николаевич, за это письмо, и не медлите ответом[19]. Сердечно люблю Вас.

Разумник Иванов.

P.S. Кланяются Вам Клюев и Есенин. Оба – в восторге, работают, пишут, выступают на митингах[20].

[1] Ответ на п.43.

[2] Подразумевается вторая часть задуманного Белым романного цикла («Моя жизнь»), начатого «Котиком Летаевым».

[3] В авторском примечании к «Жезлу Аарона» сообщается, что статья «О ритмическом жесте» печатается во 2-м сборнике «Скифы» (Скифы. Сб.1. С.203), однако эта публикация не осуществилась (см. примеч.6 к п.43).

[4] Комментарий Иванова-Разумника: «“Статьи”, а не “статья” потому, что АБ писал две статьи о Блоке: одна была позднее напечатана в сборнике “Ветвь”, другая – пропала» (Л.12об.). Между тем Белый запрашивал Иванова-Разумника о рукописи *одной* статьи о Блоке. Возможно, Иванов-Разумник употребил множественное число потому, что указанную статью предполагалось опубликовать в двух номерах «Русских Ведомостей» («в 2-х фельетонах» – см. примеч.4 к п.43). Возможно также, что Иванов-Разумник в своем комментарии имел в виду рукопись статьи Белого, посвященной анализу эвфонической структуры стихотворения Блока «Есть в напевах твоих сокровенных...», запамятовав, что беловой автограф этого текста (12 л.) хранился в его архиве (ныне – в сильно поврежденном состоянии); на рукописи имеется пояснительная помета Иванова-Разумника: «Поэзия Блока. Написано в Царск<ом> Селе 1/II 1917 г., как введение в писавшуюся тогда же статью “Глоссолалия”. Ив.-Раз.» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.3. Ед. хр.63. Л.1). К более позднему времени (июль 1917 г.) относится, согласно свидетельствам Белого, «черновой материал для статьи “Аллитерации в поэзии Блока” (не написано начисто)» («Работа и чтение» // *РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.6).

[5] Статья Белого о Н.А.Клюеве «Песнь Солнценосца», предварявшая публикацию одноименного стихотворения Клюева, был напечатана во 2-м сборнике «Скифы» ([Пг.], 1918. С.6-10).

[6] Возможно, речь идет о замысле, к реализации которого Белый приступил позднее, в начале 1918 г.; см. его рассказ «Человек» (подстрочное примечание: «Предисловие к повести “Человек”, являющей собой хронику XXV века»), опубликованный в журнале «Знамя труда. Временник литературы, искусств и политики» (1918. №1. Июнь. С.22-24). Иванов-Разумник был одним из редакторов этого издания. См.: Андрей Белый. Серебряный голубь. Рассказы. М., 1995. С.292-295; Peterson Ronald E. Andrei Bely's Short Prose. Birmingham, 1980. P.71-77.

[7] Два стихотворения Белого были опубликованы без обозначения даты во 2-м сборнике «Скифы» (С.35-36) – «Война» («Разорвалось затишье грозовое...») и «Родине» («Рыдай, буревая стихия...»), однако первое было написано в 1914 г., а второе – в августе 1917 г. Возможно, что имеется в виду стихотворение «Тела» («На нас тела, как клочья песни спетой...») или «Декабрь 1916 года» («Из душных туч, змеясь, зигзаг зубчатый...»); оба написаны в декабре 1916 г.

[8] Иванов-Разумник развивает здесь применительно к изменившейся общественно-политической ситуации положения своей антивоенной статьи «Испытание огнем»: «...когда Леонид Андреев на тысячи ладов, в десятках статей, возбуждает и призывает к войне, вместо того, чтобы самому идти на нее, когда совершенно так же поступают и “горные вершины” нашего неославянофильства, вроде Вячеслава Иванова и присных его <...> когда они, сидя дома, оправдывают и освящают войну “этической мотивацией”, то нельзя закрывать глаза на всю недостойность их доводов»; «Прочтите искренние, но не всегда умные излияния С.Булгакова, развязные статьи г-на Эрна, умные и всегда “себе на уме” статьи Вяч.Иванова, затем несколько иного оттенка косноязычные статьи Бердяева, наивные статьи М.Гершензона – нет, не иссякла еще Москва славянофилами, есть еще порох в пороховницах!» и т.д. (Скифы. Сб.1. С.277, 278).

[9] Подразумевается расстановка политических сил в период Парижской Коммуны, когда революционному правительству, существовавшему в Париже с 18 марта до 28 мая 1871 г., противостояло правительство А.Тьера, обосновавшееся в Версале.

[10] А.И.Гучков (см. п.41, примеч.7) со 2 марта по 30 апреля 1917 г. был военным и морским министром Временного правительства. Во время кризиса 20-21 апреля генерал Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918), бывший тогда главнокомандующим Петроградским округом, предложил Временному правительству разогнать антиправительственные демонстрации вооруженной силой; после того, как его предложение не было принято, подал в отставку.

[11] Подразумевается состоявшиеся в этот день – в ответ на манифестации сторонников Совета рабочих и солдатских депутатов – массовые демонстрации в поддержку Временного правительства. П.Н.Милюков вспоминает: «...появились многолюдные процессии с плакатами: “Доверие Милюкову!”, “Да здравствует Временное правительство!”. Местами доходило до столкновений, но уже к вечеру 20 апреля – и особенно в течение 21 апреля – настроение, враждебное ленинцам, возобладало на улицах. В ночь на 21 апреля многотысячная толпа наполнила площадь перед Мариинским дворцом с выражениями сочувствия мне» (Милюков П.Н. Воспоминания. Т.2. М., 1990. С.312).

[12] См., например, стихотворения К.Д.Бальмонта «Благовест боя», «Мать», опубликованные в «Русском Слове» 9 ноября 1914 г. О «батальной» поэзии и статьях В.Я.Брюсова перио-

да мировой войны см.: Максимов Д. Поэзия Валерия Брюсова. Л., 1940. С.250-261; Дербенев Г.И. Валерий Брюсов в начале Первой мировой войны // Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973. С.171-188. В статье «Испытание огнем» Иванов-Разумник писал: «Бесконечные легионы версификаторов выливают ушаты неблаговонного остроумия и такой же злобы на Германию. <...> Но вот автор книги "Горные вершины", большой наш поэт Бальмонт: "сатанинские собаки испускают резкий вой" – это он написал про германцев. Не отстает от него Минский, для которого германцы – "бестии" и "сверх-дикари". Не менее решительны в своих выражениях Федор Сологуб и другие наши известные поэты, за очень и очень немногими исключениями. Единение духа и мысли – полное, братское» (Скифы. Сб.1. С.263).

[13] У Блока, однако, также был поэтический отклик на начало мировой войны – стихотворение «Петроградское небо мутилось дождем...», впервые опубликованное в «Русском Слове» 21 сентября 1914 г. под заглавием «На войну».

[14] Подразумевается фраза из письма А.Блока к Иванову-Разумнику от 26 апреля 1917 г.: «Несмотря на ужасную душевную слабость, думаю дозвониться к Вам» (*ЛН.* Т.92. Кн.2. С.404).

[15] В «Деле Народа» Иванов-Разумник регулярно помещал без подписи статьи и заметки в отделе «Печать и жизнь» (их авторская принадлежность раскрыта в составленном им библиографическом перечне своих публикаций: *ИРЛИ.* Ф.79. Оп.1. Ед.хр.144. Л.20); в апреле 1917 г. Иванов-Разумник, кроме того, напечатал в «Деле Народа» отдельные разделы своей большой статьи «Испытание огнем» (см. ниже, п.48, примеч.11).

[16] С апреля 1917 г. адрес редакции «Дела Народа», указывавшийся в газете, – Галерная ул., 27. Этот особняк, другим фасадом выходивший на Английскую наб. (д.28), до революции был дворцом великого князя Андрея Владимировича.

[17] Комментарий Иванова-Разумника: «Основанный в начале 1912 года журнал "Заветы" <...> был закрыт правительством в первый же день начала мировой войны. После февральской революции, весною 1917 года, было предположение возобновить издание этого журнала; однако оно не осуществилось» (Л.14). 27 апреля 1917 г. в «Деле Народа» (№34) было помещено объявление: «В ближайшее время возобновляются изданием ЗАВЕТЫ, журнал революционного социализма под редакцией Виктора Чернова, С.Мстиславского, Иванова-Разумника. Журнал будет выходить два раза в месяц, книжками около 6 печ. лист. Временное помещение редакции и конторы – Суворовский пр., д.32б, кв.3; просят направлять по этому адресу рукописи, книги и письма. Личный прием по делам редакции и конторы – ежедневно от 2 до 4 часов. Ред. С.Постников. Изд. С.Иванчина-Писарева».

[18] Скорее всего, Иванов-Разумник подразумевает свой незавершенный замысел «Критической истории современной литературы», над осуществлением которого он упорно трудился в 1916 г. (см.: *ЛН.* Т.92. Кн.2. С.374, 387).

[19] Вероятно, именно это письмо Иванова-Разумника Белый подразумевает в своих записях об апреле 1917 г.: «Обмен писем с Р.В.Ивановым, уже занимающим ультралевое положение в эс-эровских кругах (между прочим, он – вне партии); в это время образуется группа Камков, Спиридонова, Мстиславский, Трутковский "*et tutti*", среди которых Разумник оказывается *законодателем литер<атурных> вкусов* (не будучи сам в партии "левых эс-эров")» (*РД.* Л.86об.-87).

[20] О сближении Н.А.Клюева и С.А.Есенина весной 1917 г. с кругом петроградских эсеров см.: Азадовский К. Николай Клюев: Путь поэта. Л., 1990. С.198-200. В автобиографии (1923) Есенин отмечает, что в дни революции «работал с эсерами не как партийный, а как поэт. При расколе партии пошел с левой группой <...>» (Есенин С.А. Собр. соч. В 6 тт. Т.5. М., 1979. С.224). Даты и обстоятельства публичных выступлений Клюева и Есенина в марте-апреле 1917 г. не выявлены (ср.: Белоусов В. Сергей Есенин: Литературная хроника. Ч.1. М., 1969. С.108-110, 249-250; Базанов В.В. Материалы к биографии С.А.Есенина // Есенин и современность. М., 1975. С.310-311; Субботин С. Есенин и Клюев: К истории творческих взаимоотношений // «О Русь, взмахни крылами». Есенинский сборник. Вып.I. М., 1994. С.105).

45. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
2 мая 1917 г. Москва[1].

2 мая 17 года.

Милый, милый, горячо любимый Разумник Васильевич,

Спасибо же Вам! Вы не можете себе представить, до чего Вы меня поразили, обрадовали, поддержали «*разносом*». Именно за него, за этот «*разнос*» я Вас вдвое

больше полюбил. Я знал, что мое письмо к Вам – нехороший поступок, что если бы я Вам не верил, я не написал бы Вам этого письма в таком тоне... Этот «*тон*» – просто жалоба, желание услышать разубеждение. Если бы Вы знали, в какую минуту я Вам написал это письмо, Вы бы многое извинили. Видите ли: уже 10 дней я задыхался в припадках моего невроза; я с утра до вечера ходил по «*Москве*» и боролся с контрреволюционным резонерством, с этими праздно растущими «*лопухами*» испугов и злости. И наконец рухнул: куда ни двинешься в Москве, всюду на тебя нападают; и знаете за что? За якобы «*большевизм*» (у Бердяевых меня зовут «*большевиком*»)[2]: в день, когда я Вам написал это отчаянное письмо, – я просто готов был рыдать: с утра мама разводила свои «*лопухи*» (я «*лопухами*» называю «*ахи*» да «*охи*»), так, что у нас произошла неприятность, от которой я сбежал к Бердяевым, где с места в карьер на меня накинулась Лидия Юдифовна (жена Бердяева)[3] за то, что я, дескать, развращаю «*Клуб писателей*» (таковой есть у нас) «*мистическим большевизмом*»[4], что надо, дескать, призывать к «*твердости*» и прочее, а я де строю вредные теории о двоетрое- и много-властии как нужном моменте для перехода к следующему акту всемирно-исторической драмы... Я действительно несколько раз говорил о лжи шовинистической прессы и т.д. (у меня есть моя точка зрения на момент, и когда я развил ее в «*Клубе писателей*», то многие выразили мне сочувствие); так вот: у Бердяевых на меня резко накинулись: Н<иколай> А<лександрович> в отчаянии от меня; и мне было сказано, что так как моя «*антропософская*» точка зрения никому не понятна, то ее понимают писатели упрощенно, как «*большевизм*» всего-навсего, что в таковом виде я *деморализую* де О<бщест>во культуртрэгеров, и что лучше мне молчать: и не выступать со «*смутительными*» речами. Я действительно пришел в отчаяние и заявил, что мне, как вредной бацилле, следует удалиться из России, замолчать и т.д. В самом деле: ужасно обидно было мне. Трудно: куда ни придешь, везде приходится выслушивать горькое... Я действительно пал духом: и, вернувшись домой, настрочил Вам это письмо, которое было какой-то безотчетной, безответственной жалобой. На другой день я жалел о случившемся, что момент *невроза*, *упадка сил* и *просто сомнения* вылился в письме к Вам, и Вы могли подумать, что этот момент является подлинным выражением моего самочувствия.

Дорогой Разумник Васильевич, до чего же я обрадовался Вашим словам: в них отклик на то, что я давно всюду стараюсь вдалбливать «*великолепнейшим*» людям; а именно, что 1) мы переживаем начало мирового переворота, 2) что Россия впервые, быть может, вступает в *свою колею*, 3) что «*двоевластие*» есть начало совершенно нового, небывалого строительства, 4) что циркуляр сменяется драматическим *диалогом*, 5) что я жду «*триалога*» (когда отдельно выступит Совет Крестьянских Депутатов), 6) что Россия инсценирует мистерию, где *Советы* – участники священного действа, 7) что форма правления в России будет текучей: это будет «*форма в движении*», 8) что если мы сумеем вынести еще несколько месяцев эту «*форму в движении*», то a) завертятся втянутые в нашу воронку Мальстрёма[5] все народы Европы, b) что внутри России мы услышим Голос – не партий, а Самой Народной Души, 9) что Россия рождает «*дитя*»[6], 10) что нам надо рассыпаться на маленькие единицы (федеративная Республика – лишь начало этого движения), 11) что рассыпаться страшно, но если мы не обрушимся («*не у́мрем*»), то не обру́шим «*старый мир*» Европы, что мы воскреснем: и – положим начало воскресения! 12) что сквозь все *безобразия* я слышу, вижу прорезь веяния «*Манаса*»[7] – вижу прорезь новой духовной культуры, 13) что, начитавшись «*умных*» речей «*Русских Ведомостей*», я бросаюсь жадно даже к «*Социал-Демократу*», 14) что я радуюсь воистину новой мировой эпохе, видя ритм течения событий у нас, и т.д., – вот за все это меня и считают иные москвичи «*бациллой*». Ах, трудно бывает устоять в этой толчее. И знаете: я воистину радуюсь в «Клубе писателей», видя там... Вересаева (?!?)[8]: меня тянет прочь, прочь, прочь от* наших московских веяний.

Я не умею развить моих мыслей в политическом одеянии; но если бы Вам понадобилась статья, где круг этих идей был бы выражен не в политическом, а в ином культурно-историческом аспекте, то... у меня есть что сказать на эту тему: ах, как хотелось бы поделиться с Вами мыслями, – и знаете: Вы меня страшно соблазняете:

---

* *В автографе:* этот.

знаете, я еще приеду к Вам, если получу отпуск после 17 мая. Можно? Милый Разумник Васильевич, я Вас очень, очень полюбил, как полюбил и тот круг людей, который встречал у Вас. Не думайте, что я изменился с отъезда: я лишь временами, наслушавшись страшных вещей, падаю духом на несколько часов; я *более чем когда-либо* уповаю, что Россия выйдет из того, во что хотят ее загнать «*ужасающиеся*».

Разумник Васильевич, решено: я приеду к Вам после 17-го. Верьте же, я страшно хочу ближе Вас увидеть, и отчасти смыть московскую пыль (за эти два месяца я ужасно много работал: «*Кризис Сознания*» вышел в 18 печ<атных> листов[9], так что переутомился). До 17 мая мой адрес – московский; после 17 мая приеду к Вам, в Царское (видите, я прямо, не спрашивая разрешения, направляюсь к Вам): если заберут, тогда не приеду.

Спасибо, спасибо же за разнос. Вы меня устыдили за минуту слабости. Я устыдился бы еще более, если бы это состояние было длительное. Поймите: ведь Россию я люблю всей силой души. А все, стоящее на физическом плане, ведь очень грозно. Факт бытия нашего от начала Революции – чудо: но, действительно, «*жутко*» жить в чуде.

Разумеется, когда будет контр-революция, меня не будет с «*ними*»; я и сейчас уже едва переношу бердяевские настроения. За Михаила же Осиповича заступлюсь: он очень подмыт Революцией и стихийно, чисто по-юношески разлетелся, да так, что вылетел из всех прежних рамок своих[10]. Пишу Вам поздней ночью: вернулся с митинга, на котором пробыл не менее 5-ти часов.

Мой привет и уважение Варваре Николаевне. Сердечно кланяюсь детям[11].

Остаюсь искренне любящий Вас Борис Бугаев.

P.S. №№ газеты с величайшим прискорбием не получил. Не получил и оттисков. Статья о Блоке нашлась[12]. До-революционные стихи отдал в сборник писателей[13].

Скоро буду писать статьи для Вас. Простите за этот отрывистый тон: сейчас 3 часа ночи. Завтра в 7 часов уезжаю в деревню на несколько дней[14]. Адрес после 17 мая (если не заберут)[15]: *Клин* (Никол<аевская> жел<езная> дорога). Сельцо Демьяново. Имение Танеева[16]. Дача Бугаевой. Мне.

[1] Ответ на п.44. Заказное; почтовые штемпели: Москва. 3.5.17; Царское Село. 5.5.17.

[2] Ср. воспоминания Белого о начале мая 1917 г.: «Еще бóльшее полевение; беседа с Вольским (тогда – большевиком); наша *левая непримиримость* с Гершензоном; хождение по митингам; споры с мамой и с Григоровым; бурное объяснение с Бердяевыми; нас с Гершензоном оглашают "*большевиками*"» (*РД*. Л.87-87об. Упомянутый Белым Н.В.Вольский (Н.Валентинов) в 1910-е гг. был меньшевиком).

[3] Л.Ю.Рапп (1874–1945).

[4] В записях о 22-30 апреля Белый зафиксировал: «Речь по поводу событий в Моск<овском> Рел<игиозно->Фил<ософском> О<бщест>ве. <...> Беседа в "Клубе писателей"» (Жизнь без Аси // *РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1).

[5] Мальстрём – водоворот у северо-западного побережья Норвегии; широко известен благодаря красочному описанию в рассказе Эдгара По «Низвержение в Мальстрем» (1841).

[6] Ср. позднейшее стихотворение Белого «Младенцу» (март 1918 г.): «Играй, безумное дитя, <...> Явись, осуществись, – Россия» (Андрей Белый. Звезда: Новые стихи. Пб., 1922. С.63).

[7] Манас (*санскр.* – ум) – одно из основных понятий древнеиндийской философии: ум в самом широком смысле, охватывающий все ментальные проявления; термин воспринят теософией: «Буквально, "ум", ментальная способность, превращающая человека в разумное и нравственное существо и отличающая его от простого животного <...> *Эзотерически*, однако, это означает, в широком смысле, Высшее Эго, или чувствующий перевоплощающийся Принцип в человеке» (Блаватская Е.П. Теософский словарь. М., 1994. С.269-270; ср.: Андрей Белый. Символизм: Книга статей. М., 1910. С.493, 499-500). В интерпретации Штейнера – самостоятельная духовная форма, духовное «я» человека (Самодух), которое каждый должен в себе развить. По Штейнеру, человечество ныне живет в пятой послеатлантической культурной эпохе, готовящей следующую, шестую эпоху – эпоху Манаса. Согласно его учению, славяне, и в первую очередь русский народ, играют особенную роль в ускорении этого процесса, что, отчасти, объясняет мессианскую концепцию русской революции у Белого (ср., например, заключительные строки его знаменитого стихотворения «Родине», написанного в августе 1917 г.:

«Россия, Россия, Россия – / Мессия грядущего дня!»). См. также: Майдель Рената фон. О некоторых аспектах взаимодействия антропософии и революционной мысли в России // Блоковский сборник XI (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып.917). Тарту, 1990. С.67-81.

[8] О своем общении с прозаиком Викентием Викентьевичем Вересаевым (настоящ. фам. Смидович, 1867–1945) в «Клубе московских писателей» Белый упоминает в записях о марте 1917 г.: «...в этот период левое крыло "Клуба" – еще Бунин (?!?), я, Вересаев против почти всех, правее настроенных» (*РД*. Л.86об.).

[9] Комментарий Иванова-Разумника: «Неоднократное упоминание АБ об этой книге <...> завершается здесь точным указанием на ее размер. Однако – такой книги у АБ нет. Тремя годами позднее, в июле 1920 года <см. п.106. – *Ред.*>, сообщая ИР план двадцатитомного собрания сочинений, АБ озаглавливает "Кризисом сознания" том XVI-ый, включая в него: 1) "Кризис жизни", 2) "Кризис мысли", 3) "Кризис культуры", 4) статью из "Записок Мечтателей" 1921 года, подписанную "Alter Ego", 5) статью "Революция и культура", 6) "Дневник Писателя" из №№ "Записок Мечтателей" за 1919–1921 гг., 7) "Песнь Солнценосца" из II-го сборника "Скифы", статью конца 1917 года, и 8) "Глоссолалию" (написанную осенью 1917 года). Из этих восьми статей последние пять писались позднее мая 1917 года, когда было написано настоящее письмо – и следовательно, не могли входить в "Кризис сознания", законченный к началу мая в большую книгу (18 печ. листов). Правда, в эту книгу должна была войти статья "Жезл Аарона", но она слишком невелика по размеру, чтобы в сумме с тремя известными на<м> "Кризисами" (выше – номера 1-3) дать такую большую книгу. К тому же – и это главное – если судить по записям дневника АБ, то и эти три "Кризиса" были написаны значительно позднее мая 1917 года: запись от июня 1918 года в "Ракурсе к Дневнику" АБ гласит: "Работаю над составлением текста 'Кризиса жизни'... Начинаю 2-ой Кризис, 'Кризис мысли'"... Запись от июля 1918 года: "Вполне подготовляю к печати 2 Кризиса"... Запись от сентября 1918 года: "Быстро дописываю 'Кризис культуры'"... В таком случае – о какой же книге "Кризис сознания", в 18 печ. листов, уже написанной, мог говорить АБ в мае 1917 года? Вопрос разрешается одной из записей в дневнике; отметив летом 1918 года, что пишет "Кризисы", АБ прибавляет в скобках: "т.е. перерабатываю имеющийся материал для отдельной книжки" <...> Отсюда ясно, что к маю 1917 года была готова ненапечатанная позднее книга "Кризис сознания", материал которой АБ годом позднее переработал в три известные нам "Кризиса". См. предисловие АБ к книге "На перевале. I. Кризис жизни" (Изд. "Алконост". П., 1918)» (Л.12об.-13). См. также: Бугаева К., Петровский А., [Пинес Д.]. Литературное наследство Андрея Белого. Указ. изд. С.621. В архиве Белого хранится также 4-я, неопубликованная часть цикла «На перевале» под заглавием «Кризис сознания» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.64); заключительная часть ее (датированная октябрем 1920 г.) ныне опубликована: Андрей Белый. Евангелие как драма. М., 1996 (предисловие Э.Чистяковой).

[10] Речь идет о М.О.Гершензоне. О восстановлении добрых отношений между ним и Ивановым-Разумником после революции косвенно свидетельствует надпись Гершензона на его книге «Тройственный образ совершенства» (М., 1918): «Разумнику Васильевичу Иванову дружески М.Гершензон» // *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.360. Л.7. В некрологическом очерке «М.О.Гершензон» Белый писал о позиции, занятой покойным в 1917 г.: «В том, <...> как откликнулся он на Февраль и Октябрь, – в нем сказался живой современник; когда отступали с проклятием фельетонисты-философы от голосов революции и призывали к культуре, которую даже не нюхали, он в эти миги, далекий от *злоб* фельетонных, ключарь им изученной русской культуры, упорный, музейный работник, – он звал от *гангрены*, которой культура больна, – к революции <...> да, он звал от культуры – к культуре: к культуре культур; звал к процессу рожденья культур из расплавленной, революционной стихии; он звал к становленью культуры – из пыли "*культур*"» (Россия. 1925. №5(14). С.249); о том же – в позднейших мемуарах: «В мае 1917-го – он с горячим сочувствием читал "Правду"; "друзья" – Шестов, Булгаков, Бердяев – распространили весть: Гершензон – "большевик"; он к Бердяеву, жившему рядом, не хаживал <...>» (*МДР*. С.263). Резкое неприятие новых взглядов Гершензона выразил Н.А.Бердяев в письме к нему от 29 сентября 1917 г.: «Как случилось, что к моменту революции, когда расковалась страшная стихия и в темные массы брошены те самые идеи и настроения, которые ты беспощадно осуждал, когда подвергнуты опасности величайшие духовные ценности, ты растерял весь свой духовный багаж, плывешь по течению и употребляешь чуждые тебе уличные слова? И ты начал выкрикивать слова о "буржуазности", о "контрреволюции", "без аннек<си>й и контрибуций" и т.п., хотя слова эти пусты и пропитаны чудовищной ложью. На это больно смотреть. Ужасно, что лучшие писатели в России проявили так мало духовной самостоятельности и не нашли своих слов в самую трудную минуту русской истории. <...> Если ты считаешь возможным нравственно одобрять действия "револ<юционно>й демократии" и защи<щат>ь большевиков, социал-демократов и социали<сто>в-револю<цион>еров, то между нами существует *нравственная* пропасть, мы молимся разным богам» (Вопросы философии. 1992. №5. С.131. Публикация М.А.Колерова).

[11] Лев Разумникович и Ирина Разумниковна Ивановы.

[12] См. п.43, примеч.4; п.44, примеч.4.

[13] Имеются в виду стихи, напечатанные в сборнике Клуба московских писателей «Ветвь» (М., 1917. С.13-15): «Зачем, за что?» («На нас тела, как клочья песни спетой...», декабрь 1916 г.), «Россия» («Луна двурога. Блестит ковыль...», ноябрь 1916 г.), «Из душных туч, змеясь, зигзаг зубчатый...» (декабрь 1916 г.).

[14] Подразумевается поездка к С.М.Соловьеву, переселившемуся из Сергиева Посада в подмосковное имение Дедово. Ср. записи Белого о мае 1917 г.: «Отъезд в Дедово; живу там с неделю <...>» (*РД.* Л.87об.); «*Май* 2-9. Дедово. Холода. Снежный ураган» (Жизнь без Аси // *РГБ.* Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1). 10 мая Белый возвратился в Москву.

[15] Подразумевается возможность призыва на военную службу.

[16] Владимир Иванович Танеев (1840–1921) – юрист, философ, социолог; близкий друг семьи Бугаевых. Белый дал его литературный портрет в воспоминаниях «На рубеже двух столетий» (М., 1989. С.152-162); о Демьянове, где прошли ранние детские годы Белого (в летние месяцы), см. там же (С.163-168).

46. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
5 мая 1917 г. Царское Село[1].

5/V 1917. Ц.С.

Дорогой и любимый Борис Николаевич,

– как Вы меня обрадовали Вашим письмом! Я знал и чувствовал, что настроения прошлого письма Вашего – не Ваши, Вам чужды, мимолетны, – но я боялся, что Вы слишком поддались «Москве», московской утробе, всем этим на-смерть перепуганным кадетским обывателям в роде Бердяева (он еще – высший и лучший из них). Вы в Москве – *один*, а одному трудно устоять душою против натиска всех, соединенной обывательской души. И как же я рад, когда вижу, что Вы – устояли...

Все мысли Ваши (переводя их с языка «софии» на грубый и приблизительный язык «политики») – мои мысли; но они ненавистны всем гуверменталистам[2], всем ярым «государственникам» во что бы то ни стало. «Кадеты» – не дальше революции политической! Правые социалисты – не дальше революции социальной! Левые социалисты – не дальше революции социалистической! А о революции «духовной» – многие ли думают и говорят? Многие ли – подлинно революционеры духа?

А в «Москве» – особенно. «Москва» (и «территориальная» и «всероссийская») – она собирательница, она устроительница, кошель всероссийский у нее на боку, и недаром она от Ивана Калиты «пошла есть». Она ненавидит утробно всяческий федерализм, она требует «сильной власти», – скоро дойдет и до карательных экспедиций, подождите. А с другого конца – она «националистка», ей ненавистны всяческие «интернациональные мечтания» – будь то подлинный рабочий интернационал, будь то антропософия. Вот почему и Вас и меня – подлинный «москвич» должен идейно ненавидеть. И я понимаю – каково Вам жить на положении «заразной бациллы» – без поддержки, одному, одинокому.

Но тем радостнее для меня Ваше письмо; не съела Вас Москва!

А что Вы в Царское к нам собираетесь – чудесно, великолепно! Чем скорее – тем лучше, и чем на дольше – тем лучше! Но имейте при этом в виду следующее:

25-го мая в Москве состоится «Всероссийский съезд партии социалистов-революционеров» (человек съедется до 400)[3]. Съезд продлится дней пять; я *почти* наверное должен буду поехать и принять участие в съезде. Но если так – то одно из двух:

Или – 1) Вы приезжаете в Царское теперь же, как можно скорее, хоть 17-го мая, если нельзя раньше; затем – я уезжаю на неделю с 25 по 31 мая, а Вы живете в Царском; я возвращаюсь к 1-му июня, и мы продолжаем наше прерванное совместное житье.

Или – 2) если Вы не можете приехать раньше конца мая, то мы встретимся в Москве и вместе приедем в Царское.

Мне из этих двух «или» – больше нравится первое: приезжайте поскорее! В Москву я могу и не попасть, хотя и очень хочется.

Так вот, дорогой Борис Николаевич, – ждем Вас; Варвара Николаевна шлет сердечный привет и приглашение. Отдохнете как чудесно! И снова окунетесь в Питере в еще не иссякшую струю революции. Обнимаю Вас крепко и еще раз – рад за Вас очень. В какие удивительные времена мы живем!

Искренне любящий Вас Разумник Иванов.

P.S. – Дела:

1. Статьи Ваши, о которых пишете, – пишите и пишите: буду печатать немедленно! Помните только: а) – о размере (300-400-500 стр<ок>) и б) – о газетном читателе.

2. Оттиски «Жезла Аарона» типография вторично отправила Вам (заказн<ой> банд<еролью>) – 3-го мая.

[1] Ответ на п.45. Написано на бланке изд-ва «Скифы». Ср. запись Белого в «Жизни без Аси» (2-9 мая 1917 г.): «Переписка с Ив<ановым>-Разумником» (*РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1).

[2] От франц. gouvernement (правительство).

[3] Третий съезд Партии социалистов-революционеров проходил в Москве с 25 мая по 4 июня. В нем участвовали 306 делегатов с решающим голосом и 40 делегатов с совещательным голосом.

47. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
5 мая 1917 г. Дедово[1].

5 мая 17 года. Дедово.

Дорогой Разумник Васильевич,

простите меня за невнятицу, которую я Вам настрочил в ответ на Ваше большое письмо[2], которое радостно прозвучало мне (вернулся домой в 1 1/2, на столе лежало Ваше письмо; я его прочел и сразу же схватился за перо, чтобы Вам ответить: оно невнятно от спешки). Тот отклик из Петрограда, который звучит в Вашем письме, есть первый отклик; много я слышал о Петрограде от возвращающихся в Москву. И вести очень тревожные, лишь они, доходили до меня. Теперь буду знать, что в этих «*личных*» впечатлениях «*кадетский*» налет заслоняет все прочее.

Меня тревожит Ваше здоровье: что с Вами? Не черкнете ли несколько строк? Я советую Вам очень-очень отдохнуть основательно: Вы будете скоро страшно нужны; нельзя собой жертвовать в моменте: надо растянуть свои силы в линию времени.

Пишу Вам из Дедова. Только что дошли сведения, что есть уже коалиционное министерство; и что там – Чернов[3]. Это меня порадовало: я всегда читал в «*Заветах*» Чернова с особым удовольствием[4]. Что касается до событий, то... вот в чем сила: мы свергли самодержавный режим, а «*царя в голове*» не свергли[5]. Этот «*царь*» есть абстрактное мышление: систематическая представляемость; Россия же, в материальном составе своем, – плавится: скоро потекут камни; и – станут жидкостью; мы привыкли действительность измерять в неподвижных линиях кристаллических форм: но кристаллы заплавились: стали струями; уразуметь же ритм *струй* невозможно «*систематическим*» сознанием нашим; нужно апеллировать к иному сознанию: к *текучей представляемости*, к текучим формам правления, к текучей «*жидкой*» жизни; если бы мы пришли к конкретно-образному (имагинативному мышлению), мы увидели бы *под хаосом* ритм Нового Космоса; но «*царь в голове*» – абстракция – мешает: революция в голове не произошла; там – господствует старый режим.

Дорогой Разумник Васильевич: тезис моей мысли: «*Взыгрался младенец во чреве*»... России. Может умереть мать: младенец будет жив на удивление всему миру; может умереть он; и – выживет мать. Может быть, будут живы и мать, и младенец. Младенец – «*мировой*»: новая культура (прорезь «*Манаса*» в действительности)[6]; в случае жизни матери и смерти новорожденного – старая культура (Нео-Китай, Нео-Атлантида); в третьем случае: Россия, как ряд федераций, явит миру новые формы жизни, вплоть до социальной. Словом, Россия хочет:

«Я б для батюшки царя
Родила б богатыря»[7].

Батюшка-царь – Царь Небесный: он и будет русским царем: Невидимым. Внешние формы – общинные: будущее России – ряд федераций, ритмизируемых, а не извне (абстрактно) управляемых; словом: суритмическое осуществленье приказов с динамическим (а не статическим) законодательством, имеющим вид драматического диалога, прообраз которого ныне – диалогический бескровный спор между «*Временным Правит<ельством>*» и «*Советом*». Если будет градация *Советов*, диалог усложнится до драматического представления (мистерии): Учредительное Собрание могло бы быть постановкой всероссийской мистерии, если бы в сознании современного русского действительно произошла революция: и – «царь» – был бы свергнут. Но кадеты – особенные защитники этого «*царя*» в виде «Очерков русской культуры»[8] и учебничков по политической экономии. Позитивизм, материализм характеризует их. Помните наш разговор до революции?.. О Милюкове; и – прочем[9]. У них не «*выгорело*». И теперь «*бабариха*» доносит, что Россия рождает не «*богатыря*», а «*неведому зверюшку*»[10]... Нет, я верую, что «младенец» если не рождается сейчас, то по крайней мере в будущем родится; сейчас же: «*Взыгрался во чреве*». Этой веры у меня никто не отнимет, но... когда говоришь о своем собственном «*буржуйстве*», «*ненужности*», «*откинутости*», то..., неужели Вы думаете, что во мне внутренно не засел «*буржуй*». Сообразно толкованию Доктора, Вагнер – двойник Фауста[11]: он – Фаустов не свергнутый до конца «*царь в голове*». Фауст, мятущейся, текучей частью сознания своего созерцающий знак Макрокосма; и – нерасплавленной еще частью тоскующий по комфорту: «Мне холодно, голодно, неуютно в беспочвенном кипении мира». И – вот: все, что пишу Вам, это я все время развивал среди людей, за что меня прозвали «*большевиком*» иные из кадетствующих москвичей, а все же: под влиянием страхов, «*приезжающих из Петрограда*» и т.д., просто личной переутомленности, – вдруг прорежется Вагнер и запищит: «*Почвы нет, холодно, неуютно*»... Отнесите же письмо мое не ко мне, а к внутреннему *буржую*, *Вагнеру*, по временам приходящими* ко мне и минутами мной овладевающими (когда болит сердце, тоскуешь, не понимают окружающие, переутомлен и т.д.). В одну из таких минут и слетело с души мое письмо к Вам.

Вот потому-то я так благодарен Вам за Ваше уличение «*Вагнера*» во мне (не смею себя считать Фаустом, но ведь в каждом из нас есть и *Фауст*, и *Вагнер*: и спор их друг с другом: Фауст, вполне освободившийся от Вагнера, – уже не Фауст, а... доктор Марианнус)[12]. Дорогой Разумник Васильевич, еще раз Вам спасибо. Получили ли Вы мой пространный ответ Вам? Если письмо пропало, то... повторю еще вкратце: Ваше письмо ужасно укрепило и поддержало меня. Если бы Вы смолчали, то это было бы «*faire bonne mine a mauvais jeu*»**: Вы это не сделали и поставили точки на «*i*»: урок – «*внутреннему буржую*» во мне. Спасибо: я не весь – «буржуй». Смею думать, во мне его меньше, чем в многих, меня окружающих: «*буржуй*» в них вопит. И все покрывается лопухами страха. Не жизнь, а «*страхованье*» какое-то господствует в ряде московских домов. Пойдешь туда, пойдешь сюда – на тебя машут руками: «Молчите, вы – мистик-идеалист: и распространять теперь бредни мистики на политические темы – опасно, гнусно и т.д.». Вот что чувствуешь вокруг себя. И задумываешься: «Может быть, действительно: ты – ничего не понимаешь. Россия – гибнет, а ты, жалкий мистик, да еще "*антропософ*", говоришь о каком-то младенце...»

Тогда опускаются руки, и... из теневого угла комнаты просовывается... Вагнер.

17-го мая мой осмотр[13]. После семнадцатого поеду отдохнуть: либо под Клин (если получу отсрочку), чтоб потом навестить Вас, либо прямо к Вам, в Царское, на недельку. В Клину (там, где я буду жить) всё сплошь старые профессора-брюзги. Боюсь, они меня заедят. Адрес мой после 17-го: Клин (Ник<олаевская> жел<езная> дорога). Демьяново. Имение В.И.Танеева. Дача Бугаевой. Мне[14]. Привет Варваре Николаевне и детям. №№ газеты с Вашими статьями не получил.

Остаюсь искренне преданный и любящий Вас Борис Бугаев.

[1] На конверте почтовые штемпели: Москва. 8.5.17; Царское Село. 10.5.17.

---

* *В автографе:* приходящих.

** *«делать хорошую мину при плохой игре»; «улыбаться при проигрыше» (фр.).*

[2] Имеются в виду п.44 и 45.

[3] 2 мая 1917 г. А.И.Гучков и П.Н.Милюков вышли из состава Временного правительства, а 5 мая был сформирован новый его состав. Это было первое коалиционное правительство князя Г.Е.Львова. Виктор Михайлович Чернов (1873–1952) – один из основателей и ведущий теоретик партии эсеров, занимавший центристские позиции в ней в 1917 г., в первом коалиционном правительстве стал министром земледелия. Чернов – почетный председатель на третьем съезде партии в конце мая 1917 г.; позднее – председатель Учредительного собрания.

[4] В.М.Чернов был одним из руководителей журнала «Заветы», выступал там с публицистическими и экономическими статьями.

[5] Ср. запись Белого об апреле 1917 г.: «Участие в диспуте Моск<овского> Рел<игиозно->Фил<ософского> О<бщест>ва (на котором я предлагаю "*свергнуть царя в голове*")» (*РД*. Л.87).

[6] См. примеч.7 к п.45.

[7] Цитата из «Сказки о царе Салтане...» (1831) А.С.Пушкина.

[8] Намек на «Очерки по истории русской культуры» в 3-х частях (4-х книгах) П.Н.Милюкова, вышедшие в свет в 1895–1903 гг. и неоднократно переиздававшиеся.

[9] Комментарий Иванова-Разумника: «Разговор имел содержанием утверждение ИР, что чем "кадеты" (в их числе и Милюков) "левее" до революции, тем более "правую" контрреволюцию они возглавят, когда революция придет» (Л.13об.). Павел Николаевич Милюков (1859–1943) – историк, публицист, один из организаторов и лидеров партии кадетов. Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства.

[10] «Сватья баба Бабариха» в «Сказке о царе Салтане...»; с ее помощью царя извещают, что «родила царица в ночь» «не мышонка, не лягушку, а неведому зверюшку».

[11] Вагнер – ученик Фауста в трагедии Гете. О толковании Р.Штейнером («Доктором») «Фауста» см.: в автобиографических записях Белого об августе 1915 г. (*МБ*; Минувшее. Вып.9. Paris, 1990. С.425-426; 439-440).

[12] Doctor Marianus (Возвеститель почитания Богоматери) – образ, являющийся в заключительной сцене 2-й части «Фауста» Гете.

[13] Очередной срок явки в связи с воинской повинностью.

[14] 17 мая Белый уехал в Демьяново, где жила тогда его мать. Белый вспоминает в этой связи: «На конец мая уезжаю в Демьяново; встреча с проф. Богоявленским, К.А.Тимирязевым, В.И.Танеевым, Лепковскими, Гнесиной» (*РД*. Л.87об.).

48. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
17 мая 1917 г. Москва[1].

Глубокоуважаемый и дорогой Разумник Васильевич,

Как Вы меня обрадовали своим приездом в Москву[2]. Если я буду не взят на военную службу, то хотелось бы так много Вам сказать: и много, много видеться; но... Вы, вероятно, будете заняты. Кажется, мне не имеет смысла к Вам ехать до 24-го, ибо, вероятно, не ранее 20, 21-го решится моя участь с воинской повинностью. Так что жду, очень жду Вас! Но... проедете ли Вы? Сериозно: передвижение теперь так затруднено, что мне думается: попасть в Москву, или в Петроград – чудо. Получил Ваше второе письмо[3] (получили ли Вы мое второе, из Дедова?). Мне страшно радостно, что мои мысли в Вас находят отклик. Мне все более и более становится ясным, что трагедия нашего положения есть трагедия абстрактного дневного сознания, долженствующего жертвенно сойти в ночную стихию черноземной, астральной плоти народа, дабы... из соединения бесплодной доктрины с плотью народа родилось в России иное, живое сознание: Манас, Дух. Но... «*царь в голове*», абстракция, пугается хаоса: отступает в ужасе: «*О, страшных песен сих не пой*»[4]. Да и действительно, страшно: не за себя – за Россию. Вы знаете – с утра до вечера живешь в волне грозных слухов о развале армии, о бесчинствах солдат; и хотя веришь, веришь, веришь в Россию, – становится эмпирически страшно. Что будет завтра? Бумажные деньги, голод, холод, развал, анархия – все эти призраки хотят воплотиться в действительность: и когда хочешь говорить о том, что надо уповать, что есть подлинно «*новое*» в окружающем, что Бог Россию не оставит, тебе возражают резонно: «Оставьте эти прекрасные упо-

вания: завтра – нечего есть, мы – на границе полного банкротства. Армия – разваливается. Свобода – в опасности». И тогда чувствуешь стыд и бестактность высказывать бодрые, как бы усыпляющие мысли (журавля в небе), когда нет и синицы[5], когда «*синица*» – условия существования на физическом плане рушатся. Если Скобелев, Керенский, Мякотин[6] заявляют, что отечество в опасности, то – это уже не заявления «*Гучковых и К°*»; становится страшно, и душа испытывает раздвоение: упование и отчаяние, вера в Россию, в ее духовный размах, в ее ритмический жест, в то, что немо говорит с твоею душою. Вспоминаю характеристику из «*Серебр<яного> Голубя*»: «Уста ругают, а глаза – благословляют»[7]. Это раздвоение замучило меня. Я часто физически болен от этого сосуществования двух нот в себе: главное – все усилие твое уповать разбивается о фактические сообщения людей, что делается там-то и там-то: ты мечтаешь о прорезях культуры Духа в России, а пока... солдаты завладевают Саратовом[8]; несколько миллионов дезертиров инфецируют Россию, как заявляют вокруг; ты ясно видишь, как во многие сообщения примешивается злость, подчас «*контр-революционные*» ноты, тебе противные, но... факты остаются фактами: и сердце больно сжимается за то, что происходит вокруг.

Дорогой Разумник Васильевич, у меня есть *до Вас* просьба: из Лондона вернулся мой хороший знакомый Н.А.Маликов, сын известного толстовца, высланный «*старым режимом*» за сочувствие эс-эрам[9]. Он служил в русском промышл<енном> комитете (военном) в Лондоне и приехал нарочно, чтоб служить в армии и быть полезным (он – хороший химик и механик); но высшего образования не успел кончить. Мечтает он поступить в какую-нибудь военно-инженерную или вообще техническую школу; такие школы есть в Петрограде и их нет в Москве. Я вспомнил, что С.Д.Масловский – секретарь Николаевской Военной Академии. Не может ли он что-нибудь фактически предпринять или фактически указать, куда Маликову обратиться. Маликов собирался ехать в Петроград. Если Вы приедете, то можно будет мне представить Вам Маликова. Если С.Д.Масловский будет в Москве, то не примет ли он его? Этот юноша очень милый, чистый и дельный. Еще в бытность мою в Лондоне (в августе) он *рвался* служить в Россию[10], но фактически не мог вернуться. Если Вы случайно увидите С.Д. до приезда Вашего, может быть, Вы будете столь любезным спросить его, стоит ли Маликову ехать в Петроград хлопотать о поступлении, и если стоит, то – куда ему обратиться (он – человек бедный, и ехать зря в Петроград ему трудно; между тем, мы в Москве ничего не знаем об условии поступления). Простите, что я пристаю к Вам со всем этим[11].

Очень, очень хочу писать в газетах двояко: хочется высказать кое-какие мысли; и надо подумать о заработке. Но до призыва не стоит приниматься. Далее: если отпустят, засяду за «*Котика*». Что сказали бы Вы, если б к осени (ко 2-ой части «*Скифа*») я приготовил бы листов 5-6 печатных (у меня есть план: сжатия 2-ой части в 5-6 печ<атных> листов и присоединения их к 1-ой части[12]: 9 *частей* от этого выиграют, ибо 2-ая часть носила бы промежуточный характер лишь: ее проще сделать продолжением и развитием первой. Но откладываю все это до личного свидания. Если не приедете 24-го, то известите. Жажду Вас видеть: есть много интересного Вам рассказать.

Получил 4 номера «*Дела Народа*»; с глубоким удовлетворением прочел Ваши статьи, но... как Вы неумолимы к Булгакову, к Гершензону[13]. Булгаков переживает сериозный, сложный, мучительный процесс, который Вы упрощаете, а Гершензон совершенно искренне и алогично летит стихийно со стихийною волной. Он – человек эмоции; и как 2 года назад он гремел, так и сейчас он с огромной искренностью и детскостью поклоняется *доброте* русского народа.

Присоединяясь принципиально к Вашим статьям и любуясь ими (они написаны с лично выношенной болью), их яркостью, я хотел бы от Вас защитить Бердяева, Булгакова, Гершензона (например: Бердяев весь в первые дни отдался порыву: говорил речь к не сдавшимся Революции войскам, пробился в Манеж, уговаривал офицеров присоединиться к движению и т.д.)[14]. Вина Бердяева – идеологическая абстрактность; и оттого-то он: искренне будучи лев (левее других) в старом строе, сейчас афиширует себя ***правее***, чем он есть по существу...

Но довольно. Скоро надеюсь говорить с Вами лично.

Остаюсь глубоко любящий Вас Борис Бугаев.

P.S. Корректуры «*Жезла Аарона*» не пришли: с почтой Бог знает что творится.

[1] Ответ на п.46. На конверте почтовые штемпели: Москва. 17.5.17; Царское Село. 19.5.17.

[2] Подразумевается предстоящий приезд на партийный съезд (см. п.46, примеч.3).

[3] Имеется в виду п.46.

[4] Цитата из стихотворения Ф.И.Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?..»

[5] Образы распространенных пословиц: «Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки», «Лучше синица в руки, чем журавль в небе».

[6] Матвей Иванович Скобелев (1885–1938) – член 4-й Государственной думы, меньшевик. Заместитель председателя Петроградского Совета, министр труда (май-июль 1917 г.) в первом коалиционном кабинете Временного правительства.

Александр Федорович Керенский (1881–1970) – адвокат, депутат 4-й Государственной думы. Трудовик, с 1917 г. эсер. Заместитель председателя Петроградского Совета. Во Временном правительстве министр юстиции (март-апрель 1917 г.), военный и морской министр (май-август), с 8 июля – министр-председатель, с 30 августа – Верховный главнокомандующий. С 1918 г. – в эмиграции.

Венедикт Александрович Мякотин (1867–1937) – публицист, один из редакторов «Русского Богатства»; с марта 1917 г. член исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от возродившейся Партии народных социалистов; 11 мая по постановлению Временного правительства вошел в Особое совещание по выработке положения о выборах в Учредительное Собрание. На Первом Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов (4-28 мая 1917 г.) избран в Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов.

[7] Неточная цитата из гл.6-й романа (главка «Ловитва»): «Уста последними тебя обругают словами в то время, как тонут очи в ясной заре; уста бранятся, а очи благословляют» (Андрей Белый. Серебряный голубь. М., 1989. С.301).

[8] Подразумеваются разгромы винных магазинов и погребов, учиненные в Саратове 27 апреля 1917 г.: «Были вызваны пожарные команды, конные и пешие артиллерийские и армейские солдаты. Буянов окружили, частью арестовали, частью увели товарищи в свои роты <...> До позднего вечера по городу ходили под ружьем команды солдат и разъезжали верховые» (Буйство солдат // Русское Слово. 1917. №94. 28 апреля); на следующий день «Военный комитет и комитет рабочих и солдатских депутатов издали постановление, воспрещающее устройство в течение трех дней всяких уличных митингов, собраний и манифестаций, ввиду беспорядков, вызываемых хулиганами, провокаторами и темными силами» (После разгрома винных погребов // Там же. №95. 29 апреля).

[9] Александр Капитонович Маликов (1841-1904) – судебный следователь из крестьян, публицист, в 1860–1870 гг. арестовывался и ссылался за революционную пропаганду; в 1875 г. эмигрировал в Америку, где жил два года в основанной им земледельческой коммуне, затем вернулся в Россию. Знакомый Л.Н.Толстого; проповедник учения о «богочеловечестве»; в незавершенном философском этюде Толстого «Собеседники» (1877–1878) Маликов выведен под фамилией Майков (см.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.17. М., 1936. С.369-385; 732-736 – комментарий В.Ф.Саводника). Его сын, Николай Александрович Маликов, приехал в Дорнах в июне 1914 г. к своей сестре, Екатерине Александровне Ильиной, антропософке, переводчице сочинений Штейнера; участвовал в постройке Гетеанума. В «Воспоминаниях о Штейнере» (Указ. изд. С.280) Белый пишет о нем: «...студент "М", химик, с Эккартштейн производил опыты в лаборатории по добыванию красок». Записи Белого, фиксирующие события первого дня по возвращении из Дедова (10 мая 1917 г.), включают сообщение: «Приезд Маликова» (*РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.1).

[10] Белый общался с Н.А.Маликовым во время своего пребывания в Лондоне 20-25 августа 1916 г., в ходе путешествия из Швейцарии в Россию (см.: *РД*. Л.79об.). Возможно, впечатления Белого от встречи с Маликовым в Лондоне отразились в «Записках чудака» – в образе «друга, переменившего климат Швейцарии на пронизающий сыростью лондонский климат» (Андрей Белый. Записки чудака. Т.2. М.; Берлин, 1922. С.40).

[11] С тем же ходатайством Белый обратился непосредственно к С.Д.Мстиславскому в недатированном письме (относящемся, по-видимому, к тому же времени): «Н.А.Маликов, мой хороший друг, вернувшись из Лондона, хочет попасть на военную службу.<...> Он – хороший химик и хотел бы быть минером или чем-нибудь подобным. <...> Н.А.Маликов за принадлежность к "эс-эрам" был выслан русским правительством. Н.А.Маликову я очень симпатизирую. Вспомнив, что Вы близки к Николаевской Военной Академии, я и прошу Вас очень за Н.А.Маликова» (*РГАЛИ*. Ф.306. Оп.1. Ед.хр.115).

[12] Под «1-ой частью» подразумевается весь текст «Котика Летаева», ранее представленный в «Скифы».

[13] Комментарий Иванова-Разумника: «Напечатанные в "Деле Народа" отдельные главы из "Испытания огнем", статьи ИР» (Л.13об.). Эти главы печатались в газете в виде самостоятельных статей: «О "единении всех"» (№27. 18 апреля), «Война и "справедливость"» (№29. 21 апреля), «"Философия" войны» (№32. 25 апреля), «Война и социализм» (№38. 2 мая; №44. 9 мая); позднее была напечатана также восходящая к «Испытанию огнем» статья Иванова-Разумника «К новому миру» (№58. 26 мая). Критику воззрений С.Н.Булгакова и М.О.Гершензона содержит статья «"Философия" войны» (ср.: Скифы. Сб.1. С.277-282).

[14] Эпизод, о котором упоминает Белый, детально описан в примечаниях Е.Ю.Рапп к книге Н.А.Бердяева «Самопознание (Опыт философской автобиографии)» (Изд.3-е. Paris, 1989. С.262): «В дни Февральской революции активность Н.А. выразилась лишь в одном необычайном, героическом поступке. Я очень хорошо помню этот день. Из Петербурга доносились вести о начавшейся революции. По улицам Москвы шли толпы, из уст в уста передавались самые невероятные слухи. Атмосфера города была раскаленной, казалось – вот-вот произойдет взрыв. Мы, Н.А., сестра и я, решили присоединиться к революционной толпе, которая двигалась к манежу. Когда мы приблизились, манеж уже был окружен огромной толпой. На площади около манежа стояли войска, готовые стрелять. Грозная толпа все ближе и ближе подходила, сжимая тесным кольцом площадь. Наступил страшный момент. Мы ожидали, что вот-вот грянет залп. В этот момент я обернулась, чтобы что-то сказать Н.А. Его не было, он исчез. Позже мы узнали, что он пробрался сквозь толпу к войскам и произнес речь, призывая солдат не стрелять в толпу, не проливать крови... Войска не стреляли. До сих пор мне кажется чудом, что здесь же на месте он не был расстрелян командующим офицером».

49. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
26 мая 1917 г. Москва* [1].

Дорогой, глубокоуважаемый Разумник Васильевич,
сегодня 26-ое мая. И мне ясно, что Вы не приехали в Москву. А я с каким-то удвоенным ожиданием сидел в Москве, думая, что Вы приедете (признаться, оттого и не поехал в деревню); ждал я Вас потому, что при всем огромном желании видеть Вас, мне ясней и яснее, что я к Вам не приеду. И вот почему: я получил 2 месяца отсрочки, т.е. до середины июля[2]. Уже надвигается июнь, и мне надо засесть за «*Котика*»[3], чтобы написать ту порцию, которую написать надо; т.е. надо мне уйти в полную тишину (деревенскую), а переезды все-таки ужасно ослабляют (и еще теперь: переезды ужасны). Между тем, чувствую какое-то ослабление. Поэтому: у меня просьба к Вам; просьба эта касается вот чего: скажите мне совершенно откровенно; могу ли я в течение летних месяцев (июня-июля-августа) рассчитывать на гонорар за «*Котика*» и за статью[4] («*Скифы*», по-видимому, не вышли); у меня полный экономический кризис; т.е. я не смогу высылать жене и 100 рублей в полтора месяца, ибо I) должен платить за дачу (так я обещал)[5]; поэтому: 200 рублей, которые мне платит Пашуканис[6] (и которые не гарантированы ничем – может и не заплатить) мне совершенно не достаточны для жизни; и у меня была надежда, что с июня я могу рассчитывать на гонорар за «Котика»; но «*Скифы*» не вышли; и – следовательно: я не могу рассчитывать на гонорар. II) Могу ли я рассчитывать на газетную или журнальную работу в «Заветах»[7]: 1) я могу писать статьи, 2) могу писать статьи для «*Заветов*». Статьи для газеты могу писать в стиле Ваших; и – на более литературные темы. Поэтому: ответьте мне, так сказать, деловым образом; стоит ли мне сериозно приняться за газетную работу. И – будете ли Вы печатать (газетная работа не помешает «*Котику*»; я буду писать по фельетону раза 2-3 в месяц). Так что, дорогой Разумник Васильевич, ответьте мне: 1) могу ли рассчитывать на гонорар «*Скифов*», 2) могу ли сериозно рассчитывать на работу и заработок в с-р-вских газетах и в «*Заветах*». Пишите мне на адрес. Никол<аевская> жел<езная> дорога. Станция Клин. Имение «*Демьяново*» (В.И.Танеева). Дача Бугаевой. Мне. И если можно, черкните скорее.

Вторая моя просьба вот в чем: мой друг, Николай Александрович Маликов (сын толстовца Маликова и эмигрант) вернулся из Лондона, где он последнее время служил в военном Комитете. Прежде он был «*эс-эр*», за что и был выслан русским правительством. Война застала его в Дорнахе, куда он приехал к сестре (*антропософке*[8]

---

* *Над текстом – помета рукой Иванова-Разумника*: 26 – V– *1917*.

и моего друга)[*]. Н.А.Маликов прожил в Дорнахе год от весны 1914 до осени 1915 года, когда уехал в Лондон (в колледж); Н.А.Маликов давно стремился в Россию; ему хотелось быть полезным в каком-нибудь военном деле: он – хороший химик и физик (хотя Университета еще не окончил); осенью, проездом через Лондон, я все время проводил с Н.А., видел, как он томится там: ему хотелось дела в России и он готов был ехать, хотя бы для того, чтоб попасть... в тюрьму. Теперь Н.А.Маликов хочет поступить в какое-нибудь училище или на какую-нибудь службу; ему хотелось бы быть, например, *минером*; и у него все данные на это: он находчив, талантлив, как химик, и т.д. Но в Москве таких учреждений нет. Тут я и вспомнил, что С.Д.Масловский – секретарь Николаевской Военной Академии. Может быть, он будет настолько любезен, помочь Н.А.Маликову или направить его куда-нибудь, орьентировать что ли. Н.А.Маликов и до сей поры «*эс-эрских*» взглядов. Мы очень близки с ним во взгляде на современное положение. Может быть, Вы или С.Д.Масловский можете дать ему какие-либо указания. Или, быть может, можете его направить к Керенскому или кому-либо из эс-эров, военных. Этот юноша мне очень симпатичен: он очень честен, чуток; что-то есть располагающее к нему. Между нами: он – «*антропософ*»; и весь его подход к антропософии какой-то деликатный, стыдливый: подход «*про себя*». Ввиду того, что он просил меня, не могу ли я ему указать кого-нибудь, кто мог бы его направить (он – изложит Вам, что ему нужно), я подумал, что если бы Вы направили его к кому-нибудь (например, к С.Д.Масловскому), то вероятно бы ему стало ясно, куда ему обратиться, чтобы осуществить свое давнишнее желание: быть полезным, быть в каком-нибудь деле. Простите, что удручаю Вас просьбою.

Дорогой Разумник Васильевич, на днях пишу Вам лично: это письмо чисто деловое. Я боюсь, что письма пропадают: не напишете ли Вы мне ответ на мои вопросы (литературные), не дадите ли Н.А.Маликову оттиск «О слове в поэзии», которого я все не получил: он, возвращаясь в Москву, сможет доставить оттиск мне. Не дадите ли Вы Ваше письмо мне Н.А.Маликову (проездом в Москву он бросит его в почтовый ящик, или отправит из Москвы в Клин). Если Вам есть что передать, то передайте все, что имеете (например: несколько № «*Дела Народа*», здесь в Москве газеты не достанешь).

Мне ужасно прискорбно, что мы не увиделись, что времена таковы, что, действительно, становится трудно передвигаться и сообщаться.

Я заранее благодарен Вам за ответ и за Н.А.Маликова.

Остаюсь искренне любящий Вас и преданный Вам

Борис Бугаев.

Варваре Николаевне мой сердечный привет. Детям привет.

[1] На конверте помета красным карандашом: «1917»; конверт без марки. Письмо было послано с оказией – с Н.А.Маликовым (об этом сообщается в п.51).

[2] В открытке, отправленной матери в Демьяново, видимо, несколькими днями ранее, Белый сообщал: «...меня освободили на 2 месяца. До 19 июля я свободен. Не могу приехать до... 28-го, 29-го, потому что жду Иванова-Разумника в Москву. Хочется на воздух. Может быть, придется остаться в Москве до заседания Рел<игиозно->Фил<ософского> О<бщест>ва» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.359. Л.228).

[3] Подразумевается следующий за «Котиком Летаевым» роман автобиографического цикла.

[4] Подразумевается статья «Жезл Аарона (О слове в поэзии)», печатавшаяся в 1-м сб. «Скифы».

[5] Дача в Демьянове, где жила летом 1917 г. А.Д.Бугаева.

[6] Указывается ежемесячная денежная сумма, которую получал Белый в счет гонорара за свое «Собрание эпических поэм», принятое к печати Издательством В.В.Пашуканиса.

[7] См. примеч.17 к п.44.

[8] Екатерина Александровна Ильина (ум. в 1933 г.). См. п.48, примеч.8, 9.

---

[*] *Так в автографе.*

50. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
15 июня 1917 г.[1]

15/VI 1917.

Дорогой Борис Николаевич!

1. Занят – выше головы!
2. Напишу подробно на днях.
3. «Скифы» выходят 25 июня[2].
4. С Н.А.Маликовым посылаю *в третий раз* корректуру[3].
5. Пишите и присылайте мне в «Дело Народа» – все; все напечатаю.
6. Крепко люблю Вас, обнимаю и прощаюсь до следующего письма.

Ваш Р.Иванов.

[1] Ответ на п.49.

[2] К указанному сроку 1-й сборник «Скифы» в свет не вышел.

[3] Речь идет о корректурных оттисках статьи Белого «Жезл Аарона (О слове в поэзии)».

51. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
16 июня 1917 г. Демьяново[1].

17 года. 16 июня. Демьяново.

Глубокоуважаемый и дорогой Разумник Васильевич,

– три недели (нет, больше) послал Вам письмо с моим знакомым Маликовым (деловое)[2]; через неделю послал Вам длинное письмо[3]. Маликов – пропал, точно в воду канул. От Вас тоже ни звука[4]. Люди уже, уехав куда-нибудь, не приезжают обратно; письма не доходят: личные и деловые сношения обрываются; словом: жизнь в России принимает внешние формы Персии или... даже... Бушмении (почты нет, телеграфа нет, передвижения почти нет и т.д.). У меня развивается ужас к передвижению: уедешь куда-нибудь далеко от Москвы, и – не вернешься обратно. Москва же притягивает меня, потому что в Москву приходят Асины письма[5]. У нас говорили, что скоро станут железные дороги: это-то обстоятельство и удержало меня от поездки в Петроград (Ася – больна, и я мучаюсь от письма до письма).

Много есть что сообщить Вам и делового, и личного, да... все равно: письмо пропадет. Поэтому хочу только улыбнуться Вам на расстоянии и пожелать доброго здоровья. Как Вы себя чувствуете? Здоровы ли? Берегите себя... Очень я Вас люблю, дорогой Разумник Васильевич; и – часто вспоминаю.

О себе писать нечего: живу то в Дедове, то в Демьянове; и очень измучен: с мамой тяжело (она все ужасается), Ася – больна и лечится в Локарно (посему ездил в Москву и искал работы: теперь пишу брошюру «*Искусство и революция*»)[6]. Что же касается событий нашей жизни, то... (ведь я сужу по газетам, и Вы опять меня будете бранить). История с Гриммом[7], Кронштадт, Севастополь[8], 10-ое июня[9] и т.д. – вряд ли это может вселять чувства радости... Да, Разумник Васильевич, мне мучительно больно: я же Россию люблю, я же *русский*... Я верю в русский народ, но... когда мне рассказывают, как в лазаретах раненые занимаются тем, что угрожают выкинуть сестер милосердия из окна, когда по Москве расхаживают дворники в процессиях, вследствие чего Москва стоит 2 недели невыметенная и начинаются глазные и горловые болезни[10], а когда идет ливень, то вследствие засорения труб – Москва «*всплывает, как тритон*»[11], и останавливаются трамваи, когда видишь толпы пьяных, видишь истерзанных дико-ожесточенных солдат, с руганью чуть ли не выпихивающих дам из трамваев, когда видишь плюющих семячки и топчущих газоны тех же солдат, когда у центральных бань видишь среди бела дня ораву проституток и солдат, начинаешь думать, что детям и дамам неприлично показываться в центре города; и поколику все это связано с пропагандою «*большевиков*» (ибо успех этой пропаганды прямо пропорционален росту пыли, разврата и пьянства и обратно пропорционален свободе и порядочности), то начинаешь понимать: большевики, загрязняющие города и пропагандирующие чуть ли не резню офицеров во имя спасения от контр-революции,

и суть сама эта «*контр-революция*»... Да: мы в центре «*контр-революции*». И она идет не справа, а... «*слева*». Я предвижу следующую картину России: *июль* – диктатура Ленина и дифференциация «*большевиков*» на правых и левых: справа станут Ленин и К°, в центре – кронштадтские «*истязатели*», слева – социал-диачок Минин; *август* – возвращение Илиодора в Саратов[12] и поход социал-дьячка Минина, освобождающего Россию от гнета «*большевиков*». Сентябрь – появление князя Пожарского. Октябрь – вместо Учредительного Собрания – избрание Михаила на царство[13]. И все это – под «*левым знаменем*». Вспоминаю свой фельетон, написанный в 1907 году и называющийся «*Левое устремление*»[14]... Мне иногда начинает казаться, что линия полевения есть круговая и что все разговоры о контр-революции «*справа*» исходят из догматического предположения, что градация партий расположена по прямой, а не по кругу. Не знаю: я был на митинге в «*Большом Театре*»: слушал с удовольствием речи Керенского, Чернова, но... ведь это «*правые*», по нонешнему времени[15]. И если измерить дистанцию от Чернова до... Милюкова и от Чернова (круговой путь налево) до дьячка Минина, и потом проецировать их места на прямую, – получится следующее: справа окажется социал-диачок Минин и почти рядом с ним Илиодор и грядущий... Пожарский, значительно левее Милюков и еще немного левее... Чернов. Относительно Ленин левее и краснее Чернова, абсолютно же он – «*инфракрасный*», а его последователи Носарь[16], Минин, Илиодор уже просто... черные. Между тем сдвигание «*влево по кругу*» происходит во имя «*чистоты революции*» и для избежания «*контр-революции*»... «*Чистота революции*», выкинув из себя последовательно буржуев, меньшевиков, эс-эров, большевиков, анархистов, окажется абсолютно «*чистой*» от всего «*контр-*»: но квинтэссенция эта, пожалуй, будет состоять тогда из провокаторов, городовых и германских шпионов. Читали ли Вы рассказ Честертона «*Человек, который был Четвергом*»?[17] Я боюсь, что боязнь всего серединного нас скоро поставит в положение героев этого романа. Я последние недели пугаюсь: буржуазия рукоплещет Скобелеву, Чернову и Керенскому, но эти «*трое*» теряют доверие: Хрусталевы, Ленины, Минины «*демократичнее*», между тем: пропаганда большевиков превращает Москву в... черт знает что: на улицах начинается свинство и ругань...Тут я замыкаюсь в себя: и светлые картины, мелькающие в душе, уже не ищут своего выражения в слове... Поживем – увидим! Не думайте, что я опять «*контр-революционно*» настроен, но... факты, факты, факты!..

Остаюсь любящий Вас и преданный Вам Борис Бугаев.

[1] Заказное письмо; почтовые штемпели: Клин. 17.6.17; Царское Село. 22.6.17.

[2] См. п.49.

[3] Это письмо Белого либо не дошло до Иванова-Разумника, либо не сохранилось в его архиве.

[4] П.50, написанное Ивановым-Разумником накануне и переданное с Н.А.Маликовым, Белый получить еще не мог.

[5] Из писем А.А.Тургеневой к Белому в его московских фондах хранится лишь одно письмо за 1919 г. (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.281).

[6] В рубрике «Что написано» за июнь 1917 г. в заметках Белого «Работа и чтение» значится: «"Революция и Культура", статья для Лемана» (*РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.6). Брошюра Белого «Революция и культура» (М., изд. Г.А.Лемана и С.И.Сахарова, 1917) была напечатана вскоре по написании. См.: Андрей Белый. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. статья и примечания Л.А.Сугай. М., 1994. С.296-308.

[7] Комментарий Иванова-Разумника: «Швейцарский левый социалист, циммервальдовец Р.Гримм был выслан из пределов России правительством Керенского» (Л.14). Роберт Гримм (1881–1956) – один из вождей социал-демократической партии Швейцарии (ее председатель до 1919 г.) и II Интернационала, председатель Циммервальдской (1915) и Кинтальской (1916) конференций. О его высылке по постановлению Временного правительства было сообщено 3 июня; основанием для этой акции было, как указывали газеты, содействие Гримма анархической и пораженческой кампании в России: «Ленину и его товарищам Гримм оказал не так давно большую услугу: он явился их ходатаем перед германским правительством, и именно он устроил пресловутую поездку Ленина и его товарищей через Германию в запломбированном вагоне. Гримм вместе с Лениным ехал через Германию и, как затем утверждали наши большевики, только через его посредство они сносились с железнодорожной администрацией и с

другими немцами при своем проезде через Германию» (Агент Германии в Петрограде // Русское Слово. 1917. №124. 3 июня). «Дело Гримма» оставалось в сфере усиленного внимания печати в течение последующих недель.

[8] Подразумеваются эксцессы, порожденные самоуправством вышедших из-под контроля вооруженных частей. Ср. дневниковые записи современника, основанные на газетных корреспонденциях: «В Кронштадте вопиющее безобразие: матросы и рабочие держат офицеров и правительственные власти под стражей, не признают Временного правительства и даже грозят прийти вооруженным кораблем на Петроград» (24 мая); «В Кронштадте местное "республиканское" правительство расстреляло за грабежи 5 солдат» (16 июня); «9 июня. В Севастополе матросами обезоружены все офицеры флота и армии. Адмирал Колчак отстранен от командования флотом. Это результат ленинской пропаганды» (Окунев Н.П. Дневник москвича. 1917–1924. Paris, 1990. С.44, 48).

[9] Подразумеваются события, связанные с проведением в Петрограде (с 3 по 24 июня) Первого Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. После того как съезд 8 июня вынес резолюцию доверия Временному правительству, большевики призвали население Петрограда провести 10 июня демонстрацию протеста; Всероссийский съезд Советов выступил против этого решения большевиков, после чего в ночь с 9 на 10 июня ЦК РСДРП(б), подчиняясь власти съезда, объявил об отмене демонстрации.

[10] Ср.: «...началась забастовка дворников, и благодаря этому московские улицы, не исключая и центральных, представляют собой мусорные ящики. Все, что ни выбрасывается на улицы и на тротуары, так и лежит теперь дня 4 без уборки. По тротуарам ходить стало мягко: лоскуты бумаг, папиросные коробки, объедки, подсолнечная шелуха и т.п. дрянь вплотную, а дворники сидят себе на тумбах, погрызывают семечки да поигрывают на гармошках» (1 июня 1917 г.) // Окунев Н.П. Указ. соч. С.47.

[11] Обыгрываются строки из «Медного всадника» (ч.1) А.С.Пушкина: «...воды вдруг / Втекли в подземные подвалы <...> / И всплыл Петрополь, как тритон».

[12] Илиодор (Сергей Михайлович Труфанов, 1880–1952) – иеромонах, религиозный проповедник; выступал со статьями в черносотенных газетах, представляя себя защитником царского престола. В 1907–1909 гг. служил в саратовской епархии – в Царицыне. Пользуясь в своих действиях поддержкой Г.Распутина, Илиодор стал в 1911 г. инициатором заговора против него, за что был сослан во Флорищеву пустынь, лишившись покровительства царя; после организованного им неудачного покушения на Распутина бежал через Финляндию за границу (2 июля 1914 г.). Подробнее см.: *ЛН*. Т.95. Горький и русская журналистика начала XX века: Неизданная переписка. М.. 1988. С.981-984 (комментарии В.Н.Чувакова).

[13] Исторический каламбур: предполагаемое восшествие на престол младшего брата Николая II великого князя Михаила Александровича (1878–1918), отрекшегося от престола 3 марта 1917 г. (на следующий день после отречения в его пользу Николая II), сопоставляется с избранием Земским собором в 1613 г. первого царя династии Романовых Михаила Федоровича (1596–1645) – в результате национально-освободительной борьбы против польской интервенции, возглавленной нижегородским посадским Кузьмой Мининым (?–1616) и князем Дмитрием Михайловичем Пожарским (1578–1642).

[14] Точное название статьи – «Люди с "левым устремлением"»; опубликована в газете «Час» (1907. №10. 24 августа), вошла в кн.: Андрей Белый. Арабески: Книга статей. М., 1911. С.335-342.

[15] Имеется в виду митинг в Большом театре, состоявшийся 26 мая – в день приезда А.Ф.Керенского в Москву; с речами выступили К.Д.Бальмонт, Л.В.Собинов, В.М.Чернов и Керенский, встреченный собравшимися с особым энтузиазмом: «Блестящего, вдохновенного оратора забросали цветами. А.Ф.Керенский долго кланялся во все стороны, а театр гремел от рукоплесканий» (А.Ф.Керенский в Москве // Русское Слово. 1917. №118. 27 мая). В примечаниях Е.Ю.Рапп к «Самопознанию» Н.А.Бердяева описывается сцена, разыгравшаяся, вероятно, после этого события: «Как-то однажды я осталась дома одна. Раздался звонок. На пороге нашей гостиной стоял А.Белый. Не здороваясь, взволнованным голосом, он спросил: "Знаете ли вы, где я был?" – и не дожидаясь ответа, продолжал: – "Я видел его, Керенского... он говорил... тысячная толпа... он говорил..." И Белый в экстатическом состоянии простер вверх руки. "И я видел, – продолжал он, – как луч света упал на него, я видел рождение 'нового человека'... Это че-ло-век". Н.А. незаметно вошел в гостиную и при последних словах Белого громко расхохотался. Белый, бросив на него молниеносный взгляд, не прощаясь, выбежал из гостиной. После этого он долго не приходил к нам» (Бердяев Н. Собр. соч. Т.1. Самопознание. Изд. 3-е. Paris, 1989. С.263). В статье «Революция и культура» (июнь–июль 1917 г.) Белый писал: «И когда говорит министр Керенский "*будем романтиками*", мы, поэты, художники, – мы ему отвечаем: "Мы – будем, мы – будем..."» (Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.303).

[16] Георгий Степанович Носарь (Петр Алексеевич Хрусталев, 1877– 1918) – помощник присяжного поверенного, в 1905 г. председатель Петербургского Совета рабочих депутатов, меньшевик. Неоднократно арестовывался; по освобождении в дни Февральской революции руководил поджогом Окружного суда. Уехал на Украину, где сотрудничал с П.П.Скоропадским и С.В.Петлюрой. Расстрелян большевиками.

[17] Роман английского писателя Гилберта Кийта Честертона (1874–1936) «Человек, который был Четвергом (Страшный сон)» («The Man, who was Thursday (A Nightmare)», 1908) был издан в русском переводе в 1914 г.; по ходу сюжета этой авантюрной фантасмагории герой проникает в подпольный Совет анархистов, все члены которого (называющиеся соответственно дням недели – аналог семи дней творения) на деле оказываются тайными агентами, завербованными Воскресеньем – главой Совета и одновременно Высшим существом, демиургом.

52. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
4 июля 1917 г. Поворово[1].

Поворовка. 4 июля 17 года.

Дорогой и глубокоуважаемый Разумник Васильевич,

я очень соскучился по Вас: есть бесконечно много, о чем хочется поделиться; от времени до времени тянет к Вам сильно, так сильно, что все еще питаю надежды к Вам приехать, но... на этот раз уже после 19 июля, т.е. после медицинского осмотра. Я ужасно Вас полюбил: и просто не с кем о многом говорить, так что и в этом письме просто не умею заговорить с Вами. Так что смотрите на это мое письмо не как на письмо, а как на сердечный привет.

Прежде всего поздравляю Вас с партийной победой: в Москве[2]. Это – совершенно неожиданная победа. Меня она радует. Некоторые из «наших» (антропософов) голосовали за эс-эров.

Дорогой Разумник Васильевич, я окончательно превратился в бездомного скитальца: условия жизни в Демьянове трудны. И меня выгоняют оттуда; поэтому: я живу три дня здесь, три дня там – странствую по Николаевской жел<езной> дороге от Клина до Москвы: то живу около Крюкова[3], то – около Поворовки[4]. В Клину не был вот уже 10 дней[5]; льщу себя надеждой, что, может быть, «Скифы» вышли. Работа моя вследствие моей бродячей жизни идет крайне вяло; пишу брошюры; да и кроме того: надоело призываться; вся жизнь раскрошена на 2-месячные паузы; и нет никаких гарантий, что каждый *следующий раз* не возьмут: оттого-то все сколько-нибудь основательные планы жизни и писания отсрачиваешь. Хоть бы взяли, или дали отсрочку месяцев на 6. А то одна комедия: собирают и отпускают. Последний раз никого из «*отсрочников*» не взяли, а заставили пережить психологию «*взятия*». И опять всем отсрочка – 2 месяца. Вот эта психология неизвестности, неустроенность жизни, одиночество и беспокойство за Асю (она – прихварывает) и т.д. – создает в душе рассеяние. Оттого-то все не могу собраться писать статьи в газеты, хотя тем сколько угодно. Ввиду болезни Аси надо ей обеспечить средства к существованию: оттого и взял <на> себя 2 брошюры (хорошо платят); одну написал (*Искусство и революция*); другую надо написать до 20-го июля[6]. После буду писать в газеты. Мне, чтобы двинуться в газетной работе, надо бы с Вами поговорить, что Вам *in concreto* нужно. И вот еще один предлог к Вам приехать, если буду свободен после 19-го июля. Пока же крепко жму Вашу руку, дорогой Разумник Васильевич; остаюсь искренне преданный Вам и любящий Вас

Борис Бугаев.

P.S. Варваре Николаевне мой привет. Детям тоже.

[1] Заказное письмо; почтовые штемпели: Москва. 5.7.17; Царское Село. 7.7.17.

[2] Подразумеваются итоги выборов в Московскую Городскую думу, состоявшихся 25 июня. «Голосовало всего 646.551 чел. Из них соц-революционеры (№3) получили 57,98%, кадеты (№1) – 16,85, соц-меньшевики (№4) – 11,82, соц-большевики (№5) – 11,66, плехановцы (№6) – 0,22 и октябристы (№7) – 0,22. Значит, в Думу войдет от №3 – 116 гласных, от №1 – 34, от №4 – 24, от №5 – 23 и от №2 (народные социалисты и трудовая группа) – 1,25 – 3 человека. Всего – 200 гласных» (Окунев Н.П. Дневник москвича. Указ. изд. С.52).

[3] Т.е. в Дедове – в 8 верстах от ст. Крюково Николаевской ж.д.

[4] Белый жил у ст. Поворово (Николаевской ж.д.) под Москвой в имении Надежды Афанасьевны Григоровой (урожд. Бурышкиной, 1885–1964) и ее мужа Б.П.Григорова. Н.А.Григорова – врач-хирург, сестра известного промышленника, товарища московского городского головы и деятельного масона П.А.Бурышкина, автора мемуарной книги «Москва купеческая» (Нью-Йорк, 1954), в которой говорится и о ней (С.226-227). О летних месяцах 1917 г. Белый вспоминает: «...*июнь-июль* веду кочующий образ жизни: *Демьяново–Дедово–Поворовка–Москва* и т.д. <...> смятенность сказывается в перемене места; нигде мне нет покою; прожив 2-3 дня в Демьянове, бросаюсь к Ниленделу, солдатскому депутату, в Москву; ночую то у себя, то у Бердяева; прожив здесь 3-4 дня – бросаюсь в Дедово; и там мне нет покоя; бросаюсь в Поворовку, к Григоровым; оттуда опять в Демьяново; мне уже ясен социальный переворот; и весь жест – "*скорее бы*"! Неопределенность политическая не дает покоя» (*РД*. Л.87об.-88).

[5] Имеется в виду Демьяново – близ Клина.

[6] Иванов-Разумник в своем комментарии, поясняя: «Другая брошюра – "Революция и культура"» (Л.14), – видимо, неправ: скорее всего именно эту брошюру Белый подразумевает, приводя заглавие «Искусство и революция» (ср. п.51, примеч.6). Видимо, замысел «другой брошюры» не был реализован.

53. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
20 июля 1917 г. Царское Село[1].

20 июля 1917. Царское Село.

Дорогой Борис Николаевич, –

так много мне надо написать Вам, что буду сегодня краток: есть у меня надежда, что вчера, 19-го, Вы получили окончательное освобождение, и что поэтому исполните свое намерение – приедете поработать, отдохнуть и потолковать к нам, в Царское. Если эта надежда не осуществится – только тогда напишу Вам много.

А пока – будем ждать.

С Маликовым я отправил Вам письмо и корректуру[2].

Вы меня «поздравили» с победой с<оциалистов>-р<еволюционеров> в Москве, – а я до такой степени не могу принять этого поздравления, что на днях вышел из редакции «Дела Народа», ибо заявил, что не считаю себя членом никакой партии, а могу лишь приближаться к той или иной из них[3].

Приезжайте, поговорим, отдохнем. Революция (подлинная) – кончается; впереди – победа «разума» (малого, «кадетского» и т.п.), победа Кокошкиных[4] и Бердяевых. Бороться еще есть за что, но *ближайшее* будущее – ясно. Мещане (социалистические и иные) победят по всей линии.

«Скифы» должны выйти 28 июля. Гонорар начнете получать немедленно по выходе книги. Второй сборник (с окончанием «Котика») немедленно сдается в печать.

Вот самое существенное; об остальном сегодня не пишется – язык суконный во рту и мысли, как спутанная непромытая шерсть. Кончаю.

Квартира наша – пустая, места много: дети на даче, мы здесь лишь вдвоем с Варварой Николаевной, которая просит передать Вам поклон и приглашение.

Перечел «Котика» на днях, в уже сброшюрованных «Скифах» – и отдохнул, точно смел с души накопившийся за эти месяцы сор. Чудесно!

Готовьте для «Скифа II-го» стихи, статью о ритме[5] (пусть «несвоевременно»!), все, что хотите. И хорошо бы – статью *о революции*, с Вашей точки зрения.

Крепко жму руку и жду – письма или приезда.

Сердечно любящий Вас Разумник Иванов.

[1] Ответ на п.52. Написано на бланке изд-ва «Скифы».

[2] См. п.50.

[3] В каждом номере газеты заглавие «Дело Народа» сопровождалось информативными сведениями: «Орган Центрального Комитета партии социалистов-революционеров. Выходит под редакцией, избранной Центральным Комитетом, в следующем составе: В.М.Зензинов, Р.В.Иванов-Разумник, В.В.Лункевич, Н.И.Ракитников, Н.С.Русанов, В.М.Чернов, секретарь

редакции С.П.Постников». С 14 июля 1917 г. (№100) имя Иванова-Разумника в этом перечне отсутствует.

[4] Федор Федорович Кокошкин (1871–1918) – юрист, видный деятель партии кадетов, государственный контролер во втором коалиционном кабинете Временного правительства (июль-август 1917 г.), в котором играл роль лидера в кадетской группе министров; председатель Особого совещания по изготовлению проекта Положения о выборах в Учредительное Собрание (см.: Два правдолюбца. А.И.Шингарев и Ф.Ф.Кокошкин. М., 1918). Белый регулярно общался с Кокошкиным и его женой М.Ф.Кокошкиной по возвращении в Москву осенью 1916 г. См.: Спивак М.Л. «Москва кадетская» Андрея Белого // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.185-186.

[5] Подразумевается работа «О ритмическом жесте» (см. п.44, примеч.3).

54. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
20 июля 1917 г. Царское Село[1].

20 – VII – 1917. Ц.С.

Дорогой Борис Николаевич, –

только что написал Вам письмо и отправил в Москву, а эту открытку на всякий случай посылаю в «Касьяново»[2]: где Вы – не знаю. Но где бы Вы ни были – откликнитесь. Я все там же и все по-прежнему надеюсь с Вами повидаться. Крепко жму руку и шлю сердечный привет.

Ваш Р.Иванов.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Царское Село. 20.7.17; Клин. 23.7.17.

[2] Подразумевается Демьяново; Касьяновым эта дачная местность именуется в «Котике Летаеве» (см. главки «В Касьянове», «Воспоминания о Касьянове» // Андрей Белый. Котик Летаев. Пб., 1922. С.152-153, 162-164).

55. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
27 июля 1917 г. Поворово[1].

Поворовка. 27-го июля. 17 года.

Глубокоуважаемый и дорогой Разумник Васильевич, –

Как я обрадовался, получив от Вас открытку в Демьянове (письма не получал: верно, оно ждет в Москве). Все эти дни хотел Вам писать: и лично, и по поводу откликов «*желтой прессы*» о С.Д.Масловском[2]. Читал и... негодовал, как вызывают во мне искреннее омерзение выходки той же прессы (петроградских газет не читал эти дни) о Чернове[3]. Дойдут и до Керенского!.. Ведь о Чернове не «*так*» пишут? Не правда ли? Вообще, сколько лжи!

Знаете, я человек не партийный, но... будучи в Москве, я сделал интереснейший опыт: в продолжение 3-х дней я покупал до 12-ти газет и читал там факты и передовицы. Получилось нечто чудовищнейшее: столько лжи, столько подтасовки! Особенно упражняется в подтасовках и умолчаниях наше «*Русское Слово*»; «*Русск<ие> Вед<омости>*» – увы! Лучшие передовицы (я не «социалист») на основании изучения лишь газетного материала, по-моему, в Петрогр<адских> Известиях Совета Раб<очих> Деп<утатов> («*Дела Народа*» в Москве почти невозможно достать). Читали ли Вы книгу Суханова «*Почему мы воюем*»?[4] По-моему, она производит сильнейшее впечатление. Или я – не экономист? Читали ли? И – что думаете о ней?

Весь этот период времени (весь июль) я метался от Москвы к Клину, от Клина к Поворовке, от Поворовки к Крюкову – как белка в колесе. Это бегство с чемоданами и пакетами происходило оттого, что у мамы (в Клину) у меня оказалась темнейшая и сырейшая конурка, где не было возможности работать, а 3 комнатки дачки наполнялись визгом и лаем 3-х фокс-терьеров; в результате я убегал в старинный «*Касьяновский*» парк, где «*Ив.Ив.Касьянов*»[5], как и 32 года назад, все еще блуждал по дорожкам и продолжал разговаривать, как и 32 года назад, все о том, что «*нас*

всех перережут», где Кл<имент> Арк<адьевич> Тимирязев, как и семь лет назад, продолжал ковылять по дорожкам, высказывая явно «*большевистские*» воззрения на современность[6], где бродили задумчивые профессора и доценты (Петрушевский, Берг, Богоявленский и др.)[7]; чувствуя себя *не по себе* в столь «маститой» компании, я схватывал сак-вояж и убегал в Дедово, где Сережа Соловьев и Танечка (моя бельсёр)[8] опрокидывали мне нá голову «*милюковщину*»[9]; и тогда я опять убегал в Москву в пустую квартиру или квартиру Бердяевых; в первой было неудобно, а по ночам из соседних «*пустых*» квартир раздавался звон посуды и рявканье пьяного (по-моему, дезертира-солдата, упрятываемого прислугой), звон посуды, непристойная ругань и воскликновения «*паzззóр*», «*де-зертиииррры*» и т.д. Соседство не из удобных! Я переселялся к Бердяевым, но тут вступал в жестокие конфликты с Л.Ю.Бердяевой и ее сестрой[10] на политические темы: вылетал и отсюда[11]. И лишь в «Поворовке» у Григоровых находил пристанище[12]. Моя жизнь в образе и подобии пилигрима по Никол<аевской> жел<езной> дороге в продолжение 2-х месяцев уподоблялась пилигримству общественного мнения по министрам; жизнь личная (Асина болезнь, неудобства передвижения) и жизнь России – не давали никакой возможности сосредоточиться и приняться за работу (можно ли работать при сознании того, что происходит на фронте, или: можно ли работать при мысли, что в Петрограде опять трещат пулеметы?)[13]. И я так измучился за это время, что стал искренне мечтать, чтобы меня взяли в солдаты. Но на последнем осмотре (21-го июля) меня неожиданно отпустили на все четыре стороны с неприятнейшим «*наследством*» после осмотра, от которого пришлось избавляться при помощи «*дегтярного мыла*» и всяческих ванн.

Теперь угомонился. Благодаря любезности Григоровых устроился один в очаровательном особнячке и утопаю в блаженстве тишины... Август поработаю здесь (есть тема повести «О том, о чем никто не пишет» a la Честертон)[14].

Дорогой и милый Разумник Васильевич, Вы совершенно не представляете себе, как живо я в моей душе несу общение с Вами: я был все время с Вами во время событий 3-4-го июля. Меня страшно, неукоснительно тянет обменяться в Вами мыслями. И от времени до времени я порывался к Вам, в Царское. Мечтаю и теперь: если Вы позволите мне приехать к Вам на «*в багрец и в золото одетые леса*»[15], т.е. на сентябрь, то я приеду с восторгом. Приехал бы и теперь, но есть задерживающие причины: 1) пока не получу известий от Аси и ее сестры, Наташи[16], о болезни Аси, не поеду (все письма пропадают при пересылке), 2) пока не переведу Асе деньги (к середине августа), 3) пока не выясню дел с Пашуканисом[17], который, кажется, затрудняется с Издательством и со мной. Эти-то причины, а также и ряд других, задерживают меня на август при Москве; здесь мне жить очень удобно (час езды от Москвы, час езды от Клина), тишина; навещают «*антропософские друзья*»: Петровский, Сизов (оба *очень-очень* моих политич<еских> мнений)[18]; днем сижу в уютном домике, в «*сомовской*» комнатке, вечером иду обедать к Григоровым: Б.П.Григоров (он – помощник комиссара г.Москвы) тоже «*антропософский друг*»: он привозит свежие известия по вечерам. Завтра приступаю к работе. Столько накипает мыслей, голова кружится, я не пишу в газетах не от скудости, а от пересыщенности головы и сердца – всякими прогнозами в будущее. Мы живем – в колоссальное время. Мы даже не умеем его «*вбирать в себя*», мы живем на 1/100 в ритме времени; время опережает; его догнать почти невозможно: властно волит оно; мы – *контр-революционеры* не по воле своей, а по воле властно вперед бегущего времени. Пусть те, кто не стоит у руля «*дел*», учится слушать шум времени, чтобы когда-нибудь, в чем-нибудь отразить шум только что истекших моментов. Тот, кто «*отзывается*», должен ясно расслушать; хочется отозваться на звук речи времени, а не на смутно-грохочущий, нечленораздельный гул. И вот: чувствую себя напряженно-внимающим: учу «*темный язык*»[19] в дневном смысле произносимых мнений и речей; и оттого-то ответственно, страшно написать что-либо мне злободневное; было б легко, если бы не говорило сознание, что злободневное в наши дни есть «*говор столетий*» (прошедших, грядущих); каждое слово произнесено «*духом*» и каждая партия уже не партия, а проявление сущностей. Керенский, Чернов, Милюков, Ленин и прочие – кто они? Где стоит Люцифер и где Ариман? Через кого говорит дух импульса Христова? Быть за того-то и против того-то значит в наши дни быть с Христом, с Люцифером или с Ариманом. Не желтая ли Ариманова мгла в событиях 3-4-го июля? Не люциферическая ль гордыня в действии

кадетов в эти же дни? Знаете, я чувствую, что *эс-эры* мне очень близки... Где-то между ними слышу путь правды России. И вот тут-то часто я протягиваюсь к Вам и мысленно как бы спрашиваю Вас: куда Вы идете? Все-таки мне нехватает реального знания людей, и политики... Из деревни по «*Русскому Слову*» многого не поймешь. И я – молчу: молчу и слушаю – более всего... у себя в душе.

Все-таки, я хочу и буду писать в газетах: но сперва мне надо было бы пожить с Вами, провести с Вами тихие вечера, побродить в «*золоте и багреце*» Царскосельского парка, чтобы понять, орьентироваться и внешне; а то напишешь не о том, что сейчас важно; написанное выйдет «*недолетом*» или «*перелетом*»; нужным вчера или завтра и бестактным сегодня; а нам, «*диким*», но относящимся с трепетом к происходящему в России, лучше в эти дни молчать…или «*стрелять в цель*».

Вот я и решил на август уйти в молчание и попытаться писать просто «*повесть*» и не писать ничего до встречи с Вами.

Дорогой Разумник Васильевич, наша жизнь вместе в «великие дни» и встреча с Клюевым оставили во мне глубокий след. Хочу, чтобы эта встреча была «*началом*», и чтобы «*продолжение следовало*». Оттого-то и прошусь к Вам на «*багрец*» в сентябре. Напишите в течение августа мне сюда.

Остаюсь глубоко любящий Вас Борис Бугаев.

Мой привет Варваре Николаевне. И – детям. Привет Николаю Алексеевичу[20], если он – с Вами.

Мой адрес в течение августа: Поворово (Николаевской жел<езной> дороги). Имение Бурышкиных. Б.П.Григорову для меня.

[1] Ответ на п.54. Заказное письмо (отправлено в Царское Село). Почтовый штемпель: Москва. 3.8.17.

[2] Подразумеваются проникшие в печать слухи о провокаторской деятельности С.Д.Мстиславского (Масловского); ср. дневниковую запись З.Н.Гиппиус от 26 ноября 1917 г.: «...два провокатора: не вполне уличенный – Масловский <...>» (Звенья. Исторический альманах. Вып.2. М.; СПб., 1992. С.23, 134 – примечания М.М.Павловой и Д.И.Зубарева). Эти слухи возникли в 1914–1915 гг. в масонских кругах (Мстиславский входил в Верховный Совет русских масонских лож); основанием для подозрений относительно морально-политической благонадежности Мстиславского (не получивших фактических подтверждений) являлись факты его одновременной службы библиотекарем в Академии Генерального штаба и сотрудничества в радикальной печати, ареста в 1912–1913 гг. по одному из эсеровских дел и скорого освобождения с сохранением прежнего места службы и последующим приглашением в «Правительственный Вестник» для составления военных обзоров, а также его предложение на собрании ложи организовать «заговор на жизнь государя». А.Я.Гальперн, член Верховного Совета масонских лож, в этой связи заключает: «...данных для обвинения Мстиславского в политической нечестности не имелось. Он был, несомненно, большим честолюбцем, вероятно, умел сохранять двойное лицо, прикидываясь в отношениях с академическим начальством совсем не тем, кем он выступал в общении со своими знакомыми из литературного и революционного лагеря, но не больше. Надо сказать, что сам Мстиславский вел себя больше чем легкомысленно и давал много пищи для неблагоприятных о нем слухов» (Николаевский Б.И. Русские масоны и революция / Ред.-сост. Ю.Г.Фельштинский. [М.], 1990. С.64-65). В июле 1917 г. сотрудничество Мстиславского в «Правительственном Вестнике» стало предметом специального разбирательства – третейского суда: «Будучи привлечен к третейскому суду, Масловский в свое оправдание показал, что вступление его в редакцию "Правительственного Вестника" было обусловлено соображениями о возможности проводить через "Правительственный Вестник", как газету, ведущуюся без предварительной цензуры, правдивые стратегические отчеты о ходе войны, и что решение это было им принято не единолично, а после совещания с двумя членами бывшей редакции "Заветов" Иванчиным-Писаревым и Ивановым-Разумником. Третейский суд, под председательством В.М.Чернова, принял резолюцию, в которой признал, что индивидуальная ответственность Масловского смягчается тем фактом, что среди своих ближайших авторитетных товарищей он натолкнулся на ошибку морально-политического суждения. Решение суда передано было в Центральный комитет партии с.-р., который единогласно постановил: "Центральный комитет, принимая во внимание решение третейского суда, рекомендует товарищу Масловскому не брать на себя ответственных постов партии и от ее имени". (Принято единогласно)» (Дело с.-р. С.Д.Масловского // Русское Слово. 1917. №159. 14 июля. С.3).

[3] 20 июля 1917 г. В.М.Чернов подал в отставку с поста министра земледелия Временного правительства, потребовав расследования своей деятельности, однако ВЦИК Советов рабочих

и солдатских депутатов и Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов выразили ему доверие. Основанием для нападок на Чернова послужили сведения об участии его «в журнале, издававшемся в Швейцарии, имевшем широкое распространение в лагерях русских военнопленных в Германии» и якобы связанном через некоторых сотрудников редакции «с германским генеральным штабом»; Чернов, действительно, участвовал в одном из первых выпусков женевского периодического издания «На чужбине» (сб.1-14, 1916–1917), однако «в дальнейших книжках его статей не было, и сборники издавались при ближайшем участии ряда лиц, с.-р. партии, теперь занимающих позиции, близкие к большевизму» (Повод к отставке // Русские Ведомости. 1917. №165. 21 июля). В «Деле Народа» (1917. №109. 25 июля) была перепечатана по личной просьбе Чернова единственная его статья («Болгария и Россия»), опубликованная ранее в «На чужбине» (под псевдонимом Ю.Гарденин).

[4] Николай Николаевич Суханов (наст. фам. Гиммер, 1882–1940) – публицист; с 1903 г. – член эсеровской организации, в 1917 г. – меньшевик-интернационалист, один из редакторов газеты «Новая Жизнь». Упомянутая книга Суханова (составленная из статей, напечатанных им в 1916 г. в журнале «Летопись») была посвящена выявлению экономических и политических причин мировой войны; по убеждению автора, Россия вовлечена в войну союзными государствами и не может получить от борьбы с Германией никаких материальных выгод: «В мировой войне <...> решается спор между западными странами “высокого капитализма”; и в эту войну нашу родину, очевидно, втянули иные силы, не экономического порядка»; «...главная тяжесть катастрофы легла на нашу родину. Будучи главной заинтересованной стороной, союзники несут ей несравненно меньше жертв, чем Россия, судьбу которой они связали со своей <...>» (Суханов Ник. Почему мы воюем? Пг., [1916]. С.92, 113).

[5] Комментарий Иванова-Разумника: «Псевдонимные наименования имения Демьяново и владельца его, В.И.Танеева» (Л.14). См. п.45, примеч.16; п.47, примеч.14.

[6] О встречах Белого в Демьянове летом 1917 г. с биологом, профессором Московского университета К.А.Тимирязевым (1843–1920) см.: Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989. С.433.

[7] Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863–1942) – историк-медиевист, профессор Московского университета, впоследствии академик. Лев Семенович Берг (1876–1950) – географ и зоолог-ихтиолог, профессор Петровской сельскохозяйственной академии и Петербургского университета, впоследствии академик. Николай Васильевич Богоявленский (1870–1930) – зоолог, профессор Московского университета. Л.С.Берг вспоминает в «Автобиографической записке» (1936): «В 1916 и 1917 гг. я и мое семейство проводили лето, снимая дачу в имении Владимира Ивановича Танеева, под Клином Московской губ. Мы жили здесь в большом длинном деревянном здании, один конец которого занимал К.А.Тимирязев со своим семейством, середину – мы, а другой конец – проф. Н.В.Богоявленский <...> В мою бытность в Демьянове к В.И. как-то приезжал Андрей Белый, с которым я имел случай познакомиться <...> При разговорах с Белым меня поразило то обстоятельство, что говорил он обыкновенным языком, как и все мы, простые смертные, тогда как писал он каким-то особенным диалектом» (Памяти академика Л.С.Берга. Сб. работ по географии и биологии. М.; Л., 1955. С.12, 13).

[8] Belle-soeur (*франц.*) – свояченица (или золовка). Татьяна Алексеевна Тургенева – младшая сестра А.А.Тургеневой.

[9] Подразумеваются, видимо, прежде всего политические установки П.Н.Милюкова, обоснованные им в докладе на 8-м съезде кадетской партии в мае 1917 г.: соблюдение союзнических обязательств, поддержание дисциплины и боевой мощи армии, применение силы против преступных и анархических элементов, нарушителей права и порядка, энергичные меры против опасности большевизма и т.д.

[10] Евгения Юдифовна Рапп (1875–1960).

[11] Ср. позднейшие свидетельства Белого: «Июнь – месяц смятений, споров, растерянности, досады на “*Врем<енное> Правительство*”; бурные ссоры: с мамой, Бердяевыми, Григоровыми, Соловьевыми; с Бердяевыми устанавливается своего рода “***вооруженный нейтралитет***”; мы просто молчим о целом ряде вопросов» (*РД*. Л.87об.).

[12] Об июле 1917 г. Белый вспоминает: «Видя мою измученность, Григоровы предлагают мне жить в их пустом домике. И я переселяюсь в Поворовку» (*РД*. Л.88).

[13] Имеются в виду события 3-5 июля 1917 г. – массовые выступления под руководством большевиков против Временного правительства и их вооруженное подавление.

[14] Комментарий Иванова-Разумника: «Повесть эта не была написана АБ» (Л.14). В своем замысле Белый, вероятно, ориентировался на роман Г.К.Честертона «Человек, который был Четвергом» (см. п.51, примеч.17) – как образец своеобразного жанра философско-авантюрного романа-фантазии.

[15] Цитата из стихотворения А.С.Пушкина «Осень» (1833; строфа VII).

[16] Н.А.Тургенева (см. примеч.3 к п.5), как и А.Тургенева, жила в это время в Швейцарии, участвовала в деятельности Антропософского общества; в позднейшие годы возглавляла парижский антропософский кружок. См.: Тургенева Н.А. Ответ Н.А.Бердяеву по поводу антропософии // Путь (Париж). 1930. №25 (декабрь); Turgenieff-Pozzo N.A. Zwölf Jahre der Arbeit am Goetheanum. Dornach, 1942.

[17] Речь идет о делах, связанных с изданием «Собрания эпических поэм» Белого.

[18] Михаил Иванович Сизов (1884–1956) – физиолог, педагог, критик и переводчик (псевдонимы: М.Седлов, Мих.Горский и др.); сотрудник изд-ва «Мусагет», антропософ, участник строительства Гетеанума. В мае 1915 г. уехал из Дорнаха в Россию. Ср. воспоминания Белого: «...у Григоровых встречаюсь: с приезжающими туда "нашими" (Васильевыми, Петровским, Сизовым, Станевич)» (июнь 1917 г.); «Разумник из Детского и Трапезников из Москвы сильно укрепляют наш *левый фланг* с Петровским» (июль 1917 г.; *РД*. Л.88).

[19] Образ из «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» (1830) А.С.Пушкина в редакции В.А.Жуковского (1841): «Я понять тебя хочу, / Темный твой язык учу...»

[20] Н.А.Клюев. См. п.39, примеч.4.

56. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
1 августа 1917 г. Царское Село[1].

1 августа 1917. Царское Село.
Колпинская, 20.

Где-то Вы, дорогой Борис Николаевич? Писал вам (недели 2 назад) два заказных – и в Москву, и в «Касьяново-Демьяново», а ответа нет, и Вас нет. Жду: Вас или письма.

Сегодня – вышли «Скифы» (наконец-то!)[2]. С сегодняшнего же дня (1 августа) Вы, по условию, получаете каждое 1-ое число по 200 р., впредь до выплаты всего гонорара. Напишите, куда Вам выслать, – или адресуйтесь непосредственно в книжный склад М.Стасюлевича (СПб., Вас<ильевский> Остр<ов>, 5 лин<ия>, д.28), который ведает всеми делами матерьяльными.

В «Дело Народа» я, по-видимому, опять вступаю сегодня – редакция обратилась ко мне с этой просьбой[3]. Значит, снова открыты для Вас страницы этой газеты – только захотите.

А «Скифы» II-ые – уже в набор скоро сдаются; там и окончание «Котика». Позволит ли только Вильгельм?[4] Хоть бы прочитать в астрале, скоро ли эта blonda bestia* пойдет по стопам Николая Романова.

А когда-то мы увидимся? Каковы дела и планы Ваши? Черкните поскорее, дорогой Борис Николаевич. Сердечный привет Вам.

Разумник Иванов.

[1] Заказное письмо; почтовые штемпели: Петроград. 1.8.17; Москва. 5.8.17. Вскрыто военной цензурой.

[2] Сообщение о выходе сборника в свет появилось в газете «Новая Жизнь» 30 июля 1917 г. (см.: Юсов Н.Г. Прижизненные издания С.А.Есенина: Библиографический справочник. М., 1994. С.67). 1-й сборник «Скифы» был в основе своей скомплектован и сдан в типографию Николаевской военной академии еще в декабре 1916 г. (см. письмо Иванова-Разумника к А.А.Блоку от 16 декабря 1916 г. // *ЛН*. Т.92. Кн.2. С.403).

[3] В перечне редакторов «Дела Народа» (см. примеч.3 к п.53) имя Иванова-Разумника восстановлено не было, однако с 13 августа 1917 г. (№126) «Дело Народа» начало печатать еженедельные воскресные приложения «Литература и революция, под редакцией Р.В.Иванова-Разумника».

[4] Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) – германский император и прусский король в 1888–1918 гг.

---

* *белокурая бестия (лат.)*

57. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
9 августа 1917 г. Поворово[1].

9-го августа 17 года. Поворово.

Дорогой Разумник Васильевич,

Неделю тому назад я отправил Вам большое письмо[2]. На днях пришло Ваше письмо из Москвы[3]. Пишу несколько строк: да будет это мое письмо деловое.

1) Я засаживаюсь за статью для II-го сборника «*Скифов*»: статья будет называться: «О космическом звуке»[4]. На днях же высылаю стихи.

2) Я непременно приеду к Вам в начале сентября – пожить, поработать и побыть вместе. Мне страшно много есть что Вам передать. О многом хочется обменяться мыслями. Если в начале сентября мой приезд не удобен, известите меня.

3) Я прочел в объявлении, что «Скифы» вышли. Очень хотел бы получить экземпляр скорее. Если возможно так: на той неделе, т.е. августа 15-го – 16-го, а может и 14-го в Петербурге будет Борис Павлович Григоров. Нельзя ли с посыльным послать ему один или два экземпляра «*Скифов*». Он останавливается в «Северной Гостинице». Если он приедет позднее, то все равно: он захватит экземпляры.

Сейчас после 2-месячной суматохи и ряда неурядиц уселся прочно на август в имении Бурышкиных (меня устроили Григоровы). И – работаю.

Ваше письмо (московское) по настроению совпадает с моим настроением.

Очень часто мысленно беседую с Вами.

Остаюсь глубоко любящий и преданный Вам Борис Бугаев.

P.S. Мой привет Варваре Николаевне.

P.P.S. Мой адрес в течение августа. Николаевская жел<езная> дорога. Станция «Поворово». Имение Бурышкиных. Мне. Письма от Н.А.Маликова не получал. Его самого не видел. Он куда-то провалился.

[1] Заказное письмо; почтовый штемпель: Царское Село. 12.8.17.

[2] Имеется в виду п.55.

[3] Имеется в виду п.53.

[4] Комментарий Иванова-Разумника: «Первоначальное заглавие “Глоссолалии”» (Л.14). В записях об августе 1917 г. Белый отмечает: «Работаю над звуком. Первая часть статьи “Глоссолалия”» (Работа и чтение // *РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.6); «Весь месяц в огромной работе собирания лингвистического материала <...> перечитываю выпуски по психологии творчества, ряд сборников и статей, посвященных слову (Горнфельд, Овсянико-Куликовский и т.д.) <...> именно в этот месяц устанавливается мой взгляд на “*глоссолалию*”; у меня скапливается огромный материал примеров, выписок и ряд исписанных страниц, часть которых лишь вылилась в “*Глоссолалию*”; помнится, что восприимчивость моя к слову такова в тот период, что я уже не слышал абстрактного слова; я слышал в любом слове лишь его пантомимический жест <...>» (*РД*. Л.88об.-89).

58. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
26 августа 1917 г. Царское Село[1].

26 авг. 1917. Царское Село.
Колпинская, 20.

Дорогой Борис Николаевич, –

полгода тому назад мы с Вами по снежному Питеру ходили под пулеметным огнем, а история шла куда-то по нашим головам. Куда?

Дела плохи. И не то плохо, что Питер под ударом, что все мы уже думаем о свидании в Москве, – плохо то, что революция гибнет в болоте; и не одна *эта* революция, внешняя, видимая, а и другая, более глубокая, внутренняя, духовная. Обыватель сожрет мечтателя, – так тому и быть надлежит. И восторжествуют рано или поздно, в этой революции, Кокошкины и Бердяевы – вот что гнусно. И все-таки надо идти до конца.

Получил вчера телеграмму от Мих<аила> Мих<айловича> Пришвина; пишет, что пытается прорваться в Питер и зовет к себе в Елец[2]. Вот бы теперь Вам прорваться в Питер – чтобы вместе покинуть его («немец придет»!). Пережили мы с Вами начало революции, переживем и коммуну в Петербурге. Я уже с марта пророчил (не трудно!), что быть Питеру – Парижем, а Москве – Версалем[3]. От Вас пойдет усмирять нас славное казачество: во имя «государственной мощи», во имя «родины». Где-то будете Вы?

А пока все это идет, неизбежно и неуклонно, все мы продолжаем катить в гору камень; с горы покатится – немногое от нас останется! Совсем я замучился, белка в колесе. И даже письма написать теперь не умею, слова не вяжутся, мысли не подберешь.

Ну вот, хоть о деле: «Скифы» были высланы Вам недели три тому назад. Получили? Сегодня Стасюлевич[4] высылает Вам оттиски (два); их есть еще около 15-ти. Если Вам нужны – напишите, чтобы выслали Вам. Напишите мне, я распоряжусь. Сообщите также, куда, когда и сколько выслать Вам к 1 сент<ября> гонорара (деньги есть).

«Скифы» – радость моя; чудесный сборник. Хочу звать Вас в со-редакторы II-го «Скифа» (если «немец» не помешает[5]. А помешает в Питере – издадим в Москве). Хотите?

Когда буду пешком уходить из Питера – возьму с собою в котомку, сверну в трубку две вещи: «Яблоки» Петрова-Водкина (висят у меня в кабинете, радуюсь им)[6], и окончание «Котика Летаева», в рукописи. Не бойтесь за него, не потеряю – очень им дорожу.

Часто думаю о Вас и часто чувствую Вас с нами. Увидимся ли? Под этим колесом революции (такой маленькой и такой мировой) все мы – обреченные.

Пишите. Сердечный привет от нас всех; хорошо бы поскорее увидаться – в Царском ли, в Москве ли.

Крепко и крепко жму руку.

Любящий Вас

Разумник Иванов.

P.S. Пока существует Питер, пока существует «Дело Народа», пока я еженедельно редактирую и составляю в нем лист приложений «Литература и Революция» – все, что Вы пришлете (о Клюеве, о Блоке, о революции, об искусстве), немедленно будет напечатано.

И.Р.

[1] Написано на бланке изд-ва «Скифы».

[2] 24 августа 1917 г., в день отъезда из Ельца в Петроград (куда он прибыл 26 августа), М.М.Пришвин записал в дневнике: «Собрался ехать в Питер, но телеграмма о разгроме <*2 нрзб*> остановила. Послал телеграмму Разумнику: “Пытаюсь приехать вам. Если неблагополучно, приезжайте сюда”» (Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917. М., 1991. С.356).

[3] См. п.44, примеч.9.

[4] Подразумевается: книжный склад М.М.Стасюлевича. Его адрес (Васильевский остров, 5 линия. д.28) был указан как «склад издания и адрес редакции для писем и рукописей», посылаемых в книгоиздательство «Скифы» и сборники «Скифы» (Скифы. Сб.1. С.311).

[5] Подразумеваются эффективные наступательные действия германской армии, в результате которых 21 августа ею была взята Рига.

[6] Кузьма Сергеевич Петров-Водкин (1878–1939) – художник; автор обложки и марки сборников «Скифы». Белый общался с ним у Иванова-Разумника в Царском Селе в феврале 1917 г. Упомянутую работу Петрова-Водкина Иванов-Разумник сберег в последующие годы и вывез с собой при депортации из Пушкина в 1942 г.; 20 февраля 1944 г. он писал Н.Н.Берберовой из Данилишек (Литва): «...мне удалось увезти из России много лет висевший у нас на стене натюрморт Петрова-Водкина “Яблоки” (масло, 80 х 60 сант.)» (Cheron G. The Wartime Years of Ivanov-Razumnik: Correspondence with N.Berberova // Stanford Slavic Studies. Vol.4. Literature, Culture and Society in the Modern Age. In Honor of Joseph Frank. Part II. Stanford, 1992. P.403. Название картины явно ошибочно воспроизведено публикатором как «Якоби»).

9 Зак. 3782

59. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
Третья декада августа 1917 г. Поворово*[1].

Дорогой Разумник Васильевич,
получили ли Вы мое письмо? Все время хотел писать Вам, да... напало какое-то недомогание. Две недели болен: не могу работать. Посылаю Вам стихи для 2-го сборника «*Скифы*»[2]. Статья будет готова дней через 10[3]. Отослал бы сейчас, но 2 недели пропали. Она есть уже в наброске, но ее надо привести в готовый вид. Кстати: ответьте мне откровенно: не буду я Вам бременем, если приеду к Вам недели на 2 в Царское сентября от 6<-го> *до* 10-12<-го>? У меня есть возможность достать себе билет. «*Скифов*» еще в Москве нет почти. Страшно много есть о чем поговорить.

Остаюсь глубоко любящий Вас Борис Бугаев.

P.S. Варваре Николаевне мой привет. Детям тоже, если они уже приехали. Недавно прочел «О смысле жизни»[4]. Буду скоро с Вами или говорить об этой книге, или – напишу Вам. Сейчас все, что Вы пишете там, ужасно своевременно. Неужели мы свернули к... 1908 году? Неужели надо и мне писать опять:

«Исчезни в пространство, исчезни...»[5]

P.P.S. Прилагаемые стихи предлагаю на выбор[6].

[1] Заказное письмо. Почтовый штемпель получения: Царское Село. 30.9.1917.

[2] Из стихотворений, посланных с письмом (см. ниже), только два были опубликованы во 2-м сборнике «Скифы» ([Пг.], 1918. С.35-36): «Война» («Разорвалось затишье грозовое...», 1914) и «Родине» («Рыдай, буревая стихия...», август 1917). Судя по редакторским пометам Иванова-Разумника на автографах, он готовил к публикации и другие присланные Белым тексты.

[3] Имеется в виду «поэма о звуке» «Глоссолалия». Работа над ней была завершена только в октябре 1917 г.

[4] Имеется в виду книга Иванова-Разумника «О смысле жизни. Ф.Сологуб. Л.Андреев. Л.Шестов» (СПб., Типография М.М.Стасюлевича, 1908; 2-е изд. – 1910). Ср. запись Белого, приуроченную к декабрю 1916 г.: «...читаю книгу Р.В.Иванова (о смысле у Л.Андреева)» (*РД*. Л.84).

[5] Заключительные строки стихотворения 1908 г. «Отчаянье» («Довольно: не жди, не надейся...»), которым открывается книга Белого «Пепел»: «Исчезни в пространство, исчезни, / Россия, Россия моя!».

[6] Комментарий Иванова-Разумника: «Хотя среди этих стихотворений и нет неизвестных, не бывших в печати, однако они дают ряд значительных разночтений и вариантов с печатным текстом. И даже – интереснейшие разночтения в стихах этих двух присылок <см. п.60. – *Ред.*>, особенно в стихотворении "Родине"» (Л.14об.).

К письму приложены беловые автографы стихотворений Белого на отдельных листах (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.8. Л.61-65об.): «Карма» (1-5), «Близкой» (1-2; текст зачеркнут, приписка: «Зачеркнуто мною. *ИР*»), «Война» (см. примеч.2), «Медитация» («Едва яснеют огоньки...»; весь текст зачеркнут Белым), «Танка» («Над травой мотылек...»; карандашом рукой Иванова-Разумника приписано стихотворение «А вода? Миг – ясна...» и исправлено заглавие на: «Две танки», 1 и 2; помета: «Мой карандаш. *ИР*»), «Шутка» («В долине...»), «Песня» («В волнах золотистого хлеба...»), «Родине» (см. примеч.2), «Открылось! Весть весенняя! Удар молниеносный!..», «Пламенно...».

Стихотворение «Близкой» (1-2) к этому времени уже было опубликовано в журнале «Аполлон» (1911. №6. С.31-32) и затем вошло в состав книги Белого «Королевна и рыцари» (Пб., 1919. С.41-45). Стихотворение «Медитация» («Едва яснеют огоньки...») также было опубликовано в 1-м сб. «Скифы» (С.2; определенно, поэтому Белый и зачеркнул его автограф). Стихотворение «Пламенно...» (1915) при жизни Белого не печаталось (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С.31; *Стихотворения II*. С.86; *III*. С.369). Остальные стихотворения вошли в книгу Белого «Звезда»: «Медитация» – под заглавием «Асе» (С.19), «Танка» – под заглавием «Жизнь» (С.49; там же под заглавием «Вода» – 2-я танка, приписанная Ивановым-Разумником, – С.48), «Песня» – под заглавием «Инспирация» (С.60-61), «Открылось! Весть весенняя! Удар молниеносный!..» – под заглавием «Чаша времен» (С.67).

* *Над текстом – пометы Иванова-Разумника*: Август 1917; Получено 30/VIII 1917.

«Карма» впервые опубликована в сб. «Эпоха» (Кн.1. М., 1918. С.11-13; в автографе, посланном Иванову-Разумнику, зачеркнута 4-я строфа 1-й части стихотворения), «Танка» – в сб. «Автографы» (М., 1921; текст – факсимиле, без заглавия), «Шутка» – в сб. «Явь. Стихи» (М., 1919. С.22-23) под заглавием «Паяц», «Песня» – в книге Андрея Белого «На перевале. II. Кризис мысли» (Пб., 1918. С.93; без заглавия). «Открылось! Весть весенняя! Удар молниеносный!..» приведено в полном объеме по рукописи в статье Иванова-Разумника «Андрей Белый» (Русская литература XX века. 1890–1910. / Под ред. проф. С.А.Венгерова. Т.III. Кн.7. М., 1916. С.63); ср.: *Вершины*. С.86.

Присланные Иванову-Разумнику автографы имеют, в основном, мелкие – главным образом пунктуационные и строфические – разночтения с печатными редакциями текста. Существенные отличия от опубликованного текста – в автографе стихотворения «Родине» (помимо авторской правки, на него карандашом нанесены исправления рукой Иванова-Разумника, приводящие текст к той редакции, в которой стихотворение опубликовано во 2-м сб. «Скифы»). Воспроизводим его текст по автографу Белого (этот же текст в машинописи, не фиксирующей правку Белого, сохранился в архиве Иванова-Разумника; см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. С.30-31).

Родине

Кипи, огневая стихия![а]
Безумствуй, сжигая меня!
Россия, Россия, Россия, –
Мессия грядущего дня!

В твои роковые разрухи,[б]
В глухие твои глубины, –
Струят крылорукие духи
Свои светозарные сны...

Не плачьте: склоните колени
Туда – в ураганы огней,
В грома серафических пений
В потоки космических дней!

Сухие пустыни позора,[в]
Моря неизливные слез[г]
Лучом безглагольного взора
Согреет сошедший Христос.

Кипит фосфорически бурно
Земли огневое ядро, –
Но в небе – и кольца Сатурна,[д]
И млечных путей серебро.

60. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
28 августа 1917 г. Поворово[1].

28 августа 17 года.

Дорогой и близкий, близкий
Разумник Васильевич,

получил «*Скифы*». До чего мне близка Ваша статья «*Испытание огнем*»![2] Я каждое слово, каждую фразу перечитывал с восторгом. Да, Ваше предсказание 1914<-го> г. сбылось: мы пришли от гуманизма через национализм к бестиализму[3]. Вообще: статья Ваша – пир для меня! Прочтя еще раз, меня так и потянуло к Вам. Но... могу ли я теперь к Вам приехать? Пожалуй, приедешь, а уехать будет уже невозможно: говорят, за билет в Москву платят по нескольку сот рублей. Вот единственно что удерживает меня. Вообще – все ужасно!

[а] *Было начато*: Россия, Россия, Россия
[б] *Было: а. начато*: Я знаю
б. В твою роковую разруху,
[в] *Было*: В сухие пустыни позора,
[г] *Было*: В моря неизлившихся слез
[д] *Было*: Над нами – и кольца Сатурна,

«Скифы» мне очень нравятся: «*Марфа Посадница*» порадовала особенно[4]. Интересна очень статья Шестова[5]. «*Котика*» мне странно читать. Очень хороша миниатюра Ремизова[6]. «Скифы» появились в Москве, в книжных магазинах. Дорогой Разумник Васильевич, я уже послал Вам серию моих стихов: не веря почте, еще раз посылаю их в этом письме[7]. Что касается статьи, то... пожалуй, я опоздаю? Дело в том, что пишу статью о звуке (а la «Жезл Аарона»), но она будет готова лишь дней через 10[8]. Пожалуй, она опоздает. Хотел Вам написать небольшую статью о русской революции в виде «открытого письма Вам» (в этой форме было бы мне легче всего высказаться), да думаю, что уже для II-го сборника это будет поздно[9]. Работаю вяло и с трудом: до работы ли? Например: только оттого не продолжаю «*Котика*», что все думы о хлебе насущном. Если бы была уверенность, что III «*Скиф*» выйдет, то сел бы писать тотчас же после статьи. А нет уверенности: потратишь месяца 3-4 на «Котика», а потом все равно время уйдет, он будет лежать на руках.

Ася моя меня беспокоит: болела, а теперь банки уже не переводят денег в нейтральные страны, лишь во Францию, Италию, Англию. Это черт знает что! Это значит – сознательно морить с голоду людей русских, живущих в Швейцарии. Я так зол, что на границе терпения. Ей Богу, пойду кричать по улицам: «Караул, жену морят голодом!» Ведь это же жестоко. Ведь Асе жить не на что! Где спокойно работать при такой жизни! Каждый шаг, каждый житейский поступок сопровождается несосветимыми трудностями; посылаешь посылку, – надо 2 раза посылать; посылаешь деньги, – нельзя; идешь что-нибудь купить, – день пропадает. Приходишь усталый, разбитый, – глядь: еще какой-нибудь сюрприз!

Дорогой Разумник Васильевич, я бы был очень благодарен Вам, если бы получил от «*Скифов*» деньги, рублей 400 – за август и за сентябрь, но по следующему адресу, ибо я еще не в Москве до 10-го сентября (бываю наездом): Москва. Алексею Сергеевичу Петровскому. Остоженка. Полуэктов пер., д.3, кв.4. Для простоты можно прямо послать ему (я его предупрежу); мама еще в «Демьянове»; я еще в «Поворовке» (на днях еду в «Дедово»); и всего удобнее перевести деньги Петровскому. Между прочим: Петровский в восторге от Вашей статьи[10]. Мы с ним во многом согласны. Уж не знаю, сумею ли выбраться к Вам: 1) пожалуй, и не проберешься в Петроград, 2) пробравшись, не выберешься обратно. Если будет возможность, приеду.

Остаюсь глубоко любящий Вас и искренне преданный Борис Бугаев.

P.S. Варваре Николаевне привет.

[1] Заказное письмо. Почтовые штемпели: Поворово. 2.9.17; Царское Село. 4.9.17.

[2] Статья «Испытание огнем» была опубликована в «Скифах» (Сб.1. С.261-304) с примечанием: «Статья написана в конце 1914 г.; дополнена и закончена в 1915 г.». Следом за ней помещена статья Иванова-Разумника «Социализм и революция» (июнь 1917 г.), с подзаголовком: «(Послесловие к статье “Испытание огнем”)»; в ней говорится: «Когда через год-полтора после начала войны статья “Испытание огнем”, зарезанная военной цензурой, получила значительное распространение в гектографированных и рукописных списках, то автор мог из ряда сочувственных откликов убедиться, что былое “еретичество” уже количественно становится силой, способной “померяться главами” с правоверным социал-патриотизмом...» (С.305).

[3] В «Испытании огнем» Иванов-Разумник пишет: «Что будет после гашиша национализма? Пророком быть не трудно: von der Humanität über Nationalität zur Bestialität – это знали до войны сами немцы, более других опьяненные теперь гашишем национализма» (С.269).

[4] «Марфа Посадница» (1914) – поэма С.А.Есенина, опубликованная в «Скифах» (Сб.1. С.XIII-XVI). См.: Швецова Л. Андрей Белый и Сергей Есенин: К творческим взаимоотношениям в первые послеоктябрьские годы // *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.404-425.

[5] Статья Л.Шестова «Музыка и призраки» (Скифы. Сб.1. С.213-230).

[6] «Ясня. Русалия в 3-х действиях» (1916; Там же. С.107-115).

[7] См. п.59, примеч.6. При п.60 автографов стихотворений Белого нет.

[8] Подразумевается «Глоссолалия». В записях о сентябре 1917 г. Белый фиксирует: «Продолжаю работать над статьей о звуке. <...> Вторая часть “Глоссолалии”» (Работа и чтение // *РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.6).

[9] Комментарий Иванова-Разумника: «Статья не была написана» (Л.14об.).

[10] Подразумевается статья «Испытание огнем».

61. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
5 сентября 1917 г. Поворово[1].

5-го сентября. Поворовка. 17 г.

Дорогой, глубокоуважаемый Разумник Васильевич, – поздравляю Вас с избавлением от «корниловщины»[2]... Смутные и тревожные часы переживали мы. Ну как работать в такой обстановке. Я совсем расхворался: вот уже 2 недели мигрени, слабость и полная невозможность работать: статья для «Скифов» готова[3]; остается ее переписать 2 раза (один раз для посылки Вам, другой – на случай пропажи на почте, чтобы была копия, которую я или сохраню для вторичной высылки Вам, или для книги «*Кризис сознания*»)[4].

Посылая статью (я ее пошлю дней через 10 – переезд предстоит, отнимающий у меня дня 4)[5], я очень-очень прошу Вас со мной не стесняться, потому что статья вышла совершенно безумная a la «Котик»; и, может быть, если не Вы, то Ваши товарищи по «Скифу» будут затрудняться ее печатать; она выглядит очень революционной по утверждениям и парадоксальной. Называется она «*О космическом звуке*»: ее тезис: «мир, построяемый языком в нашей полости рта, есть точно такой же мир, как вселенная: семь дней творения *звуков* во рту аналогичны семи дням творения мира; некогда слова оплотнеют материками и сушами, а языки превратятся в целые планетные системы со зверями, птицами и людьми; по отношению к этим мирам – мы будем Элохимами»[6]. Вот тезис: если он безумен, отвергните; я нисколько не обижусь. По окончании статьи принимаюсь за «Котика» для III «Скифа», если таковый будет[7]. Очень-очень прошу мне перевести деньги: нуждаюсь... по адресу – Москва. Арбат. Никольский пер., 21, кв.5.

Дорогой Разумник Васильевич, вот теперь я приехал бы к Вам на неделю, на две, если бы была возможность: но меня, верно, не пустят. Вам виднее: дадут ли разрешение?

Жду краткого ответа на московский адрес.

Остаюсь глубоко любящий и преданный Борис Бугаев.

P.S. Привет Варваре Николаевне. Привет детям.

[1] Заказное письмо; почтовые штемпели: Поворово. 7.9.17 и 8.9.17; Царское Село. 9.9.17.

[2] Во второй половине августа 1917 г. верховный главнокомандующий вооруженными силами России генерал Л.Г.Корнилов, в связи с усугубляющимся разложением русской армии и дестабилизацией политического положения в стране, предпринял попытку военного переворота: опираясь на армейские части, начал поход на Петроград с целью добиться передачи себе всей полноты власти. 30 августа движение корниловцев на Петроград было остановлено, 2 сентября Корнилов арестован. См.: Керенский А.Ф. Дело Корнилова. М., 1918.

[3] Имеется в виду «Глоссолалия» («О космическом звуке»). Ср.: «...весь сентябрь езжу в Дедово, где зарываюсь в словари (греческие) и добираю из словарей глоссолалийный материал» (*РД*. Л.89).

[4] См. п.45, примеч.9.

[5] Подразумевается возвращение на постоянное жительство в Москву.

[6] Элохим (*евр.*) – в теософской интерпретации «означает эманированные активные и пассивные сущности» и «представляет семеричную силу Божества» (Блаватская Е.П. Теософский словарь. М., 1994. С.523-524; см. также: Андрей Белый. Символизм: Книга статей. М., 1910. С.623-624). Ср.: «И – не было: ни начал, ни архангелов, ангелов; не было человека, животных, трав, суши; само Божество не склонилось еще к месту мира: оно еще отлагалось обвалом: образовало дыру в самосоздании духовных существ; но обвалы духовного мира – дары; их повергли в *ничто*, как жар жизни, – Престолы; а Элогимы плотнили жару: – образовалось сознание жара и шара внутри Элогимов; самосознание Элогимов теперь проницало себя; и – ощутило свое бытие (план физической жизни), как пышащий шар; и очами смотрело в себя: очи шара – случения элогимовых мыслей – себя ощутили, как самостность тела: то было началом Начал; воплощались они» (Андрей Белый. Глоссолалия: Поэма о звуке. Берлин, 1922. С.38).

[7] Имеется в виду второй, после «Котика Летаева», роман автобиографического цикла, предполагавшийся к опубликованию в 3-м сборнике «Скифы».

62. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
6 сентября 1917 г. Царское Село[1].

6 сент. 1917. Ц.С.

Дорогой и милый Борис Николаевич, –

спасибо за стихи, спасибо за письма – все получено. Для «Скифов» (II) – пишите все, что вздумается; крайний срок доставления статей – конец сентября; еще успеете. О русской революции (в виде открытого письма) очень и очень прошу Вас написать: нужно и ценно. Статью о звуке – присылайте (да не забудьте примечания-обещания в «Скифе» I-ом о статье по поводу ритма)[2]. «Котика» – пишите и пишите; деньги Вам будут высылаться безостановочно, ежемесячно (400 р. Петровскому высланы). «Скиф II» выйдет в октябре[3]; «Скиф III» без «Котика» не появится.

Ах, если бы Вы приехали: мы проредактировали бы вместе «Скиф II», подобрали бы к нему Клюева, Есенина, обсудили бы план Скифа III-го. Да что! Просто пожили бы Вы у нас, переговорили бы мы о многом. Лишь бы только удалось Вам попасть в Питер; билет от нас в Москву можно достать теперь в двадцать минут.

Пишу урывками, спешно; до другого раза! А если приедете – чудесно будет.

Сердечно обнимаю Вас.

Разумник Иванов.

[1] Ответ на п.60 и 61.

[2] Имеется в виду примечание к «Жезлу Аарона» (Скифы. Сб.1. С.203), в котором Белый уведомлял о публикации во 2-м сборнике «Скифы» своей статьи «О ритмическом жесте». См. п.43, примеч.5; п.44, примеч.3. Позднее книга Белого «О ритмическом жесте» анонсировалась с пометой «в печати» в альманахе «Северные дни» (Сб.II. М., 1922. С.159), но и эта попытка ее опубликовать не реализовалась.

[3] 2-й сборник «Скифы» ([Пг.], 1918) вышел в свет позднее – в конце 1917 г.

63. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
16 сентября 1917 г. Царское Село[1].

16 сент. 1917. Ц.С.

Дорогой Борис Николаевич, –

с «Демократического Совещания» (будь оно неладно)[2] – прямо к письменному столу, за письмо к Вам. Рядом на столе – гранки окончания «Котика». Скиф II-ой в наборе, выйдет к ноябрю.

Вывод отсюда ясный: Вам необходимо ехать в Питер, прилагаемое юмористическое удостоверение может сыграть вполне серьезную роль в Коммисариате (или где там), для получения разрешения на въезд[3].

400 р. давно уже высланы Петровскому; получили? Очень хочу видеть Вас редактором Скифа II-го наряду с прежней редакцией[4]. Предполагаемый материал – «Котик», рассказы Пришвина и Ремизова, стихи А.Белого, Клюева, Есенина, Ганина (новый мужичок, подает небольшие надежды), статьи Герцена (неизданная), М.Спиридоновой («Революция и Человек»), Мстиславского («Родина»), моя («Испытание революцией»), Л.Шестова, Авраамова[5]. Ах, хорошо бы – «Письмо» Ваше о революции! – Статьи о звуке – не получил. Привезете сами?

Очень и очень надеюсь увидеться, дорогой Борис Николаевич, – и в надежде этой – шлю Вам только эти немногие строки.

Сердечно Ваш Разумник Иванов.

[1] Написано на бланке изд-ва «Скифы».

[2] Имеется в виду Всероссийское Демократическое совещание, проходившее в Петрограде 14-22 сентября. Созвано по решению Объединенного заседания ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. На совещании присутствовали представители Советов, комитетов, профсоюзов, самоуправлений и пр. Целью совещания было найти выход из правительственного кризиса, возникшего в результате

выступления генерала Корнилова. 16 сентября состоялось общее заседание, на котором выступили бывшие министры и лидеры политических партий. В газетном отклике, напечатанном 23 сентября, Иванов-Разумник охарактеризовал совещание как «томительную неделю новой "парламентской" говорильни»: «...противное и томительное зрелище это Демократическое Совещание и на его корне ныне расцветающий Верховный Совет; противны все эти "кризисы власти", заканчивающиеся неизменно созданием "нового Временного Правительства", танцующего все от той же самой печки мещанского социализма» (Иванов-Разумник. Год революции: Статьи 1917 года. СПб., 1918. С.71-72).

[3] К письму приложен следующий документ на бланке изд-ва «Скифы»:

Петроград.
17 сентября 1917 г.
Вас<ильевский> Остр<ов>, 5 л<иния>, д.28.

Книгоиздательство сим удостоверяет, что *Борису Николаевичу Бугаеву* (*Андрею Белому*) по делам издательства необходимо приехать на две недели в Петроград в конце сентября и первой половине октября с.г.

По поручению редакции
За Издательство «Сирин»

Р.Иванов.

[4] Белый указан как редактор 2-го сборника «Скифы» наряду с Ивановым-Разумником и С.Д.Мстиславским.

[5] Из перечисленных лиц во 2-м сборнике «Скифы» приняли участие Иванов-Разумник, Андрей Белый, Клюев, Есенин, Ремизов, Ганин. «Испытание революцией» – вероятно, статья Иванова-Разумника «Поэты и революция», открывавшая сборник (С.1-5). Неизданная статья А.И.Герцена в сборник не вошла (возможно, что была намечена к публикации статья «Жером Кеневич» («Jérome Kénévitz», 1865), позднее напечатанная в сб. «А.И.Герцен. 1870 – 21 янв. 1920» (Пг., ГИЗ, 1920); см.: Герцен А.И. Собр. соч. В 30 тт. Т.18. М., 1959. С.434-437, 665-666).

Алексей Алексеевич Ганин (1893–1925) – поэт, автор цикла стихов «Причастье Тайны» во 2-м сборнике «Скифы» (С.188-193). О его общении в 1917 г. с Ивановым-Разумником и С.А.Есениным см. в воспоминаниях М.Л.Свирской (Минувшее: Исторический альманах. Вып.7. Paris, 1989. С.49-50. Публикация Б.Сапира). Е.Г.Лундберг пишет о декабре 1917 г.: «Познакомился у Иванова-Разумника с С.Есениным и А.Ганиным. Поэты. Оба молодые» (Лундберг Е. Записки писателя. Берлин, 1922. С.110). См. также: С.А.Есенин. Материалы к биографии. М., 1992. С.365, 372-373 (комментарий Н.И.Гусевой, С.И.Субботина, С.В.Шумихина). Стихотворение Ганина «Далекий век, от колыбели...» Иванов-Разумник поместил в 6-м выпуске воскресного приложения «Литература и революция» (Дело Народа. 1917. №163. 24 сентября). Произведения Ганина ныне собраны в отдельном издании: Ганин А.А. Стихотворения. Поэмы. Роман / Сост., предисловие, коммент. С.Ю.Куняева, С.С.Куняева. Архангельск; Вологда, 1991.

Мария Александровна Спиридонова (1884–1941) – член боевой организации партии эсеров, активный деятель партии левых эсеров (после октября 1917 г. – товарищ председателя ЦК левых эсеров).

Арсений Михайлович Авраамов (псевдоним – Ars, 1886–1944) – музыкальный теоретик, композитор и фольклорист, был близок к кругу эсеров, в 1917 г. печатался в «Деле Народа». В 1917–1918 гг. правительственный комиссар искусств Наркомпроса РСФСР, один из организаторов Пролеткульта (возглавлял его музыкальные и художественно-этнографические отделы). В позднейшем письме к Конст.Эрбергу (от 25 января 1941 г.) Иванов-Разумник говорит об Авраамове: «Непременно охарактеризовал бы его примерно следующим образом: "Талантливый неудачник, обещавший гораздо больше, чем дал. Автор ряда интересных статей о музыке <...>, поклонник Ребикова, враг темперированной гаммы, пропагандист натуральной гаммы и 'четвертитония'. Задуманные грандиозные работы по теории музыки так и остались неосуществленными, но отдельные небольшие напечатанные статьи все очень интересны. За последние годы забросил все теоретические вопросы, уехал в Кабардо-Балкарию и занялся там записыванием и обработкой народных мотивов"» (Собрание М.С.Лесмана – Н.Г.Князевой. С.-Петербург).

64. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
18 сентября 1917 г. Москва[1].

18 сентября. 17 года.

Дорогой Разумник Васильевич,

завтра утром иду в Коммисариат и получаю разрешение на выезд; но ранее понедельника 25-го не выберусь. Разрешение получу тем легче, что помощник Кишкина[2], Гри-

горов, – руководитель «антроп<ософского> Кружка». Дорогой Разумник Васильевич, – с радостью, с глубокой радостью еду к Вам: с благодарностью принимаю Ваше предложение со «Скифами»[3] тем более, что после первого сборника я почувствовал себя *воистину* скифом; все направление (и политическое, и эстетическое) мне очень по сердцу: Ваша статья мне страшно говорит[4]. Письмо к Вам позвольте написать у Вас после разговора с Вами[5]. Так она будет действенней. Статью о звуке привожу с собой: боюсь – забракуете. Но, ради Бога, со мной не стесняйтесь: бракуйте. Она – левей футуризма; и может быть, – абракадабра; может быть, – интересна. Я ушел по уши в нее... Но обрываю. Страшно радуюсь провести с Вами недельку. У меня так много есть что сказать Вам.

Остаюсь искренне любящий и преданный Вам Борис Бугаев.

P.S. Варваре Николаевне и детям привет.

[1] Ответ на п.63. Заказное; почтовые штемпели: Москва. 18.9.17 и 19.9.17; Царское Село. 21.9.17.

[2] Николай Михайлович Кишкин (1864–1930) – один из лидеров партии кадетов и ее московской группы; после Февральской революции комиссар Временного правительства в Москве, с 25 сентября 1917 г. министр государственного призрения Временного правительства.

[3] Комментарий Иванова-Разумника: «Предложение – стать одним из редакторов сборников “Скифы”. Первый сборник вышел под редакцией А.И.Иванчина-Писарева, С.Д.Мстиславского (Масловского) и ИР; первый из них скончался еще в период собирания материалов для сборника (27 июня 1916 г.). Второй сборник, появившийся на рубеже 1917 и 1918 г., вышел под редакцией АБ, ИР и С.Д.Мстиславского» (Л.14об.).

[4] Подразумевается статья «Испытание огнем».

[5] Подразумевается статья, задуманная в форме письма к Иванову-Разумнику. См. п.60, примеч.8. Комментарий Иванова-Разумника: «“Письмо” написано не было, но его заменила статья АБ “Песнь солнценосца”, напечатанная во втором сборнике “Скифов”» (Л.15).

65. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
25 сентября 1917 г. Москва[1].

25-го сентября 17 года.

Дорогой Разумник Васильевич,

что за несчастие? Имею разрешение на приезд в Петроград; и – забастовка[2]. Должен выехать 26-го. Теперь придется отложить. Если будет время, хотя бы неделя, непременно приеду; т.е., если забастовка окончится через неделю, – приеду; если протянется, увы, – не судьба[3].

Мне должно дать объяснение о статье. Статья, очень трудная по теме (для меня), в процессе писания потребовала от меня, чтобы я просунул нос в М.Мюллера, Мейе, Бругманна и прочих лингвистов[4]; оттого я запоздал; теперь статья готова; остается ее переписать; через неделю высылаю; я надеялся переписать ее у Вас, отдавая в типографию для набора соответствующие части; а вот забастовка подвела. Ради Бога простите меня, что так опоздал; все оттого, что тема непокорная; я собственно написал 2 больших статьи: о Блоке (его аллитерациях; и тут уткнулся в проблему звука); экскурс разросся; и вместо экскурса выросла вторая статья («Блок» же остался в черновых набросках)[5]; далее: мое слабое здоровье; оно пошатнулось; из 4-х дней – 2 нормально работаю; 2 – страдаю от мигреней, невралгий, лихорадок, зубных болей и т.д. – И так уже полтора месяца. Оттого – ползу, как черепаха, с работой. Статья имеет до 70<-ти> писаных страниц. Я все-таки, вопреки Вашему указанию, пошлю ее, хотя и опоздаю на несколько дней; но ради Бога, будьте суровы к ней: и если она не подходит, бракуйте ее; а она может не подойти: 1) *темою* (мистико-футуристическая лингвистика), 2) *длиною*, 3) *парадоксальностью* и т.д.

Дорогой Разумник Васильевич: на днях пишу лично Вам: это же письмо – деловое; деньги (400 рублей) получил; и – большое спасибо.

Господи, как судьба препятствует нам увидаться уже скоро 6 месяцев: чуть было не приехал к Вам весной, летом, в августе, теперь; Вы тоже не приехали в Москву.

Остаюсь искренне любящий и преданный Вам Борис Бугаев.

P.S. «*Скиф*»[6] мгновенно разошелся в Москве: теперь его ищут; и – нигде не находят; в магазинах – нет; спрос – есть.

P.P.S. Я надеюсь приехать тотчас после забастовки, которая, верю, не продлится долго. Если надо будет обновить разрешение, обновлю.

[1] Заказное письмо; почтовые штемпели: Москва. 25.9.17; Царское Село. 27.9.17.

[2] Ср. свидетельства современника: «*25 сентября.* <...> Со вчерашнего дня началась забастовка на ж.д., кроме "фронтовых", т.е. Александровской, Киево-Воронежской и Виндавской»; «*27 сентября.* <...> Ж.-д. забастовка прекращается в ночь на сегодняшний день» (Окунев Н.П. Дневник москвича. Указ изд. С.87, 89).

[3] Белый выехал в Петроград в один из последних дней сентября или в самом начале октября. Ср. его позднейшие записи: «Разумн<ик> Вас<ильевич> по делам "*Скифов*" вызывает меня в Петербург, куда являюсь в первых числах октября»; «Октябрь связан мне тою же милой жизнью с Раз<умником> Вас<ильевичем> и ожиданием уже ясно наметившегося Окт<ябрьского> переворота» (*РД*. Л.89).

[4] Макс Мюллер (Müller, 1823–1900) – английский антрополог, историк религий, переводчик древних индийских литературных памятников («Упанишады»), специалист по общему языкознанию. В «Глоссолалии» Белый дает примечание (С.25): «См. Макс Мюллер "Лекции по науке о языке"». Имеются в виду его «Lectures on the Science of Language» (London, 1861–1864). Антуан Мейе (Meillet, 1866–1936) – французский языковед; с 1906 г. иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук. В «Глоссолалии» имеется примечание (С.23): «Сюда А.Мейе: "Введение в сравнительную грамматику индо-европейских языков". (Перевод). Юрьев 1914 г.» (Перевод книги Мейе «Introduction a l'étude comparative des langues indo-européennes». Paris, 1903; 2 éd. – 1908, неоднократно переиздававшейся). Карл Бругманн (Brugmann, 1849–1919) – немецкий языковед, один из основоположников «младограмматизма»; иностранный член-корреспондент Петербургской Академии наук с 1893 г. В «Глоссолалии» Белый дает примечание: «См. Поржезинский, Мейе; сюда же и Бругманн: Kurze vergleichende Gram. der Indo-Europ. Sprache» (С.46; «Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen». Strassburg, 1902–1904). В заметках «Работа и чтение» Белый записал об августе 1917 г.: «Читаю Фонетику Мейе, книгу о языке "М.Мюллера". Книгу "Психология творчества". Проглядываю Бругмана "Kurze vergleichende Grammatik". Работаю над звуком» (*РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.6). См. также п.57, примеч.4.

[5] «Вторая статья» – «О космическом звуке» («Глоссолалия»). См. также примеч.4 к п.44.

[6] 1-й сборник «Скифы».

66. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
9 ноября 1917 г. Царское Село[1].

9 ноября 1917. Царское Село.
Колпинская, 20.

В тяжелые, давно предвиденные дни вступили мы, дорогой и милый Борис Николаевич. Только Вы уехали от нас – и снова «Демоны вышли из адской норы»[2], снова загремели выстрелы. Одновременно были под обстрелом и Вы в Москве и мы в Царском.

Пока уцелели – но впереди надвигается многое грознейшее. И труднее всего именно в такие дни сохранить прежнюю твердую веру. Так легко начать «громить большевиков» за «разгром Москвы»[3] – точно в них тут дело! Точно без глубочайших внутренних причин толпы народные пошли бы убивать друг друга.

Партии – омерзительны; фракционные раздоры и диктатура одного человека, искреннего, но недалекого[4], – погубили революцию. Теперь такие же люди хотят вывести из тупика – и все дальше и дальше заходят в него. Вожди «большевистские» – все то же самое политическое болото; но *масса* большевистская – лучшие и самоотверженнейшие люди. Я с ними провел все дни «октябрьской революции» – с 26 по 28 октября я был безвыходно в Смольном; потом через дня два-три в Царском массами были кронштадцы и красногвардейцы. Как горевал я, что Вы уехали – особенно когда узнал, что́ творится в Москве.

Дорогой Борис Николаевич, – имею к Вам кучу дел, все эти скифские дела излагаю на особом листке; а здесь хочу только еще раз сказать Вам, что если только дела Ваши позволят, и если также позволят дела общероссийские, – приезжайте снова к нам в Царское «на-подольше», если только у нас уютно Вам живется и работается. А то я боюсь, что в нынешней атмосфере Москвы недолго Вы выдержите.

Сегодня утром я послал Вам заказную бандероль, – корректуру «Котика Летаева»[5], об этом речь идет на следующем листе; я завернул ее в газету «Знамя Труда» от 28 окт<ября>, где есть моя статья «Свое лицо». Прочтите ее, чтобы стало ясно, почему я не с Лениным, но и не с теми, кто хочет обрушить громы на его голову[6].

Напишите побольше, если найдется время. Как-то Вы провели в Петербурге последний день? Я звонил в два часа дня Мережковским «incognito»: из типографии Вам по ошибке послали к ним не только оттиски и сборник, но и рукопись «Котика», нужную здесь для сверки. Я искал Вас по телефону, чтобы вернуть рукопись, но от Мережковских (где Вы должны были быть) мне мрачно ответили (не зная, что это я) – что де ни Андрея Белого, ни Б.Н.Бугаева здесь не имеется и иметься не будет[7]. Очень я удивился – да так и не нашел Вас.

Ну, все это вздор. О серьезном хотел бы написать Вам – да где время взять? Вот и приходится надеяться вновь на Ваш приезд, тем более, что если живы будем, то и III-ий «Скиф» пора строить.

Посылаю Вам сегодня в этом письме поэму Есенина «Пришествие», посвященную Вам. Как Вы думаете, если поместить ее в 3-ьем «Скифе»?[8] В ней есть чудесные места, некоторые я твержу уже несколько дней. И снова революция, как Крестный путь, как Голгофа. Конец какой чудесный:

Пролей ведро лазури
На ветхое деньми!..[9]

Растет мальчик (и откуда что берется); пройдя через большие страдания, быть может, и до Клюева дорастет. Кое в чем он уже теперь равен ему.

Следующий раз пришлю еще одну новую поэму Есенина – «Октоих»[10]. А может быть, и присылать не надо: к началу *декабря* приедете к нам, чтобы встретить с нами Новый Год?..

Сердечно обнимаю Вас; шлет Вам привет Варвара Николаевна и просит не откладывать надолго отъезд. И Лева с Иной[11] обрадовались, узнав, что Вы можете приехать: с Вами уютно живется. Так приезжайте же при первой возможности, милый Борис Николаевич.

Сердечно Ваш Разумник Иванов.

———

9 – XI – 1917. Ц.С.

Дорогой Борис Николаевич, –
– дела Скифские!

1) Сегодня выслан Вам сверстанный «Котик». Необходимо вернуть без долгого промедления.

2) Вместе с ним верните и рукопись «Котика» (гл.V – Эпилог), по ошибке отосланную Вам вместе с оттисками к Мережковским. Получили ли?

3) Второй «Скиф» верстается. Порядок верстки такой: статьи моя и Ваша о Клюеве и др.[12], «Песнь Солнценосца» и «Февраль» Клюева[13], поэмы Есенина[14], два стихотворения Орешина (выбранные нами)[15], Ваши стихи[16], «Котик Летаев», «Избяные песни» Клюева, «Островитяне» Замятина[17], круг стихов Есенина[18], Ремизов «Gloria in excelsis», Ганин – выбранные нами стихи[19], Ремизов – «Слово о погибели Русской Земли»[20], моя статья «Две России»[21]. – О части, неизвестной Вам, следуют пункты:

4) Ремизов – «Gloria in excelsis» – рассказ; его высылаю Вам на днях в гранках. По прочтении – гранок не возвращайте, а лишь сообщите, печатать ли рассказ. Он, по-моему, не из самых сильных ремизовских, но отдельные места все искупают. Общее настроение рассказа – «интернационалистское»... (конечно, шучу, – но не совсем – сами увидите).

5) Ремизов – «Слово о погибели Русской Земли» – вещь совершенно удивительная по силе, и глубоко мне по духу враждебная. О ней – статья моя «Две России», непосредственно за ней следующая[22]. И «Слово» и статью на днях пришлю в гранках и буду ждать ответа. Мое мнение – именно в «Скифах» надо напечатать это велико-

лепное «Слово», глубоко *реакционное* не по внешности, а по глубокой внутренней сущности. З.Н.Гиппиус отказалась напечатать это «Слово» в предполагавшейся Савинковской газете[23], заявляя, что «Слово» это «слишком черносотенно»... Впрочем – прочтете, сами увидите. Буду ждать ответа.

6) Теперь самое главное. Все эти вещи занимают уже места на 14-15 печ<атных> листов: мы уже перешагнули через возможный по материальным причинам maximum. И теперь надо решить – одно из двух: или печатанием второго отдела (статьи – Герцена, Шестова[24], Ваша, моя и др.) увеличить размер II-го сборника до 20 п.л. – но тогда цена его будет не менее 10-12<-ти> рублей; или весь второй отдел перенести в III-ий сборник, который начать набирать немедленно же, обсудив имеющиеся материалы (о чем в следующем письме), а II-ой сборник ограничить одним первым отделом, перечисленным выше в п<ункте> 3-ьем; тогда будет возможность назначить за него цену около 7 р.[25] Решить это надо *немедленно*. Ответьте!

7) Сообщаю мои доводы за *второе* решение этого вопроса. Во-первых – цена 10-12 р. за книгу – непосильна. Во-вторых и главных: оказывается, что клише для «Глоссолалии» нельзя изготовить так скоро, как надо; без клише – статью невозможно печатать[26]. «Глоссолалия» – уже в наборе, ее понемногу будут набирать, клише понемногу будут изготовлять – и как раз к III-му сборнику (к концу января, например) она не задержит нас ни на один день. А теперь мы рискуем надолго оттянуть II-ой сборник, который иначе может выйти немедленно, после получения от Вас обратно корректур. Как Вы думаете, Борис Николаевич? Ответьте спешно!

8) И еще одно: необходимо (в тех же финансовых целях) еще на один лист уменьшить сборник II-ой. А выбросить – ничего нельзя, жалко. Опять-таки одно из двух: разрешите мне отложить для III Скифа либо часть стихов Есенина, либо часть стихов Андрея Белого. Если разрешите – тоже сообщите.

Вот, кажется, и все наши скифские дела. *Поскорей* верните корректуру «Котика»! Не забудьте приложить и рукопись, если она у Вас, – необходима для типографского подсчета набора! Ответьте на все восемь пунктов без замедления! – Быть может, в спехе я еще кое-что и пропустил, но – до следующего письма!

А III-ий «Скиф» необходимо вместе составить в Царском Селе, в декабре! Жду.

Сердечно любящий Вас Р.Иванов.

[1] Написано на бланке изд-ва «Скифы».

[2] Обыгрывается строка из «Песни солнценосца» Н.А.Клюева: «И Демоны выйдут из адской норы» (Скифы. Сб.2. [Пг.], 1918. С.11); Белый цитирует ее в статье «Песнь Солнценосца» (Там же. С.9). Белый вернулся в Москву 24 октября – в канун Октябрьского переворота: «Уезжаю в Москву в день наведения пушек "*Авророй*" на "Зимний Дворец"» (*РД*. Л.89об.). 4 ноября 1917 г. Белый писал А.Тургеневой: «24-го <октября> я вернулся из Петрограда, а 25-го начались события нашей жизни, столь потрясавшие нас. <...> В день отъезда (носильщик достал мне билет только на 24-ое, хотя я пытался уехать еще 10 октября), Мережковским по телефону сказали, что начался переворот, и я уехал в Москву, не зная, что происходит» (Malmstad John E. Andrej Belyj at Home and Abroad (1917–1923). Materials for a Biography // Europa Orientalis. 1989. №8. P.436-437).

[3] Речь идет о последовавших за большевистским государственным переворотом боях в Москве, продолжавшихся с 27 октября по 3 ноября: «В одной Москве, говорят, от 5000 до 7000 жертв, а сколько испорчено зданий, имущества и всякого добра, и не перечесть» (Окунев Н.П. Дневник москвича. Указ. изд. С.100. Запись от 10 ноября 1917 г.). См.: Епископ Нестор Камчатский. Расстрел Московского Кремля (27 октября – 3 ноября 1917 г.) / Составление и предисловие Н.Малинина. М., 1995.

[4] Подразумевается А.Ф.Керенский – министр-председатель Третьего коалиционного правительства с 25 сентября по 25 октября 1917 г.

[5] Корректура гл.5-6 и Эпилога «Котика Летаева», печатавшихся во 2-м сборнике «Скифы».

[6] В статье «Свое лицо» (Знамя Труда. 1917. №56. 28 октября) Иванов-Разумник формулировал свою политическую позицию следующим образом: «"Большевики" – победили; они у власти. И если в дни торжества серого социалистического центра, в дни власти бескрылой социалистической серости, в дни пошлых издевательств над "запломбированными" деятелями левого социализма, если в те дни не было нравственной возможности стать на сторону горе-

победителей, увязнувших в реакционном болоте, то в нынешние дни победы "большевиков", в дни их торжества и силы – каждый из нас может и должен прямо и смело наметить *свой* путь, не идя за колесницей победителей». Далее, выражая сомнения в том, что большевики, придя к власти, смогут прекратить войну и отменить смертную казнь, Иванов-Разумник заключал: «Нет, я не уверен – скорее даже уверен в противном. Ибо я вижу, что смертная казнь свободного слова – уже началась; уже предписано "закрытие на всей территории Российской Республики всех не-демократических газет"... Диктатура одной партии, "железная власть", террор – уже начались, и не могут не продолжаться. Ибо нельзя управлять иными мерами, будучи изолированными от страны. Я знаю, что в этой преступной изоляции больше всего виновато именно социалистическое "большинство", умывшее ныне руки, подобно Понтию Пилату; я знаю, что часть этих болотных людей готова идти дальше, готова призывать громы земные на "большевизм", готова вопить: "кровь его на нас и на детях наших"... Но я знаю также, что дорога внешнего и внутреннего террора – не мой путь, что здесь пути мои одинаково разошлись с одними и другими... А практические выводы? Надо резко отмежеваться на обе стороны, чтобы сохранить свое лицо. Ибо *свое лицо* – самое дорогое, самое святое, что только может быть у человека» (Иванов-Разумник. Год революции. С.78-79).

[7] Речь идет о визите Белого к Мережковским 23 октября, перед отъездом в Москву. З.Н.Гиппиус записала в этой связи 24 октября: «Бедное "потерянное дитя", Боря Бугаев, приезжал сюда и уехал вчера обратно в Москву. Невменяемо. Безответственно. Возится с этим большевиком – Ив. Разумником (да, вот куда этого метнуло!) и с "провокатором" Масловским... "Я только литературно!" Это теперь, несчастный!» (Гиппиус З. Петербургские дневники. Нью-Йорк, 1990. С.190-191). Белый свидетельствует о той же беседе: «...кислейшая и последняя встреча с Мережковскими; ясно, что они меня проклянут: Керенский для них – "*левый предатель*"; я резко обрываю Гиппиус, когда она ругает Разумника» (*РД*. Л.89).

[8] Текст поэмы С.А.Есенина «Пришествие» (с посвящением Андрею Белому), написанной в октябре 1917 г., при письме отсутствует. «Пришествие» впервые опубликовано в «Знамени Труда» (1918. №141. 24/11 февраля; повторно – там же. №174. 7 апреля), также – в сб. «Мысль» (Кн.1. Пг., 1918. С.7-11) и в журнале «Наш Путь» (1918. №1. Апрель. С.38-42). См.: Есенин С. Полн. собр. соч. В 7 тт. Т.2. М., 1997. С.46-51, 318-320 (комментарий С.И.Субботина).

[9] Цитируется предпоследняя строфа «Пришествия» (см.: Там же. С.51). Эти строки и другие цитаты из «Пришествия» Иванов-Разумник приводит в статье «Две России» (Скифы. Сб.2. [Пг.], 1918. С.218-220, 224, 227), вышедшей в свет еще до первой публикации поэмы Есенина.

[10] Поэма «Октоих» (август 1917 г.) впервые опубликована в «Знамени Труда» (1918. №174. 7 апреля), почти одновременно – в журнале «Наш Путь» (1918. №1. Апрель. С.43-46), вышедшем в свет 13 апреля. В комментарии В.В.Базанова (Есенин С.А. Собр. соч. В 6 тт. Т.2. М., 1977. С.212) ошибочно указано, что в журнальной публикации поэма посвящена Р.В.Иванову.

[11] Дети Иванова-Разумника – Лев Разумникович (1904–1938) и Ирина Разумниковна (1908–1996) Ивановы.

[12] Статьи «Поэты и революция» Иванова-Разумника и «Песнь Солнценосца» Андрея Белого (Скифы. Сб.2. С.1-10).

[13] Это стихотворение Клюева («Двенадцать месяцев в году...») во 2-м сборнике «Скифов» опубликовано без заглавия (С.13-14), под заглавием «Февраль» – в «Знамени Труда» (1917. №105. 28 декабря).

[14] Цикл из 4-х поэм под общим заглавием «Стихослов»: «Товарищ», «Ус», «Певущий зов», «Отчарь» (Скифы. Сб.2. С.15-28).

[15] «Дулейка» и «Дед-Краснобай» (Там же. С.29-34) – стихотворения Петра Васильевича Орешина (1887–1938).

[16] В сборнике напечатаны только 2 стихотворения Белого – «Война» и «Родине» (Там же. С.35-36), но в верстке они были представлены (как явствует из последующего текста письма) в большем количестве.

[17] Повесть Евгения Ивановича Замятина (1884–1937), написанная в Англии в 1917 г. (Там же. С.119-163).

[18] Цикл из 15 стихотворений под общим заглавием «Под отчим кровом» (Там же. С.164-179).

[19] См. примеч.5 к п.63.

[20] Во втором сборнике «Скифы» это произведение было опубликовано вторично (С.194-200), впервые (в первоначальной редакции) – в 1-м воскресном литературном приложении

«Россия в слове» (под редакцией М.М.Пришвина) к газете «Воля Народа», вышедшем в свет во вторник 28 ноября 1917 г. (дата в «России в слове» не указана). Предположение о том, что этот выпуск был отпечатан 29 октября 1917 г. (см.: Иезуитова Л.А. «Слово о погибели земли русской» А.М.Ремизова в газете «Воля Народа» // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб., 1994. С.67-80), неосновательно; М.М.Пришвин выслал экземпляр 1-го выпуска «России в слове» (где была также напечатана поэма А.Блока «Соловьиный сад») А.Блоку 29 ноября 1917 г. (см.: *ЛН*. Т.92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.4. М., 1987. С.336), Блок в Хронологическом указателе своих стихотворений пометил эту публикацию: 28.XI 1917 (Блок А. Собр. соч. Т.5. Л., Изд-во Писателей в Ленинграде, 1933. С.296). См.: Субботин С.И. Еще раз о дате первой публикации «Слова о погибели...» А.М.Ремизова // Новое литературное обозрение. №14. 1995. С.154-155. Сообщение в рекламном объявлении «Воли Народа» о том, что литературное приложение «Россия в слове» выходит с декабря 1917 г., также свидетельствует в пользу ноябрьской датировки (см. примеч. Е.Р.Обатниной к письмам М.М.Пришвина А.М.Ремизову // Русская литература. 1995. №3. С.201).

[21] Все перечисленные тексты помещены во 2-м сборнике «Скифы» в том порядке, в каком они здесь называются.

[22] См.: Скифы. Сб.2. С.201-231 (датировка: «1917. Ноябрь»). Отрывок из этой статьи Иванова-Разумника (под заглавием «Разделение») был напечатан также в журнале «Наш Путь» (1917. №3. С.3-9). Позиция Иванова-Разумника по отношению к «Слову...» Ремизова рассматривается в статье Эдуарда Мануэльяна «"Слово о погибели русской земли" А.Ремизова и идеология скифства Р.Иванова-Разумника» (Алексей Ремизов. Исследования и материалы. С.81-88).

[23] Намерение Бориса Викторовича Савинкова (литературный псевдоним – В.Ропшин, 1879–1925), писателя и видного деятеля партии эсеров, одного из руководителей ее боевой организации, в июле-августе 1917 г. – управляющего военным министерством Временного правительства, издавать собственную газету осенью 1917 г. не реализовалось. Д.В.Философов приводит в этой связи в дневниковой записи от 12 сентября 1917 г. слова Савинкова: «Хочу основать большую вне-партийную газету. При ней клуб, как эмбрион партии», – и от себя добавляет: «Газету он проектирует как "трамплин", чтобы снова подняться. <...> Газета была уже на мази, и он говорил только о технике, ни минуты не ожидая с нашей стороны каких-нибудь возражений. Правда, Зина с Дмитрием вели себя так, что и не давали ему повода думать о каких-нибудь разногласиях» (Звезда. 1992. №3. С.153. Упоминаются З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковский). См. также дневниковые записи З.Н.Гиппиус от 10, 20, 21 сентября 1917 г. (Гиппиус З.Н. Петербургские дневники. С.175, 176, 178), ее мемуарные свидетельства об «антибольшевицкой газете» Савинкова, в которой согласились участвовать «почти все видные писатели» (Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С.244), и дневниковую запись А.Блока от 15 октября 1917 г.: «Два телефона с З.Н.Гиппиус (и Мережковским). Я отказался от савинковской газеты ("Час")» (Блок А. Собр. соч. В 8 тт. Т.7. М.; Л., 1963. С.311). Об отношениях Гиппиус с Савинковым см.: Пахмусс Т. Переписка З.Н.Гиппиус и Б.В.Савинкова // Воздушные пути. Альманах V. Нью-Йорк, 1967. С.161-167.

[24] Статьи этих авторов во 2-й сборник «Скифы» не вошли. В письме к А.М.Ремизову от 25 октября 1917 г. Л.Шестов запрашивал «аванс за вторую статью», представленную в «Скифы» (Русская литература. 1992. №4. С.125); какая именно его статья первоначально входила в макет 2-го сборника, неясно. См. также примеч.5 к п.63.

[25] На заднем листе обложки 2-го сборника «Скифы» указана цена: 7 р.

[26] Работу над «Глоссолалией», предполагавшейся к опубликованию во 2-м сборнике «Скифы», Белый завершил в Царском Селе в октябре 1917 г.; в записях «Работа и чтение» указано: «*Октябрь* <...> Заново переделываю "Глоссолалию"» (*РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.6). Клише требовались для печатного воспроизведения многочисленных схем и чертежей, входящих в «Глоссолалию».

67. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
9 ноября 1917 г. Дедово[1].

Дорогой Разумник Васильевич,

что с Вами? Черкните два слова. Я сейчас в Дедове[2]. После 6-дневной бомбардировки нашего дома, ни за что ни про что, я уехал: в квартире выбиты стекла, стоит адский холод. Вообще, у меня что-то вроде презрительного бойкота города, где мирные граждане – ни юнкера и контр-революционеры, ни большевики – рискуют жизнью. В

нашем доме нет ни одного цельного стекла, над нами рвалась шрапнель, а мы холодали-голодали и переживали одно чувство: за что?[3]

Дорогой Разумник Васильевич, я надеюсь, что мы и тут встретимся. Но... у меня *теперь* раздвоение; моя статья «*Песнь Солценосца*» уместна ли?[4] Радоваться, писать прославления тому, что свершилось, я не могу[5]. Но об всем «этом» после: теперь же напишите, живы ли, здоровы ли.

Еще раз глубокое спасибо за гостеприимство: вспоминаю нашу жизнь в Царском с теплым сердцем и благодарностью.

Остаюсь глубоко преданный и любящий Вас Борис Бугаев.

Мой привет и уважение Варваре Николаевне. Детям привет.

Дедово. 9 ноября 17 года.

[1] На конверте почтовые штемпели: Москва. 13.11.17; Царское Село. 15.11.17.

[2] О ноябре 1917 г. Белый вспоминает: «Уезжаю в Дедово; живу там недели две» (*РД*. Л.90).

[3] Московская квартира, в которой жили Белый с матерью (в Никольском переулке близ Арбата), пострадала во время боев 27 октября – 3 ноября 1917 г. В письме от 4 ноября к А.Тургеневой Белый сообщал: «...с субботы до пятницы <28 октября – 3 ноября. – *Ред.*>, т.е. целую неделю мы, т.е. наш дом, был отрезан от мира, потому что почти невозможно было выходить. Наш тихий арбатский район оказался неожиданно одним из центров военных действий. Юнкера, ударные войска и белая гвардия расположились по Арбату, Поварской, Пречистенке и по району наших переулков <...>, а войска революционного комитета и красная гвардия наступали с Хамовник<ов>, Смоленского рынка и с Пресни (кажется); словом: наш Никольский переулок оказался границей; и даже дома перепутались: с Арбатских домов, кажется, стреляли юнкера, с Трубниковского переулка наступали большевики и т.д. Загрохотали пушки, залетали снаряды, стены дрожали от грохота. В понедельник в 9 часов утра я вскочил с дивана (спал я в своем зеленом кабинетике) от оглушительного грохота; и подбежав к окну, увидел столб кирпичной пыли; оказывается: в дом против нас упала шрапнель и разорвалась перед окнами; с понедельника мы перекочевали в кухню и ванну; где только и можно было жить; пули пролетали в окна, разбивали стекла; шрапнель ударилась в балкон нашего дома, когда мы с мамой спасались в нижний этаж; осколок шрапнели, разбив стекла, пролетел на расстоянии не далее дюйма от маминого виска; с мамой сделалась истерика; последние дни мы ютились у Махотиных; было невозможно почти жить; почти нечего было есть; кабинет мой прострелен; стекла разбиты; стоит адский холод; работать нет никакой возможности <...>» (Europa Orientalis. 1989. №8. P.437).

[4] Эта статья Белого была всецело вдохновлена переживанием революционно-мессианского обновления мира: «...прекрасен Народ, приподнявший огромную правду о Солнце над миром – в час грома... Воскреснем: "Воистину"...» (Скифы. Сб.2. С.10).

[5] Комментарий Иванова-Разумника: «Октябрьскую революцию 1917 года АБ "принял" лишь в январе 1918 года» (Л.15).

68. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
16 ноября 1917 г. Царское Село[1].

16/XI/1917. Ц.С.

Дорогой Борис Николаевич, –

только сегодня получил несколько строк от Вас из Дедова, – обрадовался, что все благополучно, и огорчился, что письмо мое и, главное, бандероль с корректурой конца «Котика» Вами до сих пор не получены. И не знаю «дедовского» адреса – не могу написать Вам! – На авось посылаю сегодня в Москву последние листы корректуры. А в письме-то моем – сотня спешных вопросов! Каким телеграфом дать Вам эту весточку – уж и не знаю.

Ни о чем сегодня больше не пишу; напишу тогда, когда буду знать, что письмо мое прямо попадет к Вам в руки; еще раз только скажу: в Москве жить Вам нельзя, озлобитесь. А ведь Вы доселе один из крайне немногих, не впустивших злобы в душу свою. И еще раз: приезжайте скорее к нам в Царское пожить и поработать! Приезжайте, дорогой Борис Николаевич!

На обороте – шлю Вам, вместо ответа на Ваше письмо, поэму Есенина «Октоих»[2]. В прошлом письме послал Вам посвященное Вам «Посвящение»[3]. – На днях приезжал к Вам в Царское С<ело> некий Григ<орий> Ник<олаевич> Пéтников, о чем и просил Вам сообщить[4].

До скорого письма – или свидания? Сердечно обнимаю.

Ваш Разумник Иванов.

P.S. В следующем письме пришлю Вам Ремизова «Слово о погибели Русской Земли» и мою ответную статью – «Две России» (о Клюеве и Есенине с одной стороны, о Ремизове с другой)[5].

[1] Ответ на п.67. Написано на бланке изд-ва «Скифы».

[2] На обороте листа – список (рукой Иванова-Разумника) поэмы С.А.Есенина «Октоих» (*РГБ*. Ф.25. Карт.16. Ед.хр.6а. Л.36об.; см. также примеч.10 к п.66). Текст имеет следующие существенные варианты по отношению к опубликованной редакции. Гл.1, строфа 1-я:

О Русь! Склонись главою
Перед стопой Христа!
Великою рекою
Текут твои уста.

Строфа 2-я, ст.3-4:

Несем коровьим чаном
Мы солнце на руках.

Строфа 5-я, ст.1-2:

О родина, о ветры,
И ты, о отчий дом!

Гл.3, строфа 3-я, ст.4:

Кусал их звездный рот.

Варианты представлены в беловом автографе поэмы (см.: Есенин С. Полн. собр. соч. В 7 тт. Т.2. М., 1997. С.210-211), варианты строфы 5-й (ст.2) той же главы и строфы 3-й (гл.3) – в первых публикациях (Знамя Труда. 1918. №174. 7 апреля; Наш Путь. 1918. №1. С.43, 45).

[3] Вероятно, в автографе – описка; подразумевается поэма «Пришествие» (см. п.66, примеч.8).

[4] Г.Н.Петников (1894–1971) – харьковский поэт-футурист, член содружества «Лирень», в 1919–1920 гг. редактор журнала «Пути творчества» (Харьков); впоследствии – фольклорист, переводчик.

[5] См. п.66, примеч.20, 22.

69. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
28 ноября 1917 г. Москва[1].

28 ноября 17 года.

Дорогой Разумник Васильевич!

Простите, Бога ради: 26 н<оября> лишь вернулся из деревни; отвечаю стремительно и лапидарно: 1) на письмо Ваше от 9-XI-1917: a) корректуры «*Котика*» высылаю (с огромнейшим промедлением), b) рукопись «Котика» высылаю, c) рассказа Ремизова «*Gloria in excelsis*» не получал, d) «Слова» Ремизова не получал[2], e) конечно, с Вами согласен: следует II отдел II «Скифа» перенести в 3-ий сборник, f) «Глоссолалию», по-моему, следует в III сборник, g) уменьшая II сборник на лист, не считайтесь с моими стихами[3]. Вот мой лапидарный и деловой – увы, бесконечно запоздавший ответ на письмо от 9-го ноября.

Милый Разумник Васильевич, я не виноват: я уехал 7 ноября из Москвы в совершенном нервном расстройстве (маму ведь чуть не убила пуля) из разбитой квартиры[4] и провел до 26-го ноября в деревне. Завтра утром опять уезжаю в деревню; в Москве жить – нельзя: я совершенно нервно болен. До 10 дек<абря> я в Дедове (Московско-Виндавская жел<езная> дор<ога>. Станция Гучково. Священнику С.М.Соловьеву. Имение Дедово. Мне).

Милый Разумник Васильевич, спасибо сердечное за приглашение: постараюсь им воспользоваться и к 3-му «*Скифу*» приеду к Вам тотчас же после 10-го или 17<-

го> декабря (10-го моя лекция Курса)[5]. У меня много, много есть что сказать Вам. И есть даже сериозные деловые проекты. Поговорю, отчего я еще до сих пор ничего не писал о 100 экз<емплярах> «*Скифов*», долженствующих быть распространенными нами. Теперь у нас крах с книжным складом[6].

Приеду к Вам с восторгом: с глубокою благодарностью принимаю Ваше любезное приглашение; мне с Вами так хорошо и душевно просто, а в Москве так ужасно трудно, неврастенично, что вот это письмо пишу со стиснутыми от боли зубами; тоска берет без Аси: жизнь замучила; да и кроме того: надеюсь у Вас пописать для 3-его «*Скифа*», если найдется место, повесть небольшую, задуманную мной[7].

Но действительно: еле волочишь ногами в этой разгромленной, сирой жизни. Весь пафос, все устремление мое к Асе: нет, не уедешь теперь!

Дорогой Разумник Васильевич, простите за тон этого опустошенного письма.

Крепко жму Вашу руку. Еще раз спасибо Вам за хорошие слова и приглашение; Вам и Варваре Николаевне. Детям привет.

Остаюсь сердечно преданный Вам

Борис Бугаев[8].

[1] Ответ на п.66 и 68. Заказное; почтовые штемпели: Москва. 29.11.17; Царское Село. 2.12.17.

[2] Комментарий Иванова-Разумника: «АБ перечисляет произведения, вошедшие во 2-ой сборник "Скифов" и посланные ему на просмотр, как редактору» (Л.15).

[3] См. примеч.16 к п.66. Поскольку 3-й сборник «Скифы» не состоялся, «поэма о звуке» «Глоссолалия» оставалась в течение ряда лет неизданной; выпущена в свет в Берлине в 1922 г. отдельным изданием в изд-ве «Эпоха». С марта 1922 г. предполагалось начать в Петрограде издание журнала «Эпоха» (в издательстве того же названия); в проект содержания 1-го номера, составленный Ивановым-Разумником, была включена «Глоссолалия» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.147).

[4] См. примеч.3 к п.67.

[5] Имеется в виду курс лекций для членов Московского Антропософского общества. В записях о ноябре 1917 г. Белый фиксирует: «Организационные разговоры в А.О. о наших "*курсах*"; мысли о курсе "*Мир Духа*"» (*РД*. Л.90). В декабре, по возвращении из Дедова, Белый прочитал в Антропософском обществе «для желающих» две или три лекции из курса «Мир Духа»; окончил чтение этого курса в феврале 1918 г. (см.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. Paris, 1990. С.478).

[6] Комментарий Иванова-Разумника: «Книжный склад антропософского издательства "Духовное Знание" и само издательство закрылись в конце 1917 года» (Л.15).

[7] В рубрике «Что написано» за январь 1918 г. Белый отмечает: «1-ая глава повести "Человек"» (Работа и чтение // *РГБ*. Ф.25. Карт.31. Ед.хр.6). См. примеч.6 к п.44.

[8] Вместе с этим письмом хранится (по-видимому, случайно) письмо Андрея Белого к С.А.Венгерову, датированное тем же днем; оно написано в связи со статьей «Вячеслав Иванов», над которой Белый работал в ноябре-декабре 1917 г. Статья предназначалась для издания, выходившего под редакцией Венгерова, в котором и была напечатана: «Русская литература XX века. 1890–1910». Т.III. Кн.8. М., 1916. С.114-149 (8-я книга, вопреки обозначению на титульном листе, вышла в свет в 1918 г.). Приводим текст этого письма:

Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич,

Моя статья о В.Иванове готова вчерне: высылаю ее Вам к 5-ому–6-ому декабрю. Тысячу раз извиняюсь за промедление, но работалось на этот раз так медленно от бесконечно мучительных переживаний; нервы как-то расшатались после московских событий 28 окт<ября> – 2 ноября: ведь в маму чуть не попала пуля. Да и кроме того, приходилось много работать над Вячеславом Ивановичем; всего его внимательно прочитать от доски до доски; пришлось проделать над ним разные опыты; кроме того: связать узел его идей (довольно противоречивых) с узлом его стихотворных переживаний; на это ушло не менее 3-х недель; теперь мне удалось, думается, связать в нем «*поэта*», «*философа*» и «*филолога*»; но работать над ним в эти чреватые событьями дни при моем нервном утомлении было очень трудно; этим и объясняю себе я некоторое промедление, которое Вы, надеюсь, простите мне.

Остаюсь глубокоуважающий Вас и искренне преданный

Борис Бугаев.

28 ноября 1917 года.

Обстоятельства работы Белого над статьей «Вячеслав Иванов» освещаются также в его письмах к Венгерову от 6 ноября 1917 г., 3 января и 31 января 1918 г. (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С.54-56). Статья о Вячеславе Иванове вошла в книгу Андрея Белого «Поэзия слова» (Пб., 1922). Первоначально С.А.Венгеров заказал статью о Вячеславе Иванове для «Русской литературы XX века» Иванову-Разумнику; последний писал ему в этой связи 7 сентября 1917 г.: «...лето кончилось слишком рано, мне не хватило по крайней мере четырех-пяти суббот и воскресений для ликвидации проблемы о Вячеславе Иванове. А тут корниловщина, а тут впереди дела еще почище; не то что дня – минуты свободной нет. И как ни печально мне слова не сдержать, а приходится просить Вас: отпустить душу на покаяние. С Вячеславом Ивановым я еще разделаюсь, если Бог и революция дадут веку; но теперь, сию минуту – дело безнадежное. На днях перешлю Вам сто рублей, взятые мною авансом под Вячеслава. (Счастье его, что статья моя не окончена: там про него много жесткой правды)» (*ИРЛИ*. Ф.377. 2-е собр. автобиографий С.А.Венгерова).

70. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
8 декабря 1917 г. Царское Село[1].

8/XII/1917.

Дорогой Борис Николаевич, –

совсем пришел я в отчаяние: ответы нужны были спешные, от Вас их нет, время не ждет, типография торопит, а адреса Вашего, не московского – не знаю. Как тут быть со «Скифами»? Пришлось спешно решать и самовольно[2]:

1) Второй отдел перенести из II-го «Скифа» в III-ий.

2) Поместить во II-м «Скифе» не прочитанные Вами три вещи: две – Ремизова («Gloria in excelsis» и «Слово о погибели Русской Земли») и одну – мою, «Две России», ответ на «Слово» Ремизова. Уверен, что Вы не найдете в них ничего для себя неприемлемого.

3) Второй «Скиф» должен был очень спешно выйти – до праздников[3], ждать было нельзя. Он выходит на днях – быть может, к числу 15-му.

Досадно: корректуры Ваши запоздали. Думаю, однако, что ошибок будет не много.

Высылать Вам «Скифа» или нет? – Я очень обрадовался, узнав о Вашем намерении снова заглянуть к нам в середине декабря. Приезжайте – чем раньше, тем лучше, и тем лучше, чем на дольше. На всякий случай пошлю «Скифа» в Москву, в надежде, однако, что Вы еще раньше приедете к «Скифу» в Петербург.

Все это – «дела скифские»; иной раз почти смешно, что в наши дни можно еще заниматься такими делами. Все кругом рушится – и сами мы скоро очутимся под обломками. Но именно потому до последней минуты надо продолжать каждому свое дело.

Трудно жить и работать, и надо. Очень и очень хотелось бы мне, чтобы Вы прочли мою статью[4], милый Борис Николаевич. Так мало кругом отклика, так все кругом враждебно. В политике – все сплошь sale besogne*, в литературе – мелкая злоба и ненависть. Радуют меня очень исключения; как Вам показались две последние поэмы Есенина? (я их Вам послал; еще не напечатаны). Есть еще и третья – «Триодь»[5].

Ремизовское «Слово» – удивительное; но внутренне построено оно на «злости лютой» и на призыве к мести, к расправе. Не на этих путях победа – чья бы то ни было, справа или слева. А я верю в великую духовную победу после предстоящего нам великого поражения. В этом тема ответа моего Ремизову[6].

Приезжайте, дорогой Борис Николаевич, – о многом поговорим. Теперь проезд свободный; жизнь наша пока что – провинциальная, тихая, спокойная... даже странно. Напишете у нас повесть для III-го «Скифа»[7]; пора его составлять. Уже есть в предположении и предложении – стихи Клюева, Есенина, Сологуба, две небольшие вещи Ремизова, повестушка Чапыгина, рассказ Терека[8]. Все это надо зачитать.

Так вот; ждем. Варвара Николаевна кланяется и считает Вас царскосёлом по крайней мере с середины декабря по середину января. В ожидании этого шлю Вам сердечный привет и остаюсь

Ваш Разумник Иванов.

---

* *грязная работа (фр.).*

[1] Ответ на п.69. Написано на бланке изд-ва «Скифы».

[2] Речь идет о решениях, относительно которых Иванов-Разумник запрашивал согласия Белого, как соредактора 2-го сборника «Скифы», в п.66; Иванов-Разумник принужден был их принять еще до получения ответа Белого (п.69).

[3] Подразумевается Рождество.

[4] Статья «Две России».

[5] «Две последние поэмы» – «Пришествие» и «Октоих», «третья» – скорее всего, «Преображение»; эта поэма написана Есениным в ноябре 1917 г. и имеет посвящение «Разумнику Иванову», впервые опубликована в «Знамени Труда» (1918. №179. 13 апреля) и журнале «Наш Путь» (1918. №1. С.47-50). См.: Есенин С. Полн. собр. соч. В 7 тт. Т.2. М., 1997. С.52-56. Весьма вероятно, что «Триодь» – первоначальное авторское заглавие «Преображения».

[6] См. развернутую аргументацию отношения Иванова-Разумника к «Слову о погибели Русской Земли» А.М.Ремизова в статье «Две России» (Скифы. Сб.2. С.207-218).

[7] См. п.69, примеч.7. В газете «Знамя Труда» (1917. №107. 30 декабря) было объявлено, что в ее литературном отделе (под редакцией Р.В.Иванова-Разумника) в ближайших номерах будут опубликованы «Отрывки из повести» Андрея Белого.

[8] Прозаик Алексей Павлович Чапыгин (1870–1937) печатался ранее в журнале «Заветы», редактировавшемся Ивановым-Разумником; А.Терек (псевдоним, под которым в начале своей литературной деятельности выступала Ольга Дмитриевна Форш, 1873–1961) опубликовала там же рассказ «Шелушея» (1913. №7), а в 1-м сборнике «Скифы» – «Пролог (К роману “Оглашенные”)». Поскольку 3-й сборник «Скифы» не состоялся, можно предположить, что Иванов-Разумник имеет в виду здесь произведения, которые появились в №1 (апрель 1918) журнала «Наш Путь», одним из редакторов которого он стал: роман Чапыгина «Одна душа» (С.15-37; продолжение – в №2. С.27-66; в полном объеме под заглавием «Сувенир» – в кн.: Чапыгин А. Собр. соч. Т.2. М.; Л., 1928) и рассказ А.Терек «Поголовщина» (С.51-69).

71. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
13 декабря 1917. Царское Село.

Ц.С. 13/XII/1917.

Дорогой Борис Николаевич, –

простите, ради Бога: приходится мне просить Вас отложить свой приезд к нам на месяц. Мама моя[1] лежит у нас, в Вашей же комнате, больна воспалением легкого. Напишу Вам на днях обстоятельнее, пришлю «Скифа» (вот-вот выходит)[2]: Клюев прислал стихи новые, удивительные[3]. Очень и очень хочу Вас повидать; как только мама оправится – надеюсь видеть Вас в Царском, дорогой Борис Николаевич.

Напишите. На днях напишу.

Сердечно Ваш Р.Иванов.

[1] Александра Осиповна Иванова (урожд. Окулич); «кончила С.-Петербургскую консерваторию и была преподавательницей музыки» (Иванов-Разумник Р.В. Автобиография // *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.1).

[2] 2-й сборник «Скифы» вышел в свет между 14 и 20 декабря 1917 г. См.: Юсов Н.Г. Прижизненные издания С.А.Есенина. С.69-70.

[3] Возможно, имеется в виду стихотворение Н.А.Клюева, опубликованное Ивановым-Разумником в литературном отделе «Знамени Труда», – «Из подвалов, из темных углов...» (1917. №107. 30 декабря). См.: Клюев Н. Стихотворения и поэмы («Библиотека поэта». Малая серия). Л., 1977. С.354-355.

72. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
21 декабря 1917 г. Москва[1].

Дорогой Разумник Васильевич,

пишу Вам, поясняя телеграмму: Бога ради, постарайтесь мне выслать 400 рублей[2]. «Московский Пром<ышленный> Банк», случайно (по путанице) уплатив Асе 2 раза

вместо одного, взыскивает с меня 600 с лишним франков. Денег у меня нет; между тем по уговору «*Скиф*» мне обещал гонорар за «Котика» (200 рублей ежемесячно). Дорогой Разумник Васильевич, если есть хоть какая-нибудь возможность, вышлите мне, ради Бога: никаких ресурсов нет. Статья о Вячеславе еще не переписана[3] (больше не могу писать статей – переутомился, едва волочу ноги, болен все время). Передайте мой привет и соболезновение Вашей матушке: надеюсь, ей лучше. Простите, что так беспорядочно пишу. Написал Вам длиннейшее письмо и... не отправил: оно было сплошным криком отчаянья[4]. Аська нездорова, проезду нет: денег просит, а я выслать ей не могу. Не переводят. Жить стало невозможно: все идет прахом! Уже 2 месяца лежу, высунув язык, и напрягаю последние усилия, что-то царапая. Скоро объявлю забастовку Богу, людям, всему святому!

Еще раз, умоляю, если есть какая-либо возможность, переведите по телеграфу на имя мамы деньги: Александре Дмитриевне Бугаевой. Москва. Арбат. Николький пер., д.21, кв.5 Я маму предупрежу: сам же бегу в деревню дней на десять: просто ужасно, что переживаю на душе. Поблагодарите от меня Есенина за поэму[5]. Очень понравилась.

Вашим всем привет.

Всего, всего лучшего.

Борис Бугаев.

P.S. Извините за это «расхлябанное» письмо: из деревни напишу обстоятельно; жить Москва не дает, а я уже 3 недели таскаюсь в инфлуэнце.

P.P.S. Надеюсь, что корректуру Вы уже давно получили.

[1] Заказное письмо; почтовые штемпели: Москва. 21.12.17; Царское Село. 23.12.17.

[2] 20 декабря 1917 г. Белый послал Иванову-Разумнику следующую телеграмму: «Вышлите 400 гонорар маме Александре Дмитриевне Объяснение следует Бугаев». Ответная телеграмма от Иванова-Разумника (дата обозначена неразборчиво): «Деньги высланы письмо следует Иванов».

[3] См. примеч.8 к п.69. О завершении статьи о Вячеславе Иванове Белый информировал С.А.Венгерова письмом от 3 января 1918 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С.55).

[4] Текст этого письма, видимо, не сохранился.

[5] Комментарий Иванова-Разумника: «ИР переслал АБ поэму Есенина “Пришествие”, посвященную АБ» (Л.15). См. п.66, примеч.8.

73. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
26 декабря 1917 г. Дедово[1].

26 декабря. Дедово.

Дорогой Разумник Васильевич,

написал Вам: пишу еще; и опять тон моих писем – сплошное «вопияние»; но вопиющее состояние есть состояние постоянное; оттого-то я все молчу: не пишу; из души вырываются только «вопли»; я действительно как-то весь разваливаюсь; и в числе многих причин главная – это ощущение полной невозможности больше томиться без Аси; она – больна; у нее нет денег; выслать ей нельзя, проехать нельзя; и вот давно уже во мне крепнет отчаянная решимость: вопреки всем преградам начать проламываться к ней; если она «голодает», голодать – с ней; если она больна, быть около нее; как медведь, сосущий лапу в берлоге, я уже полтора месяца только и думаю об одном: всех бросить, все бросить и правдой или неправдой, а прорваться к ней; она – моя главная душевная и духовная помощь; без нее не могу и работать; да и в жизни разваливаюсь; довольно! Если бы знал, какие преграды лягут между нами, ни за что не явился бы в Россию: предпочел бы быть дезертиром, но остаться рядом с Асей[2]. Я просто болен от беспокойства за нее.

....

Простите: начал писать о деле, а вырвался опять только «вопль»...

Дело мое в просьбе: я уже написал Вам, да и телеграфировал (но письма теперь пропадают – пишу вторично): «*Промышлен<ный> Банк*» требует с меня 675 франков. Их у меня нет; помня, что Вы обещали мне 200 рублей гонорара за «Котика» (2 «*Скифа*»), усердно прошу выслать 400 рублей (за ноябрь-декабрь), ибо в противном случае нечем выплатить (Банк весной выдал ошибочно Асе лишних 600 франков, а теперь с меня спрашивает). Буду ждать с нетерпением перевода, а то попал в очень неловкое положение.

Как здоровье Вашей матушки: передайте ей мой привет, надежду и пожелание в скором выздоровлении. Варваре Николаевне привет. Детям тоже.

Еще раз простите, Разумник Васильевич, меня: но – *очень, очень* плохо; стал форменным неврастеником, сжимающим зубы от злости, тоски, беспокойства за Асю, беспочвенности; и – едва передвигаю ноги от физической усталости. Чувствую себя ненужным, бездельным ртом в России: в России мне *нечего делать*. Едва переношу свое бытие[3]. Чувствую, как сегодня-завтра разболеюсь душевно.

Остаюсь глубоко любящий Вас и преданный от души Борис Бугаев.

P.S. Если будете высылать мне деньги, то вышлите на имя мамы: Александре Дмитриевне Бугаевой. Москва. Арбат и т.д.

[1] Заказное письмо. Почтовый штемпель отправления: Москва. 29.12.17.

[2] Сходные утверждения – в письме Белого к А.Тургеневой от 4 апреля 1917 г.: «...если бы я знал, что меня будут зря год таскать на осмотр, чтобы освободить от военной службы по болезни, я бы ни за что не тащился бы в Россию и требовал бы, чтобы меня осматривали там. Какой я воин?» (Europa Orientalis. 1989. №8. P.438-439).

[3] Комментарий Иванова-Разумника: «Все мрачные письма октября-декабря 1917 года выпрямляют ошибки перспективы АБ в позднейших его воспоминаниях» (Л.15). Однако не только в воспоминаниях Белого, но и в его позднейших мемуарно-дневниковых записях, характеризующих декабрь 1917 г., отмечены противоположные настроения: «Радостный период жизни, окрашенный <...> верой в революцию и Россию <...> *Радостный и полный веры переход в 1918 год*» (*РД*. Л.90, 90об.).

74. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
4 января 1918 г. Москва[1].

Дорогой и глубокоуважаемый
Разумник Васильевич, –
с Новым Годом!

Пишу Вам, кажется, уже четвертое письмо, а все нет от Вас ответа! Есть столько сказать, что смыкаются губы молчанием; все уповал, что приеду в Петроград, когда можно будет, а теперь отложил упования, ибо *проезд* в *теплушках* – это что-то чудовищное; главное же: к Вам приехать легко, а вот от Вас выехать, это... проблема; между тем: мне нельзя отлучиться от Курса[2]. И т.д.

Поэтому: откладывая все то, что есть у меня к Вам душевного и внутреннего, я чувствую потребность высказать Вам одно очень крупное смущение, которое мучит меня последнее время.

Милый и дорогой Разумник Васильевич, – Вы знаете, как мне близки Вы, Ваши идеи, Ваши упования, как я благодарен, кроме того, Вам за Вашу доброту и ласку ко мне; все это ложится на душу теплом; и когда я думаю о близких мне, то рядом с друзьями-антропософами чувствую я друзей-Скифов, настоящих, сущих (но мне, может быть, неизвестных); и... будущих; кроме всего, – то, что Вы высказали о войне, то, что Вас ставит в близкое отношение к нотам Н.А.Клюева, – мне особенно близко; «*Песнь Солнценосцев*» одинаково нам обоим дорога[3]. Н.А.Клюев (которого адрес я потерял: отто<го> и не написал ему) все более и более, как явление единственное, нужное, необходимое, меня волнует: ведь он – единственный народный Гений (я не пугаюсь этого слова и готов его поддерживать всеми доводами внешнего убеждения). Поэтому, если Вы хотите назвать меня «*Скифом*», я с гордостью и радостью чувствую и буду (вопреки всем внешним причинам) чувствовать себя «Скифом». Поэтому

я хотел бы, чтобы все, мной сказанное ниже, Вы брали бы не как вопрос «убеждений», а как вопрос «моральной антиномии», лично меня мучающий: –

– Многое, до *последних событий*, мне было близко и дорого в так называемых «*левых эс-эрах*»; последних шагов их я *решительно не понимаю* (я далек от политики и могу ошибаться...)[4]. Дело не в этом: Вы, Сергей Дмитриевич могли бы быть какой угодно партии; я беру Вас не *партийно*, а «*скифски*». Я знаю: «Скиф» – орган независимый, боевой, мне бесконечно дорогой, радостный; но... вот: недавно мне сказали: Сергей Дмитриевич будто бы стал *военным Комиссаром* (нечто вроде военного министра?)[5]; он – *ответственный член нынешнего правительства*, держащего в заточении мне *очень близкого* Антона Владимировича[6]; я, оставаясь внепартийным и свободолюбивым, кроме того, будучи годами связанным с Мережк<овски>ми и Карташевым, – какими глазами я буду смотреть на А<нто>на В<ладимирови>ча, связываясь с *угнетателями свободы* через тот факт, что в<о> время гонения на моих друзей я был *соредактором* с одним из тех[7], кто своим вступлением в нынешнее правительство приложил руку к *заточеньям*, *гонениям*, избиениям офицеров и т.д. Ради Бога, объясните мне, какой пост занимает С.Д.; если он состоит в правительстве, то я, не вникая в мотивы, заставившие его принять то или иное отношение к событиям, не могу уже с ним вместе соредактировать «Скифа» (повторяя: не осуждая его и сохраняя к нему ту индивидуальную симпатию, которую я сразу к нему почувствовал); разумеется: я не переношу мое отношение к некоторым нотам поведения эс-эров на индивидуальных людей, а тем более на «Скифа», которого* чувствую *своим*, *родным* (я не выхожу же из «*Скифа*»). Но редактировать с военным Комиссаром («*министром*»), держащим в темнице моих друзей и знаком<ых>, я тоже не могу. Вы знаете прекрасно: я не люблю кадетов; но я чувствовал индивидуальную симпатию к Ф.Ф.Кокошкину, от которого видел и ласку и симпатию; он – томится; он – болен[8]. *Я не могу быть* с теми, кто угнетает. Я вижу здесь бедных учительниц, *из убеждения* оставшихся выкинутыми чуть ли не <на> улицу; вижу людей, чьи дети погибли во время октябр<ьск>их дней, подставленные под пули двойственным и прежде всего глупым поведением Рябцова, Руднева и Городской Думы[9]; но зачем же на бедных полуюношей, «*юнкеров*», кстати – сосланных, нынешнее правительство (а стало быть, и С.Д.) – натравливает** темные массы; я вижу, что сейчас происходит в деревне (я почти живу там), – и все это следствия октябрьских дней.

Поэтому: я *не могу соредактировать* «Скифа» никоим образом: мне горько это высказать (я так люблю «*Скиф*»), но... – я должен это высказать: прошу снять мое имя, как редактора, со «Скифа». Сотрудничать я могу.

Пункт второй жизненный: Бога ради: вышлите мне 400 рублей. Денег – ни гроша. Промышл<енный> Банк ждет от меня взноса; а то он будет требовать с Аси, которая уже давно, может быть, голодает за границей: денег ей выслать нельзя. Жду с нетерпением посылки.

Милый Разумник Васильевич, – как все это трудно, бóльно, антиномично: зачем Сергей Дмитриевич соединился с нынешним «правительством»? Никогда, ни за что не был бы <с> «правительством». Всякое «правительство» – *правительство*: чувствую себя более, чем когда-либо, анархистом.

Примите уверение в искренней любви и симпатии.

Борис Бугаев.

P.S. Как здоровье Вашей матушки? Надеюсь, она поправляется. Варваре Николаевне сердечный привет.

P.P.S. Повторяю мою просьбу: денег нет. Статью С<емену> А<фанасьевичу> нужно переделать[10]. От Пашуканиса получу 200 рублей лишь 20 января[11]. 400 рублей *теперь* должен Банку. Между тем: у нас был уговор (Вы обещали), что я могу получать 200 р. в месяц от «Скифа» (в счет II<-го> №); верьте: сейчас просьбой руководит крайняя нужда.

---

* *В автографе*: который

** *В автографе*: направливает

[1] Заказное письмо; почтовые штемпели: Москва. 4.1.18; Царское Село. 8.1.18.

[2] Имеется в виду курс лекций «Мир Духа», который Белый читал членам Московского Антропософского общества на протяжении января 1918 г. (см.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. Paris, 1990. С.478).

[3] Свое отношение к «Песни Солнценосца» Н.А.Клюева Белый выразил в одноименной статье, напечатанной во 2-м сборнике «Скифы». Ср. п.67, примеч.4.

[4] Подразумевается политический союз партии левых эсеров (интернационалистов), образованной в ноябре 1917 г., с большевиками; после Октябрьского переворота в первые месяцы существования Советской власти многие левые эсеры входили в руководство исполнительно-законодательных органов и Красной Армии.

[5] Имеется в виду С.Д.Мстиславский – член Президиума ВЦИК в декабре 1917 – январе 1918 г.; член первой Брестской мирной делегации в ноябре 1917 г.; в 1918 г. – председатель комиссии ВЦИК по организации партизанских войск, начальник Главного штаба партизанских войск при Комитете революционной обороны Петрограда, в дальнейшем комиссар всех партизанских отрядов и формирований РСФСР.

[6] Антон Владимирович – Карташев (1875–1960) – историк Церкви, богослов, профессор Духовной академии, с 1909 г. председатель Петербургского Религиозно-философского общества; входил в ближайший круг Мережковских, где с ним и общался Белый. После Февральской революции Карташев – член ЦК и один из лидеров кадетской партии, с августа 1917 г. – министр исповеданий Временного правительства. Арестован в Зимнем дворце в ночь на 26 октября 1917 г. вместе с другими членами Временного правительства и заточен в Петропавловскую крепость (см. дневниковые записи Д.В.Философова от 26 октября и 13 декабря 1917 г. // Звезда. 1992. №3. С.156, 160-161); 7 января 1918 г. был перевезен в Мариинскую больницу.

[7] Андрей Белый значился соредактором С.Д.Мстиславского по 2-му сборнику «Скифы».

[8] Ф.Ф.Кокошкин (см. п.53, примеч.4) в это время находился в заточении в Петропавловской крепости вместе с другими министрами Временного правительства.

[9] Вадим Викторович Руднёв (1874–1940) – эсер, с 11 июля 1917 г. городской голова Москвы. После известия о вооруженном восстании в Петрограде возглавил Комитет общественной безопасности, созданный для борьбы с большевиками; после доклада Руднёва в ночь на 31 октября 1917 г. на совещании этого комитета, частей Московского гарнизона и думских фракций о попытках мирного урегулирования положения в Москве было признано, что все средства к соглашению с большевиками исчерпаны. Константин Иванович Рябцев (Киров, 1879–1919) – полковник, в сентябре–октябре 1917 г. – командующий Московским военным округом; 28-30 октября вместе с Руднёвым вел переговоры с членами московского Военно-революционного комитета об условиях мирного перехода власти к Моссовету. По его приказу вооруженное сопротивление большевикам в Москве прекратилось.

[10] Имеется в виду статья «Вячеслав Иванов», написанная по заказу С.А.Венгерова (см. п.69, примеч.8). В письме к Венгерову от 3 января 1918 г. Белый, однако, сообщал: «...статья готова, изменения в ней – пустяшны; главным образом время займет ремингтон» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С.55).

[11] Часть гонорара за тома «Собрания эпических поэм» Белого, издававшегося В.В.Пашуканисом.

75. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
11 января 1918 г. Царское Село[1].

11/I 1918.

Дорогой и милый Борис Николаевич,

– простите меня и за долгое молчание, и за замедление высылки Вам денег, и за краткость этого письма. Вы поймете причины всего этого: мама моя скончалась у нас, в Царском Селе, перед Рождеством[2]. У нее было крупозное воспаление легких. И тяжко мне очень, что недостаточной лаской отвечал я на ее поистине великую материнскую любовь.

О делах: 400 р. Вам высланы. Выслан и «Скиф» II-ой. Вы значитесь в нем «редактором». И надеюсь – будете значиться и в III-м «Скифе» (к Пасхе), ибо Ваши опасения напрасны: С.Д. – не только не «комиссар», но один из жесточайших идейных врагов их[3]. Что касается «левых эс-эров», то из высылаемых теперь Вам №№ «Знамени Труда» Вы увидите, как далеки они от ликования победителей и оправдания всего существующего.

В «Знамени Труда» – большой литературный отдел, стихи Блока, Клюева, Есенина, рассказы Ремизова, Чапыгина и др.[4] Присылайте мне статьи, стихи, отрывки из повести – я все и немедленно напечатаю и вышлю Вам гонорар и аванс.

Все эти дни провел под впечатлением зверского убийства Шингарева и Кокошкина[5]. Подлинно – «Демоны вышли из адской норы»[6] не только в войне, но и в революции. И их надо одолеть, не поступаясь революцией, – или погибнуть. Гибель – участь всех нас; но с радостью предвижу я это.

Как хотелось бы видеть Вас в Царском! Если возможно будет – приезжайте «на подольше»!

Был я у А.А.Блока; радостно было видеть в дни обывательской растерянности спокойную и бодрую веру в будущее. Я взял у А.А. стихи для «Знамени Труда» и статьи о России и интеллигенции[7].

И еще: с января начнет выходить толстый ежемесячный журнал «Наш Путь». Литературный отдел редактирую я[8]. Статьи Ваши, стихи, рассказы будут помещены «в первую голову»; присылайте – я похлопочу о немедленной и постоянной высылке Вам денег[9].

По почерку можете судить, как я тороплюсь. На письма Ваши отвечу потом, а пока – черкните ответ хоть в два слова.

Сердечно Ваш Разумник Иванов.

[1] Ответ на п.72-74. Написано на бланке изд-ва «Скифы».

[2] Комментарий Иванова-Разумника: «Мать ИР, А.О.Иванова скончалась 17 декабря 1917 года» (Л.15об.).

[3] С.Д.Мстиславский. Свое отношение, отчетливо оппозиционное к складывающимся формам нового государственного устройства России, он сформулировал в статье «Свое и чужое. I. Испытание властью» (Наш Путь. 1918. №2 (апрель). С.187-213).

[4] С 30 декабря 1917 г. (№107) по 8 января 1918 г. (№113) в «Знамени Труда», ежедневной газете левых эсеров, помещалось объявление о том, что в газете основан «Литературный отдел под редакцией Р.В.Иванова-Разумника», и сообщалось о предполагаемых публикациях ближайших номеров (анонсировались, в частности, стихи и статьи Андрея Белого и его «Отрывки из повести»); 28 декабря 1917 г. в «Знамени Труда» (№105) были напечатаны фрагменты из статьи Белого «Песнь Солнценосца» (под заглавием «Рождение в Яслях»). Иванов-Разумник упоминает о публикациях стихотворений А.Блока – «Комета» (1918. №109. 3 января). «Он занесен – сей жезл железный...» (1918. №112. 6 января); Н.Клюева – «Февраль» (1917. №105. 28 декабря), «Из подвалов, из темных углов...» (1917. №107. 30 декабря), «Красная песня» (1918. №110. 4 января); С.Есенина – «В лунном кружеве украдкой...» (1917. №105. 28 декабря), «Прощай, родная пуща...» (1917. №107. 30 декабря), «Пушистый звон, и руга...» (1918. №113. 7 января); прозаического фрагмента А.Ремизова «На земле мир» (1917. №105. 28 декабря) и сказки А.Чапыгина «Три богатыря (Путь в гору)» (1918. №112. 6 января; №113. 7 января).

[5] 6 января 1918 г. Андрей Иванович Шингарев (1869–1918), член ЦК партии кадетов, министр земледелия (март–май 1917 г.) и министр финансов (май–июль) Временного правительства, и Ф.Ф.Кокошкин были перевезены из Петропавловской крепости в Мариинскую тюремную больницу; там в ночь с 6 на 7 января их зверски убили (штыками и многочисленными выстрелами) матросы и красногвардейцы.

[6] См. п.66, примеч.2.

[7] О стихах Блока см. выше, примеч.4. 3 января 1918 г. Блок записал: «Иванову-Разумнику – статьи <...> В “Знамени Труда” – мои стихи “Комета”» (Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С.381); 9 января: «Кончена статья “Интеллигенция и революция”, а с ней и вся будущая книжка (7 статей и предисловие) “Россия и интеллигенция – 1907–1918”» (Там же. С.383). Статья Блока «Интеллигенция и революция» была опубликована в «Знамени Труда» 19 января 1918 г. (№122) – как первая в авторском цикле (с предисловием) «Россия и интеллигенция»; в последующих номерах «Знамени Труда» появились другие статьи из этого цикла (публиковавшиеся ранее и частично переработанные): «”Религиозные искания” и народ (1909–1916 гг.)» (№127. 25 января), «III. Народ и интеллигенция» (№136. 19/6 февраля), «IV. Стихия и культура» (№145. 1 марта), «V. Ирония. VI. Дитя Гоголя. VII. Пламень» (№151. 8 марта).

[8] «Наш Путь» – «литературно-политический журнал революционного социализма», издававшийся при Центральном Комитете партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) под редакцией Р.В.Иванова-Разумника, Б.Д.Камкова, С.Д.Мстиславского. Вышло два номера журнала: 1-й – в апреле (а не в январе, как первоначально предполагалось),

2-й – в мае 1918 г. Ср. запись Блока от 30 января 1918 г.: «В редакции “Знамени Труда” (матерьял для первой книжки “Нашего Пути”)» (Блок А. Записные книжки. С.387).

[9] Среди писем Иванова-Разумника к Белому имеется официальное письмо (рукой секретаря В.Тверской) на бланке изд-ва «Скифы»:

24 января 1918 г. Суворовский 32 б.

М<илостивый> г<осударь> Борис Николаевич.

Контора книг<оиздательства> «Скифы» просит Вас прислать подтвердительную расписку о получении Вами гонорара, размером в 1300 р. за стихи, роман и статью в I сб. «Скифы». Расписка эта необходима для регистрации конторских дел.

Секретарь изд. В.Тверская
Редактор Р.Иванов.

В бумагах Иванова-Разумника сохранилась расписка Белого о получении этой гонорарной суммы (с датировкой: «Москва, 1918, 30-го января» // *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.4. Ед.хр.95. Л.41).

76. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
17 января 1918 г. Москва[1].

17-го января 18 года.

Глубоколюбимый и всегда близкий мне Разумник Васильевич,
позвольте мне крепко пожать Вам руку и выразить мое глубокое сочувствие Вам в Вас постигшем горе. Трудно верится в кончину Вашей матушки; она была такая молодая и бодрая в нашем недавнем бытии вместе. Помнится, я еще про себя думал, что хорошо иметь такую мать, как Ваша матушка. Как перенес ее кончину Ваш батюшка?[2]

Смерть и время царят на земле,
Ты владыкою их не зови[3].

Разумник Васильевич, как-то стираются границы *жизни* и *смерти*; «Сегодня ты, а завтра я»[4]. Но и здесь, на земле, чуятся в последнее время просветы; и голоса «*оттуда*» звучат. И душа отвечает «*Эвое*»[5], что значит: «*Я искал Тебя... Я нашел Тебя*»... И когда у нас уходят близкие, мы должны черпать силу в мысли, что они берутся для нужной работы «*там*». А «*там*» сейчас пропасть дела... Милый Разумник Васильевич, когда от нас берется «*туда*» близкая душа, мы должны проверить в воспоминании путь жизни нашей с отшедшим; «*поминовение*» есть наша активная помощь; если мы поступали несправедливо к отшедшему, если у нас есть в памяти какое-нибудь чувство негармоничное, мы должны мысленно выправить наш вольный или невольный грех; так поступая, мы снимаем камни с почвы душевной действительности для отшедших, ибо мир *воспоминаний* некоторое время их *действительный мир*; они работают над воспоминаниями так же, как землепашец работает над распашкой полей (для будущих всходов духовной действительности); наши неправильные поступки, мысли и чувства о них в прошлой жизни с ними для них – камни, пока воспоминанием и горячей волной любви мы не растопим им каменистую почву в рыхлую и удобную для работы. Соединяясь в *воспоминании* с ними, соединяемся мы *реально* в реальной работе; все наши воспоминания они чувствуют на той *ниве*, где ныне работают они; наша мысль о них – цветок, возникающий в поле их душевного зрения; они нас не видят в нашем смысле, но... *узнают по цветам*, им возникающим там; оттого-то и наша добрая мысль об отшедших превращается часто в чувство реального приближения их к нашей душе.

Тайною тропинкою скорбною и милою
Вы к душе приблизились; и – спасибо Вам.
Сладко мне приблизиться памятью унылою
К смертью занавешенным тихим берегам...[6]

И далее:

...Что-то в слово просится, что-то недосказано,
Что-то совершается... но – ни здесь, ни – там.
Бывшие мгновения поступью воздушною
Подошли и сняли вдруг покрывало с глаз.
Видишь что-то вечное, что-то неразлучное,
И года минувшие, как единый час...[7]

Знаете: я, глубоко веруя в реальность общения с ушедшими, прочел покойному папе одну книгу, мысли которой хотел ему передать; ее же прочел и... Фридриху Ницше, – одному из *дорогих мне* людей, после того как посетил его могилу под Лейпцигом[8]; в работе над памятью об отшедших мы – соучастники их работы над их воспоминаниями *в период* их поднятия и расширения в душевной действительности; и будучи соучастниками их первых ответственных шагов *там*, мы кармически[9] еще более связуемся с ними... в будущих действительностях: мы в некотором смысле сами определяем *отсюда* и *оттуда* возможности будущих *встреч* после смерти и даже... в будущем воплощении. Милый друг, не горюйте: какое обилие возможностей общения с Вашей матушкой есть у Вас... *даже сейчас*...

Упал камень с плеч... Спасибо... Ну конечно, все мои сомнения о редактировании отпадают. То, что Вы написали о С.Д., – несказанно меня радует (лично он мне так симпатичен); как же врут москвичи! мои сомнения чисто морального характера о соредакторстве с «*военным министром*», держащим в темнице А.В.К<арташе>ва, были единственным моим сомнением. Дело в том, что, живя после ноябр<ьских> и окт<ябрьских> дней в деревне, я почти не читал газет. «*Скиф*» мне близок и дорог; и не только мне, но и нашему кружку «друзей» (А.С.Петровский, Трапезников, Сабашникова[10] и мн<огие> другие – восхищаются Вашей статьей «Испытание огнем»; и вообще «*мы*», а не только «*я*», радуемся «Скифам»). Вы понимаете, что письмо мое с выражением моих недоумений было мне *больно*. Непосредственно после отправки Вам письма Шестов рассказал мне о моем сотрудн<ичестве> в «*Знамени Труда*»[11]. И я не знал, как мне реагировать на это; поэтому я ждал с трепетом Вашего письма. И теперь радуюсь, что химеры, пущенные мне в глаза (а исходящие, кажется, из право-эс-эрских кругов), рассеялись; а мне выражают недоумение: как это я оказался среди левых «*эс-эров*». Чисто внешне мне было бы слегка конфузно оказаться среди чисто партийной газеты *одному* (беспартийному «*декаденту*»); на это я, конечно, не обратил бы внимание; но и в этом пункте участие Блока, Клюева, Есенина, Ремизова, Чапыгина меня радует; с удовольствием буду сотрудничать там; кстати: думаю выслать в ближайшие дни отрывок из статьи о Вячеславе[12]; скоро напишу статью на тему «*Задачи момента*»[13]. Кроме того: 3-го февраля читаю лекцию «*Свет из грядущего*»; думаю ход мыслей записать для фельетона и послать Вам для «*Знамени Труда*»[14]...

Кстати: объясните при случае, почему я получил 400 р. в виде *аванса* из «Зн<амени> Тр<уда>», а не в счет гонорара за «Скиф». Мне это не важно (ибо думаю отработать в «Зн<амени> Тр<уда>»). Высылаю для третьего «*Скифа*» очень нравящиеся и, по-моему, «скифские» стихи Юл.Анисимова и рассказ жены его «*Веры Станевич*»[15]. Намечается еще кое-что.

Получили мы здесь письмо из заграницы от Наташи (Асиной сестры)[16]; жалею, что не могу Вам его прочесть; Вы порадовались бы; какая-то перекличка невольная есть между нами; лейт-мотив письма: Лемуры, закапывая *гниль*, думают, что они отстаивают *культурные ценности*. России не нужно этих ценностей; Россия или провалится (чего да не будет), или выявит контуры *Большого Разума*; переход от прошлого к будущему может быть лишь скачком от *стихий* к *Свету Разума*; постепеновщина, парламентаризм – работа лемуров, хоронящих тело Фауста («культурные ценности»)[17].

Смерть Ф.Ф.К<окошки>на убила меня: три дня я не мог прийти в себя[18]...

Обрываю письмо: на днях пишу деловое. Спасибо, деньги получил.

Дорогой Разумник Васильевич, крепко жму Вам руку.

Остаюсь искренне любящий Вас Борис Бугаев.

P.S. Варваре Николаевне – привет. Детям – тоже. Если увидите Есенина, поблагодарите его еще раз за поэму, посвященную мне[19]; она мне очень понравилась; и я часто ее перечитываю.

Может быть, в феврале сумею выбраться к Вам... на недельку.

[1] Ответ на п.75. Заказное письмо; почтовые штемпели: Москва. 18.1.18; Царское Село. 22.1.18.

[2] Отец Иванова-Разумника – Василий Александрович Иванов, работал железнодорожным служащим (кассиром). И мать, и отец Иванова-Разумника были дворяне, но по жизненному укладу принадлежали к разночинной интеллигенции. В.А.Иванов жил в Петрограде, умер в 1919 г. в результате несчастного случая: «Железнодорожные служащие имели право рубить дрова в окрестностях Петербурга, перевозить их в город в специальных открытых вагонах, а потом распределять их между собой. В одну из этих поездок» он «упал с платформы вагона, разбился и, будучи очень слабым и старым, не поправился и умер» (Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, 1991. С.176).

[3] Неточная цитата из стихотворения Владимира Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887). См.: Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы. («Библиотека поэта». Большая серия). Л., 1974. С.79.

[4] Цитата из оперы П.И.Чайковского «Пиковая дама» (1890; либретто М.И.Чайковского): ария Германа «Что наша жизнь? Игра!» (Действие III, картина 3-я).

[5] Отзвук актуального для Белого в эти дни неосуществленного замысла: «С января особенно расцветает во всех смыслах наша антропософская жизнь; кружки, интимные собрания, собрания для гостей (открытые), беседы; обсуждения плана журнала "*Эвое*" в смысле материала статей» (*РД*. Л.90об.).

[6] Неточно цитируется первая строфа стихотворения Вл.Соловьева «Les revenants» (1900). См.: Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы. С.136.

[7] Неточно цитируются строки 3-4 2-й строфы и 3-я строфа того же стихотворения.

[8] 3 января (н.ст.) 1914 г. Белый вместе с русскими друзьями посетил Рёккен – местечко близ Лютцена, под Лейпцигом, где родился Фридрих Ницше (1844–1900) и где он похоронен. Это «паломничество» Белый описал в «Материале к биографии» (см.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. С.366-368).

[9] Карма (*санскр.* – действие, дело, жребий) – одно из центральных понятий древнеиндийской философии, воспринятое буддизмом и новейшей теософией; невидимая универсальная сила, включающая общую сумму совершенных всяким живым существом поступков и их последствий, которые определяют характер его нового рождения, т.е. дальнейшего существования; в узком смысле – влияние совершенных действий на характер настоящего и последующего существования.

[10] Трифон Георгиевич Трапезников (1882–1926) – историк искусства (получил образование в Лейпциге, Гейдельберге, Париже, Мюнхене), автор книги «Портреты семьи Медичи 15 века» (Trapeznikov T.G., Prof. Dr. Die Porträtdarstellungen der Mediceer des 15. Jahrhunderts. Strassburg, 1909), переводчик «Очерка тайноведения» Р.Штейнера на русский язык (М., «Духовное знание», 1916; переизд.: Л., 1991); один из ближайших антропософских друзей Белого после 1912 г., когда они сблизились в Мюнхене, где оба слушали курс лекций Штейнера. В 1913–1916 гг. работал в Дорнахе на строительстве Гетеанума. Вернулся в Россию в 1917 г. (по призыву в армию), где «с начала 1918 года становится едва ли не главным организатором <...> "*Отдела Охраны Памятников*", в котором работает до смертельной болезни сердца (в 1924 году) <...>» (Заявление Андрея Белого в ОГПУ, 1 июля 1931 г. // Минувшее: Исторический альманах. Вып.12. Paris, 1991. С.359). Одно время – председатель Московского отделения Русского антропософского общества. Маргарита Васильевна Сабашникова (Волошина, 1882–1973) – художница, антропософка, первая жена М.А.Волошина; на протяжении многих лет была в близком контакте с Трапезниковым, в 1926 г. написала его портрет; свое возвращение в Россию вместе с Трапезниковым описала в воспоминаниях (см.: Волошина М. (Сабашникова М.В.). Зеленая Змея. История одной жизни. М., «Энигма», 1993. С.254-258). Белый вспоминает об июле 1917 г.: «...помнится приезд из Дорнаха Волошиной и Трапезникова, настроенного левее всех и являющегося сильной *опорой нашему* <антропософскому. – *Ред.*> *левому флангу*; у него откровеннее всех крик: "*Долой войну, правительство и да здравствует социальный переворот*"» (*РД*. Л.88). См. также статью Ренаты фон Майдель «О некоторых аспектах взаимодействия антропософии и революционной мысли в России» (Блоковский сборник. XI. Тарту, 1990. С.67-81) и литературный портрет Трапезникова в книге Ф.А.Степуна «Бывшее и несбывшееся» (London, 1990. Т.1. С.119-120).

[11] Имя Белого, как сотрудника литературного отдела «Знамени Труда», указывалось в объявлениях этой газеты с 30 декабря 1917 г. без его ведома; также без санкции Белого была осуществлена в «Знамени Труда» публикация его статьи «Рождение в Ясли». См. примеч.4 к п.75.

[12] Неясно, какая из двух работ Белого о Вяч.Иванове здесь подразумевается – статья «Вячеслав Иванов» (см. примеч.8 к п.69) или «Сирин ученого варварства» (см. ниже, п.78).

[13] Возможно, этот замысел воплотился в статье Белого «На перевале. I. Весенние мысли. II. Революция и сознание современности» (Наш Путь. 1918. №2. С.119-133).

[14] Статью на основе этой лекции Белый, видимо, не подготовил. Лекцию «Свет из грядущего» он прочитал в указанный день в помещении Русского театрального общества на Большой Никитской ул. в Москве; в архиве Белого сохранились ее тезисы (*РГБ*. Ф.25. Карт.3. Ед.хр.14):

Свет из грядущего. Лекция Андрея Белого

Тезисы: I. Горизонт сознания. Гибель культуры. Грядущие «Мартиники». Восток или Запад. Драконово царство. Предвестия и предчувствия.

II. Ковчеги культуры. Масличные ветви. Эвритмия сознания. Прорези новой культуры. О магах и «пастухах». Звезда на востоке. Младенец. «В грозные, знойные, душные дни – белые, стройные, те же они» (Вл.Соловьев).

[15] Юлиан Павлович Анисимов (1886–1940) – поэт (автор книги стихов «Обитель»: М., 1913), переводчик, искусствовед; участвовал в поэтическом кружке, группировавшемся при изд-ве «Мусагет», один из основателей поэтического объединения «Лирика»; антропософ. Его жена – Вера Оскаровна Станевич (1890–1967) – критик, поэтесса, переводчик; антропософка. Белый вспоминает об антропософских встречах в январе 1918 г.: «...частые собрания у Анисимовых и у меня (еще живу на Арбате)» (*РД*. Л.90об.). Произведения Анисимова и Станевич, предназначавшиеся для 3-го сборника «Скифы», появились в «Знамени Труда»; стихотворение Ю.Анисимова (1918. №159. 21/8 марта) обнаруживает явную зависимость от идей и образов творчества Белого этой поры:

Мы, русские, простые
России племена,
Прочтем ее живые
Святые письмена:

Р – рушатся основы,
О – мировой простор,
Двух *С*, двух змей громовых
И – примиренный взор;

И ясли; в яслях тайна <–>
Покоится дитя:
В последней букве тайно
Читаем мы себя, –

Но буквы накипают
По жилам бытия,
Кровь свищет и стекает
Сквозь мировое *Я*.

Россия, пращур мира,
Грядущий сквозь меня,
До – тварного потира
Взыгравшая струя!

. . . .
Мы, русские, простые
России племена,
Мы букв храним святые,
Живые семена.

Рассказ В.Станевич в «Знамени Труда» не появился, однако там была напечатана ее статья «Идеалистическая стихия максимализма» (1918. №166. 29/16 марта), а также, позднее, статья «Идея личности и коллектива у М.Горького» (1918. №192. 30 апреля).

[16] Это письмо Н.А.Тургеневой не выявлено.

[17] Лемуры (*римск. миф.*) – призраки мертвецов, вредоносные тени; Белый подразумевает здесь лемуров-могильщиков в одной из финальных сцен «Фауста» Гете (ч.2, акт 5-й).

[18] В 1918 г. имя Андрея Белого фигурировало в перечне участников неосуществленного сборника памяти А.И.Шингарева и Ф.Ф.Кокошкина – как предполагаемого автора (вместе с Вяч.Ивановым) статьи «Интересы Кокошкина в области теории поэтического творчества» (Спивак М.Л. «Москва кадетская» Андрея Белого // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.188).

[19] Ср. п.72, примеч.5.

77. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
Около 22-24 января 1918 г. Москва[1].

Дорогой Разумник Васильевич,

Получили ли Вы мое длинное письмо, где подробно пишу о «Скифе», «Знамени Труда» и т.д.[2] Как мне радостно, что все это недоразумение разрешилось. Я был введен в заблуждение ложными толками; спасибо за «Знамя Труда». Прекрасная, прекрасная газета![3] На днях постараюсь выслать фельетон (при первой возможности);

если бы Вы мне высылали и впредь «Знамя Труда», то я бы был Вам чрезвычайно благодарен от себя, и от группы лиц, которым я «Зн<амя> Труда» даю читать (на него у меня образовался хвост очереди: между прочим, в числе жаждущих чтения – М.О.Гершензон, который прочел Ваши статьи во II-м Скифе[4], которого я *все еще не видел*, и говорит, что Вы выразили его заветные мысли). Милый Разумник Васильевич, пригласили бы его Вы лично в «Скиф», или куда Вам захочется: я знаю, что он горит жаждою писать в духе «Скифа» и даже... «Знамени Труда»[5]. Когда я передавал ему приглашение в «Скиф», он сказал, что охотно бы пошел, если бы Вы его лично пригласили. М.О. и Лев Исак<ович>[6] – отрадные исключения среди прочих москвичей.

Пишу так обрывисто, потому что предполагаю, что 1) длинное письмо мое Вы получили, 2) меня ждет дама, везущая с «оказией» это письмо и рукописи (для «Скифа») в Петроград. На днях пишу Вам лично и обстоятельно. Фельетон Блока – великолепен и радостен[7]. На днях Вы получите письмо от редактора кооперативного журнала «Рабочий Кооператор», приглашение Вас, Ник<олая> Алексеевича[8], Есенина сотрудничать: это журнал для широких рабочих масс: внешне – беспартийный; и – абсолютно демократический; в числе сотрудников даже кое-кто из «большевиков» (в том числе Скворцов)[9]. Я пошел туда: редактор, Зайцев, мне лично известен. Чудо! Он приглашает нас, антропософов, «*импульсировать*» культурно-просветительный отдел[10].

Вообще происходит – сказка: среди нашего антропософского ядра «наиболее свежие и *заправские*» оказываются с левыми не по-внешнему, а по-внутреннейшему, а все то, что пишется о «искусстве» и «культуре» в «Знамени Труда», есть то, что составляет «*наше*», «внутреннее». В «сказочной» действительности мы живем[11].

Дорогой Разумник Васильевич, кончина Вашей матушки глубоко поразила меня: ведь она была такая бодрая, жизнерадостная и, сказал бы я, «духовно молодая», что я невольно думал, глядя на нее, когда видел ее последний раз у Вас: «Вот человек, дышащий жизнью». Но, стало быть, так нужно: «энергия» ее, и «молодость» понадобились «там». Крепко жму Вашу руку и глубоко сочувствую Вашему горю. Хотелось бы так много высказать Вам об «отшедших»; кое-что написал в «длинном» письме.

Остаюсь глубоко любящий и преданный Вам

Б.Бугаев.

P.S. Посылаю стихи Ю.Анисимова и рассказ В.Станевич[12]. Пришлите «Скиф»[13].

[1] Заказное письмо, отправлено с оказией из Петрограда. Почтовые штемпели: Петроград. 25.1.18 и 26.1.18; Царское Село. 28.1.18.

[2] Имеется в виду п.76.

[3] Комментарий Иванова-Разумника: «Литературный отдел этой газеты редактировал ИР; постоянные отделы в ней вели: Арсений Авраамов – “Искусство в свете революции”; Александр Блок – “Россия и интеллигенция”; Андрей Белый – “На перевале”; ИР – “Литература и революция"; Евгений Лундберг – “Под знаком зодиака”; В.Шимановский – “Искусство и труд”; Шах-Эдин (Ольга Форш) – “Живопись и скульптура”; Конст.Эрберг – “Письма о творчестве”» (Л.15об.). Заглавия авторских рубрик указывались в рекламных объявлениях о содержании литературного отдела «Знамени Труда».

[4] Во 2-м сборнике «Скифы» были напечатаны статьи Иванова-Разумника «Поэты и революция» и «Две России».

[5] М.О.Гершензон в «Знамени Труда» не участвовал.

[6] Л.И.Шестов.

[7] Комментарий Иванова-Разумника: «Речь идет о статье А.А.Блока “Интеллигенция и революция”, напечатанной в №122 “Знамени Труда” от 19 января 1918 г. Это, кстати сказать, является косвенным определением “termini a quo” даты настоящего письма: оно не могло быть написано раньше 20 января 1918 года» (Л.15об.).

[8] Н.А.Клюев.

[9] Иван Иванович Скворцов-Степанов (литературный псевдоним – Степанов, 1870–1928) – публицист; большевик с 1904 г., после Февральской революции член Московского комитета большевиков, редактор газеты «Социал-демократ», глава большевистской фракции в московской Городской думе. В дни вооруженной борьбы в Москве редактировал «Известия ВРК», в начале 1918 г. примыкал к «левым коммунистам», но вскоре отошел от них.

[10] Петр Никанорович Зайцев (1889–1970) – поэт, издательский работник; близкий друг Андрея Белого в 1920-е гг. и помощник в его литературных делах. См. о нем предисловие Дж.Мальмстада к публикации его переписки с Белым (*Минувшее 13*. С.215-231). В автобиографии Зайцев сообщает: «После Октябрьской Революции, с марта 1918 по август 1919 года, работаю <...> в журнале "Рабочий мир", одном из первых советских журналов для рабочих» (Там же. С.221; см. также: Зайцев П.Н. Журнал «Рабочий мир». Из воспоминаний / Публикация В.П.Абрамова; примечания В.В.Нехотина // Литературное обозрение. 1996. №5/6. С.40-53). По всей вероятности, «Рабочий кооператор» – первоначальное название этого журнала. Начиная с этого времени, Зайцев часто посещал Московское отделение Русского антропософского общества, где слушал лекции и курсы. Неизвестно, стал ли он формально членом Общества, но его стихи первых пореволюционных лет навеяны антропософскими образами, а среди самых близких ему людей числились деятельные антропософы.

[11] Характеризуя собрания московских антропософов в январе 1918 г., Белый отмечает: «...тон социальный радостный, бурно-тревожный соответствует бурно-тревожному времени. Эвритмия, музыка, стихи – все это процветает; у нас свои поэты (Анисимов, я), свои лектора (Сизов, Григоров, Столяров, я, Викентьев), свои художники, музееведы, библиофилы. <...> Мы радостно смотрим вперед» (*РД*. Л.90об.-91).

[12] См. п.76, примеч.15.

[13] Подразумеваются экземпляры 2-го сборника «Скифы».

78. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
31 января 1918 г. Москва[1].

Дорогой Разумник Васильевич,
посылаю Вам небольшой фельетон[2], стихи для «Знамени Труда». На днях (после 6-го февраля) буду много писать туда: газета – великолепна; почти – удивительно; все, что пишется там, радует меня ужасно. На днях Вам пишу обстоятельно: до 6-го – хаос дел[3]. Этим обусловлена краткость письма.

Остаюсь глубоко любящий Вас и уважающий

Борис Бугаев.

P.S. Получили ли 2 моих письма, рукопись и стихи Анисимова? Варваре Николаевне привет; детям тоже.

P.P.S. Стихи прилагаю[4]. Фельетон шлю отдельно.

[1] Заказное письмо; почтовые штемпели: Москва. 31.1.18; Царское Село. 16.2.18. Первая датировка – по старому стилю, вторая – по новому (с февраля 1918 г. был принят новый стиль).

[2] Единственная статья Андрея Белого, напечатанная в 1918 г. в «Знамени Труда», – «Сирин ученого варварства» (позднее издана отдельной брошюрой: Берлин, «Скифы», 1922): «На перевале. 1. Сирин ученого варварства», гл.I-VI (1918. №163. 26/13 марта) и «На перевале. 2. Сирин ученого варварства (По поводу книги В.Иванова "Родное и вселенское")», гл.VII-X (3 апреля / 21 марта. №170). В комментарии Иванов-Разумник пишет: «И стихи, и фельетон были напечатаны в "Знамени Труда" и перепечатаны в апрельской и майской книжках журнала "Наш Путь" за 1918 год» (Л.16), – однако эта информация неточна: «Сирин ученого варварства» в «Нашем Пути» не был помещен, а двухчастная статья Белого «На перевале. I. Весенние мысли. II. Революция и сознание современности», опубликованная во 2-м, майском выпуске «Нашего Пути», ранее в «Знамени Труда» не печаталась.

[3] О начале февраля 1918 г. Белый пишет: «...напряженная моральная жизнь: антропософские беседы, лекции, собрания; А.В.Сизова постоянно устраивает нам музыкальные вечера; еще более процветает эвритмия» (*РД*. Л.91).

[4] При письме на отдельном листе – автографы двух стихотворений: «Вестью овеяны...» и «Младенцу» («Играй, безумное дитя...»); оба стихотворения впервые опубликованы в «Нашем Пути» (1918. №1. С.13-14), вошли в книгу Белого «Звезда» (первое – под заглавием «Голубь») с датировками: «1918. Москва» (С.63, 66).

79. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
3/16–8/21 февраля 1918 г. Царское Село[1].

16/3–II–1918.

Дорогой Борис Николаевич, –
спасибо, сердечное спасибо Вам за Ваши письма – рад я и тому, что недоразумение оказалось недоразумением, и тому, что снова слышу от Вас такие близкие и внятные мне слова; спасибо Вам и за то, что́ пишете Вы о маме моей. Спасибо за все, – сердечно обнимаю Вас, как одного из самых близких мне на этом свете людей.

Хоть оно и безбожно – звать к себе (дорога из Москвы и в Москву – действительно тяжела), но как хорошо, как даже необходимо было бы, если б Вы могли не на недельку, а на три-четыре (и больше!) приехать снова в питерский воздух! Сколько надо поговорить – и о деле, и не о деле! Там Вы – в отравленном воздухе; лучшие (Л.Шестов, например, – сужу по последнему известному мне письму)[2] – и те ничего не видят за московским духовным туманом из совершающегося. И у нас здесь – много людей тумана. А сколько провалилось в бездну злобствования, отчаяния, непонимания, ненависти ко всему идущему и пришедшему! Ремизов, Сологуб, Мережковские, Пришвин[3] – все там. Но есть и другие. Постоянно приходится встречаться и чувствовать духовную связь свою с самыми разными людьми: Блок и Лундберг[4], Есенин и Сюннерберг[5], Чапыгин и (судя по стихам и письмам) Клюев – люди разных кругов, разных вер, разных верований. Чувствую, что жутко было бы одному остаться лицом к лицу со всем вражеским станом; но чувствую и другое – что и тогда бы, один, не перестал бы я делать и говорить то, что делаю и говорю. Как радостно, что Вы, что Блок – на этой же стороне пропасти!

21/8. Не закончил письма в тот день – и снова закружились мы в вихре событий![6] Писать не могу – посылаю в этом письме из вчерашнего «Знам<ени> Труда» стихи Блока и мою статью – вместо письма[7]. Крепко обнимаю Вас и откладываю перо до следующего раза. Напишите пока поподробнее.

Сердечно Ваш Разумник Иванов.

[1] Ответ на п.76, 77, 78. На бланке изд-ва «Скифы».

[2] В архиве Иванова-Разумника письма Л.Шестова за этот период не сохранились.

[3] См. подборку публицистических статей М.М.Пришвина конца 1917 – начала 1918 г., предназначавшихся для его незавершенной книги «Воля вольная» (Вопросы литературы. 1995. Вып.III. С.175-216. Публикация Л.Рязановой).

[4] Евгений Германович Лундберг (1887–1965) – прозаик, критик; в 1918 г. вел отдел «Под знаком зодиака» в «Знамени Труда». Позднее, в начале 1920-х гг., – организатор и один из руководителей берлинского изд-ва «Скифы».

[5] Константин Александрович Сюннерберг (псевдоним – Конст.Эрберг, 1871–1942) – теоретик искусства, критик, поэт; вел в «Знамени Труда» отдел «Письма о творчестве». Подробнее см.: Эрберг Конст. (Сюннерберг К.А.). Воспоминания / Публикация С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С.99-115; Заблоцкая А.Е. Конст.Эрберг в Научно-теоретической секции ТЕО Наркомпроса (1918–1919) // Минувшее: Исторический альманах. Вып.20. М.; СПб., 1996. С.389-403.

[6] Подразумеваются возобновление войны с Германией после перемирия, окончившегося 5/18 февраля, и активные наступательные действия германской армии, в течение нескольких дней занявшей обширные российские территории.

[7] Имеются в виду стихотворение А.Блока «Скифы», опубликованное в «Знамени Труда» 20/7 февраля 1918 г. (№137), и сопровождавшая эту публикацию статья Иванова-Разумника «Меч Бренна», представлявшая собой отклик на события последних дней и насыщенная цитатами из «Скифов»: «Свершается то, что давно предвидели все, имевшие очи, чтобы видеть: Старый Мир собрал свои силы и идет в бой, чтобы растоптать все всходы Мира Нового. Сила внешняя, сила “стальных машин, где дышит интеграл” – идет на духовную силу революции, чтобы раздавить ее, искоренить ее, эту силу, еще неокрепшую, еще рождаемую в тяжелых муках великих дней. Пушки снова идут против идей, сила штыков идет против духовной силы. <...> Великая ставка – старое государство и мировая революция – брошена извне на весы истории. Пусть сегодня долу падет наш жребий, пусть тяжелый меч Бренна еще раз перевесит червонное золото революционной крови, пусть еще раз раздастся клич победителя – vae victis!

Но уже в стан победителя перекинулось пламя русской революции, и пожрет оно его, быть может, гораздо раньше, чем думают это все здравые политики, все обыватели, все мещане социализма. <...> Исход борьбы предопределен: в тяжелых лапах революции социальной хруст-нет хребет политического государства. В этом – вера наша, в этом – знание наше. И с этой верой, с этим знанием светло смотрим мы в грядущее, хотя бы насмерть раздавила нас стальная машина во временной своей победе. Ибо, если временная победа – за ней, то конечная, вечная победа – за великой, грядущей в мире, всесветной революцией. Меч Бренна может победить сегодня, – может и не победить; ибо меч всенародной, всемирной революции давно уже занесен над мечом Бренна». В образном строе статьи обыгрывается известный эпизод из 5-й книги «Истории» Тита Ливия: галльский царь Бренн (390 г. до н.э.) в ответ на протест побежденных римлян, недовольных тем, что наложенная на них контрибуция взвешивается слишком тяжелыми гирями победителей, бросил на чашу весов еще и свой тяжелый меч со словами: Vae victis! (Горе побежденным!).

80. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
27 февраля / 12 марта 1918 г. Москва[1].

Дорогой Разумник Васильевич, –
как много есть Вам сказать? Но сейчас накопилось нечто деловое. 1) Получили ли Вы стихи Анисимова и рассказ Веры Станевич? 2) Получили ли мои стихи и фельетон для «Знамени Труда»? 3) Пришлите мне «Скиф»[2]. 4) Как обстоит дело с 3-ьим «Скифом»?[3] Относительно третьего «Скифа» у меня есть до Вас просьба: разрешите мне не печатать *«Карму»*. За «Карму» получаю 200 рублей; и – вынужден тотчас отдать[4], ибо благодаря *сейфам* и закрытой Казенной Палате у мамы в кармане 3 рубля, у меня – 10; мы – голодаем; на мне – целый дом, ибо мама в отчаянном положении; за границей Ася живет в долг; а за этот месяц я имел заработка лишь 200 рублей (80 рубл<ей> плачу маме: и рублей 20 приходится в день на одну еду); можете себе представить, в каком виде существую; вдобавок из Москвы собираются нас гнать; т.е. положение отчаянное; вдобавок: С.А.Венгеров[5] поставил меня в очень критич<еское> положение. 2 месяца я работал над Ивановым, в рассчете, что получу по 500 рубл<ей> за печ<атный> лист; работа вышла Сизифова... И за около 2 печ<атных> листа получил... 300 рублей с указанием, что я получаю вообще дороже прочих сотрудников. С.А. просил ввиду этого не оглашать суммы; но Вам я сообщаю: ибо Вы мне сказали, что он согласился на 500 рубл<ей> <за> печ<атный> лист[6]. Собственно: мой рассчет строился на 1) него, 2) на «Скифы». С него думал получить рублей 700; получил 300; думал, что буду в месяц получать от «Скифов» 200 рублей. Вместо этого получил 400 аванса от «Знам<ени> Труда»; аванс думаю отработать – скоро; но вот, могу ли надеяться на «Скиф»? Во всяком случае сейчас ввиду просто *«голода»* и отчаянного положения мамы должен запречься, как вол, в срочную работу, за которую обещали гонорар в момент подачи рукописи... Голод вынуждает, увы, согласиться... «Карму» же отдал в другое место; замещу ее.

Вот какие дела. Я не пишу уже о событиях, нас обставших. Здесь, в Москве, никого не вижу; держусь с антропософами: у нас есть настоящая, духовная жизнь; можно сказать, что просто живу нашим кружком: у нас – тепло, дружно, крепко, бодро[7]... Но и тут вклинивается Ариман: нагрянули петербуржцы, и теперь москвичей, не связанных с демократ<ическими> организациями, выгуривают из Москвы большевики[8]; разгонят и нас. Но я не подчинюсь... Не желаю!.. Довольно!.. Все, чем я держусь, у меня связано с близкими, милыми душами нашего кружка. И я уж ору: меня не надо вешать[9]; если под предлогом эвакуации Москвы у меня отнимут несколько близких душ, тогда хоть... вешайся.

Простите, милый, милый Разумник Васильевич... Все же... верю в Россию. 2-ой «Скиф» утешает; многое в «Знамени Труда» радует; огромны «Скифы» Блока; и признаться, его стихи *«12»* – уже слишком; с ними я не согласен[10]...

Привет Варваре Николаевне, детям, Есенину, Ганину и тем, кои помнят меня. Привет Сергею Дмитриевичу[11].

Остаюсь глубоко любящий Вас и уважающий Борис Бугаев.

Москва. 27 февраля. 18 г.

P.S. Картина Москвы: вечером стрельба. К стрельбе так привыкли, что никто не обращает никакого внимания. Недавно нам в спину стреляли из автомобиля; потом автомобиль «мирно» проехал мимо; около дома, где я сейчас ночую, сегодня весь день перекидывал снег через забор бывший инспектор школы живописи и ваяния мой учитель истории В.Е.Гиацинтов[12]. Многие интеллигенты в Москве зарабатывают себе пропитание таким способом. В квартиры врываются; мою маму из одного управления погнали к черту (она хлопотала, чтобы ей разрешили взять из ящика последние ее крохи, чтобы платить налоги) – погнали к черту, сказав: «Идите работать: заработайте и заплатите». Наш швейцар должен получать 200 рубл<ей> в месяц + 18 рублей с квартиры, т.е. 326 рублей в месяц (он – ничего не делает); я получаю в месяц верных лишь 200; и из нас выдавливают всеми законными и беззаконными средствами все: остается примкнуть к анархистам и *выдавливать деньги насильно* из других. Чем все это кончится – Бог весть!

Вместе с тем: головокружительно интересно жить...

[1] Заказное письмо; почтовые штемпели: Москва. 16.3.18; Царское Село. 17.3.18.

[2] См. п.76, примеч.15; п.77, примеч.13; п.78, примеч.2, 4.

[3] Комментарий Иванова-Разумника: «Издание “Скифов” закончилось на втором сборнике» (Л.16). Окончательно эта ситуация определилась, видимо, осенью 1918 г.; ср. запись Блока от 4 ноября 1918 г.: «Р.В.Иванов у меня. <...> “Скифов” и “Нашего Пути” не будет» (Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С.434).

[4] Текст стихотворения «Карма» был послан Белым Иванову-Разумнику с п.59. Стихотворение впервые опубликовано в альманахе «Эпоха» (Кн.1. М., «Альциона», 1918. С.11-13), вышедшем в свет в апреле 1918 г.

[5] Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920) – историк русской литературы и общественной мысли, библиограф; редактор трехтомного издания «Русская литература XX в. (1890-1910)» (М., 1914–1918), для которого Белый написал статью «Вячеслав Иванов» (см. примеч.8 к п.69).

[6] По получении рукописи статьи «Вячеслав Иванов» С.А.Венгеров писал Белому (19 января 1918 г.): «Большое спасибо за статью. Я ее немедленно отдаю в переписку, а то она так написана, что не получается общего впечатления. <...> Я написал издательству об уплате Вам 300 р. Это совершенно исключительный гонорар (у нас все получают по 100-150 р.), на котором настаивал Р.В.Иванов-Разумник, и я во избежание недоразумений с другими сотрудниками даже просил бы Вас не делать размер Вашего гонорара общеизвестным» (*РГБ*. Ф.25. Карт.13. Ед.хр.3). Этот гонорар препроводил Белому сотрудник главной конторы изданий товарищества «Мир» (выпускавшего в свет «Русскую литературу XX в.») М.Лурье вместе с письмом от 23 января 1918 г. (*РГБ*. Ф.25. Карт.28. Ед.хр.9). О получении гонорара Белый сообщил Венгерову в письме от 31 января 1918 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С.55-56).

[7] О занятиях Белого в Московском отделении Русского антропософского общества в 1918–1919 гг. см. в публикации Дж.Мальмстада «Андрей Белый и антропософия» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. Paris, 1990. С.473-480). 21 февраля (н.ст.) 1918 г. Белый писал А.Тургеневой о своем лекционном курсе «Мир Духа», организованном Антропософским обществом: «Мой курс слушают от 60 до 70 человек, главным образом курсистки; и – молодежь; и после каждой лекции приходится слышать со стороны изумление, или слова, вроде: “Если это философия антропософии, то – я хочу быть антропософом”. Получается круг друзей (неантропософов) вокруг нас. Пока все это очень зелено и надо много работать, чтобы утвердилась философия антропософии <...>. Недавно читал лекцию об антропософском сознании “*Свет из Грядущего*” в помещении на 250 человек и по очень дорогим ценам (в пользу нами проектируемого сборничка “*Светень*”)» (*РГБ*. Ф.25. Карт.30. Ед.хр.19. Упомянутый издательский замысел не был реализован).

[8] Имеется в виду приезд в Москву 11 марта 1918 г. руководителей большевистской партии и правительства, тайно покинувших Смольный в ночь на 10 марта. 15 марта IV съезд Советов, созванный в срочном порядке для ратификации Брестского мира, провозгласил Москву столицей РСФСР. См. статью Евы Берар «Почему большевики покинули Петроград?» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.14. М.; СПб., 1993. С.226-252). Очевидец свидетельствует: «*1/14 марта*. С переездом обожаемых в Москву здесь в спешном порядке, порой в 24 часа, реквизируются особняки, гостиницы, магазины, целые небоскребы, или частью, чтобы разместиться всем “правительственным” учреждениям и служащим в них. Многие семьи – бук-

вально выбрасываются на улицу со всем своим скарбом. Что церемониться с бездарными, глупыми и подлыми буржуями!» (Окунев Н.П. Дневник москвича. С.160).

[9] «Меня не надо вешать» – название 3-й главки «Рассказа о семи повешенных» (1908) Леонида Андреева (фраза, повторяемая приговоренным к смерти крестьянином Иваном Янсоном).

[10] Ср. записи Белого о феврале 1918 г.: «Сильное впечатление от брестских переговоров и "*Скифов*" Блока» (*РД*. Л.91об.). Поэма Блока «Двенадцать» была впервые опубликована в «Знамени Труда» 3 марта / 18 февраля 1918 г. (№147); 17 марта 1918 г. Белый писал Блоку: «Читаю с трепетом Тебя. "Скифы" (стихи) – огромны и эпохальны, как "Куликово Поле". <...> По-моему Ты слишком неосторожно берешь иные ноты. Помни – Тебе не "*простят*" "никогда"... Кое-чему из Твоих фельетонов в "Знам<ени> Труда" и не сочувствую, но поражаюсь отвагой и мужеством Твоим» (*Блок – Белый*. С.335).

[11] С.Д.Мстиславский.

[12] Владимир Егорович Гиацинтов (1858–1933) – искусствовед, драматург; профессор Московского университета. О нем см. в мемуарах Белого «На рубеже двух столетий» (М., 1989. С.262, 283).

81. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
28 февраля / 13 марта 1918 г. Москва[1].

Дорогой Разумник Васильевич, какая радость, что Вы приехали![2] Я сегодня отправил Вам письмо[3]. Сейчас идет совещание газеты понедельничной, в которой направление совершенно тождественное, как выясняет материал, со «Знаменем Труда»[4]. Ввиду того, что собрание меня не отпускает, я завтра в 10 часов буду у Шестова, но... как было бы хорошо, если бы Вы с Мих<аилом> Осиповичем[5] заглянули сюда: познакомились бы с чудесными молодыми людьми[6]... Как ужасно, ужасно, ужасно я рад: у меня есть мысль Вас устроить: есть ли у Вас помещение? Душа стосковалась по Вас; радуюсь Вам. Во всяком случае завтра в 10 часов я у Шестова. Но как бы хорошо Вас увидеть сегодня: если Вы боитесь поздно, то можно было бы устроить Вас сегодня на ночь здесь... Здесь удобно ночевать.

Обнимаю еще раз, радуюсь.

Б.Бугаев.

P.S. Простите за подчерк; спешу.

[1] На конверте (без марки) – запись рукой Иванова-Разумника: «*От Андрея Белого* 13-III-1918. Москва». Комментарий Иванова-Разумника: «После настоящего письма – перерыв в переписке на 5 месяцев, так как март и апрель ИР пробыл в Москве; письма же за май–июль от АБ к ИР и обратно – все не доходили» (Л.16).

[2] Иванов-Разумник приехал в Москву 12 марта (см.: Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С.394; запись от 11 марта) на IV Чрезвычайный съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, состоявшийся 14-16 марта 1918 г.; в числе делегатов было 256 левых эсеров. Белый вспоминает в этой связи: «...приезд в Москву правительства и "*Скифов*": Разумник Васильевич, Мстиславский, Центральный Комитет левых эс-эров; организация Социалистической Академии, к которой я притянут; встречи с Р.В.Ивановым <...> начало работы в лево-эс-эровской газете "*Знамя Труда*"; посещение ее редакции» (*РД*. Л.91об.-92). Иванов-Разумник отбыл из Москвы 24 марта (см.: Блок. А. Записные книжки. С.397; запись от 26 марта).

[3] Имеется в виду п.80.

[4] Вероятно, подразумевается еженедельная газета «Понедельник Власти Народа» (с №6 – «Понедельник»), издававшаяся в Москве с 25 февраля до 8 июля 1918 г. под редакцией М.А.Осоргина и Е.Д.Кусковой; всего вышло 19 номеров. В №1 в редакционной заметке говорилось: «"Власть Народа" успела уже достаточно определенно выявить свою политическую физиономию. <...> Вокруг нее сложится в будущем ядро настоящей социалистической партии, свободной от иллюзий российского максимализма» (см. комментарии Джона Мальмстада и Роберта Хьюза в кн.: Ходасевич В. Собрание сочинений. Т.2. Статьи и рецензии 1905–1926. Ann Arbor, 1990. С.517-518).

[5] М.О.Гершензон.

[6] 14-15 февраля Белый (вместе с А.С.Петровским) переселился из квартиры в Никольском пер., где жила его мать, в помещение Антропософского общества на Садовой Кудринской (дом 6).

82. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
10 августа 1918 г. Москва[1].

10 августа 18 года.

Дорогой Разумник Васильевич!

От Вас ни слуху, ни духу: писал, – не отвечаете[2]. Не сердитесь ли? Каково Ваше самочувствие? Очень много раз нужно было Вас до зарезу видеть. Большое спасибо за хорошие слова о «Христос Воскресе»[3]... Я сейчас, как улитка, спрятался в свою скорлупу: не радуют – эс-эры (правые, средние, левые), на «большевиков» – злюсь, на кадетов – тоже; ощущаю себя анархистом-индивидуалистом[4]... Не наладилось после Вашего отъезда[5] никаких отношений с общими знакомыми: Евг<ений> Герм<анович>[6] – только путал, терял мои фельетоны[7] и задолго до прекращения «Зн<амени> Труда»[8] отбил у меня всякую охоту там писать. «Путанники» – Ваши левые эс-эры!..[9] Не сердитесь: но я не могу ощущать ритм времени с ними. Пошел служить в «*Архив*»[10], ибо 1) ни к каким группам не могу примыкать, 2) теперь нет вне-партийных органов.

Напишите хоть слово: остаюсь искренне преданный и любящий Вас

Борис Бугаев.

Варваре Николаевне мой привет. Детям тоже.

[1] На конверте почтовые штемпели: Петроград. 14.8.18; Царское Село. 15.8.18.

[2] Комментарий Иванова-Разумника: «Все письма лета 1918 года пропали на почте» (Л.16). 31 августа 1918 г. Белый писал Блоку: «Гробовое молчание Раз<умника> Вас<ильевича> меня удивляет, писал: не отвечает. Между тем, так во многом надо было посоветоваться <...>» (*Блок – Белый*. С.337).

[3] Эта поэма Андрея Белого, написанная в апреле 1918 г., была впервые опубликована в «Знамени Труда» 12 мая 1918 г (№199), перепечатана во 2-м номере (май 1918 г.) журнала «Наш Путь» (С.101-108). Иванов-Разумник дал отзыв о поэме в статье «Россия и Инония» (Наш Путь. 1918. №2. С.134-151; Иванов-Разумник. Россия и Инония. Андрей Белый. Христос Воскресе. Сергей Есенин. Товарищ. Инония. Берлин, «Скифы», [1920]. С.9-17). Фрагмент этой статьи был напечатан в кн. Иванова-Разумника «Александр Блок. Андрей Белый» (Пб., «Алконост», 1918) под названием «Весть весны», вошел также в кн. Иванова-Разумника «Вершины». Свой анализ Иванов-Разумник заключал: «Я не считаю поэму Андрея Белого чрезмерно удавшимся автору произведением: в ней есть растянутости, длинноты, повторения, есть и замечательно удавшиеся места – как раз те, где больше конкретного; вся вторая половина поэмы – значительно сильнее первой. Но все это – очень и очень "относительно": к Андрею Белому предъявляешь такие большие требования, которые другому бы непосильно выполнить; автор "Петербурга" имеет право на такую тяжелую оценку. Безотносительно, однако, поэма эта, повторяю, является большим произведением большого мастерства; в ней бьют живые ключи "нового Назарета", в ней одной мы более видим живую душу новой России, чем в десятке произведений плачущих и панихидствующих, злобствующих и проклинающих» (*Вершины*. С.214).

[4] Об июле 1918 г. Белый вспоминает: «Впервые сериозный перелом от розовой романтики в отношении к революции к исканию чисто реалистического самоопределения в ней <...> пишу Рейснеру письмо с отказом от профессуры в Социалистической Академии; перестаю писать в газетах» (*РД*. Л.93об.).

[5] Иванов-Разумник был в Москве во время работы Второго съезда Партии левых социалистов-революционеров-интернационалистов (17-25 апреля 1918 г.), на котором он был избран членом ЦК партии. Согласно дневниковым записям Блока, Иванов-Разумник выехал в Москву 16 апреля и возвратился в Петроград не позднее 30 апреля (Блок А. Записные книжки. С.400, 403). Если хронологические указания, приводимые в «Записках писателя» Е.Г.Лундберга, точны, то Белый и Иванов-Разумник встречались в Москве также в июне или в начале июля 1918 г.: «На днях, у Шестова, Белый говорил о Советах, как о начале радостной соборности. Иванов-Разумник – о максимализме, о самосожжении революции – Белый поддерживал» (Лундберг Е. Записки писателя. Берлин, 1922. С.179).

[6] Е.Г.Лундберг, заместитель редактора литературного отдела в «Знамени Труда».

[7] Единственная статья Белого из присланных им в «Знамя Труда», которая была напечатана в газете, – «Сирин ученого варварства» (см. примеч.2 к п.78).

[8] Последний номер «Знамени Труда» вышел в свет 6 июля 1918 г. После подавления большевиками так наз. «мятежа» левых эсеров 6-7 июля 1918 г. и разгрома левоэсеровских партийных органов и издательства газета перестала выходить.

[9] Ср. письмо Белого к А.Блоку, написанное в тот же день: «Левые "эс-эры" во всех отношениях путаники <...> Евг<ений> Герм<анович> Лундберг тоже путаник. От всех "*путаников*" устал» (*Блок – Белый*. С.336).

[10] Белый был избран на должность помощника архивариуса Единого государственного архивного фонда (1-е московское отделение, 2-я (юридическая) секция) 29 июля 1918 г., работал в этой должности с 3 до 24 августа (см. публикацию Д.А.Беляева «Андрей Белый (Б.Н.Бугаев): "...В эпоху моей работы в архиве..."» // Советские архивы. 1986. №4. С.62-66). В записях об июле-августе 1918 г. Белый отмечает: «...поступаю на службу в "Русский Архив" <...> изучаю палеографию и разбираю столбцы; служба от 10 до 3-4-х: разбираю Архив "*Воронежской Судебной Палаты*", регистрирую дела и извлекаю дела, имеющие архивный интерес для проф. Ардашева. <...> *Август*. Москва. Работа в "Архиве". Профессор Ардашев мною очень доволен, как служащим; проф. Цветаев (директор "*Архива*") – тоже, но Рязанов меня *не утверждает* в "*Архиве*", мотивируя, что я – профессор Социалист<ической> Академии, между тем как я уже с месяц послал отказ от профессуры <...>» (*РД*. Л.93об.-94. Упоминаются Н.Н.Ардашев, управляющий архивом Д.В.Цветаев и Д.Б.Рязанов).

83. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
16 августа – 5 сентября 1918 г. Петроград[1].

Петроград, 16 – VIII 1918 г.

Дорогой Борис Николаевич, –

дважды за эти 1 1/2 месяца писал я Вам – и заказное, и простое, но, по-видимому, вотще[2]. Только что получил несколько Ваших строк – обрадовался и огорчился: вижу, что и Вы писали мне, и тоже тщетно. Теперь пользуюсь проездом через Питер Клюева – и хочу написать Вам не письмо, а письмище. Выйдет ли – не знаю; так давно не видались мы – три-четыре месяца – три-четыре года!

Не знаю с чего и начать, столько всякого накопилось; всю ночь проговорить можно, и то не обо всем. Для начала скажу все-таки, в ответ на слова Вашего письма: «не сержусь ли я на Вас»: – Христос с Вами! Ни крупицы темного нет у меня на душе против Вас, и уж если кто имеет все права сердиться – так это Вы на меня.

Во-первых: я всецело виноват, что не сумел устранить тормоза между Вами и «Знаменем Труда». Но я понадеялся на то, что Евг<ений> Герм<анович> Лундберг, вне всяких своих литературных симпатий и антипатий, немедленно будет печатать все доставляемое Вами. Оказалось, что литературные антипатии перевесили, а я не сумел учесть этого заранее, в чем и каюсь. Надо ли мне говорить Вам, что я в корне несогласен со словами Лундберга о Вас в № 2-м «Нашего Пути», на стр. 155-ой[3]; я их намеренно не зачеркнул, предоставляя каждому полную свободу «в своем углу», но Вы же знаете, что я считаю Вас самым «убедительным» из всех наших художников, – писал я об этом достаточно. Если из-за всего этого «лундберговского» хоть малая соринка легла между нами, то да будет она сметена бесследно. Люблю и ценю Вас по-прежнему, а за тормоза, помимо меня действовавшие, крепко извиняюсь.

И еще я виноват, – и тоже без вины виноват – в том, что до сих пор и «Наш Путь» и «Скифы» перед Вами в большом денежном долгу. «Скифы» непременно рассчитаются с Вами еще в этом месяце (они дали «чистого убытку» тысяч десять!), а «Наш Путь» – немедленно[4].

Этим кончаю все «деловое»; если из-за этого делового между нами могла бы лечь какая-либо тень – ну его тогда совсем, это деловое, к которому я насильственно подсунут жизнью, несмотря на всю свою неспособность.

5/IX.

P.S. Начал письмо 16/VIII, кончаю чуть ли не через месяц, – так жизнь крутит! Вычеркиваю устаревшие строки и сообщаю кратко.

Письмо это передаст Вам К.А.Эрберг; ему же вручено, для передачи Вам, 707 р. гонорара за №2 «Нашего Пути»[5]. – Сам я должен был 3-го сент<ября> выехать в Москву, но на две недели задерживает небольшая «хирургия», ставшая необходимой[6]. Во что бы то ни стало хочу быть в Москве к 20-му сент<ября>.

Вас повидать – очень хочу и очень. Много и часто говорим о Вас с Ал.Ал.Блоком, который делается мне все ближе и ближе. Вас – чувствую за сотни верст и знаю, что Вы остались тем же и там же – за одним главным исключением. Тем скорее хотелось бы Вас повидать.

Сердечно обнимаю Вас и всегда помню. Надеюсь – до скорой встречи.

Искренне Ваш Р.Иванов.

P.P.S.

Если бы Вы знали – *что* такое теперь Петербург и как Вам необходимо побывать в нем! Какая внутренняя и внешняя красота, какой «воздух» – несмотря ни на что.

[1] Ответ на п.82. Написано на бланке журнала «Наш Путь». Иванов-Разумник приводит в комментарии черновик этого письма (Л.16об.-17). Машинописная копия текста письма сохранилась в архиве Иванова-Разумника (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.194).

[2] О том же извещал Белого А.Блок в письме от 5 сентября 1918 г.: «...сейчас говорил с Раз<умником> Вас<ильевичем>. Он писал Тебе дважды (простые письма), которые, очевидно, пропали» (*Блок – Белый*. С.338).

[3] В статье «В своем углу. I. Несовершенство формы» Лундберг писал: «Несовершенны, но глубоко убедительны чрезмерности Клейста. Его трагедии заслуживают изучения именно с этой точки зрения. При чтении Пушкина думается порою, что убедительность была основною его заботою, и что, быть может, в ней секрет его лирического и словесного такта. Из современников наших мало убедителен Андрей Белый. Мне кажется, он сам это знает, и, точно при помощи насосов, нагнетает, уплотняет в себе это качество искусственными приемами» (Наш Путь. 1918. №2. С.155).

[4] Далее в автографе – вымаранный абзац. Приводим этот текст (неразборчивые фрагменты восстановлены по машинописной копии черновика, приводимой в комментарии Иванова-Разумника. – Л.17): «Прилагаю письмо и документы к т.Бржозе, которого Вы найдете в книжном складе (гост. Дрезден, комн. №154) и который должен уплатить Вам указанные в документе семьсот рублей гонорара за "Наш Путь". Июльские события помешали своевременной уплате».

[5] Во 2-м (майском) номере журнала были напечатаны: поэма Белого «Христос Воскрес» (С.101-118), его же «Дневник чудака (Отрывок из повести)» (С.9-18; фрагмент, озаглавленный: «Писатель и человек») и статьи «На перевале. I. Весенние мысли. II. Революция и сознание современности» (С.119-133).

[6] 5 сентября 1918 г. А.Блок писал Белому в этой связи: «...Р<азумник> В<асильевич> сейчас будет делать небольшую операцию (резать лоб) и, когда поправится (недели через 1 1/2), приедет в Москву и привезет (*почти* наверное) Твои 1200 рублей за "Скифов" <...> Р<азумник> В<асильевич> просит тебя обнять и передать, что он сочувствует причинам, по кот<орым> Ты ушел из С<оциалистической> А<кадемии> (как и я, конечно)» (*Блок – Белый*. С.338).

84. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
23 сентября 1918 г. Москва[1].

23 сентября. 1918 года.

Дорогой Разумник Васильевич,

Я писал Вам множество раз (т.е. не множество раз, а раз 5); по всему вижу, что Вы не получали моих писем, так что о Вас знаю по письму Блока[2]. Жду Вас очень и очень. Я мог бы Вам писать многостраничные письма, но как-то берегу слова до личной встречи: все лето Вас ждут. И теперь я слышал, что Вы приезжаете. Откладываю слова до личной встречи, а пока, до слов обращаюсь к Вам по личному очень меня беспокоющему делу, увы, – денежному: если «Наш Путь» мне должен, то, ради Бога,

найдите возможность мне теперь переслать эти деньги: я страшно нуждаюсь; мне надо сейчас платить до 300<-т> портному, до 200<-т> за квартиру, а у меня в кармане лишь 300 рублей: гонорар за «Котика» и за «Наш Путь» выручил бы меня необычайно; по письму А.А.Блока было видно, что здесь в Москве будет Сюннерберг[3], и я с приездом его связывал так много надежд (денежных); но, увы, он не приехал, как не приехали и Вы; я сейчас нахожусь в очень бедственном положении; минимум прожития в месяц 600-700 рублей, а теперь, в виду наступления зимы, надо экстра рублей 700 на закупку того, что износилось. Вот этих-то денег и нет у меня.

Жду Вас очень. Живу изолированно: никого не вижу. И поэтому ничего не могу сказать о нашей литер<атурной> Москве. Здесь сейчас Есенин; он, кажется, ждет Н.А.Клюева в Москву[4]. Что-то Есенин мне по линии своего литер<атурного> повед<ения> не очень нравится: уж очень *практичен* он[5]...

Если у Вас есть молодые талантливые поэты, пришлите их стихи: я редактирую один альманах. Нужен материал[6].

Остаюсь любящий Вас и неизменно преданный

Борис Бугаев.

Варваре Николаевне мой привет. Леве[7] тоже. Жду Вас.

[1] На конверте почтовые штемпели: Москва. 23.9.18; Царское Село. 26.9.18.

[2] Речь идет о письме А.Блока к Белому от 5 сентября 1918 г. (*Блок – Белый*. С.337-338). См. примеч.2, 6 к п.83.

[3] В письме от 5 сентября Блок извещал Белого: «...в начале той недели в Москве будет К.А.Сюннерберг, который привезет Тебе довольно подробное письмо от Р<азумника> В<асильевича> и 707 р. 62 коп. за II № “Наш<его> Пути”» (*Блок – Белый*. С.338).

[4] Есенин вернулся в Москву из села Константинова после 15 августа 1918 г. (Базанов В.В. Материалы к биографии С.А.Есенина // Есенин и современность. М., 1975. С.314). 30 сентября 1918 г. Есенин писал Иванову-Разумнику: «Кланяйтесь Клюеву. Я ему посылал телеграмму, а он не ответил» (Есенин С.А. Собр. соч. В 6 т. Т.6. М., 1980. С.87).

[5] Белый вспоминает о встречах с Есениным в это время – август 1918 г.: «Ряд встреч с Райх, с Есениным <...>»; сентябрь: «...в последних числах <...> заболеваю; значительный разговор с Есениным во время моей болезни» (*РД*. Л.94, 95). Во второй половине сентября 1918 г. по инициативе и при непосредственном участии Есенина было создано кооперативное издательство «Московская Трудовая Артель Художников Слова»; Белый участвовал в его организационном собрании, наряду с Есениным (ставшим официальным директором (заведующим) этого издательства), С.А.Клычковым, П.В.Орешиным и Л.О.Повицким. См.: Базанов В.В. Сергей Есенин и книгоиздательство «Московская Трудовая Артель Художников Слова» (1918–1920) // Есенин и современность. С.121-124, 139.

[6] 31 августа 1918 г. Белый писал Блоку: «...я – редактирую в Москве “*Альманахом*”, посвященным революции; меня просили просить Тебя в него: просить Твоих стихов. Присоединяю горячую просьбу; мне, как редактору стих<отворного> отдела, было бы крайне радостно получить от Тебя стихов <...> совершенно не важна *тенденция*; важна органическая (пусть внутренняя) связь с переживаемым (рево<люционным>) периодом времени <...> Если у Тебя есть интересные поэты, пришли их; я собираю весь стихотворный материал, но совсем не знаю “поэтов”; за помощь буду благодарен» (*Блок – Белый*. С.337). Блок выслал подборку своих стихов (см.: Там же. С.337-338), однако альманах издан не был. О том же неосуществленном проекте идет речь в недатированном письме Белого к Вяч.Иванову (1918): «...мне поручили составить стих<отворный> отдел альманаха, посвященного темам революции, который выпускает к<нигоиздательст>во “Змий”. Пишу Блоку, Бальмонту, Брюсову, Мережковскому; Брюсов уже обещал; обращаюсь с покорной просьбой к Тебе; к<нигоиздательст>во хочет объединить стихи, выросшие у поэтов “из революции”, и дать разнообразную гамму; *предприятие глубоко беспартийное*; в Альманахе слово будет принадлежать только “Аполлону”» (*РГБ*. Ф.109. Карт.12. Ед.хр.29). В воспоминаниях о Есенине «Наброски со стороны» (1956) С.Д.Спасский свидетельствует, что Белый приглашал Есенина участвовать в «готовящемся альманахе со странным названием “Змий”» (С.А.Есенин. Материалы к биографии. М., 1992. С.198).

[7] Л.Р.Иванов, сын Иванова-Разумника.

85. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
26 сентября 1918 г. Москва[1].

Дорогой и глубоколюбимый Разумник Васильевич,
обращаюсь к Вам прямо-таки с криком душевной растерянности: сейчас получил письмо, извещающее меня об Асе[2].

Она страшно нуждается; и через третье лицо просит усиленно, чтобы я ей помог; между тем, не имея от нее вестей (я все ждал ее в Москву), я не посылал ей (да и возможности выслать не было)[3]; теперь: я должен на днях заплатить около 200 рублей портному и около 200 рублей за пищу и помещение; денег вовсе нет; и потому-то единственная надежда на гонорары от «Скифов» и «Нашего Пути». Ради Бога, устройте как-нибудь перевод или пересылку их; прошу не для себя, а для Аси. У меня есть заработок, но для этого надо много работать (сперва дать рукописи); вообще я заавален заказами до Рождества, нового не могу писать и немедленно не могу получить; между тем: менее 700 р. не имеет смысла посылать Асе.

Двояко ждал Вас: для души (чтобы встретиться и провести вместе время) и ради того, что от Блока слышал о гонораре, который Вы хотели мне прислать[4]. Голубчик, выручите меня.

Живем под прессом: нет времени думать, нет времени соображать: забот, дел масса.

Если есть у Вас какое-нибудь предприятие, мог бы дать для него из имеющихся уже вещей; писать нового до Рождества ничего не могу (все насыщено обязательствами, которые не сумею выполнить).

Надо писать сразу: две повести и статью (15 печ<атных> листов + 2 печ<атных>)[5], а времени так мало.

Извиняюсь за лапидарность, косноязычие и тон письма; жду, жду Вас.

Остаюсь глубоко преданный и любящий Б.Бугаев.

[1] На конверте почтовые штемпели: Москва. 26.9.18; Царское Село. 29.9.18.

[2] Кем было написано это письмо, установить не удалось.

[3] Ср. письмо Белого к А.Тургеневой от 11 ноября 1921 г.: «Какой болью мне отдалась Твоя просьба, пересланная какому-то молодому человеку, который писал Тебе от меня осенью 1918 года из Берлина; он передал в открытке, Бог знает как дошедшей, Твою просьбу, чтобы я Тебе немного присылал денег. Ася, сердце у меня сжалось, ибо это же было *абсолютно технически невозможно*; так же невозможно, как попасть на луну» («Воздушные пути». Альманах V. Нью-Йорк, 1987. С.303).

[4] Подразумеваются сведения, сообщенные Блоком в письме от 5 сентября 1918 г. (см. примеч.3 к п.84). 27 сентября Белый писал Блоку: «Если увидишь Разумн<ика> Вас<ильевича>, скажи, что просто до зарезу нужны деньги: и за "Наш Путь", и за "Котика". Если Сюннерберг не едет и Раз<умник> Вас<ильевич> не приедет, то, может быть, деньги можно было бы переслать *с оказией другой*» (*Блок – Белый*. С.339).

[5] Комментарий Иванова-Разумника: «Статья – "Кризис культуры"; одна из повестей – "Записки Чудака", вторая – быть может рассказ "Иог"» (Л.17об.). «Иог», однако, был написан в августе 1918 г. (*РД*. Л.94об.). В записях о сентябре 1918 г. Белый отмечает: «...быстро дописываю "*Кризис Культуры*"»; об октябре: « ..усиленно сызнова перерабатываю и пишу "*Записки Чудака*"» (*РД*. Л.95, 95об.).

86. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
30 сентября 1918 г. Царское Село[1].

30 сент. 1918 г. Царское Село.

Дорогой Борис Николаевич, – наконец-то хоть одно Ваше письмо дошло до меня! Вы писали мне (сужу по письму), я писал Вам – тщетно. Посылаю, как всегда, заказным.

Огорчился я крайне Вашим письмом – тем более, что и моя вина есть в несвоевременном получении Вами журнального гонорара. Я передал его Эрбергу, который

должен был поехать в Москву 3-го сент<ября>, – и с того времени каждый день откладывал свой отъезд на завтра. Я тоже должен был тогда же попасть в Москву, но подвергся пустячной операции[2], которая, однако, так осложнилась, что я три недели ходил (т.е. сидел дома) обвитый пеленами, как египетская мумия: меня резали, сшивали, расшивали, температура доходила до 39° – и только на днях я ожил, а сегодня снимаю последнюю повязку со лба. А потому – на днях же повидаюсь с Вами в Москве, о чем думаю с искренней радостью: так о многом надо поговорить, что не стоит и пытаться написать. Давно мы не виделись – века прошли!

Но ждать меня или Эрберга Вам невозможно. А потому вот как лучше и скорее всего поступить. Вам надо получить два гонорара: за журнал[3] и за «Котика Летаева», –

1) За статьи и стихи в журнале – 707 р. 62 к. Эти деньги Вы немедленно получите в Москве же, куда я сегодня пишу категорически Лундбергу; он как раз должен журналу около 700-т рубл<ей>, деньги у него есть, и он завтра же доставит их Вам на Кудринскую.

2) «Скифы» недоплатили Вам 1213 р. 25 к. Прилагаю здесь же письмо к Серг<ею> Дмитр<иевичу>, которое очень прошу немедленно переслать ему[4].

Надеюсь, что ко времени приезда моего (числа 5-го – 7-го окт<ября>)[5] все дела Ваши будут уже налажены, и мы с Вами хоть одну ночь, да поговорим как следует.

Со мной приедет Клюев; если увидите Есенина – передайте ему это. То, что Вы пишете про второго, – я могу повторить про первого: оба они очень и очень *практики*, и практичность эта причудливо переплетается с почти «гениальностью» первого и огромным (впрочем, за это слово пока побаиваюсь) талантом второго.

Сколько мне надо Вам рассказать – про Блока, про новые планы статей, про «Скифскую Академию»[6], – всего не упомнишь! Сердечно обнимаю Вас и остаюсь крепко любящий Вас

Р.Иванов.

[1] Ответ на п.85.

[2] См. п.83., примеч.6.

[3] Гонорар за произведения Белого, напечатанные во 2-м номере журнала «Наш Путь» (см. примеч.5 к п.83).

[4] Белый не сумел своевременно доставить это письмо С.Д.Мстиславскому, о чем уведомлял его 13 октября 1918 г.: «Я не мог переслать Вам записки: лежал больной, в испанской болезни, и ничего не мог предпринять» (*РГАЛИ*. Ф.306. Оп.1. Ед.хр.116). Гонорар за свои публикации во 2-м сборнике «Скифы» Белый получил только в конце ноября; 19 ноября 1918 г. его извещал С.М.Алянский: «Наконец могу обрадовать Вас. Разумник Васильевич просил меня передать Вам 1213 р. 65 к. – Ваш гонорар за “Скифы”. Т<ак> к<ак> мой приезд в Москву может быть отложен, пользуюсь тем, что в Москву командируется А.И.Смирнов, с которым и посылаю указанную сумму» (*РГБ*. Ф.25. Карт.8. Ед.хр.9). Согласно гонорарной смете, составленной Ивановым-Разумником по 2-му сборнику «Скифы», Белому причиталось: за статью «Песнь Солнценосца» – 50 руб., за стихи – 32 руб., за «Котика Летаева» – 800 руб. (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.45).

[5] Поездка Иванова-Разумника в Москву в указанные дни не состоялась.

[6] Замысел этого учреждения (будущей Вольной Философской Ассоциации – «Вольфилы») возник еще весной 1918 г., у истоков его стоял также Конст.Эрберг, участвовавший тогда, как и Блок и Иванов-Разумник, в работе Театрального отдела Наркомпроса. Иванов-Разумник свидетельствует: «...мысль об образовании “Вольной философской Академии” возникла в Петрограде в марте–апреле 1918 г. среди петроградцев: А.Блок<а>, меня и Эрберг<а>, а в Москве <инициаторами были>: Андр<ей> Белый и Лундберг» (цит. по: Белоус В.Г. К публикации «Беседы о пролетарской культуре в Вольфиле» // De Visu. 1994. №1/2 (14). С.139). В сентябре 1918 г. обсуждения проекта новой организации возобновились; 30 сентября Блок записал: «Р.В.Иванов у меня <...> О “Вольной философской академии”» (Блок А. Записные книжки. С.429). А.З.Штейнберг в этой связи вспоминает: «В воскресенье я пришел в назначенный час к Эрбергу и застал его и Иванова-Разумника <...> Разумник Васильевич успел в последние дни подробно ознакомить Блока с задачами нового общества, которое он и Эрберг собирались основать, и заручился его безоговорочным согласием стать одним из членов-учредителей. Оставалось выяснить, кого еще привлечь к участию в учредительном совещании, и решить, как осуществить практически намеченный план. Почти сговорились о названии нового общества. Оно должно было стать “Вольной Академией”, так чтобы самое его название напомина-

ло бы старое, прославленное и все еще продолжавшее благополучно существовать “Вольное Экономическое Общество”» (Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. С.25). См.: Блок А., Иванов-Разумник, Штейнберг А., Эрберг К. Объяснительная записка к проекту положения о «Вольной философской академии» // Временник Театрального отдела Народного комиссариата по просвещению. 1918. Вып.1 (ноябрь). С.12.

87. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
18 декабря 1918 г. Москва[1].

Дорогой Борис Николаевич, –
больше полугода не видались мы, – а теперь я <приехал в?> Москву на два-три дня, в крайнем случае – до воскресенья[2]. Очень и очень хочется повидаться, о многом и многом поговорить.

Зайду к Вам завтра между 10 и 11 ч. утра[3]. Если слишком рано, или, наоборот, Вас уже не будет дома – оставьте мне записку, когда можем свидеться.

Обнимает Вас заочно А.А.Блок, с которым за последнее время видимся постоянно.

Впрочем – все до завтра; а сегодня и я заочно оставляю Вам сердечный привет.

Искренно Ваш

Разумник Иванов.

18/XII 1918.

[1] Записка на клочке бумаги.

[2] 22 декабря.

[3] Видимо, во время этой встречи Белого и Иванова-Разумника – единственной (как выясняется из п.88), состоявшейся в дни пребывания последнего в Москве 18-23 декабря, – была достигнута договоренность о деятельном участии Белого в работе будущей Вольной Философской Академии.

88. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
21 декабря 1918 г. Москва.

21/XII.

Дорогой Борис Николаевич,
хотя я уезжаю только в понедельник[1], но повидаться еще раз уже не удастся. Зашел попрощаться – и сказать, что чувство у меня такое, точно мы и не видались. Устройте себе самовольный отпуск[2] и приезжайте в наши тихие края отдохнуть и поработать. А я, в середине января, или конце его, провожу Вас в Москву, куда мне надо будет к тому времени попасть.

Итак – во всяком случае до скорого свидания. А если события сделают это скорое свидание – очень и очень не-скорым, то и тогда надеюсь встретиться с Вами, точно вчера видались.

Сердечно обнимаю Вас и жду.

Ваш Р.Иванов.

[1] 23 декабря.

[2] Белый в это время состоял на двух официальных службах – в московском Пролеткульте (с конца сентября 1918 г.) и в Театральном отделе Наркомпроса (в ноябре–декабре 1918 г.). В письме к А.Тургеневой от 25 декабря (ст.ст.) 1918 г. (7 января н.ст. 1919 г.) он сообщал о себе: «...служил в Комиссариате по Просвещению (заведовал Научно-Теор<етической> секцией Театр<ального> Отдела Комиссариата); теперь служу в “Пролеткульте”» (*РНБ.* Ф.60. Ед.хр.57).

89. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
16 января 1919 г. Детское Село[1].

16/I 1919. Ц.С.

Дорогой Борис Николаевич, –

вместо «Скифа» – С.К.И.Ф.[2], то есть: Социально-Культурный Факультет Искусств, открываемый на днях Вольно-Философской Академией, *председателем совета которой избраны Вы*[3]. Поскольку Вы в Москве (а я надеюсь, что Вам теперь хорошо бы хоть на месяца 2-3, до весны и лета – перебраться в Спб., т.е. Ц<арское> С<ело>, – ибо В<ольно->Ф<илософская> Ак<адемия> сможет вполне устроить Ваши внешние дела *очень большим* гонораром и вместе с этим дать *очень большое* количество свободного времени, когда Вы, в моем кабинете, будете писать «Записки Чудака» и «Кризис сознания»), – итак: поскольку Вы пока еще в Москве – заменять Вас в В.Ф.А. буду я, как «товарищ председателя», и вообще я готов взять на себя большую долю всей работы.

Состав членов-учредителей, открывающих Академию: Авраамов, Блок, Белый, Иванов-Раз<умник>, Кушнер (есть такой молодой теоретик футуризма, невредный для перца в Скифской Акад<емии>)[4], Лундберг, Мейерхольд[5], Мстиславский, Петров-Водкин (который сегодня тоже едет в Москву и будет у Вас, хотя и не по делу Скифской Академии), Л.Шестов[6], Штейнберг (молодой и очень симпатичный философ, только что вернувшийся из Германии, «ученый секретарь» Академии)[7], Эрберг. Всего – «12».

Члены Совета: Блок, Белый, Иванов-Раз<умник>, Кушнер, Мейерхольд, Петров-Водкин, Штейнберг, Эрберг.

Председатель Совета – Вы.

Товарищ Председ<ателя> – я.

Секретарь – Штейнберг.

Имеется *большое помещение*. Запись слушателей уже открыта. Передается Академии большая библиотека по вопросам общей культуры, искусства, философии. Вырабатывается круг *лекций* и заседаний (по форме сходных с Рел<игиозно>-Фил<ософским> Общ<еством>). Открытие Скифской Академии – в конце января чтением А.А.Блока: «Катилина, эпизод из истории мировой революции»[8]. Хорошо бы, если б следующее чтение было Ваше! *NB*: *Совершенно необходимо, чтобы Вы приехали на открытие*![9]

Надеюсь приехать в Москву *до* открытия и переговорить с Вами. Но – могу и не приехать[10]. Дайте, дорогой Борис Николаевич, хоть словесный ответ «подателю сего»!

NB: Не очень говорите в Москве об этой Академии со власть имущими: они завидуют Питеру и охотно ставят палки в колеса[11].

Сердечно обнимаю и очень жду ответа.

Всегда Ваш Раз.Иванов.

[1] Царское Село было переименовано в Детское Село декретом Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов от 7 ноября 1918 г.

[2] Письмо написано на бланке изд-ва «Скифы»; в печатной издательской марке вверху в слове «СКИФЫ» последняя буква вымарана Ивановым-Разумником, к каждой из остальных букв добавлены точки («С.К.И.Ф.»), внизу приписано: «В.Ф.А.».

[3] См. п.86, примеч.6. В Уставе Вольной Философской Ассоциации («Вольфилы») значилось: «§1. В.Ф.А. учреждается с целью исследования и разработки в духе философии и социализма вопросов культурного творчества, а также с целью развития и укрепления как среди своих сочленов, так и за пределами Ассоциации, социалистического и философски углубленного отношения к этим вопросам. <...> §3. Для достижения своих научно-теоретических целей В.Ф.А. способствует объединению деятелей в области научного, социального и художественного творчества на почве их общего стремления философски осмыслить свою работу, дает им возможность находиться в постоянном тесном общении друг с другом и содействует, таким образом, выяснению общих основ культурного творчества человека» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.12. Л.3). Председателем совета Ассоциации Белый стал по инициативе Иванова-Разумника: «Имя Бориса Николаевича Бугаева – Андрея Белого невидимо присутствовало с самого

начала во всех разговорах Разумника Васильевича о новом философском содружестве. <...> Разумник упомянул, что если Вольная академия чем-либо наперед обеспечена, так это прежде всего своим президентом – Андрей Белый охотно согласится возглавить ее. <...> В двух словах: не будь Белого – не нужна была бы и вся наша академия, не он для нее, а она для него» (Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. С.32-33).

[4] Борис Анисимович Кушнер (1888–1937) – поэт, прозаик, публицист, сотрудник петроградской газеты «Искусство коммуны» (1918–1919); член Коммунистической партии с 1917 г. В 1920-е гг. примыкал к ЛЕФу, сотрудничал в журнале «ЛЕФ». Арестован и расстрелян в 1937 г.

[5] Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874–1940) в это время был заместителем заведующего петроградским отделением ТЕО Наркомпроса и редактировал его журнал «Временник».

[6] Хотя А.Авраамов, Е.Лундберг и Л.Шестов значились как члены-учредители, причастность их к «Вольфиле» была номинальной, поскольку в годы работы Ассоциации они не проживали длительное время в Петрограде.

[7] Аарон Захарович Штейнберг (1891–1975) – философ, публицист; получил образование на философском и юридическом факультетах Гейдельбергского университета, вернулся из Германии в Россию в 1918 г. Активный участник «Вольфилы» и ее секретарь в 1919–1922 гг. (в 1920 г. вел там кружок «Основные вопросы философии»); также – сотрудник Театрального отдела Наркомпроса и Института театральных знаний, преподаватель Петроградского философского института и Еврейского университета. Выехал из Петрограда в Берлин 29 ноября 1922 г., где оставался до прихода к власти нацистов; в 1934 г. поселился в Лондоне. В эмиграции занимался главным образом проблемами еврейской истории и культуры, в 1941 г. стал во главе Культурного отдела Всемирного еврейского конгресса. Воспоминаниям о «Вольфиле» посвящена глава «Философское содружество» книги Штейнберга «Друзья моих ранних лет (1911–1928)» (С.20-108). См. также предисловие В.Г.Белоуса к публикации доклада А.З.Штейнберга «Достоевский как философ» (Вопросы философии. 1994. №9. С.184-186).

[8] Предполагаемые сроки открытия «Вольфилы» в конце января 1919 г. были нарушены вследствие препон со стороны властных инстанций. Первое открытое заседание «Вольфилы» состоялось только 16 ноября 1919 г.; на нем выступил А.Блок с докладом «Крушение гуманизма». Его очерк «Катилина. Страница из истории мировой Революции» вышел в свет отдельным изданием (Пб., «Алконост», 1919) в феврале 1919 г.

[9] Белый приехал в Петроград на несколько дней в конце января: «Кажется, в конце месяца Мейерхольд и Бакрылов везут меня в Детское для организационных заседаний “Вольфилы”. Встречи с Петровым-Водкиным, Р.В.Ивановым, Сюннербергом, Штейнбергом, Мейерхольдом, Блоком, Сологубом и рядом театр<альных деятелей>» (*РД.* Л.98). Общее собрание учредителей «Вольфилы» состоялось на квартире Иванова-Разумника в Детском Селе 26 января; А.Блок записал в этот день: «В Царское – к Р.В.Иванову и Б.Н.Бугаеву; заседание Вольной философской академии <...>» (Блок А. Записные книжки. С.447). Ср. позднейшую запись Белого: «Организационное, первое собрание “Вольфилы” (присутствуют: Р.В.Иванов, Штей<н>берг, Эрберг, Петров-Водкин, я, Блок, Мейерхольд, Пунин, Кушнер; еще кто-то» (*РД.* Л.98). В Москву Белый вернулся в начале февраля; 1 февраля Блок отметил: «Боря Бугаев, уезжающий» (Блок А. Записные книжки. С.448).

[10] Это намерение не осуществилось.

[11] В Москве уже функционировала учрежденная в 1918 г. Социалистическая Академия общественных наук, во главе которой стоял А.В.Луначарский, и попытка создания другой «Академии» воспринималась властями как вызов идеологическому официозу. Белый записал в этой связи: «Беседы с Р.В.Ивановым о “Вольфиле”. Выясняется ее невозможность, как “Академии”» (*РД.* Л.98). Эти обстоятельства выяснились, как следует из дневниковой записи Блока, в день организационной встречи в Детском Селе (26 января 1919 г.): «Телефон от Бакрылова: в Москве нашли “несвоевременной” Вольную философскую академию и предложили учредить Вольное философское общество (с субсидией)» (Блок А. Записные книжки. С.447). 28 января Е.Г.Лундберг телеграфировал из Москвы Иванову-Разумнику: «Согласны ли заменить слово Академия Ассоциацией? Последнее может быть обеспечено материально. Москвичи склонны принять эту редакцию. Сообщите ваши предложения»; Иванов-Разумник ответил: «Согласны заменить Академию Ассоциацией» (Белоус В.Г. Петроградская Вольная Философская Ассоциация (1919–1924) – антитоталитарный эксперимент в коммунистической стране. М., 1997. С.9). «Общество» было решено назвать Вольной Философской Ассоциацией. Иванов-Разумник, вспоминая об обстоятельствах возникновения «Вольфилы» в письме к Конст. Эрбергу от 25 января 1941 г., подчеркивает: «*Академия* была запрещена правительством в виду рождения московской “Социалистической Академии”; тогда мы остановились на “*Ассоциации*”» (Собрание М.С.Лесмана–Н.Г.Князевой). А.З.Штейнберг свидетельствует: «...пришлось

изменить название нового задуманного сотрудничества. Луначарский счел совершенно неправильным дать нам, каким-то еретикам, народникам, левым эсерам, людям, представляющим какой-то предреволюционный сброд, возможность сделать первый шаг в таком важном направлении, как осмыслить революцию в духе философии и социализма. “Нет, это невозможно, – сказал он, – пусть они себе какое-нибудь другое название выберут”. Михаил Константинович Лемке, <...> имевший связи с высшими кругами правящей партии, привез из Москвы, после свидания с Каменевым, известие, что наша питерская Вольная философская академия будет разрешена с условием, если мы вычеркнем из названия слово “академия”. Срочно созвано было собрание наших учредителей, на котором Константин Александрович Эрберг сказал: “Нам самое важное сохранить заглавные три первые буквы, ВФА, значит, мы будем Вольной Философской ассоциацией, а я ее по-прежнему буду называть про себя, как и прежде, Вольфилой”» (Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. С.44).

90. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
15 февраля 1919 г. Петроград[1].

15 – II – 1919.

Дорогой Борис Николаевич, черкните мне сюда (камера №95) о Вашем здоровье[2]. Писать много не могу, сердечно обнимаю Вас – до ближайшей встречи.

Ваш Р.Иванов.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Петроград. 6.3.19; Москва. 9.Ш.19. Согласно этим данным, отправлено три недели спустя после написания.

[2] На обороте указан обратный адрес: «Из Гороховой, 2». Вопрос «о здоровье», возможно, содержит намек: арестован Белый или нет? 13 февраля 1919 г. Иванов-Разумник был арестован в Детском Селе (на основании телеграммы из Москвы за подписью председателя ЧК, полученной утром этого дня: «...Произведите тщательный обыск и арестуйте Разумника Иванова Детское Колпинская 20. Препроводите Москву Лацису» // Белоус В.Г. Петроградская Вольная Философская Ассоциация (1919–1924) – антитоталитарный эксперимент в коммунистической стране. М., 1997. С.9) и доставлен «на “Гороховую 2”, в здание бывшего градоначальства, в знаменитый центр большевистской охранки и одновременно с этим – пропускную регистрационную тюрьму для всех арестованных» (Иванов-Разумник Р.В. Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк, 1953. С.35). Приводим два его кратких письма (открытки) Конст.Эрбергу, отправленные, соответственно, 15 и 16 февраля (согласно почтовым штемпелям).

14 – II – 1919.

Дорогой К<онстантин> А<лександрович>, если мое пребывание здесь продлится, то просьба к Вам передать Варв<аре> Ник<олаевне> (не могу ей писать – в Ц<арское> С<ело> письмо пойдет неделю), что мне необходимы: 1) полотенце, 2) мыло, 3) кружка. Надеюсь, впрочем, что мылом умоюсь, а полотенцем вытрусь дома. Желаю Вам успеха в воскресенье у Наркомпроса.

Жму Вашу руку. Р.И.

15 – II – 1919. 8 1/2 ч. веч<ера>

Дорогой К<онстантин> А<лександрович>, передайте Варв<аре> Ник<олаевне>, что сегодня, в 9 ч. веч<ера>, меня увезли в Москву. Крепко жму Вашу руку.

Сердечный привет. Ваш Р.Иванов.

(Собрание М.С.Лесмана–Н.Г.Князевой. Краткая характеристика писем – в кн.: Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С.318).

Утром 14 февраля, на следующий день после ареста Иванова-Разумника, состоялось заседание сотрудников Репертуарной секции и Научно-теоретической секции Театрального отдела Наркомпроса под председательством Эрберга (присутствовали В.В.Бакрылов, А.А.Блок, В.Э.Мейерхольд, С.Э.Радлов, В.Н.Соловьев, А.З.Штейнберг); в протоколе заседания зафиксировано:

«1. Вопрос об аресте члена Научно-теоретической секции Иванова-Разумника.

Пост.: Участники экстренного соединенного заседания РС и Научно-теоретической секции, осведомившись, что член обоих секций Р.В.Иванов на квартире своей в Детском Селе (Колпинская, 20, кв.2) подвергнут 13-го февраля с.г. личному задержанию и, несмотря на то,

что он еще не оправился после перенесенной им тяжелой болезни, перевезен в Петербург. Постановили настоятельно просить Зав. ТЕО ходатайствовать перед соответствующими властями о скорейшем изменении меры пресечения по отношению к ответственному ученому сотруднику ТЕО» (Иванова Е.В. Блок в Театрально-литературной комиссии и ТЕО Наркомпроса. Документальная хроника // *ЛН*. Т.92. Кн.5. М., 1993. С.206).

14 и 15 февраля по «делу» Иванова-Разумника (несуществовавший заговор левых эсеров) были арестованы А.Блок, А.М.Ремизов, К.С.Петров-Водкин, М.К.Лемке, Е.И.Замятин, С.А.Венгеров, А.З.Штейнберг, Конст.Эрберг и др.: «Мои знакомые, адреса которых я имел неосторожность занести в свою записную книжку (с этих пор никогда больше я этого не делал)» (Иванов-Разумник Р.В. Тюрьмы и ссылки. С.40). Все они были быстро освобождены (Блок – 17 февраля), а Иванов-Разумник был отправлен под конвоем в Москву и находился там в заключении до конца февраля. См.: Там же. С.33-77; «Памяти Александра Блока». Андрей Белый. Иванов-Разумник. А.З.Штейнберг. Пб., «Вольная Философская Ассоциация», 1922. С.35-53 (выступление А.З.Штейнберга на открытом заседании «Вольфилы» 28 августа 1921 г.); Блок А. Записные книжки. С.449-450; Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. С.35-39; Иванова Е.В. Об аресте Александра Блока в 1919 году // Филологические науки. 1992. №4. С.89-92.

91. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
16 февраля 1919 г.[1]

16 – II – 1919. Вагон Спб. – Москва.

Дорогой Борис Николаевич,

Хотя за последний год я не имею ни малейшего отношения к политике и весь ушел в литературу, однако вот еду к Вам в Москву: fata volentem ducunt, nolentem trahunt[2]. При первой возможности побываю у Вас, а обо мне всегда можете узнать от Евг<ения> Герм<ановича>[3].

Из дому я выбыл вечером 13-го; на сегодня, 7 ч. вечера, назначено собрание у Луначарского в результате Вашего письма[4]. Какова теперь будет судьба Вольфила?

Сердечно обнимаю Вас – и, надеюсь, до свидания.

Всегда Ваш Р.Иванов.

[1] Открытка; почтовый штемпель получения: Москва. 18.2.19.

[2] В оригинале: «Ducunt volentem fata, nolentem trahunt» (*лат.* – «Желающего (идти) судьба ведет, не желающего тащит») – строки из ямбов Клеанфа, приводимых Сенекой (Ad Lucilium Epistulae morales, CVII, 11). См.: Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С.270. В «Тюрьмах и ссылках» Иванов-Разумник вспоминает: «Ровно в два часа ночи на 15 февраля поезд тронулся <...> Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается: этот путь в какую-нибудь тысячу верст мы тащились ровно пять суток и прибыли в Москву в ночь на 20-е февраля» (С.49-50).

[3] Е.Г.Лундберг; весной 1918 г. он вместе с правительством переехал в Москву, служил в Наркомпросе. 24 февраля 1919 г. Белый писал С.М.Алянскому: «На днях узнал о судьбе Ал<ексея> Мих<айловича> и Раз<умника> Вас<ильевича>. Страшно взволнован: сегодня иду к Евг<ению> Герм<ановичу> узнавать» (*РГАЛИ*. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.14. Упоминается А.М.Ремизов).

[4] Речь идет о запланированной на 16 февраля аудиенции у А.В.Луначарского, приехавшего в начале февраля из Москвы в Петроград, с ходатайством о разрешении «Вольфилы», которая не состоялась ввиду ареста Иванова-Разумника и других инициаторов этого учреждения. Ср. относящуюся к этому дню предварительную запись А.Блока: «В Ц<арское> Село – 3 ч. 10 м.! В 7 час. веч<ера> – у Луначарск<ого>, в Царское Село по поводу В.Ф.А. (Вольфила)» (*ИРЛИ*. Ф.654. Оп.1. Ед.хр.365. Л.13об.). Письмо Белого, как председателя «Вольфилы», заключало обращение во властные инстанции в той же связи. 11 февраля 1919 г. Иванов-Разумник писал Конст.Эрбергу: «Луначарский не только приехал, но, вероятно, уже и уехать собирается; неужто же наш воз и ныне там? Письмо Андрея Белого вполне можно было передать, ибо к Лун<ачарскому> могли бы заехать – Вы, А.А.Блок, А.З.Штейнберг, В.В.Бакрылов, полный кворум. За чем же дело стало?..» (*ЛН*. Т.92. Кн.3. М., 1982. С.483). См. афишу с извещением об открытии «Вольфилы» (январь 1919 г., наборный экз. с резолюцией: «Подтверждаю мое согласие на участие в В.Ф.Ак. Луначарский») (*ЛН*. Т.82. А.В.Луначарский. Неизданные материалы. М., 1970. С.223).

92. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
23 февраля 1919 г. Москва[1].

23/II 1919.

Дорогой Борис Николаевич, – были у Вас сегодня дважды и неудачно. Очень хотелось увидеться, и не знаю, удастся ли. Завтра вечером собираюсь уезжать; если не уеду – постараюсь зайти к Вам. Варвара Николаевна (мы заходили с ней вдвоем) шлет Вам привет[2]. Так надо было Вас видеть, досадная неудача. Во всяком случае из Питера напишу Вам немедленно о целом ряде дел.

Впечатления последней недели у меня довольно несуразные, расскажу при встрече. А пока – сердечно обнимаю Вас и, надеюсь, – до скорого свидания.

Искренно Ваш Разумник Иванов.

P.S. Попробую позвонить Вам сегодня вечером по телефону – действует ли?

[1] Письмо написано, видимо, в день освобождения Иванова-Разумника из-под ареста. В «Тюрьмах и ссылках» (С.76) он указывает другую дату освобождения – утро 26 февраля; либо в мемуарах – ошибка памяти, либо в письме случайно указана неправильная дата.

[2] В.Н.Иванова (по совету В.Э.Мейерхольда, энергично хлопотавшего об освобождении Иванова-Разумника) выехала в Москву, чтобы выяснить судьбу мужа, 14 февраля. «В последний день февраля, – вспоминает Иванов-Разумник, – вместе с В.Н. покинули мы Москву, на этот раз не в товарно-пассажирском, а оба в скором поезде, и 1-го марта были уже дома в Царском Селе» (Тюрьмы и ссылки. С.77).

93. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
4 марта 1919 г. Детское Село.

4/III 1919.

Дорогой Борис Николаевич, –

так обидно было мне – быть в Москве и не повидать Вас![1] А теперь – надо писать Вам большое письмо. Сегодня – только первая ласточка: краткий привет. И – всего два слова о деле. А именно:

Знаю о Ваших настроениях: «почему Вы не можете “культурно” работать»[2], – знаю и во многом разделяю. Но вместе с этим – не торопитесь принимать решение относительно «Вольфила». Ибо Вольн<ая> Фил<ософская> Ак<адемия> – именно и *не есть* «культурная» работа[3].

О делах ее – сообщу на днях, после заседания. Да кроме того напишу Вам и вообще: давно не писал Вам настоящего письма.

Расскажу Вам всяческие курьезы о том, как мой арест повлек за собою аресты Блока, Ремизова, Эрберга, Замятина, Басова, даже старца Венгерова[4]. О моих впечатлениях от столкновения с властью предержащею – тоже расскажу. А пока – сердечно обнимаю Вас и надеюсь увидеться скорее, чем Вы ожидаете.

Всегда Ваш Разумник Иванов.

[1] Комментарий Иванова-Разумника: «ИР был отвезен в Москву и там освобожден в конце февраля. С АБ в Москве не увиделся – о чем и говорит первый абзац письма» (Л.17об.).

[2] Подразумевается очерк Белого «Дневник писателя. Почему я не могу культурно работать» (Записки Мечтателей. 1921. №2/3. С.113-131), к этому времени уже отправленный им С.М.Алянскому для публикации. В письме к Алянскому от 17 февраля 1919 г. Белый сообщал: «Написал для 2-го № журнала статью»; о высылке рукописи статьи он писал ему же 28 февраля (*РГАЛИ*. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.14). Иванов-Разумник, видимо, ознакомился с этой рукописью Белого благодаря Алянскому.

[3] Слова Иванова-Разумника, возможно, содержат косвенный ответ на признания Белого в письме к Алянскому от 19 февраля 1919 г.: «Я, должно быть, откажусь от “председательствования” в В<ольном> Ф<илософском> О<бщест>ве. В Москве – работается: не такие теперь времена, чтобы последние силы отдавать на обществ<енную> деятельность. Надо сосредоточиться; и – работать внутренно» (*РГАЛИ*. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.14).

[4] См. примеч.2 к п.90. Сергей Александрович Басов-Верхоянцев (1869 или 1866–1952) – поэт-сатирик, революционер; до лета 1918 г. левый эсер. В журнале «Наш Путь» была напечатана его стихотворная сказка «Макар» (1918. №2. С.57-69). С 1919 г. в РКП(б), затем работал в ВЧК-ОГПУ (1920–1925), Главлите (1925–1929).

94. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
12 марта 1919 г. Москва[1].

12 марта 19 года.

Дорогой и милый Разумник Васильевич,

просто какой-то рок не хотел, чтобы мы с Вами встретились; Вашу открытку, по которой не ясно понял, в чем дело[2], получил в день, когда в газете «Всегда Вперед» прочел о Вашем аресте[3] (по открытке понял не то: мне показалось, что Вы просто уехали из Петрограда от белогвардейского наступления); тотчас бросился к Лундбергу, его – не застал; лишь на другой день был у него; он – направил меня к О.Д.Форш, именно в то время, когда Вы у меня были (Вы только что ушли от О.Д.)[4]. Как я рад, что эта глупая история благополучно разрешилась.

Что поделывает «В.Ф.А.»?

Жажду узнать подробности.

Видите, Разумник Васильевич, как хорошо, что я уехал? Свидание с Луначарским отсрочилось ровно на 1 1/2 месяца[5]. Я так привык к этому темпу движения дел, коль скоро они попадают к «*начальствующим*», что был непререкаемо уверен, что «В.Ф.А.» начнется через несколько месяцев, – не ранее.

Чувствую себя очень не важно; иссякает энергия жить и бороться за право писать; «Пролеткульт» все более и более засасывает. Читаю курс, за который так не хотелось приниматься («*Теор<ия> Худ<ожественного> Слова*»)[6]; и радость от общения с моими слушателями, которых заставил попутно обучаться гносеологическим проблемам, – радость общения не заглушает чувства горечи от того, что «*Записки Чудака*» завязли ровно в тот момент, как я по долгу службы вынужден был неформально отнестись к курсу: он – отнимает у меня 3 дня в неделю (надо готовиться к нему); 2 вечера заняты заседаниями; и того среди 7 вечеров в неделю только *2 мои*; а при этих условиях почти невозможно писать «Записки Чудака»[7].

Дорогой Разумник Васильевич, пишите для «Записок Мечтателей»[8]. Пока «В.Ф.А.» будет налаживаться своим путем, надо ее начать маленькой, инициативной группой (Вы, Блок, я) на страницах «Записок Мечтателей».

Как хотелось бы Вас видеть, но... приеду лишь тогда, когда «В.Ф.А.» фактически будет возможна, а то мне сейчас уже нельзя отлучиться от «Пролеткульта», а бросать его, не имея точного заработка, тоже нет возможности (ибо мама моя в отчаянном положении).

Дорогой Разумник Васильевич, привет от меня Варваре Николаевне и детям. Привет всем членам «В.Ф.А.». Скажите Мейерхольду и Сюннербергу[9], чтобы они не сердились на меня: за отъезд.

Остаюсь искренне любящий Вас Борис Бугаев.

[1] На конверте (без марки) помета рукой Иванова-Разумника: «12 – III – 1919».

[2] Имеется в виду п.91 (п.90, написанное ранее, получено Белым позднее).

[3] Имеется в виду информационное сообщение под заглавием «Арест писателей»: «Нам сообщают, что в связи с так называемым заговором левых эсеров в Петрограде арестованы писатели: Иванов-Разумник, Ремизов и Сологуб. Иванов-Разумник привезен в Москву». Это сообщение предварялось другим на ту же тему («К делу левых с.-р.»): «Как нам сообщают, все арестованные по делу левых эсеров содержатся в Бутырках. До сих пор никто из них допрошен не был. Свидания с ними не допускаются» (Всегда вперед! 1919. №12. 21 февраля).

[4] См. п.92.

[5] См. п.91, примеч.4.

[6] Белый читал этот курс в московском Пролеткульте до мая 1919 г.; о марте 1919 г. он вспоминает: «Пишу конспект курса, подробный; усиленно собираю материалы для него» (*РД.*

Л.98об.). В составленном Белым перечне прочитанных лекций «Себе на память» этот курс расписан под №№404-412 – девять лекций, прочитанных в феврале (3), марте (4) и апреле (2): «Теория слова 404) фев<раль> (Чем она должна быть); 405) фев<раль> (Логические теории); 406) фев<раль> (Лингвистич<еские> теории); 407) март (Психологические теории); 408) март (Творчество речи); 409) март (Миф слова); 410) март (Опыт описания стихотворенья); 411) апрель (Опыт описания); 412) апрель (Средства изобразительности)» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.96).

[7] В недатированном письме к С.М.Алянскому, относящемся к этому же времени, Белый сообщал: «"Записки Чудака" я могу кончить, т.е. написать конец "Возвр<ащения> на родину" и 2-ую часть "Великий взрыв". На все это нужно месяцев 4-5 спокойной жизни <...>» (*РГАЛИ*. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.14).

[8] Журнал-альманах «Записки Мечтателей», организованный по инициативе и при ближайшем участии Белого, выходил в свет в Петрограде в издательстве «Алконост» (владелец – С.М.Алянский) в 1919–1922 гг. (№№1-6). Замысел издания, определившийся еще в 1918 г. (см.: *ЛН*. Т.92. Кн.3. С.480), оформился к февралю 1919 г. (см. фрагменты из письма Алянского к А.Блоку от 19 февраля 1919 г., затрагивающие вопросы программного самоопределения будущих «Записок Мечтателей», в кн.: Белов С.В. Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С.М.Алянского. Л., 1979. С.43-44; в тот же день Алянский писал Белому: «Вы очень обрадовали меня, что не остыли к журналу. Лично для меня это единственная цель, и я забросил все и гоню по мере сил журнал. Посылаю Вам начало корректуры "Чудака" с ремингтонированной рукописью <...> Статьи же Ваши обязательно нужны. Это вполне естественно, что Вы будете доминировать в журнале, ибо другие сотрудники еще не заразились Вашим желанием писать» // *РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.149); ср. записи Белого о марте 1919 г.: «Появление Алянского; ряд бесед организ<ационных> о журнале "Записки Мечтателей"» (*РД*. Л.99). 1-й номер «Записок Мечтателей» вышел в свет весной 1919 г. (7 мая 1919 г. Белый писал Алянскому: «...первый № "Журнала" – преинтересен; он приглашает к работе; не сомневаюсь, что он будет все интереснее и интереснее» // *РГАЛИ*. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.14), он открывался программной статьей Белого «Записки Мечтателей» (С.5-8); в нем были напечатаны также его «Дневник писателя» (С.119-132) и начало «Записок чудака» («Я. Эпопея. Т.1. Записки чудака. Ч.1. Возвращение на родину». С.11-71).

[9] В.Э.Мейерхольд был одним из членов Совета «Вольфилы», К.А.Сюннерберг (Эрберг) – товарищем председателя.

95. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
23 августа 1919 г. Детское Село.

23 авг. 1919.

Дорогой и дорогой Борис Николаевич, –
года и года прошли с тех пор, как мы с Вами виделись – или хотя бы отозвались друг другу в тесных строчках письма. Сегодня пользуюсь оказией и пишу наспех, но все равно – разучился я совсем писать письма и, кажется, с самого начала года никому не написал ни одного дельного письма. Жизнь, трудная внешне, ушла в подполье – и каждый из нас, вероятно, много работает для самого себя, «наедине с своей душой»[1]. Как-то живете Вы? Думаю о Вас часто, скучно без вестей от Вас и без Вас. Как раз в последние дни читал я (с корректурными целями) «Кризис Культуры»[2] – и одновременно первую часть «Дневника Чудака»[3] – с глубоким чувством радости и за Вас, и за себя, и за всех нас. Мы с Вами – в разных мирах, но тем искреннее мое чувство радости, ибо верю, что два мира эти одинаково враждебны *третьему* – теперь уже не радующемуся, а ненавидящему. Если выйдет №2-ой «Дневника Мечтателей»[4] (название, достойное элегантности Вяч.Иванова), то прочтете в нем мою старую (1918 года!) статью «Эллин и Скиф», на темы, родственные и кризису культуры и кризису гуманизма[5]. На эту же тему – статья Блока, которую я слышал в его чтении еще в апреле[6].

Блока тоже не видел века[7]. Разбросала всех нас жизнь, – соединит ли? «Вольная Философская Академия» во всяком случае не осуществится: кому-то надо было нагромоздить много пней на дороге[8]. Кому? – очевидно, все той же многообразной «вороне», о которой вспоминаете Вы[9]. (После Вашей книжки я вынул и вспомнил «Winterreise»[10] – как глубоко и всегда современно!). О книге Вашей хотелось бы

говорить часами, ночами – как когда-то ночами говорили мы обо всем в январе-феврале 1917 года, перед началом второго взрыва (первый – война).

Тороплюсь кончать. Как хотелось бы еще и еще раз повидаться не мимолетно, не спеша, вплотную. Когда-то удастся? Напишите мне по крайней мере (письма ко мне доходят исправно); отвечу не таким случайным письмом, как сегодня.

Я много работаю для себя, твердо и радостно смотрю вперед – несмотря ни на что «настоящее», вижу победу «вороны» и теперь и в ближайшем будущем, но, кроме вороны, вижу и воронов Вотана[11]. «Гибель богов» неизбежна и работа Логе впереди[12].

Простите за спешную нескладицу, милый Борис Николаевич, – и не забывайте сердечно любящих Вас царскоселов. Крепко обнимаю Вас – и верю, что еще увидимся.

Ваш Разумник Иванов.

[1] Цитата из «Евгения Онегина» А.С.Пушкина (гл.6, строфа IX).

[2] Книга Андрея Белого «На перевале. III. Кризис культуры», готовившаяся тогда к печати в издательстве «Алконост», вышла в свет только в первой половине 1920 г. (на титульном листе выходные данные: Пб., 1918; на обложке: Пб., 1920); Иванов-Разумник проводил сверку ее наборного текста.

[3] Имеются в виду «Записки чудака», начатые печатанием в «Записках Мечтателей» (см. примеч.8 к п.94). Под заглавием «Дневник чудака» ранее был опубликован фрагмент из этого произведения в журнале «Наш Путь» (1918. №2).

[4] Подразумеваются «Записки Мечтателей»; 2-й выпуск их был к тому времени подготовлен к печати. 3 июля 1919 г. комиссар по делам печати и пропаганды в Петрограде М.Лисовский запретил печатать ряд книг издательства «Алконост», в том числе «Записки Мечтателей» и «На перевале. III. Кризис культуры» Белого; вследствие этого была организована депутация к А.В.Луначарскому (в которую входил и Белый), а М.Горький направил Лисовскому 9 июля 1919 г. письмо в защиту «Алконоста» (см.: Витязев П. Частные издательства в Советской России. Пг., 1921. С.20-21; Чернов И.А. А.Блок и книгоиздательство «Алконост» // Блоковский сборник. Тарту, 1964. С.535-536). 14 февраля 1921 г. Алянский писал Белому: «Алконост чуть было не задушили. Теперь он расправляет свои крылья и готов опять заявить о себе» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.149). Сдвоенный №2/3 «Записок Мечтателей» вышел в свет только в июне 1921 г. (Алянский оповещал Белого об этом в письме от 21 июня // Там же).

[5] В «Записках Мечтателей» статья Иванова-Разумника «Эллин и Скиф» напечатана не была. С одноименным докладом Иванов-Разумник выступил на 2-м заседании Вольной Философской Ассоциации 23 ноября 1919 г. (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.8. Л.2). Текст статьи «Эллин и Скиф» в архиве Иванова-Разумника не сохранился.

[6] Имеется в виду статья «Крушение гуманизма», которую Блок читал на собрании сотрудников издательства «Всемирная литература» 9 апреля 1919 г. См.: Блок А. Собр. соч. В 8 т. М.; Л., 1962. Т.6. С.93-115.

[7] Ср. фразу из письма Иванова-Разумника к Блоку от 19 июля 1919 г.: «...давно-давно не видались мы – века прошли» (*ЛН*. Т.92. Кн.2. С.410).

[8] Ко времени написания этого письма хлопоты об учреждении «Вольфилы» результатов не дали; рассматривался даже проект об организации «Скифской Академии» в Москве (см. письмо Е.Г.Лундберга к Конст.Эрбергу от 15 апреля 1919 г. // *ЛН*. Т.92. Кн.3. С.486).

[9] Подразумеваются фрагменты из «Кризиса культуры», в которых Белый символически на разные лады обыгрывает образ вороны («Die Krähe») из песенного цикла Франца Шуберта «Зимний путь» (на слова немецкого поэта Вильгельма Мюллера); в интерпретациях Белого это – образ мертвой, изжившей себя культуры. См.: Андрей Белый. На перевале. III. Кризис культуры. С.34-51.

[10] Комментарий Иванова-Разумника: «Winterreise – любимый АБ цикл романсов Шуберта ("Зимний путь")» (Л.18). Ср.: *Бугаева*. С.95.

[11] Вороны – спутники и «курьеры» верховного бога Вотана, хозяина Валгаллы (германская мифология; тетралогия Р.Вагнера «Кольцо нибелунга», 1869–1876).

[12] «Гибель богов» (1876) – заключительная часть «Кольца нибелунга». Логе – бог огня, отличающийся непостоянством, хитростью и коварством; советуя Вотану (в «Золоте Рейна», первой части «Кольца нибелунга») отдать вечность за призрачное величие Валгаллы, он стремится реализовать свою всеуничтожающую силу. «Работа Логе» – гибель Валгаллы в пламени

в финальной сцене тетралогии. Вагнеровский сюжет и образы служат Иванову-Разумнику для предсказания будущей участи утвердившегося в России нового общественно-государственного устройства.

96. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
26 августа 1919 г. Москва[1].

26 августа. 1919 года.

Милый и дорогой
Разумник Васильевич,

как порадовало меня Ваше письмо! Вы и не можете представить. Порадовало так, как радует голос близкого человека, пробуждающий от лихорадочного сна, или от бессонницы, в которой невесть что творится. Я никогда не забуду тех долгих часов в темноте, когда все замирало в нашей старой квартире; я был мальчиком (лет шести). Обыкновенные звуки переходили невесть во что; кто-то, бывало, недалеко сонно вздыхает; и знаешь, что это гувернантка, которая рассказывала такие чудесные сказки; вон – видишь в сумраке ее постель; вон – стены; но – стены ли стены? И – вздохи ли вздохи? Ты – чутко прислушиваешься к днем не слышным шорохам ночи; и кажется – наблюдательность, изощренность дневного сознанья утроены; но это иллюзия; именно: в изощренье сознания – сон, или – страшный кошмар; сонный вздох гувернантки, в котором ты днем не расслушаешь ничего, кроме вздоха, – рельефится, углубляется, разрастает обер-тонами, в которых теперь вплетено что-то новое, странное... просто ужасное; и – неизвестное прежде. Не вздох, а растущий прибой Океана в вздохе; в полуоткрытую дверь разрастается коридор; и – уводит в безмерные, неизвестные дали; и крадутся дали на скрипах; и ты говоришь себе: «Это – Томка» (наш понтер)[2]. Но – Томка ли? Чувствуешь, как ты выхвачен из всего, в чем ты жил; и ничто – не защита; ни стены, ни Томка, ни вздохи Раисы Ивановны (гувернантки)[3]; и, главное, – знаешь, что это словами нельзя передать; и что если вдруг все прибегут защищать тебя от прихода Безвестного, – не защитят, потому что ты – чувствуешь: ты за стенами; в стенах, на постельке не ты, а – твой палец, просунутый в воду стакана; ты сам – вне стакана, вне стен; прибежавшие – папа, и мама, и гувернантка, и Томка – какие-то пузырьки около пальца, просунутого тобой в стакан; если б раньше они прибежали, могли бы тебя *удержать* от ухода (куда?), разлитья в безмерности; вздох гувернантки и тихое шлепанье Томки в передней – лишь поры, которыми дышит Огромное, Странное, в чем ты разлит.

Так бывало со мной по ночам, – в час бессонницы, в миг отчетливого изощренья дневного сознанья; весь ужас был в том, что сознание – становилося сном, бредом, ужасом, невыразимой тоскою кошмара. Бывало, привскочишь с постели и тихо зовешь: а Раиса Ивановна – не откликается: странно вздыхает; потом пробормочет сквозь сон: – «Schlafen Sie!»* Нежеланье вступить в разговор воспринималося в эти минуты так точно, как если бы кто-нибудь утопающего, меня, ухватившегося за край лодки, ударял веслом по голове; после этого без перерыва сознанья со мной начиналися ужасы бессознания; я, отвергнутый, утопающий в ночь, – утопал безвозвратно; мне чудились невероятные ужасы; обыкновенно на крик мой сбегались (я вскрикивал чуть ли не каждую ночь); но, окруженный Раисой Ивановной, мамой и Томкою, нюхавшим успокоительно край моей детской постели, не сразу еще приходил я в себя: все казалось, что это – «чужие»; и вдруг – понимал, что – «*свои*»; и что «*то*» – миновало; ужасное «то»! И я знал: будет ночь, разойдутся, погаснет свеча; но – теперь я спокойно усну, потому что теперь разобрался я: вздохи Раисы Ивановны – подлинно вздохи Раисы Ивановны (близкой мне); шарканье в коридоре есть – «*Томка*»; и – больше никто; стены дома – крепки; двери – заперты; папа вернулся из клуба; а когда я подрос, ожидания Неизвестности ночью сменялись боязнию... жуликов (на нашей лестнице кто-то шалил). «Жулики» в молодости превратилися просто в сомнительных, мне неизвестных людей; таким был для меня... Брюсов?!?! Потом – Чулков[4]...

Но зачем я пишу это все?

---

* *«Спите!» (нем.).*

А затем, чтобы Вы поняли, что Ваше письмо разбудило меня от тяжелого сна этих месяцев «Зимней Ночи»[5]. Давно уже я, живя, не живу; и бодрствуя, сплю; состояние, в котором ходишь, ешь, пьешь, читаешь лекции, тревожишься за маму, которая *без всего* и т.д., пишешь книги, работаешь, – *та сонная тишина, когда все засыпает*; *и вот – вздох Раисы Ивановны не узнаешь*; *Томка же* – неизвестный «*хромец*» из «Сев<ерной> Симфонии»: «ковыляет на хорошо известных путях»[6]. Таким, засыпающим, приезжал я в прошлом году к Вам в Петроград. Вы, конечно, заметили, что я был как бы в «полусне» – сам не в себе; вокруг раздавались слова близких мне о близком (об «Академии»)[7]; это – «*успокоительные вздохи Раисы Ивановны*»; но не к ним я прислушивался, а к чему-то иному, своему, сонному; и вернувшись в Москву, я – чувствовал, что это мое состояние продолжается: состояние «*сна без грез*» или «грезы без образа» при ясном сознании; оцепенение я пытался разрушить попытками растормошить наше антр<опософское> общество[8], но получал сонное: – «Schlafen Sie doch!»[*] И – как-то отвалился от всех: от себя самого; и какие-то последние вопросы, переоценки переоценок опять совершались в «домыслии» – что ли. И вставало: «Есть ли Академия?» И – не верилось: ее не будет. «Есть ли Алексей Сергеевич Петровский?» – «Schlafen Sie doch!» – «Есть ли то, что есть?» – «Есть ли прошлые годы, которые я хотел бы затронуть в "Чудаке"?[9] И – были ли?» – «Schlafen Sie!» – «Есть ли Ася? Есть ли Доктор? Есть ли Дух? Есть ли Бог?» И вопрос за вопросом в безмыслии поднимался, в безмыслии протекал и в безмыслии утопал... – «Schlafen Sie!» Между тем: я прочел курс: «Теория худож<ественного> слова»[10]. Прочел горку книг: одно время с головой ушел в Толстого; и все, что я ни читал, казалось мне еще не читанным никогда; книга Толстого «О жизни» показалась неопровержимой, едва ли не откровением[11]; я уехал в Карачев; сидел там 2 месяца[12]; перечел многое, прочел Моммсена[13], переработал заново «Путевые Заметки»; вышла – совсем как бы новая и *очень недурная* книга[14], прочел Фойгта[15], Стэнли, путешественников[16], – всё шорохи и скрипы «*Томки*», успокоительно грызущего кость, из передней, а «Чудака» временно отложил: ибо – писание его не может быть «ночью» – в бреду «*слишком отчетливой стукотни испугавшегося себя* и *оторванного от глубин* сознания». Сознание бегало по Смоленскому рынку, а оторванная от него «Духовная жизнь» немо усумнялась в себе самой. Я не мог писать «*Чудака*», ибо надо там писать «*про правду*», а ночные бреды и «*Winternacht*» (еще не «Reise») смешивали все звуки; и вот я вскричал: в плане внешней действительности я просто «*заскандалил*»; сбежались к постели «папа», «мама» и Томка (Борис Павлович, Ал<ексей> Сергее<в>ич, друзья-«антропософы»)[17], а я – не верил им; я оказался увезенным к моим милым друзьям, Васильевым[18], где занемог нервным переутомлением и чем-то в роде «дизентерии»; и вот, полубольной, на попечении друзей; тут-то получаю Ваше письмо; и оно – «*звук близкого, знакомого Голоса*». Теперь – прошло; еще – ночь; все разойдутся; но «*того*» – не будет!

Спасибо за поданный голос!

Да, – все это не умею передать в словах: вероятно оттого, что во мне что-то назревает; но – верю: «Будущее будет!» И, милый Разумник Васильевич, я ощущаю Вас как близкого и дорогого (Вы простите за фамильярность!) друга, с которым что-то большое «пережито», как залог мне еще не ведомого «*завета*», «*обетования*»; я чувствую, как во мне сейчас перерабатываются и «Дорнах», и «Скифы», и 17-ый год, и 14-ый и 12-ый во что-то, так что, когда я вернусь (если вернусь?) в Дорнах и к Асе, то – с чем-то «неизгладимым».

Очень трудно живется: чтобы мама не голодала, мне надо зарабатывать тысяч до «семи-восьми», а зарабатываю службой пока менее 2[**] тысяч; из «Пролет-Культа» меня «*ушли*» (в Центр<альном> Бюро) за «*моральную связь*», как мне кажется, со слушателями, ушли «благородно» (т.е. попросту «свински» подвели материально)[19]; теперь туда возвращают Лебедева-Полянского и Богданова[20].

Оставшись без места, я был вынужден сосредоточиться во «Дв<орце> Иск<усств>»[21] – смесь «*Луначарии*» с «*Ндраву моему не препятствуй*» всегда пьяного Ивана Рукавишникова, который располагает на словах миллионами для помощи пи-

---

[*] *«Спите же!» (нем.).*

[**] *В автографе*: 2000.

сателям, для печатания их книг, для содержания их и приюта во «Дв<орце> Иск<усств>»; пока же он приютил в оном «*Дворце*» сам себя и выпустил книгу стихов «Ивана Рукавишникова»; лекторам – задерживаются деньги; Ив<ан> Серг<еевич> заявляет в качестве распорядителя и заведующего: – «Я враг порядка и... оккультист!» Можете себе представить, что творится в сем Учреждении? Кажется, всем заведует его супруга – комиссар цирков; на сем основании, кажется, «*Дв<орец> Иск<усств>*» вступил в какие-то особые отношения с цирками[22]. Мне предложили организовать курсы, да и вообще, так себе, посматривать за всем и за вся – во все входить за 1400 рублей в месяц[23]; попробовал я раза 3 пойти на службу, и всякий раз возвращался, точно ободранный: присматривать «*за всем и за вся*» невозможно. Я понимаю, что Анат<олий> Васильевич приезжает туда вдохновляться поэт<ическим> творчеством[24], пишет там «*мистерию*»[25] и, кажется, занимается «*хиромантией*» («хиромантия» там процветает: M-me Рукавишникова, комиссар московских цирков, – «*хиромантка*», а Рукавишников собирается ввести курс лекций «*херософия*»).

Словом – я побежал в «*Отдел Охраны Пам<ятников> Старины*» умолять о месте хотя бы писца[26], дабы не попасть как-нибудь из «*Дв<орца> Иск<усств>*» в цирк или в «херософию».

Да, – забыл сказать: на днях меня чуть было *не назначили* в Коллегию Лит<ературного> Отдела, но я... отказался[27]: пусть уже «*товарищ*» Иванов идет во власть имущие: недавно в «Известиях» было написано: «*Пролетариат может быть спокоен, когда во главе чего-то там стоят такие люди, как товарищ Иванов*»[28]. Так мне передавали: сам не читал.

Теперь буду ходить в «музеи» собирать справки в «Отдел»; сапог – нет; калош – нет; все – донашивается; если не замерзнем, то – увидимся. Как бы хотел перелететь к Вам! Простите за окончание письма, за все письмо (оно – сумбурное). Не забывайте меня.

Остаюсь искренне преданный и любящий Б.Бугаев.

Варваре Николаевне и детям привет.

[1] Ответ на п.95. На конверте надпись фиолетовыми чернилами: «От *Андрея Белого* 26/VIII/1919»; карандашная помета рукой Иванова-Разумника: «(Получено “с оказией”)».

[2] Пес (породы английских легавых собак с короткой шерстью), живший в семье Бугаевых в детские годы Белого. См. основанный на детских впечатлениях рассказ Белого «Томочка-песик (Отрывок из романа “Эпопея”)» // Дни (Берлин). 1922. №48. 24 декабря; по тексту из собрания А.Я.Полонского напечатан Жоржем Нива в кн.: Русский альманах. Париж, 1981. С.9-20.

[3] Раиса Ивановна Раппопорт – гувернантка Белого в 1884–1885 гг. (см.: *МБ*. Л.1-1об.; Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989. С.186, 188, 192).

[4] Белый намекает на сложные психологические коллизии своей «умственной дуэли» с В.Я.Брюсовым в 1904–1905 гг. (см.: Гречишкин С.С., Лавров А.В. Биографические источники романа Брюсова «Огненный Ангел» // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С.536-564) и на ожесточенную печатную полемику с Георгием Ивановичем Чулковым (1879–1939), прозаиком, поэтом, критиком, идеологом «мистического анархизма», в 1906–1908 гг.

[5] Обыгрывается заглавие песенного цикла Ф.Шуберта «Зимний путь» («Winterreise»). Далее это измененное заглавие дается по-немецки: Winternacht.

[6] Имеется в виду фраза из 2-й части «Северной симфонии (1-й, героической)» (1900): «На знакомом пути ковылял незнакомый хромец» (Андрей Белый. Симфонии. Л., 1991. С.59).

[7] Имеется в виду приезд Белого в Петроград и Царское Село в конце января 1919 г. и его участие в собрании учредителей «Вольной Философской Академии».

[8] Ср. записи Белого о январе 1919 г.: «...срыв нашего инициативного кружка в “А<нтропософском> О<бществе>“. Работать в ритме с тяжеловесным советом, которого я член, – нельзя» (*РД*. Л.98).

[9] Подразумеваются прежде всего годы антропософского «ученичества», ставшие для Белого одним из важнейших объектов осмысления в «Записках чудака».

[10] См. п.94, примеч.6.

[11] Имеется в виду философская книга Л.Н.Толстого «О жизни» (1886–1887; см.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.26. М., 1936. С.311-442). Ср. записи Белого – март 1919 г.: «Усиленная работа над Толстым (“Дневник”, “О жизни” и т.д.) в контексте с “Бхагават-Гитой”»; апрель:

«...пишу статью "*Лев Толстой и иога*"» (*РД*. Л.99). Это изучение Л.Толстого нашло отражение в статье Белого «Учитель сознания (Л.Толстой)» (Знамя. 1920. №6(8). Декабрь).

[12] Белый жил в Карачеве Орловской губ., у В.Г.Анненковой (Малая Дворянская ул., дом Светославской) с мая по июль 1919 г. (вместе с К.Н.Васильевой). Сообщая о предстоящем отъезде туда в письме к С.М.Алянскому (Москва, 7 мая 1919 г.), Белый добавлял: «...мой "*пламенный*" привет петербургским друзьям – Блоку, Разумнику именно "*пламенный*", и именно "*друзьям*", так их ощущаю» (*РГАЛИ*. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.14).

[13] Теодор Моммзен (Mommsen, 1817–1903) – немецкий историк, автор многотомного труда «Римская история», многочисленных работ по истории Древнего Рима и римскому праву. Об июне 1919 г. Белый записал: «Читаю главным образом Моммсена (том за томом)» (*РД*. Л.99об.).

[14] Новую редакцию текста «Путевых заметок» Белый подготовил в апреле–июле 1919 г. для печатания в «Книгоиздательстве писателей в Москве». См.: Андрей Белый. Офейра. Путевые заметки. Ч.1. М., Книгоизд-во писателей в Москве, 1921. В записях Белого о пребывании в Карачеве сообщается – май: «Усиленно пишу "Пут<евые> Заметки". И кажется, кончаю с Тунисией»; июнь: «Весь месяц перерабатываю второй том "Путевых Заметок"»; июль (Москва): «...кончаю 2-ой том "Пут<евых> Заметок"» (*РД*. Л.99об., 100). 29 мая 1919 г. Белый писал из Карачева А.Е.Грузинскому (тогда – одному из руководителей «Книгоиздательства писателей в Москве»): «Я очень недурно устроился здесь: перерабатываю пока что II-ую часть "Заметок". Карачев – тихий город, легкий какой-то, без собственной атмосферы; и в нем работается просто и хорошо <...> поэтому думаю отсрочить отъезд в Москву до июля: может быть, это задержит Вас со второй частью "Заметок", но зато я основательно подчищу эти "Заметки"; они некогда писались быстро, частью во время пути, частью потом; я старался быть "кодаком" и нащелкать ряд моментальных снимков, чтобы потом проявить памятью; и теперь вижу, что ретуш необходим; но я к июлю проработаю все» (*РГАЛИ*. Ф.126. Оп.2. Ед.хр.2).

[15] Георг Фойгт (Voigt, 1827–1891) – немецкий филолог и историк, исследователь раннего итальянского гуманизма, автор фундаментального труда «Die Wiederbelebung des classischen Alterthums, oder Das erste Jahrhundert des Humanismus» (2 Bde, Berlin, 1880–1881; русский перевод И.П.Рассадина: «Возрождение классической древности, или Первый век гуманизма». В 2 т. М., 1884–1885). Белый пишет о пребывании в Карачеве в мае 1919 г.: «Усиленное чтение по ренессансу: Фойгта: "История ранн<его> итал<ьянского> гуманизма" (2 тома)» (*РД*. Л.99об.).

[16] Генри Мортон Стэнли (Stanley; наст. имя и фамилия Джон Роулендс; 1841–1904) – журналист, исследователь Африки. Белый вспоминает об июне 1919 г.: «Читаю <...> ряд сочинений, путешествий по Африке: Стенли, Беккера, еще кого-то; читаю Элизе Реклю часть, посвященную "Малой Африке"; читаю и другие геогр<афические> брошюры об Африке» (*РД*. Л.99об.).

[17] Б.П.Григоров и А.С.Петровский. Подразумеваются обстоятельства, затронутые Белым в «Материалах к биографии»: «Осенью: конфликт с Григоровыми и Сизовым из-за метода ведения занятий в Антр. О-ве <...>» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. Paris, 1990. С.485).

[18] К.Н. и П.Н.Васильевы. Об августе 1919 г. Белый пишет: «...перебираюсь к Васильевым» (*РД*. Л.100). Клавдия Николаевна Васильева (урожд. Алексеева, во втором браке Бугаева; 1886–1970) – антропософка, ближайший друг и спутница жизни Белого после его возвращения на родину в 1923 г. из Германии, с 1931 г. официально – его жена; автор «Воспоминаний о Белом» (Berkeley, 1981) и воспоминаний о встречах с Р.Штейнером, изданных в немецком переводе (Bugajewa K.N. Wie eine russische Seele Rudolf Steiner erlebte. Basel, 1987). Петр Николаевич Васильев (1885–1976) – врач, антропософ; первый муж К.Н.Васильевой. В то время Васильевы жили в Неопалимовском пер. (д.12, кв.5). Белый переехал к ним 26 августа. См.: Жемчужникова М.Н. Воспоминания о Московском Антропософском обществе (1917–23 гг.). Публикация Дж.Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. Paris, 1988. С.20-22.

[19] В перечне событий за август 1919 г. Белый отмечает: «Заседание в Пролет-Культе, после которого бросаю Пролет-Культ» (*РД*. Л.100). О работе Белого в Пролеткульте см.: Богомолов Н.А. Андрей Белый и советские писатели. К истории творческих связей // *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.312-320.

[20] Павел Иванович Лебедев-Полянский (1881–1948) – член РСДРП с 1902 г., марксистский критик и литературовед; в 1918–1920 гг. – председатель Всероссийского совета Пролеткульта. С 1922 до 1932 г. возглавлял Главлит. Ф.А.Степун свидетельствует: «Хорошо помню рассказ Белого о том, как горячо молодые пролеткультцы пытались защитить его от нападок узколинейного марксиста Лебедева-Полянского» (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Т.II. London, 1990. С.268). Александр Александрович Богданов (наст. фам. Малиновский, 1873–1928) –

член РСДРП(б) с 1903 г., политический деятель, публицист, автор научно-фантастических романов; один из организаторов и член президиума Пролеткульта (1918–1921). В основу идеологии Пролеткульта легли построения Богданова. О нем см. публикацию М.П.Одесского и Д.М.Фельдмана «А.А.Богданов. Пять недель в ГПУ» (De Visu. 1993. №7(8). С.28-43).

[21] Белый принимал участие в организации «Дворца искусств» в Москве (Поварская ул., 52; сохранилось адресованное Белому приглашение принять участие 24 декабря 1918 г. в собрании инициативной группы по созданию «Дома искусств» // *РГБ*. Ф.25. Карт.29. Ед.хр.5) и в течение года играл активную роль в его деятельности; 29 марта 1919 г. открывал «митинг искусств», устроенный «Дворцом искусств» в Большой аудитории Политехнического музея (На митинге искусств // Вестник театра. 1919. №18. 4-8 апреля. С.6). В августе 1919 г. Белый получил «заведование курсами "*Дворца Искусств*"» (*РД*. Л.100); в «Материалах к биографии» он отмечает: «Короткое время заведую курсами "*Дворца Искусств*"; приглашен в коллегию будущего "*Лито*", но – отказался» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. С.485). О деятельности «Дворца Искусств» см.: Евстигнеева А.Л. Особняк на Поварской (Из истории Московского Дворца Искусств) // Встречи с прошлым. Вып.8. М., 1996. С.116-140.

[22] Иван Сергеевич Рукавишников (1877–1930) – поэт, прозаик; после 1917 г. – профессор Московского Литературно-художественного института имени В.Я.Брюсова, в 1919–1920 гг. руководил работой московского «Дворца искусств». Том «Стихотворений» Рукавишникова (кн.18 его Сочинений) был выпущен в издании «Дворца искусств» в 1919 г. Его жена – Нина Сергеевна, заведовала цирковой секцией Театрального отдела Наркомпроса. О Рукавишниковых см. в очерке В.Ф.Ходасевича «Белый коридор» (1925): «Рукавишников, плодовитый, но безвкусный писатель, был родом из нижегородских миллионеров. Промотался и пропился он, кажется, еще до революции. Он был женат на бывшей цирковой артистке, очень хорошенькой, чем и объясняется его положение в Кремле. Вскоре Луначарский учредил при Тео новую секцию – цирковую, которую и возглавил госпожой Рукавишниковой» (Ходасевич В. Колеблемый треножник. Избранное. М., 1991. С.398). О Рукавишникове («самом сумбурном человеке в мире») и его жене пишет также В.Г.Шершеневич в воспоминаниях «Великолепный очевидец»: «За всей трезвой логикой его рассуждений была какая-то грань пропадания в никуда. Все, за что брался Рукавишников, конечно, никогда не имело и признака реальности, все было в этом реальном мире обречено на провал»; «Долгие годы Рукавишников был женат на какой-то брюнетке, купеческой дочери из Одессы. <...> Позже она стала комиссаром цирков, и Рукавишников выступал несколько раз в цирке: читал стихи с лошади» (Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С.451, 453). О Рукавишниковых и «Дворце Искусств» см. также в воспоминаниях Эсфири Шуб «Крупным планом» (Шуб Э. Жизнь моя – кинематограф. М., 1972. С.46-47, 57-65) и в указанной работе А.Л.Евстигнеевой «Особняк на Поварской».

[23] О своей работе в этом учреждении Белый писал в отчете «Из хроники московской жизни. "Дворец Искусств"» (1919): «В Москве начал свою деятельность "Дворец Искусств", возникший при Комиссариате Народного Просвещения; задания "Дворца Искусств" широки; в нем, по мысли А.В.Луначарского, пересекаются отделы Комиссариата <...> во "Дворце Искусств" 4 отдела: литературный, художественный, музыкальный и историко-археологический; "Дворец Искусств" устраивает литературно-музыкальные вечера, лекции, рефераты, дискуссии; он открывает филиальные отделения в провинции <...> в инициативную группу "Дворца Искусств" вошел ряд художников, поэтов, музыкантов и беллетристов, как-то: И.С.Рукавишников, В.И.Иванов, Г.И.Чулков, М.Криницкий, Андрей Белый, М.В.Сабашникова, <К.Ф.>Юон и пр. В скором времени предполагается ряд курсов, в ближайшее время откроют свои курсы: М.О.Гершензон по русской литературе пушкинского периода, Андрей Белый ("Теория художественного слова"), И.С.Рукавишников ("Литературные беседы"), А.К.Топорков ("Каллистика"). <...> Литературный Отдел открыл ряд рефератов и собеседований; первое вступление в беседу взял на себя И.С.Рукавишников на тему "Я, мы и вы"; к сожалению, составитель хроники не присутствовал на этой беседе. Вторым референтом выступил Андрей Белый с темой "Пути Культуры"» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.66. Л.1).

[24] Анатолий Васильевич – Луначарский. Белый выступал вместе с ним 29 марта на «митинге искусств» (см. примеч.21) в Политехническом музее («тысячи 1500–2000 народу»): «Во время моей речи приходит Луначарский и принимает председательствование.

После меня говорит он: начинает он с задания "Дворца Искусств". "Дворец Искусств" – это остров, коммуна художников, соединяющая разрозненные силы людей творческого устремления и помогающая им пережить трудное, катастрофическое время; люди творческих устремлений нужны нам всем; без них наша жизнь – не жизнь. Пространно и долго он характеризует роль искусства в жизни; искусство – нужная каждому роскошь; обычное понимание роскоши – неправильно; обычная роскошь – даже не роскошь, а бессмыслица, не нужная "роскошествующему"; искусство – необходимая каждому роскошь. Далее характеризует он отношение искусства к революции: революционное творчество сказывается не всегда в момент

революции; style empire – порождение революции; последующая реакция лишь парализовала свободное его развитие; в настоящее время надо сохранить очаги культурного творчества; “Дворец Искусств” есть палатка, раскинутая над творчеством, чтобы бурный вихрь переходного времени не задул его.

Во время речи Луначарского получаю ряд записок: иные из них характерны по глупости, другие так вообще характерны; привожу 2 записки: “Ты – гений, и я должна всегда тебя слушать, когда только можно. Если можно, помоги мне в этом. Кремль. Кавалерийский курпус <так!> комн.7. Аушева”. Или: “Напрасно Вы говорите здесь, перед *такой* аудиторией такие вещи”... Чего-чего не приходится выслушать писателю! <...> Потом выходит Бальмонт: начинается скандал, как всегда.

Я спешу уйти» (Уцелевший отрывок дневника Андрея Белого 1918–1919 гг. (27 марта – 7 апреля 1919 г.) // *РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.98. Л.11об.-12).

[25] Намек на драматические произведения А.В.Луначарского. 10 июля 1919 г. Луначарский выступал во «Дворце Искусств» с чтением своей драматической поэмы «Митра-Спаситель» (оставшейся неопубликованной); см.: Ашукин Н. Заметки о виденном и слышанном / Публ. и комм. Е.А.Муравьевой // Новое литературное обозрение. 1998. №31. С.188.

[26] В Отделе охраны памятников старины Белый служил с сентября 1919 по март 1920 г. О сентябре 1919 г. он вспоминает: «...бросаю бывать в “*Дворце Искусств*”, бросаю курсы его. Машковцев, устроив меня в Музейный отдел, поручает работу “*История движений коллекций*” в великой фр<анцузской> революции. Я каждый день с 10 работаю в “Рум<янцевском> Музее”; и по 5-6 часов читаю с выписками материал: энное количество книг по 1) музееведению, 2) истории вел<икой> фр<анцузской> революции, 3) специальную литературу по коллекциям и законодательству “*Конвента*”» (*РД*. Л.100об.). В архиве Белого сохранились его рукописи, относящиеся к этой работе, общим объемом 291 л.; их подборке предпослана позднейшая пояснительная записка Белого: «Материал, собиравшийся по истории коллекций в эпоху великой фр<анцузской> революции (по заданию Отдела Охраны Памятников) в 1919 году: для предполагавшейся монографии. Выписки из музееведческой литературы, группировка материала, извлечения из “Moniteur” и т.д. Всё в стадии сырья. Часть материала пропала» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.63. Л.1).

[27] Белый отмечает в записях об августе 1919 г.: «Заседание в связи с новой структурой “Лито” (во “Дворце Искусств”: Луначарский зовет в Совет “Лито”: отказываюсь)» (*РД*. Л.100).

[28] Комментарий Иванова-Разумника: «Речь идет о Вячеславе Иванове» (Л.18). Имеется в виду хроникальная заметка «Коллективное творчество» В.Ф.Ахрамовича (Ашмарина), в прошлом секретаря издательства «Мусагет», представлявшая собой отклик на лекцию Вяч.Иванова о коллективном творчестве, прочитанную в Москве в Бюро художественных коммун 8 августа 1919 г.; в ней, в частности, утверждалось: «Философ и эрудит, тов. Иванов давно уже работает и мыслит в круге идей коллективизма, чем снискал себе немало насмешек и издевательств в буржуазной желтой прессе и критике. <...> Было радостно наблюдать то почти единомыслие (расхождение лишь в философских тонкостях), которое обнаружилось у докладчика с выступившим вслед за ним тов. А.В.Луначарским. Коммунист и революционер, т. Луначарский расцветил спокойный реферат философа тов. Иванова яркими и сильными поправками и дополнениями. Чувствовалось, что пролетариат, владеющий мощной экономикой, в *таких* беседах, в *таком* обмене мнений выковывает свою эстетику, свои формы новой красоты, может быть, новой религии» (Известия. 1919. №176. 10 августа. С.4. Подпись: В.Аш.). Об участии Вяч.Иванова в 1918–1920 гг. в официальных культурно-организационных начинаниях см.: Зубарев Л.Д. Вячеслав Иванов и театральная реформа первых послереволюционных лет // Начало. Сб. работ молодых ученых. Вып.IV. М., 1998. С.184-216.

97. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ

27 августа 1919 г. Москва[1].

Дорогой Разумник Васильевич,

я бесконечно благодарен Вам за Ваш труд: за корректуру[2]; мне стыдно, что я, не ведая, Вас утруднил. Еще раз, горячее спасибо; и заодно: спасибо за хорошие и незаслуженные слова обо мне в книге «Александр Блок и Андрей Белый»[3]. Всего хорошего.

Любящий Вас Б.Бугаев.

27 августа 19 года.

[1] На конверте (без марки) карандашная помета Иванова-Разумника: «27 – VIII – 1919».
[2] См. примеч.2 к п.95.
[3] Книга Иванова-Разумника «Александр Блок. Андрей Белый» (Пб., 1919) вышла в свет в издательстве «Алконост» в августе 1919 г. В нее вошли две статьи о Белом – «Пылающий» (С.38-128) и «Весть весны» (С.174-189).

98. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
17 сентября 1919 г. Детское Село[1].

17 сент. 1919.

Дорогой и милый Борис Николаевич, –
с радостью получил я, с двойной радостью читал я Ваше письмо – словно голос далекого друга через горы и моря времени. Весь год не переписывались мы с Вами – и все время чувствовал я Вас самым близким, точно по-прежнему мы с Вами глухою ночью ведем и продолжаем прежние разговоры в нашей столовой, такой уютной, когда Вы у нас. И если письмо мое хоть в слабой доле могло быть «эхо» далекого знакомого голоса, пробуждающего от сна с открытыми глазами, то в этом *одна* подлинная правда: никогда не скажу я Вам «Schlafen Sie», всегда рад буду Вашему бодрствованию *во всем*. Это «все» теперь для Вас – антропософия, и я рад за нее и за Вас, верю в Ваш путь и крепко желаю Вам – идти до конца. Но если Вы были иной раз «засыпающий», то слишком часто год тому назад был я «умирающий», и Вы сами не знаете, как много жизни дали мне, сами того не зная, в трудные для меня месяцы конца 1918, начала 1919 года. Теперь – прошло, снова дух бодр, несмотря на иной раз непосильно тяжелые внешние условия. А в трудные духовные часы читал я корректуру «Кризиса» (спасибо Вам за нее, а не мне от Вас)[2] и выходил сам из своего кризиса. И еще – если уж вспомнилось старое: по-другому трудные – но и радостные – дни и месяцы конца 1917, начала 1918 года, совсем одинокий в своей работе, резко разошедшийся с прежними друзьями, – только в Вас, и еще Блоке, нашел я поддержку, сочувствие, одномыслие. Тогда были «Скифы» – пережитые, перечувствованные, – ненавидимые. Помните наше московское сражение у Шестова, с ним и его присными?[3] – И вот что казалось мне тогда не до конца понятным: откуда у него особенно была та острая вражда к Вам (не лично к Вам, а к «вам», к «вашему»), которая характерна для «Krähe»[*], но не для Шестова же, даже не для Гершензонов, многих и многообразных? А ведь чувствовалось, как сильно хочется сказать им то, чего они так и не договаривали: Schlafen Sie, Борис Николаевич, – бросьте то, чем кипите и живете; Schlafen Sie, многообразные тоже «Скифы», Schlafen Sie – но дайте и нам schlafen. И в союзе с теми, кого они ненавидели и считали худшими врагами (а на деле – с лучшими их союзниками по духу), они победили: такое чувство сопровождало, вероятно, и Ваш сон, сопровождало и мое умиранье зимы 1918-1919 года. Надо было собрать все силы, чтобы очнуться, чтобы проснуться, чтобы за их временной победой увидеть подлинный ее лик. Все ли мы очнулись, проснулись? Не знаю. Боюсь, что Ал<ександр> Ал<ександрович> еще в летаргии, – при нем мне еще надо встряхиваться, просыпаться, щипать себя за руку. За него надо теперь или бороться, или подождать, – от летаргии не будят насильственно, человек *сам* просыпается. Вот отчего, вероятно, так редко-редко вижусь теперь я с Ал<ександром> Ал<ександровичем>, не видал чуть ли не с полгода, живя бок-о-бок, чуть не рядом[4].

Все это – бессвязно, сумбурно, глухо; не умею рассказать иначе. Но чувствую Вас как бодрого и бодрствующего, такого далекого (везде, во всем), и такого во всем и везде близкого, милый и дорогой Борис Николаевич. Писать и говорить об этом – не люблю и не умею, но раз уж пришлось к слову – то хоть косноязычно сказал, что мог и как мог. Простите за всю эту бессвязицу. Листок кончается – ставлю точку и перехожу ко всяческой прозе, а эту нескладицу даже и не перечитываю, – а то знаю, что не пошлю. А хотелось бы сказать еще много и много. Быть может – когда увидимся?..

---

[*] *Вороны (нем.).*

И вот – не увидимся ли? Послушайте, милый Борис Николаевич, – устроились ли Вы в Москве? Мне вчуже страшно стало, когда я представил себе «херософию» нелепого Ивана Рукавишникова, разыгрывающего в московском Доме Искусств (или «Дворце»?) роль культурнейшего prince des lettres* – точь-в-точь как М.Горький в Петербурге. И отчего это всегда наименее культурные духовно люди всегда так рыцарствуют за культуру? Фатальный признак ее кризиса и facies hyppocratici**. И Вы, принужденный работать с этим «херософом» – или служить изо дня в день в каком-то «Отделе» от 10<-ти> до 4-х. Меня назначили на завтра и послезавтра выгружать дрова с барки у Николаевского моста – это я понимаю, это хорошо; но неужели было бы экономно для какого бы то ни было правительства приставить меня к этой работе ежедневно, на месяцы, по шесть рабочих часов в сутки? Узнав из письма Вашего о том, что Вы принуждены взять себе подобную же (только гораздо менее осмысленную) работу в каком-то отделе, я в тот же день предложил в Научно-Теоретической секции избрать Вас в члены[5]; Вы были избраны, уведомление Вам послано. Работа живая, на положении «специалиста, без определенного количества часов работы», гонорар около 3000 р. в месяц. Одновременно – возможность ряда курсов во «Всемирной Литературе», у нашего петербургского «херософа» (человека все же подлинного, вне сравнения с растерзанным «херософом» московским)[6], очень коротких (4 ч<аса> в неделю) и очень хорошо оплачиваемых; одновременно и другие возможности. Но пока я Вам собирался об этом написать – случилась катастрофа: волею судьбы упраздняется весь отдел, включающий в себя и Научно-Теоретическую секцию. Однако от этого потопа Научно-Теорет<ическая> секц<ия>, по-видимому, уцелеет, в другом виде, но с той же работой; и если бы Вы мне черкнули, что Вам возможно перебраться на зиму в Питер (вернее – в Царское, где всегда можно жить у нас, а если не у нас, то рядом – комната «с отоплением и освещением»), то я немедленно стал бы действовать в этом направлении – и уверяю Вас, что через неделю Вы получили бы уведомление: «переезжайте; все устроено; в неделю занятых два дня и восемь часов чтений; общий гонорар – 7-8 тысяч». Подумайте и напишите. «Невозвратного» – ничего нет, всегда можно отказаться, если увидите, что не подходит. Вы только напишите: действовать или не действовать? Если да – начну немедля; si no – no***: быть может, Вы в Москве устроились уже по-другому? – Но с какой радостью, эгоистической, думаю я, что Вы могли бы провести у нас всю зиму! И, право – не только с эгоистической: я верю, что здесь удалось бы Вам засесть за продолжение «*Записок Чудака*».

Так вот – жду ответа, и этим кончаю сумбурнейшее письмо. Шлет Вам сердечный привет Варвара Николаевна и очень рада будет приветствовать Вас снова в Царском; дети очень Вас помнят. А я соскучился без Вас – до того, что могу вот писать длинные, хоть и нелепые письма, я, не написавший ни одного коротенького письма за все время летаргии.

Сердечно обнимаю Вас, дорогой Борис Николаевич, и жду ответа. Приедете к нам – поговорим о многом; не приедете – еще раз и еще раз напишу Вам о многом. Но лучше бы Вам приехать. Правда, московские друзья Ваши возропщут (чувствую, что не любят они меня, за то что хочу я сделать из Вас на время петербуржца и царскосела), но ведь отъезд Ваш из Москвы – на время, до Рождества, на 2-3 месяца (уезжали же Вы в Карачев!), после Рождества еще на 2-3 месяца, а там, переживя трудную зиму, вновь двинетесь Вы на юг, с написанной новой частью «Чудака». На юг, – а может быть, и на Запад? Я, «враг» антропософии, с любовным чувством читал в «Чудаке» о Дорнахе, об Иоанновом Здании[7] – и крепко желаю Вам еще раз туда вернуться.

А пока – пишите мне. Обнимаю сердечно.

Ваш Разумник Иванов.

[1] Ответ на п.96.

[2] Отклик на слова благодарности Белого в п.97.

---

* *князя от литературы (фр.).*

** *Гиппократова лица (лат.; т.е. признак близящегося конца).*

*** *Если нет – нет (итал.).*

[3] См. примеч.5 к п.82. Бывший у Л.Шестова (видимо, при этих обстоятельствах) вместе с Ивановым-Разумником и Белым, Е.Г.Лундберг подмечал: «Иванов-Разумник на моих глазах уходит от позитивного народничества к самосожиганию, к революционной “марийности”, к духовному максимализму» (Лундберг Е. Записки писателя. Берлин, 1922. С.179).

[4] Ср. п.95, примеч.7. Последнюю перед этим письмом встречу с Ивановым-Разумником Блок зафиксировал 23 апреля 1919 г. (Блок А. Записные книжки. С.457). 5 августа 1919 г. Иванов-Разумник писал Блоку: «Когда увидимся? Иногда чувствую очень, что надо повидаться, и все не удается. А право, очень соскучился без Вас» (*ЛН.* Т.92. Кн.2. С.411). В ходе предполагаемой встречи Иванов-Разумник собирался поговорить о Белом; в этой связи он писал Блоку 26 сентября: «Второе – о Борисе Николаевиче, который в Москве находится в тисках и о котором надо бы подумать. Не подумаете ли до нашей встречи?» (Там же).

[5] Осенью 1918 г. Иванов-Разумник начал сотрудничать в Научно-теоретической секции ТЕО Наркомпроса (входил в бюро Репертуарной секции). Белый был избран членом секции и приглашен в Петроград, чтобы участвовать в организации Института театральных знаний (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С.57).

[6] Подразумевается М.Горький (о его отношениях с Ивановым-Разумником см. вступительную статью Е.В.Ивановой и А.В.Лаврова к публикации переписки Горького и Иванова-Разумника // *ЛН.* Т.95. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М., 1988. С.706-711), возглавлявший основанное 4 сентября 1918 г. в Петрограде при Наркомпросе РСФСР издательство «Всемирная литература», при котором была знаменитая «Литературная студия». См.: Зайдман А.Д. Литературные студии «Всемирной литературы» и «Дома Искусств» (1919–1921 годы) // Русская литература. 1973. №1. С.141-147.

[7] Имеются в виду главки «Снова в Дорнахе», «Иоанново Здание», «Храм Славы» в «Записках чудака» (Записки Мечтателей. 1919. №1. С.51-59).

99. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
15 октября 1919 г. Детское Село.

15/X 1919.

Дорогой и милый Борис Николаевич,

– от Вас ни ответа, ни привета. Думаю, поэтому, что мое большое (огромное!) письмо – заказное – не дошло до Вас, хотя отправилось в путь месяц тому назад[1]. А Ваше письмо, тоже большое, от конца августа я получил, на него и отвечал; сильно досадую, если пропало. Теперь пользуюсь «оказией» и наскоро пишу хоть немного – снова перед порогом надвигающихся событий.

Чудесное письмо Ваше обрадовало меня очень; Вы «проснулись» – но Вы и не спали; шла глубокая, внутренняя работа, и я знаю, что «сон» – «энергия положения» скоро обратится у Вас в «энергию движения». Читал и перечитал, кроме трех «Кризисов»[2], – и «Записки Чудака» (или «Дневник»? Все забываю). Это ли сон? Чудесно. (Имею возражения – против «Леонида Ледяного»[3]. К чему он, раз известно, что это *он* написал и «Котика» и «Петербург»? Конечно – мелочь). Лишь бы условия жизни позволили приложить, перевести эту энергию из одной в другую.

Надвигается опять «белое» – то есть черное; и надвигается на «черное»[4]. Но если уж пошло на физические уподобления, то ведь мы знаем, что при интерференции, при диффракции черное + черное дает светлую линию. Не радостно, но бодро смотрю на приближающиеся годы; не думаю, чтобы нам, многим из нас, пришлось уцелеть в этом сложении духовных сил, духовных миров; но ведь и не в этом дело. Много задуманной работы, – другие придут работники, хоть и не близка смена.

Меня торопят и отрывают, надо кончать. Не успею рассказать Вам то, о чем говорил в прошлом, по-видимому, недошедшем письме: что Вы выбраны членом бюро Научно-Теоретической секции, что это дает возможность жить и работать (два заседания в неделю, гонорар около 6000 р.), что звал я Вас для этого в Петербург, что в Царском Селе нашел для Вас и комнату «с отоплением, освещением и столом». Все это сегодня – не ко времени; но если бы волна схлынула, то написал бы я Вам обо всем этом еще раз и подробно. А сегодня, когда взят Орел[5] и бои идут «на Гатчинском направлении»[6], – писать об этом или поздно, или рано.

Напишите же мне о себе. Вы и Ал<ександр> Ал<ександрович> Блок – единственные друзья, с которыми хочется говорить, хочется видеться, хоть помолчать вме-

сте. Его я не видел полгода – и повидал случайно вчера[7]; все тот же он; зная, что я сегодня напишу Вам, просил обнять Вас заочно. Делаю это и за него, и за себя. Увидимся ли? Да или нет – обнимаю Вас крепко и люблю сердечно.

А вдруг – увидимся? Буду надеяться – «до свидания», дорогой и милый Борис Николаевич. Искренний привет Вам от Варвары Николаевны. Не забывайте нас.

Сердечно Ваш Разумник Иванов.

[1] Имеется в виду п.98 (ответное на п.96).

[2] Книги Андрея Белого, выпущенные в свет издательством «Алконост» и составляющие цикл «На перевале» – «I. Кризис жизни» (Пб., 1918), «II. Кризис мысли» (Пб., 1918), «III. Кризис культуры» (Пб., 1920).

[3] Alter ego автора в «Записках чудака». В главке «Леонид Ледяной» Белый отмечает: «"*Леонид Ледяной*" (мой писательский псевдоним) превратился из тени в меня самого» (Записки Мечтателей. 1919. №1. С.46).

[4] 11 октября 1919 г. Северо-Западная армия под командованием генерала Н.Н.Юденича начала активное наступление на Петроград, в последующие дни были заняты Гатчина, Красное Село, Детское Село и Пулково, однако в конце октября – начале ноября войска Юденича отступили под натиском красноармейских сил во главе с Л.Д.Троцким. См. дневник М.С.Маргулиеса в кн.: Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. Л., 1927. С.176-198. Первое наступление Северо-Западной армии на Петроград было весной 1919 г. Е.Г.Лундберг свидетельствует о тех днях: «Я был в Петербурге в дни натиска Юденича. Изредка слышались пушечные удары <...>. Я заторопился обратно в Москву, чтобы не быть отрезанным. Иванова-Разумника убеждаю уехать. Если Юденич войдет в Петербург, Иванову-Разумнику не сдобровать. Он молчит, и я знаю уже, что уговоры тщетны» (Лундберг Е. Записки писателя. Берлин, 1922. С.221).

[5] 12 сентября 1919 г. началось масштабное наступление Добровольческой армии под руководством генерала А.И.Деникина на Москву; Орел был взят 13-14 октября.

[6] Ср. относящиеся к этим дням детские дневниковые записи И.Р.Ивановой, дочери Иванова-Разумника: «Гатчина взята белыми. <...> Все красноармейцы уехали, а штаб 7-ой армии собирался, но уехал после всех. <...> Когда Лева пришел из вечерней школы, то там говорили красноармейцы, что Стрельна, Красное Село, Лигово и Гатчина взяты белыми. – Суббота 18. Мама с папой будут сидеть дома, потому что стреляют ближе и белые могут перерезать дорогу, вчера в гимназии говорили, что белые в 8 верстах от Царского Села и что дорогу перережут вечером» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.2. Ед.хр.13. Л.16).

[7] Ср. запись Блока от 13 октября: «Свидание с Р.В.Ивановым и Сюннербергом у Алянского» (Блок А. Записные книжки. С.478).

100. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
2 ноября – 1 декабря 1919 г. Москва[1].

Москва. 2 ноября 19 года.

Дорогой и близкий мне
Разумник Васильевич, –

Вчера вечером получил Ваше второе письмо (от 15 октября), которое так много, много дало мне; и хотя знаю, что писем в Петербург не принимают на почте, что нет у меня никакой оказии Вам переслать его, – все-таки пишу: если оно и не дойдет до назначения, знаю, что «нечто» дойдет до Вас от самого *факта письма*; все эти дни душой с Вами; с трепетом следил за газетами о событиях в Царском[2]; и все время был с Вами в Вашей квартире. Именно в дни, когда пришли известия, что Петроград отрезан, – получил письмо, уведомляющее меня об избрании меня членом «*Тео*» (Научно-Теор<етической> Секции), но... даже не ответил, ибо какой же ответ, когда нет сношений; в Москве все эти недели была такая бездна слухов, что просто нет возможности разобраться; слухам никаким не верю, но... они достаточно деморализуют желание писать, ибо все равно – думаешь – письмо не дойдет.

Вы спрашиваете меня, почему от меня нет вестей; между тем: я все время о Вас думал и все время собирался Вам писать «*по-настоящему*», а не было ни тишины

внешней, ни тишины внутренней вокруг меня; а при этом условии (знаю по опыту) в словах написанных передаются не слова Сердца или Разума, а пыль слов, взвеянная сотрясением внутреннего Голоса, не имеющего силы войти в слова и направить их по назначению; в словах тогда передается не подлинный смысл; в личном разговоре даже в минуту душевной немощи остается *жест*, *интонация* и то непередаваемое «как», которое одно и доносит до назначения случайно-сорвавшееся слово с «*неверным адресом*»; в письме нет этого жеста; и оттого-то слова с «*неверным адресом*» только мутнят; и – отводят людей друг от друга.

Не то, чтобы я устал: сил у меня больше, чем когда-либо, но... условия жизни до последнего времени создавали вокруг меня сплошной кавардак, не позволяющий ни на минуту сосредоточиться; оттого-то я все откладывал ответ на Ваше глубоко меня задевшее письмо: спасибо Вам! Так нужна дружеская перекличка – именно теперь, в эти дни; так важно людям, взыскующим о правде среди *правых* и *левых* лжей, которые все износились, утверждать друг друга в *новом* и вечном. Я положил Ваши слова к себе в душу, и они – зажили: но внешние события жизни принялись пылить на меня; и – день за днем откладывался ответ; за эти месяцы я трижды переменил квартиру: а Вы знаете, что это за канитель в наше время; едва я переехал к Васильевым[3], друзьям моим, которые так много сделали для меня, как нас всех – верней, весь переулок – выселили петербургские рабочие; нам не дали ни лошадей, ни указаний, где искать помещения, – просто вышвырнули на улицу (никто тут не виноват, менее всего виноваты рабочие, которые, попав в Москву, не имели пристанища); словом, мы неделю перетаскивали на тачке вещи в... сырой подвал (иного помещения нельзя было найти)[4]; в этом подвале у меня разыгрались всяческие болезни, и я должен был опять перебираться: на этот раз в уютную комнату (со столом и отоплением) – у знакомых: теперь, угомонившись и осев на месте, – мо<гу> очнуться[5].

Вот уже 2 месяца, как служу в Отделе Охраны Памятников: моя служба заключается в том, чтобы собирать материал по истории коллекций в революционное время; я сосредоточил свою тему на истории коллекций в эпоху Великой Фр<анцузской> Революции; собрав материал, я буду писать книгу по этому вопросу[6]; согласитесь: это – удобная служба; но – и неудобная (в другом отношении); удобность ее в том, что каждый день я сижу в Музее и общаюсь не с «коллегиями», «комиссиями», а с – хорошими книгами; неудобность в том, что книгу я не могу писать механически; а следовательно, книга о коллекциях вытесняет другие книги. И – в первую голову «Чудака» на неопределенное время[7]; не могу сказать, чтобы я роптал на судьбу, видя, как другие – изнемогают на службах, не имеющих никакого отношения к их роду деятельности; все-таки: 3900 р. я получаю в месяц за то, что избавлен от обязанности заседать или тащиться на заседания; я благодарен Отделу, давшему мне в это трудное время возможность существовать; о своем *прямом деле* не грущу: я давно примирился с мыслью, что неисполненное здесь на земле (что могло бы быть исполнено, но по внешним обстоятельствам пресечено) – есть импульс в дух<овном> мире: и будь оно исполнено здесь, на земле, оно было бы лишь бутоном; в дух<овном> мире оно – махровая роза; и когда порой до смерти хочется к Вам в Царское, или в Дорнах (проводить вечера с Вами или слушать д<окто>ра Штейнера, а днями работать) – то я думаю: «Дневник Чудака», захирев здесь под спудом «*Коллекций*», – будет цвести в «*мирах духа*»; при этой мысли я действительно успокаиваюсь: ведь не душевная немощь или лень, а судьба не позволяет написать (или – писать теперь) эту серию томов; и я говорю себе: значит, *ты* не готов для этого!

Да и кроме того: у нас в Москве ругают «Чудака». Говорят: «Это – неврастения, мания» и т.д.

Вообще: атрофируется всякая возможность проявляться: писать книги – нельзя: нет бумаги; писать письма нельзя – города отрезаны друг от друга; работать нельзя – ибо в комнатах у людей стоит такой мороз уже сейчас, что люди прячутся под одеяла; есть – тоже нельзя. Что же можно? Все немногое, что разрешено, обставлено столькими бумагами, расписками, удостоверениями, талонами, что люди просто отказываются от счастия получить сухую селедку, когда получение ее обставлено всякими стояниями на морозе; спрашивают не только талоны и бумаги, спрашивают... корешки от талонов (чаще и чаще)[8]; словом, право на жизнь – чисто биологическую – обставлено столькими бумагами, что многие задумываются, стоит ли жить; умирать –

разрешается сколько угодно: вот она, «новая жизнь»! И право, если бы я конкретно описал бы, что я делал эти 2 месяца, когда возвращался со службы, то следовало бы описывать: ходил в домовый комитет, бранился в карточном бюро за категории, выклянчивал ту или иную бумагу, или обменивал ту или иную бумагу; думается мне: если бы обыватель Москвы вел «Дневник» всего того, что он ежедневно проделывает, чтобы съесть кусок черствого хлеба, выдаваемого раз в неделю, то «*дневник обывателя*» оказался б чудней «дневника чудака». Вот разговоры культурных москвичей: – «Что вы делаете завтра под праздник?» – «Еду рубить дрова, иду на Сухаревку; мы – разбираем забор» и т.д. Так живут обыватели, «Бердяевы», «чудаки» и не «чудаки»; когда выпадет день отдыха, – одно желание завладевает: *заснуть*, накрывшись одеялом, и забыть все, все, все: и «культуру», и «некультурицу»... Но это состояние сознания – отнюдь не отчаянье, не квиетизм, а чисто физическое ощущение отмороженных пальцев; стоит посидеть день в теплой комнате, быть сытым и выспаться, как чувствуешь себя бодрым, крепким и работоспособным. Для тех, кто переживет голод, холод, болезни, кто избежит «левых» или «правых» кар – переживет ни с чем не сравнимые годы: годы второй молодости, второго расцвета сил: в прошлом, которое покажется очень далеким прошлым, у него будет жизнь воспоминаний; за плечами – ни с чем не сравнимый опыт; впереди – «новая жизнь»: как мы ни ворчим на «новую жизнь», а она, «новая жизнь», – идет; и уже есть: родилась в индивидуальных сознаниях; чем чудовищней оплотневают абстракции общественного сознания, чем дубоватей трамбуют ими все нежные поросли тупоголовые «общественники» (от «кадэ» до «анархистов» включительно), тем нежнее, пышнее, чудесней уже теперь рвутся к свету проросты нового самосознания человека; шум новой жизни я всюду слышу. Мне приходится встречаться с удивительными мыслями, признаниями, людьми – всюду; и эти новые, почти гениальные в высказываниях люди – не дипломированные гении, а простые, обыденные люди без различия сословий и классов: здесь и рабочий, и вчерашний «*буржуй*», осознавший, что к старому нет возврата, и старик, и ребенок, и служащий совнархоза, и профессор. И я подчас стою умиленный; жизнь идет... к мистерии; жизнь уже наполовину мистерия; но эта мистерия – мистерия Голгофы; мы понемногу начинаем припоминать ее; кстати: прочтите изумительную книгу Льва Толстого «*О Жизни*»[9], и Вы меня поблагодарите: не сомневаюсь, Вы читали ее; не сомневаюсь и в том, что Вы *по-иному* прочтете ее теперь: эта книга отныне стала для меня в ранг книг, сопутствующих каждому дню; как «Заратустру», как «Бхагават-Гиту»[10] я полюбил ее; это книга *эпическая*, не уступающая «Войне и миру». Кроме тона, она вся проникнута новой эрой сознания: положенная на одну чашку весов, она перевешивает все тома Соловьева, даже если в привесок к ним присоединить сумму написанных книг нового религиозного сознания (от томов Мережковского, Розанова до... Флоренского, Бердяева, Белого и прочих); все мы «*старички*» пред Толстым, не говоря уже о том, что мы ребятишки перед Достоевским; но Толстой по сравнению с Достоевским... «*младенец*», родившийся в будущую эру; его от Достоевского отделяет *смерть*, загробная жизнь, странствие в духовных сферах, может быть «*полуночь*». Но и в ветхом смысле книга безукоризненна «гносеологически»; не удивляюсь, что двадцать пять лет назад ее считали «ненаучной»; нужны были величайшие усилия гносеологов Европы (от неокантианцев до Гуссерля[11] включительно), чтобы дорасти до «гносеологического» сознания Толстого, не помышлявшего ни о какой гносеологии; все, что сказано Гуссерлем, уже там есть; все, что мною затронуто в «Котике» о мире воспоминаний, там есть; кроме того: там точная формула Христова Импульса... «*Христианство*» Толстого не понято, непротивление не понято; вершины иоги вскрыты Толстым в простой народной форме, философия антропософии предвосхищена. И – что за язык!

Нет, перечтите эту книгу: и Вы поймете мой восторг. Как кощунственно мерзко исказил Мережковский Толстого (кстати: у меня срывается с пера дурного тона каламбур: Мережковскому, чтобы «сказать» что-либо, надо «исказить»: он «сказитель» лишь как «исказитель». Простите!)...; он оклеветал Пушкина, Толстого, Достоевского, Тютчева, вероятно – Петра[12] (Петровской историей не занимался). Воистину вредная деятельность: «Клопиные шкурки»[13] – Ваше определение прекрасно!

Кстати: я теперь более, чем когда-нибудь, оценил Вашу книгу «О смысле жизни»[14]; для того, чтобы понять многое в современности, надо вновь и вновь к ней воз-

вращаться; она теперь нужна: со многими выводами я не согласен, но «*всем-всем*» реком<ен>довал бы я ее внимательно изучить.

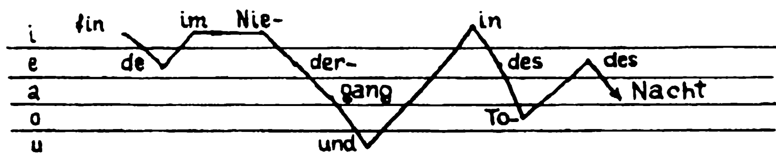
Да! Мы все вступили в полосу, когда прежде аристократический лозунг сознания становится лозунгом для всех:

Die Sonne schaue
Um mitternächtige Stunde.
Mit Steinen baue
Im leblosen Grunde.
So finde im Neidergang
Und in des Todes Nacht, –
Der Schöpfung neuen Anfang,
Des Morgens junge Macht.
Rud<olf> Steiner[15].

Кстати: изумительная инструментовка, не говоря уже о ритме: например:

So *finde* im Niedergang
Undinde – s Todes Nacht.

Или: гласные этих строк расположены так:

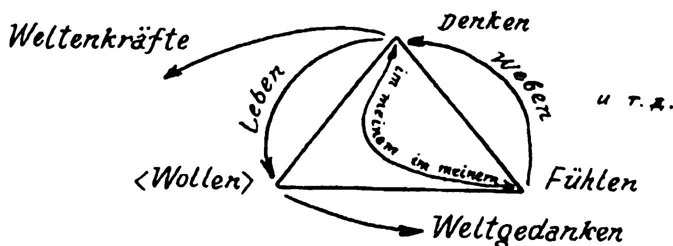


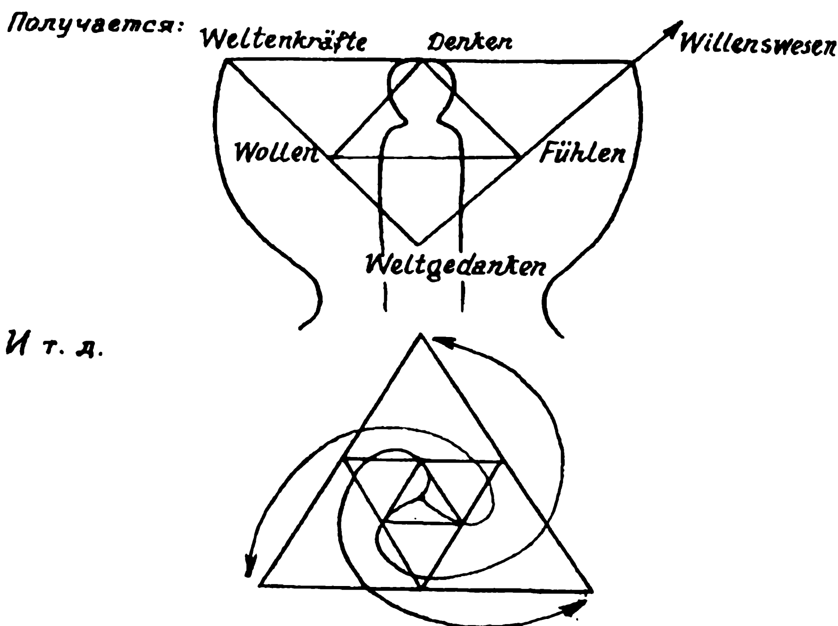
Точно груз скатывается в пропасть (*Nie-der-gang-und*), подпрыгивает, ударившись о дно (und-ind), и снова падает: *des-To-des*, опять подпрыгивает; и замирает в слове *Nacht*; гул обрыва в *leblose* Grund слышится в звуковой пляске и в гулкой инструментации: *ind-e-der-ang-ung-ind-to-des...* Вообще: поражают меня ритмы мистерий Штейнера: или я ничего не понимаю в поэзии, или хороши, именно как стихи, выбранные наугад строки:

In deinem Denken leben Weltgedanken,
In deinem Fühlen weben Weltenkräfte,
In deinem Willen wirken Weltenwesen;
Verliere dich in Weltgedanken,
Erlebe dich durch Weltenkräfte,
Erschaffe dich aus Willenswesen;
Bei Weltenfernen ende nicht
Durch Denkenstraumesspiel – – –;
Beginne in den Geistesweiten
Und ende in den eignen Seelentiefen: –
Du findest Götterziele,
Erkennend dich in dir[16].

По-моему – хорошо: я расставляю эти слова себе так:

и когда читаю первые три строки, происходит – вот что[17]:





Спирально развертываюсь я в *дали мира*. Но тут меня охватывает страх, ибо «*мировое*» кажется моему «*буржуазному*» сознанию ужасным, как слова кажутся герою, Капезию (мистерии «Die Prüfung der Seele»)[18], ужасными: он восклицает:

Zu viel... zu viel – –
Wo ist Capesius?
Ich fleh' zu euch,
Ihr, unbekannten Mächte...
Wo ist...... Capesius?
Wo bin – ich selbst?
Benedictus (tritt ein)
Es ist mir kundgeworden,
Dass ihr verlangt, mit mir zu sprechen;
So sucht' ich euch in eurem Heim[19].

Капезий между прочим отвечает:

Doch hättet ihr mich kaum
In einer schlechtren Lage treffen können.
Benedictus
Verborgen ist's mir nicht,
Dass ich im Lebenskampfe euch getroffen.
Ich wusst's es lange schon,
Dass wir uns so begegnen müssen.
Gewöhnet euch, zu wandeln mancher Worte Sinn,
Wenn wir uns ganz verstehen sollen.
Und wundert euch dann nicht,
Wenn euer Schmerz in meiner Sprache
Den Namen ändern muss.
– – – – – – – – – – – – – –
Ich finde euch im Glücke[20].

И вот мы: умирающие, голодающие, сомневающиеся подчас, вскрикиваем именно теперь:

Zu viel!.. Zu viel!..

И темные неизвестности нас окружают: и мы находим себя «in... schlechtren Lage»... А *Benedictus* стоит и говорит: «*Ich finde euch im Glücke...*»

Далее он прибавляет:

Die Lösung wird euch dieser Rätselfrage,
Wenn ihr mit wachem Seelenauge
Euch stellt vor manche Wunderdinge,
Die bald in eure Wege treten sollen.
Zur Prüfung seh' ich euch gefordert
Von Schicksalsmächten und von Geistgewalten[21].

4-го ноября 19 года.

Дорогой Разумник Васильевич,

Так мое письмо осталось недоконченным: пришли, и – оторвали... Продолжаю: собственно, могу продолжать ad infinitum*; ведь послать почтой – не дойдет: мне говорили, что письма в Петербург не отправляют; поэтому я и продолжаю: пусть хоть часть мысленной беседы моей с Вами (беседы, которую веду часто) передается бумаге; мне тем более хочется писать Вам много, что нет у меня в душе верных слов; душа отвернулась от языка и безъязычно летает в ей свойственных ритмах, в ей свойственных сферах, зацепляясь за случайные слова: так неумелый танцор зацепляется за стулья; и – производит грохот; мои слова – многий грохот стульев неумелого танцора; чем бледнее они, тем больше хочется их произнести: хочется качество заменить количеством; вот, возвращаясь со службы, я и беседую с Вами.

Странно мне: знаете, чем я занимаюсь это время? Последнее время в «Истор<ическом> Музее» читал сочинение «de Labarte'a» под заглавием «Les émaux» (эмали)[22]: 2 толстых тома; во 2-ом томе есть «Glossaire», своего рода словарь вещей: так, например, к слову «tapis» целая историческая картина (ковры Франции в XIV, XV веке), к слову «émaille» опять-таки: целая картина. А последние дни читаю «Moniteur» (журнал фр<анцузской> революции)[23]: внимательно слежу за прениями в «Нац<иональном> Собрании», где появляется изредка monsieur Robespiere[24], еще ничем не прославивший себя: прочитываю для себя потрясающе интересные картины тогдашней жизни и делаю отметки в местах, не интересующих *живого* читателя (читаю-то я под специальным углом зрения: «*коллекции*»); холод – адский: сегодня 3 1/2 градусов; просто смерзается мозг; зато у меня дома пока уютная комната; пока есть дрова и температура не падает ниже 10°: вполне тепло; у нас в Москве с дровами обстоит дело, кажется, хуже, чем у Вас: уже ряд домов (деревянных) уничтожен; вероятно, к Рождеству уничтожится все, что из дерева: дома, заборы, сады, бульвары, столы, стулья; с ужасом думаю об участи большинства друзей и знакомых...

Радуют меня люди: сейчас, в помещении нашего О<бщест>ва, несмотря на холод, собирается милый кружок людей, интересующихся «духовным знанием»: читаю им курс лекций[25]; и поражаюсь: за эти два года какой колоссальный сдвиг; мое задание – даже не вводительный курс, а *введение* в вводительный кружок Бориса Павловича[26], и это введение не могу кончить; оно – разматывается в серию лекций; то, что прежде было уделом *антропософских* кружков, переносится вовне; приходится вслух говорить о деталях антропософии; об оккультном строении человека и т.д.: и – относятся сериознейшим образом; слушающие – главным образом молодежь.

Собирается в Москве возникнуть «О<бщест>во духовной культуры», намечен ряд курсов[27]: беда одна – не можем найти помещения; задания – во многом близки: «*Вольно-философскому О<бщест>ву*». Среди курсов проектированы: 1) курс Шпетта[28]: «Два начала совр<еменной> культуры», 2) Бердяева: «Судьба Человека (философия истории)», 3) Степпуна[29], 4) Чулкова[30], 5) Успенского[31]: «Антиномии нравственного сознания», 6) Муратова: «Венецианская живопись»[32], 7) мой: «Фил<ософия> духовной культуры»[33], 8) Флоренского: «Платонизм и христианство»[34], 9) М.В.Сабашниковой: «Ступени космического сознания», 10) Нилендера[35]: «Оккультные** науки у древних греков». И два семинария: 1) Б.П.Григоров: «Введение в антропософию», 2) свящ. Абрикосов (католик)[36]: «Семинарий по схоластической философии». Курсы готовы: боюсь, что ничего не выйдет, ибо до сих пор помещения нет. Будет читать курс и В.Иванов.

---

* *Без конца (лат.).*

** *В автографе*: Оккультная.

Однако вместо того, чтобы писать о себе, я занимаюсь сплетнями; но это оттого, что письмо все равно теперь сразу не отошлешь: буду искать возможности переслать с оказией; есть чувство, что еще и еще вернусь к этому письму: мне так хочется с Вами вести беседу. Пока же приканчиваю сегодня.

---

30 ноября.

Дорогой Разумник Васильевич, –

думал, что буду вести изо дня в день это письмо-дневник Вам, ибо я не верил в возможность послать его Вам, как не верю почте, жел<езной> дороге, телеграфам, телефонам и пр.; а оказии не было. Но и письмо-дневник оборвалось, прошел месяц; и вдруг сегодня нагрянул Алянский[37] с целым рядом сведений о Вас, об Академии[38], о Тео[39] и обо мне; о том, что Вы меня избрали (вопреки моим данным быть председателем чего бы то ни было); С.М.Алянский передает приглашение в Петербург, застигая врасплох и поселяя всяческую смятенность в сознании, ибо мне *очень хочется* быть в Петербурге, видаться и участвовать в близком деле с друзьями (Вами, Алекс<андром> Алекс<андровичем> и др.); и вместе не хочется расставаться со здешними друзьями, работой в кружке[40], с теплом и удивительно спокойной комнатой; сильные *pro* за приезд; но и *contra*. Эта борьба мотивов и повергает меня в смятение.

Буду лапидарен:

За Петербург:

1) Мое глубочайшее желание Вас видеть и обмениваться часто беседами, что осуществимо, как говорит Сам<уил> Мир<онович>, ибо есть в Детском Селе помещение. 2) Моя радость работать в Ассоциации и возможность прочесть курс, ибо все равно я буду его читать в Москве[41]. 3) Сравнительное удобство службы в «*Тео*», если она будет протекать в тех формах, как их рисует Сам<уил> Мир<онович>. 4) Наконец, по духу я, будучи русским, как это ни странно, скорей петербуржец; тяжелый московский дух «*устоев*» мне вреден; и действует подавляюще. 5) Наконец, скажем откровенно: для поставленных целей во что бы ни стало пробраться за границу мне нужно заработать деньги; имея в виду, что я поддерживаю маму, которая кроме 200 рублей пенсии ничего не имела, я должен зарабатывать минимум до 12000 (6 тысяч на человека по нынешним условиям жизни не много), а мой заработок определяется: 4900 в отделе + 5000 от Копельмана[42] в месяц в течение года, т.е. 10000 рублей в месяц (5000 на человека); если «*Тео*» мне будет платить, как говорит Алянский, 6[*] тысяч, сколько-нибудь *Ассоциация* + курс лекций, который я могу предложить, + 4000 Отдела Охраны Памятн<иков> (ибо я могу работу перенести в Петербург без ущерба для работы: материал почти собран), то – я заработаю больше количеством рублей (если только в Петербурге или в Детском можно устроиться относительно равнозначно с Москвой). Видите: *морально* и *материально* мне полный смысл приехать.

Сериозные доводы против Петербурга:

1) Я устроился в Москве идеально в смысле тепла, стола, помещения; ввиду того, что семья знакомых, у которых я живу, имеет особые преимущества иметь продукты из собственной деревни, и ввиду того, что эти продукты ей обходятся дешево, то я имею стол (прекрасный по теперешнему времени), от 10 до 12 градусов тепла (чего нигде в Москве не найдешь: везде от – 0 до 5, 6, 7 максимум градусов), освещение, милую комнатку и заботливый уход за баснословно дешевую цену (3000 рублей в круг); у меня остаются деньги на папиросы; и – на маму; кроме того: возвращаясь со службы, я попадаю в тишину, тепло; есть возможность вечернего отдыха; моя уязвимая, ахиллесова пята – холод; с моей физич<еской> комплекцией в современных условиях московской жизни я бы давно погиб; ибо простудливость моя ужасающа; и доктора определяют у меня отсутствие подкожного жирового слоя, т.е. мгновенную промерзаемость; далее: я страдаю неврозом; его особенность: вся кровь приливает к груди и конечности холодеют, вследствие этого конечности начинают замерзать уже при 7, 6 градусов; обратно: холода развивают припадки невроза (во время неврозного состояния первое условие: оттянуть кровь от сердца к рукам и ногам); руки и ноги должны быть в тепле. Видите: сейчас я попал в оранжерею по теперешнему времени, а то бы уже сейчас выбыл бы из строя; намучившись в сыром подвале этой осенью[43],

---

[*] *В автографе*: 6000.

нажив острейшую невралгию; у меня слепой страх покинуть это пристанище. И альтернатива: либо держаться Москвы, либо бежать в Туркестан, зачислившись к товарищу Иванову, едущему насаждать советскую культуру туда[44]. Меня удерживают от этого поступка два фактора: 1) Ася, 2) друзья (и московские, и петербургские). Страшно – уехать; ведь оттуда возврата не будет; скорее будет прогресс – в Индию? Уедешь от Москвы, Аси, Петербурга, Дорнаха, Штейнера к... к кому?

2) Я решился предпринять невероятные усилия, чтобы с первой возможностью ехать из пределов России – разыскивать Асю, от которой не имею никаких вестей; в среду обращусь к Луначарскому с просьбой, чтобы он вник в невыносимость моего положения жить в полной неизвестности, что сделалось с женой[45]; и при возможности проезда на запад не забыть лично меня и иметь в виду (а то знаю наперед: отъезжающими образуются заторы и хвосты; а во всех хвостах меня отталкивают в самое последнее место; став в хвост, я уеду года полтора спустя отъезда первых путешественников); в этом слепом стремлении *ехать*, *ехать*, *ехать*, *ехать* во что бы то ни стало есть инстинкт: стоит жизненная задача – написать ряд томов «*Чудака*»; в России не напишу никогда[46]; я готов взять какую угодно миссию, какое угодно поручение от *Наркомпроса* (культурно-просветительное), чтобы дорваться до Аси; и дорвавшись, совместно с ней обсудить планы дальнейшей жизни; если по условиям жизни вдвоем экономически нельзя будет прожить за границей (если не сумею достать денег под «*Чудака*» *in corpore**: под ряд томов всего дела моей жизни, или под что угодно), то Асю (с ее слабой грудью) придется везти в Россию; и на этот раз не в Петербург, а в Туркестан; поэтому-то я и хотел бы взять поручение от любого отдела, ведомства любого учреждения, дабы не оторваться от возможности существовать в Южной России; все это я хочу объяснить Луначарскому, не как Комиссару, а как человеку, могущему же понять, что все бытие мое, творчество, жизнь зависит от свидания с Асей, Доктором и от того, смогу ли я в грядущих годах советской России рассчитывать быть писателем. Я намерен неотвязно приставать к Луначарскому, Чичерину[47] и прочим, напоминать о своем присутствии: *словом*, *бить в одну точку*, *дабы попасть за границу этой весной или*, *самое позднее*, *летом*. И оттого-то: я не могу обещать прочной работы на многие месяцы в «*Тео*» и в «*Ассоциации*»; и во-вторых: упускать из виду Луначарского, на которого собираюсь нажимать[48]. Милый Разумник Васильевич, этот план – между нами: у меня есть чувство, что если разглашу его, если разгласится он, – он не удастся; и это еще мотив эти месяцы быть в Москве: может быть, предстоят отъездные хлопоты: т.е. бумаги, обивание порогов, разрешения и т.д.

3) У меня в Москве нет никаких морально-литературных связей: «*вся Москва*» так же не любит меня, как я не люблю «всей Москвы». Оная Москва всегда меня топила; и Петербург всегда выручал; это – кармически. Но у меня есть моральная связь с малым кружком людей; и с «*делом Доктора*», которое волей судеб сосредоточено в Москве; как это ни странно, а *Антр<опософское> О<бщест>во*, как оно ни скромно, ни хило, есть все же «маленький огонек», люди туда идут с теми сериозными запросами, где *быть* или *не быть*, *жизнь* или *смерть* встают конкретно перед людьми; скажу откровенно: те запросы, с которыми притекают к нам, – не поднимаются ни в одном О<бщест>ве Москвы; и отчего-то так сложилось, что, хотя «*антропософов*» ругают *in corpore*, с ними все же считаются; и они – работают. И вот: если судьба велит мне остаться в России еще на неопределенное время, то я чувствую долг по мере сил участвовать в «*антропос<офской> работе*»; и если Москва есть сейчас единственный центр Антропософии в России, то... не рвать с Москвой; «*антропософский центр*» – хил, слаб, мал, рудиментарен, выполняет 1/1000000 того, что должен выполнять, но... все же *есть жизнь в нем*, а где теперь... *жизнь*? Я разумею иные моск<овские> О<бщест>ва: «Дворец Искусств», даже «Пролет-Культ». Все эти *студии*, *ритмики* и т.д. говорят или о побочном, или если и говорят, то говорят «как будто» о главном; а даже вялый, сухой, педантичный и недаровитый Борис Павлович Григоров говорит не «*как будто*». И это люди, приходящие к нам, сквозь всю критику нас, нашего движения, чувствуют; критикуют, но ходят. В частности: мы невероятно распылены, многие выбыли из строя; и – временно мертвы. Вот инвентарь тех, кто хоть немного может быть работником: Трапезников, Григоров, Сизов, Петровский, Са-

---

* *В целом (лат.).*

13 Зак. 3782

башникова, К.Н.Васильева, П.Н.Васильев, я, Столяров[49]. Остальные пока что еще слишком мало дают; есть горячие, молодые силы, но еще не обстрелянные, не пожившие у Доктора, не работавшие медитативно; и они не идут в счет. И вот из этой группы «*работников*»: Столяров бежал в Пензу – кормиться; Трапезников – изнемог; Петровский, Сизов как-то ослабели (заснули, что ли: продукты одолели); в прошлом году на Марг<арите> Вас<ильевне> Сабашниковой, на Кл<авдии> Ник<олаевне> Васильевой и на Петре Ник<олаевиче> висела вся работа; они вполне впряглись; и, как запалённые лошади, довезли антропософское движение до осени: на них лежала работа кружков, интимные беседы, вопросы внешние, «Begeisterung»[*] и т.д. Теперь: Петр Ник<олаевич> Васильев угнан на фронт; у Марг<ариты> Васильевны холод, голод, болезнь родителей, болезнь почек у нее лично; и естественная моральная усталость[50]; Клавдия Никол<аевна> одна не может справиться: человек 50 *О<бщест>ва*, человек 15 вводительн<ого> кружка, человек 35-40 пред-вводительного кружка; и еще ряд лиц, – «*диких*», но как-то притянутых к нам; с душами, и особенно в такое тяжелое время, нужно *обхождение*; люди теперь ищут *Духа* по-иному; иные – потому, что смерть уставилась на нас (неизвестно, кто уцелеет до весны: голод, холод, болезнь); следовательно – вопрос о «*тайнах вечности и гроба*»[51] вплотную придвинут; это – вопрос конкретный теперь: вопрос *личный*; с *этим* идут к нам, с *этим* приходится считаться; на *это* приходится отвечать. А *мы* – сами ослабеваем.

В этом году на долю меня и Бориса Павловича выпала работа, которую вели Кл<авдия> Ник<олаевна> и Марг<арита> Вас<ильевна>. Борис Павлович – всегда честный Bekenner[**], а Марг<арита> Вас<ильевна> – Begeisterinn[***]. Нынешний год на мою долю выпало Begeisterung – просто как-то само собой; начал я с сентября курс, и вот не могу кончить: образовался кружок столь сериозный, интимный, схватившийся за то, что им подносишь, и буквально не отпускающий меня, ибо люди идут от холода и голода, сидят часы при температуре ниже нуля и все же говорят, что мои лекции будто бы дают им импульс бороться с холодом и голодом (разумеется, не *мои слова*, а тот материал *духовной науки*, который я им предлагаю); ну так вот: как бросить это *дело*? А ведь это *дело*: дело поддерживать людей в это страшное время пред лицом смерти (у того тот-то умер, у этого тот-то «*расстрелян*»; и каждый – «*на роковой стоит очереди*»[52]: холод, голод, болезни!); не *я* поддерживаю, а *слова о Духе*; *слов о Духе теперь нигде нет* (официально же они и не разрешены), а потребность в «дух<овной> пище» растет. И сериозная трудность: имею ли я право, оставаясь в России, сбежать с своего дела? Товарищески ли уклониться от круговой поруки, данной каждым сознательн<ым> антропософом друг другу: *в эти трудные годы не загасить огонька, зажженного от свечи дела Штейнера*. Когда закрывались границы (в 1914 году), в Москве было *несколько человек антропософов*: *для себя* (почти все видели Доктора, живали за границей); теперь – несколько десятков человек, никогда не видавших Доктора, в Москве; и кроме того, ряд кружков (маленьких центров), разбросанных здесь и там (в Карачеве, в Пензе, в Вятке и др. местах); наше дело, чтобы хотя бы в Москве искра от Дорнаха не угасла: если угаснет, несколько десятков человек просто не доберутся до Доктора. А Западу нужен Восток, как и Востоку – Запад.

4-ое). Но против Петербурга: мне есть смысл ехать к Асе; и даже – долг, ибо, может быть, она нуждается во мне; и в этом смысле я со страхом пока должен оставить маму; без этой веской причины мне страшно ее покинуть: она без денег, совершенно беспомощна, как ребенок (ей около 60 лет, а она – *пятилетняя девочка*, неприспособленная к жизни); а перетаскивать ее в Петербург – куда и на что? Жить же вместе мы не можем; но здесь в Москве я как бы одним глазом дозираю ее: и когда нужно, помогаю ей; все это – не то с момента моего отъезда.

Вот, видите ли, Разумник Васильевич? Сколько «*но*»; и «но» сериозных; но и «*за*» переезд ряд мотивов.

Всего в письме не расскажешь, а видеться и договориться, чувствую, как-то надо: может быть, победимы трудности переезда. Я бы приехал недели на 2, да – пере-

---

[*] *«Воодушевление» (нем.).*

[**] *Исповедник (нем.).*

[***] *Вдохновительница (нем.).*

езды такие трудные теперь; пока не знаю многих конкретностей Вашей жизни, Ваших планов и перспектив, боюсь как-то тронуться: оборвать курс, уехать от мамы, от О<б-щест>ва, теплой комнаты и т.д. и т.д.

Чувствую, что надо мне сериозно взвесить этот шаг; кроме того: в силу поставленных заданий (достать *maximum* денег и вырваться за границу) притянут к тому месту, откуда бы можно было с бо́льшим удобством тронуться в путь и – увы! – где более шансов заработать денег, или достать максимум аванса под что угодно – книгу, тело, душу... (только не Дух!). О, если бы Гржебин дал мне 50 000!![53]

———

Простите, дорогой Разумник Васильевич, что этими «алчными» думами я заканчиваю письмо! Но пора его кончать: оно и так растянулось; передаю его Сам<уилу> Мир<оновичу> Алянскому.

Остаюсь искренно преданный и любящий Вас

Борис Бугаев.

1-го декабря.

Дорогой Разумник Васильевич,

Меня осеняет мысль: может быть, устроаем курс моих лекций в Ассоциации в случае, если бы мне пришлось приехать на время: я бы мог прочесть курс лекций (от 5 до 7-ми), так сказать, залпом: под заглавиями: 1) Философия духовной культуры (одна тема), 2) Культура Духа (другой курс: он – интимнее). Мог бы, например, в течение недели читать каждый вечер; только тогда было бы желательно дни курса провести в Петрограде (если бы у кого-нибудь было помещение); провел бы после курса несколько деньков, если это Вас не затруднит, – у Вас; в общем прожил бы дней 10-12; мы бы могли многое обговорить. Если возможно, черкните по этому поводу. Впрочем, спохватываюсь: это нелегко устроить – ни Вам, ни мне поспеть в срок, ибо проволочки разрешений на проезд и т.д., думаю, непреоборимы. Еще раз всего, всего лучшего. Варваре Николаевне мой сердечный привет. Привет Леве и Леночке[54].

Остаюсь любящий Вас Борис Бугаев.

1 Ответ на п.99.

2 Комментарий Иванова-Разумника: «В октябре 1919 года Царское (Детское) Село было на три дня занято войсками ген. Юденича» (Л.18).

3 См. п.96, примеч.18.

4 Этот переезд состоялся в сентябре 1919 г. Новый адрес Васильевых: Плющиха, д.53, кв.1 (на углу Долгого переулка). Комментарий Иванова-Разумника: «Тот самый “сырой подвал”, в котором предсмертно болел АБ в 1932–1933 гг.» (Л.18).

5 В октябре 1919 г. Белый переехал в Большой Конюшковский пер. (д.25, кв.3, близ Кудринской пл.) в квартиру Веры Александровны Жуковской (1885–1956), племянницы ученого-механика Н.Е.Жуковского. Белый вспоминает об этом в письме к А.Тургеневой от 11 ноября 1921 г.: «...я переехал к *тройным рамам* одной квартиры, где жила моя знакомая писательница В.А.Жуковская (бывшая хлыстовка и “*распутинка*”, а ныне нервная, капризная эфироманка, хотя – добрый человек). Она приютила меня вроде как из милости в комнате, имевшей лишь 2 шага в длину и 1 1/2 в ширину; комнату замазали, т.е. вентиляции в ней не было. Книги, рукописи лежали грудами на полу (не было ни шкафа, ни комода). Постель, стол, кресло и – все» (Воздушные пути. Альманах V. Нью-Йорк, 1967. С.305).

6 См. п.96, примеч.26. О своей работе в ноябре 1919 г. Белый пишет: «Продолжаю собирать материал по Музею. Читаю Карлейля, Тьера, Жореса (по истории фр<анцузской> революции) <...> чтение перегружает меня; кипы выписок, конспектов, регистров. Нигде не бываю; читаю с утра до́ ночи: прочитаны с сентября десятки книг; между прочим по средневековому инвентарю, по истории табакерок и т.д.» (*РД*. Л.101).

7 К активной работе над продолжением «Записок чудака» Белый не возвращался с ноября–декабря 1918 г.

8 Тяготы своей бытовой жизни в Москве в пору разрухи Белый в подробностях изобразил в письме к А.Тургеневой от 11 ноября 1921 г.; ср.: «Подумай, везде хвосты; Ты получаешь карточки на все, и должна следить за всем: когда выдаются спички, селедки, хлеб, папиросы; о дне выдачи опубликовывается в газетах; далее, узнав, Ты должна за получением 2 коробок

спичек, или 1/2 фунта хлеба вовремя занять место в очереди перед продовольственной лавкой; и иногда часами стоять на дожде, морозе и т.д.... Сегодня выдают спички, завтра 2 селедки, послезавтра 1/2 ф. хлеба и т.д. Из хвоста – в хвост. Подумай, а у меня по 6 заседаний в день <...>. Естественно, что я манкировал всюду: например узнал, что 20 огромных селедок выдают писателям, где-то на Мясницкой, в час, когда у меня было ответственное дело, – пропали селедки» и т.д. (Воздушные пути. Альманах V. С.304). См. также статью Белого «О духе России и "духе" в России» (Новая русская книга. 1922. №2. С.145-147).

[9] См. п.96, примеч.11. Чтение книги «О жизни» послужило Белому одним из основных стимулов к работе над философским очерком о Толстом, примыкавшем к его циклу «На перевале», – «Лев Толстой и культура сознания» (1920; *РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.81).

[10] Философская поэма Ф.Ницше «Так говорил Заратустра» (1883–1885) и древнеиндийская религиозно-философская поэма «Бхагавадгита» (III-II в. до н.э.), входящая в эпический свод «Махабхарата» (кн.6, гл.23-40).

[11] Эдмунд Гуссерль (Husserl; 1859–1938) – немецкий философ, основатель феноменологии. Г.Г.Шпет, с которым Белый часто виделся после возвращения в Россию, пропагандировал философию Гуссерля в московских интеллектуальных кругах.

[12] Имеются в виду интерпретации, предложенные Д.С.Мережковским в статье «Пушкин» (в его кн.: Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб., 1897), критическом исследовании «Л.Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия» (Т.I-II. СПб., 1901–1902), книге «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев» (Пг., И.Д.Сытин, 1915), романе «Антихрист. Петр и Алексей» (СПб., 1905), составившем третью часть трилогии «Христос и Антихрист».

[13] «Клопиные шкурки» – название статьи Иванова-Разумника, опубликованной в журнале «Заветы» (1913. №2. Отд.II. С.105-114) и позднее перепечатанной в его книге «Заветное. О культурной традиции» (Пб., 1922). В ней резко критически оценивалась деятельность Мережковского как одного из руководителей Религиозно-философского общества в Петербурге.

[14] Книга Иванова-Разумника «О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов» вышла в свет в Петербурге в 1908 г., вторым изданием – в 1910 г.

[15] Белый приводит первые две строфы стихотворения Р.Штейнера «Wintersonnenwende» (Steiner R. Wahrspruchworte. Dornach, 1969. S.73). Как вспоминает Белый, это стихотворение исполняла эвритмистка Татьяна Киселева в Дорнахе в 1914 г. во время встречи Рождества (*МБ*; Минувшее: Исторический альманах. Вып.8. С.423). В комментарии Иванов-Разумник дает свой перевод (Л.18):

Солнце, выгляни
В полуночный час:
Строй из камней
На безжизненной основе.
Так найди в закате
И в смертной ночи
Новое начало творения,
Молодую мощь утра.
(Руд.Штейнер).

[16] Стихотворение Штейнера (Steiner R. Wahrspruchworte. S.86); перевод Иванова-Разумника в комментарии (Л.18-18об.):

В твоей мысли живут мировые мысли,
В твоем чувстве ткут мировые силы,
В твоей воле действуют мировые существа.
Потеряй себя в мировых мыслях,
Воскресни в мировых силах,
Создай себя из волевых существ.
Не замыкай себя далями мира,
Мыслительной игрою грез – – –,
Зачни себя в просторах духа
И завершись в своих душевных глубинах,
Тогда обретешь цели богов,
Познав себя в себе.

Белый цитирует это стихотворение Штейнера в статье «Круговое движение (Сорок две арабески)» (Труды и Дни. 1912. №4/5. С.72) и в подробностях разбирает его структуру (отмечая ассонансы, аллитерации, внутренние рифмы, симметрию слов) в письме к Э.К.Метнеру от 22 сентября 1913 г.: «Вот пример инструментовки; равны ей только мировые памятники литературы <...> тут подлинные чары древней рунической поэзии» (*РГБ*. Ф.167. Карт.3. Ед.хр.16).

[17] Комментарий Иванова-Разумника к приводимой ниже схеме: «Вставленное в ломаных скобках “Wollen” принадлежит редактору, как несомненно пропущенное АБ» (Л.18об.).

[18] «Испытание души» (первая постановка – 17 августа 1911 г.) – вторая мистерия-драма Р.Штейнера; далее приводятся цитаты из нее (см.: Steiner R. Vier Mysteriendramen. Dornach, 1956. S.157-158, 161-162).

[19] Перевод Иванова-Разумника в комментарии (Л.18об.).:

Слишком... слишком – –
Где Капезий?
Я бегу к вам,
Вы, неведомые силы...
Где Капезий,
Где я – я сам?
Бенедикт (*входит*)
Мне ведомо стало,
Что вы желаете со мною говорить;
Вот и искал я вас в вашем доме.

[20] Перевод Иванова-Разумника в комментарии (Л.18об.-19):

Вряд ли вы могли бы
Найти меня в худшем положении.
Бенедикт
От меня не скрыто,
Что я нашел вас в жизненной борьбе.
Я знал уже давно,
Что мы так встретиться должны.
Приучайтесь менять смысл некоторых слов,
Чтобы мы могли вполне понять друг друга.
И не удивляйтесь в таком случае,
Если ваша скорбь на моем языке
Должна изменить свое имя.
– – – – – – – – – – – –
Я нахожу вас в счастьи.

[21] Перевод Иванова-Разумника в комментарии (Л.19):

Загадочный вопрос этот решится,
Когда вы с бодрствующим духовным оком
Поставите себя перед теми чудесными вещами,
Которые скоро должны встретиться на вашем пути.
Я вижу вас вызванным к испытанию
Силами судьбы и духа.

[22] Видимо, имеется в виду книга французского археолога и искусствоведа Жюля Лабарта (Labarte, 1797–1880) «Recherches sur la peinture en émail dans l’antiquité et au moyen âge» (Paris, 1856).

[23] «Монитёр» – французская правительственная газета, издававшаяся с 1789 по 1868 г. Ср. записи Белого о ноябре 1919 г.: «...читаю от доски до доски “Moniteur” с осени 1792 года; прочитываю с октября 1792-ой год и часть 1793 года, отовсюду вылавливая свои материалы» (*РД*. Л.101).

[24] Максимильен Робеспьер (Robespierre, 1758–1794) – один из руководителей якобинцев, фактически возглавил революционное правительство в период якобинской диктатуры (1793–1794).

[25] В регистрационном перечне «Себе на память» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.96) Белый указал четырнадцать лекций курса «Антропософия», прочитанных с сентября по декабрь 1919 г. («Курс для интересующихся при Антропософском Обществе»). См.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. С.480.

[26] Кружок Б.П.Григорова, собиравшийся в Антропософском обществе по субботам (см.: Там же. С.473; Жемчужникова М.Н. Воспоминания о Московском Антропософском обществе (1917-23 гг.) // Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. С.15-16).

[27] Имеется в виду «Вольная Академия Духовной Культуры», образованная по инициативе Н.А.Бердяева и действовавшая под его председательством в 1919–1922 гг. (устраивались курсы лекций, семинары, публичные собрания с прениями). См.: Бердяев Н. Собр. соч. Т.1. Самопознание (опыт философской автобиографии). Paris, 1989. С.276-277. Белый отмечает в записях о ноябре 1919 г.: «Начинаю бывать у Бердяева», «Прения у Бердяева в связи с организацией “*Академии дух<овной> культуры*”» (*РД*. Л.101).

[28] Густав Густавович Шпетт (Шпет, 1879–1937) – философ, переводчик; с 1918 г. профессор Московского университета, вице-президент Российской академии художественных наук (РАХН, впоследствии ГАХН) в 1923–1929 гг. О его деятельности в первые пореволюционные годы см.: Поливанов М.К. Очерк биографии Г.Г.Шпета // Лица: Биографический альманах. Т.1. М.; СПб., 1992. С.25-29.

[29] Федор Августович Степпун (Степун, 1884–1965) – философ, историк, социолог культуры, прозаик; выслан за границу советским правительством в 1922 г. См. его воспоминания о деятельности «Вольной Академии Духовной Культуры» (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Т.II. С.272-281).

[30] Г.И.Чулков в то время работал в ТЕО Наркомпроса, в «Вольной Академии Духовной Культуры» читал лекции о Достоевском.

[31] Петр Демьянович Успенский (1878–1947) – теософ (ушел из Русского Теософского Общества в 1914 г.), философ «гиперпространства», последователь Г.И.Гурджиева; с 1921 г. в эмиграции. Автор книг «Четвертое измерение. Опыт исследования области неизмеримого» (СПб., 1910), «Tertium Organum. Ключ к загадкам мира» (СПб., 1911) и др.

[32] Павел Павлович Муратов (1881–1950) – прозаик, искусствовед, переводчик; в 1918 г. один из учредителей и лекторов Института итальянской культуры в Москве (Studio Italiano). О венецианской живописи писал в 1-м томе своей книги «Образы Италии» (см.: Муратов П.П. Образы Италии. М., 1994. С.8-27).

[33] Белый прочел две лекции из этого курса в январе 1920 г., перед отъездом в Петроград; ср. его записи: «”Философия духовной культуры” 1-ая. “Философия духовной культуры" 2-ая. Начало предполагаемого моего курса в “*Ак<адемии> Дух<овной> Культуры*"» (*РД*. Л.102); «*1920 год*. Начало года: 1) принимаю участие в орган<изации> "*Академии Дух<овной> Культуры*"»; читаю там 2 лекции» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. С.485).

[34] Павел Александрович Флоренский (1882–1937) – священник, религиозный философ, мыслитель-энциклопедист (филолог, математик, физик, искусствовед); в 1900-е гг. был в духовно близких отношениях с Белым (см.: Из наследия П.А.Флоренского. К истории отношений с Андреем Белым / Подготовка текста игумена Андроника (А.С.Трубачева), О.С.Никитиной, С.З.Трубачева, П.В.Флоренского, Е.В.Ивановой, Л.А.Ильюниной. Вступ. статья и комментарии Е.В.Ивановой и Л.А.Ильюниной // Контекст–1991. Литературно-теоретические исследования. М., 1991. С.3-99). Раздел «Платонизм и христианство» обозначен в авторском плане (1917) задуманных глав труда Флоренского «У водоразделов мысли» (гл.III, «Из истории возникновения платонизма»); см.: Игумен Андроник (Трубачев А.С.). Антроподицея священника Павла Флоренского // Флоренский П.А. [Соч.] Т.2. У водоразделов мысли. М., 1990. С.356.

[35] Владимир Оттонович Нилендер (1883–1965) – филолог-классик, переводчик; состоял в дружеских отношениях с Белым с середины 1900-х гг.

[36] Отец Владимир Абрикосов (1880–1966) – из старообрядческой семьи, перешел в католичество в 1909 г. в Париже, стал священником (восточного обряда) в 1917 г. в Петрограде; выслан в 1922 г. вместе с другими философами и религиозными деятелями. Умер в Париже. О нем см.: Иванова Л.В. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992. С.394; Трубецкой С.Е., кн. Минувшее. М., 1991. С.315.

[37] Самуил Миронович Алянский (1891–1974) – издательский работник, владелец издательства «Алконост» (1918–1923), издававшего «Записки Мечтателей» и выпустившего в свет несколько книг Белого. См.: Белов С.В. Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С.М.Алянского. Л., 1979; Алянский С. Встречи с Александром Блоком. М., 1972. С.50-53.

[38] Имеется в виду Вольная Философская Ассоциация, первое открытое заседание которой состоялось 16 ноября 1919 г. (на нем выступил А.А.Блок с докладом «Крушение гуманизма», а также Иванов-Разумник, Конст.Эрберг и А.З.Штейнберг в кратких сообщениях рассказали о задачах и организационных принципах Ассоциации); председателем Совета «Вольфилы» был избран Андрей Белый, товарищем председателя – Иванов-Разумник.

[39] Театральный отдел Наркомпроса. Предполагаемая служба Белого в этом учреждении была связана, по всей вероятности, с проектом учреждения Института театральных знаний. См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С.57-59.

[40] Подразумевается чтение лекций в Антропософском обществе.

[41] Вероятно, имеется в виду курс лекций «Философия духовной культуры» (см. выше, примеч.33).

[42] Соломон Юльевич Копельман (1881–1944) – совладелец и главный редактор издательства «Шиповник» (после 1917 г. перебазировавшегося в Москву). В записях Белого об августе

1919 г. сообщается: «Встречи с Копельманом; продаю ему собрание сочинений»; в декабре того же года эта договоренность была расторгнута: «...освобождаюсь от Копельмана, чтобы закабалиться у Гржебина» (*РД*. Л.100, 101об.; о несостоявшемся Собрании сочинений Андрея Белого в Издательстве З.И.Гржебина см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С.65-69).

[43] Подразумевается квартира Васильевых (см. выше, примеч.4).

[44] Комментарий Иванова-Разумника: «Речь снова идет о Вячесл. Иванове <...> Вяч.Иванов уехал не в Туркестан, а в Баку <...>» (Л.19). Вяч.Иванов, однако, уехал с семьей в Баку только осенью 1920 г. Возможно, Белый перепутал его с поэтом (впоследствии – историческим романистом) Всеволодом Никаноровичем Ивановым (1888–1971), уехавшим в это время на юг (в 1922–1945 гг. жившим в Китае).

[45] Среда – 3 декабря. В записях о декабре 1919 г. Белый отмечает: «Луначарский содействует моей заграничной поездке»; январь 1920 г.: «Этот месяц – какой-то кувырк: 1) намечается возможность отъезда за границу; Луначарский – способствует <...> бываю и у Луначарского и в Наркоминделе» (*РД*. Л.101об.). 4 января 1920 г. Белый, обращаясь с аналогичным ходатайством к М.Горькому, уведомлял: «На днях Анатолий Васильевич Луначарский обещал мне содействие в получении разрешения на выезд из России <...> тревога за жену, тоска по ней настолько сильны, что я, заручившись содействием Луначарского, решил преодолеть все трудности, чтобы пробраться к жене» (*Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.293).

[46] Те же планы относительно «Записок чудака» и других примыкающих к ним произведений «эпопейного» цикла «Я» Белый развивает в недатированном письме к С.М.Алянскому, относящемся к тому же времени: «Увы, Россия меня доканчивает: прирезывает без остатка; я намерен во имя того, что чрез Меня *не мною* может быть сказано, спасаться: бежать из России; оттого я намерен остаток сил предпринять для собирания денег и выискивания возможностей при первом возможном случае уехать за границу в нормальные условия жизни – к Асе и *себе самому* <...> к началу 30-х годов (через 10 лет) я должен написать ряд томов "*Я*", дабы были высечены ступени в сознаниях к Тому, *Что свершится* в человечестве сперва около 933-го года, потом 954-ый год будет решителен для судеб России и мира. <...> Если в 1920 году не уеду за границу, в 1921 году ни Бугаева, ни Белого, ни "*Я*" уже не будет <...>» (*РГАЛИ*. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.14).

[47] Георгий Васильевич Чичерин (1872–1936) – член РСДРП с 1905 г., народный комиссар иностранных дел в 1918–1930 гг.

[48] Аналогичные доводы Белый приводит в цитированном письме к Алянскому: «...мне удобнее – остаться в Москве и не переехать в Петроград, ибо в Москве больше шансов хлопотать у властей о выезде или отправке меня за границу <...>».

[49] Михаил Павлович Столяров (1888–1937) – философ, литератор; член совета московского Антропософского общества, позднее помощник председателя (Белого) в Совете московского отделения «Вольфилы», член-корреспондент ГАХН.

[50] См. главку «Вынужденный антракт», в которой М.В.Сабашникова описывает обстоятельства своей жизни зимой 1919–1920 гг. (Волошина М. (Сабашникова М.В.) Зеленая Змея. История одной жизни. М., 1993. С.274-278).

[51] Формулировка из заключительных строк чернового окончания («Я вижу в праздности, в неистовых пирах...») стихотворения А.С.Пушкина «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...», 1828) в текстологической редакции П.О.Морозова: «И оба говорят мне мертвым языком / О тайнах вечности и гроба!..» (Пушкин А.С. Сочинения и письма. Под ред. П.О.Морозова. Т.2. СПб., 1903. С.74. В «академическом» издании Пушкина – иное воспроизведение текста; см.: Пушкин. Полн. собр. соч. Т.3. Ч.2. [Л.], 1949. С.655).

[52] Обыгрывается строка «На роковой стою очереди» из стихотворения Ф.И.Тютчева «Брат, столько лет сопутствовавший мне...» (1870).

[53] См. выше, примеч.42. Зиновий Исаевич Гржебин (1877–1929) – художник-график, издатель, совладелец (совместно с С.Ю.Копельманом) издательства «Шиповник»; в 1919 г. основал в Петрограде (с филиалами в Москве, позднее в Берлине) издательство собственного имени (см.: Гржебина Е. З.И.Гржебин – издатель (По документам и воспоминаниям его дочери) // Опыты (Пб.; Париж). 1994. №1. С.177-206; Хлебников Л.М. Из истории горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З.И.Гржебина» // *ЛН*. Т.80. В.И.Ленин и А.В.Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., 1971. С.668-703). Договор с издательством З.И.Гржебина на издание своего Собрания сочинений Белый заключил 28 января 1920 г.; ср. запись Белого о декабре 1919 г.: «Веду переговоры с Гржебиным» (*РД*. Л.101об.).

[54] Ошибка Белого; подразумевается: Иночке, т.е. И.Р.Ивановой.

101. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
1919 г.?

Дорогой Глубоколюбимый Разумник Васильевич,
Пожалуйста, окажите возможное содействие товарищу Тегеру, имеющему полномочия организовать Вятский Нар<одный> Университет. Он – человек оригинальных, левых убеждений, человек оригинальный и очень культурный. Надеюсь на всяческое содействие Вас ему.

Жду Вас очень в Москву[1].

Борис Бугаев.

[1] Комментарий Иванова-Разумника: «Фраза не дает ключа к датировке этого письма АБ. По справке выяснилось, что Е.К.Тегер был в Вятке в 1919 году» (Л.19). Не располагая дополнительными сведениями, которые позволили бы уточнить эту предполагаемую датировку, мы условно относим, вслед за Ивановым-Разумником, это письмо к 1919 г.

102. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
16 января 1920 г. Петроград[1].

16 янв. 1920 г.

Милый и дорогой Борис Николаевич, –
большое Ваше письмо получил в декабре с «оказией», написал Вам в ответ целое громадное послание[2] и все ждал такой же «оказии». Но сегодня – только два слова о деле:

1) «Податель сего», Мих<аил> Конст<антинович> Лемке, может в две минуты устроить Вашу командировку из Москвы в Спб и обратно[3].

2) В Питере ждут Вас с нетерпением. «Дом Искусств»[4] объявил уже Вашу лекцию на 26 янв<аря>, а наша общая «Вольфила» («Вольная Философская Ассоциация») открыла запись на 2 Ваши курса[5]. Это Вам обеспечивает около 8-10 тысяч рублей. Читать можете залпом: ежедневно по вечерам, с 5 до 9 часов на выбор. Записалось много народа.

3) Остановиться придется Вам в «Доме Искусства» (там тепло и сытно и люди там теплые) – так как из Царского Села ездить ежедневно невозможно. Но мне было бы очень грустно, если бы Вы уехали надолго обратно, не прожив у нас в Царском Селе хоть несколько деньков – «нахкура»[6], как говорит мой знакомый доктор. У нас тоже тепло, будете тоже сыты, одна беда – свет, керосиновый и лампадный. Но разговорам он не помешает.

4) Как председатель «Вольфилы» Вы *непременно* должны в *воскресенье днем* прочесть доклад, – о чем хотите. Раз Вы уже читали (простите за смелость: за Вас читал я Ваш «Кризис культуры»)[7]. Хорошо, если б можно было Вам приехать в Питер в пятницу 23-го янв<аря>, приехать с вещами прямо в Царское Село (поезда: 12 ч. 30 м. дня, 5 ч. 25 м. и 6 ч. 20 м. вечера – больше подходящих нет), а в воскресенье 25-го выступили бы в «Вольфиле»[8]. А 26-го – в «Доме Искусств».

О времени приезда и темах – черкните с «подателем сего».

5) Есть еще масса дел – и очень срочных; Вам необходимо быть в Петербурге по делам издательским и финансовым. Но об этом – лично. Пока же – обнимаю Вас и с искренней радостью ожидаю.

Ваш Разумник Иванов.

[1] Ответ на п.100.

[2] Текст этого письма неизвестен.

[3] М.К.Лемке в это время входил в Группу петроградской левой профессуры (так наз. красных профессоров), был членом редколлегии Госиздата и соредактором журнала «Книга и Революция» (1920-1921), одним из учредителей Общества изучения освободительного движения в России. См.: Новая русская книга. 1921. №1. С.25.

[4] Дом Искусств («Диск»), общежитие и клуб писателей и художников (1919–1922 гг.), находился в бывшем особняке купцов Елисеевых на углу Невского пр. и набережной Мойки (Мойка, д.59); описан во многих произведениях: «Шуба» О.Мандельштама (1922), «Сентиментальное путешествие» В.Шкловского (1924), «Сумасшедший корабль» Ольги Форш (1929) и др.

[5] Сохранилось объявление о записи на курсы лекций Андрея Белого «Философия духовной культуры» и «Культура духа» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.8. Л.11). Белый начал читать в «Вольфиле» в марте 1920 г. два лекционных курса – «Культура мысли» и «Ритмика» (шесть лекций курса «Культура мысли» он прочел также в январе–феврале 1921 г. в московском Дворце искусств); кроме того, с 15 мая по 20 июня 1920 г. Белый прочел в «Вольфиле» третий курс лекций – «Антропософия как путь познания».

[6] Nachkur (*нем.*) – отдых после курса лечения.

[7] Чтение доклада Андрея Белого «Кризис культуры» состоялось 21 декабря 1919 г., на 6-м открытом заседании «Вольфилы» (повестка – *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.8. Л.6, 7).

[8] Сохранилась повестка 11-го открытого заседания «Вольфилы», назначенного на воскресенье 25 января 1920 г.; в программе значилось: «Доклад Андрея Белого. В случае неприезда Андрея Белого из Москвы вместо открытого заседания состоится общее собрание членов-соревнователей ВФА по организационным вопросам» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.8. Л.62). Белый к указанному дню в Петроград не приехал.

103. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
19 февраля 1920 г. Петроград[1].

Дорогой Разумник Васильевич,

Третьего дня приехал[2]: специально – читать курс в *В.Ф.А.*[3]; но ни вчера, ни третьего дня никого не встретил; лишь вчера от Пяста узнал Ваш адрес[4]. Буду сегодня часа в 4; буду ужасно рад много, много с Вами говорить; остановился в «Доме Искусств» (наверху – над лекционными комнатами). Завтра и в субботу вечером – не дома: дома – завтра и послезавтра до 2-х. Мне важно скорейшим темпом прочесть мой курс лекций на *6-5*, ибо к началу марта должен быть в Москве. В понедельник читаю в «Доме Искусств». С воскресенья готов читать ежедневно (– понедельник)[5]. Обнимаю Вас.

Борис Бугаев.

[1] На конверте надписи: «Письмо А.Белого», «февраль 1920».

[2] 17 февраля.

[3] См. примеч.5 к п.102.

[4] Подразумевается, видимо, адрес квартиры Василия Александровича Иванова, которую посещал Иванов-Разумник в дни своих приездов в Петроград. Вл.Пяст жил в это время в «Доме Искусств» (см. мемуарный очерк В.Ф.Ходасевича «Диск» (1939): Ходасевич Вл. Колеблемый треножник: Избранное. М., 1991. С.418-420).

[5] Комментарий Иванова-Разумника: «Письмо датируется на основании его содержания: “завтра и в субботу вечером” – следовательно “сегодня” четверг; “третьего дня” – вторник. В феврале 1920 года вторники были – 3, 10, 17, 24 числа. “В понедельник читаю в 'Доме Искусств'”: эта лекция АБ была 23 февраля (последние слова письма “– понедельник” читаются: “минус понедельник”). АБ сообщает, что должен “скорейшим темпом” прочесть в ВФА “6-5 лекций” (эти лекции читались каждый день), “ибо к началу марта должен быть в Москве”. Лекции в ВФА были прочитаны 22-29 февраля. Все это позволяет точно датировать приезд АБ в Петроград 17-м февраля, а настоящее письмо – 19-м февраля. – Вместо “начала марта” АБ вернулся в Москву лишь в начале июля, увлеченный работой в ВФА» (Л.19). Ср. записи Белого о конце февраля 1920 г.: «“Что есть описание переживаний”, моя беседа-семинарий в студии литер<атурной> ленингр<адского> “Дома Искусств”. Живу в “Доме Искусств”: с головой погружаюсь в дела “Вольфилы”. Об этих делах и заботах нас можно написать том; предел сложности жизни; 5 месяцев живу в рое людей: ни писать, ни читать книг нельзя; заседаем, организуем, читаем лекции, председательствуем» (*РД*. Л.102об.). 29 февраля 1920 г. Белый председательствовал на 16-м открытом заседании «Вольфилы», посвященном докладу Иванова-Разумника «Скиф в Европе» (его текст – *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.123); вечером того же дня участвовал в заседании Совета «Вольфилы».

104. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
20 марта 1920 г.

20/III 1920.

Дорогой Борис Николаевич, –
не видал Вас со вторника[1] – и соскучился без Вас; когда-то на отдых к нам в Царское (ныне Детское) Село?

Завтра – «Беседа», и я буду у Вас между 12<-ю> и 1 ч. дня. Но вот в чем дело: предупрежден ли Горький?[2] Если – нет, то необходимо сделать это сегодня или завтра. Голубчик Борис Николаевич, – не смогли ли бы Вы *сегодня после лекции*[3] зайти к Горькому, справившись о том, дома ли он и можно ли к нему зайти – по телефону? (2-12-68). А если не сегодня, то, может быть, *завтра до заседания*, часов в 12, Вы зайдете за ним и приведете с собой?

Забочусь об этом потому, что стенографистка найдена и мы издадим отдельной брошюрой «Беседу о пролетарской культуре»[4]; поэтому речь Горького очень нужна, как altera pars* большинства других речей.

А если бы Вы знали, какая погода за городом! Как верба распустилась, как хрустят в парке ледяные корочки на лужах!

До завтра; обнимаю сердечно.

Ваш Разумник Иванов.

[1] Во вторник 16 марта Белый читал в «Вольфиле» четвертую лекцию курса «Культура мысли» (*РД.* Л.103).

[2] Имеется в виду «Беседа о пролетарской культуре», которой было посвящено 19-е открытое заседание «Вольфилы», состоявшееся 21 марта 1920 г. в Зимнем дворце. Ср. запись Белого: «Март 21. Председательствую на диспуте “Пролетарская культура” и прин<имаю> участие в прениях. Зимний дворец. В.Ф.А.» (Себе на память // *РГАЛИ.* Ф.53. Оп.1. Ед.хр.96. Л.11об.; см. также: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С.41-43). Стенографический отчет этого заседания опубликован Е.В.Ивановой (Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле // De Visu. 1993. №7(8). С.5-27). В «беседе» принимали участие, кроме Белого и Иванова-Разумника, А.А.Мейер, Н.Н.Пунин, В.Б.Шкловский, К.С.Петров-Водкин, А.А.Гизетти, П.П.Гайдебуров, А.С.Лурье, А.З.Штейнберг, К.Эрберг, Чертков (возможно, Д.К.Чертков), Э.З.Гурлянд-Эльяшева и А.И.Маширов-Самобытник. М.Горький на заседании не был, хотя и дал свое предварительное согласие на участие в «беседе»; см. письмо Иванова-Разумника к Блоку от 15 марта 1920 г. (*ЛН.* Т.92. Кн.2. С.412-413) и письма Андрея Белого к М.Горькому от 19 марта 1920 г. и недатированное (относящееся к концу марта – началу апреля 1920 г.), в первом из них Белый напоминает о «любезном согласии принять участие в прениях и беседе на тему “О пролетарской культуре”»: «Совет очень надеется на Ваше присутствие, просит меня Вам напомнить об этом» (Крюкова А. М.Горький и Андрей Белый. Из истории творческих отношений // *Андрей Белый. Проблемы творчества.* С.296).

[3] 20 марта Белый читал в «Вольфиле» 6-ую лекцию курса «Культура мысли» (*РД.* Л.103).

[4] В планах изданий «Вольфилы» значился сборник «О пролетарской культуре», в основу которого предполагалось положить стенографическую запись выступлений Андрея Белого, П.П.Гайдебурова, Р.В.Иванова-Разумника, А.С.Лурье, А.А.Мейера, К.С.Петрова-Водкина, Н.Н.Пунина, А.З.Штейнберга, К.Эрберга (*ИРЛИ.* Ф.79. Оп.5. Ед.хр.8. Л.68; De Visu. 1993. №7(8). С.7). Этот замысел не был осуществлен. Текст выступления Белого лег в основу его статьи «Прыжок в царство свободы», напечатанной в журнале «Знамя» (1920. №5(7). Стб.42-48); там же (Стб.37-42) была помещена статья Иванова-Разумника «Пролетарская культура и пролетарская цивилизация», основанная, в свою очередь, на его «вольфильском» выступлении.

105. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
23 марта 1920 г. Петроград.

23/III 1920.

Дорогой Борис Николаевич,
случилось так, что я не мог Вас повидать после 6 ч. вечера воскресенья – «Беседы о пролетарской культуре»[1]. Вчера и сегодня не зашел к Вам нарочно, чтобы дать Вам

* *Другая (противная) сторона (лат.).*

отдохнуть, но завтра хочу отнять у Вас часа 2 времени: совершенно необходимо «Вольфиле» сговориться о последующем. Буду у Вас *завтра, в среду, около 1 ч. дня*, а пока – сердечно обнимаю и желаю отдыха и покоя.

Ваш Разумник Иванов.

P.S. Более чем когда-либо уверен в удаче Ваших заграничных планов[2]; буду на днях говорить об этом с возвращающимся из Москвы Кристи[3].

ИР.

[1] См. п.104, примеч.2.

[2] См. п.100, примеч.45.

[3] Михаил Петрович Кристи (1875–1956) – уполномоченный Наркомпроса и заведующий высшими учебными заведениями Петрограда. В обзорной статье «Литература и наука в советской России» Борис Соколов пишет о нем: «М.Кристи – комиссар над учеными и высшими учебными заведениями Петрограда – только исполнитель повелений сверху» (Родная земля. Сб.2. Нью-Иорк, 1921. С.60). А.З.Штейнберг сообщает о Кристи: «...личный большой друг Луначарского <...>, который, кажется, даже и не был социалистом. Родом он был из бессарабских помещиков, типичный российский интеллигент, помогавший в годы эмиграции материально Луначарскому подготовиться к посту министра народного просвещения в будущем революционном правительстве» (Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. С.34). См. о нем также в очерке В.Ф.Ходасевича «Гумилев и Блок» (Ходасевич Вл. Колеблемый треножник. С.325-326) и в воспоминаниях Н.И.Гаген-Торн «Вольфила: Вольно-Философская Ассоциация в Ленинграде в 1920–1922 гг.» (Вопросы философии. 1990. №4. С.102. Публикация Г.Ю.Гаген-Торн). Кристи оказывал содействие в организационных делах «Вольфилы». Конст.Эрберг в справке о Кристи отмечает: «Хоть он и симпатизировал Вольфиле, но часто повторял: "Вольфила – это один из моих грехов"» (*ИРЛИ*. Ф.474. Ед.хр.53. Л.78).

106. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
Первая декада июля 1920 г. Петроград.

Дорогой и глубокоуважаемый Разумник Васильевич,

Обращаюсь к Вам с нижайшей покорною просьбой; в случае моего отсутствия из России прошу очень Вас заменить меня в общем обзоре порядка следования материала, предоставленного К<нигоиздательст>ву З.И.Гржебина[1]. Я бы был Вам глубоко признателен, если бы Вы при выходе моих книг проверяли порядок и расположения заглавий статей, рассказов и т.д. в книгах, печатаемых «И<здатель>ством Гржебина». Я оставляю «*И<здатель>ству*» опись материала с указанием книг и страниц; прошу очень Вас, чтобы Вы перед выходом моих книг проверяли порядок расположения материала. Для этого оставляю Вам указатель материала, подобный оставленному мной З.И.Гржебину.

Заранее глубоко благодарен Вам.

Остаюсь глубоко уважающий Вас и преданный Борис Бугаев (Андрей Белый).

Петроград. Июль. 1920 года.

P.S. Издательству З.И.Гржебина оставлены мной предисловия ко вторым изданиям «Золота в Лазури», «Пепла», «Кубка Метелей», «Символизма», «Арабесок», «Луга Зеленого», «Лирики и Эсперимента».

Приложение к официальному письму к Р.В.Иванову.
Издание сочинений А.Белого по томам, или книгам[2].

1-ый том. «*Симфонии*»

1-ая.
2-ая.
3-ья. «Возврат».

2-ой том. «Кубок Метелей». С предисловием ко второму изданию.

a) «Кубок Метелей»
b) Рассказы
 1) «Световая сказка»
 2) «Иог»

3) «В горах»[3]
4) «Адам»
5) «Куст»
6) «Человек»
7) Рассказ из сборника «Свободная совесть»[4]

3-ий том. «Золото в лазури». С предисловием ко второму изданию.
a) «Золото в Лазури»
b) «Пришедший»
c) «Пасть Ночи»

4-ый том. «Пепел». С предисловием ко второму изданию.

5-ый том. «Звезда над Урной».
a) «Урна»
b) «Рыцари и королевна»
c) «Звезда»
d) «Христос Воскресе»

6-ой том. «Серебряный Голубь».

7-ой том. «Петербург». По сокращенному тексту[5].

8-ой том. «Путевые заметки».

9-ый том. «Котик Летаев».
«Возвращение на родину» (предисловие к «Эпопее»)[6].

10-ый том. «Эпопея». 1-ый том.

11 том. «Эпопея». 2-ой том.

12 том. «Эпопея». 3-ий том[7].

13 том. «Символизм».

Статьи «Символизма» сопровождаются соответственными комментариями, приложенными непосредственно к каждой статье. Часть материала – из «Арабесок», одна статья – из «Луга Зеленого».

1) Предисловие к первому изданию
2) Предисловие ко второму изданию
3) «Проблема Культуры»
4) «Философия Культуры» (текст в «Ассоциации»).
5) «Культура Мысли» (текст будет дан в «Ассоциацию»)[8].
6) «О научном догматизме»
7) «Критицизм и Символизм»
8) «О границах психологии»
9) «Эмблематика смысла»
10) «Формы искусства»
11) «Принцип формы в эстетике»
12) «Смысл Искусства»
13) «Искусство». Перепечатать из «Арабесок», <с.> 211-219.
14) «Будущее искусства»
15) «Символизм». Перепечатать из «Луга Зеленого».
16) *Наброски о Символизме* (перепечатать из «Арабесок», стр.241-318).
a) «Символизм»
b) «Символизм и школа в искусстве» } текст из «*Трудов и дней*»[9]
c) «Еще о школе символизма»
d) «Детская свистулька»
e) «Теория или старая баба»
f) «Realiora»
g) «О Целесообразности»

Том 14-ый. «Арабески»
1) Предисл<овие> к первому изданию
2) Предисловие ко второму изданию
3) «Кризис Сознания и Генрик Ибсен»
4) «Символизм, как миропонимание»
5) «Пророк безличия»
6) «Театр и современная драма»
7) «Символический театр»

8) «Песнь жизни»
9) «Фридрих Ницше»
10) «О Теургии» (из «Нового Пути» за 1903 год)
11) «Ибсен и Достоевский»
12) «Лев Толстой и культура» (текст в «Ассоциации»)[10]
13) «Священные цвета»
14) «Маска»
15) «Окно в будущее»
16) «Химеры» } тексты в «Весах» за 1905 год.
17) «Сфинкс» }
18) «Феникс»
19) «На Перевале» (<с.> 241-384)
  a) «Бодлер»
  b) «Итоги развития русского искусства»
  c) «Отцы и дети русского Символизма»
  d) «Место анархических теорий»
  e) «Генрик Ибсен»
  f) «Вейнингер»
  g) «Распад»
  h) «Слово правды»
  i) «Искусство и мистерия»
  k) «Литератор прежде и теперь»
  l) «Художник оскорбителям»
  m) «Левое устремление»
  n) «Sanctus amor»
  o) «Кинематограф»
  p) «Город»
  r) «О пианстве словесном»
  s) «Мюнхен»
  t) «Розовые гирлянды»
  u) «Метнер»
  x) «Жемчуг жизни»
  y) «Радужный город»

Т<ом> 15-ый. «Луг Зеленый».
1) Предисловие к 1-ому изданию
2) “ “ ко 2-ому изданию
3) «Трагедия творчества» (из брошюры)[11].
4) «Лев Толстой и культура» (оттиск из сборника «Путь»)[12]
5) Ряд статей книги «Луг Зеленый» без статьи «Символизм»
6) О писателях (перепечатать отдел из книги «Арабески» – стр.387-501)
7) «Александр Блок» (если успею написать эту статью, то пришлю в Издательство Гржебина)[13].

Том 16-ый. «Кризис Сознания».
a) «Кризис жизни»
b) «Кризис мысли»
c) «Кризис культуры»
d) «Alter Ego»[14]
e) «Революция и Культура» (отдельная статья).
f) «Дневник Писателя» (из №№ «Записок Мечтателя» все дневники).
h) «Песнь Солнценосцев» (из «Скифов»).
i) «Глоссолалия» (поэма о звуке). (Напечатать лишь в том случае, если том выйдет после июля 1923 года: текст статьи с рисунками у Н.А.Оцупа или Н.С.Гумилева)[15].

Том 17. «Лирика и эксперимент». (Из «Символизма» все статьи от стр.231-448 и комментарии от стр.567-633. Первой статьей следует статья «Магия слов»).
Том XVIII. «О поэтическом смысле»[16].
Том XIX. «Рудольф Штейнер и Гете».
Том XX. «Антропософия» (будет написана)[17].

[1] Речь идет о неосуществленном Собрании сочинений Андрея Белого в 20 томах; договор на это издание Белый заключил с Издательством З.И.Гржебина 28 января 1920 г., передал в издательство тексты томов 1-7, 13-17, 19 (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С.65). План этого Собрания сочинений приведен в обзоре К.Н.Бугаевой, А.С.Петровского, Д.М.Пинеса «Литературное наследство Андрея Белого» (*ЛН*. Т.27/28. С.576); существенных отличий от приводимого ниже плана он не имеет (формулировка содержания томов 19 и 20 – «Статьи по истории культуры» – дана в обзоре, безусловно, по цензурным соображениям).

[2] Библиографические сведения о перечисляемых ниже книгах и отдельных произведениях Белого см. в его библиографии, составленной Н.Г.Захаренко и В.В.Серебряковой, в кн.: Русские советские писатели. Поэты. Биобиблиографический указатель. Т.3. Ч.1. М., 1979. С.114-153. Мелкие неточности, допускаемые Белым в перечне заглавий, в комментарии не оговариваются.

[3] Имеется в виду рассказ «Горная владычица» (Перевал. 1907. №12. С.20-25). Белый перепутал название рассказа с названием стихотворения «На горах» из книги «Золото в лазури».

[4] Имеется в виду рассказ «Мы ждем его возвращения» (Свободная совесть. Литературно-философский сборник. Кн.1. М., 1906. С.160-163).

[5] Речь идет о сокращенной редакции «Петербурга», подготовленной Белым в 1919 г. для Книгоиздательства Писателей в Москве. Экземпляр «сиринского» издания романа с авторской правкой для этого несостоявшегося издания сохранился в собрании И.С.Зильберштейна. См.: Долгополов Л.К. Творческая история и историко-литературное значение романа А.Белого «Петербург» // *Петербург*. С.576. В недатированном письме к В.О.Нилендеру Белый указывает: «В Книгоиздательстве Писателей находится экземпляр "*Петербурга*" с сокращениями автора. Книгоиздательство, буде оно не будет в состоянии выпустить до июля 23 года, должно вернуть экземпляр туда, куда я ему укажу (в данном случае в Книгоиздательство Гржебина)» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.123).

[6] Подразумеваются «Записки чудака», опубликованные в «Записках Мечтателей» (1919. №1. С.11-71; 1921. №2/3. С.7-95) под заглавием «"Я". Эпопея. Т.1. Записки чудака. Ч.1. Возвращение на родину». См. также: Андрей Белый. Возвращение на родину (Отрывки из повести). М., Книгоиздательство Писателей в Москве, 1922.

[7] Замысел «Эпопеи» в указываемом объеме не был осуществлен. Сообщая в письме к Е.Г.Лундбергу от 25 апреля 1921 г. о своих хлопотах с целью выезда за границу, Белый отмечал: «Еду работать над "*Эпопеей*" (10-томная серия романов)» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.121).

[8] Комментарий Иванова-Разумника: «стенограммы этих курсов АБ в ВФА сохранились у ИР» (Л.19об.). Доклад «Философия культуры», прочитанный Белым 24 января 1920 г. в московском Дворце искусств, опубликован Э.И.Чистяковой в кн.: Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1987. М., 1987. С.225-248; см. также: Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.311-326.

[9] В журнале «Труды и Дни» были опубликованы две статьи Белого под заглавием «О символизме» (1912. №1. С.10-24; №2. С.1-7), а также ряд других его статей, заглавия которых с приводимыми здесь не соотносятся.

[10] Иванов-Разумник отмечает в комментарии, что текст этого произведения был у него, и добавляет: «Настоящая статья является расширенным вариантом статьи 4 в томе 15-ом» (Л.19об.), т.е. статьи «Лев Толстой и культура», опубликованной в сб. «О религии Льва Толстого» (М., «Путь», 1912. С.142-171). С докладом «Лев Толстой и культура» Белый выступил 14 марта 1920 г. в «Вольфиле» (афиша заседания приводится в воспоминаниях Н.И.Гаген-Торн // Вопросы философии. 1990. №4. С.102). Описывая свою жизнь в Москве во второй половине июля 1920 г., Белый сообщает: «...по ночам читаю Льва Толстого и готовлюсь к переработке статьи в особую книжечку "Лев Толстой и Культура"» (*РД*. Л.105об.). Перечисляя сделанное им в России за годы революции (в отделе «Писатели» в берлинском журнале «Новая Русская Книга» – 1922. №1), Белый указывает: «Работа о "Толстом" (небольшая): рукопись этой работы у меня взял латвийский издатель для напечатания в Латвии; и взявши, исчез бесследно с нею (копии у меня не оказалось, – по условиям русской жизни я не мог позволить себе роскоши копировать написанное» (С.39-40). В доверенности, выданной в Берлине 12 января 1922 г. А.М.Ремизову и К.Ф.Залиту на ведение дел о его пропавших рукописях, Белый сообщал, что в феврале 1921 г. он отдал «представителю Латвийского издательства» (через М.А.Осоргина) несколько своих произведений для опубликования в Латвии: «...он взял у меня <...> рукопись (unicum) исследования "Лев Толстой и Культура" (от 4-х до 5-ти печатных листов). Он обещался в течение 2-х месяцев издать мою рукопись о Толстом и стихи "Звезда". <...> С тех пор прошло 10 месяцев; мы, москвичи, не имели никакого сведения о забранных у нас рукописях»; к тексту доверенности имеется приписка Ремизова: «Рукописи пропали бес-

следно с чемоданом, а кто его перевозил, сгинул и сыскать невозможно: такого имени нет и не было ни в Риге и нигде» (*РГАЛИ*. Ф.420. Оп.4. Ед.хр.40). В архиве Белого, однако, сохранилась рукопись его философского очерка «Лев Толстой и культура сознания» (см. примеч.9 к п.100).

[11] Подразумевается брошюра Андрея Белого «Трагедия творчества. Достоевский и Толстой» (М., «Мусагет», 1911).

[12] Имеется в виду сб.2 издательства «Путь» – «О религии Льва Толстого» (см. примеч.10).

[13] Как отмечает Иванов-Разумник в комментарии, «статья не была написана» (Л.19об.).

[14] Комментарий Иванова-Разумника: «"Alter Ego" – не заглавие статьи, а подпись под статьей "Утопия", впоследствии напечатанной в №2-3 журнала "Записки Мечтателей"» (Л.19об.). Этот номер вышел в свет в мае 1921 г.

[15] По-видимому, Н.С.Гумилев пользовался текстом «Глоссолалии» в своей «поэтической студии», в занятиях которой принимал участие молодой поэт Николай Авдеевич Оцуп (1894–1958). Гумилев представил Белому Оцупа у себя дома 30 апреля 1920 г. (см.: Степанов Е. Николай Гумилев. Хроника // Гумилев Н. Соч. В 3 т. М., 1991. Т.3. С.416). Указываемый временной срок связан с условиями договора Белого с Издательством З.И.Гржебина: «До 1-го июля 1923 г. Бугаеву предоставляется право издать сочинения: 1. Серебряный голубь, 2. Петербург и 3. Путевые заметки – через Книгоиздательство Писателей в Москве, 4. О поэтическом смысле – через издательство "Полярная звезда"» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С.66).

[16] В плане Собрания сочинений, предложенном Издательству З.И.Гржебина, Белый указал: «*Том восемнадцатый*: "О поэтическом смысле". (Книга лежит в рукописи в Книгоиздательстве "Полярная Звезда" у А.М.Эфроса: ее можно печатать с июля 1923 года)» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.103. Л.7). В перечне своих произведений, написанных до отъезда в 1921 г. в Берлин, Белый называет «книгу "*О поэтическом смысле*" (рукопись осталась в России)» (Новая Русская Книга. 1922. №1. С.39). Сохранился договор с «Лито» Наркомпроса, согласно которому Белый должен был представить к 1 августа 1922 г. книгу «О поэтическом смысле» в объеме 25 печ. л. (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.341. Договор скреплен подписями Белого и А.С.Серафимовича – заведующего Отделом). Книга Белого под таким заглавием издана не была; возможно, что в нее входили его статья «Жезл Аарона (О слове в поэзии)» и статьи, позднее составившие его книгу «Поэзия слова» (Пб., «Эпоха», 1922).

[17] В «гржебинском» плане Собрания сочинений Белый указывает: «*Том двадцатый*: "*Антропософия, как путь самопознания*" (этот том будет написан в ближайших годах)» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.103. Л.8). Как одну из форм осуществления этого замысла можно рассматривать исследование «История становления самосознающей души», над которым Белый работал в 1926 и в 1931 г.

107. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
17 июля 1920 г. Москва[1].

Москва. 17 июля.

Дорогой Разумник Васильевич!

Вот я опять живу в Москве[2]; Москва – душна, полна народу, грязи, пыли; мостовая расковырена, а люди расхлябаны, студии культурных учреждений пустуют; «Дворец Искусств» устраивает диспуты в театре «*Зон*»; на последнем диспуте «*Преемственность Культур*» было до 1000 человек народу[3] (очевидно, они взяли пример с «*Вольфилы*», но до чего дух... не вольфильский!); публика – сера, малокультурна сравнительно с Петроградом; всюду – Луначарский, который говорит много, красиво, с успехом на какие угодно темы; на вышепоставленную в программе тему говорили: В.Иванов, Луначарский, я, Эйснер[4], и... и... и... профессор Лавров... о резцах, бивнях, мастерских природы вплоть до желудка (всё темы известные!)[5]; председательствует... Рачинский (?!) – как же быть без него? В Москве ведь было всегда только 2 председателя: Брюсов и Рачинский; в Комитетах, Кружке, Эстетике, Думе и где угодно вплоть до «кухонной комиссии» какого-нибудь Клуба – Брюсов[6]; там, где надо было наддать «бум-бум», – там председательствовал Рачинский (на философских, религиозных и прочих достойных собраниях)[7]; словом – в Москве искони было два типа заседаний: под лозунгом «Караул» и под лозунгом «Ай-люли»; на «*караульных*» собраниях пред-

седательствовал Брюсов, на «*ай-люлийных*» – Рачинский; так и ныне: Григорий Алексеевич 3 года крепился-крепился-крепился; и «*ай-люли*» возглавлялось не им; теперь наконец занял он свое прежнее место: несменяемого председателя; он – председательствует, а «*нарком*»[8] говорит. Гром аплодисментов! Где неприятности, сухости, колкости, там – Брюсов; где – «ай-люли», там Рачинский («ай-люли» может быть разное: «*Урим и Туним*», «*Дикирий и Трикирий*», «*Тарарабумбия*»[9], «*Шиллера столетний юбилей*»). Сидит седой председатель Религиозно-философского общества, всю зиму просидевший в тюрьме[10], и руководит собранием: «Слово предоставляется товарищу Луначарскому!» И – нарком говорит. Гром аплодисментов! Урим и Туним, Дикирий и Трикирий? Верней – III Интернационал. И все это уже понимают: опять никто иной председательствовать не может, кроме Рачинского, бессменного председателя чествований, встреч; приезжает Коген – профессора отказываются чествовать Когена (Университет искони его ненавидел); тогда выбирают Рачинского: он председательствует[11]; он председательствует и на докладах Евгения Трубецкого[12], и на встрече Москвою Матиса[13]; выбирают патриархом Тихона[14]: Урим и Туним! Скорей за Рачинским!! Луначарский выступает на каждом диспуте «Дворца Искусств». Гром аплодисментов! Скорей за Рачинским! Где Рачинский? В тюрьме... Как же так! Ему надо председательствовать! Отрешимся от старого мира![15] Радуйся Невеста Неневестная! Свете Тихий![16] Ура! И – Рачинский председательствует; и «*наркому*» это приятно, и публике приятно: *осанистый, седой, опытный председатель* от «***всей Москвы***». И Вячеславу Иванову приятно: «*Аа, Григорий Алексеевич, – наконец-то встретились*!» И Рукавишникову приятно: «Что? А мы скажем Рачинскому! Пошлем за Рачинским! Рачинский!..» И мне приятно... Во «*Дворце Искусств*» (в домовой церкви) служит отец Богданов[17] (московская знаменитость, духовидец, про которого говорят, что он что-то уж слишком быстро и нервно бегает вокруг престола над Чашей – точно скачет: соблазн! Говорят, – что он бесов изгоняет и своих адептов заставляет каждый день причастие принимать); он служит; церковка, полная народу, поет; Рачинский – тут же, конечно: подтягивает: «Радуйся... Третий Интер... Что я?.. Невеста Неневестная!.. Свете Тихий...» Бедный старик!

Говорят, что Бердяев нахмурился; и – совсем уединился. «*Академия Духовной Культуры*»[18] – остановилась почти, замирает: Григоров на нее ропщет, Рачинскому некогда – «Дворец Искусств»! Шпетт – профессор, Степпуна – нет[19]. Остается – Грифцов[20]: кажется, он – единственная опора Академии.

В Антропософском О<бщест>ве – мало народу, но – живо и бойко; по вторникам – собрания для членов, по средам – «Кружок Мистерий», по четвергам – «беседы» для всех желающих; желающих не более 15<-ти> человек, но народ – милый; руководителей – до 4-х! И – опытных. Мне было досадно: у меня в кружке («*вольфильском*») было до 80<-ти> присутствующих, а я – один; а вопросы – назревали; на последнем четверге[21] было 15 человек «*интересующихся*»: им был предложен великолепный реферат М.П.Столярова; на вопросы отвечали: я, Маргарита Васильевна[22], Григоров, К.Н.Васильева и Столяров! Я думал: какая-то роскошь! На 15 человек 5 руководителей, из которых каждого хватило бы на кружок. Какая-то ненормальность есть в неумении собрать людей; интересующихся проблемами Духа – сотни, тысячи, десятки тысяч: в Москве, в Петербурге, в провинции; 5 опытных руководителей для одного кружочка: есть тут что-то ненормальное! И это – стиль Москвы: ни афиш, ни лекций, ни помещений, ни инициативы.

Вот я разроптался; а все-таки – «Московское Антропософское О<бщест>во» живо.

Уговариваю М.В.Сабашн<ико>ву ехать в «Вольфилу»: она и хочет; но какая-то неподвижная: связана Москвой по рукам и по ногам. Столяров в Москве: переезжает из Пензы; если бы я поехал в Дорнах, то *он лучше всего* заменил бы меня; он – прекрасный лектор (в хорошем смысле слова!); и очень – «*антропософ-философ*». Но, кажется, я вернусь.

Мои дела были бы в блестящем виде (Луначарский дает командировку: она – дана уже), если бы не... 2-ой зарез (мне не везет!)[23]. Каменев сказал: «*Если Бальмонт обманет, то не выпустим ни одного писателя, ни одного интеллигента*»[24]. А уже появилось, говорят, *ужасное* интервью: Луначарский посылает в Ревель курьера расследовать это дело; может быть, Бальмонт не повинен; если же он нарушил слово,

то – *я даже не пойду в Комиссариат*, где уже имеется протокол о моей командировке. Тогда сам отказываюсь ехать.

Не везет мне! Сперва зарезал Мережковский[25]; потом *таки дали мне командировку*, а я не знал и сидел в Петрограде[26]; и никто не уведомил меня из Москвы; *я бы мог уехать до Бальмонта*! Теперь, накануне быстрого движения дела – второй зарез: Бальмонт! Слишком горько! Спасаюсь иронией, чтобы не сказать словами «*Пепла*»:

Я понял все. Мне все равно.
Я не боюсь: мой разум – ясен[27].

Если, действительно, и Бальмонт оказался нелойяльным, а за Бальмонта поручились как бы все писатели, то – стыдно, стыдно до боли. Не пойду ни к кому хлопотать: не хочу, чтобы меня унизили! Черт возьми и заграницу и «*Эпопею*»[28], и все, что дорого. Тут не случайность, а «*диавольская насмешка*» – судьбы ли, Господа Бога ли? Ну – пусть:

Я понял все. Мне все равно.

Нет, да не будет такое настроение: думается мне, что скоро вернусь в «*Вольфилу*», если Бальмонт – зарезал; и проситься не стану!! На месте властей я бы не выпустил сам себя!!!

Дорогой Разумник Васильевич, обнимаю Вас. Сердечный привет Аарону Захаровичу, Козьме Сергеевичу, Конст<антину> Александровичу[29]; и «*милым*» сердцу моему «*Вольфильцам*»; чую я сердцем, что скоро увидимся; может быть, вернусь уже с Лигским[30].

Остаюсь искренне любящий и преданный Вам Борис Бугаев.

Варваре Николаевне и детям привет! Адрес: Москва. Поварская (близ Кудр<инской> площади). «Дворец Искусств».

[1] На конверте (без марки) надпись: «Разумнику Васильевичу Иванову. В Вольно-Философскую Ассоциацию (от А.Белого)»; карандашная помета Иванова-Разумника: «1920 17–VII».

[2] Белый вернулся из Петербурга в Москву 10 июля: «Приехав в Москву, попадаю в разгром к Жуковским; часть материалов по “истории коллекций” прислугой растащена; я – беспризорен. Рукавишников перетаскивает меня жить во “Дворец Искусств”. Живу там на юру <...>» (*РД*. Л.105об.).

[3] В регистре Белого «Себе на память» записано: «Июль 14 “Преемственность культур”. Публ<ичное> введение в диспуте. Театр “Зон”» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.96. Л.11).

[4] Владимир Владимирович Эйснер летом 1920 г. участвовал в работе возглавлявшегося Белым Историко-Археологического отдела «Дворца Искусств»; в числе других там предполагалось его выступление на тему «Египет и Вавилон» (см.: *РГАЛИ*. Ф.53. Оп.2. Ед.хр.31. Л.1, 10-12). О В.В.Эйснере Белый высказывается в письме к Б.П.Григорову от 1 октября 1921 г. (Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. С.477).

[5] Комментарий Иванова-Разумника: «Проф. Н.С.Лавров, автор вышедшей позднее книги “Фордизм”, выступал в петроградской ВФА с докладами» (Л.19об.; имеется в виду кн.: Лавров Н.С. Генри Форд и его производство. Л., 1926). 25 апреля 1920 г. в «Вольфиле» состоялся доклад Николая Степановича Лаврова «Философия труда в производственном процессе» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.1. Л.8).

[6] В.Я.Брюсов был членом литературной комиссии Московского Литературно-художественного кружка с сентября 1902 г., председателем дирекции Кружка – с 1908 г., с 1906 г. – одним из руководителей «Общества Свободной Эстетики» – московского литературно-художественного объединения, включавшего в основном представителей творческой интеллигенции модернистской ориентации и поклонников «нового искусства» (см.: *МДР*. С.194-219); общественно-организационная деятельность Брюсова особенно активизировалась в пореволюционные годы: в 1917–1919 гг. он возглавлял Комитет по регистрации печати (с января 1918 г. – Московское отделение Российской книжной палаты), в 1918–1919 гг. заведовал Московским библиотечным отделом при Наркомпросе, с января 1919 по февраль 1921 г. был председателем Президиума Всероссийского Союза Поэтов и т.д.

[7] Г.А.Рачинский был одним из руководителей «Общества Свободной Эстетики» и председателем Московского Религиозно-философского общества. С июля 1920 г. Белый вместе с ним участвовал в работе «Дворца Искусств»: «...меня делают членом Совета (раз в неделю заседаем: я, Рукавишников, Рачинский, Мейчик и не помню кто из художников); мне поручают

там организовать “Археолог<ический> Отдел”, которого председателем я состою и веду заседания (я, Рукавишников, В.М.Викентьев, Рачинский, Эйснер, Бороздина, еще кто-то)» (*РД*. Л.105об.). Первое заседание Историко-Археологического отдела, на котором Белый был избран заведующим отделом, состоялось 1 августа 1920 г. при участии Рачинского, И.С.Рукавишникова, Т.Н.Бороздиной, В.В.Эйснера и др. (см. протокол заседания, составленный Белым // *РГАЛИ*. Ф.53. Оп.2. Ед.хр.31. Л.1-5).

[8] А.В.Луначарский, народный комиссар просвещения в 1917–1929 гг.

[9] Урим и туммим (*евр*. – «свет и совершенство») – предметы на наперснике первосвященника, через которые давалось откровение воли Божией (Исх. XXVIII, 28-30, Лев. VIII, 8 и др.). В мемуарах Белый вспоминает о Рачинском: «...и слышалось: – “Первосвященник, надев – Урим-Туним... Ба́ра берешит... Бэт харец...” – сыпал текстами: по-итальянски, еврейски, немецки, по-русски» (*НВ*. С.108). Дикирий – подсвечник о 2-х свечах, употребляющийся при архиерейском богослужении. Трикирий – трисвечник, символизирующий троичность лиц в Боге, которым архиерей благословляет народ. «Тарарабумбия» – запев песенки («Тарарабумбия, / Сижу на тумбе я, / И горько плачу я, / Что мало значу я» – восходит, видимо, к популярному «гимну» шансонеток из парижского кафе-ресторана Максима: «Tha ma ra boum dié!»), повторяемый Чебутыкиным, персонажем драмы А.П.Чехова «Три сестры» (1901). См.: Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Соч. В 18 т. Т.13. М., 1978. С.174, 176, 187, 188, 466 (комментарий И.Ю.Твердохлебова).

[10] Г.А.Рачинский был арестован по так наз. делу «церковников» – как член Московского Совета объединенных приходов, возглавлявшегося А.Д.Самариным; процесс по этому делу состоялся 11-16 января 1920 г. См.: Солженицын А. Архипелаг ГУЛаг. Т.I-II. Paris, 1973. С.327-330; Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М.Е.Губонин. М., 1994. С.241. Дело в отношении Рачинского было прекращено, осуждению он не подвергся.

[11] Герман Коген (Cohen, 1842–1918) – немецкий философ, глава марбургской школы неокантианства. Коген выступал в Москве 1 мая 1914 г. в Большой аудитории Политехнического музея с лекцией «Этическое содержание еврейской религии»; его немецкий биограф отмечает, что Когена тогда приветствовал «видный философ Рачинский» (Kinkel Walter. Hermann Cohen. Eine Einführung in sein Werk. Stuttgart, 1924. S.93). На следующий день после лекции в честь Когена был устроен обед в доме С.И.Щукина. В хроникальной заметке «Чествование Герм. Когена» сообщалось: «Присутствовали на обеде многие представители московских философских Обществ и Общества распространения правильных знаний о евреях <...> произнес речь Г.А.Рачинский, говоривший от имени Религиозно-философского общества. Он между прочим подчеркнул, что только весеннее время и экзаменационная страда помешали этому обществу достойно почтить дорогого гостя устройством особого заседания» (Русские Ведомости. 1914. №101. 3 мая. С.6). В мемуарах Белый пишет о Рачинском: «Распевы о Гете, о Данте, о Канте и тучи цитат из “отцов” <...> перешли в председательствование, в приветствия – Брюсову, Герману Когену, Матиссу, Верхарну, Морису Дэни, Боборыкину» (*НВ*. С.110).

[12] Е.Н.Трубецкой регулярно выступал на заседаниях Религиозно-философского общества в Москве.

[13] Анри Матисс (Matisse, 1869–1954) – французский живописец, жил в Москве в особняке С.И.Щукина с 23 октября до начала ноября 1911 г.; Белый общался с ним в это время – в частности, 27 октября в «Обществе Свободной Эстетики». См.: *МДР*. С.198, 505; Русаков Ю.А. Матисс в России осенью 1911 года // Труды Гос. Эрмитажа. XIV. Л., 1973. С.167-184; Костеневич А., Семенова Н. Матисс в России. М., 1993. С.24-55.

[14] Митрополит Тихон (Василий Иванович Белавин, 1865–1925) был возведен на патриарший престол в Успенском соборе в Кремле 21 ноября 1917 г. (Поместный Собор Русской Православной Церкви восстановил патриаршество 28 октября 1917 г.).

[15] «Отречемся от старого мира!» – первая строка революционной «Новой песни» (1875) П.Л.Лаврова (ее распространенное название – «Рабочая Марсельеза»). См.: Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков. В 2-х т. («Библиотека поэта». Большая серия). Л., 1988. Т.2. С.190-191, 591-592 (примечания С.А.Рейсера). В период между Февральской революцией и Октябрьским переворотом была официальным русским гимном.

[16] Ср. свидетельства Белого о Рачинском, председательствовавшем на собраниях Религиозно-философского общества, в «Воспоминаниях о Блоке»: «...заседания были действенным священнодействием для него <...> торжественными аллелуями он снаряжал корабль странствия заседания; и – торжественно закрывал заседание; в каждом “*слове*” Рачинского был непременно какой-нибудь громкий возглас: “*Дориносима чинми*”, “*Святися, святися, Новый Иерусалим*”, “*В начале бе Слово*” и т.д. Заседания вел он прекрасно; но многие доброду-

шно посмеивались над торжественным тоном Рачинского <...>» (Эпопея. №4. Берлин, 1923. С.62).

[17] См. о нем в воспоминаниях о «Дворце Искусств» М.И.Миллиоти: «...у входа в лиловой рясе сидит самый настоящий священник – батюшка, о<тец> Александр, синеглазый и кроткий, и продает талончики не на тушу быка, а на скромную пшенную кашу, постный борщ и венец роскоши – воблу. <...> О<тец> Александр тоже живет во Дворце Искусств, он священник домовой церкви Е.Ф.Соллогуб, б<ывшей> владелицы этого дома» (Евстигнеева А.Л. Особняк на Поварской (Из истории Московского Дворца искусств) // Встречи с прошлым. Вып.8. М., 1996. С.128). Этот священник фигурирует и в повести Б.Пильняка «Иван-да-Марья» (1921), описывающей «Дворец Искусств»: «...во Дворце Искусств есть церковь – сердце <...> там у концертной залы и посейчас – поистине святой священник – служит Богу в домовой церкви, в черной череде умерших Соллогубов» (Пильняк Б. Иван-да-Марья. Смертельное манит. Рассказы. М., 1922. С.129-131).

[18] См. п.100, примеч.27.

[19] С лета 1919 г. Ф.А.Степун постоянно жил в Ивановке (под Москвой), имении родителей его жены.

[20] Борис Александрович Грифцов (1885–1950) – критик, искусствовед, литературовед, переводчик.

[21] Четверг – 15 июля. В регистре «Себе на память» Белый датировал этим днем лекцию в Антропософском обществе «Культуры и расы» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. С.480).

[22] М.В.Сабашникова.

[23] В письме к А.А.Тургеневой от 11 ноября 1921 г. Белый сообщал: «...я неустанно хлопотал о выезде. Меня не пустили в феврале 1920 года; потом в августе 1920 года не пустили вторично» (Воздушные пути. Альманах V. С.306).

[24] Лев Борисович Каменев (наст. фам. Розенфельд, 1883–1936), член Президиума ВЦИК, с октября 1918 г. был председателем Моссовета. К.Д.Бальмонт, получив разрешение временно выехать за границу в командировку, покинул Россию вместе с близкими в июне 1920 г., через Ревель и Берлин в августе 1920 г. приехал в Париж. 22 июля 1920 г. Бальмонт в письме из Ревеля к А.В.Луначарскому (содействовавшему его выезду) заверял в лояльности по отношению к советской власти (см.: *ЛН.* Т.80. В.И.Ленин и А.В.Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., 1971. С.210), однако одновременно в Москву поступали донесения о его антибольшевистских выступлениях. Л.В.Иванова (дочь Вяч.Иванова) пишет в этой связи: «Когда Луначарский выхлопатывал командировки Бальмонту и Вячеславу, он попросил их дать ему лично честное слово, что они, попав за границу, хотя бы в первые один или два года не будут выступать открыто против Советской власти. Он за них ручался. Они оба дали слово. Но Бальмонт, который выехал первым, как только попал в Ревель, резко выступил против Советской России. В результате этого выступления Бальмонта командировка Вячеслава была аннулирована» (Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. Paris, 1990. С.86). В докладном письме к В.И.Ленину от 22 июля 1920 г. Луначарский писал по поводу ходатайства М.П.Арцыбашева об отъезде за границу: «Если Вам угодно в данном случае взять на себя ответственность, то я буду последним, кто стал бы протестовать против отъезда Арцыбашева. Но после скандала с Бальмонтом <...> я начинаю дуть на воду» (*ЛН.* Т.80. С.207).

[25] Д.С.Мережковский, З.Н.Гиппиус и Д.В.Философов 24 декабря 1919 г. покинули Петроград и через Бобруйск и Минск, нелегально перейдя российско-польскую границу, добрались до Варшавы, где затем оказывали содействие Б.В.Савинкову в организации антисоветской вооруженной борьбы.

[26] Речь идет о возможности отъезда за границу, которая представилась Белому в Москве в марте 1920 г. (в Петрограде он жил с 17 февраля по 9 июля); Александра Чеботаревская писала об этом 1 апреля 1920 г. Анастасии Чеботаревской из Москвы: «О выезде за границу я слышала, что здесь хлопотали и получили разрешение выехать А.Белый (первый по счету) <...> Разрешение на выезд за границу А.Белому достал <...> И.С.Рукавишников; т<ак> к<ак> Белый сам хотя и много ходил, но по своей истеричности больше портил себе, чем двигал дело вперед» (*ИРЛИ.* Ф.289. Оп.5. Ед.хр.310).

[27] Белый цитирует свое стихотворение «В темнице» (1907). См.: Андрей Белый. Пепел. Стихи. СПб., 1909. С.173.

[28] См. примеч.6, 7 к п.106.

[29] А.З.Штейнберг, К.С.Петров-Водкин, К.Эрберг.

[30] Константин Андреевич Лигский (1882–1930; дата кончины сообщена Д.И.Зубаревым) – член Антропософского общества, участвовал в постройке Гетеанума; некоторое время в 1914 г.

проживал в одной квартире с Белым (см.: *МБ*; Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. С.399-400, 404, 415; Вып.8. С.410, 425). О нем Белый позднее писал в заявлении в ОГПУ (1931): «...дорнахский антропософ, с которым я работал по резной скульптуре в 1915–1916 годах, Константин Андреевич Лигский, с момента революции бросает работу, является в Россию, становится членом Комм<унистической> Партии с 1918 года, ведет видную работу в ленинградском Отделе Управления; и до смерти остается верным Советским работником (консул в Варшаве, Токио, Афинах)» (Из «секретных» фондов в СССР / Публикация Дж.Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып.12. Paris, 1991. С.359). Биографические сведения о себе Лигский сообщает в письме к С.А.Венгерову от 21 августа 1917 г.: «По образованию я только бывший студент Военно-Медицинск<ой> Академии. Гимназию окончил в г.Верном. Был один год на юридическом факультете в Москве. Медицинской Академии не окончил, п<отому> ч<то> был арестован и по ст.126, II ч., за принадлежность к партии С.Р., Военно-окружным судом приговорен был к каторжным работам. О том, что я за человек <...>, мог бы дать Вам самые подробные сведения Г.А.Лопатин, который меня знает довольно хорошо. Знает меня немного <...> и В.Л.Бурцев» (*ИРЛИ*. Ф.377. Оп.6. Ед.хр.2152; см. также: Волошина М. (Сабашникова М.В.). Зеленая Змея. С.281-287). Арестован Лигский был в конце 1906 г., сослан на Нерчинскую каторгу; бежал с поселения в Баргузине по льду Байкала, после чего 7 лет провел в эмиграции (см.: Старр Л. Умер Костя Лигский // Каторга и ссылка. 1931. Кн.8/9. С.232-233). За границей сблизился с А.В.Амфитеатровым, который опубликовал его беллетризованный очерк «Via dolorosa», написанный по впечатлениям каторжного этапа (см.: Энергия. Сб.2. СПб., 1914. С.173-187); вместе с сыном Амфитеатрова В.А.Амфитеатровым (Кадашевым) перевел на русский язык «Сатирикон» Петрония (перевод остался неопубликованным; см.: *ЛН*. Т.95. Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М., 1988. С.388, 547). 12 мая 1914 г. А.В.Амфитеатров сообщил Г.А.Лопатину, что Лигский «уезжает <...> куда-то строить теософские храмы» (Там же. С.885) – т.е. в Дорнах. После 1917 г. работал в отряде ВЧК на Карельском фронте, с 1920 г. – в Наркомате иностранных дел (Управляющий делами Уполномоченного Народного Комиссариата по Иностранным делам в Петрограде).

108. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
19 сентября 1920 г. Петроград[1].

19/IX 1920 г.

Дорогой и милый Борис Николаевич –

пишу Вам спешно, несколько строк – председательствуя в «Вольфиле» на докладе Гарта «О смысле жизни»[2] (того самого, который еще в марте приносил нам с Вами тезисы этого доклада!). А потому толком ничего не сумею сказать (слежу за оппонентами!). Скажу только, что Вольфила живет и развивается, что Вас очень и очень недостает, что молодые вольфильцы очень Вас помнят и вспоминают, что я по-прежнему уверен в Вашем осеннем отъезде dahin[3], и что утешаюсь тем, что, уезжая туда, Вы проедете мимо нас[4]. Нагромоздив эти «что» – должен кончать, ибо оппоненты многочисленны и шумливы.

Крепко обнимаю Вас. Устал я очень, без отдыха все лето «вольфильствовал» – на заседаниях, в двух кружках[5], читал лекции, а работать по-настоящему не мог.

Привет Вам от всей моей маленькой семьи – и от большой семьи вольфильской. Напишу Вам большое письмо (часть его давно написана и лежит в ожидании конца). Напишите о себе, а пока – обнимаю Вас еще раз и крепко целую.

Сердечно Ваш

Разумник Иванов.

[1] В архиве Андрея Белого текст этого письма отсутствует. Печатается по машинописной копии, приводимой в комментарии Иванова-Разумника (Л.20).

[2] Гарт (наст. имя Самуил Соломонович Зусман, 1880 – не ранее 1937) – публицист; в прошлом – издатель журнала «Луч» (1907. №1, 2), в котором участвовали писатели-символисты (см.: *ЛН*. Т.92. Кн.4. С.403-404). См. о нем статью Л.А.Шилова в кн.: Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т.1. Императорская Публичная библиотека. 1795–1917. СПб., 1995. С.226-228. Доклад Гарта «О смысле жизни» состоялся 19 сентября 1920 г. на 43-м открытом заседании «Вольфилы» в 2 ч. дня (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.1. Л.25).

[3] Усеченная цитата из стихотворения Гете «Песня Миньоны»: «Dahin, dahin, wo die Zitronen blühen» (*нем.* – «Туда, туда, где цветут лимоны»); подразумевается стремление в далекие желанные края.

[4] Подразумевается предполагаемый выезд за границу через Эстонию (Ревель).

[5] В июле – сентябре 1920 г. Иванов-Разумник вел в «Вольфиле» по понедельникам кружок «Философия культуры», по четвергам – кружок «Критическая история современной литературы» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.1. Л.14).

109. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
14 ноября 1920 г. Петроград.

14 – XI – 1920. Спб.

Милый и дорогой Борис Николаевич, –
совсем разучился я писать письма: столько раз начинал писать к Вам, а написать всегда надо было так много, что дальше начала дело не шло. А сегодня пишу кратко, т<ак> к<ак> все деловое «вольфильское» передаст Вам устно Влад<имир> Вас<ильевич>[1], командируемый Вольфилой, чтобы привезти из Москвы в Питер своего председателя.

Приезжайте, приезжайте – сто раз писал я Вам это, пишу сегодня в сто первый раз. Не знаю Ваших московских дел, но знаю по московским «Известиям», что Вы читаете много лекций[2], значит – не работаете над «Эпопеей». Больно мне думать об этом и чувствовать свое бессилие помочь, но думаю, что условия работы в Петербурге будут для Вас не труднее, а легче. Воскресенье – «Вольфила»; кружок в ней – еще один день, лекции в (глупейшем, правда) «Институте Живого Слова» – еще день[3]; это даст средства для жизни, а Кристи сказал мне, что со дня приезда в Питер Вы будете получать «писательский паек»[4] (подлое слово, чтоб черт приснился тому, кто его выдумал). Четыре остальные дня в неделю – Ваши; комната, теплая, светлая и совершенно изолированная – устроена; остается только приехать. Полгода Вы уже в Москве – и не думаю, чтобы она дала Вам много.

Впрочем, во мне говорит здесь Вольфильский патриотизм. Неделю тому назад мы торжественно справили годовщину Вольфилы (тема – «Платон», речи трех ученых профессоров и трех вольфильцев)[5], впереди много работы, и Вы сами знаете, какое удовлетворение она дает. И если уж суждено Вам ждать у моря погоды – пока Комиссариат разверзнет для Вас окно в Европу, – то пусть лучше это будет действительно у моря, а не в сухопутной и правительствующей Москве. А если Вы все равно читаете лекции, то отчего читать их не в Вольфиле и не для Вольфилы?

Этим кончаю; кучу подробностей расскажет Вам «податель сего письма»[6], а мы здесь будем ждать Вашего скорого приезда, чтобы с новыми силами взяться за новую работу. Знаете ли Вы, что Вольфила организует «*Всероссийский съезд философов*»[7] (причем «философ» здесь – и Лосский[8], и Клюев, и Бердяев, и Блок) – собственно говоря, «съезд интеллигенции», российской Clarté?[9] Приезжайте, будем устраивать вместе.

Обнимаю Вас сердечно. От всех моих – привет.

Ваш Разумник Иванов.

P.S. Прямо с вокзала – в свою комнату: Чернышев пер., д.20, кв.50; Ваше житье там уже заранее устроено.

[1] Владимир Васильевич Бакрылов (1893–1922) – журналист, революционный деятель; в 1918 г. был назначен правительственным комиссаром государственных театров, в октябре 1918 г. – секретарь Репертуарной секции ТЕО Наркомпроса; секретарь Вольной Философской Ассоциации со времени ее основания. А.З.Штейнберг пишет о Бакрылове: «...человек большой инициативы, из народа, прошедший огонь и воду и медные трубы. <...> Был он молчаливым, очень активным, но главным образом решительным человеком» (Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. С.46). Иванов-Разумник приводит биографические сведения о Бакрылове в статье о нем (Владимир Васильевич Бакрылов // Каторга и ссылка. 1926. Кн.28/29 (№7/8). С.306-308. Подпись: И.-Р.; подготовительные рукописи: *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.35; Оп.4. Ед.хр.6). В ней

сообщается, что в 1911 г., в Вологде (откуда он родом), Бакрылов организовал «Революционный союз молодежи» и устроил подпольную типографию. Работа продолжалась до марта 1913 г., после чего Бакрылов был арестован, провел год одиночного заключения в Петербурге и затем отправлен в ссылку на «вечное поселение» в Сибирь (село Тельма, под Иркутском). В 1916 г. поселился в Иркутске, публиковал статьи в местном журнале (под псевдонимом Б.А.Крылов). Летом 1917 г. стал секретарем Е.К.Брешко-Брешковской, сопровождал ее в агитационных поездках по России, но еще до Октябрьского переворота порвал с ней и примкнул к партии левых эсеров. Результатом изучения теории и истории театрального искусства стало подготовленное Бакрыловым издание народной драмы о царе Максимилиане (Комедия о Царе Максимилиане и непокорном сыне его Адольфе. Свод Вл.Бакрылова. М., Гос. изд-во, 1921), вышедшее в свет с предисловием Иванова-Разумника («Максимилиан». – С.7-9).

[2] Имеются в виду сообщения о выступлениях Андрея Белого во «Дворце Искусств» на темы «Антропософия» (3 ноября), «Талант и общество» (5 ноября), «Рудольф Штейнер» (13 ноября). См.: Известия. 1920. №246. 3 ноября. С.2; №247. 4 ноября. С.2; № 255. 13 ноября. С.2. Ср. свидетельства Белого: «20-ый год – год максимального лекционного и общественного напряжения; никогда я так бешено не работал; если счесть лекции, рефераты, диспуты и заседания, в которых я принимал активнейшее участие, то сумма их составит: 163 активных общественно-лекционных занятых дней, т.е. через день и редко через два дня выступал там, здесь. Одних лекций мной прочтено за этот год: 71; председательствовал: 20 раз; участвовал в заседаниях 43 раза; выступал на диспутах в прениях 38 раз» (*РД*. Л.107).

[3] «Институт живого слова» был открыт в Петрограде в ноябре 1918 г. (ректор – В.Н.Всеволодский-Гернгросс); одним из его руководителей был К.Эрберг. В мае 1920 г. Белый участвовал в его организационном заседании (*РД*. Л.104); ср. свидетельства Белого в «Материалах к биографии»: «Принимаю участие в выработке плана занятий на осеннем семестре "*Института Живого Слова*", куда я приглашен в преподаватели (участие не состоялось за отъездом в Москву)» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. С.485; см. также: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С.58-61). В архиве Белого сохранилось несколько писем и извещений из «Института живого слова» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.196).

[4] М.П.Кристи входил в состав руководства Петроградской Комиссии по улучшению быта ученых (ПетроКУБУ), учрежденной 18 января 1920 г. (см.: Минц З.Г. А.М.Горький и КУБУ // Труды по русской и славянской филологии. XIII. Горьковский сборник. (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып.217). Тарту, 1968. С.183).

[5] В архиве Иванова-Разумника сохранилась повестка этого заседания: «Воскресенье, 7 ноября 1920 г., состоится первое годовое собрание (I открытое заседание). Платон. Речи и доклады: С.А.Аскольдов, А.В.Васильев, Ф.Ф.Зелинский, Л.П.Карсавин, Н.О.Лосский, Иванов-Разумник, А.З.Штейнберг, Конст.Эрберг. В 2 ч. дня. Демидов пер., 8а» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед. хр.1. Л.30).

[6] В.В.Бакрылов.

[7] Неосуществленная идея. Н.И.Гаген-Торн в мемуарном очерке «Вольфила: Вольно-Философская Ассоциация в Ленинграде в 1920–1922 гг.» свидетельствует: «Связи Вольфилы были очень широки. В архиве сохранился протокол собрания Организационного бюро по созыву первого всероссийского философского съезда (17 февраля 1921 г.). Составлена программа съезда, намечены секции гуманитарных, биологических и физико-математических наук» (Вопросы философии. 1990. №4. С.103). В записях об июле 1921 г. Белый вспоминает: «...приезд Штейнберга <в Детское Село. – *Ред.*> поднимает вопрос о философском съезде; сначала думали о поездке по России; потом это – "провалилось"» (*РД*. Л.110). А.З.Штейнберг свидетельствует, что решение не проводить «философский съезд» было принято в начале сентября 1921 г. после сообщения о расстреле ряда лиц по так наз. «таганцевскому делу»: «Я прочел это сообщение, и мне стало ясно: философский съезд не должен собираться – не время для этого! Вполне вероятно, что, если съезд состоится, всех его участников арестуют. <...> Иванов-Разумник, человек здравого рассудка, который еще раньше почувствовал утопию в этой идее, назвав ее маниловщиной, сказал: "Совершенно верно". Таким образом, Международный философский съезд, который должен был бы впервые собраться в России, – не состоялся» (Штейнберг А.З. Друзья моих ранних лет. С.72).

[8] Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) – философ, представитель интуитивизма и персонализма; выступал на 20-м открытом заседании «Вольфилы» 28 марта 1920 г. с докладом «Бог в системе органического миропонимания» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.1. Л.6), однако стать членом ассоциации отказался (см.: Лосский Н.О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. СПб., 1994. С.228-229). О «вольфильском» выступлении Лосского см.: Лосский Б.Н. Наша семья в пору лихолетия 1914–1922 годов // Минувшее: Исторический альманах. Вып.12. Paris, 1991. С.58-60.

[9] «Кларте» (*франц.* Clarté – ясность, свет) – первое международное «антиимпериалистическое» объединение писателей и деятелей культуры, созданное Анри Барбюсом в 1919 г. В состав Международного руководящего комитета «Кларте» вошли Барбюс, А.Франс, П.Вайян-Кутюрье, Г.Уэллс, Т.Гарди, Э.Синклер, В.Бласко Ибаньес и др.

110. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
1 декабря 1920 г. Москва.

Дорогой Разумник Васильевич,
не писал Вам целую вечность, потому что все в Москве было столь сложно для меня, что до октября не знал, что со мной будет: двинусь ли за границу, вернусь ли в Петроград, пока не выяснилось окончательно: надо до лета остаться в России с тем, чтобы написать Гржебину первый том «Эпопеи»[1]. Стало быть: остался писать; обстоятельства мне улыбнулись, и я вполне устроился для работы; живу под Москвой (при Москве, около Воробьевых гор) в уединении, в теплом тихом помещении у знакомых[2]; во всех отношениях я устроен и уже написал: 1) новый «*Кризис*», 2) 12 печатных листов «Эпопеи» (всего 16 печатных листов за 2 1/2 месяца)[3]; вся обстановка – рабочая; окрестности безлюдны и живописны; почти нигде не служу; раз в неделю читаю в Лит<ературном> Отделе, чтобы числиться на службе[4]. Но приходится содержать себя и маму; поэтому читаю лекции (лекций 3 в месяц), которые мне дают от 50 до 60 тысяч в месяц; имея паек, это все, что мне нужно; я имею возможность дней по 4 не просовываться в Москву и никого не видеть; работаю регулярно.

Дорогой Разумник Васильевич, – все это пишу вот к чему: «*Эпопея*» – этап к отъезду[5]; мне первый том надо окончить к лету; пишу вчерне и, пока не кончу писать, не могу думать о возврате в «Вольфилу». Иначе пролетит вся работа, налаженная с таким трудом; 3 рабочих года вырвано у меня; мне минуло 40 лет; «*Эпопея*» будет в 10 томах[6]; мне надо каждый год писать по тому, чтобы закончить ее к 30-му году[7]. Видите, – наступило «*прочее время живота*» моего, как говорил Соловьев. И потому-то должен строить жизнь по «Эпопее». Если приеду в «Вольфилу» теперь – сорвусь неминуемо: слишком «Вольфила» близка моему сердцу, чтобы мне жить безнаказанно около нее. Но я надеюсь к февралю окончить черновик и переехать в Петроград[8], чтобы март-апрель-май провести с Вами (отделывая и переписывая роман); теперь же: я должен высиживать вне Москвы в рабочей тишине, что я и делаю; мои выбеги для хлебных лекций не утомляют меня нисколько: ведь я возвращаюсь с них в безлюдие, зá город.

Дорогой Разумник Васильевич, я всегда душой с Вами, с Советом, с «*вольфильцами*». Но – обрекаю себя на одиночество: для писания. Поймите меня: «*Эпопея*» есть главное произведение всей моей жизни и вместе возможность, возвращающая к Асе; а мне так трудно наладиться вновь на работу; переезд, две выкинутых недели, неустройство с теплом или с пайком, – все это при моем переутомлении сломит меня с регулярной работы; и я дал себе слово; пока не будет готов черновик первого тома, – я никуда не двинусь с места, где все настраивает на рабочий лад. Чуть-чуть не уехал с Вл<адимиром> Вас<ильевичем> Бакрыловым, но вовремя удержался; мне очень грустно: все нити моральные связывают меня с Вами, но не сумею устроиться у Вас на работу так, как случайно устроился здесь.

Милый Разумник Васильевич, – мне стыдно числиться бездельным председателем «Вольфилы». Выберите кого-нибудь вместо меня; ведь от этого не изменится суть «Вольфилы», а я к февралю подъеду, и опять проведем вместе весну.

Желаю всех благ. Обнимаю и крепко люблю. «Вольфильский» (т.е. братский) привет Конст<антину> Алекс<андровичу> и Аарону Захаровичу, Козьме Сергеевичу[9], и всем «вольфильцам». Горжусь и радуюсь Вашей деятельности.

Еще раз обнимаю сердечно.

Борис Бугаев.

P.S. Варваре Николаевне мой сердечный привет. Леве и Леночке тоже.
Москва. 1-го декабря 20 года.

[1] См. п.106, примеч.7.

[2] Речь идет о квартире Анненковых (Бережковская наб., химический завод Анилтреста), Белый переселился туда в середине августа 1920 г.; он вспоминает об этом в письме к А.А.Тургеневой от 11 ноября 1921 г.: «...в сентябре меня подобрал А.И.Анненков и увез жить за Москву к себе на завод» (Воздушные пути. Альманах V. С.306).

[3] Комментарий Иванова-Разумника: «Речь идет о "Кризисе сознания" и "Преступлении Николая Летаева"» (Л.20). «Кризис сознания» (4-ю часть цикла «На перевале») Белый написал в сентябре 1920 г. (*РД*. Л.106об.), эта книга осталась неизданной (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед. хр.64). Над «Преступлением Николая Летаева» (позднейшее авторское заглавие – «Крещеный китаец») Белый работал с октября 1920 по май 1921 г.; этот роман был опубликован в «Записках Мечтателей» (1921. №4. С.21-164) под заглавием «Преступление Николая Летаева (Эпопея – том первый). Крещеный китаец. Глава первая». Напечатанная «глава первая» – единственная сохранившаяся часть этого произведения; в октябре–декабре 1920 г. Белый подготовил вчерне первые четыре его главы. См.: Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>. Литературное наследство Андрея Белого // *ЛН*. Т.27/28. С.605. 11 марта 1921 г. Белый писал А.Тургеневой о своих работах последнего времени: «...с сентября до января я написал книгу по ***философии культуры*** и черновик *Эпопеи* (1-го тома), работая безумно много, до нервного изнеможденья. Книга по "Философии и Культуре" потеряна (это была лучшая моя книга теоретическая: Антропософское обоснование культуры <...>)» (Воздушные пути. Альманах V. С.306).

[4] 26 октября 1920 г. Белый прочел в «Лито» (московской Литературной студии) свою первую лекцию курса «Стиховедение». 2, 7, 16 и 23 ноября им были прочитаны последующие лекции этого курса (*РД*. Л.106об.). См.: Гречишкин С.С., Лавров А.В. О стиховедческом наследии Андрея Белого // Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам. XII. (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып.515). Тарту, 1981. С.108-109.

[5] Ср. свидетельство С.П.Боброва в письме к Б.А.Садовскому от 2 ноября 1920 г.: «Белый в Москве, работает в Румянцевском музее, собирается уезжать за границу, к жене, по крайней мере, говорит об этом все время» (Новое литературное обозрение. №3. 1993. С.208. Публикация С.В.Шумихина).

[6] Комментарий Иванова-Разумника: «План этого цикла неизвестен. Единственное указание на этот план (цикла "Моя Жизнь", теперь переименованного в "Я" или "Эпопею") – в письме АБ к ИР от июля 1916 г.» (Л.20). В середине декабря 1920 г. Белый писал также Конст.Эрбергу: «Моя миссия – "Эпопею" написать: написать надо 10 томов, а как их напишешь, когда объявлено гонение на все духовное. Кроме того: "*Эпопея*" – шаг к отъезду; пока не будет написан первый том, я даже не могу думать об отъезде» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С.60). В берлинском журнале «Русская Книга» в отделе «Писатели» было опубликовано сообщение о том, что Белый «закончил первый том своего нового романа "Эпопея" (задуман в 10-ти томах)» (1921. №5. С.19).

[7] См. примеч.46 к п.100.

[8] Ту же надежду Белый высказывает в цитированном письме к Эрбергу: «По окончании "*Эпопеи*" – приеду (думаю, в феврале); ранее – не сумею» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С.60).

[9] К.Эрберг, А.З.Штейнберг, К.С.Петров-Водкин.

111. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
17 декабря 1920 г. Москва.

Милый Разумник Васильевич,
еще чуть было не уехал с Владимиром Васильевичем[1], так потянуло меня к Вам, к «Вольфиле». И – снова решил временно остаться: дописать вчерне 1-ый том «Эпопеи».

Ужасно грустно: грустно и тяжело мне сейчас вообще; Москва – мертвый сон, канцелярщина и все увеличивающийся «*идиотизм*» правительственной власти; «*они*» разводят всюду свою отвратительную мертвечину.

Порой негодование душит: негодуешь, разумеется, не на Революцию, ни даже на коммунизм (хотя – что «*они*» сделали с коммунизмом!!). Негодуешь на хамство, мелочность, тупость и жестокую меднолобость руководителей.

Нет, Разумник Васильевич, – кажется, и я начинаю не выдерживать России.

Петербург – отрадное место; но теперь ведь задает тон Москва, а «*московский тон*», – это – это такое, что пером не опишешь, разве что... крепким ругательством. Еще раз прощайте, – до февраля–марта.

Обнимаю Вас крепко.

Борис Бугаев.

17 декабря.

<ПРИЛОЖЕНИЕ К ПИСЬМУ>[2]

Всем, всем, всем, кто меня помнит в «Вольфиле» –

– Совету, старостам, руководителям кружков и членам-соревнователям!

Всем – низкий поклон; и пожелание – вести дальше работу; сердцем всегда с «Вольфилой», внутренне сопереживая все радости, сорадуясь им, и сопереживая все огорчения, ими действительно огорчаясь. За четыре месяца жизни совместной в «Вольфиле» я почувствовал «Вольфилу» родиной; упорная, кабинетная работа привязывает меня к Москве, собственно не к Москве, а к подмосковному дому, где удобно устроился; пока не кончу черновика первого тома «*Эпопеи*», мне думать нечего о переезде в Петроград: я не работоспособен. Как только кончу черновик (надеюсь, что в феврале кончу), тотчас же присоединюсь к общей работе. Желаю «Вольфиле» счастливого и полезного развития «вольфильских» дел. Сердечный привет товарищам Р.В.Иванову-Разумнику, А.З.Штейнбергу, К.А.Эрбергу, А.А.Мейеру[3], товарищам Кроль, Виссель, Векслер, Меринг, Фехнер, Левицкой, Злачевским, Гурвичу, и многим другим[4]; надеюсь, что мы еще встретимся; и встретимся скоро на почве общей работы. И – да здравствует «Вольфила»!

Считающий себя все еще членом Совета

Андрей Белый (Борис Бугаев).

Москва. 18 декабря. 20 года.

[1] В.В.Бакрылов, приезжавший в Москву во второй половине ноября 1920 г. (см. п.109).

[2] Комментарий Иванова-Разумника: «Послание АБ, зачитанное ИР на общем собрании ВФА» (Л.20об.).

[3] Александр Александрович Мейер (1875–1939) – религиозный мыслитель, философ, член совета Петербургского Религиозно-философского общества; регулярно выступал с докладами в «Вольфиле», в 1920 г. вел там кружок «Философия религии». См. вступительную статью С.Далинского (псевдоним А.И.Добкина и А.Б.Рогинского) в кн.: Мейер А.А. Философские сочинения. Paris, 1982. С.17-18.

[4] Перечисляются члены-соревнователи «Вольфилы». О мае 1920 г. Белый вспоминает: «В этот месяц особенно сближаюсь с рядом курсантов "Вольфилы", потому что посещаю почти все курсы В.Ф.А.; и всюду участвую в прениях. Знакомство: с Фехнер, Меринг, Мейникес, Данилевским, Виссель, Векслер, Кояловичем и рядом других курсантов» (*РД*. Л.104). В приветствии Белым упомянуты: Александра Ефимовна Кроль (1899–?), студентка Петроградского университета и Института истории искусств; Екатерина Юстусовна Виссель; Александра Лазаревна Векслер (1901–?) – студентка, инструктор секции Народных университетов Наркомпроса, заведующая канцелярией «Вольфилы», заведующая кружками Ассоциации; об ее обязанностях в одном из списков служащих «Вольфилы» сказано: «ведет запись, присутствует на заседаниях кружков, разрабатывает анкетные данные» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.15. Л.10-11), позднее – критик (ее статья «"Эпопея" Андрея Белого» опубликована в сб.: Современная литература. Л., 1925. С.48-75); Надежда Михайловна Меринг – позднее педагог, вела протоколы заседания Ассоциации, в частности, кружка Конст.Эрберга «Философия творчества» (*ИРЛИ*. Ф.474. Ед.хр.653); Елена Юльевна Фехнер (1900–1985) – студентка Института истории искусств, позднее – искусствовед, специалист по классической голландской живописи, автор воспоминаний о Белом, его близкая знакомая и корреспондентка в 1921–1923 гг. (см.: «Зов многолюбимый...» Андрей Белый и Е.Ю.Фехнер / Публикация А.В.Лаврова // Литературное обозрение. 1989. №9. С.105-112); Зинаида Петровна Левицкая (1897–?) – слушательница математического факультета Петроградского университета; Алексей Григорьевич Злачевский и Вера Николаевна Злачевская (первый в анкете членов-соревнователей в графе «Какие вопросы наиболее интересуют» указал: «Культура мысли. Пути к самопознанию»; вторая: «Антропософия и религиозно-философские вопросы» – *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.6. Л.16, 20); Исаак Михайлович Гурвич. Некоторые из упомянутых лиц отражены в шуточной поэме Конст.Эрберга «Вольфила» (Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.105-111. Публикация и примечания В.Г.Белоуса).

112. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
Середина января 1921 г. Москва[1]

Дорогой Разумник Васильевич, – пишу из больницы; переезжаю в другую; еще дней 20 придется лежать в больнице[2]. Обнимаю Вас. Думаю быть весной[3]. Маргарита Васильевна Сабашникова переезжает в Петроград[4]. Надеюсь, она будет работать в «Вольфиле»; привет всем «Вольфильцам». Обнимаю Вас.

Б.Бугаев.

[1] Записка карандашом на обрывке листа бумаги. Поскольку письмо хранится в архиве Эрберга (*ИРЛИ*. Ф.474. Ед.хр.491), не исключено, что оно не дошло до адресата.

[2] В декабре 1920 г. с Белым произошел несчастный случай: «...падаю в ванне, ломаю копчик и попадаю в лечебницу» (*РД*. Л.107); «...я упал в ванне и 10 дней таскался в Москву из-под Москвы, пока не сделалось воспаление надкостницы крестца и не обнаружилось, что я раздробил крестец; меня сволокли в больницу, где я 2 1/2 месяца лежал, покрытый вшами» (Письмо к А.Тургеневой от 11 ноября 1921 г. // Воздушные пути. Альманах V. С.306). Белый был помещен в Диагностический институт (б. лечебница Слетова на Садовой Триумфальной), в конце января 1921 г. переведен в лечебницу Майкова (Тверская ул., Благовещенский пер.). Он вспоминает об этой поре: «Грустное время; лежу, покрытый вшами, в диагностическом институте; и тем не менее, лежа на постели, процарапываю из первой главы "Моей Жизни" отрывки, вошедшие потом в "Крещеного Китайца". <...> Под конец месяца переводят меня в лечебницу Майкова (ужасная дрянь, грязь, расхлябанность!)» (*РД*. Л.107об.). Белый вышел из больницы только в марте. Сохранилось относящееся к этому времени недатированное письмо Е.Ю.Фехнер к Белому из Петрограда, в котором она, в связи с его болезнью, признавалась: «Если Вам может помочь сознание, что есть люди глубоко сочувствующие Вам и готовые сделать все, чтоб облегчить тяжелое Ваше положение, люди, которые относятся к Вам не как к Андрею Белому, писателю, а как к человеку, горе и страдание которого мучительно отзываются в их душе, то письмо мое не пропало даром <...>» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.283).

[3] Подразумевается намеченный приезд в Петроград.

[4] М.В.Сабашникова выехала из Москвы в Петроград 21 января. См. ее письмо к московским друзьям от 27 января 1921 г., приводимое в комментариях С.В.Казачкова и Т.Л.Стрижак в кн.: Волошина М. (Сабашникова М.В.). Зеленая Змея. С.394-396.

113. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
1 апреля 1921 г. Петроград.

Дорогой Разумник Васильевич,
горю жаждой Вас видеть; приехал вчера вечером[1]. Буду завтра часов в 6-7-8 в «Вольфиле». С 4 1/2 часов освобождаюсь (я – на службе в Наркоминделе)[2]. Если у Вас будет свободное время и некуда его деть, то милости прошу ко мне; у меня сможете тихо отдохнуть. Адрес: Морская: первая улица от Адмиралтейства. Гостиница «*Спартак*» (рядом с «*Интернационалом*»)[3], комната №28. С 4 1/2 часов я – дома. Ужасно жажду видеть Вас. Заранее обнимаю.

Борис Бугаев.

[1] Ср. позднейшую запись Белого: «В конце марта еду в Ленинград» (*РД*. Л.108).

[2] Белый был зачислен помощником библиотекаря в Фундаментальную библиотеку Народного комиссариата по иностранным делам (Морская ул., 3/5). О феврале 1921 г. Белый вспоминает: «Лигский перепиской устраивает меня в библиотеку "Наркоминдела" в Ленинград: гарантирует комнату, стол <...> Так судьба опять гонит в Ленинград; да и "Вольфила" зовет. Да и: разрешение на отъезд за границу обещают из Ленинграда» (*РД*. Л.107об.). 25 февраля 1921 г. К.А.Лигский писал Белому из Петрограда: «...могу гарантировать Вам 1) место по Вашему выбору – библиотека, статистика, архив и пр., 2) помещение светлое, просторное, теплое, недалеко от службы и больше ничего, т.е. паек теперь висит в воздухе». В другом, недатированном, письме Лигский спрашивал у Белого, когда можно ждать его приезда в Петроград: «Место – заведывание статистикой – Вас ждет. <...> С квартирой – устрою, если не на старом месте, то в нашем новом помещении» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.214). Белого звал

приехать в Петроград, кроме Лигского, также Б.Г.Каплун (управляющий делами Петроградского Совета рабочих депутатов); в частности, в письме от 9 января 1921 г.: «Я усиленно прошу и настаиваю на том, чтобы вы приехали в Питер. Думаю, что вы согласитесь со мной, Константином Андреевичем и др.» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.198). Свою библиотечную работу Белый характеризует в «Материалах к биографии»: «...поступаю в Лен. Отд. "*Наркоминдела*" помощником библиотекаря: моя занятия: участие в организации отделов библиотеки, разметка книг по десятичной системе и т.д.; с середины июня получаю отпуск; это – моя последняя "*служба*"...» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. С.486).

[3] Гостиница «Спартак» – на ул. Гоголя (б. Малая Морская), дом 18/20; гостиница-ресторан «Интернационал» – Вознесенский пр., дом 10.

114. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
1 апреля 1921 г. Петроград.

Дорогой и милый Борис Николаевич,
хотя и ждал я Вашего приезда, но сегодня не совсем даже поверил (1-ое апреля!). Так радостно снова повидаться. Сегодня не дождался Вас в Вольфиле[1], завтра буду здесь же от 7 до 11 ч. веч<ера>, и если Вас не дождусь, то зайду к Вам в воскресенье[2] после 11 ч. утра. Очень нужно, чтобы Вы были свободны весь этот день, т<ак> к<ак> с 2-х надо повидаться всем Скифам. Обнимаю Вас сердечно – до завтра или до послезавтра. Как хорошо, что Вы приехали!

Ваш Р.Иванов.

[1] По всей вероятности, Белый 1 апреля в «Вольфилу» (Фонтанка, д.50) не заходил.

[2] 3 апреля.

115. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
1 или 2 (?) апреля 1921 г. Петроград[1]

Борис Николаевич, – я здесь, жду Вас до 9 ч. вечера. Если придете позже, – зайду к Вам в воскресенье в 12 ч. дня.

Р.Иванов.

[1] Текст записан на обороте афиши заседания «Вольфилы», назначенного на воскресенье 10 апреля 1921 г. (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.1. Л.32об.): «LXVII открытое заседание памяти П.А.Кропоткина. Речи и доклады: A.Bergmann, Emma Goldmann, Кибальчич, Новомирский, А.Мейер, Шёнберг, Андрей Белый, Штейнберг, П.Витязев. Начало в 2 1/2 ч. дня. Зал Географич. об-ва. Демидов пер., д. 8а». Имена А.Мейера, Андрея Белого и П.Витязева вписаны в текст афиши от руки. Первоначально заседание памяти П.А.Кропоткина планировалось провести 6 марта 1921 г., о чем свидетельствует текст, подготовленный для объявления в газете (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.5. Л.23); афиша с новой датой, видимо, была отпечатана до 1 апреля, а коррективы в нее внесены после приезда Белого в Петроград. Записка, скорее всего, или дублирует п.114, или написана на следующий день (в указанные Ивановым-Разумником в п.114 часы его пребывания в «Вольфиле»).

116. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
8 апреля 1921 г. Петроград.

Петроград. 8-го апреля 21 года.

Дорогой Разумник Васильевич,

Мне очень грустно, что мой инцидент с Ольгой Дмитриевной Форш так некстати, так грустно ворвался в обсуждение общих и основных вопросов «Вольфилы»[1]. Я приношу сердечное извинение; мне больно за себя и за Ольгу Дмитриевну, что мы внесли нечто, нас разъединяющее в одной плоскости наших отношений (при понима-

нии и уважении друг друга в других) в тему: «*Вольфила*»; я не удержался и то, что должен бы был сказать О.Д. с глазу на глаз, сказал «*urbi et orbi*»[2], чем поставил О.Д. в положение «нападающей» на меня, а себя в нелепое, глупое положение: «*фанатика*» и «*догматика*» (на самом деле я ни то, ни другое), врывающегося в «Вольфилу» с своим узким уставом жизни и получающего отповедь, что его взгляды и поведение далеко не... «вольфильские».

Опять «*вынырнула*» на сцену «*антропософия*»: опять эти «*мертвые*» люди врываются с своим узким уставом в «*чужой*» монастырь![3]

Вот как мне вчера отдалось наше столкновение с О.Д.: она поставила точки на «*i*». Была «*свободная*» «*Вольфила*», в которой О.Д. не ощущала духа насилия, в которой было «*скифство*», «*скифство*» и «*скифство*»... Вдруг!.. Появляется «*мертвосхематичная*» М.В.Волошина с «нескифским» духом и посягает на «вольную» Вольфилу мертво-догматической точкой зрения, скомпрометировавшей себя пред лицом всего мира[4]: все независимые уже решили, что антропософия мертва. Это знают в Европе; об этом писал Метнер («*русские штейнерианцы психофизиологически слабые, упадочные люди*»); об этом писали Вы («*пер-гюнтизм*»); об этом писала «Петербургская правда» («*дельцы, устраивающие свои дела*»)[5], это ведомо Мережковским; это ведомо всем... И вдруг – о, наглость: мертво-догматическая, антропософская «*бледная немощь*» появляется среди «*вольного*» духа; и – получает от О.Д. отпор; «*Вольфила*» – защищена, отражена: «*антропософия*» получила в ней должную оценку...

Но – нет: «*антропософы*» – проныры; они в лице Андрея Белого залезают в «*Совет*» Вольфилы и учреждают в ней особый отдел: «*Антропософия*»[6]; О.Д.Форш – не дремлет; она – на страже «*Вольфилы*»; она должна быть в составе «*антропософского*» кружка; в кружке «*философии творчества*» ей не место; в кружке «литер<атуры> XX века» ей не место; ей место в «*антропософском*» кружке именно потому, что она некогда была в «*А<нтропософском> О<бщест>ве*», откуда ушла с негодованием[7], распространяя об «*антропософском движении*» сведения, ею полученные, среди русских писателей, культур-трэгеров и т.д., что «*антропософия*» превращает людей в мертвецов; она – «антропософка» в Вольфильском кружке «*антропософии*» с единственной целью: уличать каверзы антропософов, парализовать действие «*трупного яда*», могущего разложить «вольный» дух Вольфилы. И – да: ее «*мудрая тактика*» торжествует; руководитель вольфильского кружка скрежещет зубами и выявляет ясно перед всеми «*вольфильцами*» свою «*волчью*» натуру из-под «*овечьей*» вольфильской шерсти; он – недопустимо фанатичен; он – не пускает О.Д. в «кружок». И – О.Д. бросает коварному «*уловителю*» душ в мертвые сети обвинение: «*Вы – поступаете** *не по-вольфильски*»... Ага!.. В «*Вольфилу*» забрались волки, собирающиеся учинять дела гнусного насилия; маска члена-основателя, члена «Совета», неизвестно почему считающегося «*Председателем*» Вольфилы, спадает; и под ней выступает мертвая, жуткая физиономия «*волка*»; «*изо рта... выбежал клык... И стал козак – старик*» (Гоголь: «*Страшная месть*»)[8]. Уличенный «*член Совета*» и «*Председатель Вольфилы*» испаряется...

Простите, дорогой Разумник Васильевич, что я живописал так (карикатурно) вчера бывшее, но когда я шел домой (я ушел от внезапного приступа мигрени и лихорадки), нечто подобное разыгралось в моем сознании; я подсмотрел всю эту сцену со стороны; и – понял: эта картина, звучащая «*химерично*» для меня (надеюсь, для Вас, Аарона Захарыча и Констант<ина> Алек<сандро>вича)[9], не «*химерична*» для целого ряда «*вольфильцев*», не участвовавших в нашей *общей вольфильской жизни* в прошлом году: для Кояловича, Чебышева-Дмитриева, Пумпянского и многих других[10], могущих не знать мотивов моего близкого касания «*Вольфилы*», действительно может показаться странным, что я – «член Совета» Вольфилы: я – антропософ, т.е. «*мертвец*» (всему миру известно: антропософы – «*мертвые*» люди). Вчера сцену в «*Вольфиле*» я видел все время *со стороны*, с точки зрения людей, сидящих на заседании и спрашивающих: «А что такое "*Вольфила*"?» И если *внутри* нашего кружка *4-х*[11] эти вопросы не подымаются, то у Кояловича, даже у О.Д.Форш (в общем, как человека, меня мало знающей) возникновение этих вопросов вполне естественно; я должен

---

* *В автографе*: поступается.

показать свой паспорт, что я не узкий, не фанатичный догматик; но Боже мой: в прошлом году 4 месяца я чуть ли не каждый день бывал в «Вольфиле», бывал во всех кружках; и кажется, между нами 4-мя не может возникнуть недоумения, что позиции друг друга нам не известны; я чувствую доверие к себе со стороны того состава «*Вольфилы*», который действовал в прошлом году; у меня есть чувство, что мне доверяют участники моего кружка; но я чувствую: с той поры (с июля 1920 года) появились и новые люди, и новые задания, что «*Вольфила*» есть организм, в котором я знаю одни части, но не знаю других частей (и они меня не знают); в частности: я нигде не работал с О.Д.Форш (кроме нескольких встреч с ней, у меня не было длительного общения); я постараюсь узнать теперешнюю «*Вольфилу*»; но «*узнание*» не есть дело одного дня, одного, двух заседаний; надо мне в теперешнюю «*Вольфилу*» вжиться, чтобы решить, есть ли мы «*4*» + те, кого я знал до июля 1920 года, – выразители духа «*Вольфилы*». Вчера я выслушал 2 вопроса: «Что есть Вольфила?». До заседания одна дама спросила меня с нескрываемой наивностью: «Кто такое это "*мы*"?» (В ответ на мои слова: «Мы, вольфильцы»). А через два часа я выслушал от О.Д.Форш реплику: «Вы поступаете не по-"*вольфильски*"?». И естественно встает вопрос: «Может быть, для целого ряда людей, считающих себя "*вольфильцами*", мое близкое участие духом в "Вольфиле" при физическом долгом отсутствии кажется *неясным*: у меня могут потребовать "*вольфильский*" паспорт, тем более, что я – "*антропософ*" (*а всем известно, что антропософы* и т.д....)». Словом: вчерашнее столкновение с О.Д.Форш, случившееся недоразумение с М.В.Волошиной (в котором виновата и «*она*», и «вольфильцы» некоторые, усмотревшие в ней то, чего в ней нет (ведь М.В. в «*Вольфиле*» никто не знает)), – все это извлекает в душе горькие ноты: даже в «*Вольфиле*», которая на моем сердце лежит, как «*ребенок*», в рождении которого я, по моему мнению, *тоже* отчасти принимал участие, даже в «*Вольфиле*» я чувствую себя лишь с некоторыми «*вольфильцами*» (также я чувствую себя и с «*антропософами*»: с маленькой кучкой среди 8000 членов). Словом: в «*Вольфиле*» я несу свою «*антропософию*», как инородное тело; в А<нтропософском> О<бщест>ве я несу свое «*вольфильство*», как «*инородное*» тело... Где я? *Ни здесь, ни тут...*

Ты пойми: мы ни здесь, ни тут.
Наше дело такое бездомное!..
Петухи – поют, поют.
Но лицо небес еще темное[12]...

И возвращаясь вчера домой, мне твердились слова одного, как и я, мертвеца-антропософа[13], – слова, прозвучавшие тотчас же после реплики О.Д.Форш: «*Вы поступаете не по-"****вольфильски****"*» – и заставившие меня (вместе с мигренью), как бы отвечая себе на внутренний разговор с собой, тихо скрыться:

Die zur Wahrheit wandern
Wandern allein.
Keiner kann dem andern
Wegbruder sein.
Eine Spanne gehn wir,
Scheint es, im Chor,
Bis zuletzt sich, sehn wir,
Jeder verlor.
Selbst der Liebste ringet
Irgendwo fern...[14] – (да, любимейшая мной, Ася, – далеко от меня; и, как знать, ушла от меня, и когда я вернусь к ней, то в ней прозвучит по отношению ко мне: «*Keiner kann dem andern Wegbruder sein*»... Да, мы далеки от понимания тайны путей друг друга, но мы говорим *друг о друге*, как если бы мы *друг друга знали*: ведь говорят же в Петербурге обо мне, что я не еду к жене, потому что у меня роман с «*очаровательной штейнерианкою*»...)[15] – doch wer's ganz vollbringet / Siegt sich zum Stern[16].

В «*антропософии*», да, стоит проблема, как «*siegen sich zum Stern*»*; и это не «*догмат*», а действительное знание, что на путях искания истины подстерегает «*одиноче-*

---

* *«Победно достигать звезды» (нем.).*

ство», что среди самых «*умных*» разговоров, минуя их, поднимается молча «*тайна роковая*»[17], «*Звезда*»; что от блестящих арабесок докладов, споров, проектов, исполнительных вечеров («*Но бегает летучий луч звезды алмазами по зеркалу воды* и блещущие чертит арабески»)[18] – что от блестящих арабесок докладов, отделов, кружков иногда надо повернуть голову, чтобы в противоположной стороне увидеть «*Звезду в непеременном блеске*»[19]; зная «*звезду*», я с тем большей любовью отдаюсь «*арабесочному*» миру красочного многообразия «*проблем культуры*»; и знаю, кто не скажет с Гёте «*In farbig Abglanz haben wir das Leben*» (Фауст)[20], тот часто вместо звезды увидит проекцию на бумаге: математическую точку (т.е. ничего не увидит); таковы те, кто только строят на «*нет непримиримом*»[21]; и увидят абстрактные «*антропософы*» – карандашную точку; по отношенью к ней арабески проблем культуры, «*farbig Abglanz*» теперешних заданий «*Вольфилы*», есть жизненное делание (при условии, что проблема «*Звезды*», «Солнца» («*Die Sonne tönt nach alter Weise*»)[22] не минует в хотя бы далеком будущем исследователя «арабесок». Но есть *опасность* всецело уйти в красочное многообразие предстоящих «*животрепещущих*» вопросов дня; тогда утрачивается чувство *слуха* и *ритма* целостного начала красочной гаммы культуры (всё только «культур*Ы*» с гипертрофированным «*Ы-Ы-Ы*»)[23]; об этом-то Фет говорит: «На суку извилистом и чудном пестрых сказок чудная жилица... качается жар-птица»... И – далее:

Переходят радужные краски,
Раздражая око светом ложным...
Миг еще – и нет волшебной сказки
И душа опять полна возможным[24]...

Вечером в июле в «*Вольфиле*» мы говорили однажды о *Китеже* и *Мон-Сальвате*; кто-то мне из «*вольфильцев*» сказал: «Пусть *Ваи* будет вашим Мон-Сальватом, а Вольфила – Китежем»[25]. И я положил эти слова себе на сердце, чтобы, глядя на «*арабески жизни Вольфилы*», прислушиваться к звону Храма Глубин, их производящему; чтобы, глядя на *Звезду* Антропософии, видеть ее конкретизацию в красочной конкретности жизненных проблем: гармония моего положения в «*Вольфиле*» была мне ясна; через 8 месяцев устами О.Д.Форш мне сказано: «Я, “*вольфилка*”, отрешаю Вас от “Вольфилы”, от Китежа за то, что у Вас есть Мон-Сальват»: от этих слов «*ритм*» моего бытия в «*Вольфиле*» мгновенно сменяется чувством «*какофонии*», «*аритмии*»:

Переходят радужные краски,
Раздражая око светом ложным...
Миг еще – и нет волшебной сказки.
И душа полна возможным.

«*Сказка*» моего органического бытия в «*Вольфиле*» рассыпалась на те полчаса, во время которых я шел вчера из «Вольфилы». И я увидел другую картину: «*прозу*». Сидят Коялович, Пумпянский, дама, не знающая, кто *мы*, О.Д.Форш, уличающая меня в фанатизме (и кто еще?) – и не понимают: «Почему этот фанатик-антропософ – “*вольфилец*”»... И у меня дернулась рука вытащить мой «*вольфильский*» билет, но впопыхах я вытащил... членский билет А<нтропософского> О<бщест>ва, попался, испугался и... уличенный, довольно нелепо ретировался, оставляя Кояловича, Пумпянского, «*даму*» и О.Д.Форш в недоумении: «*И это... председатель “Вольно-Фил<ософской> Ассоциации*”??!!??»... И вспомнились слова мертвеца-антропософа:

Die zur Wahrheit wandern
Wandern allein.
Keiner kann dem andern
Wegbruder sein.

(Morgenstern)

Но стихотворение оканчивается:

Doch wer's ganz vollbringet
Siegt sich zum Stern;
Schafft, sein selbst Durchchrister,
Neugottesgrund –
Und ihn grüsst Geschwister
Ewiger Bund!..[26]

Да, – под покровом *мертвизны* мы, антропософы, минуя дурную бесконечность цифрового подсчета «*догматиков*», образуем ядро «*звездоносцев*», Neugottesgrund*; каждый из нас, членов ордена «*Звезды*» (никем не установленного, не имеющего устава), чувствуем себя, что мы «*Ewiger Bund*»**; в таком контакте я нахожусь с Доктором, с Асей и... с Маргаритой Васильевной, какова бы ни была ее оболочка (ведь у человека, кроме «*оболочки*», есть и душа, и если О.Д.Форш в антропософах видит одни «*оболочки*», то это оттого, что она имела лишь *кожное*, чувственно-физиологическое соприкосновение с «*антропософией*»; казня и разоблачая «*антропософов*», она казнит и разоблачает себя («*Над кем смеетесь, над собой смеетесь*!»)[27].

Как бы то ни было: ее непременное желание быть в «*антропософском кружке*», каковой и не собирался возникать, обнаруживает ее в очень неритмичном «*аспекте*»: в желании быть «*вольфильской*» полицией, вылавливающей «*антропософских*» жуликов, вошедших в не имеющий тенденцию возникнуть «*антропософский*» кружок и под флагом кружка вытаскивающих из вольфильской канцелярии некую «*динк ан зих*»[28] в весьма твердом футляре: *вольфильскую свободу*... Коялович, Сергей Дмитриевич[29], Чебышев-Дмитриев, дама, Пумпянский, присутствующие при этой сцене, награждают О.Д.Форш орденом «*Вольфилы*» первой степени, а член Совета *Вольфилы*, участвовавший в воровстве «свободы», получает *строгий выговор*...

Не сердитесь, милый, милый Разумник Васильевич, на эти слова-пародию; знаю: для Вас это не так; но почем я знаю, что для всех это не так? Я, неповинный в возникновении «*антропософского отдела*», где я проектируюсь заведующим, получаю в Вашем проекте в качестве сотрудницы «*мертвую антропософку*», Волошину, – некоторые из вольфильцев, испуганные засилием «*антропософского догматизма*» в проектируемом кружке, дабы парализовать опасность, вызывают бряцающего шашкой стража «*Вольфилы*», О.Д.Форш, а я оказываюсь в положении руководителя в самом несносном положении: по правую сторону я имею Волошину, чувствующую недоверие к ней кружка и ради меня вовлеченную в «*трудное свое положение*», а слева имею «*неукоснительно-бдительную*» О.Д.Форш, выслеживающую коварную тактику «мертвеца» Волошиной, с первого же организационного собрания вместо дружной работы вынашивания жизни отдела, предполагающего «*спетость*» участников, – трудная политика «*фракционной*» жизни этого маленького «*парламента*». Поймите: вот откуда у меня естественный органический протест против «*Кружка сознания*», вошедшего в «Отдел»: но Векслер, Фехнер настаивают на том, чтобы отдел был выражением бывшего «*Кружка сознания*» (наследство моего курса «*Антропософия, как путь самопознания*»)[30]; я – поддаюсь их желанию; тогда появляется О.Д.Форш, с которой я не работал, которая не была ни на одной моей лекции двух курсов, которая не в курсе всех поднятых там вопросов; естественно, что среди создавшегося квартета или квинтета (Виссель, Векслер, Меринг, Ушанова[31], Фехнер) появление О.Д.Форш с одной стороны, М.В.Волошиной – с другой есть появление звуков гармоники и валторны среди рояля, двух скрипок и вьолончелей; *какофония* неизменно возникает, как она возникла бы, если бы в Ваш кружок «Литературы XX века»[32] Вам делегировали бы ну, скажем, Кояловича, Чебышева-Дмитриева, с которыми Вы не работали. На Ваше откровенное признание, что Вам трудно было бы без предварительной репетиции начать работать с Кояловичем, Коялович Вам возразил бы: «А я, считая Ваш взгляд на литературу ложным, тем не менее требую своего участия в Вашем кружке». Вы, естественно, сказали бы: «Ну, тов. Коялович, и руководите моим отделом»... То же сказал вчера и я; но это, видите ли, антропософский догматизм; но позвольте: *антропософы* – мертвецы; я – антропософ; следовательно: я – мертвец. Первая посылка – посылка О.Д.Форш; вторая – моя посылка, ибо я действительно считаю себя антропософом. Вывод – не мой, а объективный. Вывод Кояловича, Чебышева-Дмитриева, дамы и прочих мне лично не известных «*вольфильцев*», вывод, вытекающий из посылки *О.Д*.... Ясно: до тех пор, пока внутри кружка О.Д.Форш не видоизменит посылку на другую («*не все антропософы мертвецы*»), – какая же работа вместе возможна? Вместо работы – *пря* между мною и О.Д. о том,

* *Новый божественный завет (нем.).*
** *Вечный союз (нем.).*

мертвецы или нет мы с Маргаритой Васильевной: вместо «*вольфильской работы*» естественно тут у меня вырывается признание:

Eine Spanne gehn wir,
Scheint es, im Chor,
Bis zuletzt sich, sehn wir,
Jeder verlor[33].

И это чувство «*verlor-verlor-verlor*»*, как крик осеннего ворона, вдруг охватило меня вчера (болезнь, жар, и вообще расстройство нервов последнего времени); безотчетно я встал и ушел; это не было ни протестом, ни выходкой, а почти инстинктивным жестом разговора с собой.

Я упустил из виду, что разговор *с самим собой* был на людях; и вот за это упущение я прошу извинить меня; мне только ясно: до чего я сейчас устал, до чего временно я стал не социальным человеком (это чувство во мне живет давно, с осени). И пока душа субъективно переживает «*Die zur Wahrheit wandern – wandern allein*», могу ли я быть председателем Вольфилы, руководителем Отдела, членом Совета? По отношению к Русскому А<нтропософскому> О<бщест>ву я поступил уже на основании моего внутреннего чувства: я перестал быть «*членом Совета*» Р<усского> А<нтропософского> О<бщест>ва, продолжая деятельно участвовать душой в жизни О<бщест>ва. Не должен ли я так же поступить и относительно «*Вольфилы*»? Это – не уход.

Просто мое «*Wandern*»**, мое «*allein*»*** связано с тем, что я вперен в темы «*Эпопеи*», которая есть разговор «меня со мной» («*Я не с тобой, с душою говорю*»)[34]. В такие жизненные периоды трудно участвовать в организации даже близкого дела (как дела «*Вольфилы*»); постоянно на людях в это время происходят нелепые жесты человека, Чудака, жестикулирующего с самим собой, и невольно задевающего других; такое чудаковское жестикулирование, несомненно задевшее многих, произошло и вчера со мной: во время инцидента с О.Д.Форш.

Прошу извинения у всех «вольфильцев»...

Да: вот, должно быть, началось затмение; и вокруг как будто стало темней****, и на душе темней... (сегодня ведь затмение!).

Нет: затмение – утка; никакого затмения не было; видно, «*советская астрономия*» передвинута вместе с передвиженьем часов; видно, луна пробежала под солнцем, минуя солнце: солнце по-прежнему светит[35]. И вчерашний инцидент, как ни больно он меня задел некорректностью моих же жестов, не задевает моего внутреннего касания к делу «Вольфилы». Остается трудность и неясность для меня чисто внешняя: в силу того, что мой отдел возникает на ином основании, чем другие отделы, состав которых образовался из деятельных участников кружков, имея в организационном ядре двух членов (М.В.Волошину, О.Д.Форш), не принимавших участие в общей жизни летнего кружка; как назвать Отдел? От каких критериев строить тему Отдела? От критериев общего «*духа*» моей деятельности, но он... двойной (есть звезды-близнецы) «*Антропософски-Вольфильский*» (антропософская часть моей души, я знаю, «*ist echt anthroposophisch gebaut*»*****, а вот другая сторона «*построена ли истинно вольфильским духом*» для О.Д.Форш, меня верно не знающей, как вольфильца, судя по ее вчерашнему заявлению?).

«Zwei Seele<n> leben, ach»[36], и т.д. (Китеж-Bau, Вольфила-Дорнах, устроение жизни Отдела[37], предполагающее присутствие в Петрограде, и – хлопоты по отъезду, жизнь в выявлении социальном и... «Эпопея» и т.д.). Вчерашняя моя нервность во время инцидента с О.Д.Форш есть вырвавшаяся моя двойственность; ах, как хотелось бы поговорить интимно с Вами; как много есть Вам сказать, посоветоваться: ведь я чувствую к Вам любовь, близость и доверие не только в делах «*вольфильских*», но, что главнее, – чувствую «*по человечеству*» Вас близким...

---

* *«пропал-пропал-пропал» (нем.).*
** *странствие (нем.).*
*** *одиноко (нем.).*
**** *В автографе*: томней
***** *«построена подлинно антропософски» (нем.).*

Между прочим: завтра, в субботу в 7 часов у меня будут: Меринг, Векслер, Ушанова, Фехнер и, может быть, Виссель; как было бы хорошо видеть и Вас (не знаю, как доставить Вам это письмо: сижу, простуженный, весь день дома; выйти и застать Вас в «Вольфиле» не сумею; завтра буду на службе; с 5<-ти> – дома); в случае, если бы Вы были в Петрограде, как хотелось бы Вас видеть в нашем маленьком ядре (не О.Д.Форш я вижу у себя, а Вас – всею душою!); будет обсуждаться вопрос, как нам, участникам «Кружка сознания», быть с «Отделом». Это для меня еще проблема; собираемся пока не как «Отдел», а как частная группа «вольфильцев», чувствующих друг к другу доверие[38].

Обнимаю Вас и прошу меня извинить за «*инцидент*» в Вольфиле. Чувствую свою скомпрометированность перед «дамой», Пумпянским, Кояловичем, Чебышевым-Дмитриевым и другими, с которыми я не знаком (которым я, может быть, не известен).

Остаюсь искренне любящим

Борисом Бугаевым.

[1] Комментарий Иванова-Разумника: «Сущность “инцидента” выясняется из содержания письма; заключался он в том, что О.Д.Форш пожелала вступить в руководимый АБ отдел ВФА (“Кружок сознания”), а АБ отказал ей в этом – по мотивам, разъясняемым в настоящем письме» (Л.20об.). Конфликт возник на «четверговом» организационном собрании «Вольфилы» 7 апреля. В записях Белого «Для памяти (Жизнь в Петрограде. Март – август 1921 года)», однако, Форш названа в числе участников руководимого им кружка: «Мой кружок – “*Проблемы Символизма*”: Состав кружка: М.В.Волошина, Р.В.Иванов, Векслер, Виссель, Фехнер, Меринг, Гагенторн, Форш, Пяст, Кроль, Михайлов, Пинес. Вот – организационное ядро: занятия происходили в том, что каждый высказывался на темы *проблем символизма*» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.98. Л.5). О.Д.Форш была постоянной участницей заседаний «Вольфилы», вела там кружок «Творчество слова» и выступала с докладами. О деятельности Форш в «Вольфиле» см. воспоминания Н.И.Гаген-Торн (Вопросы философии. 1990. №4. С.90-91) и ее же мемуарный очерк «О встречах с Ольгой Дмитриевной Форш» (Ольга Форш в воспоминаниях современников. Л., 1974. С.121-127), а также главу «Острый глаз Ольги Форш» в книге А.З.Штейнберга «Друзья моих ранних лет» (С.179-185); оба мемуариста отмечают спорадически сказывавшийся антагонизм между Белым и Форш. Форш вывела Белого в образе Инопланетного гастролера в своем романе «Сумасшедший корабль» (1930) и в образе Сапфирного Юноши – в романе «Ворон» (Л., 1934. С.105-107).

[2] Подразумевается: широковещательно, всем и каждому. Urbi et orbi (*лат.*) – Городу (Риму) и миру; одна из формул благословения папы римского.

[3] О том, что основной причиной конфликтов между Белым и Форш было ее скептическое отношение к антропософии, свидетельствует А.З.Штейнберг в мемуарах «Друзья моих ранних лет»: «...между нею и Андреем Белым существовала какая-то неприязнь. Некоторое время Ольга Дмитриевна была членом Теософского общества в России, а всем было известно, что между теософами и антропософами существовала непримиримая вражда – все мосты были сожжены. <...> И что бы Ольга Дмитриевна ни говорила на наших собраниях или в более тесном кругу друзей, Борис Николаевич метал искры, хоть и не очень жгучие: “Это все теософия, а она – теософка, а значит – враг!” Когда мы уже достаточно подружились с Ольгой Дмитриевной, я ее спросил: “Вы действительно враждуете с антропософией по сей день?” – “Слушайте, так это же смешно. Я ни с кем не враждую, я ищу истину. <...>“» (С.184). О теософских интересах Форш см.: Тамарченко А. Ольга Форш: Жизнь, личность, творчество. Л., 1974. С.37-50.

[4] М.В.Волошина (Сабашникова) в феврале 1921 г. в Петрограде устроилась на службу в Библиотеке иностранной литературы при Комиссариате иностранных дел (как и Белый, через посредничество К.А.Лигского); одновременно она начала работать в «Вольфиле», первый ее доклад («О Зеленой Змее и Прекрасной Лилии») представлял собой опыт антропософской интерпретации «Сказки» Гете. «По окончании беседы, последовавшей за докладом, – вспоминает Сабашникова, – группа около двадцати человек обратилась ко мне, выражая желание начать систематические занятия духовной наукой. В этом маленьком кружке людей, до того мало знакомых или совсем не знакомых друг с другом, регулярно собиравшемся у меня, участвовали выдающиеся деятели из разных областей культуры» (Волошина М. (Сабашникова М.В.). Зеленая Змея. С.285). Белый в заметках «Для памяти» отмечает: «Образовался кружок Антропософии у М.В.Волошиной. Был лишь раз на нем» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1 Ед.хр.98. Л.5об.).

[5] См. п.9, примеч.13. Белый подразумевает суждения Э.К.Метнера о последователях Р.Штейнера как о людях духовно «немощных», закрепощенных и несамостоятельных: «*Типично*-русский штейнерианец – существо самопротиворечивое; оно создалось или вследствие огромнейшего недоразумения, или, при наличии полной сознательности, вследствие крайнего отчаяния и всяческой усталости. <...> Утомившись в борьбе, дух может в этом своем упадке поклониться чуждому, но воспрянув, устыдится *своей* доли слабости, присоединившейся к слабости психофизиологической стороны, слабости, составляющей именно ту силу, с которою борется дух» (Метнер Э. Размышления о Гете. Кн.1. Разбор взглядов Р.Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма. М., «Мусагет», 1914. С.385-386).

[6] Такого «отдела» не было объявлено в «Вольфиле». Ср. записи Белого о его работе весной 1921 г.: «...организация подотделов В.Ф.А.; веду подотдел "*символизма*": еженедельные заседания, показат<ельные> выступления: читаю 2 лекции, устроенные подотделом: "*Символизм*", "*Символизм и теория знания*"» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. С.486).

[7] По всей вероятности, Форш в Антропософском обществе не состояла; Белый, возможно, подразумевает здесь ее близость во второй половине 1900-х гг. к Теософскому обществу и сотрудничество в «Вестнике теософии» в 1908–1909 гг.

[8] Подразумевается эпизод из гл.I повести «Страшная месть» (1832): «Когда же есаул поднял иконы, вдруг всё лицо его переменилось: нос вырос и наклонился на сторону, вместо карых, запрыгали зеленые очи, губы засинели, подбородок задрожал и заострился, как копье, изо рта выбежал клык, из-за головы поднялся горб, и стал козак – старик» (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т.1. [Л.], 1940. С.245).

[9] А.З.Штейнберг и К.Эрберг.

[10] Об апреле 1921 г. Белый вспоминает: «Видаюсь часто с <...> членами Совета В.Ф.А., Пумпянским, Бакрыловым, Кристи, Чебышевым-Дмитриевым, Кояловичем, Д.М.Пинесом, вольфилками и т.д.» (*РД*. Л.108об.); «Председательствую и участвую в прениях на публ<ичной> лекции Пумпянского (не помню темы)» (Себе на память // *РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.96. Л.14). Николай Михайлович Коялович (1889–1941) – выпускник социально-экономического факультета Петроградского университета в 1920 г., позднее – преподаватель философии и политической экономии в ленинградских вузах; в «Вольфиле» были объявлены его кружки «Логические учения», «Психология», «Пограничные вопросы теории познания». Алексей Александрович Чебышев-Дмитриев (?–1942) – преподаватель математики; постоянный участник заседаний «Вольфилы», руководитель кружка «Введение в философию математики». Лев Васильевич Пумпянский (1891–1940) – философ, литературовед; активно участвовал в работе «Вольфилы» в 1921 – начале 1922 г. (см.: Белоус В.Г. «На перекрестке»: Л.В.Пумпянский и Вольфила // Вопросы философии. 1994. №12. С.153-157), его «вольфильский» доклад «Достоевский и античность» был опубликован отдельным изданием (Пб., 1922; см.: Бабич В.В. В поисках «связи времен»: «Достоевский и античность» Л.В.Пумпянского // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. №1. С.83-87; там же перепечатан доклад Пумпянского – С.88-103). Начинал свою деятельность в 1918–1919 гг. в Невеле в философском кружке вместе с М.М.Бахтиным и М.И.Каганом (см.: М.М.Бахтин и М.И.Каган. По материалам семейного архива / Публикация К.Невельской <псевд. Ю.М.Каган> // Память: Исторический сборник. Вып.4. Париж, 1981. С.249-281; Лекции и выступления М.М.Бахтина 1924–1925 гг. в записях Л.В.Пумпянского / Публикация Н.И.Николаева // М.М.Бахтин как философ. М., 1992. С.221-252; Николаев Н.И. М.М.Бахтин в Невеле летом 1919 г. // Невельский сборник. Статьи и воспоминания. Вып.1. СПб., 1996. С.96-101); в 1920-е гг. входил в религиозно-философский кружок А.А.Мейера и К.А.Половцевой (см.: Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С.325-327). См. также вступительную заметку Н.И.Николаева «О теоретическом наследии Л.В.Пумпянского» в кн.: Контекст–1982: Литературно-теоретические исследования. М., 1983. С.289. Пумпянский – предполагаемый прообраз Тептёлкина, героя романа К.К.Вагинова «Козлиная песнь» (1928); см. примечания Т.Л.Никольской и В.И.Эрля в кн.: Вагинов Конст. Козлиная песнь. Романы. М., 1991. С.545-546.

[11] Белый подразумевает, видимо, главных руководителей и организаторов «Вольфилы» – Иванова-Разумника, Конст.Эрберга, А.З.Штейнберга и себя.

[12] Неточно цитируется 1-я строфа стихотворения З.Н.Гиппиус «Петухи» («Ты пойми, – мы ни там, ни тут...», 1906); см.: Гиппиус З. Собрание стихов. Кн.2. 1903–1909. М., 1910. С.9.

[13] Подразумевается немецкий поэт и приверженец антропософии Кристиан Моргенштерн (Morgenstern, 1871–1914); Белый познакомился с ним в Лейпциге в начале января 1914 г., за три месяца до его смерти (см.: Лавров А.В. Андрей Белый и Кристиан Моргенштерн // Сравнительное изучение литератур. Сб. статей к 80-летию акад. М.П.Алексеева. Л., 1976. С.466-472). Книга Белого «Звезда» (Пб., 1922) открывается и завершается стихотворениями, обращенными к нему, – «Христиану Моргенштерну. Старшему брату в Антропософии» («Ты надо

мной – немым поэтом...», 1918) и «Христиану Моргенштерну» («От Ницше – ты, от Соловьева – я...», 1918).

[14] Приводятся первые 10 строк стихотворения Моргенштерна (1913; в оригинале – с делением на четверостишия); см.: Morgenstern Ch. Wir fanden einen Pfad. Gedichte (Sämtliche Dichtungen. I. Bd.11). Basel, Zbinden Verlag, 1973. S.16). Заключительные строки – в дальнейшем тексте письма. Перевод Иванова-Разумника в комментарии (Л.21) охватывает весь текст оригинала:

Стихотворение Моргенштерна:

Идущие к Истине –
Идут одиноко.
Никто не может другому
Быть братом по пути.
Мы идем по тропе,
Как кажется, вместе,
Пока в конце концов, видим мы,
Каждый – пропал.
Даже любимейший бьется
Где-то вдали...
Но кто все исполнит –
Победно достигнет звезды.
Создает, пронизавший сам себя Христом,
Новый божественный завет –
И его приветствуют братья
Вечного союза.

[15] Вероятный источник этих слухов – доверительные отношения Белого, установившиеся у него после возвращения из Швейцарии с Н.А.Григоровой или с К.Н.Васильевой.

[16] 11-я и 12-я строки цитированного стихотворения Моргенштерна.

[17] Обыгрываются образы и мотивы стихотворения Вл.Соловьева «Другу молодости» (1896). Ср.: «Враг я этих умных, / Громких разговоров»; «Из намеков кратких, / Жизни глубь вскрывая, / Поднималась молча / Тайна роковая» (Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы. («Библиотека поэта». Большая серия). Л., 1974. С.114).

[18] Заключительные строки стихотворения Андрея Белого «Дух» («Я засыпал... / Стремительные мысли...», 1914). См.: Андрей Белый. Звезда. С.41.

[19] «Звезда... Она – в непеременном блеске...» – строка из того же стихотворения.

[20] Искаженная цитата (в оригинале: «Am farbigen Abglanz haben wir das Leben») из 2-й части «Фауста» Гете (акт I, сцена «Красивая местность», монолог Фауста), ст.4727. Перевод в комментарии Иванова-Разумника: «В красочном отображении имеем мы жизнь» (Л.21).

[21] Формула из дифирамба Вяч.Иванова «Огненосцы»: «Из *Нет* непримиримого – / Слепительное Да!..» (Иванов Вяч. Cor Ardens. Ч.1. М., 1911. С.27).

[22] Цитата из «Фауста» Гете («Пролог на небе», слова архангела Рафаила), ст.243. Перевод в комментарии Иванова-Разумника: «Солнце звучит, как и древле» (Л.21).

[23] Индивидуальное восприятие Белым звука «ы» было связано с негативными эмоциями; в «значении» этого звука он улавливал связь с психологией толпы и ущемление личного начала. В письме к Э.К.Метнеру от 17 июня 1911 г. Белый говорил о коллективном «*ыы* Мусагета» («мы – стало м*ы*, м*ыы*») и утверждал: «Я боюсь буквы *Ы*. Все дурные слова пишутся с этой буквы: р-*ы* ба (нечто литературно бескровное <...>), м-*ы* ло (мажущаяся лепешка из всех случайных прохожих), п-*ы* ль (нечто вылетающее из диванов необитаемых помещений)», и т.д. (*РГБ*. Ф.167. Карт.2. Ед.хр.43); сходные рассуждения – в гл.1 «Петербурга» (главка «И при том лицо лоснилось». – *Петербург*. С.42-43).

[24] Цитаты из стихотворения А.А.Фета «Фантазия» («Мы одни; из сада в стекла окон...», 1847).

[25] Эта символическая параллель включает оперные ассоциации – со «Сказанием о невидимом граде Китеже и деве Февронии» (1907) Н.А.Римского-Корсакова и «Парсифалем» (1882) Рихарда Вагнера; легендарному Китежу на берегах озера Светлояр, скрывшемуся от татарского поругания, соответствует Монсальват, замок рыцарей Грааля, противостоящий царству злого кудесника Клингзора. В «Путевых заметках» (т.1. Сицилия и Тунис. М.; Берлин, 1922) Белый пишет: «Монсальват – это замок, построенный над Святейшим Сосудом: то он – утаился в Бретани, то он – перенесся в Испанию; странствует замок, бредя по легендам; и странствуют рыцари, сопровождая его... по легендам. План замка нашел Титурель: Монсальват – круглый

храм» (С.114-115). Округлые формы Монсальвата вызывают у Белого ассоциации с «Bau», т.е. с Гетеанумом («Johannesbau»).

[26] См. примеч.14.

[27] Неточно приводятся слова Городничего из «Ревизора» Н.В.Гоголя (действие 5, явл.VIII): «Чему смеетесь? над собою смеетесь!..»

[28] Ding an sich (*нем.*) – вещь в себе; философский термин, введенный И.Кантом.

[29] С.Д.Мстиславский.

[30] Белый читал курс из девяти лекций «Антропософия как путь самопознания» при «Вольфиле» с 15 мая по 30 июня 1920 г.: «...я увлекаюсь задачами своего курса, читаю лекцию часа по 4; она переходит в семинарий и обратно; семинарий в лекцию; получаю много писем; очерчивается кружок, специально заинтересованный антропософией; из него потом Михайлов, Соня Каплун, Фехнер, Меринг, Соня Мейникес оказываются в специальной антропософской группе; но курс перестает быть курсом: ряд частных разговоров, уже взывающих к проблеме "пути"» (*РД*. Л.105. Запись об июне 1920 г.). Занятия кружка «Антропософия как путь самопознания» велись по субботам, с 6 до 8 час. вечера (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.1. Л.7).

[31] Имеется в виду Анна Васильевна Уханова – художница, член-соревнователь «Вольфилы».

[32] Иванов-Разумник вел в «Вольфиле» кружок «Критическая история литературы XX века».

[33] См. примеч.14.

[34] Вероятно, искаженная цитата из стихотворения М.Ю.Лермонтова «Нет, не тебя так пылко я люблю...» (1841): «Но не с тобой я сердцем говорю».

[35] 8 апреля на российской территории наблюдалось солнечное затмение. Ср. дневниковую запись очевидца: «Сегодня день солнечный, что дало возможность москвичам наблюдать частичное солнечное затмение. В 2 ч. 39 м. по новому времени солнце закрылось на две трети. Советская просветительная часть воспользовалась этим астрономическим явлением, чтобы похвастаться своей ученостью: сочинила и издала особые плакаты, хорошо разрисованные и популярно составленные, и расклеила их по всей Москве, как бы говоря: вот как у нас, затмение солнца – и то предусмотрено!» (Окунев Н.П. Дневник москвича. С.441).

[36] Имеется в виду строка из «Фауста» Гете: «Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust» («Ах! две души живут в моей груди») – ч.1, сцена «У ворот», слова Фауста (ст.1112).

[37] См. примеч.1, 6.

[38] В архиве Иванова-Разумника сохранился автограф Белого – составленный им план работы «кружка сознания» с указанием его предполагаемых участников:
«*Программа деятельности кружка сознания* (духовной культуры).
Я. Маргарита Васильевна. Виссель. Векслер. Фехнер. О.Д.Форш. Ушанова. В.А.Пяст. Бруни. Меринг.
1) *Общие проблемы духовной культуры.*
2) История духовной культуры.
a) Христианство (Бруни, Мейер, О.Д.Форш).
b) Иудейство (А.З.Штейнберг).
c) Буддизм и необуддизм.
d) Браманизм?
e) Теософия.
f) Антропософия.
g) Толстовство.
3) Связь проблем дух<овной> культуры a) с наукой, c) <sic!> с искусством, d) с моралью, e) с общественностью» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.3. Ед.хр.64. Л.1).

117. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
После 8 апреля 1921 г.[1]

IV – 1921.

Милый и дорогой Борис Николаевич, – все вздор и вздор! О.Д.Форш – дура и нагловатая втируша – не имела никакого права говорить от имени Вольфилы, к которой не имеет никакого отношения (кроме случайных посещений). На Вашем месте я вспылил бы точно так же. Забудьте весь «инцидент» – он не стоит яичной скорлупы;

О.Д. – с боку припёка, а Вы – центр Вольфилы. Так думают все вольфильцы, а не один я.

Впрочем – лично поговорим. Это лишь первая ласточка

от любящего Вас Р.Иванова.

[1] Ответ на п.116. Над текстом – помета рукой Иванова-Разумника: «*Копия*». В комментарии Иванова-Разумника приводится машинописная копия текста этого письма (Л.20об.).

118. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
20 апреля 1921 г.

Дорогой Борис Николаевич,
пишу на тот случай, если Вас не застану. У меня к Вам «просьба о содействии», требующая телефонных разговоров.

Вот дело какое: Варвару Николаевну забирают в Детском Селе на общественные работы («трудовая повинность»); и хотя дело не трудное и «симпатичное» – уборка парка, разбор огородных семян и т.д., – но из-за этого вся моя работа грозит перевернуться вверх дном: мне самому теперь надо заменить ее по домашней работе, вся тяжесть которой лежит на Варв<аре> Николаевне. Вместо того, чтобы писать свою статью, я теперь дома должен работать за кухарку и судомойку целый день. Не знаю поэтому, буду ли у Вас завтра (всячески постараюсь!), буду ли в пятницу вечером на заседании в Вольфиле и даже в воскресенье на Вашем докладе[1] (что было бы для меня больше, чем обидно).

Месяца два тому назад по делу о вселении в мою петербургскую квартиру[2] мне очень помог т. Белицкий[3], хочу еще раз просить его и Каплуна[4] помочь мне в только что сообщенном деле, а т<ак> к<ак> сегодня тороплюсь на поезд (все из-за тех же домашних дел), то очень прошу Вас – не в службу, а в дружбу – помочь мне в этом. Может быть, Вы могли бы поговорить с Бор<исом> Г<ит>ман<овичем> или Белицким, а они указали бы Вам, куда мне надо обратиться, чтобы освободить жену хотя на это время, пока я так занят, от обязательных работ по Детскому Селу, а себя – от поглощающих все время домашних хлопот. Мне сказали в Д<етском> Селе, что «Петрокоммуна» может освободить, если пожелает, но куда обратиться, к кому – понятия не имею. А если бы Бел<ицкий> или Капл<ун> могли бы не только направить, но и дать от себя какую-нибудь записку кому следует, то был бы очень благодарен.

Простите, милый Борис Николаевич, что занимаю Вас этими кухонными делами. Надеюсь очень быть у Вас завтра (в четверг) в 6 ч. веч<ера>, а в пятницу утром пойду хлопотать, если Вы узнаете – куда. Еще раз простите; обнимаю Вас и до свидания.

Ваш Р.Иванов.

20/IV 1921.

[1] Пятница – 22 апреля, воскресенье – 24 апреля. Повестки этих заседаний не выявлены. Возможно, воскресное заседание подразумевается в позднейшей записи Белого: «Моя публичная лекция "О максимализме". В.Ф.А. (Прения)» (*РД*. Л.108об.).

[2] Речь идет о квартире, принадлежавшей отцу Иванова-Разумника В.А.Иванову (скончавшемуся в конце 1919 г.), в доме 20 по Чернышеву переулку. См.: Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. С.176.

[3] Ефим Яковлевич Белицкий (1895–1940) – заведующий отделом управления Петроградского Совета в 1917–1922 гг.; возглавлял издательство «Эпоха» (выпустившее в свет несколько книг Белого), с 1922 г. был заместителем заведующего Ленинградского отделения Госиздата. Его жена – Мария Гитмановна Каплун (сестра С.Г.Каплун, деятельно участвовавшей в «Вольфиле»). В 1922 г. Белицкий приезжал в Германию, где встречался с Белым. С 1926 г. работал в основном за границей в системе внешней торговли, последняя должность – начальник финансового отдела Главтоппрома. Согласно справке из Центрального архива ФСБ, был арестован органами НКВД 22 июня 1939 г. по обвинению в участии в правотроцкистской заговорщической организации, расстрелян 5 февраля 1940 г.

[4] Борис Гитманович Каплун (1894–1937) – инженер-механик по образованию, сотрудник управления Петроградского Совета, большевик; двоюродный брат М.С.Урицкого (см. о нем в примечаниях А.Л.Дмитренко к воспоминаниям О.М.Грудцовой // Минувшее: Исторический альманах. Вып.19. М.; СПб., 1996. С.124-125). Был, по свидетельству Н.И.Гаген-Торн в ее очерке о «Вольфиле», почитателем Белого и Блока, «меценатом и радетелем Вольфилы» (Вопросы философии. 1990. №4. С.90). Брат сестер Каплун – Софьи, Марии, Клары. Белый в эту пору был в теплых дружеских отношениях со всей семьей Каплун; мать Белого, после его отъезда в Берлин, поселилась в петроградской квартире Б.Г.Каплуна (сам он тогда получил назначение в Москву). В 1922–1923 гг. Каплун – управляющий делами Петроградского промбанка, в 1924–1935 гг. – сотрудник Наркомата путей сообщения, затем до марта 1937 г. – заместитель директора (коммерческий директор) 1-го авторемонтного завода Наркомата тяжелой промышленности. Согласно справке из Центрального архива ФСБ, был арестован органами НКВД 23 мая 1937 г. по обвинению в участии в антисоветской троцкистской организации, расстрелян 28 ноября 1937 г.

119. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
Первая половина мая 1921 г.

Дорогой Борис Николаевич,

Вольфила бьет Вам челом вот о чем:

1) будет Вас просить (или уже просил?) «Институт Истории Искусств» выступить с рядом лекций *по ритмике*[1]. Ради Бога – откажитесь: времени и без того у Вас мало и жаль было бы тратить его на такие занятия.

2) «Дом Искусств» хочет просить Вас (или уже просил?) прочесть у них «Эпопею»[2]. Вольфила бьет челом лишь вот о чем: чтобы эти чтения не были *до* наших, вольфильских (т.е. до 13-го и 27-го мая), а то очень будет Вольфиле неприютно; пусть заведение под фирмой «Дома Искусства» идет на втором месте, если уж хотите там читать. *Очень* просим об этом.

Обнимаю. Ваш Р.Иванов.

[1] В 1921 г. стиховедческих лекций в Институте истории искусств Белый не читал (курс «Проблемы ритма» был прочитан им годом ранее, в марте–апреле 1920 г., в петроградском Доме Искусств).

[2] По всей вероятности, Белый с чтением «Эпопеи» («Преступления Николая Летаева») в Доме Искусств не выступал.

120. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
15? мая 1921 г. Петроград[1].

Дорогой Борис Николаевич,

сегодня Ваш Отдел[2] засидится, вероятно, долго; Вы уже теперь устали, а я устану еще на заседании Вольфилы. Поэтому сегодня вечером к Вам не приду.

Надеюсь увидеться завтра вечером (после 7 ч.) в Вольфиле, а затем предлагаю Вам взять отпуск на вторник, среду и следующие дни: я до пятницы вечера – дома, и хорошо бы Вам отдохнуть у нас (взяв с собой Эпопею)[3] всю эту неделю. Если это возможно, то мы с Вами вместе уедем в Царское Село во вторник, с поездом 2 ч. 40 м. дня. Но для этого Вам надо, чтобы Клара Гитмановна*[4] дала Вам от Библиотеки такую бумажку:

«Настоящим удостоверяется, что Б.Н.Б<угае>в командируется Наркоминотделом в Детское Село и обратно, для ознакомления с библиотеками Детского Села. Действительно по 22 мая 1921 г.»

Это удостоверение Вам утвердит Белицкий, и этим ограничена вся процедура.

Обнимаю Вас – до завтра.

Ваш Р.Иванов.

---

* *В автографе*: от Клары Гитмановны.

[1] Написано, по всей вероятности, в воскресенье 15 мая (в воскресенье 22 мая Белый и Иванов-Разумник выступали с речами на 72-м заседании «Вольфилы», посвященном Наполеону. – *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.1. Л.33).

[2] Подразумевается, видимо, «Кружок сознания» в «Вольфиле», руководимый Белым.

[3] Речь идет о рукописи «Преступления Николая Летаева», над которой в это время работал Белый.

[4] Клара Гитмановна Штрум (урожд. Каплун, 1892–1953) – заведующая библиотекой Наркоминдела, где в это время Белый служил помощником библиотекаря. Перед отъездом в Германию в октябре 1921 г. Белый оставил ей и ее сестре, Марии Гитмановне Белицкой, доверенность на право издания своих сочинений (см.: *ИРЛИ*. Р.I. Оп.2. Ед.хр.445).

121. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
15? мая 1921 г. Петроград[1].

Борис Николаевич,

записка, которую я для Вас передал Виссель и которую она Вам не передала[2], заключает в себе следующее предложение:

1) взять завтра «отпуск» из Библиотеки на всю неделю, (ибо

2) – во вторник, в среду в Вольфиле вечером нет занятий, ибо Пумпянский болен, а Мейер откладывает «Неоплатонизм»[3] на июнь).

3) Во вторник в 2 ч. 40 м. дня я предлагаю Вам вместе со мной двинуться в Царское Село на вторник, среду, четверг – и пока захотите; я уеду в Спб. только в пятницу вечером на заседание своего отдела.

4) Возьмите с собой «Эпопею» и больше ничего.

5) Для поездки надо завтра взять у Клары Гитмановны следующее

«Удостоверение»

«Настоящим удостоверяется, что* Б.Н.Б<угае>в** командируется в гор. Детское Село для ознакомления с библиотеками. Действительно по 22 мая 1921 г.».

– или что-нибудь в этом роде.

6) Это удостоверение надо дать на утверждение Белицкому и затем ехать на вокзал. Поедемте? Сирень цветет.

7) Решение – сообщите мне завтра вечером.

[1] Написано на обороте талона «квитанции №543» (Общество вспомоществования нуждающимся ученикам. Царскосельское реальное училище Императора Николая I).

[2] Имеется в виду п.120.

[3] Вероятно, намеченный цикл тематических занятий в философском кружке А.А.Мейера.

122. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
24 июня 1921 г. Детское Село.

Дорогой и милый Борис Николаевич,

я расклеился и не выхожу из дома. Надеюсь склеиться к понедельнику (27-го) и зайти к Вам днем, а пока сердечно обнимаю.

Ваш Р.Иванов.

24/VI 1921.

123. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
Конец июня 1921 г.

Дорогой Разумник Васильевич,

у меня к Вам ряд дел: 1) уже 10 дней тому назад Кристи прислал в «*Вольфилу*» человека, видимо – анархиста, с большой просьбой дать ему проявиться в «Вольфиле».

---

* *Далее над строкой вписано неразборчивое слово.*

** Тут вставить Вашу должность: «Помощник Библиотекаря Наркоминотдела» или что-либо подобное. (*Примечание Иванова-Разумника*).

2) Есть другое предложение «Вольфиле». Вы три раза обещали у меня быть и не были. А я – рухнул. Сегодня у меня был проф. Троицкий (невропатолог)[1], прописал строгий режим, лечение (обтирание водой, мышьяк и т.д.) и жизнь за городом. Теперь просто с огромной охотой хотел бы перед отъездом в Москву пожить с Вами в Царском недели 2[2]; мне прописано ложиться в 12 часов ночи по советскому времени и вставать в 9 утра; видите, я не очень нарушу Ваш режим жизни.

Очень меня смущает Пумпянский: воскресенье я *не* могу быть, а между тем степень его безграмотности в вопросах антропософии только равна со степенью его нахальства; воображаю, что за чушь будет он пороть[3]. Если бы я знал степень его безграмотности, никогда я не согласился бы оппонировать ему (сейчас мне это и невозможно: Троицкий временно просит меня отказаться от умственных «*прей*»); да и притом: не для того я в «*Вольфиле*» прочел 2 курса, вводящих в проблемы антропософии, чтобы в той же «*Вольфиле*» опять и опять и опять и опять начинать «*ab ovo*»*: антропософия де не есть чепуха; Пумпянский прямо заявляет, что *чепуха*. Ну, а коли так, то пусть о *чепухе* антропософской с Пумпянским разговаривают сторонники такого взгляда: на *петушиные бои* я не охоч (как в прошлом году отказался драться со Шкловским[4], так на тех же основаниях считаю невозможным пререкаться с противником, который, не прочтя ничего на эти темы, не будучи знаком с литературой, непременно лезет в бой: жаль, что, предварительно не осведомившись со степенью его «*знания*» на эти темы, я согласился на Ваше предложение выступить оппонентом. А сидеть два часа и слушать «*чепуху*», на которую мною уже отвечено 2-мя курсами лекций в «*Вольфиле*», чтобы встать и публично заявить <о> том <?>, т.е. что с «*безграмотностью*» не спорят, – вряд ли интересно: «*Вольфиле*», Пумпянскому, мне.

Если бы «Вольфила» захотела сериозного дебатирования на тему «*антропософии*», то она обратилась бы ко мне с просьбой изложить на основании материала подлинное, философское обоснование проблем антропософии; но – все мои выступления, лекции, курсы в «*Вольфиле*», *говорю это положа руку на сердце*, есть обсуждение проблем *антропософского сознания* так, как эти проблемы обсуждаются в *А<нтропософском> О<бщест>ве* за границей и в Москве; если я близок в этих вопросах к кругу «*вольфильских*» тем, то есть тем *Spengler'a*[5] и т<ому> под<обных>, то «*антропософские*» проблемы не суть нечто, что является продуктом «*жалкой чепухи*», «*трехкопеечной магии*» и философской отрыжки Кифы Мокиевича[6]; по Пумпянскому это *так*; и жаль, что первое выступление темы «*Антропософии*» на публичном заседании «*Вольфилы*» будет в оправе трактования этих вопросов с «*кондачка*». На такое трактование мой ответ – молчание; ибо я уже ответил: dixi (курсом «*Антропософия, как путь самопознания*», «*Культура Мысли*», лекциями «*Философия культуры*», «*Лев Толстой и культура*»[7]: не лгу же я, что мой ответ – подлинно антропософский). Но если Пумпянский, Чебышев-Дмитриев, Форш и прочие знают больше меня, а мои слабые попытки понять антропософию к антропософии не относятся, мне остается, как антропософу, в их среде замолчать и тихо ретироваться: ибо я могу откликаться на сериозные проблемы; на «*прю*», «*петушиные бои*», «*базар*» я не откликаюсь. Милый Разумник Васильевич, я действительно потрясен «*нахальством*» Пумпянского.

Искренне преданный Б.Бугаев.

[1] Видимо, имеется в виду доктор медицины Сергей Иванович Троецкий. В записях «Для памяти (Жизнь в Петрограде...)» Белый отмечает: «Был болен: расстроились нервы. У меня был проф. Троицкий» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.98. Л.5об.).

[2] Об июне 1921 г. Белый вспоминает: «В конце месяца надрываюсь (служба!). Беру отпуск на два месяца; и уезжаю к Раз<умнику> Вас<ильевичу> в Детское Село» (*РД*. Л.109об.).

[3] В воскресенье 3 июля было намечено провести 76-е заседание «Вольфилы» на тему «Беседа об антропософии» с докладом Л.В.Пумпянского (см.: *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.8. Л.74). В хроникальной заметке о «Вольфиле» Белый указывает: «К темам открытых заседаний 1921 относятся следующие доклады и беседы: <...> *Л.В.Пумпянский "Об антропософии"*» (Новая Русская Книга. 1922. №1. С.32). Белый спорил с Пумпянским на «вольфильском» засе-

* *«От яйца», т.е. с самого начала (лат.).*

дании 22 мая 1921 г., посвященном Наполеону; Д.Е.Максимов в очерке «О том, как я видел и слышал Андрея Белого» вспоминает: «...Белый, выступая тогда, прямо назвал себя антропософом <...> он полемизировал с докладом о Наполеоне вольфильца, впоследствии известного литературоведа, Л.В.Пумпянского и опровергал его вывод о том, что Наполеон есть "завершение истории"» (Максимов Д. Русские поэты начала века. Л., 1986. С.356).

[4] Прозаик, критик и литературовед Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) не был членом «Вольфилы», однако посещал ее заседания и выступал с докладами (см. об этом в воспоминаниях о «Вольфиле» Н.И.Гаген-Торн: Вопросы философии. 1990. №4. С.100); в частности, 21 марта 1920 г. участвовал в «Беседе о пролетарской культуре» (см. стенограмму его выступления в публикации Е.В.Ивановой «Беседа о пролетарской культуре в Вольфиле»: De Visu. 1993. №7 (8). С.17-18).

[5] Обсуждению историософских и культурологических концепций немецкого философа Освальда Шпенглера (Spengler, 1880–1936), изложенных в его труде «Закат Европы» («Der Untergang des Abendlandes», 1918), было посвящено одно из заседаний «Вольфилы» в июне 1921 г.; Белый зафиксировал: «Прения о Шпенглере в клубном засед<ании> В.Ф.А.» (*РД*. Л.109об.). Критический анализ взглядов Шпенглера Белый дал в философском очерке «Основы моего мировоззрения» (1922), оставшемся в рукописи и впервые опубликованном Л.А.Сугай вместе с ее предисловием «Андрей Белый против Освальда Шпенглера» (Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.10-37).

[6] Образ из гл.XI 1-го тома «Мертвых душ» (см.: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т.6. [Л.], 1951. С.243-245); символизирует для Белого увлечение «умозрительными», псевдофилософическими рассуждениями. Ср. упоминания об «упражнениях Кифы Мокиевича» в «Воспоминаниях о Блоке» Белого (Эпопея. №2. М.; Берлин, 1922. С.194) и свидетельства К.Н.Бугаевой о «философии Кифы Мокиевича» в интерпретации Белого (*Бугаева*. С.37).

[7] См. примеч.30 к п.116, примеч.5 к п.108, примеч.10 к п.106. Курс лекций «Культура мысли» Белый читал в московском «Дворце Искусств» в январе–феврале 1920 г.

124. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
Август – начало сентября 1921 г. Детское Село[1].

Дорогой Разумник Васильевич,
решил сегодня уехать, чтобы завтра днем справить Гржебинские дела[2]. Постараюсь, если смогу, быть в среду. Если у Вас будет оказия отправки письма, то дайте и оставленное письмо для передачи Б.П.Григорову (*лучше не бросать в почтовый ящик в Москве*). И если не будет возможности передать письмо по месту назначения, то пусть лучше письмо останется у Вас: тогда его разорвите[3].

[1] Письмо предположительно датируется временем проживания Белого в Детском Селе в квартире Иванова-Разумника в августе – начале сентября 1921 г. (с регулярными наездами в Петроград).

[2] Подразумевается поездка в Петроград с целью улаживания договорных условий с Издательством З.И.Гржебина, которому принадлежали права на издание Собрания сочинений Андрея Белого (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. С.66-68). Возможно, что потребность в этом возникла у Белого в связи с получением разрешения на выезд за границу (в начале сентября 1921 г.).

[3] Комментарий Иванова-Разумника: «Прилагаемое письмо <...> не было ни разорвано, ни переслано, так как сам АБ поехал в Москву» (Л.21; Белый выехал в Москву 6 сентября). Письмо Белого к Б.П.Григорову хранилось в архиве Иванова-Разумника вместе с комментируемым письмом; по всей вероятности, оно погибло вместе с многочисленными другими материалами этого архива. Судя по тексту комментария, это письмо было включено Ивановым-Разумником в общую подборку писем Белого к нему – вместе с письмом Белого к С.Н.Кампиони: «По-видимому, к началу сентября 1921 г. относится и нижеследующее (неоконченное и неотправленное) письмо АБ к С.Н.Тургеневой-Кампиони <...>» (Л.21об.). Указанное письмо Белого к С.Н.Кампиони сохранилось в архиве Иванова-Разумника, опубликовано в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. С.53-54.

125. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
15 января 1922 г. Берлин[1].

22 года. 15 января. Берлин.

Милый Разумник Васильевич,

Получили ли Вы мое письмо – о журнале «*Эпопея*»?[2] Если да, – пришлите материал. Что написать? Сердце сжимается болью: у меня трагедия: Ася ушла от меня[3]; Штейнер – разочаровывает; движение – пустилось в «*пляс*»[4]; русские – сонные тетери; ни в чем нет успокоения. Нервы расстроились; работа не идет. Сознательно стал *пить*; вообразите, – идет ли мне быть пьяницей? А я стал пьяницей – *от горя*!.. Вот до чего дошел!..[5] Оттого и не пишу. О чем писать? Boire, manger*, – великолепно; во всем прочем мы – впереди. Учредили «*Вольфилу*»: плохо идет[6]. Вместо «*Вольфилы*» – хожу к студентам, русским; и – среди них подлинная «*Вольфила*»[7], а в «*Вольфиле*» вольфилы – нет. Евгений Германович относительно «*Вольфилы*» – увалень: он, персонально милый, стал – чиновником[8]; Александр Абрамович – волевой, но – «*шалый*»; с ним каши не сваришь[9]; Браун живет в Лейпциге[10]; Ященко лишь числится[11]; а Минский[12], единственно «*хотящий*» «*Вольфилу*», – «*Вольфила*» ли? Руки отваливаются там работать. Чтобы «*Вольфила*» была вольфилой – надо четырежды *впрячься* в нее: за Вас, за Аар<она> Зах<аровича>, за себя, за Конст<антина> Алекс<андровича>[13]. А я не могу: мне с моею трагедией – до себя лишь. Пулю в лоб – вот как плохо!

Шестов из рук вон как подвел: в письме и не расскажешь; с треском, со скандалом вышел из «*Вольфилы*» (из-за газетной истории с Лундбергом)[14]. «*Вольфила*» возникла, а у меня – сомнение: властью бы председателя ее закрыть: до того она – не «*Вольфила*». Берегите «*Вольфилу*»: из Берлина петербургская «*Вольфила*» сияет утренней звездой. Любите «*Вольфилу*», особенно «*вольфильцев*», особенно «*вольфилок*», особенно Елену Юльевну[15]: отсюда, изо всех «*вольфил*»-ок ее ценю: она и Виссель, – только они вкладывают свои души в «*Вольфилу*». Милый Р.В.! Первое заседание (публичное) было: но – протащил на себе![16] Публика – благодарила; но это – я, а не «*Вольфила*». Коллектива – нет: здесь, в Берлине, я должен бы был *четырежды* быть «В.Ф.А.» (за Вас, за А.З., за К.А., за себя!); а я 1/4 – себя самого!.. Ну какая же – «*Вольфила*» возможна в Берлине?

Ах, как грустно, как пусто, как тяжело!..

Милый, передайте Кларе Гитмановне[17]: *мою корзину с книгами и с рукописями стихов* (частью переправленных) – похерили: она – пропала; разворовали... Хамы!.. Передайте К.Г., что если до 15 марта миссия мне не вернет моей утраченной корзины, то – опубликую этот факт *в эмигрантской* прессе[18]; по отношению к «*ним*» я – циничен; или – корзина книг, или – перехожу на эмигрантское положение: ***они должны ухаживать за мной***!..

Милый, хороший, близкий! Мне Вы близки все более, Разумник Васильевич, – что сказать? Нечего... От боли стискиваю зубы; и – *пью*... Провалилась Ася, Штейнер, движение, – всё: нелегко мне вынести эту утрату. Но на *такое* ведь ехал: знал, что ждет.

Eine Strasse muss ich gehen,
Die noch keiner kommt zurück[19]...

К «*да*» – через бунт!..

Милый, – знаете, когда я слушал Штейнера, то... мне казалось: Штейнер – разжиженная «*Вольфила*». Берегите «*Вольфилу*».

Вот – и все: умолкаю. Без слов братски обнимаю Вас. И – спасибо, спасибо за все эти пять лет в России. Не покидайте Духом: мы еще вместе – «*будем*»!..

Привет «*Вольфиле*», «*вольфильцам*», «*вольфилькам*», Варваре Николаевне, Иночке...

Любящий крепко Борис Бугаев.

Адрес. Deutschland. Herrn Boris Bugaeff. Passauerstrasse. 3. III Stock. Bei d'Albert[20]. Berlin. W<est>.

---

* *Пить, есть (фр.).*

[1] Заказное письмо; почтовые штемпели: Berlin. 19.1.1922; Москва. 27.1.22. По его получении Иванов-Разумник информировал о Белом Конст.Эрберга (6 февраля 1922 г.): «От него письмо; привезу и прочту» (*ИРЛИ*. Ф.474. Ед.хр.145).

[2] Упоминаемое письмо, по всей вероятности, до Иванова-Разумника не дошло. В декабре 1921 г., после приезда в Берлин 18 ноября, Белый получил предложение от издательства «Геликон» редактировать новый журнал под названием «Эпопея». Вышло в свет под редакцией Андрея Белого 4 выпуска этого издания: в 1922 г. – №№1-3 (с подзаголовком «Литературный ежемесячник»), в 1923 г. – №4 (с подзаголовком «Литературный сборник»). О декабре 1921 г. Белый пишет: «...впрягаюсь в организацию журнала "Эпопеи", коего числюсь редактором: собираю рукописи, организую сотрудников, пишу 1-ую главу "воспоминаний о Блоке" (перерабатывая материал, начатый в Детском)» (*РД*. Л.111об.).

[3] А.Тургенева была в Берлине 18-21 ноября и 7-10 декабря 1921 г. – в дни пребывания там Р.Штейнера. В письме к матери от 29 декабря 1921 г. Белый охарактеризовал свои встречи с женой более осторожно: «...первый человек, которого я встретил в Берлине, была Ася; она с доктором проехала из Швейцарии через Берлин в Христианию; и – обратно: давать эвритмические представления; мы провели с ней 4 дня; и на возвратном пути она осталась 4 дня в Берлине. В общем – не скажу, чтобы Ася порадовала меня; она превратилась в какую-то монашенку, не желающую ничего знать, кроме своих духовных исканий» (Malmstad John E. Andrej Belyj at Home and Abroad: Materials for a Biography // Europa Orientalis. VIII. 1989. P.455-456). Более откровенны признания Белого в письмах к Е.Ю.Фехнер: «...не легка... была встреча с Асей <...>. Мы с Асей вроде как разошлись, без взаимных упреков, дружески, но... но... но...» (середина декабря 1921 г.); «...ищешь друга, а друга нет: Ася, – друг, который сбежал от меня, оставив меня одного» (Литературное обозрение. 1989. №9. С.109, 110). О том, что объяснения и разрыв с женой Белый переживал с исключительным драматизмом, свидетельствует И.В.Гессен: «...нам пришлось провести несколько дней в пансионе, в котором остановился и только что приехавший из России Андрей Белый – он тогда ликвидировал отношения с женой своей Асей Тургеневой. Утром в крайнем возбуждении прибежала в мою комнату почтенная вдова "фрау Альбертс" и просила дать совет: выселить ли беспокойного жильца или предупредить полицию.

– Представьте себе – всю ночь я не могла сомкнуть глаз, всю ночь он метался по комнате как угорелый; он говорил, говорил, она говорила, оба вместе говорили, потом вдруг такая тишина, как будто оба умерли, а потом опять сначала, я вся дрожала, вдруг он выскочит в окно или вот-вот раздастся выстрел, добром же это не может кончиться.

Я старался успокоить ее, рассказав, в чем дело, и объясняя, что не так-то просто разорвать многолетние супружеские отношения» (Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Paris, 1979. С.53-54).

[4] Под «движением» Белый подразумевает деятельность Антропософского общества. С Штейнером он увиделся 19 ноября 1921 г. на его докладе «Антропософия и наука» в Берлинской филармонии (см.: Beyer Thomas R. Andrej Belyj. The Berlin Years 1921–1923 // Zeitschrift für slavische Philologie. 1990. Bd.50. H.1. S.101-102); о состоявшемся тогда мимолетном разговоре Белый сообщает в автобиографическом очерке «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития» (1928): «...самому Штейнеру, спросившему меня: "Ну, – как дела?", – я мог лишь ответить с гримасою сокращения лицевых мускулов под приятную улыбку: "Трудности с жилищным отделом". Этим и ограничился в 1921 году пять лет лелеемый и нужный мне всячески разговор» (Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.480). В дни пребывания Штейнера в Берлине Белый виделся с ним еще несколько раз – на его лекциях в Антропософском обществе и на эвритмических представлениях (20 ноября, 7 декабря); см. *РД*. Л.112; Lindenberg Ch. Rudolf Steiner. Eine Chronik. S.472, 473.

[5] Ср. свидетельства Белого о декабре 1921 г.: «Час от часу не легче; ссора с Асей; отход от антропософов <...>, ощущение бессмыслия; но под ударами судьбы – почва зашаталась под ногами; нет воли что-либо с собой сделать: переоценка ценностей 10<-ти> лет (и людей, и идей, и себя); начинаю угрюмо убегать от всех (и русских, и антропософов) и угрюмо отсиживать в пивных: так приучаюсь к вину <...>» (*РД*. Л.111об.).

[6] Сообщение об организации в Берлине 30 ноября 1921 г. филиала Вольной Философской Ассоциации появилось в русских берлинских газетах «Руль» (№318. 3 декабря) и «Голос России» (№831. 4 декабря). См.: Beyer Thomas R. Andrej Belyj. The Berlin Years 1921–1923. S.103-104. Об учредительном собрании берлинского отделения «Вольфилы» 5 декабря 1921 г. появилось сообщение в петроградском журнале «Мысль» (1922. №1. С.185-186). Белый вспоминает в этой связи: «...рой русских – сумбур; насильно почти впрягают в работу организации в Берлине отдела В.Ф.А. и берлинского "Дома Иск<усств>" (член Совета – второго, председатель – первой)» (*РД*. Л.111). Л.Шестов был избран почетным председателем Ассоциации. В

середине декабря 1921 г. Белый писал Е.Ю.Фехнер: «...основываем здесь отделение "*Вольфилы*" (в Совете: Лундберг, Шрейдер, проф. Браун, проф. Ященко, Вальтер, я, Минский, Венгерова, Ремизов); не знаю, пойдет ли: ведь из "*вольфильцев*" Вольфилы только я один, а у меня пафоса нет: *душа моя мрачна*...» (Литературное обозрение. 1989. №9. С.109). Свод документальных материалов, характеризующих деятельность «Вольфилы» в Берлине, см. в публикации: Обатнина Е.Р., Белоус В.Г. Берлинская Вольфила (1921–1922): хроника // Вопросы философии. 1997. №7. С.141-155.

[7] Об этих контактах свидетельствуют хроникальные сообщения в «Голосе России»: «В воскресенье, 18 декабря в 5 час. вечера в Студенческом зале Всемирного Христианского Союза Молодых Людей (Y.M.C.A.) Ам Кни, кафе Аббацция, состоится доклад Андрея Белого "Проблемы культуры"» (1921. №840. 15 декабря); «В четверг, 29-го с.м. состоится 12-ый литературно-художественный четверг в союзе Росс. студ. (Штуттгартер плац, 20). Андрей Белый прочтет свою поэму "Христос Воскресе"» (1921. №851. 27 декабря); «15-го января, в 5 час. вечера в помещении Студенческого зала Y.M.C.A. в кафе "Аббацция" Ам Кни Андрей Белый прочтет доклад "Культура сознания". Эта лекция будет как продолжение первой лекции Андрея Белого, прочитанной им в том же помещении в декабре месяце п.г.» (1922. №863. 12 января).

[8] Евгений Германович – Лундберг; он приехал в Берлин в августе 1920 г.; осенью того же года организовал там вместе с А.А.Шрейдером (на сохранившиеся в Швейцарии деньги левоэсеровской партии) издательство «Скифы» (см.: Лундберг Е. Записки писателя. 1920–1924. Т.II. Л., 1930. С.61-62, 65-66; Писатели. Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1920 г. // Русская Книга. 1921. №1. С.25). Об учреждении «Скифов» Лундберг известил Белого письмом от 17 ноября 1920 г. из Берлина: «Я прошу Вас присылать нам все, что Вы найдете необходимым издать либо по-русски для России, либо по-немецки и по-французски для Запада. <...> "Скифы" хотели бы сделаться комиссионным издательством Вольной Философской Академии» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.218). Лундберг также возглавил в Берлине «Бюро иностранной науки и техники» – первое советское издательство (см.: Хлебников Л.М. Из истории горьковских издательств «Всемирная литература» и «Издательство З.И.Гржебина» // *ЛН*. Т.80. В.И.Ленин и А.В.Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., 1971. С.690; Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921–1923. По материалам архива Б.И.Николаевского в Гуверовском институте. Paris, 1983. С.58-59). По приезде в Берлин в ноябре 1921 г. Белый первые недели жил у Лундберга; ср.: «Приехал Андрей Белый. Живет у меня. Сходимся поздно вечером, говорим за полночь» (Лундберг Е. Записки писателя. Т.II. С.190).

[9] Александр Абрамович – Шрейдер (1894 или 1895–1930) – философ, журналист, один из лидеров левых эсеров (член ЦК ПЛСР, с 1921 г. – заграничный представитель партии); автор книги «Очерки философии народничества» (Берлин, «Скифы», 1923). См. о нем: Минувшее: Исторический альманах. Вып.2. Paris, 1986. С.66-67 (комментарий В.Захарова). До отъезда за границу был одним из руководителей левоэсеровского издательства «Революционный социализм». Был одним из инициаторов берлинского филиала «Вольфилы» (еще 21 июля 1921 г. писал Белому из Берлина: «Необходимо было бы здесь создать нечто в роде настоящей Скифской *академии*, не лекций и побегушек, а подлинной работы для литературы». – *РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.218). Осенью 1921 г. пытался организовать при берлинском издательстве «Скифы» журнал «Вестник всех искусств» на русском и немецком языках; предполагалось привлечь к участию Андрея Белого, А.Г.Горнфельда, В.Хлебникова, В.Шкловского, К.Малевича. К.Эрберга, Г.Шпета и др., редакторами литературного отдела немецкоязычного журнала намечались Иванов-Разумник и (в Берлине) Андрей Белый и Е.Г.Лундберг (план издания изложен в письме Шрейдера к Иванову-Разумнику от 4 октября 1921 г. – *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.348). Шрейдер участвовал в хлопотах о разрешении Белому выезда за границу. О сентябре 1921 г. Белый вспоминает: «С первых чисел сентября приезд Шрейдера; телеграмма от него: выезд мне разрешен» (*РД*. Л.110). О Шрейдере в Берлине см.: Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т.I. Россия в Германии. Нью-Йорк, 1981. С.124-125.

[10] Федор Александрович Браун (1862–1942) – филолог-германист, литературовед, затем – один из ведущих участников журнала «Беседа», выходившего в Берлине в 1923–1925 гг. под редакцией М.Горького и В.Ф.Ходасевича. В журнале «Русская Книга» о нем сообщалось: «Петроградский профессор Федор Александрович Браун, декан филологического факультета, жил в Петрограде. Был редактором немецкого отдела "Всемирной Литературы", а после смерти Ф.Д.Батюшкова председателем редакционной коллегии. Получил заграничную командировку и живет в настоящее время в Германии, в Лейпциге» (1921. №1. С.18).

[11] Александр Семенович Ященко (1877–1934) – литератор, юрист, редактор-издатель берлинских журналов «Русская Книга» (1921) и «Новая Русская Книга» (1922–1923). См.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921–1923. С.9-67 (статья «А.С.Ященко и его журналы в литературной и общественной жизни русского Берлина»).

[12] Николай Максимович Минский (наст. фам. Виленкин, 1855–1937) – поэт, публицист, философ; 29 ноября 1921 г. был избран председателем Совета берлинского Дома Искусств (см.: Бюллетени Дома Искусств. 1922. №1/2. 17 февраля. Стб.21). Второе публичное заседание берлинской «Вольфилы» было посвящено докладу Минского «От Данте к Блоку» (см.: Обатнина Е.Р., Белоус В.Г. Берлинская Вольфила (1921–1922): хроника. С.144-145).

[13] Белый подразумевает четырех главных руководителей петроградской «Вольфилы» – Иванова-Разумника, А.З.Штейнберга, К.Эрберга и себя.

[14] См. сообщение о сложении с себя Л.Шестовым звания почетного председателя берлинской Вольной Философской Ассоциации: Руль. 1922. №370. 3 февраля. Причиной этого явилось уничтожение Лундбергом (одним из руководителей берлинской «Вольфилы») в декабре 1921 г. основной части тиража изданной им и задержанной на издательском складе брошюры Шестова «Что такое русский большевизм?» (Берлин, «Скифы», 1921); статья эта была напечатана ранее, в сентябре 1920 г., по-французски в «Mercure de France» (см.: Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. II. Paris, 1983. С.255). Причиной поступка Лундберга, вызвавшего широкий скандальный резонанс, было его несогласие с последовательно антибольшевистской позицией Шестова (см.: Лундберг Е. Записки писателя. Т.II. С.79-80, 83, 89-90, 131, 198-203; Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. 1921–1923. С.28-31). Инцидент имел особую остроту в силу того, что Шестов и Лундберг были связаны многолетними дружескими отношениями; в издательстве «Скифы» Лундберг готовился выпускать в свет книги Шестова (в справке о Лундберге в отделе «Писатели» журнала «Русская Книга» сообщалось: «В настоящее время занят редактированием и примечаниями к полному собр. соч. Льва Шестова. Эти работы он производит совместно с автором. Собрание это появится с предисл. Лундберга, в которое войдут главы из подготовляемой к печати его книги “Бергсон и Шестов”» – 1921. №1. С.25). См. также письмо Е.Г.Лундберга к А.С.Ященко от 21 ноября 1920 г. (Cheron G. A Scythian Document. Andrej Belyj and Others // The Andrej Belyj Society Newsletter. 1985. №4. P.35-43).

[15] Е.Ю.Фехнер.

[16] Белый прочитал вступительную лекцию «Культура духа» на заседании «Вольфилы» 4 января 1922 г. (см.: Beyer Thomas R. Andej Belyj. The Berlin Years 1921–1923. S.108).

[17] К.Г.Штрум. См. примеч.4 к п.120.

[18] В заметке «О себе» в отделе «Писатели» журнала «Новая Русская Книга» Белый оповестил: «...я 6 месяцев работал над переработкой стихов своих, подготовляя их к выходу в Издательстве Пашуканиса; при аресте и расстреле моего издателя пропала эта 6-месячная работа; тем не менее: вторично летом 1921 года принялся я за переработку стихов; и *вторично* моя работа пропала (я имел неосторожность поручить знакомой в Петрогр. Наркомотделе передать курьеру мой пакет с книгами и рукописью перерабатываемых стихов; между Петербургом и Берлином – пакет исчез)» (1922. №1. С.40).

[19] Комментарий Иванова-Разумника: «“Я должен идти путем, / С которого никто не возвращается”, – слова из романса Шуберта “Der Wegweiser” (цикл “Winterreise” <...>)» (Л.23). Ту же неточную цитату (2-я строка в оригинале: «Die noch Keiner ging zurück») из 20-го стихотворения («Der Wegweiser» – «Придорожный столб») цикла немецкого поэта Вильгельма Мюллера «Зимний путь» («Die Winterreise»), положенного на музыку Францем Шубертом, Белый приводит в письме к Е.Ю.Фехнер (середина декабря 1921 г. // Литературное обозрение. 1989. №9. С.109).

[20] В записях о декабре 1921 г. Белый отметил: «...переселяюсь на угол Passauer Strasse к профессорше д’Альбер (жене знамен<итого> пьяниста)» (*РД*. Л.111об.). В письме к матери от 6 марта 1922 г. он сообщает: «Внешне я очень хорошо устроился; хозяйка, очень культурная дама, профессор пения, M-me d’Albert, жена (вторая и бывшая) известного пьяниста д’Альбер, за мной хорошо ухаживает» (Europa Orientalis. VIII. P.460).

126. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
11 марта 1922 г. Берлин[1].

Берлин. 12 марта 22 г.

Милый, хороший, близкий и горячолюбимый
Разумник Васильевич,

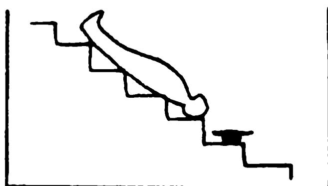
чувствую, как виноват, что давно не писал Вам. Но и чувствую, что перед Вами мне легче всего оправдаться, потому что Вы особенно понимаете, до чего трудно бывает взяться за перо тогда, когда есть потребность выговориться не только часами, а – дня-

ми; мое письмо к Вам, собственно, должно было бы быть моим проживанием в Царском, у Вас с неделю: и с тихими ночными заседаниями. До того полна душа всяким, протекшим за эти месяцы. Вы – это понимаете; и понимаете мое молчание, как я понимаю, почему Вы мне ни строчки не написали[2]. (Кстати: письмо от Вас было бы радостью.)

Так хочется коснуться всего, <ч>то при всей полноте души буду краток и сух. *Во-первых*: низкий поклон «*Вольфиле*»; более, чем когда-либо я отсюда вижу, до чего нужно наше детище; днями и ночами думаю о петербургской «*Вольфиле*» (о московской ни слуха, ни духа)[3]; и она мне все более – «*Фила*»[4]; отчаиваюсь, что у нас, в Берлине, – не так: и – отсюда: *во-вторых*: перехожу к берлинской «*Вольфиле*», которая меня окончательно убивает отовсюду, – настолько, что недавно я имел объяснение с Ал<ександром> Абр<амовичем>, что хочу уходить из председательствования. И – вот почему: я, собственно, здесь в «*Вольфиле*» один. Е<вгений> Г<ерманович> настолько занят службой, что активно ничего не может предпринять (да и *потом*: о нем – ниже). А А<лександр> Абрам<ович> Шрейдер – Вы сами понимаете: 1) чужой «*нашему*» духу, 2) тащит, куда хочет (т.е. устраивает те лекции, которые ему улыбаются, и ничего не предпринимает, когда лектор ему почему-либо не говорит; а мы технически у него в руках, ибо снятие помещения, печатание билетов, анонсы в газетах и т.д. – все это несравненно сложнее, чем в России; и он, пользуясь аппаратом «*Скифов*» и «*скифской*» барышней, *лишь он* может устраивать; остальные – индифферентны, кроме Белоцветова (берлинский *Михайлов*[5] – помните антропософа такого?), которого все прочие берлинские «*вольфильцы*» игнорируют[6]; и – напрасно: я объявил публично лекцию Белоцветова, а А<лександр> Абр<амович> взял да и не устроил ее. При таком самостном секретаре, абсолютно чужом подлинному «скифству» (берлинские «*Скифы*» после того, как они устроили совершенно вредный журнал «Вещь», рекламно-мертвенный[7], – мне совершенно чужды; кстати: Е.Г. вышел из «Скифов»[8]. Почему эти «Скифы» – «Скифы», – не ведаю), – при ближайшем сотрудничестве Ал<ександра> Абр<амовича> мне просто тяжело работать. Остается лишь все собой наполняющий Минский, который готов где угодно в каком угодно количестве собой представлять дух «*Вольфилы*»: он – пухнет в «*никчемности*». Кроме того: инцидент Лундберг – Шестов (Вы, конечно, знаете), уход Шестова из Вольфилы, травля Лундберга прессою и травля Вольфилы[9] за то, что одесную и ошую меня сидят Лундберг (сжегший книгу Шестова)[10] и Шрейдер (арестовывавший редакторов и т.д.)[11], – все это факторы, не располагающие к частым выступлениям в Берлине. Травля Е.Г. прессою – гнусна; я уже решительно выступал против; но эта травля грозит превратиться в *perpetuum mobile*, при котором двигать «*Вольфилу*» невозможно, ведь не устраивать же вместо заседаний градации третейских судов и т.д. и т.д. И – главное: я не совсем понимаю действия Е.Г. Он сделал все, чтобы напортить всем: себе, «*Вольфиле*»; и не стоило устраивать «Вольфилу» для того, чтобы месяцами распинаться за Е.Г. Конечно, травля его – гнусна; но – Е.Г. все-таки необъясним мне своими ненужными для него подчеркиваниями того, что не надо подчеркивать: бесплодное дразнение быков торреадорскими платками – вот как я назвал бы поведение Е.Г. Быки кидаются на других из-за него, а Е.Г., не отвечая быкам, заставляет окружающих «*схватываться*» за него с быками, отчего возникает неизбежное политиканство. Пишу так подробно оттого, что только что вернулся с заседания в кафе Ландграф[12], где С.Г.Каплун[13], проф. Ященко, Пильняк[14], А.М.Ремизов и др. 2 1/2 битых часа обсуждали, как нам держаться в новом инциденте «*Лундберг – Руль*», грозящем разрастись и перепутать отношения всех берлинских писателей[15] (это уже не инцидент с Шестовым, а – новый, и не со стороны Лундберга, а здешней прессы: остается горевать, что Е.Г. такой *несуразный человек* и что он *ненужно* раздразнил своим поведением всех и теперь запутываются в его отношения с другими ряд людей, которые хотели бы быть свободными, но которых со всех сторон втравливают в политиканство). Главное: считая Е.Г. человеком порядочным, я решительно не оправдываю его *точки зрения на многое* и не оправдываю его желание свое поведение вменять и другим, как должное. Надо уметь защищать свои убеждения с мечом: но переть против рожна бессмысленно; еще бессмысленней своих друзей тоже переть против рожна. Наконец – последнее: берлинская русская публика не для «*Вольфилы*», да и «*Вольфилы*» в «Вольфиле» берлинской, скажу откровенно, нет, кроме меня; а мне –

не до «берлинской» Вольфилы, ибо у меня огромная личная трагедия, которая может разрешиться или полным просветлением, или гибелью; помимо всего, – завален работой: кончаю о Блоке[16], предстоит «*Эпопея*»[17], а неделями, как в Петербурге, – не успеваю присесть к письменному столу. Но в «*Петербурге*» не приседать к столу можно с пользой, например, отдавая свои силы «*Вольфиле*». В Берлине же не приседаешь к столу из-за досадных инцидентов, вроде «*Лундберг – Шестов*» и т.д.

В-третьих: «*Когда, душа, просилась ты погибнуть, иль любить*»[18] – эти слова Дельвига звучат мне неумолчно. То месяцами впадаю в такую мрачность, что Бог знает что происходит со мною: Берлин решил, что А.Белый «*спился*» (и – неправда); но «*правда*» – вот что: недавно приехала Ася, которую я ждал 1 1/2 месяца[19]; и день казался мне лучезарным; а через день после одного тяжелого разговора с ней мы простились сухо; на другой день на курсах (тут шли *Hoch-Schule-Kursen*, антропософские)[20] Ася со мной была более чем холодна, – вот что произошло: я зашел в кафе: машинально выпил (что – не помню, и в каком количестве, не помню), и вдруг, мгновенно, без чувства опьянения, сразу *лишился сознания*: очнулся я почти через сутки – у себя в комнате с болью во всем теле; оказывается: меня подобрали на лестнице нашего дома, лежащим головою вниз; и без чувств внесли и уложили в кровать: как я очутился из кафе на лестнице, как не сломал себе позвоночника – (лестница каменная, а, падая, я описал дугу в 120°); и главное: сколько я лежал вниз головой, – тоже неизвестно; чувствовалось, что это «*сердце просит гибели*»[21]. Сегодня же: на душе опять светло: примирился с Асей... Вот какие душевные зигзаги описываю я; и амплитуда их растет; и скоро все должно кончиться; либо в сторону «*катарсиса*», либо в сторону нового свержения, и на этот раз уже не на лестнице «*вверх пятами*»[22], а с лестницы в бездну – «*вверх пятами*»; мне смешно даже, что «*вверх пятами*» оказалось в буквальном смысле: ведь лежал таки вверх пятами на лестнице (может быть, час или два) вот в таком положении:



палка, толстая, сломалась, а позвоночник – нет: неужели же лежанием А.Белого часами и «*вверх пятами*» в берлинских подъездах окончится мой роман, десятилетний, с антропософией? Не верю: надеюсь, что скоро «*это*» разрешится в ту или иную сторону.

Пункт четвертый: «*антропософия*». Три месяца я думал, что «*антропософия*» оказалась не тем, что я о ней мнил[23]. Лишь теперь я начинаю различать вернее: координирую свои отношения к переменившемуся «*фасону*» всего движения. Все «*эзотерическое*», вероятно, ушло еще более в глубь, в такую глубь, до которой мне, теперешнему, не дотянуться; а периферия, прежде стоявшая ближе к центру, разлилась широкой, свободной и бурной волной; скажу лишь, что все «*вольфильское*» (как грустно, что приходится прибавлять отсюда: «*в петербургском смысле*») – все «*вольфильское*» (молодежь, студенты, студентки; живые рабочие, новые люди) в Германии примыкают к Штейнеру; и дух заседаний и курсов истекшей недели – «*сплошной дух Вольфилы*» (не во всем, конечно, всюду «*Geisteswissenschaft*»* подчеркнута, но подходы к ней – «*вольфильские*»), адогматизмоом и подлинно *духовною революцией* повеяло от курсов; и в этом смысле высказывались молодежь, студенты, благодаря устроителей и д<окто>ра Штейнера за «*незабываемую*» неделю, в которую они почувствовали истинный дух науки и свободы, увы, не чувствуемый в германских университетах: так высказался представитель студенчества. Д<окто>р Штейнер в 8 дней прочел 12 лекций[24]. Съехались ораторы из Штутгарта, где главный штаб антропософских учреждений[25]. Многое в курсах было от духа «*Вольфилы*»; да, – впервые за 4 месяца «*Вольфилой*» мне повеяло из... «*антропософских курсов*»!?!

---

* «*Духовная наука*» (*нем.*).

Задача курсов была показать антропософию в ее преломлении в разных сферах. 7 дней курсов были, каждый, посвящен предмету; открывал день лекцией Штейнер; засим еще 2 оратора; потом: прения, ораторы, критика; затем ответ «*спеца*» дня (антропософа: каждым днем дирижировал свой «*спец*»); затем еще лекция; словом: от 9<-ти> до 3-х. И вечером публичная лекция в громадном зале Филармонии. Таковы были дни. *Воскресенье*. Неорганическая наука. Руководитель: Штокмайер[26]. От *9-10*<-ти>. Речь пастора Риттельмейера, председателя курсов: вступительная[27]. От 10-11<-ти>. Речь д<окто>ра Баравалля (математика): математическое мировоззрение и стремление к конкретности у Маха[28]: Мах, как пробивающий первую брешь в нео-гетеанство, или – антропософию (лектор блестящий, молодой, красноречивый, образованный и с настоящим пафосом). От 11-12<-ти>: Речь Штокмайера (о теориях Эйнштейна). От 12 1/2 до 2-х прения, высказывания. От 2-3<-х>. Забыл оратора[29]: о химических теориях современности. Вечером: лекция Штейнера в «*Филармонии*». Понедельник: 9-10. Штейнер: «*Антропософия и органическое естествознание*»[30]. 10-11. Вместо заболевшего д<окто>ра Колиско[31] тот же Штейнер на тему Колиско: «Антропософия и новейшая медицина». От 11-12<-ти>. Д<окто>р Штейн[32]: Органицизм и организм (изумительный оратор: речь льется, как водопад, полная смелых и остроумных слов; тоже – молодой антропософ, имеющий всюду огромный успех у молодежи). От 12 1/2 – 2 прения. От 2-3<-х>. Забыл фамилию оратора, ибо ушел. Вечером – его же лекция[33]. *Вторник* (посвящен теме «*Erziehungswissenschaft*»)[34] от 9-10<-ти>: Штейнер: «*Антропософия и педагогика*». От 10-11<-ти>. «*Фрейляйн*» Гейдебранд: «Опыты работы новой Вальдорфской школы для детей». От 11-12<-ти>: Штейн: «Детское воспитание». От 12 1/2 до 2-х: Прения. От 2-3<-х>: Швебш: «О музыкальном моменте в воспитании»; вечером лекция д<окто>ра Штейнера[35]. Среда (посвящена философии): от 9-10<-ти>. Штейнер: «Философия и антропософия»[36]; 10-11: д<окто>р Унгер[37]: «Новая психология». 11-12: Штейн (тему не помню). От 12 1/2 – 2 прения. От 2-3<-х>: «Философия антропософии и проблема частных наук». Четверг (день религии)[38]: 9-10: Штейнер: Антропософия и религия. 10-11. Пастор Бек[39]: Антропософия и исторические тенденции в религии. От 11-12<-ти> пастор Риттельмейер: Закат догматизма и свободная религия. Прения. От 2-3 (ушел, не был). Вечером: лекция Штейнера[40]. Пятница (день общественности)[41]: 9-10. Штейнер: «Антропософия и общественность». 10-11. Ленхас[42]: «Кризис государственности». 11-12. Кюне[43]: «История правовых отношений». Прения. 2-3 – не помню, кто (в этот день не был, ибо разбился). Суббота (Sprachwissenschaft)[44]: 9-10: Штейнер: «Антропософия и языкознание». 10-11 – проф. Бекк[45]: «Антропософия и теории поэт<ического> творчества». 11-12. Шуберт[46]: «Социальная проблема языка: язык и народность». Прения. От 2-3<-х>. Не помню фамилии (прекрасный оратор)[47]. От 3 – 3 1/2 заключительные речи студентов Берлинского университета, произносящих приветствия А<нтропософскому> О<бщест>ву; и речь Риттельмейера. Кроме того: отдельные лекции (публичные) Юли[48], д<окто>ра Унгера, Швебша, еще кого-то. Завтра: утром эвритмическое представление в «*Deutsche Theater*». Вечером: лекция Штейнера[49]. Понедельник – эвритмическое представление.

Видите, – какая полная неделя, блестящая по подъему, темам и составу лекторов и ораторов. Был вчера на митинге в пользу голодающих, где выступали лучшие русские ораторы Берлина (среди них Набоков, Гессен, Зензинов и др.)[50]. Куда там: нет пафоса, нет остроты и игры мысли, которая всюду блещет у антропософских ораторов. И главное – они зажаривают курсы всюду. Осенью такие же курсы были в Дорнахе; позднею осенью – в Штуттгарте, на Рождестве – опять в Дорнахе; теперь – в Берлине, летом – в «Вене» при Антр<опософском> Конгрессе[51]; и кроме курсов – два курса Штейнера.

Меня поражает деятельность их. Издательство «*Der Kommende Tag*»[52] издает ряд книг (среди них две очень хорошие книги Юли «Eine neue Gralsuche» и книгу о Вагнере, книгу Штейна о Гете, Швебша «О Бругмане»[53]), 4 тома Вл.Соловьева (перевод)[54], переводит мои Кризисы[55] и все более и более расширяется. Антропософский «*Bund für Hochschularbeit*» издает серию книг (Adolf Arenson «Die Kindheitgeschichte», prof. Beckh «Es werde Licht», Lauer «Die Krisis in der Wissenschaft», prof. Römer «Über die Zahnkaries», Emil Leinhas «Die Idee des Kommenden Tages» и т.д.)[56]. В Штуттгарте выходит антроп<ософская> газета[57] и прекрасный журнал ежемесячник

«*Die Drei*» (для которого приступаю к статье)[58]; кроме того, там же издается *Viertel-jahresschrift* «*Das Reich*», имеющий сотрудником Рильке[59]; в Дорнахе издается поэтом Стеффеном еженедельник «*Goetheanum*»[60] (где, между прочим, сотрудничает А.М.Ремизов, написавший о России, и я буду)[61] и издательство «*Goetheanum Bücherei*». В Берлине энергично действует «Theosophische-Philosophisches Verlag» и т.д. В Штуттгарте действует «*Терапевтический Институт*», «*Вальдорфская школа*», «*Кооперативные учреждения*», и т.д. и т.д. Словом, на всех плоскостях кипит работа; всё менее и менее остаются так вообще «*антропософами*»; появляются течения в «*антропософии*»: 1) антропософы-оккультисты (старой закваски), 2) антропософы-общественники, 3) антропософы-теологи, 4) антропософы-врачи, 5) антропософы-художественники; к последним принадлежат эвритмистки. Штаб эвритмии – Дорнах; «*эвритмистки*» (группа моей жены) делают набеги на Европу; как они работают – удивляешься; все время в Дорнахе посвящено учебе, прерываемой рядом поездок. Так: моя жена уже в 4-ый раз <в> Берлине с конца ноября. Когда я приехал, они были в Берлине (в турне: Дорнах – Штуттгарт – Лейпциг – Берлин – Христиания; и обратно: Берлин, Гамбург, Ганновер, Штуттгарт, Дорнах). В январе они были в *турне*: Дорнах – Галле – Берлин – Бреславль – Прага – Мюнхен – Карлсруэ – Штуттгарт – Дорнах. Теперь опять по ряду городов докатились на курсы до Берлина: всюду – пробы, представления среди потока лекций. И т.д. И т.д. Можно – одуреть; и моя жена в состоянии антропософского одурения от непрерывной работы; мне тоже остается или одуреть от работы, или – отойти.

Мне непереносно, что антропософия у меня отняла Асю (где ей до меня, когда она себя давно забыла и – в огне дела)[62]; но глядя со стороны, – не могу не сказать: «Молодцы». Как прежде антропософов замалчивали, так теперь – потоки клевет и брани; оно и понятно: молодые антропософские «*Redner'ы*»* – драгуны; *сами лезут в бой*!

Мне трудно разобраться в себе среди скрещивающихся потоков русской жизни в Берлине, антропософии. И усталость сказывается. И – не нахожу себя. Если *карма* моя не укажет мне пути в жизни, она – уведет из жизни; и вот <?> устраивает мне казусы с «*разбитием на лестнице*» (кажется, – я зашиб сердце – впрочем, посмотрим: после падения на лестнице сердце болит)...

Да, – и забыл: из тумана, откуда-то издали вспоминаю, что я – редактор журнала «*Эпопея*» (литер<атурно>-художеств<енного> и беспартийного): милый, шлите нам как можно более, как можно чаще: себя, других, особенно те стихи и рассказы, которые сочтете нужными... Ведь письма доходят: стихи можно особенно легко посылать; а взоры «*Эпопеи*» – направлены в Россию. Смотрите отсюда, что Вы – редактор «*Эпопеи*»: все, что ни пришлете, напечатаю, кроме (это уговор с издателями) политики и отвлеченно-терминологических философских статей. Из этого «*кроме*» явствует, что «*Эпопея*» есть временная моя служба в «*редакторах*» у К<нигоиздательст>ва «*Геликон*»[63], а не сердечное дело: оно стало бы сердечным, если бы из России Вы поддержали бы. В Берлине средствами берлинской пишущей братии не построишь журнала художественного. Пишите же, если плата издательства не покажется Вам низкой (за печ<атный> лист – 1000 марок, а за право после перепечатать отдельным изданием в «*Геликоне*» – еще 1000 марок: итого 1000 + 1000 = 2000 м<арок>). В гонораре я не волен: это ставка издателей. Вообще – до «Эпопеи» ли мне, когда –

– Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить!

Надеюсь на последнее... И хочется сказать в конце то, с чего начал: я так люблю всех вас (в «*Вольфиле*») – Вас особенно, А.З.Штейнберга, «*вольфилок*», что – хочется еще пожить... Поживу ли, – пусть решит Воля Его! Ну, обнимаю Вас крепко. Вот ведь: длинное письмо, а переживаю его – каталогом тем для невозможного личного разговора. Не забывайте, пишите.

Остаюсь глубоко любящий Вас Борис Бугаев.

Всем в «Вольфиле» привет. Варваре Николаевне привет сердечный.

P.S. Напишите адрес «*Вольфилы*».

* *Ораторы (нем.).*

[1] Заказное письмо; почтовый штемпель Москвы: 28.3.22. В авторской датировке письма (12 марта) допущена ошибка (далее в тексте Белый упоминает события, которые должны состояться «завтра» – т.е. в воскресенье 12 марта – и состоялись «вчера» – 10 марта; см. примеч.49, 50).

[2] Комментарий Иванова-Разумника: «...из ряда писем ИР к АБ за 1922–1923 годы – не дошло ни одно письмо» (Л.23).

[3] Московское отделение «Вольфилы» было организовано при ближайшем участии Белого в сентябре 1921 г. См. хроникальную заметку об этом (Жизнь. 1922. №1. С.174-175), составленную, вероятно, Белым. Идея создания филиала Ассоциации в Москве вынашивалась еще в 1920 г. (в частности, 6 апреля 1920 г. А.З.Штейнберг писал Иванову-Разумнику из Москвы: «...отделение В.Ф.А. в Москве здесь многих увлекает, и мне приходится самым серьезным образом вести об этом переговоры» – *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.349).

[4] Подразумевается: любима (греч. φιλέω – люблю).

[5] Дмитрий Дмитриевич Михайлов (1892–1942?) – преподаватель-словесник Петроградского 2-го реального училища, член-соревнователь «Вольфилы»; один из докладчиков (наряду с Л.В.Пумпянским) на «Беседе о Гете» (80-е открытое заседание «Вольфилы», 7 августа 1921 г. – *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.8. Л.37).

[6] Николай Николаевич Белоцветов (1892–1950) – поэт, философ, переводчик драм-мистерий Штейнера (вышли в Париже в издательстве «Office Hièroglyphe», б.г.); автор стихотворных сборников «Дикий мед. Первый сборник стихов» (Берлин, «Слово», 1930), «Шелест. Вторая книга стихов» (Рига, 1936), «Жатва. Третья книга стихов» (Париж, 1953) и книги «Коммуна пролетарских миссионеров. Отрывки из неизданного романа “Михаил”» (Берлин, [1921?]). Уроженец Петербурга, учился там в немецкой школе, окончил философский факультет Петербургского университета. Член Российского Антропософского общества. Прочитанные Белоцветовым в Обществе лекции «Религия творческой воли» были изданы отдельной книгой (СПб., 1915). В 1918 г. в Московском отделении Антропософского общества прочитал ряд лекций, позже переработанных в «Книгу о русском Граале». В 1921 г. эмигрировал через Финляндию в Берлин. Участвовал в берлинском «Кружке поэтов» (1928–1933) и рижской литературной группе «На струге слов» (1929–1931). После переезда в Ригу в 1933 г. – председатель латвийской антропософской группы. В 1941 г. вернулся в Германию, умер в Мюльгейме. Белый был знаком с Белоцветовым с 1913 г. 2 февраля 1922 г. Белоцветов участвовал в третьем публичном заседании берлинской «Вольфилы», посвященном диспуту о творчестве А.Блока, вместе с Н.Минским (вступительное слово), Андреем Белым, Е.Г.Лундбергом и А.А.Шрейдером (Голос России. 1922. №882. 3 февраля).

[7] «Вещь» – ежемесячный орган международного обозрения современного искусства, издававшийся в Берлине (редакторы – Эль Лисицкий и Илья Эренбург); всего вышло 2 выпуска (сдвоенный №1/2 – 2 апреля, №3 – 1 июня 1922 г.). См.: Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург. Хроника жизни и творчества. Т.I. 1891–1923. СПб., 1993. С.237, 244-247, 258-259; Solivetti C. La revista Vesc e il dibattito artistico post-revoluzionario // Rassegna sovietica. 1982. №2. P.49-77. А.М.Ремизов упоминает, что художественный журнал «Object – Вещь – Gegenstand» создан «кучкой художников “левого” направления во главе с А.Шрейдером» (Ремизов А.М. Неизданный «Мерлог» / Публикация Антонеллы д’Амелия // Минувшее: Исторический альманах. Вып.3. Paris, 1987. С.216). 28 апреля 1922 г. на вечере Дома Искусств Белый нападал на этот журнал. «Во время прений, – отмечает хроникер, – выяснилась любопытная подробность: А.Белый, громивший “Вещь” со всех точек зрения, увидевший в ней даже “личинку Антихриста”, – признался в конце концов, что самой “Вещи” он никогда не читал и даже не видел. Публика, по обыкновению, смеялась» (Накануне. 1922. №29. 30 апреля). В 3-м номере «Вещи» было помещено сообщение о том, что «в составлении “Вещи” редакция Издательства “Скифы” участия не принимает» (см.: Обатнина Е.Р., Белоус В.Г. Берлинская Вольфила (1921–1922): хроника // Вопросы философии. 1997. №7. С.154).

[8] Разлад Лундберга с левоэсеровским издательством «Скифы» был обусловлен тем, что он возглавил в Берлине советское издательское предприятие – «Бюро иностранной науки и техники» (БИНТ): «...благодаря БИНТ’у отхожу от “Скифов”» (Лундберг Е. Записки писателя. Т.II. С.127).

[9] На третьем публичном заседании «Вольфилы» 2 февраля 1922 г. Белый «резко», как отмечает обозреватель, защищал Ассоциацию от травли русской берлинской прессой (см.: Голос России. 1922. №896. 19 февраля; сам Белый начал сотрудничать в этой газете только с №898 (22 февраля) – при смене редакционного руководства газеты). См. также: Обатнина Е.Р., Белоус В.Г. Берлинская Вольфила (1921–1922): хроника. С.146.

[10] См. примеч.14 к п.125.

[11] Подразумеваются «должностные» действия А.А.Шрейдера в первые послеоктябрьские месяцы (с декабря 1917 по март 1918 г. он – заместитель наркома юстиции в коалиционном

Совете народных комиссаров, в январе–феврале 1918 г. – председатель Петроградского трибунала печати, с февраля 1918 г. – московский губернский комиссар юстиции).

[12] В этом популярном в «русском Берлине» кафе (Курфюрстенштрассе, 75) обычно проходили вечера Дома Искусств и «Вольфилы».

[13] Соломон Гитманович (Германович) Каплун (Сумский, 1891–1940) – журналист и политический деятель (меньшевик); заведующий берлинским отделением издательства «Эпоха», выпустившего в 1922 г. восемь книг Андрея Белого («Глоссолалия», «Котик Летаев», «О смысле познания», «Петербург», «После разлуки», «Поэзия слова», «Серебряный голубь», «Стихи о России»), секретарь берлинского Дома Искусств. В справке о нем, помещенной в отделе «Писатели» журнала «Русская Книга», сообщается: «Сол. Герм. Каплун (Сумский), б. сотр. "Киевской Мысли" и "Петерб. Дня", ред. журн. "Южное Дело" (Киев 1918–19 гг.), жил последний год в Петербурге. Выехал из России в мае с.г., находится сейчас в Берлине» (1921. №9. С.26). Впоследствии жил в Париже, работал в газете «Последние новости». Его некролог, написанный Г.Я.Аронсоном, был помещен в «Социалистическом Вестнике» (1941. №3 (468). 10 февраля. С.40. Подпись: Г.А.). О дружбе Каплуна и Белого пишет А.М.Ремизов в «Мерлоге» (см.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.3. С.220-221).

[14] Борис Андреевич Пильняк (наст. фам. Вогау, 1894–1938) в начале 1922 г., вместе с поэтом А.Б.Кусиковым, был командирован в Берлин; по приезде поселился у Ремизова, общался с литераторами, объединенными вокруг редакции журнала «Новая Русская Книга». См.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921–1923. С.187-203.

[15] Речь идет о публикации в газете «Руль» 9 марта 1922 г. (№399) заметки «Новые полномочия Лундберга (от собств. корреспондента)»: «Здесь получены сведения из Москвы, что сожжение г.Лундбергом книги Шестова заставило советскую власть обратить особое внимание на деятельность его. Берлинскому представительству предложено поставить г.Лундберга во главе наблюдения за поведением писателей и ученых, приезжающих из России и вообще находящихся за границей». 26 марта 1922 г. в берлинской газете «Новый Мир» было помещено письмо в редакцию Лундберга, в котором заявлялось, что сообщение в «Руле» «является вымыслом от начала до конца» (см. также: Новая Русская Книга. 1922. №3. С.29); предполагался (но не состоялся) также третейский суд между Лундбергом и И.В.Гессеном, редактором «Руля». См.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921–1923. С.29-31; Гессен И.В. Годы изгнания. С.221-222. Е.Лундберг в этой связи свидетельствовал: «Писатели возмущены проделкой И.Гессена. А.Ремизов, А.Белый, проф. Ф.А.Браун, встречающиеся с ним, выразили ему осуждение» (Лундберг Е. Записки писателя. Т.II. С.219).

[16] Белый закончил 2-ю главу «Воспоминаний о Блоке» в январе 1922 г., вернулся к работе над ними только в конце апреля – начале мая.

[17] См. примеч.7 к п.106.

[18] Первые строки «Элегии» А.А.Дельвига (1821 или 1822), на ее слова написаны романсы М.Л.Яковлевым, М.И.Глинкой, А.А.Алябьевым. Белый цитирует их также в письме к М.И.Цветаевой от 24 июня 1922 г. (см.: Саакянц А. Встреча поэтов. Андрей Белый и Марина Цветаева // *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.381).

[19] 6 марта 1922 г. Белый писал матери непосредственно перед новой встречей с А.Тургеневой: «Конечно, мне грустно ехать к жене и очутиться без жены, одному в Берлине. До сих пор она была 3 раза наездом из Швейцарии (ведь она все разъезжает с эвритмией по городам, танцует то здесь, то там: то в Норвегии, то в Праге, то в Лейпциге, то в Штутгарте). Так же с турнэ заезжает она и в Берлин. Сегодня или завтра она приезжает в 4-ый раз уже. И обещала на этот раз остаться, пожить со мной недели две-три; сейчас иду на лекцию Штейнера; здесь, в Берлине, антропософские курсы; буду отсиживать с 9 до 3-х». На следующий день Белый сообщал в продолжении того же письма: «После лекции до 12 1/2 ночи сидели с Асей в ресторане "Rheingold"; оркестр играл цыганские песни и вспоминалась Россия». Прежние отношения, однако, не восстановились; в июле 1922 г. Белый признавался в письме к матери: «...страшно страдала душа: я с Асей *все* покончил; мы совершенно разошлись; и это было очень, очень больно» (Europa Orientalis. VIII. P.460, 461, 463).

[20] Занятия Берлинского антропософского высшего учебного курса (Berliner anthroposophischer Hochschulkurs) проходили 5-12 марта 1922 г.

[21] «Тайно сердце просит гибели» – первая строка стихотворения А.Блока «Обреченный» (12 января 1907 г.) из лирического цикла «Снежная Маска» (Блок А. Собр. соч. В 8 т. М.; Л., 1960. Т.2. С.249). Позиция, которую заняла А.Тургенева в Берлине по отношению к Белому, отчасти проясняется из ее писем к А.Б.Кусикову (весна–лето 1922 г.): «Ты спрашивал, люблю ли Анд<рея> Б<елого>. Как ребенка, который потерялся и плачет, – душа разрывается от жалости. И то, что мы с ним столько прекрасного вместе пережили. И то, что он не выдержал и отшатнулся – если не в основном, то все же в очень большой доле своей души, – этого я не

могла ему простить. Но я сама поставила его в такие трудные условия. Ломаясь, он и меня надломил. Малейшее мужское в нем ко мне во мне вызывает негодование – чтобы не сказать больше. Жить – не с ним – а просто рядом с ним – для меня было бы немыслимо»; «...я думаю, пока Андрей Белый не найдет себе кого-нибудь – он у меня всегда будет тяжестью на душе. Не знаю, любит ли он меня, но он из меня сделал idée fixe. Уж очень я ему нужна была, когда мы были вместе. Ну да это всегда так бывает. Теперь в сущности он гораздо больше ненавидит меня, чем любит» (Архив А.Б.Кусикова, Париж).

[22] Подразумеваются слова Дмитрия Карамазова («Братья Карамазовы», ч.1, кн.3, гл.III): «...если уж полечу в бездну, то так-таки прямо, головой вниз и вверх пятами, и даже доволен, что именно в унизительном таком положении падаю и считаю это для себя красотой» (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т.14. Л., 1976. С.99, 106 – заглавие гл.V: «Исповедь горячего сердца. "Вверх пятами"»). Образ вошел в обиход московских «соловьевцев» и отразился в «Симфонии (2-й, драматической)»: «И случайный проходимец летал вверх пятами, пародируя европейскую цивилизацию» (Андрей Белый. Симфонии. Л., 1991. С.169); обыгрывается он и в позднейших произведениях Белого (статья «Круговое движение» – Труды и дни. 1912. №4/5; роман «Петербург»).

[23] См. сохранившийся в архиве Иванова-Разумника исповедальный текст Белого без заглавия («Три года твержу я...» и т.д.), относящийся, видимо, к этому времени и содержащий резкую критику учения Штейнера (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. С.55-60).

[24] 12 марта 1922 г. Р.Штейнер прочел в Берлине одиннадцать лекций на «учебной неделе» Антропософского общества, все на тему «Антропософия в ее научном и жизненном содержании» («Anthroposophie in ihrem Wissenschaftscharakter und als Lebensinhalt»). См.: Lindenberg Ch. Rudolf Steiner. Eine Chronik. 1861–1925. Stuttgart, 1988. S.479-481. Последующие сведения о работе антропософского «высшего учебного курса» уточнены и скорректированы по этому изданию.

[25] О марте 1922 г. Белый вспоминает: «...высиживаю школьную неделю в Берлине штуттгартских "докторов"» (*РД*. Л.113).

[26] Повестка воскресного заседания 5 марта 1922 г.: «Über anorganische Naturwissenschaft: "Von lebensfeindlicher Mechanistik zu wahrer Phänomenologie"». Председательствующий на заседании – Эрнст Аугустус Карл Штокмайер (Stockmeyer, 1886–1963), литератор и философ.

[27] Доктор Фридрих Риттельмейер (Rittelmeyer, 1872–1938) – немецкий теолог, один из учредителей в 1922 г. связанной с Антропософским обществом «Христианской Общины» («Christengemeinschaft»), автор книги «Meine Lebensbegegnung mit Rudolf Steiner» (Stuttgart, 1980) – был руководителем берлинского недельного антропософского курса. Белый дал литературный портрет Риттельмейера в «Воспоминаниях о Штейнере» (Paris, 1982. С.189-192): «...ставший позднее во главе христианской общины талантливый, свободолюбивый пастор Риттельмейер, "левый" протестант и вместе убежденный антропософ» (Там же. С.180).

[28] Герман фон Баравалль (Baravalle, 1898–1973) – математик, врач Вальдорфской школы. Эрнст Мах (Mach, 1838–1916) – австрийский философ и физик; предложил новую интерпретацию основных понятий классической (ньютонианской) физики.

[29] Имеется в виду проф. Ханс Вольбольд (Wohlbold).

[30] Тема заседания 6 марта: «Über organische Naturwissenschaft und Medizin: Wege anthroposophischer Menschenerkenntnis in Biologie und Medizin».

[31] Эуген (Евгений) Колиско (Kolisko, 1893–1939) – врач, профессор Вальдорфской школы в Штуттарте. См. о нем: Kolisko Lili. Eugen Kolisko – ein Lebensbild. [Б.м.], 1961.

[32] Вальтер Иоханнес Штейн (Stein, 1891–1957) – преподаватель в Вальдорфской школе. 6 марта не выступал; зафиксированы его доклады, состоявшиеся 7 и 8 марта.

[33] Дважды в один день выступал с докладами Эрих Швебш – но не в понедельник 6-го, а в среду 8 марта.

[34] «Науке о воспитании» («Erziehungswissenschaft») было посвящено заседание не во вторник, а в среду 8 марта; были прочитаны доклады Р.Штейнера, преподавательницы Вальдорфской школы Каролины фон Гейдебранд (Heydebrand, 1886–1938), германиста и музыковеда Эриха Швебша (Schwebsch, 1889–1953) и Вальтера Иоханнеса Штейна.

[35] Во вторник вечером 7 марта состоялся доклад Штейнера в Берлинской филармонии «Антропософия и особенности ее как науки» («Anthroposophie in ihrem Wissenschaftcharakter»).

[36] Темам философии было посвящено заседание не в среду, а во вторник 7 марта; Штейнер выступил на нем с докладом о Г.Спенсере, Гегеле и Вл.Соловьеве.

[37] Доктор Карл Унгер (Unger, 1878–1929) – инженер, философ, один из основателей штуттгартской секции Антропософского общества, член совета Johannesbau-Verein. Белый подробно

пишет о нем в «Воспоминаниях о Штейнере» (С.181-188 и др.). См. также: Templeton Ronald. Carl Unger. Der Weg eines Geistesschülers. Dornach, Verlag am Goetheanum, 1990.

[38] Проблемам теологии было посвящено заседание не в четверг, а в пятницу 10 марта.

[39] Имеется в виду богослов Эмиль Бок (Bock, 1895–1959); см. его кн. «Rudolf Steiner – Studien zu seinem Lebensgang und Lebenswerk» (Stuttgart, 1961).

[40] Доклад Штейнера «Антропософия как содержание жизни» («Anthroposophie als Lebensinhalt») состоялся вечером в четверг 9 марта.

[41] Докладам на темы социальных наук было посвящено заседание не в пятницу, а в четверг 9 марта.

[42] Эмиль Лейнхас (Leinhas, 1878–1967) – коммерсант, генеральный директор акционерного общества «Der Kommende Tag» (наблюдательный совет этого общества возглавлял Штейнер); автор книги «Aus der Arbeit mit Rudolf Steiner» (Basel, 1950).

[43] Вальтер Кюне (Kühne, 1885–1970) – профессор Вальдорфской школы; автор неизданных воспоминаний о Штейнере и его окружении.

[44] Тема заседания в субботу 11 марта – «От мертвого языкознания к живому языкознанию» («Von der toten Sprachwissenschaft zur lebendigen Sprachwissenschaft»).

[45] Герман Бекк (Beckh, 1875–1937) – профессор Берлинского университета; юрист, индолог, исследователь тибетского языка и санскрита.

[46] Карл Шуберт (1889–1949) – преподаватель Вальдорфской школы.

[47] Имеется в виду доктор Герберт Хан (Hahn), автор книги «Rudolf Steiner» (Stuttgart, 1961).

[48] Эрнст Юли (Uehli, 1875– 1959) – швейцарский писатель, один из руководителей Антропософского общества, преподаватель истории искусства в Вальдорфской школе. Белый характеризует Юли в «Воспоминаниях о Штейнере» (С.176-177). См. также: Uehli E. Leben und Gestaltung. Stuttgart, 1975.

[49] В воскресенье 12 марта в 11 час. утра состоялось эвритмическое представление в Немецком театре, вечером того же дня в Берлинской филармонии – доклад Штейнера «Потребности времени и антропософия» («Die Zeitbedürfnisse und die Anthroposophie»).

[50] 7 марта 1922 г. в «Голосе России» (№909) было помещено объявление: «10 марта в помещении Филармонии Oberlicht-Saal состоится устраиваемый Общественным Комитетом помощи голодающему населению России митинг, посвященный вопросам, связанным с постигшим Россию голодом». Председатель митинга – Владимир Дмитриевич Набоков (1869–1922), один из лидеров кадетской партии, соредактор газеты «Руль»; выступали также Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953), публицист и прозаик, видный деятель партии эсеров, один из редакторов «Голоса России», и Иосиф Владимирович Гессен (1866–1943), редактор газеты «Руль». В отчете о митинге, в частности, сообщалось: «Андрей Белый считает необходимым для русской интеллигенции отказаться от статистических, исторических и иных точек зрения на голод и прийти к сознанию необходимости конкретной помощи. Нужно воспринимать не цифры, а одного близкого голодающего, понять, что "я – это ты"» (Голос России. 1922. №914. 12 марта. С.3). Несколькими днями спустя в той же газете (№919. 18 марта. С.5) появилась заметка: «...от неизвестной были присланы через детей 100 марок и 2 золотых цепочки при письме, где говорится, что "после речи Андрея Белого все наше золотое украшение кажется печатью черного духа" и жертвуется на голодающих». Ср.: Beyer Thomas R. Andrej Belyj. The Berlin Years 1921–1923. S.110.

[51] Имеются в виду 2-й курс для теологов в Дорнахе (26 сентября – 10 октября 1921 г.), конференция с преподавателями Вальдорфской школы (Штутгарт, 16 ноября 1921 г.), рождественский курс для учителей (23 декабря 1921 г. – 7 января 1922 г.) и предстоящий 2-й Международный антропософский конгресс, посвященный проблеме «Запад – Восток» (Вена, 1-12 июня 1922 г.).

[52] Общество «Der Kommende Tag» (1920–1925) и издательство в Штутгарте при нем были основаны с целью пропаганды социальных (идея «трехчленности социального организма» – «Dreigliederung des Sozialen Organismus») и духовных взглядов Штейнера; закрылось в 1925 г. в результате гиперинфляции в Германии. См.: Майдель Р. фон, Безродный М. К переводу статьи Андрея Белого «Die Anthroposophie und Russland» на русский язык // Новое литературное обозрение. 1994. №9. С.161.

[53] Имеются в виду книги издательства «Der Kommende Tag»: «Eine neue Gralsuche» (1921) и «Die Geburt des Individualismus aus des Mythos als Künstler. Erlebnis Richard Wagners» (1921) Эрнста Юли, «Die moderne naturwissenschaftliche Vorstellungsart und die Weltanschauung Goe-

thes, wie sie Rudolf Steiner vertritt» (1921) Вальтера Иоханнеса Штейна, «Anton Bruckner» (1923) Эриха Швебша («Бругман» – ошибка или описка Белого).

[54] В 1922 г. издательство «Der Kommende Tag» выпустило в свет «Избранные сочинения» Вл.Соловьева (Solovjeff Wl. Ausgewählte Werke. Aus dem Russischen von Harry Köhler. Bd.1-4) и «Три речи в память Достоевского» («Drei Reden zum Andenken Dostojewskijs 1881–1883». Vorrede Harry Köhler).

[55] Договор между Белым и издательством «Der Kommende Tag» на издание в немецком переводе его цикла «На перевале» был заключен 1 июля 1922 г.; была выпущена в свет только одна книга этого цикла – «На перевале. II. Кризис мысли» («Auf der Wasserscheide. Zweites Buch. Die Krisis des Gedankens». Übersetzt von Hedwig Bidder. 1922).

[56] Имеются в виду книги: «Die Kindheits-Geschichte Jesu. Die beiden Jesusknaben» (1921) Адольфа Аренсона (Arenson, 1885–1936), композитора, автора музыки для постановок драм-мистерий Штейнера, «Es werde Licht. Schöpfungsworte der Bibel und Urbedeutung d. Laute im Lichte der Geisteswissenschaft» (1921) Германа Бекка, «Die Krisis in der Wissenschaft und die Anthroposophie» (1921) Ханса Эрхарда Лауэра, «Über die Zahnkaries, oder Zahnfäule mit Beziehung auf die Ergebnisse der Geistesforschung Dr. Rudolf Steiners» (1921) Оскара Рёмера, «Die Idee des "Kommenden Tages"» (1921) Эмиля Лейнхаса.

[57] Имеется в виду газета «Dreigliederung des Sozialen Organismus», выходившая в Штутгарте с июля 1919 до июня 1922 г.

[58] Журнал «Die Drei. Monatsschrift für Anthroposophie und Dreigliederung» выходил в Штутгарте (под редакцией Э.Колиско и Э.Юли) с февраля 1921 г. до марта 1931 г. (Новая серия – с февраля 1948 г., по сей день). В записях о мае 1922 г. Белый отмечает: «...пишу статью в "Die Drei" на тему: "Anthroposophie und Russland"» (*РД*. Л.113об.). См.: Andrej Bjely. Die Atthroposophie und Russland // Die Drei. Viertes Heft, Juli 1922. S.317-328; Fünftes Heft, August 1922. S.376-385. Статья Белого «Антропософия и Россия» напечатана в переводе на русский Ренаты фон Майдель и Мих.Безродного в «Новом литературном обозрении» (1994. №9. С.161-181).

[59] Ежеквартальный литературно-художественный журнал (антропософской ориентации; основатель и редактор – Александер фон Бернус (Bernus), 1880–1965) «Das Reich» выходил с апреля 1916 (Гейдельберг – Мюнхен) до июля 1920 г. (Штутгарт – Гейдельберг). Райнер Мария Рильке (Rilke, 1875–1926) опубликовал в нем 4 стихотворения Микеланджело в своем переводе (1917. №1. S.187-189; 1918. №2. S.290-291).

[60] Журнал «Das Goetheanum. Internationale Wochenschrift für Anthroposophie und Dreigliederung», основанный в августе 1921 г., выходит в Дорнахе по сей день. Швейцарский поэт, президент Антропософского общества в 1925–1963 гг., Альберт Штеффен (Steffen, 1884–1963) был его редактором со времени основания и до своей смерти.

[61] В журнале «Das Goetheanum» была опубликована в переводе Феги Фриш статья Андрея Белого «Культура в современной России» (Andrey Bjely. Die Kultur im zeitgenössischen Russland // 1922. №39. S.311-322). А.М.Ремизов печатался не в этом журнале, а в «Die Drei» и в газете «Anthroposophie. Wochenschrift für freies Geistesleben» (издавалась в Штутгарте с июля 1922 по сентябрь 1935 г.). Возможно, Ремизов говорил Белому о своем намерении (видимо, неосуществленном) перевести на русский язык пьесу А.Штеффена «Хирам и Соломон» (об этом замысле нам любезно сообщила А.М.Грачева).

[62] Аналогичное признание – в письме Белого к матери от 6 марта 1922 г.: «И не то, чтобы Ася меня бросила (мы же в прекрасных отношениях), а то, что ***антропософия*** ее совершенно фанатизировала. Ей некогда думать о себе и обо мне, как ей некогда думать ни о чем, кроме своей ***службы*** делу Доктора, – говорю ***службы***, потому что ***охота пуще неволи***...» (Europa Orientalis. VIII. P.460).

[63] Издательство «Геликон» (основатель и руководитель – Абрам Григорьевич Вишняк, 1895–1943) возникло в Москве в 1918 г., возобновило свою деятельность в ноябре 1921 г. в Берлине (см.: Руль. 1921. №302. 13 ноября). В «Геликоне» в 1922 г. вышли в свет «Записки чудака» (т.I-II) Андрея Белого и его же «Путевые заметки. Том 1. Сицилия и Тунис». См. также примеч.2 к п.125. О Белом в «Геликоне» см.: Каннак Евг. Воспоминания о «Геликоне» // Русская мысль. 1974. №2982. 17 января. С.8.

127. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
25 марта 1922 г. Берлин.

25 марта 22 года. Берлин.

Дорогой, милый Разумник Васильевич, –

Скоро пишу лично, а это письмо – деловое: лицо, передавшее К.Г.Каплун[1] письмо мое, вероятно, сможет доставить пакет с книгами и рукописями в Берлин. За том

стихов (избран<ные> стих<отворения> – 20 печ<атных> листов) Гржебин дает аванса 40 000 мар<ок>, а *текста нет*: ради Бога, устройте скорей, чтобы текст (в виде рукописей, в виде ли книг «*Зол<ото> в Лаз<ури>*» + «*Пепел*» + текст «*Звезды*») был передан данному лицу[2]: Гржебин говорит, что книги мои кем-то из друзей взяты из Издательства «*Гржебина*»; стало быть: взяты там и «*Пепел*», и «*Зол<ото> в Лазури*». Во-вторых: за текст «Котика» (2 альман<аха> «*Скифов*») заплатят мне 18 000 мар<ок>, а текста – нет[3]: 40 000 + 18 000 = 58 000. Это – 7-8 месяцев работы над «*Эпопеей*» под Берлином, в покое[4]; без этого – разрывание в душном Берлине и закабаление в побочную работу, вследствие которой я могу совершенно отрезаться от России... Итак: Вы видите, что ось моей жизни вращается вокруг получения «*Котика*» и «*Стихов*»... Поспособствуйте всяческому доставлению мне материала (через лицо, передавшее письмо, или чрез лиц, едущих в Берлин, или – прямо по почте: книги доходят по почте; рукописи Голлербаха в журнал «*Эпопею*» я на днях получил[5]; стало быть: и рукописи доходят. Кстати об «*Эпопее*». Писал Вам 2 длинных деловых письма об «*Эпопее*». Одно отправил еще в декабре с 17-ю пригласительными письмами через М.И.Балтрушайтис (Вам, Замятину, Сологубу и др.)[6]. Ни от кого: никакого отклика! Повторяю вкратце; я – редактирую журнал (лит<ературно->худ<ожественный>, вне «*политики*»); нужны: Ваши статьи, статьи всякие по литературе и худож<ественной> культуре, стихи до зарезу, худ<ожественная> проза (но не *отвлеченная философия* – издатели ее не хотят). Рукописи доходят, а никто ничего не шлет. Фатально, что ни Вы, ни Замятин, ни москвичи никак не откликнулись на мой горячий зов присылать нам материал, а Голлербах, которого я не звал, – прислал пук стихов и 2 очень выручившие статейки. Ведь вот: Голлербах посылает; и – рукописи доходят; а нет ни строчки Вашей, нет Клюева[7], нет Ходасевича[8], нет Замятина и т.д. Итак: присоедините к пакету что можете из худ<ожественного> материала.

Условия издателей. За лист – 1000 мар<ок> (за право затем издать в Книг<оиздательстве> «*Геликон*» отдельно от 750 – 1000. Итого за лист: 1000 + 750=1000 = 1750=2000... Провожу в журнале «*Книгу о Блоке*»; первые 2 № готовы[9].

Ну вот: обрываю это деловое письмо: обнимаю Вас крепко. Простите за лаконизм. Спешу передать письмо лицу, едущему в Россию.

Искренне любящий Вас Борис Бугаев.

[1] Имеется в виду К.Г.Штрум (урожденная Каплун). См. примеч.4 к п.120.

[2] Комментарий Иванова-Разумника: «ИР передал “данному лицу” (как пишет АБ) эти тома стихотворений; переработав их, АБ напечатал в Берлине том “Стихотворения” (изд. З.И.Гржебина, 1923)» (Л.23). Текст этого издания Белый готовил в Берлине в сентябре 1922 г.: «Подготовляю к изданию <...> Собрание стихотворений у Гржебина» (*РД*. Л.114об.). См.: Malmstad John E. Introduction // *Стихотворения I*. P.36-37. «Стихотворения» (1923) Белого фототипически переизданы издательством «Книга» (М., 1988. Послесловие и примечания А.В.Лаврова).

[3] «Котик Летаев» был выпущен в свет отдельным изданием в июне 1922 г. (Пб., «Эпоха»; тираж 5000 экз.).

[4] Здесь подразумевается не журнал, а задуманный Белым цикл автобиографических произведений. Около 5 мая 1922 г. Белый поселился в Цоссене, близ Берлина, где прожил месяц (6 июля переехал в Свинемюнде, курорт на Балтийском море).

[5] Эрих Федорович Голлербах (1895–1945) – искусствовед, поэт, литературный и художественный критик. Его произведения в журнале «Эпопея» не были напечатаны (возможно, были переданы в другое издание: с 1922 г. Голлербах активно печатался в эмигрантских русских изданиях).

[6] Ни Е.Замятин, ни Ф.Сологуб в «Эпопее» не участвовали. Мария Ивановна Балтрушайтис (урожд. Оловянишникова, 1878–1948) – жена поэта Ю.К.Балтрушайтиса, бывшего в 1921–1939 гг. полномочным представителем Литвы в СССР. Дипломатический статус позволял Балтрушайтису в начале 1920-х годов способствовать контактам между россиянами, оказавшимися по разные стороны государственных границ.

[7] Н.А.Клюев в «Эпопее» не печатался.

[8] Владислав Фелицианович Ходасевич (1886–1939), общавшийся с Белым с середины 1900-х гг., особенно сблизился с ним в Петрограде весной 1921 г. и в Берлине, куда приехал 30 июня 1922 г. Белый написал о стихах Ходасевича две статьи – «Рембрандтова правда в

поэзии наших дней (О стихах В.Ходасевича)» (Записки Мечтателей. 1922. №5. С.136-139) и «Тяжелая лира и русская лирика» (Современные Записки. 1923. Кн.XV. С.371-388). Во 2-м (1922) и 4-м (1923) выпусках «Эпопеи» были напечатаны стихотворения Ходасевича, а в 3-м выпуске (1922) – его статья «Об Анненском».

[9] В 1-м и 2-м выпусках «Эпопеи» были напечатаны гл. 1-5 «Воспоминаний о Блоке» Белого, гл.6-9 – в 3-м и 4-м выпусках.

128. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
17 сентября 1923 г. Детское Село.

17 сент. 1923. Царское Село.

Милый и сердечно любимый Борис Николаевич, –
если бы Вы знали, как рад я, что снова привела нас судьба увидеться![1] А я был уверен, что виделся с Вами осенью 21<-го> года уже последний раз в своей жизни.

Я очень болен, и мне трудно ездить в Петербург; но если Вы в нем – только проездом, то приеду повидать Вас хоть на малое время. Если же Вы можете провести в нашем городе несколько дней, то два-три из них уделите Царскому, – вспомним 1917–1921 годы и поговорим о годах последующих и предбудущих.

Буду в городе – завтра и послезавтра; сообщить мне о себе можете по тел<ефону> 5-40-79 (книжн<ый> магаз<ин> «Центросоюза», спросить Дмитрия Михайловича Пинеса[2], – он мне все передаст).

Крепко обнимаю Вас.

Сердечно любящий Р.Иванов.

P.S. Для первой встречи – посылаю Вам «Вершины»[3], только что вышедшие. Пусть будут они благоприятным знаком при Вашем возвращении в Россию.

[1] Письмо написано по получении ложного известия о возвращении Белого из Германии в Петроград. Белый приехал из-за границы в Москву только 26 октября 1923 г. (отбыл из Берлина 23 октября). Первоначально он намеревался вернуться на родину в сентябре через Петроград (о чем и сообщил С.Г.Каплун), но задержался в Берлине из-за хлопот с визой. Ср. записи Белого: «...томительное ожидание отъезда» (сентябрь 1923 г.); «Томление. Наконец: получил визу» (октябрь 1923 г. // *РД*. Л.116об.). Официальное оповещение о возможности возвращения на родину Белый получил от З.Г.Гринберга, председателя Комиссии по заграничному снабжению Наркомпроса (Берлин, 1 августа 1923 г.): «Спешу сообщить Вам, что сегодня 1-го августа получена мною телеграмма от т. Луначарского нижеследующего содержания: "Андрею Белому въезд разрешен 2651 Наркомпрос Луначарский". Сообщая Вам об этом, прошу Вас зайти ко мне для конкретного обсуждения Вашей поездки» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.329).

[2] Д.М.Пинес (1891–1937) – член партии эсеров, в 1917–1918 гг. левый эсер; библиограф, историк литературы, издательский работник; библиотекарь и секретарь (1922–1924) «Вольфилы». Один из первых исследователей творчества Андрея Белого (ср. его надпись Иванову-Разумнику на открытке с изображением скульптуры Салтыкова-Щедрина, 3 мая 1927 г.: «Автору "Вершин" и комментария к сочинениям Щедрина от газетного червяка, следопыта бугаевского». – *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.314), автор (вместе с К.Н.Бугаевой и А.С.Петровским) обзора «Литературное наследство Андрея Белого» (*ЛН*. Т.27/28. М., 1937. С.575-638. Авторство в публикации не указано, поскольку Пинес тогда был репрессирован: расстрелян в Архангельске 27 октября 1937 г.). См.: «De profundis» (Письма Д.М.Пинеса к А.Н.Римскому-Корсакову) / Публикация М.Д.Эльзона // Историко-библиографические исследования. Сб. научных трудов. Вып.4. СПб., 1994. С.129-157; Письма Андрея Белого Д.М.Пинесу / Публикация Дж.Мальмстада // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.85-100; Спивак М.Л. Письма Д.М.Пинеса Андрею Белому // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С.28-34; Дойков Ю.В. К переписке Д.М.Пинеса и А.Н.Римского-Корсакова (по следам публикации) // Историко-библиографические исследования. Вып.6. СПб., 1996. С.220-222; Любимов Н. Неувядаемый цвет. Главы из воспоминаний // Дружба народов. 1993. №7. С.106-112.

[3] Книга Иванова-Разумника «Вершины. Александр Блок. Андрей Белый» (Пг., «Колос», 1923) первоначально называлась «Вершины символизма». Предисловие к ней датировано 1 мая 1923 г. Высылая рукописи готовой книги «Вершины» Ф.И.Витязеву (Седенко), руководителю издательства «Колос», Иванов-Разумник пояснял в сопроводительном письме (28 апреля 1923 г.): «Сперва я их назвал "Вершины символизма", но потом испугался громоздкости и нецензурности: символизм, мистика, буржуазная идеология, контр-революция. Одним словом:

Как бы это изъяснить,
Чтобы нам не рассердить
Большевистской важной дуры,
Нашей чопорной цензуры...
Поэтому – просто "Вершины"» (*РГАЛИ*. Ф.106. Оп.1. Ед.хр.64).

129. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
3 ноября 1923 г. Москва[1].

Дорогой и близкий Разумник Васильевич,
мне даже странно, что я Вам пишу; после двух лет молчания, и вдруг писать – Вам, о котором я так много думал все эти 24 месяца[2]. Первые 7 месяцев я Вам писал; но, не получив ни строчки от Вас, я писать перестал; и все-таки – неизменно думал о Вас: с любовью, с надеждой на будущие встречи. Только перед самым отъездом из Берлина А.А.Шрейдер показал мне изумительное Ваше исследование о моем «Петербурге»[3]; читал, изучал его, – изумлялся: и тем большим выводам, которые явствуют из этой статьи, и той изумительной, филигранной и трудной работе, которую произвели Вы и которая является совершенно единственной и исключительной во всей русской критике; здесь изумительное сочетание интуиции, проникновения с деталями формального метода, преодоление его изнутри; и мне радостно, что эта огромная, замечательная работа посвящена «Петербургу». Спасибо, горячее спасибо Вам: не говорю уже, сколькое о себе я узнал из Вашего анализа[4]. Да что я о «литературе»: хочется просто обнять Вас и поделиться с Вами большой радостью: радостью быть в России; вот уже более недели я в Москве[5], и все еще не могу опомниться от счастья быть на родине; никогда еще пребывание вне России не было для меня столь тягостно, как последний год, никогда еще возвращение в Россию не казалось мне столь крупным событием жизни; да, все личное отступает перед возможностью дышать воздухом России. Как я жалею тех, кто не может вернуться в Россию.

Мой план был вернуться в Петроград; 2 месяца назад у меня уже был билет пароходный (я должен был быть 17-го сентября в Петербурге, о чем писал Соне Каплун)[6], как вдруг – пошел запрос обо мне в Москву; и я, неожиданно для себя, должен был ожидать визы, которую обещали дать через несколько дней, но которую выдали лишь через несколько недель; все эти недели провел в страшном волнении; ничего определенного не мог писать Вам, ибо не знал, вернусь ли в Россию; получив визу, решил тотчас же ехать, не дожидаясь парохода, который ходит раз в 2 недели; и потому-то финансовые соображения (денег было мало, а в России – дорого жить без заработка) определили мой путь на Ригу, Сёбеж, Москву. Так я очутился в Москве, минуя милую и сердцу близкую «Вольфилу»; в Москве же мне сразу повезло с помещением: я устроился на прежнем пепелище, около Девичьего Монастыря, вне города, в тихом, благостном месте, у А.И.Анненкова, на заводе[7]. После кошмарного, грохотного центра Берлина (Motzstrasse)[8] жизнь почти в природе и возможность тихой работы меня соблазнила: я решил зазимовать в Москве и написать IV том своего «*Начала Века*»[9] (заново переработанный сообразно заглавию текст «*Воспоминаний*»)[10]: три тома готовы и выходят в «Эпохе» (в Берлине) в этом сезоне[11]. И все-таки: чувствую необходимость почти физиологическую Вас видеть; сделаю все усилия на Рождестве приехать в Петербург, чтобы повидаться с Вами; ведь «*Россия*» как-то связана для меня со всем сердцу близким; а это «*близкое*» прежде всего реализовано в людях: я ехал в Россию – к Вам, к «Вольфиле», к нескольким московским друзьям, к вольфильцам и вольфилкам, к сестрам и братьям в Москве. Все равно – сердце мое радостно разорвано между Москвой и Петербургом; и, вероятно, как и прежде, придется делить время между Москвой и Петербургом, «*Вольфилой*» и московскими друзьями.

Да, Разумник Васильевич, – я не только остался патриотом «Вольфилы», но стал вдвое патриотом свободного «вольфильствования». И – да: все высокое и светлое, что было пережито нами совместно в связи с русской революцией, стало в сознании еще выше и еще светлее; а сравнение современной Германии с современной Россией сделало меня «*патриотом*» России (в совсем особом, скифском смысле). Ужасна Германия: организованно, бездохновенно, серо, и «*соглашательски*» тихо садится на дно[12].

Берлин – место, где я получил тяжелейшие жизненные удары, – остается в памяти кошмаром; там я едва не погиб; и не знаю, что было бы со мною там, если бы я не вырвался вóвремя; я не идеализирую современной России; но – вот: в прекрасных условиях комфорта сердце мое истекало кровью, а душа томилась в невыразимых беспокойствах, а здесь, в России, я обрел *тишину* и внутреннее счастье. Мне тихо и радостно, что «*заграница*», куда я ехал долга ради, – уже за плечами: там произвел я тяжелую операцию над своею душою, едва не лишившись жизни; операция – кончена; рана – зажила; я вернулся свободным, не мертвым; впереди – неизвестность; и голос твердит: «Надо вступить на новый путь». Не предрешаю, в чем этот путь: пусть вызреет он правдиво; будущее – покажет; в него гляжу непредвзято; но – знаю, что долго, долго теперь я не поеду никуда из России. Знаю, что встретимся с Вами, будем вместе работать. Пока же обнимаю и крепко целую Вас, милый Разумник Васильевич... Здравствуйте!

Борис Бугаев.

Москва. 3 ноября. 23 года.

Сердечный привет: Соне Каплун, Конст<антину> Алекс<андровичу>, Катер<ине> Юстусовне, Елене Юльевне, Варваре Николаевне, Пинесу, Векслер, Ольге Дмитриевне[13]; и всем, всем вольфильцам.

Адрес. Москва. Бережковская Набережная. Красный Луг. Химический Дорогомиловский Завод. «Анилтрест». Алекс<андру> Иван<овичу> Анненкову. Мне.

[1] На конверте почтовые штемпели: Москва. 10.11.23; Петроград. 12.11.23; Детское Село. 13.11.23.

[2] Подразумевается срок пребывания Белого за границей (22 октября 1921 г. – 23 октября 1923 г.).

[3] Имеются в виду статьи Иванова-Разумника (датированные мартом – апрелем 1923 г.) «К истории текста “Петербурга”», прослеживающая этапы авторской работы над романом и содержащая текстологический анализ двух его основных редакций – «сиринской» (1911–1913) и «берлинской» (1922), и «Петербург», дающая общую развернутую характеристику романа Белого (*Вершины*. С.89-171).

[4] В реестре «К “Указателю” критической литературы обо мне» (1927) Белый отмечает: «...анализу ряда редакций “*Петербурга*” посвятил отдельную монографию, весьма сочувственную, Иванов-Разумник; я считаю разбор “*стиля*” его образцовым; это лучшая работа Иванова-Разумника» (*РГБ*. Ф.198. Карт.6. Ед.хр.5. Л.23-23об.).

[5] См. примеч.1 к п.128. 6 ноября 1923 г. М.О.Гершензон писал из Москвы Л.Шестову: «А.Белый приехал дней десять назад, он купался в море и отлично поздоровел. Одет с иголочки, радуется на все здешнее, как ребенок» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. Paris, 1988. С.291 / Публикация А.д'Амелиа и В.Аллоя). Ср. дневниковую запись Я.З.Черняка от 10 ноября 1923 г.: «Встретил несколько дней на Арбате – Ан.Белого. <...> Молод, изящен, спокоен <...> Очень показался мне посвежевшим» (Черняк Яков. Московские впечатления 1921–1924 / Публикация Маэль Фейнберг // Арион. Журнал поэзии. 1994. №1. С.63).

[6] Это письмо Белого, по всей вероятности, не сохранилось. Софья Гитмановна Каплун (в замужестве Спасская, 1901–1962) – член-соревнователь и заведующая кружками «Вольфилы»; впоследствии – жена поэта и прозаика С.Д.Спасского. Белый дружески сблизился с нею во время своей жизни в Петрограде в 1920–1921 гг. См.: Письма Андрея Белого к С.Д. и С.Г.Спасским / Вступ. статья, примечания Н.Алексеева. Подготовка текста В.С.Спасской // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С.642-662; Богомолов Н.А. К истории эзотеризма советской эпохи // Литературное обозрение. 1998. №2. С.21-23, 25-31 (публикация письма С.Г.Спасской к Андрею Белому от 20 октября – 7 ноября 1928 г.). Частично сохранились сделанные К.Н.Бугаевой копии писем Андрея Белого к С.Г.Спасской (Каплун) и С.Д.Спасскому за 1920-е гг. (Мемориальный Музей-квартира Андрея Белого, Москва).

[7] См. примеч.2 к п.110. Александр Иванович Анненков – директор Дорогомиловского химического завода Гос. треста анилино-красочной промышленности (Анилтрест). В недатированном письме к В.Г.Лидину Белый пояснял, как добраться до его жилища при химическом заводе: «...*до* Девичьего Монастыря (оттуда ходьбы 5 минут): оттуда – через реку (направо от Монастыря), на той стороне реки единственный белый 2-этажный дом смотрит окнами на монастырь (я там живу)» (*РГАЛИ*. Ф.3102. Оп.1. Ед.хр.327).

[8] Эта улица для Белого была связана с антропософскими ассоциациями: в доме №17 по Мотцштрассе ранее жил Штейнер.

[9] К реализации этого замысла Белый в намеченные им сроки не приступал (по причине, главным образом, осознания невозможности опубликования своей мемуарной книги в СССР). 10 декабря 1928 г. Белый писал в этой связи П.Н.Медведеву: «Современность ставит требования “тенденциозности”, а не “летописи”; после 17-го года ряд людей, мной описанных, попал за границу. В первоначальном плане “Начало века” должно было состоять из 5 томов в сто двадцать пять печ. листов (75 листов было написано); 3 тома рисовали историю литер<атурной> культуры в живых деятелях до 12<-го> года; 4-й том должен был быть посвящен тому, что я видел на западе и чему учился в эпоху 12–16<-го> года. А пятый том – русской революции. Вернувшись в Россию, я увидел, что такого рода “объективные” труды никого не интересуют. И продолжать свое “*былое и думы*” – бросил» (Взгляд: Критика. Полемика. Публикации. М., 1988. С.432).

[10] Имеются в виду «Воспоминания о Блоке» Белого, напечатанные в «Эпопее» (№№1-4) в 1922–1923 гг. Ср. свидетельства В.Ф.Ходасевича о работе Белого над «Началом века»: «То были воспоминания о Блоке, далеко перераставшие первоначальную тему и становившиеся воспоминаниями о символистской эпохе вообще. Мы вместе придумывали для них заглавие. Наконец, остановились на том, которое предложила Н.Н.Берберова: “Начало века”» (Ходасевич В.Ф. Некрополь. Bruxelles, 1939. С.91-92. См. также: Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С.191-192).

[11] Комментарий Иванова-Разумника: «Три тома этих воспоминаний были написаны АБ в Берлине и сданы берлинскому изд-ву “Эпоха”; изданы не были. <...> Вернувшись в Москву, АБ собирался в 1923–1924 гг. писать тт.IV и V “Начала века”, но этого своего намерения не осуществил. Значительно позднее приступил он к томам воспоминаний (“На рубеже <двух столетий>”, “Начало века”, “Между двух революций” – 1929-1933 гг. <...>), имевших уже мало общего по настроению и по направлению мыслей с трехтомным берлинским “Началом века”» (Л.23об.). К переработке «Воспоминаний о Блоке» в «Начало века» Белый приступил в декабре 1922 г.; 1-й том был закончен в январе, 2-й – в марте 1923 г., в июне – «разом, единым махом почти весь III том “Начала века”. 3 тома готовы» (*РД*. Л.116). Перед отъездом из Берлина Белый передал рукопись «Начала века» С.Г.Каплуну (Сумскому) для издания; в реестре «Написанные и ненапечатанные рукописи Андрея Белого» он сообщает: «...эти томы, долженствовавшие выйти в издательстве “Эпоха” (Берлин) постигла неудача. Первый том был набран в Берлине в 1923 году. Он существует в матрицах. Но вследствие “*краха*” издательства и перепродажи им рукописи другому издательству (уже после отъезда автора в Россию) у автора не осталось рукописи этого тома; при всем усилии вернуть ее, вследствие неряшливого отношенья “*наследников*” издательства “*Эпоха*” к праву автора, автору не удалось получить имевшихся гранок набора» (*РНБ*. Ф.60. Ед.хр.31); ср. характеристику книги в составленном Белым «Списке произведений» (1927): «“Начало Века” (История культурных течений начала столетия в личном воспоминании). Является значительным расширением и переработкой “Воспоминаний о Блоке”. I том (“*Годы Зари*”. Берлинский издатель не возвращает рукописи и не печатает). II том (905-907 годы). III том (908–1912 годы) (*рукопись у автора*)» (*РГБ*. Ф.198. Карт.6. Ед.хр.5. Л.15). В письме к П.Н.Медведеву от 10 декабря 1928 г. Белый сообщал: «...“*Начало века*”, три тома коего написано, не имеет первого тома, отхваченного у меня за границей, уже набранного к моменту моего отъезда в 23<-м> году, но – канувшего в Лету. С трудом выцарапал 2 тома (второй и третий), но...» (Взгляд. С.431-432). Кроме I тома, пропала также первая половина II тома. Рукопись второй половины II тома и III тома «Начала века» хранится в фондах Белого (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.25-28; *РНБ*. Ф.60. Ед.хр.11-14). Несколько главок из «берлинской» редакции «Начала века» Белый опубликовал в берлинском журнале «Беседа» («Из воспоминаний. 1. Бельгия. 2. Переходное время. 3. У Штейнера» // 1923. №2) и в парижских «Современных Записках» («Отклики прежней Москвы» // 1924. Кн.XVI; «Арбат» // 1924. Кн.XVII), главка «Арбат» была напечатана также в Москве в №1 (10) журнала «Россия» (1924, февраль). Отдельные фрагменты книги были опубликованы в новейшее время; см.: Андрей Белый. Из книги «Начало века» / Публикация и предисловие С.Григорьянца // Вопросы литературы. 1974. №6. С.214-245; Андрей Белый. Из воспоминаний о русских философах / Публикация Дж.Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. Paris, 1990. С.326-351.

[12] Негативные эмоции, накопившиеся у Белого за время пребывания в Германии, нашли отражение в его очерке-памфлете «Одна из обителей царства теней» (Л., ГИЗ, 1924), основанном на берлинских впечатлениях.

[13] Перечисляются: С.Г.Каплун, К.Эрберг, Е.Ю.Виссель, Е.Ю.Фехнер, В.Н.Иванова, Д.М.Пинес, А.Л.Векслер, О.Д.Форш.

130. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
9 ноября 1923 г. Детское Село[1].

9 ноября 1923. Детское Село.
Колпинская, 20.

Милый и сердечно любимый Борис Николаевич, –
узнал на днях, что Вы на днях же вернулись в Москву. Как я, как все мы здесь обрадовались – вряд ли нужно Вам говорить: сами знаете. Лично я уже не надеялся свидеться с Вами: был очень болен последний год, да и теперь скриплю. Но все же Москва – не за горами, есть надежда повидаться. А пока – хоть несколько строк написать: два года волею почты были мы отрезаны друг от друга; до меня дошло хоть два Ваших письма, до Вас – ни одного моего.

И это мое письмо – только первая ласточка. Просто хотелось сказать Вам, что сердечно люблю Вас, что с Варварой Николаевной часто-часто поминаем мы наши с Вами ночные беседы, что в Вольфиле Вы были и есть душа и «председатель» даже за два года отсутствия, даже за тысячи верст расстояния.

Осмотритесь в Москве и устроитесь – напишите. Пока пишу на авось и даже не твердо верю в адрес Владимира Антоновича[2], которому искренний привет.

Сердечно обнимаю в письме, надеюсь обнять въяве.

Всегда Ваш Р.Иванов.

[1] Письмо написано до получения п.129.

[2] Имеется в виду Владимир Оттонович Нилендер, в квартире которого Белый остановился на несколько дней по приезде в Москву: «Останавливаюсь у Нилендера и к 1-ому ноябрю переселяюсь на завод, к Анненковым, ибо деться – некуда» (*РД*. Л.116об.). В 1923 г. Нилендер проживал по адресу: Ваганьковский пер., дом 6, кв.12.

131. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
12 ноября 1923 г. Детское Село.

12/XI 1923. Детское Село.
Колпинская, 20.

Дорогой и сердечно любимый Борис Николаевич, – в надежде, что Вы уже получили мое первое, «приветственное» письмо (посланное 9/XI Вам заказным на имя и по адресу В.А.Нилендера)[1], пишу Вам это второе, «деловое» (посылаемое через Е.Ф.Книпович)[2].

Дело вот в чем. Если у Вас есть неделя свободного времени и желание получить несколько червонцев гонорара, то не напишете ли небольшую статью на тему – о современной русской беллетристике и поэзии за рубежом (разные Романы Гули, Александры Дроздовы, также и Эренбурги[3] и tutti quanti*). Я редактирую для изд<ательст>ва «Мысль» сборник критических статей «Современная Литература». Сам пишу для нее общий обзор[4], будут статьи Ф.Сологуба, Евг.Замятина, Анны Ахматовой[5], и еще, и еще. Будет и отрывок из дневника Ал.Ал.Блока – о литературе 1918 года[6]. Милый Борис Николаевич, – не откажитесь, – очень меня выручите. Если тема Вам не нравится – возьмите другую, любую. Денежные условия урегулирует с Вами издатель, Лев Владимирович Вольфсон[7], который на днях едет в Москву и разыщет там Вас.

Так вот: первое письмо – «приветственное», второе – «деловое»; третье будет «вольфильское». А от Вас буду ждать известий – и лучше всего вот каких: что Вы собираетесь в Питер, и недели две-три-пять-десять проживете в Вашей комнате в Детском Селе.

Обнимаю.

Ваш Р.Иванов.

P.S. Варвара Николаевна Вас ждет, Ина выросла большая и читает «символистов»...

* *прочие и прочие (ит.).*

[1] Имеется в виду п.130.

[2] Евгения Федоровна Книпович (1898–1988) – литературовед, критик; в 1920-е гг. – председатель «блоковского кружка» в Москве (см.: Ильюнина Л.А. Московская ассоциация по изучению творчества А.Блока // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1991. С.213-220).

[3] Названы писатели, жившие в начале 1920-х гг. в Берлине. Роман Борисович Гуль (1896–1986) – прозаик, критик; участник белого движения. В 1920-е гг. сотрудничал в советских изданиях, позднее – только в эмигрантской печати. Написал брошюру «Пол в творчестве. Разбор произведений А.Белого» (Берлин, «Манфред», 1923), дал литературный портрет Белого в книге «Жизнь на фукса» (М.; Л., 1927. С.205-209). Александр Михайлович Дроздов (1895–1963) – прозаик, приобретший широкую известность во время пребывания в Берлине в 1921–1923 гг.; вернулся в СССР в декабре 1923 г. См.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921–1923. С.80-94. Белый встречался с Дроздовым в Берлине в декабре 1921 г. (см.: *РД*. Л.111об.). О пребывании в Берлине прозаика, поэта и публициста Ильи Григорьевича Эренбурга (1891–1967) см.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин, 1921-1923. С.134-137; Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург. Хроника жизни и творчества. Т.I. С.224-260, 272-329, 335-350; Рубашкин А. Илья Эренбург. Путь писателя. Л., 1990. С.87-105.

[4] Имеется в виду статья Иванова-Разумника (подписанная псевдонимом «Ипполит Удушьев») «Взгляд и нечто. Отрывок. (К столетию "Горя от ума")» (1924). См.: Современная литература. Сб. статей. Л., «Мысль», 1925. С.154-182. Видимо, эта же статья (озаглавленная: «Итоги») подразумевалась Ивановым-Разумником в проекте содержания несостоявшегося журнала «Эпоха» (1922) (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.147).

[5] Ни Ф.Сологуб, ни А.Ахматова в сборнике «Современная литература» не участвовали. Евг.Замятин опубликовал в нем статью «Белая любовь» (С.76-81) – текст речи, произнесенной на юбилейном чествовании Ф.Сологуба 11 февраля 1924 г.

[6] Неясно, какой именно фрагмент дневника А.Блока здесь подразумевается. В сборнике «Современная литература» была впервые опубликована по черновой рукописи (апрель 1921 г.) статья Блока «"Без божества, без вдохновенья" (Цех акмеистов)» (С.5-14). Именно публикация этой статьи, содержавшей резкую критику акмеистской школы, послужила причиной неучастия Ахматовой в сборнике; П.Н.Лукницкий свидетельствует (запись от 12 апреля 1925 г.): «...Иванов-Разумник просил АА дать стихи в журнал. АА отказала, потому что в том же номере должна была быть статья Блока "Без божества, без вдохновенья". АА: "Статья эта несправедливая, очень желчная... <...> Ее можно и нужно поместить в полном собрании Блока, потому что ее написал Блок, но нехорошо было ее помещать в журнале» (Лукницкий П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т.I. 1924–25 гг. Paris, 1991. С.128).

[7] Директор петроградского издательства «Мысль»; в 1917 г. – сотрудник петроградской эсеровской газеты «Земля и Воля».

132. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
18 ноября 1923 г. Москва[1].

Москва. 18 ноября. 23 года.

Милый и дорогой Разумник Васильевич,

я – только что получил Ваше письмо, адресованное к Нилендеру; и получил Вашу записку; через несколько дней по приезде я Вам и Софье Гитмановне писал[2]; но по Вашим двум письмам вижу, что Вы письма моего не получили[3]. Что за рок преследует нашу переписку? Я много писал Вам из Берлина в течение года, но не получил ни строчки в ответ; прочие мои письма доходили; лишь письма к Вам затеривались; сперва я даже огорчился, полагая, что Вы не хотите меня знать. Лишь от Белицкого узнал, что и Вы мне писали[4].

Странно мне после 2<-х> лет томления в Берлине писать Вам опять из Москвы; и – иметь возможность появиться в Петербурге; вот уже скоро месяц, как я в России; и все еще не могу оправиться от чистейшей радости; все мне в Москве кажется лучше, умнее, бодрее, чем в разлагающемся воздухе Берлина. 24 месяца жизни в Германии стоит за плечами, как тяжелый кошмар[5]; Берлин – место, где я получил так много ушибов (скорее – ударов), место, где месяцами у меня опускались руки; а при мысли, что, может быть, меня не пустят в Россию, – я терял последние остатки самообладания.

Помните, – я ехал главным образом для того, чтобы встретиться с Асей, ехал в Дорнах, ехал, чтобы ознакомиться с пульсом жизни культурной Германии; и – что же? Встреча с Асей отозвалась рядом тяжелых ударов и потрясений; 24 месяца моей жизни в Европе были жизнью без Аси (с ней мы виделись мимолетом, при ее проездах через Берлин); да и кроме того: она умерла в моей душе; и этот процесс ее умирания во мне переполнял более года мой организм такими душевными ядами, что я прибегал к вину, чтобы погасить остроту самосознания. Я ехал в Дорнах, а – просидел в Берлине, в самом безвкусном, пошлом, скучном, циничном городе в мире; в Дорнах не мог попасть: 1) в Швейцарию не пускали людей с советскими паспортами, 2) в Швейцарии все равно я не мог бы прожить из-за высокой валюты, 3) присутствие в Дорнахе Аси отрезывало меня от него. Вместо ознакомления с культурными течениями Германии я наткнулся на среднего обывателя-немца; и жизнь двухлетняя, бок-о-бок с этим мещанином, впервые основательно поколебала мою веру в Германию: по-моему: Германия Гёте, Фихте, Бетховена, Шумана, Вагнера, Ницше – умерла безвозвратно[6]; Германию Бисмарка (выродившуюся в «фашизм») и Германию социал-демократов я видел; и она, эта Германия, производила отвратнейшее впечатление. В силу многих причин личного характера (о которых не скажешь кратко) современными культурными течениями Германии я мало интересовался[7]; да и чем интересоваться? Шпенглер при ближайшем ознакомлении оказался совсем небольшим[8]; граф Кайзерлинг – это какая-то сладкая, теософическая водица[9]; новых философов – нет (подобные Максу Шеллеру – меня не интересуют)[10]; к новым немецким поэтам у меня скоро пропал вкус, и я даже не помню их имен; Мейринг[11] мне не нравится; а все эти Келлерманы, Маны и Вассерманы[12] – все-таки это «*мало*» и... «*не ново*»...

Скоро я понял, что мы в России, отрезанные за эти пять лет от Европы и там выходящих книг, не только не отстали, а – шагнули: и – пребываем в каком-то новом измерении сознания, Европе не доступном; большинство европейских новостей «*культуры*» появляется в старой плоскости «*прошлого мира*»; и у меня не было даже охоты с ними знакомиться – не пойдешь ведь на выставку «*новых*» картин современных учеников художника Верещагина[13] после Врубелей, Бенуа, Водкиных и других. Так «*вкус*» к современному культурному Берлину, оказавшемуся «*пресным*», – пропал; и в этой «*пресноте*» приходилось жить 24 месяца – «*Без Божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви*»[14]... Эта преснота скоро «*окислилась*» и «*огорчилась*»: я ехал к антропософам, а их в Берлине не оказалось; в антропософском центре, в Штуттгарте, я был лишь раз; и прожил – неделю[15]; «*дорнахские*» друзья – пребывали в Дорнахе, а от Дорнаха я был отрезан; Берлин стал – антропософским захолустьем, собранием пресных и жалких типов; все живые люди (молодежь) сторонились официальных собраний О<бщест>ва; я к «*антропософам*» в Берлине не ходил; вместо антропософов меня облепили с первого же месяца русские (русских в Берлине – сотни тысяч: квартал Шарлоттенбург немцы называют, шутя, Шарлоттенград)[16]; и вот это тесное и густое кольцо из многих «*русских в Берлине*» не «*усластило*» пресноту моей берлинской жизни, а быстро ее «*окислило*» и «*огорчило*». Да, воочию я убедился скоро, как печальна, беспочвенна, бездеятельна русская эмиграция, среди которой немногие лишь делают отчаянные усилия, чтобы не задохнуться окончательно в общей духоте и духовном обнищании; пониженность интересов, усвоение дурных замашек современной берлинской, гибнущей цивилизации, дух спекуляции, политическая узость, культурная отсталость, отсутствие русского сдвига сознания, отсутствие, полное, революционной стихии в душе и контр-революционное настроение в сфере искусства, – вот чем характеризуется та масса русских, которая уныло фланирует на Tauentzinstrasse и по Kurfürstendamm'у[17]; это – кофейные посидельцы; русская молодежь? Она опекаема «*Рулями*»[18]; среди нее растет густо настроение монархическое; иные рвутся из этого дна, томятся: *их pium desiderium** – вернуться в Россию; но их запугивают: они – не решаются; теперь – культурные верхи? Это либо ограниченные политиканы, либо снобы; и все собрания в Берлине суть либо собрания политические (на них я не ходил), либо собрания эстетически-снобистические; первое время в Берлине я участвовал в попытках создать** художественно-литературные и философские центры (где

---

* *благие пожелания (лат.).*

** *В автографе*: сознать.

бы политиканство изгонялось); на все эти кружки правоверная эмиграция косилась; учредили мы отделение «Вольной Философской Ассоциации»; пресса скоро огласила нас «*большевиками*»[19], живую молодежь от нас отпугнули клеветами; масса же русская предпочитала *фокстрот* и кафейные посидения; «*Дом Искусства*»[20] быстро выродился; позднее «*Клуб писателей*»[21] выродился столь же быстро; и туда, и сюда я хаживал, зевая, а под конец перестал бывать и здесь, и там. С русскими всех мастей встречался я лишь в кафе; вместо духовных связей, – образовалось отчуждение; общение с большинством из встречавшихся русских ограничивалось общением на почве пива. Наконец, – я предпочел ходить в немецкие пивные и просиживать с немцами...

Что же держало меня?

Мне казалось, что личная моя драма (мои отношения с Асей) должна разрешиться; точка на истории наших отношений должна быть поставлена; и вот я терпеливо ждал месяцами момента, чтобы эту точку поставить; лишь весной 23<-го> года это оказалось возможным; и я тотчас же почувствовал, что мне в Германии больше нечего делать; оставалось лишь подготовить к печати 3 тома «*Начала Века*»; в июне я сдал рукопись[22] и тотчас же принялся за хлопоты о возвращении в Россию; они тянулись с июня до середины октября; и это время я томился так, как никогда в жизни; мне казалось, что берлинская мостовая уже не держит меня; под конец я заболел особой болезнью: полной невозможностью выносить Германию; и готов был бежать куда угодно, – хоть в Латвию, хоть в Литву, хоть в Чехо-Словакию[23], только бы разделаться с постылым Берлином. Когда мне казалось, что меня не пустят обратно в Россию[24], я готов был перейти границу, явиться в Москву и сказать властям: «Я – все-таки вернулся; посадите меня хоть в тюрьму, сошлите хоть в Нарымский край, только не возвращайте за границу»... Да, Разумник Васильевич, – я вернулся с твердым сознанием: долго, долго не возвращаться в Европу; все то личное, что меня связывало с ней, – изжито (с Асей – покончено); с свободным вздохом благополучно исполненной тяжелой операцией* вернулся я в Москву; и около месяца не могу не нарадоваться на то, что я в России; я знаю: здесь будет мне не легко; не знаю даже, на что проживу (денег мало, а – как их заработаешь?); но это все пустяки.

Милый, глубоко любимый Разумник Васильевич, – конечно, когда я думал о возвращении в Россию, я думал о возвращении к милым и близким друзьям (трудно человеку прожить одному: а ведь, разорвав нашу жизнь с Асей, после кончины мамы я остался один)[25]; жизнь для меня как-то есть жизнь с близкими; и этими близкими я считаю нескольких человек: Вас, Клавдию Николаевну[26], Алешу, Сережу[27] и др. Я мечтал, что приеду в Петербург (из Штеттина) и в первую голову увижусь с Вами, с Варварой Никол<аевной>, с Соней[28] и «вольфильцами», а потом уже поеду к московским друзьям; у меня уже был билет на пароход (в начале сентября); и лишь за 2 дня до отъезда узнал от Гринберга[29], что обо мне послан запрос и что мне не уехать (он же меня уверил, что я могу спокойно брать билет, что в посольстве виза в два дня будет получена: от Луначарского пришла телеграмма, что въезд разрешен). Соне Каплун я послал письмо, уведомляя, что еду на Петербург, а потом сел на сундуки и просидел на них шесть недель, ожидая ответа... Судьба сложилась так, что я уже не стал ждать парохода (они – ходят редко: в октябре море – бурное); я и поехал прямо на Москву, не имея никакого пристанища; прямо ввалился к Нилендеру; и тотчас же принялся отыскивать помещение, которое, к счастью, скоро нашлось у Анненкова (Бережковская Набережная, Красный Луг, Дорогомиловский Химический Завод, «Анилтрест», кв<артира> Александра Ивановича Анненкова. Мне); Анненков, очень милый, тихий, ко мне расположенный человек, у которого я уже живал в 1920 году, приютил меня (а то мои финансы не позволили бы мне найти комнату в городе); я совершенно отрезан от московской жизни (с сумерками уже надо быть дома; среди пустыря, отделяющего мой дом от Москвы, грабят по вечерам). Это все мне на́ руку; весь мой пафос – отдохнуть от города, нигде не показываться, сидеть у себя; и – работать[30]; читать лекции – не могу; во мне какая-то внутренняя немота; все слова и мысли отработанные – в прошлом; где-то в глубине сознания идет «*переоценка многих недавних ценностей*», и я сейчас, как облинявший пруссак-таракан, без мировоззрительной кожи; у меня – воля к молчанию, уединению, тишине и работе; надо писать

* *Так в автографе.*

четвертый том «*Начала Века*» (Европа, война) и пятый (революция) (первые 3 тома написаны)[31]; хочу, кроме того, работать над сочинением по «*стиховедению*»[32]. К такой работе располагает уединение мое под Москвой и даже отрезанность от всех собраний вечером; иногда это ощущается, как неудобство; когда остаешься на вечер в Москве, то надо подыскать себе ночлег, а это технически порой трудно; но все искупает возможность тихо работать.

Дорогой, милый Разумник Васильевич, – я рвусь в Питер повидаться с Вами; и так я мечтал оказаться у Вас, тихо, уютно посиживать вечерами с Вами, Варварой Николаевной и Иной (которую, вероятно, теперь не узнаю, она – почти большая), как в прошлые годы, но... пожалуй, сперва надо месяца два-три обжиться на новом месте, войти в работу и т.д. Очень чувствуется утомление от беспокойных весенних и летних месяцев в Германии. Может быть, – приеду на Рождестве, может быть, позднее; у меня теперь спокойная уверенность, что скоро свидимся (месяцем позднее, месяцем раньше, – это пустяки: ведь недавно еще и Вы, и все близкое мне, – все казалось мне дальше, чем Марс; и казалось, что пройдут гóды, прежде чем мы увидимся; я ехал ведь наугад, не зная, где осяду: в Петербурге ли, в Москве ли; судьба захотела, чтобы я очутился в Москве; и вот у меня чувство, что надо сперва обмять свое «*логово*», обжиться, а потом уже поехать в Петербург, верней в «Детское Село», к Вам; с благодарностью принимаю Ваше приглашение к себе, и заранее предвкушая, как своего рода пир, наши мирные посиживания и покуривания за столом, за чаем, как в прошлые годы: мне о стольком надо с Вами поговорить, столькое рассказать о себе, о стольком расспросить, что если бы я коснулся всех тех тем, которые во мне обращены к Вам, это письмо увеличилось бы не в сто, и не в тысячу раз. Все это откладываю до личного, не далекого свидания. Об одном лишь хочется сказать два слова: я бесконечно растроган, почти потрясен Вашей изумительной по выводам, столь полной любви ко мне, столь тщательной и кропотливой работой, посвященной редакциям «Петербурга»; читал, изумлялся, почти потрясался; и мне казалось (это не потому, что Вы писали обо мне), что этой статьей о «*Петербурге*» Вы открываете совершенно новую эру в науке о подходе к худож<ественным> произведениям; Ваше исследование о «Петербурге» – единственное произведение во всей русской критической литературе (русской ли?). Бесконечно много хотелось бы мне говорить об этой работе и бесконечно Вас благодарить за нее (я уже писал об этом в письме, Вам посланном)[33], но – боюсь: письмо и так разрослось. Спешу Вам ответить на деловую часть Вашего письма.

С удовольствием написал бы статью для сборника издательства «*Мысль*» (вопрос о заработке играет не последнюю роль), но боюсь, что статью о совр<еменной> зарубежной беллетристике будет мне написать трудно: я многого не читал: о Дроздове, Глебе Алексееве[34] и др. мало что напишешь; об Эренбурге? Могу писать о «Хулио Хуренито», рассказах, «Разрушении Европы»?[35] Но книг под руками у меня нет. А без книг трудно. Подумаю о сходственной теме. Издатель[36] поймал меня в столь неудобный момент, что у меня вовсе не было времени с ним сказать 2 слова; мы назначили встречу на следующий день; он – не появился (я тщетно прождал его 2 часа); так что о денежных условиях ничего не знаю; если увидите его в Петербурге, то переговорите с ним за меня; может быть, Вы инспирируете меня какой-нибудь менее фактической темой; мало что хорошего вышло за границей; лучшее – произведения Ремизова и русских не эмигрантов, стихи Ходасевича, Марины Цветаевой[37]; «Окно» Мережковских – вяло[38]... Остается почти один Эренбург, столь мне несимпатичный, как писатель... Но обрываю. Обнимаю Вас много раз. До скорого свидания.

Борис Бугаев.

Варваре Николаевне и Ине сердечный привет.

[1] Ответ на п.130 и 131. Послано с оказией. На конверте (без марки и штемпелей) Иванов-Разумник написал: «18–XI-1923»; «Получено 28 XI 1923 г.»

[2] Письмо Белого к С.Г.Каплун, по всей вероятности, не сохранилось.

[3] Комментарий Иванова-Разумника: «Письмо <...> было получено, но после отправления письма ИР от 12-го ноября» (Л.23об.). Имеется в виду п.129, полученное 13 ноября.

Андрей Белый и А.А.Тургенева.
Брюссель, 1912 г.

А.А.Тургенева. Около 1917 г.

Андрей Белый и А.А.Тургенева. 1915 г.

Рисунки Андрея Белого. ИРЛИ.

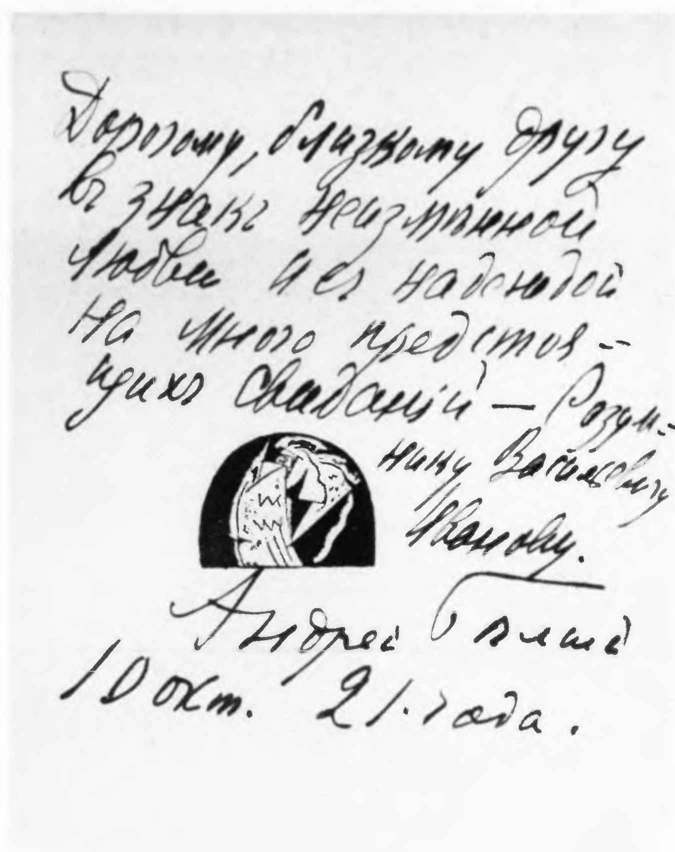
Иванов-Разумник. ИРЛИ.

Иванов-Разумник и В.Н.Иванова. ИРЛИ.

Ирина и Лев Ивановы. ИРЛИ.

Т.Г.Трапезников

К.А.Лигский



Дорогому, близкому другу
въ знакъ неизмѣнной
любви и съ надеждой
на много предстоя-
щихъ свиданий — Разум-
нику Васильевичу
Иванову.
Андрей Бѣлый
10 окт. 21 года.

Надпись Андрея Белого Иванову-Разумнику на авантитуле кн.: Андрей Белый. Первое свидание. Пб., «Алконост», 1921. ИРЛИ.

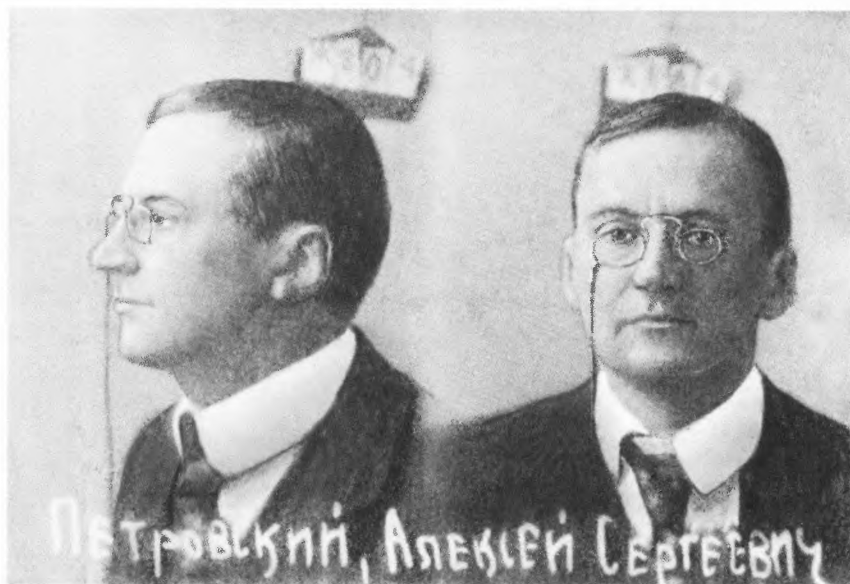
В.Н.Иванов, отец Иванова-Разумника. ИРЛИ.

**Андрей Белый, Е.Я.Белицкий, С.Б.Урицкий.
Свинемюнде, лето 1922 г. ИРЛИ.**

А.М.Ремизов, Андрей Белый, Б.А.Пильняк,
А.Н.Толстой, И.С.Соколов-Микитов, А.С.Ященко.
Берлин, 1922 г.

К.Н.Васильева

**Андрей Белый и М.А.Волошин играют в мяч.
Рисунок А.Г.Габричевского. Коктебель, лето 1924 г.
Дом-музей М.А.Волошина, Коктебель.**



**А.С.Петровский.
Фотография из следственного дела 1924 г. Архив ФСБ.**

Д.М.Пинес.
Мемориальный музей-квартира Андрея Белого, Москва.

Иванов-Разумник. 1927 г. ИРЛИ.

Ф.Сологуб. 1922 г. ИРЛИ.

Кучино. Дом Шиповых.

Андрей Белый и К.Н.Васильева.
Военно-Грузинская дорога, ст. Казбек.
На обороте надписи: «Дорогому Разумнику Васильевичу от всего сердца.
Кл.В. Кучино 17 VIII 27»; «Милому Разумнику Васильевичу
от полного сердца Борис Бугаев. Кучино. 17 VIII 27». ИРЛИ.

Д.М.Пинес.
Мемориальный музей-квартира
Андрея Белого, Москва.

Иванов-Разумник. Рисунок М.Мизернюка. 1927 г.
Подпись и приписка – автографы Иванова-Разумника.
ИРЛИ.

Иванов-Разумник в кабинете. 1929 г.
Детское Село, Октябрьский бульвар, 32.
ИРЛИ.

К.Н.Васильева

Глубоколюбимому другу и, едва ли не единственному читателю —

Разумнику Васильевичу Иванову —

— этот краткий итог многих дум —

— с волнением и с глубоким уважением: от автора.

Борис Бугаев

Кучино. 12 сентября. 29 года.

Надпись Андрея Белого Иванову-Разумнику на кн.: Андрей Белый. Ритм как диалектика и «Медный всадник». М., «Федерация», 1929. ИРЛИ.

**Иванов-Разумник. Фотография Л.М.Алпатова, Москва.
На обороте надпись: «Дорогому Разумнику Васильевичу Иванову
с глубокой любовью Лева Алпатов. 25 I 1940 г.». ИРЛИ.**

**И.Р.Иванова. Сентябрь 1937 г.
ИРЛИ.**

Андрей Белый.
Портрет работы Н.Вышеславцева. Карандаш. 1933 г. ГЛМ.

Андрей Белый и К.Н.Бугаева.
Коктебель, лето 1933 г.

Иванов-Разумник. ИРЛИ.

Иванов-Разумник. Июль 1939 г. ИРЛИ.

[4] С Е.Я.Белицким Белый общался в Свинемюнде в августе 1922 г.: «...приезжают С.Каплун, Белицкий, Вера Лурье: фокстрот, купанье» (*РД*. Л.114).

[5] Ср.: «И Берлин – организованный, систематически в жизнь проводимый кошмар, принимаемый под невинной формою обыденного, здравого (буржуазного) смысла: тот смысл есть бессмыслица» (Андрей Белый. «Одна из обителей царства теней». Л., 1924. С.36).

[6] Ср.: «...неужели же прямые наследники великой немецкой культуры – ее музыки, поэзии, мысли, науки – теперь отложилися от нее, одушевляемы не зовами Фихте, Гегеля, Гёте, Бетховена, а призывом фокстрота <...> и мне, очень долго воспитывавшемуся на традициях культуры Германии, за эти месяцы пребывания в Германии приходилось не раз с недоумением утверждать, что великой культуры как будто и нет в проявлениях жизни предо мной мелькавшего немца <...>» (Там же. С.9).

[7] Беглый обзор новейших явлений культурной жизни Германии Белый дал в очерке «Одна из обителей царства теней» (С.41-44).

[8] Ср.: «...начинаешь понимать основное настроение таких произведений, как "*Закат Запада*" Шпенглера, лишь поверхностно новых и глубоко ветхих по существу: в них выражается пресыщенность взора, уставшего обзирать сплошное "*и так далее*" и разочарованного в возможности увидеть нечто подлинно новое» (Там же. С.43).

[9] Граф Герман Александер фон Кайзерлинг (Keyserling, 1880–1946) – немецкий философ-интуитивист; основал в 1920 г. в Дармштадте Школу Мудрости, проповедовал возвращение к целостности бытия через обращение к восточной мудрости. Основная его работа – «Путевой дневник философа» («Das Reisetagebuch eines Philosophen», 2 Bde, 1919). Книге Кайзерлинга был посвящен доклад А.З.Штейнберга «Путешествие к себе» на 147-м открытом заседании «Вольфилы» 26 ноября 1922 г. (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.1. Л.44). См.: Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. С.80-81.

[10] Макс Шелер (Scheler, 1874–1928) – немецкий философ, один из основоположников аксиологии, социологии познания и философской антропологии. Ср.: «...появился философ Макс Шеллер; но это новое имя не принесло с собой нового содержания; духом католицизма пропитаны его мысли» (Андрей Белый. «Одна из обителей царства теней». С.42).

[11] Густав Мейринк (Meyrink, 1868-1932) – австрийский прозаик-экспрессионист.

[12] Немецкие прозаики Бернхард Келлерман (Kellermann, 1879–1951), Якоб Вассерман (Wassermann, 1873–1934), братья Томас Манн (Mann, 1875–1955) и Генрих Манн (1871–1950). Ср.: «Не слишком увлекают Ман, Келлерман, Бонзельт и Меринг» (Андрей Белый. «Одна из обителей царства теней». С.43. Имеются в виду Вальдемар Бонзельс и Г.Мейринк). 20 марта 1922 г. Белый выступил на вечере, устроенном берлинским Домом Искусств, со «Словом благодарственным, сказанным Томасу Манну, читавшему в "Доме Искусств" в пользу голодающих». См.: Азадовский К.М., Лавров А.В. Новое о встречах Томаса Манна с русскими писателями («Слово благодарственное» Андрея Белого Томасу Манну) // Русская литература. 1978. №4. С.149-151 (текст выступления Белого дан в русском переводе). Немецкий оригинал выступления Белого опубликован Дж.Малмстадом (Europa Orientalis. VIII. 1989. P.465-466).

[13] Василий Васильевич Верещагин (1842–1904) выступает здесь у Белого как характернейший представитель русской натуралистической живописи второй половины XIX в.

[14] Цитата из стихотворения А.С.Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...», 1825).

[15] Белый был в Штутгарте 23-31 марта 1923 г. вместе с К.Н.Васильевой на «штутгартской учебной неделе» при Вальдорфской школе: «Живу в Штутгарте у Унгера; беседы: с Унгером, Гейдебрандт, Стракошем, Унгером, Юли, Асей, Аренсоном, Драхенфельс, Ваксмутом и т.д. Свидание со Штейнером. 30 марта» (*РД*. Л.116).

[16] В очерке «Одна из обителей царства теней» Белый также упоминает «ту часть Берлина, которая русскими называется "Петерсбургом", а немцами "Шарлоттенградом"» (С.26).

[17] Ср.: «...начинается шарлоттенградский Кузнецкий Мост – виноват: Тауэнцинштрассе – центр русских ***парти-де-плезир*** по Берлину <...>» (Там же. С.29).

[18] Ежедневная газета «Руль», выходившая в Берлине с 16 ноября 1920 г. по 14 октября 1931 г. (№№1-3309) «при ближайшем участии И.В.Гессена, А.И.Каминки и В.Д.Набокова»; имела либерально-кадетскую политическую направленность.

[19] О том, что «Вольфила» «подозревалася в большевизме», Белый упоминает и в «Одной из обителей царства теней» (С.28).

[20] Дом Искусств был учрежден в Берлине в середине ноября 1921 г. как «организация аполитическая, ставящая себе следующие цели: объединение и защита прав и интересов деятелей русской литературы и искусства, устройство постоянных вечеров "Дома", лекций, концертов, выставок и пр.» (Бюллетени Дома Искусств. 1922. №1/2. 17 февраля. Стб.21). Андрей

Белый входил в состав Совета Дома Искусств наряду с Н.М.Минским (председатель Совета), А.М.Ремизовым (товарищ председателя), С.Г.Каплуном-Сумским (секретарь), З.А.Венгеровой (казначей), А.Н.Толстым, И.А.Пуни, А.С.Ященко, Н.Д.Милиоти, С.М.Пистраком и Д.А.Гартманом.

[21] 4 ноября 1922 г., после скандала, разразившегося 3 ноября во время доклада И.А.Пуни на очередном собрании берлинского Дома Искусств, Белый вместе с В.Ф.Ходасевичем, М.А.Осоргиным, А.В.Чаяновым, П.П.Муратовым, В.М.Зензиновым, Н.Н.Берберовой и др. приняли решение организовать Клуб писателей. Основание Клуба писателей произвело раскол в Доме Искусств, поскольку его покинули Белый и еще пять членов правления (см.: Дни. 1922. №13. 12 ноября; №16. 16 ноября). Клуб писателей закрылся 20 октября 1923 г. См.: Малмстад Джон. Переписка В.Ф.Ходасевича с А.В.Бахрахом // Новое литературное обозрение. 1993. №2. С.173-174; Beyer Thomas R. Andrej Belyj. The Berlin Years 1921–1923. S.126.

[22] См. примеч.11 к п.129.

[23] В мемуарном очерке о Белом «Пленный дух» М.И.Цветаева приводит фрагменты (неясно, цитатно или в пересказе) письма к ней Белого («письменный вопль в четыре страницы из Берлина в Прагу»): «Найдите комнату рядом, где бы Вы ни были – рядом, я не буду мешать, я не буду заходить, мне только нужно знать, что за стеной – живое – живое тепло! – Вы. Я измучен! Я истерзан! К Вам – под крыло!» и т.д. (Цветаева М. Собр. соч. В 7 т. Т.4. М., 1994. С.267). Цветаева ошибочно датирует это письмо ноябрем 1923 г. (однако 23 октября Белый уже был в Москве). Скорее всего письмо Белого было получено ею в конце сентября или в начале октября 1923 г., а не (как пишет Цветаева) в день его отъезда из Берлина в Москву «в ноябре». Ср. письмо Цветаевой к А.В.Бахраху (Прага, 4 октября 1923 г.): «...необходимо перевести (перевезти!) Белого в Прагу, он не должен ехать в Россию <...> он должен быть в Праге, здесь ему дадут иждивение <...> и здесь, в конце концов, я, которая его нежно люблю и – что́ лучше – ему предана» (Литературное обозрение. 1991. №10. С.109. Публикация Дж.Малмстада). Ср. информационные заметки в берлинской газете «Дни»: «Андрей Белый, не получивший визы на съезд в Россию, переселяется из Берлина в Чехословакию» (1923. №290. 14 октября); «Андрей Белый уехал из Берлина в Москву, где предполагает читать лекции по вопросам искусств» (1923. №302. 28 октября).

[24] Извещение Берлинской комиссии Наркомпроса о разрешении въезда в РСФСР Белый получил 1 августа 1923 г., однако после этого два с половиной месяца ждал визы.

[25] А.Д.Бугаева скончалась в Москве около 20 октября 1922 г. 8 декабря 1922 г. Н.И.Петровская писала О.И.Ресневич-Синьорелли: «У А.Белого умерла в Москве мать, я к нему зашла, и он не был способен разговаривать» (Жизнь и смерть Нины Петровской / Публ. Э.Гарэтто // Минувшее: Исторический альманах. Вып.8. Paris, 1989. С.100).

[26] Будущая жена Белого и деятельная участница Московского Антропософского общества К.Н.Васильева пробыла в Германии (куда приезжала главным образом для общения с Белым) с января по июль 1923 г. Одной из целей ее поездки была попытка поддержать и укрепить в Белом его приверженность к антропософии (российские штейнерианцы были сильно встревожены известиями о кризисе его антропософских убеждений) и побудить к возвращению на родину (ср. письмо Б.А.Лемана к Н.А.Григоровой от 12 января 1923 г.: «Кожевников и Белоцветов пишут, что Белый снова заходил к Белоцветову и начал отставать от своей аудитории антиантропософической <...>. Слышал, что Кл<авдия> Н<иколаевна> едет. Едет ли Б.П.? Пусть едет, нужно это, очень нужно, сами понимаете, родная моя». – *РГБ*. Ф.636. Карт.1. Ед.хр.18. Б.П. – Григоров; в Берлин в 1923 г. он не ездил). Н.Н.Берберова сообщает, что Белый в Берлине иронически называл К.Н.Васильеву «антропософской богородицей», и отмечает ее значимую роль в принятом им решении: «...когда Белый окончательно осознал, что ни “отца”, ни “матери” он на пути в Дорнах не найдет, он кинулся в Россию; твердая рука К.Н.Васильевой (казавшаяся ему в ту минуту тверже, чем она на самом деле была) помогла ему найти туда дорогу» (Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С.196, 194). Начало сближения Белого и К.Н.Васильевой относится к 1918 г. В письме к А.Тургеневой от 21 февраля 1918 г. Белый, рассказывая о московских новостях, с наибольшей теплотой отзывается о Васильевой («которая *все понимает*, и которая большой, большой мой друг»): «Из нашей антроп<ософской> молодежи очень выровнялись и подают надежды: Михаил Павлович Столяров, Вера Оскаровна Анисимова, особенно Клавдия Николаевна, которая (смейся!) мне, кажется, помогает <...>» (*РГБ*. Ф.25. Карт.30. Ед.хр.19).

[27] А.С.Петровский и С.М.Соловьев.

[28] С.Г.Каплун.

[29] Захар (Захарий, Зорах) Григорьевич Гринберг (1889–1949) – бывший член Бунда (1906–1914), член РКП(б) в 1917–1922 гг., с февраля 1920 г. – член коллегии Наркомпроса РСФСР, заведующий его Организационным центром, в 1922 г. – представитель Наркомпроса

за границей. О последующей его деятельности см.: Минувшее: Исторический альманах. Вып.1. Paris, 1986. С.328. (примечания Н.Крамера и Р.Баха <В.Н.Сажина, Л.Я.Лурье, Ф.Ф.Перченка>); Боровой С. Воспоминания. М.; Иерусалим, 1993. С.206-208. В мемуарном очерке В.Ф.Ходасевича о Белом Гринберг упомянут (под инициалом: Г.) в рассказе о предотъездных хлопотах Белого: «В связи с получением визы ему приходилось неоднократно посещать берлинские советские учреждения, где он до такой степени ругал своих заграничных друзей, что даже коммунистам стало противно его слушать. Один из них, некто Г., сказал об этом М.О.Гершензону <...>. Гершензон, очень любивший Белого, был до крайности угнетен сообщением Г., которому, кстати сказать, нельзя было не верить, ибо он слово в слово повторял фразы, которые и нам приходилось слышать от Белого» (Ходасевич Вл. Колеблемый треножник. С.309).

[30] Об этом местожительстве Белого пишет в воспоминаниях «Московские встречи» П.Н.Зайцев: «В 1923 году Бережковская набережная была глухим захолустьем. От Дорогомиловского моста и Киевского вокзала пешком надо было идти по грязям и хлябям в сырое время года. А летом – пыль и избитая булыжная мостовая. Путь проходил по незастроенным, малолюдным и подозрительным местам. С наступлением темноты, особенно в темные осенние вечера, ходить там было просто опасно: могли раздеть и ограбить. Чтобы не возвращаться домой поздно, Белому приходилось устраиваться на ночлег в Москве. Но пока его радовало, что он обеспечен крышей над головой, питанием и всеми бытовыми заботами. У него отдельная комната, где можно было работать...» (*Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.563. Публ. В.Абрамова).

[31] См. п.129, примеч.9.

[32] Этот замысел тогда не был реализован, хотя стиховедческими штудиями Белый занимался в течение нескольких месяцев: «Москва. Ноябрь (завод). Сижу у Анненкова. Работаю над ритмами Блока. Читаю литературу по стиховедению, наросшую за мое отсутствие (Эйхенбаума, Жирмунского, Томашевского, Шенгели)»; «Декабрь (завод). Та же усиленная работа над ритмами; исследую ритм анапеста: Блок, Лермонтов, Фет, Ал.Толстой. Читаю внимательно Вестфаля. 1924 год. Январь <...> читаю Вестфаля; работаю над ритмами (весь материал ритмов – утерян в этом месяце)» (*РД*. Л.117об.).

[33] См. п.129, примеч.3, 4.

[34] Глеб Васильевич Алексеев (1892–1938) – прозаик, журналист, очеркист; как писатель приобрел известность в Берлине в 1922–1923 гг., вместе с А.М.Дроздовым основал там эфемерное литературное содружество «Веретено»; вернулся в Россию в ноябре 1923 г.

[35] Имеются в виду романы И.Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (Берлин, «Геликон», 1922), «Трест Д.Е. История гибели Европы» (Берлин, «Геликон», 1923) и его сборники рассказов «Неправдоподобные истории» (Берлин, изд-во С.Ефрон, [1921]), «Шесть повестей о легких концах» (Берлин, «Геликон», 1922), «Тринадцать трубок» (Берлин, «Геликон», 1923).

[36] Л.В.Вольфсон.

[37] Произведения всех трех названных авторов печатались в берлинском журнале «Эпопея» под редакцией Белого. См. также примеч.8 к п.127. Высокую оценку книги стихов М.Цветаевой «Разлука» Белый дал в статье «Поэтесса-певица (“Разлука”, стихотворения Марины Цветаевой)» (Голос России. 1922. №971. 21 мая. С.7-8), позднее неоднократно перепечатывавшейся (см.: Československá rusistica. 1968. Roč. 13. №3. S.174-176. Публикация и предисловие В.Морковина; Саакянц А. Встреча поэтов // Вопросы литературы. 1982. №4. С.276-277; Саакянц А. Встреча поэтов. Андрей Белый и Марина Цветаева // *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.374-377).

[38] Трехмесячник литературы «Окно» издавался в Париже в 1923–1924 гг. (вып.1-3).

133. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
26 ноября 1923 г. Детское Село[1].

26 ноября 1923. Ц<арское> С<ело>.
Колпинская, 20.

Дорогой и милый Борис Николаевич,

всячески порадовало меня Ваше письмо (очень запоздавшее, я получил его только около 15/XI) – и тем, что Вы опять с нами, и тем, что Вы так бодро настроены, и тем, что можно опять перекликаться друг с другом хоть издалека. Пока Вы были там, где выстаивается пиво, переписка между нами прервалась не по нашей вине. «Первое» письмо, полученное мною от Вас, было «второе»: Вы в нем писали, что давно уже

отправили мне и через меня пачку писем для приглашения разных лиц в «Эпопею»[2]. Письмо это до меня не дошло. И вообще за все эти два года я получил от Вас кроме этого «первого» – еще одно письмо[3], хотя со стороны знал, что Вы писали их мне много. Я писал тоже много – в первые полгода, и бросил писать, узнав, что ни одно мое письмо не дошло. Заполнять бочку Данаид[4] – занятие безнадежное.

Обидно мне это было очень. Я знал, что Вам трудно; и мне за эти годы было трудно и тяжело. К тому же в феврале этого года и заболел я тяжело (сердце) и уже совсем приготовился, про себя, к далекому пути. Думал, что с Вами больше не увидимся, – оставил Вам письмо для передачи; бросать его в почтовый ящик, он же бочка Данаид, не имело смысла.

И вот – полегчало. Трудное пережито, по-видимому, и Вами и мной, – по-разному и совсем в разных областях. Надо с новой бодростью идти в новый путь, подвести итоги прошлому, взглянуть в глаза будущему, жить настоящим. Странные мы, русские люди! Для французов я был бы еще «un jeune homme de quarante ans»* (– с хвостиком: мне 45 стукнет ровно через месяц), а Блок сорока лет умер уже стариком. В марте 1924 года исполнится только двадцать лет моей «литературной деятельности»[5], а я чувствую себя таким, точно имел бы право справлять по крайней мере сорокалетний «юбилей»... И даже не сорокалетний, а двухсотлетний: все эти годы были такие, что, право же, у каждого из нас год шел за десять лет.

Но как же рад я, что Вы опять здесь, близко, что можно (in spe)** повидаться, что можно хоть письмами обменяться, – пока бочка Данаид не дала еще себя знать. А даст знать – есть частые оказии, есть тысячи способов и путей. Двумя из них я уже отправил полученные Вами две записки: «приветственную» и «деловую»[6]. Третье письмо собирался писать «вольфильское», но откладываю эту тему (большую, радостную и грустную) до следующего письма; сегодня хочу написать «просто так», без темы, без цели. За разбросанность – не взыщите; и не взыщете.

Первое: все эти годы я и все мы здесь крепко помнили и любили Вас. Новые работы Ваши доходили до нас с опозданием, но без больших пробелов. Дошел ряд изданий «Эпохи»[7], дошли все четыре номера «Эпопеи». Пока не написан еще роман «Эпопея», Вы уже написали в другой форме подлинную «Эпопею»: воспоминания об Александре Александровиче, разросшиеся в «Начало века», мне еще неизвестное[8]. Но и то, что было в журнале «Эпопея», – эпопейно; это единственный во всей русской литературе памятник эпохи, воздвигнутый современником. Не даром провели Вы эти два года за рубежом: очевидно, только там можно было так написать эту изумительную эпопею; только в Риме Гоголь мог написать «Мертвые души». Не хочу много писать об этом; думаю только, что Вы, как автор, никогда не оцените подлинных размеров и значения этого памятника; со стороны виднее. С нетерпением жду возможности прочитать все тома в новой, окончательной обработке.

Вот во что обратились краткие воспоминания о Блоке![9] Помните, в день его смерти я вернулся в Царское Село к вечеру, – и почти всю ночь просидели мы втроем[10], часто без слов, без разговоров. Разошлись поздно, порешивши: годы посвятить памяти Блока[11]. За эти два года Вольфила каждый август (и весь август, – восемь заседаний) посвящала оглашению материалов о Блоке[12]. Мы читали его письма (к Вам, к С.М.Соловьеву, к А.В.Гиппиусу, к Е.П.Иванову)[13], читали его неизданные произведения; вот и теперь, на днях (в четверг 29 ноября) будем читать в Вольфиле замечательные его дневники 1917–1918 гг.[14] Все это было нужно; скоро наступит время забвения Блока, чуждости его новому поколению; я уверен, что скоро уже появится Писарев, который уничтожит Блока (и всю эпоху) и будет иметь успех[15]. Через поколение только Блок воскреснет. Зерна воскресения – в нем самом, но и в нашей работе. А такая работа, как «Начало века», – нерукотворный памятник Блоку и эпохе, подлинная «Эпопея». Теперь надо закончить вторую, – первую по началу.

Ну, об этом – всего не скажешь. Жду не дождусь, когда прочту сам все тома, из которых пока знаю только отрывки (напр<имер>, – из последнего №-ра «Современных Записок»)[16]. А как прочесть? Для этого надо или мне попасть в Москву (что теперь по крайнему безденежью моему неосуществимо), либо Вам в Питер (что Вы,

---

* *«Молодой человек сорока лет» (фр.).*

** *в будущем (лат.).*

судя по письму, и собираетесь вскоре сделать). И вот второе: о приезде Вашем. Приехать Вам – в декабре ли, в январе ли – необходимо. За этот год я часто хотел уже кончить все вольфильские дела, отойти от них в сторону, дать место тем, кто хочет работать по-новому. Это новое, правда, очень старое: Е.П.Иванов, ныне ревностный вольфилец[17], очень хотел бы обратить Вольфилу в воскрешенное Религиозно-Философское Общество. Удержала меня от ухода только мысль, что скоро (думали мы еще летом) приедете Вы, и что до Вас надо сохранить, худо ли, хорошо ли, Вольфилу такою, какою она была с 1919-го года. Впрочем – все дела вольфильские до следующего письма.

Пока одно: приезжайте! И притом с таким расчетом, чтобы можно было не только побыть в Петербурге, но и пожить, и поработать в Царском Селе, как это бывало часто с осени 1916-го года. Кабинет ждет Вас, все без перемен; отдохнете в тишине, поработаете; вечерами и ночами по-прежнему поговорим, – и «Начало века» с собою захва́тите. Не ждал я еще раз так увидаться!

Пора кончать; еду сейчас на обычное наше понедельничное заседание Вольфилы (сегодня – Н.М.Кузьмин, «Толстой и революционеры», воспоминания о переговорах Толстого с тульскими «подпольниками» за год до смерти, в 1909 году)[18]. В заключение – два слова о Ваших двух словах о моем «Петербурге» по поводу Вашего «Петербурга»... Большое спасибо за них; Ваше слово было первым добрым словом, услышанным мною об этой статье. Все друзья и приятели (и вольфильцы – тож) хранили и хранят по поводу этой моей статьи сконфуженное молчание, слегка осуждающее, слегка извиняющее; вот уже 3-4 месяца прошло со дня выхода книги, а Ваши слова – первый отклик, тем более для меня ценный, что исходит он от автора «Петербурга», который кое-что да знает о своем романе... Я вижу теперь много ошибок и недостатков в этой работе, о которых еще придется говорить; а пока – еще раз большое Вам спасибо за добрые слова; мне радостно было узнать, что именно Вы не отнеслись отрицательно к работе, над которой я больше полугода работал с таким увлечением.

Написал Вам целый лист (кстати, узнаете ли бумагу? Вы мне подарили пачку ее в день отъезда), – и ничего не написал: легко ли – после двух лет молчания! Но – лиха беда начало. Жду от Вас вестей, хотя и не дожидаясь напишу Вам скоро обещанное «вольфильское» письмо. А Вы, милый Борис Николаевич, не откладывайте в долгий ящик задуманной поездки в Питер; ждем Вас все с нетерпением. Варвара Николаевна шлет привет и просит передать, что Вы по-прежнему нисколько не нарушите своим пребыванием нашего распорядка жизни. Всем старым вольфильцам передал Ваши поклоны, все ждут Вас и просили меня сообщить Вам об этом. Наша старая гвардия поредела в числе, но не пала духом; новых близких членов мало, старых осталось человек пять-шесть.

Итак – до скорого нового письма, а потом – и до скорой новой встречи. Пока же – крепко обнимаю и целую Вас, – здравствуйте!

Всегда Ваш Разумник Иванов.

[1] Ответ на п.129.

[2] Имеется в виду п.125.

[3] В архиве Иванова-Разумника сохранились, однако же, три письма Белого из Берлина (п.125-127).

[4] Данаиды (греч. миф.) в Аиде несут вечное наказание, наполняя водой дырявый сосуд.

[5] Имеется в виду двадцать лет со времени появления первой публикации Иванова-Разумника – его статьи «Н.К.Михайловский (Центральный пункт его мировоззрения)» (Русская Мысль. 1904. №3. Отд.II. С.156-163).

[6] См. п.130, 131.

[7] Имеются в виду книги Андрея Белого, выпущенные в свет издательством «Эпоха» (см. примеч.13 к п.126).

[8] См. примеч. 10, 11 к п.129.

[9] «Воспоминаниям о Блоке», опубликованным в «Эпопее», предшествовали две более краткие версии мемуаров Белого – «Воспоминания о Блоке», опубликованные в сб.2 «Северные дни» (М., 1922. С.133-155) и «Воспоминания об Александре Александровиче Блоке» в 6-м выпуске «Записок Мечтателей» (1922. С.5-122).

[10] Т.е. Белый, Иванов-Разумник и В.Н.Иванова.

[11] Ср. запись от 8 августа 1921 г. в дневнике Белого «К материалам о Блоке»: «Тихо, тихо мы вспоминали вчера А.А. <...> И тут же Р.В. предложил мне с ним вместе приняться за обширную работу о Блоке – работу подготовления материалов воспоминаний о нем, биографии, критических исследований. "Пусть наша память о нем выразится годами труда и работы..." Так и порешили: мы будем справлять память о Блоке, может быть, на протяжении всей жизни нашей» (Андрей Белый. Дневниковые записи / Предисловие и публикация С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // *ЛН*. Т.92. Кн.3. С.796).

[12] В августе 1922 г. состоялось 4 открытых заседания «Вольфилы», посвященных памяти Блока: 6 августа – 135-е заседание. М.А.Бекетова. «Детство, отрочество и юность Блока (1880–1902)»; 13 августа – 136-е заседание. «Письма Блока к Андрею Белому (1903–1905)»; 20 августа – 137-е заседание. Е.П.Иванов. «Воспоминания о Блоке (1902–1913)»; 27 августа – 138-е заседание. «О Блоке (1913–1921)» – Вл.Гиппиус, Иванов-Разумник, Н.Клюев, В.Княжнин и чтение отрывков из дневника Андрея Белого (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.1. Л.46, 47; Ед.хр.8. Л.41). Тогда же состоялись «понедельники памяти Александра Блока», посвященные чтению напечатанных и ненапечатанных его произведений 1903–1919 гг.: 7 августа – статьи и заметки 1903–1908 гг.; 14 августа – статьи 1909 г. и «Молнии искусства»; 21 августа – статьи 1910–1912 гг.; 28 августа – статьи 1918–1919 гг. 4 заседания памяти Блока состоялись в «Вольфиле» в августе 1923 г. в ознаменование второй годовщины со дня его кончины: 6 августа (Е.П.Иванов. «Воспоминания о Блоке»), 13 августа («Письма Ал.Блока к С.М.Соловьеву»), 20 августа («Неизданные произведения А.Блока»), 27 августа (М.Бекетова. «Мать поэта Блока»). См.: *ГА РФ*. Ф.2555. Оп.1. Ед.хр.921. Л.37; Иванова Е.В. Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб.. 1996. С.55-56, 59-60.

[13] В 1-м номере неосуществленного журнала «Эпоха», планировавшегося к изданию весной 1922 г., Иванов-Разумник предполагал дать публикацию (объемом в полтора печатных листа): Александр Блок. Письма к Андрею Белому (1903–1905 гг.) (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед. хр.147). Александр Васильевич Гиппиус (псевдонимы – Г.Заронин, А.Надеждин, 1878–1942) – юрист, поэт-дилетант; товарищ по университету и один из ближайших друзей молодого Блока. Евгений Павлович Иванов (1879–1942) – литератор, ближайший друг Блока. Письма Блока к упомянутым корреспондентам опубликованы; см.: *Блок – Белый*; Письма Александра Блока. Л., «Колос», 1925. С.7-88 (письма к М.С. и С.М.Соловьевым и «Воспоминания об Александре Блоке» С.Соловьева); Письма Ал.Блока к Е.П.Иванову / Редакция и предисловие Ц.Вольпе. Подготовка текста и комментарии А.Космана. М.; Л., 1936; *ЛН*. Т.92. Кн.1. М., 1980. С.308-407 (Переписка Блока с С.М.Соловьевым (1896–1915) / Вступ. статья, публикация и комментарии Н.В.Котрелева и А.В.Лаврова); С.414-457 (Переписка Блока с А.В.Гиппиусом (1900–1915) / Предисловие, публикация и комментарии В.В.Бузник, Л.К.Долгополова и В.А.Шошина).

[14] В сентябре–ноябре 1923 г. в «Вольфиле» состоялись «блоковские» заседания: «Отроческие годы А.Блока» (выступление М.А.Бекетовой), «Ал.Блок и его эпоха в воспоминаниях Андрея Белого», «Памяти А.Блока»: а) Доклад Е.Книпович; б) Дневники Блока за 1918 год. Документальные свидетельства о заседаниях «Вольфилы» собраны в хроникальной работе Е.В.Ивановой «Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. С.3-65).

[15] Подразумевается прежде всего предпринятая Дмитрием Ивановичем Писаревым (1840–1868) полемическая переоценка творчества Пушкина в статьях «Евгений Онегин» и «Лирика Пушкина», объединенных под заглавием «Пушкин и Белинский» (1865). Сходную мысль высказал В.Ф.Ходасевич в речи и статье «Колеблемый треножник» (Вестник литературы. 1921. №4/5. С.18-20): «В истории русской литературы уже был момент, когда Писарев "упразднил" Пушкина, объявив его лишним и ничтожным <...> Это было первое затмение пушкинского солнца. Мне кажется, что недалеко второе. Оно выразится не в такой грубой форме. Пушкин не будет ни осмеян, ни оскорблен. Но – предстоит охлаждение к нему» (Ходасевич Вл. Колеблемый треножник. С.203).

[16] Имеется в виду мемуарный очерк Андрея Белого «Арбат» (Современные Записки. 1923. Кн.XVII. С.156-182), опубликованный с редакционным примечанием: «Настоящий очерк представляет собою главу из книги воспоминаний Андрея Белого, подготовляемой к печати издательством "Эпоха"».

[17] Деятельность Е.П.Иванова в «Вольфиле» приходится в основном на 1922–1923 гг. Помимо выступлений с воспоминаниями о Блоке (см. примеч.12), он прочел там доклад о «Глоссолалии» Андрея Белого (31 декабря 1922 г., 152-е открытое заседание), выступил с речью на 145-м открытом заседании 12 ноября 1922 г., проводившемся на тему «Три года (Идея и опыт Вольфилы)» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.1. Л.48, 44); выступал также с воспоми-

ниями о В.В.Розанове, с докладом «Иудаизм и христианство» и др. (см.: Вопросы философии. 1993. №12. С.76. Комментарии Я.В.Леонтьева).

18 Повестка этого заседания (26 ноября 1923 г.) не выявлена. Николай Максимович Кузьмин (1884–?) – агроном, воспитанник Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, участник революционного движения, корреспондент и посетитель Толстого. Под псевд. «Николай Жихарев» опубликовал записки «Искатели правды (Среди малеванцев)» в журнале «Познание России» (1909. №№1-3). В «Вольфиле» выступал также 9 октября 1922 г. с чтением пьесы «Чаша» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.8. Л.45).

134. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
3 декабря 1923 г. Детское Село[1].

3 декабря 1923. Царское Село.
Колпинская, 20.

Дорогой и сердечно любимый Борис Николаевич, – наши письма разошлись: чуть отправил я Вам 26/XI заказное (– получили?), как получил через несколько дней Ваше «оказионное» письмо. Сегодня я еду в город, в Вольфилу (доклад Чебышева-Дмитриева: «Карамазов и чистилище»!)[2], вернусь послезавтра, и тогда напишу Вам подробно о многом; сегодня же – только два спешных, деловых слова.

Статья Ваша в сборник «Современная (русская) литература» может быть написана на *любую* тему, которая подходила бы к широкому заглавию: «современная» – это значит от 1914 до 1924 года. Тут и общие темы, тут и частные, что хотите. Хотите, например, о современной русской поэзии? – Хорошо! Хотите о Клюеве? – Прекрасно. Хотите о чем хотите? – Еще лучше. Если даже Вы дадите несколько страниц (или хоть десятков страниц) из «Начала века» о Блоке – и то превосходно. Ибо – что же современнее Блока? Это раз. А два – и писать Вам не надо, уже написано. Это тем лучше, что статью желательно получить поскорее, к середине декабря[3]. О гонораре – сам условлюсь с издателем и в обиду Вас не дам.

В следующем письме расскажу Вам про негодующий шум, поднятый некоторыми писателями (теми самыми, которые в 1918-м году не подавали руки Блоку) по поводу статьи Блока об акмеизме, которая появится в этом сборнике[4]. Поднялась буря в стакане воды, кажется, благополучно затихающая. Для характеристики настроений некоторых петербургских литературных кругов Вам будет небезынтересно узнать всю эту траги-комическую историю. Это – до следующего письма.

Пересылаю Вам в этом письме только что полученное мною из Киева письмо, касающееся Вас; прочтите и решите[5].

Тороплюсь на поезд и кончаю, – до скорого письменного свидания. Спасибо, милый Борис Николаевич, за большое и хорошее письмо; будем ждать Вас в Царском Селе – и дождемся; тогда наговоримся. А пока – слава Богу, что хоть письма доходят. Вот только доходят ли? Опять посылаю заказным.

Крепко обнимаю.

Ваш Р.Иванов.

[1] Ответ на п.132.

[2] Повестка заседания, посвященного этому докладу А.А.Чебышева-Дмитриева, не выявлена.

[3] В сборнике «Современная литература» (Л., 1925) была напечатана статья Андрея Белого «“Снежная маска” А.Блока» (С.15-22), представлявшая собой фрагмент из его «Воспоминаний о Блоке» (Эпопея. №3. М.; Берлин, 1922. С.217-228). В библиографии произведений Белого, составленной К.Н.Бугаевой (*РНБ*. Ф.60. Ед.хр.108), эта публикация сопровождена примечанием: «(Составлено Ивановым-Разумником из “Эпопеи”, №3, 1923)».

[4] См. примеч.6 к п.131. Конкретно этот намек мог иметь отношение только к Вл.Пясту, к приверженцам акмеизма (подвергнутого Блоком резкой критике) не принадлежавшему. Блок отметил первые «молчаливые встречи» с Пястом, который «не подал руки», 29 июня и 19 ноября 1918 г. (Блок А. Записные книжки. С.414, 436), а Пяст относил «прекращение знакомства» (на почве отношения к Октябрьскому перевороту) к январю 1918 г. (Пяст Вл. Воспоминания о Блоке. Пб., 1923. С.73; Александр Блок в воспоминаниях современников. В 2-х т. Т.1.

М., 1980. С.395). Отрицательно отнеслись к готовящейся публикации статьи Блока «Без божества, без вдохновенья» главным образом акмеисты и ученики Н.Гумилева; А.Ахматова даже склонна была видеть в факте этой публикации проявление нелюбви Иванова-Разумника к поэзии Гумилева. К.И.Чуковский, посетивший Ахматову 24 ноября 1923 г., записал в дневнике: «Она очень возмущена тем, что для “Критического Сборника”, затеваемого изд-вом “Мысль”, Ив.-Разумник взял статью Блока, где много нападков на Гумилева. – Я стихов Гумилева не любила... вы знаете... но нападать на него, когда он расстрелян. Пойдите в “Мысль”, скажите, чтобы они не смели печатать. Это Ив.-Разумник нарочно...» (Чуковский К. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С.257). Возможно, что опубликование в сборнике «Современная литература» пространной статьи Ю.Н.Верховского «Путь поэта. О поэзии Н.С.Гумилева» (С.93-143) отчасти преследовало целью «уравновесить» статью Блока и смягчить ее резкие выводы.

[5] Возможно, это письмо содержало вопрос о местонахождении Белого после возвращения из-за границы. В феврале 1924 г. Белый был приглашен в Киев читать лекции и пробыл там с 25 февраля по 5 марта.

135. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
7 декабря 1923 г. Детское Село.

7 декабря 1923. Царское Село.
Колпинская, 20.

Дорогой и милый Борис Николаевич, –

по обещанию, данному Вам на днях в коротком письме (деловом – и заказном! «расписка почтамта» от 3/XII за №314!)[1], вернувшись из Петербурга, пишу Вам «вольфильское» письмо: – краткий отчет о том, что за эти два года Вашего отсутствия творилось у нас в Вольфиле. Нарочно сразу вхожу in medias res*, а то столько надо Вам всего рассказать, что никак и не начнешь с самого начала.

Помните наше последнее, «прощальное» заседание Вольфилы в октябре 1921 года? Большой зал Географического Общества, человек до тысячи народа, Ваши воспоминания об Алекс<андре> Александровиче (разросшиеся потом в тома), наши прощальные приветствия Вам[2]... Давно это было! Теперь мы собираемся только в маленьких комнатах на Фонтанке (там же, где раньше, но этажом выше), народу человек сто, заседания потеряли остроту. И дело не в количестве народа, а в качестве нас самих. Мы – соль, переставшая быть соленой[3]. Вольфилы нет, хотя каждую недели есть два заседания.

Причин много. И первая – нет тесно спаянной группы, есть «отдельные руководители»; да и тех нет. Вы уехали; через год – год тому назад – уехал А.З.Штейнберг[4], и не осталось у нас «философа», своего, вольфильского («der tritt herein»... и так далее)[5]. К.А.Эрберг уже с год не ходит в Вольфилу, а если и ходит, то молчит; попрощался с Вольфилой большой поэмой, из которой помню начало:

За столом сидеть зеленым,
Судаком глядеть вареным
В заседаниях Вольфилы –
Ни охоты нет, ни силы:
Заседаньям отдал дань я, –
Надоели заседанья[6]...

Вот так-то все мы и разъехались и разошлись. Остался один я; а разве один человек – Вольфила?

Правда, была молодежь, и хорошая молодежь; кое-кто из нее остался, кое-кто отошел, кое-кто совсем ушел. Совсем ушел от нас и от жизни – Владимир Васильевич Бакрылов, о трагической судьбе которого Вы, вероятно, узнали уже и за границей: он бросился в Неву с Троицкого моста 8 мая прошлого года. Тяжело болел сыпным тифом, оправился, но встал с надломленной душой; примешалась тяжелая личная трагедия – и он не выдержал жизни. А ведь он был если и не душой, то телом Вольфилы; без него мы сразу потеряли опору, стержень, костяк[7]. Правда, к счастию нашелся хороший заместитель, Дм<итрий> Мих<айлович> Пинес, отдающий Вольфиле массу труда и времени; без него мы совсем погибли бы[8]. Но все-таки – нашего полку убыло.

---

* *«В середину вещей», т.е. прямо к делу, к сути дела (лат.).*

И еще, и еще убыло. Мейер вот уже с год не показывается (я, впрочем, не очень жалею, не считал его «вольфильцем»)[9], Гордин[10], много помогавший Пинесу, уехал в Берлин; редко-редко показывается Гагенторн (замуж вышла, потом окоммунистилась, а потом и откоммунистилась)[11], исчез Жоржик[12] (помните?), исчезла Уханова, не бывает С.Г.Каплун; уехала в Орел Е.Ю.Фехнер (и недавно болела там тифом), ушла Н.М.Меринг. Кстати о ней: я имел с ней серьезное и откровенное объяснение, после которого совершенно убедился, что наши подозрения против нее (тоже помните?) оказались ни на чем не основанными, чему я очень был рад[13]. Кто же еще? С треском вылетел Л.В.Пумпянский, после большого скандала на заседании[14]; этому я тоже был рад, так как он, хотя и тонкий, и кружевной, но очень противный в самой своей сути, православный иезуит из еврейских выкрестов.

Кто же остался? Е.Ю.Виссель, бывающая почти всегда и очень «вольфилка» во всех своих проявлениях; А.Л.Векслер – несчастная, не глупая, небесталанная, но безнадежно мертвая; Чебышев-Дмитриев, – все такой же, парадоксальный, нелепый, «вольфильский»; Д.М.Пинес, – о нем я уже сказал. Затем кое-кто из постоянно (четыре года!) упорно посещающих и упорно молчащих, – они не в счет. Вот и все. Вот и всё.

Правда, пришло двое-трое новых. Очень деятелен за последний год был Е.П.Иванов, но уклон у него очень «мережковский» с одного конца и очень «церковный» с другого (впрочем, оба эти конца прекрасно вяжутся). Приходилось бороться, чтобы из Вольфилы не вышло «религиозно-философское общество» прежнего типа и образца. Е.П.Иванов – очень глубокий человек, и в то же самое время очень узколобый. «Лоб у него небольшой, да дополняется плешью»[15], но узкая церковность не дополняется вольфильством. – Еще деятельное участие в Вольфиле принимал А.А.Гизетти[16], прекрасный человек, но которому на роду написано быть типичным, приличным, культурным профессором Университета. Что он Вольфиле, что ему Вольфила?[17]

Были и еще, есть и еще разные случайные попутчики, но нет Вольфилы. А ее нет, потому что один, два человека – не Вольфила. Вот уже больше полугода, как все дела по Вольфиле (от выбора тем и переговоров с докладчиками до платы за квартиру и проводки электричества) ведут только два человека – Д.М.Пинес и я. Бессменно председательствуют на собраниях (а их уже за *двести* перевалило, – ужасно!) всё те же два человека. Рассудите сами, – каких сил на это хватит? Два заседания в неделю, понедельник (теоретический доклад) и четверг (литературный вечер); а ведь уж *пятый год* пошел нашей работе. А смены нет и не предвидится.

Но все это еще не такая бы беда: стоит захотеть – и найдутся люди, найдутся силы. Беда в том, что *хотеть не хочется*. Очень устали мы все. И не только устали, а хуже: перестали быть солеными. Вам это пока трудно будет почувствовать, трудно будет объяснить себе; надо для этого пожить и придышаться к нашему воздуху. Скажу Вам, как я чувствую это и понимаю:

Революция пронеслась смерчем по душам нашим. Одних она загнала в прошлое, – это вся русская эмигрантщина, вся «Россия №2». Вы ее хорошо знаете. Есть она и в нашей России, теперешней. Все это – покойники. Если им и удастся еще дождаться праздника на своей улице – от этого они не воскреснут, а будут только говорить навьи слова и делать навьи дела[18]. Будущего и настоящего у них нет. Есть другая «Россия – №1», в которой мы живем. Это Россия – только настоящего, без будущего, – Россия «марксизма», «материализма», «коммунизма» и прочих измов. Будущего у ней нет, так как не может быть идеологической победы за узкими и плоскими мировоззрениями. Quasi-коммунистическое мещанство может торжествовать в настоящем, но ему закрыто будущее. Но от этого не легче нам, которым открыто будущее и закрыто настоящее, нам, России будущего, «России №3». А одним будущим жить нельзя. Если «в карете прошлого далеко не уедешь»[19] (эмигрантщина, зарубежная и домашняя), то ведь и «в карете будущего далеко не уедешь» (скифы). Мы отрезаны от жизни настоящего. Деятельность нам закрыта. Книги наши конфискуются. Рот забит тряпкой. И все это – естественно и законно. Люди настоящего не могут всеми мерами не бороться на оба фронта – и №2, и №3. Они должны преследовать не только прошлое, уже обреченное на гибель, но и будущее, победа которого неотвратима, – и все затем, чтобы продлить свое настоящее.

Оно может продлиться года, десятки лет, – дело не в сроке и унывать не приходится. В 1917–1918, даже годом-двумя позднее победителем еще был скиф, с 1921-го

года его победил уже мещанин (в самом даже коммунизме). Наша победа – всегда впереди, это так; но что делать в годы идеологической реакции? Сложить руки? – это значит перестать жить. Работать для будущего – в своем кабинете? – можно, это и делаешь, но не хватает воздуха «настоящего», задыхаешься. В конце 60-х гг. Герцен как-то писал: почва вспахана, зерна брошены, теперь их покрыл густой слой навоза. Что ж, – будем ждать весны и прорастания зерен через десятки и десятки лет[20]. Свое дело мы сделали, – и продолжаем делать.

Милый Борис Николаевич, – не знаю, поймете ли Вы все это теперь, после двухлетнего томления среди эмигрантского навья. Вам, вероятно, теперь легко дышится, и надо прожить тоже год-два в теперешних условиях, чтобы начать задыхаться. Но я все это не о Вас, а о себе, о нас: почему есть Вольфила и нет Вольфилы, почему мы – соль, переставшая быть соленой. Я верю, что мы «солоны» для будущего и еще солоно придемся настоящему; но это еще Улита едет[21] (нарочно пишу с большой буквы). Не думайте также, что я устал, впал в отчаяние, стал пессимистом: пессимистом никогда не был, ибо знал и знаю, что «жизнь – чудесная вещь»; в отчаяние не впал, наоборот – знаю, что *мы* победим; устал – вот это верно, но не в этом все дело. Усталость – дело преоборимое, и хотя плоть немощна – дух бодр. Да, и все-таки: хотеть не хочется. С этим надо бороться, но нельзя не признать самого факта.

И вполне законно, что все мы, будущие, отрезанные от настоящего, обратились к прошлому. Это прошлое – для будущего. Ваша громадная работа «Начало века» – вот пример того, что надо каждому делать, да не каждому по силам делать. Да, надо подводить итоги, надо готовить их для будущих поколений: они начнут с того, на чем мы кончили. И работа Вольфилы, как бы узка она ни была, имеет, конечно, и смысл, и значение. Конечно. Но очень трудно и очень тяжело. А одному – и совсем невозможно: руки опускаются.

Вот Вам, дорогой и милый Борис Николаевич, краткий рассказ про внешние и внутренние дела Вольфилы. Неутешительно. Несколько раз за последние полгода поднимал я вопрос о ликвидации ее; все возражали, и сам я вопроса ребром не ставил: поджидал Вас. Как же закрыть Вольфилу вне ведома и в отсутствие ее председателя? Теперь Вы приехали и все знаете. Конечно, до Вашего приезда в Петербург никаких шагов в этом направлении не сделаем, но во всяком случае, – как это говорится? – Tenez vous pour averti*. Приедете, – сами увидите; тогда и решим.

А заодно – и о московской Вольфиле, которая энергично действовала в Москве целый год после Вашего отъезда[22]; теперь остановилась. Не заходили ли Вы к С.Д.Мстиславскому? Если нет – зайдите! (Антипьевский пер., д.4). Он очень настроился против «антропософии» из-за Столярова[23], которого я совсем не знаю; но «антропософия» – одно, «Столяров» – другое. Если С<ергею> Д<митриевич>у дать carte blanche на организацию дела – он многое сможет сделать. А пока – ничего не делал и ждал Вашего приезда, чтобы решить.

Надо бы рассказать еще про читинскую Вольфилу, про киевскую Вольфилу, про воронежскую Вольфилу[24], – да уж, видно, всего не упишешь. Все равно, – главное рассказал; теперь Вы в курсе дела, и я ставлю точку, написав Вам это обещанное «вольфильское» письмо.

А в заключение – о другом: о Вашем приезде в Питер вообще, в Царское Село в частности. Хорошо бы, конечно, повидаться с Вами поскорее, но знаете что? Если Вы можете приехать в свой кабинет Царского Села к Рождеству – на одну неделю, а в мае – на два месяца, то лучше уж отложите до мая. Ну что успеешь в неделю? Приезжайте надолго, с работой, с возможностью прожить хоть все лето!

До следующего письма! Наш общий привет. Ждем.

Обнимаю и целую.

Ваш Разумник Иванов.

[1] Имеется в виду п.134.

[2] «Прощальное» (перед отъездом Белого за границу) 87-е открытое заседание «Вольфилы» состоялось в зале Географического общества (Демидов пер., д.8а) в воскресенье 9 октября

* *Намотайте себе на ус (фр.).*

1921 г.; Белый выступил на нем с докладом «Достоевский и Толстой» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.1. Л.19). С воспоминаниями о Блоке Белый выступал в «Вольфиле» в начале октября 1921 г. дважды. В перечне своих выступлений этого времени он указывает: «5) Мой доклад "Воспоминания о Блоке". 6) Мой 2-ой доклад "Воспом<инания> о Блоке". Публ<ичные> зас<едания> В.Ф.А. <...> 8) Публичное зас<едание> В.Ф.А., нечто вроде проводов меня. 9) Интимное заседание В.Ф.А., посвященное мне» (*РД*. Л.110об.). 7 октября 1921 г. Иванов-Разумник писал А.Л.Волынскому: «Андрей Белый на днях уезжает за границу; завтра вечером и послезавтра днем – два последние его выступления в Вольфиле и Петербурге <...> В воскресенье, после его доклада, мы устраиваем без ведома Бор<иса> Николаевича неофициальные "проводы его": с 5 ч. дня будут произнесены речи представителями Вольфилы, слушателей Б<ориса> Н<иколаевич>а, приглашен "Алконост", уведомлен Дом Литераторов. Сообщаю Вам (т.е. "Дому Иск<усств>" и "Всемирной Литературе"): если бы эти организации захотели принять участие в чествовании – мы были бы очень рады» (*РГАЛИ*. Ф.95. Оп.1. Ед.хр.745).

[3] Мф V 13; Мк IX 50; Лк XIV 34-35.

[4] А.З.Штейнберг выехал из Петрограда в Берлин 29 ноября 1922 г. (см.: Р.В.Иванов-Разумник о Петроградской Вольфиле 1921–1923 гг. / Публикация и комментарии Я.В.Леонтьева // Вопросы философии. 1993. №12. С.74). Об обстоятельствах своего отъезда за границу Штейнберг рассказал в воспоминаниях «Друзья моих ранних лет» (С.115-117).

[5] Имеется в виду фрагмент из 1-й части «Фауста» Гете (2-я сцена «Рабочая комната Фауста», слова Мефистофеля):

Der Philosoph, der tritt herein
Und beweist Euch, es müßt so sein:
Das Erst wär so, das Zweite so
Und drum das Dritt und Vierte so;
Und wenn das Erst und Zweit nicht wär,
Das Dritt und Viert wär nimmermehr.

(«Философ немедленно вам объяснит, что все происходит тут так, как должно происходить! Что если первое и второе произошли *так*, – то третье и четвертое должны непременно произойти *этак*; и что если бы не было, наоборот, ни первого, ни второго, то, наверно, не произошло бы ни третьего, ни четвертого» // «Фауст», трагедия Гете / В переводе и объяснении А.Л.Соколовского. СПб., 1902. С.53).

[6] В автографе поэмы «Вольфила» (ноябрь 1922 г.), занесенном в «Тетрадь припоминаний» Эрберга, после строки «Ни охоты нет, ни силы» – следующий текст:

Продырявилось в ней что-то, –
Оттого и нет охоты.
Ночью, днем, зимой и летом
Больше не хочу сидеть там
Для пустого разговора,
А торчать так, – для «надзора»,
Для порядка – тоже дико.
Коль не веришь, – посиди-ка!
Заседаньям отдал дань я,
Невтерпеж мне заседанья.

(Эрберг Конст. Вольфила / Публикация, примечания В.Г.Белоуса // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.107).

[7] В статье «Владимир Васильевич Бакрылов» Иванов-Разумник писал: «С самого начала 1919 г. Б. принял самое деятельное участие в организации Вольной Философской Ассоциации, существовавшей в Петербурге с 1919 по 1924 гг. Он был секретарем правления этой Ассоциации (при председателе Андрее Белом); исключительно благодаря организаторской энергии Б. устраивались собиравшие часто тысячную аудиторию еженедельные заседания, посвященные темам философии, науки и искусства. После смерти Б. эта Ассоциация <...> продолжала существовать еще два года, но в значительно более узких рамках. В январе 1922 г. Б. заболел сыпным тифом, сильно потрясшим его организм, и с трудом оправился лишь к началу весны. 8 июня 1922 г. Б. бросился с Троицкого моста в Неву и утонул» (Каторга и ссылка. 1926. №7/8 (28/29). С.308. Подпись: И.Р.). В письме к Белому и в цитированной статье Иванов-Разумник сообщает различные даты смерти Бакрылова; в его рукописных материалах к статье указано, что Бакрылов погиб весной 1922 г. (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.4. Ед.хр.6).

[8] Ср. воспоминания Н.И.Гаген-Торн о «Вольфиле»: «Дмитрий Михайлович был сердцем Вольфилы. Мягкое сердце, но непреклонная справедливость. Его длинная фигура поднималась из-за стола для возражения. Все знали: возражения будут без ущемления противника, вдумавшись в его точку зрения» (Вопросы философии. 1990. №4. С.91).

[9] А.А.Мейер в 1920-е гг. основную свою деятельность сосредоточил в домашнем религиозно-философском кружке, который организовал в конце 1917 г. вместе с К.А.Половцевой и Г.П.Федотовым; в своих взглядах сблизился с православной церковной традицией. См.: Анциферов Н.П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1922. С.324-328, 447 (примечания А.И.Добкина); Лихачев Д.С. Воспоминания. СПб., 1995. С.220-230.

[10] Яков И. Гордин (1897–1947) – философ, член-соревнователь «Вольфилы», активный участник ее заседаний; выступал там с докладом «Максимализм и идея конца» (30 апреля 1922 г.), с докладами на заседаниях, посвященных 50-летию со дня смерти Л.Фейербаха (3 декабря 1922 г.) и юбилею «Вольфилы» («Три года (Идея и опыт Вольфилы)», 12 ноября 1922 г.), участвовал в беседе об «Исповеди Ставрогина» Ф.М.Достоевского (24 сентября 1922 г.) и др. В 1923 г. Гордин эмигрировал в Берлин, в 1933 г. – во Францию. См.: Gordin J. Ecrits. Le renouveau de la pensée juive en France. Paris, 1995.

[11] Нина Ивановна Гаген-Торн (1900-1986) – этнограф, поэтесса и писательница (см. статью о ней О.В.Творогова в кн.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т.2. С.3-5); в 1922–1924 гг., будучи студенткой Петроградского университета, постоянно посещала заседания и семинары в «Вольфиле»; автор воспоминаний о «Вольфиле» (Вопросы философии. 1990. №4. С.88-104 / Публикация Г.Ю.Гаген-Торн) и об Андрее Белом (*Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.546-556), а также статьи «Андрей Белый как этнограф» (Советская этнография. 1991. №6. С.87-91). Начало ее совместной семейной жизни с Юрием Михайловичем Шейнманном относится к зиме 1922–1923 гг. (см.: Гаген-Торн Н.И. Memoria. М., 1994. С.56). Впоследствии – кандидат исторических наук, сотрудница Музея антропологии и этнографии АН СССР; дважды была репрессирована (в 1936 и 1947 гг.).

[12] Возможно, имеется в виду Георгий Яковлевич Змеев (род. в 1904 г.), член-соревнователь «Вольфилы».

[13] Комментарий Иванова-Разумника: «Вольфилка Н.М.Меринг была несправедливо оговорена и заподозрена в “осведомительной” роли в ВФА (1921 г.)» (Л.23об.). В 1921 г. Меринг сообщила Белому и А.З.Штейнбергу, что в ЧК известно о вынашивавшемся ими плане нелегального перехода через границу. Штейнберг вспоминает: «По мнению Разумника Васильевича, магический образ Бориса Николаевича настолько повлиял на молоденькую переписчицу Надежду Меринг, зарабатывающую на хлеб в Чека, что она, рискуя собой, постаралась спасти Белого. До известной степени и это было возможно. Но я думал иначе. По-моему, Надежда Михайловна просто имела связи с Чека. <...> Состоялось совещание, на котором присутствовали Ольга Дмитриевна Форш, Белый, Иванов-Разумник и я. Поскольку Ольга Форш особенно хорошо понимала женскую натуру, ей было поручено переговорить с Надеждой Михайловной с глазу на глаз. <...> Надежда Михайловна объяснила Ольге Форш, что попросту работала в Чека переписчицей и, перенося бумаги из одного отдела в другой, обнаружила сведения о предполагаемом побеге Белого. Она по своей собственной инициативе решила предупредить нас об этом. Вот и все. Однако после этого разговора мы ее больше не видели. Сама ли она сделала какие-то определенные выводы, или ее начальство решило, что их секретный сотрудник провалил свою миссию, мы так и не узнали» (Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. С.113-114).

[14] Подразумевается инцидент между Л.В.Пумпянским и А.З.Штейнбергом, случившийся в «Вольфиле» на заседании 2 апреля 1922 г., посвященном докладу Пумпянского «О нравственности и умственном состоянии современной России». См.: Белоус В.Г. «На перекрестке»: Л.В.Пумпянский и Вольфила // Вопросы философии. 1994. №12. С.154-155.

[15] Неточно цитируются заключительные строки стихотворения Н.А.Некрасова «Перед зеркалом» («Шляпа, перчатки, портфель...», 1866–1867).

[16] Александр Алексеевич Гизетти (1888–1938) – критик, историк общественной мысли и публицист народнической ориентации, социолог; член партии эсеров, депутат Учредительного собрания (1918); до середины 1920-х гг. работал в Библиотеке АН СССР. В «Вольфиле» вел семинар «Философия народничества», выступал с многочисленными докладами. В сборнике статей «Современная литература», подготовленном Ивановым-Разумником, напечатана статья Гизетти «Лирический лик Сологуба» (Л., 1925. С.82-92).

[17] Обыгрываются слова из «Гамлета» Шекспира: «Что ему Гекуба, что он Гекубе?» (Акт II, сцена 2; монолог Гамлета).

[18] Навий (*диал.*) – покойницкий, колдовской, смертный.

[19] Неточно цитируются слова Сатина, персонажа пьесы М.Горького «На дне» (1902; действие 4): «В карете прошлого – никуда не уедешь...» (Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения. В 25 т. Т.7. М., 1970. С.175).

[20] Имеется в виду открытое письмо А.И.Герцена к Н.П.Огареву, опубликованное во французском варианте «Колокола» 1 декабря 1868 г. (оригинал – по-французски): «Мы с тобой

принадлежим к тем старым пионерам, к тем "сеятелям", которые вышли рано поутру, лет сорок назад, чтобы распахать землю, по которой пронеслась дикая николаевская охота на людей, раздавив все – плоды и почки. Семена, которые достались в наследство небольшому числу наших друзей и нам от наших великих предшественников, мы бросили в новые борозды, *и ничто не погибло*. Сильные и крепкие ростки, показавшиеся в таком изобилии в первые годы настоящего царствования, далеко не умерли; они работают под слоем грязи, полной гниющих остатков, которые послужат удобрением для будущего, но душат настоящее» (Герцен А.И. Полн. собр. соч. и писем. Под ред. М.К.Лемке. Т.XXI. М.; Пг., 1923. С.188). Ср.: Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. М., 1960. Т.20. Кн.1. С.396, 400; Т.20. Кн.2. С.810-811.

[21] Обыгрывается поговорка: «Улита едет, <да> когда-то будет» – т.е. еще не скоро будет; неведомо, когда будет.

[22] В Совет московского отделения «Вольфилы», образованного в сентябре 1921 г., входили Андрей Белый (председатель), товарищи председателя Г.Г.Шпет, С.Д.Мстиславский, М.П.Столяров и ученый секретарь Я.И.Новомирский. После отъезда Белого в Берлин работу московской «Вольфилы» возглавил Мстиславский (который руководил в ней кружком «Творчество театра»).

[23] М.П.Столяров был одним из активных деятелей Московского Антропософского общества: «...молодежь из руководимых им кружков очень к нему тянулась, искала его общества. Он был несомненно очень авторитетным членом Антропософского Общества, одним из "старших", даже не имея ореола личного знакомства со Штейнером» (Жемчужникова М.Н. Воспоминания о Московском Антропософском обществе (1917–23 гг.) / Публикация Дж.Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. Paris, 1988. С.23).

[24] О деятельности филиала «Вольфилы» в Чите (руководитель – Вениамин Менделевич Левин, псевдоним – В.Мечтатель; 1892–1953, деятель эсеровской партии) сообщалось в информационной заметке, появившейся в газете «Дальневосточный телеграф» (1921. №79. 5 ноября). Белый в статье «Вольная Философская Ассоциация» указывает: «С лета 1921 года Отделение В.Ф.А. возникло в Чите <...>» (Новая Русская Книга. 1922. №1. С.33). О филиалах «Вольфилы» в Киеве и Воронеже сведениями не располагаем.

136. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
17 декабря 1923 г. Москва[1].

17 декабря*. 23 года. Москва.

Дорогой и милый Разумник Васильевич,

с глубоким волнением читал Ваше письмо. Да, все то, что Вы пишете о «Вольфиле», мне где-то ведомо: так должно быть по закону времени; в Берлине до меня доходили слухи, что «Вольфила» – цветет; признаться, я этому не верил; признаться, мне даже было грустно, что «Вольфила» продолжает свое бытие в том же темпе, в каком я ее оставил. Я *очень многое* знал об условиях жизни в России; и потому-то все то, что Вы пишете о «*Вольфиле*» (вопреки циркулировавшим в Берлине «мифам») скорее даже меня успокаивает (увы, – успокоение – «*грустное*»); но благоденствующая «*Вольфила*» в теперешние дни казалась мне явлением ненормальным; и это даже вовсе не потому, что в России теперь такие-то и такие-то условия жизни, а потому, что *во всем мире* теперь – время злое: все революционное, свободное, новое должно естественно опускаться под землю; и потому, – катакомбное бытие есть естественное бытие людей, которые живут ритмом будущего. Такова жизнь – в Германии, Франции, Англии; такова жизнь в России. Характерно: вчера я прочел письмо Фробениуса (автора ряда томов об африканской культуре в связи с Атлантидой[2], Шпенглер в некотором роде его ученик), – прочел письмо Фробениуса, адресованное одному молодому, московскому ученому; в этом письме идет речь все о том же: человечество настоящего зашло в тупик, пишет Фробениус; западная Европа изжила себя; и взоры немногих «*ведающих*» обращены на Восток; как ни тяжела жизнь в России, однако: там совершается «нечто», на что обращены взоры запада; и все лучшие люди Германии, немногие избранные, должны чутко прислушиваться к дующему на всю Европу ветру с Востока; все же – пишет Фробениус – самосознание русских, индусов, даже турок пронизано какой-то нотой «*новой культуры*».

---

* *В автографе*: января.

Вы пишете, что, вероятно, я теперь переживаю медовый месяц моего бытия в России и потому не представляю себе самочувствия людей, которым нечем дышать. Да, конечно, – не месяц, а два месяца уже продолжается для меня сладкое и отрадное себя переживание в России; мне кажется, что я попал в успокаивающую, теплую ванну, в которой все члены тела размягчаются, потому что 2 года жизни в Германии я ощущал себя в пыльном и бесплодном пути, в неуютном вагоне, где нельзя растянуться, где нет мыслей, нет сна, нет возможности освежиться водою; а пыль из окна засыпает: песок скрипит на зубах; песком засорены глаза; а между тем: положение мое внешне весьма не блестящее; мне, конечно, негде печататься, абсолютно нельзя говорить ни о чем (на этот счет я имею весьма точные сведения от людей, говоривших с Лебедевым-Полянским, всероссийским цензором)[3]; через месяц, полтора, весьма возможно, – повисну в воздухе; и тем не менее: я спокоен; жизнь моя – осуществленная катакомба: никого не вижу, нигде не бываю, от всех обществ отрезан, печататься негде, говорить нельзя; и вот – не унываю, потому что *все-таки*: воздух России – совершенно иной воздух; здесь – maximum здоровья; а если и этот воздух иным «внутренним эмигрантам» кажется лишь воздухом больным, то это потому, что они не имели возможности сравнить этот воздух с воздухом запада.

Милый Разумник Васильевич, – Вы мне советуете увидеться с С.Д.Мстиславским; я и так давно собираюсь к нему зайти (дело в том, что я выхожу только утром, к 4<-м> часам всегда должен возвращаться, ибо с наступлением темноты *опасно* возвращаться: в этих местах оперирует шайка грабителей; днем же почти все знакомые служат; ночевать у Нилендера[4] не всегда можно: музейская администрация боится «*бочки Данаид*» и не желает, чтобы я ночевал в стенах музейских домах*: видите, какой я «*опасный*» человек для, например, Виноградова, заведующего Музеем)[5], но зайти к С.Д. вечером все не удается; непременно повидаю его; что касается возобновления московской «*Вольфилы*» – «*сомневаюсь штоп*»: разрешат ли, удобно ли *мне* в ней выступать: ведь моя духовная «*идеология*» – вещь, отрезывающая меня от лекций; кроме того: я сейчас нем абсолютно; я потерял «*орган познания*», «*орган познания*» от меня, можно сказать, отвалился; нет отработанных мыслей, ощущаю в себе смутные, физиологические процессы вываривания будущих мыслей; что-то во мне прорастает; но ростки – зелены; надо ждать цветов и плодов мысли – в будущем; прошлые мысли – проросли; от них осталась одна шелуха. И оттого-то весьма трудно мне говорить, весьма трудно ворочать языком в присутствии даже 10-12<-ти> человек; раза 3 я бывал в некоторых московских кружках (один – филологический, другой – философский, третий – литературный); и всякий раз чувствовал мучительную тяжесть, косность, немоту[6]. Тем более ищу общения с немногими друзьями en deux, en trois, en quatre** (не более); такими «*своими*» ощущаю: К.Н.Васильеву, Нилендера, С.М.Соловьева, Столярова, пожалуй Е.Ф.Книпович, которая часто бывает у Нилендера. Да, мое мучительное стояние на распутьи тянулось два года в Берлине; и это распутье я ощущал и безблагодатно, и мертво; теперь это распутье превратилось в «*предпутье*»; знаю, – новый путь (путь вперед) будет; но контуры его не до конца мне еще ясны; авось прояснятся: через несколько месяцев, через год, через 2. Ехал я писать 4-ый и 5-ый томы «Начала Века», но увы – материальная необеспеченность не позволяет мне сейчас отдаться спокойному продолжению работы; надо искать ближайшего заработка; таким заработком было бы: написать книжку по стиховедению[7] (лишь эта книжка прошла бы); я все эти недели прилежно работал 1) над трехдольниками поэтов (в частности, Блока, которого весь трехдольник (анапесты, амфибрахии, дактили) отработаны мною, как и весь блоковский четырехстопный ямб), 2) мне подложили работу, могущую дать заработок в будущем; именно: переработать «*Петербург*» в драму, которую наперерыв друг у друга оспаривают Мейерхольд, Завадский (III студия Худ<ожественного> т<еатра>) и Чехов (I-ая студия)[8]; это забота об обеспечивании материального будущего, чтобы спокойно засесть за 4-ый и 5<-ый> том «*Начала Века*». Берлинская «*Эпоха*»[9] совершенно не способна мне обеспечить бытие; и кроме того: боюсь, что 3 тома «*Начала Века*» (из коих 2 уже были набраны ко времени моего отъезда из Берлина) так и застрянут; между тем основной текст, ру-

* *Так в автографе.*

** *вдвоем, втроем, вчетвером (фр.)*

копись, – в Берлине (копии с нее нет, – я не мог себе позволить роскоши копировать: дорого!); надеюсь, что берлинская «*Эпоха*» хоть сохранит текст.

Милый Разумник Васильевич, я страшно рвусь в «*Петербург*», чтобы пожить с Вами и основательно увидеться с вольфильцами; но боюсь, что больше как на несколько дней не вырвусь; именно к Рождеству будет разрешаться вопрос с постановкою «Петербурга»; и – другие дела; лучше отложить *основательную* встречу до весны, потому что мне хочется *прочно* с Вами встретиться. Все-таки, если дела позволят, если будут деньги, может быть, в январе съезжу к Вам: ведь я Вас ощущаю, как одного из самых близких людей к себе.

А пока буду Вам, если позволите, много и часто писать. И Вы меня не забывайте письмами.

Кстати, если у Вас будет случай видеть, или известить Игнатия Игнатьевича Бернштейна[10] (Разъезжая, 2, кв.7), то известите его, что я жду очень решительного ответа на вопрос о том, разрешила ли цензура к печатанию отд<ельной> книгой «*Преступление Ник<олая> Летаева*», проданное ему[11]; в последнем случае жду аванса, обещанного месяц назад; и удивляюсь: 1) отсутствию денег, 2) отсутствию письма; это даже неловко с его стороны держать меня в неизвестности.

Милый Разумник Васильевич, пока крепко Вас обнимаю: сердечный привет Варваре Николаевне и Ине.

Остаюсь любящий Вас Борис Бугаев.

P.S. Огромная просьба к Вам: пришлите мне свои статьи о Петербурге[12]; их ведь нет у меня.

P.P.S. Дорогой Разумник Васильевич: приписываю несколько слов; как хорошо, что Н.М.Меринг сохранилась в том облике, в каком мы ее воспринимали до этого «*несчастного*» слуха; при мысли о «Вольфиле» я всегда вспоминал и... Меринг; и было ужасно, что было это «*и... Меринг*». Как хотелось бы мне повидать теперь Екатерину Юстусовну и Дмитрия Михайловича[13]; если увидите первую, то передайте, что я чувствую относительно нее большую вину; на последнее ее письмо[14] я не ответил: все собирался отвечать, мысленно отвечал; и... тем не менее: ответить не мог, потому что в ту пору (это было весной 22<-го> года) вступил в самую тяжелую полосу берлинской жизни (с мая до июля, можно сказать, дышал на ладан); мои стиснутые зубы, знаю, не объяснишь; но все-таки: пусть она мне верит: не отвечал не потому, что забывал отвечать, а потому, что не мог отвечать; существует какая-то метафизическая граница между теперешней Россией и Западом; как только туда попадешь, чувствуешь, что восприятия тамошней жизни абсолютно непередаваемы; входя в душу, они окрашивают душу совсем не так, как в России. Про человека, который играет в мяч, пляшет «фокстрот» и «джимми» и ежедневно ходит в 5 часов на «*Tanztee*», – что можно сказать?[15] Пустой весельчак, не более; а между тем: в совр<еменной> Германии такой образ жизни в 1922 году вели все – вплоть до профессоров и писателей: в 8 часов запираются двери домов; в пансионах и в комнатах по вечерам нестерпимо: все разговоры и встречи происходят в кафе: *идешь в кафе*, где скрипки просверливают уши и где ритмы подбрасывают в ритмическое хождение, каковым является фокстрот; верите ли: с *июля до ноября* я проплясывал все вечера: утрами писал «*Восп<оминания> о Блоке*» или перерабатывал эти воспоминания в «*Начало Века*», а с 10<-ти> до часу регулярно плясал в кафе «*Victoria-Luise*», иногда с венгерской писательницей, проживавшей в нашем пансионе[16], иногда с В.О.Лурье (таковая есть поэтесса, из Петербурга)[17]; одно время плясал (и ах как хорошо она пляшет!) с почтеннейшей меньшевичкой[18], находящейся в близких отношениях с Каутским; оная меньшевичка приходила в кафе с египетским словарем под мышкой (она – хорошая египтологичка); и тем не менее: как она плясала фокстрот!! Под новый год в Prager-Diele (такое кафе есть) русские плясали всю ночь напролет; среди них плясал даже (не умея плясать) наш общий знакомый, Сергей Порфирьевич[19]... Думаю, пустился бы в пляс и его патрон[20], если б оный был; на одном русском балу спрашиваю знакомую даму из Парижа: «Чем занимается З.Н.Гиппиус?» Ответ: «Пляшет фокстрот»... Пишу так подробно о танцах, потому что в России, я знаю, с удивлением и неодобрением говорили: «*Ужас что, – Белый пляшет фокстрот*»[21]. И действительно: в России это непонятно; в Берлине же без танцев долго не проживешь; это – естественная привычка, подобная курению папирос: плясали старики, старухи, люди средних лет,

молодежь, подростки, дети, профессора и снобы, рабочие и аристократы, проститутки, дамы общества, горничные; и русские, пожившие несколько месяцев в Берлине, кончали – танцами[22]. Много в Берлине штрихов жизни, которые сперва тебя обстают, потом проницают тебя, проницая, меняют твои восприятия; меняя восприятия, создают условия неописуемости быта жизни. И все это ложится какою-то преградой общения с русскими в России; и в этом отношении мои «*белые штаны*» и костюм «*Strandmann'a*»* в Свинемюнде[23], совершенно неприличный в России, был только уместным на морском курорте, где если ты не «*Strandmann*», то к тебе окружающие начинают относиться с пренебрежением; если ты в Свинемюнде, – валяйся в морском костюме на песке, играй в мяч, или ходи в белых штанах и в белой кофточке с кантом, со стэком в руке. Появись в таком виде в России я, меня бы сочли за сумасшедшего. Быт Германии, особенно быт Берлина и курортов, – быт сумасшедшего. Типичный берлинец давно сошел с ума: типичного берлинца ничто не удивит; часто бродя по Tauentzinnstrasse или по Kurfürstendamm'у, я спрашивал себя: чем бы я мог удивить берлинца? И приходил к убеждению – ничем; если бы я стал кверх ногами, – берлинцы даже не остановились бы (некогда, надо спешить)[24]; проходя, бросили бы: «So, so, – interessant!..»** Если бы я начал проповедовать, вскочив на лавочку, – тоже ничего бы не произошло: подошел бы представитель порядка, «*Der grüne Polizist*»***[25]; послушав немного и удостоверившись, что моя речь не касается ни монархизма, ни коммунизма, он отошел бы; если бы я напился пьян, вдрызг, и лежал бы на улице, то я бы был бережно поднят и доставлен домой. Сколько раз в пивных я развивал незнакомым мне немцам безумнейшие идеи для них; один такой незнакомый слушатель сочувственно раз бросил мне: «Sie sind ganz verrückt»**** и пожал руку; я проделывал в Берлине все, что мне было угодно; однажды вечером я уморил целую пивную, заставив 2 часа хохотать немцев, рассказывая им смешные вещи. Да, Берлин – это вывих немецкого сознания; увы, не сдвиг, а – вывих; и потому-то Достоевский (самый популярный в Берлине писатель) есть только явление «*вывиха*», а не сдвига в душе немца. Сперва меня умиляла мода на русское все; потом я в ужасе бежал от «*русско-немецкого*» быта Берлина; в Берлине – 3 Берлина: «*берлинский*» Берлин, «*петербургско-московский*» Берлин, или «*Scharlottengrad*», как именуют немцы квартал Scharlottenburg, и синтез их по линиям упадка и истерики упадающей немецкой, бюргерской жизни и разлагающейся эмигрантщины; яды разложения русского вчерашнего сознания и немецкого «*Preussenthum*»*****, эти «пептоны»[26], образуют какие-то ядовитейшие соединения; соединяет – надрыв безысходности и безысходный тупик; и в тени тупика вспыхивает лилово-пунцовый свет абажурчика какой-нибудь «Diele»****** на Motzstrasse, где скрипач пилит фокстрот, а с ума сшедший берлинец танцует над бездной с накрашенною девицею; в таком-то вот «*Diele*» (представляете картину?), хозяин которой «*любит*» русских, вытесняя на несколько часов «*девиц*» и немцев, заседала одно время «берлинская Вольфила», в маленькой комнатушке; в соседней же комнате среди теней мирового тупика и берлинского сумасшествия лилово-пунцовеньких огоньков «девицы» и снобы Motzstr<asse> ждали окончания заседания «*Freie Philosophische Assoziation*», чтобы пуститься в пляс, да русский поэт Кусиков, демонстративно одетый в черкесский костюм, дул коньяк у стойки, восседая на высочайшем стуле и возбуждая шепот: «*der Tscherckess*»[27]; «*Вольфила*» кончалась; и мы шли к столикам соседней комнатки пить пиво и есть «*шницели*»; взвизгивал фокстрот; и между столиками начинали кружиться пары; ласковый скрипач во фраке, расхаживающий от столика к столику с просительной улыбкой (не положат ли ему на тарелку «*etwas*»*******), во имя русско-немецкой дружбы играл русско-немецкие надрывные романсы, от которых все вывихнутые берлинцы, обожающие «*восток*», без ума. Среди этих романсов популярнейшие: «die schwarze Sonja»********, die – опять-

* *человека на пляже (нем.).*
** *«Так, так, – интересно!..» (нем.).*
*** *«Зеленый полицейский» (нем.)*
**** *«Вы совсем спятили» (нем.).*
***** *«пруссачества» (нем.).*
****** *танцевальный зал (нем.).*
******* *«что-нибудь» (нем.).*
******** *«Брюнетка Соня» (нем.).*

таки «schwarze» – Natascha и (на этот раз) «*die blonde*» Annjuschka*; в последней песне фигурирует какой-то «*Petr Phedorówitsch*» (с ударением на «*o*») mit lange Bart**; а первая начинается: «Endlos, endlos dehnen sich die Steppen»***. И далее: «Sonja, Sonja, deine schwarze Haare küsse ich in Träume<n> tausendmal; kann dich nicht vergessen, wunderbahre, Blume aus der Wolga-Tal»****. Немцы обычно распевают хором эти песни в *Scharlottengrad*'е![28] Вот Вам один из кусочков шарлоттенградского быта жизни, в котором Вольфила, конечно, быстро задохлась. Пептонами саморазложения и пептонами разложения Германии отравлено сознание русского в Берлине; «идеи» гаснут; и бывшие люди, князь Трубецкой[29], или барон Мантейфель[30] (кельнера русско-немецких ресторанов в Берлине)[31] предпочитают плясать «джимми» с горничными в простонародных танцульках, чем заниматься идеологией.

[1] Ответ на п.135. Заказное письмо; на конверте почтовые штемпели: Москва. 18.12.23 и 19.XII.23; Детское Село. 21.12.23.

[2] Лео Фробениус (Frobenius, 1873–1938) – немецкий этнограф-африканист и путешественник; автор 4-томного труда «И Африка говорила!..» («Und Afrika sprach!..») и других книг («Auf dem Wege nach Atlantis». Berlin, 1911; «Die atlantische Götterlehre». Jena, 1921), затрагивающих «проблему Атлантиды». В записях о январе 1921 г. Белый зафиксировал: «...читаю первый том исследования о западной Африке Фробениуса (по-немецки)» (*РД*. Л.107об.). Ср: Андрей Белый. «Одна из обителей царства теней». С.43-44.

[3] П.И.Лебедев-Полянский возглавлял Главлит с момента его образования 6 июня 1922 г. до 1932 г. См.: Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917–1929. СПб., 1994. С.92-93. Неприятие официальными советскими инстанциями творчества Белого было обусловлено главным образом резко отрицательной оценкой, вынесенной ему Л.Д.Троцким в специальной статье, опубликованной в «Правде» 1 октября 1922 г. и вошедшей в его книгу «Литература и революция» (М., 1923. С.34-40); заключительная фраза статьи Троцкого содержала в себе окончательный приговор: «Белый – покойник, и ни в каком духе он не воскреснет». См.: Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991. С.49-55. В записях об октябре 1923 г. Белый указал: «Знаю, что в Москве после статьи обо мне Троцкого мне заповедано участие в журналах и литер<атурно->обществ<енная> деятельность» (*РД*. Л.116об.). В очерке «Почему я стал символистом...» (1928) Белый писал: «Я вернулся в свою “*могилу*” в 1923 году, в октябре: в “*могилу*”, в которую меня уложил Троцкий, за ним последователи Троцкого, за ними все критики и все “*истинно живые*” писатели <...> самое появление мое в общественных местах напоминало скандал, ибо “*трупы*” не появляются, но гниют» (Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.483).

[4] В.О.Нилендер в то время работал в Румянцевском музее и жил в служебной квартире. См. примеч.2 к п.130.

[5] Анатолий Корнелиевич Виноградов (1888–1946) – в 1921–1925 гг. директор Библиотеки Румянцевского музея; исторический романист, автор историко-литературных работ. О нем см.: Шумихин С. Москва, 1938-й. Delirium persecutio А.К.Виноградова // Новое литературное обозрение. 1993. №4. С.264-300.

[6] В регистре «Себе на память» Белый отметил только два выступления в 1923 г., после возвращения в Россию: «777) Нояб<рь>. “Впечатление от Берлина”. Выступление в рабочем Клубе завода “Анил-Трест”. 778) Нояб<рь>. Беседа и прения после доклада С.М.Соловьева “Пушкин” на квартире Нилендера» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.96. Л.16об.). Подводя итог пережитому за 1923 год, после возвращения в СССР, Белый писал: «Здесь кончается моя лекционная и общественная “эпопея” <...> Активное литературно-общественное семилетие <1916–1923. – *Ред.*>; подвожу ему итог, ибо после него уже я попал в иные условия; с литературой, с общественностью, можно сказать, – счеты кончены» (*РД*. Л.117).

[7] См. примеч.32 к п.132.

[8] Идея переработки «Петербурга» в драму исходила от М.Ф.Кокошкиной (см.: Спивак М.Л. Андрей Белый и Александр Блок глазами «кадетской дамы» (Из воспоминаний М.Ф.Кокошкиной) // Лица. Биографический альманах. Т.7. М.; СПб., 1996. С.430; Николеску Татьяна. Андрей Белый и театр. М., 1995. С.97-98, 192). О январе 1924 г. Белый пишет: «Усаживаюсь

---

* *«Блондинка Аннькошка» (нем.).*
** *с длинной бородой (нем.).*
*** *«Без конца расстилаются степи» (нем.).*
**** *«Соня, Соня, твои черные волосы я целую в мечтах тысячекратно; не могу тебя забыть, чудесный цветок волжской долины» (нем.).*

18 Зак. 3782

за переработку "Петербурга" в драму: переговоры с Чеховым, Мейерхольдом, Завадским, Таировым» (*РД*. Л.117об.). О переработке романа в пьесу и о ее постановке в 1925 г. см. послесловие Джона Малмстада к первой публикации текста пьесы: Андрей Белый. Гибель сенатора (Петербург). Историческая драма. Berkeley, 1986. С.203-237. Юрий Александрович Завадский (1894–1977) – режиссер, актер, театральный деятель; народный артист СССР. Михаил Александрович Чехов (1891–1955) – актер, режиссер, один из руководителей МХАТ-2. О контактах его с Белым, стимулированных приверженностью обоих к антропософии, см.: Бюклинг Лийса. Михаил Чехов и антропософия: из истории МХАТ Второго // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. IV. «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. Тарту, 1995. С.244-272.

[9] Издательство, в котором готовилась к печати мемуарная книга Белого «Начало века». См. примеч.11 к п.129.

[10] И.И.Бернштейн (псевдоним – И.Ивич, 1900–1979) – писатель, руководитель издательства «Картонный домик». О нем см. статью его дочери Софьи Богатыревой «Завещание» (Вопросы литературы. 1992. Вып.II. С.250-276).

[11] Отдельное издание этого романа Белого Бернштейном не было осуществлено. Ранее роман был напечатан под заглавием «Преступление Николая Летаева. ("Эпопея", том первый). Крещеный китаец. Глава первая» в «Записках Мечтателей» (1921. №4. С.21-165), перепечатан под заглавием «Преступление Николая Летаева» в 1922 г. в «Современных Записках» (Кн.XI, XII, XIII). Позднее роман был опубликован отдельным изданием под названием «Крещеный китаец» (М., «Никитинские субботники», 1927).

[12] Подразумевается книга Иванова-Разумника «Вершины». См. п.129, примеч.3.

[13] Е.Ю.Виссель и Д.М.Пинес.

[14] Письма Е.Ю.Виссель в архиве Белого не сохранились.

[15] Ср. записи Белого о его жизни в июле 1922 г. в Свинемюнде: «Усиленно занимаюсь физ-культурой: прогулки, 2 раза в день купанье, гребля; начинаю ради физ-культуры учиться фокстроту, джимми, бостону, уан-степпу; ничего путного; с бешенством много часов в день зажариваю фокстрот» (*РД*. Л.114). И.Одоевцева в воспоминаниях «На берегах Сены» свидетельствует: «Мы все очень часто танцуем во всяких "дилях" и дансингах. Оцуп даже возил меня в "Академию современного танца", где седовласый Андрей Белый, сосредоточенно нахмурив лоб и скосив глаза, старательно изучал шимми и тустеп, находя в этом, казалось бы, легкомысленном времяпрепровождении ему одному открывающиеся поля метафизики» (М., 1989. С.25).

[16] Имеется в виду пансион Крампе (Crampe Pension – Viktoria-Luise Platz, 9). В записях о сентябре 1922 г. Белый отмечает: «Едва отыскиваю себе помещение на Victoria-Luisen-Platz. Переселяюсь; беседы с фрау Вэси (венг<ерская> писательница)» (*РД*. Л.114об.).

[17] В справке о Вере Осиповне (Иосифовне) Лурье (род. в 1901 г.), напечатанной в «Новой Русской Книге» (1922. №7. С.33), сообщается: «Вера Лурье, поэтесса, член "Звучащей Раковины", живет в Берлине (Charlottenburg, Neue Kantstr. 28), до октября 1921 г. была в Петрограде, где впервые напечаталась в сборн. "Звучащая Раковина". Подготовила к печати сборник стихов». Выступала с рецензиями в «Новой Русской Книге», «Голосе России», «Днях» (см. библиографический перечень ее публикаций в кн.: Лурье Вера. Стихотворения. Ed. and with an Introduction by Thomas R. Beyer. Berlin, Verlag Arno Spitz, 1987). В записях о мае 1922 г. Белый отметил: «Видаюсь часто с В.Лурье <...>» (*РД*. Л.113об.). В.Ф.Ходасевич в мемуарном очерке «Андрей Белый» называет Веру Лурье в числе людей, опекавших Белого в Берлине «самоотверженно и любовно» (Ходасевич Вл. Колеблемый треножник. С.307). Письмо В.Лурье к Белому приводит Н.Берберова в книге «Курсив мой. Автобиография» (М., 1996. С.201). Несколько берлинских стихотворений Лурье посвящено Белому («Б.Н.Б.») или навеяно его образом (см.: Лурье Вера. Стихотворения. С.69, 86, 87, 94, 104; Beyer Thomas R. Andrej Belyj and Vera Lur'e: Five Poems // The Andrej Belyj Society Newsletter. 1985. №4. P.11-19).

[18] Возможно, имеется в виду Анна Ильинична Чхеидзе, племянница Н.С.Чхеидзе, одного из лидеров меньшевиков. А.З.Штейнберг в воспоминаниях «Друзья моих ранних лет» свидетельствует: «...Анна Ильинична Чхеидзе, оказавшаяся тоже в эмиграции в Берлине, заботилась о Белом, как только может женщина с добрым сердцем. Она была моложе его, но, как няня, ухаживала и следила за его физическим благополучием. Она рассказывала мне, что находила его утром в пансионе, еще не протрезвившимся от попойки в одном из ближайших кабаков. Она его нянчила, накладывала холодные компрессы на лоб, кормила» (С.123).

[19] С.П.Постников; в Берлине он заведовал литературно-художественным отделом газеты «Голос России». В мемуарном очерке «Андрей Белый, писатель и человек» Постников писал: «И вот я вижу его в Берлине, пьяного, в сюртуке с розой в петлице, танцующего в ночных немецких барах... <...> Кафе "Прагер Диле" было небольшое, очень уютное кафе, в котором

сходились все русские писатели, жившие тогда в Берлине. Эренбург и я почти каждый вечер бывали в нем <...> Сюда же приходили А.Белый, А.Толстой, Б.Пильняк, М.А.Осоргин, В.Шкловский. Редакция газеты была далеко, а я жил рядом с кафе, и мне удобно было устраивать здесь свои литературные дела» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.41. Л.6).

[20] Подразумевается, скорее всего, лидер партии эсеров В.М.Чернов, входивший, как и Постников, в редакционную коллегию «Голоса России» (наряду с В.М.Зензиновым, В.И.Лебедевым, М.Л.Слонимом, В.В.Сухомлиным, Е.А.Сталинским, И.А.Рубановичем).

[21] В мемуарном очерке «Белый в Берлине» (Последние Новости. 1934. №4691. 25 января) М.А.Осоргин свидетельствует: «За Андреем Белым, провозгласившим культ фокстрота и джимми, бродила по дансингам толпа друзей. "Все танцует?" – "Танцует! И как!" – Рассказывались анекдоты, высказывали предположения, что "Борис Николаевич окончательно рехнулся" <...>. Но в любом падении Белый был выше рядовых людей <...> он не просто танцевал – он и в недостойном кошмаре продолжал искать религию. Я видел его в дансингах, в обществе преимущественно немецком, буржуазном и бесцветном. Русские над ним подсмеивались, немцы и немки относились к нему искренне – верили в веселость этого русского чудака» (Осоргин М. Воспоминания. Повесть о сестре. Воронеж, 1992. С.271).

[22] Ср.: «...все пляшут в Берлине: от миллиардеров до рабочих, от семидесятилетних стариков и старух до семилетних младенцев, от миллиардеров до нищих бродяг, от принцесс крови до проституток; вернее, не пляшут: священнейше ходят, через душу свою пропуская дичайшие негритянские ритмы <...>» (Андрей Белый. «Одна из обителей царства теней». С.59).

[23] Свинемюнде – морской курорт на острове Узедом в Померании, близ Штеттина; Белый провел там два месяца (с 6 июля до 6 сентября 1922 г.).

[24] Ту же мысль Белый в подробностях развивает в очерке «Одна из обителей царства теней» (С.36-37).

[25] В очерке «Одна из обителей царства теней» Белый упоминает о «молодых людях», принадлежащих «к так называемым grüne Polizei, или социал-демократической полиции Пруссии (в то время заведующий берлинской полицией был независимый социалист)» (С.24).

[26] Пептон – продукт переваривания белковых веществ под влиянием пепсина или трипсина, заключенных в желудочном или панкреатическом соке.

[27] Александр (Сандро) Борисович Кусиков (наст. фам. Кусикян, 1896–1977) – поэт, один из основателей имажинизма; в 1918-1920 гг. выпустил в свет 8 стихотворных книг; член президиума Всероссийского Союза Поэтов. Приехал в командировку в Берлин в начале 1922 г., на родину не вернулся (с 1924 г. жил в Париже). Кусиков последовательно культивировал в себе «черкесский» образ, на котором настаивал и в автобиографии 1922 года (начинающейся стихотворными строками: «Обо мне говорят, что я сволочь, / Что я хитрый и злой черкес»): «Сперва около меня мудрый черкес, крепостной моего отца, Чечь <...>. Когда я достиг возраста влезать на коня, – опять около меня черкес, сын Чеча, Пит»; «Имею недвижимость: бурку, бешмет, башлык, папаху и чувяки. Жены нет, но детей имею: дочь – шашка, сын – кинжал, приемная дочь – винтовка, приемный сын – пистолет. Единственный и верный мой друг – конь. Других друзей нет и не хочу иметь» (Новая Русская Книга. 1922. №3. С.43, 45). В Берлине Кусикова часто видели вместе с А.Тургеневой; широко распространились (и дошли до Белого) известия о том, что между ними любовная связь. А.В.Бахрах, например, писал в мемуарном очерке «"По памяти, по записям". Андрей Белый»: «Его жена, Ася Тургенева, <...> находилась в Берлине. Она приехала из своего антропософского поселка, из штейнеровского Дорнаха для решительных объяснений, для окончательного разрыва, который она обставила несколько "необычной" и умышленно оскорбительной для самолюбия Белого мизансценой, афишируя, как только могла, свою связь с имажинистским поэтом Кусиковым» (Континент. 1975. №3. С.297); о том, что Кусиков «соблазнил» А.Тургеневу, пишет и А.З.Штейнберг: «Она не скрывала этого ни от кого, всем это было известно. Люди злорадствовали, наслаждались тем, что Ася Тургенева променяла одного поэта – Андрея Белого на другого – Кусикова. И посему, следуя геометрии Эвклида, поэт Белый равен поэту Кусикову» (Друзья моих ранних лет. С.121). С.П.Постников в мемуарном очерке о Белом поясняет: «Правда, было от чего пить и танцевать: его Ася, строившая с ним у Штейнера Иоанново здание, стала, как говорили, женой "Кусикова с гитарой" <...>» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.41. Л.6). В письме к Белому, опубликованном Н.Берберовой, А.Тургенева отрицала обоснованность слуха о том, что она «вторично вышла замуж»: «...кроме того, что у меня не было желания выходить замуж, я могла бы соединить свою жизнь только с человеком, с которым была бы связана общим делом и общим устремлением. <...> Во всяком случае те, кто видел меня вместе с К., из моего поведения не могли этого вывести» (Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С.199). В равной степени А.Тургенева подчеркивала свою свободу и в письмах к Кусикову – 27 июля 1922 г.: «Я, например, не могла бы встретиться в обществе с тобой и с Белым как твоя жена. – И это была бы ложь перед моим внутренним чувством. – Так же и не как жена Белого. Это была

формальность из деликатности к нему – кот<орая> теперь стала немыслимой»; в недатированном письме: «Тебе нужна жена. Я в жены ни душевно – ни по какому иному не гожусь. Оттого, что Белый хотел из меня сделать жену, – он сломал наши отношения. Как смеешь ты упрекать меня в том, что у меня осталась нежность и забота о нем? Пусть все между ним и мной сломано – между нами останется чувство, кот<орое>, как мне кажется, не может и не должно погибнуть»; в другом недатированном письме: «Я злая, своенравная, путаная. Люблю свободу, монашество в миру, свою работу, дело, которому изменить было бы преступленье и гибель. И зачем мучаю Андр<ея> Б<елого> и еще другого, а теперь тебя. Ведь я знаю, из меня жены не выкроить» (Архив А.Б.Кусикова, Париж).

[28] Те же заглавия и цитаты из «истинно-национальных немецких песен» Белый приводит в очерке «Одна из обителей царства теней» (С.26).

[29] Возможно, имеется в виду князь Сергей Евгеньевич Трубецкой (1890–1949) – сын Е.Н.Трубецкого, публицист, общественно-политический деятель, член тайных антибольшевистских организаций в Москве; высланный осенью 1922 г. в Германию, обосновался в Берлине (см.: Трубецкой С.Е., кн. Минувшее. М., 1991. С.328).

[30] Графский и баронский немецкий род; одна из его ветвей обосновалась в Эстляндии.

[31] Ср.: «...здесь в российском "Медведе" прислуживают кельнера-офицеры (из русских дворянских фамилий)» (Андрей Белый. «Одна из обителей царства теней». С.29).

137. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
14 января 1924 г. Детское Село[1].

14 января 1924 г. Ц<арское> С<ело>.
Колпинская, 20.

Дорогой и сердечно любимый Борис Николаевич, –
виноват и виноват перед Вами: уже недели три, как получил Ваше письмо и со дня на день собирался писать Вам, да и пробирался. Хотел к Новому Году, да тут внезапно, не предупредив, уехал в Москву Д.М.Пинес; я стал ждать его возвращения, уверенный, что он повидает Вас. Вернулся Пинес, был у меня, рассказывал – и еще больше захотелось мне не писать Вам, а повидаться. Ну, ладно – авось увидимся. А пока, сегодняшнее мое письмо – не письмо, а письмишко, на которое не жду ответа: скоро (на этих днях) напишу подробно. Совсем меня выбили из колеи юбилейные дела Сологуба. И эти строки пишу в связи с оными делами.

Вот в чем дело: 16 янв<аря> н.ст. – день 40-летнего юбилея литературной деятельности Федора Кузьмича[2]. Праздноваться (очень пышно) юбилей этот будет в Александринском Театре, 28 января, через две недели. От Вольфилы – речь и делегация. Что, если бы Вы, как председатель Вольфилы, и прежде всего как Андрей Белый, написали бы ему письмо, которое я и огласил бы на вечере 28-го? Очень бы следовало. Вечер организуют частные литературные и художественные ячейки (Союз Писателей, Инст<итут> Ист<ории> Искусст<в>, Инст<итут> Живого Слова, Вольфила, Всемирная Литература и др.)[3] и он не будет носить характера официального и политического чествования, как это было на юбилее Брюсова[4]. Если Вы согласны, то пришлите свое письмо на мое имя заказным, или на имя Пинеса, если будет оказия не по почте. А еще лучше, для верности – обоими путями; если одним – то заказное письмо вернее. Только не откладывайте, – времени осталось мало.

К этому основному делу присоединяю другое, о котором дважды писал: *статья для критического сборника*![5] Напишите, о чем хотите; можно и «О ритмическом жесте (такого-то) стихотворения Блока», можно на тему ad libitum[*]. Гонорар получите немедленно по получении рукописи в Петербурге через московское отделение изд-ва «Мысль», и гонорар, который сами назначите: издатель дает carte blanche. Милый Борис Николаевич – сделайте и это; мне очень хотелось бы, чтобы рядом со статьей Блока была в этом сборнике Ваша статья. Ее пришлите тоже на мое имя; но можно и передать в Москве в магазин «Мысли» (Тверская, 19) с указанием, что Лев Владимирович Вольфсон спешно ждет в Петербурге эту статью; они сами перешлют.

---

[*] *по собственному усмотрению (лат.).*

Тем и кончаю; а письмо большое напишу Вам на этих днях. Вместе с этим письмом посылаю на-авось и четыре свои книги, – надписывал для Вас только одну[6]; остальные – только «в знак почтения, а не для прочтения», как говорил Вл.Соловьев.

Обнимаю Вас сердечно и очень жду:

1) письма к Сологубу!

2) статью!

Всегда Ваш Р.Иванов.

[1] Ответ на п.136.

[2] В этот день исполнялось 40 лет со дня первого выступления Ф.Сологуба в печати – публикации стихотворения «Лисица и Еж» в журнале «Весна» (1884. №4. 28 января). См.: Библиография сочинений Федора Сологуба. Ч.1. Хронологические перечни напечатанного с 28 января 1884 года до 1 июля 1909 года. СПб., 1909. С.4. 15 января 1924 г. Иванов-Разумник отправил Сологубу письмо по случаю юбилея: «...сердечный привет и поздравление из Царского Села: и с минувшим Новым Годом, и с наступающим завтра днем 40-летнего юбилея Вашей литературной работы. Правда, с этим праздником мы поздравим Вас в Александринском Театре 28 января в торжественной обстановке, но пока скромно и сепаратно шлет Вам поздравления "Колпинская, 20, 2"» (*ИРЛИ*. Ф.289. Оп.6. Ед.хр.134. Указан адрес дома, в котором постоянно проживал Иванов-Разумник и подолгу жил в 1923–1924 гг. Сологуб).

[3] В том же письме от 15 января Иванов-Разумник сообщал Сологубу: «В начале будущей недели в закрытом заседании мы начинаем серию чествований (еще предстоят: в Институте Живого Слова, в Университете, в Госиздате и т.д.), и обращаемся к Вам с просьбой: не могли ли бы Вы дать нам для оглашения в этом заседании серию неизданных Ваших стихотворений любых годов, от 1884-го до 1924-го, и в любом количестве, которое сами найдете нужным. <...> Расскажу Вам, когда вернетесь в Царское, много интересного о последних заседаниях юбилейного комитета; последнее заседание будет в ближайшую пятницу» (пятница – 18 января).

[4] Имеется в виду празднование 50-летия со дня рождения В.Я.Брюсова. Торжественное собрание, подготовленное Юбилейным комитетом по чествованию Брюсова, прошло 16 декабря 1923 г. в Российской Академии Художественных Наук под председательством А.В.Луначарского; 17 декабря состоялось официальное чествование Брюсова в Большом театре. См.: Валерию Брюсову (1873–1923). Сборник, посвященный 50-летию со дня рождения поэта / Под ред. П.Когана. М., 1924; Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики / Сост. Н.Ашукин. М., 1929. С.382-391.

[5] См. п.131, п.134, примеч.3.

[6] Наиболее вероятно, что речь идет о книгах Иванова-Разумника, вышедших в свет в Петрограде за время пребывания Белого за границей: «Творчество и критика. Статьи критические. 1908–1922» (Пб., «Колос», 1922), «Заветное. О культурной традиции. I. Черная Россия. Статьи 1912–1913 гг.» (Пб., «Эпоха», 1922), «Перед грозой. Статьи 1916–1917 гг.» (Пг., «Колос», 1923), «Книга о Белинском» (Пг., «Мысль», 1923). Дарительную надпись Иванов-Разумник сделал, безусловно, на своей книге «Вершины. Александр Блок. Андрей Белый» (Пг., «Колос», 1923).

138. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
21 января 1924 г. Детское Село.

21 января 1924. Царское Село.
Колпинская, 20.

И это еще – не письмо, а письмишко, милый и дорогой Борис Николаевич. Цель его – только три вопроса, на которые можете не отвечать письмом мне; ответ Ваш будет в другом. А настоящее письмо, большое, напишу Вам вот-вот, на днях, как только урвусь от суеты житейской. Писать Вам – значит отдыхать.

Три вопроса вот какие:

1) С неделю тому назад я послал Вам с оказией, через знакомого Д.М.Пинеса, 4 свои книги (в том числе и «Вершины»), с приложением письма, две главных просьбы которого сегодня на всякий случай повторяю. Получили ли?

2) Первая просьба того письма (и второй вопрос этого) была такая: *ровно через неделю*, в понедельник 28 янв<аря>, состоится в Александринском Театре торжест-

венное чествование Сологуба; что, если бы Вы написали, как председатель Вольфилы, и прежде всего как Борис Николаевич, письмо Сологубу по поводу празднования этого его 40-летнего юбилея? Я бы огласил его на вечере. Старик очень болен, очень тих, очень ребенок; мудрая детскость – удел старости. Его следовало бы приветить. Если напишете письмо – шлите заказным по моему адресу и на мое имя.

Напишете ли? Второй вопрос. Если получу Ваше письмо Сологубу – значит да; нет – так значит нет*.

3) Вторая просьба и третий вопрос: «Критический сборник», со статьями о современной литературе: Блока (неизданной), Сологуба, Замятина, Форш, Верховского, Эрберга[1], моей и еще двух-трех – выйдет в феврале-марте[2]. Не пришлете ли (пришлите!) статьи какой хотите и о чем хотите: хотя бы «Ритмический жест (такого-то) стихотворения (такого-то поэта)» – как я писал Вам в прошлом письме. Гонорар немедленно получите в Москве из изд-ва «Мысль»; назначите его сами.

Пришлете ли? Если да – то на мое имя; получу – и увижу, что *да*; если нет – нет: значит не получу. Но сильно хотелось бы получить!

Вот пока и все; спешу, чтобы сегодня же сдать письмо на почту, – дела всё спешные: и юбилей, и статья.

А пока – до следующего скорого моего письма, милый Борис Николаевич; не забывайте крепко Вас помнящего и сердечно любящего

Р.Иванова.

[1] Юрий Никандрович Верховский (1878–1956) – поэт, переводчик, историк литературы. В сборнике «Современная литература» была помещена его статья «Путь поэта. О поэзии Н.С.Гумилева» (С.93-143). Конст.Эрберг в сборнике не участвовал.

[2] Помимо названных выше (см. п.131, примеч.4-6, п.134, примеч.3), в сборнике «Современная литература» были напечатаны статьи Е.Ф.Книпович («Дело Блока». С.23-30), О.Д.Форш («Пропетый гербарий». С.31-47), А.Л.Векслер («“Эпопея” А.Белого (Опыт комментария)». С.48-75), А.А.Гизетти («Лирический лик Сологуба». С.82-92), Б.В.Томашевского («Формальный метод (Вместо некролога)». С.144-153). Сборник вышел в свет значительно позже намеченного срока, в 1925 г. (Иванов-Разумник выслал экземпляр книги П.Н.Сакулину 23 апреля 1925 г. – *РГАЛИ*. Ф.444. Оп.1. Ед.хр.364), без обозначения имени Иванова-Разумника как его составителя и редактора; «Предисловие» (С.3-4), написанное Ивановым-Разумником, также напечатано без подписи. В очерках «Писательские судьбы» (1942) Иванов-Разумник писал в этой связи: «...пришлось укрыться за псевдоним, чтобы напечатать в 1925 году в издательстве “Мысль” сборник “Современная литература”, вышедший под моей редакцией, но без моего имени. А под своей статьей “Взгляд и нечто” я поставил в этом сборнике подпись: “Ипполит Удушьев”. Действительно – удушили» (Возвращение. Вып.1. М., 1991. С.332).

139. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
26 января 1924 г. Москва[1].

Дорогой Разумник Васильевич,

только 25-го января до меня дошло Ваше письмо о чествовании Федора Кузмича, и я отчаивался уже в возможности принять участие в чествовании. Лишь сейчас открылась оказия. Поэтому спешно набросал несколько слов Ф<едору> К<узьмичу>. Передайте ему, что я извиняюсь за импровизацию своего поздравления: буквально было 3 минуты, и я стоял перед альтернативой: либо отказаться подать голос, либо *как попало*, неумело откликнуться[2]. Вам лично не пишу, ибо 3-4 февраля буду в Петербурге[3]; и – у Вас. До скорого свидания.

Борис Бугаев.

26 января. 24 года.

[1] Ответ на п.137.

[2] Приводим текст приветствия по авторской копии, сохранившейся в архиве Андрея Белого (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.133. Л.3-4):

* Если времени будет для письма мало – можно и телеграмму, которую немедленно оплатит Вам Вольфила. (*Приписка внизу на полях*).

Приветствие Федору Сологубу в день юбилея.
Глубокоуважаемый и дорогой Федор Кузмич,

Позвольте мне в высокорадостный для нас, Ваших почитателей, день присоединить свой голос к хору других, чтобы выразить Вам жаркую благодарность за все то, чем Вы дарили нас многие годы; на ритмах и образах Вашей высокой и мудрой поэзии мы, некогда молодежь, воспитывались; на поразительных страницах Ваших романов, повестей, рассказов крепло самосознание наше, чеканились наши вкусы; много лет Вы дарили нас образами Вашего изумительного художественного дарования; кто не был пронзен «*Жалом Смерти*», кто не вбирал в себя горькие отрады «*Утешения*», с кого из нас Вы не срывали «*Истлевающие Личины*» наши, кто не отдыхал тихим успокоением «*Барышни Лизы*». Я не говорю уже о «*Тяжелых Снах*», «*Мелком бесе*», «*Навьих Чарах*». Более двадцати лет стоите Вы перед поколением, к которому я принадлежу, как дорогое всем русским имя, в ряде других дорогих нам имен. Толстой, Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Тургенев, Гоголь, Федор Сологуб были, есть и будут всегда нашими учителями. Нашему поколению, Федор Кузмич, Вы особенно дороги сочетанием смелости, полета, «новых путей», которые Вы открыли нам, с лучшими традициями великой русской литературы. Вы дороги нам, как строгий страж заветов искусства, стойко отстаивавший и отстаивающий лучшие традиции литературной чести и литературной порядочности. Вы для нас самой судьбой избранный третейский судья в вопросах нашей литературной злободневности. Вы близки нам не как художник только, но и как всем дорогой, необходимый Человек в высшем значении этого Слова (Чело Века). Вы – «*мэтр*» формы и стиля – еще и учитель наш в дорогом, незабвеннейшем смысле этого слова. Бесконечно дорогой, любимый, уважаемый Федор Кузмич, позвольте мне, Вашему старинному почитателю, во многом ученику, пожать заочно Вам руку, и просто обнять Вас и пожелать в этот радостный для всей русской литературы день еще долгого, плодотворного труда.

Андрей Белый.
Москва. 26 января 24 года.

В архиве Белого сохранился и другой составленный им текст юбилейного приветствия Сологубу – от имени Вольной Философской Ассоциации (Там же. Л.1-2).

Черновой набросок приветственного слова от имени «*Вольфилы*»
Глубокоуважаемый Федор Кузмич,

Сегодня – радостный для нас день; сегодня мы все, собравшиеся для чествования Вас, а также отсутствующие, чествуем в Вашем имени одного из замечательнейших русских художников; мы выговариваем слова любви и благодарности нашему любимому поэту, писателю, драматургу, мыслителю; года нашего развития шли под знаками новых горизонтов сознания, мысли, культуры; и сколько раз Вы Вашей правдой писателя, Вашим чутким художественным сознанием открывали нам эти новые горизонты; дорогое для нас имя, – «*Федор Сологуб*», – оно стоит на рубеже двух великих эпох; оно вплетено во внутреннюю биографию каждого русского, сознательно относящегося к фактам культуры русской.

Художники суть выразители коллективов, индивидуально воплощающие в себя то, что является предметом томления и искания многих; и потому-то они – соединители отдельных сознаний в новые коллективы; они приближают к нам правду грядущего, показывая ее неясные контуры в формах и образах «*Творимой легенды*». Сколько тысяч сознаний сплетены Вами! Сколькие перекликаются бессознательно друг с другом под знаком «Федора Сологуба»! Художники, такие, как Вы, суть конкретные философы; они ассоциируют сознания многих вокруг еще не до конца вскрытой жизненной философии (той или этой); и только потом уже приходят отвлеченные философы и подыскивают отвлеченные формулы определения всего того, что живомыслием своих образов ставят художники, подобные Вам, перед сознанием нашим. Художники, такие как Вы, чистейшими образами своего искусства приподымают завесу над будущим царством свободы; свобода нам ведома в царстве необходимости, потому, что искусство – нам ведомо; высочайшие образы искусства обещают нам «*покой и волю*»: они – естественные выразители свободы воли в терминах имагинативного мира, т.е. конкретной философии; и во имя этой конкретной философии жизни они образуют естественно как бы некие «*вольные философские ассоциации*», в которых каждый чувствует себя хоть одною частью сознания в стране грядущей свободы, свободного разума, свободной и братской любви, образующей симфонии сердец. И вот сегодня звучит эта симфония, непроизвольно возникшая вокруг всем нам дорогого имени. Звучит – «Федор Сологуб». Вы – естественный композитор этой новой симфонии. Вы, давший нам столько прекрасных «легенд» действительности, стоите перед нами, как воплощенная, сотворенная легенда, потому что Вы один из немногих подлинных творцов мифа о жизни и смерти, о свободе и необходимости. И мы нашей волей, нашими сердцами (нашей ассоциацией во имя Вас), нашими мыслями (любомудрием нашим) покрываем Вас, как неким лавровым венком.

Вот почему Вольная Философская Ассоциация счастлива, что она сегодня стала «*вольной философской ассоциацией*», чествующей свою живую легенду, «Федора Сологуба». Она счастлива, что своей волей, своими чувствами, своими мыслями присутствующие и отсутствующие ее члены, участники сплетают – волей, мыслью и чувством – свой скромный венок – Вам.

Позвольте же, дорогой Федор Кузмич, выразить Вам от имени Вольной Философской Ассоциации еще раз живейшую благодарность за все то, что Вы дали нам, и за все то, что Вы еще нам дадите.

Андрей Белый.

Москва.

Подпись Белого имеется и на приветственном адресе Ф.Сологубу от Всероссийского Союза Поэтов (*ИРЛИ*. Ф.289. Оп.6. Ед.хр.125).

[3] Поездка состоялась позднее намеченного срока (см. ниже, п.141).

140. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
28 января 1924 г. Детское Село.

28 января 1924. Ц<арское> С<ело>.
Колпинская, 20.

Милый и сердечно любимый Борис Николаевич,

– писал я Вам две недели тому назад с оказией (послал письмо и книги), писал неделю тому назад (послал заказным)[1]; наконец сегодня, пользуясь нездоровьем и свободным днем, хочу написать Вам еще раз менее спешное письмо, чем два предыдущие. Хотя, по правде сказать, спешно или не спешно пиши – письмо есть письмо: много ли в нем скажешь? Не буду поэтому писать Вам ни о Вольфиле, еженедельно продолжающей по два заседания[2], ни о Вашей предполагаемой статье («Ритмический жест такого-то стихотворения такого-то автора»), о чем писал в предыдущих письмах, ни о юбилее Сологуба, который (юбилей, а не Сологуб) отложен на 11 февраля. А вот скажу то, о чем думал все неделю: смерть Ленина[3]. Я думал: как интересно жить в истоках мифа. Географы и путешественники десятилетиями (– столетиями!), преодолевая страшные трудности, открывают и наносят на пространственную карту истоки Белого и Голубого Нила, вытекающего из гор блаженной Эфиопии. И что же? Вместо былой блаженной Эфиопии – на деле оказываются болота или горные родники экваториальной Африки. А для истории, во времени – наоборот: самый обыкновенный родник, самое обычное болото оказываются для потомства блаженной Эфиопией, населенной полу-богами, бессмертными героями. А мы живем в этой стране мифа – и даже не подозреваем об этом.

Ленин – не болото, и не родник, но уже миф. Он – символ конца петровского периода русской истории; более того – символ конца наполеоновского, послереволюционного периода истории европейской. Переименование Петербурга в Ленинград[4] – безвкусно и никчемно, – так же нелепо, как Петру было бы переименовывать Москву в Петербург. Новые города, также как и новую жизнь, не переименовывают, а строят. Но вот памятник Ленину надо бы поставить рядом с Адмиралтейством, по другую сторону площади, где стоит памятник Петру[5]. На одной площади были бы тогда два символа – начала и конца петербургского периода истории. Символ не считается с тем, каков был человек. Пусть Петр был таким выродженцем, каким его довольно плоско и малоталантливо нарисовал в одном из рассказов Пильняк[6]; миф о Петре от этого не потерпел ущерба. А история живет мифом. Чем был в жизни Ленин – все равно. История будет жить легендой о Ленине. И рядом с Медным Всадником – место Каменному Автомобилисту или Деревянному Летуну – не знаю, как новое искусство через пятьдесят лет разрешит задачу, гениально разрешенную Фальконе через пятьдесят лет после смерти Петра.

Мы не доживем до реализации легенды, – и не надо; достаточно сознавать ее значение, живя у истока мифа. Здесь, в городах, в кабинетах мы плохо понимаем колоссальность того стихийного сдвига, который произошел в России, и который, несмотря на все тормоза нэпизма, бюрократизма, канцеляризма, продолжает сказываться везде и во всем. Но с мест слышишь вести, не оставляющие места («с мест... места» – очень плохо, да уж извините) для уныния. Вот вчера, например, я несколько

часов слушал рассказ деятеля одного из глухих провинциальных университетов о молодежи, о «рабфаковцах», о переполненных аудиториях – по 500 человек, и это в глухой провинциальной дыре! – об упорной работе мысли, о новых поисках и исканиях. И вся эта молодежь – от мужика, от рабочего. Говорят: мужик не сдвинулся. Мужик никогда не сдвигался, вот уже тысяча лет. Мужик не обрил бороды при Петре, мужик останется при своем укладе и после Ленина. Но за эти двести лет Россия пережила целый период своей истории, и еще какой! Мужик – земля, а земля никуда не сдвигается; да зато на ней растут поколения, творящие новую историю.

Это все я думал, читая Ваше письмо о Шарлоттенграде, о Европе вообще[7]. Без всякого мессианизма, без всякого национализма мы ведь знаем: их день – вчера, наш – завтра. Наше сегодня было в 1917–1921 году (конец революции – март 1921 года)[8]. Блок счастлив, что умер тогда, так как до нашего завтра мы не доживем. Но ведь и не в нас дело: «была бы жива Россия»...

Все это я пишу к тому, милый Борис Николаевич, чтобы Вы не истолковали неверно (в пессимистическом освещении) прежних моих писем. Пессимизм у меня личный – я очень болен, живу трудно, одним словом – плоть немощна, дух же бодр. И очень меня порадовали Ваши письма, в которых я вижу бодрость духа и свежесть чувств. Тяжко жить под давлением десятка атмосфер, – они тебя расплющивают, да ведь только физически, а не духовно. Духовно же – e pur si muove[9].

Теперь о другом. Здесь было получено письмо от Е.Ф.Книпович (очень милая девушка, немного par trop* декадентизирующая Блока и символизм, я бы сказал даже – зашибленная Блоком, но очень милая и верная)[10]. Она пишет, между прочим, что в конце февраля Вы собираетесь в Питер. Неужели? И верится, и не верится. Только помните, что кроме февраля – за Вами еще месяца два летнего, весеннего или осеннего отдыха в Царском Селе.

Кстати, о Петербурге. Здесь разошлись слухи о Вашем «Петербурге» для сцены[11]. Гайдебуров («Передвижной Театр»)[12] просил меня написать Вам, передать его просьбу – дать эту вещь для его театра. Он напишет Вам лично, если узнает, что Вы в принципе ничего не имеете против его просьбы. Тогда Вашу февральскую поездку можно было бы совместить с зачитыванием «Петербурга» в Передвижном Театре (– и еще раньше – в Вольфиле!).

Большое письмо не клеится у меня сегодня: нездоровится и в голове туман. Поэтому сокращу его, и только на всякий случай повторю о тех делах, которыми я наполнил два предыдущие письма и которыми изрядно надоел Вам. Первое было о юбилее Сологуба. Весь январь прошел у меня в заседаниях «юбилейного комитета». Всякий юбилей – скука и глупость для юбиляра, но, быть может, по нынешним временам особенно нужная вещь для «публики». Всякая связь «писателя» с «читателем» теперь почти окончательно утрачена, а о писателе читателю иногда не мешает напомнить. Тем более о таком большом писателе, таком одиноком и теперь таком отрешенном и несчастном. Вольфила затеяла это чествование, передала его в руки юбилейного комитета и Союза Писателей; от Вольфилы будет краткое слово. Если бы и от Вас пришло слово – мы зачитали бы его, если бы оно было от председателя Вольфилы, или зачитал бы его Аким Волынский (как председатель юбилейного комитета)[13], если бы оно было от Вас помимо Вольфилы, как от Б.Н.Бугаева – Андрея Белого. Юбилей отложен на 11 февраля, почти на две недели; время еще есть[14].

Второе дело было о статье (любой!) для «Критического сборника» под моей редакцией. Из готового материала «Стиховедения» Вы могли бы скоро прислать статью, а гонорар, 5-10 червонцев, немедленно был бы уплачен Вам в Москве.

Вот два дела, о которых я Вам писал. Фу, надоел! Сам чувствую, – и больше не буду, что бы Вы ни ответили: basta!

Только что приехал в Петербург и провел у нас в Царском Селе две ночи Е.Г.Лундберг[15]; все две ночи рассказывал о Берлине: право же, нет гаже места на земле (разве Париж?) и ссылать туда надо, как высшую меру наказания. Слава Богу, что Вы вырвались оттуда и в Москве. Как ни трудно нам в России, да все-таки – в России; перемелется – мука́ будет для новых поколений, хотя бы для нас была впереди только одна му́ка. А для нас другого я не жду. Жития нашего дни будут болезнен-

---

* *чересчур (фр.)*

ны, беспокаянны, но строги и бесстрашны. Прошлого жаль (прошлого 1917–1921 гг.!), от жизни жду многого, хотя и не для себя.

Ну, будет. Рассудят нас те, которые придут после нас. А пока будем жить и работать. Перед Вами еще работы на годы: тома «Начала века», тома «Эпопеи»... Здоровья Вам и бодрости, крепости душевной. А меня – не забывайте; сердечно Вас люблю.

Привет от Варвары Николаевны. Приезжайте, пишите, вспоминайте.

Обнимаю Вас крепко.

Искренно любящий Р.Иванов.

[1] См. п.137, 138.

[2] См. сведения о заседаниях, состоявшихся в январе 1924 г., в обзоре Е.В.Ивановой «Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С.60).

[3] В.И.Ленин умер 21 января 1924 г., 27 января гроб с его телом был установлен во временном Мавзолее. Подробнее см.: Тумаркин Нина. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997. С.126-150.

[4] Указ о переименовании Петрограда в Ленинград был принят Вторым Всесоюзным съездом Советов 26 января 1924 г.

[5] Подразумевается памятник Петру I работы Этьена-Мориса Фальконе (1716–1791) на Сенатской площади («Медный всадник»), открытый в 1782 г.

[6] Имеется в виду рассказ «Его Величество Kneeb Piter Komandor» (1919), впервые опубликованный (под заглавием «Рассказ о Петре») в сборнике рассказов Бориса Пильняка «Быльё» (М., 1920) и вошедший в его книгу «Повесть петербургская, или Святой-камень-город» (М.; Берлин, 1922). См.: Пильняк Б. Сочинения. В 3 т. М., 1994. Т.1. С.424-446.

[7] Имеется в виду п.136.

[8] Вероятно, эта датировка связана с временем проведения X съезда РКП(б) (8–16 марта 1921 г.), принявшего решение о переходе к новой экономической политике (нэпу).

[9] «А все-таки вертится» (*ит.*) – восклицание, приписываемое Г.Галилею; согласно легендарному рассказу, Галилей, вынужденный судом инквизиции отречься от «ереси» – учения Коперника о вращении Земли, потом произнес эти слова.

[10] Е.Ф.Книпович (см. примеч.2 к п.131) близко общалась с Блоком в последние годы жизни поэта (см.: Книпович Е. Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987).

[11] См. п.136, примеч.8.

[12] Павел Павлович Гайдебуров (1877–1960) – актер, режиссер, театральный деятель; основатель Общедоступного и Передвижного театров в Петербурге.

[13] Литературный критик и теоретик искусства Аким Львович Волынский (наст. имя Хаим Лейбович Флексер, 1861–1926), будучи в 1890-е гг. одним из руководителей журнала «Северный Вестник», способствовал вхождению Сологуба в литературу; в «Привете Феодору Сологубу» по случаю его юбилея он писал: «Примите, дорогой друг, приветствие от вашего литературного крестного отца. Мне выпало на долю дать вам псевдоним, который прославил вас в литературе. Если не ошибаюсь, я был и первым вашим чрезвычайно сочувственным, почти восторженным рецензентом. Тридцать лет тому назад я отметил на страницах “Северного Вестника” ваш выдающийся поэтический талант. Но и сейчас я возглашаю примат поэзии, примат чистого искусства, во всем вашем литературном творчестве» (*ИРЛИ*. Ф.289. Оп.6. Ед. хр.122).

[14] В архиве Ф.Сологуба хранится большая подборка материалов, относящихся к его юбилейному чествованию (*ИРЛИ*. Ф.289. Оп.6. Ед.хр.114-171), в их числе – приветствия от групп петербургских и московских поэтов, от Отделения русского языка и словесности Академии наук, Академии Художеств, Пушкинского Дома, издательств «Алконост», «Всемирная литература», «Мысль», «Петроград», «Полярная Звезда», от Всероссийского Союза Писателей, Всероссийского Союза Поэтов, объединения «Вечера Случевского» и других обществ, учреждений и организаций, приветственные письма от И.А.Гриневской, Е.П.Казанович, Б.Г.Каплуна, С.А.Полякова, И.С.Рукавишникова, А.П.Чапыгина, К.И.Чуковского, Г.И.Чулкова и т.д.; там же (ед.хр.114) – афиша (отпечатанная тиражом 300 экз.):

Государственн. Академическ. Драматический театр
(бывш. Александринский)
В Понедельник, 11-го Февраля 1924 года
состоится
юбилейное чествование
ФЕДОРА СОЛОГУБА
по случаю сорокалетия его литературной деятельности

I А.Л.Волынский – слово о Ф.К.Сологубе
Е.И.Замятин – о прозе Федора Сологуба
Анна Ахматова – Петербургские поэты – Федору Сологубу
Б.М.Эйхенбаум – Поэзия Федора Сологуба

II Приветствия юбиляру
III Концертное отделение посвященное Федору Сологубу
Участв.: С.В.Акимова, М.И.Бриан, М.А.Ведринская, С.О.Давыдова, Е.И.Талонкина, О.В.Тарковская, М.Б.Тойман, В.Л.Юренева, М.А.Бихтер, Л.С.Вивьен, Б.А.Горин-Горяинов, П.И.Лешков, Е.Г.Ольховский и В.Г.Шушлин.
Начало в 8 ч. вечера.

[15] Е.Г.Лундберг известил Конст. Эрберга о своем возвращении из Берлина письмом от 18 декабря 1923 г.: «...приехал в Москву на несколько недель, хочу быть и в Птбге <...> Вы, как и Р.В., не отвечали на мои письма злостно и упорно, когда я был в Берлине, м<ожет> б<ыть> хотя теперь отзоветесь?» (*ИРЛИ*. Ф.474. Ед.хр.184).

141. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
6 февраля 1924 г. Москва[1].

Москва. 6-го февраля. 24 года.

Милый и бесконечно близкий мне Разумник Васильевич,

Все не писал Вам за это время, потому что думал вместо письма лично явиться к Вам февраля 2-3<-го> на несколько всего дней: устроители моих лекций собираются устроить и у Вас лекции; но всё возня с Вашей цензурой: точного разрешения до сей поры нет; оттого-то теперь лекции откладываются на 14 и 16<-е>, а если и к этому сроку разрешения не будет, то мне нельзя будет ехать, ибо 19<-го> вечер писателей в Москве, а 24<-го> моя лекция в Киеве[2]. Из этого Вы видите, дорогой Разумник Васильевич, что я сериозно погружен в лекционную эпопею, но – увы – совсем не с той точки зрения подхожу я к лекциям, с какой можно было бы думать: ничего сказать мне нельзя, и все усилия мои сводятся к тому, чтобы чего бы нибудь *не сказать*: мучительное положение; на моей лекции в Москве я испытывал муки Тантала[3]; надо было ухитриться наполнить 2 часа словесной болтовней *ни о чем*, видеть недоумение собравшейся аудитории (увы, наивной!), думавшей, что Андрей Белый говорит свои заветные думы, и увидавшей только пустого болтуна; да, все мои нынешние и будущие выступления после всех цензур и экзаменов обречены быть пустым плясанием на кафедре – в мешке... А жаль: на моей московской лекции было не менее 1500 человек, – всё молодежь: дикая, малокультурная, но – живая, и, увы, не подозревающая о тех муках, которые испытывает лектор. Вы меня спросите, – почему же я читаю: а – на что жить? Мне надо писать еще 2 тома «*Начала Века*» (50 печ<атных> листов)[4], оплата которых 1) проблематична, 2) минимальна; на это прожить в России нельзя; печататься же мне – тоже нельзя; и вот остается одно: отмучиться месяца полтора и заработать себе право работать над своим прямым детищем; я связался с устроителями, [чтобы,] заработавши червонцев 50, до осени почувствовать свободу работы...

Все, что Вы пишете о Ленине, ставшем «*мифом*», верно: мы не учитываем грандиозности того, что происходит в мире. Москва представляла собой в дни похорон невиданное зрелище... А жест остановки движения по всей России, а ревы гудков по всей России?[5] Лица, бывшие у гроба Ленина, возвращались потрясенные; все было так устроено, чтобы вызывать впечатления физического бессмертия; с людьми делалась истерика у гроба... А обелиск, внутри которого можно будет еще долго видеть лицо Ленина, – разве это не напоминает все о каком-то новом культе; не вступаем ли

мы в какой-то новый период, подобный периоду египетскому (воздвижением пирамид и т.д.)... Да, – остается с удивлением смотреть на события мировой жизни, стараясь вычитывать из них еще новые шифры; кажется, – сознанием измерил и взвесил тот или другой факт; и – ан нет: после всех поправок, составленных формул, после введения в них все новых и новых коэффициентов, остается что-то *не учтенное*... С точки зрения какой логики и какой философии коммунизма, например, Троцкий в своей книге о литературе (где нам с Вами так достается)[6] позволяет себе фразы о том, что человек должен овладеть своими собственными физиологическими процессами и всем подсознанием? Не с точки ли зрения *примата сознания* подобные фразы допустимы? Когда он предлагает взять человеку в свои руки процессы наследственности, то – что остается делать доброму материалисту, последователю Дарвина?[7] Или, – что означает фраза Стеклова, что Ленина можно сравнить только с Демиургом, создателем Вселенной?[8] Наши водители договариваются до геркулесовых столбов индивидуализма и антропотеизма, или не замечая этого, или, наоборот, сознательно пуская в атаку легкую кавалерию предварительных *аллегорических* терминов, чтобы лишь потом в аллегории вложить уже не аллегорический смысл. Но долго-долго придется ждать революции духовной; она произойдет в современном правительстве не прежде, чем последний рядовой коммунист будет вынужден сказать вместе с Троцким, что пора практически заняться взятием в свои руки своего собственного подсознания, т.е. прежде всего разглядеть подсознание коммунизма.

Нас уже не будет в то время...

Да, теперь воочию вижу, до чего изменились за эти 2 года условия жизни в России; прежде, бывало, было раздражение, что внешние условия не позволяют работать над своими заданиями; самое раздражение вызывалось утопией возможности писать для кого бы то ни было; теперь нет иллюзий; знаешь, что все то, что будет тобою написано в ближайшие 10-15 лет (с величайшим трудом, в борьбе с внешними усилиями сорвать работу), будет где-то лежать под спудом; и, в лучшем случае, удастся спрятать до какого-то будущего дня, которого не увидишь; и все, что тобою будет сказано вслух, будет сознательно глухо, немо и косно... Хоть ставь крест: чудовищный гнет над словом и писанием!.. И странно: этого чудовищного гнета не чувствуешь, когда миришься с фактом невозможности тебе быть писателем. Остается катакомба: работай над собой, осуществляй «*лозунг Троцкого*»[9], работай с несколькими друзьями в естественно сложившейся катакомбе, тебя без усилия с твоей стороны опускающей на годы под землю. И приходится еще быть благодарным, что эту катакомбу тебе не приходится искусственно рыть; она – вырыта за тебя...

У меня сейчас в России странное чувство: *amor fati*[10]; ведь на Западе мне было так тяжело; ведь я ехать *умирать* в Россию, к «*милому пределу*»[11], и готов на все здесь; и не нужны мне никакие роскоши – там, на Западе... Я не говорю уже о россиянах, там живущих: несчастные, – они сознательно живут на «*хлебах*» у чужих, их не понимающих; лучше просить милостыню в своей стране, лучше в своей стране претерпевать какие угодно узы, чем томиться в берлинских или парижских «*кабаках*», как это делают все. Дорогой Разумник Васильевич, – я не националист; но впервые *до дна* понял я за эти 2 года жизни на Западе, что нам в самом для нас нужном там учиться нечему; там можно учиться предпоследнему, а наша сила – в «*последнем*», в «*окончательном*»; потенции нового человека – у нас. И за счастье ощущать трепет еще «*утробной жизни*» Нового Человека в России я готов претерпевать все. Когда во мне подымается теперь досада на то или иное, я себе говорю: «Ты сам себе поволил все это: тебе ничего не оставалось, как только ехать в Россию». И когда от мысли о невозможности того-то и того-то я перехожу к мысли, что я живу под Москвой, что в окна моего дома смотрит «Девичий Монастырь», что где-то близко за Москвою-рекою живет родной мне человек, К.Н.Васильева[12], что я иногда ночую у С.М.Соловьева и Ниленлера, что весною, летом, или к осени я проведу 2 месяца с Вами, в Детском Селе, будем посиживать у самовара и задумываться о судьбах Вольфилы, меня охватывает безумная радость, потому что я окончательно осознал, что моя жизнь есть жизнь вместе с немногими друзьями, немногими вольфильцами, немногими московскими антропософами; и я чувствую, что это «*немногое*» – очень, очень много; что это – не «*pars*» (пусть весь внешний мир только «*pars*»), а потенциально весь «*totum*»[13], что будет время, когда внутреннее станет внешним; и totum

станет – *Totum'ом*. Вера у меня огромная, такая, что порою я начинаю чувствовать в себе что-то «*демиургическое*»: чувствую, как в крови, в нервах струятся Силы Мира: Мысли Мира, Чувства Мира; и эти Мысли и Чувства суть подлинно не мои, а того маленького *Totum'а*, из которого восстанет Вселенная.

Дорогой Разумник Васильевич, – не странно ли все, не непонятно ли все? Я когда-то, в эпоху начала символизма жил с чувством, что «*великое будущее*» приближается, жил с чувством, что «*серенькие, понятные будни*» – кругом; будущее казалось «*непонятным, великим*»; и это будущее пришло; и оно не обмануло; оно, может быть, иному будет казаться и мрачным, но оно – «велико»: живешь в «*великом настоящем*»; это – факт; но оттого, что оно настало, оно не стало понятнее, а наоборот: оно стало – *непонятнее*; и все «*непонятные*» мысли об этом будущем 20 лет назад оказались пред «*непонятностью великого настоящего*» – понятными, чуть ли не трезвыми; когда, бывало, говоришь: «*Надвигается апокалиптическая эпоха*», – то думаешь, что *maximum* непонятности выражен словом «*апокалиптическая*»; а теперь сказать «*апокалиптическая эпоха*» – понятный трюизм; и не то непонятно в настоящем, что это настоящее «*апокалиптично*», а нечто другое, что не поддается рациональному истолкованию хотя бы при помощи «*мистических*» терминов; мистичность каждого дня такова, что даже квалификация этого дня, как «*мистический*» день, вызывает одну тошнотворную скуку; чувствуешь, что все существующие социологические, философские, религиозные и мистические определения суть определения с точностью до *0,1*, а ищешь определений с точностью до *0,001*; «*мистицизм*» наш стал очень и очень требователен, эмпиричен, конкретен, я бы сказал, естественно-научен; он взывает к скрупулезному описанию обстоящей нас «*невнятицы великого сегодня*»; и даже описывать еще не умеем мы, ибо описание предполагает систему описанию, а со всем *систематическим* у нас произошел крах; так что *maximum* точности, научности описания взывает, быть может, к умению выпрыгнуть из *систематического* вовсе; и начать описывать несистематическими конгломератами кое-как нагроможденных фактов сознания конгломераты фактов бытия. Так, например, когда я пытаюсь в себе вызвать те факты сознания, которые мое самосознание отметило, то получается великая абракадабра; я начинаю перелистывать записную книжку своей памяти; и – там стоит: 1) Лето. Гарцбург. Какая ужасная стужа! Брокен, гора ведьм, повит такими странными тучами, что начинаешь думать: будет потоп, или новый ледниковый период; несомненно мировые судороги народов ушли в землю; и надо ждать громадных судорог земли. 2) Лето. Гарцбург (через несколько дней после отметки памятью странного лета и странных туч над Брокеном). Газеты пишут о том, что охлаждение вызвано огромным, небывалым скоплением льдов у Гренляндии. Опять мысли о бунтующей планете: конек, на котором скачет человечество, что-то стал брыкаться. 3) Лето. Гарцбург. Представилось, как Рюбецаль, выйдя из земли, огромным исполином стоит надо всем Гарцбургом и угрожает страшными земными катаклизмами[14]; вспомнились слова Ивана Николаевича Ракитского (художник, живущий вместе с Горьким)[15], что где-то скоро будет небывалое землетрясение (И.Н. иногда предсказывает и останавливает кровь, что подтверждает и Горький). 4) Альбек. Начало осени. Странные происшествия, напоминающие происшествия, описанные в «*Записках Чудака*» (лондонский сёр)[16]; мысли о *сёре* и о том, что все данные думать, что он позлел <?>. 5) Осень. Берлин. Наблюдение над тем, как в несколько дней я превратился из немецкого миллионера в крупного миллиардера с возможностью стать биллионером и триллионером и без возможности тем не менее себе купить шубу для России. Чудовищное землетрясение: Япония в несколько минут выведена из строя великих держав. Ага! Иван Николаич Ракитский был прав: и справедливые суждения высказывал со мной в Гарцбурге повстречавшийся Рюбецаль. 6) Москва. Поздняя осень. Хождение по слякоти и талому снегу за Дорогомилово и обсуждение странных московских слухов о том, что во мгновение ока изменится дно океанов и вся Россия опустится на дно морское; москвичи сериозно боялись потопа перед Рождеством, осведомлялись, сколько футов имеет московский уровень над уровнем моря, иные убежденно доказывали, что море дойдет лишь до Москвы и нас ожидают все преимущества морского порта, а вот петербуржцев – жаль: они пойдут ко дну... (Сериозно: интеллигентные люди так рассуждали и ждали потопа: теперь, почему-то, ждут северного сияния). А я, переправляясь через замерзшую Москву в 10°-ный мороз, с изумлением констати-

ровал, что вода из-под льда выступает. Газеты приносили известия о наводнениях в Париже, о поднятии уровня рек во Франции и небывалых штормах на Черном море. 7) Второе землетрясение в Японии (не везет бедной!). 8) На праздниках жили инцидентом с Троцким[17], борьбой с оппозицией: читали от доски до доски отчеты о заседаниях ВЦИК'а. 9) Умер Ленин. И первая половина «*Петербурга*» провалилась (вторая половина «*бург*» провалилась в день, когда «*Петербург*» стал «*Петроград*»); восстал к жизни *Ленинград*. В момент похорон Ленина, когда по всей России проревели гудки («*очень красивый, жуткий звук*»), я нарочно вышел из дому послушать; и подумал: «*Здоровое сотрясеньице воздуха; воздушная атмосфера не может не дать отклика на подобное сотрясение, например... ураганчиком... этим летом...*». Признание Англией *СССР*'а![18] Но, довольно, Разумник Васильевич, я чувствую, что впадаю в стиль резвости, а отметки сознания моего за последнее полугодие напоминают – *великую абракадабру*; именно: в *абракадабре* сознания иногда *тщетно тщится*[19] самосознание ухватить глазом, слухом, обонянием и осязанием те пока ускальзывающие связи между внешнейшими событиями политической, экономической, биологической, метериологической* и космической жизни, с одной стороны, и субъективнейшими образами, мифами сознания, возникающими в душе непроизвольно. Время мифизирует события и людей; уже Ленин стал «*мифом*» – непроизвольно; недавно прочел в тесном кругу друзей лекцию о поэзии Блока[20]; и мне сказали: «Вы из Блока сделали *миф*» (я этого не помышлял: я лишь анализировал образы Блока). Что делать, – «*мифы*» выпираются самою землею вокруг нас; у Чехова сказано: «Он ахнуть не успел, как на него медведь насел»[21]. Теперь сказали бы: «Он ахнуть не успел, как "*миф*" уже созрел» (простите за плоскость!)...

Да, у меня впечатление, – очень странное: кончился аристотелевский период истории; до Аристотеля, т.е. до Александра Великого[22], открывающего александрийский период культуры, тянувшийся до... крушения гуманизма, история была непонятна, *невнятна*; она была «*Парок... лепетанье*»[23]; в начале нашей эры (I-ый век) аристотелиански-александрийский период, иль синтез невнятиц былого, стал *тезою* периода нового; новый период – в превращении синтеза, покоющегося на когда-то описанных фактах (а факт – невнятен всегда), в sui generis «*вещь в себе*»; «*вещью в себе*» стало понятие о *единстве* (подмена *целого* понятием *единства*); этот *понятийный* смысл *единства*, как такового, чрез Imperium Romanum и философию Плотина аристотелически стал вскрываться в поздний период схоластики; антитезою явился гуманизм (антропизм) от Возрождения до наших дней; XIX век – схватки *тезы* (схоластики) с *антитезою* (гуманизмом); орудием схоластического рассмотрения *внешнего мира* (явлений истории, космоса – материализм) явилась наука этого периода (т.е. от Аристотеля до... скажем, Эйнштейна); орудием гуманистического рассмотрения внутреннего мира построен стиль былых наук о культуре (деление Риккерта–Виндельбанда)[24]; и гуманизм, и научный методологизм *аристотеличны* (в смысле позднейшего истолкования Аристотеля); так что: *аристотелианством* этого периода я называю рационализацию александрийского синтеза (и в государственном отношении: Александрово царство – момент иррациональности в государственном синтезе); начало рационализации этого момента – Imperium Romanum (век Августа); распадение на империи, и далее, возобновление Imperium'а Карлом на западе[25], борьба императоров и пап – только моменты продолжающейся рационализации: рационализируется небо, рационализируется внешняя и внутренняя природа; французская революция, начавшаяся в энциклопедистах и продолжившаяся в рационализации прав гражданина (не человека в целом, а «*субъекта*» права), даже провозглашение религии Разума (предвосхищенный «*контизм*»)[26], позитивизм, неокантианство, научный методологизм – завершение внешне понятого *аристотелизма*; кризис аристотелизма и критицизма – критический символизм, обусловливающий право на «*новый миф*», т.е. на право быть иррациональным; после хартии вольности должно было ждать самого появления этой вольности уже не в отвлеченном сознании волящих, а в волимом, *в мире*, *в обстании*; и тут – «*он ахнуть не успел, как... миф уже поспел*»; говорили о мифе, ждали мифа; и... «*миф*» пришел; и многие, волившие «*миф*» – разбились о «миф»... Кризис же гуманизма себя обнаружил в ниспровержении «*субъекта*»

* *Так в автографе.*

либерального права; право разбилось о... право сильного (отдельного или... «*класса*»); но разбитие рационалистических скорлуп *тезы* и *антитезы* александринизма и аристотелизма (гуманизма и софизма) должны выявить синтез (в моем смысле «*символ*») александрийской культуры, т.е. конец этой культуры, ибо воплощение синтеза, как целостно положенного всего предыдущего, уничтожает отдельности этого предыдущего (отдельности – отдельны лишь в *ratio*, анализирующем, отделяющем их друг от друга); выявление синтеза – ликвидация тезы и антитезы (т.е. кризис софизма и гуманизма); мы вступили (не сердитесь на меня – тут говорит не *pars*, а *стиль* подхода к Totum'у: вне *стиля* в настоящее время еще пока не подойдешь) – мы вступили в антропософический период культуры, т.е. в двояко-катастрофический; под взглядом «*антропо-*» рушится все «*софическое*»; под взглядом «*-софического*» рушится «*антропо-*»; лишь возведя разруху в квадрат, мы способны обнять *целое* из-под обломков; пока же определение этого *целого* сквозь призму старых «*-измов*» – совершеннейший «*без-изм-изм*»; а попросту говоря – «непонятность»; «*непонятность*» человека, «*непонятность*» мира; «*непонятность*» исторического процесса; и эту непонятность (детским лепетом) констатировал когда-то еще Дюбуа-Реймон: «Ignoramus et semper ignorabimus»[27]: 1) *движения* (т.е. схоластической жизни), 2) сознания (т.е. антропической жизни). Это «*незнание*» из высшего знания («-» на «-» = +) ложится в основу грядущего знания (знания из незнания); и вот нас начинает поражать по-«*новому*» некогда узнанное; например: все то, что я говорю в «*Кризисе Мысли*»[28], относится к главе этого нового узнания из «*неузнания старого знания*»; мысль в истории философии, о которой мы думали, что все знаем, показала себя, что она – не «*мысль*», а какая-то культура особых действий сознания (иоги, что ли?): мысль, как «*путь sui generis посвящения*» во что-то, к чему мы еще не подошли (но что – ни мысль, ни – не мысль) и чего, следовательно, всем нашим знанием не знаем (и вместе с тем знаем новым знанием о незнании, умением мужественно глядеть в глаза незнанию); мы кончаем лозунгом предшественника Аристотеля, Сократа («*Знаю, что ничего не знаю*»), вкладывая в этот лозунг диаметрально противоположный смысл; во время Сократа лозунг означал: «*Я не знаю всего того, что я узнаю от Платона и Аристотеля до... мировой войны и октябрьской революции* (скажем – так); *но я – узнаю: я буду все это знать...*» Теперь же лозунг («Я знаю, что я ничего не знаю») означает: «*все то, что я себе добыл, как знание из сократовского незнания, должно быть мною отдано незнанию*». И наоборот: «*предметом моего знания становится до-сократовский пульс, бьющийся в оболочке сократизма*». И – выступает проблема «*непонятности*», например, истории: *история стала опять непонятна*. Эти свои дикие, косолапые (сознательно) не мысле-высказывания, а мысле-бормотания (Парок лепетанье), мне не ясные до конца, я сплетаю с только что полученными в частном письме несколькими штрихами из лекций Штейнера при закладке нового Здания (вместо сгоревшего)[29]. Вот ход мыслей этих обрывочных штрихов. В Александре Великом по-новому звучит Гильгамеш[30]; неспроста был Аристотель его воспитателем; неспроста именно в эту эпоху сгорел храм Дианы Эфесской и вместе с ним (в нем) все подлинные тексты философа Гераклита Темного[31]. После пожара храма Дианы Эфесской из истории исчез Гераклит; и ключ, соединяющий Аристотеля с Гераклитом в тайне мистерий эфесских, утерян был (утерялся, с моей точки зрения, ключ к пониманию *темного* в ясном и ключ *ясности* в темном: произошло окончательное распадение древнего сознания на сознание в сократо-аристотеле-декарто-гегелевском смысле и на подсознание); не случайно, что на рубеже новой эры новый ненайденный Герострат сжигает новый храм; Гетеанум, развоплотившийся в огне, огнем соединяется с воздушною атмосферой Земли (как Эмпедокл некогда *огнем* соединился с землею)[32]; наступает *новая* эра: *кончился век ясности*; двумя пожарами он как бы отделен от неясного (прошлого и начинающегося); теперь отнялись ключи ясного понимания; но ключ к неясности (эсотеризму) передается как бы всем; мы идем как бы к нащупыванию новых мистерий, по-новому соединяющих Аристотеля и Гераклита (т.е. открывающих *темную глубину* ясной поверхности мысли с прояснением образами темной глубины древнего мифа). Характерно: по дошедшим сведениям, большинство прежних курсов для членов Штейнер отдает в печать *для всех*, как знак, что какая-то грань перейдена и что 1924 год открывается ритмом возможности чтения для всех того, что еще вчера было невозможно.

Дорогой Разумник Васильевич, – Вы не смотрите, что я сошел с ума; я просто делаю прыжки по неясному, ощупываю неясности, неясно бормочу о неясном: не выбормочется ли что-нибудь отсюда? Не выбормочется, – не беда; я ни за что не стою, я себя только спрашиваю, – что сие значит: «Нечто круглое, звонкое, хрупкое, с одной стороны – выгнутое слегка, с другой – вогнутое: до октябрьской революции "*оно*" называлось "*блюдечко*"; и не вызывало сомнений; "*блюдечко*" – как странно? Почему не "*окчедюлб*"? Ничего не понимаю и буду осторожен в употреблении названия...» И так же встречаю исторические события: «Вот *то*, что называется смертью Ленина, и во что не верят коммунисты, ибо говорят: "Все люди смертны, а один – бессмертен"». (Запретное слово «*дух*» не раз встречалось в советской печати: «*бессмертный дух Ленина*».) И так же встречаю слухи: «Говорят, – море подойдет к Москве». И говорю: «*Может быть, а может быть и нет*». Ведь пересадили же голову какого-то низшего позвоночного к туловищу другого низшего позвоночного; и стало быть: в будущем национализированным гениям под старость будут пересаживать головы; и голова будущего Гете будет бессмертно сидеть на энном количестве попеременно меняемых под ней декапитированных тел ради – «*блага коллективов*»; а вот какой-то русский физик, говорят, работает над спиральным движением и подбирается к достижению скоростей такой быстроты, в которой дематериализуется материя; как можем мы представить себе проведение на практике этих двух научных «*трезвых бредов*»? Я потому заговорил о блюдечке, что раз, сидя за столом у Горького[33] и беседуя с ним о том, что все – непонятно, я был изумлен жестом Горького, взявшего блюдечко, поставившего его перед собой и вперившегося в него с неподдельным изумлением, после чего он сказал очень странным голосом, показав на блюдечко пальцем и престранно мне подмигнув: «Блюдечко! Очень – странно. И – непонятно! А вот мы забываем. А надо бы всегда помнить, что "блюдечко" – очень странно». Да все – очень «*странно*»; и прежде всего очень странен был Горький в 1922–23 году, признававшийся мне, что с*О*бственн*О* г*О*в*О*ря, действительн*О*сти и нет в*О*все и что мы к ней придем, ее сделаем. В другой раз Горький предложил мне с величайшей сериозностью написать *благОвестие От Ондрея БелогО*, утверждая, что в этом нет ничего странного, что человек вступил в такую пору, что может (каждый!) написать благовестие от себя; страннее всего то, что Горький меня уверял, будто самая понятная и близкая ему книга изо всех моих книг – «*Записки Чудака*»; с Горьким в воспоминании соединяют меня моменты совместного удивления перед «*страннотою*», выступившей из всего. Горький – вот знамение времени; человек годы сидел в «*Знании*», и вдруг – тронулся: и пошел, пошел, пошел – в неизвестность, в странное, в непонятное (и не по линии «*-изма*» мистицизма, а по линии иррациональности самых основ рационально данного).

Дорогой Разумник Васильевич, – ужас что я Вам написал, ужас сколько: но – выпал тихий вечерок и захотелось с Вами поболтать так, как мы беседовали за чайным столом; представилось, что Вы рядом; и вместо связного, «*ответного*» письма я принялся выбалтывать то, что в данную минуту копошилось в сознании. Не обессудьте, – простите. В несуразности вываливания перед Вами материала данного состояния сознания моего сказалась только настоятельнейшая, горящая потребность личного общения с Вами «*вопреки всему*» и мысль, что это письмо повезет Вам в пятницу Книпович и, стало быть, «*бочку Данаид*» минует письмо. Я ведь не уверен, что попаду к Вам (цензура съест), а если и попаду, то лишь на 4-5 дней (2 дня будут съедены лекциями); переношу длительное свидание на лето. Получили ли Вы мое письмо к Федору Кузмичу (послано с Гольцевым)?[34] Написано впопыхах, чтобы попало к 28<-му>, и не допрочел в Вашем письме, что Вы просите от Вольфилы[35].

Что касается до статьи, то – вот ведь: охотно бы дал, материалу Бог знает сколько, но связал себя почти честным словом с Чеховым, что окончание «Петербурга» (драмы) будет представлено ему к 15 февралю (еще 5 ненаписанных сцен); и – только 4-5 дней на это[36]; далее: 12-го возможная лекция в Москве, 14-го и 16-го возможные лекции у Вас, в Ленинграде, 18-19<-го> вечер писателей в Москве[37], 21-го выезжаю в Киев: 24 и 28<-го> лекции в Киеве[38]; и так – когда же мне приняться за статью, коли до 1-го марта все дни заняты? После 1-го марта – свободен, но ведь тогда уже поздно? Может быть, не состоится ни одной лекции (все съест цензура), а может быть, состоятся все: тогда остается кряхтеть; 6 лекций, разъезды, – все это утомляет не количественно, а качественно, морально: 6 раз по 2 часа (12 часов) говорить с замком

на губах, двигаться и плясать в «*мешке*», говорить «*глупо*» и «*поверхностно*»; уже после московской лекции я был почти болен; так трудно она мне далась; с «*честью*» выйдя из положения, ставящего меня у границы «*бесчестия*», а 6 таких экзаменов, ведь после этого свалишься!!.. Милый, милый Разумник Васильевич, обрываю письмо. Обнимаю Вас крепко и сердечно. Ведь и лекции в Ленинграде я выдумал, главным образом, чтобы увидеться с Вами хоть мимолетно[39].

Остаюсь любящий Вас Б.Б.

Мой сердечный привет и уважение Варваре Николаевне.

[1] Ответ на п.140.

[2] Белый выехал в Ленинград 10 февраля, возвратился в Москву 20 февраля; в Ленинграде в Певческой капелле он прочел две лекции – «Одна из обителей царства теней» (14 февраля) и «Поэзия Блока» (18 февраля). См. воспоминания Д.Е.Максимова о первом из этих выступлений в очерке «О том, как я видел и слышал Андрея Белого. Зарисовки издали» (Максимов Д. Русские поэты начала века. Л., 1986. С.361-364).

[3] Речь идет о публичной лекции «Одна из обителей царства теней», прочитанной Белым в Театре имени Мейерхольда 14 января 1924 г. (*РД*. Л.117об.).

[4] Замысел продолжения «берлинской редакции» воспоминаний «Начало века» не был реализован (см. примеч.11 к п.129).

[5] В день прощания с телом Ленина (27 января 1924 г.) в 16 час. по всей стране на 5 минут было приостановлено всякое движение, произведен военный салют и прозвучали фабрично-заводские, паровозные и пароходные гудки.

[6] В книге Л.Д.Троцкого «Литература и революция» (М., 1923) резко отрицательной характеристике творчества Белого посвящен особый раздел (С.34-40); об Иванове-Разумнике идет речь попутно – в самом уничижительном тоне: «в стиле <...> какого-нибудь благочестивейшего левонароднического Иванова-Разумника», «имманентный идеалист, осторожненький, постненький популистик Разумник» и т.п. См.: Троцкий Л. Литература и революция. М., 1991. С.164, 194, 260, 271, 288-289.

[7] Подразумеваются следующие пассажи в книге Троцкого: «Человек примется наконец всерьез гармонизировать себя самого. <...> Он захочет овладеть полубессознательными, а затем и бессознательными процессами в собственном организме: дыханием, кровообращением, пищеварением, оплодотворением – и, в необходимых пределах, подчинит их контролю разума и воли. Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной. <...> Наконец, в наиболее глубоком и темном углу бессознательного, стихийного, подпочвенного затаилась природа самого человека. Не ясно ли, что сюда будут направлены величайшие усилия исследующей мысли и творческой инициативы? Не для того же род человеческий перестанет ползать на карачках перед богом, царями и капиталом, чтобы покорно склониться перед темными законами наследственности и слепого полового отбора!»; «Человек поставит себе целью овладеть собственными чувствами, поднять инстинкты на вершину сознательности, сделать их прозрачными, протянуть провода воли в подспудное и подпольное и тем самым поднять себя на новую ступень – создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно – сверхчеловека» (Там же. С.196, 197).

[8] Юрий Михайлович Стеклов (Нахамкис, 1873–1941) – публицист, партийный и государственный деятель, член президиума ВЦИК; с 1917 г. редактор «Известий». Указанная Белым фраза в статьях Стеклова памяти Ленина не обнаружена, однако в них встречаются сходные утверждения; так, в статье «Историческая фигура», проводя параллель между Лениным и Кромвелем, Робеспьером, Наполеоном, Стеклов заключает: «Те, другие, это холмы на исторической равнине. Ленин – это Монблан» (Известия. 1924. №21. 26 января); ср. его высказывания в статье «Могила Ленина»: «Ленин и мертвый продолжает стоять на посту и вечно будет из-за своей могилы говорить с людьми, призывая их к великому подвигу и борьбе. <...> Другие герои истории, в том числе легендарные основатели религий, бледнеют и уходят в туманную даль по мере развития и роста человечества. Фигуры таких людей, как Ленин, напротив, становятся все величественнее и ближе человечеству <...> Уже сейчас имя Ленина занесено в революционные святцы, как имя величайшего народного вождя, когда-либо выдвигавшегося историей» (Там же. №22. 27 января).

[9] Под лозунгом Троцкого подразумевается, скорее всего, заключительная фраза его статьи о творчестве Белого: «Белый – покойник, и ни в каком духе он не воскреснет» (Троцкий Л. Литература и революция. С.55). См. также примеч.3 к п.136.

[10] Любовь к судьбе (*лат.*); выражение восходит к книге Ф.Ницше «Веселая наука» («La gaya scienza», 1882) – кн.4-я, фрагмент 276: «Amor fati: пусть это будет отныне моей любовью!» (Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. М., 1990. Т.1. С.624).

[11] Образ из стихотворения А.С.Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829): «Но ближе к милому пределу / Мне всё б хотелось почивать».

[12] К.Н.Васильева проживала в доме 53 на Плющихе (на углу Долгого переулка).

[13] Обыгрывается выражение pars pro toto (*лат.*) – часть вместо целого. Totum (*лат.*) – целое.

[14] Рюбецаль (Rübezahl) – в германской низшей мифологии горный дух, воплощение горной непогоды и обвалов.

[15] Имеется в виду И.Н.Ракицкий (1883–1942) – художник, познакомившийся с М.Горьким в Коктебеле и живший затем в его доме; см. о нем в воспоминаниях В.М.Ходасевич «Таким я знала Горького» (Новый мир. 1968. №3. С.64).

[16] См.: Андрей Белый. Записки чудака. Т.2. М.; Берлин, 1922. С.19-59. Образ «сёра» («сэра») связан для Белого со стихотворением А.Блока «Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...» – с фразой: «*Пора смириться, сёр*» (Блок А. Собр. соч. В 8 т. М.; Л., 1960. Т.3. С.42).

[17] Имеется в виду направленное против партийного аппарата письмо Троцкого «Новый курс», опубликованное в «Правде» 11 декабря 1923 г. и ставшее предметом широкого обсуждения в печати и на собраниях.

[18] Установление дипломатических отношений между СССР и Великобританией состоялось 2-8 февраля 1924 г.

[19] Словосочетание из пародийной «Новогреческой песни» («Спит залив. Эллада дремлет...») Козьмы Пруткова: «Пока тщетно тщится мать / Сок гранаты выжимать...» (Козьма Прутков. Полн. собр. соч. («Библиотека поэта». Большая серия). М.; Л., 1965. С.83).

[20] Белый зафиксировал три лекции о Блоке «для интересующихся» («Александр Блок в проблеме духовной культуры»), прочитанные им 12 января, 18 января и 1 февраля 1924 г. (*РД*. Л.117об., 118).

[21] Реплика Соленого («Три сестры», действие 1-е), обыгрывающая цитату из басни И.А.Крылова «Крестьянин и Работник» (Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т.; Соч. в 18 т. М., 1978. Т.13. С.125, 464).

[22] Александр Македонский (356–323 до н.э.).

[23] «Парки бабье лепетанье» – строка из «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» (1830) А.С.Пушкина.

[24] Подразумеваются разграничения, констатируемые в методологии наук немецкими философами, крупнейшими представителями баденской школы неокантианства Вильгельмом Виндельбандом (1848–1915) и Генрихом Риккертом (1863–1936), между естественными (номотетическими) и историческими (идиографическими) науками – науками о природе и науками о культуре.

[25] Имеется в виду империя, образованная в 800 г. франкским королем (с 768 г.) Карлом Великим (742–814) в результате завоевания Лангобардского королевства, области саксов и других западноевропейских территорий.

[26] Подразумевается «религия человечества», провозглашенная одним из основоположников позитивизма французским философом и социологом Огюстом Контом (1798–1857).

[27] Ignoramus et (semper) ignorabimus (*лат.*) – Не знаем и (никогда) не узнаем; выражение из книги «О границах в познании природы» немецкого физиолога и философа-агностика Эмиля Генриха Дюбуа-Реймона (1818–1896).

[28] Основная идея этой книги Белого заключается в утверждении ограниченности и бесперспективности рассудочного познания: «...купол храма познанья разрушен рассудком; он – пал; и в месте купола ныне увидели бездну»; «Кризис жизни есть кризис изделий "*немыслимой*" мысли; и чтобы выйти из кризиса, надо выйти из мысли "*немыслимой*" – к "*мыслимой*" мысли» (Андрей Белый. На перевале. II. Кризис мысли. Пб., 1918. С.123, 124).

[29] Гетеанум, антропософский центр в Дорнахе (позднее называемый «первым Гетеанумом»), сгорел в новогоднюю ночь с 31 декабря на 1 января 1923 г.; под воздействием этого события Белый написал статью «Гетеанум» (Дни. 1923. №100. 27 февраля), см. также его письмо к Е.Ю.Фехнер от 4 января 1923 г. (Литературное обозрение. 1989. №9. С.112).

[30] Гильгамеш – шумерский и аккадский мифопоэтический герой, деяния которого описываются в поэме «О всё видавшем», восходящей, видимо, к последней трети 3-го тысячелетия до н.э.

[31] Древнегреческий философ Гераклит из Эфеса (ок. 540 – ок. 480 до н.э.) был автором единственного сочинения (в книге из трех глав: о Вселенной, о государстве и о богословии), по преданию посвященного в храм Артемиды (Дианы) Эфесской (см.: Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. М., 1989. С.177); этот храм сжег в 356 г. до н.э. Герострат. О пожаре Эфесского храма – как знаке прекращения древнего мистериального бытия – Штейнер говорил в 8-й лекции цикла «Мировая история в антропософском освещении» (Lindenberg Ch. Rudolf Steiner. Eine Chronik. 1861–1925. Stuttgart, 1988. S.551).

[32] Согласно легенде, древнегреческий философ Эмпедокл из Акраганта (ок. 490 – ок. 430 до н.э.), желая подтвердить молву о себе как о боге, бросился в огнедышащий кратер вулкана Этны (см.: Фрагменты ранних греческих философов. С.333-334, 337).

[33] Белый регулярно общался с Горьким во время пребывания в Германии в 1922–1923 гг. См.: Корецкая И.В. Горький и Андрей Белый // Горьковские чтения. К 100-летию со дня рождения писателя. М., 1968. С.194-197; Крюкова А. М.Горький и Андрей Белый. Из истории творческих отношений // *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.298-303.

[34] Имеется в виду юбилейное приветствие Ф.Сологубу (см. примеч.2 к п.139). Виктор Викторович Гольцев (1901–1955) – критик, литературовед; товарищ председателя Московской ассоциации по изучению творчества А.Блока (сохранилось письмо Белого к Гольцеву из Берлина от 9 мая 1923 г., в котором он дает разрешение ознакомиться с письмами Блока к нему, хранящимися у А.С.Петровского в Румянцевском музее. – *РГАЛИ*. Ф.2530. Оп.1. Ед.хр.11).

[35] Комментарий Иванова-Разумника: «...т.е. что “приветственное слово” Ф.Сологубу должно быть оглашено от имени ВФА. Поэтому АБ написал второе “Приветственное слово” уже “от Вольфилы”; рукопись в ГЛМ» (Л.24; см. примеч.2 к п.139).

[36] См. примеч.8 к п.136. Подготовить инсценировку «Петербурга» к указанному сроку Белый не смог; основная работа над драмой велась в марте–мае 1924 г. (*РД*. Л.118об.).

[37] С докладом и воспоминаниями о Блоке Белый выступил в Москве на вечере памяти Блока в Политехническом музее 20 февраля 1924 г. См.: Бобович Б. Андрей Белый о Блоке // Вечерняя Москва. 1924. 21 февраля. Сохранился рукописный черновой план лекции Белого о Блоке (с пояснением – рукой Белого: «К лекциям о Блоке в Москве 1923 г.»); опубликован в кн.: Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А.Блока. М., 1997. С.84.

[38] Белый выехал из Москвы в Киев 24 февраля, прочел там две лекции – «Творчество Блока» (25 февраля) и «Ритм жизни и современность» (28 февраля). О пребывании Белого в Киеве в 1924 г. см.: Андриевская А.А. Воспоминания об Андрее Белом (Андрей Белый в Киеве) (1934). – *РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.344. Л.6-20. В архиве Белого сохранился конспект его лекции «Ритм и действительность», сделанный в Киеве 28 февраля 1924 г. его двоюродной сестрой В.А.Жуковой (Вертер), первой женой поэта Б.К.Лившица (Там же. Ед.хр.94).

[39] В день приезда в Ленинград 11 февраля Белый выступил с приветственной речью на публичном чествовании Ф.Сологуба в б.Александринском театре.

142. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
9 марта 1924 г. Москва.

Дорогой, глубокоуважаемый, –
глубоколюбимый –
Разумник Васильевич,

только что вернувшись из Киева[1], узнал из письма Дмитрия Михайловича, что в марте этого года исполняется 20-летие Вашей литературной деятельности[2] и что по этому поводу группа Ваших друзей и почитателей хотела бы провести этот день с Вами, чтобы выразить Вам одушевляющие их чувства любви, уважения к Вам, а также удивление перед Вашей блестящей, полезнейшей, талантливой, огромной по достижениям литературной и общественной деятельностью.

Прочитавши это письмо, я душою рванулся к ним, к этим друзьям-почитателям Вашим, чтобы вместе с ними прийти к Вам в этот день и вместе с ними выразить Вам всю полноту любви, уважения и преданности. И – увы – я могу рвануться лишь сердцем, да этим письмом, которого, может быть, судьба – опоздать (задержавшись в Ки-

еве и опоздавши с приездом в Москву, я не мог, разумеется, тотчас откликнуться на известие Дмитрия Михайловича). Но дело не в числе получения Вами этого бледного отражения моих чувств к Вам, а в факте посильного присоединения к друзьям, празднующим в сердцах своих этот всем нам радостный день, все равно: в этот день чувствами, мыслями, волей я буду присутствовать среди вас; и не только «как бы», а – в действительности: расстоянье – иллюзия; расстояния – нет; коперниканское время – иллюзия тоже.

Дорогой, глубоколюбимый Разумник Васильевич, – позвольте же выразить Вам в неумелых словах, как я Вам благодарен за встречу с Вами, как с критиком русской общественной мысли, как с историком литературы, как с тонким поэтом, критическим оком входящим в художественные сокровища русской литературы и там, в центре этих сокровищ, творящим огромные эпопеи, после которых деятели слова восстают в сознании пересозданными и овеянными как-то воистину легендарным светом; Ваша критическая и историко-литературная деятельность воистину есть Вами «*творимая легенда*»[3]; но существо философа-критика – не анализ историко-литературных явлений, а анализ, ведущий к сложению *действительности* в подлинном смысле этого слова; Вы слагаете Вашим художественным прозором *действительность* разбираемого Вами художественного явления; и слагая, воссоздаете вторично в себе Вами угаданный творческий замысел; воссоздавая, Вы пересоздаете его, – не в смысле затемнения задач автора, а в смысле их воплощения в действительность собственно. Художественное произведение есть всегда – недовершенное здание; оно – лишь на бумаге набросанная партитура, которую надо оркестрировать, которую надо исполнить, для которой надо найти исполнителей, которой надо продирижировать; оркестровка есть отыскание общественно-политических и философских условий современности, бессознательно лишь отображенных в художественном зерне центрового символа любого произведения искусства; найти ее – значит дать подлинную ретушь к художественному заданию, значит дать ему подлинный рельеф, найти третье его измерение; художественное произведение, как таковое, – всегда только плоскость и план: план к созданию; и воплощенье в действительность начинается с того присоединения к творчеству художника, которое называем мы общественно-политическим и философским истолкованием; и это истолкование – в сотворчестве критика, который всегда есть художник. Представители так называемого формального метода хотели бы остановить действие художественных произведений на жизнь, стерилизуя их в двух измерениях и отказываясь от осмысливания и оценки[4]; в их представлениях смысл есть нечто абстрактное, а между тем смысл – со-мыслие, содружество, сотворчество – вовлечение в творческое делание одного – многих; художественное произведение, не истолкованное, – только зерно; ценность же зерна в том, что оно превращаемо – в росток, в цветок, в плод, в множество зерен; смысл истины образа – в умножении истины в множество истин; формалисты хотели бы видеть в художественном явлении – форму; но форма – зерно; а росток из зерна, это – форма в движении: в движении образа в душе художественного истолкователя, в превращении его в этой душе в *миф*; художественное произведение без критика-истолкователя даже не *миф*, а – потенция мифа; *мифом* впервые оно становится в душе критика-мифотворца, который, как мать, облагает зародыш *мифа* условиями творимой действительности, чтобы этот *миф* родился в действительность; духовная встреча художника с художником-критиком, его истолковывающим, есть глубочайшее таинство, рождающее воистину новую культуру и ведущее к революции Духа.

И Вы – такой критик-художник; все, сказанное мной о художнике-критике, есть неумелая и спешная попытка взволнованно Вам намекнуть на ту встречу, которую я имел с Вашими работами; Ваши историко-литературные труды медленно в годах вызревали мне в новый контур истории русской литературы. История русской литературы не знала до Вас своего подлинного художника-выразителя; некоторые попытки Галахова в прошлом не идут в счет[5]; все же прочие истории русской литературы – не творческие произведения; а историк – художник; Вы – русский Белинский истории русской литературы[6]; Вы правильно инструментировали партитуру, где связь литературных явлений была лишь загадана незвучными нотными знаками; теперь появился рельеф этих звуков; воскресла инструментовка; и стал возможен подбор исполнителей. Исполнители – Ваши читатели, то есть, мы все; в нас звучит Ваше слово о рус-

ской литературе; и мы понесем это слово, подхватим его в продолжениях Вами творимой легенды. Вы призвали нас в создаваемый Вами оркестр, в коллектив новой литературной культуры России; среди этого коллектива оказались и те, кто до Вас был лишь поверхностно почитывающим чужие произведения, и те, кто некогда создавал потенции к мифу; и Ваше истолкование смутных усилий превратило их в пытающихся воплотить осознанием и проведением в жизнь их собственных образов; в таком положении оказались и некоторые из так называемых символистов после Вашей огромной по художественному прозору работы; русская литература 20-го века предстала им в новом, о насколько же более углубленном, свете: в свете Вашего истолкования символизма мы с покойным Александром Александровичем Блоком, себя осознавшие в Ваших работах, явились к Вам, как исполнители своих же собственных тем, Вами так изумительно оркестрированных; Вы явились дирижером вновь собравшегося коллектива художников-музыкантов, чтобы после упорных и долгих репетиций когда-нибудь исполнить симфонию русской культуры, Вами угаданную под формою русской литературы. И эти первые пробы творческих спевок, и это смутное обещание в совместном пути трех доселе разъединенных частей действительности художественной культуры (творца, интерпретатора, слушателя), – Вами созданное культурное течение, подхваченное нами и еще мало кем понятое*: я говорю о рождении древнего *скифа* в революционном пути к царству свободы; и эти еще неумелые спевки оркестра есть 300 с лишним заседаний публичных нашей «*Вольфилы*», которой художником-дирижером Вы являлись все эти трудные годы, самоотверженно неся воистину титаническую работу; для нас, символистов, восхождение от смутно переживаемого стремления к новому миру, к первым этапам его воплощения, характеризуемо тремя, одинаково родными, словами: *символизм*, *скифство* (или революционное восстание на ветхое обличие мира), *Вольфила* – робкая попытка в капле коллектива отображать восхождение грядущего Солнца; символизм, скифство, «*Вольфила*» – наш путь из замкнутости *плана* к осуществлению в сердце русской действительности; и все эти на нашем знамени стоящие лозунги связаны с Вами, дорогой, любимый Разумник Васильевич: Вы – единственный истолкователь русского символизма; Вы – идеолог и создатель русского пути: пути «скифов»; Вы – создатель и осуществитель нашего общего детища: Вольной философской ассоциации; в этой ассоциации произошла встреча: художника, мыслителя и некогда пассивного слушателя; в ней мыслитель, став подлинным творцом, осуществил свой замысел не в слове, в краске, или в звуке, а в душах многих людей, которым открылся зов к творчеству новой действительности; в ней художник вышел к *толпе*; в ней толпа перестала быть толпой, а стала интер-индивидуалом, т.е. индивидуумом высшего порядка: соприкоснулось искусство с жизнью для нас; стала жизнь художественным замыслом для сколь многих.

Мы, дорогой, любимый учитель, друг, брат, – связаны с Вами особенно; мы не мыслим своего бытия вне Вас; Вы – это мы; мы – это Вы. Ваш сегодняшний день есть день, отмеченный глубочайшими переживаниями нашей внутренней биографии. Это смело я могу сказать за всех нас.

И тут перехожу я к себе лично: Вы стали мне самым дорогим человеком; нет дня, чтобы я мысленно не апеллировал к Вам; в главных моих жизненных решениях я ставил перед собою вопрос: «Как отнесся бы к этому Разумник Васильевич?» В минуты тягчайших жизненных испытаний, когда опускалися руки и казалось, что дух жизни меня покидает, я вспоминал двух-трех близких людей: «Нет, еще стоит жить, когда где-то рядом работает, трудится тот-то и тот-то, когда Разумник Васильевич нам показывает пример самоотвержения, стойкости и благородства».

И дух жизни ко мне возвращался: и духом этой жизни, прогнанной сквозь наше общее «*Stirb und werde*»[7], – хотелось бы мне откликнуться в эти дни на Ваш день, который стал нашим днем, – не словами убогими, набросанными на траурно-белую бумагу. Дух этой жизни объединял нас не раз; и Дух этой жизни не раз будет вновь разгораться меж нами; Он – порох наших пороховниц[8].

Позвольте же, дорогой, глубоколюбимый учитель и друг, в этот день Вас обнять и в Вашем образе приветствовать нас навсегда связавшие идеалы: Вольфилы и скифства!

---

* *В автографе*: понятою.

Остаюсь глубоко уважающий и преданный, Вам обязанный почитатель Ваш
Андрей Белый.
Москва. 9 марта. 1924 года.

[1] Белый возвратился из Киева 7 марта.

[2] Комментарий Иванова-Разумника: «Письмо АБ предназначалось для публичного зачитывания, чем и объясняется его тон» (Л.24). Дмитрий Михайлович – Пинес. Литературный дебют Иванова-Разумника – статья «Н.К.Михайловский (Центральный пункт его мировоззрения)», опубликованная в мартовском номере «Русской Мысли» за 1904 г. (№3. Отд.II. С.156-163).

[3] Белый обыгрывает заглавие романа-трилогии Ф.Сологуба «Творимая легенда» (1907–1913).

[4] Свою полемическую позицию по отношению к формальному методу в литературоведении Белый высказал на заседании Вольной Философской Ассоциации 14 февраля 1924 г., посвященном чтению поэм А.Д.Скалдина; ср. его запись: «Прения в В.Ф.А. на тему: "Формальный метод" (после чтения поэмы Скалдина)» (*РД*. Л.118).

[5] Алексей Дмитриевич Галахов (1807–1892) – историк литературы, критик, прозаик; автор «Истории русской словесности, древней и новой» (т.1-2, вып.1-3. СПб., 1863; 3-е изд. – М., 1894), издававшейся в сокращенном виде как учебник для средних учебных заведений (СПб., 1879; 21-е изд. – М.; Пг., 1915).

[6] Такая параллель проводилась не только Белым; ср. свидетельство А.М.Ремизова в его книге «Встречи (Петербургский буерак)»: «С.А.Венгеров считает Иванова-Разумника за нашего Белинского» (Ремизов А. Огонь вещей. М., 1989. С.322).

[7] «Умри и будь» (*нем.*) – цитата из стихотворения Иоганна Вольфганга Гете «Блаженное томление» («Selige Sehnsucht», 1814), входящего в раздел «Моганни-наме. Книга певца» из «Западно-восточного дивана».

[8] «Порох в пороховницах» – образ, восходящий к повести Н.В.Гоголя «Тарас Бульба» (гл.9); см.: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. [Л.], 1937. Т.2. С.138-139, 141.

143. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
17 июля 1924 г. Коктебель[1].

Коктебель 17-го июля.

Милый, родной, близкий
Разумник Васильевич,

С самого нашего последнего свидания[2] и по сию пору все время думал о Вас; было много что сказать; и именно оттого, – рука не прикасалась к перу: я замечаю в себе неудобную черту: чем полнее душа говорит с кем-нибудь, тем невыносимее процесс перенесения душевного содержания в лист бумаги и облечение звуков и ритмов душевного содержания в крючки, именуемые буквами. Много раз брался за перо, и перо вываливалось из рук; ждал оказии, а оказии складывались всегда так, что лишь в последнюю минуту я узнавал о том, что кто-нибудь едет в Ленинград.

После Петербурга я был в Киеве дней 10; и в Киеве были очень интересные впечатления; открыл там свою старую тетю, и это было одним из самых радостных моих киевских пережитий[3], а вернувшись в Москву, сразу был огорчен болезнью Алекс<ея> Сергеев<ича>, до сих пор не поправившегося[4]; февраль, март, апрель был во всякого рода грустях и неприятных хлопотах. Среди энного количества неприятностей оказалось и то, что ни один устроитель лекций мне не доплатил, а пресловутый Каппелиович, устроивший мои ленинградские лекции, не доплатил 10 червонцев[5]; я в свое время ему говорил об устройстве ряда лекций, и он, воодушевившись, мечтал Вас соблазнить прочесть в Москве лекции: не знаю, писал ли он Вам об этом; скоро я его потерял из виду: он стал прятаться от меня. Киевские устроители лекций оказались шайкою подозрительных спекулянтов (забронированных в Москве писателем Лидиным, членом Союза писателей)[6]; и т.д. Апрель и май был занят переработкою «Петербурга» для I-ой Студии; и могу сказать, что эта переработка привела к написа-

нию «Петербурга» №2, где изменена отчасти и фабула: «*“Петербург”. Историческая драма*» – не «*“Петербург”. Роман*»[7]. Там, где приходилось читать отрывки драмы, везде подымались споры на тему, что *центральнее*: «*Петербург-драма*» или «*Петербург-роман*». В романе больше *фона* от «мистического Петербурга»; в «драме» – реальнее прочерчены характеры: Апол<лон> Аполл<онович> становится «*несчастным, несимпатичным*» стариком, которого разрывает бомба в момент, когда он садится в карету, а инцидент с «*сардинницей ужасного содержания*» в интриге драмы превращается в «*кукиш с маслом*» (т.е., когда Ник<олай> Аполл<онович> вырывает сардинницу из рук старика-сенатора, то он, споткнувшись, роняет ее нá пол; вместо взрыва – оттуда вываливается 1) «фига», 2) кусочек «сливочного масла»[8]; и вся драма с сардинницей становится «*фигой с маслом*», т.е. «*кукишем*» Липпанченко; драма до последней сцены рассеивается, переходя в «*водевиль*», течет, как комедия, à la «*Женитьба*» Гоголя: но сенатора судьба настигает-таки: он становится жертвой неведомого бомбометателя; Ник<олай> Аполл<онович> – сходит с ума: эпизод с «домино» – уже начало какой-то его мозговой болезни. Кажется, – по условиям цензуры придется переделать Алекс<андра> Иван<овича> – в смелого, честного и сильного духом террориста. Почему-то мне указывали у Волошина (где я «*драму*» прочел)[9], что это не драма, а «*трагедия*» – сочетание Шекспира с Островским и Гоголем. Так механическая переработка превратилась в органическое написание «Петербурга» №2. М.А.Чехов вызвал эту переработку, выдвинув передо мною вопрос о «*катарсисе*»: «будет ли *катарсис?*» В романе «*катарсиса*» нет; в драме – «есть»: (сумасшествие Ник<олая> Ап<оллоновича> и смерть сенатора). Вообще Чехов меня увлек; писал роль сенатора для него; он как-то сумел меня воодушевить сценой; и теперь, в будущем, мечтаю писать *драмы*; видели ли Вы Чехова? Какой изумительный артист! Теперь понимаю, что для драматурга нужна сцена, как палитра и кисть, набрасывающая краски; для меня этою кистью явился М.А.Чехов. Жду с нетерпением осенью «*Гамлета*»; то, что рассказывают о «*Гамлете*» и Чехове, глубоко заинтересовывает меня[10].

Переделка «Петербурга» отодвинула тему предполагаемой повести, которая должна носить название или «Иван Иваныч Коробкин», или «Ив.Ив.Коробченко» – повесть о «*тусклой*» жизни[11]; думал писать эту повесть в Коктебеле, но, попав туда, – до такой степени соблазнился морем, скалами, краббами, камушками и прочими прелестями природы, что 5 недель провел, лежа животом, на пляже[12]; загорел, как «*арап*», и в довершение всего всадил себе занозу в пятку; и теперь лежу с огромным нарывом и корчусь от боли. «Ив.Ив.Коробкин» все ждет своей очереди. Он должен быть начат, ибо живу на *аванс* за него. Милый Разумник Вас<ильевич>, если действительно Вы можете мне выслать 5 червонцев, то буду рад их получить, ибо во время переезда в Коктебель меня обокрали: стянули ремни – с обувью, вещами, бельем, одеялом, пледом, 2 подушками и т.д. + 7 червонцев. По нонешним временам это для меня – настоящая экономическая катастрофа; ибо – подушки, плед, одеяло, сапоги: вот первая трата, которая предстоит в Москве и на которую у меня нет пока никакого бюджета. Только, ради Бога, если Вам в настоящую минуту не удобно выслать эти червонцы, то – вышлите, когда заблагорассудится[13]. Если же можете выслать, то буду искренне рад; проживу здесь, вероятно, до 20-х чисел августа; если можно, вышлите не переводом, а денежным письмом по следующему адресу: Крым. Коктебель. Дача Волошина. Макс<имилиану> Алекс<андровичу> Волошину для Бор<иса> Ник<олаевича> Бугаева.

Как странно судьба меняет людей: я не узнаю Макс<имилиана> Алекс<андровича>; за пять лет революции он удивительно изменился, много и сериозно пережил: и теперь естественно перекликается в темах России со мною: с изумлением вижу, что «*Макс*» Волошин стал «*Максимилианом*»; и хотя всё еще элементы «*латинской культуры искусств*» разделяют нас с ним, но в точках любви к совр<еменной> России мы встречаемся, о чем свидетельствуют его изумительные стихи. Вот еще «*старик*» от эпохи символизма, который оказался моложе многих «*молодых*». Здесь в Коктебеле много народу из Москвы и Ленинграда (Коля Чуковский, Шкапская, Полонская, художн<ица> Остроумова с мужем, жена Евреинова); ждем Козьму Сергеевича; скоро приедет Андрей Соболь[14]. «*Народ*» не слишком мешает, ибо комната моя изолирована. Я живу на одной веранде с О.Н.Анненковой[15] и К.Н.Васильевой; и

мы друг другу не мешаем. Великолепны, воистину, окрестности Коктебеля: сухие, строгие линии берегов, холмов, скал; что-то от архаической Греции въелось в самое очертание природы; мне Коктебель напоминает греческий архипелаг. И потом – солнышко и «*жара*», настоящая «*жара*», которую мы все, люди севера, забыли; все это соблазняет: хочу остаться здесь до конца августа: выжариться и просолиться в море. Сперва я хотел здесь пробыть с месяц, но, попав в эту природу, понял, что это «*мои места*»; и решил остаться на все лето; несколько недель ползал на животе, ошаривая коктебельский плаж и собирая коллекцию камушков, которые здесь порой изумительны[16]; все было бы гармонично: вот только нога подвела (завтра будут ее резать), да огорчение: заболел Петр Никанор<ович> Зайцев в Москве (как и А<лексей> С<ергеевич>); не знаю толком, что с ним[17].

Дорогой Раз<умник> Вас<ильевич>: так хотел бы появиться у Вас; может быть, появлюсь в сентябре, не ранее; Вы пишете о большой литературной работе: не сообщите ли в письме о характере ее; осенью у меня в Москве, вероятно, будут дела в связи с репетициями и постановкою «*Петербурга*»; кроме того: вероятно, придется писать повесть; в плане будущего же стоит реалистическая драма: «*Анна Павловна*», а где-то вдали рисуется трагедия «*Доктор Доннер*»[18]. Кроме того: есть у меня литературное дело, о котором хочу с Вами посовещаться и которое пока «*либо будет, либо нет*». Дело вот в чем: Борис Пильняк, к которому обратилось одно лицо, предложив денежные средства для издательства и сборников, обратился ко мне, желая меня привлечь к организации его: речь идет о создании издательства, где можно было бы печататься, и о период<ических> сборниках[19]; издательство собиралось бы блюсти интересы писателей (оно – не хищническое); меня уговорили не отказываться от приложения руки к нему, и я принципиально дал согласие на участие в редакторской группе, хотя эта группа и смущает меня; в ней Пильняк (очень глуп и совершенно без всяких «*идей*») и Богомильский, коммунист, очень милый, порядочный, романтически настроенны<й> человек (я его мало знаю, но ручаюсь за его безукоризненную честность)[20]; оба (Пильняк и Богомильск<ий>) и привлекли меня; издатель пока совершенно стушевывается: если бы были литер<атурные> культурные сборники, то их официальным редактором был бы Борис Пастернак (по причинам внешним); и уже Пильняк весной называл эти сборники: «*журнал 3-х Борисов*»[21]. В «*трех Борисов*» не очень-то верю (может получиться лебедь, щука и рак), но пока соглашаюсь; с Л.Б.Каменевым уже были переговоры о цензурном разрешении (к нему ездил Богомильский)[22]: организацию издательства и сборников отложили до осени; меня же просили оповестить Вас и друг<их> петербуржцев, чего я пока не делал, ибо для меня проблема, могу ли я работать в союзе «*трех Борисов*», и проблема, не лопнет ли все предприятие. Если оно будет налаживаться, я приеду к Вам и посовещаюсь, а пока у меня вопрос к Вам: «Что могли бы Вы дать (предложить) 1) для издательства, 2) для первых 2-х–3-х сборников». Буду ждать ответа (если сборники состоятся, то дам туда «Ив.Ив.Коробкина»; Пильняк – дает повесть). Тема сборников: 1) соврем<енный> русский быт (Пильняк), 2) проблема культуры (я). При случае оповестите, кого найдете нужным, о возможности издательства и сборников: я, как один из редакторов, могу приглашать, кого угодно; но 3 Бориса + Богомильский могут просовывать нос в принятые рукописи (и на этом-то основании проблематично еще для меня реальное касание сборников).

Вот, дорогой Разумник Васильевич, – сколько разных деловых вещей просовывают нос в письмо, начатое с мыслью поговорить «*по душам*»; очевидно, на бумаге «*по душам*» не поговоришь. Оттого-то я и не писал эти месяцы; мне было очень-очень тяжело; Вам – тоже; так не пришлось никак откликнуться о Вольфиле; так о последних судьбах «Вольфилы» ничего не знаю; знаю лишь, кроме того, чтó мне передала Евг<ения> Федор<овна>[23], что «*Макс*» читал там свои стихи[24].

Пишу Вам между спазмами боли в ноге; и этим объясняется карандаш, подчерк и беспорядочный ход мыслей; но как хотелось бы, чтобы Вы на ковре-самолете перенеслись сюда и оказались бы на террасе, где я сижу и откуда развертывается вид на море и на изумительные холмы, мысом выбегающие вдаль; Черное море здесь лучше Средиземного: богаче оттенками; жизнь же в Коктебеле свободная: мы ходим здесь все голоногие (подчас лишь в коротких штанишках и безо всего прочего); и никого это не удивляет, ибо никакой «*курортности*» à la Ялта нет; дача Макса – у самого

берега моря; кругом – нет домов; и чувствуешь себя почти в деревне; окрестности – безлюдны и пустынны; разнообразие прогулок; есть места, красотой напоминающие лучшие виды Норвегии и Швейцарии (таковы скалы Карадага и берега до Разбойничьей бухты, мимо которых недавно катались на паруснике).

Милый, близкий, хороший Разумник Васильевич, – обрываю письмо: больно и неудобно писать; жду ответа.

Остаюсь искренне любящий и преданный

Борис Бугаев.

P.S. Варваре Ник<олаевне> и Леночке[25] сердечный привет.

[1] Письмо переправлено с оказией в Ленинград, откуда по почте послано в Детское Село; почтовые штемпели: Ленинград. 11.8.24; Детское Село. 12.8.24.

[2] Белый общался с Ивановым-Разумником во время пребывания в Ленинграде 11-19 февраля 1924 г.

[3] Белый был в Киеве с 25 февраля по 5 марта 1924 г., жил у двоюродных сестер – В.А.Арнгольд (урожд. Жуковой, псевдоним – Вертер) и Е.А.Жуковой; их мать – сестра Н.В.Бугаева. Ср.: «...по сие время Киев – место встречи с родными, порой неизвестными; мои 4 тети вышли здесь замуж; одна за Ф.Ф.Кистяковского (брата профессора), другая за члена суда, Жукова, третья за инспектора гимназии Ильяшенко, четвертая за Арабажина, отца небезызвестного публициста (потом профессора) К.И.Арабажина» (Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989. С.56).

[4] Иносказательное сообщение об аресте А.С.Петровского, последовавшем 8 марта 1924 г. (ср. ниже, п.146). Ср. фразу из письма П.Н.Зайцева к Белому от 25 июня 1924 г.: «Об А.С. нового ничего не слышно» (*Минувшее 13*. С.241).

[5] Об этом же лице (Коппелович) и его денежном долге идет речь в переписке Белого с П.Н.Зайцевым за июнь–июль 1924 г. (*Минувшее 13*. С.241, 244, 245).

[6] Владимир Германович Лидин (наст. фам. Гомберг; 1894–1979) – прозаик; автор мемуарного очерка о Белом (Лидин Вл. Собр. соч. В 3 т. М., 1974. Т.3. С.473-478). К упоминаемым обстоятельствам имеет отношение недатированное письмо Белого Лидину (видимо, январь–февраль 1924 г.): «2) Жду указаний, где остановиться в Киеве, 3) жду билета на проезд, 4) жду: обещанной части гонорара за поездку» (*РГАЛИ*. Ф.3102. Оп.1. Ед.хр.327).

[7] Белый завершил работу над драмой «Петербург» и передал ее в 1-ю студию МХАТ в мае 1924 г. (13 августа 1924 г. этот театр переименован в МХАТ 2-й); 21 мая 1924 г. М.А.Чехов писал Белому: «Первую половину “Петербурга” получили – ждем вторую. Актерам буду читать по получении всей пьесы. С восторгом читали то новое, что вы добавили нам» (*Чехов 1*. С.305). 3 и 4 мая Белый читал отрывки из «Петербурга» у М.А.Чехова и беседовал о пьесе с артистами, 25 мая читал сцены из «Петербурга» в Кружке поэтов, а 27 мая – у Б.А.Пильняка (*РД*. Л.118об.).

[8] Эпизод из 7-й картины драмы; см.: Андрей Белый. Гибель сенатора (Петербург). Историческая драма / Редакция и послесловие Джона Мальмстада. Berkeley, 1986. С.153-154.

[9] Белый читал драму «Петербург» в доме М.А.Волошина в Коктебеле в июне 1924 г. в течение трех вечеров (*РД*. Л.118об.).

[10] Премьера «Гамлета» Шекспира с М.Чеховым в главной роли состоялась в МХАТ 2-ом 20 ноября 1924 г. (режиссеры В.С.Смышляев, В.Н.Татаринов, А.И.Чебан).

[11] Этот замысел был осуществлен в романе «Москва»; договор на роман, который Белый обещал представить к 1 сентября 1924 г., был заключен между ним и издателем Н.Э.Хелминским 14 апреля 1924 г. (см.: *Минувшее 15*. С.343; *Бугаева*. С.139). В архиве Иванова-Разумника сохранились предварительные наброски Белого к роману и его первоначальный план (под заглавием «Слом»; см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С.38-40).

[12] Белый и К.Н.Васильева приехали в Коктебель, в дом М.А.Волошина, 1 июня, уехали оттуда в Москву 12 сентября 1924 г. Об их пребывании в Коктебеле см.: Гречишкин С.С., Лавров А.В. Максимилиан Волошин и Андрей Белый // Волошинские чтения. Сб. научных трудов. М., 1981. С.84-88.

[13] С аналогичной просьбой Белый обращался к П.Н.Зайцеву (7 и 12 июля 1924 г. // *Минувшее 13*. С.243, 246) и Д.К.Богомильскому (15 июня и конец июня 1924 г. // *Минувшее 15*. С.336-338).

[14] Перечисляются: Николай Корнеевич Чуковский (1904–1965) – прозаик, поэт, переводчик, сын К.И.Чуковского; описал Коктебель в 1924 г. в своих «Литературных воспоминаниях» (М., 1989. С.125-147); Мария Михайловна Шкапская (урожд. Андреевская, 1891–1952) – поэтесса, очеркист; Елизавета Григорьевна Полонская (1890–1969) – поэтесса, переводчица, прозаик; оставила воспоминания о пребывании в Коктебеле летом 1924 г. (Полонская Е. Петроград – Ленинград – Коктебель [Глава из книги воспоминаний «Встречи»] // Новое литературное обозрение. 1996. №21. С.194-208. Публикация Б.Я.Фрезинского); Анна Петровна Остроумова-Лебедева (1891–1955) – художница, ее муж – Сергей Васильевич Лебедев (1874–1934) – химик, академик (с 1932 г.); Анна Александровна Кашина-Евреинова (1899–1981) – актриса и мемуаристка, автор романа «Хочу зачать» (Париж, 1930), с 1921 г. – жена театрального режиссера, драматурга, критика Николая Николаевича Евреинова (1879—1953); написала воспоминания «Лето у Макса Волошина. Коктебель 1924 года» (Возрождение. 1955. №42. С.108-113), в которых идет речь и о Белом; Андрей Соболь (наст. имя Юлий Михайлович, 1888–1926) – прозаик. К.С.Петров-Водкин в 1924 г. в Коктебель не приезжал; в конце июля он выехал в Ригу и затем во Францию (см.: Петров-Водкин К.С. Письма. Статьи. Выступления. Документы. М., 1991. С.229-231).

[15] Ольга Николаевна Анненкова (1884–1949) – член Московского Антропософского общества, участница строительства Гетеанума в 1914 г.; двоюродная сестра поэта и критика Б.Дикса (Б.А.Лемана). См. о ней в «Воспоминаниях о Московском Антропософском обществе (1917–23 гг.)» М.Н.Жемчужниковой (Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. Paris, 1988. С.26-27).

[16] Ср. сообщение в письме К.Н.Васильевой П.Н.Зайцеву из Коктебеля (4 июля 1924 г.): «Заняты целый день... бездельем. Б.Н. поглощен коллекционированием камней и не написал еще ни строки» (*РГАЛИ*. Ф.1610. Оп.1. Ед.хр.18). См. также: *Бугаева*. С.140-141.

[17] Намек на арест. П.Н.Зайцев (см. примеч.10 к п.77) – автор воспоминаний о Белом – см.: Зайцев П. Московские встречи (Из воспоминаний об Андрее Белом). Предисловие Юрия Юшкина. Публикация и примечания В.Абрамова // *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.557-591; Зайцев П.Н. Воспоминания об Андрее Белом. Публикация, вступ. статья и примечания В.П.Абрамова // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.77-104 – и с 1923 г. его постоянный корреспондент. Переписка Андрея Белого и П.Н.Зайцева (1918–1933) опубликована Дж.Мальмстадом (*Минувшее 13, 14, 15*). В дневнике П.Н.Зайцев свидетельствует: «На Лубянку попал я впервые летом 1924 года (не знаю – по случайному поводу или преднамеренно). Обращение со мной было мягкое, деликатное... Через пять дней меня отпустили» (Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.77). В августе 1924 г. Зайцев приехал в Коктебель (см.: *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.565).

[18] Комментарий Иванова-Разумника: «И драма и трагедия остались неосуществленными, однако и Анна Павловна Задопятова и доктор Доннер нашли свое место в романе “Москва”» (Л.24об.). В воспоминаниях о Белом П.Н.Зайцева сообщается, что над произведением о «докторе Доннере» Белый работал в Германии в 1923 г.: «Вспомнились слова Клавдии Николаевны о том, как в их берлинскую встречу Борис Николаевич дал ей почитать рукопись своего романа “Доктор Доннер”, очень отрицательно трактующего Штейнера. Клавдия Николаевна тогда убедила Белого сжечь эту рукопись» (Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.99). В автобиографическом очерке «Почему я стал символистом...» (1928) Белый, однако, отрицает связь этого замысла с образом Штейнера: «...новая клевета возводится на меня: я-де написал пасквиль на Рудольфа Штейнера “*Доктор Доннер*” (тема романа, изображающего католического иезуита, направленная против традиций церковности); клевете верят!» (Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.481).

[19] По свидетельству Белого, «организационная беседа о новом издательстве у Пильняка» состоялась в конце мая 1924 г. (*РД*. Л.118об.). Намечавшееся издательское предприятие предполагалось создавать, по всей вероятности, на базе московского издательства артели писателей «Круг» (1922–1929), выпускавшего одноименные альманахи (Кн.1-6. М., 1923–1927).

[20] Давид Кириллович Богомильский (1887-1967) – член правления издательств «Круг», «Academia». 6 писем Белого к Богомильскому (1924–1925) опубликованы Дж.Мальмстадом (Минувшее: Исторический альманах. Вып.15. М.; СПб., 1994. С.335-341); 15 июня 1924 г. Белый ему, в частности, писал: «Очень жду от Вас вестей относительно возможности осуществления нашего издательства; на днях пишу Иванову-Разумнику и некоторым петербургским издателям» (С.336).

[21] Подразумеваются Белый (Борис Бугаев), Б.Пастернак и Б.Пильняк. 25 июня 1924 г. П.Н.Зайцев сообщал Белому из Москвы: «Встречаюсь с Б.Л.Пастернаком. Он не потерял надежды на журнал “трех Борисов”» (*Минувшее 13*. С.241). Этот замысел, равно как и замысел большого издательского начинания, остался нереализованным.

[22] Л.Б.Каменев был членом Президиума ВЦИК и председателем Моссовета (с 1918 г.), заместителем председателя Совета Народных Комиссаров (с 1922 г.).

[23] Е.Ф.Книпович.

[24] В апреле 1924 г., во время своего пребывания в Ленинграде (6 апреля – 10 мая; см.: Купченко В.П. Хронологическая канва жизни и творчества М.А.Волошина // Волошин М. Лики творчества. Л.. 1988. С.796), М.А.Волошин выступал в «Вольфиле» с чтением стихотворного цикла «Путями Каина»; судя по отчету, это было последнее заседание Ассоциации (Иванова Е.В. Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С.61).

[25] Белый ошибочно называет так Ирину Разумниковну Иванову (домашнее имя – Ина, Иночка).

144. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
1 ноября 1924 г. Ленинград

1/XI 1924

Милый и сердечно любимый Борис Николаевич,
так стыдно мне перед Вами, что хоть и не пиши! Но все же посылаю эту осеннюю ласточку, чтобы сообщить Вам: 1) что это письмо – только присказка, и что через неделю напишу Вам большое и обстоятельное; 2) что очень мучившие меня все время 50 рублей – наконец получены мною в Москве и на этих днях пересылаются Вам по моей просьбе Е.Г.Лундбергом; 3) что все мы здесь вспоминаем Вас часто и любим Вас по-прежнему; 4) что, авось, в середине зимы мне удастся побывать в Москве, а значит и повидаться с Вами.

Пока же – до скорого письменного свидания; простите за долгое молчание – жизнь заколодила, очень было трудно и пера в руки не брал. Простите.

Сердечно любящий Вас Р.Иванов.

145. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
29 ноября 1924 г. Детское Село

29 ноября 1924. Ц<арское> С<ело>.

Милый и сердечно любимый Борис Николаевич, – у меня такое чувство, точно Вы где-то далеко, снова в Берлине или еще дальше, что мы отрезаны не шестьюстами верстами, а эонами пространств и времен. Большое письмо писал я Вам в марте или апреле[1]; ответ, тоже большой, получил в августе (из Москвы, хотя письмо было помечено июнем и Коктебелем)[2], теперь пишу Вам на пороге декабря – и то только потому, что случилась оказия. В наши благорастворенные времена писать по почте можно только открытки (кстати, получили ли Вы мою, две недели тому назад?[3] В ней я между прочим писал, что очень мучивший меня долг Вам в 50 рублей вернет Вам на днях в Москве, переводом, Лундберг. Из его вчерашнего письма я узнал, что это «на днях» затянулось; если Вы не получите от него денег до первой недели декабря, то немедленно вышлю Вам эту сумму отсюда. Простите, ради Бога; когда-нибудь расскажу о причине моих больших финансовых затруднений)[4].

Закрываю скобки и возвращаюсь к письму; итак – пишу только открытки, и то редко. Прежде я поддерживал с друзьями «оживленную корреспонденцию»; теперь – едва ли напишу в месяц письмо. Как писать, когда знаешь, что весь «Наркомпостель»[5] – один сплошной черный кабинет! И не потому, что мне надо что-то законспирировать от властей предержащих, – трудно писать, а потому, что противно знать, что мое искреннее письмо к Вам, например, читает (непременно читает!) какой-нибудь туполобый Шпекин[6] от «коммунизма» в кавычках. И будь он даже семи пядей во лбу – от этого мне не легче.

Милый Борис Николаевич, – вот уже год, как Вы в России. Скажите откровенно – если будете писать по оказии: – прошли у Вас медовые месяцы отдыха от серо-во-

дородной эмигрантской заграницы? Здесь трудно, за границей я, вероятно, и совсем не выдержал бы, знаю, что тут трудно, там торричеллиево-пусто[7], дышать нечем; но право же – оба хуже. Чтобы отдохнуть – теперь надо ехать не в Берлин или Париж (хорош отдых! в гости к обеззубевшей от старости Зинаиде Гиппиус или к измлада больному собачьей старостью Эренбургу!), а куда-нибудь на Фиджи или в Новую Зеландию. Но ведь и там, и везде – мы можем только проживать, а не жить. Жить можно только у себя дома, – а вот поди, поживи-ка![8]

Не поймите неверно: я не ною, не жалуюсь (на кого?), а просто «константирую», как говорил один французский нижегородец. Пришла стихийная полоса левиафанной государственности (большевики – мелочь, случай), и надо ее пережить ряду поколений – во имя разрушения государственности. В союзе с Вельзевулом не сражаются с Люцифером (это наивно делают искренние большевики); нет, пусть оба они в союзе ведут свое дело. Настали долгие годы катакомб, – не политического, а духовного подполья. «Мы, мудрецы и поэты» (бедный Валерий Яковлевич!)[9] – это слишком громко сказано; нет, все мы просто вольные духом люди – уже в подполье, и на поколения. Когда разразилась гроза – мы вышли на вольную волю и стали (так как и раньше были) – скифами; поля сузились до размеров сперва залы, потом комнаты – мы стали (всегда были!) – вольфильцами; комната суживалась, суживалась, уходила под землю – и мы, всё те же, уже в замурованном подполье. В нем и умрем, но не это важно, а то: будет ли нам смена? Не через поколения, – тогда-то, конечно, будет, а вот теперь, завтра, сейчас. Совсем мне не интересно, что лет через пятьдесят тогдашние скифы и вольфильцы с признательностью помянут нас (если помянут), а важно, нужно, необходимо, чтобы я сегодня видел юношу, который задумывается – не над моими словами, не над моими решениями (которых нет), а над нашими вопросами. Я думаю, что есть – хоть один на сто; а это – процент достаточный, чтобы не бояться, а только жалеть этих несчастных коммунистических бой-скоутов, насвистываемых с марксистской дудочки комсомольцев и всего того, что нас окружает. А наша участь – с цензурным кляпом во рту и со связанными за спиной руками – доживать эти годы, сорок лет странствования по духовной пустыне.

Но – всего в письме не скажешь. Так, например: – пустыню эту я не считаю безводной и думаю, что за эти годы произойдет громадный социальный сдвиг на Западе; что для этого только, может быть, и существуют загубленные поколения наших коммунистов, что они – мавры великого мирового дела. Мавры сделают свое дело – и «их уйдут», их уйдет история[10]: что ей за дело до загубленных поколений! Конь Атиллы топтал грудных детей[11] для того (sub specie teleologiae)*, чтобы через тысячу лет был построен Кёльнский собор. Это «для того» (бессмысленное) – мне ненавистно: ребенка-то зачем задавили, что ему до Кёльнского собора? Но потомки наши, которые через тысячу лет построят Вольфильский храм, – пожалуй, оправдают большевиков? Точь-в-точь так же, как теперь «оправданы» гунны.

И здесь опять надо пояснить. А к пояснению – еще пояснение. Не кончить. А потому – кончаю. Хотелось мне просто сказать Вам, милый Борис Николаевич, что я совсем не уныл, но что тихо гибну, как и все мы; что я бодр, но что очень и очень трудно живется.

Вольфила умерла, – и вовремя; быть может, даже с опозданием[12]. Свое дело она сделала, зерна заронила, пусть лежат до весны под навозом, – как говорил Герцен в конце 60-х годов[13]. С августа и по сей день редактирую Герцена, три громадных тома[14], сижу в день по 12 часов за этой работой, очень устаю и вместе с тем отдыхаю. Хлеба ради насущного (а он очень трудно достается) перевожу в то же время с французского романы, на днях берусь уже за третий[15]. Вот моя жизнь с лета. Так хотелось бы напоследок поработать для себя, написать в самый конечный конец еще одну книгу (начал в 1918 году)[16], еще одну статью (начал этим летом), – и не тут-то было: переводи французскую белиберду за 20 р. с листа. Очень трудно, а главное – безвыходно: так до конца дней и буду переводить французские романы, да только лишь бы были – и их достать не легко.

Боюсь, милый Борис Николаевич, что это письмо мое произведет на Вас панихидное впечатление. Это будет неверно. Если бы удалось повидаться и поговорить – в

---

* *с точки зрения телеологии (лат.).*

одну ночь (помните, как раньше?), можно было бы рассказать обо всем. А письмо – пустое дело, разве только целые тетради написать. И все-таки – напишите мне о себе. О жизни Вашей летом в Коктебеле кое-что знаю – и из Вашего летнего письма, и от людей, с которыми Вы мне послали поклоны; а вот – после Коктебеля? Как живете Вы с осени в Москве? Что пьеса у Чехова?[17] что та повесть, о которой Вы писали летом? Как вообще идет жизнь? Напишите, дорогой Борис Николаевич, обо всем; да заодно напишите – куда адресовать Вам письма? (если через Шпекиных). Прежний ли Ваш адрес?

Я очень огорчился сперва, узнав, что Вы изменили Царскому Селу для Коктебеля, но потом порадовался за Вас: Вы пропитались солнцем, ветром, морем, а это – лучший отдых, и подготовка к тяжелой зиме. Зимою в наши края не соберетесь? Если да, то помните, что кабинет мой – по-прежнему всегда в Вашем распоряжении, на месяц, на два, на неопределенное время. Быть может, и я попаду в Москву во второй половине декабря или января, или февраля, но наверное не знаю: как сложатся дела, и я в это не очень-то верю.

Вольфильцев и вообще друзей – вижу мало; шумное лето, когда каждый день бывал кто-нибудь, сменилось тихой осенью, когда я никого не вижу, работаю дома, и только раз в неделю бываю в городе. Летом несколько раз был Есенин (хорошо читал)[18]; Клюев очень бедствует, Алексеи Толстые благоденствуют. Все в порядке вещей.

Бумага приходит к концу и ночь поздняя, надо кончать. Чувствую, точно и не начинал этого письма, а так, сказал только несколько бессвязных слов. Но пусть они будут только началом: были бы оказии, будут и письма. Сердечно обнимаю Вас, милый Борис Николаевич; помните о северных друзьях. Варвара Николаевна шлет привет и просит не забывать. А Иночка – студентка Института Истории Искусств по отделу музыки[19], вот как время-то идет.

Еще раз – до свидания. Простите за все вины и хоть немного любите по-прежнему крепко любящего Вас

Р.Иванова.

[1] Это письмо, по всей вероятности, не сохранилось.

[2] Имеется в виду п.143.

[3] Имеется в виду п.144.

[4] Главная причина этих «затруднений» заключалась в том, что сын Иванова-Разумника Лев, ссылаясь на отца, одалживал у его знакомых значительные денежные суммы. А.З.Штейнберг свидетельствует: «...Лева попал в уголовную среду. Как сына известного писателя, его товарищи подговорили воспользоваться этим и набрать побольше денег в долг от имени отца. <...> Оказалось, что он уже многих обошел, опорочив доброе имя Разумника Васильевича. Вскоре после этого я встретился с Аркадием Георгиевичем Горнфельдом <...> Лева и у него взял деньги. Разумник Васильевич настоятельно требовал, чтобы сумма, взятая Левой, была названа. Деньги он тут же вернул». Судьбу своего сына Иванов-Разумник осмыслял как знак «морального затемнения всего поколения, легшего густой тенью на всю Россию» (Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, 1991. С.109). Штейнберг сообщает также, что впоследствии «сын Разумника был арестован по уголовному делу и сидел в тюрьме. Выйдя из тюрьмы, он оказался сотрудником одного из отделов Чрезвычайной комиссии» (Там же. С.110; сохранились письма Л.Р.Иванова к родителям из заключения (1928 г.) с просьбами о свидании и прощении. – *ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.268). Ряд лет спустя, после полного разрыва отношений с сыном, Иванов-Разумник писал жене из Саратова (11 марта 1934 г.): «...всю свою тридцатилетнюю литературную деятельность и десятки написанных и проредактированных томов я не колеблясь ни минуты отдал бы за счастливый жизненный путь Левы. И еще: нет в мире виноватых, но в то же время каждый виноват за всех и уж конечно – отец за сына. Все это у меня давно переболело, прошло, зарубцевалось (боюсь, что у тебя – нет), даже видеться с ним я больше не желаю, но в то же время очень хотел бы попросить у него прощения за все то, в чем я пред ним виноват. А виноват – конечно, хотя бы неумением вправить на место вывихнутый ум, поставить на рельсы сошедшего с них человека. <...> Надеюсь, впрочем, что он где-нибудь далеко и что вы избавлены от тяжелых посещений» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед. хр.200).

[5] Наркомпочтель – Народный Комиссариат почт и телеграфов.

[6] Почтмейстер из «Ревизора» Н.В.Гоголя, занимающийся перлюстрацией.

[7] Торричеллиева пустота – физический термин, обозначающий вакуум; по имени объяснившего это явление итальянского физика и математика Эванджелиста Торричелли (1608–1647).

[8] В воспоминаниях «Друзья моих ранних лет» А.З.Штейнберг в этой связи свидетельствует: «Несмотря на то, что в большевистской России происходили <...> моральные неистовства, Разумник Васильевич смотрел на эмиграцию, как на грех. <...> Он считал, что если эмигрирует человек с полу-немецкой, грузинской или шведской фамилией, так это еще куда ни шло. Настоящий же русский человек НЕ ДОЛЖЕН эмигрировать! Его не должны пугать никакие трудности и противоречия. Он должен оставаться и пройти через все испытания в России» (С.110).

[9] Цитата из стихотворения В.Я.Брюсова «Грядущие гунны» (1905), входящего в его книгу «Stephanos». Слова Иванова-Разумника подразумевают, вероятно, и отклик на кончину Брюсова (9 октября 1924 г.).

[10] Обыгрывается крылатая фраза, восходящая к драме Ф.Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» (1783; действие 3-е, явление IV): «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить».

[11] Ассоциация с цитированным выше стихотворением Брюсова «Грядущие гунны», к которому предпослан эпиграф из стихотворения Вяч.Иванова «Кочевники красоты»: «Топчи их рай, Аттила». Аттила – предводитель гуннов (434–453), возглавивший опустошительные походы в Восточную Римскую империю, Галлию, Северную Италию.

[12] «Открытая деятельность Вольфилы прекратилась на основании распоряжения от 7 мая 1924 года за подписью М.Кристи, где было сказано, что Ленинградское отделение Главнауки не находит возможным зарегистрировать ВФА в качестве научного общества, состоящего в ведении Главнауки. После этого отказа в регистрации, 4 сентября, Ассоциация была закрыта представителем Исполкома, а имущество было передано Союзу писателей» (Иванова Е.В. Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С.22. Источник сведений: *ГАРФ*. Ф.2555. Оп.1. Д.921. Л.55-55об.). Ср. комментарий Иванова-Разумника: «ВФА закрылась в мае 1924 года» (Л.24об.).

[13] См. примеч.20 к п.135.

[14] Речь идет о работе над завершающими издание томами Полного собрания сочинений и писем А.И.Герцена под редакцией М.К.Лемке (т.I-XXII. Пг., 1919–1925), которые не успел выпустить в свет редактор всего издания, скончавшийся 18 августа 1923 г. Участие Иванова-Разумника в подготовке этого издания отмечено в энциклопедической статье о Лемке А.В.Чанцева и М.Д.Эльзона. (Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. М., 1994. Т.3. С.313). В предисловии «От редактора» (1915) Лемке отмечал: «Считаю долгом отдельно поблагодарить Р.В.Иванова, помощь которого, особенно во время войны, была истинно дружеской» (Герцен А.И. Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1919. Т.1. С.XXVIII).

[15] В переводе Иванова-Разумника вышли в свет 4 романа французских писателей: «Песнь песней» ([Кн.1]. Пг., «Мысль», 1925) и «Рельсы» (Л., ГИЗ, 1925) Пьера Ампа (оба перевода – под редакцией Ф.Сологуба), «Остров Пасхи» Андре Арманди (Л., Кубуч, 1925), «Банда» Франсиско Карко (Л., «Мысль», 1926) – а также роман норвежского писателя Иоганна (Юхана) Бойера «Власть лжи» (Л., «Мысль», 1927).

[16] Подразумевается, скорее всего, «Антроподицея» («Оправдание человека»); это произведение неоднократно указывалось как готовящееся к печати в издательстве «Колос», в списках сочинений Иванова-Разумника, помещенных в его книгах, вышедших в свет в 1922–1923 гг.; «Оправдание человека» не было издано, текст этой книги не обнаружен. См.: Белоус В. Реконструкция «Антроподицеи», или Самооправдание Иванова-Разумника // Русская мысль. 1995. №4102. 23-29 ноября. С.10; №4103. 30 ноября – 6 декабря. С.10.

[17] См. п.143, примеч.7.

[18] О встречах с С.А.Есениным летом 1924 г. в Детском Селе Иванов-Разумник упоминает в «Писательских судьбах» (Возвращение. Вып.1. М., 1991. С.325); см. также: Карохин Л.Ф. Иванов-Разумник и Есенин // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С.86-87; Карохин Л. «Человек, перед которым я не лгал...»: Сергей Есенин и Иванов-Разумник. СПб., [1997]. С.75-79.

[19] Институт истории искусств И.Р.Иванова не закончила.

146. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
8 декабря 1924 г. Москва

Москва. 8-го декабря. 24 года.

Милый, милый, дорогой Разумник Васильевич!

Наконец-то дорвался до живого слова, обращенного к Вам: впрочем, – живого ли? Все живое разрушено в области плотского выявления; и – живешь: средь развалин недавно живых: быта, краски, мировоззрения слова; живешь среди трупов; и – в трупе («*оттуда*» – сюда). Так вот: «*слово живое*» – выражение аллегорическое; просто радостно знать, что письмо это – *прочное*; что – дойдет.

Я пишу его, не получив еще Вашего; третьего дня Вл<адимир> Мих<айлович>[1] меня известил, что – в Москве, что он будет сегодня, что он мне привез от Вас весточку и чтоб я приготовил письмо Вам: к «*сегодня*»; пишу, поэтому, не принявши в рассчет еще Вашего, мной еще не полученного письма.

Дорогой Разумник Васильевич, – нет почти дня, чтоб я мысленно не обратился к Вам: постоянно летят мои мысли, слова – к Вам; и тем возмутительней: эти слова – слова внутренние; повторяю: разрушено внешнее слово. И – как сказать: передать? Обречен на немые косноязычные словесные жесты.

Да: жизнь! Вот что хочется вздохом сказать: за истекшие месяцы, пока мы не видались, раз пять совершенно сериозно я собирался умирать, – не от отчаяния: от усталости просто; я верю, – нет, более того: *знаю*, что если переживем еще лет эдак десять, найдем оправдание этим, расстрелянным годам; но – *десять лет*! Прокатиться по ним! И выдержать груз внешней жизни, подобной сегодняшней, – руки отваливаются.

Совершенно серьезно, Разумник Васильевич, – несколько раз собирался я, просто махнувши рукою на все, возлечь на диванчик, сказать: «Нет, довольно: отсюда уже не сойду».

Из этих слов Вы видите, что эмпирически мне очень плохо; пожалуй, – так плохо, как никогда в жизни. С тех пор, как расстались мы (после Петербурга), – ряд очень грустных сюрпризов; во-первых: по возвращенью из Киева узнаю, что изъят А.С.Петровский[2]; и – неизвестно почему; вот уже одиннадцатый месяц сидит он в Бутырках; мы сделали все, что могли: было несколько бесед с Менжинским[3], ручались за А.С. Ничего не помогает; говорят, что он изъят, как контр-революционер; вздор: Вы же помните, что он развивал неподдельный пафос в 17, 18 и 19 годах (даже слишком!). Тем не менее: контр-революционер – без всяких данных; за 10 месяцев – всего один допрос, весьма туманный и краткий; все данные думать, что держат его лишь как «*заложника*», подозревая в нем приверженца Штейнера; Вы понимаете, что арест его, среди ряда обысков у наших друзей, имеет другие основания; «*контр-революция*» – ширма, выдуманный повод: «*s<o>us entendu*»* – другое: заложник.

И вот: меняется весь быт жизни.

Другая неприятность: сериозное расхождение в нашем круге – со Штуттгартом: не с нашим другом, д-ром Шт..., а с чиновниками, канцелярией; и – прочим; и вот – жизнь: стиснутые – отсюда, выкинутые – оттуда[4]...

Кроме того: ряд тяжелейших испытаний в плоскости уже моей личной жизни (о них не расскажешь); словом, – к весне выглядел трупом; едва вырвались с К.Н.Васильевой к морю, – в Коктебель; если бы не купанья, не солнце, не Крым, не прогулки в горах, – то ей-Богу: физически бы не выдержал, а последовал бы за Блоком (на тех же основаниях); но море, природа и коктебельские камушки помогли (привез с собою из Коктебеля до пуда камней: и теперь все разглядываю); июнь-июль-август – просидел в Коктебеле; и там отдохнул несколько.

Отдохнул от моря, а не – от Макса Волошина: то, что я Вам писал о Максе из Коктебеля, при ближайшем общении с Максом оказалося вздором: мы с Максом ощутили себя настолько полярными, враждебными (лишь идейно) друг другу, что последний месяц коктебельской жизни был для нас с К.Н. почти испытанием: *дожить и не порвать все с Максом*; еще удивляюсь, как он меня выносил[5].

---

* *подразумевается (фр.).*

Все-таки, – Коктебель (стиль всей местности) пришелся мне по душе: это – единственный в своем роде уголок Крыма; скорее это – кусочек Архипелага[6], чудесно перенесенный в Черное море; и – приклеенный к Крыму. Приезжающие в Коктебель заболевают каменною болезнью: целыми днями они лежат на животе на коктебельском пляже и собирают удивительнейшие камушки: кроме прекраснейших халцедонов, агатов, сердоликов, яшм и пр<очих> камней, просто элементарные камни, омытые морем, являют собою чудесный орнамент: собирая, сортируя камни, слагая из них орнаменты, я впервые понял начало «*Учеников в Саисе*» Новалиса[7]: у коктебельских камней я учился понимать основы темплиерства[8]; к осени у меня было до 120 коробок с разного рода орнаментом из камней; и я для коктебельцев периодически устраивал выставки, располагая коробки по градациям орнаментальных линий и колоритов, моделируя свои мысли об истории и эволюции культур: от Атлантиды до... культуры будущего. Макс объявил, что я сделал революцию в методе собирания камней, а ученые с Карадагской биологической станции просили меня пожертвовать мою коллекцию для биологической станции, как образец петрографического анализа коктебельского пляжа, чего я не исполнил, разрушив эту коллекцию (часть выбросил, часть – привез в Москву).

В Коктебеле, у Макса, было густо и людно: уединиться было почти невозможно; за лето промелькнуло до 200 и более лиц: все больше литераторов, художников, музыкантов; из Москвы как-то запомнились: Шервинский (с женой), проф<ессор> эстетики Габричевский (с женой); Гроссман (с женой), Адалис, П.Н.Зайцев, Брюсов, Шенгели (с женой), Парнах, М.С.Фельдштейн, поэтесса Николаева[9]; из Петербурга: художница Остроумова (с мужем, проф<ессором>), Шкапская, Полонская, Коля Чуковский, очень симпатичный инженер И.М.Моос[10], Евреинова, худ<ожник> Богаевский и т.д.[11]; кроме того: ряд молодежи; было много *наших*; были артистки студий. В общем жизнь была – напряженная, хотя и было нечто, на чем все отдыхали: купанье, игра в мяч и всякие дурачества (танцевали фокстрот, устраивали джазбанд) – вплоть... до...: коллективного кинематографа (в день рождения Макса)[12] с инсценировкой Шервинского, в которой Валерий Яковлевич (покойник) блистательно сыграл «*капитэна*» Пистолэ-де-Флобера, начальника африканской французской фортеции (в Сахаре); я играл роль полубомбиста, полумошенника, Барабулли; и В.Я., исполняя роль наших жизненных отношений, с большим пафосом меня арестовал и посадил в тюрьму[13].

Я очень благодарен Коктебелю хотя бы за то, что перед смертью Вал<ерия> Як<овлевича> с ним встретился и мирно прожил, можно сказать, под одним кровом 3 недели: мы примирились – без объяснения[14]; и как бы простилися (даже дурачились вместе); он был очень хил: ходил, опираясь на палку, и кашлял; но был примиренный и тихий, какой-то грустящий; точно он примирялся, прощаяся, – с миром, с писателями; встретили его довольно враждебно; но он себя вел все три недели столь безукоризненно, что провожали его из Коктебеля с симпатией[15].

Пишу так много о Коктебеле лишь потому, что, все же, – в нем отдохнул от зимних и весенних «*раздёргов*».

Едва ввалился в Москву в сентябре, как снова – ряд неприятнейших сюрпризов, задолженность в 60 червонцев (в счет романа, которого не мог написать в Коктебеле); с 60 червонцами долга и с 1 1/2 червонцами в кармане (надо было платить за комнату) повесился договором с «*Россией*»[16], обязуясь ей доставить роман в 12 печ. листов в 3 месяца за гроши (5 черв<онцев> с листа в журнале и 5 черв<онцев> за напечатание отдельной книгой); в таких тисках начал писать; и – обнаружилось уже: роман (если напишу, не заболевши) будет размером не 12, а минимум 24 печ. листа (шесть листов только *почти* готовы: в 1 1/2 месяца!)[17]; ясно, что, имея долги и гроши в кармане (вдобавок меня 2 раза обокрали, изъяв почти все вещи в смысле теплой одежды и белья) и дойдя с 6 печ. листами в 1 1/2 месяца почти до нервной клиники, я не мог соблюсти договора с «*Россией*»; и теперь меня с мучительной операцией ради спасения меня и романа вырывают из «России» (Пильняк, Воронский[18], Богомильский): новый ряд неприятностей, грозящих дойти до народного суда; извольте при этом спокойно писать ответственный роман «*Москва*», в котором не должны быть произнесены слова: «*дух*», «*душа*», «*Бог*», «*мистика*», «*красота*» и т.д.; и в котором должна быть изображена революция (всё – цензурно!).

Не сладко живется: ни материально, ни морально!

Кроме того: ряд неприятностей с «*реперткомом*» в связи с постановкой «*Петербурга*» (реперткома требует 1) чтобы «*сенатор*» был изображен Чеховым «*антипатично*» и чтобы «*положительный революционер*», мною введенный в драму, был бы мною «*художественнее*» развит и чтобы не «*положительные*» революционеры были бы названы эс-эрами; я – категорически отказываюсь)[19]; Чехов и 1-ая студия идут на то, чтобы пьеса в данном тексте репетировалась (Чехов готов идти на скандал снятия с репертуара перед представлением); словом, и тут – неразбериха, как неразбериха и с обращением писателей в Совнарком: обращение пока – заморожено; обхаживали Луначарского: обещал; и – «*ни тпру, ни ну*»; теперь Эфрос обхаживает Бухарина: Бухарин обещает заседание «*Совнаркома*», посвященное литературе[20].

Нет, – лучше в Москву не спускаться: и сижу за Москвой-рекой, почти никого не видя: только спускаюсь через реку к Васильевым[21]. Расходилось сердце, систематическая бессонница, а надо – писать, писать, писать: много, «*художественно*» и – «*цензурно*»...

Вот внешние очертания моей жизни: за Москвою-рекой работа по 18 часов в сутки, бессонные ночи, одышка, головные боли; в Москве – неприятности, неприятности, неприятности; и – отдых у Васильевых. На праздниках собираюсь уехать на недельку к Н.А.Маликову (вдруг объявившемуся) под Малый Ярославец[22]. О Петербурге – не думаю: как ни хочется Вас видеть, но – срочная работа, но – больные нервы, не переносящие встреч (хотя бы и радостных) с друзьями; до того, пока не напишу хотя бы 2/3 романа, я – узник: решил отдыхать (и отдыхать радикально) – потом.

Единственная для меня радость этого сезона – постановка «*Гамлета*» 1-ой студией; не знаю почему, но – эта постановка меня, не театрала, задела, как личное дело[23]; вернее: *знаю, почему* задела; это было первое *дело* М.А.Чехова, протиснутое сквозь театр, – как *нашего друга*; т.е. это для нас было общее дело; ждали провала «*Гамлета*»; ждали снятия с репертуара; вместо этого – всеобщие панегирики, речь Луначарского на генеральной репетиции и пожертвованное звание «почетного артиста» Чехову за «Гамлета»[24]. Парадокс: московские «*Известия*» писали вопреки самим себе, что охватывало «*мистериальное настроение*» (это «*Известия*»-то!)[25], писалось о моральном пафосе, о «*душе*», о «*психологии*» в советской прессе по поводу «Гамлета». И – да: как я жалею, что Вы не увидите «*Гамлета*» долго: «*Гамлет*» Чехова – не «*эстетичный*» Гамлет, а – *хороший, честный, активный, духовный*; дан в пьесе какой-то непередаваемый звук: звук «*мистерии*» соединения Гамлета с *Духом* (не с тенью) отца: и *действование* из этого духовного импульса.

Чехов «*Гамлетом*» пытался сделать первый шаг к отчаливанию театра от современности к новым, духовным берегам, вопреки ряду оппозиций в самой труппе; ждал провала, осуждения; и вдруг – такая победа: и внутри студии, и в Москве вплоть до того, что Станиславский скрежещет зубами[26]. Во время представления он подошел к одной из наших и спросил очень зло: «Так это то – “А...”?»[27] По поводу «Гамлета» ведь Чехов совещался с доктором[28].

Теперь он думает «Петербург» пустить в этом же стиле; форма – античная трагедия: драма «кармы»; будут даны два плана: 1) реалистический (говорящий текстом), 2) немой, говорящий жестами (и там: Люцифер, Ариман, Импульс, элементарный мир и т.д.). Стиль постановки меня занимает.

Вот только – путаница с цензурой: сорвется!

Дорогой Разумник Васильевич, – простите за это внешнее письмо: оно скорее – информационное, и оно немое: повторяю, я живу все эти месяцы вне жизни, вне слов, вне почти мыслей; качу свою измученную, надломленную машину по дням, неделям и месяцам: «*Бориса Бугаева*» и даже... «*Андрея Белого*» – два колеса сломанного велосипеда; живу я не в них, а за ними, ушедшим – «*туда*»; живу – *оттуда* сюда.

Оттого-то так жалко цепляюсь за слово.

Почти ничего не пишу о Вас, даже не спрашиваю: знаю, что – трудно: спрашиваю Вас о Вас почти ежедневно от «*Я*» к «*Я*»; знаю, что «*Вы*» живы, а «*Разумник Васильевич*» так же замучен, как я; и что же тут спрашивать: жду Вашего письма и внешних известий.

Но будем же катить наши оболочки до слепительного мгновения, которое – будет: завтра, через год, через десять лет, через сто, через тысячу; но – будет же!

20 Зак 3782

И в нем мы найдем оправданье всему.
Христос с Вами. Нежно Вас обнимаю.

Борис Бугаев.

P.S. Мой привет Варваре Николаевне, Иночке; и – всем общим друзьям.

[1] Белый ошибочно называет так Дмитрия Михайловича Пинеса.

[2] Ср. п.143, примеч.3, 4. В протоколе допроса А.С.Петровского от 18 марта 1924 г. в графе «показания по существу дела» записано: «Я являюсь членом Антропософического общества, которое в мае 1923 года было распущено. После того как общество было распущено, мы, члены его, продолжали собираться то у одного, то у другого на квартире как частные знакомые между собою люди. Собрания происходили один-два раза в месяц. Преимущественно собирались у Чехова Михаила Александровича, приходили на собрания: Андрей Белый, Васильева Клавдия Николаевна, Анисимова Вера Оскаровна, Шмерлинг Марк Владимирович, Анненкова Ольга Николаевна, Трапезников Трифон Георгиевич, Полиевктова Татьяна Алексеевна. На собраниях читали какую-нибудь книгу, иногда ставились доклады, Андрей Белый прочел о Блоке доклад» (Центральный архив ФСБ. Общий следственный фонд. Дело № Р-31226. Л.9). В заключении от 3 июля 1924 г., содержавшем ходатайство о продлении Петровскому срока содержания под стражей, утверждалось: «Петровский А.С., дворянин, библиотекарь Румянцевского музея, принимал участие в военной шпионской организации, направленной к свержению Сов. власти, посещая нелегальные собрания антисоветских группировок, обсуждавших современное политическое положение и методы борьбы с Сов. властью. При допросе не скрывает своего отрицательного отношения к Советской власти» (Там же. Л.19). Более подробная аргументация содержалась в заключении уполномоченного IV Отделения КРО ОГПУ Г.Т.Федулеева от 17 ноября 1924 г. (основанная в значительной части на сведениях, полученных из однократного допроса Петровского):

«Петровский А.С., 42-х лет, с высшим образованием, дворянин, русский, библиотекарь Румянцевского музея, арестован как имевший тесную связь с Московской католической общиной, в лице высланного за границу Абрикосова и др. При допросе показал, что он член антропософического общества – каковое в мае 1923 года было распущено, но члены этого общества продолжали собираться то у одного, то у другого члена, собрания происходили раза два в месяц, на каковых ставились доклады и читались книги, также велась переписка с заграницей с аналогичными обществами (в частности Петровским), каковые находятся в Гетеануме и Штуттгарде <sic!>, где также находятся курсы по распространению антропософического движения и пропаганде вне государственного университета. Из допроса также видно, что Петровский наиболее близок к толстовству и не скрывает своего отрицательного отношения к Сов. власти, в смысле разрешения свободы слова для всех классов и группировок. По секретным же сведениям видно, что на устраиваемых нелегальных собраниях обсуждалось современное политическое положение и методы борьбы с Советской властью и что данное общество занималось шпионажем.

На основании вышеизложенного полагаю:

Петровскому Алексею Сергеевичу запретить проживание в 6 пунктах и погрангуберниях, сроком на три года. Дело следствием прекратить и сдать в архив, документы и переписку возвратить.

Справка: Петровский А.С. арестован 8-го марта, содержится в Бутырской тюрьме» (Там же. Л.36). Распоряжение об освобождении А.С.Петровского из-под стражи последовало 19 декабря 1924 г.

[3] Вячеслав Рудольфович Менжинский (1874–1934) – партийный и государственный деятель; с 1923 г. – зам. председателя, с 1926 г. – председатель ОГПУ. Контакты с Менжинским – по линии отдаленных родственных связей – имела К.Н.Васильева; по свидетельству Н.И.Гаген-Торн, с разрешения Менжинского она приезжала в 1923 г. в Берлин для встреч с Белым (см.: *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.550).

[4] В Штутгарте в сентябре 1919 г. была основана Свободная вальдорфская школа, базировавшая свои педагогические задачи на антропософских идеях; с того времени Штутгарт, наряду с Дорнахом, стал основным центром деятельности Р.Штейнера. Русское Антропософское Общество официально прекратило свое существование в 1923 г. – как не прошедшее регистрацию согласно постановлению ВЦИК РСФСР от 3 августа 1922 г. «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов». См.: Жемчужникова М.Н. Воспоминания о Московском Антропософском обществе (1917–23 гг.) // Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. Paris, 1988. С.52.

[5] Ср. описание инцидента, происшедшего в Коктебеле между Белым и Волошиным: Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989. С.141-142. Возможно, М.А.Волошин под-

разумевал наметившиеся осложнения в отношениях, когда писал Белому два месяца спустя после его отъезда из Коктебеля (15 ноября 1924 г.): «К концу лета я чувствовал себя смертельно усталым от того непрерывного потока людей, который шел через меня с февраля месяца <...>, но теперь с глубоким чувством вспоминаю все, что было. Особенно наши вечерние беседы в самом начале лета, когда еще было не так людно» (*РГБ*. Ф.25. Карт.13. Ед.хр.12).

[6] Подразумеваются греческие острова в Эгейском море (Белый ознакомился с ними в апреле 1911 г.).

[7] Ср. в философской повести «Ученики в Саисе» (1787–1798) немецкого романтика Новалиса (наст. имя Фридрих фон Гарденберг, 1772–1801): «...фигуры, видимо входящие в состав той великой тайнописи, которую мы замечаем всюду – на крыльях, яичных скорлупах, в облаках, в кристаллах и горных породах, на замерзающей воде, внутри и снаружи гор, растений, животных и людей, в небесных светилах, на круглых пластинках смолы и стекла при касании и трении, в железных опилках вокруг магнита и в странных совпадениях случайностей. Некое предчувствие говорит, что в них-то и заложен ключ к этой чудесной письменности, грамота ее языка <...>»; учитель, «который умеет собирать черты, повсюду разбросанные», «набирал себе камней, цветов, жуков всякого рода и различным образом располагал их в ряды. К людям и к животным он присматривался, сиживал на берегу моря, искал раковины» (Немецкая романтическая повесть. М.; Л., 1935. Т.1. С.109, 110. Перевод А.Габричевского).

[8] Католический духовно-рыцарский орден тамплиеров (храмовников) был основан в 1118 г. в Иерусалиме на месте храма Соломона; упраздненный в 1312 г., он возрождался затем в деятельности многочисленных тайных религиозных общин – прежде всего в ордене розенкрейцеров и позднее в масонстве.

[9] Перечисляются: Сергей Васильевич Шервинский (1892–1991) – переводчик, поэт, прозаик; жена его – Мария Сергеевна (урожд. Соловьева, во втором браке Протасьева, 1899–1973), художница-декоратор; Александр Георгиевич Габричевский (1891–1968) – литературовед, искусствовед, переводчик; жена его – Наталья Алексеевна (урожд. Северцева; 1901–1970), актриса, художница (оставила воспоминания о пребывании в Коктебеле летом 1924 г.; см.: Андрей Белый «террорист». Из воспоминаний Н.А.Северцевой-Габричевской / Публикация Ф.О.Погодина и О.С.Северцевой // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.112-117.); Леонид Петрович Гроссман (1888–1965) – прозаик, критик, литературовед; жена его – Серафима Германовна (урожд. Айзенгарт); Аделина Ефимовна Адалис (наст. фам. Ефрон; 1900–1969) – поэтесса; Георгий Аркадьевич Шенгели (1894–1956) – поэт, переводчик, стиховед; жена его – Юлия Владимировна (урожд. Дыбская, во втором браке Барсукова, 1896–1972), издательский работник; Валентин Яковлевич Парнах (1891–1951) – поэт, переводчик, актер, брат С.Я.Парнок; Михаил Соломонович Фельдштейн (1884–1944) – юрист, переводчик; Евгения Константиновна Николаева (1898–1940-е).

[10] Имеется в виду Илья Маркович Басс (см. о нем ниже, п.153), друг мужа М.М.Шкапской – инженера-электрика Г.О.Шкапского.

[11] Константин Федорович Богаевский (1872–1943). См. также примеч.14 к п.143. Ср. воспоминания Белого о коктебельском лете 1924 г. в очерке «Дом-музей М.А.Волошина» (1933) (Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С.509-510).

[12] В день рождения Волошина, 28 мая (16 мая ст.ст.), Белый выехал из Москвы в Крым. Здесь подразумевается день именин – 26 августа (13 августа ст.ст.).

[13] Это представление описывают также Л.П.Гроссман в очерке «Последний отдых Брюсова» (Гроссман Л. Борьба за стиль. Опыты по критике и поэтике. М., 1927. С.294-295) и Н.А.Северцева-Габричевская (Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.114-116). Ср.: *НВ*. С.516.

[14] Белый прекратил личные отношения с Брюсовым в начале 1912 г. – после того как П.Б.Струве, редактор журнала «Русская Мысль» (литературным отделом которого заведовал Брюсов), отказался принять к печати рукопись романа, заказанного Белому (будущего «Петербурга»). См. вступ. статью С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова к публикации переписки Брюсова и Белого (*ЛН*. Т.85. Валерий Брюсов. М., 1976. С.344-345), а также: Ямпольский И. Поэты и прозаики. Л., 1986. С.345-349 (статья «Валерий Брюсов о “Петербурге” Андрея Белого»); Черников И.Н. В.Я.Брюсов и творческая история романа А.Белого «Петербург» // Брюсовские чтения 1983 года. Ереван, 1985. С.206-213.

[15] Свое общение с Брюсовым в Коктебеле в августе 1924 г. Белый описал в мемуарах (*НВ*. С.516-517). См. также: Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. М., 1974. Т.3. С.57-58, 66-70; Опалов В.Г. В.Я.Брюсов в Крыму // Известия Таврического об-ва истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1929. Т.3 (60). С.163-164; Мануйлов В.А. Валерий Брюсов и Максимилиан Волошин // Брюсовские чтения 1971 года. Ереван, 1973. С.458-474; Купченко Вл. Лето 1924 года в Коктебеле // Новый журнал. Кн.168/169. Нью-Йорк,

1987. С.239-259; *ЛН*. Т.98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн.2. М., 1994. С.270-271, 394-396 (вступ. статья К.М.Азадовского и А.В.Лаврова к публикации переписки Брюсова и М.А.Волошина, мемориальные записи Волошина о Брюсове в Коктебеле).

[16] Имеется в виду ежемесячный общественно-литературный журнал «Россия» (ответственный редактор – И.Лежнев).

[17] В октябре–ноябре 1924 г. Белый написал 1-ю и 2-ю главы 1-й части романа «Москва» (*РД*. Л.119об.).

[18] Александр Константинович Воронский (1884–1937) – литературный критик, публицист, прозаик; член РСДРП(б) с 1904 г.; редактор журнала «Красная новь» в 1921–1927 гг., руководитель издательства «Круг».

[19] Решение о немедленном начале работы над постановкой «Петербурга» было принято на заседании режиссеров и правления МХАТ 2-го 18 сентября 1924 г. (*Чехов 2*. С.488). Затруднения с прохождением пьесы через цензурную инстанцию (Главрепертком при Наркомпросе РСФСР) Белый надеялся преодолеть с помощью А.В.Луначарского; Белый сообщал М.А.Чехову 17-18 ноября 1924 г.: «Анатолий Васильевич Луначарский передал мне экземпляр "*Петербурга*", указывая на то, что готов всемерно содействовать разрешению "Петербурга"» (Козлова М.Г. «Меня удивляет этот человек...» (Письма Андрея Белого к Михаилу Чехову) // Встречи с прошлым. Вып.4. М., 1982. С.228). В цензурном разрешении постановки «Петербурга» сыграла, видимо, важнейшую роль позиция Луначарского, выраженная им в письме к председателю Главреперткома И.П.Трайнину от 29 ноября 1924 г.: «Я прочел пьесу Белого, она действительно плоха. В общем и целом с оценкой вашей и оценкой ваших сотрудников я не могу не согласиться; тем не менее я не знаю, следует ли запрещать эту пьесу. Насколько я могу судить по некоторым частным разговорам с Белым, настроение его чрезвычайно благоприятное, толкающее его почти целиком на новые пути, насколько это для такого, мягко выражаясь, оригинального человека возможно. С другой стороны, в пьесе есть выигрышные режиссерские и актерские моменты, и, по-видимому, театр крепко держится за эту инсценировку. Я вообще считаю, что лучше разрешить лишнюю пьесу, взявши ее потом в серьезный переплет марксистской критики, чем не разрешать такую, которая существенного вреда принести не может, и думаю, что вряд ли пьеса Белого его принесет, она, может быть, скорее послужит хорошей мишенью для стрел нашей критики. <...> Если Репертком полагает, что пропустить эту пьесу для него, Реперткома, компрометантно, то я бы на месте Реперткома дал соответственное заявление: "Пьесу мы находим плохой, с непроизвольно контрреволюционным смыслом, душком толстовства, но пропускаем ее, ставя ее в центр критического обсуждения"» (*ЛН*. Т.82. А.В.Луначарский. Неизданные материалы. М., 1970. С.398-399. Публикация Л.М.Хлебникова).

[20] Абрам Маркович Эфрос (1888–1954) – литературный и художественный критик, искусствовед, переводчик; с 1919 г. возглавлял отдел охраны памятников старины и искусства в Наркомпросе; член правления Всероссийского Союза Писателей. Николай Иванович Бухарин (1888–1938) – партийный и государственный деятель, член Политбюро РКП(б), главный редактор газеты «Правда». В ноябре 1924 г. Белый участвовал в трех писательских встречах, на которых готовилось обращение к властям: «Обсуждение проекта петиции в "Совнарком" у Пильняка (Эфрос, Шкловский, Пильняк, Лидин, еще кто-то, я)»; «То же обсуждение у Вересаева»; «То же обсуждение у Луначарского (на квартире)» (*РД*. Л.119об.). Обращение большой группы советских писателей в отдел печати ЦК, предшествововавшее появлению резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г., однако, подписи Белого не имеет. См.: К вопросу о политике РКП(б) в художественной литературе. М., 1924. С.106; Богомолов Н.А. Андрей Белый и советские писатели. К истории творческих связей // *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.326.

[21] См. примеч.12 к п.141. Ср. запись Белого о декабре 1924 г.: «Грустное время: тень Берлина еще надо мной. У Анненковых <...> становится невыносимо; единственное убежище у Васильевых» (*РД*. Л.120).

[22] Эта поездка не состоялась.

[23] См. примеч.10 к п.143. Белый присутствовал на публичной генеральной репетиции «Гамлета» 17 ноября 1924 г.; свое восторженное впечатление от постановки (в которой он ощутил «звук "*мистерии*"») Белый изложил в письме к М.А.Чехову (с датировкой: «В ночь после генеральной репетиции "Гамлета"»). См.: Встречи с прошлым. Вып.4. С.226-228.

[24] По окончании спектакля 17 ноября А.В.Луначарский передал М.А.Чехову грамоту о присуждении ему звания заслуженного артиста государственных академических театров. См.: *Чехов 2*. С.488-489; Громов В. Михаил Чехов. М., 1970. С.131-132; Луначарский А.В. Собр. соч. В 8 т. М., 1964. Т.3. С.213.

[25] Имеется в виду статья Х.Н.Херсонского «“Гамлет” в молодом МХАТ», напечатанная в «Известиях» (после генеральной репетиции) 19 ноября 1924 г. (№264. С.7); в ней, в частности, отмечалось: «Световая, музыкальная и хоровая композиция создает почти мистериальное настроение трагедии». Этот отклик на постановку стал предметом полемики на страницах «Нового зрителя» (см.: Михаил Чехов. Аннотированный библиографический указатель / Сост. Л.Р.Левина, С.А.Смелянская. М., 1994. С.51).

[26] Отзыв Константина Сергеевича Станиславского (1863–1938), бывшего на генеральной репетиции «Гамлета», зафиксировал И.М.Кудрявцев: «...вместо подлинной трагедийности у него истеричность <...> Словом, я ушел после спектакля огорченный» (Виноградская И. Жизнь и творчество К.С.Станиславского. В 4 т. М., 1973. Т.3. С.444-445).

[27] Подразумевается: Антропософия.

[28] Будучи в Германии летом 1924 г., Чехов 24 июля посетил Р.Штейнера (*Чехов 2*. С.487). В воспоминаниях «Жизнь и встречи» (1944) М.А.Чехов признавал: «...мои духовные знания и в особенности технику конкретного применения их в искусстве я вынес из антропософии, из эвритмии Рудольфа Штейнера, из его учения о художественной речи и т.п.» (*Чехов 1*. С.180). См. также: Бюклинг Лийса. Михаил Чехов и антропософия: из истории МХАТ Второго // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. IV. «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. Тарту, 1995. С.249.

147. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
10 декабря 1924 г. Москва[1].

Москва. 10 декабря 24 года.

Дорогой и глубоколюбимый Разумник Васильевич,
я спешу Вам ответить хотя в двух словах на Ваше письмо; я писал Вам до получения Вашего; странно, что кое в чем наши письма совпали; а именно: в оценке времени.

Прежде всего, ради Бога, не думайте и не торопитесь с присылкою гонорара: вышлите, когда будет можно, когда явится надлежащая оказия; и т.д. Я теперь оправился и не слишком денежно стеснен (конечно, – относительно); за это время у меня случались критические моменты; в один из этих моментов я чуть было не зарезал свой роман, связавшись договором с «*Россией*» (как когда-то с Гржебиным)[2]; теперь меня выцарапывают люди добрые: Пильняк и Воронский.

И в материальном отношении, думаю, будет сноснее.

Прочтя Ваше письмо и просидев вечерок с Дмитрием Михайловичем[3], я особенно почувствовал Вас, перенесся к Вам, в Царское: за чайный стол; с наслаждением бы приехал в ближайшее время, да – грехи тяжкие: не пускают; недели, дни, даже часы – все размерены; подумайте: каждые 3 месяца должен поставить 6 печатных листов[4] (по контракту с «Россией» был должен бы оные 6 листов поставлять в два месяца); как-никак – «*художественная*» проза, – т.е., – должна быть художественной; боюсь, что мое покушение на роман, да еще с громким заглавием «*Москва*» – останется покушением с негодными средствами; негодные средства – сорванное здоровье, тяжелейшие моральные и цензурные рамки; и наконец, ощущение, что все это не ко времени: одна пустяковина; эта последняя мысль лишает так называемого вдохновения; пишу ради долга: ну так, как Вы переводите инженерный роман[5]; тащусь ломовою клячею по страницам; выходит – и вяло, и серо; и – сам себя утешаю:

Не требуй песен от певца,
Когда житейские волненья... и т.д.[6]

Утешение несколько витиеватое: «*Мы мудрецы и поэты*» – цитируете Вы Валерия Яковлевича; и прибавляете: «бедный»! Да – «*бедные*» мы: Вы, я, Сологуб, очень многие прочие; «*бедные*» – не в смысле духовно-душевного обнищания, а в смысле отсутствия возможности расправить крылья: не мы виноваты; и я несу свою «*бедноту*» почти с юмором, катя по дням свой роман: перемарываю, перечеркиваю, переписываю; что-то такое выходит; читал отрывки; и – нравятся: мне – не очень.

Так вот: ввиду трудности, срочности, кропотливости написания, я не могу себе позволить роскоши приехать в Петроград, ибо... – захочется ведь с людьми побыть; а побыть-то – нельзя.

Во-вторых: с Рождества начинаются репетиции «*Петербурга*»[7]. И Чехов, и Татаринов (режиссер)[8] меня просят бывать возможно чаще на репетициях, чтобы вместе с ними со-ставить «Петербург»: может быть, что-нибудь общими усилиями и составится... Ну – вот: роман, «*Петербург*»; и – все часы густо заняты.

Я уж приеду тогда, когда будут написаны хоть 2/3 романа: к весне, иль весною; и будет мне наслажденьем огромным пожить с Вами: две-три недели, иль месяц: по-старому! Как вспоминаю я наши сидения вместе, или мои поджидания Вас из Питера, к чаю.

Не представляю себе студенткою Иночку!

Мне Дмитрий Михайлович кое-что рассказывал о петербургском житье-бытье; как противоположно Москве! И – думаю: все же я питерец больше, чем москвич; то, что у нас происходит в Москве, мне в высшей степени не нравится; счастлив, что река отделяет меня от сего Вельзевулова города, где приходится по улицам идти, как по чужим, ушмыгивая поскорее куда-нибудь: в какую-нибудь уютную квартирку; для меня Москва – это Девичий Монастырь, подвальчик на углу Плющихи и Долгого переулка[9], да комната Нилендера; остальное – все чуждо.

Ну, милый Разумник Васильевич, – обнимаю Вас крепко; с первой оказией напишу большое письмо; а пока буду уж лучше посылать открыточки Вам.

Мой сердечный привет Варваре Николаевне и Иночке.

Остаюсь любящий Вас Борис Бугаев.

Мой адрес: Москва. Бережковская набережная. Красный Луг. Дорогомиловский химический завод. Кв<артира> А.И.Анненкова. Мне.

[1] Ответ на п.145.

[2] См. примеч.2 к п.124. См. также: Хлебников Л.М. Из истории горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З.И.Гржебина» // *ЛН*. Т.80. В.И.Ленин и А.В.Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., 1971. С.668-703; Гржебина Е. З.И.Гржебин – издатель (По документам и воспоминаниям дочери) // Опыты. 1994. №1. С.177-206 (комментарии Г.Ковалевой).

[3] Д.М.Пинес.

[4] Белый принял на себя эти договорные обязательства по роману «Москва» с артелью писателей «Круг» после расторжения договора с журналом «Россия». См. письма Белого к Д.К.Богомильскому от 5, 8, 15 декабря 1924 г. и письмо Н.Э.Хелминского к Богомильскому от 5 декабря 1924 г. (*Минувшее 15*. С.338-339, 344). Описывая события декабря 1924 г., Белый отметил: «Переделываю 2 первых главы "Москвы" и отдаю их "Кругу"» (*РД*. Л.120). Под заглавием «Москва. Роман. Ч.1. Гл.1-2» эти главы были напечатаны в двух выпусках альманаха «Круг» (М.; Л., 1925. [Кн.]4. С.19-73; [Кн.]5. С.27-91).

[5] Имеется в виду роман Пьера Ампа «Рельсы» (см. примеч.15 к п.145).

[6] Цитируется романс «К Молли» («Не требуй песен от певца...») из цикла «Прощание с Петербургом» (1840) М.И.Глинки на слова Н.В.Кукольника.

[7] Репетиции «Петербурга» (с М.А.Чеховым в роли Аполлона Аполлоновича Аблеухова) начались с 13 января 1925 г. (*Чехов 2*. С.490).

[8] Режиссер МХАТ 2-го Владимир Николаевич Татаринов (1879–1966) был постановщиком «Петербурга» наряду с С.Г.Бирман и А.И.Чебаном.

[9] Квартира Васильевых (см. примеч.21 к п.146).

148. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
3 марта 1925 г. Детское Село.

3/III 1925

Милый и любимый Борис Николаевич,

– Дмитрий Михайлович[1] свидетель, что писал я Вам «несколько фунтов», чтобы послать с ним; перечел – и бросил в корзину. Все не то. Я погряз в переводах глупейших романов (да и то еще счастлив, когда их имею)[2], очень устаю, для себя работать – времени не остается. Вам все это время не писал, твердо решив – посылать

письма только с оказией; но вот и оказия пришла, а не посылаю, – лучше ничего, чем усталые ночные строки после дня глупой работы. Думаю о Вас и вспоминаю очень часто – и очень рад, что Вы – в своей работе (роман). Говорила мне Софья Гитмановна[3], что на летний отдых собираетесь Вы в наши северные края: вот хорошо бы! А я всё целился в Москву и совсем было собрался теперь, в начале марта, – да не тут-то было: «роман» не пускает.

Когда настроение мое станет немного лучше – напишу Вам, – а теперь не могу: оглупел, закислился, устал. Может быть, весною приду в себя. – Не забывайте. Люблю Вас крепко, вспоминаю постоянно, и надеюсь еще и свидеться и поговорить постаринному.

Крепко обнимаю Вас, милый Борис Николаевич; не сердитесь за краткость этих строк.

Всегда Ваш Р.Иванов.

[1] Д.М.Пинес.

[2] См. примеч.15 к п.145.

[3] С.Г.Каплун (Спасская).

149. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
Начало марта 1925 г. Москва.

Дорогой друг,

Как-то сильно потянуло вдруг Вам написать.

Я Вас так ждал в Москву[1], приготовился к встрече с Вами (говорили, что Вы будете в Москве 25-26-го февраля), мысленно с Вами беседовал, – даже: было Вам оставлено М.А.Чеховым место на «*Гамлете*» (27-го); и Вы – не приехали...

Вот и вырвалось вдруг у меня к Вам это письмо...

Жизнь у нас напряженная, бурная, интересная, трудная, почти... непосильная; ведь и радость утверждения жизни ныне только в пунктах непосильного несения креста жизни; не думаешь о том, сколько проживешь, а о том, чтобы последний аккорд жизни застал тебя на твоем жизненном посту... Ведь утомляться-то еще всем нам – недолго: максимум лет 10; а потом – долгий отдых... Вспомнишь все это; и – повеселеешь...

Вот и Михаила Осиповича не стало[2]; и, право, завидую ему: человек бурлил, кипел, как поставленный на печке кофейник, до последней минуты; а потом в одни сутки – сложил руки, улегся; и мы вокруг него стали; и спели ему и «*Вы жертвою пали*»[3], и <нам?>[*] что-то по-еврейски раввин кричал; я не знаю, что он такое кричал, но – в кредит с ним соглашался; и кричал мысленно вместе с ним; одно место в еврейской панихиде я понял, это когда раввин, так сказать, отворяет дверь покойнику и представляет его Иегове: «Такой-то, мол, пошел к Тебе»... Нечто вроде визитной карточки... Так странно среди гортанных еврейских восклицаний зычное «*Профессор Гершензон*»; и далее – опять по-еврейски там что-то: «*Пошел, мол, к Тебе...*» И показалось мне, что – встал и пошел в эту минуту «*профессор Гершензон*» – такой небольшой, в сюртучке: прямо из Никольского переулка по перпендикуляру (сквозь крышу!) в коперниканское пространство, мимо Луны, Солнца, к... к... куда?.. К созвездию Лебедя?.. Нет, – дальше: созвездие Лебедя, вероятно, лишь какая-нибудь узловая станция, ну там – Орел, Курск, Харьков – в его путешествии к Иегове: в какую даль человек поехал![4] А за несколько дней до того сидел со мной – здоровый, веселый, бодрый – и кипятился моей лекцией «*Пушкин и мы*», устроенной им в «*Академии Худож<ественной> Культуры*»[5]... И – никуда не собирался; в доме – никаких приготовлений; ни чемоданчика, ни сак-вояжа. И – вдруг: нате! Светлая смерть!

И как-то особенно я почувствовал свое культовое безразличие и одинакое уважение ко всем обрядам, если они предлог – почтить человека; а «*такого*» человека –

[*] *Текст уничтожен чернильным пятном.*

было чем почтить; как-то сразу обнаружилось после его смерти: всем – «*дал*», всеми – горел, никого – не обидел. Даже самые лучшие люди огорчают друг друга; не странно слышать: «*Меня огорчил Блок*», «*меня огорчил Клюев*». Но совершенно невозможно было представить себе кого-нибудь, кто бы мог сказать: «*Меня огорчил Гершензон*». А ведь порою «*какою кипучкой*» он был: раз на меня – натопал, накричал, почти выгнал от себя (за заметку «*Штемпелеванная Культура*»)[6]; я – смутился; и – внутренне сказал себе: «*Заслужу прощение*»... И – заслужил; дулся на меня два месяца; и после – вернул расположение; и как от «*сердца*» – кричал, так от «*сердца*» – простил; и весь этот случай между нами остался в моей памяти не как огорчение, а как – ей-Богу – светлое воспоминание, как «*нежность*» к Гершензону.

Никого не обидел!

Наоборот: всех соединил над гробом; лежал в гробу с таким видом, что соединяет нас, мирит, благословляет (как-то похорошел); глядел я на него; и – думал: «А ведь какой красавец лежит!» Это – Михаил-то Осипович (нос – крючком, губы – сливой). Как-то продуховел в гробу, просиял: лежал – красавцем. И не случайно вокруг него соединились обряды: сам был «*еврей*», «*жена и дети*» – христиане, брат жены (Гольденвейзер) – толстовец[7]; и все – стояли над ним; и каждый молился по-своему (раввин – «*кричал*»); потом пришли люди из «*Академии*», где работал он, и понесли на Пречистенку (в бывшую гимназию Поливанова, где – Академия)[8]; там величали «*гражданским*» порядком: с «*Реквиумом*» и с «*Вы жертвою пали*». И опять-таки – *вышло*: было хорошо. И «*коммунисты*» были очень деликатны с покойным: хоронили его, как «*идеалиста*», как одного из «*последних могикан*» идеализма и прекрасного человека[9]. И чувствовалась – даже... «*смычка*» (только вот А.Н.Чеботаревская[10] «*дернула*» истерику: в данном случае «*истерика*» была не у места; можно было устроить истерику где угодно, но не над гробом этого человека, когда над ним пролетал «*тихий ангел*» и когда «*материалисты*» вели себя безукоризненно). Правильно или неправильно думал покойный о «*смычке*», но он же был «*смычкой*»; и надо было иметь такт, чтобы понять: хоронили Гершензона *так*, как он работал в жизни («*смыкая*» людей); и если бы он присутствовал сам на своих похоронах, то остался бы доволен «*лейт-мотивом*» *мира* душевного, с которым стояли над его прахом; Ал<ександра> Ник<олаевна> Чеботаревская выскочила – озлобленная, исступленная (настоящая Роза Дартль[11]; ей бы – мужа!), и, потрясая «*Богом*», как томагавком, кричала о том, что мы все погибнем; она одна была «*размычкой*», ненужным вскриком в ноте *тишины*[12].

Даже до смешного вышли эти похороны Гершензона – примирением людей над памятью его; он – примирил меня с П.С.Коганом[13]. На похоронах Брюсова (я не участвовал в процессии, – лишь «*от себя самого*» проводил на тротуаре Брюсова вдоль Пречистенки) со мной случился инцидент; остановилась процессия под «*Академией*»; с балкона говорили речи; я случайно стоял под балконом; говорил «*нарком*», потом говорил Коган, «*президент*» Академии (глупую пошлятину с «*великий*» Брюсов)[14]; а я тут вспомнил, что он стал писать в «*На посту*»[15], вспомнил, как 15 лет назад он ругательски ругал Брюсова[16]; и вдруг – рассердился; когда Коган кончил, у меня вырвалось – среди торжественной, погребальной тишины – на всю улицу (как говорили, «*отчетливо звонко*», – я же думал, что – никто ничего не слышал): «А что вы говорили 15 лет назад?» Тут из процессии раздались увещания: «Борис Николаич, похороны не место дебатов»... Мне стало неловко; посмотрел я, – а прямо передо мной, в почетной коляске с «*красным, революционным*» бантом на груди почетный комсомолец, «*профессор*» Рачинский! Я – поспешил скрыться, поняв, что я – на официальных похоронах Брюсова полез «*с суконным рылом в калашный ряд*»... Потом Коган где-то на лекции ссылался на то, что «*кто-то кричал*», и давал объяснения... Но мы с Коганом с тех пор, конечно, избегали друг друга; а на похоронах Гершензона поставили нас, как нарочно, в почетный караул друг против друга. После оставалось лишь подойти друг к другу; и – сердечно протянуть друг другу руку.

Для меня Гершензон в продолжение 16<-ти> лет был *примирителем* и *смычкой* с людьми; и остался себе верен в гробу; у изголовья своего гроба примирил с Коганом.

Милый Разумник Васильевич, – пишу Вам так подробно о Гершензоне, потому что смерть его как-то всколыхнула; почувствовалось – еще одно упраздненное место

на «жизненном пиру». В эпоху 1908-1910 годов и в эпоху 1916-1917-го не было недели, чтобы я не сбегал к покойному: тащил ему свои мысли, работы; ходил к нему – «*просто так*», посидеть; и вот недавно еще – вдруг с неудержимою силою потянуло к Михаилу Осиповичу после почти годового «*невиданья*»; просидел с ним 3 вечера; и точно – простился...

27-го февраля был *пятый* раз на «*Гамлете*»: рассчитывал, что будем сидеть с Вами; и очень грустил, что Вас нет. «*Гамлет*» в этом сезоне занимает в моей душе большое место. И не знаю, как это Вам объяснить. Прежде всего – не думайте, что я стал «*театралом*» (я определенно не люблю театра); и не думайте, что я стал «*поклонником*» таланта артиста Чехова; я на старости лет не способен увлекаться. Я хотел бы Вам объяснить свое «*увлечение*» «*Гамлетом*» не в порядке того шума, который вызвал «*Гамлет*», а как-то иначе... Я еще до постановки видел, с каким благоговением группа артистов с Чеховым готовилась к постановке, и невольно вошел в ритм дум о Гамлете, где-то соучаствовал; я знал, что люди шли на репетиции, как в храм, что каждая деталь вынашивалась из подлинного сердечного горения, что о «*театре*» в театре забывали; и, не видя «*Гамлета*», я уже сердцем говорил этому делу «*да*», особенно сойдясь в прошлом году с Мих<аилом> Алекс<андровичем> Чеховым на почве «*нашей с ним общей, не театральной*» работы[17]; увидев в нем человека, глубокого, мятущегося, «*нашего*» (мог бы сказать, «*вольфильского*», мог бы сказать, «*а<нтропософ>ского*»), я его просто полюбил; мне показалось, что он вошел в нашу семью, ну как Алексей Сергеевич[18], например; и я «*a priori*» говорил «*да*» всем возможным «*падениям*» сценическим, всей «*наготе*», всей «*обнаженности*» в выявлении стремления Чеховым: «Будить сердца»... И сеять в измученных душах «*полезное, доброе, вечное*»[19] (употребляю эти слова в их сокровеннейшем, священнейшем смысле).

Признаться, – я ждал, что будет неумело и немного «*глупо*», немного «*стыдно*»; ведь прецедентов таких еще не было за последние 25 лет в театральной жизни. Ставили пьесы или – рутинно, или – разрешая тот или иной «*трюк*», или преследуя холодное тенденциозное задание здесь – реализма, там – схематизма. А тут ставилась пьеса, как «*молитва*» без предвзятых «*трюков*»; «*жар сердца*» и жест «*любви*» оказывались непроизвольной тенденцией постановки: так, как Гоголем «*не написалась*» 2-ая часть «*Мертвых душ*»; и я был уверен: именно потому, что вторые части «*Мертвых душ*», т.е. «*Души живые*», в жизни сей обречены на провал (об этом Ариман позаботился гениально), провалится и «*Гамлет*». И кроме того: я, признаться, не верил, чтобы посредством этой пьесы можно было бы выколдовать «*душу живую*»; мне представляется Гамлет в берете «*гамлетизма*» и в позе «*быть, или не быть*».

И кроме того: приглядываясь к такой сложной, носящей всякие «*бездны*» душе, как душа Мих<аила> Алекс<андровича>, я думал, что его жест дать со сцены моральный импульс к правде и свету есть показатель лишь трагедии творчества большого художника; а судьба людей, схваченных такой трагедией, либо – давать блоковский «*страшный мир*»[20], либо косноязычное «*таё-таё*» Акима-Толстого[21], либо тупую костанжогловщину[22]. Именно потому, что Чехов большой артист, дающий незабываемые образы, но... гоголевских ужасов и «*ужасиков*», он и провалится с Гамлетом – думал я; после жуткой Недотыкомки-Хлестакова[23], чудовищно смешного Мальволио («12-ая ночь»), незабываемого еврея Фрэзера («*Потоп*») и жутко-истерического Эрика[24], – понятно в большом артисте трагическое: «*Что ж делаю я?*» Понятно стремление к очищению «*правдой духовного Света*» от страшного хохота; ведь то, от чего В.Ф.Коммиссаржевская (тоже – «*душа живая*») бежала в итоге своей деятельности[25], Чехов, еще молодой, уже бежит в начале своей деятельности, т.е., от «*как играть*» к «*как жить*», чтобы жизнь соединить со сценой, чтобы убить в сцене «*сцену*». В прошлом году мы его едва уговорили, чтобы он не бросал своего дела; а то он хотел ликвидировать всё и поступить так, как я поступил в 1912 году[26], т.е. не вернуться, «*уйти*», «*совсем уйти*» (как хотел Толстой, как ушел Добролюбов)[27]. Мне он стал близок, как «*большая душа*», пылающая «*большими вопросами*». На «*Гамлета*» я смотрел, как на выражение «*жеста*» трагедии его индивидуального положения «*быть, или не быть*». А в постановку не верил. Кроме того: мне приходилось видеть, какие трудности приходилось преодолевать, начиная с цензурных и кончая противодействием другой группы артистов той же «*Первой студии*», решивших, что Чехов

«*сошел с ума*» и что он затащит театр туда, куда «*Макар телят не гоняет*»; сам М.А. до самого последнего момента шел на всяческий «*провал*» своей идеи, рассчитывая в лучшем случае лишь на то, что постановка – «*первый блин комом*», что это «*тредьяковщина*» в кредит будущего[28].

И вдруг – неожиданный шум, «*гвоздь*» московского сезона, полный сбор, волнение сердец и прочие сюрпризы! Станиславский со злости корчится, большевики из «*Кремля*» шлют Чехову письма с объяснениями в любви, Луначарский жалует Чехова «*заслуженным*» артистом, «*ВЦИК*» посылает учителей Съезда на «*Гамлета*». И – прочее...

Допускаю тысячи ошибок, допускаю «*энное*» количество отсебятин, перефантазирований, выявления неожиданных рельефов шекспировской драмы, заставляющих многих себя спрашивать: «Шекспир ли показан? “*Гамлет*” ли Гамлет?» В основном – прозвучало одно: показано что-то огромное, монументальное; Шекспир ли это? По-моему – да! Это Шекспир, взятый сквозь призму нашего огромного времени, в котором провалился без остатка «*Ибсен*», еще недавно казавшийся «*великим*», в котором по-новому «*взлетел*» Шекспир, доказавши, что он «*был, есть и будет*» во все времена. А что нет «*академического*» Шекспира, «*академического*» Гамлета, Гамлета до-революционной интеллигенции, что дан Гамлет-герой, революционер духа, – разве это не хорошо? Даже враги этого «*Гамлета*» соглашаются: «*Показано нечто огромное, монументальное*»... И, стало быть, цель «*первого блина комом*» – достигнута. И в этом для меня – *наша общая победа*, «*нечаянная радость*» (может быть, единственная) этого сезона.

Вы спросите меня, что же заставляет меня ходить на «*Гамлета*» (был – пять раз)? Да что-то невероятно-интимное, близкое, милое и знакомое, что встает в душе: сквозь монументальность, как сквозь транспарант, образы «*Гамлета*» понятным сердцу языком «*мне говорят о тайнах вечности и гроба*»[29]; веет от этих образов словами Пушкина «*все, что нам гибелью грозит*», для сердца вещего таит «*неотразимы наслажденья, **бессмертья, может быть, залог***»[30]. Залог бессмертья, завет «*бессмертья*» передает Горацио Гамлет, умирающий в последней картине; показано ясно, что «*повесть о Гамлете*» есть повесть о победе бессмертного «*Я*». До *nec plus ultra** подчеркнута фраза Гамлета: «*распалась связь времен*», т.е. катастрофа «*тюрьмы мира*» («*Дания, может быть, лишь отделенье тюрьмы*»)[31]; и показано *по-новому* воссоединение «*связи*» в «*крестном мече*» Гамлета: показано, что не мир Гамлет несет; но – «*меч*» для Клавдио-короля.

Удивительно, что от дематериализации «*тени*» отца в звук «*Духа-Отца*», соединяющегося с «*Сыном*» и выговаривающего** свои слова из «*Сына*» (в тексте в этом месте всюду вместо «*Я*» – «*Ты*»: слова «*Духа*» произносит Гамлет): «*Ты – во мне и Я в Тебе*», – от такой дематериализации *Дух* воплощается во все картины «Гамлета»; томление Гамлета становится современной для каждого «*Я*» Голгофой («во Христе умираем»)[32], а момент смерти Гамлета, когда его под музыку закрывают знаменами и когда сцена освещается до *максимума*, звучит, как «Христос Воскресе».

И – странно: идея моей поэмы «*Христос Воскресе*», но раз в тысячу мощней, подымается над образами «Гамлета», которые во мне вызывают слова, – слова о мистерии «*Гамлет*», что «*эта мистерия совершается нами – в нас*» и что

Огромная атмосфера
Сиянием
Опускается
На каждого из нас, –
Перегорающим страданием
Века
Омолнится
Голова
Каждого человека[33]...

«*Гамлет*» показан Чеховым в «*перегорающем страдании века*». До соединения с Духом это – меланхолия, «*Ante Lucem*»; в сцене с *Духом* – величайшее потрясение:

---

* *крайней степени (лат.).*
** *В автографе*: выговаривающим

В землетрясениях и в пожарах
Разрывались
Старые шары
Планет[34].

Отсюда, как ударом грома, звучат слова Гамлета: «*Распалась связь времен*».

С момента откровения Гамлета начинается «*безумие Гамлета*», или «*миссия*» его дела: поднять меч на «*мир сей, лежащий во зле*». Совершенно изумительны сцены с актерами; одна – дана сплошь «*в музыке и в эвритмии*», ибо «*символы не говорят, они молча кивают без слов*»[35]. Сцена с матерью всякий раз меня хватает за горло:

И что-то в горле
У меня
Сжимается от умиления.

В ней «*перегорающее страдание*» в Гамлете «*молнит*» Гамлета; в этой сцене Гамлет с «*омолненной*» головою –

Как два
Крыла
Орла,
Сияющие издалёка[36].

В последнюю сцену он вступает, как «*Ecce Homo*»[37], а когда опускают на землю щит с его телом, то

Огромная атмосфера
Сиянием
Опускается
На каждого из нас[38].

Так говорит «*Гамлет*»!

Здесь он не «*принц*», а человек: «*принц*» в нем – «*Я*»; и показано, как в человеке, ставшем Челом Века, Христос не Сверхчеловек, а *только Человек*...

Антроподицея, антропо-софия, революция Духа, – как хотите!

Но мне ясно: как во мне поэма «*Христос Воскресе*» – нищенское выражение для меня соединения двух идей: идеи революции с идеей «*пятого Евангелия*», – так в жесте *Чехова* я вижу по-своему соединение тех же двух идей: русской революции и... того же... «*пятого*» Евангелия (ведь крещены мы с ним «*одним огнем*»); и за всеми образами «*Гамлета*» для меня ясен эзотерический текст его души: вернуть ***доктору*** то, что он получил от ***него***; за «*всем*» я вижу (и я знаю, что это – так) режиссера духовного, через Чехова, давшего Москве Гамлета: в минуту трудную!

Неисповедимы *пути* внутренней... помощи!.. «*Чехов-Гамлет*» в этом разрезе мне видится «*усыновленным*» *Отцом*, внешний знак «*отца*» – один Чехову дорогой человек (и Вы догадываетесь, – «*кто*»...); а внутренний смысл знака: сошествие «*Манаса*», «*Разума*» над мятежами нашего времени.

Пусть все это будет моею субъективной фантазией, хотя расширение «*Гамлета*» до громадного «*символа*» и было в плане чеховской постановки; и – все-таки: разве не чудесно, что «*символы*» эти «*молча кивают без слов*» каждую неделю над Москвой: Ольга Дмитр<иевна> Форш (тоже «*потрясенная*» «Гамлетом») говорила мне, что на галерке с ней рядом сидели простые женщины (одна из них, кажется, была трамвайной кондукторшей); и – плакали; одна из них уже «*третий раз*» на «Гамлете». Стало быть, то, что «*молча*» кивает из слов: берет![39]

Я вот, – «*мистик*»; и мне, стало быть, простительна «*субъективизация*» Гамлета; и все же я знаю, что в плане постановки, в момент «*рационализации*» замысла, Клавдио дан Ариманом, Чертом, отсюда его *лубочно-схематический* облик: это какой-то Ирод с преувеличенно страшными «ха-ха-ха-ха!», с нарочно подчеркнутыми, стилизованными жестами (Чебан[40], играющий Клавдио, по-моему, великолепно справился с таким заданием); а двор – какие-то «*крысы*» в серо-голубых, в серо-черных тонах (цвета Аримана); фон декораций – холодный, черно-синий, т.е. «*подвал с крысами*» и с «*царем крыс*», или «*Дания, как тюрьма*». «*Классиков*» и академических «*шекспирологов*» шокирует такая утрировка; но она имеет свою «*мысль*», коренящуюся в новизне трактовки; пусть постановка и дефектна; какая бы ни была она, но она «*по-новому*» вычерчивает; она и должна быть такой в «*Гамлете*», как «*мистерии наших дней*».

Понятно, что я взят «Гамлетом». А вот чем взяты «*большевики*»? А – взяты: и в этом – правда «*целого*»; эту свою «*взятость*» они формулируют тем, что показан весь ужас «*гнилого*» строя и показан Гамлет, как революционер, как «*активно-волевой*» тип вместо интеллигентного «*нытика*». Другим импонирует Гамлет тем, что это «*активное*» начало есть «*воля к добру*»: показан «*Гамлет*», пробуждающий «*чувства добрые*»; чем «*взята*» трамвайная кондукторша, – я не знаю. Что «*взята*» Москва, доказывает «*полный сбор*» до сих пор (все другие пьесы идут не с «*полным сбором*»; и можно сказать, что почти «*провалилась*» замятинская «*Блоха*»[41], в постановочном смысле рассчитанная на «*современность*», «*дешевые хлопки*» и неверно понятые «*массы*»; а «*массы*»-то как раз хотят больше «*Гамлета*»). «*Взят*», например, такой мало способный на увлечения человек, как Лежнев[42], ни «*интеллигент*» в прежнем смысле, ни «*большевик*», ни «*мистик*», ни «трамвайный кондуктор». Он – по-своему оформляет «*Гамлета*», утверждая в своей статье, что –

*«Да. Мы – завершители. Мы – живое резюме всего отошедшего столетия: его идей, его смятенности, его огненной воли, его горестного отчаяния... Топкое, финское болото перерождается в подземную лаву. Толстовский Каренин оборачивается Аблеуховым-отцом. Гусеница – уже тугой обмот куколки; и мотыльком вырывается из нее Аблеухов-сын, летит в золоченом квадрате комнаты, в тюремной клетке... Симфония... "Петербург"... возмездие всему веку в конце века, "****Возмездие****" (Лежнев разумеет* ***В<озмездие>*** *Блока) – поэтический баланс эпохи, переклик... с зачинателем – Пушкиным. Мы – завершители... Зонд истории в новизне андреевского Лоренцо прощупывает пушкинскую старину*[43]*. Онегин и Печорин, и Чацкий, и Рудин, и Раскольников, и Аблеухов-сын, как и Лоренцо, – восстающие против отцов дети, принцы крови и духа, устроители дворцовых переворотов, мятущиеся в... квадратах отцовского дома... Кругом... челядь, провокация, Бенкендорфы. Между принцем* и народом – стена в... завитушках ампир; народ глух и нем... Горестно исповедуется пушкинский принц-пророк: "****Как труп в пустыне я лежал****"*[44]*. В принце-пророке – смятенная душа. Он гневно наскакивает на стену и... расшибает себе лоб. То... – декабристы... Теряется в лабиринте миражей... Но... горестные провалы не склоняют долу единой, восходящей волевой линии... Мы, современники, были рупором отчаяния прошлых поколений, но и рупором их мужества, их... революционной воли. Мы – завершители...; мы дали повторительный курс... прошлого... Само отчаяние – действенная... эмоция, оборотная сторона... мужества. Кто из-за частностей... теряет... перспективу восходящей линии – тот лишен чутья истории... В самоощущении... ярчайшая точка – болевая. Ее... проектировали... и выступил... образ... интеллигентской эмоции – принц Гамлет... Видели существо безвольное, ... резонерствующее. Но то не был объективный образ: правда истории затуманилась правдой большого стона. Лишь сейчас мы видим прошлые вещи, как они есть... И вновь... спроектирован Гамлет... Нового Гамлета дает актер Худ<ожественного> театра М.А.Чехов. В этом его огромная художественная заслуга и интеллектуальная высота. Что же это за Гамлет? Это все тот же принц в... остенении отцовского дворца. И тут – китайская стена между ним и народом, и тут... шпионящая челядь... Бенкендорфов, и тут... зеркальные... отображения... Но – в тройной раме королевского золота, предательского... маскарада челяди и траурного крепа – во весь рост* ***встает человек, саженный, волевой человек – принц Гамлет****... Линия действенного протеста идет, все возрастая от акта к акту до финального момента – казни короля. И видишь:* ***вот, наконец, принц Гамлет, как быть ему должно. Се – человек!*** *– завершительный синтез столетнего пути.* ***Мы его узнаем – это наш родной путь. Это – родной "герой нашего времени"..., воплотившийся в Чехове, распрямившийся и ставший во весь свой человеческий рост****. Гамлет – наша трагедия. Наш гамлетизм – не карликовый, не мозглячеcкий. Он – высокий и трагичный.* ***Его мы узнали***».

Лежнев – публицист, просто – умный *деловой* человек (кстати сказать, – от Бог весть каких причин изо всех сил ориентирующийся на мне и на М.П.Столярове[45]; я ему – «*изменяю*» с романом, а он мне – «*прощает*»)[46]; «*Гамлет*» – его расшиб, пере-

* Лежнев «*принцем*» берет «*Интеллигенцию*» Интеллигента (с большой буквы). (*Примечание Белого.*)

вернул до дна... Я не видел Мочалова, я не видел Росси[47], но думаю, что М.А.Чехов после 25-летия «*станиславщины*» в «*Гамлете*» возрождает «*героической эпохи*» актера. «*Гамлет-Моисси*»[48] (герой германской сцены) – ничтожество перед Гамлетом-Чеховым. Но в этом – ужас: каждый раз, когда после 2-го акта я захожу в уборную М.А.Чехова, ***я его застаю в сердечном припадке***. Каждый раз, когда я иду на «*Гамлета*», я боюсь, что увижу вместо «*чуда*» – мертвую куклу, ибо «*Гамлет*», сжигая человеческую жизнь М.А.Чехова, для спасения этой жизни взывает к замене человека «*манекеном*». На днях снимают временно «*Гамлета*» с репертуара, потому что здоровье Чехова расстроилось до́нельзя[49]. Я досадовал, что Вы 27-го февраля не были: *М.А.* очень чтит Вас. И – меня. Его жена сказала, что он играл – *для нас с Вами*. И – играл «*божественно*». Но он может каждый следующий спектакль сыграть «*чудовищно плохо*»; его игра – сжигание заметного кончика жизни.

Дорогой Разумник Васильевич, – вот так письмо: нелепое, чудовищное, несуразное; пишу его вместо того, чтобы писать статью Лежневу о «*России*» («*Исчезни в пространство!*»)[50]. Мы с Лежневым договорились: в «*СССР*» правомерно ***навсегда*** рассыпалась историческая Россия, физическая, географическая: «*СССР*» – ширящаяся «*эфирная*» аура бывшей географической, «*физической*» России: такой – не будет. Но осталась другая Россия: в «*бу́ди, бу́ди*»[51] сознания русского «*интеллигента*», в неклассовом смысле; теперешний интеллигент – из нового, часто рабоче-крестьянского слоя; и этот, еще только становящийся интеллигент понесет миру в нем сконцентрированное «*буде, буде*!» России, как миссию «*обходя моря и земли, глаголом жечь сердца людей*»[52] конкретным братством народов; теперешний «*русский*» – только интеллигент, или – никто; а теперешний, новый интеллигент (может быть, – бывший дворянин, может быть, – рабочий, может быть, – крестьянин) – «*пророк*», или – никто. Но чтоб быть пророком, надо сперва – в «*пустыне мрачной*» томиться, потом – ходить с «*вырванным*» языком (и – ходим!), потом – ходить с рассеченной грудью, без сердца (и – ходим!), потом – лежать трупами: «*Как труп в пустыне я лежал*». Тогда лишь – «*воззовет*» (к середине 30-х годов).

Итак: разрушимся, онемеем, умрем, чтоб... воскреснуть: «*русскими интеллигентами*»!

И – разрушаюсь: не имею где преклонить главы; вместо «*дома*», «*комнаты*» – у меня «*черт знает что*» (и – везет же мне!). Мой хозяин – милый, забитый человек, химик, «*Хандриков*» своей жены[53]; жена – так называемая, Вера Георгиевна Анненкова, которую давно уже я окрестил Верой Горгоновной, – совершенно исключительный, феноменальный экземпляр: мегеры, ведьмы, «*вампира*», «*бесноватой*». У меня, с одной стороны, – умопостигаемые удобства работы «*вне Москвы*», за городом, с другой – эмпирический *тигриный рев* мегеры под моей дверью: в иные дни с утра и до ночи; последний припадок ярости этой мегеры длится вот уже «*семь недель*»; «*семь недель*» – ревы; семь недель – не воздух, а «*синильная кислота*» – атмосфера квартиры; дочь сего «*демона*» в образе «*бабы-яги*», – худосочная, страдающая хлорозом, а следовательно и последствиями оного, фурункулозом, 17-летняя, покрытая нарывами; интересующаяся символизмом и сживаемая со свету «*мегерой*» барышня (хлороз – последствия перманентного нервного потрясения), – есть источник моих беспокойств: я с утра и до вечера слышу, как загрызается прислуга, муж, дочь и мать мегеры; – в результате: дома – болен, разбит, вырвана возможность продолжать роман, т.е. этим и подорвано материальное благосостояние. Наконец, – Вы понимаете, что есть пределы «*нейтралитета*»; 1 1/2 года терпел, шел на компромиссы «*ничегоневидениями*», а слышал, как загрызалась девочка; я не мог *дольше* оставаться нейтральным и должен был показать нечто оной «*мегере*», чтобы она – подтянулась: в результате – конденсированная ненависть, обращенная ко мне; верите ли, что чисто «*психо-физиологически*» эта «*бабища*» обладает таким возмутительным «*астралом*», что я у себя дома – хирею; деться же – некуда; и вот – закупорился уже 2 1/2 недели в задушлине своей комнатенки, как в клетке, не могу работать, а – деваться некуда[54].

Все планы летят к черту: первое полугодие – боролся за материальное право писать; к Рождеству – получил возможность, но тут-то и лопнул «*Эолов мешок*» в мою комнату. Думаю пока на днях бежать на неделю в Троицу: отдыхать[55].

Изъял целый лист письма к Вам, ибо он оказался переполнен неожиданными для себя* ламентациями; это мне не понравилось...

Да, живешь в одновременном и в «*воздравие*», и в «*заупокой*»; среднего ничего не осталось; обступают и низины, и вершины, а ведь человеческий организм (сердце, мозг) приурочены лишь к «*средней*» работе; собственно: жизнь апеллирует уже к психо-физиологическому аппарату, сработанному иогой; мы, человеки, опоздали. Будь у нас подлинная «*тренировка*», мы бы оказались сильнее; получается ненормальность: люди «*морального*» сознания не выдерживают: лопаются сердца и воспаляются мозги. Одумайся раньше мы, – мы бы к 1925 году уже обладали бы и надлежащими нервами. Я, например, с грустью корю себя в том, что за период от 1912 года до 1918 я не сумел достаточно закалиться, чтобы плавать, как рыба в воде, в условиях нашего времени; и попал в глупое положение: «Дух бодр, плоть же немощна», вместо «*Mens sana in corpore sano*»**; бывает обидно: есть у тебя и работоспособность, и силы, и мысли, и образы; а воплотить их мешает неумение справиться с физиологической, физической и т.д. перегрузками, механически съедающими 9/10 из тобою увиденного, продуманного, выношенного. Живешь в вынужденном «*авось*», «*как-нибудь*». Роман мой задуман на 8 глав[56]; 2 главы – провел; стою перед 3-ей и 4-ой; и при всем желании работать не сумею сказать: позволит ли жизнь?

Ты-то исправен, а вот судьба к тебе неисправна; посылает «*бабищу*»; в прежнее время от «*бабищи*» можно было бежать; теперь – бежать некуда; и опять – в который раз – для «*нормального*» дела взывает все в тебе к мобилизации, к «*maximum'у*» хладнокровия. Всё только одни «*maximum'ы*». Жил пять лет в России в «*maximum'е*» беспокойств за то, что «*вопросы жизни*» твоей висят в воздухе; 2 года преодолевал только русскую границу, чтобы за границей удариться всею жизнью в *такое*, отчего и более сильный человек мог бы прийти в отчаяние; выносить пытку двух лет за границей, потом преодолевать «*границу*» в обратном порядке, и т.д. Всё по линии «*maximum*»! Да ведь нервы-то даны не в «*maximum'е*». Ну вот и ропщешь, и устаешь.

Тут в Москве судьба посылает много волнующихся «*культурой*», интересных, живых людей; но – Боже мой: в каких условиях живут иные; тот – сгорает в чахотке, эта – живет в голоде, ту – выселяют. Только и слышишь. Иногда придешь в Москву и разбаливаешься от того, что видишь и слышишь вокруг себя в смысле людской судьбы: тому надо помочь материально; всем – морально. Помочь безнадежно. А то минимальное, что делаешь, производит впечатление, как если бы предложили теплом сердца растопить альпийский ледник; топишь вокруг себя какой-нибудь «*дюйм*» среди километров льда.

И бывают минуты, когда слетает с души: «Стоит ли? Не донкихотство ли это?» А Дон-Кихотом быть не желаю: отказываюсь...

И все-таки – «*не хочу я, други, умирать: я жить хочу, чтоб мыслить и страдать*»[57], этот лозунг подымается из глубины наперекор приятному желанию «*умереть – уснуть*»[58]. Опять антиномия: «не хочу умирать – умереть, уснуть». И приходится расходящиеся «*ножницы*» жизни, т.е. то, что доселе считалось ненормальным, рассматривать, как нечто нормальное, как пару рук, пару ног; и если морально антиномии неразрешимы, то приходится практически учиться все же их разрешать; и – не по средней линии, а как-то иначе: «*Гамлет*» и «*бабища*», умирающие голодные, прекрасные, свободные «*maximum*» внутренне революционно настроенные люди, и... упитанные всякими «*упитанными тельцами*» подлецы...

Узнаешь факты, от которых в негодовании сжимаются кулаки; и – ничего не можешь поделать. Сейчас узнал об одном таком факте: не хочу ничего пока говорить о нем, потому что питаю слабую надежду на то, что 9/10 из него – сплетня; все равно на днях узнается; но если бы хоть 2/10 было истинным из того, что я узнал, то и этого достаточно.

Дорогой Разумник Васильевич, я каждый день думаю о Вас; но я почти не спрашиваю Вас, как Вам живется; знаю, как трудно... Но верьте: именно в этом пункте, в пункте последней разъединенности, когда даже другому нельзя ничего передать, перекинуть словами, когда все слова «*лживы*» («*пролживились*», а новых средств еще

---

* *Так в автографе.*

** *Здоровый дух в здоровом теле (лат.).*

нет для общения), – в этом-то пункте и встает для меня «*отчаянное*» утешение: в «*я – один*» я уже «*не один*»; «*уже*», или... «*почти уже*», в то время как по линии общения «*я не один*» все более и более себя ощущаешь – «*один*», «*один*»; и – не передашь, до чего один; на этой почве некоторые из моих друзей рекомендуют почти тактику «*само-упразднения*», «*само-ухода*» из всех видимостей внешне-коллективистических форм (так – в нашем кружке); теперь, – *уходя, приходишь*; и чаще всего *приходя, уходишь*. Но – там, где человек пребывал прежде «*в центре круга*» и был «*замкнут кругозор*»[59], – ***круг размыкается***; и «*Я*» – сочетаются; но только – «*там*», в «*центре круга*»; итак – в центр; ход «*от людей в себя*» становится новой ставкой на общение, на ход – «*от себя к людям*». Всё прочее – гибнет: во всем прочем – гибнем.

И, возвращаясь к Гамлету, – скажу: и здесь, в деле Чехова, я вижу подтверждение закона вывороченности, который действует всё сильней и сильней; человек бежал из «*театра*» в «*антропософию*», почти бросил любимое дело и с головой нырнул во все другое; и – дал «*театр*»: дал Москве – не представление, а для многих – «*утешение сезона*». Жест разбития «*театра*» в душе обернулся «*театральным деянием*». Очень часто мы гоним нашу молодежь – «*прочь*» от себя; и вызываем непонятый протест, будто... брошены; а это – жест надежды из отчаяния; это подслушиваемая верная весть: «*Только так и найдемся: только в этом путь к окончательному верному нахожденью друг друга*».

И из каких-то словами не уплотняемых соображений, из какого-то почти эзотерического жеста души своей, я Вас тем более не спрашиваю о Вас, что это единственная мне из Москвы *реальная* (верьте) форма моего перманентного общения с Вами. Хочется не словами, а бóльшим сказать: в дни и, быть может, в года, когда мы, живые, закопаны и обложены каменною оградой, чтобы все прежние пути друг к другу были преграж<д>ены (видеться нельзя, вместе работать – нельзя, писать друг другу – нельзя и т.д.), – одно остается: строить радиоприемник: бежать «*диким и суровым*» на «*берега пустынных волн*»[60] через «*пустыню мрачную*»; может – лежать в ней «*трупами*» (еще время «*лежать трупами*» не вполне подошло, еще подходит и, вероятно, – подойдет); пребыть «*спокойными, твердыми и угрюмыми*»[61], в этом «*бытии*», которое назвать – «*именем каким*?»[62], – нащупать точку «*ни сна, ни бденья*» («меж них оно»); это – точка в другом измерении есть разрез линии шеста, на котором воздвигается *радиоприемник*; и вот из точки «ни сна, ни бденья», где «*с безумием граничит разуменье*», но где человек парадоксально «*в полноте понятья своего*», – прислушаться к «*волнам*»: «*волны*» – уже идут, лишь бы прибежать к берегу вовремя – нам, «*диким и суровым*», отдаться «*отчизны дальней*» «*стихийному смятенью*». (Это я из начала «*Последней смерти*» Баратынского все цитирую). И тогда – увидим мы, прибежавшие, «*дикие*», «*суровые*», в физическом плане «*трупные*» – «*свет, другим неоткровенный*»; «*другие*» – вовремя не убежавшие, и вовремя не прибежавшие. «*Стихийное смятенье волн*» есть загаданный ныне нам способ общения, загаданная по-новому встреча нас всех.

Я почти ловлю себя на том, что проповедую новый «*исход из Египта*» через «*пустыню мрачную*», и не в Моисеевых формах, а в совершенно «*новых*»; о них еще почти ничего сказать нельзя; и исход этот все же в представлении моем соединяется с пребыванием каждого на своем месте; просто надо учиться по-новому, взять в новом свете «*спокойствие, твердость и угрюмость*». Теперь уже – каждый стой на посту; оттого и общение в прежних формах – затруднено.

Знаете ли, что доктор очень сериозно болен; и как-то верно знаю, что он – на «*исходе*»[63]; так оно и должно быть; человеку, рукой указавшему на 30<-е> годы, должно уйти из жизни «*до*»... Тут – верный ритм времени. В человеческом «*Я*» развертывается дыра; человек – продыривается, чтобы было *откуда*, сквозь *что*, лучам блеснуть на жизнь.

И я «*сурово*» и «*твердо*» готов «*до-дыриться*» (чаще в себе открываю sui generis дыромоляйство и «*ничевочество*»: кстати, – с некоторыми из «*ничевоков*» я знаком, а на одного из них возлагаю даже всяческие надежды[64], поскольку в нем «*ничто*» стало «*менее, чем ничто*»; и стало быть – «*по-новому что-то*»).

Во «*МХАТе*» (2-ом Худож<ественном> театре) усиленно репетируют «*Петербург*»[65], который я всё ретуширую, ретуширую; и, кажется, который доретушировал

до неузнаваемости (даже по сравнению с текстом, который должен идти в Госиздате)[66]; репетиции пока *sui generis*: это скорей *медитация* над текстом, перманентный семинарий и выращивание из него стиля постановки; меня еще не пускают на репетиции, ибо это какие-то «*заумные*» действа, а не репетиции в собственном смысле: например – молоточками выстукивают ритм; репетиции в собственном смысле по Чехову – последнее дело: самое легкое; все дело – в пронизании главных действующих лиц ритмами целого. «*Петербург*» обещает многое: как и при постановке «*Гамлета*», – идут либо на «*провал*», либо на «*очень что-то*». В режиссерах я уверен (Чебан, Бирман[67], Татаринов); все люди с внутр<енним> устремлением; в Чехове более чем уверен. Первое его «*дело*» постановочное (очень сериозное) выразилось в том, что он начертил схему с соотношением светлых и темных импульсов; и расстановку в них действующих лиц. Сначала я много говорил, но не о постановке, а о вовсе другом: о планах, карме, пороге и т.д., а уже *другие* транспланируют это в идею постановки. Все время идет какое-то воистину коллективное общение между автором, режиссерами и главными действ<ующими> лицами.

Пора кончать. Так же неожиданно обрываю письмо, как неожиданно его начал. Крепко Вас обнимаю.

Искренне любящий Вас Борис Бугаев.

P.S. Татьяне Ник<олаевне>[68] и Иночке привет сердечный.

[1] Комментарий Иванова-Разумника: «ИР должен был приехать в Москву по вызову В.Э.Мейерхольда в феврале 1925 года, но приехал лишь в апреле 1926 г.» (Л.24об.); целью поездки намечалось, видимо, обсуждение проекта инсценировки «Истории одного города» М.Е.Салтыкова-Щедрина, которую Иванов-Разумник предполагал осуществить для Театра имени Мейерхольда.

[2] М.О.Гершензон скоропостижно скончался в Москве 19 февраля 1925 г. в 5 часов утра. Вдова его, М.Б.Гершензон, сообщала В.Ф.Ходасевичу 27 марта 1925 г.: «М.О. хворал не полных двое суток, причем сначала никому и в голову не приходило, что он в опасности. Случился непонятный припадок печени, перешедший в припадок грудной жабы (М.О. никогда не страдал ни печенью, ни сердцем). Страдания были сильные, М.О. скончался в полном сознании и знал, что умирает <...>» (Новый журнал. Кн.60. Нью-Йорк, 1960. С.233. Публикация Н.Н.Берберовой). Свои переживания, вызванные кончиной Гершензона, Белый передал в пространном письме к М.Б.Гершензон от 20 марта 1925 г. (*РГБ*. Ф.746. Карт.47. Ед.хр.25) и в некрологической статье «М.О.Гершензон» (Россия. 1925. №5 (14). С.243-258), датированной 25 февраля 1925 г. Ср. запись Белого о феврале 1925 г.: «Катастрофическая смерть Гершензона – удар. Умер в Москве последний "*старший друг*". Больше мне в Москве не на кого опираться» (*РД*. Л.120об.).

[3] «Вы жертвою пали в борьбе роковой...» – похоронный марш на текст неизвестного автора (1870-е гг.); см.: Песни русских поэтов. В 2 т. («Библиотека поэта». Большая серия). Л., 1988. Т.2. С.346, 423, 484, 499 (примечания В.Е.Гусева).

[4] Ср. признания Белого в письме к М.Б.Гершензон от 20 марта 1925 г.: «...я следил за непонятными для меня словами еврейской панихиды, но я их *понимал* душой; мне казалось, что слова кантора действительно открывают путь М.О. и что вот он уже встал и пошел – твердо, уверенно, ясно: пошел к Богу, куда и мы пойдем за ним <...>» (*РГБ*. Ф.746. Карт.47. Ед.хр.25).

[5] Белый выступил с лекцией «Пушкин и мы» в Гос. Академии Художественных Наук (ГАХН) 11 февраля 1925 г. по инициативе Гершензона; ср. запись Белого о феврале 1925 г.: «Перед самой смертью Гершензона бываю у него, читаю ему отрывки "Москвы". Он уговаривает меня прочесть лекцию о Пушкине. Работаю над Пушкиным» (*РД*. Л.120об.), – а также его рассказ о выступлении Гершензона после этой лекции в статье «М.О.Гершензон» (С.252-254). Машинопись стенограммы лекции сохранилась в архиве Белого (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед. хр.95. Л.1-24). Рукопись Белого «Пушкин: план лекции» опубликована Дж.Мальмстадом (см.: Malmstad John E. Silver Threads among the Gold: Andrei Belyi's Pushkin // Cultural Mythologies of Russian Modernism. From the Golden Age to the Silver Age. Ed. by Boris Gasparov, Robert P. Hughes, and Irina Paperno. Berkeley–Los Angeles–Oxford, 1992. P.431-482).

[6] В статье «На перевале. XIII. Штемпелеванная культура» (Весы. 1909. №9. С.72-80) Белый выступил против «интернациональной, прогрессивно-коммерческой культуры», в распространении которой он усматривал влияние «самого узкого и арийству чуждого национализма:

юдаизма». В книгу «Арабески» (М., 1911), содержащую большинство статей из «весовского» цикла «На перевале», Белый «Штемпелеванную культуру» не включил – что является косвенным свидетельством пересмотра им выстроенных в ней положений. См.: Безродный М. О «юдобоязни» Андрея Белого // Новое литературное обозрение. 1997. №28. С.102-110.

[7] Жена Гершензона – Мария Борисовна (урожд. Гольденвейзер, 1873–1940), их дети – Сергей (род. в 1906 г.) и Наталья (род. в 1907 г.) (см. примечания И.Андреевой к переписке Гершензона и В.Ф.Ходасевича // De Visu. 1993. №5. С.42). Александр Борисович Гольденвейзер (1875–1961) – пианист, композитор, профессор Московской консерватории; друг Л.Н.Толстого и его семьи.

[8] Государственная (первоначально – Российская) Академия Художественных Наук (1921–1931) располагалась на Пречистенке в здании бывшей частной гимназии Л.И.Поливанова (которую в 1899 г. окончил Белый).

[9] Похороны М.О.Гершензона состоялись в воскресенье 22 февраля на Литераторских мостках Ваганьковского кладбища; траурный кортеж направлялся от Российской Академии Художественных Наук к дому 13 в Никольском переулке, где жил и скончался Гершензон (там с поминальной речью выступил Н.К.Пиксанов), и затем к Брюсовскому институту, где о творческих заслугах покойного говорил Л.П.Гроссман (Похороны М.О.Гершензона // Известия. 1925. №45. 24 февраля. С.6). Упоминая о реакции на кончину Гершензона «коммунистов», Белый имеет в виду прежде всего написанный П.С.Коганом некролог «М.О.Гершензон», в котором говорилось: «Он не был и не мог быть нашим. Его отделяла от революции, от материалистического знамени, за которым она движется к своей цели, проникающая его вера в идеалистический порыв индивидуальной души, как надежнейший источник преобразования мира на началах красоты и свободы. <...> Ушел последний могикан идеализма, быть может, глубже всех воплотивший в своей личности и его слабые стороны, и то сильное, что нужно и нашей эпохе и усвоено ею, как величайшее достижение прошлого для осуществления ее собственных целей» (Известия. 1925. №43. 21 февраля. С.3).

[10] Александра Николаевна Чеботаревская (1869–1925) – переводчица, критик.

[11] Одна из героинь романа Чарльза Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» (1850).

[12] Белый, вероятно, ко времени написания письма еще не знал о трагическом завершении этой сцены – самоубийстве Ал.Чеботаревской. В.Ф.Ходасевич сообщает («со слов советского писателя») о случившемся на похоронах Гершензона: «...какой-то коммунист, растолкав присутствовавших, подошел к могиле и стал говорить о том, что хотя Гершензон был "не наш", все же пролетариат чтит память этого пережитка буржуазной культуры. Александра Николаевна не выдержала и тут же высказала все, что накипело у нее на душе. Когда разошлись с кладбища, она весь день не могла успокоиться. Вечером, после нервного припадка, она пошла на Большой Каменный мост, перекрестилась, осенила крестным знамением Москву на все четыре стороны и бросилась с моста в полынью. Прохожие ее вытащили, но час спустя она скончалась в приемном покое от разрыва сердца» (Ходасевич В.Ф. Некрополь. Воспоминания. Bruxelles, [1939]. С.279). Несколько иную версию происшедшего излагает О.Дешарт (см.: Иванов Вяч. Собр. соч. Т.2. Брюссель, 1974. С.725-726). Обстоятельства самоубийства Чеботаревской, вероятно, в искаженном виде отразились в заметке из раздела «Происшествия», напечатанной в том же номере «Известий», что и сообщение о похоронах Гершензона (С.6; см. выше примеч.9): «Спасение утопавшего. Из Москва-реки, у Каменного моста, прохожими был извлечен неизвестный гражданин, провалившийся под лед. Незнакомца в бессознательном состоянии отправили в Шереметевский институт медицинской помощи».

[13] Петр Семенович Коган (1872–1932) – историк литературы, критик, переводчик; пропагандист марксистских взглядов на литературу; президент ГАХН со времени ее основания.

[14] Похороны В.Я.Брюсова состоялись 12 октября 1924 г.; траурный кортеж проходил от Литературно-художественного института им.Брюсова на ул.Воровского (Поварской) к кладбищу Новодевичьего монастыря с остановками у памятника Пушкину (где произнес краткое слово П.Н.Сакулин), у Моссовета (где с балкона выступил Н.И.Бухарин), у Московского университета (где с речами выступили О.Ю.Шмидт, Н.К.Пиксанов и представитель от студенчества) и у здания Российской Академии Художественных Наук, где с балкона произнес речь А.В.Луначарский, а выступивший вслед за ним П.С.Коган «отметил духовную связь между Брюсовым и Академией» (Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики / Сост. Н.Ашукин. М., 1929. С.398-400). Когану принадлежат также две некрологических статьи о Брюсове – в «Красной газете» (1924. №232. 10 октября) и в «Известиях» (1924. №232. 10 октября).

[15] «На посту» – литературно-критический журнал, выходивший в Москве в 1923–1925 гг. (№№1-6) под редакцией Б.Волина, Г.Лелевича, С.Родова; отстаивал партийную линию и геге-

21 Зак. 3782

монию «пролетарской литературы», резко выступал против «непролетарских» писателей и классического наследия. В этом журнале была напечатана статья П.С.Когана «Серафимович (1864–1924)» (1924. №1 (5). Стб.139-150).

[16] Имеется в виду общая оценка творчества Брюсова в книге П.С.Когана «Очерки по истории новейшей русской литературы» (Т.III. Вып.2. М., 1910. С.113-132).

[17] Подразумевается общность в антропософских убеждениях.

[18] А.С.Петровский.

[19] Подразумеваются крылатые слова из стихотворения Н.А.Некрасова «Сеятелям» (1876): «Сейте разумное, доброе, вечное» (Белый иронически обыгрывает их – цитируя с той же неточностью – в «Петербурге»; см.: *Петербург*. С.125).

[20] «Страшный мир» – заглавие раздела, открывающего кн.III (1907–1916) «Стихотворений» А.Блока.

[21] Присловье, постоянно повторяемое Акимом, персонажем драмы Л.Н.Толстого «Власть тьмы» (1887).

[22] Костанжогло – помещик, выведенный Н.В.Гоголем в гл.III-IV 2-го тома «Мертвых душ».

[23] Недотыкомка – бредовый образ, возникающий в сознании Передонова, героя романа Ф.Сологуба «Мелкий бес». М.А.Чехов сыграл Хлестакова в постановке «Ревизора» в МХАТ (премьера – 8 октября 1921 г., постановка К.С.Станиславского).

[24] Роли М.А.Чехова, сыгранные в 1-й студии МХАТ в постановках комедии Шекспира «Двенадцатая ночь» (с 3 октября 1920 г.), драмы Юхана Хеннинга Бергера «Потоп» (премьера – 14 декабря 1915 г., постановка Е.Б.Вахтангова), исторической драмы Августа Стриндберга «Эрик XIV» (премьера – 29 марта 1921 г., постановка Е.Б.Вахтангова).

[25] Подразумевается решение Веры Федоровны Коммиссаржевской (1864–1910) оставить театр, сформулированное 15 ноября 1909 г. в письме к труппе (см.: Рыбакова Ю.П. В.Ф.Коммиссаржевская. Летопись жизни и творчества. СПб., 1994. С.477-478).

[26] Белый подразумевает свое решение стать на путь духовного «ученичества» у Р.Штейнера, следствием чего явились многолетнее пребывание за границей и почти полное прекращение традиционных контактов с прежней литературной средой.

[27] Александр Михайлович Добролюбов (1876–1945?) – поэт «декадентского» круга; весной 1898 г. оставил Петербургский университет, «опростился» и ушел в народ; в 1900-е гг. организовал религиозную секту. Белый описал свою встречу со «странником» Добролюбовым в мемуарах (*НВ*. С.398-402).

[28] «Тредьяковщина» здесь – обозначение нового и перспективного, выраженного в неумелой, косноязычной форме; по имени поэта и теоретика стиха Василия Кирилловича Тредиаковского (1703–1768), к которому еще при его жизни сложилось пренебрежительное отношение. Ход работы над постановкой «Гамлета» отражен в протоколах репетиций (2 октября – 11 ноября 1923 г.), которые вел В.А.Громов (*Чехов 2*. С.378-433).

[29] См. примеч.51 к п.100.

[30] Неточно цитируется песня Председателя из «Пира во время чумы» (1830) А.С.Пушкина.

[31] «Гамлет», акт I, сцена 5, акт II, сцена 2 (слова Гамлета).

[32] Ср. заключительную фразу «Котика Летаева»: «Во Христе умираем, чтоб в Духе воскреснуть» (Андрей Белый. Котик Летаев. Пб., 1922. С.292).

[33] Цитаты из 21-й и 24-й главок поэмы «Христос Воскрес» (Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. («Библиотека поэта». Большая серия). М.; Л., 1966. С.400, 402).

[34] Цитата из 8-й главки поэмы «Христос Воскрес» (Там же. С.391). «Ante Lucem» («Перед Светом» – *лат.*) – заглавие вступительного раздела кн.1-й «Стихотворений» А.Блока, объединяющего произведения 1898–1900 гг.

[35] Фраза восходит к Ф.Ницше («Так говорил Заратустра», ч.1, фрагмент «О дарящей добродетели», 1): «Символы все – имена добра и зла: они ничего не выражают, они только подмигивают» (Ницше Ф. Соч. В 2 т. М., 1990. Т.2. С.54. Перевод Ю.М.Антоновского) – видимо, в переложении Эллиса – в его статье «Итоги символизма» (Весы. 1909. №7. С.71) и книге «Русские символисты» (М., 1910): «Символы суть имена доброго и злого: они не говорят, они только кивают». См.: Эллис. Русские символисты. Томск, 1996. С.25.

[36] Цитаты из 23-й и 14-й главок поэмы «Христос Воскрес» (Там же. С.402, 395).

[37] «Се Человек» (*лат.*) – слова Пилата о Христе (Ин XIX, 5).

[38] Цитата из 24-й главки поэмы «Христос Воскрес» (Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. С.402).

[39] Приведенные здесь общие оценки постановки и конкретные наблюдения, фиксирующие реакцию зрителей, Белый с тем же энтузиазмом развивал и значительное время спустя. Д.Е.Максимов, рассказывая в очерке «О том, как я видел и слышал Андрея Белого. Зарисовки издали» о встрече с Белым в Кучине 5 июня 1930 г., свидетельствует: «Не могу забыть, например, с каким подъемом и восторгом он отзывался о постановке “Гамлета” в МХАТе 2-м с гениальным Михаилом Чеховым в главной роли. Этот действительно изумительный спектакль Белый считал антропософской мистерией (<...> мистериальный характер представления я, как один из зрителей, также почувствовал).

– А вот Луначарский, – воскликнул Белый, – не заметил этого. Сидел в театре и аплодировал. И не один Луначарский был в восторге. Вы пон... (понимаете)? Кондукторши плакали, когда рассказывали (об этом спектакле)» (Максимов Д. Русские поэты начала века. Л., 1986. С.372-373).

[40] Александр Иванович Чебан (наст. фам. Чебанов, 1886–1954) – актер, режиссер.

[41] Пьеса Е.И.Замятина «Блоха» (Л., 1926; инсценировка «Левши» Н.С.Лескова) была поставлена А.Д.Диким в МХАТ 2-ом (премьера – 11 февраля 1925 г.). Мнение Белого об этой постановке диссонирует с другими отзывами, согласно которым «Блоха» имела большой успех (см., например, дневниковые записи К.И.Чуковского от 15 и 21 февраля 1925 г. // Чуковский К. Дневник 1901–1929. М., 1991. С.325, 326).

[42] И.Лежнев (наст.имя Исай Григорьевич Альтшулер, 1891–1955) – публицист, литературовед; редактор журналов «сменовеховского» направления «Россия» и «Новая Россия» (1922–1926). Далее приводятся в извлечениях и с отдельными неточностями фрагменты статьи Лежнева «Восстание культуры» (Россия. 1925. №5(14). С.137-138, 140-142). Белый опускает в цитатах высокие оценки собственного творчества: «...синтез художественный дали Белый и Блок – орлиная пара на грани времен. “Петербург” – поэтический памятник, фундаментальная концовка отошедшей эпохи»; «Тот фонтан мы назвали романтизмом. Полным напором бил он в творениях Горького, Блока, Белого, прорывался и у Андреева» (С.137, 139).

[43] Лоренцо – герой трагедии Л.Н.Андреева «Черные маски» (1907). Белый изменяет здесь текст Лежнева; в оригинале: «Зонд истории в новизне молодого Аблеухова прощупывает пушкинскую старину» (С.140).

[44] Цитата из стихотворения А.С.Пушкина «Пророк» (1826).

[45] М.П.Столяров выступал в печати как философ, литературный критик, литературовед, переводчик (выполненные им в 1920-е гг. переводы романов Э.Золя «Страница любви» и «Труд» неоднократно переиздавались, в том числе в новейших собраниях сочинений Золя). См. о нем в воспоминаниях М.Н.Жемчужниковой (Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. Paris, 1988. С.23, 38-39, 44, 47). В том же номере журнала «Россия», что и цитированная статья Лежнева, были напечатаны две статьи Столярова – «Вещь или творчество?» (С.263-289) и (под псевдонимом: Стрелец) «Письма о современной литературе. Двуликий Янус (Бабель и Сейфуллина)» (С.290-295).

[46] Имеется в виду передача романа «Москва» (первоначально обещанного журналу «Россия») в артель писателей «Круг».

[47] Знаменитые исполнители роли Гамлета – Павел Степанович Мочалов (1800–1848) и итальянский актер Эрнесто Росси (1827–1896).

[48] Александр (Сандро) Моисси (1880–1935) – немецкий актер; прославился исполнением роли Гамлета в Немецком театре (Берлин) в 1906 г. (постановка Макса Рейнгардта); новый вариант роли – в 1913 г.

[49] Перерыв в выступлениях М.А.Чехова на сцене продолжался с 10 марта до 3 апреля 1925 г. (*Чехов 2*. С.491-492).

[50] «Исчезни в пространство, исчезни, / Россия, Россия моя!» – заключительные строки стихотворения Белого «Отчаянье» (1908) (Андрей Белый. Пепел. Стихи. СПб., 1909. С.14). Статья Белого на обозначенную тему (над которой он работал в марте 1925 г. – *РД*. Л.120об.) в журнале «Россия» не появилась.

[51] См.: «Братья Карамазовы», ч.2, кн.6, гл.III «Из бесед и поучений старца Зосимы» (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1976. Т.14. С.287). Эти слова обыгрываются Белым в статье «Россия» (Утро России. 1910. №303. 18 ноября; Интеллигент. 1911. №1/2. С.127-128).

[52] Обыгрываются заключительные строки стихотворения Пушкина «Пророк»; далее – образы и цитаты из того же стихотворения.

[53] Речь идет об А.И.Анненкове. Хандриков – герой 3-й «симфонии» Андрея Белого «Возврат» (1902).

[54] Ср. записи Белого на эту тему: «...безотрадная жизнь у Анненковых в комнате с разбитым окном, в атмосфере скандалов, устраиваемых В.Г.Анненковой, это<го> исключительного по жестокости человека; я совершенно расшатан этой жизнью, ни читать, ни правильно работать в такой обстановке нельзя» (январь 1925 г.); «Начинается нечто невозможное между мной и В.Г.Анненковой; я не могу допустить, чтобы в моем присутствии истязали ее дочь. Одна мысль, куда бежать из анненковской квартиры» (февраль); «С Анненковыми все хуже и хуже; формально объясняюсь с В.Г., но – решаю твердо: у них *не жить*» (март) (*РД*. Л.120-120об.). П.Н.Зайцев в воспоминаниях о Белом пишет в той же связи: «Выяснилось, что хозяйка квартиры на Бережковской человек крайне нервный. Отношения между хозяйкой и жильцом стали натянутыми. Впоследствии в романе “Москва” Белый вывел эту хозяйку под именем М-м Эвигкайтен» (*Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.564).

[55] Подразумевается Троице-Сергиева Лавра. В записях о марте 1925 г. Белый сообщает: «Едем с К.Н. в Сергиев Посад – негде остановит<ь>ся» (*РД*. Л.121. К.Н. – Васильева).

[56] В романе «Москва» – 6 глав: 3 в 1-й части («Московский чудак») и 3 – во 2-й («Москва под ударом»).

[57] Неточная цитата из «Элегии» («Безумных лет угасшее веселье...», 1830) А.С.Пушкина.

[58] Слова из монолога Гамлета (акт III, сцена 1).

[59] Обыгрываются заключительные строки стихотворения В.Я.Брюсова «Одиночество» (1903), входящего в его книгу «Urbi et orbi»: «Мы вечно, вечно в центре круга, / И вечно замкнут кругозор!» (Брюсов В. Собр. соч. В 7 т. М., 1973. Т.1. С.319).

[60] Обыгрываются строки из стихотворения А.С.Пушкина «Поэт» (1827): «Бежит он, дикий и суровый, <...> На берега пустынных волн».

[61] Образы из стихотворений Пушкина «Пророк» и «Поэту» (1830): «Но ты останься тверд, спокоен и угрюм».

[62] Здесь и далее Белый следует образной канве 1-й строфы стихотворения Е.А.Баратынского «Последняя смерть» (1827). См.: Баратынский Е.А. Полн. собр. стихотворений. («Библиотека поэта». Большая серия). Л., 1957. С.129); ср.:

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье;
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разуменье.
Он в полноте понятья своего,
А между тем, как волны, на него,
Одни других мятежней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон,
Как будто бы своей отчизны давней
Стихийному смятенью отдан он;
Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.

[63] Р.Штейнер выступил в последний раз с докладом в Дорнахе 24 сентября 1924 г., затем последовали шесть месяцев болезни. 30 марта 1925 г. Штейнер скончался. См.: Линденберг Кр. Рудольф Штейнер. Биография. М., 1995. С.188-189.

[64] Вероятно, имеется в виду поэт и художник Борис Сергеевич Земенков (1902–1963); о его встречах с Белым в конце 1923 – начале 1924 г. см.: *Бугаева*. С.168-169. О деятельности поэтической группы ничевоков (распавшейся в 1923 г.) и ее участниках см.: Никитаев А.Т. Ничевоки: материалы к истории и библиографии // De Visu. 1992. №0. С.59-64. Беседу Белого с ничевоками в 1920 г. в московском Дворце Искусств описывает М.И.Цветаева в очерке «Пленный дух» (1934; Цветаева М. Собр. соч. В 7 т. М., 1994. Т.4. С.236-238).

[65] См. примеч.7 к п.147.

[66] Проект печатания в Ленинградском отделении Госиздата в 1925 г. пьесы «Петербург» (под заглавием «Гибель сенатора») не осуществился. Договор на издание пьесы был заключен 4 декабря 1924 г., рукопись была представлена в издательство 17 февраля 1925 г. (*ЦГАЛИ СПб*. Ф.35. Оп.1. Ед.хр.239. Л.49об., 78; Ед.хр.542. Л.432); в архиве Госиздата сохранилось заявление С.Г.Каплун от 21 ноября 1925 г.: «По поручению Андрея Белого (Б.Н.Бугаева) прошу выдать мне находящуюся у Вас рукопись пьесы “Петербург”» (Там же. Ед.хр.535. Л.109).

[67] Серафима Германовна Бирман (1890–1976) – актриса, режиссер; вспоминает о постановке «Петербурга» в своей книге «Путь актрисы» (М., 1959. С.180-185).

[68] Ошибка; Белый подразумевает Варвару Николаевну Иванову.

150. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ - ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
11 марта 1925 г. Москва[1].

Дорогой Разумник Васильевич,

Сейчас в Москве получил Ваше письмо; сердце сердцу весть подает; за 2-3 дня до того написал Вам письмище, твердо *зная*, что на днях будет оказия, хотя данных ожидать ее не было. И – вдруг: М.М.Шкапская и Вл<адимир> Мих<айлович>[2]...

Ужасно я разогорчился, что Вы уничтожаете письма ко мне. Ведь именно мне как-то внутренно нужно, чтобы Вы мне писали обо всем и как угодно, хотя бы на заумном языке. А то я буду терзаться, что в своем *письмище* безо всяких поводов вывалил Вам весь материал моего сознания *одной*, *случайной* ночи, находясь в случайном и весьма мрачном настроении. Но в дни, когда так трудно жить, когда пишешь урывками по ночам, единственный смысл переписки – это возможность вести друг в отношении к другу дневник сознания, не ручаясь за весь тот субъективизм, который наклеивают на него *дни* и *часы*. Верьте моей любви к Вам; любовь ведь апеллирует к чуткости любящего; а эта чуткость в данном случае в том, чтобы прочесть то, что надо прочесть, и *не прочесть* того, чего Вы не хотели бы. Милый, милый Разумник Васильевич, – верьте мне: и пишите мне всё и как угодно. Мне очень важно перекликаться, со-кликаться и от-кликаться. Я это и буду делать. Писать Вам так, как могу, вываливать все, что накопится со случайными отложениями «*злоб*» дня, потому что я верю Вам; и Вы – *верьте мне*. Я твердо знаю, что разговор между нами идет непрерывно; пусть же самая случайная форма наших обращений друг к другу будет символом *перманентности* разговора. Можно ли теперь писать письма «*подобранно*», когда материал, откуда черпаешь мысли и чувства, – сплошное «*неподобие*». Живу в сплошном «*неподобии*»; и писал Вам «неподобно». Буду еще скоро Вам писать, и так же «неподобно»; а пока лишь откликаюсь на письмо, полученное от Вл<адимира> Мих<айловича>.

Обнимаю Вас сердечно, любящий и преданный Вам Б.Бугаев.

P.S. Варваре Николаевне мой сердечный привет. Иночке – тоже. Привет петербургским друзьям.

Москва 11 марта 25 года*.

P.S. В доказательство того, что я окончательно потерял всякую меру в «*себявыявлении*», я перед сном набрасываю Вам эти строки «*ни о чем*», или, если хотите, о «*всем, что ни есть*», о «*первом попавшемся*»: в «*первом попавшемся*» факте теперь столько «*типового*» для нашего времени, и даже, может быть, не для нашего, а для «*времен*», ибо «*species aeternitatis*»** есть все теперь; в наших маленьких, быть может, заботах вывариваются столетия, тысячелетия даже; и уже не поймешь, что «*главное*» в твоем «*главном*», то ли, что считаешь главным ты сам, или что «*случайно*» врывается в поле сознания, как отвлекающее от главного. Поясню примером: «*главное*» для меня сейчас (в днях) к сроку написать; вдруг – хозяйка моего дома начинает «*бесноваться*»[3]; 2 1/2 недели бегаю беспризорно по Москве (дома житья нет); роман – не пишется: «*случай*» помешал... Но вот: в Москве узнаю: все «*бесноватые*» бунтуют – поголовно; какой-то «*астральный*» вихрь; но, вероятно, есть и внешнее объяснение (одно другому не мешает); «*беснование*» несомненно вызвано климатическими ненормальностями; они же – первое веяние надвигающегося ледникового периода; итак, – «*случай*», отвлекший меня от работы, есть именно «*не случай*», а нечто, с чем придется отныне считаться в столетиях. И т.д.

Один ученый высказал гипотезу, основанную на данных: революции зависят от обилия солнечных пятен; т.е., выражаясь объективно, причины революций на земле и причины, вызывающие солнечные пятна, находятся в функциональной зависимости друг от друга; они суть зависимые переменные *некой независимой*; а это значит: надо <п>ростираться *космически*; уже нельзя больше жить в пределах земного сжатия; чтобы понять, что в тебе «*случайно*», что «*неслучайно*», надо перевычислить все формулы обихода, приведя к общему масштабу: *к вселенной*. Вот этот-то фон «*вселен-*

---

* *Последующий текст приложен на отдельных страницах.*

** *знаки вечности (лат.).*

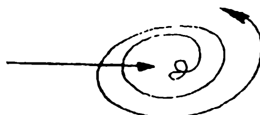
скости» жизненных мелочей и вычерчивает их перед нами; прежде мелочь проглатывалась, как пыль, не влияя на нашу судьбу, теперь мелочь – «*бьет в лоб*»; «*пылинка*» стала «*свинцовой пулей*»; она – забронирована целым; целое – вселенная. Надо отступить, проглотить целое; и тогда, может быть, получится возможность, ну, хотя бы – стереть пыль со стола; а то «*пыль*» – не стираема. Ты ее стираешь, а она – не стирается.

Да вот: мелочи жизни уже настолько не стираются с нас, что мы проводим жизнь в «*сплошном перемогании*»; стало быть: надо эту самую мерзавку «*жизнь*» поймать за хвост.

Вы посмотрите – черт знает что: *вселенная* начинает вмешиваться в погоду, климат скачет, на Кавказе появляются сибирские тигры, в Московскую губернию прилетают «*орлы*» и т.д. Ничего не понимаем: и опять звучит лозунг, о котором писал уже Вам в прошлом году: кончился аристотелианский период культуры; в Аристотеле Ясном пробуждается Гераклит Темный[4].

Идем в сплошное *непонимание*; и с временем что-то неладное; летели, ускорялись времена; и вдруг – стоп: будто все стало; будто и нет движения. Рисую графически:

Нет, не стояние, а – разрыв точки времени; в центре времени – нуль времен; в обнаружившейся впервые временной периферии, наоборот, – нарастание времени; верней – шаровое время:



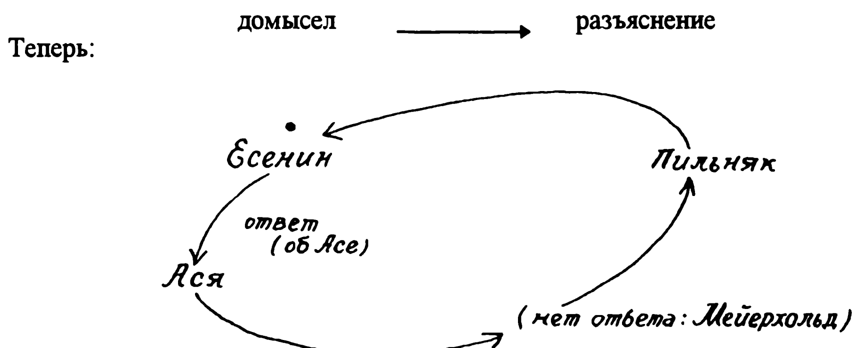
Вот как пошли времена!

Линейно – время оборвалось; началась – какая-то другая временная циркуляция; эйнштейновское время лишь *симптом* происходящей революции в культуре кантовых априорных форм чувственности; революция – в самом мире *a priori*; научные открытия лишь результируют до открытия его выплавляющую *карму*; научный закон, вчера найденный и твердо установленный, – лишь протокол судебного процесса человечества над собой: «*Ты сам свой высший суд*»[5]. Все то, что совершается внутри нас и вне нас, во вселенной, есть приведение в действие предваряющего это действие «*самосуда*». Неудобно нам стало жить. И где-то звучит: «Ты им доволен ли, взыскательный художник?»[6]

Но тут же и обрываю себя: все, что пишу, – лишь *подгляд*, а не догмат.

Все – пошло по кривой; ничего прямо не сделаешь. Вот, например, вчера много думал об Асе, о «*загранице*»; ни до чего не додумался; сегодня должен был пойти к Мейерхольду обедать (в 5 часов); в 2 – у зубного врача; в 3 – освободился: куда девать 2 часа? (живу-то вне Москвы); зашел к Пильняку (были дела – гонорар получить); Пильняка нет дома; надо ждать (без гонорара не уедешь из Москвы, а хотел на 5 дней отдохнуть у Троицы). Надо ждать Пильняка; 4 1/2, 5; нет Пильняка; опоздал к Мейерхольду; жена Пильняка[7] говорит: «Оставайтесь, поросенок с кашей есть!» Остался обедать. Пришел Пильняк; с гонораром не уладилось: даром ждал; хотел уйти к Мейерх<ольду>. Пильняку звонят: «Кто?» – «Есенин!» – «Приходи, у меня Б.Н.» Думаю: «Вот некстати: надо же бежать...» Пильняк мне: «Оставайся: Есенин едет к Тебе». Явился Есенин – с 4-мя бутылками под мышкой, заставил пить вино (не люблю вина: пил насильно); все думаю, как бы удрать (уже 7 часов); вдруг Пильняки на 2 часа уезжают по делу и насильно меня оставляют с Есениным; уйти невозможно; думаю, «*вот так попался*»... С Есениным происходит разговор; он рассказывает мне о своих берлинских встречах с Асей, о которых я даже не знал; и не подозревая, дает мне *ответ на мои безрезультатные домыслы* накануне об Асе[8]. Это я называю: *находить ответ по кривой*. Прежде:

Теперь:



Нечто подобное происходит и с временем.

Дорогой Раз<умник> Вас<ильевич>, – опять зарапортовался; и – обрываю себя. Еще раз обнимаю!

[1] Ответ на п.148.

[2] Белый вновь (ср. п.146, примеч.1) ошибочно называет так Д.М.Пинеса. «Письмище» – п.149.

[3] См. п.149, примеч.54.

[4] См. п.141. Этот же ход мысли отразился в романе «Москва» (ч.1, гл.3, главка 12): «Взять в корне, – она, рациональная ясность, разъелась; из-под Аристотеля Ясного встал Гераклит Претемнейший: да, да, – очень дéбристый мир!» (Андрей Белый. Москва. М., 1990. С.160).

[5] Цитата из сонета А.С.Пушкина «Поэту» («Поэт! не дорожи любовию народной...», 1830).

[6] Цитата из того же сонета.

[7] Ольга Сергеевна Щербиновская (1891–1975) – актриса Малого театра; вторая жена Б.Пильняка (см. сведения о ней в комментариях О.К.Переверзева: De Visu. 1994. №5/6 (16). С.60).

[8] С.А.Есенин был в Берлине в мае–июне 1922 г., с А.А.Тургеневой познакомился, по всей вероятности, через А.Б.Кусикова; «ответ», о котором говорит Белый, предполагал, видимо, прояснение каких-то обстоятельств в отношениях А.Тургеневой с Кусиковым. Определенно, именно об этой встрече с Есениным в квартире Пильняка (11 марта 1925 г.) рассказывает в воспоминаниях о Белом П.Н.Зайцев: «...случалось и так, что придет С.Есенин “под мухой” и начнет язвить Бориса Николаевича: то напомнит Асю и ее берлинский роман со своим другом, поэтом Кусиковым, то еще что-нибудь, особенно болезненное для Белого. Он словно напрашивался на ссору. <...> Борис Николаевич отмалчивался. Но знаю, что однажды его нервы не выдержали, и после шуточек Есенина он горько разрыдался» (Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.88).

151. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
20 сентября 1925 г. Детское Село.

20 сент. 1925. Царское Село.
Колпинская, 20.

Дорогой и сердечно любимый друг, Борис Николаевич*, –

Не сердитесь на меня поэтому за долгое молчание, – оно было вынужденным. Да и что такое – это «молчание»? Я чувствую Вас близко, часто говорю с Вами и еще чаще

* *Далее – семь вымаранных строк*: наконец-то оказия в Москву! Я решил не писать Вам больше по почте на радость большевистских Шпекиных, так как слишком противно, что всякое большое письмо попадет к Вам не иначе, как пройдя через «черный кабинет» ГПУ. А оказии как назло не было все лето, а если и была, то я узнавал о ней post factum.

молчаливо думаю о Вас, – и Вы это не можете не чувствовать сами. Вы один из самых дорогих и близких мне людей на этой земле, по которой скоро закончится наш путь (скоро – хотя бы и через много оборотов земли вокруг солнца); и если житейские обстоятельства ставят между нами внешние преграды, то ведь для радио-волн они не существуют. Пусть это неизбежное motto каждого начала моего письма будет последним: не стоит писать об этом, все это сами Вы прекрасно знаете и чувствуете.

Вот уже полгода, как у меня не было непосредственных вестей от Вас. Но я все время знал, где Вы и что́ Вы: под Москвой, пишете «Москву»[1]. Знаю, что жили под Москвой хорошо, отдохнули и поработали, – и радовался за Вас; знаю, что «Москву» закончили[2], – и с нетерпением жду ее. Начало не хотел даже и читать[3], ожидая продолжения и желая прочесть сразу побольше. Вы легко поймете, как я жду этой вещи, так как знаете мое отношение к «Петербургу». Напишите – как Вы сами довольны ею: первое живое впечатление автора, подписавшего слово «Конец» и перечитавшего всю вещь, – всегда очень важно. Опасно только, что подлинный творец часто склонен недооценивать свое творение.

Я говорю: «напишите» – на тот случай, если не осуществится то, чего с нетерпением жду, если Вы скоро не соберетесь в наши края. Но и через Соню Каплун (все еще не могу привыкнуть, что она замужем и теперь уже не Каплун, а Спасская) и через Ольгу Форш (которая уже с неделю в доме отдыха в Царском Селе) знаю о Вашем плане побывать осенью в Питере и окрестностях. Мой кабинет – по-прежнему Ваш на любое время; приезжайте «на-подольше», чтобы можно было вволю и поговорить по ночам, и уютно посидеть за чаем, и вспомнить про многое и многих. Впрочем, если я настрою себя на мысль, что Вы через несколько дней приезжаете, то не смогу писать это письмо, как излишнее; поэтому предоставим будущее будущему, а теперь о прошлом и настоящем.

Так вот, возвращаясь к настоящему: «Москва». О нем я решительно ничего не знаю и потому жду с сугубым нетерпением. А вот о «Петербурге» во МХАТ – знаю (читал в «Известиях»), что этой же осенью он идет, и Чехов – Аполлон Аполлонович[4]. Знаете ли – и этого жду не с меньшим нетерпением. Во-первых – «Петербург»: для меня это уже «шестая редакция»! (для Вас, конечно, – гораздо бо́льшая). Во-вторых – Чехов. Я не видел его (но еще увижу!) в «Гамлете», видел этой весною только в «Ревизоре» (не помню, писал ли Вам?)[5], и, несмотря на ужаснейший «ансамбль» наших александринских апраксинцев (ужас! сплошной ужас! обидно было за Чехова – с кем он должен играть), вынес впечатление, которое никогда не выносил от «Ревизора», – видел все «академические» постановки, – но которое не могло не лежать в основе замысла Гоголя: жуть. Не люблю Мережковского, – думаю, что и Чехов не любит его, – но тут вспомнил: «Гоголь и черт»[6]. Правда, не черт, а мелкий бес, «из самых нечиновных»[7], но тем более жутко было. – Теперь хочу видеть его в Аблеухове (которого грамотный нарком-от-балета именовал в «Известиях» Облеуховым)[8] – и увижу во что бы то ни стало, когда в декабре буду (непременно буду!) в Москве. Жду этого с нетерпением, также как и «Гамлета»; Чехов, думается мне, один из самых крупных «духовных» артистов, которых я когда-либо видел. Глядя на его игру, знаешь, что для него это не игра, и совершенно не обращаешь внимания на внешнюю технику, – а она у него очень большая. Думаю, что лучшего Аполлона Аполлоновича для «Петербурга» не найти, и думаю также, что он еще многое откроет мне в «Петербурге», который я, казалось бы мне, знаю вдоль и поперек. Но в том-то и дело, что это только кажется, и артист-художник открывает новое и новое в художественном образе. Вспомните статьи Белинского о Мочалове-Гамлете[9]. Когда идет «Петербург»? Видели ли Вы черновые репетиции? Расскажете или напишете; лучше – первое.

Все это – о настоящем или близком будущем. Теперь несколько слов о недавнем прошлом. 7-го августа был я на Смоленском у Александра Александровича[10] (этот резкий переход объясняется вот какой связью: мы сидели там с Дмитрием Михайловичем на скамье у могилы, говорили о «Петербурге»). Очень грустно было. Как это поется:

Ой, братцы, и мало нас!
Голубчики, – немножечко![11]

Евгений Павлович, Дмитрий Михайлович, я; из родных – Марья Андреевна (Л<юбови> Д<митриевны> не было)[12]; из посторонних – три старых вольфильца и две

вольфилки, фамилий не знаю. Меньше десятка. Да, был и десятый: Медведев[13] (не знаю, знаете ли Вы его), милый человек, но ужасный пушкинский Геннади для Блока[14]. Было тихо и грустно. Не потому, что тропа заросла и сорные травы вокруг могил Блока и Александры Андреевны[15], а потому что все кругом потухло, ветер стих, все стало на свое место, укрепилось и застыло*.

<...> но искренно благодарен Ефиму Яковлевичу (Белицкому), устроившему мне эту работу: без нее я совсем погиб бы в переводах идиотских романов или шахматных книг, – чем я занимался в прошлом году[16]. Чувствую себя больным и безмерно уставшим, но душевно бодрым; знаю, что жизни нам и нашему поколению уже не будет, а будет «прочее время живота», но знаю, что жизнь, как всегда, победит. Заезжают ко мне старые вольфильцы, вспоминают утопические времена Вольфилы. Недавно была Виссель (помните?), очень кланялась Вам; рассказывала много интересного о своей инструкторской работе среди молодежи и провинциальных педагогов. Настроена глубоко пессимистически, говорит о том, что пора умирать. Получаю письма от Векслер – из Гамбурга и Берлина; тоже вспоминает о Вольфиле, как светлом луче жизни. Арон Захарович тоскует в Берлине[17], живет переводами на немецкий язык с русского. Эрберг жизнерадостен и процветает[18], очень обольшевичился, все трое детей (очень хорошие ребята) – яростные коммунисты. Чаще всего вижусь из вольфильцев с Пинесом, который часто бывает для меня помощью и утешением. Большим утешением для Варвары Николаевны и меня является Ина, ныне студентка Института Истории Искусств, хорошая девочка, безмерно и серьезно увлеченная музыкой. Лева женился (!), живет далеко от нас[19]. Мы с Варварой Николаевной несем по-прежнему жизненные тяготы в нашем царскосельском одиночестве. Последние два года за стеной у нас жил Сологуб, с которым видались ежедневно и очень полюбили этого старика[20] – совсем не такого при близком знакомстве, каким я знал его лет десять-пятнадцать назад. Но как раз завтра он переезжает на постоянное житье в Петербург.

Милый Борис Николаевич – приезжайте! Не бойтесь стеснить – мы не первый раз будем жить с Вами вместе. А если бы Вы захотели приехать совсем надолго и хотели бы иметь совершенно уединенную комнату, то теперь как раз имеется за стеной громадная тихая солнечная комната – бывшая Сологуба, – которая может считаться частью нашей квартиры. «Москву» Вы закончили, «Петербург» еще не ставится – отчего бы Вам не провести чудесную золотую осень в Царском Селе? Приезжайте! Вспомним былые годы, поговорим по ночам, как и прежде; Вы захватите с собою «Москву» и почитаете нам. А я авось еще когда-нибудь сумею написать о «Москве» так, как писал о «Петербурге». Варвара Николаевна и Ина ждут Вас и шлют привет, я крепко обнимаю Вас и надеюсь на скорую встречу.

Сердечно любящий

Ваш Р.Иванов

[1] Белый жил в Кучине под Москвой (по Нижегородской железной дороге) с 24 марта 1925 г. (с небольшими перерывами).

[2] Дата окончания работы Белого над романом «Москва» – 24 сентября 1925 г. (Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>. Литературное наследство Андрея Белого // *ЛН*. Т.27/28. М., 1937. С.607).

[3] Имеется в виду публикация двух первых глав «Москвы» в альманахе «Круг» (см. примеч.4 к п.147).

[4] 3 сентября 1925 г. после летнего отпуска возобновились репетиции «Петербурга»; о готовящейся постановке появилось несколько газетных сообщений (см.: *Чехов 2*. С.492-493).

[5] М.А.Чехов играл Хлестакова в спектакле Ленинградского Академического театра драмы (б. Александринского) 22 мая, 3 и 7 июня 1924 г. (*Чехов 2*. С.487).

[6] «Гоголь и черт» – заглавие книги Д.С.Мережковского о Гоголе в первом отдельном издании (М., 1906); с 1909 г. книга переиздавалась под заглавием «Гоголь. Творчество, жизнь и религия».

---

* *Последующий лист (2-й по авторской нумерации) с текстом письма утрачен; продолжение письма – с листа 3 по авторской нумерации.*

[7] Ср. характеристики черта, являющегося Ивану Карамазову (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1976. Т.15. С.86, 117).

[8] Под «наркомом-от-балета» подразумевается А.В.Луначарский; имеется в виду его статья «К предстоящему сезону», в которой сообщалось: «...второй МХАТ <...> предполагает постановку "Орестеи". Но, быть может, еще больший интерес возбуждает предстоящая в этом же театре постановка "Петербурга". Правда, сценическая переделка романа Андрея Белого немного ослабляет это произведение, но тем не менее в нем остается очень много интересного с режиссерской, артистической и психологической точек зрения. Можно почти с уверенностью сказать, что спектакль будет весьма интересным, а с другой стороны, наверное возбудит много толков и пересудов, так как тема взята им щекочущая, и точка зрения автора на связанные с ней проблемы весьма спорна. <...> Во всяком случае можно сказать, что роль сенатора Облеухова <sic!> представляется исключительно подходящей для огромного сценического дарования Михаила Чехова» (Известия. 1925. №204. 8 сентября).

[9] Имеется в виду трехчастная статья В.Г.Белинского «"Гамлет". Драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета», опубликованная в 1838 г. в журнале «Московский наблюдатель». См. ее интерпретацию в кн.: Иванов-Разумник. Книга о Белинском. Пг., 1923. С.115-117.

[10] Речь идет о посещении могилы А.Блока на Смоленском кладбище в день 4-летней годовщины его смерти.

[11] Источник цитаты не установлен.

[12] Е.П.Иванов; Д.М.Пинес; М.А.Бекетова (1862–1938) – тетка Блока и его биограф, переводчица, автор книг для детей; Л.Д.Блок (урожд. Менделеева, 1881–1939) – вдова Блока, драматическая актриса, исследовательница балета.

[13] Павел Николаевич Медведев (1891–1938) – критик, литературовед, исследователь творчества А.Блока.

[14] Григорий Николаевич Геннади (1826–1880) – библиограф, историк литературы; редактор издания Сочинений А.С.Пушкина (СПб., 1859–1860), откликом на которое явилась известная эпиграмма С.А.Соболевского «На издателя А.С.Пушкина»: «О жертва бедная двух адовых исчадий: / Тебя убил Дантес и издает Геннадий!» (Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века). («Библиотека поэта». Большая серия). Л., 1988. С.310). Ср.: Равич Л.М. Г.Н.Геннади. М., 1981. С.46-48.

[15] А.А.Кублицкая-Пиоттух (урожд. Бекетова, в первом браке Блок, 1860–1923) – мать Блока, переводчица, литератор; была похоронена на Смоленском кладбище рядом с Блоком.

[16] См. примеч.15 к п.145. Вероятно, речь идет о работе над комментариями к изданию Сочинений М.Е.Салтыкова-Щедрина в 6 томах (М.; Л., ГИЗ, 1926–1928).

[17] А.З.Штейнберг приехал в Берлин и поселился там в конце 1922 г. (см.: Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, 1991. С.117); ср. его письмо к Конст.Эрбергу из Берлина (Шарлоттенбург) от 25 февраля 1923 г.: «...память о последних питерских годах живет во мне непрестанно, и на расстоянии я еще больше ценю наш небольшой кружок, цепляясь за который мы благополучно переплыли через эти годы» (*ИРЛИ*. Ф.474. Ед.хр.296).

[18] В ноябре 1923 г. Конст.Эрберг был назначен председателем Института Живого Слова, после закрытия Института, с 1 июня 1924 г., стал заведующим отделом публичной речи Государственных курсов техники речи (см. вступ. статью С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова к воспоминаниям Эрберга. – Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С.112, 114).

[19] См. примеч.4 к п.145.

[20] В «Писательских судьбах» Иванов-Разумник пишет о Ф.Сологубе: «Жил он в 1923–1924 гг. в Царском Селе, стена в стену с нашей квартирой на Колпинской улице, и ежедневно – в ответ на мой условный стук в стену – приходил к нашему послеобеденному чаю» (Возвращение. Вып.1. М., 1991. С.317).

152. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
27 сентября 1925 г. Москва[1].

Москва. 27 сентября 25 года.

Дорогой и сердечно любимый Разумник Васильевич!

Только что собрался написать Вам, – письмо от Вас: всякое Ваше письмо мне – большая радость!

Начну с извинения. Ваше большое письмо 1/2 года назад застигло меня врасплох: во всякой жизненной суете, что и отразилось на моем, ответном[2]; действительно: жизненные условия были ужасны в тот период, а за плечами стояло полугодие неприятностей (материальных, моральных) и пресс нависавший, – «*Москва*», без какой-либо возможности «*Москву*» написать. Теперь – несколько все утряслось; «*Москва*» – за плечами (т.е. – первый том – 21-22 печатных листа)[3]; жилищный вопрос неожиданно для меня разрешился (боюсь только радостью не сглазить): живу под Москвой, по Нижегор<одской> жел<езной> дороге на станции «*Кучино*», в 17 верстах от Москвы (дача Шипова №7)[4] у милых старичков, в двух маленьких комнатах, простых, но уютных; и даже озабочен покупкою дров на всю зиму; живу окнами на полотно, а спиной в лес, – прекрасный, сосновый, где мы с Вами будем гулять зимой, потому что у меня в силу моего горячего желания есть уверенность, что Вы приедете зимой ко мне (когда хотите и на сколько хотите); у меня очень примитивно, но уютно, просто, задумчиво; надеюсь, что будет тепло; и главное – уединенно; Вам будет удобно работать (ведь мы же не будем друг другу мешать?); а сообщение с Москвой, когда хотите (с девяти утра до 1 1/2 ночи); от станции – по полотну, 6-7 минут ходьбы.

Я так лелею мысль о Вашем приезде ко мне; впрочем, – об этом еще речь впереди с глазу на глаз.

«*Кучино*» – очаровательная местность, куда я попал вскоре же после моего отчаянного письма к Вам о том, что жить негде; меня и К.Н.Васильеву пригласил проф. Великанов (гидролог), имевший здесь свою гидрологическую станцию[5]; здесь я отдохнул от несносных условий моей жизни; и тогда же мы с К.Н.Васильевой сняли верх дачи на лето; судьба так устроила, что вместо возвращения в Москву я переехал из дачи №4 в дачу №7[6]. Пишу об этом «*огромном*» событии в моей жизни, потому что ведь я отвык жить «*в своем углу*» и со времени возвращения в Россию жил буквально – «*в чужом углу*», куда трудно было забраться (труднее, чем в «*Кучино*») и, главное, куда я не мог приглашать *основательно* своих друзей.

Сейчас – золотая осень, солнце: собираю засохшие листья, как в прошлом году камушки; и – собираюсь в Петербург, т.е. главным образом к Вам, в Детское Село, пользуясь Вашим любезным приглашением. Я уже собирался в Петербург – 1) в мае, 2) в июле, 3) в августе, 4) в сентябре; но всякий раз вставало на пороге: «*Москва*», «*Москва*», «*Москва*», «*Москва*»; ведь я с мая по сию пору написал не менее 14 печатных листов тончайшей филигранной работы, т.е. с переделкой, пере-переделкой и пере-пере-пиской, что – ужасно! Что делать, – приходилось апрель, март, февраль – вынужденно лодырничать из-за условий моей бывшей жизни, о которой я Вам писал.

Лишь третьего дня поставил точку над первым томом, который в замысле *вполне* законченный роман (удивлюсь, если напишу 2-ой том, разве если разбогатею, чтобы, написав 2-ой том, сложить его у себя в столе)[7].

Так и писал первый том, чтобы, если 2-ой не будет написан, том первый стал бы и вторым; первый том кончается в день мобилизации; второй должен открывать ход действий в первый день февр<альской> революции[8].

Вы спрашиваете меня, ну – как «*Москва*»; доволен ли я ею? Скажу – «*доволен*», ибо, по-моему, написал то, что хотел написать; но говорю это «*от ума*»; от чувства же – ничего не могу сказать, ибо безумное утомление и taedium* от переработки и пере-переписок создает болезненное состояние при самой мысли о романе: написав «Петербург», я два года не мог прикоснуться к нему; если бы мне тогда сказали, что «*Петербург*» только чудовище, – согласился бы; если бы сказали, что нет ничего скучнее его, – не оспаривал бы. И вот сейчас кажется мне, что про «*Москву*» скажут почти все: он<а> – скучная, длинная, непонятная, неизвестно для чего и кого написанная, – не стану оспаривать, ибо вижу, что это – «*чудище обло, озорно и лаяй*»[9], что оно огромно по размеру, количеству сцен, переплетений; «*Петербург*» рисуется мне трегранною пирамидой с *основанием* фабулы и с *вершиной*. Композиция «*Москвы*» рисует мне фигуру 12-гранника со многими, взаимно пересеченными фабулами и смыслами; есть ли в «*Москве*» центр? для меня – «*да*», но он не в «*Москве*», он глубоко зарыт; он выводит из «*Москвы*»; в «Петербурге» есть «*Петербург*»; в «*Москве*»

---

* *отвращение (лат.).*

нет «*Москвы*», хотя «*Москва*» дореволюционная, по-моему, зарисована и тщательнее, и красочнее «*Петербурга*»; «*Петербург*» дан в 2-3 цветах; «*Москва*» – в 7-ми, и оттого при 12-гранном строении краски, смешиваясь, создадут впечатление серо-желтой, московской пыли; иные скажут так: «“*Петербург*” – мистицизм, идеология, музыка, символ; “*Москва*” – натурализм, быт, скульптура, воплощение; первый – углубляет; вторая – уплощает; первый – дан в сосредоточенном единстве, монофоничен; вторая – разбросана, полифонична»; и при этом прибавят: «“*Москва*” – бессмысленна: непонятно, ради чего А.Белый наворотил такую глыбу сцен, тел, домов!» При писании «*Петербурга*» Леонардо да Винчи был бы тем, кто помогал в работе; пишучи «*Москву*», я более вспоминал «*Микел-Анджело*». «*Москву*» и «*Петербург*» можно так повернуть друг к другу, что при одной установке «*Москва*» окажется «*ничем*» перед «*Петербургом*». Почему-то «*Москва*» мне ближе. Я, независимо от того, удалась она или нет, – «*люблю*» ее; вероятно потому, что ее никто не полюбит; она – или *уже* не современна, или *еще* не современна; во всяком случае кричаще, до неприличий, до скандала расходится в стиле, в трактовке образов, в проведении тем с тем, что пишется и печатается теперь.

Да, – вот еще: «*Петербург*» – драма: в форме драмы (действие происходит в несколько дней); «*Москва*» – драма внутренняя в форме «*эпоса*» (действие происходит 1 год). В «*Петербурге*» описано *громкое событие*, в результате которого «*государственный муж*» становится «*жалким стариком*»; в «Москве» негромкая жизнь смешного чудака профессора Коробкина развертывается в мистерию «*Страсти Коробкина*»; профессор оказывается «*мировым бунтарем*», «*каппа*»-Коробкиным (от «*каппы*»-звезды, подаренной ему на юбилее, т.е. вновь открытой звезды московским астрономом Штернбергом «*каппа*»-величины)[10] и т.д. В «*Петербурге*» оживает «*Медный Всадник*». В «*Москве*» на Петровке обнаруживаются – Полинезия, Мексика, Атлантида, а в Табачихинском переулке в дверь одной квартиры ломится доисторический мамонт.

Вот какими бросками мог бы я характеризовать разницу между «*Москвой*» и «*Петербургом*». И кроме того: «*Москву*», может быть, испортил я сам, а «*Петербург*» мне портит «*МХАТ*», фантазируя с текстами.

Перехожу к «*Петербургу*»-драме. Вы спрашиваете, что она? И пишете, что драма – 6-ая редакция; то, что будут играть, уже и не 7-ая, а вероятней 8-ая. Ибо судьба «*драмы*» такова. 6-ая редакция[11] оказалась, по словам артистов, такой величины, что ее можно было бы сыграть лишь в 3 вечера; и так сократил ее на 1/2; и потом опять сократил; в таком спрессованном виде она оказалась уже не тем произведением, которое написал я, а чем-то весьма напоминающим «кино» (столько там подкинуто в *жест*); вот тогда-то этот несчастный костяк подвергся воздействию указаний (часто полезных со стороны артистов и всегда ценных со стороны Чехова); далее начинается ряд репримандов: вступает в свои права «*репертком*»: и в результате: А.И.Дудкин разрезается в продольном направлении и из него появляются два типа: Неуловимый, положительный, решительный, убивающий сенатора; и «*дряблый интеллигент*»; в результате указывается, что «*положительный*» недостаточно художественно углублен; пьеса разрешается к цензуре «*условно*»; вскоре вмешивается Луначарский и, спасибо ему, несколько давит в сторону постановки[12]; «*скелет*» драмы с изъятием и пришитием вступает в новую фазу пере-переработок; одна сцена рассасывается в другие, центральная 11-ая картина выпотрашивается и становится незначащей сценкой; 10<-ая>, пассантная «*сценка для отдыха*» становится заостренным финалом и апофеозом драмы, без меня продолжаются сокращения драмы, перелет частей сценок в другие (все сцены ныряют друг в друга); далее начинается творчество актеров над текстом; и я, махнув рукой, ибо от моей драмы в первоначальном виде осталась лишь тень, начинаю сознательно заменять текст «*Белого*» на текст «*Щепкиной-Куперник*»[13]; приходит художник и начинает «*творить*» декорации, о которых я ничего и не подозревал; и уже к декорациям мы все, «*много нас*», подсочиняем; наконец, текст обливается музыкой.

За год предварительной работы на сокращенном тексте-скелете всюду заплаты от «*удачнейших*» до «*неудачнейших*»; и этот процесс, очевидно, будет продолжаться до самой постановки: странное Чехово-Белого-Гиацинтово-Чебано-Берсенево-Реперткомово- и т.д. «*детище*»[14] уже, конечно, не имеет отношения к основному тексту, а

продукт в буквальном смысле слова коллективной работы; что из всего получится, – не знаю; я давно уже, махнув рукой на основной текст, бросился вместе со всеми артистами, художниками, режиссерами, музыкантом и реперткомом давить, мять, перекраивать это странное, всеобщее детище, совершенно забыв, что оно мое; иногда лишь взгляну на текст, как вчера, например, и ахну: «Да ведь писала-то Куперник!»[15] А сам по настоянию Берсенева и Гиацинтовой вписал две «*щепкино-куперниковых*» странички. Утешаюсь, что мой текст остался у меня; и, может быть, выйдет в свет в Ленгизе под заглавием «*Гибель Сенатора*»[16]; скажу лишь, что в ней, в *6-ой редакции*, в сравнении с романом удивляет ход, с одной стороны, на Гоголя (момент трагикомедии), с другой – на Шекспира (момент трагедии) – в сторону от Достоевского.

А то, что будет поставлено, и *что* будет поставлено, мне самому неизвестно: вторичный и окончательный смотр текста реперткомом – 1-го октября; постановка в конце октября, в начале ноября; вчера опять написал заново последнюю сцену, исходя из 1) реперткома, 2) трактования разрыва бомбы Чеховым, 3) из уже написанного финального музыкального номера.

Я не скажу, чтобы огорчался: меня радует одно, что артисты так увлекаются ролями, так углубленно переживают моменты хода действия, а сотрудничество Чехова и рука Чехова во всем успокаивает: все же получится нечто *интереснейшее*; но получится воистину продукт коллективного творчества, в котором автор стал режиссером, а артист – драматургом. Если я жалуюсь на вкрапления в себя «щепкино-куперниковщины», то это жалуется *литератор*; и, может быть, несправедливо: многие изменения в ролях обусловлены актерами; так, например, Ник<олай> Аполл<онович> – надо иметь в виду Николая Аполл<оновича> *Берсенева* и т.д.

И еще скажу, что все время писал текст драмы, исходя из бесед с Чеховым; Чехов все же такой талантливый человек во всех отношениях, что, веря в него, я даже не боялся стирания в тексте себя самого; и верю, что *целое* – в ритмах, в умелом направлении *стиля* игры вынесет Чехов. Роли таковы: Сенатор – Чехов (великолепно), Соф<ья> Петр<овна> – Гиацинтова (велик<олепно>); Липпанченко – Сушкевич[17] (великолепно); Берсенев – Ник<олай> Апол<лонович> – надеюсь, прилично; ставят 3 режиссера: Чебан, Бирман, Татаринов (наш близкий «друг»)[18]; но, конечно, сквозь 3-х режиссеров режиссирует 3-ипостасный Чехов; он же специально работает над *эвритмической* стороной дела: над движениями, группами; ведь он преподавал своей группе эвритмию и потом подкинул эту группу нам; с ней мне придется работать этой зимою на тему о «*слове*».

Кстати: удивительно высок уровень «*МХАТа Второго*» (2-ой Художеств<енный>); здесь даже статисты принадлежат к высокому интеллектуальному уровню; и радует «*моральный пафос*» всей труппы.

Вот и заболтался; и опять обрываю стремительно; из всех сил постараюсь приехать в Ленинград в начале октября; и пробыть недели две. Сперва надо в Москве свершить несколько дел. Надеюсь пожить у Вас и у Сони[19], деля время; думаю пробыть недели две; но этой зимою еще увидимся: 1) Вы, *конечно*, поживете у меня, 2) я еще побываю в Ленинграде. До скорого свидания. Крепко обнимаю Вас.

Борис Бугаев.

Варваре Николаевне и Иночке привет и уважение.

[1] Ответ на п.151.

[2] Под «ответным» письмом Белый, скорее всего, подразумевает п.149, однако оно не содержит отклика на предшествовавшее ему письмо Иванова-Разумника. Неясно, подразумевается ли в данном случае утраченное письмо Иванова-Разумника или какое-либо из его более ранних писем Белому (п.145?).

[3] Белый возобновил и закончил работу над романом в Кучине; описывая события марта 1925 г., он отметил: «Кучино. Здесь – отдых: и тихое задумье; здесь начинаю прерванную на 3 почти месяца работу над "*Москвой*"»; сообщая о завершении «Москвы» в сентябре 1925 г., он подчеркнул: «Не будь Кучина, ее не написал бы» (*РД*. Л.121, 122).

[4] Белый поселился (вместе с К.Н.Васильевой) по этому адресу в середине сентября 1925 г.: «Числа 16-го переезжаем к Шиповым. Здесь оканчиваю вполне "Москву"» (*РД*. Л.122).

[5] Михаил Андреевич Великанов (1879–1964) – старший гидролог Гос. гидрологического института, заведующий Кучинской гидрологической станцией; один из создателей советской гидрологической школы, член-корреспондент АН СССР (с 1939 г.). Белый пишет о марте 1925 г.: «А.А.Великанова, которой муж профессор, гидролог, работает в Кучинской гидростанции, приглашает нас в имеющиеся у них в Кучине 2 комнатки в научной колонии (бывшее имение Рябушинского). Едем» (*РД*. Л.121). Белый и К.Н.Васильева жили там с 24 марта до 17 апреля.

[6] Белый записал о конце апреля 1925 г.: «Снимаем с К.Н. дачу в Кучине у Левандовского» (*РД*. Л.121об.); в этой «даче №4» он поселился в мае и прожил там все лето. В августе, сообщает Белый, «Левандовский указывает нам на домик Шиповых. Мы с К.Н. снимаем в нем две комнатки на зиму; так начинается мне мой "*таинственный остров*" Кучино, откуда я изредка, с опаской, ныряю в столь опостылевшую мне Москву» (*РД*. Л.121об.-122). «Снятая дача была зимней, – пишет в воспоминаниях о Белом П.Н.Зайцев. – Две комнаты Бориса Николаевича были отделены перегородкой от комнат хозяев. В первой устроилась Клавдия Николаевна, там же была и столовая. За ней – кабинет Белого. Хозяева (Шиповы) – пожилые доброжелательные люди. Сам Шипов работал в Москве бухгалтером, жена его, домашняя хозяйка, взяла на себя заботы по обслуживанию жильцов» (*Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.567). Дом Шиповых сохранился до настоящего времени (Пушкинская ул., 48а – вблизи платформы Кучино), 12 января 1994 г. на нем была установлена мемориальная доска с надписью: «В этом доме с 1925 по 1931 год жил и работал русский писатель Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев) 1880–1934 г.». См.: Модестов Н. В Кучино, к Белому... // Ленинское знамя. 1988. №142. 24 июня; Слепнева А.Н. Ему здесь было хорошо // Городской вестник (г.Железнодорожный Московской обл.). 1994. №1. 15 сентября; Слепнева А.Н. И в Кучине жил и писал... // Там же. 1994. №11. 2 декабря.

[7] К работе над продолжением «Москвы» – будущим романом «Маски» – Белый приступил лишь осенью 1929 г.

[8] По мере реализации общий замысел Белого разросся. В предисловии к «Маскам» (1930) Белый писал: «Роман "Маски" есть второй том романа "Москва", обнимающего в задании автора 4 тома. Второй том рисует предреволюционное разложение русского общества (осень и зима 16-го года); третий том в намерении автора должен нарисовать эпоху революции и часть эпохи военного коммунизма; четвертый том обнимает эпоху конца нэпа и начала нового реконструктивного периода» (Андрей Белый. Москва. М., 1990. С.760). Последующие тома написаны не были.

[9] В сокращении приводится строка из «Тилемахиды» (т.II, кн.XVIII, ст.514) В.К.Тредиаковского (1766), взятая эпиграфом к «Путешествию из Петербурга в Москву» А.Н.Радищева.

[10] Павел Карлович Штернберг (1865–1920) – астроном и деятель революционного движения (большевик); профессор Московского университета (с 1914 г.), в 1916–1917 гг. директор Московской обсерватории.

[11] Подразумевается текст драмы «Петербург», представленный Белым в МХАТ 2-й, а также для опубликования в Госиздат; ныне драма напечатана в этой редакции (см. примеч.8 к п.143).

[12] См. примеч.19 к п.146.

[13] Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874–1952) – поэтесса, драматург, прозаик, переводчица. Для Белого с именем «паиньки» Щепкиной-Куперник связано представление о традиционных общедоступных стилевых приемах, лишенных индивидуального своеобразия и творческого поиска. См.: Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989. С.39-40, 45-46.

[14] Обыгрываются фамилии участников постановки «Петербурга» – режиссера А.И.Чебана, актрисы Софьи Владимировны Гиацинтовой (1895–1982) – исполнительницы роли Софьи Петровны Лихутиной (см. ее воспоминания о работе над «Петербургом»: Гиацинтова С. С памятью наедине. М., 1985. С.240-246), актера и режиссера Ивана Николаевича Берсенева (наст. фам. Павлищев, 1889–1951) – исполнителя роли Николая Аполлоновича Аблеухова.

[15] В архиве М.А.Чехова сохранился режиссерский экземпляр «Петербурга» – сокращенная редакция текста с зачеркиваниями, авторской правкой и рукописными вставками (*РГАЛИ*. Ф.2316. Оп.1. Ед.хр.2. 196 лл.), машинописный режиссерский экземпляр без авторской правки (с датировкой: ноябрь 1925 г.) – в архиве С.Г.Бирман (*РГАЛИ*. Ф.2046. Оп.1. Ед.хр.1. 165 лл.); машинопись сценической редакции «Петербурга» (с авторской правкой) имеется также в архиве Белого (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.20). См. также: Долгополов Л.К. А.Белый о постановке «исторической драмы» «Петербург» на сцене МХАТ-2 (По материалам ЦГАЛИ) // Русская литература. 1977. №2. С.173-176; Николеску Т. Андрей Белый и театр. М., 1995. С.97-123.

[16] См. примеч.66 к п.149.

[17] Борис Михайлович Сушкевич (1887–1946) – актер, режиссер.

[18] Намек на приверженность режиссера Владимира Николаевича Татаринова (1879–1966) антропософии.

[19] С.Г.Спасская (Каплун).

153. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
19 октября 1925 г. Кучино.

Кучино. 19 октября 25 г.

Дорогой Разумник Васильевич,

Увы, опять непредвиденные обстоятельства задержали приезд мой. Во-первых, – задержали деньги в «*Круге*»[1], во-вторых, – задержали при выписке паспорт; в-третьих – «*МХАТ*» подставил мне работу над текстом: надо было прогнать репетиции сквозь ритм пьесы; и мое присутствие в театре было необходимо[2].

Между тем: я прогулял прекрасные дни, простудился, ходил с подбронхитом, который непременно разразился бы бронхитищем, если бы я попал на петербургскую осень; пришлось отложить; а тут подкатывается ноябрь, т.е. опять-таки: необходимость быть при репетициях.

Приеду к Вам после постановки: непременно этой зимой поживем с Вами у Вас; но у меня созревает мысль: отчего бы Вам *до* моего приезда не приехать *теперь* ко мне с рассчетом посмотреть и «Гамлета», и «*Петербург*».

У меня две тихих комнатки, два стола, две постели; удобное сообщение железной дорогой; Вы могли бы привезти с собой работу, и мы чудно зажили бы. Никто не мешал бы. Иногда приезжала бы К<лавдия> Н<иколаевна>; тогда мы устроились бы с Вами в моей комнатке на ночь: это – вполне можно; гуляли бы в лесу. Милый, дорогой Разумник Васильевич, я даже не смею подумать, как было бы это хорошо.

В самом деле, – отчего бы Вам не приехать? Я все равно приеду потом в Ленинград; и все равно потом поживем у Вас; отчего бы Ваш приезд в Москву в декабре не соединить с приездом ко мне в ноябре с захватом части декабря, т.е. не продлить ли Вам приезд в декабре, начав его с ноября? Милый, хороший Разумник Васильевич, – приехали бы: мне нечем Вас прельстить; разве – «Гамлетом» в Москве да природой (чудной) в Кучине, тишиной; в виде бесплатного приложения могу предоставить Вам рукопись «*Москвы*» (ох, – уже кажется она мне далека: кстати, – знаете, кому я ее посвящаю? *Архангельскому* крестьянину *Михаилу* Ломоносову)[3]. Если надумаете приехать, то сообщаю Вам к руководству: «Петербург» пойдет не раньше 5-7-го ноября и *никоим образом* не позднее *15* ноября; «*15*» – абсолютный срок[4].

Я в последнем письме (получили ли его?) клеветал Вам на «*МХАТ*», жалуясь на текстовые искалечения и на то, что я порой в тексте должен был делаться «*Щепкиной-Куперник*»[5]; должен сказать в защиту «*МХАТа*», что всё же они использовали весь текст, переведя его в жест: текст говорит паузами, стилем музыки, расположением групп; и все-таки: «*Петербург*» остается «*Петербургом*», несмотря на разжижение словесного текста.

Милый Разумник Васильевич, – черкните заранее, если надумаете приехать в начале ноября (мне это будет великой радостью).

Вы, конечно, знаете о кончине Ильи Марковича Басса[6]; если увидите Соню Спасскую, передайте ей, что мы *очень думаем* об Илье Марковиче и что его кончина поразила нас, как громом (прекрасный был человек!). Передайте Соне, что ей не писал, потому что ехал в Ленинград; а теперь скоро напишу.

Мне нужно знать заранее о Вашем приезде еще и для того, чтобы оставить Вам билет на *премьеру* (т.е. 2-ую генеральную)[7]: запись на билеты, учет мест уже сейчас, ибо премьера в «*МХАТе*» – личное приглашение.

Еще хочется мне, чтобы Вы познакомились и хоть сколько-нибудь узнали К<лавдию> Н<иколаевну>; – она мой *очень большой друг*, с которым мы работаем душа в душу уже с 18-го года; а последнее время (последние года) она стала мне еще ближе: и по кругу тем мысли, и по моральному устремлению; она – такая же «*вольфилка*» (не будучи в Вольфиле), как я или Вы.

Обрываю это письмо, ибо еду в Москву и тороплюсь.

Сердечный привет всем Вашим.

Любящий Вас Б.Бугаев.

P.S. Получили ли письмо мое?

P.P.S. Адрес. Кучино. Нижегор<одской> жел<езной> дороги (близ Москвы). Дача Шиповых №7. Мне.

[1] Имеется в виду гонорар за рукопись романа «Москва», представленную в издательство «Круг».

[2] Белый отметил за сентябрь–октябрь 1925 г. свое восьмикратное участие в репетициях «Петербурга» (*РД*. Л.122).

[3] Текст посвящения «Москвы»: «Посвящаю памяти архангельского крестьянина Михаила Ломоносова» (Андрей Белый. Москва. М., 1990. С.18). За обозначенными в посвящении биографическими характеристиками М.В.Ломоносова (родившегося в деревне Мишанинская Архангельской губернии в семье государственного крестьянина) скрывается намек на другой образ – Архангела Михаила в специфически антропософском символическом толковании: по Штейнеру, в последней трети XIX века начался новый период исторического развития, который может быть назван эпохой Архангела Михаила; хронологические границы этой эпохи – с 1879 г. примерно по 2300 г. (Штейнер Р. Наставления для эзотерического ученичества. Из содержания «Эзотерической школы». СПб., 1994. С.178). В воспоминаниях «Жизнь и встречи» М.А.Чехов приводит слова Белого о романе «Москва»: «Я посвящу свою книгу Михаилу Архангелу. Пусть в наши дни прозвучит его имя» – и сопровождает их примечанием: «Духовная наука (антропософия) под именем *Архангела Михаила* объединяет группу духовных существ, играющих важную роль в развитии мира и человека. Задача *Архангела Михаила* особенно значительна в нашу эпоху» (*Чехов 1*. С.176). В 1921 г. внутри Московского Антропософского общества образовалась группа, которая была названа (по совету Штейнера) именем Ломоносова; в Ломоносовскую группу входили Белый, Т.Г.Трапезников, М.П.Столяров, К.Н.Васильева, В.О.Станевич, М.В.Сабашникова и др. Белый пишет о Ломоносовской группе в очерке «Почему я стал символистом...» (1928) (Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.476-477); см. также: Жемчужникова М.Н. Воспоминания о Московском Антропософском обществе (1917–23 гг.) // Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. Paris, 1988. С.46-47; Волошина М. (Сабашникова М.В.). Зеленая Змея. История одной жизни. М., 1993. С.230-231, 378-379 (примечания С.В.Казачкова и Т.Л.Стрижак); Майдель Рената фон. О некоторых аспектах взаимодействия антропософии и революционной мысли в России // Блоковский сборник XI (Ученые записки Тартуского ун-та. Вып.917). Тарту, 1990. С.73. Подробная интерпретация посвящения «Москвы» развернута в статье: Спивак М.Л. Роман А.Белого «Москва»: экзо- и эзотерика посвящения // Литературное обозрение. 1998. №2. С.38-46.

[4] Премьера «Петербурга» в МХАТ 2-м состоялась 14 ноября 1925 г.

[5] См. п.152. О репетициях «Петербурга» в октябре 1925 г. Белый пишет: «Меня ужасает режиссура и макет “Петербурга”, но на репетициях бессилен, ибо Чехов занят другим, а я один в поле не воин. Я – в ужасе: предвижу провал; но “***постановщики***” (Татаринов, Бирман) твердой рукой правят к провалу» (*РД*. Л.122).

[6] Комментарий Иванова-Разумника: «Инженер И.М.Басс – знакомый АБ по лету 1924 года в Коктебеле» (Л.25); ср. примеч.10 к п.146. 8 октября 1925 г. М.М.Шкапская отправила М.А.Волошину и М.С.Волошиной открытку с сообщением: «Макс и Марусенька, Илюша застрелился 28-го сентября. Вы любили оба его – вспомните его добрым словом. М.Шкапская» (*ИРЛИ*. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.1303). Подробности сообщила А.П.Остроумова-Лебедева в письме к Волошину и М.С.Волошиной от 26 октября 1925 г. (со слов Шкапской): «Вы, конечно, слышали о смерти Ильи Марковича <...> на днях, когда я лежала в постели, у меня довольно долго просидела Мария Михайловна и все мне рассказала. Он давно готовился к этой смерти и об этом он подробно и несколько раз говорил с доктором Ариевым, кот<орый> даже у него на груди обозначил то место, куда ему следует стрелять, чтобы моментально умереть. Но пуля прошла вкось и прострелила ему легкое. Первое сообщение после осмотра было такое: рана легкая, но состояние тяжелое. Он прожил 40 часов и почти все время был в сознании. У него после выстрела было очень большое внутреннее кровоизлияние, кот<орое> его больное сердце не могло преодолеть. Мария Михайловна совершенно не ожидала этого, тем более, что последнее время он не чувствовал себя хуже, хотя, она говорит, у него стала быстро падать работоспособность, что его, видимо, и поторопило принять этот шаг. Ариев говорит, что самое большое он мог бы прожить еще с полгода получеловеком, а потом наступила бы полная инвалидность, которая могла бы протянуться довольно долго.

С него снята маска и кто-то рисовал его портрет в гробу. За десять минут до выстрела М.М. была у него в комнате и застала его вполне одетым, сидящим на кровати с револьвером в руках, кот<орый>, как она потом поняла, он заряжал. Когда она ему сказала: "Терпеть не могу этих опасных игрушек", – он ответил: "Я на днях его брал с собой, когда ездил поздно вечером на острова, а теперь его чищу". Здесь же он попросил ее в этот день не уходить из дому, она ему в этом отказала, т<ак> к<ак> должна была куда<-то> идти, и пошла одевать шляпу. В этот момент он выстрелил. Когда она прибежала с криком в его комнату, он стоял посередине комнаты, а перед грудью его стоял дымок. Увидев ее, он сказал: "Ну вот и все" – и сам лег на диван и попросил послать за скорой помощью <...> Умер мужественно, спокойно и убежденно. К антропософии за последние месяцы охладел и разочаровался в ней. Она очень расстроена» (Там же. Ед.хр.920). См. также отклик Волошина на этот рассказ в письме к А.П.Остроумовой-Лебедевой от 25 ноября 1925 г. (Минувшее: Исторический альманах. Вып.17. М.; СПб., 1995. С.318. Публикация А.Сергеева и А.Тюрина).

[7] Генеральные репетиции «Петербурга» состоялись 6, 8, 10 и 12 ноября (*Чехов 2*. С.494).

154. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
25 октября 1925 г. Детское Село[1].

25/X 1925.

Сердечно любимый Борис Николаевич,

письма Ваши получил («оба-два»!), и читая их одновременно и радовался, и огорчался. Радовался – за Вас, за то, что Вы в работе, что «Петербург» идет в МХАТ'е, что в общем Вы довольны; огорчался – за себя, что Вы не приедете, и что мне – увы! – и мечтать нельзя попасть теперь в Москву. А если бы Вы знали, до чего хотелось бы попасть! – и не в Москву, а в Кучино, в Вашу избушку, которая стоит к лесу задом, а к рельсам передом; до чего хотелось бы попасть на премьеру «Петербурга», потом повидать «Гамлета», а главное – повидать Вас. Но проклятые «форсы-мажорсы» запутали в своих тенетах; и хотя это очень скучно – но расскажу Вам в двух словах, чем я загружен и почему не могу и мечтать о таком отдыхе, каким была бы для меня поездка в Москву–Кучино.

В апреле я заключил договор с «Ленгизом» о редактировании и комментировании 6 томов сочинений Салтыкова к его январьскому юбилею[2]. В сентябре редактирование от меня отпало, – не стоит рассказывать, как действовал в этом случае проф. Эйхенбаум, реваншируясь за несколько страниц о нем Ипполита Удушьева[3], – но комментарий должен быть закончен к 1 декабря. Чтобы успеть сделать это, мне надо весь ноябрь работать с утра и до вечера; притом работа эта такого рода, что через каждые 5-10 минут мне надо наводить справки в груде окружающих меня книг, особенно в «Отеч<ественных> Записках»[4], которые заполнили теперь у меня с верху до низа целый шкап. В Кучино его не увезешь, – да еще и целый шкап других справочных книг. А сдать работу надо, хочешь-не-хочешь, 1-го декабря; сам не знаю, как и успею. Самое глупое во всем этом то, что вся эта работа, быть может, впустую, что «политический редактор» Ленгиза зачеркнет ее «за недостаточно марксистский подход» или еще за что-либо столь же умное[5]. И еще: никому эта работа не нужна, никому не нужен Салтыков, весь его юбилей – фальшивая и дутая шумиха. Салтыков – едкая сатира на самих большевиков; он совершенно нецензурен по существу, а они и из него хотят сделать веревочку, которая пригодится в дороге. Ну да все равно: факт тот, что работу я должен кончить и что, следовательно, до 1/XII прикован к месту.

А дальше – еще хуже. 1-го декабря сдаю в Ленгиз Салтыкова, а 2-го декабря – сажусь за статью о Салтыкове для «Былого», которую взялся написать хлеба ради насущного[6]. Она займет у меня недели две, и значит только к середине декабря я освобожусь от всяческих повинностей. Вот тогда-то, в промежутке между 15 дек<абря> и 15 янв<аря>, я и надеюсь недели на две попасть в Москву, с целью искать какую-нибудь работу – переводную, корректурную, любую. Вот тогда-то и надеюсь несколько дней провести в Кучине у Вас, милый и дорогой Борис Николаевич, наговориться за год, прочесть «Москву», повидать «Петербург». Авось не сорвется это мое мечтание!

И все-таки очень горько мне, что не могу хоть на два-три дня, хоть «обороткой» съездить в Москву на генеральную репетицию, провести с Вами хоть один день и

снова вернуться к своему письменному столу. Но дело известное – бодливой корове Бог рог не дает. Имей я эти червонные рога, сколько раз уже побывал бы я в Москве за эти годы! Не тут-то было.

Вы пишете о кончине Б<асса>. Она очень поразила меня, хотя я сравнительно мало знал его, но поскольку знал – всегда считал человеком очень жизнестойким, до конца искренним. Думаю, что и погиб он потому, что был искренен сам с собой. Надежды в близком будущем не было, строй установился прочно, и впечатление от него такое, что его же царствию не будет конца – при нашей жизни по крайней мере. Чтобы жить – надо заносорожиться и забегемотиться, обрасти толстой шкурой; или – совсем уйти в самого себя. Кто похуже да послабее – тот принимает один из этих исходов; кто получше и посильнее – тот отряхает прах от ног своих. Я только не согласен на самовольный уход, – это тоже слабость. Надо уйти не как Б., а как другой Б.: – Блок, или как М.О.Гершензон. Когда человек *не захочет* жить, то умирает и без пули, и без яда: тогда «умирается».

Хотелось бы еще написать Вам уйму, так, чтобы этот листок был только кратким предисловием.

Резко прерываю: приехал «на 5 секунд» Дм<итрий> Мих<айлович>[7], сегодня вечером едущий в Москву. Счастливый человек!

Обнимаю и целую.

Ваш Р.Иванов.

[1] Ответ на п.152 и 153.

[2] См. п.151, примеч.16. 27 января (15 января ст.ст.) 1926 г. исполнялось 100 лет со дня рождения М.Е.Салтыкова-Щедрина.

[3] Борис Михайлович Эйхенбаум (1886–1959) – историк литературы; член ОПОЯЗа, один из наиболее крупных представителей «формального метода» в литературоведении 1920-х гг.; Иванов-Разумник познакомился с ним в сентябре 1912 г. у М.К.Лемке, двоюродного брата Эйхенбаума (см. примечания Н.А.Жирмунской и Е.А.Тоддеса в кн.: Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С.322, 323). В статье «Взгляд и нечто», напечатанной под псевдонимом Ипполит Удушьев, Иванов-Разумник уделил критике «формального метода» особый раздел («V. Нечто о методе»), однако имя Эйхенбаума в ней не упоминается (см.: Современная литература. Сборник статей. Л., 1925. С.174-179). В 6-томном издании «Сочинений» М.Е.Салтыкова (Щедрина) (М.; Л., ГИЗ, 1926–1928) напечатаны биографический очерк, составленный Ивановым-Разумником (т.1), и его примечания к произведениям Щедрина (во всех томах), в совокупности составляющие около 30 печ. листов; издание было осуществлено под общей редакцией К.И.Халабаева и Б.М.Эйхенбаума.

[4] Салтыков-Щедрин был одним из руководителей «Отечественных Записок» с 1868 г. вплоть до закрытия журнала в апреле 1884 г.

[5] По выходе в свет «Сочинений» Салтыкова-Щедрина в 6 томах комментарии Иванова-Разумника вызвали резкую критику со стороны щедриноведа и советского партийного идеолога М.С.Ольминского, опубликовавшего в журнале «На литературном посту» статьи «Как не следует комментировать Щедрина» (1928. №19. С.37-39), «Щедрин и Ленин (Наброски)» (1929. №14. С.18-23), «Еще раз: Щедрин и Ленин» (1929. №17. С.22-23).

[6] См.: Иванов-Разумник. Неизвестные страницы Салтыкова (К 100-летию со дня рождения) // Былое. 1926. №1. С.40-63.

[7] Д.М.Пинес; с ним Иванов-Разумник отправил это письмо.

155. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
3 марта 1926 г. Детское Село.

3 марта 1926. Д.С.
Колпинская, 20.

Милый и дорогой Борис Николаевич,

– всего несколько слов на-авось. Опять мы с Вами целую вечность не обменивались письмами; я все поджидал случая, Вы, вероятно, тоже. Очень обидно было мне, что

Дм<итрий> М<ихайлович> не успел, уезжая из Москвы (в октябре!)[1], захватить Ваше письмо ко мне; у меня тоже были написанные и неотправленные письма. Так что в конце концов у нас с Вами, вероятно, больше неотправленных друг к другу писем, чем посланных.

Третьего дня сделал попытку «связаться»: прочел в газетах, что состоится вечер М.А.Чехова[2]. Сам я был нездоров, но командировал в город Ину с письмом к М.А., в котором писал, что если он останется в городе еще три-четыре дня, то я заеду к нему познакомиться и поговорить. Но Ина не смогла добиться сквозь кордон и повидать М.А. и вернулась домой, только передав ему мое письмо (на котором я и адреса своего не обозначил) через десятки рук. Так и не вышло ничего. А я уже написал Вам большенное письмо и хотел просить М.А. передать его Вам при случае. Пришлось бросить письмо в корзину (а жаль было!), теперь взамен пишу вот эти несколько строк, на волю почты и Шпекиных.

Дела вот какие: *быть может* (еще не наверное), мне удастся попасть на неделю в Москву в конце марта. Когда здесь с месяц или полтора тому назад были Мейерхольды, они пригласили меня на небольшой цикл лекций в свой Гэктемас[3]. Недавно получил от них подтвердительное письмо, с просьбой приехать в Москву в конце марта, выступить с воспоминаниями (рядом с Л.Троцким!) на их вечере памяти Есенина[4], и прочесть 4-5 лекций в их Гэктемасе (кажется, так?) о «театре символистов». От первого я отказался. Смерть Есенина мне тяжело далась (все мое уничтоженное письмо к Вам было о Есенине); выступать о нем – не хочу и не могу; на ряд предложений изд<ательст>в написать о нем воспоминания – ответил отказом. Напишу, да не напечатаю, и читать не буду[5]. Да и «нецензурно» все это, слишком лично, многих затрагивает. Одна только есть главка – о нем и о Вас в конце 1916 г., есть у меня и неизданная статья его о Вас[6] (Вы большое влияние оказали на него, Борис Николаевич, быть может сами того не зная). Это еще – «цензурно»; да ведь мы с Вами «нецензурны» – или что-то вроде этого.

Но все это лишь к слову, – раз я все равно отказался читать на вечере о Есенине. А вот о «театре символизма» прочесть согласился. Если для Мейерхольдов соединимы этот отказ и согласие, то в конце марта приеду в Москву на неделю. И даже не «приеду», а приедем, т<ак> к<ак> приедут вместе со мною и Варв<ара> Ник<олаевна>, и Ина (еще не видавшая Москвы). Как-нибудь и где-нибудь разместимся.

Так вот, милый Борис Николаевич: авось увидимся! Соскучился я по Вас – очень. Чувствую Вас всегда, да ведь хочется и увидеть, и поговорить, и «Москву» прочитать, и «Петербург» посмотреть, и мало ли что еще. Хоть денек проведу в Вашем тихом Кучине, проведем в разговорах ночь, как когда-то проводили их в Царском Селе.

Итак, еще раз – авось до свидания! Привет от В.Н.; сердечно обнимаю Вас.

Крепко любящий Вас Р.Иванов.

[1] См. примеч.7 к п.154.

[2] На вечере артистов МХАТа в Ленинграде, состоявшемся в Гос. Академической Филармонии 28 февраля 1926 г., М.А.Чехов выступал в сценах из «Ревизора» в роли Хлестакова. См.: Верховский Н. МХАТ на эстраде. Художественный театр: Книппер, Гиацинтова, Чехов // Ленинградская правда. 1926. №51. 3 марта. С.6; Кузмин М. Москвичи в филармонии // Красная газета. Веч. вып. 1926. №52. 1 марта. С.4.

[3] Мастерская В.Э.Мейерхольда – учебное заведение, называвшееся в 1923–1931 гг. Государственными экспериментальными театральными мастерскими (Гэктемас) имени Вс.Мейерхольда. Мейерхольды – В.Э.Мейерхольд и его жена Зинаида Николаевна Райх (1894–1939) – актриса, студентка актерских курсов Гэктемаса (с осени 1921 г. до апреля 1926 г.), ранее – жена С.А.Есенина (в 1917–1921 гг.). Иванов-Разумник знал З.Н.Райх с 1917 г. (в редакции газеты «Дело народа», где он постоянно сотрудничал, она работала машинисткой).

[4] Это письмо в архиве Иванова-Разумника не сохранилось. О гибели Есенина (в ночь с 27 на 28 декабря 1925 г.) З.Н.Райх писала Вяч.И.Иванову (12 августа 1926 г.): «Это <...> ужасно подкосило меня и Всеволода. Мы оба сейчас постарели на 5 лет сразу» (Вяч.Иванов в переписке с В.Э.Мейерхольдом и З.Н.Райх (1925–1926) / Публикация Н.В.Котрелева и Ф.Мальковати // Новое литературное обозрение. 1994. №10. С.272); см. также: Красовский Ю.А. Зинаида Райх о Сергее Есенине (План книги воспоминаний) // Встречи с прошлым. Вып.2. М., 1976. С.168-171. Запись беседы с Мейерхольдом о Есенине (от 31 января 1926 г.) приводит в мему-

арном очерке «Есенин, каким я его знал» П.А.Кузько (Воспоминания о Сергее Есенине. М., 1965. С.209-210).

[5] 16 января 1927 г. Иванов-Разумник сообщал З.Н.Райх: «Я за этот год закончил свои записки о С<ергее> А<лександровиче>, – листов на пять и совершенно не для печати, за исключением быть может нескольких страниц общего содержания» (Карохин Л.Ф. Иванов-Разумник и Есенин // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С.87; Карохин Л. «Человек, перед которым я не лгал...» Сергей Есенин и Иванов-Разумник. СПб., [1997]. С.82). Текст воспоминаний Иванова-Разумника о Есенине, по всей вероятности, не сохранился. Известны лишь краткие «Примечания» Иванова-Разумника (март 1928 г.), проясняющие обстоятельства написания Есениным «Сказания о Евпатии Коловрате» (Есенин С. Полн. собр. соч. В 7 т. М., 1997. Т.2. С.456-459 (комментарии С.И.Субботина); Леонтьев Я.В. Иванов-Разумник и «Сказание о Евпатии Коловрате» // Литературное обозрение. 1996. №1. С.34). В письме к З.Н.Райх от 27 августа 1926 г. Иванов-Разумник сообщал: «Лежит у меня с весны на столе, в конверте статейка моя (страничка) о “Евпатии Коловрате” с полным текстом Есенина. <...> Пришлю Вам этот материал, если он Вам понадобится» (*РГАЛИ*. Ф.998. Оп.1. Ед.хр. 3697).

[6] Рукопись этой статьи Есенина, скорее всего, погибла вместе со значительной частью архива Иванова-Разумника; ср. комментарий А.А.Козловского в кн.: Есенин С.А. Собр. соч. В 6 т. М., 1979. Т.4. С.314.

156. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
6 марта 1926 г. Кучино[1].

Кучино. 6 марта. 26 года

Милый и дорогой Разумник Васильевич, –

только что получил Ваше письмо: обрадовался, и в радости – полуогорчился; обрадовался, что увидимся; полуогорчился – вот по какому поводу: помните, что Вы обещали мне, собирались порадовать меня тем, что прямо остановитесь у меня и мы с Вами поживем в моем маленьком домике; и даже назначили срок, когда Вас ждать (от 15 декабря до 15 января); вот я и ждал все: и январь, и февраль, что Вы приедете. Ну, конечно, – вероятно, Вас задержали дела; но теперь-то? Так я соскучился по Вас, так мечтал с Вами провести не «*денек*», а – «*деньки*»; а Вы, вот, собираясь обрадовать своим приездом, пишете «*хоть денек проведу у Вас*» и этим заранее мою радость превращаете в «*полурадость*»; заранее обещаюсь Вам надоесть, к Вам пристать и «*денек*» превратить в «*деньки*»; могу превратить свое приглашение в угрозу; и если действительно у Вас в Москве для меня найдется один лишь «*денек*», то... я готов хоть... погнаться за Вами из Кучина вплоть... до... Детского Села.

Сериозно: вижу заранее: если едете на неделю, да еще в эту неделю прочтете цикл лекций (небось, читать будете по вечерам), где ж нам свидеться: у меня Вам будет неудобно; и я уже заранее предвижу, что мне придется из Кучина за Вами гоняться по Москве, которая стала мне и вовсе чужой (отвык я в своей деревне от Москвы); на «*денек*» – милости просим в течение этой, Вашей, *занятой* недели; и надеюсь, что Варвара Николаевна и Ина посетят меня, чему я буду чрезвычайно рад. Но все это еще присказка: вот чего я убедительно прошу у Вас: когда кончится Ваша «*деловая*» неделя в Москве, устроим вторую неделю, кучинскую: приезжайте ко мне в Кучино; и поживите у меня; боюсь то же предложение сделать Варваре Николаевне (живу в двух маленьких комнатках и боюсь, что ей будет неудобно во многих отношениях: мои комнатушки устроены на двоих; впрочем, при доброй воле перенести некоторые неудобства можно кое-как втиснуться втроем); но *Вас* я сериозно намерен *отхватить* от Москвы, Варвары Николаевны, Ины, Ваших знакомых...

Вдвоем будет очень уютно у меня, захватите с собой работу: в Вашем распоряжении будет стол и *покой*; сериозно, – не торопитесь с возвращением; встретим раннюю весну в начале апреля; в Кучине – тихо, пустынно, прекрасный воздух; и все – располагающее к тихим вечерним беседам; будем справлять чайные «мистерии»; я так об этом мечтаю.

Дорогой Разумник Васильевич, я сериозно зову Вас к себе; ведь я никого почти не вижу, редко куда высовываюсь, никаких «*литературных*» связей у меня нет; из «*современности*» я выведен; литературно живу бобылем; и весь смысл моей жизни –

работа да настоящие душевно-духовные отношения к отдельным людям; если бы их не было, – как знать, чем бы кончил (вот оно нынче как «*кончают*»: Есенин!!!).

Если жив, то жив протянутостью к другим; Вы, Кл<авдия> Ник<олаевна>, да два-три друга – и этим ограничивается мое настоящее общение с людьми: порадуйте своим присутствием; а мне, вероятно, в конце марта будет особенно одиноко: К.Н. уезжает за границу (если разрешатся хлопоты)[2], а она скрашивала мое житье, часто наведываясь ко мне; мне очень грустно будет одному; и с тем большей надеждой я обращаюсь к Вам.

Да и кроме того, – столькое хотелось бы Вам передать, о стольком поговорить, о стольком спросить...

Итак, жду Вас: надеюсь, что Вы своевременно меня известите о числах Вашего приезда, чтобы мне заранее овладеть временем; пишите заказным: *не заказные* застревают на полустанке, а *заказные* приносят нá дом.

Вы пишете о «*Петербурге*»: ой, – «*Петербург*» причинил мне большую боль; помните, осенью я писал о своих недоумениях[3]; но я был оптимистом; я верил театру; это коренилось в том, что я отправлялся от данных отдельных репетиций и от того, что всего «*макета*» я не видел; когда на первой генеральной я увидел весь *не мой* «*Петербург*»[4], – впечатление было невыразимое: впечатление ужаса, боли, отчаяния от невыразимого уродства, в которое отлилось перекалеченное и *пере-пере*-калеченное целое драмы; Вы знаете, что я человек «*стреляный*»; и настроение мое не зависит от «*успехов*» или «*провалов*»; но такого «*морального*» для меня провала без особенной вины с моей стороны я никогда в жизни не испытывал: около месяца я *был болен*; получился не «*Петербург*», а – «*монстр*». Было так больно, что даже писать об этом не хотел; и вот отчего вышел «монстр» – не понимаю: артисты старались, играют во многом превосходно, а все-таки – задания наши сорвались: вернее, – были сорваны «*судьбой*» переделок[5].

Но жалкие развалины драмы, кажется, имеют успех, судя по посещаемости; я так и не был в театре после неудачной «премьеры»[6]. И М.А.Чехов вычертил лишь одну сторону сенатора; все же роль *сенатора* – самая слабая из всех ролей его[7]. Нет, – Вы пойдите на «*Гамлета*»! Зато Берсенев – обрадовал: на нем держится все[8]. Эти месяцы я в шутку почти начал записывать один ход своих мыслей, ввязался в него, и теперь заканчиваю черновик рукописи (что с ней делать, – не знаю); рукопись уже – 400 писаных страниц, а все не могу кончить. Тема – «*История становления самосознающей души*» (аэропланный пробег над историей культуры пяти последних столетий)[9].

Если поживете у меня, – могу кое-что Вам прочесть из этой рукописи; знаете, ведь я и сам собирался к апрелю к Вам, собираясь делить досуг между Вами и Соней[10] (после отъезда К.Н. в Берлин). А теперь Вы едете: ну так до скорого свидания, до кучинских «*дней*» (а не «*денька*»).

Остаюсь глубоко Вас любящий Борис Бугаев.

Варв<аре> Ник<олаевне> мой горячий привет: Ине – тоже.

[1] Ответ на п.155.

[2] К.Н.Васильева уехала в Германию, по свидетельству Белого, 21 марта 1926 г.: «Грустный отъезд К.Н. за границу (едет лечиться)»; возвратилась обратно (в Ленинград) 15 июня (*РД*. Л.123об., 124). Одной из целей ее поездки были контакты с деятелями Антропософского общества.

[3] См. п.152.

[4] Первая генеральная репетиция «Петербурга» состоялась 6 ноября 1925 г.

[5] Ср. записи Белого: «10 ноября генер<альная> репетиция: провал; переживаю нечто ужасное; с 15 ноября до 15-го декабря нервно заболеваю» (*РД*. Л.122об.-123). О негативной реакции Белого на постановку свидетельствует в воспоминаниях о нем П.Н.Зайцев (*Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.568). В письме к М.А.Чехову, написанном 14 ноября 1925 г., в ночь после премьеры, Белый дал, однако, достаточно высокую оценку постановке, противопоставляя свои впечатления на генеральной репетиции и на премьере: «...“*шок*” первой генеральной репетиции обусловился помимо всего прочего (состава публики, предвзятости отношения, некоторой несрепетированности и т.д.) в моем сознании тем, что я мыслил увидеть свой

"*порыв*" первоначальный. "*Предстало*" же – нечто новое, неожиданное; сегодня я уже не как "*волящий*" автор, а как зритель пристально вгляделся в ритм пролетающих картин; и – понял: глубоко человеческая нота, "*гуманность*" в прекрасном смысле выявилась мне от целого. И это создал театр <...> Я во всех смыслах вынес отрадное, освобождающее меня чувство от "*целого*", от "*представления*"» (Козлова М.Г. «Меня удивляет этот человек...» (Письма Андрея Белого к Михаилу Чехову) // Встречи с прошлым. Вып.4. М., 1982. С.233, 234).

[6] После премьеры ко времени написания письма состоялось 18 представлений «Петербурга» (*Чехов 2*. С.495-497).

[7] Этому отзыву противоречит оценка исполнения роли Аполлона Аполлоновича, данная Белым в цитированном письме к М.А.Чехову: «В образе сенатора Вы достигаете для меня предельной высоты <...> в нем проступают непроизвольно для меня новые, углубляющие его безмерно смыслы» (Встречи с прошлым. Вып.4. С.235).

[8] Разбирая в подробностях исполнение И.Н.Берсеневым роли Николая Аполлоновича в том же письме к Чехову, Белый завершает: «В изумительно благородных тонах Иван Николаевич проводит свою роль. Мне как-то неловко в порядке светской любезности все его благодарить <...> передайте Вы от меня ему благодарность» (Там же. С.236).

[9] Ср. записи Белого, характеризующие ноябрь 1925 г.: «...мы с К.Н. замыкаемся в Кучине; из полного отчаяния начинаю писать свой "Кучинский Дневник"»; январь 1926 г.: «С января "*Кучинский Дневник*" выливается в спешное писание черновика "Истории становления самосознающей души в пяти последних столетиях". Январь-февраль-март пишу с бешеной быстротой и с тою же быстротой читаю ряд книг по разным вопросам, извлекая из них мне нужное содержание» (*РД*. Л.122об., 123). Работа над этим произведением продолжалась на протяжении 1926 г., была возобновлена в 1931 г. В печати появлялись отдельные фрагменты из этой книги Белого; см.: Crookenden Julia. The Chapter «Simvolism» from Bely's «Istoriia stanovleniia samosoznaiushchei dushi // Andrey Bely. Centenary Papers. By Boris Christa. Amsterdam, 1980. P.39-51 (глава «Символизм»); Андрей Белый. Душа самосознающая (Из книги «История самосознающей души») / Публикация Г.Ф.Пархоменко // Laterna Magica. Литературно-художественный, историко-культурный альманах. М., 1990. С.278-310. Авторские рукописи незаконченной «Истории становления самосознающей души» хранятся в архиве Андрея Белого в РГБ (Ф.25, новые поступления), беловой авторизованный список текста (рукой К.Н.Бугаевой) – в Амхерсте, США (Amherst Center for Russian Culture; по этому источнику книга готовится ныне к публикации Джоном Коппером). В тексте, перебеленном К.Н.Бугаевой, выделяются «историческая часть» в четырех разделах (I – «Христианство, как свет истории», II – «Упадок античной культуры», III – «Арабы», IV – «Эпоха схоластики») и теоретическая, философская часть в 16 главах; имеется также предварительный авторский текст еще 23 глав. В пояснительной заметке к рукописи К.Н.Бугаева сообщает: «Эту работу Б.Н. начал – *для себя* – сперва в виде дневниковых записей. История и культура человечества взяты здесь как развитие одной темы: постепенный рост и раскрытие самосознания в человеке. Явления и факты истории, отдельные события в жизни народов, личности, выступавшие со своей деятельностью в различных областях человеческой жизни, – все это взято под углом основной точки зрения: вскрыть в истории (и в до-истории) сложный путь человечества, идущего от бес-сознания к самосознанию; показать, как то, что мы называем историей и культурой, есть ряд ступеней и этапов на этом пути». Ср.: *Бугаева*. С.278.

[10] С.Г.Спасская (Каплун).

157. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
12 марта 1926 г. Кучино.

Кучино 12 марта.

Дорогой Разумник Васильевич,

получили ли Вы мое письмо от 6-го марта? В нем я отвечаю Вам на Ваше. Еще повторяю тезисы посланного письма: с огромной радостью буду ждать Вас в Москву, но мне мало «*денька*», которым Вы грозитесь (я-то рассчитывал на «*деньки*» – чем больше, тем лучше, – проведенные с Вами, а Вы указываете на «*денек*»!); я сериозно рассчитываю, что раз Вы попадете в Москву, то недели не считают; и я рассчитываю на «*минимум*» кучинскую неделю с Вами; у меня две комнатушки: просто, элементарно у меня, но – уютно, тепло; кругом – тихий лес; сериозно, – я очень прошу у Вас по крайней мере недельного свидания с Вами; ведь, – правду сказать, – мы еще по-

настоящему не видались с 1921 года, ибо, когда я был в 24-ом году в Ленинграде, – видались мы все-таки как-то спешно; теперь я мечтаю о кучинской неделе (а если 2 недели, то – еще лучше), чтобы наконец по-настоящему увидеться с Вами, – тем более что в Москве будет нам, вероятно, не так удобно видеться, как прежде, потому что прежде я жил в Москве, а теперь лишь приезжаю (не часто); пока К.Н.Васильева в Москве, мне всегда можно у нее остановиться; с ее отъездом (уезжает она 21 марта) я уже не вполне уверен, что мне каждый день удобно заночевать, т.е. в конце концов можно, но – все это *не то*. Словом, – в Москве и Вы будете нарасхват, с людьми; и мне Москва все-таки теперь – не свое место; пребывание в ней сопряжено с трудностями. Между тем – в Кучине нам будет очень хорошо. Поэтому я надеюсь, что, когда сойдут Ваши московские дни (лекции, встречи, дела), Вы посвятите мне не «*денек*», а «*деньки*», по возможности не ограничивая себя сроками; какую можно работу, – возьмите с собой: и поговорим, и почитаем, и помолчим; я Вам мешать не буду. Кроме всей радости Вас видеть, я еще надеюсь на Ваш приезд в том отношении, что Вы смягчите мне мое одиночество; я так привык к приездам К.Н., к работе с нею; она скрашивала мою умственную и нравственную жизнь все это время; а теперь она едет лечиться за границу; и я, стало быть, остаюсь совсем один в физическом смысле; ведь московские друзья – народ занятой; им не очень-то легко бывать в деревне; и стало быть, буду жить один, как перст; при всей моей* любви к *уединению*, я не люблю уединения: люблю уединение с другом, с немногими друзьями: все-таки я – натура социальная; да и живешь-то ведь для других, с другими; ищешь со-дружества; а когда остаешься один, то вдруг становится ясным, что без людей не проживешь: нападает угрюмость; а в угрюмости, сквозь нее, подкрадывается упадок духа; а в упадке том – хужеешь; а стоит мне «*похужеть*», начинаются всякие казусы со мной и на физическом плане: *жизнь начинает бить*.

Узнав, что Вы едете в Москву, я вдруг со всех планов протянулся к Вам, – и с внешнего, и с внутреннего, и с *внутреннейшего*: и с сериозной просьбою обращаюсь к Вам: *подарите мне кучинскую* неделю (по меньшей мере); еще сериозная просьба: если Вы что наработали (в виде ли литературной работы, в виде ли черновых эскизов), – привозите, что можно, с собой; и почитайте: ведь я соскучился по Вас, *как о писателе тоже*; ничего Вашего давно не слышал и не читал; привозите *свое* вместе с собою.

Милый Разумник Васильевич, простите за этот тон приставанья; но мне действительно очень дорого Вас прочно увидеть, с Вами прочно побыть.

Во всяком случае: известите хотя за недельку о днях Ваших лекций, чтобы я знал, распорядился с днями; мне очень хотелось бы, чтобы Вы увидели «*Гамлета*», а потому, если Вы заранее укажете свободные дни, то я скажу Чехову: может быть, для Вас можно будет так устроить с репертуаром, а то репертуарный вопрос в МХАТе, – тоже ведь техника; а «*Гамлет*» – не так уже часто идет.

Кстати: М.А.Чехов просто в отчаянии, что так случилось с письмом[1]; он просил меня Вам передать это свое «*отчаяние*», взял адрес у меня и собирался Вам писать: он объяснял, что за 2 дня, когда он был в Ленинграде, – с вокзала и до вокзала у него не было 5 минут, когда бы он мог одуматься: с вагона до вагона – с людьми, на людях, обнаружились неожиданные дела; и он – потерял голову (знаю только, что совершенно измученным вернулся в Москву); о письме, о том, что Иночка была у него, он узнал уже *postfactum*; и он очень стыдится, что все так произошло.

Еще раз повторяю просьбу: уведомьте меня о днях Вашего приезда, – тем более уведомьте, если *паче* чаяния Ваш приезд отложится или совсем не состоится (столько ведь Ваших приездов – не состоялось!); вот в чем дело: мне во всяком случае придется быть в Ленинграде, приедете Вы в Москву или нет; и тогда *все же* увидимся, но это будет – ***не то***, потому что мне придется делить дни между Детским и Ленинградом (день там, день здесь); и боюсь, что «*детскосельской*» недели не состоится; есть дела на этот раз в Ленинграде (не литературные, а семейные); и жить, вероятно, буду главным образом у Сони[2] или у Великановых (есть такой профессор, – кстати: сосвативший меня с Кучиным, где у него была гидрологическая станция)[3]. Буду ли, нет ли – в Ленинграде (и в Детском), а – «*кучинских*» дней (или, лучше сказать, «*детскосельских*») – не будет.

---

* *В автографе*: при всем моем

Поэтому, если и увидимся несомненно, все же увидимся иначе, чем если бы Вы прожили у меня в избушке.

Но в печальном случае Вашего отъезда, или Вашего *всё <же> неприезда* (ведь жду-то Вас по уговору осеннему с 15 декабря...), – напишите: дело вот в чем; я могу приехать в Ленинград *уже* в конце марта; и не могу уже приехать в мае; стало быть, – в моем распоряжении – собственно, *апрель*.

Для моих уж возможностей координировать времена, чтобы нам не разъехаться, чтобы мне заранее точно предупредить Соню о сроках приезда, – прошу, милый Разумник Васильевич, держать меня в курсе, как обстоит у Вас с приездом в Москву.

И оканчиваю письмо тем, с чего начал: с просьбы, – приезжайте ко мне в Кучино после московских Ваших дел – на «*деньки*», ряд «*деньков*» (чем больше, тем лучше).

В надежде на это обнимаю Вас и остаюсь глубоко Вас любящий

Борис Бугаев.

P.S. Варваре Николаевне мой сердечный привет и уважение. Ине тоже: жду обеих у себя в Куч<ин>е (к сожалению великому, – не могу их звать на продолжительное пребывание по условиям от меня независящим: по условиям дачи).

[1] Имеется в виду неизвестное нам письмо Иванова-Разумника к М.А.Чехову (см. п.155).

[2] Намек на «семейные» дела в связи с сообщением о намерении остановиться у С.Г.Спасской (Каплун), проживавшей в Ленинграде на набережной Мойки (дом 14), предполагает, вероятно, разрешение каких-то материальных или иных обстоятельств, возникших после кончины матери Белого, А.Д.Бугаевой, во время его пребывания в Берлине. В конце 1921 – начале 1922 г. А.Д.Бугаева жила в Петрограде, где о ней заботились С.Г.Каплун и ее родственники – брат Б.Г.Каплун, сестра М.Г.Белицкая и ее муж Е.Я.Белицкий. 19 января 1922 г. А.Д.Бугаева сообщала Белому (из Петрограда в Берлин): «Целый месяц я прожила у Белицких. Потом устроилось так: Борис Гитманович получил назначение в Москву, и я могла поселиться у него в квартире <...> Я получаю половину ученого пайка и миллион в месяц. <...> Они все очень любезны и предупредительны. Особенно Софья Гитмановна. Почти все вечера я у них, много говорим о Тебе»; 4 марта 1922 г. она вновь писала Белому из Петрограда: «Я очень полюбила Соню Каплун, и она у меня бывает почти каждый день. <...> Заходил ко мне Разумник Вас<ильевич>, говорил много о Тебе, вспоминаем всегда, когда соберемся» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.160).

[3] См. п.152, примеч.5. В Ленинграде Великановы жили на Университетской наб. (дом 21).

158. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
18 марта 1926 г. Детское Село[1].

18 марта 1926.

Милый и дорогой Борис Николаевич,

только что собрался я ответить на Ваше первое письмецо (от 6/III), как получил второе (от 12-го). А собирался я всю эту неделю в чаянии, что авось что-нибудь выяснится в моих планах и делах. Ничего не выяснилось, и я хочу сегодня выяснить Вам эту невыясненность. Дело было вот в чем: в январе месяце были здесь Мейерхольды, были у нас – и пригласили в Москву «на конец марта» – прочитать несколько лекций на литературно-театральную тему в их «Гэктемасе». Окончательное приглашение – письмом. Письмо это я получил в середине февраля; в нем меня звали читать эти 4-5 лекций, но вместе с тем и выступить с воспоминаниями о Есенине на большом вечере о нем в театре Мейерхольда, в конце марта; доклад о Есенине, как поэте, сделает Троцкий[2]. Не говоря уже о том, что выступать рядом с ним, да к тому же о Есенине, которого он явно будет трактовать по линии официальной идеологии, мне совершенно невозможно (возможно было бы лишь – полемически), – мне претят «воспоминания» среди чуждой публики; это не Вольфила о Блоке[3]. Все это – между нами. Мейерхольдам я ответил, что приехать в конце марта прочитать лекции – могу, выступать на вечере Есенина – нет, так как вообще нигде и никогда не выступлю устно или печатно с воспоминаниями о нем. Стал ждать ответа, от которого зависела моя поездка в Москву, – и до сих пор еще не получил его. Может быть, вечер и лекции пе-

ренесены на начало апреля, может быть, лекции мои без воспоминаний «не устраивают» Мейерхольдов. Во всяком случае буду ждать ответа от них еще *две недели*, и только тогда точно определится – еду я, или нет.

Но приехать к Вам и провести неделю в тихом Кучине, по-настоящему повидаться и поговорить так хочется, что я за это время приложу все усилия, чтобы *все-таки*, несмотря ни на какой ответ Мейерхольдов, попасть к началу апреля в Москву. Это зависит от Госиздата, – заплатит ли он мне гонорар за сделанную работу по Салтыкову[4], или отложит его в долгий ящик. Нажму все пружины, чтобы хоть здесь удалось. Во всяком случае – не позднее, чем через две недели напишу Вам: еду! Или: – приезжайте! Но надеюсь твердо, что это удастся соединить: сначала я приеду в Кучино, а потом мы с Вами вместе – в Петербург и Царское Село. Мечтаю о том, как мы посидим, поговорим, помолчим, как Вы почитаете мне свое. Моего прочесть Вам не смогу: его нет (не считать же работу о Салтыкове, кропотливую, мелочную). Вот уже три года, как я ушел (и думаю – навсегда) из литературы. Последней настоящей работой моей была статья о «Петербурге»[5].

Если приеду помимо Мейерхольдов, то в Москве бывать не собираюсь: еду в Кучино. Правда, очень хотелось бы повидать «Гамлета», «Петербург», но тут большое затруднение: кроме изношенного френча у меня ничего нет[6]. Это сошло бы на утренних лекциях в Гэктемасе, но вряд ли сойдет на вечерних спектаклях в театре. А все-таки Чехова очень хотелось бы повидать. Я получил от него письмо, очень сердечное, по поводу «недоразумения», в котором виноват я один (должен же был сообразить, в какой суете он в Питере!)[7], и очень хотел бы ответить, но не знаю адреса 2-ой студии МХАТ'а: не черкнете ли мне, куда писать ему?

До моего приезда – прочтите книгу Сабанеева – «Воспоминания о Скрябине»[8]; сию минуту кончил читать ее. Он – дубина, ничего не понимает, кроме поверхности, но талантливый изобразитель. Вяч.Иванов выведен там, как живой; да и другие тоже. – Читаю много, хотя радостного мало. Через большую пустыню должны мы еще перейти.

Неужели же – вот-вот увидимся, милый Борис Николаевич? Во всяком случае с этой надеждой заканчиваю это письмо и сердечно обнимаю Вас.

Любящий Вас Р.Иванов.

P.S. Привет и поклоны от Варв<ары> Ник<олаевны> и Ины. Вряд ли они попадут со мною в Москву, даже в случае мейерхольдовского варианта.

[1] Ответ на п.156 и 157.

[2] См. примеч.4 к п.155. Лев Давидович Троцкий (наст. фам. Бронштейн, 1879–1940), бывший до октября 1926 г. членом Политбюро ЦК ВКП(б), выступил со статьей «Памяти Есенина», которая была оглашена 18 января 1926 г. на вечере памяти Есенина, устроенном Всероссийским Союзом Писателей в МХАТ, на следующий день опубликована в «Правде» (1926. №15), «Красной газете» (Веч. вып. 1926. №18) и перепечатана рядом других изданий; ею, в частности, открывается раздел статей в сборнике «Памяти Есенина» (М., Всероссийский Союз Поэтов, 1926). В статье Троцкого давалась официальная трактовка самоубийства Есенина: «Поэт погиб потому, что был несроден революции. Но во имя будущего она навсегда усыновит его. <...> Пусть же в чествовании памяти поэта не будет ничего упадочного и расслабляющего. Пружина, заложенная в нашу эпоху, неизмеримо могущественнее личной пружины, заложенной в каждого из нас». Задуманный В.Э.Мейерхольдом вечер с участием Троцкого в указанные сроки не состоялся; лишь в декабре 1926 г. в Театре имени Мейерхольда прошел диспут на тему «Есенин и есенинщина» с участием А.К.Воронского, В.В.Ермилова, Н.Н.Асеева, В.П.Полонского и др. (см.: Мордовченко Н. К библиографии С.А.Есенина. Рязань, 1927. С.28-29; Русские советские писатели. Поэты: Биобиблиографический указатель. Т.8. С.А.Есенин. М., 1985. С.109-110).

[3] Имеется в виду 83-е открытое заседание Вольной Философской Ассоциации 28 августа 1921 г., посвященное памяти Блока, в котором участвовали Андрей Белый, А.З.Штейнберг и Иванов-Разумник; их выступления были выпущены отдельным изданием (Памяти Александра Блока: Андрей Белый. Иванов-Разумник. А.З.Штейнберг. Пб., 1922), вышедшем в свет в середине января 1922 г. (см. письмо Иванова-Разумника к М.О.Гершензону от 22 января 1922 г. – *РГБ*. Ф.746. Карт.34. Ед.хр.2).

[4] См. п.154, примеч.2, 3.

[5] Подразумеваются статьи «К истории текста “Петербурга”» и «Петербург», датированные мартом–апрелем 1923 г. (*Вершины*. С.87-171).

[6] Ср. дневниковую запись К.И.Чуковского от 21 мая 1927 г., также свидетельствующую о крайней материальной нужде, переживавшейся Ивановым-Разумником: «Одет он ужасно. Трепаное пальто, грязная мятая куртка (но не “лохмотья”, а “одежда”, носимая с достоинством)» (Чуковский К.И. Дневник 1901–1929. М., 1991. С.401).

[7] См. п.155, примеч.2. Ни одного письма М.А.Чехова в архиве Иванова-Разумника не сохранилось.

[8] Леонид Леонидович Сабанеев (1881–1968) – музыковед, музыкальный критик, композитор. Речь идет о его книге «Воспоминания о Скрябине» (М., Госиздат, 1925).

159. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
18 марта 1926 г. Кучино

Кучино 18 марта.

Всегда, дорогой Разумник Васильевич, переписка меж нами вспыхивает перед нашим свиданием (действительным или предполагаемым); но это понятно: переписка меж нами всегда, т.е. я всегда Вам пишу, в сердце, – по выражению апостола Павла: «Вы – письмо, написанное в сердцах»[1]. (Может, цитирую не так, – на «память»); я хожу всегда как бы с письмом в сердце к Вам; и всегда, при всех жизненных ситуациях встает: «Что подумал бы о том-то и том-то Разумник Васильевич». Но оттого-то и трудно бывает собраться Вам написать; было б легче вести *sui generis* дневник сердечного разговора с Вами и периодически Вам посылать лохматые клоки многих листов с лохматыми мыслями и переживаниями; но Вы прекрасно знаете, что при условии наших жизней это невозможно; и потому-то в редких письмах (всегда под тем или иным предлогом деловым) все же прорываются какие-то жесты душевные в буквах к Вам *опричь* письма, перманентно растущего в сердце. Я думаю, что Вы это знаете; и не удивляетесь то многомесячным молчаниям, то жалким письмам, следующим одно за другим.

Вот и сейчас, – потянуло Вам написать под предлогом напоминания о приезде Вашем сперва в Москву, а потом в Кучино; получили ли Вы 2 моих письма[2]; это – третье; в нем повторяю лапидарно, что жду Вас к себе; что огромная есть потребность превратить *сердечную переписку* в *сердечный разговор*, что у меня Вам будет свободно и уютно, если не в смысле условий жизни, то, может быть, в смысле условий душевного уюта, и что я страшно рассчитываю на нашу кучинскую по крайней мере неделю (по мне, хоть ряд недель); но, – сомневаюсь насчет Вашего приезда в двояком отношении: все Ваши приезды в Москву – мифы (сколько их было за эти 2 года? Впрочем, и мои приезды в Ленинград – мифы тоже); во-вторых: сомневаюсь, что у Вас с Мейерхольдом выйдет: до символической ли ему драмы после... «*Рычи Китая*»[3]. И потом прочел в газетах о грандиозном чествовании театра его[4]. Впрочем, – я руководствуюсь лишь своим внутренним чувством, а не фактами. Ну, а если сорвется у Вас с Мейерхольдом, – неужели так приехать на недельку-две-три ко мне нельзя? Встретили б таяние снегов и первые пробуждения жизни в природе; это – такое незабываемое время; в прошлом году я его переживал в Кучине (почти весь апрель). У меня всё к Вашим услугам: комнатка, тишина, рабочий стол; кроме того: корыстно жду, что Вы почитаете мне все, что у Вас *in statu nascendi** хотя бы из Ваших работ; я – уже писал Вам, как я соскучился по Вас, как писателе, как ясно мне, до чего Ваша литературная деятельность нужна – нам, Вашим ценителям, другим, всем. Корыстно я надеюсь на чтения Ваши; и тоже корыстно хотелось бы Вам почитать и показать кое-что.

Но, повторяю, – Ваши приезды суть мифы. И я им всегда полуверю; и посему, – пишу Вам еще раз: постарайтесь возможно точнее меня уведомить о степени вероятия Вашего приезда и о *сроках его*, потому что в апреле мне надо иметь точную разверстку времени, чтобы пожить с Вами, окончить некоторые московские дела и съездить в *Ленинград*; но в Ленинграде мне придется главным образом жить у Сони или у Ве-

* *в состоянии зарождения (лат.)*

ликановых[5]: в Детское лишь наезжать; максимум денька 2-3-4 мог бы вырвать, а в Кучине благодать в смысле времени; в Ленинград в случае Вашего неприезда в Москву мог бы приехать раньше (в том и другом случае мне заранее надо условиться об уезде из Москвы с Чеховым и о приезде в Ленинград с Соней); оттого и прошу у Вас по возможности точных сведений о Вашем приезде; *жду их*.

И прежде всего жду Вас, как обещали: к концу марта, т.е. в 20-х числах (а у нас уже 18-ое); стало быть: жду скоро; в последнем случае, если порадуете меня кучинскими деньками, есть просьба: привозите с собой 2 простыни; простыни – единственный пока уязвимый пункт моего домашнего обихода.

Да что, – опять обманете (разумеется, не волей своей, а конфигурацией всегда оказывающихся под боком сроков, необходимостей, обязательств: знаю по себе!).

Мне очень стыдно: в последнем или предпоследнем письме я брюзжал на *МХАТ*[6], а между тем, если бы Вы знали, скольких усилий *МХАТу* стоил «*Петербург*»; не думайте, что я обвиняю *МХАТ*: в конце концов я его должен благодарить; моя досада на «*Петербург*» лишь в том, что *чего-то не случилось* в постановке; может быть, корень вины во мне, в огромном размере драмы и в разрушении ее при сжатии на 3/4 – ни я, ни театр, помимо внешних обстоятельств, не могли с на 3/4 сокращенным текстом ничего дать, кроме лохмотьев текстов, и стало быть: вместо драматической фабулы – «*сцены*» к где-то за фоном стоящей драме. Чехов и иные артисты говорят другое: в «*Петербурге*» де, в методе работы артистов достижения: искания; они напирают на *становление* сознания актеров, а не достижения для публики. Может, – они правы. По Чехову, до «*Петербурга*» у театра стояли одни задания; после – ищут в другом направлении; на «*Петербург*» театр наткнулся: по Чехову – к «*благу*»; но я, автор, переживаю наткновение на «*Петербург*» как толчок в «*Петербург*»; может быть, он и урок артистам; но по мне, – «*урок*»-то ценою «Петербурга». Случилось приблизительно следующее: я тоскую о разбитой форме; театр же радуется, что черепкам нашлось такое удачное применение; может быть, *форма* должна была разбиться (хотя бы *размер*); на точку же зрения «*черепков*» ни мне, автору разбитой *формы*, ни читателям романа не стать.

А в широкой публике (с *драмой* не знакомой и не знакомой с *романом*) представления нравятся: успех де! Так мне говорят.

Сейчас М.А.Чехов ищет ставить «*Дон-Кихота*»[7]; именно вся будущая постановка у него предварительно – только полоса исканий; ищут «*Дон-Кихота*» в сфере, радиус которой определяется двумя точками: точка центра – Сервантес; точка периферии – «*Роза и Крест*»[8] (или – обратно); этим определяется и текстовое задание; справятся ль с текстом; но я независимо от того, будет или не будет текст, вижу в самой идее – выход для Чехова; что можно было задумать после *Гамлета* в условиях наших дней ему? Ведь он все время на волоске от решения бросить сцену; и вот в теме «*Дон-Кихот*» – вижу выход для Чехова. Меня удивляет этот человек: он только и делает, что учится; и главным образом вне театра учится и ищет; но все, что ни найдет, – тотчас с непроизвольной корыстью (в благородном смысле) тащит в театр; несколько лет огромных моральных исканий вне сцены; и в результате – «*Гамлет*» (для меня все же – верх достижения, как Эрик XIV-ый[9] – прямо отражает период предшествующего); характерно, что у Чехова был ряд очень понятных, всеми нами пережитых разочарований в одной из линий его устремления; и я считаю, что *надтреснутость* какого-то переходного момента отразил, увы, – мой «*Петербург*». Он был безумно рассеян во время постановки «*Петербурга*», скажу даже – невероятно невнимателен в смысле его обычного внимания (всегда удесятеренного); но я более, чем кто-либо, знал источник рассеянности; об этом у нас были многочасовые разговоры; стояло в идейной сфере.

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть, иль любить[10].

До «*Петербурга*» ли! Я же первый понимаю источник рассеянности.

Я уверен, что «*Дон-Кихот*» отразит Чехова в его следующем этапе, не личность Чехова, а «*индивидуум*» его искания.

Я давно изучаю М.А. и удивляюсь огромной духовно-моральной *интенции*, заряженности, в нем действующей при эмпирической даже какой-то беспомощности, малознающие сказали бы – *подслеповатости*, почти «*Федор-Иоаннович*»'естве[11]. Но

это только флер личности в Чехове, которого жизнь в «*индивидуальной*» сфере; внутренне это человек железно-бескорыстной воли к «*сознанию*», к «*соосознанию*»: словом, – как *жить*, а не – как *играть*; и оттого-то «*играть*» его так исключительно меня захватывает; все его «*типы*» – совершенно незабываемы; они вылезают из рамки драм; «*Гамлет*» – вылезает в самую дорогую фигуру безотносительно к тому, шекспировский или не шекспировский: важно, что – «*наш*», наших дней; «*Мальволио*» из «12-ой ночи» – опять-таки неприлично вылезает в шарж à la Брегель[12], ломая архитектонику сцен Шекспира; в драме «*средней руки*» «*Потоп*» – колоссальнейший по извечно-характернейшей ноте Агасфера вылезает Фрэзер, тип международного спекулянтика[13]; но *жаргон* типа являет собою что-то от «*во веки веков*»: Фрэзера – не забудешь; если есть жизнь на планетах созвездия «*Пса*», – то и там непременно есть Фрэзер-Чехов с его обвислинами наколенников от спадающих штанов с полувыгнутыми, неразгибающимися коленами, пенсне и подслеповатостью. «*Аблеухов*» у Чехова – не мой, часть моего: он берет в моем *Аблеухове* его извечное; это – Сатурн, Хронос, прижизненно умерший и *оттуда* сюда действующий[14]; это образ бреда Ник<олая> Аполлоновича, разгуливающий на журфиксах под оболочкой «*сенатора*»; и опять-таки, – не соглашаясь, я соглашаюсь; и благодарен; когда Чехов интерпретирует, он – творит заново; и он *конгениален* в со-творении любому драматическому классику, а не мне, грешному; и потому-то, – в частичном несогласии с моим *Аполл<оном> Аполл<оновичем>*, я выношу много назидательного для себя; и менее всего мое несогласие носит оттенок полемики; из Аблеухова Белого Чехов сделал Аблеухова чеховского; и я не знаю, – чей есть собственно-Аблеухов.

Дорогой Разумник Васильевич, – невольно расписался о Чехове; да оно понятно: очень уж я М.А. полюбил; и не в плане, так сказать, даже нашего с ним знакомства, или идейной соклички, а бескорыстно: за моральный *пафос*, за устремленность; в моей симпатии к нему, верьте, есть что-то объективное. Мне очень бы хотелось, чтобы Вы с ним познакомились; пойдемте к нему, когда Вы будете в Москве, хотя я предупреждаю, что надо долго приглядываться к нему, чтобы под оболочкой, сказал бы я, недопустимой (но искренней) скромности и несения своей личности как какого-то «*окаянства*» выступил тот облик, который сложился во мне за эти 3 года пристального разгляденья его; перманентное состояние М.А. в обществе – испуганность, застенчивость и боязнь, чтобы кто-нибудь не счел его «*Чеховым*» в обычно артистическом смысле, как «*Шаляпин*», или «*Качалов*»; от этого в нем есть что-то от «*юродства*» почти; это – постоянная «*растерянность*» на людях. Но под этой внешностью – очень-очень крупный человек; и зная его ближе, я постоянно боюсь за него; про него совершенно нельзя сказать, что с ним будет завтра.

Не удивлюсь, если он завтра, например, – поступит в университет, осознав недочеты свои в социологич<еском> образовании, или по каким-нибудь неожиданным, но всегда внутренне глубоким соображениям, примется мостить мостовую.

Для меня он более чем кто-либо – воплощенная в человеке двуногая идея кризиса человека.

Переживаю я большую грусть: К.Н. едет за границу (21-го марта)[15] – лечиться, а также присмотреться к некоторым явлениям в искусстве жеста; у нее великолепно идет тональная эвритмия; и ей хотелось бы для себя немного поупражняться в технике; главное ж – полечиться (с дыханием что-то плохо у ней); мне очень будет без нее тяжело; она – скрашивала своими частыми приездами мои дни; и как-то мы обще думали, искали, прислушивались к ритмам времени. Вот тоже человек, близкое знакомство с которым (уже 10 лет)[16] превращает весь жест моего отношения к ней – в удивление, в благоговение и в бескорыстную радость за человека, что в среде «*homo sapiens*» есть «*homines sapientissimi*»*; гармоничнее, удивительней существа я не знаю: это какой-то вулкан исканий, всегда бескорыстных, огонь любви (не показной), воплощенный долг (не выпирающий императивами) и многообразие культурных интересов с постоянным пафосом научиться; если бы не К.Н. – дни моей жизни текли бы не так; нет, – радостно жить на свете, когда видишь людей, как она; 10-летнее мое знание ее превращает это знание в растущее удивление, во вскрик радости, благодарности и бескорыстной любви за то, что она такая, какая она есть.

---

* *люди разумнейшие (лат.)*

В воспоминаниях моих о ней нет не только ни одной тени, нет ни одной пылинки; вся она в сознании моем сверкает, как бриллиант; в прошлом и в этом году мне особенно были уютны наши трио у М.А. (К.Н., М.А. и я)[17], или, вернее, квартеты; потому что в них всегда принимал участие Вл<адимир> Ник<олаевич> Татаринов, наш общий друг и самый близкий человек к М.А. (один из режиссеров *МХАТа*), тоже прекрасный, вечно ищущий человек; часто присоединялся к нашему кружку Громов (артист МХАТа, играет Морковина)[18], заходил А.С.Петровский; и тесные собрания в «*круглой комнате*» всегда шли под аккомпанементом особой сердечности; «*круглая комната*» – это комната М.А., действительно круглая; в нашем небольшом кружке 3-4-5<-ти> человек она – гостеприимное, уютное, тихое место; хотел бы я с Вами посидеть у М.А. здесь.

Жил я этот год уединеннейше: нигде не бывал; мой единственный выезд в Москву к Васильевым, да к М.А. Вне – разве деловые и часто не сладкие заходы туда иль сюда; действительно, двумя домами в Москве ограничивалась для меня Москва (Чехов да К.Н., которая каждую неделю наведывалась ко мне); и потому-то отъезд ее для меня – лишение незаменимое; и потому-то давняя и все растущая потребность увидеться с Вами теперь, после отъезда К.Н., еще более возрастает. Я сильно надеюсь на встречу с Вами.

Видеться далеко не со всеми хочется; я ведь, Разумник Васильевич, старею: мне 45 лет; и за последний год рост лейт-мотива старости ощущаю не по дням, а по часам; мне бы всё покой да молчание: хоть затвор; хочется видеть 2-3-х близких, хочется довершить круг несвершенных работ; а прочего ничего мне не надо; да и здоровье не то, да и силы не те.

Не живу, а покряхтываю: оттого, видно, и в деревню ушел; не по мне суета городская. Ну – жду Вас.

Остаюсь любящий Вас

Борис Бугаев.

P.S. Варв<аре> Ник<олаевне> и Иночке мой сердечный привет.

P.P.S. Мой адрес: Нижег<ородская> жел<езная> дор<ога>. Станция Кучино (близ Москвы). В Москве из центра идут к вокзалу: автобус №2, трамв<аи> №№31 и 1-ый; *Кучино* 17 верст от Москвы. Первая станция (полустанок) после Салтыковки. Как приедете, идите по рельсам в сторону, обратную движения поезда: на левой стороне – линия дач; дача №7 Шиповых. Орьентироваться очень просто: 6 минут ходьбы от станции.

[1] Ср.: «Вы – наше письмо, написанное в сердцах наших» (2 Кор. III, 2).

[2] См. п.156 и 157.

[3] Имеются в виду предполагавшиеся лекции Иванова-Разумника о «театре символистов» в Гэктемасе (см. п.155). «Рычи, Китай! Событие в 9 звеньях» – антиколониальная пьеса С.М.Третьякова, поставленная в Театре имени Мейерхольда (премьера – 23 января 1926 г.) режиссером В.Ф.Федоровым; Мейерхольду принадлежала режиссерская корректура постановки. См.: Мейерхольд В.Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы. М., 1968. Ч.2. С.99; Февральский А. С.М.Третьяков в театре Мейерхольда // Третьяков С. Слышишь, Москва?! Противогазы. Рычи, Китай! М., 1966. С.195-197.

[4] Имеется в виду сообщение о готовящемся праздновании 5-летия Театра имени Мейерхольда. Ср. хроникальную заметку: «Празднование предположено в апреле. <...> Празднование откроется торжественной передачей РККА самолета имени ТИМ на аэродроме имени т.Троцкого и закончится на следующий день спектаклем ТИМ для рабочих организаций и частей московского гарнизона. В промежутках этих крайних пунктов юбилея предположено: торжественное заседание в честь пятилетия работы ТИМ, выпускной спектакль студентов ГЭКТЕМАС, открытие Музея ТИМ, выставки при нем и ряд других выступлений, разработкой которых занимается Оргбюро юбилейной комиссии ТИМ» (Новый зритель. 1926. №7(110). 16 февраля. С.14).

[5] См. п.157, примеч.2, 3.

[6] Имеется в виду отзыв о постановке «Петербурга» (п.156).

[7] Постановка «Дон Кихота» была включена в репертуарный план МХАТ 2-го 30 декабря 1925 г.; первый вариант инсценировки романа Сервантеса был сделан Н.А.Павлович и

П.А.Аренским; к постановке был принят текст М.А.Чехова и В.А.Громова (для Чехова это был первый опыт драматургического творчества). Постановка (режиссеры В.А.Громов, В.Н.Татаринов) не была осуществлена. См.: *Чехов, 1*. С.320-323, 327-328; *Чехов 2*. С.82-84; Громов В. Михаил Чехов. М., 1970. С.172-179. Развивая в письме к Н.А.Павлович (сентябрь 1926 г.) свою трактовку образа Дон Кихота, Чехов отмечал: «Он должен быть в конце пьесы каким-то боком похожим на Андрюшана» (*Чехов 1*. С.323; «Андрюшаном» Чехов называл Андрея Белого); в «Дневнике о Кихоте» (1928) Чехов проводит конкретные аналогии между предполагаемым рисунком роли Дон Кихота и образом Белого (*Чехов 2*. С.99-100).

[8] Подразумевается розенкрейцерская символика (о принадлежности Чехова к ложе розенкрейцеров, воссозданной Б.М.Зубакиным в Москве в 1920 г., свидетельствует С.М.Эйзенштейн; см.: Немировский А.И., Уколова В.И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., [1994]. С.62, 412); ср. в письме Чехова к Н.А.Павлович (весна 1927 г.) трактовку Дон Кихота как Люцифера – в антропософском осмыслении этого образа (*Чехов 1*. С.327).

[9] См. примеч.24 к п.149. Ср. интерпретацию этих ролей Чехова в книге Белого «Ветер с Кавказа» (М., 1928. С.244-246).

[10] Начальные строки «Элегии» (1821 или 1822) А.А.Дельвига (Дельвиг А.А. Полн. собр. стихотворений. («Библиотека поэта». Большая серия). Л., 1959. С.159), положенной на музыку А.А.Алябьевым, М.И.Глинкой, М.Л.Яковлевым.

[11] Имеется в виду центральный образ трагедии А.К.Толстого «Царь Федор Иоаннович» (1868).

[12] Имеется в виду нидерландский живописец Питер Брейгель Старший (между 1525 и 1530 – 1569).

[13] См. примеч.24 к п.149. См. также подробную характеристику этих ролей Чехова в кн.: Громов В. Михаил Чехов. С.38-42, 67-74.

[14] Ср. характеристику этой роли Чехова в письме Белого к нему от 14 ноября 1925 г.: «...этот сенатор, *человек* в земном разрезе, помимо всего еще где-то сидит в царстве первообразов; "*вечный*" старик: какая-то космическая фигура» (Встречи с прошлым. Вып.4. С.235). Прочерченные мифологические параллели восходят к тексту романа «Петербург» – гл.5, главка «Страшный Суд» (*Петербург*. С.236-239).

[15] См. примеч.2 к п.156.

[16] Начало общения с К.Н.Васильевой Белый относит к сентябрю 1916 г.: «...частые встречи и разговоры с Кл.Ник.Васильевой» (*РД*. Л.81об.).

[17] Ср. запись Белого о феврале 1925 г.: «Очень поддерживает дружба с Чеховым, у которого бываю; с ним провожу прекрасные вечера; квартира Чехова да квартира К.Н. – больше у меня нет опоры в Москве» (*РД*. Л.120об.).

[18] Виктор Алексеевич Громов (1899–1975) – режиссер, актер; исполнитель роли агента полиции Морковина в «Петербурге».

160. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
25 марта 1926 г. Детское Село[1].

25 марта 1926.

Переписка наша вспыхивает перед свиданием, – это Вы верно подметили, милый Борис Николаевич. Получил Ваше третье письмо – и пишу третье, с тем, чтобы сказать: *до вторника* (30 марта) должны выясниться все мои дела, и в этот день я сообщу Вам кратко: «еду» или «жду». Дела должны выясниться не по линии Мейерхольдовского театра, – тут они, по-моему, уже ясны: так как я не буду выступать на есенинском вечере, то теряю интерес для «Гэктемаса», или как там его звать. К тому же О.Д.Форш, ныне гостящая здесь, заявила категорически – очевидно en connaissance de causes et de choses*, – что к Мейерхольдам меня и на пушечный выстрел не подпустит делающий там la pluie et le beau temps** (раз уж начал французить) некий футурист, чекист, драматургист Аксенов, – которого я знаю только по плохим «Елизаветинцам» и футуристической «Медее» (точно заглавия не помню)[2]. Рассказывала мне много любопытного из московских литературных нравов. Очень занятно.

---

* *со знанием дела и вещей (фр.)*
** *погоду (фр.)*

Итак – Мейерхольды отпадают. Но до 30-го марта должна решиться моя финансовая судьба: даст мне Госиздат заработанные за Салтыкова деньги или нет[3]. Если даст, то я, быть может, в тот же день уеду к Вам в Кучино (до чего хочется!), нет – немедленно извещу Вас и буду ждать в Царском Селе. До сих пор еще твердо надеюсь на первое, так как в Москве мне, помимо всего прочего, *очень* надо бы побывать: в Питере все ресурсы заработка истощились, и я стою перед очень тяжелыми месяцами жизни. А Москва теперь – «брюхо России», там вся пища переваривается; Питер наш – захолустье (чудесное захолустье, ставшее еще в десятки раз красивей).

После Вашего последнего письма, в котором Вы так много написали о М.А.Чехове, меня с новой силой потянуло посмотреть этого большого артиста, которого я не видал ни Гамлетом, ни Мальволио. А то, что Вы пишете о нем, как о человеке, делает его еще во много раз ценнее, как художника. Мысль об инсценировке Дон-Кихота – богатая мысль; ясно вижу, что сделает из Д<он>-Кихота Чехов. Есть еще одна вещь, в которой я живо, до наглядности, представляю себе М.А., – Вы знаете, что я много, особенно за последнее время, занимался Салтыковым (очень люблю его, как большого художника и грубо-нежную душу); Иудушка из «Господ Головлевых» – создан для сцены. Была даже лет 10-15 назад сделана инсценировка под заглавием «Иудушка» – очень слабая, где Салтыков был искажен[4]. Нет, можно сделать не «Иудушку» только, а «Господ Головлевых», как вещь глубоко сценичную и драматургическую, и я, работая в этом году именно над текстом и комментариями «Госп<од> Головл<евых>»[5], даже набросал, без всякой практической цели, этот возможный сценарий. Теперь мне пришло в голову: не заинтересует ли это М.А.? Если да, то могу переслать (или привезти) ему все свои материалы[6].

Если бы Вы знали, дорогой Борис Николаевич, как хочется хоть на неделю попасть – не в Москву, к ней я (помимо М.А. и еще очень немногого) теперь совсем равнодушен, – а в Кучино. Хотя немногих друзей всегда носишь в сердце, хотя даже в молчании помнишь их, но все-таки время от времени надо встречаться. Нас осталось так мало, и времени осталось так мало; и не встречаться годами – просто жизненная нелепость, которую не всегда удается преодолеть. – Через несколько дней выяснится, удастся ли преодолеть эту нелепость мне; если нет – преодолевайте Вы. Итак – еду ли, или только жду, но во всяком случае – до скорого, очень скорого свидания[7]. Сердечно обнимаю.

Любящий Вас крепко Р.Иванов.

Поклоны от Варв<ары> Ник<олаевны> и Ины, которые хоть и не попадут в Москву, но твердо надеются видеть Вас в Царском Селе.

[1] Ответ на п.159.

[2] Иван Александрович Аксенов (1884–1935) – поэт, литературный и художественный критик, переводчик; служа в Красной Армии, был в 1918 г. председателем ВЧК по борьбе с дезертирством; в 1915–1916 гг. участвовал в московской футуристической группе «Центрифуга», в 1923 г. примкнул к группе «Московский Парнас», в 1925 г. – к группе конструктивистов. Упоминаются его книги «Елисаветинцы» (вып.I. М., «Центрифуга», 1916), включающая переводы пьес Дж.Форда, Дж.Уэбстера и К.Тёрнера, и стихотворная трагедия «Коринфяне» (М., 1918), написанная на сюжет «Медеи» Еврипида. В 1925–1926 гг. Аксенов состоял секретарем Театра имени Мейерхольда.

[3] См. п.154, примеч.2, 3.

[4] Речь идет об инсценировке А.Александровича (А.А.Чаргонина): «Иудушка» («Господа Головлевы»). Драматические сцены в 5 действиях (1910); она ставилась в московских и провинциальных театрах. См.: Соболев Ю. Щедрин на сцене // *ЛН*. Т.13/14. Щедрин. Кн.II. М., 1934. С.177-178.

[5] «Господа Головлевы» с комментариями Иванова-Разумника вошли в 5-й том Сочинений М.Е.Салтыкова-Щедрина (М.; Л., ГИЗ, 1927).

[6] Замысел инсценировки «Господ Головлевых» последующего развития не получил; текст «сценария» в архиве Иванова-Разумника не сохранился.

[7] Иванов-Разумник приехал в Москву 2 апреля 1926 г.; 30 марта он сообщал Ф.Сологубу: «...“загриппился” и болел недели две с лишним; а теперь – недели на две еду (послезавтра) в Москву, в поисках работы. В Петербурге мне пришел окончательный мат; впрочем и на Мо-

скву надежда плохая» (*ИРЛИ*. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.296). 9 апреля Иванов-Разумник писал из Москвы А.Н.Римскому-Корсакову: «...пробуду в Москве не менее, чем до 16/IV» (*РИИС*. Ф.8. P.VII. Ед.хр.216). Ср. записи Белого об апреле 1926 г.: «Приезд в Кучино Р.В.Иванова. Жизнь с ним вдвоем (3 недели)» (*РД*. Л.123об.).

161. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
30 апреля 1926 г. Детское Село.

30 апреля 1926. Страстная Пятница.

Дорогой и любимый Борис Николаевич,
– как мы ждем Вас в Ц<арском> С<еле>, явствует из того, что на Ваше имя сюда приходят уже письма, – правда, пока лишь одно, которое пересылаю сегодня в этом письме моем, извиняясь за опоздание[1].

Вот уже 1 1/2 недели, как я дома[2]; Москва кажется сном – и не прекрасным: тяжкий город в его нынешнем обличии. Зато всегда буду помнить Кучино и наши всенощные бдения; спасибо Вам за все. Теперь ждем Вас в Питере и Ц<арском> С<еле>.

Впрочем, и от Москвы яркое воспоминание: «Эрик», «Гамлет», «Петербург», Чехов[3]. Сегодня посылаю ему «Вершины» и небольшое «спасибное» письмо[4].

Вашу «Москву» дал в Петербурге лишь двум лицам: Дм<итрию> Мих<айлович>у и Соне[5]; думаю, что против этого Вы ничего не имеете. Если не забудете – захватите с собой от Васильевых рукопись *1-ой главы*, т<ак> к<ак> у меня 2-4<-ая>, чтобы все это сохранялось в одном месте. Черновики «Москвы» уже приводятся в порядок и систему; «Петербург» уже переписывается[6].

Послезавтра Пасха; это письмо Вы получите на 2-ой – 3-ий день праздника. Христос воскресе!

Обнимаю. Ваш Р.Иванов.

Ждем![7]

[1] Адресант упомянутого письма неизвестен.

[2] В письме к А.Н.Римскому-Корсакову от 30 апреля 1926 г. Иванов-Разумник сообщал, что вернулся из Москвы «в 20-х числах» (*РИИС*. Ф.8. P.VII. Ед.хр.216).

[3] Из этого сообщения следует, что Иванов-Разумник был в МХАТ 2-м на спектаклях с участием М.А.Чехова 10 апреля («Эрик XIV»), 14 апреля («Гамлет») и 17 апреля («Петербург»). См.: *Чехов 2*. С.497.

[4] Письмо Иванова-Разумника, отправленное вместе с экземпляром его книги «Вершины» (Пг., 1923), в архиве М.А.Чехова (*РГАЛИ*. Ф.2316) не сохранилось.

[5] Д.М.Пинес и С.Г.Спасская (Каплун). Речь идет о рукописях романа «Москва», печатавшегося тогда в артели писателей «Круг».

[6] Речь идет о перепечатке текста пьесы «Петербург».

[7] Ср. запись Белого: «10 мая еду в Ленинград» (*РД*. Л.123об.). В Ленинграде Белый прожил у Спасских, бывая наездами у Иванова-Разумника в Детском Селе, до 17 июня 1926 г.

162. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
20 или 21 мая 1926 г. Ленинград[1].

Дорогой Разумник Васильевич,
приезжайте непременно в понедельник[2] и заходите утром ко мне[3]: деньги Вас ждут в «Ленгизе». Пойдемте вместе, я тоже в понедельник туда иду. Сперва заходите за мной. Вместе уедем в Детское[4]. Приходите к часу дня ко мне. Если можно, потелефоньте мне.

Любящий Вас

Борис Бугаев.

[1] Открытка; датируется по почтовому штемпелю получения: Детское Село. 23.5.26.

[2] 24 мая.

[3] Имеется в виду одна из двух квартир семейства Спасских-Каплун на Мойке – в доме 11 (ранее принадлежавшая Б.Г.Каплуну) или в доме 14. О мае 1926 г. Белый записал: «Жизнь у Спасских; очень много читаю, роясь в библиотеке Б.Г.Каплуна <...>» (*РД*. Л.123об.). Ср. дневниковую запись М.А.Кузмина (1 июня 1926 г.): «Звонили Спасские насчет Белого. Пошли. <...> Белый потолстел, загорел, не постарел, но появились какие-то умильно-действующие гримаски, как у деревенских старых барышень. Видается с Сологубом. Слушал, читал стихи. Его пасут, берегут, на него умиляются, но он стесняет их безусловно» (*РГАЛИ*. Ф.232. Оп.1. Ед.хр.64).

[4] 22 мая 1926 г. Иванов-Разумник писал Конст.Эрбергу: «...всю эту неделю у нас проведет Бор<ис> Ник<олаевич>. Хорошо бы всем нам повидаться и собраться, – напр<имер> в воскресенье 30 V, а впрочем и в любой будний день» (*ИРЛИ*. Ф.474. Ед.хр.145).

163. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
Первая декада августа 1926 г. Кучино.

Дорогой Милый Разумник Васильевич,
сегодня у меня проездом будет Н.И.Гагенторн[1], и с ней спешно я набрасываю Вам несколько слов. Буду скоро писать обстоятельно: как Вы? Все время неустанно о Вас думаю; страшно много мне дало наше «*zusammensein*»* у меня в Кучине и у Вас, хотя у Вас мы мало виделись: было много людей.

Начинаю письмо с великой просьбы. Помните, – мы говорили о М.П.Столярове, превратно подумавшем о Вашем знакомстве с неким Вольфсоном (издателем)[2] и обратившемся ко мне с просьбой, если возможно, предложить книгу своих статей? Вы сказали, что Вольфсон – «миф» («*миф*» Форш), но что где-то имеется возможность замолвить слово о книге *М.П.* Я обратился к нему с уведомлением; и он прислал мне данные о своей книге. Я прилагаю часть его письма ко мне (ту часть, которая касается книги) для информации тех, кто мог бы заинтересоваться книгой Мих<аила> Павл<овича> (буде *такие лица* найдутся); по просьбе добавочной М.П. я вставил в список статей пропущенную им статью. С своей стороны я присоединяю свой голос и лично прошу Вас, буде такая возможность, замолвить доброе слово за М.П. Что касается меня, то, разумеется, я *всячески рекомендую* книгу, потому что знаю М.П. как глубокого и интересного человека (подчеркнутых им статей не читал)[3].

Милый Р.В., я сознательно не шлю Вам и Д.М.Пинесу *первой части «Москвы»*, которая вышла, ибо считаю выход «*Москвы*» со второй, которую обещают уже месяц (неделя за неделей) через неделю выпустить: но факт, что она готова, напечатана, подписана к выходу и т.д.[4] Стало быть: есть шансы, что выйдет, тем более, что, к моему изумлению, в «*Веч<ерней> Москве*» Ю.Соболев отозвался о первой части с большой симпатией[5].

Как только я буду располагать 2 частями, я вышлю Вам и Дм<итрию> Мих<айловичу> по экземпляру с первой оказией.

Милый Раз<умник> Вас<ильевич>, – после Ленинграда я все это время еще не нашел ритма: не отдыхаю до конца, но и не работаю до конца, а стою, как Буриданов осел, на распутье между двумя очень большими работами: *либо* приступать к 2-му тому «Москвы», либо детально дорабатывать и перерабатывать части моей рукописи «*О самос<ознающей> душе*»; я все более и более вижу, что книга моя должна выйти, хотя бы в нескольких дес<ятках> списков, ибо, входя в детали, я вижу, что попал в какую-то точку ритма истории, что выясняется не столько из общего плана мысли, сколько из мелких штрихов и данных истории; подходя к иным из них, я почти вскрикиваю от изумления, – до чего они становятся *транспарирующими* и *заново говорящими* в свете приложения к ним антропософской кривой.

Этот месяц мы провели – я, Кл<авдия> Ник<олаевна> и Алекс<ей> Серг<еевич> Петр<овский> – вместе, очень хорошо: Алеша (с ним жить ужасно уютно), как музе-

---

* *совместное пребывание (нем.)*

ец, незаметно подбрасывал мне книжка за книжкой; в итоге: прочел 4 истории математики[6]; теперь перечитываю истории физики; и чем больше зарываешься в частности, тем соблазнительнее утонуть в многомесячном чтении; каждая прочитанная книжка вносит новый, хотя бы один штрих в мою рукопись; и соблазн мой – ретушировать *ad infinitum**, что требует досуга (стало быть, – обеспеченности); и появляется новый мотив обеспечивания: надо теперь же переделать «*Москву*» в драму[7]. День за день хочу приняться за переделку, а на столе лежат соблазнительные книги: то о Бэконе, то о гностиках и т.д.[8] Как тут оторваться? Все мое желание пока заложить 2-ой том «Москвы» и осень и зиму заняться: 1) курсом, 2) книгой[9]. Но для этой роскоши нужно загрунтовать будущее.

Дорогой Разумник Васильевич, – как Ваши дела? Наклевалась ли какая-нибудь возможность работать? Что с «*Публ<ичной> библиотекой*»?[10] Черкните, – я *очень-очень* как-то с Вами: в *Вашем*; но отсюда, из Москвы, – просто ничего не в силах предпринять, хотя бы потому, что стал (и сам, и «*меня стали*») отшельником, отрезанным от всех.

Простите внешность письма: спешу – уезжает в Москву Кл<авдия> Ник<олаевна>, Алеша; наезжает Гагенторн; надо обедать и т.д. Кл<авдия> Ник<олаевна> шлет Вам сердечный привет, как и Варваре Николаевне.

От меня Варваре Николаевне и Иночке сердечный привет и уважение, так же как и матушке Варвары Николаевны; если Ф.К.Сологуб меня помнит, то и ему сердечный привет: знаете, – я за пребывание в Детском очень полюбил его[11].

Обнимаю Вас. Любящий Борис Бугаев.

P.S. Была у меня Уханова: рассердила как вестями о «*шарлатане*» Лемане[12], так и своим просто «*глупым*» отношением; жаловалась, что гоняют ее по старцам; я с негодования на Лемана да и на нее («*хороша*!») раскричался, что, дескать: «Сами хороши! Вольфилки, а гоняетесь за шарлатанами!» И так мне стало обидно, что нечто дорогое, почти священное для меня («*антропософия*» и память доктора) треплется такими людишками, как Леман, чтобы в Обществе укреплялись о нас лишь сплетни да химеры.

Может быть, я был с ней невежлив: но – сердце не выдержало!

P.P.S. Для шутки посылаю Вам список квартирантов одного дома с Табачихинского переулка (запись на карточки) из 2-го тома «Москвы», если оный будет[13]; составляли для ради смеха с К.Н.: –

– Абакра́лова, фон Клаккенклипс, Кликотакин, Клопакер, Кекадзе (Иван), Кока Поков, Моавр, Индихинес, Маврулия Бовринчиксинчик, Паханций, Велес-Непещевич, Орло́викова, Сидервишкин, Тарас Верливе́рко, Express Кактацкий, фон-Винзельт, Егор Гнидоедов, Воняй-Кизмет, фон Пудопаде, Пепардина, князь Лужердинзе-Щербун-Двусерпянский, Зерба́дина, Жак Вошенвайс, Пещен-Цвакке, Сергей Колзцо́в, Шмуль Лерович, Илкавин, Мамай-Алмамед, Милдога́нин, Илья Неласетов, Тулпянская, Нил Галдаган, Милалайкис, Сергей Селеле́ньев, Липа́нзин, Хотлипина, Плитезев, Лев Подподольник, Гнильян, Ангело́ков, Гортензия де-Дуроприче, Достойнис, Желдицкая, Юдалионов, Жевало-Бывало, Жижан-Дощан (Ян), Депрезоров, Иван Педерастов.

Простите за шутку; этот список чудовищностей – мое упражненье со звуками в процессе чтения курса доктора о драматическом искусстве[14]; там он говорит удивительные вещи о прозе худож<ественной>, которой задача связаться с «*Ur-Sprache*»** и омолодить при помощи звуковой «*Zauberkraft*»*** мертвое слово; принцип «*остраннения*» Шкловского[15] у доктора изумительно углублен; он доказывает, что все народные поговорки, словечки суть «*остраннения*», а в древности (незапамятной) над событиями важными собирались: пели и остранняли словами; отсюда и пошла *проза*, как воспоминание об обрядовых «*странностях*». Вот я и принялся «*остраннять*» список жильцов.

Дорогой друг, – всегда жду Вас, на какой угодно срок, в какое угодно время года!

---

* *без конца (лат.)*
** *праязыком (нем.)*
*** *колдовской силы (нем.)*

[1] В мемуарном очерке о Белом Н.И.Гаген-Торн описывает этот свой приезд в Кучино (*Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.551-552).

[2] См. п.131, примеч.7.

[3] Отдельное издание книги статей М.П.Столярова не было осуществлено.

[4] Первая часть романа «Москва» – «Московский чудак» (М., «Круг», 1926) – вышла в свет в середине июня 1926 г., вторая часть – «Москва под ударом» (М., «Круг», 1926) – в конце августа 1926 г.

[5] Юрий Васильевич Соболев (1887–1940) – театральный критик, историк литературы. Имеется в виду его статья «Книги “Круга”», напечатанная в «Вечерней Москве» 20 июля 1926 г. (№164). Называя «Московского чудака» «глубокой и умной книгой», «самой значительной в художественном отношении» из обозреваемых (в статье рассматривались еще две книги, изданные «Кругом», – повесть Сергея Григорьева «Коммуна Мар-Мила» и «Земляничка» Эльзы Триоле), критик подчеркнул, что у Белого «все особенности эпохи почувствованы тонко и верно», передан «сгусток той атмосферы, в которой пребывала Россия после поражения первой революции – в годы реакции».

[6] Ср. записи Белого об июле 1926 г.: «Читаю Фаццари “Краткая история математики”. Читаю: Попов: “Очерки по истории математики”» (*РД*. Л.124об.).

[7] Подразумевается договоренность с В.Э.Мейерхольдом об инсценировке романа «Москва» для его театра. См.: Воронин С. Из истории несостоявшейся постановки драмы А.Белого «Москва» // Театр. 1984. №2. С.125-127; Андрей Белый. Москва. Драма в пяти действиях / Предисловие, комментарии и публикация Т.Николеску. М., 1997. С.5-8.

[8] Роджер Бэкон (Bacon, ок. 1214–1294) – английский философ и естествоиспытатель, монах-францисканец. Белый зафиксировал (*РД*. Л.124об.), что в июле-августе 1926 г. он читал книги: Raoul Carton. L’expérience mystique de l’illumination intérieure chez Roger Bacon. Paris, 1924; Eugène de Faye. Gnostique et gnosticisme; étude critique des documents du gnosticisme chrétien aux II et III siècles. Paris, 1913.

[9] Имеются в виду «История становления самосознающей души» и устные выступления на темы этой книги; в мае 1926 г. в Ленинграде Белый выступил (в приватном кругу) с двумя докладами «О душе самосознающей», а также дважды читал фрагменты из своей книги (*РД*. Л.124).

[10] Имеется в виду проект поступления Иванова-Разумника на службу в Гос. Публичную библиотеку; соответствующее его заявление было подано и рассматривалось дирекцией библиотеки еще весной 1926 г., однако ее решение о принятии Иванова-Разумника в штат не дало положительного результата (документы, относящиеся к этому вопросу, приводятся в работе М.Д.Эльзона, готовящейся к публикации).

[11] В середине 1920-х гг. Ф.Сологуб подолгу – чаще всего в летние месяцы – жил в Детском Селе в том же доме по Колпинской улице, где постоянно проживал Иванов-Разумник (см.: Иванов-Разумник. Писательские судьбы // Возвращение. Вып.1. М., 1991. С.316-317). Описывая свои встречи во время пребывания в Ленинграде и Детском Селе в мае 1926 г., Белый отметил: «...часто вижусь с Сологубом» (*РД*. Л.124). О встречах Белого с Сологубом в Детском Селе рассказывает со слов Белого в воспоминаниях о нем П.Н.Зайцев (Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.89-90).

[12] Эпизодические отношения Б.А.Лемана с Белым и ранее носили конфликтный характер; Леман отмечает в письме к Е.Я.Архиппову от 1 марта 1921 г.: «С Белым мы спорили и стояли на полюсах <...>» (Суворова К.Н. На чердаке старого московского дома (Об архиве Е.Я.Архиппова) // Встречи с прошлым. Вып.6. М., 1988. С.152).

[13] С незначительными изменениями приводимый перечень гротескных имен включен в драму «Москва» – его оглашает Викторчик, секретарь Мандро («ярко, четко, точно скандируя, со смаком, читает по списку»); см.: Андрей Белый. Москва. Драма в пяти действиях. С.63-64. Некоторые из приводимых ниже имен (фон-Клаккенклипс, Велес-Непещевич, Егор Гнидоедов и др.) использованы позднее Белым в романе «Маски». Анализ и классификацию изобретенных Белым многообразных гротескных фамилий, фигурирующих в его произведениях (и прежде всего в «Москве» и «Масках»), см. в работах Н.А.Кожевниковой «Заметки о собственных именах в прозе Андрея Белого» (Ономастика и грамматика. М., 1981. С.222-259), «Язык Андрея Белого» (М., 1992. С.193-224).

[14] Курс из 19 лекций о языковой образности и драматическом искусстве Р.Штейнер прочел в Дорнахе 5-23 сентября 1924 г. (Lindenberg Ch. Rudolf Steiner. Eine Chronik. 1861-1925. Stuttgart, 1988. S.601-602); запись курса, по всей вероятности, привезла из Германии К.Н.Васильева.

[15] Художественный прием, терминологически определенный В.Б.Шкловским в статье «Искусство как прием» (1921); подразумевает эффект нарушения автоматизма восприятия через новый – «странный» – взгляд на знакомые вещи и явления. См.: Шкловский В. О теории прозы. М.; Л., 1925. С.11-18.

164. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
29 августа 1926 г. Кучино.

Кучино. 29-го августа. 26 года.

Дорогой, милый Разумник Васильевич,

Пользуюсь случаем подкинуть Вам с Ал<ексеем> Серг<еевичем> несколько слов вместе с «*Москвой*», которая, наконец, вышла: посылаю Вам и Д.М.Пинесу по экземпляру 1-го тома[1].

Вот уже 2 1/2 месяцев, как мы расстались[2], а это время мелькнуло для меня, как сон: за чтением книг (все по нужной мне линии), за переработкою мест книги моей[3], за разговорами и волнениями среди наших друзей; то, что привезла К.Н.[4], легло в основу многих тихих бесед *en trois* (с Алек<сеем> Серг<еевичем> Петр<овским>, жившим с нами на даче). Я живу еще на верху кучинского домика; со мной К.Н.Васильева; верх моего домика оказался уютной дачкой.

Одно из событий, очень взволновавших нас, – смерть Трифона Георг<иевича> Трапезникова, у которого была К.Н. в бытность свою за границей[5]. Он – хорошо, прекрасно умер; и по свидетельству друзей, на руках которых он умер, он в смерти своей явил *лик* свой, гораздо более значительный, чем он мог казаться при жизни[6]; теперь, когда его нет с нами, можно сказать: он был подлинным *эзотериком* в жизни; он нес под формой молчания настоящий ритм Жизни; когда его не стало, обнаружилось, что не было человека, которого он обидел; наоборот: скольким помог (тихо, деликатно, так, что, помогая, помогал так, что получающие помощь не подозревали даже, что им помогли); сужу это по себе, ибо я *многим, многим* был обязан покойному; и в культурной жизни за 5 лет советской работы он сумел многое сделать, так что не антропософы, работавшие с ним у Троцкой[7] (в Отд<еле> Охр<аны> Памятн<иков>), вспоминают о нем с глубоким уважением: тихий, скромный, строгий, даже требовательный, но нежный, заботливый; прекрасный «*спец*», где нужно – организатор, где нужно – волевой (без внешнего нажима), он много сделал объективно полезного в постановке работы Музейного Отдела[8]; и потом, отработав, поставив нá ноги Отдел, тихо ушел из него: умирать, – к своим, братьям, откуда он приехал; странно: он, живший до этого 12 лет в отрыве от России, при докторе, появился в России, когда из нее сколь многие бежали, горячо отстаивал Россию и часто гордо отражал многие белогвард<ейские> нападки на нас (таким я видел его за границей в 23 году).

И в жизни нашей он в нужную минуту нас, так сказать, оформил, был нашим председателем: таковым в духе и остался до самой смерти для всех, его близко знавших: он был не «*председатель*», а любимый всеми «*старший брат*»: он не умел внешне выделяться; но все, кто его знал в нашей внутр<енней> жизни, его уважали: он был председателем в духе и в ритме.

Ехал он лечиться, а судьба его подбросила к людям, которых он и любил и уважал: к Михаилу Бауэру, человеку, про которого я в стихах не для стихов, а совершенно реально сказал (и продолжаю говорить): «Майстер Экхарт нашего столетья» (ученик, самый близкий, доктора, работавший внутренне 25 лет)[9]; и – к жене Моргенштерна, удивительной женщине[10]; можно сказать, что на руках их он умер; и умер – на руках удивительного человека, пастора Риттельмейера, который в это время жил там; в дни смерти Тр<ифона> Георг<иевича> к Бауэру съехались главные представители Христ<ианской> общины (7 пасторов во главе с Риттельмейером), для обсуждения дел «*Christliche Gemünde*»[11]. Тр<ифон> Георг<иевич> до последнего дня принимал деятельное участие во всех их делах, со всеми сблизился, всем оказался нужен; и умер на руках у них, явив в последние минуты мало кому известный *удивительный* лик, о чем свидетельствуют его друзья.

Смертью своею он как бы еще раз связал нас, которых возглавлял, с теми, которые являют собой подлинную ось духовного движения; в смерти своей, как и в жиз-

ни, он выявил жест устроителя, соединителя и миротворца. И мы теперь несем чувство, что его *отход* от нас есть *приход* его к нам, как Невидимого Помощника, ибо он – вместе с доктором *оттуда сюда*: среди нас стоит.

Дорогой друг, – простите, что письмо свое заполняю покойным: но он был *очень* близок мне; гораздо более близок, нежели я сам подозревал при жизни его; только теперь вижу, – сколько раз и в Мюнхене, и в Дорнахе, и в Москве, и в Берлине (в 23 году) в трудные минуты жизни он тихо бодрил меня; и перед смертью К<лавдию> Н<иколаевну> расспрашивал о всех мелочах нашей жизни, конкретно сорадуясь и сопечалуясь.

Да вот, а вслед за ним чуть и я не отправился на тот свет: трамваем сшибло[12]; чудо, что цел остался; весь трамвай меня настиг, когда я шел посереди рельс: настиг сзади; он быстро несся; вероятно, кондуктор думал, что я перебегаю дорогу, а я в думах ушел куда-то и не ведал, что трамвай мчится на всем скаку на меня; вдруг страшный шум, вид трамвая в 2-х шагах от меня, сознание (молниеносное), что предпринять ничего уж нельзя; и – бац: ослепительный удар, чудом выкинувший меня с рельс, как футбольный мяч; я кубарем завертелся и свалился; первые полчаса думал, что умираю: вышибло дух; совсем не понимаю, как это меня таскали по приемным покоям с милиционером; едва попал на Плющиху[13]; в итоге обнаружилось – вывих, трещина на лопатке, немая рука и отшиб мускулов спины, руки, плеча, частью груди; две недели страданий; и вот, как будто, налаживается; опять овладеваю рукой (делает милая Кл<авдия> Н<иколаевна> массаж мне); завтра еду на осмотр к хирургу[14].

Не это важно для меня, а то, что удар свой воспринимаю, как благое нечто: как карму, как то, что вытолкнулось из меня прочь; и, будучи вытолкнутым, шибануло обратно; если бы я сам не поволил *кармы* («*Да будет воля Твоя*»), то эта *гадость*, материализовавшаяся трамвайным ударом, осталась бы внутри меня: как внутренний удар, наносимый мне моим собственным окаянством.

Слава Богу, что – так: и открылось, что «*карма*» – *закон любви*; и лишь неузнанное грозит: узнанное и осознанное становится легким и нежным; и у меня радостное почти отношение к «*удару*» (не удар, а поцелуй, – хотя и разбита лопатка); я постараюсь *удар смерти* взять как *карму*, чтобы он был переходом к новому человеку во мне.

Милый Раз<умник> Вас<ильевич>, – близится осень; будет зима; потом – весна; помните: и осенью, и зимой, и весной Кучино к Вашим услугам; я почти уверен, что Вы захотите меня порадовать приездом ко мне: поживем тихо вместе.

Сейчас кончаю письмо; все еще в своем полуздоровом состоянии не могу особенно много писать (утомляется спина и плечо); со мной Кл<авдия> Никол<аевна>; если бы не она, уж и не знаю, как прожил бы я эти 2 недели калекой беспомощным; радостно, что есть такие близкие друзья, как она.

Пишите, дорогой Разумник Васильевич, – меня же простите за глупое письмо; я еще в «*поглупении*» после удара; все-таки «*встряска*».

Остаюсь сердечно любящий Вас Борис Бугаев.

P.S. Мой привет Варв<аре> Никол<аевне>, Иночке и милому Дм<итрию> Михайловичу, которому посылаю книгу с просьбой не забывать меня при наездах в Москву.

Если будете писать, адресуйте: не «*Кучино*», а «*Салтыковка. Новое Кучино*»; *с таким адресом лишь* почтальон приносит письма на дом.

Приписка К.Н.Васильевой:

Милый Разумник Васильевич!

часто, часто вспоминаем Вас с Б<орисом> Ник<олаевичем> и говорим о Вас. Я так рада, что мы с Вами познакомились лично. И хотя это было так коротко, но в душе моей наша встреча осталась. И хочется, чтобы было ей продолжение – возможно скорое. – Спасибо Вам и Вашей милой семье за сердечный прием[15]. Передайте им всем от меня горячий привет. Как-то прошло у Вас это лето? Для нас оно было беспокойным, с большими для нас событиями...

От всей души шлю привет и самые лучшие пожелания.

Кл.Васильева.

[1] См. п.163, примеч.4. Комментарий Иванова-Разумника: «В приложении II, среди “Надписей на книгах”, приводится и надпись, сделанная на этом экземпляре “Москвы”» (Л.25). Среди книг Белого, подаренных Иванову-Разумнику и сохранившихся в его архиве (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С.29), экземпляр «Москвы» отсутствует, однако дарительная надпись автора на «Московском чудаке» известна в копии Иванова-Разумника:

«Дорогой Разумник Васильевич, –

– с радостью и страхом

Вам: –

– ведь для Вас да для двух-трех друзей и писано.

С любовью

А.Белый.

Москва, 31-го августа 26 года» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С.40).

[2] Имеется в виду общение в Ленинграде и Детском Селе в мае-июне 1926 г.

[3] Речь идет о работе над книгой «История становления самосознающей души».

[4] Подразумеваются курсы лекций Р.Штейнера и другие антропософские тексты, привезенные К.Н.Васильевой из Германии в июне 1926 г.

[5] Т.Г.Трапезников скончался в Брейтбрунне (Бавария) 11 июля 1926 г. (см.: Романов Н. Памяти Трифона Георгиевича Трапезникова // Жизнь музея. Бюллетень Государственного Музея Изящных Искусств. 1927. №3 (апрель). С.1-4). В письме-заявлении в ОГПУ (от 1 июля 1931 г.) Белый сообщал о Трапезникове: «...в 1924 году едет лечиться за границу и долго умирает у своего приятеля (с 1910 года), больного Бауэра (антропософа); вопрос о перевозке его в СССР к старухе матери вместе с главным заданием (лечебного характера) и обуславливает вторую поездку за границу моего лучшего друга, К.Н.Васильевой в 1926 году» (Из «секретных» фондов в СССР / Публикация Дж.Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып.12. Paris, 1991. С.359).

[6] О кончине и похоронах рассказывает М.В.Сабашникова в неопубликованной статье «Т.Г.Трапезников»: «...он умер в то время, когда в Брейтбрунне были 7 священников Общины христиан. <...> Он ужасно страдал в последний день и умер, как святой. Весь день он молился и накладывал крестное знамение. <...> Он лежал на своей постели в цветах, как будто спал. Его лицо было веселым и спокойным – очень характерно. В ногах лежал венок из липы, в подсвечниках горели 3 свечи. Когда мы вышли на стеклянную веранду, там были все священники, и Риттельмейер мне рассказал: “Трапезников в последние дни крепко связал себя с нашей работой. <...> Нам нужен сотрудник в духовном мире для России, он пребудет, связывая нас с духом России”. На другой день было погребение. Фрау Моргенштерн, Бок и я – мы положили его в могилу. В 3 часа Риттельмейер отслужил панихиду в доме. Приехали друзья из Штутгарта и Мюнхена» (перевод с немецкого в примечаниях С.В.Казачкова и Т.Л.Стрижак в кн.: Волошина М. (Сабашникова М.В.). Зеленая Змея. История одной жизни. М., 1993. С.344; немецкий оригинал – в кн.: Fedjuschin V.B. Rußlands Sehnsucht nach Spiritualität. Theosophie, Anthroposophie, Rudolf Steiner und die Russen. Eine geistige Wanderschaft. Schaffhausen, 1988. S.154-157).

[7] Имеется в виду Ольга Давидовна Каменева (Розенфельд, урожд. Бронштейн, 1883–1941) – сестра Л.Д.Троцкого и жена Л.Б.Каменева; заведующая Театральным отделом Наркомпроса в 1918–1919 гг., позднее – заведующая художественно-просветительным подотделом МОНО; занимала также различные посты в области культуры в Московском Совете.

[8] Т.Г.Трапезников с 1917 г. служил в Москве помощником хранителя Отдела изящных искусств Румянцевского музея, с 1918 г. оказывал активное содействие спасению и охране музейных коллекций, охране старинных усадеб (Л.Н.Толстого, С.Т.Аксакова, Е.А.Баратынского, Ф.И.Тютчева и др.). «Об активности Трапезникова, – пишет А.А.Тургенева, – свидетельствует его работа в революционной России, где с помощью организации сохранения памятников искусства ему удалось спасти ряд культурных ценностей. Ему между прочим мы обязаны тем, что Ясная Поляна не была разрушена» (Тургенева А. По поводу «Института истории искусств» // Мосты. №12. 1966. С.359).

[9] Михаэль Бауэр (Bauer, 1871–1929) – один из первых последователей Штейнера, крупный деятель антропософского движения, автор религиозно-философских и педагогических сочинений. Белый приводит строку из своего стихотворения «Речь твоя – пророческие взрывы...», посвященного Бауэру (Андрей Белый. Королевна и рыцари. Сказки. Пб., 1919. С.55). Литературный портрет Бауэра Белый дал в «Воспоминаниях о Штейнере» (Paris, 1982. С.158-161), там он, в частности, подчеркивает: «В стихотворении своем я его назвал “Мейстером Экхартом нашего столетия”: это было воспоминание о Бауэре 15-го, 16-го годов» (С.160).

[10] Маргарета Моргенштерн (Morgenstern, урожд. Гозебрух фон Лихтенштерн, 1879–1968) – жена немецкого поэта и антропософа Кристиана Моргенштерна (1871–1914), автор биографии М.Бауэра (Michael Bauer – Ein Bürger zweier Welten. 2 Aufl. Stuttgart, 1965); о знакомстве Белого с нею см.: Лавров А.В. Андрей Белый и Кристиан Моргенштерн // Сравнительное изучение литератур. Сб. статей к 80-летию академика М.П.Алексеева. Л., 1976. С.469). О Маргарете Моргенштерн и ее помощи больному Трапезникову пишут Белый – в «Воспоминаниях о Штейнере» (С.171-174), а также М.А.Чехов в мемуарах «Жизнь и встречи» (*Чехов 1*. С.207).

[11] Имеется в виду примыкавшая к антропософскому движению Христианская Община (Christengemeinschaft), основанная осенью 1922 г. теологами-протестантами Ф.Риттельмейером и Э.Боком.

[12] Ср. запись Белого: «13 августа на меня наехал трамвай» (*РД*. Л.124об.). См. подробное описание этого несчастного случая (на трамвайной линии «А» у Чистых Прудов): *Бугаева*. С.54-59; см. также письмо М.А.Чехова к Белому от 24 августа 1926 г. с выражением сочувствия (*Чехов 1*. С.320).

[13] Подразумевается квартира Васильевых, куда Белого доставили на извозчике.

[14] Имеется в виду врач-хирург Иван Гурьевич Руфанов (1884–?), работавший в Хирургической клинике 1-го МГУ. Ср. запись Белого об августе 1926 г.: «Лечусь у Руфанова; рентгенологическое исследование» (*РД*. Л.124об.).

[15] Знакомство с Ивановым-Разумником состоялось между 15 и 17 июня 1926 г. – после возвращения К.Н.Васильевой из-за границы в Ленинград и перед отъездом вместе с Белым в Москву. Вновь об этой первой встрече К.Н.Васильева вспоминала в письме к Иванову-Разумнику от 30 сентября 1926 г.: «...спасибо Вам и вашей милой семье за сердечное отношенье. Вся обстановка Вашего дома пахнула на меня тем, что с детства знакомо. И особенно приятно и дорого было это сразу после заграницы» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

165. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
31 августа – 5 сентября 1926 г. Ленинград – Детское Село[1].

31–VIII–1926. Петербург.

Дорогой и любимый друг, – только сегодня (31 авг<уста>) узнал я о беде, случившейся с Вами; очень все мы переволновались, пока через несколько часов не получили более успокоительных сведений[2]. Все якобы *сравнительно* благополучно: ушиб, перелом лопатки (хорошо благополучие!), рука действует, Вы уже у себя в Кучине. Так ли все это? Напишите, дорогой Борис Николаевич, хоть и без оказии, через Шпекиных, лучше – заказным. Вот Вам и Арбатская площадь, о которой Вы сами предупреждали меня весной![3]

Хотел бы кончить на этом и ждать известия от Вас, так как в голове все гвоздит мысль – как Вы и что Вы? Но Софья Гитмановна[4] сказала мне, что Вы уже покинули «постельный режим», что серьезное миновало. Поэтому пишу дальше, по обыкновению «пользуясь оказией»: как раз С.Г. едет на днях через Москву и перекинет Вам это письмо. За карандаш – простите: пишу не в Царском, а в своей комнатушке в Питере, где нет ни пера, ни чернил[5]. Впрочем – стоит Вам наложить на эти страницы влажный лист пропускной бумаги, чтобы получить из карандаша чернила... Химия!

Так вот: забываю о Вашей болезни до конца письма и пишу ответ на полученное мною через Гагенторн Ваше письмо. Ответить собирался давно (письмо получил недели три назад), но стал – и не без причин – так не верить почте, что все ждал случая. Гагенторн я не видал, а значит и ничего не узнал о Вас: она доставила ваше письмо в мое отсутствие, и не сама, а через подругу. Зато была у нас не так давно Уханова и рассказывала о посещении Кучина. Вы на нее накричали – это полезно: милый она, но очень бесхребетный человек. Готова все лето жить у старца, готова пребывать в послушании и у васильеостровского старца с другого конца. Ну, пусть старец, – быть может для нее он-то и нужен; но тогда зачем ей старец из негритянской оперетты, воскрешающий, насколько я знаю, худшие традиции Эртеля, Батюшкова, Мебиуса и К°?[6] Я говорил с ней на эту тему, – вотще. Ей что-то надо, а что – сама она этого никак понять не может.

Кроме нее, еще ряд вольфильцев был у меня за это лето. Вообще лето было шумное: Вы можете составить себе представление по той неделе, которую провели у нас.

Очень утомительно, густо и бесплодно бóльшей частью; теперь наступает осень и тишина, – лучшее время. Меньше всего люблю в Царском Селе лето.

Уехал в город и Сологуб. Очень привыкаешь к нему за несколько месяцев ежедневных посещений (а в 1923–25 гг. даже двух лет соседства и ежедневных бесед). Редко умный старик, тонкий и острый; почти мудрый. Часто парадоксален (как сам он говорит: «от застенчивости»), но тем более интересен. Вам интересно будет, наверное, услышать его мнение о «Москве», которую он прочел; но мнения не высказывал, а сказал только о двух частностях. Первая: «почему написано двухстопным ямбом?»(?!). Второе – более интересно, о сцене Задопятова с Сильфидой в номерах[7]. Очень осуждает, – не входя в вопрос, поскольку сцена эта нужна композиционно; осуждает an und für sich*. – «Люди любили друг друга четверть века; состарились в любви. Боже мой, какое же это трогательное очарование: увядшие груди старой подруги, нежность, жалость, слезы, умиление... Ведь это же и есть подлинная Дульцинея! Разве можно променять ее, эту старую, увядшую подругу, на молодую, упругую, грудастую, красивую Альдонсу?[8] Автор должен уметь показать любовь в старом, иначе всегда будет похоть в молодом. А что делает Б.Н. с этими стариками? Смотрит в замочную скважину и смеется над ними! Почему? Он думает и хочет внушить нам, что это не любовь; а я вот не верю. Такая не-любовь не может длиться четверть века. Он должен был растрогать нас этой любовью, показать всю красоту ее в этих старых, глупых, пыхтящих людях. А он что сделал?» И еще многое и многое другое, чего не упишешь. На мои слова, что Задопятов и Сильфида именно таковы, как представлены, что надо не навязывать свой замысел автору, а понять его замысел, – ответил сердито: «не хочу!»

Вот Вам для курьеза одна сотая часть одной из вечерних прощальных бесед с Сологубом. Мне очень грустно, что он уехал в Петербург; я боюсь, чтобы беседы эти действительно не были прощальными. Город губит его.

Меня здесь прервали на полчаса; мысли разбежались; перейду поэтому к «деловой части» письма – по поводу сборника статей М.П.Столярова, о котором Вы мне писали. Я переписал на пишущей машине список статей и заглавие, прибавил две хвалебные «референции» – Вашу (цитата из письма) и мою, – и передал все это возникающему здесь изд-ву «Современник»[9]. Не думаю, чтобы изд<ательст>во это могло издать книгу Столярова очень скоро, – скажем до Рождества; но вообще дело это не безнадежное. Пусть М.П.Столяров напишет по поводу издания этой своей книги *Николаю Николаевичу Некрасову, Ленинград, пр.Володарского, д.27. Книжный магазин «Современник»*, сославшись при этом на меня. Некрасов – заведующий этим издательством, человек, с которым вполне можно вести переговоры; пусть Столяров напишет ему, не откладывая.

За обещание «Москвы» – спасибо; первую часть видел и мог перечесть, но сам не захотел перечитывать без второй части. Жду с нетерпением выхода второй, и без всякого нетерпения жду журнальных и газетных откликов: заранее знаю, чтó это будет такое. Мне очень хочется написать не для печати, а для себя, статью «Москва», в pendant к «Петербургу». Вы знаете мое отношение к роману; после первого впечатления – огромного! – я перечел его по рукописи еще много раз, не целиком, а отрывками; думаю, что, после автора, никто так не знает теперь этого романа, как я. И если бы Вы знали, как хочется написать! Ведь вот уже скоро три года (после статьи о «Петербурге»), как я ничего решительно не писал в этой области. Двадцать пять печатных листов о Салтыкове – не считаю: только протокол[10]. Статья Ипполита Удушьева – только фельетон[11]. Воспоминания о Есенине (написал, но не напечатаю) – только пережитое[12]. А вот насчет передуманного – руки коротки: рад бы написать, да как и когда? Жизнь нудит к тяжкой работе – протоколу, корректуре, переводу, отнимающим все 24 часа в сутки. А о «Москве» написал бы, право, хорошую статью: вся обдумана, план намечен, листов этак на пять[13]... Да вот поди, напиши! – Шучу, а иногда и взгрустнется.

Сердечно рад за Вас, что обстоятельства позволяют Вам работать по-настоящему. Слава Богу – есть «Москва»; не беда, что не будет статьи о «Москве». Слава Богу

---

* *как таковую (нем.)*

– есть «История самосознающей души»; с нетерпением хочу прочесть ее всю (не забудьте, что я один из «пренумерантов» будущего издания: боюсь остаться без экземпляра).

Кстати о переписке: «Петербург» (пьеса) почти весь переписан; скоро будет выслана Вам обратно рукопись и несколько «машинных» экземпляров[14]. «Начало века» переписывается туже[15], но в течение сезона переписка постепенно будет доведена до конца и переслана Вам. И еще кстати: при случае попомните о *первой главе рукописи «Москвы»*; жаль будет, если она затеряется в московских ворохах Ваших бумаг.

А что «Москва» – пьеса? Сели Вы за нее, или еще нет? Виделись ли с Мейерхольдом? Я по-прежнему думаю, что эту работу Вам надо сделать в первую очередь, потому что – независимо от ее театрального интереса – она сможет обеспечить Вам весь будущий год и сделать возможной новую работу «для себя».

А второй том «Москвы»? Очень весело было читать в последнем Вашем письме ряд «остраненных» имен (некоторые – прелестны) и хотя бы отсюда заключить, что работа над вторым томом внутренне зреет на мелочах. А ведь мелочи здесь – самое главное.

Что сказать Вам о себе? – Трудно. Так иногда трудно, что и не расскажешь; но уныние – один из худших смертных грехов по отношению к самому себе. Man verloren* – одна муть в душе тогда останется. А кругом этой мути столько, что иной раз жутко становится. Но разве может быть иначе, когда в основании нашей общественной жизни лежит ложь и играет всеми цветами радуги? Чем мы живем, чем заставляют нас жить и интересоваться? – Не знаю, дошло ли до Москвы повальное сумасшествие петербургских газет и обывателей по поводу прибытия в нашу северную ex-столицу парохода Кап-Полонио с тремястами аргентинских и уругвайских миллионеров. Фанфарные статьи, фотографии, паломничество, восторг: «мы прорвали блокаду миллионеров!»[16]

На днях экзаменовали по политграмоте одну из подруг Ины. Спросили: допускал ли царский режим критику своих действий? Надо было солгать и ответить: нет. Спросили: допускает ли критику своих действий советский режим? Надо было солгать и ответить: да. Ложь, лежащая в основе всего, так утомляет, что является, пожалуй, самым тяжелым из всего, что приходится переносить. В основе лжи лежит, конечно, не «советский режим» только, а вообще Левиафан, доведенный до предела принцип государства, власти. Жизнь показала, чтó есть социализм вне демократизма; а социализм с демократизмом и есть, по существу своему, подлинный анархизм. С новым интересом перечитал недавно ряд статей Толстого о власти и государстве. И знаете, что перечитал еще и еще? «О жизни», – изумительная книга, которую почти никто не знает[17].

Письмо разрастается, пора кончать. На прощанье хочу сказать еще о двух вещах. Первая вот какая: не была ли у Вас за последнее время О.Д.Форш? Она провела август в Москве. Ко мне она обратилась вот с какой просьбой: написала она «пантомиму в 3-х действиях» под заглавием «Скоморох Памфалон» (по Лескову)[18] и просила меня передать или переслать ее М.А.Чехову с моим отзывом. Так вот: в Москве ли теперь М.А.? И если да, то как Вы думаете: переслать ли мне эту вещь ему, или – бить Вам челом передать ему эти несколько страничек при случае? Если Вам неудобно или не хочется – черкните откровенно, я не буду затруднять Вас, а перешлю непосредственно.

Второе: С.Д.Спасский читал у нас свою поэму «День», о которой Вы мне говорили перед отъездом. Чтение я устроил так, чтобы мог послушать накануне своего отъезда из Ц<арского> Села и Сологуб[19]. Его мнения не передаю, хотя оно занятно (чисто «орфографическое» – о том, что С.Д. читает «по старому правописанию»: очень метко! Вед<ь> С.Д., читая, так отчеканивает конечные согласные, что за ними явно чувствуется Ъ). И еще сказал: «слишком патетично». Но не в этом дело. Поэма мне понравилась (хотя я плохо «слушаю» стихи, мне надо видеть их); думаю, что

---

* *Потеряешься (нем.)*

С.Д. очень талантливый юноша. (Впрочем – юноша ли?). Но вот основное впечатление по существу: она показалась мне «скифским» произведением, написанным через 10 лет после «Скифов». И это очень чувствуется. Ведь для нас «Октябрь» был не только «белый снег», но и «черный вечер»; и «ветер, ветер на всем божьем свете»[20]. А у С.Д., через 10 лет, черный вечер забыт; у него даже рыночная торговка радуется празднику Октября. Так и должно быть: через десять лет мы «героизируем» пережитое. Большевики через десять лет сделали из Октября слякоть; даже Невский теперь – не «Проспект 25-го Октября»[21], а просто «Октябрьский проспект» (чувствуете разницу?). Был у них Будённый; теперь им надо было бы именовать его Обыдённый. По контрасту хочется закрыть белым снегом октябрьскую грязь и обыденность; отсюда – «День». Но это лишь героизация Октября, а не Октябрь. Последний раз навсегда закреплен в «Двенадцати», в «Христос воскрес!».

———

Пишу Вам, милый Борис Николаевич, все это, а из головы нейдет: как и что Вы теперь? Не писал бы всего этого письма, если бы С<офья> Г<итмановна> не успокоила меня, что волнуемся мы post factum, что Вы уже поправились. Напишите, голубчик, поскорее хоть небольшое письмо; большое буду ждать от Вас «с обратной оказией», которая ведь будет еще только через месяц.

———

5/IX

Дописываю это письмо дома в Царском Селе и сегодня же отдам его С<офье> Г<итмановне>, которая завтра уезжает в Москву. Кстати о «Москве»: вчера прочел в «Жизни Искусства» (есть такой жалкий желтый журнальчик) рецензию о «Москве» некоего Горбачева[22], – одного из стаи славной марксистско-ленинских ворон. Бездарность он плоская, не понимает ничего. Очень понравилось мне в его рецензии суждение, что «Москва» написана для нэпманов, ибо дает им картину уюта былой жизни[23]. До чего верно и тонко подмечено!

Ну – пора ставить точку. Привет Москве и москвичам, а особенно Кучину и кучинцам. От Варв<ары> Ник<олаевны> и от меня – сердечный привет Клавдии Николаевне; короткая встреча наша оставила по себе желание видеться еще и еще.

Крепко обнимаю Вас, дорогой Борис Николаевич; твердо надеюсь, что ответ Ваш будет утешительный, и тем более с нетерпением жду его.

Ваш всегда и сердечно Р.Иванов.

[1] Ответ на п.163.

[2] Письмо написано до получения п.164, в котором Белый описал происшедший несчастный случай.

[3] Видимо, Белый предупреждал о небезопасности Арбатской площади в Москве как транспортного узла.

[4] С.Г.Спасская (Каплун).

[5] Текст написан химическим карандашом. «Комнатушка в Питере» – в доме 20 по Чернышеву переулку (кв.50), где проживал до своей кончины отец Иванова-Разумника В.А.Иванов.

[6] Кто именно здесь подразумевается, неясно; «васильеостровский старец», судя по приводимым параллелям, ассоциируется с кругом оккультистов-теософов и, определенно, связан с Б.А.Леманом. О М.А.Эртеле см.: *НВ*. С.76-87. Павел Николаевич Батюшков (1864 – ок.1930) – теософ, научный сотрудник библиотеки Румянцевского музея; см. о нем: *НВ*. С.65-76. Пауль Юлиус Аугуст Мёбиус (Möbius, 1853–1907) – немецкий невропатолог, изучал с точки зрения невропатологии характеры гениальных людей (Руссо, Гете, Ницше, Шопенгауэра); Белый упоминает о его трудах в комментариях к своей книги «Символизм» (М., 1910. С.461).

[7] Имеется в виду 6-я главка гл.3-й «Московского чудака» (Андрей Белый. Москва. М., 1990. С.139-141).

[8] Восходящие к «Дон Кихоту» Сервантеса мифологизированные образы возвышенной, прекрасной Дульцинеи и низменной, грубой Альдонсы, являющей собой «земную» испостась Дульцинеи, многократно обыгрываются в творчестве Ф.Сологуба и наиболее развернуто ин-

терпретированы в статье «Мечта Дон-Кихота (Айседора Дункан)» (Сологуб Ф. Собр. соч. Т.10. Заклятие стен. Сказочки и статьи. СПб., «Сирин», 1913. С.159-163). См.: Багно В. Дорогами «Дон Кихота». М., [1988]. С.400-405.

[9] Кооперативное издательство, возникшее в 1926 г. на основе бывшего издательского товарищества «Помощь учащемуся миру» (ПУМ), действовало до 1929 г. (заведующий – Н.Н.Некрасов).

[10] Имеются в виду комментарии к Сочинениям М.Е.Салтыкова-Щедрина в 6 томах (М.; Л., ГИЗ, 1926–1928).

[11] См. п.131, примеч.4.

[12] См. примеч.5 к п.155.

[13] В архиве Иванова-Разумника сохранился развернутый план (6 машинописных страниц) статьи «Москва», с датировкой: 1926 (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.79); текст подготовлен к печати В.Г.Белоусом.

[14] См. п.161, примеч.6. Неправленный машинописный текст пьесы «Петербург» сохранился в архиве Белого (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.19), по нему пьеса опубликована Дж.Мальмстадом (см. примеч.8 к п.143); автограф с правкой (сохранившийся не полностью и в дефектном виде) – в архиве Иванова-Разумника (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.3. Ед.хр.25).

[15] Речь идет о перепечатке текста «берлинской редакции» воспоминаний Белого «Начало века», которую осуществляла В.Н.Иванова.

[16] 25 августа 1926 г. в Ленинград пришел гигантский трансатлантический пароход «Кап-Полонио» с 347 туристами: «За много дней до того, как пароход пришвартовался к берегу, газеты были полны им. Сейчас его странное романское имя не сходит с уст. За любым обеденным столом рассказывают о его чудесах. О двусветных столовых. Бассейне с морской водой для купанья. Оранжереях. Гимнастическом зале. Кают-квартирах. Дансингах. Цветочных магазинах. Джаз-банде. Типографии. Книжном магазине. Каюте для собак со штофными обоями. Сейфах для драгоценностей. Пальмовом парке в мраморном зале. Специалисте-художнике для разрисовки женских колен» (Тур. Стальной Жан-Поль // Ленинградская правда. 1926. №197. 28 августа. С.1). Из прибытия парохода стремились извлечь пропагандистский эффект: «Туристы из Южной Америки прерывают на несколько дней свое путешествие, чтобы увидеть и узнать советскую страну, это небывалое и непонятное чудо, о котором они слышали столько фантастичного. <...> И если через рогатки буржуазной косности, через стены капиталистической печати и ненависти пробьется хоть кусок правды о СССР, – и в этом польза. Интересно, что прибытие из Южной Америки “Кап-Полонио” почти совпало с признанием СССР одною из южноамериканских республик – Уругваем. Последнее звено блокады тонет под килем океанского корабля “Кап-Полонио”» (Б.О. Первые 347 // Там же. №195. 26 августа. С.3).

[17] «О жизни» – философский трактат Л.Н.Толстого (1887); в России был издан в полном объеме в 1913 г. – в составе тома 13 Собрания сочинений Толстого (издание П.И.Бирюкова).

[18] Пьеса О.Д.Форш по повести-легенде Н.С.Лескова «Скоморох Памфалон» (1887) к тому времени не была завершена – либо существовала в первоначальной редакции; новый стимул этому замыслу дало общение Форш с М.Горьким в Сорренто в конце 1927 г. (см.: Форш О. Из переписки с Горьким // Звезда. 1945. №2. С.105), однако пьеса не была закончена ни весной 1928 г., как Форш обещала Горькому, ни в 1931 г. – согласно новому сроку, указанному ею в письме к Горькому от 30 ноября 1930 г.: «...в наказание вам, что неосновательно попрекаете “Памфалоном”, вручу-ка я вам весной рукопись в 10 картинах с балетными и цирковыми нумерами <...>» (*ЛН*. Т.70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963. С.609. Публикация Е.Г.Коляды. В публикации письма – неверное прочтение: «Памфлетом» – вместо «Памфалоном»). Замысел был осуществлен О.Д.Форш в существенно измененном виде много лет спустя – в пьесе «Живая вода» (1960). См.: Тамарченко А. Ольга Форш. Жизнь, личность, творчество. Изд.2-е, доп. Л., 1974. С.366-373.

[19] Вероятно, речь идет о первоначальной редакции поэмы «Неудачники» (М., 1929), над которой С.Д.Спасский работал в 1925–1927 гг. (см.: Из писем Б.Пастернака к С.Спасскому / Комментарий и публикация В.Спасской // Вопросы литературы. 1969. №9. С.165-166); Белый познакомился с этим произведением, когда жил у Спасских в Ленинграде в мае-июне 1926 г. Чтение у Иванова-Разумника состоялось, по всей вероятности, 18 августа 1926 г.; этим днем датирована дарительная надпись Спасского на его книге стихов «Земное время» (М., «Узел», [1926]): «Федору Кузьмичу Сологубу с глубоким уважением и любовью к его творчеству Сергей Спасский. 18 VIII 1926 Детское Село» (Библиотека ИРЛИ; шифр: Бр.484/5).

[20] Обыгрываются первые строки поэмы А.Блока «Двенадцать».

[21] В 1918–1944 гг. Невский проспект официально именовался проспектом 25 Октября.

[22] Георгий Ефимович Горбачев (1897–1938) – критик и литературовед, один из идеологов «напостовства», член РАПП. Имеется в виду его статья «Новости русской литературы» (Жизнь искусства. 1926. №35. 31 августа. С.7-8).

[23] Имеется в виду следующий пассаж из статьи Горбачева: «Если <...> слишком утомительно беловское игрушечное <...> словотворчество и нудное и разжиженное мистико-эстетологическое чревовещание, – то все же зато, если хорошенько вчитаться, каким хорошим довоенным интеллигентским уютом пахнет со страниц "Московского чудака" и как много поучительного о воспитании детей и вреде житейской непрактичности почерпнет из этой книги почтенный отец почтенного советского семейства!» (С.7).

166. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
9 сентября 1926 г. Детское Село – Ленинград[1].

9 сент. 1926. Ц<арское> С<ело>.

Дорогой и милый Борис Николаевич,

вот и второе письмо, которое попадет в Ваши руки одновременно с первым. Не успел я сдать его С<офье> Г<итмановне>, как в тот же вечер Спасские пришли к нам вместе с неожиданным гостем – милым Алекс<еем> Серг<еевичем>, который провел у нас вечер, передал мне Ваше письмо и два томика «Москвы» (– большое, большое спасибо! – Экземпляр Пинеса уже передан ему), и рассказал нам о Вас и Вашем житье.

Слава Богу, что трамвайная катастрофа кончилась сравнительно не катастрофически; слухи, дошедшие до нас, были значительно тревожнее. Но все же – и случившегося более чем достаточно. Вот уж подлинно была «Москва» под ударом! Теперь от души отлегло, готов шутить; не до шуток было Вам, – да и всем нам в дни неопределенного ожидания известий.

«Москву» читаю и еще много раз буду читать; мне все же хочется немного поработать над нею, – не для печати, конечно, а для самого себя. Буду урывать для этого свободные минуты. Первое впечатление от романа не только не потускнело, но еще усилилось от пристального чтения. А совсем по другой линии – чувствуешь, читая, воскрешающую силу трагедии и омываешь ею душу. Душа теперь грязная, пыльная, занесенная сором мелочей; всем нам, не одному Коробкину, горилла выжгла глаз и засунула в рот тряпку[2]. И что же: «– Ты – победил»[3]. Конечно, да. Связанный, с кляпом во рту, чувствую себя победителем (не себя, Р.В., который погибнет, конечно, в обезьяньих лапах, а то в себе, что переживет меня), чувствую, что «наша победа всегда впереди» (как сам писал когда-то)[4]; но чувствую в то же время, как запылилась душа, как слякоть житейская забрызгала ее. Иной раз страшно станет: не отмоешь! И берешь тогда скорее Толстого, Пушкина, Блока; недавно так перечел я «О жизни» (– почти никем не замеченная, удивительная книга). В таком настроении духа пойдешь на «Гамлета» с Чеховым – и выйдешь просветленный. Если бы жил в Москве – часто бывал бы на «Гамлете».

Такое же впечатление – от смерти Трапезникова. Я мало знал его, лишь несколько раз встретился с ним у Вас на Садовой[5] – кажется, в 1919 году; молчаливый и ушедший в себя, он чем-то был очень близок. О смерти его я узнал дня за три до Вашего письма от приехавшей из Москвы одной из кузин Варв<ары> Ник<олаевны>, которая служила по музейному делу еще при Тр<ифоне> Г<еоргиевиче>. (С этой же «кузиной» встретился у нас и Ал<ексей> Серг<еевич>: оказались знакомы по Москве, – тесен земной шарик!). Так вот этот посторонний человек с таким теплым чувством говорил о Трапезникове, что на душе теплело. Подробности его смерти еще более усилили это чувство. Ну как же не победитель Трапезников в своей никому не ведомой мюнхенской могиле, и как же не побежденный Ленин в своем московском мавзолее! Бедный, побежденный историей человек, которому только и остается переворачиваться в гробу, видя, *как* осуществляет жизнь его былые идеалы! И насколько зна́чимее Ленина будет Тр<ифон> Г<еоргиевич> – не на весах истории, а на других, более страшных весах.

Милый Борис Николаевич, никогда я так ясно не чувствовал всего ужаса «исторического успеха». Внешняя победа, обращающаяся во внутреннее поражение, тем-то

и ужасна, что она – драма, а не трагедия. Большевики, победившие внешне и разложившиеся внутренне, – какая издевательская усмешка истории! И Вы знаете: в конце концов к Мандро начинаешь чувствовать жалость – именно тогда, когда он насилует дочь[6], именно тогда, когда он подвергает пыткам профессора. Эта жалость к горилле – один из показателей значительности «Москвы».

Как и в прошлом письме – меня прервали, и дописывать приходится в Питере, наспех. Первое письмо взято от С.Г. и вместе с этим передается Алекс<ею> Серг<еевичу>, которого сегодня вечером увижу у Дм<итрия> Мих<айловича> Пинеса.

Так как вряд ли можно теперь рассчитывать на скорые оказии, то писать буду Вам отныне и почтой (по указанному новому адресу: Салтыковка – Кучино), а от Вас, милый Борис Николаевич, рассчитываю получить и «оккаэиональное» письмо – при обратном проезде через Москву супругов Спасских.

Крепко обнимаю Вас; столь же радостно было бы мне попасть в милое Кучино теперь, как и в апреле.

И еще один перерыв и еще нового цвета чернила: заканчиваю письмо в третьем месте, чтобы еще раз пожелать Вам полного выздоровления и всяческой бодрости – душевной и телесной.

От всего нашего дома – привет и привет; Клавдии Николаевне не передаю его через Вас, так как раздобылся клочком бумаги и могу сам написать ей несколько слов.

Еще раз обнимаю. Не забывайте!

Крепко любящий Вас Р.Иванов.

[1] Ответ на п.164.

[2] Имеется в виду кульминационная сцена романа «Москва» (ч.2, гл.3, главка 22) – истязание, которому Мандро подвергает профессора Коробкина (Андрей Белый. Москва. М., 1990. С.354-356).

[3] Цитата из «Москвы» (Там же. С.357).

[4] «Ибо наша победа – *всегда впереди*» – заключительная фраза статьи Иванова-Разумника «Социализм и революция» (июнь 1917 г.). См.: Скифы. Сб.1. [Пг.], 1917. С.309.

[5] В квартире на Садовой Кудринской (дом 6) в Москве Белый жил с февраля 1918 до мая 1919 г.

[6] См.: Андрей Белый. Москва. С.289-293, 296-300 (ч.2, гл.2, главки 19, 21, 22).

167. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
24-29 сентября 1926 г. Кучино[1].

Кучино. 24 и 25 сентября 26 года.

Дорогой, близкий Разумник Васильевич,

как порадовало меня Ваше письмо; как важно для меня с Вами перекликаться; не хочется только перекликаться «*писульками*»; всегда это – случайная записка, почти отписка, когда обнаруживается оказия-экспромт послать вот сейчас, вот сию минуту письмо; и «*сию минуту*» всегда превращается в Дамоклов меч, повисающий и связывающий мысль, уста, руку. Поэтому, узнавши, что Спасские будут проездом у меня, я откровенно беру не почтовый лист, а писчий, с мыслями, что напишу Вам письмо большое; и одновременно без всяких мыслей о «*мыслях*» письма; напишу, что напишется; может – сериозно, может – нет; дело не в этом, а в жесте к Вам обратиться; и непредвзято сказать Вам «*что бы то ни было*» (сериозное, так сериозное, шутливое, так шутливое); почти ни к кому у меня нет жеста обращения: желания «*поговорить*» в письме; а к Вам – я всегда протянут; Вас я не боюсь; и из-за этой протянутости Вы простите заранее глупости полумыслицы, а может и недомыслицы, которые, вероятно, будут содержанием этого письма; как с живым человеком сидишь за чаем и чув-

ствуешь не мысли, а уют сидения вместе (встают полуслова и из полуслов вылупляются эмбрионы тем беседных, то глупых, то сериозных, но всегда интерферирующих, где глупость вылупляется из сериозности и сериозность из глупости), – так и я чувствую себя за этим письмом: чувствую уютно, нараспашку, за «*чайком*»; и это-то рождает стиль безответственности, болтовни; он заранее смущает меня; вместе с тем он есть выражение доверчивой моей протянутости (уверенности, что – не осудите); доверчивость же – негативное выражение *позитива* моей любви к Вам.

Мало кому пишешь: не хочется; потребность общения – остается; когда представляется редкий случай писать, то и хочется писать «*метко*» (*хоть редко, да метко*); «*метко*» – не в смысле содержательности: в смысле простора – количества бумажных листов; вот и сейчас: чувствую, что разъедусь количеством строк, в ущерб качеству; но «*ущербности*» не боюсь, раз в ней – жест приязни.

Пишу Вам, овеянный золотой осенью из прогулки; мы с К.Н. только что вернулись из леса; жаль: Вы – Кучина не знаете; когда жили у меня, была слякоть, мразь, скользь: самое тусклое время, когда природа занавешена ни зимним, ни весенним, ни даже осенним, а черт знает каковским туманом; есть, между тем, в природе Кучина что-то бодрящее; есть невыразимые полянки в лесу, – проглядные до... до... тайного трепета духовной жизни природы; в эту пору и в прошлом году, как и в этом, прогулка для нас с К.Н. – всегда ворох новых узнаний, и важных, и трепетных: о жизни природы; хочешь подгляды перевести на язык слова, – и говорить о стволах, мхах, травинках и листиках; словом – невнятица: всё – полумысли (не для бумаги); и в них – загрунтованные материалы моральной и умственной жизни; «*в багрец и золото одетые леса*»[2] говорят не о «*золоте*» леса: «*золоте*» бывших культур, иногда – иерархий. В 18-ом году мы с К.Н. жили под Троицей, у Черниговской Божией Матери[3]; вечерами гуляли по тропке лесной, над канавкою; и – все хотелось играть: мы с К.Н. идем не по тропке, – по линии времени, не над канавкой, над кряжем культур; та тропка стоит рядом крупных узнаний, осевших в «*Кризисе Культуры*» и в «*Кризисе Сознания*»[4]; природа Сергиева Посада как бы приоткрыла какую-то тайну культуры; и в частности: весь последующий интерес к теме «*готика*», «*средневековье*» во мне прорастал из подглядов в таимое нечто природы на тропке лесной: над канавкой; «*канавка*» – культура; она – есть продукт упаденья, когда она стала; не ставшая культура есть «*со-весть*», «*сокличие*»: «*духовная социальность*»; а окаменевшая, она – только «*по-весть*»: о бывшем, потухшем.

В прошлом году мы с К.Н. восхищались листочками; осень прошла в радостях о сухих листьях: «*сухие листья*» зимой мне открылися в теме «*История становления самосознающей души*» человечества[5]; вернее: «история становления *моей* самосознающей души»; и это – невнятицы кучинских листьев.

Теперь – снова осень; и снова глубоко взволнован глаголом «*невнятицы*», заревом листьев: радугой листьев; и – жду с благоговением перед мистерией откровения природы человеческому «*Я*», чем выговорятся в зиме дары и блага природы[6].

Только тема листов в этом году для меня иная; в прошлом году мы с К.Н. сосредоточили все внимание на «*историю засыхающего осинового листа*», а в этом году судьбе было угодно подкинуть нам «*вишню*»; как в прошлом году мог бы написать трактат: «*Осиновый лист*». Так теперь есть что сказать о «*вишневом листе*»; может быть, скажу вторым томом «*Москвы*»; ведь первый том «*Москвы*» в его окончании есть история рассказа о том, чем прокричал мне один осиновый листик, подобранный в полях; я его положил на письменный стол; и пристально вглядывался в него: сочетание красного (кровь) с черным крапом; черное оказалось *ночью*, а *красное* – кровью Коробкина; «*Страсти Коробкина*» есть песня, пропетая над осиновым листиком (К.Н. его спрятала, как память о «*Москве*»)[7]; не знаю, чем пропоет во мне «*вишня*»; и – волнуюсь ожиданием.

Не смейтесь: вопросы о «*вишне*», «*осине*» суть для меня живейшие, злободневнейшие вопросы (почему в этом году «*вишня*», а не «*осина*»?); злоба дня «*природы*» становится все более и более для меня значимой; не «*культурою*» современности я волнуюсь, – «*природою*» Кучина, одним уголком ее; и сознательно эти волнения для меня значимее вопроса о том, чем скажется 15<-ый> съезд партии, который висит на носу[8].

Невнятица!

Пытаешься прочитать невнятицу: спрашиваешь себя! Почему в один период жизни интересуешься, например, закатами (мои домыслы об оттенках закатов когда-то В.Иванов назвал «*закатологией*»), в другой период интересуешься облаками, в третий – цветами; в четвертый – сухими листьями; есть, по-видимому, логика этих интересов, и нам пока она закрыта. Я знаю лишь, что сухие листья прекраснее, воздушнее, переливнее самых ярких цветов при всей видимой погашенности чистоты цвета; из этой погашенности материи цвета вспыхивает радуга оттенков, переливов, которыми не нарадуется взор; только «*глаз*» для разглядения всего этого нужен; цвета и краски увядания тоньше, воздушнее, колоритнее; они требуют иногда долгого процесса разглядывания; между тем: окраска цветка, так сказать, грубо ломится в глаз: она, так сказать, кричит благим матом: «Я – красный цвет; я – голубой». В засыхающем листе моей вишни нет прямого красного, желтого, лилового; есть *то*, *другое*, *третье* – в колорите, в «*со*», в «*культуре*»: есть «радуга»; цвета увяданья суть – радужности, световоздушности; цвета цветенья – земля и влага, т.е. нечто осязаемое, более грубое, замкнутое, ограниченное; здесь цвет дан, как *форма*; цвет листа сухого; не краска, а свет цвета, содержание формы, дух души; вот – слово: цветок – душевен; а красота завяданья – духовна; отсюда – невыразимая прелесть моих сухих листьев.

Подумайте: это – процессы смерти; это – знаки умирания; но в знаках умирания этого – вспыхивает заря невыразимой радости от воскресения будущего, в будущих перевоплощеньях; то, чем звучит весенний цветок, есть настоящая, предстоящая, земная красота; и тем – ограниченная формою: определенно кричащим цветом; то же, чем звучит засыхающий лист, есть провидение будущей красоты будущих природ будущей формы вселенной; засыхающий лист – заря оперений природы эпохи Юпитера, может быть[9]; и нужен возраст, предрасположение к мудрости, чтобы предпочесть яркому цветку сухой листик.

Все это дается с возрастом; думаю, что мне, 45-летнему, самим возрастом дана радость видеть в засыханиях смертных лепет пробуждающейся духовной жизни; и – потом: лист ведь* низшая стадия цветка; лист, умирая осенью, рассказывает о содержании будущей своей формы жизни, когда он явно станет цветком; цветок – исполнение прошлого; его краска – итог былых стремлений; засыхающий листик – обетование о будущем совершенстве; в жизни каждого засыхания есть один момент, когда разложение смерти не наступило, а отрыв от жизни уже бесповоротен; и этот момент, когда подглядишь его, вызывает крик восхищения; закрепить этот оттенок засыхания невозможно; сорванный листик в этом миге его жизни в Духе не сохранишь; оттенки его доблёкнут между листов книги, и через 5 месяцев он будет не тем, чем ты его видел; но все равно: нет сил не принести его; и вот мы с К.Н. каждый день приносим ворох *закатов*, *обетований*, *красок*, каких не знают самые изысканные художники, чтобы – досмотреть: в этих *досмотрах* – игра, забава переходит в своего рода молитвы и медитации; не сразу делается понятным, почему д-р Штейнер в «*Тайноведении*» среди медитаций рекомендует медитацию над зерном (прорастанием), над кристаллом и над явлениями увядания[10]; это – не произвольно. Лишь с годами открывается *действительность* этого совета: углубляться в культуру природных царств, – именно потому, что цвета, жилки листика, его форма есть *культура дух<овного> мира*.

В человечестве же процесс подхода к природе, как символам жизни иерархий, как к шрифтам книги, ими написанной, – в человечестве такой подход совершается рядом этапов; так, по д-ру Штейнеру, в 17-ом веке механицизм (Декарт, Спиноза) возник из сознания необходимости «*выграничить*» природу из сферы духа; метод ограничения природы и был метод разглядения ее, как механизма; спасали *sui generis* нерв духовной жизни, заключая природу в методологическую оправу: в механицизм; в 18<-ом> веке выдохся символизм такого ограничения; и природу в прямом смысле поняли механически; в 19-ом веке в борьбе против односторонности такого понимания осознали критически проблему культуры, стоящей отдельно от природы и осознаваемой при помощи других методов: науки об индивидуальном – науки о культуре; так гласит Фрейбургская школа[11]; науки о всеобщем – науки о природе; знак этого разделения целого на природу и культуру есть методологическое преодоление в двойственности методологического монизма; его – смысл ясно сознать, что, когда я на-

* *В автографе*: весь

блюдаю общие процессы обстающего многообразия, я прихожу к законам природы; природа есть все, взятое под знаком «*общего*»; и социология, поскольку она об общих законах соц<иальной> жизни, – наука о природе; она – механика; она – эконом<ический> материализм; материализм и есть итог схоластики; он – абстракция из всех абстракций; всё – материя; но это значит: все краски стерты, все звуки – беззвучны; подо всем – бескрасочная, беззвучная, единообразная серо какофонирующая во веки веков *вибрация*; так мы изучали ботанику: на спиртовых препаратах.

Когда же я наблюдаю процессы обстающего в их *действительности*, я вижу индивидуальное *это* вот, *то* вот: неразложимые комплексы единственностей: индивидуумы; и это – объекты культуры. Такими объектами по Риккерту-Виндельбанду-Ласку[12] являются объекты истории, искусств, «*культур*». Лес, лист – не суть эти объекты.

Следующий шаг – понять, что в действительности лес состоит из деревьев, деревья – из листов, где каждый листик – единственность, неповторимость; увидеть его можно лишь особым опытом наблюдения: понять, что травинка, листик, отросток моха суть произведения *культуры*, не отличающиеся от полотен Рубенса и Рембрандта; увидеть это фактически не так легко; для этого надо упражнение с *вниманием*; упражнение это и рекомендует Доктор. Итог его: нет двух деревьев, нет двух листов; все – единственности, перлы красоты; нет в природе природы, а – *культура*; «*общий закон*» в этом взгляде на природу требует отсутствующую пока поправку на «*данный случай*»; закон общий – в данном месте, на данном дереве, в данном листе.

А где у нас в учебниках зоологии, ботаники эти «*данные*» случаи? Их – нет, и не может их быть; метод естествознания – метод моделей, схем; а как ни усложняй схему, она не переводима в образ; чтобы понять закон в образе, *закон* в индивидуальном, надо понять проблему природы, как культуры; и из законов рассмотра культур черпать узнания о ритме химического процесса внутри листа; нужно сделать в философии культуры еще шаг вперед: мало сказать, что проблема культуры есть всегда проблема «*духовной культуры*»; в таком признании мы способны лишь построить «*философию культуры*»; но переход от проблемы культуры к проблеме природы, как культуры, предполагает определение природы, как культуры среди культур, предполагает и признаки этой культуры опознанными; переход от культуры к культуре природы, понятой, как культура сознания, и есть переход от философии культуры для меня к «духовному знанию».

Мой разговор со школой Риккерта начинается в лесу перед листиком; взявши листик и добившись признания, что он не уступает в красоте стихотворению Блока и что формальные признаки стихотворения (архитектоника, ритм, композиция) соблюдены в архитектонике листа, в композиции его пятен и т.д., я делаю вывод: Риккерт – прав, утверждая индивидуальность культурного продукта; но где же пресловутое «*всеобщее*» в этом вот листике: второго такого нет; он – чудо из чудес; «*всеобщее*», или «*природность*» этого кусочка природы, лишь в голове природолога, прилагающего схему развития листа к развитию *этого именно вот*; *этот именно* лист – отступает от схемы; схема его накрывает лишь в одной грани; а во всех прочих своих гранях, недоступных наблюдению ученого (например, в грани эстетического его воздействия на меня), – он не «*природа*» природы Риккерта; такой природы, какую выдумал механицист и какую вслед за ним* признал Риккерт, противопоставив ей «*не-природу*» (культуру), – и нет вовсе в природе, которая была, есть и будет социальным организмом индивидуумов, а не формой, в которой** себя изживают «законы всеобщего». Для меня каждая прогулка по лесу – не «*всеобщность*», а действительность индивидуального общения с индивидуумами листьев, с культурою, которая духовна.

Философия культуры – отказ от возможности жить в ритме с явлениями так называемой «*природы*»; я же знаю, что отказ этот предвзят; непредвзято расслышать его – сделать шаг: от философии культуры к природе духовного знания.

Медитация над кристаллами, зерном и сухим листом – есть введение к будущему возможному естествознанию: к естествознанию от «*культуры*», которого мы, антропософы, волим в противовес естествознанию от «*механической вибрации*»; здесь *природа и культура* по-новому воссоединяются в высшей форме опытности, отсутству-

---

* *В автографе*: за ней

** *В автографе*: в которых

ющей и у соврем<енного> «*естественника*», и у соврем<енного> «эстетика-формалиста».

Видите, куда меня заводит «листик»? Простите, дорогой Раз<умник> Вас<ильевич>, за это излияние, за болтовню и «философичность»; но она – от леса, в котором сегодня гуляли; и от листика вишни.

Дорогой друг, – не воспринимайте моих слов, как дотошного гвозжения «*догматом*» духовной науки; что ж делать мне, если абстрактно воспринятый некогда тезис «*натурфилософии*» Штейнера и оштейнеризированный гетизм приносит мне теперь конкретные и неожиданные плоды, врываясь в лесные прогулки и благодетельствуя летучими, но драгоценными опытными узнаниями; верьте мне, что мое бескорыстное наслаждение сегодня листиком, вчера – коктебельским камушком непроизвольно переходит от «*Anschauung*» (созерц<ания>) в Erfahrung (опыт); 3 месяца жизни с камушками[13] отложились в методе подхода к слову в «*Москве*»; то, что я проделывал с камушками, я потом стал проделывать со словом; из 126 «*коробочек*» с камнями (каждую я организовал по оттенку) сложился проф<ессор> «*Коробкин*»; «*осиновый листик*» разрешил чисто моральную тему; и теперь, когда Вы в письме мне охарактеризовали впечатления от «*Москвы*», как «*трагическое просветление*», – Вы меня несказанно порадовали; я и не смел думать, что «*просветление*» случится из так-то и так-то положенных сценок, фраз, слов; конечно, – я его «*волил*»; и если бы не было хоть привкуса просветления, цель, тенденция к написанию «*Москвы*» провалилась бы; провалилась бы и «*Москва*», и год работы над ней; Ваши слова – мне поддержка: я, значит, если и не попал в цель, то оказался где-то «*около цели*». А ведь «*оцелил*» мне конец перв<ого> тома «*Москвы*», т.е. весь первый том, – листик: *моральное* восприятие красочных пятен на листике; то, что я увидел в них, по гносеологии Штейнера и есть природа «*природы листика*», т.е. связь запевающих светов его с тайнами солнечной, архангелической сферы; ведь с точки зрения дух<овного> знания то, что я силюсь подчеркнуть в разнице восприятия явлений «*весеннего произрастания*» от «*осеннего увядания*», сжато в тезисах гельсингфорсского цикла «*Связь иерархий с царствами природы*»[14]; там сказано, что весной нам доступнее духи воды, а осенью – духи воздуха и огня; это – в плане стихийно-земном; а в плане духовно-космическом это значит, что осенью с явлениями увядания, *сгорания природы – в ауре огня* (а окраска сгорающих листьев есть именно аура огня) встают нам сигналы солнечной воздухо-огненной культуры архангелов; это может годы звучать абстрактной схемой, не узнаешь, не проверишь это в малом масштабе; не на огромном горне миров, а на искре, упавшей на краюшек листика, подглядишь это; и тогда нечто конкретно откроется в уразумении того (и вместе в процессе эстетического влюбления), как в опыте и нам доступны подступы к *точной проверке* основ дух<овного> знания; это уточнение проверки – в развитии ритмов морального восприятия мира красок и природных форм, как жестов ритма («*открылись вещие зеницы*»)[15]; тогда по-новому открывается отрывок теории света Гёте, озаглавленный им «*Чувственно-моральное восприятие краски*»[16]; нет, – в пристальном разгляде, в упражнении *внимания* над звуками и красками природы – совершенно точный новый опыт, к которому и приглашает доктор и в «*Тайноведении*», и в «*Как достигнуть*», предлагая гимнастику упражнения внимания в восприятии явлений *произрастания* и *увядания*; это – не вялая теория, а приглашение к тому, что в конце концов приводит к изумленному вскрику: «*открылись*» (пусть «*полуоткрылись*» лишь) глаза в глазах (или «*зеницы*», по выражению Пушкина): опыт еврейских пророков, опыт Пушкина, опыт Штейнера, в моем полу-полу-полу(1/2 1/2 1/2 и т.д.)-подгляде пересекаются; и говоришь себе: «Какая радость: я, кажется, начинаю конкретнее тут понимать: методы нового естествознания, in spe* и мне проступают – пусть неясно, пусть путанно: но – да, да, проступают!»

Тогда открывается смысл Гётева афоризма: «*Поэзия – зрелая природа*»[17]. Т.е. «*природа*» – не зрелая природа; «*зрелая природа*» есть то, что сперва в природе восприятия ускользает от нас; когда же опыт развития восприятия снимает с глаза катаракт, то зреет и природа вокруг; оказывается, – она – культура дух<овных> существ; и знаешь, «*как она – культура*»; а когда пытаешься передать это словами, – лепечешь бессмыслицу.

---

* *в зародыше (лат.)*

24 Зак. 3782

Примите эти слова мои не как схему, не как «*антропософию*», а как изумленный неосмысленный лепет из вороха огневеющих вишневых листьев, разросшихся, каждый, в моем восприятии как великолепный, сквозящий дух<овным> светом витраж нерукотворной готики; осень – это готика природы; «*увядание*» здесь – готический стиль: вытянутость поз, фигур, гиератичность складок; первое восприятие «*готики*» после цветущих античных форм: «Какая скука, какая мертвость! Где красота Праксителя, где прекрасное человеческое тело, какой-то сухой крючок!» Так говорили до Ленуара[18], начавшего собирать в эпоху фр<анцузской> революции памятники готич<еской> культуры; и из этого музейного собирания выросло новое понимание готики: тело – ненормально вытянутый, мумиевидный стрючок, потому что оно излилось в эфирную ауру его освещающего витража и его озвучняющего органа; витраж – сгущающееся облачко будущих красок: через 3 столетия, осев на полотно, оно – Мадонна Рафаэля; через 5 столетий оно – фуга Баха. «*Бах + Мадонна*» – согласитесь, что это больше, чем Венера Милосская.

И я переживаю осень, увядание, смерть природы – юнее, бодрее, радостнее и воскресней весны с ее явными цветами, немного «*глупыми*», слишком «*явными*» по сравнению с гаммой тонов, навевающих мне Вам эти глупые слова.

«*Цветок*» и «*лист сухой*» – это немного *à la*: «*Бенедиктов и Баратынский*»: не хочу «*шеи*» Бенедиктова и ищу иную музу с «*необщим выражением*»[19].

Вот этот-то переход от «*общего*» восприятия культур и красот природы к «*необщему*», переход от «*искусства только искусства*» к «*духовному знанию*» и составляет основу моральных моих кучинских впечатлений, о которых так трудно сказать, ибо они не поддаются слову; говоришь о «*листике*», о прогулке по лесу, переполнен сверх меры впечатлением от подсматриваемых «*громад*» ландшафтов, – но язык «*прильпе к гортани*» («И он к устам моим приник и *вырвал грешный мой язык*», а «*жала мудрыя змеи*» еще не вложил)[20]; и – заикаешься; и вот форма этого заикания – апелляция к *природе*, а не к *культуре* (к «*природе*» не в обычном природовоззрительном смысле); что природа – «*культура*», – этого не знает еще современный природовоззритель; что культура – «*природа*», к этому еще не подошел современный культуртрэгер; об этом высшем этапе узнания (о «*природе*» и о «*культуре*») пытался некогда сигнализовать Гёте; об этом же говорил и Руд<ольф> Штейнер; в разрезе понимания этого, как обычной «*натурфилософии*», это наивность; но взятие этого, как императива к прогнозам будущих эстетик и опытов, – чревато грудами открытий в ближайшем будущем, при условии, что метод новой опытной установки объектов природы есть установка их в поле нового органа восприятия: *морального*.

Проф. Воронов[21] привил женские человеч<еские> органы обезьяне, оплодотворил ее человеч<еским> семенем; обезьяна беременна; и Воронов ждет, что она родит «*человека*»; это будет не «*человек*», а, может быть, первое ненормально насильственно втянутое из оттуда в «*сюда*» неизвестное существо; «*ужас что*» вмешивают насильственно в линию рода людского безответственные и бессознательные «*величайшие негодяи*», подобные Воронову; Воронов, может быть, честный и добрый в разрезе малого кругозора; но его фантазия, приведшая его к смешению «*обезьяны*» с «*человеком*», есть «*преступление*», перед которым обычные преступления меркнут. Если в науку в наши дни, теперь, сейчас же не ввести «*моральной*» ноты, если не развивать заблаговременно моральной фантазии в фантазии замыслов научных опытов, то фантазия, которая насильственно увлечет на путь небывалых преступлений моральных идиотов, подобных Воронову (вероятно, в малом разрезе взятый, он – «*добрейшее существо*»), эта фантазия сосредоточится на том, что будут изыскивать способы пересаживать человеческую голову, например, удаву, найдут способы декапитировать вовремя умирающего Бетховена, например, чтобы посмотреть, как она будет себя вести на теле удава. Поймите меня, эта «*наука*», к которой катимся на всех парах, есть уже не «*наука*» в добром старом смысле еще недавнего Гельмгольца[22], а – отвратительная «*гнусь*», «*черная магия*».

Либо «*духовная наука*», либо «*черная магия*». Науки самой в себе, незаинтересованной, «*чистой*», – уже нет; мечтать о ней – жалкая, сентиментальная утопия и незнание действительности: либо культура удавов с бетховенской головою, культура искусственных чудищ (для Франции это уже вопрос первой необходимости: если Воронов вырастит нам «*обезьяно-человека*» сегодня, завтра Франция вырастит армию

«*ското-людей*», дабы Германия не отняла у нее Эльзаса), – да, либо культура чудищ, либо культура «*Манаса*».

В зове Штейнера к «*дух<овному> знанию*», именно к *знанию*, а не к «*вере*», к «*мистике*» и т.д., сказалось знание существа процесса, перерождающего нам в нас самую науку с ее целями. «*Для чего это духовное знание, когда есть вера, – слышишь кругом; знание – бескорыстно, чисто; оно – ни "**духовно**", ни "**недуховно**"; оно – "знание"*!» И хочется сказать: «Слепые: знания такого нет; оно – корыстно, нечисто; в условиях современности его удел – явить удава с челов<еческой> главой; и если вы не хотите "*чудища*", завтра готовящегося пожрать ваших детей и внуков, – сию минуту же *вольте* всем существом конкретно, ищите последними усилиями путей к духовному знанию». Помните, – в удивительной книге «*О жизни*» Толстого, которая для меня одна перевешивает всю сумму написанного Вл.Соловьевым (открылась мне эта книга в 20-м году)[23], – есть место, где Толстой требует, чтобы была наука, контролирующая цели, диктующие восстание к жизни энного рода наук (их столько, сколько радиусов окружности, т.е. бесконечно)[24]; надо знать, какая наука диктуется необходимостью жизни, а какая – нет («*наука*» Воронова не продиктована необходимостью); Толстой указывает, что должна возникнуть новая наука, наука наук, наука «*практическая*», т.е. моральная (в глубоком смысле). Все усилия доктора за последние 10 лет, – не только в выдвигании лозунгов этой Толстым искомой науке, но и в первых, робких попытках прочесть пролегомены этой науки в приложении ее к физике, к химии, к филологии и т.д.

Я не хочу ничего догматически защищать; все опыты *дух<овной> науки* повернуться к «*наукам*», брошенным в безответственный хаос, суть *больше* приглашения к исканию путей, взывающие к максимум<у> активности и революц<ионной> энергии со стороны адептов ее, чем догматические прописи.

Я принимаю *дух<овное> знание* не в прописях: оно де *то-то* и *то-то*, – а в диалектике *необходимости ее создания* ввиду того, что, если в ближайших десятилетиях она не начнет становиться, человечество покатится в невыдирную чащу «*глубин сатанинских*».

Для меня это – факт, внутренно измеренный и взвешенный; если я не буду стараться увидеть в листике культуры архангела Михаила[25], то самый листик будет пожран ужасною гусеницей: природа отнимется; и вместо нее восстанет никогда не бывший препарат существ, подобных вшам, клопам, скорпионам, но наделенных эйнштейновской силой мысли; об этом постараются не одни «*мировые негодяи*»; нет, тысячи «*добродушных*» Вороновых сами будут ломиться на путь величайших преступлений и мерзостей.

«*Омоложение*», «*Штейнах*»[26] – ведь безобидно: а неправда ли, вдруг как-то дурно запахло, потому что – «*для старичков*», чтоб удобней было развратничать; но Штейнах – первая ласточка; за ним Воронов: это – уже сериознее; за Вороновым – тысячи, десятки тысяч умнейших «*чистых*», «*бескорыстных*» ученых, духовных кретинов и дураков, водимых за нос «*мерзавцами*» мира.

Пора же сказать этому: «Нет, нет и нет!» И этот отказ от готовимой мерзи для меня – императив к исканию в сфере дух<овного> знания.

Я знаю, что сейчас – еще период вынашивания первых подступов к точкам своротa отдельных наук в сторону, диктуемую антропософией ли, антроподицеей ли, – все равно; пока еще не выработаны пути новой индукции в новой физике, например; сейчас мы в заданиях к отысканию новой науки переживаем стадию, адекватную эпохе, предшествовавшей появлению Фрэнсиса Бэкона и Галилея (конец 16-го – начало 17-го столетия)[27]. Сейчас мировоззрение обычного ученого – научная, позитивистическая схоластика; ученые – аристотелики в средневековом смысле; только их Аристотель – дух устремления 17-го века с его механицизмом; вспомните, что в XIII веке шествование Аристотеля из Кордовы в Сорбонну и Оксфорд сквозь строй запретов (в начале XIII стол<етия> – церковное запрещение изучения его физики в университетах)[28] было шествованием духа новых исканий: шаг вперед; в XIV веке церковь канонизировала Аристотеля; в 17-ом веке физики-аристотелики уже добивались ареста Галилея; и они приложили руку к костру Джордано Бруно; и – вспомните: дух Пифагора толкнул Кеплера к странной концепции вычисления отстояния планет друг от друга; дух *ритма* и искание гармонии пропорций заставил его подойти к выискива-

нию соотношений между стереометрическими композициями и астрономическими; в сочинении «*Prodromus dissertationum cosmographicarum, continens mysterium cosmographicum de admirabili proportione coelestium orbium*» (1596)[29] Кеплер – мечтатель, пифагорействующий мистик – доказывает: если вокруг Солнца описать шар, проходящий через Меркурия, а вокруг шара опишем октаэдр, а вокруг *октаэдра* – опять шар, то – на поверхности второго шара будет Венера; описав вокруг этого второго шара *икосаэдр*, и в свою очередь вокруг икосаэдра шар, – на окружности этого шара получим Землю; описывая далее, попеременно: додекаэдр, шар, тетраэдр, шар, гексаэдр, шар, – на шарах найдем орбиты Марса, Юпитера, Сатурна. В Истории физики Розенберга про сочинение Кеплера сказано: «*Оно свидетельствует о поразительной способности Кеплера соединять между собою отдаленнейшие явления и открывать отношения, никому не приходившие на ум*»[30]. Сказано верно: 16<-ый> век, конец 15-го, начало 17-го есть эра поразительной способности открывать отношения, никому не приходившие на ум; смелость и непредвзятость, адогматизм, безрассудочность ренессанса некогда складывала то, что потом покатилось по узкоколейным дорогам различных методологий; но то, что ковало рельсы дорог, было противоположно рельсам; оно было широко и непредвзято; и оттого оно игрой своих широт бросало в будущее многие узости, по которым с 18<-го> века покатились фантазии ученых, уже не творцов дорог, а пассивных пассажиров, мчимых фантазиями узкоколеек; «*смелейшая*» научная фантазия соврем<енная> физика – между математикой и химией; химия – между физикой и геологией-кристаллографией; и т.д.; а фантазия Кеплера – между астрономией, «*мистикой*» Пифагора и эстетикой; только широкий охват (*эстетич<еская> композиция стереометр<ических> фигур, дух ритма*, небесная механика) мог привести Кеплера к истоку новой науки; только отсутствующая в наши дни непредвзятость научной фантазии могла сопоставить: шар + икосаэдр + шар – с орбитой планеты (не совпадут ли?); и – совпали! Современные ученые бегут от кеплеровской непредвзятости: «Не совпадут ли?», – потому что они преисполнены уверенности, что, например, ритмические и эстетические критерии «*не совпадут*» с научными; и в этом предвзятом «*не совпадут*» сказывается их «*схоластика*», их «*церковный аристотелизм*», прячущий свою лень и противление духу Пифагора и Гераклита под схоластическим общим местом: «Во времена Кеплера и Галилея был еще доступен отд<ельным> ученым охват группы наук; теперь – научная фантазия обречена вращаться в узкой сфере уже отработанной линии "*от сих пор до сих пор*!"». Но это – фикция: если бы, например, физиологи ознакомились конкретно с «*гипотезой*» эфирного тела, то их осенил бы ряд фантазий в пределах самой физиологии, который вне принятия в поле зрения гипотезы эф<ирного> тела – не пришел бы в голову. А взяв в поле зрения эту «*гипотезу*», – даже я, не физиолог, узнав в связи с моей болезнью (раздавом мышц) несколько истин микроскопической миологии, уже волнуюсь рядом домыслов – не совпадут ли? И – знаю, что, если бы я был спец-«*миолог*», оставаясь антропософом, я мог бы участвовать конкретно в толкании миологии на новые берега, именно применяя всюду метод Кеплера: «Не совпадут ли?». И – представьте: мне прекрасно видится мой путь работ в области миологии, будь я миологом; более того: представьте: моя массажистка, доктор, ученица проф. Корнелиуса[31], создавшего новую теорию в сфере массажа, просила меня дать ей ряд указаний к построению реферата, который она должна прочесть в кружке медиков; от этого реферата зависит ее приглашение на место массажистки в «*Академию худож<ественных> наук*»; пьянисты, писатели, люди науки страдают заболеваниями мышц (застой от «*ученой*» жизни, явления подагры, ревматизма); Варв<ара> Серг<еевна> Марсова – прекрасно лечащая массажистка (она, между прочим, уже 1 1/2 года лечит Шпетта); и – единственная провозвестница школы Корнелиуса в Москве; этой школой интересуются; ее реферат – защита позиции Корнелиуса; и от успеха ее выступления зависит ее приглашение в «*Академию*»[32]. Это – так сказать, официальная сторона; неофициальная (с которой знаком ее медицинский патрон), которая – скрывается: Варвара Сергевна – антропософка; она одновременно: работала у Корнелиуса и была ученицей доктора в Берлине (в 1912–15 годах); и вот – она, массажируя меня, заинтересовала меня эмбриологией и гистологией мышечной системы; дала ряд указаний о существующих тут теориях. И – вот что выяснилось: в области миологии – застой; на жизнь мышц плевали доселе, все явления мышечной жизни предвзято сводя к иннервации[33] (к

заболеваниям и к действиям на мышцы нервов); это «*отведение*» явлений мышечной жизни к жизни «нервной системы» – ничем не оправдываемая схоластика, диктуемая обще-физиологическими, чисто матер<иалистическими> предрассудками; в области мышечной системы довольствуются чуть ли не галленовскими домыслами[34]; словом, – мне открылась картина, господствовавшая недавно в метрике: ряд учебников метрики, утверждающих о стихе *то-то* и *то-то*; утверждения – взяты напрокат в лучшем случае из Вестфаля и Аристоксена[35]; за утверждениями прятался факт: отсутствие опыта непредвзятого описания строки Пушкина, Баратынского. Лишь теперь взялись за «*строку*». Представьте же: в области *миологии* до сих пор не взялись за мышцу, реальную мышцу: за мышцу Бориса Бугаева, страдающую, и за страдающую мышцу Шпетта; жизнь мышцы отводят к нерву с той же логикой, с какой жизнь строки Пушкина проглатывалась до 20<-го> века общими рассуждениями о жизни стиха у древних греков; эти «*древние греки*» мышечной системы – материал<истическая> мода центрировать все к центральной нервной системе; это – *a priori*, идущее вопреки действительности; и это *a priori* создало отсутствие *миопатологии*; такой *патологии* в медицине еще нет; а Марсовой, лечащей мышцы после *переломов*, вывихов, приходится всюду наталкиваться на вопиющую безграмотность отношения к мышце 1) физиологов, подменяющих *миопатологию* невропатологией, 2) хирургов, ощупывающих лишь кости и не обращающих внимания на порванные мышцы, не считающихся с элементарной микроскопической картиной строения мышцы из фибриллей[36], лежащих в оболочке среди мышечной жидкости, являющей химическую лабораторию (выработка гликогена, молочной кислоты и т.д.); от культурной работы жидкой среды мышц зависит наполнение этою жидкостью «*фибрилли*»; а наполнение последней – есть сокращение фибрилли; так как мышца – толпа фибриллей, то – жизнь мышечных сокращений сводима к социальным законам жизни фибрилли; и – вот: возмутительный факт, по мнению Марсовой, в том, что, вместо того, чтобы исследовать зависимость между жизнью фибриллей и мышечной жизнью в патологических случаях, исследуют *иннервацию*; иннервация иннервацией, но зачем же *плевать* на «*фибрилли*»; ведь и желудок иннервируем; но кроме иннервации изучают же явления желудочной жизни и с точки зрения действия желудочных соков. Почему внимание к желудку и плевок на мышцу? Ни почему: схоластика, застой. Нет, кроме схоластики тут есть один факт, входящий в жизнь мышцы и взывающий прямо к «*способности Кеплера соединять между собою отдаленнейшие явления*»; этой способности у соврем<енных> миологов нет, охоты ее развивать нет, и даже есть негласный запрет к развитию здесь способности в виде господствующей моды гипертрофировать «*нерв*»; в результате – ряд фактических болезней мышц, зависящих от ненормальности в соотношениях между жидкой средой мышцы и фибриллями, на которые медики «*нарочно*» закрывают глаза; и – даже: теснят «*чистых*» миологов; Корнелиус, учитель Марсовой, – революционер в миологии в том отношении, что он «*кричит*»: «*дайте жизнь мышце*; *не атрофируйте ее в жизнь нерва*». Но Корнелиус в революции взгляда на мышцу бессознателен; вырывая мышцу из-под догмы «*нерва*», он выявляет неприлично «*мышечный тонус*»; жизнь мышцы выявляема в метаморфозах тонической жизни; норма этой жизни – так называемый «*тонус*»; и – встает попытка научно определить «*тонус*»; В.С. дала мне ряд выписок из литературы о «*тонусе*»; лучшая попытка определить «*тонус*» – Бера[37]; насколько я помню его определения (материала цитат нет под руками), «*тонус*» обусловлен химической жизнью жидкой среды; а механически он выявляется в ритмах сокращения и распрямления фибриллей; но механика сокращений – зависит от перманентной химической культуры; «*тонус*» движений – не в движении, а в паузе *покоя*; в «*позе покоя*»; вывод: схоластика думать, что мышца движется лишь в движении (т.е. получив приказ к сокращению от «*нерва*»); мышца всегда движется: движется, когда и не движется; видимое движение (дан приказ нерва) – лишь суммирование многообразий движений в одну сторону: это отбор из пленума движений; в круге движений вычерчивается, скажем, «Δ»: и я – поднимаю руку; вычерчивается «□»; и я – опускаю; фигуры, обусловливающие движение, даны в круге их; круг – вседвижение, тонус; но круг движений – равновесие их всех – *покой*; учение о тонусе разрушает иллюзию о покое мышцы; покой есть энергия напряжения; он – готовность в любую минуту к какому угодно движению; здоровая мышца – художник, свободно вылепляющий позу руки; больная мышца – ме-

ханизована предрасположением к одному движению в ущерб другому, расстройство мышцы – заминка в выборе движений. Вы видите, что суть жизни мышцы не в *нерве*, а в мышечном тонусе; нерв приказывает: «*Подними руку вверх*»; если бы мышца не была вымуштрована *тонусом* в своей готовности делать что угодно по приказу, то приказ остался бы не выполнен.

Видите, какова роль «*тонуса*»; и понятно, что надо «*тонус*», принятый в научную номенклатуру, определить научно; а научного определения «*тонуса*» нет; миологи определить его тщетно тщатся; и не сдвигаются с условного определения, данного «*тонусу*» еще Галленом; «*тонус*» – мышечная мистика, неприятный «*x*», мозолящий глаза и властно взывающий к пифагорейской «*способности Кеплера*»: к умению смелых сопоставлений; тут охватывает современного физиолога панический страх, и зияющий провал в мышечной жизни он закрывает в заботах об изучении «*иннервации*».

Все это мне стало ясно из разговоров с Марсовой и из поверхностного ознакомления с темой ее реферата; и – главное: ясно увиделось, почему «*мышечный тонус*», как таковой, неопределим: определения его сводятся к выявлению ряда тонусов: химический тонус, тонус покоя, тонус движения и т.д.; «*тонус*» и должен себя изживать в системе определимых тонусов, определяя их всех и оставаясь неопределимым, если не прибегнуть к способности Кеплера, к неожиданным сопоставлениям (пифагорейское число, стереометрическая фигура, орбита планеты – «*не совпадут ли?*» Совпали... Победителей не судят: и до сей поры удивляются «*способности Кеплера*»); мышечный тонус есть жизнь ритма в мышце: не ритм мышечного сокращения, а – ритм этот, приведенный к ритму вообще; мы знаем, что по Липпсу[38] *ритм* есть основное эстетическое понятие; и потому-то определение основного тонуса мышечной жизни, изживаемого в градации мышечных «*тонусов*» (химический, движения, покоя и т.д.), должно искать вне физиологии как таковой: в физиологической эстетике, в неожиданном сопоставлении «*тонуса*» с проблемою ритма. Итог моих многолетних разглядов ритмики выносит понятие ритма из понятия размера: нет ритма *ямба*; в ямбе лишь ощупываемы ритмические элементы[39]; ритм-сам всегда индивидуален, вот этот вот; и схема его – неповторимая кривая, целое всех толчков, не данная ни в одном, но строющая из них всех фигуру (композиция кривой); тот факт, что «*миологи*» со времен Галлена до наших дней бьются над «*научным*» определением данного фактом мышечной жизни «*тонуса*» (но не *устранимого*, но и не *определимого*), – тот факт объясним не узкими законами данной в наши дни физиологией, абстрактно скривленной в сфере композиции своей к нервной системе, а широкими рамками *теории чисел*, в которой ближе подсматривается жизнь *ритма* в ее «*эстетических*» и «*природных*» культурах; «*кеплеровская*» искомая смелость – в долженствовании сопоставить *эстетику* (культуру) с *природой*; *целое*, тонус, есть пленум всех возможных движений, всех достижимых движений, а не только данных; *данные движения* мышцы, или метры мышцы (поднятие рук, разведение рук и т.д.), подобные ямбу, анапесту и т.д., суть движения, обусловленные бытовыми движениями, стало быть: профессиональными механизациями движений, гипертрофирующими одни движения и атрофирующими ряд возможностей; изучение *тонуса* должно начаться не с установления свойств данных, природных тонусов (или суммирований сокращений фибриллей), а с раскрепощения движений, к вырыву движения от станка, закрепостившего руку; в основе изучения должна быть положена не статика («*данная*» мышца), а динамика: «*мышца*», завоевывающая новые движения, ширящая круги движений; культура движений эстетических должна быть развита; и жизнь мышцы должна наблюдаться в культуре этих движений; отсюда – проблема эвритмии есть основная проблема в экспериментальной миологии; и далее: должны быть изучены свойства фибриллей и химическая деятельность *жидкой среды* в зависимости от развития эвритмической, ритмической жизни.

Но эвритмия есть ритмизация физического тела эфирным[40]; тонус, как ритм, определим лишь из свойств эфирного тела; зияющий провал от Галлена до наших дней в месте определения мышечного тонуса есть кричащий за сто верст указательный палец для меня: здесь именно мы у грани пересечения физич<еского> тела с эфирным; для физиолога это *кричащее указание* – «*nonsens*»: но ведь и для докеплеровского астронома-аристотелика ритм пропорций орбит, их связь с икосаэдрами, окта-

эдрами – «*nonsens*»; однако Кеплер не испугался «*nonsens'a*», а совр<еменный> физиолог – пугается.

«*Тонусы*» в их градациях все же зависят от химического (от лабораторной деятельности жидкой среды): «*нерв*» лишь приказывает: «*Приготовьте молочную кислоту, выделите воду*»; а умение «*выделить*» – не от нерва: от чего же? От «*тонического*» приказа: от эвритмической энергии; от эфирного тела; и этому *a priori* духовного знания соответствует *a posteriori*: факт, что приложение *эвритмии* к лечению некоторых болезней дает блестящие результаты: «*Heileurythmie*»* – функционирует в Штуттгарте[41].

Эфирное тело пересекается, так сказать, с физическим в «*жидких*» выделениях физ<ического> тела: в деятельности *желез*, в жидкой среде мышц; это *a priori* есть опять-таки та «*кеплеровская*» смелость, которая когда-то позволила в «*Тайноведении*» д<окто>ру указать на огромную роль «*внутренней секреции*», до того, как роль эта была открыта физиологами[42] (этому факту когда-то удивлялся Горький, его отметивший)[43].

Химич<еская> деятельность жидкой среды регулируема и обогащаема эвритмическою культурой мышцы, – вот путь к изучению «*тонуса*» в его «*тонических*» метаморфозах; фигура, целое ритма-тонуса, например, в пленуме эвритмических движений: в алфавите, или в движениях знаков Зодиака (эвритмич<еский> алфавит ведь – вынут из Зодиака); но фигура ритма в итоге моих исканий – жест эстет<ического> *смысла* всегда; эстетический смысл эвритмич<еских> движений в пространстве – себя нахождение в целом: умение найтись в пространстве; это умение – в *паузе покоя*, в позе покоя: в *орьентации*; и – стало быть: проблема орьентировки в пространстве предестинирует нормой эстет<ического> ритма ритм мышечный; ведь третье измерение есть этот мышечный ритм; в самом созерцании пространства глазами 3-е измерение, глубина – мускульное чувство.

Мускульное чувство осмысливаемо и развиваемо в пространств<енной> *эстетике*; в этой эстетике же – пересечение *ритма*, как содержания 4-го измерения, времени, с 3<-мя> измерениями пространства: мышечный тонус неопределим в физиологии, ибо он определим в законах 4-мерного пространства (форма эф<ирной> действительности); он определим эстетически в ритмах звуковых рельефов; и тут-то мы *а приори* нащупываем новую совершенно область, в которую должно перенести наши искания в области *содержания* жизни тонуса; форма «*тонуса*» определяема содержанием тонуса, или, верней, – не изучаема *вне содержания* (как жизнь ритма в поэзии); пересечение ритма и движения в пространстве мышцы, т.е. *звук* музыки мышечного импульса, соединенный с механически рисуемой фигурой движения руки – в том органе, где у нас пересечены органы пространственного равновесия с органами слуха: *этот орган – ухо*; вывод неожиданный: место разгадки «*тонуса*» мышечного – полукружные каналы уха; вспомните их строение; это три взаимно перпендикулярных полукруга кругов, построенных на 3<-х> взаимно пересеченных спиралях; для меня ясно (я опускаю ряд приводящих к данному заключению подробностей), что *три* взаимно перпендикулярных канала – место, символизующее *пересечение* трех взаимно перпендикулярных планов телесной жизни: астрального[44], эф<ирного> и физического; зависимость мышечной орьентации от органа равновесия (уха) – факт; и зависимость органа равновесия от мозжечка – тоже факт; мозжечок, как участок нервн<ой> системы, есть по преимуществу орган выражения *астральности* в физ<ическом> теле; а ритм мышечного тонуса – есть по преимуществу выражение жизни эф<ирного> тела в физич<еском> теле; пересечение 3-х тел – в лабиринте, в ухе, в звуковой жестикуляции пространственных представлений уха; и стало быть: в упражнениях над этой жестикуляцией, в тональной эвритмии («*Thoneurythmie*») – ключ к разрешению вопросов о том, как органически сочетается в нас 1) жизнь чистого мускульного чувства в *позе покоя*, в динамическом напряжении мускула, строющего *позу* (паузу, «*паузную форму*», от которой зависит динамика мускульного ударения, сокращения), 2) жизнь чистого «*нервного чувства*» (переживание движения в мысли о движении); эта жизнь не прослеживаема: 1) в изучении иннервации мышцы (тут выключается проблема автономии «*тонуса*»), 2) в изучении физико-химической дея-

---

* *лечебная (исцелительная) эвритмия (нем.)*

тельности жидкой среды мышцы, обусловливающей питание сокращающейся фибрилли; как хотели бы чистые «*мышечники*», протестующие против тирании «*нерва*» над тонусом; химич<еская> деятельность жидкой среды для меня *a priori* регулируема *эстетическим* ритмом, эвритмией, или *ухом*, в котором 3 измер<ения> пространства соединены с 4-ым измер<ением> времени (ухо – время-пространство в нас); и здесь же, в изучении соотношений ритмов органов равновесия в связи с звуковой деятельностью восстанавливается возможность понять «*иннервацию*» и «*тонус*» в их равноправной содеятельности без тирании *невропатологии* над миопатологией.

Все сказанное я мог бы углубить духовно-научно до соотнесения *мозжечка* к древней луне, к жизни ангелов, к закону Ягве, до соотнесения ритмов мышц к древнему солнцу (солнце-сердцу – ведь сердце – «*мышца*»), к жизни архангелов, инспирации, карме (мои разбитые мышцы, знаю, – знак кармы моей во мне) и т.д. Эти смелые и выводящие из физиологии сопоставления, расширения, – не выводят из физиологии, а, знаю, приводят к ней *с иной* нужной для нее стороны, чтобы она сдвинулась с места. Но для того, чтобы двинуть в данном направлении и физиологию, – надо: всю моральную фантазию антропософа соединить со всей глубиной эрудиции чисто физиологической; к этому звал Штейнер своих учеников; но – увы: у физиологов нет решимости широко взглянуть; у антропософов нет решимости узко кануть в детали физиол<огических> исследований; оттого «*широта*» антропософов часто вырождается в плоскость широковещания; а узкая глубина спеца вне широты становится одномерной линейностью изнасилования нерва мускулом, на что жалуется Марсова. Сама она – хороший врач и поверхностный антропософ; она только знает, что без *эф<ирного> тела* не обойтись, а как его научно ввести в мускул, ей лучше ведомый, не знает. И – вот: обращается ко мне: как? Как «*им*» построить реферат со «*скрытой*» пилюлей; и вот «*мы*» вместе пытаемся найти позицию; мне ясна картина: и весь диагноз немощи миологов мною верно составлен; но суть не в диагнозе, в лечении *миологии*; для этого у меня нет научно-физиол<огического> стажа, знаний, опыта. А – жаль: займись я миологией, я уже знаю, где искать «*грибных мест*».

Суть в этом: императив к дух<овному> знанию во всех науках открывает «*грибные места*» неожиданных сопоставлений, за которые историк физики Розенберг хвалит Кеплера; и вздор, когда ученые говорят: «Прошла пора Кеплеров; открытия наук теперь – в узких колеях». Открытия *узких колей* ведут к фантазии Воронова: не к «*гомункулусу*» даже, а к «*монструмункулусу*». Широкая колея есть во всякой науке: в миологии это – необходимость определить «*тонус*»; в математике – новое приложение *пифагорейских традиций*, на что указывает проф. Васильев в своей книге «*История целого числа*»[45]. Когда-то уткнулись в невозможность решить уравнения высших степеней в радикалах; но эти уравнения ныне разрешимы не в радикалах, а, например, в «*икосаэдре*» (работы математика Клейна)[46]: из детерминистического тупика и тут вывело нео-пифагорейство, как некогда оно же Кеплера натолкнуло на мысль искать неожиданных сопоставлений, как оно же пульсировало в мыслях Леонардо да Винчи, пульсировало внутри древнего «*платонизма*».

Пифагорейская тенденция к ритму, к гармонии сфер и в древнем мире, и в эпоху Возрождения, и ныне (в математике) бросает в лоб широчайшие перспективы.

И в тенденциях штейнеровской версии духовного знания опять-таки по-новому поднимает голову пифагорейская тенденция к ритму, к гармонии; она ведь ничто иное, как пушкинское:

Я понять Тебя хочу,
Темный Твой язык учу[47].

У материалистов и узких спецов – не так: там – иное: «Все уже *понято* в основном: остались – деталишки». И рок такой позиции: «*Понятое* – в *пóнятости* кричит непонятицей!»

Судьба всякой научной ограниченности быть битой сзади, в спину, в тот момент, когда ограниченность эта разбивает перед собой возможности к движению вперед; так: пока физиологи закрывают жизнь мышцы «*нервом*» (и оттого мышечные болезни, растущие в связи с механизацией профессиональной жизни, не врачуемы отсутствующей «*миопатологией*», к которой взывает школа Корнелиуса), – пока физиологи гипертрофируют центральную нервную систему в мышце, – самая «*централизация*» этой системы, в физиологии же, «*децентрируется*» в новых открытиях, доказываю-

щих, что жизнь сознания не исчерпывается мозгом; но пройдут десятилетия в процессе децентрализации «*центра*», прежде чем прикладные «*неврологи*» поймут, что нельзя перехлестывать «*нервом*» бедную мышцу.

Я особенно интересуюсь теперь этими вопросами «*миопатологии*», ибо лечат мои «*бедные*», «*вдрызг разбитые*» мышцы; кости, по-видимому, поправились; дело хирурга кончено; и Марсова, так сказать, – руководительница моих мышц; то, что она и «*миолог*», и «*антропософка*», откровенно тоскующая, что «*плохость*» антропософии в ней не позволяет ей эту антропос<офию> ввести в сферу ее специальности, – то, что она «*миолог-антропософка*», вводит меня в понимание многого в моей болезни. Я сам на себе проверяю ее жалобы на тупость «*докторов*» в подходе к врачеванию мышц; что состояние мышцы – для Марсовой термометр поведения человека, мне ясно; малейшее волнение отражается на больной мышце: то – перенапряженность, то – ослабленность; образуются какие-то желвачки; и – всякий раз на новом месте; это – мышечные скопления, продукты деятельности *мышцы самой*, а не только продукты «*нервов*»; многие вещи, ведомые тут Марсовой, неведомы «*врачам*»; и во-первых: у Марсовой опыт ощупи; она проходит кончиками пальцев по мышцам, как бы протирает их и ставит удивительную картину перед сознанием о жизни мышцы такой-то в данный момент в отличие от предыдущего; эти рассказы ее точнейше совпадают с переживаниями моих больных мышц (постоянно меняющих ощущение, форму и т.д.); представьте себе: многие доктора просто отрицают опыт ее ощупи мышц; отрицают опыт ощупи в принципе. Школа Корнелиуса и есть школа опыта ощупи (выслушивание кончиками пальцев мышечных тонусов; подобное выслушиванию «*шумов*» сердца и «*хрипов*» легких стетоскопом); врачи отрицают *опыт пальцев* и требуют опыта механического: опыта грубого удара по мышце молотком; между тем: на ощупи Марсова строит характер массажа; а *массаж* ее образцовый: она вылечивает великолепно; и с этим считаются; это и есть стимул ее приглашения в Академию. Вот вам пример: с результатами ощупи считаются, а принцип ощупи – отрицают; это, опять-таки, – явление «*средневекового Аристотеля*», хихикающего над Кеплером в 20-м столетии; явления облегчения страданий мышечных иные фанатики – противники Корнелиуса объясняют «*гипнозом*», действием над больными, sui generis пассами, а не единственно объяснимым фактом: возможностью в *опыте* удесятерять точность «*ощупной*» наблюдательности. Здесь, опять-таки, для меня выступает слишком *знакомое* в других сферах явление рутины. Ведь медитативный *опыт внимания к мысли* тоже *a priori*, вне проверки, отвергается философами и мыслителями; и в догматическом отвержении наличного факта отрезывается для них возможность объективно судить о *духовном знании*.

Преградой, лежащей между духовным знанием и критериями о знании многих «*точных*» ученых, <является> не всеоружие опыта, а именно: отсутствие «*опыта*», нежелание расширить рамки опыта; в этом нежелании признать «*опыт*» в иных сферах – бессознательный ужас, гадливость, злость пред самим «***опытом***».

«*Не желаю чистого, непредвзятого опыта*» – вот девиз большинства представителей «*опытной*» науки современности; увы, – она в тисках догматики; вместо расширения опыта вплоть до опыта догмата здесь господствует «*догмат опыта*», узящий опыт.

Кучино. 26 сентября. 26 года.

Дорогой Разумник Васильевич, –

просто стыдно: это не письмо, а – черт знает что: сел писать Вам, а разразился какой-то филиппикой против позитивистов... И – потом: мне стыдно, что опрокидываю на Вас темы, которые, может быть, Вам вовсе не интересны: вишневые листья, мускулы, фибрилли, мышечный «тонус»... Но, дорогой друг, – примите меня с тем, что обступает мое кучинское житье; ведь я живу совершенно выключенно: в Москве не бываю, москвичей не вижу, даже не всегда читаю газеты; и – стало быть: живу своими «*не своими*» интересами; скоро при встречах со знакомыми буду выслушивать: «Да, – что вы? Да – о чем вы? Послушайте, – вы, вероятно, живете на Луне...» Да, – действительность, вроде как сослали меня на Луну. Я и засел на Луне с историями – физики и математики; но – вот: сегодня была у меня поэтесса, 24-летняя барышня[48]: она жаловалась на то, что нечем жить; я – ей: «Помилуйте: Вы – и в "*Союзе поэтов*"; Вас –

печатают; чего Вам?» И – все-таки она: «Нечем жить... Хочется читать, – нечего, не знаешь, за что взяться...» Я – развожу руками и говорю: «Конечно, я мог бы посоветовать, что читать... А взяться всегда есть за что, да... – *не велят* мне советовать молодежи...»

Всякий раз, нырнув в Москву и переночевав у Васильевых, за 24 часа узнаешь столько горького, что, возвращаясь к себе в Кучино, совершенно выбиваешься из колеи: «Этого гонят с квартиры, ту – сокращают!» И это – в лучшем случае. И знаешь, что ты ничем не гарантирован от того, что через несколько месяцев, если не придумаешь себе заработка на право работать в Кучине, – ты должен будешь выступить в Москву; и – провалиться с Луны на Землю; но от этой мысли – вцепляешься еще крепче в твои лунные интересы; ведь вот: в них ты чувствуешь себя и в современности, и в здоровье моральном; а у истоков «*современности*» отнимается от тебя современность; и в качестве последних интересов и «*злоб*» дня начинают скрежетать тебя тарарахивающие трамваи; и выглядывают отовсюду лишь злобы: у дня московского главным образом есть злобы; злоба за злобой: ни одной *доброй* улыбки.

Дорогой Разумник Васильевич, – еще раз хочу сказать, как меня взволновали Ваши слова о «*Москве*»; действительно, пока писал, я очень нуждался в поддержке, ибо не знал, что выйдет, не был уверен, что *просветление* и нота человечности выпечатаются; а условия, в которых писал, морально – были ужасны; все окружающее *давило* и *топило* меня, как автора, вплоть до друзей; только Кл<авдия> Ник<олаевна> меня подбодряла; и не будь ее рядом, как помощницы, конечно, ничего бы не написал; она одна утверждала во мне авторское мужество. Пишучи «*Москву*», я убедился, как *травля* и общее настроение, хотя и определенно вздутое, накладывают на бессознание людей узду; в кругах, печатавших «*Москву*», явно сквозил оттенок отношения: «Милый друг, – не забывайте, что Вы – выдохшийся писатель, старая кляча; и то, что Вас берут в "*Альманах*"[49], – величайшее Вам благодеяние»; братья-писатели, когда читал им отрывки, делали неопределенное, меня, как автора, удручавшее «*гм-гм*»; и – заводили разговор о другом; круг прежних читателей-сверстников (в большинстве случаев контр-револ<юционно> настроенных) вели себя так, как будто бы Троцкий в своей статье прав[50]; другие же высказывались, что не понимают, для чего это «*зубоскальство*» над русской интеллигенцией; и в общем склонялись к мнению, что «*старая кляча*» Белый для ради омоложения омертвевшего своего дарования принялся в угоду сов<етской> власти обрызгивать ядовитой слюной святые заветы прошлого; многие просто не знали, как отнестись к «*Москве*»; и тут я увидел цену утонченным вкусам; достаточно 2-3<-х> лет не читать Иванова-Разумника, Бердяева, Гершензона, некогда отмечавших Белого, чтобы впасть в прострацию относительно собственного суждения; в глазах стояло недоуменно-искреннее: «Может быть, это – хорошо очень, а может быть – плохо очень. Вот Иванов-Разумник писал; да, – но вот: Троцкий пишет...» Пролетарская братия, некоторые из моих учеников (nomina sunt odiosa)*, отнеслась в общем не по-товарищески; не с точки зрения оценки, или даже поддержки, гонимого писателя, у которого они как-никак учились, а с точки зрения живучести «*буржуазной*» литературы и вопроса о конкуренции; словом: я заметил «*душок*» неприязни, что я еще не умер и что от меня могут исходить еще «неприятные сюрпризы» вроде романов, стихов и т.д. Грустно, что наша пролетарская молодежь, пусть талантливая, состоит из «*маленьких*» людей: это не люди героического пафоса. Мы им некогда от себя давали щедрою горстью; они же – скряги; жалеют и щепотки добр<ого> отношенья... Наконец, представьте, что и среди антропософов «*Москвы*» как-то стыдились; и – опускали глаза. И все это молчаливое порицание оковывало меня, глядело под руку, глазило; наконец: и действительность личной жизни в то время вносила свою лепту для того, чтобы я, махнув рукой, кое-как, для ради гонорара лишь свалил с плеч это «*ненужное и конфузное дело*»: писание романа.

Мне казалось, что я – топимый, что я – надрываюсь, катя против всех ненужный «*ком*» романа почти на отвесную гору; и – когда кончил первый том, то почувствовал, что надорвался от всего этого вместе взятого; и до сей поры у меня в отношении к «*Москве*» – горечь: точно от незаслуженной обиды; и все кажется, что я «*Москвой*» сделал «*темное*» дело, за которое привлекаюсь к судебной ответственности. Поэто-

---

* *об именах умолчим (лат.)*

му-то я и ищу отзыва о «*Москве*»; мне важно знать, что́ она; пусть ругают, указывают на недочеты, но – отзываются; самое горькое, когда *не отзываются никак*; я это не об официальной прессе, а о друзьях-знакомых; оттого-то я жадно читаю Ваши строки о «*Москве*»; оттого-то они меня радостно волнуют.

Так же когда-то наперекор всем (и главным образом наперекор мнению «*друзей*») писал «*Петербург*»; но в то время было легче преодолевать «*дурной глаз*», направленный тебе под руку.

Кстати: ровно год, как я кончил первый том «*Москвы*» (25 сентября); а до сей поры еще не поднялся на второй том; отвлекает и недоделанная «*История становл<ения> сам<осознающей> души*», и набегающий курс[51], и необходимость сперва для халтуры устроить из 1-го тома «*драму*»[52], и шаткость «*Круга*», и зыбкая улыбка Тихонова-Воронского[53]; и – многое другое; между прочим: и – «*друзья*», не помогающие, а скорей глазящие. А в наше время стало в 10 раз труднее преодолевать косность и идти «*против течения*»; это становится почти героизмом; да и: с годами для меня все «*вопросней*»: надо ли писать, стоит ли еще писать; не есть ли писание в наших днях – «*контр-революц<ионное>*» упорство, трафарет сознания? И т.д. Может быть, уже и литература – «*беловежсская пуща*» в европейской культуре; а писатели – десяток зубров. Мне ясно одно: что тысячи писателей, наших и западноевропейских, – не писатели в смысле традиций русской литературы: что угодно – спекулянты, «*словаки*»(от «*слово*»)-поставщики, прикомандированные к «*штабам*» и т.д., – все что угодно, но это *не писатели*; между тем: читают именно *их*, а не нас; *они* нужны; мы – беловежская пуща: почти ископаемые...

А может, это и не так.

Кстати о «*Москве*», – раз Вы уделяете ей внимание; на днях читал 1-ую главу «*Москвы*» для целей изъятия из нее материала для сцены; и – очень удивился многому; пока писал, – не видел; а теперь – увидел: в ряде архитектонических подробностей пропечатался *смысл*, видный лишь когда знаешь *конец* 1-го тома; в смысле *конца* 1-ая глава – насквозь проглядна: она написана точно после *6-ой главы*, чтобы сделать 6-ую главу видной в первой; я же, автор, не знал еще 6-ой главы, когда писал первую: я только чувствовал необычайную трудность: архитектоника не давалась; переставлял и эдак, и так, точно чувствуя, что *все* детали *значимы*, что от следования мелочей друг за другом зависит все; и – странно: в итоге расставил мелочи в угоду еще сознанию неведомой 6-ой и 5-ой глав. Это относится к теме: «невнятица». Оказывается, – этой «*невнятице*» отдаваться надо; если бы не мучила «*невнятица*» (искание расстановки, логически не нужной), то не получилось бы из 1-ой главы «*сквозного действа*», как теперь; конец 1-го тома, будучи неизвестен малому сознанию автора, оказывается, был уже в автора вписан; и «*автор*» (мне ясно это, ибо «*автор*» – я) был движим концом. Поясню мою мысль на нескольких примерах «*Москвы*» (как ни претит мне занимать Ваше внимание своей кухней, – я это сделаю, раз Вы высказываете интерес к «*Москве*»).

Первые строки первой главы звучат забавным каламбуром: «*Да-с, да-с, да-с! Заводилися в августе мухи-кусаки; брюшко их – короче; разъехались крылышки: переползают беззвучно... И – ай!*» (Привожу начальные слова с выпуском)[54].

Каламбурик в свете 6-ой главы – очень зловещая *тема*, вроде как тема 5-ой симфонии Чайковского: «*муха*» – атрибут Аримана; «*Бельзебул*» (аспект Аримана) в духе точного перевода – царь «*мух*»[55]; «*муха-кусака*» – вестник Бельзебула-Аримана; первые строки – не каламбур, а зловещее извещение Аримана Коробкину, предназначенному добрыми силами быть воином Михаила: «*Иду на Тебя*». Вестник позднейший – Мандро.

Роман начинается с места в карьер с «*ай*»; это «*ай*» не шуточное, а очень зловещее («*ай*» – позднейшей оглобли: и далее «*ай*» пытки огнем).

«*Да, Иван Иванович... вел войны с подобными мухами*»: *как же не вести войн: воин Михаила*. Далее: «*А уж муха такая сидит перед носом...; и на И.И. смотрит; Иван же Иваныч на муху: перехитрит – кто кого?*»[56] Сопоставьте с 3-ей главой, где «*муха*» уже выросла в «*Мандро*» (Ариман – приблизился): «*И Лизаше вдруг стало понятно, зачем порет дичь знаменитый профессор, а "богушка" пляшет пред ним простеца. Они оба следят друг за другом*» (1 часть, стр.250)[57]. Это – раскрытие темы «*мухи-кусаки*» и «*перехитрит кто кого?*»

Далее описан бой Коробкина с мухой (Коробкин же победил Мандро): «*Оторвал даже голову: ползла безголовая муха*»[58]. Сопоставьте: «*Оса, всадив жало, готовится к смерти... С последним движением пламени вытекла сила... Только в остатке сознания этого было сознание, что он сознанье утратил*» (2 ч<асть>, стр.237-238)[59]; это – о Мандро: разве это не «*безголовая муха*»? И Мандро «*ползает*»: «*Пошел, повинуясь инстинкту, спасаться – в переднюю (сонно спасался)*» (2 ч<асть>, стр.239)[60]. Словом: «*Ползала безголовая муха*».

Первые строки – «*очень зловещи*», а не смешны; далее: «*Облекшися в серый халат*» и т.д. – «*отдался спокойнейшему созерцанию Табачихинского переулка*»[61]. Еще неизвестно, *кто* борется с мухой, *кто* созерцает, но – дан жест: *пауза, взгляд в окно*. Недавно, читая драматич<еский> курс доктора[62], оценил совет доктора актерам: начинать роль не со слов (ударения, выдыхания), а с паузы-позы (вдыхания); и ясно понял, откуда чудесная сила Чехова в первой фразе (ответ Клавдио) «*Я слишком солнцем озарен*»[63]. Чехов *активно* играет *паузу* до слов своей роли: в этом он следует совету доктора. Созерцание Табач<ихинского> переулка – необходимая пауза перед знакомством читателя с Коробкиным.

Содержание паузы? То, что пред-стоит: пред-стоит – домик Грибикова с Грибиковым в окне: в домике Грибикова, из домика Грибикова наносится первый *удар*: «*Митя – ворик*»; и кроме того: окно этого домика – пост врага, Аримана: отсюда – смотрит Мандро, сюда внедряется карлик: Коробкину в паузе *пред-стоит* (является) *пред-стоящее*, т.е. преследование; сам Грибиков – мороки Аримана; пыль, в которой заводится нечисть; среда – осаждающая злые силы; сам Грибиков? Но – «*Вот "Москва" переулков! Она же – Москва; точно сеть паучиная; в центре паук повисающий – Грибиков*» (1-ая часть, стр.219)[64]. Собственно – даже не паук, а паутино-разводитель; за завесью паутины, развешенной Грибиковым, – паук собственно, или – Мандро, о котором потом говорится: «*видно, его атмосфера – не воздух, вода иль огонь: паутина; дышал паутиною; в жилах – не кровь: паутина тянулась осклизлая*» (2-ая часть, стр.144)[65]. Грибиков Коробкину – *паутина Мандро*.

В паузе Коробкина пред началом представления Коробкина читателю – дано *предстоящее* Коробкину; предстоящее – «паутина» Мандро; и оттого: «*Зазаборный домок, старикашка*» (стр.10. 1-ая часть)[66] – паутина, внутри которой сидит уже – удар, укус, будущее «*ай*»; и оттого-то: в связи со «*случайным*» (не случайным) созерцанием своего грядущего связывается «*случайный*» (не случайный) сон: «Вспомнилось!» И – далее: из домика просунулся во сне Коробкина Грибиков, «фукая на переулок; от "*фука" – булыжники, домики и тротуары как пырснут*»[67]. Содержание паузы (случайного подоконного созерцания) – о том, об одном: о предстоящем разрыве всего, о том, как все «*пырснет*».

Оторвавшись от созерцания *пред-стоящего* будущего, Коробкин бросается «*вымухивать комнату*», т.е. выгонять вестников Бельзебула: «Он прислушался к ***очень зловещему зуду*** (мухач тут стоял)»[68]. Тема мухи-кусаки уже становится ***зловещей очень*** (этого не подозревает читатель: но подсознание его уже ждет *чего-то*).

И тогда лишь начинается *Коробкин*, как такой-то и такой-то: узнаем, что он – знаменитый профессор; и – опять: первое узнание – тема прославления Коробкина (тема «*юбилея*»: но «*юбилей*» – венчание к страданию): «*Его извещают, что он – академик*»[69], на что Коробкин реагирует гневом: душа его еще не может вместить предстоящих страданий.

Видите, сколькое уже *загрунтовано* в первых трех страницах, брошенных под формою «*болтовни*». И потом уже описывается обстановка кабинета: «На *темно-зеленых* обоях себя повторяла все та же фигурочка *желтого с черным подкрасом* себя догоняющего человечка» (стр.12-ая)[70]. Что это за «*человечек*», обстающий Коробкина? Это – карма Коробкина. Напомню Вам цитату <из> 2-ой части: «Из вымутнявшейся *желчени – серо-зеленое* образование виделось: в крапинах черных...; едва выяснялися ноги; оно – приближалось» (2-ая часть, стр.194)[71]. Это – роковая встреча с кармой, с «*Морданом*»; это – он догоняет: «*Профессор с пошаткой бежал, волоча за собою Мордана, которого ноги в измятых штанинах зеленого цвета казалися ломкими*»[72]. «*Мордан*» уже волочится всюду в первом штрихе описания обой кабинета (*ауры обстания*): эта аура желто-зелено-черная дана как аура, переполнившая всю атмосферу уже в сценах, предваряющих пытку: «*Трухлявая гнилость кричала из чер-*

но-зеленого *крапа предметов на* ***желтом*** *на всем*» (2<-ая> ч<асть>, стр.210)[73]. Наконец: «Старчище... *зеленогорбый* какой-то под *черною*... шляпой стоял...» (Ibidem, <стр.>211)[74]. Это – Мордан, *карма Коробкина*; эта *карма* приподымается со дна провалившейся души Мандро неожиданно для Мандро, как в нем живущий уже не *паук*, а *осьминог* (вот во что «*паук*» вырос!): «*Из мути горел умный глаз осьминога*»; этот «*умный глаз*» преследует Мандро далее, когда Мандро стал только -*дро* («*Ман*», ум, сознание уже провалилось): «*Иногда перед ним окреплялось пятно в* ***черных крапинах***... *из слоя колеблемой желчени*...; *выяснялася... шкура, как будто лягушечья*» (т.е. *зеленая*). «*Спрут*! *этот спрут... стал являться в расстроенном мозге безумного... Дро*...» (176<-ая> стр., 2<-ая> ч<асть>)[75]. Ман-дро («–» ман), безголовая муха «-*дро*» раздавилась: вместо нее воплощенный в нее *спрут* Мордан, карма Коробкина, обстал Коробкина. Но уже на 4-ой странице, в первом абзаце первой главы он стоит, *пред-стоит* и *об-стоит* Коробкина обоями кабинетика: «*Кабинетик был маленький и двухоконный*: *на* ***темно-зеленых*** *обоях себя повторяла все та же фигурочка* ***желтого*** *с черным* ***подкрасом***, *себя догоняющего человечка*» (стр.12)[76]. Страшный человечек!

В его обстании ироническим ужасом звучит «*бюстик Лейбница*: *явно доказывая*: *мир наилучший*!» (стр.12)[77]. Он и далее это *доказывает*, когда горюющий профессор, поняв, что сын – «*ворик*», во 2-ой главе идет в кабинетик – и «*вылинялыми глазами томится*», то вшлепывается в «*желтое*» кресло, – под «Лейбницем, нам доказавшим, что мир наилучший!»[78] Наконец: в комнатном сумраке проступает «*в одном не коричневом месте... темно-багровый предмет*...» (2<-ая> ч<асть>, стр.215)[79]. Что это? «Бюст Лейбница гипсовой буклей белел; и на гипсовой букле – кровавое пятнушко!» (Ibidem, 242<-ая> стр.)[80].

Остается прибавить: «Мир – наилучший!»

Еще штрих бессознательный: проф. Коробкин восстает перед читателем в сером халате с «*желто-стертыми*» отворотами[81]; это «*желтое*» халата – отсвет цвета «фигурочки»: она – «*желтая*» на *зелено-черном*; и это «*желтое*» обстает Коробкина, привязывается; он – то в столбе «*желтой*» пыли, то – вшлепнутый в «*желтое*» кресло, то – в «*желтых*» молях; отсвет самой «*Москвы*» – *желтая пыль*: «Над этою местностью, коли смотреть издалека, не воздухи, а – *желтычищи*»[82]. И «*желтычищи*» сгущаются к концу 2-ой части: «Оскалилось *желтыми* лицами»... «*из плеснувшего желтыми массами города*»; «*желчь* пескоцветного вечера», ветер «*желтил*» горизонтами; весь конец последнего дня 6-ой главы – под «*желтою*» тучей[83]; из «*желчени*» же выяснился глаз *осьминога*. Эта «*желчень*» – цвет Аримана-Бельзебула: *желтый* цвет определенного оттенка – цвет Аримана; и Коробкин уже «*ожелчен*» им в миг первого восстания перед читателями.

Далее, за описанием кабинетика, – сцена с Митенькой, «*лапящим Дарьюшку*»: наследственность: «*тут он задумался, вспомнив, как кровь в нем кипела*»[84]; задумался над *астралом* своим; «*ожелченность*» – не только Ариман: Ариман получил власть над Коробкиным через ожелченный астрал Коробкина (вероятно, оттого-то Коробкин красит бороду): «*желтое кресло*», желтые отвороты халата – еще и тема астрала: Коробкин одет в такой *астрал*; и им он заразил Митю; оттого-то, услышав «*фыки и брыки*», он не бросается распекать Митеньку, а смущенно моргается: «*Надо бы*». И вместо «*надо бы*» вспоминает, как некогда «*из-за функций Лагранжа выглядывал он на голую ногу*»[85]; и – «*страдал глупотелием*»; это «*глупотелие*» изваяно на креслах головками хохочущих «*осклабленных фавнов*»; борьба с «*глупотелием*», вернее с «*желтым*» астралом, осуществлялась проветрянием себя «*основами геометрии*», т.е. абстрактным сознанием: «*Иррациональная мутность помойки и запахи тухлых яиц от противного доказывали рациональность абстрактного космоса, с высшим усилием выволакиваемого из отхожего места к критериям жизни Лагранжа и Лейбница*» (1-ая часть, стр.31)[86]. Коробкин показан в разделении на абстрактное «*Я*» и на «*пса*»; «*пес*» в Коробкине – его астральное тело; это малый зверь, но все же – зверь.

Оттого-то мысли о своем «*глупотелии*», следующие за «*фыками и брыками*» Митеньки, – являют «*alter ego*» Коробкина: «*Дверь – отворилася*; *в комнату*, *цапая по полу лапами*, *громко влетел мокроносый ушан*, – *Томка-понтер*»[87]. Тема «*Томки-Коробкина*», поданная в первом же отрывке, проходит по всему роману: это – «*пе-*

сьи» свойства профессора; и о них недвусмысленно говорит Киерко уже в первой главе: «А, собачёвина, canis domesticus, – здравствуй: пословица есть – "*любишь меня, полюби и собаку мою*"» (1<-ая> ч<асть>, стр.42). «*Собака моя*» – *астрал* Коробкина: «*И – поймал*: *выражение сходства профессора с псом – в очертании носа и челюсти*» (стр.43)[88]. Профессор говорит Тому: «*Пошел, Том, где хлыст*!»[89] Он хочет переработать астрал свой; и «*пес*» – «***очень горько*** скосив окровавленный взгляд, поджав хвост, пробирался вдоль *желто*-зеленой стены; за ним шествовал очень раскосый, расплекий профессор» (стр.14, 1-ая часть)[90]. Куда они шествуют? Оба – к карме, ибо «*вдоль желто-зеленой стены*».

До этого «*оба*» грезили попросту, – «*просты и благородны*».

Пес –

Грезит грызней и погоней
Том, – благороден и прост,
В воздухе, желтом от вони,
Нос подоткнувши под хвост[91].

Профессор: –

Сам профессор И.Коробкин,
Разжигая бранный дух,
Не дробясь, присел за скобки
Между двух «*корней из двух*»[92].

Целость абстрактного «*Я*» не была раздроблена*, пока Коробкин жил «*присев за скобки*»; «*скобки*» и суть коробки Коробкина: оболочки его.

Но с начала «*трагедии*» («*Здесь в начале трагедии...*» – стр.14)[93]: начинается тема раздроба *коробок*, совлечение «*Я*» с астрала, отделение духа (будущей Каппы) от *астрала*; так «*начинало вывариваться из большой знаменитости* (абстракции «*Я*») *и из добрейшего пса* (астрала) – *человек*» (1-ая часть, стр.210)[94].

В первом абзаце «*пес*», скосив «*очень горько*» окровавленный взгляд, бежит под *трамвай*: во второй главе «*пса*» приносят раздавленным; он умирает; его хоронят в саду, и профессор над телом его читает:

«Не бил барабан перед смутным полком»[95].

А Коробкин шествует за «*псом*» – сперва под оглоблю («*Пал вчера, оглоблей сбитый*»...)[96], а потом – под удары Мандро; их судьба – подобна; хороня «*пса*», профессор указывает, что, по верованию индусов, «*пес, говоря рационально, опять воплотится*». «Может быть, песик вернется к нам: мальчиком?» – надеется Наденька[97]; «*мальчик*» – тема рождения высшего «*Я*»: «*пупс*» в Задопятове; или «*Итик*», приходящий из розовой дачки; «*мальчика*» («*духа*» в себе) зарезал Мандро: тема – «*черноглазого мальчика*»; возродившегося «*песика*» – я покажу во втором томе; пока же – напомню: изувеченный профессор идет умирать на могилу «*Томочки-песика*», там – умирает, как «*Коробкин*», и там же воскресает, как «*Каппа*»; восклицает же горбун-Вишняков, видя воскресение: «*Не умер, но – жив*!» (2-ая часть, стр.243)[98]. Он вернулся к нам «*мальчиком*» («*мальчик*» в профессоре будет показан в теме рождения «*Марианнуса*» из кукольного состояния Фауста во 2-ом томе)[99].

Прежде чем профессору пасть под оглоблей, а псу – под трамваем, пес приносит знак «*страстей Коробкина*»: грязную тряпку:

«– "Вот ведь, – невкусная тряпка; и как это Томочка может отведывать гадости?"

–"Рр-гам-гам" – их оглядывал всех окровавленным глазом» (стр.39-40).

Прочие – отнимают у пса грязную тряпку, а профессор «*мешал отнимать эту гадкую тряпочку*»[100].

Что это за тряпочка? и – почему мешал отнимать? Ответ на это – цитаты шестой главы: «*Ему* (Вишнякову) *казалось, что видит он дичь*: *точно баба набредила*; *кто-то по росту – профессор, по виду ж – растерзанный, дико косматый... плясал трепака*; *рот ужасно оскаленный,* ***будто у пса****, кусал тряпку*; *зубищами в тряпку вцепился*» (2-ая часть, стр.222)[101]. Совсем как пес в первой главе: «*Отнимали вонючую тряпку*; *а пес накрывал своей лапой ее...*» (1-ая часть, стр.39)[102].

«"Рр-гам-гам!" – их оглядывал всех ***окровавленным глазом***» (1<-ая> ч<асть>, стр.39); это – пес; а вот «*рр-гам-гам*» профессора: «– Я перед вами в веревках; но я –

---

* *В автографе*: не было раздроблено.

на свободе: не вы...» (2<-ая> ч<асть>, стр.235)[103]. Тема *окровавленного глаза* песика: «*горько скосив окровавленный* взгляд», их «*оглядывал всех окровавленным глазом*», – есть предварение окровавленного «*безглазия*»: выжженного глаза профессора; а темы «*тряпки*» пса – тема заклепанного рта: «И казалось, что он перманентно давился *заглотанной тряпкою*, грязной и пыльной» (2<-ая> ч<асть>, стр.237)[104].

Профессор мешает отнимать в 1-ой главе у пса тряпку, потому что он решил понести и *избыть карму*, не отстраняя ее, а переплавляя «*пса*» в себе в будущего «*ангела*»: «Сон свой припомнил о том, как его заушали и били за истину; и зашептался: "*Пусть сбудется*"» (2<-ая> ч<асть>, стр.191)[105]. И – отсюда: «*Как не мог он понять, что чудовище в это мгновенье сидело вполне безоружным? Один бы удар молотка... Он ударить не мог: в совершенном безумьи решил он, что словом воздействует*!» (2<-ая> ч<асть>, стр.234)[106].

В свете этого позднейшего жутко звучат строчки 1-ой главы в сцене с «*псом*», когда пес, грызя тряпку, «оглядывал всех окровавленным взглядом; довольный профессор поставил два пальца свои под очки и мешал отнимать эту гадкую тряпочку: "Вот ведь, – невкусная тряпка; и как это Томочка может отведывать гадости эти?"» (1-ая гл<ава>, стр.40)[107]. Пока «*Томочка*» подлинный еще не мог; но смог – в 6-ой главе с момента, когда решил «*уничтожить открытие*»[108]. В сущности в этом вопросе уже скрытый крик: «Да минует меня чаша эта!»[109] Исполнив в сцене с тряпкою свою миссию «*прообразовать*» будущее, пес отдает тряпку и «*горько скулит*» (стр.40); еще бы не «*скулить*», когда ожидает такое будущее; и тогда профессор приходит к псу с огромною *костью*; «*кость*» – символ смерти; «*пса*»-то ведь – раздавят; размахивая костью над псом, благословляя его на смерть, он читает над ним свой экспромт:

Истины двоякой –
Корень есть во всем.
Этот – стал собакой,
Тот – живет котом[110].

Корень двоякой истины – символизм сцены; «*этот*» — ставший собакой – Коробкин; «*тот*», живущий котом, – Мандро (помните, – профессор потом надел на себя вместо шапки «*кота*», оцарапавшего ему голову; и сказано: «Он надел на себя *не кота*, а терновый венец»)[111].

Всякая собака
Лает на луну:
Знаки Зодиака
Строят нам судьбу.

Указание – на тему *судьбы* в данной, quasi-шуточной сценке.

Верная собака,
В зубы на-ко, Том,
Эту кость –

– значит: пройди сквозь смерть и воскресни («*Dieses Stirb und werde*»*)[112] –

однако, –
Не дерись с котом[113].

Коробкин не «*дрался*» с оцарапавшим его *котом*: он победил «*кота*» силой иною: «*Ты – победил*!» (слова «*безголового*» Мандро: 2<-ая> ч<асть>, стр.238).

Вот чем чревато появление «*Томки-песика*» в первом абзаце: это – смерть, преодоление в страданиях смерти *астрала*. «Том вскочил: очень горько скосив окровавленный взгляд, поджав хвост, пробирался вдоль *желто-зеленой* стены; за ним шествовал по коридорчику очень раскосый, расплекий профессор» (1-ая часть. 1-ый абзац. Стр.14)[114]. *Желто-зеленая стена – порог духовного мира*...

Так подготовлено в шуточных сценках очень зловещее будущее: тяжелейшая трагедия. И оттого-то, – следующая фраза гласит о трагедии: «*Здесь, в начале трагедии, должен дать ряд сообщений об очень известном профессоре*» (стр.14)[115]. «*Какая трагедия*», – может воскликнуть читатель: пока – дано одно шутовство; но «*Москва*» писана для пристального чтения; ее «*минимум*» надо 2 раза прочесть. При 2-ом *пристальном* чтении сквозь шуточную сценку проступает «*нешуточное*» содержание.

---

* *Это Умри и будь (нем.).*

Первый абзац оканчивается краткой биографией Коробкина; на фоне зловещей темы биография должна звучать оглашением с церковной паперти: «Такой-то, мол, такой-то жизни, оглашается, как вступающий на путь смертный».

И краткая биография Коробкина – опять-таки вся: предвкушение темы *желто-черного человечка* обой, т.е. Мордана-Рока. Коробкин рожден «*в фортеции, где защищали страну от чеченцев*»[116]; «*злой чеченец за рекой*»[117] – Ариман-Бельзебул; *фортеция* – предварение крепости, которую должно выстроить слугам Михаила; «младенческое впечатленье Ивана – *рев* пушки, визг женщин: *лезгины напали*» (1<-ая> ч<асть>, стр.14). «*Испуг воплотился: всей жизнью*»[118]. И мы застаем воплощенный испуг стенами, испещренными желто-черной фигуркою; во второй части эти стены – расступаются. «Стены квартиры, хотя б и профессорской, – в трещинах-с!»[119] Бесконечность из трещины «лезет – навстречу, как мамонт!»[120] И вылезает, наконец, – «*горилла*»-Мордан; до – она в 2-х измерениях обстает черно-желтым человечком; еще ранее, до «*профессорства*», до «*обстания обоями*», – бьет: «*за это смотритель... безжалостно дирывал*» (1<-ая> ч<асть>, стр.15); «*эти последние – били его*» (Ibidem)[121]. Испуг прежде всего воплотился – «*побоями*».

Но – тема победы уже невнятно дана во фразе, долженствующей быть прочитанной гиератически: десяти лет «*Иван переехал Кавказский хребет*»; он до побоев – «*пред-поднялся*». И – в «*первом же классе стал первым*»[122].

Во втором томе он станет – «*первым*» во всей стране, может быть. Первым среди *интеллигентов*, восшедших к Интеллекту Христову.

Русская «*интеллигенция*», по д<окто>ру, – предварение отдаленнейшее* будущего над Россией спускающегося *Манаса*[123]; но это будет, когда она и *тело народа* (астрал) станут *одно*.

Видите, сколькое прочитываемо в первом абзаце первой главы – на восьми страничках. Я понимаю теперь, почему я так мучился в методе расположения мелочей, штришишек, в архитектонике их; я знал, что в первых отрывках совершается установка темы *целого*; *целого* этого я, конечно, не видел; но действовал так, как будто видел конец; уже со 2-ой главы мне стало ясно, что *первая* и *вторая* глава насквозь должны быть *проглядны*; что они – *маскировка*; и далее я сознательно маскировал, чтобы тема конца подползала с неожиданной стороны; но мои комментарии Вам первого отрывка есть новоузнание вчерашнего пробега по первой главе *для ради* переделки; я делюсь с Вами ими, ибо я – удивлен, до какой степени все здесь неспроста; я бы мог и далее комментировать первую главу; она – вся – «*сквозное действо*», но – довольно; и так стыдно, что написал эту авто-критику, отзывающуюся похвальбой; Бога ради не воспримите так: хвалится, мол, что так *ловко* написал. Я не хвалюсь, ибо критик-друг откроет тут же ряд грубых провалов; и многие провалы мне видны; я пишу это – как еще один пример к тому, как в организационном процессе, именуемом творчеством, – «*невнятица*», которую так боятся ученые, есть организующий фактор; и автор, если он волит дать нечто органическое, порою сознательно должен отказываться от понимания собственных образов до конца; потом, когда вещь напечатана, вместе с критиками и он может стать авто-критиком: может себе объяснять и истолковывать то, что в процессе написания ему было непонятно; «*толк*» от слова «*толочь*»; растолковать себе – «*истолочь*» в рассудочный порошок то, что в процессе творения вываривается и остывает нерастолченной твердью; оттого и не знаешь, что это такое; и – спрашиваешь; все *идеи* и предварительные задания в эмбриональном процессе продумывания замысла – *леса*, которые потом быстро убираются; от них – не остается следа; из-под них вылезает то, чего не ждешь. «*Москва*» задумана авантюрным романом для Лежнева[124]; и – вот: сперва полетел к черту авантюрный роман, потом полетел к черту договор с Лежневым; и вылезло – вот что; «*Записки Чудака*» – остались лесами: из-под них – ничего не вылезло, разве что авантюра с темой «*Я*»[125]; а задумана была – мистерия.

Этому до сей поры удивляюсь; и делюсь с Вами своим удивлением.

Скоро – 3 часа ночи. Схватываюсь в ужасе за голову; вместо того, чтобы отвечать Вам на письмо Ваше, я начал с нескольких предварительных фраз, с своего рода

* *В автографе*: отдаленнейшая

введения, и вдруг – уехал в сторону; и три уже вечера выпутываюсь из дебрей, в которые занес меня мой «*саврас без узды*», т.е. мои эгоистические плавания в «*кучинских*» переживаниях и мыслях; но – повторяю: мои кучинские мысли, вернее, наши с К.Н. кучинские мысли (ведь с ней только и вижусь), и есть содержание моей оторванной от «*современности*» жизни; живу на «*луне*»; и нет у меня иных впечатлений, кроме лунных; нужно большое доверие, чтобы предстать так обнаженно пред Вами в своем «*лунном*» неведении о *всем прочем*: но с другой стороны, – тешу себя мыслью, что Вы, именно видя меня в моей «*лунной беспомощности*» представшим пред Вами, прочтете это явление мое из хаоса беспочвенных домыслов, как знак большой любви к Вам: видите, что не чинюсь; и выборматываю все, что проходит перед сознанием.

А за болтливость простите; ведь форма моей жизни в уединении обрекает меня хотя и на желанное, но все же вынужденное молчание (*К.Н.* – не в счет: мы с ней в силу однообразности устремлений давно уже говорим не на человечьем, а на «*каковском*» наречии, – проще говоря: на заумном языке); и естественно, что молчание это, порою молчание многих недель (с приезжающими в Кучино говорю часто сквозь стиснутые зубы), – естественно, что оно прорывается; и, прорвавшись, бьет фонтаном; я же так редко пишу Вам; и так часто имею потребность в беседе с Вами.

Думаю, что – остальное понятно; понятно, отчего в письме к Вам становлюсь болтливым без меры; Вы – *единственный человек*, с которым у меня есть переписка. Больше – никому не пишу.

После оправдательных этих слов, мысленно желаю Вам покойной ночи.

Завтра – допишу это письмо.

Кучино. 27 сент. 26 года.

Дорогой Разумник Васильевич, – согласно вчерашнему обещанию себе дописываю сегодня письмо Вам. Но сперва спешно отвечаю на пункты Вашего письма. Относительно О.Д.Форш мне отнюдь не конфузно: присылайте пантомиму О.Д. – мне ли, непоср<едственно> М.А., – как хотите: знаю лишь, что М.А. еще не приехал, но что на днях он возвращается, ибо объявлен в «*Эрике*»[126]. Спасибо за сведения, хлопоты и хорошие слова о М.П.Столярове; я передам ему их: пусть лично обратится к Некрасову. Вы спрашиваете меня о состоянии здоровья: ничего, овладеваю движением; еще продолжается массаж; делаю гимнастику; как всегда в таких случаях, – главные точки удара (плечо, лопатка) благополучны (остались остатки болезни: вообще, – кости благополучны); а вот то, на что первые недели не обращал внимания, ибо казалось пустяком, – доставляет наиболее хлопот: именно, – из рук вон плоха дельтовидная мышца; оказывается, – ей досталось изрядно; ее-то и приходится лечить; и потом: разыгралось болью вовсе не ушибленное место (от кисти до локтя левой руки); бывают сильнейшие ревматического или подагрического характера боли; Марсова говорит, что это может быть следствие массажа ее; ибо ее массаж выявляет все латентные болевые места в мускулах; то, что таилось, угрожая будущими немощами, при ее массаже, так сказать, выводится на свежую воду; у меня и прежде были подныванья левой руки (терпимые) ревматич<еского> свойства; а теперь они стали вдруг *острыми*; лечат руку компрессами из метилового салицила и т.д.

Впрочем, – относительно это всё пустяки.

Скучно было то, что около месяца я не раздевался и спал полусидя; нормально протянуться нельзя было: ведь были разбиты – рука, плечо, бок, часть груди, лопатка, т.е. вся левая сторона; нельзя было наклонять голову; вечером трудно было и читать, и писать; сидел вытянувшись в кресле, весь подтыканный подушками, напоминая И.И.Коробкина; как и он, томился вынужденным бездельем; чтобы занять себя и свободную правую руку – впал в детство; и стал забавляться цветными карандашами и пером; выводил всякие «*загогулины*»; и их раскрашивал[127]; представьте себе: К.Н. и сестра ее, Елена Ник<олаевна>[128], нашли что-то в этих «*загогулинах*»; и теперь К.Н. взяла и отдала окантовать 2-3 штуки; вышло – забавно; я и сам пристрастился к этим занятиям; и когда пришла пора «*дело делать*», я все не мог оторваться от карандашей, потому что напал на весьма интересный метод – не выдумывать орнамент, а получать его из пересечения геометрических линий: парабол, спиралей; меня к этому толкнули фигуры антропософа-математика Бараваλля, сторонника созерцательной геометрии; геометрическая фигура всегда – выхват из ритма движений различных

скоростей; она – статика; динамическая геометрия, т.е. изучение фигур в движениях (форм в движениях), есть ничто иное, как *эвритмия*; и в этом отношении начало геометрии – искусство, игра, а не наука; в вальдорфской школе[129] дети до 13-14<-ти> лет *играют* в геометрию и эстетически созерцают танцы линий и форм; а в этих созерцаниях загрунтовываются уже подчас сложные геометрические и тригонометрические узнания, которые на фоне этой уже ранее взятой в себя геометрической эстетики совершенно легко усваиваются, ибо чрез эвритмию человек непроизвольно врастает в самый стержень геометрических истин; и потом уже – ему нечего долбить: в теоремах, в оформлениях рассудком ритмов эф<ирного> тела, – он узнает нечто свое, родное.

Я – пересекал спирали, параболы: нарисуешь 4 параболы a, b, c, d; нарисуешь все, выросшее из них; и потом говоришь себе; допустим: «а» – желтое, «b» – коричневое; «с» – синее; «d» – зеленое; пересечения – пересечения красок; я налагал краску на краску планомерно; и – получался интересный орнамент с оригинальными красками (хотя я работал элементарными карандашами). Связь геометрии с изобразительным творчеством древних греков, на которую указывал Шпенглер[130], – действительна; только – Шпенглер ограничился *аналогией*, а между тем между изобр<азительным> творчеством грека и геометр<ическим> его творчеством существует отношение *преемственности*, а не *одновременности*; заметьте: сперва мы имеем период гимнастики, плясок, хореи, т.е.: дионисическая динамика – сперва; в 5<-ом> веке она – статизируется; и – конец 6-го века, начало пятого, пятый и начало 4-го – расцвет *пластики*: это эра *канонов* античной скульптуры; когда пытаешься *вникнуть* в то, чем неповторима греческая статуя этого периода (я много разглядывал с этой точки зрения античные изображения), – бросается в глаза: неповторимость поз статуй в том, что *поза* дана в ауре поз, в градации поз: отсюда стремления скульпторов этого времени (например, – «*Метальщик диска*») дать в позе – переход от позы бывшей к позам следующим; это дано *либо в выборе темы* (пресловутый «*метальщик диска*», изображенный не в позе, а в миге перехода от позиции к позиции, так что позиция предыдущая и последующая вписана в изображенную связь *поз*), либо в ритме складок: одна из *Афин* этого периода изображена в позе покоя с копьем; но вглядевшись в *позу* – видишь; и здесь: рука с копьем предесцинирует ряд движений, естественно вытекающих отсюда; ритм складок плаща

дан так, что он образует волны движений, взмывающих руку вверх. Мысль моя: неповторимость греческой пластики в том, что она принцип *движения* вписывает в позу покоя с бóльшим совершенством, чем чисто *внешние* динамические эффекты Родена; греки давали *движение* формам конфигурацией линий и черт *антипсихологически* вне внешней экспрессии движения; и оттого *покой поз* их статуй – легкий полет; эта тайна *динамики* утрачена скульптурой Ренессанса; движение здесь – психологическая экспрессия, нарушающая легкий эфирный ритм греческой статуи; в греческой же статуе нет *никакой психологии*; окрыленное, порхающее бесстрастие – буря движения: вот впечатление от греческой скульптуры эпохи Перикла. И это оттого, что в этой скульптуре – продолжилась предыдущая эра: хореи, танца, гимнастики; греческая гимнастика – продукт огромной, духовной культуры; это продукт ритмизации; по Штейнеру – продолжение этой гимнастики ничто иное, как драматический жест и жест декламационный; она влиянна в драму; из 6<-ти> глав гимнастики: ходьба, бег, борьба, прыганье, метание в цель копья, метание диска – д-р Штейнер вынимает 6 основных драматических жестов, которыми он советует овладеть актеру; представьте себе, что метание копья он ставит в связь с акцентуацией актера; те жесты, которыми владели актеры эпохи расцвета драмы, – продухотворенная гимнастика; из задержки беганья, хода, борьбы и т.д. сложились основные драм<атические> жесты; сумма жестов, в которых принимало участие все *тело* актера, создавали из этого тела сплошное, большое *лицо*; лицо человеческое

актером, так сказать, эвритмически расширялось во все тело и продолжалось за тело в орнаменте им рисуемых в воздухе фигур; и оттого-то лицо греческого «*Ивана Ивановича*», личности, в точке лица погашалось: *маской*; оно – было не нужно; ибо сумма всех движений всех поз рисовала в сто раз более энергически жестикулирующее лицо; в античной трагедии, по доктору, лицо современного Ивана Ивановича, играющее глазами, губами, – неприятная психологическая отрыжка, подобная икоте; и тут он рисует путь от античного театра к современному европейскому, как путь от подлинно драматического (ритмически-гимнастического) жеста к отрыжке пищеварения*.

Эта мысль д<окто>ра о дух<овной> культуре, лежащей в основе гимнастики, мне помогает увидеть суть расцвета греч<еской> скульптуры; греч<еская> скульптура – динамика, эвритмия, бег, полет, или прядание ритмов эф<ирного> тела – в позе покоя; оттого-то она антипсихологична, антиэкспрессивна; экспрессия, мина лица – потухающий пламень движения в точке лица; в 4-ом веке мы присутствуем при потухании античной скульптуры; выдыхается полет ритма; статуи тяжелее: и *прямо пропорционально отяжелению* (упадку) *выступает впервые* роль психологического жеста: лицо начинает позировать минами душевной жизни среди окаменевающих, тяжелеющих, стынущих рук, ног, складок; и тогда уже, в борьбе с остыванием появляются «*дико*», «*ненормально*» форсированные экспрессией позы статуй иных скульпторов алекс<андрийского> периода (возьмите любой учебник греч<еской> пластики, и вы наткнетесь на указания на это явление).

В четвертом и третьем веке угасает скульптура, как, может быть, периодом ранее (я не проследил это) *уже* угасает «*божественность*» в гимнастике: и как рекомпенсация этого угасания цветет драматический жест. Закон сохранения энергии – эмблема правды; и если «*энергия*» в скульптуре пропала, – надо искать ее же под другой формой: во что переходит ритмическая энергия пластики в 4-ом, 3-ьем, 2-ом веках до Р.Х.? И – мне ясно: в пластику геометрических форм, греческая пластика продолжилась в геометрическое творчество; – Пракситель теперь Эвклид. Шпенглер указывает на связь их[131]; но – это не связь сосуществования, а связь преемственности.

Геометрическая фигура, как Вы знаете, не есть физическая форма; геометрия – не физическая пластика; скульптура – пластика физическая; в скульптуре, как и в гимнастике, усилие направлено на то, чтобы зарисовать эфирное тело в физическом; или, лучше говоря: созерцая физич<еское> тело, древний грек созерцал одновременно и эфирное; он давал *физич<еское> тело в соединении с эфирным*; и этим эфирно-физич<еским> ритмом, утраченным после, и отличается период расцвета скульптуры, *как неповторимый*; окаменение пластики 4-го и 3-го веков – знак статизации, начала *расключенности* в созерцании физич<еского> и эф<ирного> тел; видя тело, грек 3-го века видит его *только физическим* (человек уже не воспринимает эф<ирного> тела, вероятно потому, что мускульная система его механизировалась); прядание эфирных ритмов, однако, остается; и потребность к ним, однако, уже в физическом теле невоспринимаема: и отсюда-то интерес к новому искусству: к искусству вне-физических, стереометрических форм: небывалый доселе период расцвета геометрии; вдруг платоники начинают усиленно созерцать призму, пирамиду, конус (Менехм открывает конические сечения)[132]; цветет школа геометров платоника Эвдокса[133]; к 300 году является Эвклид. «*Начала*» Эвклида пронизывают *sui generis* неповторимой геометрией 2 тысячелетия; достижения Эвдокса, Эвклида, Архимеда, – все это цветение *2-х столетий*, нечто *неповторимое*, единственное; именно это – цветение живых созерцаний, игра ритмов, заставивших Архимеда созерцать прямую линию, в длине равную окружности, и т.д.; в наши дни существуют иные геометрии; в свете их, геометрическая пластика 4-2<-го> веков Греции – замкнутая сфера; но ведь внутри любой замкнутой сферы путь созерцаний – бесконечен; а сфера греческой геометрии, можно сказать, оборвалась с Грецией; два последующих тысячелетия по отношению к 2-м столетиям «*эвклидовой геометрии*» – лишь внесение в нее «*штришочков*»; она и в наши дни – «*геометрия Эвклида*», а не, скажем, геометрия Клейнов, Лобачевских и других.

Моя мысль сводится к тому, что этот период геометрии есть метаморфоза искусства, темы, данной в вариациях: одна вариация – гимнастика; другая – драматиче-

* Эти домыслы – содержание одной из 20<-ти> лекций драмат<ического> курса д<окто>ра. *(Примечание Белого).*

ский жест; третий* – пантомимический жест языка (декламационное искусство); четвертый – жест пластических искусств пятого века; шестой** – геометрия. Геометры 4-го и 3-го века инспирируют науку; в них зажигается астрономия Гиппарха и Птоломея, геогнозия Герона, тригонометрия Менелая[134]; но *геометрия собственно*, ритмическая геометрия, этот неповторимый цветок-искусство, гаснет уже к 1-ому веку до Р.Х.; и мне ясно, *куда* гаснет, т.е. гаснет, что́ зажигая; но об этом потом; сперва отмечу, что историк математики Кэджори[135] резко подчеркивает особенность греческой геометрии: *ясность и определенность* ее понятий при полном *отсутствии **общих принципов и методов***. С точки зрения нашей методологии, мы должны бы воскликнуть: «Как это возможно?» Без ***общих принципов*** современная наука не может шагу сделать; а греки *шагали, да еще как*, без ***общих принципов***. Кэджори должен бы был углубить вопрос; и спросить себя: «Как это возможно». Но историки наук – легкомысленный народ; они не углубляются в сути *status'a nascendi**** наук; если бы углубились, то увидели бы, что науки возникают не *как науки*, а *как искусства, культуры*. Если бы репутация греческой геометрии не стояла так высоко во мнении современности, то отсутствие принципов в ней должно было бы вызвать у историков науки восклицание: «*Эвклид, как уже замечено, довольно загадочная личность... относится легкомысленно к истине, ...не имеет сериозного направления... Мы встречались уже... с... сомнительным характером в лице геометров-мистиков школы Платона..., виртуозов шарлатанства, которые сверх сериозного значения... имели заслугу*». Отсутствие «*общих принципов*», т.е. «*кеплеровская смелость*» в наши дни сколь часто есть повод к обвинению в шарлатанстве (д-р Штейнер 20 лет обвиняем в шарлатанстве, а его «*Naturwiss<enschaftliche> Schriften*» к Гёте[136], замалчиваемые, есть блеск и кипение в сфере естественно-научной методологии, подобное сочинениям Фрэнсиса Бэкона); но – Вы спросите меня, откуда, зачем я привожу обвинение Эвклида в легкомыслии (в отсутствии «*общих принципов*»); я перефразирую Историю физики Розенберга; привожу цитату: «Порта, как уже было замечено, довольно загадочная личность: он хвастлив, относится легкомысленно к истине, верит чудесам... не имеет сериозного направления; и, несмотря на все это, за ним есть положительные заслуги****. Мы... могли бы познакомиться с... пресловутым Парацельсом, ***виртуозом шарлатанства*** (?!), который *сверх сериозного значения для* (?!) *медицины имеет... заслугу... сопротивления схоластическому аристотелизму* (?!)» («*История физики*». I том, стр.142). Розенберг не замечает, что он бьет себя, как унтер-офицерская вдова Пошлепкина[137], когда после недоказанного тяжкого обвинения в шарлатанстве дает объяснение «*шарлатанства*», аннулирующее «*шарлатанство*»: «*Внешняя эффектность, некоторая примесь чудесного* (?!) *были, **по-видимому*** (великолепное «***по-видимому***»!), *необходимы натуралисту в эту переходную пору*...» (Ibidem, стр.143)[138].

И все это потому, что у Парацельса, Порты, Кардана[139] не было «*общих принципов*» всем известной «*истины*», т.е. кодекса «*догматов*» одного лишь момента в истории философии наук: момента установления «*незыблемых*» принципов философии Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера[140]. Господин Розенберг, обвиняя Парацельса в шарлатанстве и строя это обвинение на отсутствии у него принципов Милля (как знать, – не Льюиса[141] ли?), понятное, если принять во внимание «*то переходное время*», вы должны были бы и Эвклида за отсутствие «*общих принципов*» и с признанием «*сериозных научных заслуг*» затащить в компанию вами так странно характеризуемых «*шарлатанов*». Я, по крайней мере, скорее согласен записаться в компанию «*шарлатанов*» вместе с Парацельсом, Бэконом и Штейнером, чем разделять унылость обще-логического Розенберго-Смайльсо-Льюисовского принципа[142] подхода к

---

* *Так в автографе.*

** *Так в автографе.*

*** *состояния зарождения (лат.)*

**** Именно: «*Заслуживают внимания опыты Порты над магнитом*»... «*Порта первый высказал совершенно верный факт, что*» и т.д. «*При столь разумных опытах*» и т.д. («История физики», I т., стр.142). И тем не менее: «*Джамбатиста делла Порта... – полудилетант..., в изрядной степени шарлатан*» (Ibidem, стр.139). (В чем шарлатанство Порты – «*молчок*»). И – тем не менее (!!): «*Напоминает старого Плиния: так же любознателен и неутомим в собирании сведений*» (стр.139). Вот «*логика*» историка <?>. *(Примечание Белого).*

историческим явлениям. Розенберг во многом дал интересную «*историю физики*»; но там, где он выступает как философ научной культуры, – я узнаю слишком мне ведомый голос: Никиты Васильевича Задопятова[143].

Простите за это невольное отступление: ведь я неустанно весь этот месяц полемизирую с историками философий и наук: с Виндельбандом, с Ибервегом[144], с Кэджори, Фаццари[145], Розенбергом и прочими. Недавно потрясался поверхностностью «*Истории древней философии*» Виндельбанда[146]; за 15 последних лет она – выдохлась в моем сознании; и выглядит «*Историей философии*» *Льюиса*, у нас всех вызывавшей зевок во времена нашей юности.

В наши дни возможен иной подход к геометрии: как к эвритмии; применение эстетического метода *ритма* к *метру* формул перекинуло бы фактически мост от орнамента, зодчества и скульптуры к геометрической орнаментике (планиметрии) и к геометрической пластике (стереометрии); геометрия, как танец эфирного тела, дала бы нужный *подсмотр* к многим «*грибным местам*», которые бы вернули нам по-новому «*эвклидову*», утраченную геометрию, как геометрию наших дней. И тут возвращаюсь к вопросу: куда утратилась «*геометрия*»: в чем вынырнула она в первых веках по Р.Х., когда дух ее от геометрии отлетел и когда, в лучшем случае, она жила лишь в реставрационных попытках.

Она зажила в «*алгебраическом и арифметич<еском> устремлении*».

Греки – не сильные *алгебраисты*; расцвет алгебры в античном мире совпадает с периодом угасания самого этого мира; поэтому «*алгебра*» в античном мире не цвела; она лишь – тронулась к цветению, попыталась цвести: «*В течение четырех столетий после Эвклида*, – говорит Кэджори, – геометрия... удерживала внимание греков, и теория чисел была в пренебрежении»[147]. Во втором веке, однако, алгебра нудится в Эратосфене, предваряющем кое в чем Гаусса, Лежандра, Дирихле, Римана, Чебышева[148].

Начало теории чисел – 2-ой век: Никомах[149]; и за ним – Феон Смирнский, Фимарид[150]. Наконец, в Диофанте (конец 3-го века по Р.Х.) алгебра – «*тронулась*»[151], но она тронулась из умирающего античного мира, как «*душа*» этого мира, покинувшая его физич<еское> + эф<ирное> тело, – она тронулась в *астральной* своей оболочке в страны древних, *астральных* культур, некогда изживавших свою *астральность* образами тысячеруких чудищ-богов (образов астрального сна): она тронулась – в Индию. Мы уже знаем, что греческая наука (в частности, геометрия и алгебра) были известны культурной аристократии Востока; в 5-ом – 6-ом веке оплодотворились религиозно-мистические древне-астральные сны индусов началами геометрии и алгебры: 6-ой век в Индии дает математика Брахмагупта[152]; в ближайших следующих веках уже в Индии замечательные алгебраисты: Сридхара, написавший трактат «*Сущность вычисления*», и Падманабха, автор руководства по алгебре[153]; открывается значение «*нуля*» (античный мир в эту пору и есть этот «*нуль*»); методы вычисления доводятся в Индии до небывалого совершенства (аналогия неповторимой «*геометрической*» эпохи греков); открывается «*отрицательное*» число: оно становится математической реальностью; один шаг: и – откроется мнимая величина «$\sqrt{-1}$», легшая в основу культуры новой алгебры; в этих новых, уже непредставимых мирах забьет математическая жизнь будущей новой эры, математики 18 и 19<-го> столетия; корень ее – Индия; этот едва *ощупываемый мир* и есть мир культуры, куда отошла греческая культура, бывшая до 1-го века на земле и ставшая с 5-го, 6-го века в астрале; смерть античного мира есть выход его *«Я» + астр<альное> тело* из *физ<ическое> + эф<ирное> тело*; это выход – в древний, восточный астрал для будущей переработки сторуких божеств сна астрала в многозначимые формулы *грядущей высшей математики* наших дней.

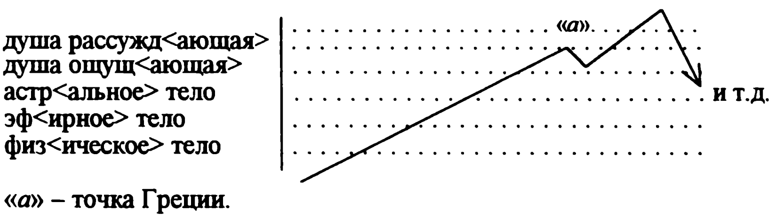
Здесь останавливаюсь: в «*Истории становления сам<осознающей> души*», может быть, попытаюсь словами коснуться внятнее этой «*шарлатанской*» (духовно-научной), меня волнующей темы; здесь, в письме, обложить ее словами кратко не могу; да и «*не в кратком*» изложении, вероятно, стал бы заикаться, ибо я, как гончая собака, здесь еще вынюхиваю «*темищу*»; и, кроме «*нюха*», еще ничего не имею; единственный след, на физическом плане, след, мне кричащий: 1) когда *алгебра* тронулась в античном мире, то его обуял сон: еще умения развить <?> сознания во сне не было; 2) когда алгебра в античном мире *тронулась*, то она тронулась в «*Индию*», в «*нуль*»

и в «*отрицательные величины*» (в «*менее, чем ничто*»); но это «*менее, чем ничто*», смерть ант<ичного> мира, стало именно *основой новой науки* в 19-ом веке.

Мне ясно, что в геометрически-механических, физических аппаратах 20<-го> века на физическом плане оживают *впервые* существа эфирно-стихийной действительности, а в формулах высшей математики действительно воплощен астральный мир, символизованный некогда многоруким и многорылым многообразием «древних божеств».

Дело не в этой, побочной мысли-гротеск, а в основной линии постулируемого моей точкой зрения явлений греческой культуры в стадиях ее метаморфозы: эта культура в стадиях ее жизни уподобляема *организму растения*; ее подземное семя – Дионис; ее питающий свет – Аполлон; раскрытие *семени из ростка* – петля, образованная из силовых линий Аполлона и Диониса, или – *душа рассуждающая* с ее формой, личностью; момент выбегания ростка – Дионис-побег, или Персефона-побег (*культура мистерий*), как ритмизация дионисических взрывов, разрывов, оргий: растерз Диониса – растерз оболочек семени; далее – стебель протягивается кверху: ритмизация сил Диониса Солнцем; это – культура гимнастики, хореи с ее ответвлениями позднейшими, драматическим жестом, жестом словесно-декламационным; или: *стебель* в одном направлении метаморфизируется в *лист*: плясовой жест становится драматико-пантомимическим; и уже этот лист по осени, горящий всеми цветами радуги, как моя вишня, в котором дана радуга-обещание, что лист станет цветком слова: словесный, пантомимический жест – взрыв лирики, *звукословие*: рождение *текста* из хора. Пресуществление же динамического, эвритмического стебля в лист в другом направлении есть рождение пластического ритма: *цветок* листа – скульптура; облетание лепестков и созревание плода цветка – геометрическая пантомима, питающая астрономию, физику и другие науки Греции; наконец: засыхание плода, смерть его: но сухие *семечки* его брошены в иную культуру: из плода Греции выпало семечко-алгебра в Индию, чтобы раскрыться: сперва в арабах; и потом уже в математиках нового времени.

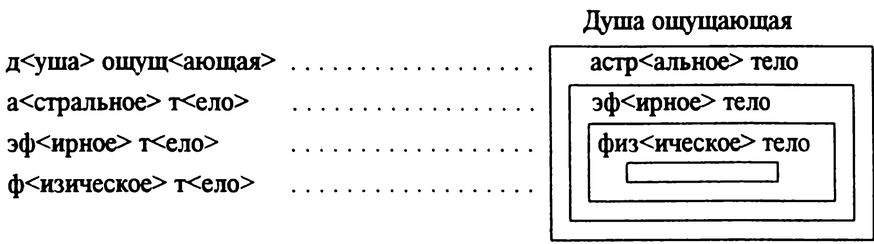
Причины этой органики для меня в ритмическом жесте истории:



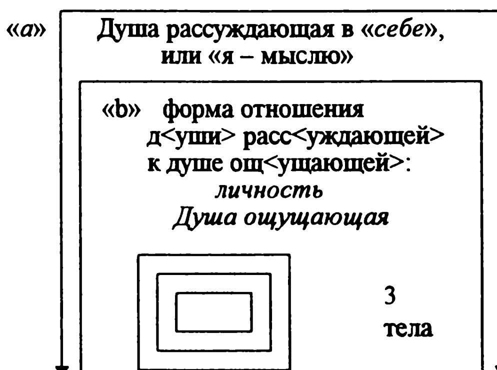
«*а*» – точка Греции.

Чтобы понять суть процесса, привожу схемы:

До – доминировала форма культуры души ощущающей, т.е.



Теперь – новая форма культуры.



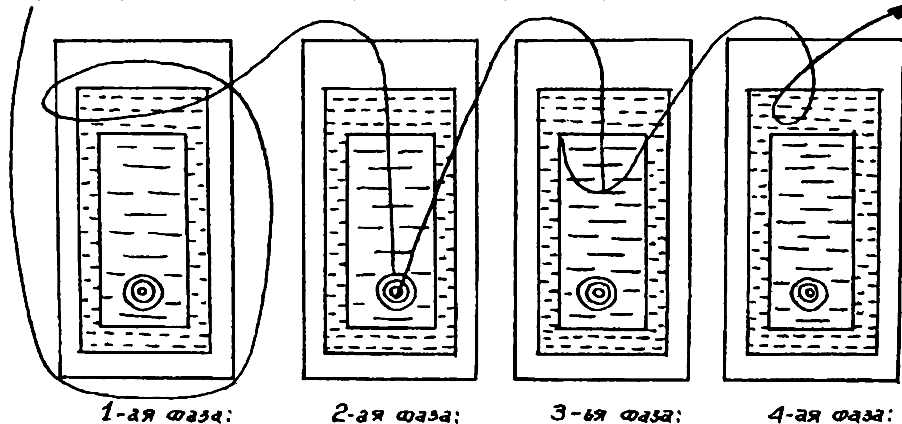
1) *Культура души рассужд<ающей> в чистом виде*: мысль, философия.

2) *Переработка этой душою культуры предыдущей* (души ощущ<ающей> с вписанными в нее 3-мя телами) есть *эстетическая* культура Греции.

И в ней – фазы: (- - - - - астр<альное> тело
– – – эф<ирное> тело
——— физ<ическое> тело)*

Душа рассуждающая

* душа ощ<ущающая> душа ощ<ущающая> д<уша> о<щущающая> д<уша> о<щущающая>



ритмизация всей жизни: законы, гимнастика, хорея | пластич<еские> искусства (скульптура) | геометрия | алгебра, теория чисел

В первой фазе: бросается новая закваска во все *целое* предыдущей культурной эпохи: в *душе ощущающей* под действием брожения этого слагается личность; культура сложения в *законах* личности; в *астральном теле* – это новое в *образах-снах* мистерий; в эфирном теле: это – ритмы: хорея, пляски; в физическом теле это – гимнастика, игры, военные упражнения.

Во второй фазе: внимание сосредоточено на культуре целого из трех тел с акцентуацией двух тел (астр<ального> и эф<ирного>) в действиях физического; это – словесный жест, фонетика языка (отображение астрала в физ<ическом> теле); это – пантомимич<еский> жест драмы (отображ<ение> эф<ирного> тела – в физич<еском> телодвижении); это – скульптурная *поза* (самое физич<еское> тело).

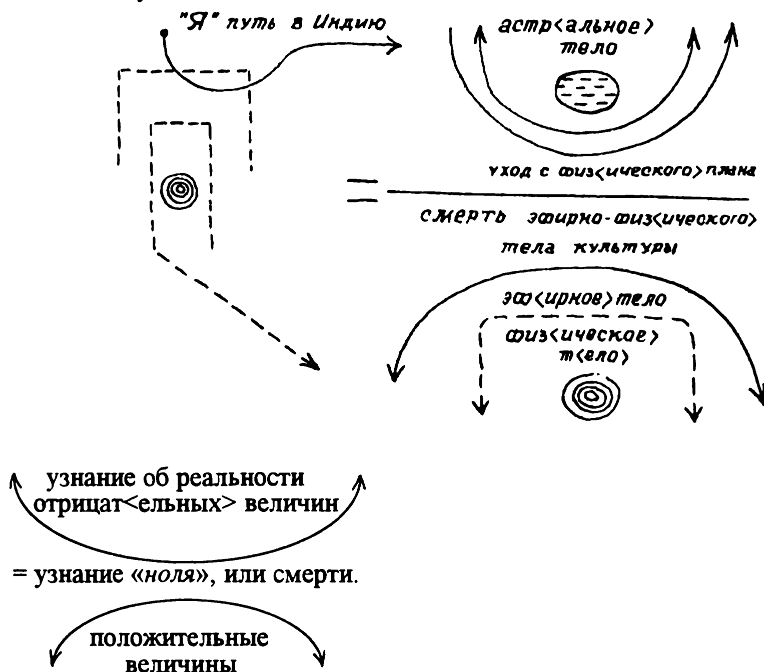
В третьей фазе: внимание сосредоточено на пластике эфирно-астральн<ого> тела минус физического; фигура без физ<ического> тела – геометрическая фигура; а вычисление ее – ее связь с астралом.

---

* *Обозначаемое ----- в автографе – коричневым цветом, – – – красным цветом, ——— – зеленым цветом.*

В четвертой фазе: сознание оживляет лишь астр<альное> тело, не проницая окостеневающее физич<еских> тел с прилипающим к нему эфирным: это – алгебра.

И тогда получается:



Напомню, что с антр<опософской> точки зрения смерть и есть распад «*пленума*» на «*Я + астр<альное> тело*», с одной стороны, и на «*эф<ирное> + физ<ическое> тела*», с другой.

Понятно ли Вам в намеке, что мне рисуется в этапах ритмич<еской> метаморфозы культуры античного мира?

Уже 2 часа ночи: что же это такое? Точно я собираюсь болтать с Вами 1001 ночь: да – не будет; Вы уже и так проклянете меня за необходимость одолеть эту болтовню. Решительно: завтра быстро кончаю, катастрофически быстро кончаю это письмо; не сетуйте, если кончу на запятой.

Кучино. 28 сент. 26 года.

Дорогой Разумник Васильевич, –

на этот раз спешно кончаю письмо: со стыдом, что занял Ваше время каракулями (плохим подчерком); и – каракулями мысли: да, мои мысли – воистину, косноязычные каракули; отдаешься им, потому что представляешь себе, что, вот, сидишь за чайком с Разумником Васильевичем; и отдаешься уютной невнятице: помните – «*чайник*» в рассказе «*Кота Мурлыки*» (кажется – «*Фея Фантаска*»); в детстве воспоминание об этом «*чайнике*» (мальчика лихорадит, бурлит чайник, сидит кот; и – вдруг: полет по мирам)[154], – воспоминание о бурлящем «*чайнике*» казалось верхом уюта; а позднее, юношей, перечел этот рассказ; и – разводил руками: как мог ребенок в этом сером повествовании видеть предел яркости; так и иные листики мои, с которых начал письмо, пока писал, уже погасли; «*вишня*» подернулась тусклостью; и вместо нее вычертился лист боярышника; так вот и *то*, что стояло за строчками Вам, что вызывало иллюзию разговора с Вами у себя в Кучине за чаем с вишневым вареньем (Елизавета Трофимовна[155] сварила нам с К.Н. вишневого варенья; и часть еще не съедена), – при разгляде извне (пытаясь просунуть нос в письмо) выглядит серым расска-

зом неталантливого проф. Вагнера («*Кота Мурлыки*»), окрашенным сантиментально-косноязычным социализмом, почти эн-эсовской «*мельгуновщиной*» (от... Мельгунов)[156]: Вы уж простите.

Так вот: вместо Раз<умника> Вас<ильевича> – белый лист бумаги; и на нем – каракули, изображающие потуги к летучему разговору; они – нечто вроде мазурки Янжула с Максимом Ковалевским[157] (оба – покойники); была раз такая мазурка у нас за стеной, когда я был маленький: в нашей квартире брякал цепью висячий фонарь; и подскакивали со звоном стаканы в буфете; оказалось: это резвится за стеной Янжул. Ну – вот: сегодня все то, что я вчера и третьего дня набросал на листах, кажется мне тяжкостопным, как Янжул; и – ухает нарочитым битьем гвоздя по рукомойнику (помните – «*папа дошел до гвоздя*»); этот «*гвоздь*» – гвозжение гвоздем «*духовного знания*» воображаемого противника-позитивиста, вернее – профессора М.А.Великанова, с которым месяца полтора <назад?> у меня был крупный разговор на эту тему: с одной разницею, что проф. Великанов не позитивист вовсе, он – «*оскептиченный*» феноменалист идеало-реалистической очень зыбкой окраски; и – эйнштейнизирующий; и кроме того: он-то и похож на ржавый гвоздь, меня подковырнувший и доведший не до гвоздя, а – до луны.

Всякая собака
Лает на луну.

Это «*я*» – лаял; мы, видимо, крупно обиделись друг на друга, потому что он, забегавший ко мне в своих наездах в Кучино, перестал появляться; а я с той поры все продолжаю «*лаять*» на официальную науку; и когда открываю «*Историю физики*», то постоянно подковыриваю Розенберга (автора «*Истории*»), очевидно спутывая его с Великановым; и вот этот «*лай*» на физиков, химиков, физиологов опрокидывается на всех. Это демонстрирование на 50<-ти> с лишним страницах Вам добрейшего Михаила Андреевича Великанова, насилующего мышцу «*нервом*», прививающим* женские органы обезьяне, обучающим ботанике по спиртовым препаратам, считающим Парацельса шарлатаном, не желающим признать, что слоноголовый бог Ганеса[158] есть в новом своем воплощении (как знать?) «*бином Ньютона*», – эта дотошная демонстрация («*Проф. Великанов, но... зачем же стулья ломать?*»)[159] и выглядит мне сегодня мазуркой профессора Янжула; она – «*судьба*», обратившая разговор с Вами за «*чайком*» в трехночевой лай «*на луну*».

Всякая собака –
Лает на луну:
Знаки Зодиака
Строят нам судьбу.

Сейчас «*луна*» – ущербна (как известно, тогда-то и «*лают*» собаки); и кроме того: поднимается Скорпион и мы вступаем в сферу Дракона, висит над головою Марс, а «*le petit Zéphyre*»** (так изображен был ветер в одной старинной книге) тихоструйно проносится над Флоридой: в результате – тоже «*мазурка Янжула*»: брошенные с моря на землю корабли, разрушенные города. Атмосфера, не благоприятствующая словам «*тихоструйным*»***: начиналось к Вам это письмо с настроения легкого, как «*тихих струй плесканье*»[160]; сел писать и – «океан... взревел!» «*Океан... взревел*» – требует пояснения; палеонтолог, слононогий и слоноголовый (забыл фамилию), лет 20 назад, у Сизовых[161], сел за рояль; и стал импровизировать: он оказался и поэтом, и музыкантом-импровизатором; затрещал табурет под ним; раздался ужасный шум на клавиатуре, как если бы сели на нее, и голос, подобный хоботу, стал сотрясать стену геологической катастрофой, вероятно повествующей об ихтиозаврах. Слышалось только: «И – океан... взревел». Кажется, его фамилия была Цебриков.

Остается одно: «*дать отдохнуть и фонтану*», выражаясь языком Кузьмы Пруткова[162]. Сказать себе: что написал, то написал, сложить «*фолиант*», надписать на нем: «*се лев, а не собака*»[163], или соответствующее этому: «Милый Р.В., посылаю Вам это краткое "*бильэ-ду*"[164] вместо письма, за недосугом; и прошу не смешивать: с *белибердою*: посылаю ***не*** белиберду, а "*бильэ-ду*"». Словом: «*Се лев, а не собака*».

* *Так в автографе.*
** *«малыш Зефир» (фр.)*
*** *Последующий текст (до конца абзаца) вписан позднее.*

И остается вздыхать, что разговор за «*чайком*» так-таки и не состоялся. А почему бы ему не состояться? Почему бы – *все-таки* Вам не приехать пожить ко мне; неужели все-таки на недельку из всего аппарата работы не взять малый чемоданчик. Единственное могущее возникнуть затруднение – материальное (в наших теперешних жизнях); но ведь *только* проезд; ведь Вам *даже* можно было бы не спускаться в Москву; и – даже (не обижайтесь): если вопрос о деньгах, то именно эти месяцы, вероятно, я буду обеспечен; ведь Вы могли бы взять у меня; неужели «*такие мелочи*» – препятствие к нашей встрече в Кучине? Подумайте, дорогой друг: как Вы бы утешили меня; ведь Бог знает, когда мы увидимся; и Бог знает, сколько нам осталось жить.

В наши лета мы уже имеем право на легкомысленные лозунги: «*Живите, как птицы*»; и «*довлеет дневи злоба его*»[165]. Этому «*дневи*» с его «*злобой*» мы и так слишком отдаемся.

Если бы даже и показалось, что «*дело не пускает*», тут и вспомнить: «Живите, как птицы». Сесть в поезд и очутиться в Кучине.

Вот утешили бы меня: всегда жду Вас – осенью, зимой, весной.

Правда! Подумайте!

А пока крепко, крепко Вас обнимаю и остаюсь глубоко Вас любящий

Борис Бугаев.

P.S. Варваре Николаевне и Иночке мой сердечный привет и уважение.

Не пишу своего отношения к Вашему намерению написать о «Москве». Вы знаете мое отношение к Вам, как моему критику; очень волнуюсь Вашим желанием; и по ряду понятных причин не прошу Вас об этом, но и не «не прошу».

Кучино. 29-го сентября 26 года.

Дорогой Разумник Васильевич, –

Постскриптум, невольный, – к «*теме*» моего письма к Вам, т.е. к занимающим меня домыслам о переходе нормальном от философии культуры к науке самой, не как шпенглеровский переход к цивилизации, а как переход от *культуры* к *культуре* же, где исходная культура есть то, что мы обычно связываем с культурой, а искомое – культура *наук*, которой еще нет в данном состоянии наук (это *еще* цивилизации); меня занимающая мысль: искомая культура наук в ее хотя бы формальных признаках или *невозможна* (и тогда: в науке – умирает культура; тогда – «*опрощение*»; и – только, как знак борьбы с цивилизационным *разъедом* нормальной жизни); или же: эта искомая культура *возможна*; и если возможна, то – только как *духовное знание* (разумеется в широчайшем и критическом смысле); такое знание *territory* Толстым же (философом «*опрощения*») в его «*Книге о Жизни*»; но поволенность эта мало пропечатана в толстовстве; наоборот: в Штейнере *поволенность* эта в высшей степени *напряжена*; и отсюда иначе разрабатываются в антропософии связывающие ее с «*толстовством*» темы; общность стержня книги «*О жизни*» с рядом основным антроп<ософских> тем когда-то поразила меня и отразилась в моей работе: «*Кризис культуры и Лев Толстой*»[166]; там я и сравниваю разные тональности («*Штейнер*», «*Толстой*»), как вариации одной *темы*, поданной то как *опрощение и непротивление*, то как *дух<овное> знание* (т.е. не «*опрощение*» в обычном смысле, а в высшей степени «*осложнение*»); но «*осложнение*» – для будущего сокращения формул сложности в новую простоту («*остров детей*» шестого Zeit'Raum'а)[167]; у Толстого же «*упрощение*» – не так-то просто; оно хитро и сложно, – например, когда он предлагает плотнику Михайле, думающему, что, когда он умрет, то выйдет пар; и – больше ничего; Толстой «*подмигивает*» Михайле: «*А ты сумей выйти с паром, – вот ты и не умрешь*»[168]. Под афоризмом-шуткой укрыт призыв к сложнейшей *иоге*, к «*духовному знанию*», которого Толстой, занимаясь другой тональностью той же темы, как бы вскользь требует: лишь в одном месте требование – категорично; и – именно: в указываемом месте книги о Жизни (не имея текста, не могу указать страницы)[169].

В тему свою («*Что есть культура себя осознавшей науки*») уперся я в «*Истории становл<ения> сам<осознающей> души*»; и всю осень читал и думал в связи с этой темой; отсюда и мои мысли к Вам, невольно вырвавшиеся у меня; а опыт «*листиков*», прогулки по кучинской красной осени – чисто жизненные переживания этой темы; о ней – писал непредвзято Вам... Сегодня, 29 сентября, – день арх<ангела> Михаила: день самосознания, день, так сказать, дум о свободе самой наших грез о

наших, все еще абстрактных «*свободах*»: Михаил в разрезе доктора есть Дух Ратный[170]; но ратует он за свободу «*Я*», как бы говоря: «В борьбе с драконом обретешь ты право свое на свободу»[171]. И вся позиция «*философии свободы*» д<окто>ра[172] есть философское, абстрактное еще предварение темы «*свободы*», мощно поднятой им в последних, предсмертных годах. День *Михаила* – наш день; и понятно, что мы с К.Н. вечером, за самоваром, почитывали в этот день некоторые из мыслей доктора на эту тему; и я взволновался рядом откликов в теме «*Михаила*» именно на мысли этих последних дней, отразившихся и в письме к Вам: не мыслей абстрактных, а переживаний леса, увядающей природы всем существом: в лесу, в обстании, так сказать, природы; не могу не процитировать в *пост-скриптуме* несколько фраз доктора из конспектов его лекций о Михаиле[173].

То, что стало природой, как противостоящей нынешней форме сознания, – итог древних доприродных эр начала борьбы Михаила с Ариманом-Драконом; эту тему я опускаю (она поднимает пучок «*тем*»); «*природа*», как нечто «*ставшее*», «*стало*» преждевременно (это «ставшее» – законы механики); человек в борьбе за свободу продолжает природу в себе (тема «*культуры*»); и, наконец, помогает «*ставшей*» природе «*пойти*» дальше, выйти из паралича. Гёте понял, что эта мысль – «*не фантазирование*»; «*фантазии этой*» он не убоялся; и вместе: «*не ощущал в природе ничего враждебного*»; из природы он извлек «*сверкающие жемчужины своей поэзии*»; «*Гёте чувствовал всю красоту растений. Но он ощущал нечто незаконченное в природной жизни. Нечто большее лежит в том, что внутренне действует и творит растение, нежели в том, что предстоит глазу*». «*Гёте ощущал... как бы замыслы природы*» (мое примечание: «*Ритм, как жест смысла*»). «*Поэтому он был раздосадован, когда Шиллер назвал ему его образ внутреннего стремления растения... "идеей", а не данным "опыта". И ответил своему другу, что, если это* "***идея***"*, то он видит свои идеи глазами, так же как видит краски и формы. Гёте чувствовал... в природе не только восходящую, но и нисходящую жизнь. Он воспринимал прозябание, рост, созревание; но воспринимал и увядание, засыхание*». ... «*Это было еще отзвуком древнего восприятия "борьбы Михаила с Драконом"*» (указание на до-природный факт культуры, в итоге которого что-то «*стало*», что стало «*природой*» в ее механическом смысле: и в этой цитадели засел Ариман). Далее: «*Но теперь это ощущение внесено в сознание человека нового времени*». «*Направление гётевское... не нашло себе последователей в 19<-м> веке. И новейшее духовное мировоззрение должно стремиться стать этим продолжением взглядов Гёте*». «*Восприятие природы не полно, если человек сопереживает... только прозябание... цветение; он должен иметь чувство и для увядания, умирания*». «*С приближением осени... в том, что природа являет для глаз... заключена надежда; надежда на новую весну*». С этим «*природа оставляет человека одного с самим собой*» (примеч<ание>: в этом моменте и дан переход от природы к природе самосознания). «*Осенью природа говорит: "Извлеки из глубины твоей души силы"*». «*Гёте чувствовал: в природе нет ни зерна, ни оболочки; она... есть все..., человек может сопережить умирание. Через это он только глубже проникнет в недра природы*»... «*Он*» тогда переживает «*свое дыхание, свое кровообращение*»; «*то, что умирает осенью, не более чуждо ему, чем его кровообращение; оно закаляет в нем самосознание*». Из другого, более специального фортрага, сплетенного с рядом сложнейших космических и ангело<ло>гических тем, но – орьентируемых все же к конкретным природным фактам; пока – «*энигмы*», над которыми должен потрудиться будущий «*спец-культуртрэгер*», новый, *искомый* природовоззритель: «*Летом природные духи живут в сере, которая пребывает в тонком состоянии над землей*»; «*когда в человеке шевелится желание*», человек «*сульфуризируется*»; «*летом животное начало человека как бы реет над ним, и в этом собственно живет Ариман*»; противодействующая сила заложена в метеорном железе; «*вспомните о звездном дожде в августе. Это силы природы, противодействующие животным страстям. Метеоры – ниспосланные через пространство противоборные силы мира. Это – метательные копья вселенной. Они действуют очищающим... образом против процесса сульфуризации крови... Духовно-душевное здесь мы должны воспринять, как свободу, как инициативу, как силу воли. И процесс действия... метеорного железа в кровяном шарике мы должны пережить, как волю*». «*Михаил является с указующим мечом;*

он указывает на высшую природу» (культуру природы). «*Нужно представить его лик себе как бы образованным из солнечного света, со взором, светящимся из себя... Правая рука Михаила протянута так, что стремящееся из космоса железо метеоров переходит в пылающий меч; внизу, под ним – подвижный, меняющийся сернистый дракон*». Предлагаю химику взять на учет это при изучении свойств «*сернистого колчедана*». В цитируемой лекции (верней, конспекте ее) сказано в связи с Михаилом: «*Истинное знание должно перейти в искусство*». И далее, в связи с образом Михаила: «*Если бы часть людей сериозно приняла этот образ, то стало бы возможным претворить ведущие к гибели силы современной культуры*», т.е. ликвидировать приложение Штейнаха и Воронова к маленьким-гаденьким целям. «*Праздник Михаила должен быть связан с внутренн<ими> пережив<аниями> человека, чтобы он стал господином взаимодействия между железом и серой в своей крови*». «*Осенью мы размышляем о Михаиле. К зиме – о Марии. Сикстинская Мадонна есть последний отзвук знания об этих вещах*».

Михаил – инспиратор дум о культурах прошлого: «*Божественное входит в отношение человека к миру прошлого, являющегося в более поздние времена. Это и есть дело Михаила*» (т.е. «*ставшие*» формы косной памяти расплавить в становящиеся замыслы предстоящего). И Михаил – указывает на дело переплавления в культуру природы (*«Природа – бож<ественное> деяние, отображение дух<овной> деятельности»*); начало же переплавления – в нашем восприятии: в моральной фантазии нашей, оживляющей нам нашу спящую красавицу. «*Этому... противятся арим<анические> силы*». «*Они не хотят, чтобы силы просияли вселенную светом своего дальнейшего развития*». «*Понять смысл миссии Михаила в космосе, – получить возможность говорить так, как этого требует эпоха самосознающей души. Нужно уметь принять в себя естественнонаучный образ мыслей. Но также необходимо... научиться ощущать*» – природу в новом духе Христа. «*Мы должны научиться говорить языком Христа о природе*». «*Понять Михаила – найти путь к Логосу*». Лишь в проблеме этой завершится смысл всех откровений о природе, исходный пункт которых – 15-ое столетие.

«*Как... смотрит на внешнюю природу та душа*», в которой «живы подобные представления»? «*Листья падают с деревьев*»... «Человек "*должен*" извлечь из себя то, что ему давала природа; ее сила слабеет в нем...; дракон теряет свою мощь. Образ Михаила выступает перед душой». «В начале осени является "*Дух Мощной Красоты*"» (или – Михаил). Еще: «*Праздник самосознания... наступает, когда падают листья. И человек должен осознать это. Это – праздник Михаила*».

Дорогой друг, привожу эти кое-как выхваченные фразы, чтобы Вы поняли: мой праздник «*вишневых листьев*», наши с К.Н. маленькие радости в лесу – маленькие радости, в которых живет огромная радость подгляда «*Духа Мощной Красоты*». И это хочется мне Вам сказать в день Михаила.

[1] Ответ на п.165 и 166. Ср. запись Белого об этом письме (сентябрь 1926 г.): «Пишу длинное послание Р.В.Иванову (о науках, о "Москве")» (*РД*. Л.125).

[2] Цитата из строфы VII стихотворения А.С.Пушкина «Осень» (1833).

[3] В Черниговском скиту (близ Сергиева Посада) Белый и К.Н.Васильева жили в сентябре 1918 г.; Белый работал там над книгой «На перевале. III. Кризис культуры» (Пб., «Алконост», 1920).

[4] Книга Белого «На перевале. IV. Кризис сознания»; не опубликована, рукопись хранится в архиве Белого (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.64, 65).

[5] См. п.156, примеч.9.

[6] Ср. запись Белого о сентябре 1926 г.: «Начинаются "листики"» (*РД*. Л.124об). Об увлечении Белого собиранием и «изучением» осенних листьев, служивших ему первоосновой для медитативных, «тайнозрительных» и творческих опытов, см.: *Бугаева*. С.177-182. В 1927 г. Белый писал: «...два уже года я – *спец* сухих листиков; мне изученье оттенков сказалось в огромнейшем сдвиге; оно принесло столь же пользы, сколь некогда пристальное изучение полотен музейных <...> в отборе листов, при сложенье отборов, – раздвинута палитра; я убежден – вся история живописи, изучаемая в колорите, – часть палитры этой <...> везде осенями

градация листьев, ярчайших, чудеснейших, глаз развивающих так, как его развивают Рембрандты и Врубели» (*Ветер с Кавказа*. С.52-53).

[7] К.Н.Бугаева вспоминает, что Белый принес этот осиновый листик со словами: «Вот, нашел-таки, что нужно. В таких тонах будет дано окончание "Москвы под ударом". Теперь все сомкнулось. Есть спайка. Больше нечего думать. Остается писать, как с готовой модели»; передав «импрессию» листика в толковании Белого, К.Н.Бугаева добавляет: «Я сберегла этот листик, и позднее Б.Н. подарил его Р.В.Иванову (по просьбе последнего)» (*Бугаева*. С.178-179). Листик в архиве Иванова-Разумника не сохранился, но уцелел лист бумаги, к которому он был прикреплен, с пояснениями Иванова-Разумника: «Осиновый листик. "Москва". Желтое (пыль). Зеленое. Красное (кровь). Тема "Москвы", родившаяся из разгляда этого листочка. И.-Р.» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.3. Ед.хр.59). В заметках Иванова-Разумника к статье о романе «Москва» имеется также запись: «Т е м а "М о с к в ы". Осиновый листик, – желто-черно-красный, – давший А.Белому основную тему романа "Москва": желтый фон, черного Мандро и кровавую сцену пыток. Подарен мне К.Н.Васильевой в январе 1927 года» (Там же. Оп.1. Ед.хр.78. Л.3).

[8] 15-й съезд ВКП(б) состоялся 2-19 декабря 1927 г.

[9] Согласно Р.Штейнеру, эпоха Юпитера обозначает ту форму грядущего развития Земли, когда человек будет обладать самосознающим образным сознанием и сможет входить в общение с такими существами, которые остаются скрытыми для его современного чувственного восприятия. См.: Штайнер Р. Из летописи мира. Калуга, 1992. С.111-112.

[10] См.: Штейнер Р. Путь к посвящению, или Как достигнуть познания высших миров. Путь к самопознанию человека в восьми медитациях. М., 1991. С.29-32; Штейнер Р. Очерк тайноведения. Л., 1991. С.189, 219-220.

[11] Фрейбургская (баденская) школа – направление в неокантианстве, основанное Вильгельмом Виндельбандом и Генрихом Риккертом.

[12] Немецкий философ-неокантианец Эмиль Ласк – ученик Виндельбанда.

[13] Имеется в виду время летнего отдыха в Коктебеле (июнь – начало сентября 1924 г.). См.: *Бугаева*. С.140-142.

[14] Этот цикл лекций («Die geistigen Wesenheiten in den Himmelskörpern und Naturreichen») Штейнер читал в Гельсингфорсе 3-14 апреля 1912 г.

[15] Неточная цитата из стихотворения А.С.Пушкина «Пророк» (1826).

[16] Имеется в виду 6-я часть («Sinnlich-sittliche Wirkung der Farbe») трактата Иоганна Вольфганга Гёте «К учению о цвете» («Zur Farbenlehre», 1810).

[17] Приводя эту же фразу в книге «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (М., 1917. С.53), Белый сопровождает ее примечанием: «Из Гёте-Архива». По всей вероятности, Белый воспринял ее в ходе изучения литературы о Гете при работе над этой книгой или из трудов Штейнера о Гете. Фраза «Поэзия – зрелая природа» («Poesie: eine reife Natur») зафиксирована в «Максимах и рефлексиях» Гете («Maximen und Reflexionen», 1001). См.: Goethe Johann Wolfgang. Gedenkausgabe der Werke, Briefe und Gespräche. Bd.9. Zürich, 1962. S.627. К.Н.Бугаева пишет о Белом: «Слова Гете: "Искусство есть зрелая природа" – звучали ему как девиз. И все искусство свое, все свое мастерство он понимал, как продолжение и завершение "дела природы"» (*Бугаева*. С.133). Ср. употребление той же формулировки в статье Белого «Дом-музей М.А.Волошина» (1933) (Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990. С.506).

[18] Александр Ленуар (Lenoire, 1762–1839) – французский архитектор и реставратор, директор учрежденного в 1795 г. Музея французских памятников.

[19] Подразумеваются стихотворение Козьмы Пруткова «Шея. Моему сослуживцу г-ну Бенедиктову», являющееся пародией на стихотворение Владимира Григорьевича Бенедиктова (1807–1873) «Кудри» (1836) (см.: Козьма Прутков. Полн. собр. соч. («Библиотека поэта». Большая серия). М.; Л., 1965. С.77-78; Бенедиктов В.Г. Стихотворения. («Библиотека поэта». Большая серия). Л., 1939. С.51-52), а также строка из стихотворения Е.А.Баратынского «Муза» («Не ослеплен я музою моею...», 1829): «Ее лица необщим выраженьем».

[20] Цитаты из «Пророка» Пушкина.

[21] Сергей Александрович Воронов (1866–1951) – хирург, работавший в области пересадки половых желез, директор хирургической экспериментальной лаборатории при Collège de France в Париже (с 1917 г.), вице-директор Биологической лаборатории при École pratique des hautes études в Париже (также с 1917 г.); применял метод омоложения человека при помощи пересадки половых желез молодых животных (преимущественно обезьян); в 1926 г. организовал в Гримальди (на юге Франции) обширную лабораторию с питомником на 100 обезьян, где проводил работы по омоложению. В 1920-е гг. труды Воронова широко издавались в перево-

дах на русский язык: О продлении жизни. М., 1923; Пересадка семянных телец (омолаживание человека). М., 1923; Омоложение пересадкой половых желез. Л., 1924; Пересадка половых желез. Харьков, 1924; Сорок три прививки от обезьяны человеку (омоложение). М., 1924; Пересадка органов. Практическое применение в животноводстве. М., 1925; Пересадка желез животным. М., 1926; Старость и омолаживание. М.; Л., 1927.

[22] Герман Людвиг Гельмгольц (Helmholtz, 1821–1894) – немецкий ученый, автор фундаментальных трудов по физике, биофизике, физиологии, психологии.

[23] Комментарий Иванова-Разумника: «Книга Л.Толстого “О жизни” “открылась” АБ в 1919 году, когда он подробно писал о ней ИР» (Л.25об.). См. п.96, примеч.11; п.100, примеч.9.

[24] Имеется в виду следующий фрагмент Вступления в книге «О жизни»: «Говорят обыкновенно: наука изучает жизнь со всех сторон. Да в том-то и дело, что у всякого предмета столько же сторон, сколько радиусов в шаре, т.е. без числа, и что нельзя изучать со всех сторон, а надо знать, с какой стороны важнее, нужнее, и с которой менее важно и менее нужно. <...> Только правильное разумение жизни дает должное значение и направление науке вообще и каждой науке в особенности, распределяя их по важности их значения относительно жизни» (Толстой Л.Н. Собр. соч. В 22 т. М., 1984. Т.17. С.16).

[25] Об антропософской трактовке этого образа-символа см. примеч.3 к п.153.

[26] Эйген Штейнах (Steinach, 1861–1944) – австрийский физиолог и биолог, руководитель (с 1912 г.) физиологического отделения Биологического института Австрийской Академии наук. Работа Штейнаха об «омоложении» (Verjüngung durch experimentelle Neubelebung der alternden Pubertätsdrüse // Archiv für Entwiklungsmechanik. Berlin, 1920) путем перерезки или перевязки семенных канальцев стала большой научной сенсацией. См.: Ишлонский Н.Е. Этюды сексуальной биологии. Произвольное изменение пола и искусственное омоложение по профессору Штейнаху. Берлин, 1923; Шмидт П.Ю. Теория и практика омоложения (Операции Штейнаха). Пг., 1923.

[27] Здесь и ниже Белый развивает темы, ставшие для него предметом специального анализа в «Истории становления самосознающей души».

[28] Распространение сочинений Аристотеля в XII-XIII вв. в Западной Европе начиналось с арабской Испании: первые переводы делались с арабского языка в Толедо; в Оксфордский и Парижский университеты аристотелизм проник в начале XIII в., причем в Париже он подвергался неоднократным запретам (в 1209, 1215, 1231, 1263 гг.).

[29] В этом труде, изданном в Тюбингене, Иоганн Кеплер устанавливает числовые зависимости между расстоянием планет от Солнца и размерами правильных многогранников.

[30] Имеется в виду «Очерк истории физики» (перевод с немецкого под ред. И.М.Сеченова. Ч.1-3. СПб., 1883–1886) немецкого ученого, историка науки Иоганна Карла Фердинанда Розенбергера (1845–1899); Белый изучал этот труд в студенческие годы (см.: Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989. С.383) и вновь обратился к нему в сентябре 1926 г.: «Перечитываю 2 тома Розенберга: “История физики” (для понимания становления принципа)» (*РД*. Л.124об.). Приводимая цитата – из части 1-й (С.147).

[31] Альфонс Корнелиус (Cornelius, 1865–1933) – немецкий врач, невропатолог.

[32] Врач В.С.Марсова (со специализацией: психиатрия, физические методы лечения) в московских справочниках 1920-х гг. обозначена как проживающая по адресу Академии Художественных Наук (Кропоткинская ул., 32, кв.7); Белый упоминает Марсову в перечне своих антропософских знакомых 1912–1916 гг. (*РД*. Л.81). Философ, литературовед и переводчик Г.Г.Шпет был вице-президентом Государственной Академии Художественных Наук, начиная с 1923 г.

[33] Иннервация – связь органов и тканей с центральной нервной системой при помощи нервов.

[34] Вероятно, имеется в виду Альбрехт фон Галлер (Haller, 1708-1777), швейцарский натуралист и поэт, основатель экспериментальной физиологии, исследователь строения мышечной и других тканей.

[35] Рудольф Георг Герман Вестфаль (Westphal, 1826–1892) – немецкий филолог-классик, стиховед, исследователь метрики стиха в сравнительно-историческом аспекте (Allgemeine Metrik der indo-germanischen und semitischen Völker auf Grunde der vergleichenden Sprachwissenschaft. Berlin, 1892). Аристоксен из Тарента (IV в. до н.э.) – ученик Аристотеля, автор трактата по музыке «Гармоника». На работы Аристоксена и Вестфаля обратил внимание Белого В.О.Нилендер (см.: *НВ*. С.389).

[36] Фибриллы – нитевидные белковые структуры в клетках и тканях живых организмов.

[37] Карл Эрнст (Карл Максимович) фон Бэр (1792–1876) – естествоиспытатель, основатель эмбриологии, академик С.-Петербургской Академии наук.

[38] Теодор Липпс (Lipps, 1851–1914) – немецкий философ, психолог, эстетик; один из систематизаторов немецкой психологии конца XIX в.

[39] Понятие стихотворного ритма и его соотношения с метрической схемой Белый впервые развернуто обосновал в стиховедческих статьях, опубликованных в его книге «Символизм» (М., 1910).

[40] Эфирное (жизненное) тело (в теософской терминологии) – «эфирный двойник», насквозь проникающий физическое тело человека и служащий проводником для жизненных токов, действующих на материальный организм. Теософскую иерархию «тел» и миров Белый излагает в комментариях к статье «Эмблематика смысла», входящей в его книгу «Символизм» (С.497-500). Ср. интерпретацию «эфирного тела человека» в книге Р.Штейнера «Очерк тайноведения» (Л., 1991. С.27-29, 258-260).

[41] Подразумевается работа медицинской секции антропософской Свободной вальдорфской школы в Штутгарте (руководитель – врач, специалист по лечебной гимнастике Ита Вегман).

[42] См.: Штейнер Р. Очерк тайноведения. С.106. Связь собственных утверждений о системе желез у человека с изысканиями современных ученых-естествоиспытателей отмечал и сам Штейнер в Предварительных замечаниях к 1-му изданию (1909) «Очерка тайноведения» (Там же. С.13).

[43] Вероятно, Белый подразумевает здесь одну из тем разговоров с М.Горьким во время их общения в Саарове (близ Берлина) в конце 1922 – начала 1923 г.

[44] Согласно теософским представлениям, астральное тело охватывает сферу бессознательного, сновидческого в человеческом существе.

[45] Ср. запись Белого об августе 1926 г.: «Читаю “Историю целого числа” (проф. Васильев)» (*РД*. Л.124об.). Имеется в виду книга «Целое число. Исторический обзор» (Пг., 1922) Александра Васильевича Васильева (1853–1929) – математика, профессора Казанского университета.

[46] Феликс Клейн (Klein, 1849–1925) – немецкий математик; автор трудов по геометрии, оказавших значительное влияние на ее развитие.

[47] Заключительные строки «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» (1830) А.С.Пушкина в редакции В.А.Жуковского (1841); в автографах Пушкина заключительная строка: «Смысла я в тебе ищу...».

[48] О ком именно идет речь, установить не удалось.

[49] Имеется в виду публикация глав романа «Москва» в альманахе артели писателей «Круг» (см. примеч.4 к п.147).

[50] См. примеч.6 к п.141. Раздел о Белом в книге Троцкого первоначально был напечатан (1 октября 1922 г.) в «Правде» как отдельная статья. В заметках «К “*Указателю*” критической литературы обо мне» (1927) Белый отмечал в связи с этим выступлением Троцкого: «...статья играла решающую роль в отношении ко мне в теперешней прессе: я – “*меньшевик*”, “*белый*” (с маленькой буквы), занимаюсь исканием психологических гнид под куполом “*храма*” и изучением хвоста у киевской ведьмы в отличии от “*ведьмы*” вообще. Так как мое мировоззрение никому не известно, – неизвестно, что я “*естественник*”, 25 лет занимавшийся теорией знания <...> – то я со времени опубликования резолюции Троцкого обо мне и сел, так сказать, в тень; *сижу и молчу*» (*РГБ*. Ф.198. Карт.6. Ед.хр.5. Л.25-25об.).

[51] Подразумевается, вероятно, курс лекций по истории культуры, который Белый предполагал читать у М.А.Чехова.

[52] Речь идет об инсценировке романа «Москва» (см. примеч.7 к п.163); Белый приступил к этой работе в ноябре 1926 г. (*РД*. Л.125).

[53] См. примеч.18 к п.146. Александр Николаевич Тихонов (псевдонимы: А.Серебров, Н.Серебров; 1880–1956) – прозаик, литературно-издательский деятель, редактор ряда журналов и издательств; в 1926 г. возглавлял правление кооперативного издательства «Круг».

[54] См.: Андрей Белый. Москва. М., 1990. С.19. В последующих примечаниях к письму цитаты из романа «Москва» указываются по этому изданию. Белый в тексте письма приводит страницы по двухтомному изданию «Москвы» (М., «Круг», 1926).

[55] Имя Вельзевул (демоническое существо в христианских представлениях) переводчик и комментатор Библии Евсевий Иероним (IV – начало V в.) связывал с именем упоминаемого в Ветхом Завете (4 Цар.I, 2-3, 6) бога филистимлян Баал-Зебуба (ba'al-zebub, «повелитель мух»).

[56] С.19 (сокращенные цитаты).

[57] С.188.

[58] С.19.

[59] С.356 (контаминация цитат).

[60] С.356.

[61] С.19-20.

[62] См. примеч.14 к п.163. В записях о сентябре 1926 г. Белый зафиксировал: «Читаю Штейнера: "Драматический курс"» (*РД*. Л.124об.).

[63] См.: «Гамлет», акт I, сцена 2.

[64] С.166.

[65] С.291.

[66] С.20.

[67] Там же.

[68] Там же.

[69] Ср.: «...средь ночи его разбудили, подав телеграмму, в которой его поздравляли с избранием в члены – ведь вот-с – Академии – корреспондентом» (С.20-21).

[70] С.21.

[71] С.325 (сокращенная цитата).

[72] С.344.

[73] С.336.

[74] С.337 (сокращенная цитата).

[75] С.300, 313 (неточные и сокращенные цитаты).

[76] С.21.

[77] Там же.

[78] С.86 (неточные цитаты).

[79] С.340 (сокращенная цитата).

[80] С.359.

[81] С.19.

[82] С.31.

[83] См.: С.331-334, 338.

[84] С.22.

[85] Там же (неточная цитата).

[86] С.34 (сокращенная цитата).

[87] С.22.

[88] С.42.

[89] С.22.

[90] Там же (сокращенная цитата).

[91] Там же.

[92] С.153.

[93] С.23.

[94] С.160.

[95] С.79. Цитата – первая строка из стихотворения И.И.Козлова «На погребение английского генерала сира Джона Мура» (1825), вошедшего в песенный репертуар как героический траурный марш. См.: Песни русских поэтов. В 2 т. («Библиотека поэта». Большая серия). Т.1. Л., 1988. С.325, 612 (примечания В.Е.Гусева).

[96] С.74.

[97] С.80.

[98] С.360.

[99] Doctor Marianus (Возвеститель почитания Богоматери) – образ из заключительной сцены 2-й части «Фауста» Гете.

[100] С.40.

[101] С.345 (неточная и сокращенная цитата).

[102] С.40.

[103] С.354.

[104] С.356.

[105] С.323.

[106] С.353 (контаминация цитат).

[107] С.40 (неточная цитата).

[108] См.: С.323-325.

[109] Мф.XXVI, 39.

[110] С.40.

[111] С.192.

[112] См. примеч.7 к п.142.

[113] С.40.

[114] С.22.

[115] С.23.

[116] Там же.

[117] Ср. строку из «Казачьей колыбельной песни» (1838) М.Ю.Лермонтова: «Злой чечен ползет на берег».

[118] С.23.

[119] С.340.

[120] С.341.

[121] С.23.

[122] Там же.

[123] Об особом значении, которое придавал Р.Штейнер России и русскому народу в перспективе мирового развития культур, см.: Майдель Рената фон. О некоторых аспектах взаимодействия антропософии и революционной мысли в России // Блоковский сборник. XI. Тарту, 1990. С.67-69.

[124] Имеется в виду первоначальный план печатания романа в журнале «Россия», редактором которого был И.Лежнев.

[125] «Записки чудака» писались Белым как первая часть большого автобиографического цикла «Я. Эпопея»; под этим общим заглавием они публиковались в 1919–1921 гг. в «Записках Мечтателей».

[126] М.А.Чехов возвратился в Москву из-за границы 24 сентября; 29 сентября он играл в «Эрике XIV» А.Стриндберга (*Чехов 2*. С.498).

[127] Ср. записи Белого об августе 1926 г.: «Кое-как поправляюсь. Пишу цветными карандашами» (*РД*. Л.124об.). В комментариях (1935) к рисункам Белого (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.2. Ед.хр.34) К.Н.Бугаева свидетельствует: «С особенным увлечением отдавался импровизации на тему из жизни зверей <...> на первом попавшемся клочке Б.Н. "прорисовывал", иллюстрируя свои слова, переводя и "кучинский быт" на язык образов, своего воображения. Рисунки не берегли, они почти все затерялись. В рисунках другого рода Б.Н. изображал трудно передаваемые в словах реакции своего организма на напряженную литературную работу – состояние предельной усталости, истощенности, приступы мигрени...» (Кайдалова Н.А. Рисунки Андрея Белого // *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.597).

[128] Е.Н.Кезельман (урожд. Алексеева, ум. в 1945 г.) – деятельница антропософского движения; автор воспоминаний о Белом «Жизнь в Лебедяни летом 32-го года» (*Бугаева*. С.293-310).

[129] Свободная вальдорфская школа под руководством Р.Штейнера, основанная в Штутгарте в сентябре 1919 г. по инициативе производственного совета табачной фабрики «Вальдорф-Астория».

[130] В книге немецкого философа и историософа Освальда Шпенглера (Spengler, 1880-1936) «Закат Европы» («Der Untergang des Abendlandes», 1920-1922) соответствующие параллели намечены в 12-м и 16-м разделах гл.1-й («О смысле чисел»). См.: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. Т.1. С.236-239, 242-243. О «прыжках от геометрии к зодчеству» у Шпенглера Белый говорит и в философском очерке «Основы

моего мировоззрения» (октябрь 1922 г.), включающем полемику с культурологической концепцией Шпенглера (см.: Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.25. Публикация Л.А.Сугай).

[131] См.: Там же. С.247.

[132] Менехм (IV в. до н.э.) – древнегреческий математик платонической школы, ученик Евдокса.

[133] Евдокс Книдский (ок.408 – ок.355 до н.э.) – древнегреческий астроном, геометр, врач; впервые дал общую теорию пропорций.

[134] Гиппарх (ок.180 или 190–125 до н.э.) – древнегреческий астроном. Клавдий Птолемей (ок.90 – ок.160) – древнегреческий астроном, создатель геоцентрической системы мира. Герон Александрийский (ок. I в.) – древнегреческий ученый, систематизатор основных достижений античного мира по прикладной механике и математике. Менелай Александрийский (I-II вв.) – древнегреческий математик и астроном, автор «Сферики» – труда по сферической геометрии и тригонометрии.

[135] Флориан Кэджори (Cajori, 1859–1930) – американский математик, доктор философии и профессор физики в Колорадо-колледж; автор «Истории математики» (A History of Mathematics. New York, 1894; 2 ed. – 1919), переведенной на русский язык. В записях о сентябре 1926 г. Белый отмечает: «Читаю прекрасную Историю математики Кэджори – все для моих целей: понять становление геометрии, как искусства» (*РД*. Л.124об.).

[136] Имеется в виду издание естественнонаучных сочинений Гете под редакцией, с введением и комментариями Р.Штейнера: Goethes Werke. Tl.33-36, 1. u. 2. Abt.: Naturwissenschaftliche Schriften, hrsg. von R.Steiner. Bd.I-IV, 1. u. 2. Abt. Berlin-Stuttgart, [1884–1897]). См.: Штейнер Р. Очерк теории познания Гетевского мировоззрения, составленный, принимая во внимание Шиллера. М., 1993.

[137] Белый контаминирует двух эпизодических персонажей комедии Н.В.Гоголя «Ревизор» – унтер-офицершу и слесаршу Февронью Петровну Пошлепкину.

[138] Контаминация сокращенных цитат (Розенбергер Ф. Очерк истории физики. Ч.1. С.139, 141-143).

[139] Парацельс (Paracelsus, наст. имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, 1493–1541) – немецкий врач, естествоиспытатель, алхимик, философ. Джамбаттиста Делла Порта (Della Porta, 1535–1615) – итальянский драматург и ученый (занимался математикой, физикой, химией, астрологией, магией). Джероламо Кардано (Cardano, 1501 или 1506 – 1576) – итальянский математик, философ, врач.

[140] Крупнейшие представители английского позитивизма: философ, экономист, общественный деятель Джон Стюарт Милль (1806–1873) и философ и социолог Герберт Спенсер (1820–1903).

[141] Джордж Генри Льюис (1817–1878) – английский философ-позитивист, последователь О.Конта; автор «Истории философии от начала ее в Греции до настоящего времени» (1845–1846), неоднократно издававшейся в русском переводе, в которой история философии рассматривается как история человеческих заблуждений, исключающая возможность иного пути познания, кроме позитивизма.

[142] Сэмюел Смайльс (1812–1904) – английский писатель-моралист.

[143] Персонаж романа «Москва» – характернейший, по замыслу Белого, выразитель традиционной «профессорской», позитивистской культуры.

[144] Фридрих Ибервег (Ueberweg, 1826–1871) – немецкий философ, логик, историк философии; сторонник теории иероглифов.

[145] Гаэтано Фаццари (Fazzari, 1856–?) – итальянский историк математики, автор книги «Breve storia della matematica dui tempi antichi al medio evo» (Milano–Palermo–Napoli, 1907).

[146] «История древней философии» (1888) В.Виндельбанда была издана в русском переводе в 1893 г. В записях об августе 1926 г. Белый указывает: «Перечитываю (для книги) <...> “Историю древней философии” Виндельбанда» (*РД*. Л.124об.).

[147] Сокращенная цитата (Кэджори Ф. История элементарной математики / Перевод с английского под ред. И.Ю.Тимченко. 2-е испр. и доп. изд. Одесса, 1917. С.34).

[148] Белый опирается на следующий фрагмент из «Истории элементарной математики» Кэджори: «...после Эратосфена до самого девятнадцатого века не было достигнуто никаких новых результатов, относящихся к способу отыскания простых чисел <...> в 19-м веке предмет этот обогатился новыми, по большей части, очень трудными и сложными исследованиями Гаусса, Лежандра, Дирикле, Риманна и Чебышева» (С.34-35). Эратосфен Киренский (ок.276–194 до н.э.) – древнегреческий ученый, автор трудов по математике (теория

чисел), астрономии, филологии, философии, музыке. Карл Фридрих Гаусс (Gauss, 1777-1855) – немецкий ученый, оказавший большое влияние на развитие алгебры, дифференциальной геометрии, теории чисел. Адриен Мари Лежандр (Legendre, 1752–1833) – французский математик, автор трудов по теории чисел, эллиптическим интегралам и классического курса элементарной геометрии. Петер Густав Дирихле (Dirichlet, 1805–1859) – немецкий математик, автор трудов по аналитической теории чисел, теории функций, математической физике. Бернхард Риман (Riemann, 1826–1866) – немецкий математик, основатель геометрического направления в теории аналитических функций, создатель теории так наз. римановых пространств (риманова геометрия). Пафнутий Львович Чебышев (1821–1894) – русский математик, создатель петербургской научной школы.

[149] Никомах из Герасы (ок.100 н.э.) – древнегреческий математик и философ, автор «Введения в арифметику», содержащего обзор начал пифагорейской теории чисел.

[150] Древнегреческие математики Феон из Смирны (II в.), представитель платонической школы, и Фимарид из Пароса. Ср. в «Истории элементарной математики» Кэджори: «В сочинениях Никомаха, Ямвлиха, Феона Смирнского, Фимарида и других мы находим изыскания, принадлежащие по природе своей к алгебре» (С.36).

[151] Диофант Александрийский (ок.III в.) – древнегреческий математик, автор труда «Арифметика», в котором впервые ввел буквенную символику в алгебру.

[152] Брахмагупта (Брамагупта, ок.598–660) – индийский математик и астроном, автор сочинения «Брахма-спхута-сиддханта» («Пересмотренная система Брахмы»), две главы которого излагают положения математики.

[153] Сведения восходят к «Истории элементарной математики» Кэджори, сообщающего о развитии математики в Индии после Брахмагупты: «В следующие века мы встречаем только двух замечательных ученых: это – Сридхара, написавший сочинение Ганита-сара (“Сущность вычисления”), и Падманабха, автор руководства по алгебре» (С.102).

[154] Кот Мурлыка – литературный псевдоним прозаика и зоолога, профессора Казанского и Петербургского университетов Николая Петровича Вагнера (1829–1907), автора многократно переиздававшегося сборника сказок и притч (1872). Имеется в виду эпизод из вступительной сказки к сборнику – «Фея Фантаста»: «Я помню, раз, в темный зимний вечер, когда вьюга злилась и завывала в печных трубах, – я лежал на теплой лежанке. В комнату внесли самовар и поставили на пол. Пар от него валил густыми клубами и белел, освещенный сальным огарком. <...> Мне представились облака, быстро несшиеся над волнами темного, колыхавшегося моря. <...> Мне казалось, что все погибло в этом мраке, в этом море, в сильных волнах разрушения, и мы остались одни, – одни с феей Фантастой. Мы плавали по этим волнам громадного моря. Фея Фантаста скользила, неслась по ним на могучих крыльях творчества» – и т.д. (Сказки Кота-Мурлыки. Изд.6-е. СПб., 1901. С.XI).

[155] Е.Т.Шипова – кучинская домохозяйка Белого; «простая, едва грамотная женщина, лет пятидесяти», «женщина с фантазией и пылким воображением. На протяжении шести кучинских лет она была для Б.Н. своего рода нянюшкой Ариной Родионовной, и очень развлекала его своими яркими рассказами» (*Бугаева*. С.214, 252).

[156] Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956) – историк, публицист, один из лидеров народно-социалистической партии; в октябре 1922 г. выслан за рубеж.

[157] Иван Иванович Янжул (1846–1914) – экономист, статистик, профессор Московского университета. Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) – историк, юрист, социолог, земский деятель, профессор Московского и Петербургского университетов. Их обоих Белый знал с раннего детства; квартира Янжула примыкала к квартире Бугаевых в доме на углу Арбата и Денежного переулка. См.: Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989. С.41.

[158] Ганеша (или Ганапати) – в индуистской мифологии сын Шивы и Парвати; изображается с человеческим туловищем, четырьмя руками и слоновьей головой.

[159] Обыгрываются слова Городничего из «Ревизора» Н.В.Гоголя (действие 1-е, явление I): «...Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?» (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. [Л.], 1951. Т.4. С.15).

[160] Образ восходит, вероятно, к строке из элегии В.А.Жуковского «Вечер» («Ручей, виющийся по светлому песку...», 1806): «Как сладко в тишине у брега струй плесканье!»

[161] Семья М.И.Сизова, близкого друга Белого; брат М.И.Сизова – композитор и пианист Н.И.Сизов, сестра – М.И.Сизова, писательница, театральный педагог и режиссер.

[162] Подразумевается 22-й афоризм из «Плодов раздумья»: «Если у тебя есть фонтан, заткни его, – дай отдохнуть и фонтану» (Козьма Прутков. Полн. собр. соч. («Библиотека поэта». Большая серия). М.; Л., 1965. С.123).

[163] Выражение «употребляется для обозначения какого-либо художественного (?) произведения, которое так неудачно, что требует пояснения – что именно хотел выразить художник» (Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. СПб., 1903. Т.2. С.239).

[164] Billet doux (*фр.*) – письмецо (с целью доставить удовольствие); также – любовное письмо.

[165] Мф. VI, 34 (церковнославянский текст).

[166] См. п.100, примеч.9.

[167] Имеется в виду описываемый Р.Штейнером шестой послеатлантический культурный период, предвестия которого обозначаются в настоящее время. См.: Штейнер Р. Очерк тайноведения. С.180, 253.

[168] Имеется в виду дневниковая запись Толстого от 28 мая 1896 г.: «Шорник Михайло говорит мне, что он не верит в будущую жизнь, что он думает, что когда челов<ек> помрет, то дух выйдет из него и уйдет. А я говорю ему: вот ты с этим духом-то уйди, вот ты и не умрешь» (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.53. М., 1953. С.97. Впервые в кн.: Дневник Льва Николаевича Толстого. [Т.]1. 1895–1899. М., 1916).

[169] Возможно, Белый предполагает здесь аргументацию Толстого, развернутую им в гл.XXX («Жизнь есть отношение к миру. Движение жизни есть установление нового, высшего отношения, и потому смерть есть вступление в новое отношение») или в гл.XXXI («Жизнь умерших людей не прекращается в этом мире») книги «О жизни».

[170] Эта интерпретация Р.Штейнера – в русле иудаистической и христианской традиции, трактующей архангела Михаила как архистратига – предводителя небесного воинства в эсхатологической битве против сил зла (Дан. XII, 1; Откр. XII, 7). Архангел Михаил, по Штейнеру, символизирует борьбу против Дракона-Аримана и путь к Христу, принятие Христова импульса. О праздновании дня архангела Михаила см.: Штейнер Р. Антропософские руководящие положения. Путь познания антропософии. Мистерия Михаила. М., 1996. С.205-206. См. также раздел «Архангел Михаил и “михаилиты”» в статье М.Л.Спивак «Роман А.Белого “Москва”: экзо- и эзотерика посвящения» (Литературное обозрение. 1998. №2. С.43-46).

[171] Обыгрывается магистральный лозунг партии социалистов-революционеров: «В борьбе обретешь ты право свое!»

[172] «Философия свободы» – название основного философского труда Р.Штейнера («Die Philosophie der Freiheit», 1894).

[173] Имеются в виду, по всей вероятности, конспекты писем Р.Штейнера «К членам Общества» («An die Mitglieder»), посвященных интерпретации образа архангела Михаила, которые печатались в еженедельнике «Das Goetheanum» с 12 октября по 21 декабря 1924 г.

168. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
10-15 ноября 1926 г. Детское Село[1]

10 ноября 1926. Ц<арское> Село.

Дорогой и милый Борис Николаевич, не могу Вам сказать, как обрадовали Вы меня большим своим письмом, переданным мне с оказией уже месяц тому назад. За это время не один раз хотел писать и писать Вам, и все рука не подымалась: ну как на такое письмо отвечать письмецом о том, о сем, а больше ни о чем? (какое же другое возможно теперь по почте?). Все ждал оказии, – и дождался; но теперь другая беда: узнал об этой оказии только за два дня, – а что напишешь в два дня, сплошь занятые всяким дрязгом и сором литературным? Все эти дни пишу для однотомного энцикл<опедического> словаря пропущенные слова по всем областям знания и незнания; вот только что целый день, с утра и до вечера, писал листочки пропущенных слов: Клемансо, Клеон, Клеопатра, Клермонский собор, Клешня, Клещи[2]... Как видите, сижу в середине буквы К. Все это пропущено многоразличными специалистами по истории, естествознанию и прочим наукам; а я получил работу – восстановить пропущенное. Просидев за этим приятным делом часов десять с утра, к вечеру «вырабатываю» пять рублей; это на ближайшее время единственный мой (и еще очень завидный) заработок. Буква идет за буквой, к концу декабря дойду до конца алфавита – и тогда уже погружусь в полную финан<с>овую безвестность. Жутковато. Впрочем, как И.И.Коробкин, готов согласиться, что «вато» тут совсем ни к чему.

Не подумайте, что ворчу и жалуюсь, – нисколько. Глупо, конечно, что время уходит на Клещи и на Клеопатр, в то время как мог бы сделать нечто более нужное себе и другим; но в том-то и вопрос: что теперь нужно? Это раз. А два: кто же теперь не занимается многоразличными Клещами? Бывает и хуже: человек делает bonne mine au mauvais jeu* и уверяет себя, что Клещи страшно его интересуют. Вот, например, Конст<антин> Ал<ександрович> Эрберг, наш совольфилец, ведет на техникуме речи курс ораторского искусства, на предмет выработки партийных агитаторов[3], – и очень доволен: дело, говорит, нужное и интересное. Да ведь и Клещи дело нужное (однотомный, общеобразовательный энциклопедический словарь!); но ведь партийных агитаторов мог бы подготовлять человек и помельче Эрберга, а вместо Клещей мне куда бы как хотелось написать теперь совсем о другом. Но – с фактом не спорю, и еще раз повторяю: все это не воркотня, а лишь объяснение – почему после десяти часов такой работы я, садясь к ночи за это письмо, могу только надеяться на закрепление в нем элементарных мыслей: лошади кушают сено и овес, а Волга впадает в Каспийское море. А посему – не взыщите.

Впрочем – не надо быть несправедливым. В промежутках между Клещами успеваю делать кое-что и более мне свойственное. Между буквами И и К успел написать целую главу из монографии о Салтыкове – более 2-х п<ечатных> лист<ов>[4]; кончу К – снова напишу еще главу, опять листа в 2, и т.д. Так за эти два года, в перерывах между разными Клещами (французские переводы, & корректура, редактура техническая, книги об Урожаях и т.п.), написал 25-30 лл. работы о Салтыкове[5]. Если бы Вы знали, какой это наисовременнейший писатель! Он совершенно нецензурен; теперь, подходя к его «Современной идиллии»[6], о которой буду писать между К и Л, с удивлением спрашиваю себя: как же это можно пропустить во 1926 году? Ведь это же наша, современнейшая идиллия! Кстати сказать: одно из самых замечательных произведений Салтыкова, никому теперь не известное.

Но и Салтыков – не то, что хотелось бы делать теперь. Конечно – очень интересно, отдохновительно: сижу в отделении Публичной Библиотеки (очень не часто), читаю газеты 70-х годов («tout comme chez nous!»)**, нахожу всякие неожиданные вещи, роюсь в книгах начала XIX века (на днях только нашел, что в одном своем очерке середины 70-х годов Салтыков берет за основу очерк знаменитого Paul Louis Courier, написанный за 50 лет до того)[7], – все это очень интересно, и, право же, когда-нибудь и кому-нибудь да пригодится. Правда, не скоро, – но что до того? Теперь это ни одной живой душе не нужно, так что и здесь я тружусь, как крыловская обезьяна с чурбаном[8]. Но пройдут года, и кто-то, пыль годов от хартий отряхнув[9], воспользуется этим чурбаном, просто как фактом из истории литературы 70-х годов. Все так, – и все-таки не к тому душа лежит. Будь у меня теперь полгода свободного времени, сел бы я за большую статью о «Москве». В конспекте черновом почти все готово – и даже собираюсь в конце ноября прочитать этот доклад в одном из собраний нашего малого вольфильского Совнаркома (как его называет Дмитрий Михайлович)[10].

Тут перехожу к одной из тем Вашего письма, милый Борис Николаевич. То есть, до чего Вы меня обрадовали – в частности всем тем, что писали в нем о «Москве»! Ведь это же как раз одна из первых глав моей статьи in spe***: я беру первую главку первой главы – и провожу ее темы и образы через весь роман; затем делаю то же со второй главкой, с третьей и т.д. Я так обрадовался, увидев в Вашем письме почти сплошь все те подчеркивания, которые были самостоятельно сделаны мною. В совпадениях дело доходит до курьезов. Например, у меня все начиналось, как и в романе, с *мухи-кусаки*, и в конспекте было подчеркнуто: «недаром Вельзевул – царь мух»[11]. Читаю Ваше письмо – даже ахнул: почти та же фраза. Далее в конспекте: «Градации: муха-кусака, *безголовая* муха (см. "Кот<ик> Летаев" и "Эпопею"), паук, спрут, осьминог, Мандро. Безумный доктор Дро – где Ман, голова?»[12] Читаю Ваше письмо: опять! И так далее, и так далее. Не все: кое-чего у меня нет (кость Томке), кое-что не отмечено у Вас. И не удивительно: ведь я прохожу и через вторую, и через третью главки. Но первая – меня поразила и обрадовала: значит, не моя фантазия! А я был

* *хорошую мину при плохой игре (фр.)*
** *«совсем как у нас!» (фр.)*
*** *в зародыше (лат.)*

уверен, что в «прениях по докладу», или когда-нибудь печатно – непременно услышу это: фантазируете! Ничего этого нет; автор вовсе не имел этого в виду.

Но здесь как раз быть может и моя ошибка – и вот в чем. Говоря об этом пересечении первой (и следующих) главки со всем романом, я был уверен, что имею здесь дело с *сознательным приемом* автора. Пример: Томка *горько* скосил *окровавленный глаз* в начале романа – и *окровавленный глаз* профессора в конце. Или: Томка и *тряпка* в начале, – *тряпка* во рту профессора в конце. И еще многое, многое. Теперь: автор заявляет, что все это для него самого *неожиданность*. Так ли я понимаю? Я думал, что это было *неожиданностью* (может быть, даже *вовсе не было*) в первых черновиках, *но стало намеренностью* в последнем списке, когда *весь роман* уже лежал написанный перед автором. Отсюда – стрела в Клавдию Николаевну (которой надеюсь успеть написать отдельно): вот какая драгоценная вещь черновики! Клавдия Николаевна, ради Бога не уничтожайте!

Но все-таки, дорогой автор: неожиданность или намеренность? И согласитесь ли Вы с формулой: неожиданность – в черновике, намеренность – в чистовике? Если нет, то напишите мне об этом, чтобы в будущей статье моей не навести на Вас напраслины. А ведь такими «тряпками» и «окровавленными глазами» изобилует вся моя статья in spe. Кстати: начало ее я прочесть-то прочту еще в ноябре, а вот всю целиком – напишу, ох, не скоро: для этого мне надо еще разобраться во всех черновиках (что и делаю, дорогая Клавдия Николаевна, каждую свободную минуту). И еще кстати: если черновик первой главы будет раздобыт из залежей бумаг у Анненковых[13], то памятуйте, что мне он будет нужен не только для архивного сохранения, но и для самого животрепещущего использования.

Еще раз возвращаюсь к намеренности и неожиданности. Ведь здесь центр вопроса – в подсознательной области творчества. Намеренность – т.е.: сознавал ли автор? Если «тряпки», и «глаз», и многое другое контрапунктируют друг с другом вне сознания автора, то это один из ярчайших примеров подсознания в творчестве. Бывают случаи, когда я твердо уверен в этой подсознательности: например, при замене, грубо говоря, анапестов 1-го изд<ания> «Петербурга» амфибрахиями 2-го[14]. (И то: «твердо уверен»... – а вдруг? Никогда Вас об этом не спрашивал). А теперь я был столь же «твердо уверен» в обратном – и вдруг! Слово за автором, единственным человеком, который может это разрешить.

Впрочем, знаете что? Я на месте автора никогда и пальцем бы не двинул в таких (особенно печатных) спорах. Еже писах – писах, а уж вы там, господа, разбирайтесь по мере сил и разумения. Но так как я не автор, а как раз один из этих господ, то потому, например, этим летом всячески убеждал Сологуба не откладывать одной задуманной им работы. Он хотел взять «Мелкого беса» и сделать к нему реальный и теоретический комментарий, рассказать, о ком писано (если писано), с кого списано (если списано), как писалось, как умирало одно и рождалось другое, какие неожиданные (для самого автора!) обороты принимало вдруг течение романа в том или ином месте[15]. Об этом есть изумительное письмо Л.Толстого к Страхову, про «Анну Каренину» (почему стал стреляться Вронский)[16]; но представьте себе, что об этом был бы написан целый том! Ведь это была бы золотая книга для истории творчества! Я знаю, конечно, что Сологуб ее не напишет. Да и никто из авторов ее не напишет. Сологуб сказал мне: для художника написанное – извергнутое. Это только пес возвращается на блевотину свою... Грубо – но, быть может, где-то, в-десятых, и верно? А главное – скучно: зачем художник будет писать целый том о старом романе, когда он за это время напишет новый роман?

Так вот и Вы о «Москве». Где тут говорить о первом томе, когда второй на очереди! Что, кстати, начали ли уже собираться вокруг автора герои и не-герои? Вернулась ли из Крыма с Митей Василиса Сергеевна? Что́-то пережила она? Не в старом же обличии будет она в новом томе! Вышла ли Лизаша замуж за Киерко? (это я угадал еще в апреле, в Кучине, когда Вы мне читали «Москву»). И что Грибиков? Не разбогатеет ли он во время революции и не станет ли арендатором того дома, фамилии жильцов которого Вы мне как-то прислали?[17]

И что «Москва» – пьеса? Так и вижу ее у Мейерхольда, хотя немного и побаиваюсь. В повести молодого (не без таланта) Булгакова рассказывается, что Мейерхольд был убит во время постановки в 1927 году «Бориса Годунова», сцены Боярской

думы, когда его зашибли насмерть сорвавшиеся с трапеций голые бояре[18]. Не так неправдоподобно, как кажется. Но все-таки он поставит остро. С интересом жду рецензий о «Ревизоре», который, кажется, должен идти на днях[19].

Да, о рецензиях: с еще бóльшим интересом жду рецензий и статей о «Москве», но до сих пор знаю только одну, Соболева (вполне приличную)[20]. Если других и не было, и не будет – вполне в порядке вещей: нельзя задушить, так надо замолчать. По крайней мере печатно. Вообще-то «замолчать» – нельзя, говорят о ней много. Бывает у меня молодежь, студенты питерские (еще вольфильцы) и здешние, говорили со мной о «Москве»: очень остро чувствуют.

Ну, милый Борис Николаевич, – надоел я Вам «Москвой» («“Москва”, вишь, виновата!»)[21], – больше не буду. Но так как за последние месяцы много читаю ее и перечитываю, то уж не обессудьте: не я говорю, само говорится. Да и Вы, спасибо Вам, сами заговорили в письме и обрадовали меня. На сегодня – больше не буду.

Дело идет к середине ночи, а письмо только еще в начале, а утром надо встать в 9 ч., – что-то будет! Для интермеццо – хочу повести речь совсем о другом: не о будущем моем докладе в Малом Совнаркоме Вольфилы о «Москве», а о бывшем в нем же докладе С.М.Соловьева о католичестве и православии. Это было с месяц тому назад.

Между нами: очень тяжелое впечатление. Вот они, муха-кусака, паук, осьминог, спрут: как высосали кровь у живого человека! Ведь был же он, С.М., когда-нибудь талантлив? А теперь он прочел нам два диалога, в которых выведены манекены[22]. Граф, – католик, он же Султан Ахмет-Всегда-Победитель: всех побивает наголову во всем. Архимандрит Почаевской Лавры, – церковное богословие: заносчив, груб, глуп. Московский профессор из столпов религиозно-философского общества, помесь Бердяева, Эрна, Вяч.Иванова: многоречив, красноречив, глуп. И еще, и еще. Спорят о папской непогрешимости ex cathedra, об инквизиции, о камне Петровом, о Духе, от Отца и Сына или только от Отца исходящего. И не в том дело, о чем спорят, а о том, как спорят. Среди слушавших был и Евг<ений> Павл<ович> Иванов. Вы знаете, как упорно боролись мы с ним в Вольфиле, как непримиримо далеки наши основные взгляды. И что же? Он, возражая С.М., оказался подлинной «Вольфилой», выступающей против мертвого догмата. Я – ни с католиком, ни с православным. Но вот католик говорит: «Дух исходит от Отца и Сына, ибо второй вселенский собор постановил... ибо папа Григорий заявил... ибо папа Сикст подтвердил»... А православный (пусть не без еретичества) отвечает: «Глубокая мудрость в том, что Дух исходит от Отца. Ибо культура человеческая – дыхание Духа, и если он исходит и от Сына, от Христа, это значит, что культура признается только христианская, более того – только католическая, вне этого – она осуждена. Но Дух, исходящий только от Отца, – это значит: божественно искусство и языческое, Сына не знающее, божественна культура человеческая всякая, ибо она – дыхание Духа». Здесь я слышу живое слово, здесь я могу разговаривать с вольфильцем, а не с ксендзом. Интересно, что присутствовавший там же наш православный ксендз, А.А.Мейер, резко восстал против этой ереси на защиту С.М.: «конечно, С.М. не прав, право православие, Дух исходит только от Отца, но это явствует лишь из того, что Василий Великий говорит... Златоуст подтверждает... Ориген заблуждается»... Я немного утрирую, но в сущности именно так: мертвое католичество С.М.Соловьева и мертвое православие А.А.Мейера стоят друг друга[23]. И – не понимаю. Пусть Мейер всегда был Мейером (я знаю его еще с первого религиозно-философского общества), но какой же паук высосал душу Сергея Михайловича? Католичество? Или иезуитизм?

Все это – совсем между нами; мне очень жаль стало С.М., и особенно жаль было слушать его, – или того, кто через него говорит. Выпили человеческую душу и пустили проповедывать (скучно, неумно) умного когда-то человека, человека во всяком случае талантливого. Ум, талант – высосаны; сонно бродит безголовая муха. Жутковато, – и даже не «вато»...

Вот это самое «вато» и побудило нас подумать: а что если снова начать для очень узкого круга, человек для 10-15-ти, не больше, для «Малого Совнаркома Вольфилы» – хотя бы раз в неделю небольшие доклады, обмены мнениями, встречи? Тем – необорная сила, а что в узком кругу это будет – что же: теперь время катакомбное, быть по сему. Будем брать кое-кого из совсем молодых (есть чуткие и интересные), они в свою очередь понесут свое дальше. И ведь знаете: такие небольшие, совсем не

спаянные, «вольфильские» кружки – сильнее всей партии ВКП, с ее миллионом членов и аппаратом власти, – сильнее потому же, почему живой муравей сильнее разлагающегося слона, давящего муравейник своей тушей.

---

12 ноября.

На полуслове бросил письмо глубокой ночью, а сегодня ночью опять начинаю с полуслова, смутно помня, как хотел увязать живого муравья и мертвого слона с дальнейшим. Мертвый слон: слон ли? и мертвый ли? Быть может, перед нами нечто заживо гниющее? В газетных терминах это именуется «термидором», «Кавеньяком»[24] и иными именами. А может быть (вспоминаю Ваше письмо) к телу удава приставлена голова – ну, Бетховена не Бетховена, а, скажем, Карла Маркса? Знаете, опыты доктора Воронова, современного доктора Моро (помните роман Уэллса?)[25], еще не так страшны, как кажется. Он желает *естественным путем* получить гибрид человека и обезьяны, – ну что же! Быть может, где-либо в африканских лесах низшие негрские расы не переставали сожительствовать с высшими обезьянами и производили потомство – полу-обезьян, полу-людей. Ведь это еще не «скотоложество», – ну какой же обезьяна «скот»! Она почти человек, – одичавший человек по анти-дарвиновской теории. Опыты доктора Воронова страшны не фактом, а направлением. Ведь от группы «человек – обезьяна» один только шаг до группы, скажем, «обезьяна – овца», а затем уже и «человек – овца». Правда, практически быть может не шаг, а пропасть; так ведь на то и пропасти, чтобы через них перекидывать мосты. Но есть и пострашнее Воронова. Как раз в тот день, когда я сел за письмо к Вам, в Вечерней газете прочел, что́ творится у Вас в Москве, в каком-то Химико-фармацевтическом институте ВСНХ. Построен прибор, в котором циркулирует ток свежей крови, – сложная сеть трубок в ванне определенной температуры. У живой собаки отрезали голову и включили ее в циркуляцию крови прибора. Голова продолжала жить, глаза моргали, уши двигались. «Было установлено, что и внутренние отправления происходят нормально». Собака открывала рот и «двигала конечностями». Пульс бился, «но зависел уже не от сердца, а от автоматических толчков прибора, и давал вместо 80 нормальных ударов в минуту – около 400»[26].

Вот это – пострашнее Воронова. Сегодня – собака, завтра – отпрепарируют голову человека, приговоренного к «высшей мере наказания» (гнусное фарисейство в самом обороте фразы) и «включат» ее в прибор. Послезавтра – место прибора заступит тело другого человека, тоже присужденного к «высшей мере» и лишенного головы: голову одного к туловищу другого. Еще шаг – и голова Бетховена будет прилажена к телу удава. Видите – Вы не на очень много предвосхитили «текущую действительность»; пусть «завтра» – столетие, «шаг» – миллион верст, но ведь дело в принципе и *первом шаге*.

Удивительно, как тупо реагируют «люди науки» на требование этического принципа, как затыкают они уши, слыша это требование. Голос Толстого остался гласом вопиющего в пустыне. И вероятно потому, что Толстой требовал слишком многого: приложения этого принципа и к «неорганической природе». Он был прав, конечно, ибо где же грань? Но при этом у него этический принцип часто переходил в утилитарный; вот почему он мог восставать, скажем, против изучения законов интерференции, как против *ненужности*. Но ведь все это – частности и мелочи; в последнем счете мы приходим к практическим применениям интерференции и тогда сталкиваемся уже не с волнами света, а с волнами людей. И опять – где же грань? Последний вопрос, к которому мы приходим, стоя на этой грани, звучит для меня так: *имеет ли право человек менять лицо земли*? Если не имеет, то «неправомочна» вся культура, начиная от вспаханного поля; а если имеет, то где же предел? Имеет ли он право перегородить Гольфстрем и направить течение его не к Европе, а в Баффинов залив и Северный Ледовитый океан? Имеет ли он право взгромоздить Пелион на Оссу? Изменить угол наклона земной оси к эклиптике? Но в таком случае и – бракосочетать человека с обезьяной? К телу удава приставить голову буйвола?

Если граница дозволенного – человек, то, значит, можно орудовать с собакой и кровеносным прибором? Тогда менее страшный Воронов – под запретом, а более страшный Институт ВСНХ – с развязанными руками. Если граница – вообще живое,

то этой границы вообще нет. Ибо и громоздя Пелион на Оссу мы нарушаем права одной группы «живого» в пользу другой. Гольфстрем, отведенный к северу, заморозит Европу, но облагодетельствует полярных эскимосов. Если земная ось станет перпендикулярно к орбите, то на полюсах процветет репа, но в тропиках погибнут бананы. Имеем право? Ну а достижения знаменитого Мичурина, который в области флоры достиг чудес извращения[27], – на потребу человеку, – давно уже смешал «обезьяну» с «овцой», какую-нибудь сливу с каким-нибудь апельсином? (беру наудачу). Это можно? И мы с Вами будем есть «сливоапельсин» и похваливать, а от «овцеобезьяны» отшатнемся в ужасе? Я думаю, что либо «можно» и то и другое, либо «нельзя» ни того, ни другого.

Я думаю, что в этой плоскости вопрос неразрешим. Я верю в строительство мира и в право человека менять лицо земли, но думаю, что деяния освящаются целью. Представьте себе, что в приборе ВСНХ циркулирует ток некоего термостатического раствора, что отделяют у человека голову, приставляют к прибору, что голова живет, а над телом человека в это время совершается сложнейшая операция, – ну, не знаю, в области сонной артерии, что ли, невозможная, пока у человека «голова на плечах». Потом голову снова, часа этак через два, приставляют, накладывают швы, залечивают – и через месяц человек уже жив и здоров, спасен от смерти. Ведь это же только «хирургическая операция», – пока еще необычная; но раньше были же необычны и трахеотомия, и трепанация.

Так и вообще – не только с человеческой головой, но и со всякими Пелионами и Оссами. Цель оправдывает средства – формула гнусная, насколько *средствами* являются другие *люди*, но и только. Крестьянин, взрывающий сохою поле, тоже целью оправдывает средство. Соха – культура, поле – мир; и во мне говорит исконный социалист, вера которого в том, что во имя человека имеет право человек менять лицо земли. Социализм этот – конечно, не нынешний иезуитский коммунизм, не удав государства; это – далекое будущее, когда люди станут людьми. За ним – еще более далекое грядущее, когда человек сумеет менять лицо земли не во имя человека, а во имя живого на земле, ибо, по слову поэта, «хулиган, убийца и злодей» существуют на свете «оттого, что режет серп колосья, как под горло режут лебедей»[28]. А когда человек поднимется на последнюю ступень, когда культура освятится не во имя человека, не во имя живого, а во имя Всего – тогда, пожалуй, и культуре и истории конец, ибо это будет уже высота высших ступеней иогизма (говоря условно). Если это Всё – мертвое, тогда, конечно, le mort saisira le vif*; а если оно – живое, тогда живой преодолеет мертвеца в нас самих. Как ясно чувствуется, например, что революция 1917-<1>8 г. умерла потому только, что в каждом из нас мертвый схватил живого! И духовно разлагающаяся власть (мертвый слон на муравейнике) – сами же мы, наше порождение, из глубин нашего духа идущее, а вовсе не внешняя татарва, одержавшая победу при Калке. И Калка, и Куликово поле – в нас самих[29].

Совершив этот долгий и нелепый путь, вижу, что он вернул меня к тому живому муравью, с которого позапрошлой ночью и начался этот путь. Милый Борис Николаевич, простите великодушно за все эти никчемные страницы, объясняемые ночным временем и дневным утомлением. Снова глубокой ночью прерываю это письмо, чтобы спешно дописать его днем и отправить его с «оказией», если еще не опоздал.

---

15 ноября.

Два дня метался по Питеру, узнал, что «оказия» едет завтра-послезавтра, а потому спешу закончить это бессвязное и огромное письмо. Огромное, потому что хотя Ваше и «толще», но ведь написано-то оно весьма крупным «кеглем», а я пишу мельчайшим «петитом», если не «нонпарелью». Но все-таки на многое и многое из письма Вашего, дорогой Борис Николаевич, не могу отозваться; не думайте, что все такое прошло мимо меня. О многом бы хотелось еще сказать, да не тут-то было, надо кончать.

Начинаю кончать вот с чего. Я писал Вам, а Вы ответили мне о сценарии пантомимы О.Д.Форш «Скоморох Памфалон». Сегодня прилагаю его к этому письму[30], с просьбой от О.Д. – передать сценарий в руки М.А.Чехову (а от меня ему – большой,

---

* *мертвый будет хватать живого (фр.)*

большой привет), с просьбой в квадрате – прочесть и дать при случае (хотя бы через Вас) ответ. Простите, что затрудняю этим, – не я; пеняйте на «доброго зверя», которого не оказалось вовремя около Вас, чтобы оградить от бурного вторжения. Кстати, читали ли Вы новый роман Форш «Современники» – о Гоголе и Александре Иванове под соусом сакраментального Багрецова и с приправой Пашки-химика, мелкого беса из «Бесов»?[31] Мы здесь все прочли этот роман, но содержания онного не одобрили: есть недурные места (она ведь талантлива), но в целом – очень неприятно.

Затем – заходили к нам на днях Спасские, ныне царскоселы; очень кланяются, собираются писать со следующей оказией. Видаемся с ними часто. О поэме Спасского «День» я, кажется, писал Вам (писал ли?) в прошлом письме[32]. – В эту осень в Царское Село вообще потянулись петербуржцы, и почему-то особенно писатели. Сологуб[33] уехал, но в его комнатах теперь живет Ахматова, с декабря будет жить Шишков[34]; в лицее живет (заходил возобновить знакомство) Мандельштам, по-прежнему считающий себя первым поэтом современности[35]; есть и dii minores* или, вернее, dii minimi**, вроде Лавренева[36], о котором Вы, быть может, даже ничего и не слыхали (и ничего не потеряли). Целая литературная колония; становится немного жутковато (здесь, действительно, не более, чем «вато»).

А кончу кончать вот с чего: с милого приглашения Вашего в Кучино. Увы! Пока это для меня – только «бессмысленное мечтание»![37] И не только по причинам финансовым. Хотя и тут – так трудно иной раз, что и надо бы труднее, да нельзя. Об этом Вы можете заключить хотя бы по тому, что я до сих пор должник Ваш; с каждой ожидаемой получкой мысленно откладываю несчастные десять рублей, и вот до сих пор не могу вернуть Вам даже этого ничтожного долга. Я знаю, что Вы о нем, может быть, и забыли, да я-то не забыл и не могу забыть. Теперь другое: до конца декабря – кончаю словарь (Клеопатра, Клещи и т.д.), кончаю Салтыкова – и, значит, связан со своим кабинетом и с Петербургом. А с января – начинается заработная tabula rasa***: ничего в волнах не видно. Как же тут уехать хоть на неделю и оставить семью без всяких средств? Крепкое спасибо Вам, милый Борис Николаевич, за предложение даже нового займа на дорогу; Вы пишете – «не обижайтесь»; какая уж тут обида! не обида, а большое, большое спасибо и крепкий поцелуй. Но тина мелочей жизни сильнее моего большого желания – пока; что будет с января – ничего не знаю. А между тем – да: vita nostra brevis est, brevi finietur[38]; часто ли еще суждено повидаться! (В скобках и к слову: на днях Спасские принесли показать мне «Gaudeamus igitur» издания 1898 г., в переложении, хоровом, Чайковского и в переводе *Н.В.Бугаева*[39]. Знаете ли Вы о таком издании?)

Возвращаюсь к январю. Если мне удастся к тому времени раздобыть какой-нибудь перевод, какую-нибудь не очень спешную техническую работу и т.п., да к тому же еще и неизбежный «аванс», тогда я с ручным чемоданчиком возьму да и махну на недельку в Кучино. Тогда – сами на себя пеняйте, если попаду в разгар Вашей работы. Впрочем, если узнаю, что Вы уже засели за II-ой том[40], тогда не приеду; а если за переделку «Москвы» для Мейерхольда, тогда еще ничего. И опять к слову: с этой же «оказией», т.е. с Дмитрием Михайловичем, пересылаю Мейерхольду инсценировку «Истории одного города»[41]. По отзыву читавших, в том числе Сологуба, вышло сгущенно и удачно; если бы и Мейерхольд оказался того же мнения, то, быть может, мне даже и необходимо было бы приехать в Москву (т.е. Кучино) на некоторое время. Но – надеждами никогда себя не заманиваю; предпочитаю ожидать худшее.

Спешно надо кончать. Так спешно, что не успею, как хотел, прибавить хоть несколько слов к Клавдии Николаевне[42]; передайте, пожалуйста, сердечный привет от всех нас – Варвары Николаевны, Ины и меня. От Вас же буду ждать письма с новой оказией – хоть через неделю, хоть через месяц. Почтовое ведомство – решительно бойкотирую. Не забывайте, дорогой друг, о Царском Селе и царскоселах.

Крепко обнимаю Вас и так же крепко люблю.

Ваш Р.Иванов.

---

* *младшие боги (второстепенные таланты) (лат.)*
** *боги мельчайшие (лат.)*
*** *чистая доска (лат.) – здесь в смысле: пустота, неизвестность*

[1] Ответ на п.167.

[2] Имеется в виду «Новейший энциклопедический словарь. Под общей редакцией редакционной коллегии “Вестник Знания”. [Т.1-2]» (Л., изд-во «П.П.Сойкин», 1926-1927); в нем указано, что специальные отделы словаря готовятся под редакцией, в числе других, «проф. Р.В.Иванова-Разумника (русская литература)». Все перечисляемые Ивановым-Разумником статьи (кроме «Клемансо») включены в словарь (Стб.1217-1219).

[3] В 1926–1927 гг. Конст.Эрберг преподавал в школе агитаторов Центрального и Володарского райкомов Ленинграда и в Военно-политической академии (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С.114).

[4] Речь идет о рукописи будущей книги: Иванов-Разумник. М.Е.Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. Ч.1. 1826–1868. М., «Федерация», 1930.

[5] Подразумевается комментарий к Сочинениям М.Е.Салтыкова-Щедрина в 6 томах (М.; Л., ГИЗ, 1926–1928).

[6] Имеется в виду работа над комментарием к «Современной идиллии» для т.4 (М.; Л., 1927) указанного издания Сочинений Салтыкова-Щедрина.

[7] Поль-Луи Курье де Мере (Courier de Méré, 1772–1825) – французский прозаик и публицист; мастер памфлета. Имеется в виду его очерк «Приключение в Калабрии», сюжет которого использован Щедриным в пародии «Происшествие в Абруццских горах», входящей в рассказ «Превращение» (1875) из цикла «Благонамеренные речи». Взаимосвязь прослежена Ивановым-Разумником в комментарии к «Благонамеренным речам», где он пишет о «Происшествии в Абруццских горах»: «...основа этой новеллы взята Салтыковым у знаменитого памфлетиста Поля-Луи Курье, несомненно известного Салтыкову хотя бы по большой статье в майском номере “Отеч. Зап.” 1870 г., а еще вероятнее и в подлиннике. <...> Среди произведений этого знаменитого публициста есть отрывок, помещавшийся во всех французских хрестоматиях и, конечно, знакомый Салтыкову еще со школьной скамьи. В хрестоматиях этих он чаще всего озаглавливается “Приключение в Калабрии” (“Une aventure en Calabre”); Салтыкову он мог быть известен, – по его же словам, “с детства”, – если и не по собранию сочинений Курье, то хотя бы по распространенной в середине XIX века школьной хрестоматии “Narrations et exercices de memoire en prose et en vers” (в 1864 г. было уже 3-ье изд.)» (Салтыков (Щедрин) М.Е. Сочинения. М.; Л., ГИЗ, 1927. Т.3. С.766). Ср.: Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. В 20 т. М., 1971. Т.11. С.151-154, 582 (комментарии Т.Г.Динесман).

[8] Имеется в виду сюжет басни И.А.Крылова «Обезьяна» (Басни. Кн.3, VI).

[9] Обыгрывается строка из «Бориса Годунова» (1825) А.С.Пушкина (сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре», монолог Пимена): «И пыль веков от хартий отряхнув».

[10] Имеются в виду Д.М.Пинес и устраивавшиеся время от времени встречи бывших «вольфильцев» в узком кругу на частных квартирах с выступлениями на заранее определенную тему и последующим обсуждением. 18 октября 1926 г. Иванов-Разумник сообщал А.Н.Римскому-Корсакову: «...я скоро буду в небольшом кругу читать доклад о романе Андр<ея> Белого “Москва”» (*РИИС*. Ф.8. Р.VII. Ед.хр.216).

[11] Ср. начальные строки машинописного плана статьи Иванова-Разумника «Москва» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.79. Л.1. Указание страниц – по двухтомному изданию «Москвы» 1926 г.):

«Первая главка первой главы романа – пролет во все два тома. Последовательно проходят темы:

Муха. Табачихинский переулок. Сон. Кабинетик. Митя. Томка.

I. Муха.

1). «Да-с, да-с, да-с! Заводилися в августе мухи кусаки .....ай!» (1, 9, – весь первый абзац).

В аспекте 6-ой главы “каламбурик” этот – очень зловещая тема. Сравни – “зловещий зуд” и “мухач тут стоял” (I, II). Ибо Мандро – вестник темного царства Вельзевула; а даже в Энциклопедическом словаре можно найти: “Вельзевул – сиро-финикийский бог мух, рои которых составляют ужасную казнь для людей и животных в жарком климате Востока... Иудейская демонология отождествила Вельзевула с сатаной, потому что мухи являются нечистыми и губительными насекомыми, приносящими заразу”...

Поэтому муха-кусака первых строк романа – вестник темных сил; это не каламбур, а зловещее извещение И.И.Коробкину, посланное темными силами: “идем на тебя”. Муха-кусака предвещает – Мандро.

Поэтому “ай!”, с которого начинается роман – вовсе не шуточное, а зловещее; последующие “ай” – удар оглоблей, ряд ударов жизни и пытка огнем, заключающая роман».

[12] Ср. там же (Л.1-2):

«3). “......Стал рвать мухе жало... оторвал даже голову”..... (I, 9-10, – весь третий абзац).

Этот бой Коробкина с Мухой – предвестие духовного боя его с Мандро, которого он победил: см. II, 237-238. – "Оса всадив жало..... он сознание утратил"... Это и есть "безголовая муха" – Дро; сравни II, 206 – "голова приставная". Мандро в конце уже – не идет, он ползает: II, 239, – "сонно спасался"».

[13] Имеется в виду квартира А.И.Анненкова на Бережковской набережной в Москве, в которой Белый жил с ноября 1923 г. до весны 1925 г.

[14] См.: *Вершины*. С.120-125.

[15] Этот замысел не был осуществлен.

[16] Имеется в виду следующий фрагмент из письма к Н.Н.Страхову от 23 апреля 1876 г.: «Глава о том, как Вр<онский> принял свою роль после свиданья с мужем, была у меня давно написана. Я стал поправлять ее и совершенно для меня неожиданно, но несомненно, Вр<онский> стал стреляться. Теперь же для дальнейшего оказывается, что это было органически необходимо» (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.62. М., 1953. С.269. Письмо впервые опубликовано в кн.: Бирюков П.И. Лев Николаевич Толстой. Биография. М., 1908. Т.II. С.214-216).

[17] См. п.163.

[18] Речь идет о повести Михаила Афанасьевича Булгакова (1891–1940) «Роковые яйца» (1924), впервые полностью опубликованной в альманахе «Недра» (№6. М., 1925) и вошедшей в сборник Булгакова «Дьяволиада» (М., 1925; 2-е изд. – М., 1926); в главе VI повести («Москва в июне 1928 года») говорится: «Театр имени покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году, при постановке пушкинского "Бориса Годунова", когда обрушились трапеции с голыми боярами, выбросил движущуюся разных цветов электрическую вывеску <...>» (Булгаков М. Избр. произведения. В 2 т. Киев, 1989. Т.1. С.412-413).

[19] Премьера «Ревизора» Н.В.Гоголя в Гос. театре имени Мейерхольда состоялась 9 декабря 1926 г. (постановка В.Э.Мейерхольда, сценический текст и композиция вариантов – Мейерхольда и М.М.Коренева).

[20] См. примеч.20 к п.163. Перечень печатных отзывов о «Москве» см. в библиографии Андрея Белого, составленной Н.Г.Захаренко и В.В.Серебряковой (Русские советские писатели. Поэты: Биобиблиографический указатель. Т.3. Ч.1. М., 1979. С.189).

[21] «Москва, вишь, виновата» – реплика Хлёстовой из «Горя от ума» А.С.Грибоедова (действие III, явление 22).

[22] В списке своих произведений, созданных в пореволюционные годы, С.М.Соловьев указывает: «Скала Петра (о католицизме). 10 листов. Под дубом Волыни (диалоги о церкви). 5 листов»; те же произведения упоминаются им в плане «собрания моих сочинений в 12 томах» – в составе тома VII (*РГБ*. Ф.696. Карт.4. Ед.хр.3. Л.1, 2). «Три диалога о церкви (написанные в самой легкой беллетристической форме)» С.Соловьев упоминает также в письме к М.А.Волошину от 8 июня 1927 г. (*ИРЛИ*. Ф.562. Оп.3. Ед.хр.1129). Тексты диалогов С.М.Соловьева не выявлены.

[23] С.М.Соловьев, принявший духовный сан в ноябре 1915 г., на Рождество 1920 г. присоединился к католической церкви; осенью 1926 г. в Москве он был назначен вице-экзархом для католиков греко-российского обряда. См.: Иеромонах Антоний Венгер. Материалы к биографии Сергея Михайловича Соловьева // Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С.3-4. Предмет описываемых дискуссий – филиокве (*лат.* filioque – и от сына), сформулированное впервые на Третьем церковном соборе в Толедо в 589 г. добавление к христианскому символу веры; согласно ему, Св.Дух исходит от Бога-Отца и Бога-Сына. Греко-византийская (православная) церковь сохранила верность утверждению о том, что Св.Дух выполняет волю только Бога-Отца. Упоминаются папы Григорий I Великий (ок.540–604, годы понтификата 590–604) и либо Сикст IV (1414–1484, годы понтификата 1471–1484), либо Сикст V (1521–1590, годы понтификата 1585–1590), отцы церкви Василий Великий (ок.330–379) и Иоанн Златоуст (ок.350–407), патриарх Константинопольский (398–404), один из виднейших раннехристианских богословов Ориген (ок.185–253/4).

[24] Луи Эжен Кавеньяк (Cavaignac, 1802–1857) – французский генерал; в 1848 г., как военный министр и глава исполнительной власти Французской республики, руководил подавлением Июньского восстания.

[25] Доктор Моро, герой романа английского писателя Герберта Дж. Уэллса (1866–1946) «Остров доктора Моро» («The Island of Dr. Moreau», 1896), – хирург, ставящий эксперименты по превращению зверей в людей.

[26] Излагается содержание информационной заметки «2 часа жизни без сердца и без легких (По телефону из Москвы)» (Красная газета. Веч. вып. 1926. №266. 10 ноября. С.2):

«Химико-фармацевтический институт ВСНХ сконструировал не употреблявшийся до сих пор *прибор, который дает возможность механически воспроизводить основные жизненные функции живого организма.*

Прибор был проверен на *опыте с отрезанной головой собаки.* В отделенную от туловища собачью голову включали ток свежей крови, поступавший из прибора. Путем циркуляции крови в головных сосудах, жизнь головы была сохранена. *Глаза собаки заморгали, уши начали двигаться.* Было установлено, что и внутренние отправления проходят нормально.

Институт добился *новых и еще более интересных результатов. Открылась возможность поддерживать жизнь теперь уже всего организма собаки с выключенными из него сердцем и легкими и искусственно созданной температурой.*

До умерщвления собака была подвергнута подобной операции несколько дней тому назад. В присутствии большого числа научных работников собаку захлороформировали. Работу остановившегося сердца заменили работой электрического нагнетателя крови и наладили искусственное дыхание.

Препарированная таким образом собака, без легких и без сердца продолжала жить под хлороформом в течение двух с половиной часов. Жизнь ее поддерживалась вполне, глаза реагировали на свет. Собака открывала рот и двигала конечностями. Пульс собаки в это время бился, но зависел уже не от сердца, а от автоматических толчков прибора и давал вместо 80 нормальных ударов в минуту около 400».

[27] Иван Владимирович Мичурин (1855–1935) – биолог и селекционер; разрабатывал методы селекции плодово-ягодных растений. Поощрение советской властью экспериментов Мичурина началось в 1918 г., когда Наркомзем РСФСР взял его селекционный питомник под Козловом в свое ведение. В 1922 г. Мичурина посетил председатель ВЦИК М.И.Калинин, в 1923 г. Мичурин получил высшую награду на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, а в 1925 г. – награжден орденом Трудового Красного Знамени.

[28] Неточно цитируются заключительные строки стихотворения С.Есенина «Песнь о хлебе» (1921). См.: Есенин С. Полн. собр. соч. В 7 т. М., 1995. Т.1. С.152.

[29] То же сочетание образов – битвы с монголо-татарским войском при реке Калке 31 мая 1223 г., закончившейся разгромом русских войск, и битвы на Куликовом поле 8 сентября 1380 г. – в романе Белого «Петербург» (гл.2, главка «Бегство»). См.: *Петербург.* С.99.

[30] В этой редакции пьеса О.Д.Форш не ставилась и не публиковалась. Ср. примеч.18 к п.165.

[31] Каламбурно обыгрываются заглавия романов «Мелкий бес» Ф.Сологуба и «Бесы» Ф.М.Достоевского. Роман О.Д.Форш «Современники» был выпущен в свет отдельным изданием (М.; Л., Госиздат, 1926); основное действие его происходит в Италии в 1840-е гг., среди главных действующих лиц, наряду с Н.В.Гоголем и художником А.А.Ивановым, – вымышленные герои: несостоявшийся художник Багрецов и Пашка-химик (Шехеразада), в котором акцентировано «бесовское» начало («...шустрые, как мыши, острые карие глаза обличали просто-напросто беса» – с.33) и который «играет при Гоголе роль “мелкого беса”, хотя задуман он как явление вовсе не мистическое» (Тамарченко А. Ольга Форш. Жизнь, личность, творчество. Изд.2-е, доп. Л., 1974. С.309).

[32] См. п.165, примеч.19.

[33] См. примеч.11 к п.163.

[34] Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) – прозаик; переехал в Детское Село на постоянное жительство в январе 1927 г., снимал квартиру в доме 20 на Колпинской улице (где проживал Иванов-Разумник) до конца 1927 г. См.: Бунатян Г.Г. Город муз. Литературные памятные места города Пушкина. Л., 1987. С.173.

[35] О.Э.Мандельштам жил в пансионате, размещенном в здании Царскосельского лицея. Общение его с Ивановым-Разумником тогда, видимо, ограничилось упомянутой встречей. Н.Я.Мандельштам свидетельствует: «Я запомнила разговор с Ивановым-Разумником в середине двадцатых годов. Он тоже жил в Детском Селе, и однажды мы к нему зашли. За несколько дней до нашей встречи в “Деловом клубе” в Ленинграде взорвалась бомба. Иванов-Разумник был по этому поводу в приподнятом настроении и очень удивился, что Мандельштам не разделяет его радости. <...> Как это ни странно, но в те годы отрицание террора воспринималось как переход на позиции большевиков, поскольку они отказывались от террора как от метода революционной борьбы. Иванов-Разумник, вероятно, так и понял Мандельштама <...> А я во время этого разговора молчала и огорчалась: опять наткнулись на чужого, все почему-то чужие, и зачем Мандельштам не смягчает чуждость – что ему стоило уклониться от ответа или пробурчать что-нибудь неопределенное?» (Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1990. С.22-23).

[36] Борис Андреевич Лавренев (1891–1959) – прозаик, драматург.

[37] Приобретшие широкую популярность слова Николая II из его речи к представителям дворянства, земств и городов, произнесенной 17 января 1895 г. (см.: Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Изд.4-е, доп. М., 1988. С.27).

[38] Цитата из студенческого гимна «Gaudeamus igitur» (XIV в.): «Жизнь пройдет как краткий сон, // Пролетит стрелою» (*лат.*).

[39] Имеется в виду нотное издание: Gaudeamus igitur. «Будем веселы, друзья». Студенческая песнь. Перевод с латинского профессора Н.В.Бугаева, переложенная на 4 голоса с фортепиано Б.Л. Партитура и голоса. М., у П.Юргенсона, [1898] (цензурное разрешение – 7 февраля 1898 г.).

[40] Имеется в виду продолжение романа «Москва».

[41] Речь идет о подготовленном Ивановым-Разумником для постановки в Гос. театре имени Мейерхольда первоначальном варианте инсценировки «Истории одного города» М.Е.Салтыкова-Щедрина, над которой он позднее работал в соавторстве с Е.И.Замятиным (см. послесловие А.Галушкина к публикации текста инсценировки «Истории одного города», написанного Замятиным: Странник. 1991. Вып.1. С.29-30). Текст этого варианта инсценировки нам неизвестен. В письме к В.Э.Мейерхольду от 15 ноября 1926 г. Иванов-Разумник сообщал, что направляет ему два первых действия «Истории одного города»: «Если первые два покажутся Вам интересными, то остальные три могу переписать на машинке и прислать в любое время; но уже первые два дают представление о вещи. В остальных трех тема закругляется и приводит к тому же, с чего началась, – к “голому месту” и к революции. Всё – строго по Салтыкову; ни одного “отсебятинного” слова нет. И еще одно: главное и единственное действующее лицо – народ, поэтому “ролей” в пьесе почти совсем нет, а “хор” играет главную роль и на сцене, и по существу» (*РГАЛИ*. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1626). В письме от 16 декабря 1926 г. Иванов-Разумник уведомлял Мейерхольда, что высылает ему окончание «Истории одного города» (Там же).

[42] Речь идет о предполагавшемся ответе на письмо К.Н.Васильевой от 30 сентября 1926 г. (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

169. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
20 ноября 1926 г. Детское Село.

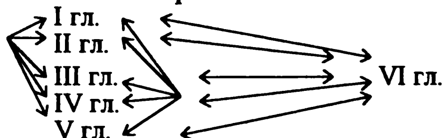
20 ноября 1926.

Дорогой и сердечно-любимый Борис Николаевич!

Письмишко это – идет вдогонку за Дмитр<ием> Мих<айловичем>, который только что уехал в Москву и повез с собой мое письмище к Вам[1].

Сегодня же хочу только дослать Вам прилагаемую вырезку – мнение проф. Эйхенбаума о «Москве»[2]. Оно меня тем более порадовало, что вообще-то к критическим способностям этого профессора я отношусь более чем скептически.

О «Москве» подробно написал Вам в подробном письме; Вы увидите из него, как порадовал автор критика in spe – полнейшим совпадением самого принципа подхода к роману. Статья моя была построена так:



и то, что Вы мне написали о первой главке первой главы – было составной частью проделанной мною работы. Совпадению обрадовался я очень, – значит, не фантазировал! Впрочем, в большом письме сказано подробнее.

Оборвал большое письмо к Вам на полуслове, а теперь снова хочется продолжать его; но сегодня ограничиваюсь посылкой газетной вырезки – и тысячи добрых пожеланий. Крепко обнимаю Вас и остаюсь

Любящий Вас Р.Иванов.

[1] Имеется в виду п.168. В день приезда Д.М.Пинеса в Москву (21 ноября 1926 г.) Белый писал ему: «...жду Вас в Кучино: 23, 24, 25, 26 и 27 ноября» (Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.88. Публикация Дж.Малмстада).

[2] Речь идет о статье Б.М.Эйхенбаума «“Москва” Андрея Белого» (Красная газета. Веч. вып. 1926. №273. 18 ноября); роман Белого расценивался в ней как «событие огромной литературной важности, которое можно приравнять только к какому-нибудь научному открытию»: «Здесь А.Белый не только эволюционирует, развивая свои прежние принципы, но и смело вступает на путь, намеченный удивительной прозой Хлебникова. Это уже не просто “орнаментальная проза” – это совершенно особый словесный план, это своего рода выход за пределы словесных тональностей: нечто по основным принципам аналогичное новой музыке». См.: Эйхенбаум Б. О литературе. Работы разных лет. М., 1987. С.424-426; о полемике, вызванной этой статьей, см. там же в комментариях Е.А.Тоддеса (С.518-521).

170. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
24 ноября 1926 г. Кучино[1].

4 экз. Д.Н. 13/V

Кучино, 24 ноября 1926 г.

Дорогой и сердечно любимый
Разумник Васильевич!

вчера получил от Вас, как Вы называете, «_письмишко_» и, не дожидаясь «письмища» (В.М.[2] еще не был) отвечаю Вам на него «_письмишком_» же. Спасибо за присланный отзыв Эйхенбаума. Любопытно. Страшно порадовали Вы меня тем, что мы совпали в наших подходах к «Москве». Как бы хотелось послушать или почитать то, что Вы в связи с «_Москвой_» написали или в качестве заметок на полях книги набросали! И вот опять возвращаюсь к старой теме. К Вашему приезду в Кучино. Зная, что увижу В.М. вероятно один раз всего и подозревая*, что он завтра будет в Кучине, набрасываю эти несколько слов, чтобы вручить ему. Именно: так хотелось бы еще раз повторить: приезжайте в Кучино этой зимой, так хотелось бы с Вами видеться. Хорошо в природе: подумайте, у нас 24 ноября, т.е. _сегодня мы вступаем в знак судьбы 26 года_**, т.е. в знак Козерога***, а я еще собираю на полях земляничные листики и совершенно помешан на них; третьего дня у меня был М.А.ЧЕХОВ****[3] с В.Н.ТАТАРИНОВЫМ; увидав, что я перед ними _разложил_*****, он даже вскричал: «Как же надо это понимать!» Я ему сказал: «Спросите природу, или, вернее, спросите Духа природы: Арх. Михаила».

Без шуток. Мы с А.С.ПЕТРОВСКИМ на старости лет помешались на коллекционировании; я – листиков, он – гравюр[4], с одной разницей: он разоряется, тратя свое жалованье на раздобывание гравюр, а мне моя коллекция ничего не стоит. Гравюры 1-го сорта ему не по карману, а у меня листья 1-го сорта. Я – в выгоде.

Часто думаю о Вас, даже видел Вас во сне и во сне Вам было плохо; Вы были чем-то выведены из нормы; я несколько дней тревожился, а вчера Вас видела во сне Кл<авдия> Ник<олаевна>, которая делит время и досуг со мною. Полнедели она в Кучине и полнедели в Москве, _где сплошь все время тратится на уроки евритмии и занятия кружков_[5]. В нашей маленькой семье ряд волнений, – в связи с невозможным положением большой семьи «.........»******[6], где уже происходит, по-моему, полный развал внутр. жизни; чем глаже идет работа в «_предприятиях_» (школа _эвритмии_*******, драм. курсы и т.д.), тем хуже дух Общества, которое видимо уже раскалывается на две группы; беда, что нельзя присоединиться ни к какой: «_обе хуже_», или, вернее говоря, в обеих дурное с хорошим так переплетено, что не разберешь; во главе одной партии ИТА ВЕГМАН, ШТЕЙН, КЛЯЗИСКО[7] и др.; ШТЕЙН и КЕЛИСКО прекрасные лектора, ученые доктора, хор. работники, но плохие антропософы, на поводу у Вегман, развивающей чисто католические тенденции (не в смысле идеологии, а в смысле стремления к власти) на почве оккультизма и мистики; она – хитрая, властная; напишет такие вещи, что хватаешься за голову и становится стыдно, но она

---

* _В машинописи_: подозревал

** _Подчеркнуто карандашом_

*** _В машинописи бессмыслица_: Кезереча

**** _В машинописи_: М.Э.ЧЕХОВ

***** разложил – _вписано от руки в оставленное место._

****** _В оставленное место вписано от руки_: «Написано не по-русски».

******* _В машинописи бессмыслица_: эвритмеци

*хочет вести** и *ведет* большую часть О-ва; жалко, что ее слушается молодежь, т.е. самые хорошие элементы. Другая партия с М.Я.ШТЕЙНЕР[8] во главе: здесь равнение на традицию; сюда примыкали Утер[9], Юли и др., тут подлинно порядочные люди и явные «*прихвостни*»; первые «*старики*» во всех смыслах, а вторые образуют при М.Я. «*двор*»; она же, будучи благородной, порядочной, ничего не понимающая «*самодурка*», отпугивающая все талантливое от себя и устраивающая «*глупость*» за «*глупостью*», которую использует ВЕГМАН; фезиальный председатель СТЕФФЕН[10] – человек слабый, не от мира сего – вихляется. Отдельные независимые люди, как ГАУХР, РИШТИЛЬМЕЙЕР[11] и др. слишком *индивидуальные* – первый болен, второй всецело ушел в «*Христ. Общину*». Фактической цельности О-ва нет.

Нам, отрезанным, это особенно мучительно. Во мне зреет надежда, что надо вступиться за порученное** дело Доктора.

Дорогой Разумник Васильевич, а все-таки может Вы приедете в Кучино; пошли бы в театры, скоро идет ....*** , идет Мейерхольдовск. «Ревизор»[12]; с последним я говорил о постановке «Москвы»; он берется; только что написал костяк пьесы, еще надо покрыть мускулами[13]; сознательно этого не делаю до решительного разговора с Мейерхольдом.

Приходится бросать «Историю *сам<осознающей>***** души» и бросить книгу воспоминаний о Докторе, которую вчерне почти написал[14], бросить мечту о продолжении курса своего в «кр. комнате», потому что «*Круг*» требует скорей второго тома «Москвы»[15], за который не принимался еще. Между прочим, первый том в Издательстве уже исчерпался***** (обе части) – дораспродаются остатки; но «Круг» не хочет печатать 2-м изданием, что подводит меня, ибо дела мои матер. не в блестящем состоянии[16]. Все вызывает из аппарата таких приятных мне *дум и работ и тащит******* к 2-му тому. Для меня это «*пекло*», первый том ободрал меня, а что будет со мной после 2-го тома, если сумею его написать, и не знаю, боюсь, что *таки* не сумею: 1) тема его сложнее, ответственнее; 2) условия цензурные почти не преодолеваемы.

Сейчас меня *очень, очень* волнует М.А.ЧЕХОВ: 1) измучен до психич<еского> расстройства; 2) затерзан интригами внутренними в «*МХАТ'е*», где одолевает линия халтурная; 3) его в «*МХАТ'е*» начинают систематически травить (тут и темп.*******, и «православные»)[17]; 4) на него косятся и «свыше» (о «Дон Кихоте» и речи не может быть[18]. «*Смерть Иоанна********* *Грозного*» разрешили *с условием, чтобы Чехов в пьесе не играл*[19]. Положение его таково, что хоть уходить со сцены, и он уже решил предпринять безумный план, да мне********* пришлось «*разбить*» его надежды, указав, что его ждет в «*Драм. Школе*» (ведь там его считают за «*идиотика*». Вот Вам один из примеров самодурства и просто «дурмана»: ШТЕЙНЕР). К довершению невозможного его положения *такие* путаницы обнаруживаются с Павл. и «*старцем*»[20], что хочется кричать. Моя судьба, по-видимому, добить М.А., я уже разбил его, сказавши категорически: «Вам из Москвы никуда нельзя ехать», и придется добить, ибо «*сети*» из *Оптиной*********** принимают явный оттенок «*лжи*». (Кто тут «лжет», Павел[21] или «старец», не знаю, но знаю, что вокруг него ложь, меня просили молчать, но больше молчать не могу).

М.А. сейчас имеет самый жалкий затерзанный вид, он едва ли не изотчаялся; я получил от него письмо, которое не могу иначе назвать, как «..........»[22] и страшно беспокоюсь, все придумывал, чем бы помочь ему[23].

Он слишком категоричен и абсолютен для изолгавшейся действительности, включая сюда и *Оптину*, и Общество. Живешь в такой атмосфере, что подумываешь о новом Обществе. «*Общество спасания на водах*». Над людьми прямого пути – *разверзлись просто потопные хляби*![24]

---

* вести – *написано чернилами поверх зачеркнутого машинописного* «власть»

** *В подлиннике, безусловно, было*: поруганное

*** *Чернилами вписано*: неразборчиво

**** сам – *вписано в оставленное место чернилами. Слово* «самоосознающей» *в ГПУ не разобрали.*

***** *В машинописи*: исчеркался

****** дум и работ и тащит – *вписано чернилами в оставленное место.*

******* *Вероятно, в подлиннике было* «тамп.» – *сокращение от* «*тамплиеры*».

******** *В машинописи*: Ионна

********* мне – *вписано чернилами поверх машинописного* «еще»

********** Оптиной – *вписано от руки в оставленное место.*

Обрываю письмо. Уже почти рассвет. И завтра застанет меня в постели Д.М. Хотелось бы еще кой-что сказать Вам; переживаю *довольно значительные вещи*, нечто вроде Рубикона; надеюсь, что не в смысле *трамвая*[25], а наоборот: Рубикон заставляет ждать «*светлого*» (не в земном смысле). Да об этом в другой раз.

Обнимаю Вас крепко и остаюсь сердечно преданный

Борис БУГАЕВ.

Пост-скриптум. Мой адрес: Нижегородская (а не Казанская) ж.д., Салтыковка, Новое Кучино, дача №7. Верно. Можно мне писать и передать Соне Катуп*, чтобы она передала Михаил. Андр. ВЕЛИКАНОВУ, который раз в две недели бывает в Кучине; мне труднее это, ибо он не заходит и его приходится ловить, а передать письмо в лабораторию его[26] не решаюсь, а Вам всегда можно через Соню передать, тогда он заедет ко мне и лично передаст.

Привет и уважение Варваре Николаевне и Иночке.

Верно: <Подпись отсутствует>

[1] Ответ на п.169. Письмо, скорее всего, не было отослано Иванову-Разумнику; автограф его, видимо, утрачен: был доставлен в ОГПУ при изъятии архива Белого в 1931 г., но не вернулся к владельцу – в отличие от других материалов, возвращенных Белому в результате его настойчивых хлопот (см.: К биографии Андрея Белого / Публикация Дж.Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып.12. Paris, 1991. С.349-361). В пользу этого заключения свидетельствует дата, проставленная над текстом копии письма Белого: 13/V; рукописи Белого были изъяты при обыске и поступили в ОГПУ в начале мая 1931 г. Текст публикуется по машинописной копии, снятой в ОГПУ и переданной в РГАЛИ из архива КГБ в конце 1992 г.; документ присоединен к фонду Андрея Белого. См.: Из архивов ОГПУ (письмо Андрея Белого Иванову-Разумнику и завещание Андрея Белого) / Публикация А.В.Лаврова и С.В.Шумихина // Новое литературное обозрение. 1995. №14. С.157-163. В копии с письма машинистка оставила многочисленные пропуски для неразобранных слов и иностранного текста (частично они заполнены от руки зелеными чернилами); текст воспроизводится – за отсутствием оригинала – с сохранением его палеографических особенностей, включая и заведомые дефекты кописта.

[2] «В.М.» – ошибка кописта; должно быть: Д.М. – т.е. Дмитрий Михайлович Пинес.

[3] Ср. запись Белого о ноябре 1926 г.: «Беседы с Чеховым» (*РД*. Л.125).

[4] Коллекция гравюр, собранных А.С.Петровским, насчитывает 2271 лист. См.: Гравюры из коллекции А.С.Петровского. Каталог. Сост. Е.И.Кузищина. М., 1980.

[5] Имеются в виду занятия и собрания в кругу московских антропософов.

[6] Под «большой семьей» подразумевается основанное Р.Штейнером Антропософское общество.

[7] Деятели Антропософского общества: Ита Вегман (Wegman, 1876–1943) – основательница антропософского клинико-терапевтического движения, член Совета Всеобщего антропософского общества с 1923 г., в соавторстве со Штейнером написала книгу «Основы для расширения искусства врачевания согласно духовному знанию» (1925); Вальтер Иоханнес Штейн; «Клязиско» (далее – «Келиско») – Эуген Колиско.

[8] Мария Яковлевна Штейнер (урожд. фон Сиверс, 1867–1948) – жена Р.Штейнера и ближайшая его сподвижница по Антропософскому обществу. В 1912–1916 гг., во время пребывания Белого в Германии и Швейцарии, М.Я.Штейнер выполняла во многих отношениях посредническую роль в общении его со Штейнером. См.: Андрей Белый. Воспоминания о Штейнере. Paris, 1982. С.87-93; Спивак М.Л. Андрей Белый – Рудольф Штейнер – Мария Сиверс // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.44-68.

[9] «Утер» – Карл Унгер.

[10] Альберт Штеффен.

[11] Обе фамилии искажены копистом. «Гаухр» – возможно, доктор Иоханнес Гейер; «Риштильмейер» – пастор Фридрих Риттельмейер.

[12] См. примеч.19 к п.168. В ноябре 1926 г. Белый посещал репетиции «Ревизора» (*РД*. Л.125).

* Катуп – *вписано от руки в оставленное место. В подлиннике, безусловно, было*: Каплун.

[13] Драму в пяти актах «Москва» Белый написал в ноябре 1926 г., при жизни автора она напечатана не была; впервые опубликована Д.Торшиловым (Театр. 1990. №1. С.163-192).

[14] Активная работа Белого над «Воспоминаниями о Штейнере» приходится на осень 1926 г.: «Возвращаюсь к "*Дневнику*", ибо все мысли для выхода в свет – заперты <...> "Дневник" становится мне складочным местом: сюда валю и эмбрионы мыслей, и личные отметки. Так: в октябре из "Дневника" вытягиваются мои воспоминания о духовной работе у Штейнера»; в ноябре: «Весь месяц – листики, "Дневник", в котором вытягиваются "Воспоминания о Штейнере"» (*РД*. Л.125).

[15] Предполагалось, что 2-й том романа «Москва» будет, как и 1-й том, опубликован издательством «Круг». Работа над 2-м томом была начата только в сентябре 1928 г.

[16] Второе издание романа «Москва» в двух частях (ч.1 – «Московский чудак», ч.2 – «Москва под ударом») было осуществлено в 1927 г. московским издательством «Никитинские субботники»; см. об этом в воспоминаниях о Белом П.Н.Зайцева (Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.90-91).

[17] О наметившихся в ноябре 1926 г. разногласиях в коллективе МХАТ 2-го по поводу позиции М.А.Чехова как руководителя театра см.: *Чехов 1*. С.326; *Чехов 2*. С.499-501.

[18] См. примеч.7 к п.159.

[19] Трагедия А.К.Толстого «Смерть Иоанна Грозного» была включена в репертуар МХАТ 2-го на заседании правления и режиссеров 30 декабря 1925 г., премьера спектакля состоялась в сентябре 1927 г. (в роли Иоанна Грозного – А.И.Чебан). М.А.Дурасова вспоминает: «...значительным спектаклем была "Смерть Грозного" с превосходным Грозным – Чебаном и оригинально разрешенным образом Годунова (Берсеневым). Рисунки обеих ролей были предложены Михаилом Александровичем. Он сам собирался играть Грозного и бывал на всех репетициях, показывал» (*Чехов 2*. С.512). В мемуарах «Жизнь и встречи» Чехов пишет о постановках «Смерти Иоанна Грозного» и «Дон Кихота»: «Обе постановки были мне разрешены при условиях: роль Иоанна Грозного буду играть не я; "чтобы царь-злодей не получился там как-нибудь симпатичным", а "Дон Кихот" должен быть поставлен так, "чтобы тем уже и забить кол в гроб идеализму окончательно". Кола забивать я не стал, и моя деятельность в театре прекратилась сама собой» (*Чехов 1*. С.246).

[20] Подразумеваются поэтесса Надежда Александровна Павлович (1895–1980) и иеросхимонах Нектарий (в миру Николай Васильевич Тихонов; 1856/57–1928), изгнанный из Оптиной Пустыни в середине 1920-х гг., переведенный в Козельск, а затем в село Холмищи Брянской области, где и умер (см.: Борисов В. Оптина Пустынь // Наше наследие. 1988. №4. С.58, 66-67; Старец Нектарий (1857–1928). Житие: подвиги и чудеса. М., 1994). Н.Павлович, попав в Оптину Пустынь в 1922 г., стала духовной дочерью Нектария; см. ее стихотворение «Старцу Нектарию Оптинскому» («Теперь я знаю, как шуршит...») (Павлович Н. На пороге. М., 1981. С.7; опубликовано без посвящения), а также главы III («Батюшка Нектарий») и V («Что ты знаешь о нашем нищем...») ее поэмы «Оптина» (Н.А.Павлович в Оптиной Пустыни / Публикация Б.В.Плюханова и М.Б.Плюхановой // Оптина Пустынь: монастырь и русская культура. Материалы Международного симпозиума в г.Бергамо (Италия), 19-23 апреля 1990 г. Вып.I. М., 1993. С.331-333) и ее «Воспоминания о старце Нектарии» (Цветочки Оптиной Пустыни. Воспоминания о последних Оптинских старцах о.Анатолии (Потапове) и о.Нектарии (Тихонове). М., 1995. С.154-162; см. также: Оптина Пустынь в судьбе Н.А.Павлович // Троицкое слово. №8. [Сергиев Посад, 1991]. С.6-15; Митрополит Вениамин (Федченков). Божьи люди. Мои духовные встречи. М., 1997. С.125-191). Состоявшая с Чеховым в дружески-доверительных отношениях, Павлович сблизила его с Нектарием (см. ее стихотворение «М.А.Чехову» («Не о зверях, не о розах...», 1927) с топографическим указанием «Дорога в Холмищи» (село, где жил в изгнании Нектарий): Оптина Пустынь: монастырь и русская культура. С.328; Павлович Н. Сквозь долгие года... М., 1977. С.128 – без посвящения и топографического указания); Чехов, характеризуя свое сложное душевное состояние в недатированном письме к Белому, признавался: «Надежда Александровна Павлович, не зная о том, что со мной делается, получила от отца Нектария повеление: не отходить от меня до тех пор, пока я "не спущу ее с лестницы". Для чего это нужно – он долго не хотел объяснять ей. Но через несколько посещений она добилась от него ответа; он сказал: "Михаил Александрович может сойти с ума". <...> Этим летом, в Италии, был один из таких особо сильных приступов, и я думал, что это конец. Он мучил меня и днем и во время сна, и вот пришел во сне 2 ночи кряду отец Нектарий и снял с меня *совершенно* все это. И Надежда Александровна в это время получила от него письмо о том, что она может меня оставить, что ничего не будет» (*Чехов 1*. С.312-313). Чехов ездил к Нектарию, знакомил его с учением и книгами Р.Штейнера, которые старец одобрил и рекомендовал своим ученикам. Описанию встреч с Нектарием Чехов посвятил отдельную главу в книге воспоминаний «Жизнь и встречи» (Новый Журнал. Кн.8. Нью-Йорк, 1944. С.38-45; Кон-

цевич И.М. Оптина пустынь и ее время. Jordanville, N.Y., 1970. С.541-544; Бюклинг Лийса. Письма Михаила Чехова Мстиславу Добужинскому (годы эмиграции, 1938-1951). СПб., 1994. С.159-164).

[21] Вероятно, в подлиннике было «Павл.» – т.е. Павлович.

[22] В оставленное место вписано от руки: «Написано не по-русски».

[23] Вероятно, речь идет о цитированном выше (примеч.20) недатированном письме, ошибочно отнесенном публикаторами к осени 1925 г. (*Чехов 1*. С.310-313) – на основании фразы о пребывании «этим летом в Италии»; однако в Италии Чехов был и летом 1926 г. Поскольку в письме Чехов говорит также о своих переживаниях, связанных с игрой в «Эрике XIV» (постановке, возобновленной в апреле 1926 г.), имеются все основания датировать это письмо к Белому осенью 1926 г.

[24] «разверзлись потопные хляби» исправлено от руки поверх машинописного текста: «развернулись ржаные хлеба».

[25] «трамвая» вписано от руки в оставленное место. Намек на несчастный случай (см. п.164).

[26] Имеется в виду кучинская гидростанция, которую регулярно посещал, приезжая из Ленинграда, М.А.Великанов.

171. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
25–30 ноября 1926 г. Кучино – Москва[1].

Кучино. 25 ноября. 26 года

Дорогой Разумник Васильевич.

Очень порадовала меня весть от Вас, хотя содержание письма в том месте, где Вы пишете о себе, очень удручило меня; но мы – перманентно удручены; все, что извне наваливается, есть *дручение*; дручит нас жизнь; и важно, чтобы мы не были удрученными; теперь, в минуты нападения обстоятельств (а я заметил, что обстоятельства нападают на нас, выбирая для этого с дьявольской ловкостью уязвимые душевные слои), – в минуты нападения на меня Аримана, я утешаю себя мыслью, что вынужден ходить перед сим Господином бодрым, что моя удрученность есть его торжество; я так ненавижу этого Господина, ненавижу лютой ненавистью, что хотя бы со зла на него делаюсь вдруг легким и бодрым; разумеется, корень подлинной легкости – позитивен; его источник – не сила ненависти, а сила любви; но, именно, в минуты *нападений* мы бываем немощны в любви; сперва нас усыпляют, чтобы мы оскудели и оказались ниже среднего собственного уровня; сегодня я могу быть полн силами любви, а завтра эти «*силы*» становятся во мне лишь бледной, абстрактною памятью, не помощью, а помощью, нарисованной на картоне; принимая это во внимание, я и зарубливаю у себя на носу *мотто* поведения своего в отношении к Ариману, строя его не на моем maximum'е, любви, а на моем minimum'е, ненависти: «Ты так ненавидишь его, что, конечно, не ударишь перед ним в грязь лицом; и если тебе суждено упасть духом, то упади завтра, когда Ариман будет от тебя несколько дальше; сейчас тебе не до *падения*». Вы знаете, дорогой друг: это мотто мне помогает реально; и хотя я не научился окончательной бодрости, но я стал в последнем годе бодрее именно с той поры, как сериозно стал стараться обставлять свою жизнь ритмами, вырабаты<ва>я особый ритм отношения к событиям даже в разные времена года; надо осенью реагировать на то же обстоятельство иначе, чем весною; летом – иначе, чем зимою; в искании этого космического ритма выплывает по-иному та же проблема, которая есть содержание и моего письма к Вам и Вашего ответа мне. И в частности: тема Вашего письма «*природа и этика*» тут опять-таки по-своему вступает в свои права; к космосу надо относиться «*этично*», т.е. именно как к «*космосу*»; самое слово «*космос*», т.е. нечто образованное, организованное, украшенное («*космос*» – «*косметика*»), взывает к культуре, к своему противопоставлению с хаосом, т.е. необразованным, механизованным, обесцвеченным, обóбщенным. Мне все яснее: всякая человеческая «*этика*» еще не «*этика*», если она перескочила через свое первое, через «*косм-этику*» (простите за игру слов); «*этика*» без «*космэтики*» (космич<еской> этики) тотчас становится узко утилитарной моралью «*моралистов*»; этическая уста-

новка всех проблем, как бы мы через них ни перепрыгивали, начинается с чисто научного (такой науки еще нет) изыскания ритма между собою и миром; опять-таки: для меня глубок, очень глубок лозунг Вашего письма, что мы должны вобрать в себя т<ак> наз<ываемую> неодушевленную природу и «*смерть*», в ней сидящую, чтобы прививкой смерти к себе опытно решить вопрос, *мертво* или живо особою жизнью «*под формою смерти*» это Ваше *Все*, или «*Welt-All*» (как его называет Штейнер). Полузабытые слова первой медитации, данной мне Штейнером в 1912 году, если память не изменяет мне, содержали такую фразу: «*In Welten-weiten Ende nicht*»*. И теперь, через 14 лет, это *мотто* всех моих космических реальных узнаний есть рассказ о том, что подлинная этическая установка в любом текущем событии еще не этична, если она не начинается с «*Urbeginne*»** и если не проведена до *Welten-Ende****; но тут-то и возникает проблема космос + этика = *космэтика*, адекватная с sui generis *эстетикой* в проблеме искания ритма; тут и « *природа*» – культура; и закон – ритм. Познавательно мы это еще допускаем с грехом пополам; а в ежедневную жизнь не допускаем; в ней не ищем космического фона; и попадаемся в две ловушки: либо в безнравственную науку, либо в нравственную мечтательность «*от рассудка*», которой оборотная сторона sui generis злость: «моралистическое злопыхание», «*грибиковщина*»[2], «*мещанство*», – зовите, как хотите; первая ведет к попытке воспроизвести «*человекоглавого*» удава; вторая выращивает *удавляющего* человека, человека-палача, карающего и только карающего за проступки других; ведь образ урегулированного государства, «*этического*», подсматривающего поступки других, доносящего и изыскивающего средства к их пресечению путем закона, и есть Грибиков, человек-паук, человек-удав; если хотите, Грибиков, т.е. мелкий мещанин, есть бредовой образ по всей земле водворившегося принципа государственности, построенного на «*морали*» и только морали. Грибиков, конечно, – предел дегенерации «*морали мещан*»; но он и «*мораль*», отрезанная от космического ритма, – одно и то же.

К теме космического ритма, как необходимого нынче принципа *вооружения* новым оружием, которого не знали антикосмические XIX и XVIII века (XVIII век – век рационалистический, век «*просвещенной государственности*», а XIX век – «*бактериологический*» век, т.е. «*антителескопический*»); применение «*микроскопа*» к этике выявило человекоглавого удава, т.е. «*большую бактерию*»; и – только. Нужно теперь на эту бактерию повернуть «*телескоп*»; это значит – отбросить бактерию с земли в космос, ибо с электронной точки зрения бактерия – сумма созвездий *Дракона*. И тогда она, эта бактерия, выявит лик: «Вот большой Красный Дракон» и т.д. «*Смерть*», принятая под формой закона, как результат анализа бесконечно малых величин, в космическом разглядении именно и ёсть Дракон, мировой Механизм, который должен быть утоплен в озере огненном нашего Солнца-Сердца мечом новой космической ответственности; и тогда этот Космос, то *Все*, есть образ Жены; в Ней – воинства Архангела Михаила.

И – кстати: в терминологии Штейнера последнего года это и есть картина созревшей и напрягшейся борьбы между Михаилом и Драконом.

Идея борьбы, революции в подлинно мировом масштабе здесь начинается: в борьбе космической этики с бактериологией, в которую вылилась этика Мирового Мещанина.

Мы – крайне беспомощны; на нас нападают *по-новому*, с неистовой «*космической*» силой (космической не в моем смысле); сейчас время, когда с неба на землю свергается «*Дракон*» (вспомните «*Апокалипсис*»); и потому-то в мелочах наших судеб пропечатан новый стиль *напастей*, промаргивая который мы обречены на неудачи; «*Дракон*» вчера еще был, так сказать, лишь «*созвездие Дракона*»; а теперь Дракон подготовляется пророками зверя в стиле Вороновых (это – первые ласточки); это «*созвездие*» уже появляется на земле; и люди, носящие печать этого «*созвездия*», появляются среди нас; и – мы ли их не знаем? Но мы бессильны, пока не станем «*Каппами*» созвездия «*Девы*», как стал этой «*Каппой*» Коробкин[3]. Неспроста я поставил эпиграфом к «*Москве*» ломоносовское:

---

* *«В просторах миров нет конца» (нем.).*
** *«праначала» (нем.)*
*** *конца миров (нем.)*

Открылась бездна – звезд полна.
Звездам – числа нет; бездне – дна[4].

Эта «*бездна*» при своем реальном учете (слово «бездна» – отрицательное: «*без дна*») оказывается либо «*саранчиным кладезем*», либо источником «*звездного света*» Жены, излучаемого с ее подножия; «*Жена*» – Космос: Ваше «*Все*». «*Звездам*» – числа нет; и мы с Вами – звезды; и то, что мы этого не знаем, не хотим знать, – источник тех «*язв*», которою* жалит нас из кладезя бездны выходящая «*саранча*», ибо «*саранча*», «*скорпионы*» нашего времени – прогнанное с неба на землю Драконово Воинство; это – злые духи. И иногда это – неузнанные «*духи*» вообще: духи «*смерти*», т.е. неузнанной, невобранной, не осознанной в себе высшей формы космической жизни, которую «*бактериологи*» и «*атомистики*» приняли за «коперниканские пустоты».

Довольно: боюсь, что Вы меня примете за Евг<ения> Павловича Иванова («И пошел, и пошел это он с "*Апокалипсисом*"»; или: «*Что в Москве? Боря Бугаев ходит по Арбату с Апокалипсисом под мышкой*» – так реагировала когда-то покойная Поликсена Сергевна *Allegro*[5] на свое пребывание в Москве; это было давно: в 1902 году; «*Боря*» стал едва ли не «*старчищем*»; но – тот же: «Апокалипсис»!).

Нет, – Вы так не скажете.

. . . .

Еще на ту же тему.

Каждый человек должен выработать свой собственный ритм отношения к *Космосу* (это – ближайшая задача); и потом уже выявится *ритм* ритмов (à la научный «*принцип*»). И вот: в судьбе моих попаданий впросак – попадать впросак главным образом в периоде: октябрь – декабрь; наиболее губительное время; человек усыпляется всеми видами соблазнов извне и изнутри, рассеивается до забвения полного космического ритма, наиболее слышимого летом (июнь–июль – так для меня); и тогда-то выползает «*скорпион*» и жалит; и – тотчас: извне начинают бить все виды провокаций; тут и «*обстоятельства независящие*», и «*нападения*», и «*безденежье*» (для меня все тяжелейшие в жизни безденежья падали, разумеется, на это время), и просто «*падения*» (главные «*падения*» в жизни опять-таки бывали для меня в этот период). И теперь я, зная, что октябрь – декабрь (до Рождества) – время ехидное, стараюсь совершенно иначе жить в это время.

И если хотите, моя личная *космология* для этого периода совпадает с космологией; и моя *косм-этика* строится на выводах из этой космологии.

В двух словах: август – *Дева*; сентябрь – *Весы*, ибо равновесие и подлинное начало года здесь; сентябрь стремится уравновесить две волны ритма; октябрь – *Скорпион*, т.е. земное проявление *Дракона*, созвездия, под знаком которого находится сам *Скорпион*; так что: когда появляется Скорпион, тогда и *Дракон*; в октябре я жду укуса *Скорпиона*, чтобы ноябрь послал мне стрелу (Стрелец); *стрела* ноября становится роком (Козерогом) в декабре; роком, обычно злым, срывающим благие намерения Космоса во мне (от весны до осени). Сорокашестилетний опыт жизни эти домыслы, кажущиеся абстрактными, превратил в непререкаемые факты. И поэтому: я теперь стараюсь с октября до Рождества внутренне спрятаться от земного; и это спрятанье – под *Покров* (праздник *Покрова Богоматери* – 1-го окт<ября> старого стиля), а за день-два – западноевропейский Михайлов день, 29 сентября (наши «*Михайлы*» в ноябре)[6]; это – праздник самосознания, как обороны, как принятия мер против Дракона и Скорпиона; «*Покров*» Богоматери еще и «*покров*» природы; что значит уйти под покров природы? Значит проникнуть в *ядро* ее: понять и почувствовать ее духовные основы; не уйти от природы в города, как делали это исконно «*дачники*», а внести «*внутр<енний> образ*» природы в «*механику*» городской жизни; т.е. по-иному прикрепиться к природе; внешняя природа в это время становится пустыней; внутренняя природа – берега Иордани; чтобы спастись от «*ехидны*» и не стать ее порождением, надо идти к Иордани; «*Я*» в этот период переживает *покаяние* и *изменение*: «Переменитесь! Обновитесь умом!» Оно теперь – «*глас вопиющего в пустыне*»; осознать пора уже, что октябрь–декабрь – время «*вопияния*»; а мы бежим от гласа, вопиющего в нас, именно в это время; бежим в «*шантаны*» цивилизации («Знаете, осенью как-то

---

* *Так в автографе.*

скучно!»). Тут-то и кусает нас «*Скорпион*»; и при укусе мы – без помощи «*Жены*»; где «*Жена*», когда царствует Дракон? Ей даны крылья Большого Орла, чтобы спасаться (Апокал<ипсис>); что есть Большой Орел? По Штейнеру, «*Орел*» занимает в Зодиаке ему соотв<етствующее> место в круге, где «*Лев*» называется созв<ездием> Льва; «Телец» – созв<ездием> Тельца; но «*Водолей*» (или Wassermann – «*Водяной Человек*») – еще в космическом смысле не прочитанный символ *Чела Века*, Манаса, которым становится «*Я*» уже после космического Крещения (6-го января); в момент совершения обряда Крещения *водою покаяния* (может, – слез) появляется на небе Водяной Человек, Wassermann; словом: Водолей – «Человек» в кресте мировом «*четырех образов*»; четвертый образ животного, Орла, падает на октябрь; смотрим в Зодиак; и – Орла не видим: видим *Скорпиона*; как *Орел* превратился в *Скорпиона* на небе, повествует «*Тайноведение*». Не углубляясь в него, – скажу лишь: «Скорпион» – тайна непрочитанного Духа, действующего в материи, Духа-Собственно, а не «*душевного человека*» (Льва), не «*телесного человека*» (быка); «*Орел*» обернулся, подменился в нас «*Скорпионом*»; это – непрочитанная тайна грехопадения; словом, – я уверен, что точка проекции мирового падения в линию «*круговорота*» времени падает на *октябрь*; а места «*Эдема*» – пустыни, в которых в октябре вопиет Креститель, призывая нас к *Водолею*, чтобы чрез *Воду* стали мы человеками-собственно, в умении сложить из Орла + Льва + Тельца – образ *Космоса* в себе.

Улетание *Жены-Девы* (августа) от октября *скорпионова* на крыльях *Большого Орла* есть вознесение созревшей в душе летней космической тайны в высшие сферы; от «*Скорпиона-ехидны*» и «*Скорпиону-Орлу*», дабы в Духе родилось рождественное «*Я*», младенец; нам же свыше в это время бросается, как знак обетования, *Покров* Ее; и он шелестит нам чудными красками засыхающих листиков; уйти под *Покров* – вот что мы забываем в октябре; если бы сумели уйти, то миг *вопияния* в пустыне стал бы нам *Орлим* клекотом; не укус «*Скорпиона*», жалящего Стрелой хвоста своего, был бы нашим роком в Козероге (встреча с Единорогом, по русскому преданию, – либо встреча со *смертью*, либо встреча со Христом), – нет: *стрелою* нашего решения переродиться к крещению; таким решением смерть от Козерога 25-го декабря есть рождение в нас младенца Христа.

Совлеките с моих подглядов аллегорическую образность, – останется для меня нечто живое, непередаваемое, узнанное, как ритм (заобразное), это и есть звук *Космоса*. Не диктует ли он и косм-этику осени и первой половины зимы? Мне диктует. И я, собирая листики осенью, собираю не только световые роскоши дней; я схватываюсь за кусочек ризы, покрывающей Деву-Природу; и мельк листьев мне – мельк искр узоров Покрова; я – схватываюсь за Покров; я стараюсь в этом году, как могу, накрыться им; это – и эстетика для меня, и – логика; и – «*этика*»; не какая-то там дикая, декадентская этика, а *этика*, с которой должна начинаться «*этика*» в нашем смысле, ибо эта последняя без соблюдения обрядов природного ритма – без *культа природы* самой природы – жалкая утопия, опрокидывающая все благие намерения «*интеллигента*» с малой буквы; обычно мы, изжаленные «*скорпионами*» первой половины зимы, в январе встречаем новый год Водолея лишь «водолеями» à la Задопятов.

Выступает Задопятов,
Знаменитый «*Водолей*»[7].

Наши встречи нового года и наши новогодние речи обыкновенно «*водолейны*».

Милый, хороший, – простите меня; опять разъехался; но то, что я пишу о Космосе, косм-этике, о непроизвольной обрядности, о, если даже хотите, об «*играх*» во время, – для меня не парадоксы, не чудачества, а попытка рассказать Вам об нищенских моих усилиях ставить хоть клочочки от *поведения* под знаки космич<еского> ритма, чтобы быть крепким; и выглядеть мужественно. Мне усилия в этом направлении что-то, пусть субъективно, построить отдаются *уже* кое в чем большой *помощью*; я же верю, что в жестах, которые мы тут развиваем (это нечто вроде игры с собой – пусть даже порой это кажется игрой в прятки), в жестах этих есть что-то от подлинной магии; сперва слушаем ритм, т.е. то, чего *не слышат*, для этого убегая на «*брега пустынных волн*»[8], чтобы на брегах поставить наш *радиоприемник* («*приемник*» – минуты создаваемой тишины для себя: пусть в постели, если нет времени для этих минут *до* постели); итак: сперва это установка *приемника* для слушания; потом – непроиз-

вольные ответные жесты, вполне «*бесцельные*» для мира сего (для меня, например, таким «*бесцельным*» жестом является иногда украшение своего письменного стола к празднику красками и знаками, каких душа просит, чтобы стол хоть на минуту стал «*пре-столом*»); потом – большее приходит, – легко: как порхание бабочек (земляничные листики мне – такие «*бабочки*»); и вот: нашел же я в этом году бабочку в ноябре у себя в комнате: живую! И как было хорошо. От *таких жестов*, если они развиваются в ритме (верьте, – факт мной *не раз* замеченный), прилетают к *столу* ли, как к «*престолу*», к мигу ли тишины – не только бабочки; иногда прилетают действительные *помощи*, как идти по жизни, внутренние советы, указания – вплоть до *обстоятельств извне*, которые как бы начинают кое в чем (и долгое время незаметно для сознания) *перестраиваться*.

То, о чем я говорю, – странная вещь; об этом даже нельзя сказать, чтобы не спугнуть; тут именно надо – *легче*, *тише*: ***не нарушать ритма***; и – что-то: строится; во всяком случае: притекают *силы из Космоса*, невероятные, нести крест жизни. Заметьте, я говорю не о *молитве*, не о *медитации* в обычном смысле; *о ритме*, о *силах*, перестраивающих судьбу. И я *знаю действенность* их; мучителен подступ к ритму, к «*брегам пустынных вод*»; это почти всегда «*вопияние из пустыни*», откуда наше я все улизывает под всеми благовидными предлогами.

Дорогой мой, если я это пишу, пишу намеками, – то не сетуйте; тут сказать ведь словами нельзя; или я *еще не умею*. Но я знаю: ***есть силы Космоса***; и есть забываемая всеми *косм-этика*, которую Ариман заменяет косметическими принадлежностями квази-общественности (помните, как Вам Государство подарило карандаши для выведенья бровей); ну вот: мы все закрашены этими карандашами; иногда есть потребность *отмыться*; и это – в ритме; из омовения – рождение.

С болью жгучею переживая Ваши тяготы, думая о Вас ежедневно, я всеми силами души протягиваюсь к Вам; и не могу на физическом плане *реально* помочь; и вот тогда протягивается из души жажда сказать Вам о том, что есть, есть помощь: мне, как и Вам, – в *силах ритма*; и я не только призываю эти силы Космоса на Вас, я пытаюсь и Вас позвать к *играм ритма*, глубоко целительным, глубоко пронизывающим, пророждающим сознание в страну, откуда оно, так сказать, «*магически*» начинает по-новому бороться с удручающей косностью Ариманова царства: вплоть до перерождения *независимых от нас обстоятельств в зависимые*.

Бабочка ко мне прилетела оттого, что я натаскивал множество листиков; прилетела с листиками за листиками: кушать листики; но листики у меня появились – *от чего*? Прилет *бабочки* – по законам причинности: за листиками; но листики – не по законам литературных «*привычек*» 46-летнего «*писателя*»; листики – из ритма *Покрова*. И не будь *Покрова*, – не было б «*бабочки*».

Вот о чем я хочу крикнуть Вам вместо самых жарких соболезновений и сочувствия, выглядящих *пусто*.

Я хотел бы Вам перебросить мой ритм так, как дети бросают друг другу мячик. Если бы Вы подставили руки и стали ловить его, – как знать, что произошло бы.

Кучино. 26 ноября 26 года.

Прочитал последние строки вчерашнего письма к Вам, дорогой Разумник Васильевич, и – ахнул: жутковато! Именно «*-вато*»; и не для Вас, а для меня: я Вам предложил игру в мячик (достойное занятие для 45-летних мужей!); шепну Вам: по правде сказать, я возобновил для себя игру в мячик с 24-го года[9], подав руку как бы *6-летнему* «*пупсу*» (не помню, играл ли я в мячик после 6<-ти> лет) – из своего 44-летнего возраста (в 24<-ом> году мне было 44 года); относительно меня – дело ясное: подобно Задопятову – пячусь задом: в детство, предпочитая «*пупсовые*» игры «жирякам... имени...». Но с чего это я Вам, знаменитому деятелю, философу «*Иванову-Разумнику*» предложил такую игру? Думаю, что меня не осудите: ведь мы – «*вольфильцы*»; «*Вольфилу*» не удивишь парадоксами. Но повторяю: «*ритм*» жизни – не парадокс. И если чего не хватало – все еще! – «*Вольфиле*» (хотя она и опередила в этом отношении всей ей подобные организации), – так это «ритма»; все еще в «*Вольфиле*» подавались темы, как «*темы*», даже – как «теми-*щи*»; и мало было «игры», т.е. темы в вариациях: с акцентом на «*вариации*»; а ведь «*тема*», данная в вариациях, есть игра: градация, где – тем-очки, тем-очки, тем-очки: и «тем *очки*» методоло-

гической важности «*щей*» снимаются; теми-***щи***, хотя и -*щи*, а не «*уха*», – но: «*уха*» Демьяна[10] есть понятие аллегорическое; она обнимает и русские наши «*щи*». Ставлю точку на «*и*»; в «*Вольфиле*» все еще было мало хаоса, слишком много планности, организации и заданий; под «*хаосом*» я разумею «*добрый хаос*», т.е. космос; под организацией – «*механизацию*»; под «*заданием*» – «*задо-пятовщину*»; «*планность*», т.е. механизацию, вносил К.А.Сюннерберг под флагом «*свободы*» (читай – «*несвободы*»); школа пропаганды агитаторов под девизом всяческого *красноречия*[11] уже сидела в недрах «*Вольфилы*» (конечно, бессознательно) как план превратить ее в «Институт благородных... коммунистических "*девиц*"» (благородных девиц было много в «Вольфиле»; и стало быть: материал – имелся). А «*зада-ния*» (читай: зада-пяченье в прошлое) были густо представлены: упомяну хоть тогдашнего А.А.Гизетти, все тосковавшего по плану, заданиям и традиционному «*Русскому Богатству*»[12]. Я – не критикую «*Вольфилы*»; более того: я в годах убеждаюсь, что принцип «*вольфильства*» вовсе не был принципом, а попыткою строить на «*духе ритма*»; единственное общественное учреждение, в котором нечто от «*ритма*» имело права на существование, так что я, когда я пытаюсь думать о том, что следовало бы предпринять для спасения западного «*А<нтропософского> О<бщества>*», я говорю себе: «*А<нтропософское> О<бщество>*» надо бы вольфилизировать; более того: мое преломление самой антропософии для меня – преломление духом «*Вольфилы*»; я самый горячий патриот «*Вольфилы*»; и потому-то я позволяю себе сказать, что все еще духа ритма и «*темы в вариациях*» было мало в «*Вольфиле*»: меньше, чем следовало бы.

И потому-то Ваши слова о «*Вольфиле*» для 10<-ти> человек преисполняют меня радостью; может быть, в пределах 10<-ти> человек вспыхнет «*дух ритма*»; «*чаю*», весьма «*чаю*» вспыхивания вольфильских «*искр*»; и это способно соблазнить меня на – вопреки всем заданьям – приезд в «*Вольфилу*» из 10<-ти> человек; ведь так хочется «*социальности*»; но мой лозунг: развитие социального такта (ритма) нынче возможно лишь в лабораторных ячейках; тут именно опыты над «*клеточкой*» («*ткани*» пока нет и не может быть: она – «*сгнила*»); остались клеточки, где и 10 человек – чересчур много; сейчас, именно, процесс перерождения ткани «*интроцеллюлярный*»; еще *экстрацеллюлярность*, т.е. общественность, в похороненном и заново не обретенном смысле в «*заданиях*» игры; лучше – в «выпадах ритма»; в них «*Задопятову*» суждено стать «*Выпадаевым*»: выпадаевым из всего старого.

Сериозно; наблюдаю вокруг себя; и – вижу: все «*общества*» переживают период «*космического*», так сказать, упадка; для меня огромное *А<нтропософское> О<бщество>* с энным количеством прекрасно поставленных учреждений есть в духе уже «*пыль*»; но из пыли уже восстают вольфильские «*семерки*»; и образом такой «*семерки*» есть* семь «*новых людей*», именуемых в мире сем «*пасторами*», хоронящих где-то в Баварии Трифона[13] и кладущих его лицом к Востоку, чтобы «*оттуда*» он мог видеть Россию; и среди них, восьмой, Бауэр, который для меня есть «*гигант*» во всех смыслах; вместо *А<нтропософского> О<бщества>* для меня существует Риттельмейер, Бауэр, Моргенштерн, Доктор (оба последние присутствуют «*оттуда*»), К.Н., Зейлинг[14], еще двое-трое, т.е. не 15 000 членов, а какой-нибудь «*десяток*» разбросанных по «*миру сему*»; и – Дух Ритма среди них: *уже*. И – стало быть:

Петухи – поют, поют, –

хотя лицо небес «*еще темное*».

Люблю это стихотворение:

Ты пойми, – мы ни здесь, ни тут:
Наше дело такое бездомное!..[15]

И еще люблю:

Что-то в слово просится, что-то недосказано,
Что-то совершается: *но не здесь, ни – тут*[16].

В слово «*просится*» – ритм; мы – «*такие бездомные*»: наши дома разрушаются; еще только вступаем в период подлинного разрушения «*домов*»; еще в 18-19<-ом> годах была интермедия; «*коробки*» горят на нас; «*Гетеанум*» сгорел[17]; «*Вольфила*» в том виде, в каком была, не сгорела, а была «*утоплена*»; соединение с «*огнем*» – там; с «*водой*» – здесь. Но ведь Крещение бывает и «*водой*», и «*огнем*». Теперь лишь при-

---

* *Так в автографе.*

двигается возможность, чтобы оно стало и – «*Крещением Духом*»; праздник крещения огнем – Летний Креститель, купальный «*огонь*», когда цветут папоротники – 24-25 июня; Зимний Креститель льет воду на нас в дни «*Водолея*». Ну а крещение Духом? Время – равное от Пасхи до Духова дня[18]; и оно лишь тогда придет, откроет полноту своего ритма, когда мы сумеем соединить *весну с осенью*; тогда и «*Скорпион*» станет «*Орлом*» в нас.

«*Дома*» горят! И этим мы высвобождаемся, если мы вовремя сумеем выскочить. «*Общества*» – те же дома; и «*обществ*» уже нет; они для меня сгорели; самые широковещательные общества – sui generis «*интернационалы*» (всякие!); пожар их всех есть взывание к «*интер-индивидуалу*»; «*интер-индивидуал*» образуется в ячейках, где 6-7 человек *новых* людей; интер-индивидуал – и «*7*» пасторов, и семь вольфильцев, и «*семь*»... я не знаю кто! И еще более 8-ая семерка (из 7 × 7), где оказываются судьбой связанные люди самых различных состояний сознания, объединенные* бездомностью и необходимостью построить «*кущу*»; вместо «*обществ*» и храмов будет – перекидная «*куща*»; сегодня – здесь; завтра – там.

Когда я говорю, что бросаю Вам мой мячик, это значит: в будущем зову Вас в «*Кущу*»! «*Давайте строить?*» – не для себя, не для других, а – так: вообще; кому, для чего, – придет: *будет показано*; сейчас время – сниматься с мест; жил Авраам в насиженном месте: «*трах*» – нет его; где он? Передвигается.

Передвигаться, разминать ноги, – единственное, что осталось: ритмически двигаться; это – и проблема «*спасения*», и проблема «*игры*». Я хотел бы, чтобы Вы меня поняли!

Самый факт – комический и для «*мира сего*» нелепый – мои многостраничные к Вам письма есть вопиющий, взывающий и глаголящий знак неискоренимости «*Вольфилы*». Когда мы «*зачитывали*» на публичных докладах, мы не «*записывались*»; писать публично нельзя; и «*зачитывать*» публично нельзя; и вот – почти инстинктивный жест: мы «*записываем*» друг другу, потому что есть о чем перекликаться; это уже – *sui generis* мячик; я бросаю Вам; Вы – мне; Дм<итрий> Мих<айлович> – передает[19]; уверен, что если бы не возникло идеи «Вольфилы» в 7 человек, эти «*7*» все равно: записали бы друг другу письма; игра в «*мяч*» началась бы. А почему мы пишем друг другу? Потому ли, что нечего делать? Вот я, заложив «*Москву*», строчу что-то Вам; и не важно, *чтó*; важно, что строчится: двигается мысль, берется перо: перо пляшет; за ним – рука, за рукой – воля, за волей – чувство; и вдруг голову осеняет: ведь мысль, с которой я сел строчить, для меня самого «*мимикри*» другой мысли, огромной, не исчерпаемой ни одной вариацией (и оттого одна *вариация* сменяет *другую*; и сквозь них еще не видна «*новая мысль*», надевшая маску какой-нибудь старой твоей «*идеи*»); ты пишешь о ясной для тебя «*идее*», а в середине писания ловишь себя на том, что ясная «*идея*» – предлог, чтобы себе самому хотя намекнуть на то, что под сухой идеей, покрытой процессом тленья, уже где-то – *зеленя*, – т.е.: «*петухи поют*»; и хочется о «*петухах*» сказать, а слов – нет; а «*петухи*» все же есть; и в этом, Разумник Васильевич, огромное утешение, источник бодрости, о котором опять-таки хочется крикнуть, ибо *бодрое* для меня не может не быть бодрым для Вас, ибо то, чем бодрится мне жест духа мысли моей, – не «*направление*», «*мировоззрение*», а – правда, опытная правда жизни. Ведь то, что *яснится* издалека, ***уже не идеология***; идеализм, реализм, атеизм, христианство, социализм, космизм, – все это с космической точки зренья слова, слова и слова; а ведь я указываю на огромное То, Которое одни называют таким-то словом, а другие – другим; То – Жизнь; и *Оно* уже с нами; и чем катастрофичнее, тем радостнее, чем безысходнее, тем взволнованнее; я стремлюсь Вам взволнованно рассказать о *том*, что когда я, ободранный жизнью и все потерявший, прихожу к себе и из отчаяния «*игры*», может быть, начинаю прибирать свой стол голубыми и пурпурными бумагами, то я ищу в моем отчаяньи *отдохновения цветного*; когда я кладу на цветные бумаги снимок с Владим<ирской> Богоматери[20], я кладу не «*чудотворную*» икону, а идеал Красоты и легкости, не уступающий Мадонне Рафаэля[21]; это – не нарочито; и не нарочито, что мой стол в эти миги –

---

* *В автографе*: объединенных

«*пре-стол*» в моей «*игре*». И тут культ не «*Именам*», не «*Богопочитание*», а радость «тихого созерцания»; и отсюда ясность мысли; и «*зоркость*» и «*чуткость*» необычайные; и это не экстаз, а та же зоркость, какая присутствует в сознании естествоиспытателя при опытах над радио-волнами; что ж делать, когда сидишь над столом и из всей «*игры*» получается радио-приемник; и ты констатируешь: *депеша* откуда-то послана, шифра прочтения нет; *шифр* – идеология: «*антропософия*», или «*социализм*», или «*идеализм*», или «*реализм*»; тут еще до-словное; но тут – полнота: То, Все; и это «*Все*» – из космоса; и как естественник, открывший «*пси*»-лучи, но еще не знающий их свойств вполне, но знающий, что основное действие – повышение жизненного тонуса, – как такой естественник, кричу Вам: «*Лучи* есть; они уже в иных условиях ритма добываемы; и, стало быть, будущие естествоиспытатели применят их на *благо* к нуждам жизни!» Вот *о чем* переписка, вот о чем *есть* сказать при всем убожестве как «*сказать*» и главное – «*что*» есть это, о чем – «*как*»?

Начинается младенческое агуканье, косноязычие: «“***что***” *это, что в* “***как***”?» Но – главное: оно касается всех ищущих правды без различия идеологических национальностей; и – стало быть: и Вас, Разумник Васильевич! То, что было для меня моим антропософо-теоретическим прогнозом, то стало в труднейшей и переломной године моей, в течение 26<-го> года, *фактом*, сказывающимся в разном: фактом, заставляющим меня в иные дни сериознее всего относиться к собиранию земляничных листиков, к украшению стола цветными бумагами; и к прочим «*благоглупостям*»; но это именно потому, что «*благоглупость*» эта – для милейшего Николая Емельяновича[22], проживающего за стеной: «*К чему он прибирается*?» А я знаю, как человек, получивший телеграмму: «В ближайших годах – буду: ждите!» Я и прибираюсь в ожидании гостей; «*бабочка*» прилетела уже; она – одна из многих «*вестников*» чаемого оживления жизни в предстоящих ужасно-трудных годинах, когда лицо небес для внешнего взора станет *еще темней*.

Дорогой, – мужайтесь: не убойтесь вида плывущих на нас «*темнот мира сего*».

Здесь – неожиданный переход к другой теме Вашего письма: к «*Москве*». Связующая нить двух тем – идея «*мимикри*» сознания; Вы спрашиваете, сознательно или несознательно мною организованы мелочи первой главы («*мухи-кусаки*», «*Мандро*» (= Ман + дро), «*тряпка*», «*желто-зелено-черные*» обои кабинета и т.д.). В разрезе обычного взятия: абсолютно бессознательно; то, что они так схватились концом, и *концом* предопределены, для меня было фактом абсолютно «*новым*»; эта стройность архитектоники первого отрывка первой главы – узнание едва ли накануне того, как я Вам об этом написал; ведь и писал-то потому, что – «*новость*»; в целом ряде других деталей (например, 1) улетевшее с каретой открытие, 2) улетающий в карете профессор) я уже осознавал связность деталей в процессе писания, не насилуя нарочитым «*подгоном*» их друг к другу; в ряде же других деталей «*случайность*» расположения их в конце, если хотите, – радостное для меня открытие недавней поры (в процессе перечитывания «*Москвы*» для целей переделки в драму); спросите у К.Н.; я ей первой сказал: «А вы знаете, что тряпка, принесенная “*песиком*”, есть “*тряпка*”, которой был заткнут рот?» К.Н. ответила: «А разве вы этого не знали? Я всегда так относилась к “*тряпкам*”». Видит Бог, я этого не знал; что было всегда ясно и даже подчеркнуто *сознательно*, так это связь *астр<ального> тела* профессора с Томочкой-песиком. Абсолютно неизвестна была связь «*Каппы*», подаренной на юбилее, со «*звездой Судьбы*»: «*Какая ж звезда привела меня к вам*?» (слова Мандро)[23]; и – неизвестно, что эта звезда, упавшая свыше в разбитое отверстие черепной «*коробки*» Коробкина, есть его космическое расширение, делающее его воином *армии спасения мира* от Дракона; когда это открылось, вскоре по написании, то я и посвятил *Архангельскому* Христианину *Михаилу* (Ломоносову)[24].

Открылась бездна – звезд полна, и т.д.

Что было, как *тема*, это – судьба, понятая, как «*карма*»; но все детали, шифры «*кармы*», так сказать, вынуты вполне бессознательно; созиательность в процессе писания была в «*языковой*» проблеме; тут все измерено и взвешено; вместо «*сюжетной*» продуманности был лейт-мотив, чисто музыкальный; этот лейт-мотив старался я провести в любой очередной «*сценке*»; но я видел в процессе писания лишь данную

сценку как бы сильно освещенной сознанием; следующая сценка уже виделась тускло; а за ней начинался сплошной сюжетный «*мрак*», темное «*лицо небес*», в которое было жутко ступить; ни о какой *заранее* продуманности не может быть речи; легкомысленная сюжетная непродуманность, из которой вырастали – Мандро, Задопятов, Анна Павловна, карлик, портной, Лизаша и т.д. Вначале знал, что Коробкин должен *как-то сильно пострадать* от судьбы; проводники страдания, орудия судьбы, – какие-то аферисты; какие же? Вырос неясный образ какого-то коммерсанта с Петровки: Мандро; неожиданно оказалось, что у него дочь, Лизаша, у которой роман с Митей; отсюда: через Митю и Лизашу Мандро опутывает Коробкина; «*как*» опутывает – это откладывалось до 2-ой главы в процессе писания первой; в это время я даже хвалился тем, что сюжет продуман, а он *вовсе не был продуман*; но была уверенность, что продумается, потому что музыкальная тема была слышна (не фабула). Во второй главе, с начала ее, стала звучать тема «*Miserere*» в Мандро («*Точно пением **Miserere** звучал этот лоб*»)[25]; открылось *Ман-* в Мандро. Почему же не «*Манас*»? Вместо «*Манаса*» – «*Антиманас*». И это узнание было открытием, углубившим мне Мандро. Отсюда – неожиданное перемещение взгляда на него; и – перемещение фабулы; вместо романа с *Митей* – роман *отца и дочери*, развратность: Мандро, как Атлант; отсюда Ман-дро; и открылось: «*др*» есть *д*(ы)*р*(а), нанесенная «*Ман*» Мандро, так что он – «*-дро*» («*ползала безголовая муха*»[26] и ***дро***-жал карлик «*Кавалькас*» с *дырой* на лице: этот «*карлик*» впорхнул в роман, уже когда он писался: с эскиза художника Земенкова, изображающего безносого карлика)[27]; что этот «*карлик*» – обезображенное «*Я*» Мандро, его двойник и Страж порога[28], это открывалось в процессе писания, но всегда *post factum*; напишешь, – и удивишься: «Ведь вот как связно: *это-то* – значит то, *это-то* – другое». Этими открытиями Америк мы занимались с К.Н. все лето 25<-го> года; и пока роман писался, они *полагались* мною в основу следующей, долженствующей быть написанной порцией; Мандро зловеще рос во мне до 4-ой главы; но что он предаст пытке Коробкина, открылось лишь перед 4-ой (т.е. по-теперешнему перед 5-ой) главой[29]. *До* я думал, что дело ограничится похищением *открытия*; что Коробкин поедет его уничтожать сам, я не знал. Тогда же выяснилось, что «*др*» Мандро есть не только *д*(ы)*р*(а), или (у)*д*(а)*р*, но и источник удара: *д*(о)(к)(т)(о)*р* *Д*(онне)*р*: *ддрр* (гром!). И вот тут подхожу к наибессознательному; мною не написанный роман «*Доктор Доннер*»[30] запросил бытия; и – проснулся из-под Мандро в Москву; «*Мандро*» был маской, приставной головой «*Морданом*» (Мандро); я удивился, что из фамилии *Мандро* можно делать «*Мордана*»: отсюда: «*Эдуард Мандро*» – «*Ура, дед Мордан*»; отсюда – «*старец*»; отсюда – «*древние миры*»; и уже сознание связало их с «*древнемексиканскими*» кровавыми мистериями; очевидно, – древнее воплощение д-ра Доннера, губящего сквозь Мандро, – «*мексиканский жрец*»; и сознание связало с темой Атлантиды; тут – сплетение фабулы с антропософией[31]; и это сплетание – дело наших рук, моих и К.Н., которой принадлежит часть авторства – ряд фамилий, вывесок магазинов, почти всецело немецкие стишки с «*wonniger Au*»[32] (это – совсем «*по-немецки*!»). И – выдаю К.Н.; ей принадлежит стишок:

Угодил он даме:
Написал портрет;
И не скажешь сразу,
Сколько даме лет[33].

Но плетение идеологии шло, так сказать, post factum; ею ретушировалось то, что было ретушируемо; сюжетные подробности врывались как бы готовыми из сюжетного мрака, «*темного лица небес*», в котором отчетливы были лишь «*кукарекающие петухи*», т.е. *звуки темы*; врывались на всем протяжении романа, неожиданно для меня: карлик, Задопятов, Анна Павловна; особенно удивили: горбун Вишняков, княжна в штанах и японец, Исси-Нисси; наконец, – я запер дверь, а то неожиданных посетителей, требующих пропуска в роман и мешающих мне писать, набралась толпа; особенно долго мешал мне шведский математик, Пшорр-Доннер, явившийся позднее прочих, не мирящийся с неприемом в роман; и, так сказать, заглядывающий в окна освещенной сознанием рабочей моей комнаты; пишешь, – стук в окно; подойдешь, а в окне – Пшорр-Доннер; он так жив, что, отрываясь от письма, – мгновенно набрасываю Вам его портрет, ибо и до сих пор он стоит и стучится; он должен был самого

Ивана Ивановича посадить математически в лужу; а Иван Иваныч сам сажал в лужи, кого угодно, как японца.

Ну – довольно о «*Москве*». Я думаю, что из сказанного Вам вполне ясно, как писался первый том «*Москвы*»; Вам станет ясно, что я действительно недавно удивился и «*тряпке*», и «*мухе-кусаке*»; я их не замечал, а они сложились в цельность; а вот слишком мне заметный Пшорр-Доннер даже не появился на страницах романа; на основании тех же суждений ничего не знаю сейчас о Вас<илисе> Серг<еевне>, Лизаше и Киерко; знаю лишь лейт-мотив 2-го тома; знаю, что Пафнутий Коробкин, брат Ивана, появится, кажется, из Туркестана, услышав о несчастии с братом Иваном[34], что этот брат в настоящее время отмеривает километры между Землею и Каппою, лежащей около созвездия Волопаса (сериозно!) и что Пшорр-Доннер имеет сильные шансы появиться на свет.

Как из этого сложится первая главка второй главы 2-го тома, для меня самого неясно.

Скажу напоследок: ну и порадовали Вы меня: и мухой-кусакой; и «*Бельзебулом*». Видите, – есть же действительно объективная критика, когда и *автор* и *критик* делают открытия в романе вполне тождественные и спрашивают друг друга, так ли это? Ведь и я могу Вас спросить: «Разумник Васильевич, – не фантазирую ли я с объяснением мухи-кусаки?» Данных для проверки нет, кроме меня не обманывающего ритма; читаю *ритм*; и прочитываю: «*муха-кусака*» – вот что значит.

Спасибо Вам за это совпадение; оно преисполняет сердце мое радостью; это опять-таки «*мячик*»; но в сем случае Вы кидаете мне его; и я – ловлю.

Дорогой Разумник Васильевич, – вот ведь недоразумение! Получив Ваше письмо и прочитав, я в первую минуту подумал, что Вы пересылаете мне переделку Вашу из Салтыкова; послезавтра у меня разговор с Мейерхольдом[35]; и я собрался было передать ее, а кстати сперва просунуть нос; и – почитать; нарочно отложил до вечера; развертываю; и – увы: «*Скоморох Панфалон*». Думаю: что, бишь, это; в письме «*История двух городов*», в руках «*Скоморох*», пока не догадался, что это переделка О.Д. для «*МХАТ'а*»; будет передано... Между прочим: боюсь, что в «*МХАТ'е*» отклонят; там теперь, с этой осени, под давлением реперткома, части труппы, темплиеров и «*православных*» (есть и такие артисты, «*чулкисто-мечисты*»; «*мечисты*» – от св<ященника> Сергея Мечева)[36]; и весь этот «*блок*» – против М.А.Чехова; большевики заявили, что не разрешат ему играть в «Смерти Иоанна Грозного»; о «Дон-Кихоте» и заикнуться нельзя[37]; «*Орестейю*» доделывают[38]; и с «*Орестейей*», кажется, кончается линия «*высокой*» драмы; «*блок*» друзей М.А. (Чебан, Берсенев, Гиацинтова, Дурасова[39] и др.) из «*политики*» вынуждены держать равнение на пьесы «*Файко*»[40]; вообще: «*уличная*» тенденция победила; и теперь на М.А. срывают внутри театра неудачи политики; а за «*антропософию*» щелкают и темплиеры, и православные; так что его «*едят*» – сверху и снизу; и он в полной раздранности, ничего не понимает; дня 4 назад был у меня; его вид – «*вопиющий*»; он внушает сильнейшее беспокойство; к этому присоединяется то, что через меня он получил удар от А<нтропософского> О<бщества>; ему со всей решительностью я раскрыл глаза на то, что его ожидает, как ученика «*драмат<ических> курсов*», куда он сериозно решил сунуться по оставлению театра[41]; правда о *А<нтропософском> О<бществе>* и о нем в «*оном*» убила его; и одновременно: его ждет удар со стороны «*старца*» и «*Павлович*»[42], которая была осенью уже против старца, скрыв, однако, последнее обстоятельство от М.А.; словом, такую ложь развели вокруг М.А. «*православные*», что и не такого, как он, зашибет: нападение на него 1) с «*запада*» (в смысле «*отшибания*» от тех, к кому он влечется), 2) с «*востока*» (в смысле тенденции пришить его к «*старцу*» и «*застращивания*»), 3) изнутри (ему очень тяжело), 4) из театра (интриги), 5) «*свыше*» («*репертком*» и т.д.). Словом: мы с К.Н. не знаем, что и придумать для него. Его письмо мне в буквальном смысле крик: «Помогите: как быть?»[43]

Чем помогу?
Сам я и беден и мал!...

Сологуб[44].

Мои «*петухи*» не показываются; они «*поют*» в энном измерении; пальцем на них не укажешь. А лицо небес – «*еще темное*»...

Так что *М.А.* вряд ли будет проводить какую бы то ни было пьесу; и во-вторых: его рекомендация в данном моменте политики «*МХАТ'а*» есть почти гарантия, что совет «*МХАТ'а*» отклонит... Все же «*Скомороха*» передам.

Читал роман О.Д.[45] Талантливо; местами интересно; но – Вы правы: в высшей степени неприятен «тон» целого; и даже не могу точно определить, чем: в высшей степени неприятен тон; а местами и прямо фальшив. Если писательница «*Миртов*» однажды *захо́кала* на безобидную старушку Крандиевскую[46] (так и написала ей: «Хо-хо!»), то О.Д. в романе как-то нехорошо *хе́кает*, или *кхекает Пашкой-химиком* своим; я не знаю, что хуже, «*хо*» или «*хе*»; Миртова «*хокает*», Форш – *хекает*; но ни «*хо*»-, ни «*хе*»*-каньем* не проживешь; и то, и другое – разве что «*иканье*»; и оно в высшей степени оскорбляет; и тем более, что есть художественно сильные места; тем хуже целое.

Зачем О.Д. дала «*затрещину*» Гоголю; у нее Гоголь – ведь черт знает что; Гоголь был человек не чета Ольге Дмитриевне, а ведь она его сделала ниже себя стоящим; более того: села на него верхом... Ну какой же это Гоголь! Я не понимаю, для чего великого русского писателя превращать в деревянную лошадку для своих «*вертоплясов*».

Для чего Багрецов, – даже не живой труп, а так – шест, на который О.Д. набросила первое попавшееся одеяние, думая, что как-то «*задрапировала*» его; ну уж и «*Герцен*» там?[47] Для чего Герцена-то притягивать за уши; Пашка-химик, – боюсь, ясно для чего: Пашка-химик тоже весьма призрачная маска; и для чего О.Д. прятаться под эту маску; «*хекнула*» бы от своего лица; а то выдуман Пашка-химик.

Художественная потенция, кощунственно изуродованная «*хеком*», принадлежащим даже не автору, а прохожему хулигану, надеюсь, временно вошедшему в ее душу; в одном месте книги, кажется, есть фраза: «*Хрюкнуло из угла*»[48]. Да, – не из угла, Бог мой: в чем угол виноват! Из... Ольги Дмитриевны; и «*хрюк*» (даже не «*хек*») в том, что под флагом осмеяния плохого православия «*для ради правительства*» осмеивается дух вообще; и когда автор, плюнув в свое «*святое святых*» для *немногих, понимающих* (не «*грубых*» большевиков, а «*тонких*» мистиков), начинает подмигивать в нашу сторону («*тонкие*» де понимают, что оплевано не наше с вами *святое святых*, а диавольское искажение этого святого), – мы, «*тонкие*», не верим; на то мы и «*тонкие*», чтобы не верить; мы как бы отвечаем: «Нет-с: для ради карьеры оплевано именно "*наше с вами*" святое святых; и даже не "*наше*", а "*ваше*", "*ваше*", Ольга Дмитриевна; и оплевал его Пашка-химик, засевший в вас в данную минуту; не из угла "*хрюкнуло*": из вас "*хрюкнуло*"... А Пашка-химик – не причем, Гоголь – не причем, православие в данном случае не причем; и если бы Гоголь вас перекрестил так, как перекрещивает он Пашку[49], то ничего плохого бы не случилось при условии, что стадо свиней – поблизости, дабы было куда изойти нечистому духу, в вас засевшему!»[50] Так хочется сказать автору, – да не скажешь; и остается неопределенно гымкать: – «Гм! Неприятный *дух* книги». Еще бы – приятный: нечистый дух, срамной дух!

Лучше прочих изображен Иванов.

Кучино. 27 ноября.

Дорогой Разумник Васильевич, – пользуюсь свободным получасом перед отъездом в Москву; и – продолжаю царапать.

Все, что Вы пишете о Сергее Михайловиче, я переживаю в *высшей степени* вот уже скоро 2 года; Вы знаете, – я просто не могу его видеть; «*не могу видеть*» не от неприязни, а от любви и от невозможности ему помочь, ибо он обвел себя кругом непереступаемым; и этот круг – «*святейшая коллегия*», хотя и в умопостигаемом смысле, – однако: Вы видели, что действие ее налицо; зная С.М. в десятилетиях, – я знаю, что иные черты просто гениальности в нем (и прежде не проявлявшиеся в его писаниях) забиты в такое место сознания, откуда их и клещами не вытащишь; со мной он иногда и теперь пытается говорить на своем «*каковском*» языке; но этот язык для меня с ним теперь – «*беспрок*»; он был ведь – о будущем; он был некогда «*петуха ночным пеньем*» и «*холодом утра*»[51]; теперь вспышки этого языка в нем, обращенные ко

мне, – мука; ибо холод «*утра*» для меня в нем стал холодом ночи, его объявшей; чтобы мочь установить *façon de parler** со мной, он все апеллирует к годам зори, так ложно для меня истолкованным им в его католичестве. И верьте: в платформе своей столь чуждые «*православные*» мне условно ближе; даже... Мейер! Но видеть С.М. в царстве «*доктора Доннера*», предельного своего врага, – мне невыносимо; сказать ему это прямо – тоже не могу, когда вижу его добрые, детские, лучистые, почти святые глаза (ведь он по жизни почти подвижник; и «*молитвенник*», и «*аскет*», и прочее...!); знаю, что нанесу ему рану; и остается: бегать от него.

Особенно мне неприятно, когда он начинает апеллировать к *одной*, по его мнению, ноте, в которой де мы согласны; и эта нота – запад, культура мысли, гнозис и т.д. Тут де Штейнер и католическая трени-логия <?> пленной в догмате мысли, избичевываемой плеткой энциклик, пересекаются; для меня это – выявление предела непонимания доктора; лучше, когда «*мистики*» и православные ругаются: «Ваш доктор – сухой рационалист!» Знаешь, что сказать: «Это неумение ваше в себе брать мысль не рассудочно перерассудочнивает доктора; мы-то, его ученики, знаем, – до какой степени это не так». А когда С.М., произведя в сознании ложную химич<ескую> реакцию в сфере антропософии, получившийся у него его *гротеск*, т.е. мертвую схему, похваливает со снисходительным видом, как бы говоря: «Ничего себе, мертво*вато*; но у св.Фомы – *мертвее*, *еще законченнее*», – то Вы понимаете, что делается со мной; а объяснить все различие ему нельзя: у С.М. всегда был крупнейший дефект: всякую мертвечину и падаль мысли он подбирал; и крючничал в сфере *падали*, считая ее за мысль собственно; потом живым своим сердцем взбунтовывался против «*падали*»; и тогда, не имея мысли живой, улетал в «*жизнь*» сердца – гениальную в нем, но – безголовую; и вылезали: «*Lapan*», «*Дарьяльский*»[52], филолог-ницшеанец, православный батюшка; все оканчивалось «*бредом*», ибо влезание по уши в безголовую мистику с темпераментом С.М. – вело к ожогам; так в годах рос страх, потом – ужас перед иррациональным: страх до... попытки броситься из окна, до... санатории д-ра Орлова (пардон – «*Лахтина*»); проведя в коже Хандрикова семь месяцев, – он вышел[53]: сперва в православные батюшки; но и тут «*страх*» настиг его в виде химер в образе Флоренского, Булгакова[54], наконец «*старца*» (который в ложной имагинации С.М. – «*чудище*»); куда деваться? Бегство от всего *живого* в голове и в сердце – к крючничеству «*падали*»; «*падаль*» на этот раз была выбрана такой, чтобы не «*воняла*»; обледенелая, скованная морозом падаль, – единственно, что осталось ему: и вот – «*католичество*» завершило карьеру.

Боюсь, что – навсегда. И не знаю, что лучше: «*пропасть*» в католичестве или «*пропасть*» вне его; ибо выскочить вовне для теперешнего С.М. значит: в безголовое прошлое, где Л.Д.Блок виделась «*мамессой*» («*папессой*»), где даже образ бабушки[55] временами принимал вид «*вампира*»; бывали и *такие* бреды. Зная, как никто, это все, я и вынужден скорее бежать от С.М., чем неискренне молчать, выслушивая его «*исповеди*» на тему папизма.

Москва. 28 ноября.

Дорогой Разумник Васильевич, –

Надо письмо кончать, ибо послезавтра сдавать его Д<митрию> М<ихайловичу>, который, надеюсь, *таки* появится в Кучине, а между тем: по моему впечатлению, только начал его; еще ряд *ответных* тем на Ваше письмо ждет очереди; если случится *обрыв* письма, самый неожиданный, – не сетуйте; время – ограничено, а Москва – укладывает в лоск; после дня московской суеты падаешь, как замертво; и в таком мертвом состоянии – пишу Вам; «*мертвом*», потому что в Москве сейчас все так *мутно*, *неопределенно*, пере-пре-сложно; к каждому явлению приходится относиться либо крайне упрощенно (в дурном смысле): тогда – все ясно; либо пере-пре-усложненно, т.е. *конкретно*; а у меня при всей тяге к конкретности нет еще этой искомой конкретности; и от этого – состояние, подобное «*delirium tremens*»**; возвращаешься домой, – руки дрожат, ноги дрожат; в голове – кавардак.

---

* *манеру высказываться (фр.)*

** *белой горячке (лат.)*

Сейчас не могу оправиться от репетиции 3-х сцен «*Ревизора*»; сидел в театре 5 1/2 часов; и вернулся – в *лоск* уложенный, потому что нет критерия к «*Ревизору*»[56]. Все оценки – фальшь; скажут одни: «Это не "*Ревизор*", а – черт знает что; надо "*Общ<еству> Люб<ителей> Росс<ийской> Словесности*" через *Наркомпрос* вмешаться и государственным порядком через "*Наркомтоля*"[57] спасать Гоголя». И это будет – упрощенная оценка; дело в том, что так говорят уже и почти уже так действуют; но – кто? Южин[58] и К°. И Мейерхольд не на шутку боится, что «*запретят*». Другие скажут: «Если бы Гоголь был жив, то он – сказал бы: "Это первое представление *моего* '*Ревизора*'. Будь оно осуществлено в 40-х годах, я не писал бы '*Разъезда*'[59]. Если б я знал, во что выльется театр, – я так бы именно написал"». И это – упрощенность в другую сторону; так говорит Мейерхольд, потрясенный тем, что ему открылся Гоголь, проблема «*слова*» и т.д. Приходится из двух упрощений выбирать одно; и я выбираю *второе*. Мейерхольд правее Южина, ибо что-то действительно выявлено от Гоголя в целом; открыт какой-то «*гоголин*», после чего «*Ревизор*» интерферирует и «*Мертвыми душами*», и «Невским проспектом»; «*Хлестаков*» – сквознячок Невского проспекта, потянувший в провинцию; провинция пронизана этим сквознячком и николаевской железной решеткой; такая решетка у М<ейерхольда> изображает «богоугодное» заведение, куда Хлестаков является в военном мундире (?) в сопровождении несуществующего у Гоголя друга (?!?); это еще что! Не такие новшества ожидают зрителя; но в них – бездна вкуса, остроумия, таланта, угаданности; и как когда-то меня поразил Гамлет-Чехов, так меня поразил впервые «*великий режиссер*» в Мейерхольде; сцена кадрили (есть такая) потрясающая; объяснение в любви городничихе и дочери ее происходит под звук кадрили, во время кадрили, в которой танцуют две пары: Хлестаков с дочерью и городничиха с несуществующим у Гоголя офицером; введены – и музыка Глинки, и еврейский оркестр, и куклы, и многое другое; но победителей не судят; думаю, что и ярые враги скажут, что, ломая «*Ревизора*», он выказал бездну вкуса, чуткости и того именно, что мне нужно было для «*Петербурга*» и что было разрушено «*МХАТ'ом*»[60]. Главное: из «*Ревизора*» вылезает Гоголь в *целом*, или, лучше сказать, Гоголь в «*целом*» сквозь призму наших глаз; а Гоголь в целом больше Гоголя одного «Ревизора». И стало быть: где-то Мейерхольд прав. А когда видишь, как он детски радуется и открыто восхищается, почти влюбляется в своего «*Ревизора*», чувствуется огромная радость за его любовь к Гоголю.

И вот: Южин и К° – «*чтят*» Гоголя; а Мейерхольд – на старости лет открыл Гоголя и детски переживает порыв любви к нему; и за эту любовь более, чем за проявленный талант в прокалывании «*Ревизора*» «*гоголином*», я радуюсь мейерхольдовскому «*Ревизору*» и готов сказать «*да*» даже ломке его, если мне докажут, что эта «*ломка*» – ломка, а не открытие «*Ревизора*».

Обрываю: почему это записал о «*Ревизоре*», когда – *все прочее* осталось недописанным? Это – Москва, ее муть, «*кавардаки*», ей поднимаемые; приезжаешь – кавардак сплошной; попадаешь в атмосферу нелепиц; только и слышишь: «М.А. – вот что учинил!», «в "*МХАТ'е*" вот что учинили», «Столяров отколол такого, что...»[61], «такой-то – то-то», «такая-то – это-то». И поскольку это тебя касается, поскольку «*учинки*» и «*отколки*» из Кучина выглядят конденсированным «*бредом*», – этот бред пронизывает насквозь; так: сегодня у меня должен был быть разговор о «*Москве*»; но после 5 1/2 часов сидения и смотрения, после еврейских оркестров, «*delirium tremens*» Хлестакова и пр. охватило такое, что схватил шапку в охапку и, вместо того чтобы идти обедать к Мейерхольду, бежал домой, рухнул на диван; и – заснул; если мне, автору «*Москвы*», после «*Ревизора*» нет сил говорить о «*Москве*», то – каково Мейерхольду; он просит меня: «После премьеры, ибо сейчас – ничего не понимаю». И я его понимаю; если я после одной репетиции перестал что-либо понимать, то каково ему, отсиживающему ежедневно 5 часов репетиции.

Все-таки решил спешно докончить текст драмы «Москвы» и отдать ему в «*ломку*»[62]: вот будет ломка, – воображаю; но отчего-то – весело; если вопрос о «*Москве*» выдвинется сериозно у Мейерхольда (пока он потенциально лишь выказывает гостеприимство широкое, но от потенциального гостеприимства до реального убежища, Вы сами знаете, – дистанция огромного размера).

———

Мне не везет с завершениями планов в этом сезоне; все карты выбиты из рук; планы нарушены; попадая в такие положения, я способен месяцами быть «*буридановым ослом*»; я уже давно «*осел*», бездвижно стоящий между двумя для меня одинаково важными планами: переработать, доработать «Историю самос<ознающей> души» (минимум 5 месяцев работы!), продолжить и углубить в прошлом году начатый курс, отдаться до-прочтению ряда материалов: тут и новейшие исследования по «гностицизму», и средние века, и истории наук, и Штейнеровы комментарии к Гёте[63], и проблема «*наука, как культура*», и многое другое, чем живу, чем схвачен, что – моральный пафос жизни, что *мне* помогает, что, наконец, *вооружает* (в наши времена следует ходить забронированным); но – вмешиваются: денежный кризис, неопределенность матер<иальная> (полная с весны), вменения «*Круга*»; и тогда вычерчивается: писать, скорей – 2-ой том[64]; т.е. – все познавательное, моральное и вооружающее отложить; и отдаться худ<ожественной> работе, материально туманно сулящей, но ввергающей в миллион терзаний, опасностей и безусловно разоружающей, делающей медиумом и обнажающей для *Хагена* незащищенное на спине место для удара[65].

Морально мне важен – первый «план кампании»; материально – «второй»; поэтому с лета – ни то, ни это; тут еще под ноги брошена переделка «*Москвы*» в драму, ввертывается Мейерхольд со всяческим «*давайте работать вместе*», «мы *им* покажем» (а ведь трудно мне с ним «*им*» показать!).

Вместо всего это<го> завел нечто вроде дневника, записываю свои мысли иногда и собираю «*листики*», пишу Вам письмо, как до него стал записывать свои воспоминания о Штейнере (и важные, и летучие: ряд эскизов-силуэтов: Штейнер и то-то, Штейнер и это-то...)[66]. Так лень и отлынивание от выбора вытянулось в незаметно набросанных 200 страниц текста черновых набросок о Штейнере; прочел «*нашим*»; они говорят: «Да это – книга». Увы, – была бы книгой, если б 2 месяца свободной работы; и книгой – необходимой; если воспоминания о Блоке развертываемы в «Начало века»[67], то Вы сами понимаете, во что развертываемы воспоминания о докторе; ведь их до сих пор еще нет; то, что написано немцами, – вздор, «Hoch-Würdigkeit»* и «Hoch-Verehrung»**; но от этих «Hoch-keiten»*** веет мертвым академизмом; ведь надо же закрепить живую личность, живой портрет такой личности. Это все уже осозналось, когда были написаны 200 страниц в шутку (себе самому «*дневниковые*» записи); и вот когда встало, что ничего не стоит, переработав, дополнив и литературно исправив (написано, как будто сапожник писал: как это письмо Вам), что только 1 1/2 – 2 месяца, – и это надо ликвидировать, чтобы, вернувшись к буриданову состоянию, с честью выйти из него.

Один выход: надо писать «*Москву*» и заложить все прочее в неопределенность (тема «*Штейнер*» – попытка набросать 4-ый том «Начала века»); и именно потому, что – «*надо*», не хочется; работа у меня вырастает из игры и легкости; под «*дамокловым мечом*» ёжусь и обезличиваюсь; лучше уже, как Вы, заниматься перечислением пропущенных слов энциклопедии, чем внушать себе «*Демьянову уху*»: «Надо... *художественно* (?)... ***создать*** (?!?)» 2-ой том, всех удовлетворить, не ударить в грязь лицом и т.д.

Ёжусь под невидимыми взорами многих «*надо*», предъявленных 2-му тому; и – все же: собираюсь его писать.

Милый Разумник Васильевич, – не знаю, успею ли я еще присесть за письмо; поэтому круто обрываю его; и обрывая, – напоминаю: если будет какая-нибудь возможность, приезжайте в Кучино; у меня мечта с Вами пожить; и во-вторых: мечта, что Вы ближе взаимно познакомитесь с К.Н., которая будет иногда к нам наезжать из Москвы; мы – великолепно устроимся; я уже знаю, как все устроить, мечтаю – не только о вечерах *вдвоем*; но и о вечерах *втроем*; и еще есть мечта, что в Москве у Васильевых К.Н. согласится Вам показать нечто из «*Toneurhythmie*»; она – не «*спецка*»; это только судьба ее поставила в необходимость пускать в оборот «*элемен-*

* *глубокое почтение (нем.)*
** *глубокое уважение (нем.)*
*** *высоких степеней (нем.)*

ты», ею усвоенные за ее краткое пребывание за границей (полный курс в *Eurhythmeum'e* – 5 лет, курсы по анатомии, историям искусств и т.д.); но в подходе *К.Н.* к тональной эвритмии я вижу *чистую* ноту; пусть недоученно, но благородно и подлинно; об эвритмии нельзя говорить; надо ее хотя в одном звуке увидеть; мне и хочется, чтобы Вы увидели К.Н. в «*Du bist die Ruh*» (Шуберта) и в отрывках из «Requiem'a»[68] («*Miserere*», «*Agnus Dei*», «*Gloria*» и др.); соединение Моцарта с эвритмическим жестом дает что-то от жеста Рафаэля; и хотя К.Н. не спецка, однако по ней уже можно подсмотреть, что получается, как возможность для будущего.

Итак – всегда жду Вас с любовью и нетерпением; «*авось*»? Этот «*авось*» не закрыт и для моего приезда; в нашей жизни такой «*авось*» всегда может произойти; «*авось*» у Вас с Мейерхольдом выйдет! (Кстати: все 5 часов репетиции ловил момент спросить про Вашу переделку[69], – вручил ли таинственно скрытый от всех Д.М.Пинес ему текст; и – что он думает; но Мейерхольда все время отрывали, рвали; и он – исчезал; а когда «*нападал*» на меня, то всегда с «*fortissimo*» упоенности по поводу данного момента репетиции: «А? Посмотрите? Как хорошо! Чудовищно хорошо! А? Как играет-то!» Так и не представилось фактической возможности спросить; схватил шапку в охапку: спрошу в следующий раз; и напишу Вам). «*Авось*» я не сумею войти в роман; в случае этой моей творческой катастрофы способен метнуться в «*Вольфилу*» из 10<-ти> человек; и – оказаться в Царском.

Странная «*авосьная*» жизнь; и странная жизнь – «*под ударом*»; все – «*под ударом*»; все – «*гонимы*»; каждый переживает это про себя; относит гонения к себе; Мейерхольд считает, что он – «*под ударом*» Южина, забронированного Луначарским; а Южин, и сколь многие, вероятно, переживают себя «*под ударом*» Всеволода Эмилиевича (и не думающего никого ударять), забронированного «Блюмами и Бескиными»[70]; так полагает Берсенев из «*МХАТ'а*»; М.А.Чехов, которого появления на сцене вызывают все большие овации публики, – жалуется, что он «*под ударом*» Дикого[71] «*с товарищи*», тоже кем-то забронированными; словом, нет человека в Москве, который не переживал бы себя «*не под ударом*», включая Троцкого и Зиновьева, включая... Сталина, ибо он переживает себя под ударом «*оппозиции*»[72]. Все – «*под ударом*» в Москве; это чувство «*удара*» (неизвестно откуда, но – «*удара*» фактического) образует непередаваемый колорит Москвы; едва попадешь, и – сражен, как я сегодня; удара никакого не было; а точно «*ударило*».

Нет ни в чем уверенности; и нельзя строить никаких планов работы.

Нет уверенности, что и план написания укороченного моего письма к Вам состоится; поэтому, на всякий случай, – прощаюсь с Вами. Храни Вас *силы космоса*! Обнимаю Вас и сердечно люблю.

Борис Бугаев.

P.S. Мой привет и уважение Варваре Николаевне. Привет Иночке. Привет Козьме Сергеевичу[73]. Привет Гизетти. Привет Соне и С<ергею> Дм<итриевичу>[74]; привет Е.П.Иванову. Привет «вольфильцам».

P.P.S. На всякий случай: я живу не на «*Казанской*» жел<езной> дор<оге>, а на «***Ни-же-го***-родской» (и Вы, и Пинес пишут «*Казанская*»); писать, чтобы почталион лично принес в дом и чтобы письмо не бесследно погибло на «*кучинском полустанке*», надо так: *Нижегородская* жел<езная> дор<ога>. *Салтыковка*. Новое Кучино. Железнодорожная улица. Дача №7. (Шипова). Мне. «*Шипова*» нужно, потому что, кажется, переномеровывают; напишете только «*№7*» без «*Шипова*», и попадет письмо не туда (у нас, в Кучине, почта по-провинциальному: не оговорив всех признаков адреса, не будешь уверен: пожалуй, не мешает приписать – «в тот самый желтенький домик, что рядом с Лазарихой, – той самой, которая в 12 часов выпускает на железнодор<ожное> полотно "*черного козла*"»; вот тогда и дойдет! А лучше еще добавить: где «*китаец*» живет; летом окрестные дачники меня считали за «*китайца*» из иностранной миссии; мы были разысканы одной барышней, потерявшей адрес и отчаявшейся найти *К.Н.*, благодаря гениально ей пришедшей в голову мысли; она спросила первого встречного: «Где здесь живет дама, – знаете, с таким, совсем особенным видом – не такая, как другие»; на что «*некто*», слегка подумав, сказал: «А, знаю: это там, где живет "*китаец*" из посольства»; «*китайцем*» из посольства оказался в его представлении «я» (долго объяснять, почему); но главное: «*некто*» совершенно точно указал наш адрес).

Во-вторых: есть всегда возможность Вам мне переслать – из рук в руки; только часто этим нельзя пользоваться, но раз в 2 месяца – вполне; для этого стоит лишь передать Соне Спасской письмо с просьбой, чтобы оно было передано Александре Анатолиевне Великановой, которой муж раз в 2-3 недели приезжает в Кучино (там он ведает гидрологической станцией); он может завернуть из имения Рябушинского[75] к нам и отдать письмо в руки; мне труднее из рук в руки переслать Вам, ибо дней приезда Великанова не *знают* в лаборатории, приходится его ловить; а оставлять письмо в чужих руках не решаюсь. А Вам всегда можно передать; Михаил Андреевич охотно передаст; мы им пользуемся, но не злоупотребляем; он «*нас*» (антр<опософов>) не любит; и кроме того: передача есть сверт с дороги ему; а он в Кучине вечно спешит, впопыхах; но раз в 1 1/2 – 2 месяца не только можно, но и *должно* его использовать. При этом условии возможно нам переписываться; а посему, – жду хотя б через 2 месяца вестей от Вас конкретных (а если можно и «*раньше*», чем раньше, тем лучше!); получив Ваше письмо, я буду *исподволь* отвечать Вам в свободные минуты так, чтобы к следующему появлению Великанова ответ на Ваше письмо был готов.

Давайте переписываться так?

Кучино. 29 ноября. 26 года.

Дорогой Разумник Васильевич,

Пользуясь последним вечерком, хочу Вам еще писнуть; у меня порою какой-то зуд писательский; верней, не писательский, а – человеческий; и не зуд, а порыв к общению; хочется поделиться отстоем лет, отстоем жизни; чувствуешь, – к старости жизнь скопила в тебе опыт боли; и этот опыт отстаивается; что-то становится впервые ясным: охватывает восторг перед прекрасной ясностью; охватывает изумление, что *оно* так-то вот; изумление и радость от того, что рассеивается в местах невнятицы туман невнятицы; и сквозь него, – ослепительный луч в тебя брызжущего солнца; но, – увы: солнце это *заходит*; ты не при восходе жизни: при закате жизни; и все то, что в итоге ошибок, терзаний, недоумений тебе разрешилось прекрасно и ясно, – не может, увы, стать руководством к твоей жизни, ибо эта жизнь – *прожита*; поздно ее менять во внешнем выявлении, поздно в 46 лет сызнова поступать в гимназии, в университет; все равно – не поспеешь: тебе осталось 5-10 лет жизни; и ты, не окончив университета, все равно удалишься; прекрасная ясность в тебе – *при тебе*; она – ты мудрый, над собою себя созерцающий, но не воплощенный в себя; твое умудрение – от развоплощения, от начала процесса смерти в тебе; твоя бодрость, юношеский порою пыл, – есть врождение в засмертное; и было бы романтизмом смешивать ставшее тебе ясным, как звучание духовного мира тебе, с обстоятельствами этой твоей личной жизни «*Бориса Бугаева*»; «*Борис Бугаев*», тобою испорченная глиняная форма, один из эскизов к будущей твоей концепции, остается калекой, издерганным паяцем твоего «*Я*», смешным и самопротиворечивым; многие в моем возрасте (и старше), испытывая это «*помолодение*», не понимают, что это – «*там*», в засмертном; они ставят равенство между этим «*там*» и своею изношенною, старой персоною; явление молодящихся старичков нам знакомо; и я знаю, как легко позабыть грань; и по сю сторону «*омолодиться*»; не смешиваю переживаемую вторую молодость с меня обступающей старостью, износом сил, износом мускулов, износом нервов; смерть въедается в меня: старею не по дням, а по часам; силы не те; вот и сегодня: вернулся из Москвы – бухнулся в сон; встал: кости болят, натыкаешься на предметы, трясутся руки, не видят глаза. И невольно говоришь себе: «Э, батюшка мой, – стареешь, стареешь!»

К довершению чувства личной беспомощности познаешь: при попытке формулировать прекрасно и ясно видимую тебе прекрасную ясность в том или ином ее проявлении, – натыкаешься на отсутствие словаря и отсутствие рассудочных формул для формулировки ясности; чем яснее, – тем косноязычнее; отсюда, вероятно, и позыв к слову, порыв к общению; многословность от перепробывания всех средств, от попытки в вариациях исчерпать тему ясности; неисчерпаема! Она – музыкальная тема; из того, что *музыка* стала тебе в тебе, как математика (т.е. стала формулой), еще не явствует, что она – формула в алгебраическом смысле; рационалисты этого не понимают; и по прямому проводу соединяют, как Лейбниц, в его формуле: «Музыка – математика души»[76]. Правее пифагорейство: «Числа суть музыкальные ноты»[77].

Недавно перечитывал Гофмана; и, несмотря на все, с досадой восклицал: «Ох уж эти романтики: не могу!» А ведь: прочитай любой критик все то, что я Вам настрочил, – знаю, что скажет: «Романтика!» И действительно: темное лицо небес, свинцовый свод, прихлопнувший всех и вся гробовой крышкой; а старый романтик (почему-то рисующийся мне в ночном колпаке) орет благим матом: «Петухи поют, поют!» (Ведь и на мне романтическая шапчонка, à la колпак – для согревания лысины). И невольно я уличаем: «Где это ваше пение, покажите мне петуха!» Остается ж мне что? Вынести старую пожелтелую, как томик Гофмана, аллегорию, с изображением фантастического петуха (на что ответят, понюхавши томик: «Пахнет старым переплетом и пылью»), либо повести к птичнику и указать на петуха, чтоб услышать: «Ну и что ж? Петух, как петух? Птицеводство, – полезная отрасль хозяйства; но приглашение к переустройству жизни из птицеводственного, ничтожного фактика есть покушение синицы, хвалящейся поджечь море»[78].

Горько видеть, что прекрасная для тебя ясность и осязаемый тобою факт жизни, видимый не изношенной личностью «*старика*» Бугаева, но высвобождаемым над ней «*индивидуумом*», – недоказуем другим; и неприложим к остатку жизни, тебе отмеренному; и стало быть: лучше было бы молчать, чем пытаться сказать? Все это невольно встает во мне после моего заявления Вам, что «*петухи – поют*»; если бы не было уверенности, что в этом утверждении лежит не религиозно-худож<ественная> интуиция, а интуиция *точной науки*, подобной интуиции Роберта Майера над Индейским океаном[79], интуицией не им, а Гельмгольцем приведенной к научной ясности, – я бы и Вам не написал сих «*романтических*» строк; но приходится сознательно сигнализировать романтическим фонарем, пока методы новой логики и нового слова «*in statu nascendi*»*; ведь схватывалась некогда *новая* в своем существе мысль Гёте не за домыслы наших дней (для него – будущее), а за ветошь старой *Спинозовой* мысли; так и я: сознательно схватываюсь за *аллегории* переплетенных томиков начала прошлого века, сознательно отделяя радость растущего во мне вверх индивидуума от растущего книзу «*старого гриба*».

Начало прошлого века не видело *порога* между личностью и индивидуумом (созличием, соцветием личностей, церкви личностей внутри «я», круга жизней, в котором должна отныне браться жизнь личности, каждой); и оттого: соединяли две сферы по прямому проводу: «музыка, математика» переживались рационалистами так, что в «*Ratio*» пытались самую душу рационализировать; и отсюда Лейбницево: «Музыка, как математика души», что значило: особое приложение к душе дифференциального исчисления; и обратно: самые числа по прямому проводу примитивно, лично омузыкаливались; и получались: мистика, романтика и эккартгаузеновские «*ключи*»[80].

Думали, что понимают пифагорейство, а пифагорейство не понимали; пифагорейство есть именно установка музыки в числе, как темы в вариации, где и число – вариация (подобие, одно, в круге подобий), где и личность – другая вариация того же *числа – не числа* в круге личностей *индивидуума*. Пифагорейство – пред-пред-индивидуализм в начале эпохи души рассуждающей; пифагорейство в его научном разрезе неотчленимо от идеи перевоплощения, ибо тема перевоплощения есть *чисто математическая тема*; она – тема теории чисел; и современные математики, разрешающие в композициях фигур вне радикалов уравнения высших степеней, – не подозревают еще, что они научно работают над формулами пифагорейской темы перевоплощения. Новая теория чисел – возврат к пифагорейству; и это знал мой отец; и этим лозунгом «*вперед–назад*» к Пифагору оканчивает проф. Васильев свою «*Историю целого числа*»[81]. Не «*так сказать*» возврат к Пифагору, а в прямом смысле ход на Пифагора, ибо «*так сказать*» – ныне отпадающее кривое, поверхностное и изжитое взятие существа пифагорейских идей, как «*наивности*», «*детства*» математической мысли; а это не детство; это невскрытая пока *тема*, проходящая сквозь всю историю мысли, сквозь всю историю философии чисел – в ряде вариаций.

На значение пифагорейства указывают совершенно различные философские школы; такие противоположные историки философии, как кн. С.Трубецкой[82] и Виндельбанд, одинаково удивляются *пифагорейству*; по Трубецкому оно – ось философии Греции, проверчивающая самого Платона и платонизм, ибо Платон до встречи с пи-

---

* *в состоянии зарождения (лат.)*

фагорейцами и до своего посвящения в «*тайны*» – один Платон; после – «другой»: «*другой*» есть не только «*мистик*», пифагореизирующий учение об идеях (понятиях) и их превращающий в ритмы-символы, в числа; второй – и *математик* отныне. У Трубецкого вырывается как бы вскрик удивления перед пифагорейцами; а Виндельбанд указывает, что пифагорейцы – единственное философское направление, оконкретившееся до *жизненного Союза*; другие филос<офские> школы не могли создать прочных ассоциаций, а пифагорейцы столетия были «*вольно-философской ассоциацией*», не закрепощенной в догмат, а потому и входившей свободно во все школьные ассоциации и их прорабатывавшей*; мое мнение: «*целого*» пифагорейства у нас нет, не осталось; осталось: «*математика*», «*мистика*»; но то и другое – ветви конкретного ствола, где мистика, омузыкаливаясь, получала ритмический стержень в теме перевоплощения, а эта тема в свою очередь изживала себя в теории чисел; и где математика бралась не в аспекте Лейбницева рационализма, а в аспекте еще не вскрытых будущих математических теорий, ставших ясными после работ Лежандра, Дирихле, Галуа, Абеля, Софуса Ли, Кронекера, Клейна и др.[83], о чем пишут историки целого числа; но новая математика и есть философия кармы и перевоплощения. «*Мистика*» древнего пифагорейства – только ли «*мистика*»? «*Мистика*» и – конкретный союз, Вольфила, длящаяся несколько столетий, переваривающая и Платона; и моментами имеющая огромную политическую власть.

Мы чего-то не знаем в пифагорействе; и оттого раннее восстание его «мифично»; исторические пифагорейцы (Филолай, Клиний, Лисий[84], Эврит и др.) – уже поздняя стадия пятого века; в этой стадии пифагорейцы перевоплощаются то в *элеатов*, то в *гераклитианцев*, проводя сквозь обе школы пифагореический лейт-мотив; пифагорейцы формуют историю греческой математики; с 389 года начинается проработка пифагорейством самих основ платонизма; это – встреча Платона с Архитом; этому предшествует ученичество Платона у Феодора-пифагорейца; отныне Платон-Пифагор-математика некоторое время – одно целое; его воплощает в себя математик Эвдокс (408–355) (об этом у Cantor'a «Geschichte der Mathematik»)[85]; отныне пифагорейство струится в двух руслах по-разному: в чисто математическом (школа Эвдокса: Диностpaт[86], Менехм, потом в школе Эвклида, переливаясь в александрийскую Академию, сквозь Архимеда, Птоломея и до Гипатии)[87] и в чисто философском («*число, как символ идеи*»): сперва у платоников (Спевзипп, Ксенократ)[88]; потом – вырываясь в *sui generis* мистику, в так называемое «нео-пифагорейство», до Аполлония из Тианы[89]; пифагорейство вспыхивает в отдельных проявлениях перипатетизма (у Аристоксена[90], например); оно – в эклектизме римской философии, в универсализме и в филонизме[91]; оно участвует в проблеме спайки трех русл мысли первого века: 1) *Силы* (аристотелизм), 2) Идеи (платонизм), 3) Иерархии (восток); в ритмическом знаке «*числа*» ангелология и «*idée-force*»** <sic!> пересечены; и это пересечение не надо брать «*синкретизмом*»; «*синкретизм*» – показатель лишь неумения справиться с преждевременно выставленной «*темой в вариациях*». Пифагорейство – в неоплатонизме.

Мы видим возвращение пифагорейских тенденций, новую вариацию старой темы, в эпоху Возрождения; ранние теоретики живописи – по-новому проводят пифагорейство; в известном смысле пифагореец сам Леонардо; пифагорейство импульсирует и новую точную науку в ее борьбе с «*церковным Аристотелем*» (хотя бы деятельность пифагорейца Кеплера); наконец – последний расцвет пифагорейства, новые вариации его – XIX-XX век; история целого числа завершается победой одной ветви пифагорейства: математической (в победе аритмологической тенденции); история духовного знания для меня завершается победой идей кармы и перевоплощения; но эти идеи – оборотная сторона математического символизма; а он, в свою очередь, – оборотная сторона пифагорейской «*мистики*»; пифагорейство – ни «*мистика*», ни «*рационализм*», а учение о живой мысли в живом индивидууме, как соличии личностей.

Ни в романтике, ни в Эккартгаузене, ни в Лейбнице нет духа подлинного пифагорейства; этот «*дух*» в столетиях культуры был духом «*индивидуума*», пока сокрытого под маскою личности; отсюда непроизвольный «*эсотеризм*» пифагорейских ис-

---

* *В автографе*: прорабатывавшее.

** *«идея–сила» (фр.)*

тин, вылепивший себе маску ритуала, культа и ограду из аристократизма; пифагорейство было в веках вынуждено течь, как Вольфила из 10<-ти> человек; и, вероятно, в одном из десятков, *рядовым членом* был сам «*великий*» Платон; Платон-учитель мог быть тут Платон-ученик, ибо все учились в этом десятке друг у друга.

Хочу я сказать: пифагорейство всегда *знало* (произвольно ли, непроизвольно ли – другой вопрос) *роковой рубеж* между личностью (цветком) и индивидуальностью (соцветием); и учение о перевоплощении – знак знания этого рубежа; рубеж – смерть, через порог которой проходит итог жизненной мудрости, несказуемый в знаках личной жизни, где итог роста «*Я*» – вступление его в Коллегию («*Я*» оказывалось коллегией «*Я*» высшего порядка; и – отсюда: во внутренних коллегиях доминировал ритм высшего порядка, в эксотеризме *всегда* вырождавшийся в идею *аристо*- или *тео-кратий*: всегда *кратий*; эсотерически *кратия* переживалась* *сюн-архически*).

Порог этот между *эксо*- и эсо-, между «*мон-*» и «сюн-»архиями переживаю я на рубеже старости; мое солнце, моя прекрасная ясность есть «*монос*» всех вариаций моих подглядов о себе и других; но этот «*монос*» не выражается в «*моносе*» внятной идеи (всегда – отвлеченной формы), в «*моносе*» худож<ественного> образа (всегда – кентавре: с романтической головой «*петуха*» из *ex libris* и с эмпирическим туловищем птицеводственного орудия производства); не выражается он и в «*моносе*» изношенной личности Бориса Бугаева; если бы я поверил ей, я стал бы на старость лет «монархист-индивидуалист»; если бы поверил в «*монос*» образа – стал романтик в «колпаке»; если бы поверил «*моносу*» идеи, то стал бы нео-рационалистом.

Но я хочу быть пифагорейцем; а это значит: многоразличия моносов, свергнутых тронов «*монархизма*» анархическим способом я должен превратить в син-архию их всех; и – оттого: в плане личном мне остается умереть: т.е. возрождение во мне над-личной жизни рассматривать, как знак приближения к «*тайне вечности и гроба*»[92]; в плане художественном знак образа в себе отнести не к имени личному своему, а к заданию: сотворить в будущих перевоплощениях, в ряде следующих эскизов, в градации проб единую жизнь *меня собственно*, в которой каждая жизнь – лишь орган организма; а в социально-общественном плане остается учиться у *со-вольфильцев*, идти к «*вольфиле*» (о, – насколько более ритмичной, чем бывшая).

Вот в чем мое *знание*; это – не романтика, не – рационализм, а припадение на старости лет к пифагорейскому ритму, к *фигуре* (кривая линия от прямой отличается так, как *ритм* от метода); и если я в личности «*утоп*», в «*прямой*» идеологий «*утоп*» (как все ныне «*утопли*»: «*утопли*» в «*Утопии*»), так – «*Кривая*» ритма вывезет.

В прямом смысле мы все погибли; это знаю; в прямом смысле – ни мне, ни Вам, никому другому из современников не «*выбраться*»; но – «*Кривая*» вывезет!

В «*Кривой*» и «*Я*» – соличие пересеченных прямых, где каждая – теоретическая касательная, проведенная к каждой точке кривой; это многообразие прямых касательных есть гибель всех личностей в их догматах – личностей, потенциально во мне живущих, живших и имеющих родиться; точки пересеченья касательных – наши смерти; но из всех смертей, в интерференции их всех, восстает «*Кривая*» действительности, фигура жеста, иль индивидуум, внутри которого «я» не мог не вообразить, что я живу; а меня и нет вовсе.

Действительность этого «личности и нет вовсе», где «*Я*» воспаряю над всеми личностями, мне загаданными, есть действительность и быстрого приближения смерти ко мне, и действительность пения «*петухов*», мной услышанного**; оно – «*для убиенных, затерзанных, чьи чела – запечатлены "Новым Именем", которого не знает никто, кроме того, кто получает*»[93].

Этими словами и заканчиваю письмо к Вам; они – корректив к «*петухам*», могущим прозвучать Вам слишком «романтически». Если я ясно и просто прибавлю к этой романтике, – «*умираю*», то Вы, дорогой друг, может быть, еще более поймете то, что пытался я так косноязычно выразить.

Ну, еще раз обнимаю Вас.

Сердечно любящий

Борис Бугаев.

---

* *В автографе*: переживался <?>

** *В автографе*: мной услышанное;

P.S. Эх, – приехали бы! Эх, – да не приехать ли мне: меня помимо всего соблазняет и то, что Вы говорите о Салтыкове, и то, что у Вас есть о «Москве». Неужели не услышу от Вас еще долго. Хотелось бы, чтобы не вечер и не два Вы почитали бы мне.

Разумник Васильевич, – к теме космического ритма: в ритм с природой надо встать; иначе – расстраиваются самые ритмы природы; вот летопись необычайных явлений природы, которую ведет К.Н., вырезывая из «*Вечерней Москвы*»; летопись захватывает последние дни августа и простирается до 30 ноября[94].

Конец августа → смерч в Ленинграде.
Сентябрь 4-го. «Близ Генуи на группу автомобилей напали орлы; двое... пассажиров сериозно ранены».
" " 4-го. «В Дижоне... тучи бабочек... заставили прекратить... ход паровоза».
" " 4-го. Небывалой силы тайфун в Японии.
" " 15-го. Яркие северные сияния и сильные магнитные бури (в районе России).
" " 21 сент<ября>. Ураган во Флориде: без крова осталось 38 000.
" " Около этого времени: жестокий ураган с наводнениями в штатах: Небраска и Иллинойс.
Октябрь 8-го. Снежная буря, заносы, остановка поездов на ряде железных дорог в России.
" " 15-го. Северные сияния и магнитные бури: буря настолько сильна, что показания выходили за амплитуду ленты; редкое явление звуков во время сияния, напоминающих «*жужжание комаров*». На солнце – значительное темное пятно. В Америке отмечают бурю, как рекордную.
" " 22-го. Землетрясение в Ленинакане →
" " 28-го. Колебание почвы в районе Чжаланьтцы.
Ноябрь 3-го. Бураны, заносы на ряде жел<езных> дорог.
" " 3-го. Затор льда на бабьегородской плотине: угроза плотине (в Москве).
" " 11-го. Около Кубы смерч смыл 100 человек с палубы парохода.
" " 15-го. Небывалый ураган в Англии; ряд рек вышел из берегов.
землетрясение в Ленинакане ↓
" " 17-го. В Ленинакане толчки, подземный гром продолжается: Лени<на>к<ан> живет в палатках.
" " 18-го. Существует опасение, что ураган, свирепствовавший в Атл<антическом> океане, уничтожил население о<строва> Свят<ой> Георгий (Азорские острова): послан миноносец.
" " 28<-го>. Сильное извержение Везувия.
" " 30<-го>. На северо-востоке России термометр упал до -35°.

Вот красноречивая летопись 3-х последних месяцев; природа брыкается, как конь под неумелым седоком; седок – человек, потерявший ритм. Да – забыл в перечне: с лета Гольфштрем изменил скорость течения; если эта *скорость течения не сменится нормальною, то климат Европы изменится*.

И еще, из другой оперы, но касающейся наших представлений о природе: по новейшим научным теориям, за какое-то количество 10<-ти> миллионов лет до нашей эры пролетавший огромный сфероид сорвал с земной коры менее устойчивую поверхность материка, образовавшую кольцо вокруг Земли; сгущенье кольца – Луна; место срыва коры в этих теориях указано; оно совпадает с теперешним Тихим океаном, который – впадина нынешней «*Луны*», бывшей «*Землей*».

И наконец: устанавливают следы гигантской катастрофы (доатлантидской), прикончившей древнюю цивилизацию нынешней Полинезии, более древней, нежели цивилизация атлантов.

[1] Ответ на п.168.

[2] Грибиков – персонаж романа «Москва»; гротескный образ обывателя.

[3] См.: Андрей Белый. Москва. М., 1990. С.360-361 (ч.2, гл.3, главки 25, 26).

[4] Цитата из оды М.В.Ломоносова «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» (1743). См.: Спивак М.Л. Роман А.Белого «Москва»: экзо- и эзотерика посвящения // Литературное обозрение. 1998. №2. С.38-39.

[5] Поликсена Сергеевна Соловьева (псевдоним – Allegro, 1867–1924) – поэтесса, детская писательница; сестра Вл.С.Соловьева и М.С.Соловьева, тетка С.М.Соловьева.

[6] Михайлов день – 8 ноября ст.ст.

[7] См.: Андрей Белый. Москва. С.56 (ч.1, гл.1, главка 14).

[8] Обыгрываются строки из стихотворения А.С.Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта...», 1827): «Бежит он <...> На берега пустынных волн».

[9] Белый с увлечением играл в мяч в Коктебеле летом 1924 г. (см.: *Бугаева*. С.66). В Доме-музее М.А.Волошина в Коктебеле сохранился набросокА.Г.Габричевского, на котором шаржированно изображены Белый и М.А.Волошин, играющие в мяч.

[10] Подразумевается сюжет басни И.А.Крылова «Демьянова уха» (Басни, кн.5, I).

[11] Комментарий Иванова-Разумника: «К.А.Сюннерберг в 1926 году преподавал ораторское искусство на курсах пропагандистов-агитаторов» (Л.25об.). Ср. примеч.3 к п.168.

[12] Александр Алексеевич Гизетти (1888–1938) – критик, публицист, социолог, один из активнейших участников «Вольфилы»; указание на журнал «Русское Богатство» подразумевает здесь приверженность Гизетти основополагающим идейным и эстетическим традициям народничества.

[13] Подразумеваются похороны Т.Г.Трапезникова (см. п.164, примеч.5, 6).

[14] Имеется в виду Вильгельм Зеллинг (Selling, 1869–1960); литературный портрет этого деятеля Антропософского общества Белый дал в «Воспоминаниях о Штейнере» (Paris, 1982. С.192-197).

[15] Неточные цитаты из стихотворения З.Н.Гиппиус «Петухи» (1906) (Гиппиус З.Н. Сочинения. Стихотворения. Проза. Л., 1991. С.118).

[16] Неточная цитата из стихотворения Вл.Соловьева «Les revenants» («Тайною тропинкою скорбною и милою...», 1900) (Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы. («Библиотека поэта». Большая серия). Л., 1974. С.136).

[17] О реакции Белого на пожар, уничтоживший в новогоднюю ночь 1923 г. здание Гетеанума (позднее называемое «первым Гетеанумом»), см. его статью «Гетеанум» (Дни. 1923. №100. 27 февраля), а также письмо к Е.Ю.Фехнер от 4 января 1923 г. (Литературное обозрение. 1989. №9. С.112).

[18] 24 июня – день рождения Иоанна Крестителя (отмечаемый также как праздник Ивана Купала); 7 января и 24 февраля – первое и второе обретение главы Иоанна Крестителя. Духов день (Пятидесятница) – 50-й день по Пасхе.

[19] Д.М.Пинес, доставивший Белому п.168; ему же Белый вручил для передачи Иванову-Разумнику настоящее письмо.

[20] Византийская икона XI в., привезенная в Киев в начале второй четверти XII в.; с древних времен воспринималась как национальная русская святыня.

[21] Подразумевается «Сикстинская Мадонна» (1515–1519) Рафаэля Санти.

[22] Н.Е.Шипов, кучинский домохозяин Белого; работал бухгалтером в Москве (см.: *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.567).

[23] Неточная цитата (Андрей Белый. Москва. С.344).

[24] См. примеч.3 к п.153.

[25] Андрей Белый. Москва. С.65. «Miserere» – католическое церковное песнопение на латинский текст 50-го псалма: «Miserere mei, Deus» («Помилуй меня, Боже»).

[26] Там же. С.19.

[27] См. примеч.64 к п.149. К.Н.Бугаева свидетельствует, что в конце 1923 или в начале 1924 г. Белый обратил особое внимание на одну из работ Б.С.Земенкова: «...в левом, если не ошибаюсь, углу – уродливый карлик в кроваво-красной куртке. Лицо – меловой гладкий блин, а вместо носа – треугольник черной заплаты»; «Только осенью 1924 года, когда по обыкновению пришел однажды к нам почитать мне последние, вновь написанные сценки "Москвы", и впервые в них встретился "карлик", он кратко напомнил: – "Это рисунок Б.С.Земенкова. Я его тогда очень заприметил" – и добавил, что рисунок сильно помог ему до-оформить неясно еще рисовавшийся образ» (*Бугаева*. С.168-169).

[28] Антропософский образ-символ; видимо, в данном случае подразумевается «малый страж порога» – двойник человека в физически-чувственном мире, закрывающий ему душевно-духовный мир: «Как "страж" стоит он перед этим миром, чтобы заградить доступ тому, кто еще не готов для вступления в этот мир. Поэтому в духовной науке он может быть назван

"стражем порога", лежащего перед душевно-духовным миром» (Штейнер Р. Очерк тайноведения. Л., 1991. С.234).

[29] Подразумеваются, соответственно, 1-я и 2-я главы 2-й части «Москвы» («Москва под ударом»).

[30] См. примеч.18 к п.143.

[31] Подразумеваются представления о четвертой (атлантической) коренной расе, предшествовавшей пятой (арийской), к которой принадлежит современное цивилизованное человечество; см. раздел «Наши атлантические предки» в кн.: Штайнер Р. Из летописи мира. Калуга, 1992. С.18-30.

[32] Заключительные строки стихов карлика Кавалькаса: «O, jauchze, gerettet / In wonniger Au!» – «О, ликуй, спасенный в душистых сенях» (Андрей Белый. Москва. С.260, 759).

[33] Там же. С.202.

[34] В продолжении «Москвы», романе «Маски», имя брата Ивана Ивановича Коробкина – Никанор Иванович.

[35] В записях о ноябре 1926 г. Белый зафиксировал: «Частые встречи с Мейерхольдом (у него и на репетициях "Ревизора")» (*РД*. Л.125).

[36] См. п.170, примеч.17. Об Ордене тамплиеров в России, его организации и участниках и о М.А.Чехове в этой связи см.: Никитин А.Л. Мистические ордена в культурной жизни Советской России // Russian Studies. 1995. T.I. №4. С.193-194, 204-222; Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России: Исследования и материалы. М., 1998. С.83-124, 167-175. Согласно показаниям ряда подследственных по делу «Ордена Света» (возникшего в 1922–1923 гг. как одна из филиаций Ордена тамплиеров в Москве, объединившая литераторов, актеров, музыкантов, художников), в МХАТ 2-м членами Ордена были А.И.Благонравов и Л.И.Дейкун (Там же. С.107). Отец Сергий Мечев (1892–1941) – сын известного московского священника прот. Алексея Мечева, после смерти отца в 1923 г. стал его преемником – настоятелем храма Св.Николая на Маросейке; в 1929 г. лишен возможности служить, выслан в Архангельск, затем в город Кобников Вологодской области; новомученик и исповедник. См.: Отец Алексей Мечев. Воспоминания. Письма. Проповеди / Редакция, примечания и предисловие Н.А.Струве. Paris, 1989. С.95.

[37] См. п.170, примеч.18, 19.

[38] Премьера «Орестеи» Эсхила в МХАТ 2-м состоялась 16 декабря 1927 г. (постановка В.С.Смышляева).

[39] Мария Александровна Дурасова (1891–1974) – актриса.

[40] Алексей Михайлович Файко (1893–1978) – драматург; его пьеса «Евграф, искатель приключений» была поставлена в МХАТ 2-м в 1926 г.

[41] Подразумеваются курсы лекций о речи, драматургии и эвритмии, устраивавшиеся Антропософским обществом.

[42] См. п.170, примеч.20.

[43] См. примеч.21 к п.170.

[44] Неточно приводятся строки из стихотворения «В поле не видно не зги...» (1897) (Сологуб Ф. Стихотворения. («Библиотека поэта». Большая серия). Л., 1975. С.186).

[45] Имеется в виду роман О.Д.Форш «Современники».

[46] О.Миртов (псевдоним Ольги Эммануиловны Негрескул, в замужестве Котылевой, 1875–1939) – прозаик, драматург. Анастасия Романовна Крандиевская (урожд. Кузьмичева, 1865/66–1938) – прозаик.

[47] А.И.Герцен изображен в главах 11-12 романа; см.: Форш О. Современники. М.; Л., 1926. С.177-181, 197-199, 203-205.

[48] Вероятно, имеется в виду реплика Павла Чистякова в разговоре с Александром Ивановым (гл.14): «Я вас понимаю <...> одни, скажем, свиньи хрюкают, не отрывая вверх морду» (Там же. С.243).

[49] Подразумевается рассказ Пашки-химика Багрецову (гл.13): «Гоголь прикрыл глаза веками, побелел-с и этак ровно стрелой в меня: "Сгинь!" И поверите ли, пока не придвинулся я к дверям, все крестил: себя большим крестом, а меня, как блошку, чрезвычайно мелко-с. Я полагаю, Глеб Иваныч, дабы выразить этим относительным масштабом свое презрение к бесам низшего калибра» (Там же. С.220).

[50] См.: Мф. VIII, 28-33; Мк. V, 1-20; Лк. VIII, 26-39.

[51] Обыгрываются строки из стихотворения Д.С.Мережковского «Дети ночи» (1894): «Петуха ночное пенье, / Холод утра – это мы» (Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. СПб.; М., изд. т-ва М.О.Вольф, 1914. С.7).

[52] Lapan (Лапан) – вымышленный исследователь «секты блоковцев» из XXII в.; С.М.Соловьев, придумавший и изображавший его в Шахматове летом 1904 г., пародировал таким образом, по словам Белого, «собственную приподнятость чувств» и мистические устремления «соловьевцев» (см.: Андрей Белый. Воспоминания о Блоке // Эпопея. №1. М.; Берлин, 1922. С.215-216; *НВ*. С.377-380; Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С.68). Дарьяльский – герой романа Белого «Серебряный голубь» (1909–1910); в этом образе отразились черты личности С.М.Соловьева (см.: Лавров А.В. Дарьяльский и Сергей Соловьев. О биографическом подтексте в «Серебряном голубе» Андрея Белого // Новое литературное обозрение. 1994. №9. С.93-110).

[53] Белый проводит параллель между Хандриковым, персонажем своей 3-й «симфонии» «Возврат» (М., 1905), оказавшемся в санатории доктора Орлова для душевнобольных, и С.М.Соловьевым, который 31 октября 1911 г. в состоянии нервно-психического расстройства предпринял попытку самоубийства, после чего в течение нескольких месяцев находился в психиатрической лечебнице доктора М.Ю.Лахтина. См.: *ЛН*. Т.92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.1. М., 1980. С.323.

[54] Близость С.М.Соловьева к С.Н.Булгакову, возможно, отчасти подкреплялась внутренней склонностью последнего к католицизму, переживавшейся им в начале 1920-х гг. (см.: Булгаков С., прот. Автобиографические заметки. 2-е изд. Paris, 1991. С.48-50).

[55] Александра Григорьевна Коваленская (урожд. Карелина, 1829–1914) – бабушка С.М.Соловьева, детская писательница (см. о ней: *МДР*. С.17-21).

[56] Свои восторженные впечатления от постановки «Ревизора» в Гос. театре имени Мейерхольда, вынесенные с генеральной репетиции спектакля, Белый подробно изложил в письме к В.Э.Мейерхольду от 25 декабря 1926 г. (Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896–1939. М., 1976. С.256-259). Анализ постановки Белый дал в статье «Гоголь и Мейерхольд» (в сб.: Гоголь и Мейерхольд. М., «Никитинские субботники», 1927. С.9-38) и – позднее – в исследовании «Мастерство Гоголя» (М.; Л., 1934. С.314-320). См.: Николеску Т. Андрей Белый и театр. М., 1995. С.128-136. Наиболее обстоятельное описание спектакля – в кн.: «Ревизор» в Театре имени Мейерхольда. Сб. статей А.А.Гвоздева, Э.И.Каплана, Я.А.Назаренко, А.Л.Слонимского и В.Н.Соловьева. Л., «Academia», 1927.

[57] «Наркомтоль» – шуточное обозначение Анатолия Васильевича Луначарского, руководителя Наркомпроса.

[58] Александр Иванович Южин-Сумбатов (1857–1927) – актер Малого театра, драматург, театральный деятель, народный артист РСФСР.

[59] Подразумевается пьеса Гоголя «Театральный разъезд после представления новой комедии» (1842), замысел которой, связанный с впечатлениями от критических откликов на первую постановку «Ревизора» в 1836 г. в Петербурге, был продиктован стремлением автора обосновать художественную проблематику своей драматургии.

[60] Подразумевается постановка пьесы «Петербург» в МХАТ 2-м.

[61] В записях о ноябре 1926 г. Белый фиксирует «расхождение со Столяровым» (*РД*. Л.125).

[62] В письме к Мейерхольду от 25 декабря 1926 г. Белый извещал: «Теперь у меня готова вполне "*Москва*" (драма). На днях получу ремингтон, который и готов предоставить в Ваше распоряжение; во всяком случае, предлагаю Вам ее, так сказать, официально. <...> Кажется мне, что она удачнее "*Петербурга*" ("*Первый блин комом*". Ком текста подал косвенный повод к многим недоразумениям постановки; "*Москва*" уже не ком, а вполне автором в словесном смысле отработанный текст, разумеется, готовый ко всяким приспособлениям для сцены)» (Мейерхольд В.Э. Переписка. С.259).

[63] См. примеч.136 к п.167.

[64] Подразумевается договоренность с издательством «Круг» о представлении ему 2-го тома «Москвы».

[65] Имеется в виду эпизод из 3-го действия музыкальной драмы Рихарда Вагнера «Гибель богов» (1876): нибелунг Хаген наносит Зигфриду в спину предательский удар копьем.

[66] См. примеч.14 к п.170.

[67] Имеется в виду предпринятая Белым в Берлине в 1922–1923 гг. переработка «Воспоминаний о Блоке» в книгу «Начало века» в 3-х томах (см. п.29, примеч.11).

[68] Упоминаются песня Франца Шуберта на стихи Ф.Рюккерта «Ты мой покой» («Du bist die Ruh'», op.59, №3, 1823) и «Реквием» (1791) Вольфганга Амадея Моцарта.

[69] Подразумевается инсценировка «Истории одного города».

[70] Владимир Иванович Блюм (1877–1941) – театральный критик. Эммануил Мартынович Бескин (1877–1940) – театральный критик, историк театра.

[71] Алексей Денисович Дикий (1889–1955) – актер, режиссер; входил в группу актеров МХАТ 2-го, инициировавшую конфликт с М.А.Чеховым и большинством труппы.

[72] Имеется в виду «объединенная оппозиция» (Л.Д.Троцкий, Г.Е.Зиновьев, Л.Б.Каменев), оформившаяся весной 1926 г. и остававшаяся активной до разгрома ее в конце 1927 г.

[73] К.С.Петров-Водкин.

[74] С.Г. и С.Д.Спасские.

[75] До революции в Кучине было имение заводчика-миллионера Павла Михайловича Рябушинского.

[76] Подразумеваются слова из письма Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716) к Гольдбаху от 17 апреля 1712 г.: «Musica est exercitium arithmeticae occultum nescientis se numerare animi» (Haase R. Leibniz // Die Musik in Geschichte und Gegenwart. Allgemeine Enzyklopädie der Musik. Bd.8. Kassel–Basel–London–New York, 1960. S.500).

[77] Согласно Аристотелю (Метафизика, №3. 1090 а 20), пифагорейцы полагали, что «свойства чисел присущи музыкальной гармонии» (Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. М., 1989. С.478).

[78] Подразумевается сюжет басни И.А.Крылова «Синица» (Басни, кн.1, XV).

[79] Юлиус Роберт Майер (Mayer, 1814–1878) – немецкий естествоиспытатель и врач, первым сформулировавший основы термодинамики и закон сохранения энергии. В биографическом очерке о нем Е.И.Замятина сообщается, что идеи, приведшие Майера к открытию соотношения между теплотой и работой, родились у него в ходе путешествия на корабле из Роттердама на остров Ява: «...от старика-штурмана Майер узнал вот о каком странном явлении: *после сильных бурь вода в море всегда нагревается, становится теплее, чем была до бури* <...> именно этот момент, именно это мимоходом брошенное замечание <...> пустили в ход дремавший в голове у Майера мощный логический механизм» (Замятин Е. Роберт Майер. Берлин; Пб., 1921. С.18). К.Н.Бугаева свидетельствует, что Белый прочитывал ей вслух отрывки из этой книги «с огромным волнением» (*Бугаева*. С.149).

[80] Карл фон Эккартсгаузен (Eckartshausen, 1752–1803) – немецкий писатель, автор юридических, алхимических, теософско-мистических сочинений; многие из них переводились на русский язык, в том числе «Ключ к таинствам натуры» (1804, 4 части).

[81] См. примеч.45 к п.167.

[82] Князь Сергей Николаевич Трубецкой (1862–1905) – религиозный философ, публицист, общественный деятель; его труд «Метафизика в Древней Греции» (М., 1890) Белый перечитывал в августе 1926 г. (*РД*. Л.124об.).

[83] См. примеч.46, 148 к п.167. Эварист Галуа (Galois, 1811–1832) – французский математик; автор трудов по теории алгебраических уравнений, положивших начало развитию современной алгебры. Нильс Хенрик Абель (Abel, 1802–1829) – норвежский математик; автор первой работы по интегральным уравнениям, один из создателей теории эллиптических функций. Софус Ли (Lee, 1842–1899) – норвежский математик; создатель теории непрерывных групп. Леопольд Кронекер (Kronecker, 1823–1891) – немецкий математик; автор трудов по алгебре, теории чисел.

[84] В каталоге Ямвлиха («О пифагорейской жизни», 267), включающем имена 218 пифагорейцев (см.: Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. С.465-466), это имя отсутствует; вероятно, подразумевается Лисид или Лисибий.

[85] Мориц Кантор (1829–1920) – немецкий историк математики, профессор Гейдельбергского университета; упоминаются его «Лекции по истории математики» («Vorlesungen über Geschichte der Mathematik», Bd.I-IV, 1-3 Aufl. Leipzig, 1901–1924).

[86] Динострат (IV в. до н.э.) – древнегреческий геометр; ученик Платона.

[87] Гипатия (Ипатия из Александрии) (370–415) – женщина-ученый, математик, астроном, философ-неоплатоник.

[88] Спевсипп из Афин (ок.409–339 до н.э.) – древнегреческий философ; племянник и ученик Платона, после его смерти – руководитель Платоновской Академии. Ксенократ из Халкедона (395–314 до н.э.) – древнегреческий философ; ученик Платона, второй после Спевсиппа руководитель Платоновской Академии; развивал пифагорейские идеи позднего Платона.

[89] Аполлоний Тианский (I в.) – древнегреческий философ, представитель стоического платонизма и неопифагореизма.

[90] Аристоксен из Тарента (IV в. до н.э.) был одним из представителей перипатетической школы.

[91] Идеи Филона Александрийского (21 или 28 до н.э. – 41 или 49 н.э.), античного философа, представителя иудейско-греческой философии; во многих аспектах близкие христианству, взгляды Филона получили последующее развитие в патристике.

[92] См. примеч.51 к п.100.

[93] Ср.: «...на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр. II, 17).

[94] В архиве Андрея Белого сохранилась его пространная рукопись (автограф на 53 листах) под названием «Дневник явлений природы (конец августа 26 г. – май 28 г.)» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.99), содержащая фиксацию всевозможных экстраординарных природных явлений, стихийных бедствий и странных происшествий. Отмеченные в «Дневнике» события соответствуют приводимой в письме «летописи»; ср., например: «*Конец августа*. Смерч над Ленинградом»; 4 сентября – «*Курьезы*: 1) орлы напали на автомобили (в Генуе), 2) бабочки остановили поезд (в Дижоне)» (Л.3); 15 сентября – «1) Яркие северные сияния, редкие в это время; 2) магнитные бури»; 21 сентября – «Ужасный *ураган* во Флориде; ряд жертв (штат Иллинойс). *Наводнение* в штате Иллинойс» (Л.3об.) – и т.д.

172. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
27 декабря 1926 г. Детское Село.

27 декабря 1926. Д.Село.
Колпинская, 20.

Дорогой и любимый Борис Николаевич,

вне общего круга нашей переписки хочу написать Вам «не в счет» это письмецо в немного строк. А «настоящее» письмо – пишется особо и в свое время дойдет до Вас. Так вот: прежде всего – поздравляю с Солнцеворотом, с концом декабря, с наступающим Новым Годом. 25-го дек<абря> (по новому стилю) – не только Спиридона-солнцеповорота, но и мученика Разумника и в то же время – день моего рождения, а потому 12/25 декабря для меня лично – вдвойне приметная дата. Вчера мне исполнилось 48 лет – шутка ли!

Но все это – только присказка, а сказка вот какая: ответ на последний P.S. последнего Вашего письма. «Да не приехать ли уж и мне!» – пишете Вы про наше Село. Так вот: как хорошо бы! Дорогой друг – приезжайте! Комната ждет Вас, диван все тот же, знакомый Вам с 1916 года; мы теперь живем одни (мать Варв<ары> Ник<олаевны>[1] уехала), места много. Опять посидим за чайным столом ночами, опять наговоримся до новой встречи. Письма – что!

И все-таки, как ни хочется мне и Варв<аре> Ник<олаевне> видеть Вас, но к сему «хочется» есть ограничительные условия. Приезжайте! –

1) если кончили «Москву»-пьесу и переговоры с Мейерхольдом[2],

2) если не начали «Москвы» том второй.

Если Вы уже вошли в работу, то как бы ни хотелось видеть Вас в Царском, с грустью признáю невозможность перебивать работу, – особенно, если начат II-ой том. Но если одно кончено, а другое не начато, если время еще перебойное, если есть работа, которую можно с собой захватить, – приезжайте, приезжайте! Да захватите – можно и в Царском над этим поработать! – IV-ый том «Начала века» (так я называю то, что Вы писали за последние месяцы) и «Историю»[3]. Вот почитали бы нам!

Кстати, о чтении: если приедете, то я про «Москву» читать не буду, да и вообще читать теперь вольфильцам на эту тему не буду. Как закопался я в эту тему поглубже, то увидал, что работы над ней – еще уймища[4]. Ведь над «Петербургом» я сидел годами (читал и перечитывал его 10 лет!); дайте срок – поработаю над «Москвой» хоть годик-другой, тогда, быть может, выйдет что-нибудь дельное.

И еще раз кстати – о «Москве». Получил я на днях письмо из Нью-Иорка (от середины ноября)[5]. Там в русских кругах «Москва» читается нарасхват. «Огромное впечатление произвели, – пишет автор письма, – “Московский чудак” и “Москва под ударом”... Книги эти изумительны и современны»... Таков отклик читателя. После этого – жалко несчастных эсэсэсэрских рецензентов: что они пишут!

Спешно кончаю, чтобы успеть сегодня отправить это письмо. Так вот, еще раз: если есть возможность – приезжайте! ждем! А если не приедете – смотрите, как бы не нагрянул я на Вас, как снег на голову! Приеду вот и засяду в Кучине, а в Москву – ни ногой! Вот только на «Ревизора» выберусь: очень интересно![6]

Впрочем – Улита едет![7] Не ждите – приезжайте сами!

Вся семья наша – шлет Вам поздравление с Новым Годом, с солнцем, с поворотом к весне. Новогодние пожелания: в 1927 году – написать и напечатать II том «Москвы», поставить «Москву» у Мейерхольда, обработать «Историю», написать IV том «Начала века», Это – в области литературной. А в жизни – бодрости и радости. Эти пожелания передайте милой Клавдии Николаевне.

Крепко обнимаю Вас и целую.

Любящий Вас Р.Иванов.

[1] Елена Павловна Оттенберг (род. в 1859 или 1860 г.).

[2] См. примеч.62 к п.171.

[3] Имеются в виду рукописи «Воспоминаний о Штейнере» и «Истории становления самосознающей души».

[4] Ср. свидетельства из письма Иванова-Разумника к Ф.Сологубу от 17 февраля 1927 г.: «...была у нас вчера Форш и сообщила, что <...> я-де, Р.В., читаю в будущую субботу доклад о “Москве” в Союзе Писателей. Боюсь, что <...> уважаемая писательница напутала: никакого доклада у меня не было и нет, и читать в Союзе в субботу не могу ничего, так что если меня без меня женили, то сим ходатайствую о немедленном разводе в литературном ЗАГС’е. Соответствует действительности только вот что: у меня накопилось несколько наблюдений и заметок о первой главке “Москвы”, которыми мог бы поделиться в небольшом кругу десятка человек, – например, на одном из Ваших вторников. Но и то – лучше не надо: слишком специально и представляет интерес лишь для очень немногих любителей Белого» (*ИРЛИ*. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.296).

[5] О каком письме идет речь и кто его автор, не установлено.

[6] В январе 1927 г., по приезде в Москву, Иванов-Разумник дважды смотрел «Ревизора» в Гос. театре им. В.Э.Мейерхольда; в письме к Мейерхольду от 16 января 1927 г., написанном в Кучине, он оценил «Ревизора» как «лучшее из созданного» режиссером (Новое литературное обозрение. 1993. №5. С.163-164. Публикация Я.Леонтьева). «В Москве я дважды был на “Ревизоре”, – сообщал Иванов-Разумник Ф.Сологубу в цитированном выше письме от 17 февраля, – и в связи с этой интересной постановкой всплыл ряд старых мыслей о Гоголе, очень спорных (но – тем лучше)».

[7] См. примеч.21 к п.135.

173. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
2 января 1927 г. Кучино[1].

Кучино. 2-го января. 27 года.

Дорогой Разумник Васильевич,

Порадовали письмом! –

– С Новым Годом – Вас, Варвару Николаевну, Ину Разумниковну поздравляю!

Ужасный Вы соблазнитель! В ответ на Ваши соблазны приехать могу противоставить Вам соблазн тихого кучинского бытия, – который, разумеется, не «*соблазн*»; но, право, – приезжайте; К.Н., узнав о Вашем *пóд-мысле* (не могу его назвать *домыслом*, ибо приезд Вас в Кучино как-то сорвался у Вас после разуверенья меня в приезде), – узнав о том, что не невозможно Вам приехать, К.Н. очень обрадовалась. Но я ее охладил: не приедет! А все же, – приезжайте! Огромная есть потребность всячески пожить вместе – поговорами, покуриваньем, прогулками по снежному лесу, самоварным чаем, если хотите – черным псом Пираткою, котиком Барсиком... Уж не знаю, чем Вас соблазнить! Дело в том, что зову Вас не из «*лени*» приехать, – с огромной охотою сейчас же бы слетал в Детское, да – жизнь не пускает; житейски я сейчас в плачевном бездорожье, когда все прежние планы рушатся, финансы иссякают и прос-

то не знаю, с какого боку начать преодолевать состояние Буриданова осла между многими стогами; «*стога*» – не блага жизни, а всякие – трудности на пути к *благу*: иметь в будущем возможность сидеть и работать в Кучине: 1) с «*Кругом*» случился просчет денежных дел, в котором я оказался страдающим: я оказался без 100 червонцев, на которые рассчитывал и которые считал своим запасом на будущее, а – «*Петербург*» почти не ставят, может и вовсе перестанут ставить[2], получаю с него гроши, на которые прожить нельзя. (Не понимаю – как: зал полн, а получаю с него – грош!). Две перспективы еще сезон прожить рушатся; я – при иссякающих остатках «–» фонды «*Круга*» и «Петербурга» – для меня провалились!

Надо сейчас же изворачиваться, искать издателей, продавать книги, надеяться на будущую постановку «*Москвы*»[3]; все это – журавли в небе; а «*синица*» пока – предложение Мейерхольда стать у него преподавателем, т.е. – курс[4]; а мне *курс* – зарез; я не умею читать «*готового курса*»; я «*делаю курс*», влезая в него, что более хлопотно, чем писать 3 книги зараз; «*курс*» измучивает и ссаживает с творч<еской> работы. А между прочим могу завтра-послезавтра схватиться за курс, если все «*журавли*» пролетят. Если бы устроил что, – приехал; пока должен сидеть у моря и ждать погоды: т.е. выбегать в Москву и говорить (не по разу): с Воронским, Тихоновым[5], Пильняком, Мейерхольдом, может быть, с Каменевой, с Никитиной[6], с «*Землей и фабрикой*»[7], чтобы выяснить свои *судьбы*; а то с весны хоть съезжай с Кучина. Даже писать «*Москву*» без гарантии субсидии (аванса) не смогу, ибо «*Петербург*» непостижно подвел; и «*Круг*» просчелся – в *свою*, а не мою пользу.

Обе неожиданности – не из приятных.

Видите, пока не выяснится, мне даже тревожно уехать; и то же в планах работы: не то преподавать «*слово*» артистам Мейерхольда, не то писать «*Москву*».

Мейерхольда не видел с «*допремьеры*» «*Ревизора*»[8]. Он, показав «*журавля*» постановки, только подает голос о себе вестями «*синиц*»; и – весьма неприятных: то – тащит на «*диспут*», то – требует «*курса*». О «*Москве*» же – что-то помалкивает.

Скоро приступлю к нему пререшительно. Кстати: не видав его скоро месяц уже, ничего не знаю о судьбе Вашей переделки[9]; откликнулся ли? На днях увижу его и спрошу!

Боюсь, что Мейерхольд для меня – лишь «*тщетное тщение*» сок гранат выжимать с ним (помните у Пруткова: «*Пока тщетно тщится мать – сок гранаты выжимать*»)[10].

И потом, – судьба всегда сталкивала меня с Мейерхольдом в неприятные моменты жизни этого «*тщетного тщенья*» что-нибудь сделать; «*тщенье*» проваливалось; а все прочее, в душе творчески зревшее, разлагалось.

Кажется, для меня сейчас – начало периода «*себяопыления*» в обивании порога *учреждений*; обобьешь пороги, – даже и добьешься чего-то, а – *творческий* замысел уже разложился.

Сколько преждевременных «*трупиков*» влачу я за собой из-за *тщений* создать условия для их рождения!

Видите – должен сидеть у Москвы; и ждать себе «*погоды*». Пишу это не как жалобу, а как оправдание: не лень держит при Москве. Но Вы – приехали бы! Приехали бы, не откладывая в долгий ящик! Когда-то еще свидимся! Разве мы вольны в своих планах!

Дорогой Разумник Васильевич, – не увидьте в письме моем *алармистского* тона. Внутренне – хорошо, тихо, бодро.

Хорошо встретили с К.Н. новый год: с земляничными листиками, со свечечками. 26<-ой> год мне – медитация над темой «*вера в веру*»: и раскрытие медитации – «История становл<ения> самос<ознающей> души». Она и есть, эта душа, вскрытая *сфера веры*; теперь, к концу 26<-го> года мне стал ближе понятен мост от *веры* к *надежде*; и странно: в связи с надеждой стоит проблема: овладеть *даром милосердия*; да, – проблема трудная: простить ряд незаслуженных обид, – не так сказать, а *конкретно*. Вчера читаю Коллинз «*Когда Солнце движется на север*» (знаете? Коллинз автор – «Света на пути»)[11]. И удивился: выдвигая январский ритм обряда, как усилие открыть дверь в *школу любви*, она перечисляет условия принятия в школу (разуме-

ется, – невидимую): это овладение – во-первых: 1) способностью к *вере*, 2) к надежде, 3) дар милосердия, 4) любви, 5) касанья незримого; во-вторых – 7-ью свойствами (не перечисляю их).

Видите – в январе занят «*январем*», т.е. почтенными усилиями, хотя знаю, что и тут «*тщетно тщусь*»; но тут «*тщенье*» – показатель здоровья.

Чувствую внутренне себя хорошо; и – о, как желаю Вам того, что немцы называют «Heiterkeit»* (не умею перевести). Перевожу это слово стихами из «*Первого свидания*».

[А ну-ка все, кому не лень –
В Москве устроим Духов день!]**

[Простите за шутку этого воспоминания о детских шалостях теперь не шалящего Сергея Михайловича.][12] Правда, – есть и силы, и желание тихо работать в Кучине. И верю, – материальные трудности как-нибудь да преодолеются; а не преодолеются, – ну значит: идти с сумой.

Простите за лапидарность; письмо лишь – ответ на Ваш «*неответ*» на большое письмо; и стало быть, – только отписка и сопутствующая болтовня к искреннему, от всего сердца – «*С новым годом*!» И к искреннему, от всего сердца – зову: голубчик, милый, – приезжайте в Кучино. Не ждите меня; я тоже – мог бы приехать к Вам: но через 2 недели, или через 5 месяцев – не могу сказать. Еще раз – сердечный привет всем Вашим.

Обнимаю Вас, остаюсь сердечно любящий

Борис Бугаев.

К.Н. шлет сердечные поздравления с новым годом.

[1] Ответ на п.172.

[2] В декабре 1926 г. представления «Петербурга» в МХАТ 2-м состоялись трижды (2, 9 и 18-го), в январе 1927 г. «Петербург» шел 7 января (*Чехов 2*. С.502, 503), после этого спектакль не возобновлялся.

[3] В письме к Белому от 28 декабря 1926 г. Мейерхольд предлагал ему встретиться для прочтения пьесы «Москва» после 6 января (Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896–1939. М., 1976. С.260). Эта встреча, по свидетельству Белого, состоялась 10 января 1927 г.: «Читаю у Мейерхольда "Москву-драму" (в присутствии режиссуры)» (*РД*. Л.125об.).

[4] Замысел курса лекций Белого для студийцев Мастерской Вс.Мейерхольда (Гэктемас) не состоялся.

[5] А.К.Воронский и А.Н.Тихонов фигурируют здесь как представители артели писателей «Круг», по отношению к которой у Белого были денежные обязательства.

[6] Евдоксия Федоровна Никитина (1893–1973) – историк литературы, организатор литературных вечеров, получивших известность под именем «Никитинские субботники», и кооперативного издательства писателей (в 1922 г.) под тем же названием. См.: Фельдман Д. Салон-предприятие. К истории «Никитинских субботников» // Общественные науки. 1989. №5. С.185-202. О контактах Белого с Никитиной и ее издательством см. в воспоминаниях П.Н.Зайцева (Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.90-91), в мемуарном очерке Зайцева «Андрей Белый и "Никитинские субботники"» и послесловии к нему Д.М.Фельдмана (Там же. С.125-134). Договор Белого с «Никитинскими субботниками», оговаривавший условия издания его книг, был заключен 28 января 1927 г. (*РД*. Л.125об.).

[7] «Земля и Фабрика» («ЗИФ») – акционерное кооперативное издательство, основанное в Москве в 1922 г. Контакты Белого с ним осуществлялись, по всей вероятности, через посредничество П.Н.Зайцева, дружившего с поэтом Н.М.Мешковым – редактором этого издательства (см. об этом в указанной выше публикации воспоминаний Зайцева. – С.85-86).

[8] Подразумевается генеральная репетиция «Ревизора» (см. примеч.56 к п.171).

[9] Имеется в виду инсценировка «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина.

---

* *ясность духа (нем.)*

** Зачеркиваю цитату, ибо надо бы выписать 20 стихотворных строк, а не две: оных не помню наизусть. *(Примечание Белого)*.

[10] Цитата из пародийной «Новогреческой песни» («Спит залив. Эллада дремлет...») (Козьма Прутков. Полн. собр. соч. («Библиотека поэта». Большая серия). М.; Л., 1965. С.83).

[11] Мейбл Коллинз (Collins, псевдоним Кеннигдэл Кук, 1851–1927) – английская писательница-теософка, автор трактата «Свет на Пути» («Light on the Path», 1885) – первой теософской книги, изданной в России в переводе Е.Ф.Писаревой (Свет на Пути. Из древнего индусского писания «Книга золотых правил» / Перевод Е.П. М., «Посредник», 1905; перевод «Света на Пути», выполненный П.Н.Батюшковым, был помещен в «литературно-философском сборнике» «Свободная совесть» (Кн.1. М., 1906. С.140-152), составлявшемся при ближайшем участии Белого); «Свет на Пути» высоко ценился Р.Штейнером, который в 1903–1904 гг. написал к нему свои толкования (см.: Штейнер Р. Наставления для эзотерического ученичества. Из содержания «Эзотерической школы». СПб., 1994. С.143-154, 179). Упоминаемая книга М.Коллинз «Когда солнце движется на север» в русском переводе Марии Депп была выпущена в свет отдельным изданием (М., «Духовное знание», 1914; новейшее переиздание – М., 1997). Чтение книги Коллинз Белый отметил в записях о декабре 1926 г. (*РД*. Л.125). Последующие (см. п.175) его размышления и переживания, связанные с годовым календарным циклом, во многом стимулированы этой книгой Коллинз, дающей мистико-эзотерическую интерпретацию содержания шести месяцев в году – с декабря по май.

[12] Строки из поэмы «Первое свидание» (1921), передающие восклицания С.М.Соловьева. См.: Андрей Белый. Стихотворения и поэмы («Библиотека поэта». Большая серия). М.; Л., 1966. С.423.

174. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
5 января 1927 г. Кучино.

Кучино 5-го января.

Дорогой Разумник Васильевич,

Мейерхольд мне сказал, что ждет Вас на днях в Москву. Этим порадовал до́нельзя. Он ждет Вас к воскресенью, 9-го[1]. Дорогой друг, для меня это значит, что Кучино состоится и что сама судьба указывает, что Вам нужно приехать.

Итак, – радостно жду Вас[2].

Искренне любящий Борис Бугаев.

[1] В письме к Ф.Сологубу из Детского Села от 9 января 1927 г. Иванов-Разумник уведомлял о своем отъезде в Москву: «Причины поездки: острый “безработный” кризис (авось Москва даст работу!), и – спешный вызов от Мейерхольда, которому буду читать “Историю одного города”» (*ИРЛИ*. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.296; ср. п.168, примеч.41).

[2] Иванов-Разумник приехал в Москву 10 января; Белый записал о событиях этого дня: «Приезд Р.В.Иванова. Встреча с ним у Мейерхольда» (*РД*. Л.125об.). В Кучине у Белого Иванов-Разумник был 12 января («Приезд в Кучино Р.В.Иванова; разговор втроем (я, К.Н., Р.В.)», 15 января («Приезд Р.В.Иванова») и 16 января («День, проведенный с Р.В.Ивановым; я читаю ему воспоминания о Штейнере») (Там же). 16 января 1927 г. Иванов-Разумник писал З.Н.Райх: «Гощу в Кучине у Бор<иса> Ник<олаевича>; вторник (18-го) проведу до вечера у Серг<ея> Дм<итриевича>, и вечером двинусь в обратный путь» (*РГАЛИ*. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.3697. Сергей Дмитриевич – Мстиславский).

175. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
18–22 февраля 1927 г. Кучино[1].

Кучино. 18 февраля. 27 года.

Дорогой Разумник Васильевич,

вот ровно месяц тому назад мы распростились с Вами[2]; хочется сказать одновременно: *только* месяц; и – *уже* месяц; *только* и *уже* – различные времена в различиях зон жизни; во внешней моей кучинской жизни – ничего не произошло: мельканье дней за окнами; белое, сине-серое, черное, сине-серое, белое и т.д. Я ведь не сплю ни в часы сумерок, ни в часы рассвета; сплю, стыдно признаться, – днем: в районе «*белого*» за окном. И так вот: белое, черное, белое, черное; быстрый отчет дней; и в этом

отчете кажется: когда это было, – вчера, позавчера? Мы полеживали после обеда, в засыпании перекидываясь фразами. Время в этом измерении для меня ведь почти редуцируется в точку и – «*все во всем*»[3]: периоды времен встречаются: февраль перекрещивается с ноябрем – в том отношении, что К.Н. все еще в свободные минуты нанизывает листики иголкой на бумажку; и кроме того: я повел с января время в обратном порядке, собираясь так линию времени довести до Весов; и стало быть, сейчас, в феврале, для меня – ноябрь 26-го года. Так все смещается, так – все вместе в этом разрезе. Помните, я не поехал с Вами в Москву[4], отложив свидание с Мейерхольдом и посещение «*Ревизора*». Мейерхольда я все еще не видел: увижу послезавтра; а на «*Ревизора*» я так-таки еще не собрался. Видите, – точно и подавно Вы вчера уехали.

А в другом разрезе жизни – все иное: кажется мне, что протекли года, что наши разговоры были совсем в другом периоде. И этот разрез: линия моих морально-мыслительных переживаний; тут – все бьет ключом; все полно порою утомительно яркими впечатлениями; каждый день стоит так, что его хочется обрамить и повесить на стенку; тут уже не мелькание – черное-белое, не смельк их в «*нечто серое*»[5], а – тропические ландшафты какие-то; и они-то вдруг, теперь, измучили меня; измучила кучинская *тишина*, ставшая *криком событий внутренних*, в которых подчас я запутываюсь, как в непроходимых, тропических лесах; живешь не в Кучине, а в недрах Конго; видишь яркие цветы; но и порой – слушаешь хрюканье носорога; и – видишь удава. Я не оттого порою хочу обрамить наш с Клавдией Николаевной день и повесить его на стенку, что он красив, или мудр, а оттого, что он *назидателен*, *прогляден*, как материал к смыслу. И все это оттого, что у нас с К.Н. постоянно высекаются *осмысленности*, и мы порою разеваем рот от удивлений, мысленных совпадений или контрастов, становящихся контрапунктами двух тем, из которых, как тигр из джунглей, вылезает третья. Вот тут-то – 30 дней, т.е. 30 переполненных всяки<ми> встречами дней путешествия по берегу реки Конго, отделяющих события нашей январьской встречи, кажутся годом, если не годами; иногда, перегруженный всякими *ношами* сознания, всяким *набором* с дня, начинаешь кряхтеть; и, как после музейного обзора, сваливаешься в прострацию сна.

Итак, – или нечего описывать: серый смельк черно-белых, заоконных пятен; или – «*на суку извилистом и чудном*» качается Жар-Птица[6] многоперых узнаний. Писать о них – диссертация тем, развороты, водовороты и новые свороты; а больше писать – не о чем: остаются фактики, анекдотики, событийки, заносимые с людьми из Москвы: вроде как: на собрании почтенных педагогических деятелей, *гуманистов*, par excellence*, а не коммунистов, вынашивался каталог педагогической программы, где вместе с предметами преподавания заодно раскладывались по полочкам сферы культуры; все распределили, разложили; все деятельности человека попали в соответственный квадрат; и вдруг кто-то почтенно вспомнил: «Ну да, – а человек? Куда его деть?» О человеке-то и не вспомнили; случился великий конфуз в сем почтенном, академическом собрании; «*человек*» – дело ясное – портил программу. Долго ломали голову, куда его засовать; и наконец – определили и положили: «Считать "*человека*" вообще подотделом "*Эсесесера*"». Все согласились; раздался один протестующий голос Анны Алекс<андровны> Луначарской (первой жены А<натолия> В<асильевича>)[7]: «Человек, – ведь в нем же есть нечто космическое. Как! И вдруг "*он*" – подотдел "*Эсесесера*"?» Но седовласые и маститые педагогические деятели и гуманисты не согласились с сим протестом, – как знать, не контр-революционным ли? Так «*антропос*» стал подотделом отдела «*Эсесесер*».

Дорогой друг, – это не анекдот, а факт, рассказанный лицом, присутствовавшим на заседании; и факт то, что единственный протест исходил от едва ли не единственной коммунистки, присутствовавшей на собрании. Так наши гуманисты, некогда «*кадетского*» толка, ныне же формалисты толка Брика[8], пришпилили человека. И – вот факт еще: недавно на никитинском субботнике, а после и в «*Доме просвещения*» читал доклад «*Гоголь и Мейерхольд*»[9]; у Никитиной мне возражали профессора, обвиняя меня в том, что я построил защиту Мейерхольда не на здоровом Гоголе, общественном сатирике, а на больном Гоголе: Гоголе-ретрограде; а Мейерхольд де, если и подал Гоголя в чем-либо, то, конечно, подал больного Гоголя, тем проявив «*тьму*

---

* *по преимуществу (фр.)*

реакции», и что напрасно де я подчеркиваю гиперболизм стиля Гоголя, т.е. символизм; здоровый «*символизм*» быта не имеет ничего общего де с «*символической школой*», к которой принадлежу я и которая де, как всем известно, занималась пропагандою «*потустороннего*» мира. Это говорили проседые профессора[10], тоже по виду – «*некогда кадетского*» толка; и единственно, кто горячо за меня, да и за Гоголя, да и за Мейерхольда заступился: «*коммунист*» Лозовский[11], заявивший: напрасно все валить на *больную* голову Гоголя; пора и на самую болезнь Гоголя взглянуть не психиатрическими только, но и социологическими глазами: т.е. понять, что Гоголя замучил «*мещанин*» в нас; и что факт болезни Гоголя от ужасного обстания его средой делает нам Гоголя не дальше, а роднее; что же касается до «*мистикофобии*», то пора бросить эту пустую привычку: таращить от страха глаза на то, чего нет[12].

Дорогой друг, Вы, может быть, подумаете, что за этот месяц я стал коммунистом? Вовсе нет: но у меня сложилось впечатление за этот месяц (и некоторые факты питали это впечатление), будто Задопятовы не только освоились с «*Коммунистическим Манифестом*»[13], но и махнули куда левее: стали коммунистичнее коммунистов; и скоро этим последним придется оправдываться пред нынешним Задопятовым в том, что они дают поблажку «*мистике*».

Сериозно: между прочим, за этот месяц под влиянием нескольких случайных, но симптоматичных наблюдений я испугался гигантскому росту «*правой*» опасности в нашей культуре: наступлению «*правого*» фланга восьмидесятников, случайно высиженного под коммунистическими крыльями куриц à la П.С.Коган (с его Академией); этот фланг спешно чистит амуницию, уже несколько десятилетий доселе ржавевшую в старых сараях; и при помощи ее идет на коммунистическую молодежь, у которой взяли все, кроме «*Азбуки*» Бухарина[14], и которой эта «*Азбука*» так надоела, что она готова схватиться и за Кареева[15].

А «*Кареев*» – тут как тут: жив-жив курилка!

Все это, конечно, завозимые в Кучино анекдоты, мной наблюдаемые в Москве или мне рассказываемые; и не этим живу.

Живу, как сказал, самыми неожиданными темами: например, темой – *атома*; или – темою беседы Серафима с Мотовиловым. Кстати: читали ли Вы брошюру записи Мотовилова своего разговора с Серафимом на тему: «Что есть цель христианской науки»?[16]

В ней меня поразил не факт чуда со «*светом*»[17], а факт огромного ума Серафима. До какой степени Серафим был человек и *огромного ума*: просто ума.

Милый друг, начал письмо, – и оно пошло в «*ни о чем*»; это оттого, что им кончаю свой трудовой день; пора спать; перечел: вижу, – вышло никчемно: К.Н. об этой моей никчемности говорит, что у меня способность «*строка к строке – доска к доске: и будто бы что-то получается*». К.Н. часто бывает «*насмешницей*»; но и тема этого моего письма, вернее начала его, – «*строка к строке*»: пусть же «*строка к строке*» станет предисловием к письму, которое буду писать, вероятно, с неделю, присаживаясь к нему после «*трудового*» дня: перед сном. Говорю – «*трудового*» дня, потому что – «*тружусь*», Разумник Васильевич; а труды что-то не осаживаются на бумагу: «*werklose Arbeit*»*. Мои «*труды*» суть 1) расчистка снега, 2) мой «*Дневничок*»[18], 3) чтение, 4) и многообразные думы на «*февральские*» темы; 5) наконец – необходимая работа, к которой я себя тащу, схватывая себя за ослиные уши; «*осел*» мой брыкается, жалобно орет; но, протащенный за уши, оставляет несколько следов в тетрадке «Материал второго тома "*Москвы*"». Знаю: еще месяца полтора «*Москва*» будет нудиться; и от нее будет болет<ь> «*осел*» во мне. Все перечисленные занятия суть содержания моего дня. Потом – «*чтения*». Видите: на письмо нет почти времени.

Остается лишь чистая потребность к общению с Вами; и тут беседа – прицепка: «*чирик*» воробьиный. Вы уже по дружбе простите меня за «*чирик*»; он – от чистого сердца.

Вот это-то мой «*чирик*» К.Н. и называет «*строка к строке – доска к доске*»; и еще она говорит, что явление подобного же рода – род *звукового*, а не отвлеченно-мысленного общения моего, – есть разговор мой утренний с нею, во время которого я

---

* *нетрудовая работа (нем.)*

де могу с одинаковым пафосом говорить о любом свойстве любого зверя, мной увиденного в зоологич<еском> саду, как и о «*трансцендентальной апперцепции*»; и что это *де* просто потребность почистить горло пением, так как я не пою.

– «*А вы спойте, Борис Николаевич*», – говорит она.

Ну вот: Вы не сердитесь, что письмо я начинаю с «*чирика*»? Завтра, надеюсь, что напишу кое-что и о мыслях.

Сегодняшние строки имеют один смысл: «Ау, – Разумник Васильевич? Где Вы?»

Кучино. 19 февраля. 27 г.

Дорогой Разумник Васильевич, –

– вот опять присаживаюсь к письму; и – опять ненадолго; для письма у меня провиденциально – не день, а – урывок из дня; ну и буду писать Вам урывками, беспланно вываливая первое попавшееся впечатление моего кучино-московского бытия. И одно из впечатлений недавнего времени – впечатление от М.А.Чехова в «*Деле*» Сухово-Кобылина[19]; пьеса, по-моему, вполне недурная; несколько сухая; и – очень трехмерная; «*быт*», и быт, отошедший без всякого прокола в «*широкие горизонты*»; поэтому от пьесы душно, несмотря на социальную талантливость ее для своего времени. И грустно, что М.А. вопреки его воле силком засадили в пьесу его товарищи по линии (Гиацинтова, Берсенев), мотивируя, что лучше играть «*Дело*», чем быть вынужденными играть предлагаемый реперткомом репертуар. И – что же: М.А. создал нечто несосветимое; конечно, у Сухово-Кобылина старичок Муромский – не тот; вероятно, это – «*тип*» своего времени; у *М.А.* выявился, конечно, *тип* мировой семидесятилетнего «*старичка*», в духе Шекспира; так сказать, фигура, равная Отелло, Гамлету, но живописующая тему «*старый да малый*», или, вернее, – «*старый как малый*»: благо и свято малеющий старичок: «*Если не будете, как дети, не внидете в Царство Небесное*»[20]. Всю монументальность текста во всей силе его выявил М.А.; это – что-то совершенно чудесное; если в Аблеухове, Эрике, Фрэзере, Гамлете, Хлестакове видишь огромную игру артиста, то в «*умалившемся старичке*» нет уже даже игры: никакой; нет никакой огромности, никакого «*артиста*», а есть «*старичок*», который отныне присоединяется к Вечным Спутникам Жизни: к героям Диккенса, Шекспира, Гоголя, Толстого и т.д. Хочется воскликнуть: «Ну как же еще ни один гений не изобразил такого старичка: он же "*есть*"». И вот это «*есть*» совершенно беззаконно и самочинно, вероятно, вопреки пьесе, соскочило с подмосток сцены в зрительный зал; и – отправилось гулять по душам. Читал рецензию Л.П.Гроссмана, спеца по Сухово-Кобылину, ставящего в упрек Чехову, что он дал в Муромском не стойкого борца с неправдой, а просто «*старичка*»[21]. Гроссман, как «*слишком историк литературы*», не способен понять, что, вероятно, значимость показанного «*старичка*» перевешивает сумму написанного Сухово-Кобылиным; и что это есть «*написание*» в наших сердцах не бывшего доселе Вечного Спутника; и ныне ставшего Вечным Спутником Земли.

Видя на сцене М.А., я говорил в театре Татаринову, что жаль: М.А. засунули в 3 измерения, обхлопнули 4-мя стенами «*быта*» и только «*быта*»; говорил, что в пьесе нет «*прокола в Вечность*»; с этим уехал в Кучино; и вдруг, через 2 дня, утром просыпаюсь и чувствую, что слезы подступают от беспредметной любви и жалости к маленькому, старенькому человеку: «*человек*»-то, как таковой, теперь всунутый в клеточку подотдела Отдела, очевидно стал «*маленький, старенький*»; и его за это еще более любишь: любишь... до слез. И вдруг – я понял, что щекотание в горле и подступающие слезы оттого, что во мне заходил «*старичок*», – тот самый, которого показал М.А., и что если мы говорим словами ап<остола> Павла «*Христос во мне*», то можно в иных случаях говорить «*старичок во мне*»; мне стало жалко до слез «*старичка*» во мне, в Вас; и заодно уж «старушку» в Клавдии Николаевне, в Леле Невеиновой (нашей антроп<ософской> барышне)[22] и т.д. «*Das ewig Greisliche*»* – вот что показал М.А.; и «*оно*» – не сцена, не «*тип*», не игра «*великого артиста*»; «*артист*» стушевался; не было вообще никакого *М.А.*, который остался за кулисами, в «*круглой комнате*» своей квартиры, в смешной пижаме и в роговых очках; выступил «*старичок сам*», доселе погребенный в сердце у каждого; и им не осознанный; совершилось воскрешение из мертвых старичка: «*старый, как малый*» – заходил среди нас.

---

* *«Вечно старческое» (нем.)*

И я сказал себе: «Стой, – как же я говорил, что в пьесе нет прокола в Вечность, когда *старичок*, показанный Чеховым, и есть этот прокол: прокол в текст: "*Если не будете, как дети*". И – "*дети, любите друг друга*"».

Вот это вот – «*дело*», как в стихах выразился... Демьян Бедный, в котором, вопреки «*Демьянству*», вероятно, хоть на миг вспыхнуло нечто от «*старичка*»[23].

Пьеса поставлена великолепно; играют великолепно; но все прочее – «*великолепная игра*»; а *М.А.* – это уже не игра: это – проповедь христианской любви-жалости к «*малому сему*».

Помните, накануне Вашего отъезда Вы выразились: «Чего же ищет М.А. *мистерию*, когда ему дана мистерия в "*Деле Жизни*"?»; а в это время он в «*Деле*» именно развил мистерию «*умалившегося*». И – знаете: чтó Акакий Акакьевич Гоголя! *М.А.* побил художественный рекорд в прохватывании *любовью* и *жалостью* к «*маленькому человеку*».

Странно сказать, что отныне не Достоевский певец любви к «*бедным людям*», а Чехов; и не «*Антон*», а – «*Михаил*».

До этой постановки у меня накопился ряд «*бурчаний*» на М.А.; увидел «*Дело*»; и – все «*бурчания*» растворились в чувство любви к этому «*существу*», такому смешному в жизни. *К.Н.* шутливо-снисходительно-любовно, но «*полемически*» (у нее вечная «*полемика*» с Чеховым) называет его «*машинка*» и «*негодник*»; но тут и она была побеждена «*негодником*».

«*Машинка*» – от некоторой механичности в поглощении и перемалывании всякого «*оккультного*» материала. «*Тащит отовсюду и все перемалывает*», – так недавно с шутливым негодованием воскликнула К.Н., когда я ей описал, как я застал М.А. с Громовым среди разложенного веера книг со всякими «*Таро*» и со всякими «*Шмаковыми*» (я разумею «*оккультиста*» Шмакова, а не юдофоба)[24], в роговых очках, в невозможном наряде, трясущимся над «*оккультической ветошью*» и с ужимками Плюшкина крючничающего в этой ветоши[25]. «*Ничем не брезгает*, – сердилась К.Н., – *и втихомолку от антропософов таскается и на задние дворы "эзотеризма", к помойным ямам*». «*Негодником*» же она его окрестила вот по какому поводу. Узнавши, что у меня есть материал по «*эзотерическим*» воспоминаниям о докторе, далеко не всем читаемый, М.А. *так и затрясся*; и настоял на том, чтобы я ему почитал; в ряде других, более существенных принципиальных записей у меня есть фраза *à la*: «*Так по таким-то и таким-то признакам я научился в таких-то и таких-то образах видеть след Ундины*». Я в лицах показал К.Н., как при словах «*видеть след Ундины*» М.А., с ногами влезший на диван, разорвал не только глаза, но и рот – *от жадности* к факту и потом стал втрое меньше передо мной (очевидно, я в его сознании «*втрое*» вырос: «*Человек, видавший следы Ундин*!»), так что я с огромным усилием старался развенчать себя в его глазах, доказывая, что видеть «*ундин*» – плевое дело, что все мы их видим, не зная, что видим; и что я узнал, что видел «*след*», из слов доктора, мне это растолковавшего; и что, вообще, я не для «*ундины*» записывал, а для ради иных принципиальных и более важных целей. – «*Негодник*, – воскликнула К.Н.: – от пятого Евангелия[26] воротит мордочку; и тут не понимает: подавайте ему "*ундин*"; оттого он и с Павлович в России и с Рабинович за границей, позоря перед немецкими друзьями себя, как Чехова».

Верьте, К.Н. это от «*любви*» к М.А., а не со зла: «*Негодник*» – в полушутку. Но увидев «*Дело*», К.Н. простила «*негоднику*» – «*негодника*»: уж какой негодник, когда показана и *любовь*, и *мистерия*, и ноты «*пятого Евангелия*»: и так непосредственно просто, как «*само собой разумеется*».

Хотелось воскликнуть: «Да, – это почище "*ундиньиных*" следов!»

Вообще нас с К.Н. все более и более внутри антропософии относит прочь от «*ундиньиных следов*»; меня недавно бурно отнесло к гидродинамике, к атому, к проблеме материи, если хотите... к материализму; и если летом тосковал о своем незнании высшей математики, то теперь стала охватывать «*тоска*» по химии, учебникам по «*механике*», – тоска, переходящая порою в жадность; так что порой хочется уподобиться *М.А.*; и – закрючничать по задним дворам «*точной науки*», ничем не брезгуя; «*ничем*», потому что во мне откладывается факт уверенности: «*Они* ничего не по-

нимают из того, что так *чудесно* ими открыто; они – "*дети*" (и подчас "*злые дети*"), все эти Менделеевы, Эйнштейны, Пуанкаре и прочие». И «*крючничать*» по задним дворам науки полезнее, чем по задним дворам «*оккультизма*», потому что все «*оккультные орешки*» уже разгрызены давно, хотя бы Штейнером; там – сухая и непитательная шелуха; между тем: задние дворы науки полны «*неразгрызанными*» в смысле орешками; и есть над чем «*крючничать*». Хотя бы один есть такой орешек; им усеяны все задние тропы популяризаций; нет брошюрки, которая не была бы усеяна этим «*орешком*»; и называется он «*атом*»; я сам оперировал с ним: сначала как студент-химик, потом как Кифа Мокиевич[27], потом как антропософ; всю жизнь, можно сказать, грыз «*орешек*»; и он как будто разгрызался.

А теперь вдруг осенило, что путь, на котором он подлежит разгрызению, совсем иной; и что на этом пути вся история сложения представлений «*атом*», «*молекула*» ли (вообще неделимая материальная часть) есть огромное поле для «*крючничества*»; и что, вероятно, так и не придется всласть «*покрючничать*» здесь, ибо стар, ибо времени нет: «*труды*» и дни не позволяют; и от этого «*трясущаяся от жадности*» рука протягивается к первой попавшейся книжке, хотя бы дрянной, за неимением времени перечитать шкаф книг по этому вопросу.

Рассказать, что меня поразило в «*атоме*», – не расскажешь: это не четко оформулированная мысль; это даже... не мысль, а вспых подгляда, не передаваемого мыслью* («*мысль*» – нарочита в своей наивности), в «*образ*» же я тут не верю, потому что вспых к мысли (без мысли) – не *имагинация*, а разрез мгновенной зарницы, далекой молнии инспиративного мира, утаенного тяжелыми глыбами тучевого тумана всяческих, довольно натянутых «*философем*».

Вы меня спросите: «Что же вас удивило? Какая такая у вас об атоме хотя б *нарочитая* мысль?» Вот на это-то и не ответишь: мысль будет, вернее – *была бы*, если бы проделал систематическое и кругосветное путешествие по «*планете*»: по сумме всех научных и философских представлений от Демокрита до наших дней, отправляясь, разумеется, от наших дней – чрез Демокрита – к нашим же дням. Вне этого систематического объезда по идеям мысль и не сложится к *ясности*; но знание есть, что она, эта мысль, есть во *вспыхе* к мысли.

Есть лишь ряд неубедительных софизмов «*ad hoc*» – о том, о сем: не систематичных, случайных; и щиплешь – оттуда, отсюда. «*Чего вы трясетесь*», – так мне говорит К.Н.; и разумеет: «*Трясетесь от жадности*». И этим отправляет меня в корпорацию «*крючников*», где я и встречаюсь с *М.А.*; но пути наши по «*мусорным ямам*» различны; он отправляется за поисками «*Ундиньих подметок*», а я отправляюсь за поиском «*атомных орешков*»; он – направо; я – налево; но у обоих за плечами мешок, в который отправляются им – «*рыбьи косточки*» и «*чешуи*»; мной – твердые, жидкие и газообразные тела; оба последние тела из мешка утекают; и оттого-то нет – полной ясности.

Да-с, – неизвестно вовсе, что такое жидкое состояние тел, не говоря уже о газообразном; вот, под боком, в великановской гидродинамической лаборатории изучение «*струи*» эмпирически показало: струя жидкости пульсирует; она меняет ритм пульсации в секунду 900 раз[28]; отнеситесь отчетливо к этому факту; это значит, что в месте закона, представимого формулами течения струй, формулы – пустые скобки, т.е. отсутствие закона, ибо *закон* теперь – несуществующее среднее число, интерферирующее 900 «*созаконностей*», 900 индивидуальных случаев «*биения*», к которым, ко всем, надлежит еще найти их формулы *законов*; *900* ненайденных законов, подмененных несуществующей *аналогией*, являющей «*900*» законов в «*как бы*» одном. «*Если бы да кабы, да во рту бы росли бобы*» – вот Вам нами некогда изучавшаяся гидродинамика; развоплощением несуществующего «*закона*» в толпу их (аудитория в 900 человек), – вот чем занимается Великанов с помощниками: в Кучине; что это так, подтвердил мне его помощник: «Итак, – законов-то нет?» – «Нет», – говорит помощник. А М.А.Великанов мне еще давно говорил, что законы жидкостей надо изучать при системе текучих осей, иначе ничего не получится с гидродинамикой, ибо твердые оси – для «*твердых тел*» и для закона тяготения Ньютона, который опять-таки – «*тело твердое*»: т.е. для *твердого и только* тела.

---

* *В автографе*: ни мыслью

Но тут хочется воскликнуть: «Чего же вы сидите и молчите! Ведь о всякой, с позволения сказать, мелочи кричат; ведь по сравнению с фактом сим, что нет еще законов для жидкого тела, и стало быть, что нет еще нам *научного жидкого тела*, – ведь по сравнению с этим – сущие пустяки даже заполнение №№ менделеевской системы, о котором трубят, ибо заполнение лишь завершает путь, ничего не приоткрывая; тут же – огромное приподымание скорлуп, фикций, над брешью, проломом в неизвестное».

Жидкое тело есть «*неизвестное*» тело[29]; и жидкое состояние (не говоря уже о газообразном) – состояние «*неизвестное*». «*Наши*» инженеры на днях мне сказали: «Ну да, это – так: об этом уже были научные высказывания». И вижу, что даже «*наши*» не до конца осмысливают все консеквенции, с железною необходимостью вытекающие для права «*научно мыслить*». И уже во всяком случае непонятно это оставление «*под спудом*» знания о неизвестности жидкого (и отсюда газообразного) состояния.

Мы же твердили, будучи гимназистами: «Тела бывают твердые, жидкие и газообразные!» Твердят и доселе. Как же твердящим не разъяснят, что твержение это без разъяснения (в духе позавчерашнего разъяснения) научных признаков твердости, жидкости, газообразности есть nonsens, потому что, раз «*жидкое*» состояние есть «*x*», находящееся в зависимости от «*y*»'а (газа), то былые наши твержения ствердились в непроницаемую для логики твердость: «*Тела бывают твердые, твердые и твердые*». В духе сегодняшней установки *закона* вчерашнее деление физических тел на 3 состояния было классификацией трех модусов одного состояния: состояния *твердого тела*; ведь модификация – газообразное, жидкое, твердое – строилась на модификации экстра-атомных и экстра-молекулярных состояний той же «*твердой*» по существу частицы (атома ли, молекулы ли); деление: *твердое*, *жидкое*, *газообразное* – бралось в отношении к со-атомности, между-атомности; теплота, свет и т.д., словом, физические свойства были экстраатомными состояниями, исходящими или наталкивающимися на их предел; и этим *инертным пределом* и был *атом*, понимаемый, разумеется, лишь как твердая частица; комплекс этих *твердых* частиц, не связанных друг с другом и стремящихся раскидаться, – газовое состояние, которое, конечно, в материальности такое же *твердое*; при вращении *твердых* частиц друг вокруг друга получалась жидкость; при неподвижности их – *твердое* тело.

И газовый атом, и атом жидкости, и атом твердого тела мыслился *атомом*; но этот *атом* мыслился *твердым телом*: 1) от неподвижных осей, 2) от необходимости в механике Декарта ввести его, как *твердую* частицу (эфирный атом), чтоб объяснить принцип самого движения, как материальную необходимость оттолкнуться от *твердого* тела.

У Декарта это *твердое тело* атома – «*Deus ex machina*» его машин; а у Ньютона он – продукт неподвижной (т.е. опять-таки *твердой*) трехо́сности.

И как это не замечали, что физика, говоря о 3-х состояниях материи, говорила лишь об 1/3 его, – о твердом теле, подавая его же под разными соусами? Мне кажется, что я понимаю, в чем суть тут; не интересовало вскрытие состояний тел, ибо не было возможности вскрыть самый *атом*. Говорили о между-атомных состояниях, о трении, нагревании, теплоте; понятие о «*скрытой теплоте*» было еще понятием о теплоте раскрытой, ускользающей, рассеивающейся. Подлинно скрытая теплота – внутриатомная; с вскрытием атома в наше время встала впервые горящая необходимость перечислить былую классификацию – твердое, жидкое, газообразное, – как экстра-атомную, в классификацию инфра-атомную.

Тут-то и обнаружилось, что атом, как не – *твердый*, *холодный сплошной ком*, а как наполненная тепловыми силами сфера – нуждается в изучении для установки внутри него признаков «*научной*» газообразности, жидкости, твердости.

Вот что я называю принципом разгрызения «*орешка*» и выплевывания из обихода его скорлупы, так называемого учения о трех физических состояниях, под флагом которого подавалось одно, твердое, и для довершения нелепости подавание сопровождалось утверждением, что основные законы суть законы газовых состояний; нелепица тут в «*circulus vituosus*»*: в основу *простейшего* (газового) полагалось сложнейшее (твердое) и этим сложным (невскрытым твердым атомом газовой между-атомности) отпирались ключи тайн «*простого*».

---

* *«порочном круге» (лат.)*

Чудовищный парадокс мог не выглядеть столь чудовищно в предположении невскрываемости атома, как теоретического предела и как абстрактного пункта; с момента же превращения «*пункта*» в конкрет «*образа вселенной*», относительно которой астрономия учит, что вселенная имеет возрасты, что она бывает тепловой, газово-световой, жидкой и твердой (в остывающих частях), – учение о трех состояниях тел необходимо постулирует к недостающему учению о газообразном, жидком и твердом *атоме*, или частей *атома*. Раз жизнь атома вскрылась, то и метаморфоза атома – уже более не метафизика, а прямая задача науки. На пути к этой задаче и разоблачаем парадокс наших заблуждений о трех состояниях тел; оттого-то и в *гидродинамике* уже стала проскальзывать мысль: «Мы не знаем, что есть жидкое тело». И это оттого, что мы не знаем, что есть «*жидкий атом*», может ли вообще он быть «*жидким*»; все это – вопросы гигантской научно-теоретической значимости, необходимо доселе покрытые *черным пятном* затмения наших мыслей об атоме, как непроизвольно «*твердом*». Некая «*луна*» провиденциально покрывала центр «*атома*»; тень «*луны*» падала и на всю химию; ныне луна сошла с атомного центра: и все увидели вместо «*пятна твердости*» теплый и световой диск солнца; «*земля*» атома оказалась солнечной.

«Солнце, солнце опять победило!»[30]

И вот аподиктические следствия этой брызнувшей солнечности: 1) вся доселе бывшая механика есть механика *твердых* тел, проецируемая в систему твердых координат, 2) для изучения гидромеханики нужна система текучих осей, 3) нужно – времяпространство (а не время + пространство), 4) нужно представление о *жидком атоме*, т.е. атоме, способном течь; но текучий атом – силовая эманация, или – линия; в *de facto* это – спираль разброса электронов, подобная спирали выкидывания листьев растения; растение ж – «*древо жизни*» солнечного, атомного *семени*. Скажут: «Образ!» Да, – образ, но образ, сжимающий правду научную; и наконец: раз сам *атом* из пункта-понятия стал «*образом вселенной*», то научный имажинизм теперь – тот новый метод, без которого научно и невозможно сдвинуться.

И вот тут-то вместо мысли и начинается мой *вспых* к мысли, которую надлежит «*выщупать*» кругом чтения. Механика твердых тел, вместе с механикой «*твердого*» атома с его quasi-жидкими и quasi-газообразными состояниями, есть прежде всего «*механика*»; и – только «*механика*»; и как всякая «*механика*», она – «*о твердом*». Механика, вернее динамика, жидких тел есть уже – «*органика*», в которой метаморфоза законов развертывается по ритму представления мысли о «*семени*», а уже не «*атома*»; «*атом*» – непробухшее семя в механике твердых тел; а росток, рост, развертывание, спираль планетных эманаций (электронность) есть уже представление растительное, органическое.

Отсюда укореняющаяся в гидродинамике мысль о том, что жидкое состояние неизвестно, есть верная установка грани между двумя телесными представлениями: *одно – представление физического тела*; *другое – представление эфирного тела*; и отсюда – необходимое *a priori*: представления газовых состояний суть представления, корень которых – *астральное тело*.

Из 3-х физических состояний была известна лишь 1/3 их: состояние твердого тела; уже жидкие состояния суть состояния физические, пронизанные эфирными состояниями, а газы – состояния физич<еские>, пронизанные состояниями и эфирными, и астральными.

3 физ<ических> состояния суть символика 3-х тел в сфере 1/3 *тела* вообще, тела физического.

Без этого корректива не осмыслить нам *научно* «*научных*» представлений.

Ведь распыление «*пункта*», закона теченья струи в мир 900 созаконностей есть замена закона кругом законов; закон-семя разбухает в росток, раскидывающий листья модификаций; принцип механики жидких тел умирает, как метр; непрерывность разряжается в «*900*» прерывов в секунду; и проблема ритма, этой печати эф<ирного> тела, с победоносной непререкаемостью вводится в гидродинамику.

Вы понимаете мою еще не мысль, а – «*до-мысль*»; но я знаю, что за «*до-*»мыслом таится полувскрытая научная мысль; а именно: мысль о «*перво-атоме*», которая вчера еще не могла иметь места, а ныне имеет в факте допущения «*метаморфозы*»; вся градация веществ, все элементы в их группах и рядах в переведении на кольца вращения и на количество вращающихся на кольце спутников атомного солн-

ца есть уже раскрытый рассказ о метаморфозе *атома*: метаморфозе атомов в перво-атоме; Гётево «*перворастение*»[31], взятое как «*прототип*»; и нынешний «*перво-атом*», как «*прототип*», а не как «*протофеномен*» только, есть уже остов близкой, будущей химической органики; химия в будущем, как наука о телесном, будет отнесена к *органике*; и эта победа органицизма в группе наук физико-химических есть победа солнца-семени в атоме (знака его прото-атомности) над электронными *лунами*, пылинками сферы его, доселе нам заслонявшими центр света.

Но – «*свет светит*»; и – тьма не объяла его[32].

Раз допустим за атомами первоатом, то научно и допустимо представление о не данном нам состоянии атома, как сферы тепловой, в центре которого стяжение сил образует космический крест с центром пересечения; до этого центра пересечения сил в первоатоме-вселенной имеем всевозможные колебания, хаос колебаний, вернее незамкнутое многообразие; такие колебания в физике назывались *тепловыми*; тепловая вселенная (символ Сатурнова царства)[33] есть царство Отчее, рождающее и крест пересечения и центр пересечения, или – колебательное направление; такое *направление* являют собой колебания световые, *одни из колебаний*; световое колебание – отбор в *единство* колебаний колеблющегося целого; рождение *единства* внутри сферы *целого*, *света* внутри сферы *тепла*, есть извечное рождение *Сына* («*рожденна, не сотворенна*»), или – солнечного центра для всех рангов вселенных (как «*макро*», так и «*микро*»). Спираль планетных эманаций или вещественных, физико-химических свойств, или же творимых комплексностей, есть уже процесс «*тварного*» образования из жизненного семени перво-атома, явление «*духа животворящего*», планетного «*духа*», или «*духа*» электрона (числа колец и № планеты на кольце). Итак: материальный атом – «*земля*» нашей земли, есть воплощение троичности, а свет атомного «*семени*», вспыхнувшего солнца в центре сферы, которую мы еще вчера считали материей, землей, есть знак реального факта, что *Свет* во тьме засветил; и *тьма* не объяла его. Это знак, что Христос, Солнце, сошло внутрь земли, что оно уже прокропило каждый *атом* нашего тела; и тот факт, что мы еще мыслим землю как космическую рассыпающуюся пыль, – есть факт *нашей ветхозаветности*; и только; в новом химическом завете, гласящем о *солнце*, светящем посередине вселенной нашего атома, вчера представимого еще косным, холодным и твердым комом, – в новом химическом завете научное выявление «*Нового Завета*». И «*Слово стало плотию*»[34] – в нас, внутри нас. Мы же еще не в себе, а – вне себя; мы живем в экстра-атомности, в выкинутости из сферы атома, в изгнанности из рая, из Царства Духовного, Отче-Сыновного; а химия возвращает нас к мысли о доме; и к мысли о том, что «*Царствие Божие внутри нас*»[35].

Вспомните: по Соловьеву, мы грехопадением вывернуты наизнанку; по Штейнеру – то же самое; Штейнер многообразно и конкретно рисует* процесс этого выверта; нам надо ввернуться: раскрыть дверь атома: правильно воплотиться в материю (мы же – неправильно воплощены), чтобы понять, что в самом материальном стержне встречает нас Свет Силы Слова, Свет Истины, и что этот Свет Умный – одновременно и Свет-материальный; в центре материи нет материи, а – Дух, воплощенный в *Свет* и *Тепло*; но мы за порогом тепла и света: в экстраатомности; и оттого-то нас свет лишь извне освещает; изнутри же мы разлагаемся в атомную пыль.

Овладей мы собою, сумей мы войти правильно в центр жизни «*материального*» атома в нас, самое ложное представление о холодной и солнца мрачащей космической пыли конкретно переродится в представление о новых, подлинных и негасимых очагах *тепла* и *света*, ибо и космическая пыль – *тепло* и *свет*, к которым у нас пока нет ключей.

Выражение «*Царство небесное внутри вас*» есть столько же «*мистическое представление*», сколько и подлинно материалистическое, постоянно в нас затемняемое «*лунами*» quasi-материалистических представлений, не желающих понять, что ныне самая химия есть *наука о Богоявлении*.

Я, будучи «*мистиком*», может быть, еще более в свете антропософии «*атомист*», ибо я поклоняюсь *теплу и свету* атомному с такой интенсивной конкретностью, которой** , конечно, нет у наших «*материалистов*».

---

* *В автографе*: рисуется
** *В автографе*: которых

Дорогой Разумник Васильевич, помните: накануне Вашего отъезда я говорил Вам о том, что для меня 2-ое Пришествие есть нечто, имманентное моему существу; по-разному выявляется мне эта имманентность; и между прочим: выявляется в том, что – вот откуда идет навстречу моему абстрактному, экстраатомному бытию Христос: он идет из меня самого: из проницания меня самого во мне самом разрешающимися от скованности силами внутриатомной моей инфра-матерьяльной *теплоты* и Солнечности: Христос, пребывающий в центре земли моей, выходит из земли ко мне, пребывающему еще «*на земле*», чтобы ввести меня внутрь «*дома моего*»: «*Царствие Божие внутри есть*».

Там, внутри существа существ моих жизней, внутри тайны *атома* я буду введен в «*дом*», о котором сказано в Апокалипсисе, как о городе: «*Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель – храм его*»[36]. «*Вседержитель*» – Отец, данный мне в образе тепловой сферы (первовселенной ли; первоатома ли). И – «*Город не имеет нужды... в солнце...; ибо слава Божия осветила его, и Светильник его – Агнец*»[37]. Агнец – солнечный *центр внутриатомного храма*, куда я призываюсь; и куда иду: ***к себе иду***!

Этого-то, «*к себе иду*», не терпят «*материалисты*», вернее, так себя именующие; из сферы материальности, сферы атома, в целом – не материальной (материя в этой сфере есть ничтожный *вкрап* электронных пылинок, «*лун*», или – «*мертвых солнц*»), материалисты в своем «*предоставим небо воробьям и пребудем на земле*»[38] сосредоточивают внимание именно на «*лунах*», заслоняющих солнечный смысл материи; на «*лунах*» и на «*солнечных пятнах*». Электроны суть – «*луны*», т.е. планеты, взятые не в их солнечной центральности, зависимой от *центрового солнца*, соединяющего их всех в «*гроздья*» («*Я есмь виноградная лоза*»)[39], а в их скорлупе, в каркасе их «*твердой мертвости*»; до *электрона*, т.е. до ничтожной части атомной сферы, сузилась недавняя материальная компактная сплóшность атома; сам же атом – невероятно расширился до сферы уж, конечно, нематериальной вселенной; от вчерашнего атома осталась *аура*, ширящаяся от открывшегося в его центре, от сошедшего в его центр *солнца* – невероятно; в этом-то факте и выявился результат начала воскресения тел в Дух: восстание силы света в атоме; «*гром восторга серафимов*» – тут именно: победа света уж свершена внутри самого «*материального*» центра; и «*нашим материалистам*» осталось одно: извне тенить «*лунами*» сияющий свет атома: это все оттого, по Штейнеру, что в теперешних зачинателях материализма воплощены некогда действовавшие ассиро-вавилонские и египетские посвященные; то, что в древнем Египте было тайной посвящения в материю, тайной раскрытия тогдашней материи, – ныне ссохлось в твердую сплошность мертвого *атома*, «*вчерашнего*» атома, атома-луны. Коллинз говорит: «*В... обрядах... египтян... очерчивалась мистерия и необходимость смерти... Их целью было дать... правила прохождения смерти...*»[40] И Египет довел до положения во гроб, до... сохранения механическим способом «*тела*», нужного в будущем для пользования им; в сущности же, слагая и отлагая тела, освобождались временно от тела; и жили – «*вне тела*»; внутри тела же, в месте сердца, в груди, – лежала *мумийка*; не было знания тайны органичности, растительности внутри телесной; и после смерти оставались – вне тела; далее, – культура выталкивалась в экстра-атомность и экстра-планетность; жили в темнотах космического пространства, в астрологических представлениях так же, как жили в обложении «*герметическими*» представлениями при взгляде на «*микрокосм*»: «*Все, что вверху, то и внизу*»; но «*низ*» в истории позднейшего времени все более и более герметически закупоривался внутри твердеющего *орешка*, ставшего уже в Греции «*атомом*»; и эта эволюция герметизма в атомизм вполне соответствовала перерождению астрологии в астрономию. Астрономия выявила пустые космические пространства и этим приплюснула человека к земле, а химия выявила холодную сплошность земли атома, выкинув из земли человека; так человеку с четвертого периода[41] из всего космоса была предоставлена тончайшая пленочка жизни *над* землей и *под* небом; *вне* того и другого; человек стал существом «*экстра*»-небесным и «*экстра*»-земным: случилось ужасное «*ни здесь, ни там*»; человек стал *тенью* земли, как земля стала тенью мира.

Египетский подземный, еще «*инфра*»-телесный мир, освещаемый царством Озириса, стал во всех смыслах «*Эребом*»[42]; греческий «*Эреб*» есть в сущности не только представление о «*загробном мире*», но и о «*догробном*»; жизнь грека в обстании

Эринний и Мойры и здесь, и там – «*загробна всегда*»; тайна знания египетского схожденья внутрь гроба, как внутрь дома, утратилась уже внутри Египта; «*Эреб*» – уже носит печать египетского декаданса мистерий. Грецию предварявшая третья культура с какого-то момента затосковала о природе материи, ей утраченной, – как Руссо[43]; но из искусственной природы всегда вылезет опрощенец; а из него – дикарь; внук всех Руссо – дикарь, а сам Руссо – декадент, в котором конец культуры опрокидывается в варварство.

Эреб, стенение тайны смерти, как тайны внутри-материальной, есть образ «*дикарства*», выветвленный из утраченной монументальной культуры.

Что внутренне происходило в культурах? В это время Стержень Солнечной Жизни, сдвинувшись с древнего макрокосмического Солнца, сгущенного зодиакальной периферией, проколов это солнце, сосредоточил лучи на атоме-семени, на «*микро*»; и уже началась фаза схождения Солнца внутрь Земли; но египетские и даже до-египетские посвященные, некогда пришедшие к открытию мира «*микро*» (в нем и будущего атома), из «*микро*» продолжали сигнализировать силам «*макро*»: силам за-солнечным, крестом, пересекавшим сферу солнца; уже в точке пересечения, в Солнце, не было Ахуро-Маздао[44], и уже в фигурах двенадцати Зодиаках* не виделись мощные образы *Херуби*[45]; а все к этим *Херуби* возносились моления; и все к материи относились, как к гробу: просмотрели начало наполнения светом «*гроба*»; тут – начало декаданса древних мистерий космических («*макро*» и «*микро*»), уже бросавших тень свою в варварский мир «*Эребом*» (позднее в Греции искали нового Божества, Грядущего с неба на землю: и то – криптограмма есть «*Аполлон*»)[46]. Моисей это понял о культуре Египта; оттого и «*вывел*»; и повел чрез «*пустыни*»; пустыни – *затир* Моисеевой традицией всех древнесемитических, явно-астрологических (в нашем смысле и «*стерео-химических*») представлений о Космосе, как «*Духо-Теле*».

По Штейнеру, откровение внутри Горящей Купины Моисею: «*Я есмь Я*» («Ich bin der Ich bin»); путь «*от Моисея к Христу*» – увод от духо-телесного космоса, становящегося все более «*материальным*» к недру «*Земли*», нашей, сковывающей сквозь все пророческие школы *sui generis* еврейский эзотеризм, который Штейнер называет «*геологией*» в отличие от «*астрологии*»; от «*астрологии*» сквозь «*геологию*» пустынь вел Моисей к учению о просиянии самого центра земного – в то время как Небесно-Духовное Солнце сходило в Землю. Этого знания о необходимой реформе космических представлений («*макро*» и «*микро*») не было у египетских посвященных. Этим объяснима война, объявленная позднейшими библейскими наслоениями «*науке о звездах*»: жрецы думали, что вместо звезды в месте звезды – *Херуби*; Моисей уже как бы знал: в месте *звезды* будущее откроет – физико-химическое скопленье бездушной материи; он уже видел «*небесную механику*», и только, в некогда живой «*астрологии*»; и вел – прочь от нее: сквозь антропоцентризм греков к атомо-центризму нашего представления о космосе; такова диалектика путей, бывших путями «*посвящения*».

Чего же был обречен не узнать в будущих реминисценциях о прошлом бывший египетско-халдейский посвященный, видевший тайну материи по прошлому трафарету (а «*трафарет*» ссыхался)? Он не видел тайны сошествия Логоса в смерть, не видел, что самая материя уже «*прокроплена*» Светом; трафарет материи ссохся до материи в том смысле, в каком донесли ее отставшие посвященные до XVIII-XIX-XX столетий; и эта «*материя*» – оказалась лишь тем, что до сих дней *затмило* солнечно-атомный центр самой основы материализма.

Вот в свете антропософии объяснение эпизода с «*материализмом*».

Прибавлю к сему в дух<е> Штейнера: с момента, когда тайно движущий культуру *Христов Импульс* стал доступен самосознающему «*Я*» (в центре культуры самосознания), конечно, этот открывшийся Импульс стал выявляться снятием темных печатей со всех регионов; снялся и с химии, открытием очага *света и тепла* в центре доселе холодного и твердого атома, к ужасу ассиро-вавилонских жрецов, бродящих среди нас и стремящихся это солнце, как всякое, покрыть «*солнечными пятнами*». Идеология современного «*материалиста*», не желающего вскрыть сознанием «*материальный*» центр, есть борьба отставшего «*ассировавилонянина*», живущего среди нас, прошлыми реминисценциями о уже не существующих вселенных; эти вселенные

* *Так в автографе.*

существуют лишь в «*царстве Аримана*»; но «*царство Аримана*» – обступившая нас, в себе не существующая, коперниканская вселенная, т.е. «*макро*» без «*микро*»; жизнь же всех вселенных вошла вовнутрь *атома*; и она – «*внутри нас*», а не вне, так что мы силой нашей сознательности отныне помогаем *светом* самому солнцу, чтобы оно – правильно светилось; и эта зависимость солнца и нас, *солнца от нас*, конечно, в генетическом принципе «*причинности*» ощупывается в обратном порядке как «*наша зависимость*» от солнца. Недавно, в одном ученом обществе, некий инженер развивал теорию 11-летней периодичности в жизни солнца (вероятно, 11 с хвостиком, около 12<-ти>, по числу Зодиаков, – это уже мое «*a priori*»); раз в 11 лет развиваются условия, в которых разводятся бактерии; в этот период в разных странах земли, по инженеру, происходит разнос болезней; например: негр центральной Африки съедает больше себе подобных, а Форд выпускает больше автомобилей; отсюда связь солнечной деятельности с «*войнами*» и т.д. Все эти проблемы обсуждались подробно в упомянутом формирующемся под покровительством «*Главнауки*» московском «*Обществе психических исследователей*» (так точно!?!).

Недавно К.Н. прочла заглавие и тезисы одной лекции, которую кто-то собирался прочесть в Москве; последние тезисы ее: призыв к войне, объявляемой Солнцу: мы де должны поработить Солнце. Я подумал: «Жив, жив курилка, древнеегипетский жрец: жрец культа "*Мицраим*" ("*Трепещут боги Мицраима...*")»[47].

Я понял, что – «старый бой разгорается вновь». Но –

Солнце, Солнце опять победило!

Итак, – долой «солнечное пятно»!

Заметьте: истекший 26<-ой> год стоял под знаком деятельности солнечных пятен; и отсюда: 1) волна эпидемии «*гриппа*», собирающейся обойти земной шар, 2) деятельность метеорологическая, 3) деятельность сейсмическая.

Вот Вам реестр первой (за 4 1/2 месяца лишь)[48]:

А) *Ураганы и бури*

1) Смерч в Ленинграде (конец августа). 2) Ураган во Флориде (21 сент<ября>). 3) Снежные заносы, бураны в России (от 3 окт<ября>). 4) Магнитная буря (15 сент<ября>). 5) Небывалой силы магнитные бури по всей земле (15 окт<ября>). 5)* Заносы и бураны в России (3 ноября). 6) Небывалый ураган в Англии (15 ноября). 7) Страшный смерч около Кубы (11 ноября). 8) Ураган над Лондоном (20-21 ноября). 9) Тайфун на Филиппинах (26 ноября). 10) Сильный ураган в Николаевске на Амуре (24 декабря). 11) Шторм в Ленинграде (26 декабря). 12) Снежные бури в С<оединенных> Штатах (28 дек<абря>). 13) Снежный буран в Нью-Иорке и ураганы в России (3 янв<аря>). 14) Бураны по всей России (11-12 января). 15) Небывалый трехнедельный шторм на Черном море (от 14-го января до 4-го февраля). 16) Сильный шторм в районе Трапезунда (18 февраля).

В) *Туманы*

1) Небывалый туман над Парижем (2 дек<абря>). 2) Небывалый туман над Берлином (15 февр<аля>). 3) Небывалый туман над Ла-Маншем (18 февр<аля>).

С) *Явления геологические*

1) Землетрясение в Ленинакане (3 недели: от 22 окт<ября> до 17 ноября). 2) Землетрясение в Чжаланьтуне (27 окт<ября>). 3) Сильное извержение Везувия (28 ноября). 4) Землетрясение в Петропавловске и вулканический пепел (17-18 дек<абря>). 5) Подземные толчки в районе Тифлиса (24 дек<абря>). 6) Образование нового вулкана в Албании; и – землетрясение (4-го янв<аря>). 7) Землетрясение в Железноводске (24 янв<аря>). 8) Колебание почвы в Норвегии и Шотландии (2-го фев<раля>). 9) Землетрясение в районе всей Юго-Славии и Сев<ерной> Италии (14-16 фев<раля>). 10) Сильное землетр<ясение> в районе Камчатки (14 февр<аля>). 11) Извержение считавшегося потухшим вулкана Созине на берегу Черного моря (сведения от 19 февр<аля>).

А ряд колебаний от небывалых морозов до небывалых потеплений? А рубрика наводнений? И т.д. Все это – от солнечного «*пятна*», а пятно – от «*пятна*», которым бродящий средь нас ассировавилонянин, некогда посвященный, старается скрыть солнце. Да, да, – «*старый бой разгорается вновь*»[49]. И недаром 27-го июня будет

* *Ошибка Белого в нумерации.*

солнечное затмение. Но что всего характернее: к этому времени на небе будет сиять *комета*, которая станет видимой в созвездии Дракона (октябрьском) и угаснет в созвездии Водолея (январьском); это значит в пересказе образов небесного свода: Дракон пустит стрелу кометы в Водяного Человека, в крещенского, т.е. в Человека, прокропленного *живою водою* Крестителя, над которым сошел свет Духовного Солнца. В Небесный Образ этого Человека в нас Дракон пускает комету; и тогда, в эти же дни ассиро-вавилонская Луна закроет нам Солнце; к лету, видите ли, собираются уплотнить «*солнечные пятна*» в которые играют псевдо-материалисты... во главе с лектором, зовущим нас на «*борьбу с солнцем*».

Верьте мне, – все эти космические явления «*не без нас с вами*»... Это мне ясно. Вот отчего борьба за солнце должна вестись *в корне*: в *химии*, начиная с упорядочения и с организации наших подлинных представлений: ведь *атом* химический в разрезе науки есть наши новые «*ясли*»: и в них положен – младенец-свет: «*И свет во тьме светит: и тьма не объяла его*».

Вы понимаете, что только в этих неделях мне стало ясно, до чего фронт нашей борьбы за свет проходит сквозь химию, как науку о веществе. В двенадцатиякой возможности платформировать антропософию есть возможность (1/12-ая) выпечатать мировоззрение: «*Антропософия, как материализм*». До сей поры меня более занимала «*Антропософия, как философия культуры*» в аспекте мировоззрительного динамизма (в *Скорпионе*: ведь я родился в Скорпионе)[50]; теперь открылось ясно, как возможно «*материалистическое*» раскрытие антропософии, т.е. раскрытие ее в июньском *Раке*, т.е. в месяце, в котором в этом году потухнет Солнце и в котором, как бы в моменте этого помрачения, будет пущена из Дракона кометная стрела в *Чело Века*. Ведь по моим глухим прогнозам 27<-ой> год – год, в котором принимаются в нас какие-то смутные еще нам самим неясные инициативы, от которых будет зависеть «*духовное будущее*», т.е. вопрос об исшествии Солнца из земли навстречу к нам в эф<ирный> план (начало 2<-го> Приш<ествия>); по знакам *неба*, – июнь будет месяцем созревания решений о «*свете*» («*за*», или – «*против*»).

Все одно к одному!

Дорогой друг, – не смейтесь: жалкие и полусмешные сигналы *до-мыслием* моих домыслов – еще не *мысль*; а и самая *мысль*, которая сложилась бы в итоге многолетних усилий, – бледный «*водяной знак*» Огненного Небесного Знака, с которым Человек Манаса (Водолей), или «*запечатленный*», вступит на путь солнца. Все, что я Вам пишу, – косноязычие, косноязычие: к смутным вспыхам молний и к пред-шуму громов: *громов* в Кучине; и – «*молний*» в Кучине, в которых сотрясаюсь и о которых плету такие жалкие речи.

Странно: после дней, когда сразу, во «*мгновение ока*» стало ясно и то, о чем заикаюсь, и то, о чем даже не могу заикнуться, я обалдел: мы гуляли в снеге с К.Н.; я схватил ее за руку и начал что-то кричать ей: «За что вы на меня обрушились!» – улыбнулась мне К.Н. Оказывается, я обрушился на «*ассирийца-материалиста*», блудящего с понятием «*материя*»; прибежал домой, возлег на постель; и тут – встало: «Надо бы тебе пересмотреть историю *атомизма*, чтобы и химия стала наукой о Христе».

А через несколько дней К.Н. привозит из Москвы «*Духовное водительство*» Штейнера, которое – годы не читал.

И там – ответ на домысл: ряд фраз о том, что возможны уже ныне химия и физика, как науки «*внутренне-христианские*»; теперь знаю, «*как возможны*»; но осуществить это «*как*» – увы, не мне, не «*нам*», нынешним антропософам; и жалко: и рука трясется от жадности над «*учебником химии*».

Поздно!

А если бы 15 лет назад *реально* вычитал то, о чем говорит Штейнер, – было бы не поздно; но судьба всех нас, «*учеников*» доктора (даже «*учеников*», не говоря уже о «*внешних*» делу его): читая – прочитывать мимо.

И в этом же «*водительстве*» раскрылась конкретно деятельность «*ассирийца*» среди нас; и когда-то вяло читавшееся заговорило со мной полнозвучно. Открылся смысл фразы: «*Джордано Бруно провозгласил... сильно: когда человек вступает чрез рождение в жизнь, это есть нечто макрокосмическое, которое концентрируется в одну монаду; когда же человек проходит через смерть, – тогда монада сно-*

ва распространяется... Говорили... из Дж.Бруно... понятия, ... согласные с духом новой эзотерики, хотя и похожие на лепет». Или: «*Кто знает... физику, тот знает... что она была бы невозможна без принципов Галилея. Так действовало тогда то, что теперь выступает в духовном знании; оно поставило Галилея в Пизанский собор перед качающейся лампадой, и... физика получила свои принципы. Так... действуют... ведущие силы*»[51]. Т.е.: ведущая сила вела от *лампады* и *собора* к маятнику внутри купола вселенной; *лампада* в Галилее становится маятником; а «*пульс*»-измеритель становится метрономом[52]. Теперь обратно: метроном должен быть приведен к пульсу солнечного Импульса внутри нас, дабы гиря маятника, атомный ком, вспыхнул бы духовно-научной лампадою.

Соединение противоположностей, маятника и лампады, *купола* храма и глобуса вселенной, мне видится всюду.

И становится вполне понятным, вполне реальным лозунг «*Свет Истины*»; реализуется он ныне вплоть до материи, где он – «*Истина Света*»: это есть истина подлинного местонахождения «*света светов*», как атомного светового центра: «*внутри нас есть*»; и вместе с тем открывается, что эта «*истина*» о свете не иначе выявляет *свет света*, как лишь в имагинации нашего сознания об *атоме*; свет атома – не материальный, а «*умный свет*».

Эту истину об «*умном свете*» знали умные люди «*от лампады*» искони, начиная с «*Пастыря народов*» и «*Евангелия от Иоанна*»; восточные отцы, ряд отцов, внятнейше говорят об «*умном свете*», выявляемом и телесно в свете «*фаворском*» теми, кто внутренней работой начинает овладевать междуатомной, в нас скрытой теплотою света; этот свет – одновременно свет духовный и свет телесный; в дизъекции он становится: 1) отвлеченной истиной, 2) отвлеченным представлением «*поверхности свечения*». Гёте последний пытался заговорить о нем «*по-Новому*»[53]; но от недоосознания «*Новое*» свернулся назад; и поскользнулся на «*спинозизме*».

Со времени Гёте – какой сдвиг: сдвинулась в свет и светом вспыхнула химия; самые люди от маятника проговорили научно о том, что «*материя*» – насквозь свет.

И маятник стал: лампадой!

Вот куда завели меня досужие мысли в разговоре с Вами; от кропания материала для «*Москвы*» к... к... заиканию на одну из «*кучинских*» тем; если бы К.Н. была со мной, она, смеясь, мне сказала бы: «Опять трясутся руки от жадности к... *крючничеству*».

Да, в сущности, я не художник, а «*крючник*», обхаживающий задние дворы.

С этим – «*увы*» – и заканчиваю сегодняшнюю беседу с Вами.

Кучино. 21 февраля 27 года.

Дорогой Разумник Васильевич, –

– вот опять присаживаюсь к письму; и опять – с тем, чем живу; мои умственные темы – жизнь моя; вне «*умственности*» нет жизни; не знаю – хорошо это или дурно; но в годах замечаю разительное перемещение «*животрепетности*», без которой жизнь – не жизнь; сферы «*живого трепета*» перемещаются; что прежде трепетало и порхало вокруг, стало бестрепетно лежать, остывая в неодушевленную твердость; что было абстрактно, не наполнено трепетаньем, что изживало себя в прямых, сказал бы я, геометрических, кристаллических формах, покрылось мне волнообразною рябью, заплавилось, заиспарялось облаками многоцветного мифа; такой стала мысль; и остывающим, неодушевленным «*комом*» стала былая, такая трепетная жизнь непосредственных восприятий; в последней все более обнаружался чувственный корень; а с этим обнаружением предметы животрепещущей непосредственности стали покрываться все более и более черствеющей коркой, стягивающейся как бы в складки, с образованием геометрических и кристаллических граней; и вдруг я понял, что чувственное впечатление зависит от сковывающей ее *схемы мысли*.

Творчество имеет, кроме психологии, еще и физиологию свою; и вот, сказал бы я, в физиологии моей такого процесса отношения к жизни, для меня нового, был период, когда я готовил к печати «*Символизм*»[54]. И оттого-то книгу свою «*Символизм*», в этом разрезе, я не люблю; она есть выявление «*смарщиванья*» предметов былой

непосредственности от врастания в них *схем мысли*; «*Эмблематика Смысла*» – лишь каталог тем будущего кирпича настоящей «*системы*»[55]: «*символический манифест*» к ненаписаному «*Капиталу*» от символизма. Одно время я жалел, что «*Капитал*» мой не написан; может быть, это и жалко: действительно – конструкция «*Системы символизма*» уже стояла; не оказалось свободного годика присесть к письменному столу, обложиться книгами; и «*академически*» заработать; какой там, – жизнь не позволила: Минцлова[56], сближение с Асей, Африка[57] и т.д. – до встречи с доктором; водоворот пронес мимо книги «*капитальной фундаментальности*»; я люблю «*Эмблематику Смысла*» не за нее самое, а за то, что в ней – хоть и летучий, но все же след системы, которая стояла передо мной кристаллическим гранником с «*былым*» трепетом жизни, со всех сторон окованным схемами; в точке пересечения линий, от периферии к центру, этой гранной фигуры стояло слово «*быт*»; если бы Вы открыли «*Символизм*» и увидели бы схему пирамиды, состоящей из треугольников, то посередине ее, в точке пересечений трех линий, разрезающих три угла фигуры, Вы встретили бы слово «*быт*»[58]; оно в ту пору для меня было магическим словом; здесь, в центре фигуры, в слове «*быт*» ствердилось все то, что некогда было «*трепетом жизни*» мне. Как «*Эмблематика Смысла*» – схематическая фигура пирамидного разреза («*Треугольник, сложенный из треугольников*»), так ненаписанная «*Система символизма*» должна была бы выявить трехмерную кристаллическую фигуру, четырехгранник, составленный из треугольников сперва и потом разграненный в многогранник делением 4-х треугольников на «*3*», т.е. 4 × 3 = 12.

«*Система*» была двенадцатигранником; ее я не написал, она – «*стояла*» во всех смыслах передо мной: в хорошем, – ибо я видел все методические особенности выявления фигуры системы; в дурном: она – «*стояла*»: она – не двигалась, потому что в центре фигуры лежала инертная масса, «*быт*», которую я ненавидел, которую оковал со всех сторон гранями «*мировоззрений*»; она «*стояла*» именно потому, что ее оковала «*стоячая*» мысль; ее обстали методические разрезы, грани; не случайно, что я план будущей системы назвал «*эмблематикой*», а не «*символикой*» смысла. Я искал «*ритмической жестикуляционности*», а не владел «*ритмикой жестикуляции*» мысли; и потому-то, напиши я систему, она оказалась бы «*статуйно*»-стационарно выражающей жизнь «*символизма*»; система была бы лишь «*эмблемой*» к системе следующей; я оказался бы лишь каким-нибудь Фихте, иль Шеллингом от «*философии символизма*», за которыми с мгновенной неизбежностью выскочил бы и Гегель от «*философии символизма*» с неизбежным заданием диалектически завращать мой «*двенадцатигранник*»; и случилось бы неизбежное: грани завращались бы лишь в рассудке; «*двенадцатигранник*» вертелся бы на месте, вокруг неподвижного центра с магическим словом «*быт*»; и – представьте: этот, за мной следующий «*Гегель*» оказался бы... Гегелем, уже раз бывшим; и вся культура мысли от Гегеля к символизму оказалась бы с момента задания «*философии*» символизма, как системы, обратным, стремительным бегством всех тенденций культуры из 20-го века, сквозь 19-ый, – в 18<-ый> век: к «*папа*» Гегелю. И, так сказать, «*Гегель от символизма*» стал бы Гегелем вообще. И об этом Гегеле-вообще, грустно сказать, мечтал Малларме, отец символистов, уже имевший «*систему*» в голове и так же, как я, ее не написавший[59]; тут – «*нечто симптоматичное*». И это оттого, что и Малларме, и я, – мы мечтали о «*системе символизма*»; и эта система у нас, верю, имелась в голове; мой «*двенадцатигранник*» был моей головой; оттого-то, завращайся он диалектически в за мной следующим «*Гегелем от символизма*»*, он вращался б вокруг того же неподвижного центра без возможности *покатиться вперед*; оно и понятно: голова не может бежать; у нее общие ноги с туловищем; должен быть отдан приказ одной из двенадцати пар нервов, чтобы ноги общего туловища (головы, сердца, легких) – тронулись; и вот опять наткновение: «*проклятое туловище*»; оно и вписалось в центр моей схемы магическим треугольником со словом «*быт*», т.е. «*остановившейся бытийственностью*», бывшей «*трепетом жизни*», потом ставшей чувственностью, двенадцатияко окованной, окованной *систематически* гранями методов; оттого-то и «*эмблематика*», т.е. методика, статика (а не ритмика, динамика) смысла; с неизбежностью диалектически вытекавший вопрос о «*диалектике*» вращения был бы вопросом *рассудка*

* *Так в автографе.*

и только рассудка в этой «*системе будущего*»; и оттого-то в ней должен был бы с железной необходимостью вынырнуть не «*так сказать*» Гегель, а – только «*Гегель*», старый «*папа*», охотно принимающий в свое многогранное лоно и «*вперед*», и «*назад*», «*Шеллинга*» и «*Фейербаха*», «*марксистов*» и «*символистов*», «*антропософов*» и «*материалистов*», взыскующий о всеобщности и в диалектике идеи развития нарисовавший вечный круг, вечное возвращение всех движений к тому же пункту, движений вокруг того же ужасного слова «*быт*».

И это оттого, что «*папа*» Гегель, вращаясь в вечном круге головы и всасывая в этот круг все, что было, что есть и что будет, сам вращается внутри «*гросфатера*»[60], Канта; прикинув все это, мне остается лишь благодарить судьбу, что я не написал в свое время «*Системы символизма*», долженствующей быть динамической ферматой некоего молниеносного зигзага, прыжка вперед в танце новом, затеянном Заратустрою, плясуном легконогим[61]; «*долженствования*» такого не могло случиться, потому что «*система*» танца будущего, о которой я мечтал, была всем известным танцем 18-го столетия, «*гросфатером*», который, помните, великолепно описан в «*Войне и Мире*» Толстого; старичок, граф Ростов, танцует его с «*графинюшкой*»[62].

Да, – в XX столетии мечты о «*системе символизма*» для символиста есть «*ростовщина*», пахнущая английским клубом и ведущая лишь к «*продаже имения*»[63]; «*быт*» головы и только головы, как и «*быт*» безголовый, – разрушены.

«Фатер» Гегель устроил свой диалектический танец в «*гросфатере*», Канте, внутри круга головы, окованного черепными костями; оттого-то всякое диалектическое развитие, хотя бы двенадцатиякая «*эмблематика смысла*», есть инерция «*кругового*» движения внутри инерции покоя, статики; и эта статика – вечный «*быт*»: «*быт*» мысли эпохи души рассуждающей, рассуждающего сознания, с внутри вписанным в нем «*бытом*» вообще; «*быт*» – Китай; и под ним, еще глубже – древняя Атлантида; оттого и статическая «*всеобщность*» Канта; и «*диалектическая*» всеобщность внутри Канта скачущего, как белка в колесе, Гегеля; а уже внутри Гегеля – «*колеса в колесах*»; тут тебе и марксизм, и идеализм, и символизм, и антропософия с их потугами на «*всеобщность*».

Люблю «*Эмблематику Смысла*» как след некоего романтического эпизода моего со «*всеобщностью*»; но – слава те Господи, что мимолетная авантюра не *систематизировалась* в «*законный брак*»; а то я, уже теперь, ставши старичком Ростовым, над катастрофическим бытом закладывая «*последнее имение*», танцевал бы с «*графинюшкою*» свой гегельянский «*гросфатер*» в согласии с Борисом Николаевичем Чичериным и с его родственником, наркоминделом, марксистом Чичериным[64], объединяясь в либерал-коммунистической «*всеобщности*» нас в себя вписавшего, нас пожравшего Гегеля.

Дорогой Разумник Васильевич, – все, что я писал, есть сигнализация на тему: «*физиология*» мысли, внутри которой движется и *логика*, и *психология* мысли в их антиномичности. Под «*физиологией*», разумеется, не разумею я «*биологии*»: *органологию*.

И вот, в *органологии* этой, мне ясно, что 12 пар нервов, 12 категорий Канта, 12 этапов, легко вытекаемых из «*3*» Гегеля[65] («3» в «*3 x 3*» в суммарности: 3 + 3 x 3 = 12), мой 12-гранник ненаписанной «*системы*», разрез которой я дал в треугольнике треугольников «*Эмблематики Смысла*» – одно; и «*одно*» оно в проблеме 12-ти мировоззрений Штейнера, усложняющего конструкцию умножением, с одной стороны, «12» на «3» (в трех тонусах – теизм, интуитивизм, натурализм) и редукцией «*3 x 3*» (девятки) в «*7*» (культуры) чрез преломление «*3*» в проблеме пифагорейской четверки («*культура собственно*»), чтобы «*12 x 3*» еще умножить на «*7*»: 12 x 3 x 7 = 132[66]; получается уже диалектика «132»-гранной системы; и главное, отсюда уже рост бесконечного ряда чисел, каких угодно, т.е. превышающая <?>* все перманентная модификация форм: конкретизация *теории чисел*.

Впоследствии, когда внутри антропософии мне открылось, что моя «*система*» философии была бы волей судьбы «*единицей*», деленной на «*бесконечность*» тут возможных систем, меня прошибло сперва; и потом – бросило в радость, что я вовремя удержался и не пустился в «*гросфатер*», куда меня влекли, признаюсь, не

* *В автографе*: превывающая

только одни идеологические соображения, но и *академические*: удостоиться звания «*философа*» со стороны Фохта[67], Шпетта «*et tutti quanti*»*: «*Благодарю, не ожидал!*» – как-то воскликнулось радостно; открылась причина стояния в центре схемы моей магического слова «*быт*».

В «*биологическом*» оформлении этот «*быт*» – мозжечок и нервное вещество позвоночника, связывающий с «*туловищем*» голову, вынужденную вращаться на шее и не бежать вперед; в исторически-гносеологическом оформлении это – Кант с его проблемой «*трансцендентальной логики*».

Проблема, как же расплавить «*быт*», как связать голову с руками и с ногами, стала мне... в другом разрезе проблемой, как сделать, чтобы руки и ноги, тронувшись с места, понесли голову; и это – проблема «*эвритмии*»; в разрезе мысли она стала проблемою промысла: промышления всего существа человека.

Напомню: некогда «*жизненно трепетавшее*», как «*Золото в лазури*» и как «*Симфония*»[68], от каких-то неверных поступей (дефект ритма) в один прекрасный день стало мне «*Пеплом*», «*логикой Канта*» и ужасными бытовыми «*недрами*» (тема «*Серебряный Голубь*»); «*животрепетность*» ссохлась в «*черствость*» кантианизирующего сознания и в «*чувственность*» жизненного восприятия; эту «*черствость*» и ту «*чувственность*» великие мыслители и творцы жизни в наши дни усердно и заливали, и заливают «*Spiritus'ом*»[69]; как заливают вином творцы жизни, мы видим (начиная с действительно «*большого*» Блока и кончая действительными, но «*небольшими*» современными пролетарскими поэтами); так же предлагал мне заливать «*черствость*» вином некогда московский «*папá*» неокантианцев, Б.А.Фохт, воскликнув однажды: «*Мы днем бываем кантианцы, а ночью – дионисианцы*». На эту платформу приглашал он некогда встать ненавидимого им «*символиста*», меня, обещая за «*дионисизм*» свою дружбу и намекая, что на этом пути я обрету Канта; и позднее, моя дружба со Шпеттом прервалась на почве Диониса; видя, что я отказываюсь справлять с ним «*дионисии*», он усиленно задружил на почве коньяка с «*черствым чувственником*» Кожебаткиным[70]; а нас, мусагетцев, всячески начал избегать.

Так в «*Spiritus'*<*е*>» жизненно разрешает и разрешала себя проблема: как сдвинуть с места посреди методологического мозга стоящее *ствердение*: мое магическое слово «*быт*».

Но это путь – не должного «*размягчения мозга*»; не так надо размягчать мозг, хотя слово *Spiritus* – верно; увы, – слово осталось, а смысл переменился; эта ужасная игра слов «*дух*» и «*дух винный*» в проблеме абстрактной всеобщности обоих, как «*спиритусов*», ужасно кончается для «*жрецов*» духа и «*жрецов*» спирта; некогда совершавший возлияния «*жрец*» стал в истории «*жрецом*» в другом смысле (от глагола «*жрать*»); и «*жертва*» стала «*жратвой*».

Тот факт, что я не написал в свое время «*Системы символизма*», вероятно, предохранил меня от судьбы Блока и Есенина; и вероятно, оттого я не стал «*жрец науки*» или «*жрец философии*»; вообще у меня нет ассировавилонских замашек. Антропософия открыла мне по-новому смысл слова «*Spiritus*»; Бог, Дух, – не идоложертвенное мясо, которое искони жрецы (все жрецы, но по-разному) хотят «*жрать*», так охотно в истории *ствержая* все духовные материи в *быт* и хватаясь за *материю* быта; и Бог, Дух, – не винный спирт, которым старается оживить свои мозги не один философ, чтобы перейти от «*статики*» своего стояния на земле к убеганию земли изпод ног, о чем есть песенка, почему де Коперник не напился[71], – т.е. к диалектике Гегеля. Диалектика Гегеля – вот физиологическая тайна ее – или фикция бега внутри неподвижного круга 12<-ти> кантовых категорий, есть если не следствие «*спиртуозного*» опьянения, то – следствие опьянения другого рода, подобного радению хлыстов, подобного пляскам древнего каннибализма, – опьянение от вида вивисекционно растерзанных, механически растерзанных твердостей бытия с пролитием крови; это – атавизм еще более ранних мистерий, перерожденных в «*кровяное действо*»; увы, копающийся в «*варварском*» Дионисе Вячеслав[72] – исторически прав; потом уже культ «*Двойного Топора*» и кровавых человеческих жертвоприношений становится копанием жреца над растерзанными внутренностями, возложенными на алтарь; а ныне «*жрец науки*», подобно Воронову, опускает свои кровавые руки в разъятые органы

* *и им подобных (ит.)*

животного для перенесения их – в мозг человека; и тут – магическое слово «*быт*». Я не хочу сказать, что умственный «*быт*» инерции *движений* мысли у Гегеля и инерции *стояния* их у Канта имеет прямую связь с кровавым делом Вороновых; но – в некоем разрезе это так; именно: твердый быт посередине мозга, гранимый методическими плоскостями коркового вещества мозга, в сущности разрезаем ими; эти методические плоскости суть «*ножи*» мысли; и только «*ножи*»; а диалектика «*ножей*» Гегеля – если бы мы выявили древний коррелат этой пляски, стала бы хлыстовским радением, ибо хлысты в радении пляшут для отрыва мыслей от их пересекающего мозгового центра, связанного со словом «*быт*», «*плотный быт*»; нечто, подстилающее такое радение, – пляска средь во все стороны подкидываемых ножей, практикуемая дикарями; и тут-то выныривает древний Дионис.

Если «*пляски*» нет, она – по-иному нудится; и «*кантианец*», или гегелианец, становится ночью «*дионисианцем*»; это значит: мысль ему надо оторвать от какой-то посередине ее стоящей твердости, прямо связанной с твердостью обставшей жизни, ставшей «*бытом*»; оторвать, чтобы, подкинув, обратно всадить и разрезать твердость; так поступает кантианец в мысли; и вивисектор – в науке. Гегелианское же вращение свободно летающих ножей, диалектика, есть всегда обряд, предваряющий всажение ножа в жертву; диалектика обусловлена аналитикой: Гегель – Кантом. Период, когда я хотел написать «*Систему*», был периодом *стверження* моей ощущающей души в *быт*; я хотел оковать этот быт *рассудком*; но встала «*Эмблематика*», или 12 ножей, подкинутых над головою, с фатумом упасть обратно на голову и разрезать ее на двенадцать частей; и ощущение предстоящего разреза – осознание зависимости восприятия от *схем мысли*; осознание было правильно, как переход к жизненной проблеме: как промышлением туловища, *вдох*-новением мысли в быт туловища (мозжечок, сердце, гортань, руки, ноги) ощутить туловище жизни в животрепетном оживлении мысли не на счет сердца, легких, гортани, а именно отдачей мысли глазам, уху, гортани, сердцу; и чрез эту отдачу видоизмененными *глазами* и *ухом* извлечь живой трепет из мертвой жизни.

Проблема, конечно, мною не разрешена; и не разрешится в этом воплощении; вообще, – ряд поколений будет еще работать над тем, к чему мы все (и антропософы) лишь ищем первых шагов. Но Вы понимаете, дорогой друг, что только ценой ухода навсегда от мыслей о «*системе*» мысли мысль впервые нормально возвращается к себе. «*Философ*» уже не может быть мыслящим человеком в наши дни; «*философ*» – не мыслим; и не «*мыслящ*»; он в перманентном «*немыслии*», развивает ли он «*диалектику*» à la Гегель или аналитику à la Кант; две «*инерции*» мысли – не мысли, потому что мысль – не *инерция*; в Китае мысли – не* мысли, но – «*истуканы*».

Теперь лишь я понял, что счастливая звезда увела меня от счастья быть «*китайцем*», т.е. философом, как и увела еще ранее от счастья быть «*жрецом*» науки; «*сии счастья*» к великому бы несчастью меня привели.

И вот возвращаюсь к тому, с чего начал: к теме об умственности. Не кажется ли Вам парадоксом начальные фразы моей сегодняшней беседы с Вами: «*Мои умственные темы – жизнь моя*; *вне "****умственности****" нет жизни*». Но я утверждаю: да, так; но под «*умственностью*» разумею я мои взывания к «*интеллекту*», к «*умному свету*», который есть «*свет истины*», одновременно «*свет жизни*» в «*свете пути*», в «*Аз есмь*». И тут уже ссылаюсь не на «*жрецов науки*», не на «*жрецов*» мяса идоложертвенного, а на всех тех, кто в праксисе пути конкретно узнали «*промысл жизни*» и поняли, что «*промысл*» жизни – одно в «*промысле*» мысли; «*свет жизни*» в них умственный оттого, что «*свет ума*» – их жизнь, а не вивисекционный опыт; она – бескорыстна; и ни на что чувственно не направлена; кантианец же, прилагающий категорию (нож) к опыту (к мясу), есть вивисектор для какого-то чувственно-корыстного дела; а диалектизирующий, т.е. подкидывающий свой нож вверх, опять-таки имеет лишь в виду бескорыстное «*для*»: оживление его мысли (временное опьянение) – для того, чтобы потом получше всадить нож в жизнь, метафизически изнасиловав ее догмою.

Бескорыстие к мысли, как таковой, к пряданию струй ее, невозможно без пресумпции, что мысль-то и есть жизнь, т.е. что жизнь – в ней: вся, насквозь; и что магиче-

* *В автографе*: нет.

ское слово «*быт*», твердой косточкой сидящее внутри, – непреодоленная «*корысть*», «*собственничество*».

Ведь моя ненаписанная система, напиши я ее, – была бы «*моей*», Андрея Белого, сиречь Бугаева, «*мещанина*» Бугаева, система; и – верьте: что-то от мещанского собственничества заставляло меня кидаться на Канта (в утонченнейшем смысле).

Теперь стараюсь жить «*умственной*» жизнью; «*системы*» у меня нет; я же «*антропософ*»; а для людей «*мира сего*» это значит: «Пользуется системой мысли Штейнера за неимением своей». На это с искренней веселостью (без оттенка сожаления) могу ответить: «Ну и прекрасно: очень рад; у меня вся радость от этого, что *нет своей системы*». Верьте, что вероятно бы согласился, будь это возможным, пустить все свои «*произведения*» безымянно, чтобы «*Москва*», «*Петербург*», «*Котик*» были произведениями неизвестного; к сожалению, это поздно; да и – тут пункт: не «*славы*», а... гонорара: мне надо жить; надо иметь деньги на жизнь; стало быть: надо получать их за «*свой*» труд. Вот, кажется, мной не преодоленный пункт «*быта*»; и Вам, и мне нужны «*деньги*» для жизни. И это – «*быт*»; а ритма жить без «*единого гроша*» в еще «грошевый» период жизни нет у нас: не научились; вероятней всего, – мы же сами виноваты в этом; тут еще нами не преодоленная инерция.

Итак, «*живу умственной жизнью*»; значит: стараюсь ей жить; а это значит: стараюсь не иметь собственных мыслей; стараюсь, чтобы ветер ходил в голове; и никогда не знаю, о чем буду мыслить через пять минут. К.Н. называет это «*чириком*» во мне; и говорит иногда: «*А вы бы спели, Борис Николаевич*», – поддразнивая и педалируя на точку «*быта*» во мне: на инстинктивный, врожденный стыд «*запеть*», проходящий сквозь всю жизнь (мне все кажется, что как только запою, все удивятся и спросят: «*Что это вы делаете горлом*». А я сгорю со стыда).

Скажу, что все чаще и чаще прибегаю к «*чирику*», к проходящему через голову «*ветру*», Бог весть откуда, не моему и в большинстве случаев пустому; но изредка, вдруг, в пустом ветряном «*верещании*» – звук Слова, далекий.

И тут уж открою Вам тайну жизни моей за ряд последних месяцев. Иногда сажусь к «*Дневнику*»: ветряно поверещать; пишу-то себе, никто не узнает, пишу кое-как, и порой такое, что потом даже стыдно себе прочесть; словом, «*чирик*» уже не *никакой*, а – каковский, таковский: т.е. удивительно «*глупый*». И эту мою *удивительную глупость*, даже *тупость*, К.Н. великолепно проницает (она видит меня насквозь); и называет ее «*Гришкой*», т.е. 13-летним, болванообразным гимназистом, у которого – оттопыренные уши, низкий лоб, грязная шея, пальцы с заусенцами (ибо – кусает ногти) и руки, схватывающиеся за ремень, ибо не знает, куда девать.

«*Борис Николаевич*» неделями составляет библиографию для нужной ему цели, а «*Гришка*», по словам К.Н., с удовольствием ждет, когда «*Борис Николаевич*» окончит работу, чтобы с гимназическим идиотизмом и «*весьма ненужно*» подписать под «*Библиография*» свое «*для личного пользования*». «*Гришка*» любит систематизировать все, что угодно, вести рубрики чего угодно и т.д. Это – говорю не я, а К.Н. Заметьте, что это ни Борис Николаевич, ни «*Котик Летаев*», – а «*Гришка*»: не ребенок, не муж, а глупый, тупой «*мальчишка*»; когда Б.Н., уже не имеющий своей «*системы*», сидит за «*Дневником*» и устанет, – «*Гришка*», воспользовавшись усталостью, водит пером; и оттого иногда – просто стыдно перечитать, что выскочит в «*Дневнике*». «*Ветер в голове*» приносит грязную бумажку; и – только.

Но иногда, когда ищешь совета не у себя, не у ближних, а у того, что «*не тебе принадлежит*» (не «*иногда*», а... к изумлению... моему... всегда!), я беру Евангелие и знаю, твердо знаю: *откроется только то, что нужно*; и – так, что слова Книги, все, станут проглядными до тройного и четверного смысла; и ответ – не в *бровь*, а прямо в глаз.

И это – о конкретных жизненных поступках; и – о мыслях; о «*мыслях жизненных*». Тут такие взметываются мне бури смысла – в «*не моих мыслях*», что и жизнь, и очередные дела – все, все сметено; и я знаю, что этот занос *Слов Жизни* в мою «*пустую башку*» между оттопыренными ушами, – в «*башку*» с низким лбом, в «*Гришкинскую*», выражаясь словами К.Н., – происходит оттого, что у меня нет «*системы*», что я «*не философ*», и т.д. Напиши я в свое время «*Систему*», – не случалось бы этого.

Я так уже привык к живому разговору с Книгой во всех случаях жизни (до мелочей), что вот при Вас, бесстыдно, так сказать, произвожу даже не «*опыт*» («*опыта*»

не может быть, ибо «*опыт*» был; не «*опыт*», а – «*достоверность*»), – произвожу не опыт, а обычную привычку, ведущую меня к не моей «*умственной*» жизни; я прислушиваюсь к себе и открываю Книгу, чтобы прочесть ответ на тему сегодняшней беседы; открылось; читаю, куда упали глаза: «*Разрушающий храм и в три дня созидающий*! *Спаси Себя самого*!» (Матф. Гл.27, ст.40).

Предоставляю Вам разбирать, толковать и осмысливать. Я – уже понял, о *чем*.

Из энного количества *вихрящихся* смыслов – ну вот один: Храм – Голова; *разрушение и созидание* ее, если оно в «*системе и диалектике*», – пусто; Ариман смеется: «Спаси себя!» Ну-ка? Т.е. создай *живой смысл*. Но смысл спасения и восстановления *Главы* – в жертвенной смерти для собственности мысли; тогда – восстание из смерти уже всего «*туловища*».

«*Не имей своей мысли*»: имей жизнь *чьей-то* мысли в себе. С тех пор, как это открылось мне, – я стараюсь не иметь своей мысли; и с той же поры, как из рога изобилия, – мысли, домыслы, смыслы; порой в этих вихрях уносишься на неделю, Бог весть куда; и лишь видишь мельк за окнами: белое, черное, белое, черное; дни летят. И не знаешь, где ты.

Это я и называю: «Живу умственной жизнью». Т.е. – в мере сил моих стараюсь к ней приблизиться. Не знаю, куда это приведет; может быть, – завтра же это все оборвется; а, может, – наоборот, вытянется в «*путь*»; и в какой, – тоже не знаю; если будет путь, не я пойду, а, вероятно, «*что-то*» поведет. Открываю Книгу; глаза падают в слова: «*Возлюбленные*! *Прошу вас, как пришельцев и странников, удаляться от плотских похотей, восстающих на душу*» (Послание Петра[73]. Гл.2, ст.11).

Дорогой друг, то, что при Вас я делаю, повторяю, – не опыт, а перенесение привычки этих последних месяцев *бесед* с тем, что строит во мне «*не мои*» мысли; «*не мои*» они лишь в одном разрезе; но ведь они – с согласия «*моего*»; все «*мое*» кричит во мне: «*Не к моему, – к Твоему*!» Пусть это крик, пока абстрактный, но крик искренний, крик «*моих глубин*»: «Да будет разрушено *мое* во мне!» Опять открыл Книгу; и глаза упали: текста не выписываю; он – в контексте; контекст же – притча о талантах, о том, что «*Господин*» вознаградил не хранивших «*мин*», а бросавших «*мины*» в круговорот; и осуждение хранившего мину («*я хранил, завернувши в платок*»)[74]. «*Господин*» отвечает: «*Для чего ты не отдал серебра моего в оборот*» (Лука. Гл.19, ст.23). Видите? Какой возможен разговор нас, как бы *троих*, на тему о «*нехранении*» мыслей – Вас, меня и Голоса из Книги! Вы понимаете, что все написанное мной сводимо к теме: жить умственной жизнью – утратить «*свои*» мысли; когда я хотел иметь «*систему*», я все завертывал в «*платок*» собственничества мысль; и получался в центре сгусток: магическое слово, непрошибаемый «*быт*». На этом и обрываю сегодняшнюю беседу.

Спокойной ночи, дорогой друг! Простите, что я из позыва к общению ввожу Вас в свою «*кучинскую*» злободневность.

---

22 февраля. Кучино. 27 г.

Дорогой Разумник Васильевич, –

– думал, что еще с неделю буду вписывать страницы в письмо к Вам, вернее, в ряд писем, объединенных в серию; и стало быть: есть время поговорить *о том*; *о сем*; и главное, – быть конкретнее. А ведь вот фатум: завтра К.Н. несет Великанову, верней, в лабораторию Великанова письмо; и с ним вместе – мое письмо к Вам; и стало быть: в данный период письмо придется кончать; а оно рассчитано на à la longue; придется все то, о чем хотелось бы поделиться, сжать, спрессовать; а письмо иррационально оборвать. Но и это моя особенность. Я не умею кончать: ни лекции, ни письма; так же, как не умею начинать; все *начала* у меня разрастаются в самостоятельные темы, а в конце сплющивается ряд тем; остается *продолжение*: без конца и без начала; так и примите мое письмо; оно без конца и без начала; оно – продолжение разговора с Вами; а это продолжение есть внешнее выявление *перманентности* общения; в каком-то разрезе бытия я никогда не говорю Вам «*здравствуйте*» и «*прощайте*», потому что Ваша жизнь есть постоянный *спутник, живой спутник* моей; так самое внешнее неприличие письма без *конца* и *начала* есть выражение моего чувства внутренней близости к Вам.

И вот, хочется, все же, внешних знаков о Вашем бытии; я видел Мейерхольда; но этот бешеный человек в вечных цыпочках с вечным «*давайте*», «*а ну-ка*» производит в моем сознании смещение всех намерений; то, о чем намереваюсь с ним говорить, хаотично стирается волевым напором его энного количества «*давайте*»; так что мой разговор со Всеволодом Эмилиевичем есть непроизвольное отбарахтыванье от ряда немотивированных предложений; выйдешь от Мейерхольда, и тут бьешь себя по лбу: не спрошено о том-то, о сем-то; не условлено в сем-то... Третьего дня читал «*Москву*» труппе Мейерхольда[75], окружили артисты; Вс<еволод> Эм<илиевич> меня сдал им; а потом, когда все время на уме у меня было поговорить с ним о Салтыкове, т.е. Вашей переделке в пьесу[76], он не позволил мне рта раскрыть, перечисляя замечательные свойства семейства Райх: Зин<аиды> Николаевны, ее сестры, ее отца[77]; доблести семейства «*Райх*» развертывались Всеволодом Эмилиевичем с таким жестом, с такою трогательною детскостью, что я не мог его перебить; указывалось, что «*Ревизор*» собственно не он ставил, а Зин<аида> Ник<олаевна>, что и «*Москву*» она будет ставить и что вследствие сего мне и Вс<еволоду> Эмилиевичу будет поставлен памятник (перед театром, на скверике); мы оба, воздвигнутые трудами работы Зин<аиды> Ник<олаевны>, с пьедестала будем *дручить Москву* и т.д. У меня закружилась голова, и я с полурастерянными предметами (однажды в *театре* я забыл кошелек, – тоже от *обалдения*) вылетел домой; и уже только на извозчике спохватился, что *памятник*, которым грозился Вс<еволод> Эм<илиевич>, выбил из головы предмет моих мыслей, мой вопрос о «*пьесе*». Поэтому, хотя я и увижу Мейерх<ольда> в одну из ближайших недель и спрошу о «*пьесе*», но Вы все же из «*Детского*» введите меня в суть истории с «*пьесой*», авансами и т.д. Вернувшись в Кучино и бросив взгляд на 4-ую афишу «*Тим*» за 1927 год, я прочел проект «*Б*» постановок «*театра Мейерхольда*»; на *пятом* месте значится: «*Москва*» Андрея Белого; на *шестом* месте стоит «*История одного города*» *по М.Е.Салтыкову-Щедрину в переработке* В.Холмского (?!)[78] и Евгения Замятина (?!??!!) (вещ<ественное> оформл<ение> Петрова-Водкина). Причем Замятин? И кто такой Холмский? Объясните, дорогой друг: не понимаю ничего; по одним признакам это и есть Ваша работа; и «*Холмский*» может быть объясним... Ну а... Замятин-то? Он-то при чем?

Приехал в Кучино; и сжимал от досады кулаки, что напор семейства «*Райх*» в мое сознание привел меня в состояние беспамятства; и я ничего не спросил. Получу разъяснения от Вс<еволода> Эм<илиевича>; но и от Вас буду ждать разъяснения «*энигма*»[79]. В «*Афише*» Вы стали «*энигмом*»; «*энигматически*» просунулся замятинский нос; и сам Вс<еволод> Эм<илиевич> вдруг показался «*энигмом*». Кто же тут «*энигм*» собственно? Ничего не понимаю; и как-то неприятно беспокоюсь.

Опишите подробно, Разумник Васильевич, Вашу жизнь, дела, финансовое положение, намерения; все, все очень волнует меня. Мне тем более хотелось бы знать о Вас, подробнейше, не только о моральном Вашем бытии, но и физическом, что мое намерение нырнуть в Детское мне туманно, хотя, все же, надеюсь оказаться в Детском на недельку, две. Трудность в том, что именно начал усаживаться за «*Москву*», что всякие обязательства связывают до 15-го марта, что до 20<-го> марта буду производить попытки окристаллизовать финансы, чтобы, если это удастся, с апреля уехать отдохнуть на берег Черного моря, именно от нашей туманной и сырой весны, чтобы заработать в уединении. И К.Н. собирается ехать; между московским «*нуженьем*» к всяким «*ненужностям*» и возможным выскоком* на юг остается все более и более делающаяся узкой щель времени, в которую думаю проскользнуть, чтобы очутиться у Вас; но боюсь, что щель еще более сузится; захлопнется и возможность к Вам приехать; и тогда, стало быть, новый *отклад*, до лета, если позволите.

Вот почему и хотелось бы иметь от Вас обстоятельную весть, вводящую в круг Ваших *трудов и дней*.

Оговариваюсь: называя Вс<еволода> Эм<илиевича> человеком «*энигматическим*», я не вкладываю в слово «*энигм*» никакой колкости по его адресу; просто он для меня в какой-то точке его душ<евного> выявления – «*энигм*»; и – скорее в хорошем смысле; в смысле исключительной «*непосредственности*», до ужаса «*непосред-*

---

* *В автографе*: возможному выскоку

ственности», могущей казаться издали «*деланной*». А возможно, что это – «*детскость*», происходящая от большой талантливости, унесенной галопом воли; «*талант*» должен темперироваться треугольником способностей; я не хочу сказать, что у Вс<еволода> Эм<илиевича> не было ума, или чувства; то и другое есть; и, может быть, в большой дозе; но воля в нем в дозе совершенно необычайной; и какая-то *кинетическая* воля, а не потенциальная; и *чувство* и *ум* могут выражаться в форме потенциальной и кинетической; думается, что *ум* и *чувство* у Вс<еволода> Эм<илиевича> – в состоянии потенциальной энергии, а воля ушла в *кинетику*; и оттого-то потенциальной воли мало; и оттого-то Вс<еволод> Эм<илиевич> в другом разрезе – безвольный человек, более добрый, чем волевой; и, может быть, более *умный*, чем волевой.

Оговариваюсь, я говорю не о количестве той или иной энергии; количество, т.е. сумма «*K + P*» может быть огромна в любом проявлении ума ли, чувства ли, так называемой ли «*воли*»; но когда говорят «*волевой человек*», обыкновенно под «*волевым*» разумеют человека, развивающего кинетическую энергию. Но есть разные выявления воли. Воля *потенциальная*, проявляясь в признаках слабости и безволия, есть опять-таки «*воля*»; и она отлична от безволия в собственном смысле, т.е. от малой суммы обеих волевых энергий.

М.А.Чехов и Вс<еволод> Эм<илиевич>, – что может быть противоположнее; «*волевой*» Мейерхольд и «*слабый*» Чехов, – вот бросающаяся всем в глаза картина; Мейерхольд, умеющий *провести свою* линию, добиться, тащить за собой, агитировать, лепить на труппе свои задания; и М.А.Чехов, не умеющий провести *своей* линии, которого тащут театральные друзья в сторону от его пути, которого «*возит*» Павлович к старцу[80]. Но в другом разрезе *М.А.* именно умеет в скрытом виде внести волевую потенцию и ею заразить уже после того, как его волевая «*кинетика*», казалось бы, истощена; глядишь, и в точке истощения воли («*кинетической*») – взрыв кинетической энергии.

Я считаю, что *Чехов* и *Мейерхольд* – оба человека, быть может, одной и той же воли; и – большой воли, выражающейся в большом числе, скажем, в числе «*100*»; но слагаемые числа в «*K + P*» (кин<етическая> эн<ергия> + пот<енциальная> эн<ергия>) у них обратны; если «*K + P*» Мейерхольда 90 + 10, то «*K + P*» у М.А. есть «*10 + 90*».

Они два сапога – «*пара*»; и оттого-то надеть их на ту же ногу нельзя.

Почему я об этом пишу? А потому что меня сперва крайне удивило (и крайне порадовало), что они «*встретились*»[81]; прежде они не знали друг друга, смотря друг на друга сквозь призму двух разных *театральных школ*. Как-то был у М.А.; и меня поразил удивительно нежный тон отзыва М.А. о Мейерхольде по поводу выступления М<ейерхольда> в Комиссии по реформе театр<ального> дела под председат<ельством> Луначарского[82]. Потом встречаю Вс<еволода> Эм<илиевича>; и первое его слово – радостное, детски наивное: «А знаете, – мы задружили с Чеховым; встретились на заседании, и как гимназисты заходили вместе: стали "*водиться*"». И далее целый панегирик о М.А. вплоть до мечты «*перетащить*» его к себе в театр: «Чего ему оставаться с фашистами вроде Дикого!»[83] У М.А. же обратное; тенденция перетащить Вс<еволода> Эм<илиевича> на... ну конечно, – «*духовность*»; и – вздох: «Трудно будет Вс<еволоду> Эм<илиевичу>, встав на путь "*Ревизора*", совместить свою линию; его ожидает большой и мучительный кризис».

Тут-то я и увидел, что только недоразумение, преломление «*внешней среды*», два разных «*театра*», обусловливало то, что эти два человека не встретились, потому что, встреться они, они бы сразу увидели, что они – два сапога одной пары; *целое* пары – воля; сапоги – кинетическое выявление *воли*; и – *волевой потенциал*. У *М.А. воля* в потенциале; и оттого-то нет никаких почти внешних признаков воли; его берут, ведут, везут, сажают, связывают; но, связанный, он – рвет оковы. У Мейерхольда воля во внешних действиях; он – берет, ведет, сажает, связывает; но, связав, оказывается связанным сам.

Когда я это понял, то во мне вдруг встала самая фантастическая картина: совершеннейший парадокс; *М.А.*, оказавшийся в театре Мейерхольда и связанный по рукам и по ногам мейерхольдовской режиссурой в хорошем смысле, чтобы он не имел власти заказывать Павлович работы над Парсифалем (ведь дал же такое задание ей!)[84], вдруг изменил бы весь внутренний стержень мейерхольдовской линии; и Мей-

ерхольд, режиссер, вполне оценив *эманацию*, исходящую от личности *М.А.*, мог бы дать своим театром действительную оправу для Чехова, с волевой стремительностью создавая рельеф сферы, центром которой был бы М.А. Ведь Мейерхольд-режиссер это сделал для Гоголя. Знаете, – за это время я перечитал Гоголя; перечитывая, ахал; и мой доклад «*Гоголь и Мейерхольд*» в одной своей части был построен на следующем парадоксе: те, кто утверждает, будто Мейерхольд исказил Гоголя, в сущности утверждают обратное: «*нашего*» Мейерхольда исказил Гоголь, отняв его у «*нас*»; вопрос не в Мейерхольде; вопрос – в Гоголе; подлинного Гоголя мы ненавидели, как ненавидели Гоголя современники; может быть, и Мейерхольд, подчиняясь этому бессознательному жесту, как все, ненавидел Гоголя; но, вчитываясь в Гоголя, он стал послушным орудием Гоголя[85]. А в Демьяне Бедном воскрес Толстой-Американец, некогда предлагавший Гоголя, заковав в кандалы, сослать в Сибирь[86].

Я действительно удивился тому факту, что Мейерхольд впервые *инсценировал*, сделал видимыми для глаз главные особенности *стилистики* Гоголя; дал впервые превосходную степень эпитета, сопровождающего существительное его *быта*. Существительное *быта* есть *слива*, вишня; Гоголь делает из сливы «*яхонтовое море*» слив[87]; где мы видели «*яхонтовое море*», и фрак «*наваринского дыма с пламенем*»?[88]

Только у Мейерхольда.

Мейерхольд мог напутать здесь и там в частностях; но в основном он *впервые отдался* Гоголю.

И – вот моя мысль; жест *кинетической* воли Мейерхольда – похищение из «*МХАТ'а*» Чехова, если бы, паче чаяния, состоялся, – превратился бы уже внутри мейерхольдовских «*тюремных стен*» в похищение Чеховым Мейерхольда; и, может быть, *Вс<еволод> Эм<илиевич>*, схватываясь за голову, стал восклицать: «Я разобью все препятствия; и чеховский “*Дон Кихот*” увидит свет!»[89]

Видите, – какие я развиваю «*фантасмы*»?

———

Да, вот, сижу в Кучине; все из Кучина фантастично мне: до́-нельзя; с чего начал, тем и кончаю: «*На суку извилистом и чудном... райская качается Жар-Птица*»[90]. А *Жар-Птица* – жизнь такая, какая она есть; она есть *свет*; и все усилия рассыпать ее космической пылью не приведут ни к чему, пока внутри «*пыли*» – скрытая теплота: очаг Света Жизни. И опять мысль возвращается к атому; достал себе Томсона, «*Корпускулярную теорию вещества*»[91]. Буду читать, крючничать.

Кстати: все то, что писал Вам об «*электронах*», что это – «*луны*», планеты и т.д., – требует существенной оговорки; я ведь и сам знаю, что физическое истолкование «*электрона*» есть представление о нем, как об электрическом атоме; и потому *твердость* его есть отрицательное понятие; «*твердым телом*», луной, – он является ведь лишь в имажинизме, в необходимости брать его по аналогии; это *твердое тело* есть отрицательный заряд, тень; но поскольку порядок электронов и разность колец определяют в современном разгляде материи ее химическое свойство, ее материальную *качественность*, постольку носителем этой качественности и является электрон; материя, как чистое *качество*; и *твердость*, как *качественность* химического восприятия.

Характерно, что былое представление о материи пронизано электронностью, которая есть электрическая, не *материальная* субстанция, так сказать, проплетающая материальность, т.е. проплетающая так, как *эфирное тело*, тоже не материальная субстанция, по-нашему проплетает физическое; то, чем является *радиактивность* в металлах, себя изживает в другом восприятии, именно в моральном восприятии, как *аура*; читая современных физиков и химиков, просто не знаешь, где поставить границу между их терминами и нашими; можно ведь свойства перехода в стихийный и астральные планы тоже назвать эманациями и «α», «β», «γ» лучи приурочить к телам, причем в «α»-лучах, развиваемых *гелием*, видеть солнечно-атомное вещество бывшего твердого атома, а «β»-лучи, уже не материальные, сравнивать со стихийным телом, и т.д. Тут всюду соблазн – зачеркнуть «*так сказать*»; и уже без «*так сказать*» говорить.

Теперь мне начинает мерещиться, что переход *атома* в былом его виде, как предмета твердого, косного и неизменяемого, в состояние жидкое и есть эманация лучей

«α», «β» и «γ», причем с «β» уже кончается материальность; и начинается сфера деятельности нематериальной субстанции; она-то и есть, быть может, искомое и неизвестное ныне научно-жидкое тело.

Между прочим: в статье Боргмана «*Возникновение электронной теории вещества*» есть фраза: «*В лучах α и β, в излучениях ультрафиолетового света и теплоты и в причине..., возбуждающей световые волны, мы имеем дело с одинаковыми отрицательно наэлектризированными частицами*», – разумеется, не «*материальными*»[92].

Насколько помню, тепловые колебания, так сказать, лежат в *инфра-красной* части спектра, а электрические – лежат в ультрафиолетовой части; световые колебания оказываются – посередине лежащими; здесь-то, в посередине, и лежит тайна образования материи; она – гелеоцентрична. Не оттого ли *гелий*, в который трансформируется *радий*, был найден на Солнце сперва? Это уже не научная догадка; и вовсе не научная имагинация: представив себе спектр

теплов<ые> ультра

колеб<ания> световые фиол<етовые> загнутым

приблизительно так световые колеб<ания> , самый этот круг видеть разрезом *шара*;

тогда шар, поставленный своей световой частью, перед нами: в заштрихованной части явит свое световое ядро; тогда и самая линия спектра, представленная кругом: световая часть есть упрощение другого, более сложного представления, которое я графически изобразил бы так:

это – спираль внутри какой-то сферы, где начало процесса есть превращение тепла в *свет* и переход далее к электрическому состоянию, по-иному возвращающему к периферии шара. Может быть, – я вовсю тут отдаюсь Кифе Мокиевичу во мне. Но мне такое спиральное начертание намекает на что-то громадное.

Еще нечто, с чем летуче хочется с Вами поделиться на прощание: открываю Томсона на меня интересующей главке «*Величина шара положительного электричества*», трактующей о соотношении между объемом шара положит<ельного> электричества и числом корпускул в атоме; оно, мы знаем, пропорционально атомному весу; Томсон указывает, что методы определения величины атомов дают не геометрическую границу, но сферу действия атома; это границы динамические; и в них атом – центр пересечения сил[93]; оттого-то он доселе и был абстрактен, был *точкою* в сущности* абстрактной физической точки, которой соответствовал в химии коррелат точки – твердый, косный комок (неразгрызенный орешек), Томсон предлагает атом, увиденный в геометрической форме. Вот этот-то прием видеть *атом* и кажется мне весьма ценным. Он мне указывает на идею композиции; и здесь, в корпускулярной теории, композиция геометрическая накладывает свою печать. Вселенная (макро ли, микро ли) и есть геометрическая композиция; и если *динамизм*, который в противоположность *механицизму* может быть только *органикой* имагинации атома, как пробухшего и

---

* *Далее пробел в автографе.*

растущего семени, что вводит в понятие нематериальной субстанции *эфирное тело*, – если динамизм вплетает эфирное тело в физическое представление, то геометрическая композиция, вводя фигуру числа и сводя объяснение вселенной к свойствам вселенной чисел, этим самым сплетает представление об эфирной телесности с представлением астрального тела.

Довольно: как и предвидел, – стремительно, катастрофически обрываю письмо; и посылаю Вам сплошное «*продолжение*» с «*чирикающим*» началом и с расплющенностью в конце ряда тем, которых не коснулся, которых... не коснусь; ибо когда буду писать Вам следующее письмо, то уже другие «*злобы дня*» будут волновать.

Но – «*довлеет дневи злоба его*»[94].

С тем и кончаю. Крепко Вас обнимаю. И, все же, надеюсь увидать, если не скоро, то... хоть летом, то... хоть осенью. Жду очень письма.

Господь с Вами!

Борис Бугаев.

P.S. Мой сердечный привет и всяческие пожелания Варваре Николаевне.

[1] Ср. запись Белого (18 февраля 1927 г.): «Пишу “письмище” Р.В.Иванову» (*РД*. Л.126об.).

[2] 16 января 1927 г. Иванов-Разумник писал жене из Кучина: «...сегодня я последний день у Бор<иса> Ник<олаевича> (кланяется очень тебе и Ине), завтра проведу у Пришвина в Сергиевском Посаде, во вторник вечером выеду из Москвы, буду дома в среду» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.200). Среда – 19 января. В дневниковой записи от 18 января 1927 г. (сохранилась в копии, сделанной Ивановым-Разумником) Белый признавался: «Вчера приехал Иванов-Разумник и сегодня его с тоской проводил. Он так несчастлив, что ничем ему не поможешь, както безвыходно в нем, удар ему пришелся по голове: – “ты Разумник, так вот будь же ослом” (острие в острие). Тут как-то даже и повернуться нельзя. В его положении надо уйти от всего, чем жил, от литературы, политики, найти родники жизни глубже всего этого и в этом быть счастливым. Так все живут чем-то...» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.3. Ед.хр.36).

[3] Обыгрывается строка из стихотворения Ф.И.Тютчева «Тени сизые смесились...»: «Всё во мне, и я во всем!..»

[4] Подразумевается предполагавшаяся поездка Белого в Москву 16 января 1927 г., в последний день общения с Ивановым-Разумником в Кучине.

[5] Образ, видимо, вызван ассоциациями с символическим персонажем пьесы Л.Н.Андреева «Жизнь Человека» (1907) – Некто в сером.

[6] Обыгрываются строки из стихотворения А.А.Фета «Фантазия» («Мы одни; из сада в стекла окон...», 1847): «На суку извилистом и чудном <...> Над водой качается жар-птица».

[7] А.А.Луначарская (урожд. Малиновская, 1883–1959), сестра А.А.Богданова (Малиновского).

[8] Осип Максимович Брик (1888–1945) – теоретик литературы, драматург; один из организаторов группы формалистов Опояз, журналов «Леф» и «Новый Леф».

[9] Первое выступление Белого состоялось 5 февраля 1927 г. («Мой доклад на “Субботниках” “Гоголь и Мейерхольд”. Возражают проф. Шувалов, проф. Розанов, Дерман, Лозовский, В.В.Ангарский, Зайцев, Скосырев, Замоткин, Городецкий» – *РД*. Л.126), второе – 8 февраля («Мой доклад “*Гог<оль> и М<ейерхольд>*” в Клубе раб<отников> по просвещению. Возражают: Лозовский, Соловьева, Булычев, Ляховец, Мусинов» – *РД*. Л.126об.). Текст выступлений Белого лег в основу его статьи «Гоголь и Мейерхольд», открывающей одноименный сборник (см. примеч.56 к п.171). См.: Романова Г.А. «Ревизор» Н.В.Гоголя в спектакле Вс.Мейерхольда и в критическом освещении А.Белого // XXX Герценовские чтения. Литературоведение. Л., 1977. С.44-47.

[10] Подразумеваются историки литературы, профессора Московского университета и постоянные участники «Никитинских субботников» Сергей Васильевич Шувалов (1880–1941) и Иван Никанорович Розанов (1874–1959). Содержание их выступлений отражено в стенограмме прений, приложенной к протоколу заседания «Никитинского субботника»; извлечения из нее приводит Д.М.Фельдман в послесловии к воспоминаниям П.Н.Зайцева «Андрей Белый и “Никитинские субботники”» (Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.128-130).

[11] Лев Соломонович Лозовский – преподаватель Московского педагогического техникума им. Л.Н.Толстого; член редакционного совета издательства «Никитинские субботники»; в сбор-

нике «Гоголь и Мейерхольд» (М., 1927) напечатана его статья «Гоголь в театре Мейерхольда» (С.69-75), в которой Лозовский опровергал основные возражения критиков мейерхольдовской постановки «Ревизора» и признавал спектакль наиболее значительным событием театрального сезона и высшим достижением режиссерского мастерства Мейерхольда.

[12] Эти положения развиваются в указанной статье Лозовского (С.70-71, 74).

[13] Имеется в виду «Манифест Коммунистической партии» (1848), написанный К.Марксом и Ф.Энгельсом по поручению Союза коммунистов в качестве его программы.

[14] Имеется в виду «Азбука коммунизма» (М., ГИЗ, 1920) Н.И.Бухарина и Е.А.Преображенского – популярное изложение основ марксизма, насаждавшееся в 1920-е гг. как обязательное учебное пособие.

[15] Имеются в виду многократно переиздававшиеся учебные книги по древней, средневековой и новой истории историка, философа и социолога Николая Ивановича Кареева (1850–1931).

[16] Николай Александрович Мотовилов (1809–1879) – симбирский помещик, исцеленный после трех лет болезни 9 сентября 1831 г. старцем Серафимом Саровским; последователь и почитатель Серафима. Упоминаемое издание – «О цели христианской жизни. Беседа преп. Серафима Саровского с Николаем Александровичем Мотовиловым (По собственноручным записям последнего, с предисловием Н.П.)» (Сергиев Посад, 1914).

[17] Имеются в виду следующие признания Мотовилова о Серафиме: «...он взял меня весьма крепко за плечо и сказал мне: "Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобой; что же Вы глаза опустили, что же не смотрите на меня?" – Я отвечал: "не могу смотреть; потому что из глаз Ваших молнии сыпятся. Лице Ваше светлее солнца сделалось и у меня глаза ломит от боли"»; «И во все время беседы сей, с того самого времени, как лице о.Серафима просветилось, видение это не переставало и все <...> говорил он мне, в одном и том же положении находясь, и неизреченное блистание света от него исходившее видел я сам моими собственными глазами <...>» (Там же. С.17, 25).

[18] Ср. итоговые записи Белого – за январь 1927 г.: «За январь написано сырья в "Дневнике" 157 страниц»; за февраль 1927 г.: «Интерес месяца, явный – научный материализм. Написал в "Дневник" за февраль 128 страниц» (*РД*. Л.126, 127). Рукопись этого «Дневника», изъятая при обыске в мае 1931 г. сотрудниками ОГПУ, не выявлена.

[19] Премьера драмы А.В.Сухово-Кобылина «Дело» с М.А.Чеховым в роли Муромского состоялась в МХАТ 2-м 8 февраля 1927 г. (постановка Б.М.Сушкевича). Белый был на генеральной репетиции спектакля 6 февраля (ср. его запись за этот день: «Видел дело <sic!> утром» – *РД*. Л.126).

[20] Мф. XVIII, 3.

[21] Л.П.Гроссман – редактор издания «Трилогии» А.В.Сухово-Кобылина (М.; Л., 1927) и автор книги «Преступление Сухово-Кобылина» (М., 1927). В рецензии «"Дело" Сухово-Кобылина во Втором Художественном» Гроссман писал о Чехове в роли Муромского: «Артист решил выделить комическим обрамлением глубокий трагизм этого лица. Но эта игра на контрастах приводит к значительному ослаблению общего драматизма фигуры. Черты комического одряхления, почти маразма, заплетающаяся мысль и речь, нелепая внешность и курьезный наряд <...> – все это мешает отнестись к драме Муромского с той серьезностью, которая должна зародить в зрителе глубокое сочувствие и сострадание к этому неправедно гонимому. В истолковании Чехова это не отважный обличитель судейской кривды, а только ее жалкая и раздавленная жертва. Гневная публицистика "Дела" принесена артистом в жертву цельности задуманного им общего рисунка роли, т.е. образа беспомощного, смешного и трогательного старца. Это – от Диккенса и Достоевского, но не от Сухово-Кобылина. Но замечательный дар Чехова поднял все же его исполнение в последних сценах до подлинной трагической высоты» (Вечерняя Москва. 1927. №32. 9 февраля. С.3).

[22] Елена Васильевна Невейнова (1902–1988) – антропософка; с 1920 г. жила в Москве, работала машинисткой в Совнаркоме, была секретарем-машинисткой у Н.К.Крупской, в 1931–1934 гг. репрессирована (была в ссылке в Средней Азии), по возвращении в Москву работала в библиотеке консерваторем (эти сведения сообщены Т.В.Нориной, племянницей Невейновой); со второй половины 1930-х гг. жила вместе с К.Н.Бугаевой и Е.Н.Кезельман, в последние годы жизни и тяжелой болезни К.Н.Бугаевой ухаживала за ней.

[23] Ср. пересказ отзыва Демьяна Бедного на постановку «Дела»: «"Дело" потому и сейчас дело, – как сказал Демьян Бедный, – что оно метко и остро отзывается на боли сегодняшнего дня, когда страна и общество борются с людьми, у которых "все тело – шея", – с бюрократизмом, со взяткой, с неправдой» (Григорьев В. Письмо из Москвы (О постановке «Дела» и прочем) // Красная панорама. 1927. №10. 4 марта. С.16). Сведения о публикации отзыва на постановку «Дела» в библиографии Демьяна Бедного, составленной Д.А.Берман, Н.В.Гужиевой,

Т.П.Дориной, Н.И.Кузнецовой (Русские советские писатели. Поэты: Биобиблиографический указатель. Т.2. М., 1978. С.266-497), не содержатся.

[24] Таро (Книга Тота, или Книга Гермеса) – египетская колода из 78 карт с раскрашенными изображениями (22 картинки), имеющими аллегорические значения; используется для гадания, а также среди оккультистов (см.: Таинственная книга Тота, или Искусство гадать по 78 древнеегипетским картам. Собрано Этейллою. М., 1861; Успенский П. Символы Таро. Философия оккультизма в рисунках и числах. СПб., 1912). Владимир Шмаков – автор оккультического труда «Священная книга Тота. Великие Арканы Таро. Абсолютные начала синтетической философии эзотеризма. Опыт комментария» (М., 1916). Алексей Семенович Шмаков (1852–1916) – присяжный поверенный Московской судебной палаты, публицист, автор ряда антисемитских сочинений; в 1913 г. – один из истцов на процессе М.Бейлиса.

[25] См. описание интерьера дома Плюшкина в гл.VI тома I «Мертвых душ» (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т.6. [Л.], 1951. С.114-115). Наблюдениям Белого соответствуют позднейшие признания самого М.А.Чехова (в письме к Ф.Бергстему от 6 октября 1954 г.) об «йогистском периоде» своего духовного пути (см.: Бюклинг Лийса. Михаил Чехов и антропософия: из истории МХАТ Второго // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia. IV. «Свое» и «чужое» в литературе и культуре. Тарту, 1995. С.247).

[26] «Пятое Евангелие» – цикл лекций Р.Штейнера, прочитанный в Христиании 1-6 октября 1913 г.; в ходе слушания этого курса Белый принял решение целиком и окончательно связать свою судьбу с антропософией. См.: Спивак М.Л. Андрей Белый – Рудольф Штейнер – Мария Сиверс // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.44-53.

[27] См. примеч.6 к п.123.

[28] Комментарий Иванова-Разумника: «Через несколько лет АБ упомянул об этом в докладе “Культура краеведческого очерка” (см. “Новый Мир” 1933 года, №3)» (Л.26).

[29] Комментарий Иванова-Разумника: «Темы об атомистической теории затронуты и в “Истории становления самосознающей души”, но здесь развиты подробнее» (Л.26).

[30] Заключительная строка стихотворения Вл.Соловьева «На палубе “Торнео”» («Посмотри: побледнел серп луны...», 1893; Соловьев Вл. Стихотворения и шуточные пьесы («Библиотека поэта». Большая серия). Л., 1974. С.96).

[31] В «Метаморфозе растений» (1790) Гете, в отличие от Линнеевой системы в ботанике, описывавшей каждое растение особо и группировавшей отдельные формы искусственно в роды, увидел общие черты, свойственные всем высшим растениям; этот «тип» растения Гете мечтал реально найти в природе, называя его «прарастение» (Urpflanze). См.: Канаев И.И. Гете-натуралист // Гете И.В. Избранные сочинения по естествознанию. [Л.], 1957. С.426-427.

[32] Ин. I, 5.

[33] Согласно теософским представлениям, унаследованным антропософией, Сатурн – первая форма воплощения Земли, состоящая из тепловых тел; теплота – характеристика состояния Сатурна в начальный период развития (см.: Штейнер Р. Очерк тайноведения. Л., 1991. С.89-92). Ср.: «Действо жизни Начал, теплота, была суммой термических колебаний во времени <...> Протекал Первый день: назывался Сатурном» (Андрей Белый. Глоссолалия. Поэма о звуке. Берлин, 1922. С.38-39).

[34] Ин. I, 14.

[35] Лк. XVII, 21: «Царствие Божие внутрь вас есть».

[36] Откр. XXI, 22.

[37] Откр. XXI, 23 (сокращенная цитата).

[38] Аналогичное «материалистическое» высказывание – в «Петербурге» (гл.3, главка «На митинг», реплика курсистки Варвары Евграфовны). См.: *Петербург*. С.112.

[39] Ср. запись Белого (11 февраля 1927 г.): «Записал на тему: “Я есмь виноградная лоза”. Мысли об атоме» (*РД*. Л.126об.).

[40] Сокращенная цитата из книги М.Коллинз «Когда солнце движется на север. Объяснение шести Священных Месяцев» (М., 1914. С.126-127).

[41] Подразумевается четвертый послеатлантический культурный период – греко-латинский (см.: Штейнер Р. Очерк тайноведения. С.172-173).

[42] Осирис – в египетской мифологии царь загробного мира; Эреб – в греческой мифологии персонификация мрака, сын Хаоса и брат Ночи.

[43] Параллель между философско-общественными идеалами Жан-Жака Руссо (1712–1778), исходившими из представления о природе как праматери, наделяющей человека всеми пози-

тивными качествами, и теософско-антропософскими представлениями о содержании третьего культурного периода послеатлантического времени (культура древних народов передней Азии и северной Африки – халдеев, вавилонян, ассирийцев, египтян): «У народов третьей культурной эпохи душа в значительной степени утратила сверхчувственные способности. Она должна была использовать откровения духовного в окружавшем ее чувственном мире и развиваться дальше через открытие и изобретение культурных средств, вытекавших из этого мира» (Штейнер Р. Очерк тайноведения. С.170).

[44] Ахурамазда – в иранской мифологии верховное божество зороастрийского и ахеменидского пантеонов.

[45] Имеются в виду херувимы – в иудаизме и христианстве ангелоподобные существа-стражи; образ генетически связан с распространенными в мифологиях Ближнего Востока образами антропоморфно-зооморфных существ с охранительной функцией (ассиро-вавилонские karubu).

[46] Подразумевается, видимо, невозможность раскрыть этимологию имени Аполлон, исходя из данных греческого языка; ср. опыты лингво-семантических толкований в диалоге Платона «Кратил» (404е-406а).

[47] Строка из стихотворения Вл.Соловьева «Неопалимая Купина» («Я раб греха. Во гневе яром...», 1891). См.: Соловьев Вл. Стихотворения. Изд.7-е. М., 1921. С.101.

[48] Записи, аналогичные приводимым ниже, – в «Дневнике явлений природы» Белого; с января 1927 г. эти записи распределены по рубрикам: «Сейсм<ические> явления и вулк<аны>», «Ураганы», «Осадки и наводнения»; «Температура». Ср., например, записи за 3 января – в рубрике «Ураганы»: «а) Снежная буря над Испанией. b) Ряд ураганов и снежных бурь по всей России. с) Снежный буран над Нью-Йорком»; в рубрике «Осадки и наводнения»: «Сильные снегопады в Испании. Сильные снегопады в России. Небыв<алые> ливни и наводнения в штатах Тенесси и Кентуки (Соед<иненные> Штаты)»; в рубрике «Температура»: «а) Небыв<алые> морозы во Франции. b) Неб<ывалые> морозы в Пиренеях (“t” – “-10”). с) Снежный покров над Нью-Йорком» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.99. Л.7).

[49] Строка из стихотворения Вл.Соловьева «На палубе “Торнео”» (см. выше, примеч.30).

[50] Ср. автобиографическую запись Белого: «27 октября родился в 9 часов вечера. В понедельник, в день Луны, в час Луны под знаком Скорпиона» (*МБ*. Л.1).

[51] Сокращенные цитаты из книги Р.Штейнера «Духовное водительство человека и человечества» («Die geistige Führung des Menschen und der Menschheit», 1911), основанной на лекционном курсе, прочитанном в Копенгагене в июне 1911 г. См.: Штайнер Р. Духовное водительство человека и человечества. Духовнонаучное рассмотрение развития человечества. Калуга, 1992. С.63-64.

[52] Будучи 18-летним студентом Пизанского университета, Г.Галилей подметил, что продолжительность малых качаний маятника не зависит от величины размахов; это наблюдение было сделано им в Пизанском соборе над уменьшающимися качаниями люстры, причем время он измерял биениями собственного пульса. Ср.: *МДР*. С.102.

[53] Имеются в виду натурфилософские сочинения Гете «Об оптике» («Beiträge zur Optik», 1791–1792), «К учению о цвете» («Zur Farbenlehre», 1810), подвергнутые Белым обстоятельному анализу в книге «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (С.45-142 – гл.3 «Световая теория Гете и Рудольф Штейнер»; С.203-262 – гл.5 «Световая теория Гете в моно-дуо-плюральных эмблемах»).

[54] Подготовкой к печати книги статей «Символизм» (М., 1910) Белый интенсивно занимался в сентябре – декабре 1909 г.

[55] Ср. характеристику этой центральной теоретической статьи, помещенной в «Символизме», в составленном Белым «Списке пропавших или уничтоженных автором рукописей» (1927): «Материалы черновые, ряда глав сочинения “*Система символизма*” (недописанного); переработанный отрывок из этих материалов являет собой “*Эмблематику Смысла*”, другой отрывок являет собой статью “*Смысл искусства*”; обе статьи – куски написанного; эти материалы писались в 1904-1905 годах; автор все искал случая переработать материалы в философскую систему; вместо системы в 1909 году спешно пришлось выкроить из материалов две статьи для книги “*Символизм*”» (*РНБ*. Ф.60. Ед.хр.31).

[56] Анна Рудольфовна Минцлова (1865–1910?) – деятельница теософского движения. Белый общался с нею и испытал большое ее духовное воздействие в 1908–1910 гг.; см.: *МДР*. С.316-322; Богомолов Н.А. Anna-Rudolf // Новое литературное обозрение. 1998. №29. С.142-220.

[57] Начало сближения Белого с А.А.Тургеневой приходится на весну 1909 г., их совместное заграничное путешествие (Сицилия– Тунис–Египет–Палестина) состоялось в декабре 1910 – апреле 1911 г.

[58] Имеется в виду одна из треугольных схем, иллюстрирующих положения «Эмблематики смысла»; в числе малых треугольников, входящих в большой треугольник, три обозначают, соответственно, «форму быта», «бытовую мораль», «творчество быта».

[59] Сведения о философских интересах классика французского символизма Стефана Малларме (1842–1898) Белый почерпнул из статьи о нем Рене Гиля, входящей в его цикл «Письма о французской поэзии» (Весы. 1908. №4. С.71). В подготовительных заметках к незавершенной статье о французских символистах (1918) Белый писал: «...исходная точка Малларма по Гилю – Фихте, по Моклеру – Гегель... Философский труд Маллармэ должен был состоять из 24 томов. 4 т<ома> – общие основы литературы: мистический идеализм (Платон, Фихте, Гегель, Шеллинг)» (Русская литература. 1980. №4. С.172).

[60] Großvater (*нем.*) – дед, дедушка.

[61] В философской поэме Ф.Ницше «Так говорил Заратустра» танец утверждается как одна из высших и безусловных ценностей: «...в том альфа и омега моя, чтоб все тяжелое стало легким, всякое тело танцором», «Заратустра танцор» и т.д. (Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Пер. с нем. Ю.М.Антоновского. СПб., 1907. С.256, 326).

[62] Гросфатер (*устар.*) – старинный немецкий танец. В «Войне и мире», однако, танец, который граф Илья Андреевич Ростов танцует с Марьей Дмитриевной Ахросимовой (а не с «графинюшкой»), именуется «Данила Купор» – вариант англеза (т.1, ч.1, гл.XVII).

[63] Подразумевается продажа имения Ростовых в Эпилоге «Войны и мира» (ч.1, гл.V).

[64] Б.Н.Чичерин (1828–1904) – юрист, историк, публицист, профессор Московского университета; приверженец либерально-западнических идей. Его племянник – Г.В.Чичерин, советский государственный деятель (см. примеч.47 к п.100).

[65] Подразумевается принцип триады, ставший в философии Гегеля универсальной схемой всякого процесса развития: тезис (исходный момент), антитезис (переход в противоположность, отрицание), синтез противоположностей в новом единстве (снятие, отрицание отрицания).

[66] Комментарий Иванова-Разумника: «Это ошибочное равенство находит свое объяснение и исправление в книге АБ "Р.Штейнер и Гете в мировоззрении современности", §§76-77 и 98» (Л.26). См.: Андрей Белый. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том «Размышлений о Гете». М., 1917. С.179-189, 229-233.

[67] Борис Александрович Фохт (1875–1946) – философ-кантианец, профессор Московского университета. См.: Вашестов А.Г. Жизнь и труды Б.А.Фохта // Историко-философский ежегодник '91. М., 1991. С.223-231.

[68] Подразумевается «Симфония (2-я, драматическая)».

[69] Каламбур: spiritus (*лат.*) – дух, дуновение; spiritus vini (*лат.*) – винный спирт, водка.

[70] Александр Мелетьевич Кожебаткин (1884–1942) – московский издатель и библиофил; в 1909–1911 гг. – секретарь издательства «Мусагет», в 1910–1923 гг. – глава издательства «Альциона» (см. о нем: Берков П.Н. История советского библиофильства (1917–1967). М., 1971. С.105-106). О контактах Шпета и Кожебаткина Белый пишет также в мемуарах (*МДР*. С.278).

[71] Имеется в виду студенческая песня (XIX в.), широко известная в устной традиции: «Коперник целый век трудился, / Чтоб доказать Земли вращенье. / Дурак, уж лучше бы напился – / Тогда бы не было сомненья!» и т.д. См.: «В нашу гавань заходили корабли». Песни. М., 1995. С.367.

[72] Подразумевается Вячеслав Иванов – как автор историко-филологического исследования «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1923).

[73] Первое соборное послание св. апостола Петра.

[74] Лк. XIX, 20 (неточная цитата).

[75] Ср. запись Белого: «Читаю "драму-Москву" артистам Мейерхольда (у него в Театре). Мейерхольд в восторге. Обед у Мейерхольдов» (*РД*. Л.126об.).

[76] См. примеч.41 к п.168.

[77] Николай Андреевич Райх (1862–1942) – железнодорожный служащий, выходец из Силезии.

[78] Вл.Холмский – один из псевдонимов Иванова-Разумника, которым подписаны, в частности, его очерки из серий «Деревенское» и «С берегов Невы» при публикации в «Русских Ведомостях» в 1916–1917 гг., а также перевод комедии Аристофана «Плутос» (Аристофан. Богатство (Плутос). Комедия / Перевел размером подлинника Вл.Холмский. Л., «Колос», 1924).

[79] Énigme (*фр.*) – загадка.

[80] См. примеч.20 к п.170.

[81] Свидетельство этого сближения – письмо Мейерхольда к М.А.Чехову от 7 февраля 1927 г. с высокой оценкой исполнения им роли Муромского (Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896–1939. М., 1976. С.262) и его восторженный отзыв об этой роли на совещании в Наркомпросе в феврале 1927 г. (Там же. С.415; Жизнь искусства. 1927. №19. С.4-5), а также письмо Чехова к З.Н.Райх (не позднее марта 1927 г.), написанное под сильным впечатлением от мейерхольдовского «Ревизора» и исполнения ею роли Анны Андреевны (*Чехов 1*. С.324-325), и его статья «Постановка "Ревизора" в Театре имени В.Э.Мейерхольда» (Гоголь и Мейерхольд. С.84-88; *Чехов 2*. С.86-90).

[82] Имеется в виду второе расширенное совещание московских театральных деятелей под председательством А.В.Луначарского, состоявшееся 14 февраля 1927 г., на котором В.Э.Мейерхольд говорил о том, «что нам нужен современный репертуар, но репертуар культурный. Нужно бороться с заведомой псевдо-революционной халтурой, которую подносят нередко драматурги» (О театральной политике (Совещание в Наркомпросе) // Новый зритель. 1927. №8. 22 февраля. С.15; На совещании театральных деятелей // Вечерняя Москва. 1927. №37. 15 февраля. С.3).

[83] А.Д.Дикий упоминается здесь как один из организаторов «оппозиции» Чехову в труппе МХАТ 2-го.

[84] Никаких сведений о совместной работы Чехова и Н.А.Павлович над театральным вариантом сюжета средневекового рыцарского романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» (XIII в.) и (или) одноименной музыкальной драмы Рихарда Вагнера (1882) не выявлено; вероятно, этот замысел был отложен по причине полной невозможности осуществления его на сцене в советских цензурных условиях. Позднее Чехов поставил «Парсифаля» Вагнера в латвийской Национальной опере (премьера – 14 марта 1934 г.).

[85] См. развернутое изложение этих построений Белого: Гоголь и Мейерхольд. С.20-26.

[86] В статье «Гоголь и Мейерхольд» Белый также приводит высказывание Толстого-Американца и иронически отзывается о Демьяне Бедном («Мейерхольда поймал с поличным Демьян Бедный». – Там же. С.10, 24). Граф Федор Иванович Толстой («Американец») (1782–1846) – отставной гвардейский офицер, известный авантюрист, бретёр и карточный игрок. С.Т.Аксаков свидетельствует в «Истории моего знакомства с Гоголем»: «...я сам слышал, как известный граф Толстой-Американец говорил при многолюдном собрании в доме Перфильевых, которые были горячими поклонниками Гоголя, что он "враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь"» (Аксаков С.Т. Собр. соч. В 4 т. М., 1956. Т.3. С.189); это высказывание приводится, как один из «ультра-реакционных парадоксов», в кн.: Толстой С.Л. Федор Толстой Американец. М., 1926. С.79. Демьян Бедный откликнулся на мейерхольдовскую постановку «Ревизора» лаконичной эпиграммой-рецензией «Убийца» («Ты увенчал себя *чудовищной* победой: / Смех, "*гоголевский смех*", *убил ты наповал*!»), напечатанной 10 декабря 1926 г. в «Известиях» и «Красной газете» (веч. вып.), а также пространным стихотворным фельетоном «Мейерхольдовская старина – из "Золотого руна"» (Известия. 1927. 27 января), в котором критическое неприятие спектакля сочеталось с политическими выпадами и «разоблачениями»: «...нынешняя мейеро-бестолковщина / Есть бесстыдная мережковщина», «И кто носится с "революционным режиссером", / Тот морочит нам голову отъявленным вздором / И тащит нас в мистическое болото», «Покушайте, товарищи... дооктябрьских щей!..» и т.п. См.: Демьян Бедный. Полн. собр. соч. Т.13. М.; Л., 1929. С.151-158.

[87] Имеется в виду фраза из «Старосветских помещиков»: «...ряды <...> дерев, потопленных багрянцем вишень и яхонтовым морем слив» (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т.2. [Л.], 1937. С.13). Ср. в статье Белого «Гоголь и Мейерхольд»: «Быт натуральный дает вишню и сливу; гиперболой быт становится в "яхонтовом море"» (Гоголь и Мейерхольд. С.16).

[88] «Сукно наваринского дыму с пламенем» – в Заключительной главе 2-го тома «Мертвых душ» (ранняя редакция текста). См.: Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т.7. [Л.], 1951. С.99.

[89] См. примеч.7 к п.159.

[90] Неточная цитата из стихотворения А.А.Фета «Фантазия» (см. выше, примеч.6).

[91] Джозеф Джон Томсон (Thomson, 1856–1940) – английский физик; один из создателей электронной теории. Имеется в виду издание: Томсон Дж.Дж. Корпускулярная теория вещества / Пер. с англ. И.Левинтова. [Одесса], 1910. В письме к Д.М.Пинесу от 6 апреля 1927 г. Белый сообщал: «...за март месяц я прочел: "Корпускулярную теорию вещества" Томсона <...>» (Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.90).

[92] Иван Иванович Боргман (1849–1914) – физик, профессор Петербургского университета; автор многочисленных работ в области электрических и магнитных явлений. Цитата из указанной статьи Боргмана – неточная и сокращенная (см.: Новые идеи в физике. Сб.1. Строение вещества. 3-е испр. изд. СПб., 1914. С.105-106).

[93] Имеется в виду следующий фрагмент: «Значительное большинство методов, посредством которых определяется величина атомов, дает нам не геометрическую границу атома, но так называемую сферу молекулярного действия, т.е. наибольшее расстояние, на котором исходящие из атомов силы еще оказывают заметное действие: в сущности, эти методы дают нам скорее динамические, чем геометрические границы атома» (Томсон Дж.Дж. Корпускулярная теория вещества. С.156).

[94] Мф. VI, 34 (церковнославянский вариант).

176. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
20 февраля 1927 г. Детское Село.

20 февраля 1927. Ц<арское> Село.

Дорогой и сердечно любимый друг Борис Николаевич, –
вот она, суета житейская: ровно месяц тому назад вернулся я из Москвы[1], и только сегодня могу урвать час-другой для письма к Вам. Из-за поездки – запустил Салтыкова, надо было спешно кончать комментарии к IV тому[2], сидеть над ними целыми днями; еще и до сих пор не кончил и вряд ли кончу раньше марта. Хорошо хоть, что V и VI тт. давно сданы[3]; но плохо то, что и гонорар за все эти комментарии давным-давно уже получен, так что работы выше головы, да жить не на что. Поэтому одновременно приходится искать и брать для пропитания любую работу – редактуру, корректуру, переводы, а на них уходит все остальное время суток. К ночи – одурело сидишь минут десять на кресле и читаешь отдыха ради какую-нибудь современную дребедень (Сейфуллина, Гладков[4] и К°) или наскоро пробегаешь газету. Так шел день за днем в течение всего этого месяца, так по-видимому, пройдет и месяц ближайший, – а может быть, и месяцы, и годы.

Все это говорю не жалобы ради (жаловаться – и глупо, и не на кого, и незачем), а только чтобы ввести Вас in medias res* той нелепой суеты, в которой не мог за месяц урвать двух-трех часов для письма к Вам. Вот и сегодня – взялся за письмо после дня работы, и заранее знаю, что ничего из письма не выйдет; но если и еще отложить, то напишешь, пожалуй, в греческие календы[5]. К тому же – узнал об оказии в Кучино[6], и решился написать хоть две странички, веря, что не взыщете за пустоту их: где уж тут думать об «объективном наполнении», как выражались наши российские шеллингианцы и гегельянцы 30-х годов.

Но вот что хочу сказать Вам для начала – и в полное противоречие сказанному выше: вся эта усталость, вся эта одурелость от количества и качества работы, все это вечное «безвыходное положение» в области финансовой (за январь заработал редактурой и корректурой около 60 рублей – и на это надо жить), все это вместе взятое – только внешний сор; внутренне чувствую себя вполне бодрым душевно и готовым еще и еще нести этот мусор житейский, пока хватит сил. «Не побежден! не покорен!» – рычит Качалов в «Прометее», сам присочинив и вставив этот стих в Эсхила (как рассказывал мне С.М.Соловьев. Экая безвкусица!)[7]. Мы не Прометеи – куда! Но право же, я и подобные мне – в настоящее время являемся прометейчиками в пародии. Вместо Кавказского хребта – Колпинская улица, вместо скалы – письменный стол, вместо орла или коршуна – простая ворона в образе срочной редактуры какого-нибудь глупейшего переводного романа. До того иной раз она истерзает печень, что так бы и запустил корректурой в стену, – да руки коротки: рад и корректуре, да и ту не знаешь где достать. И несмотря на все это, твердо чувствую: дудки, этим меня до конца не проймешь! (Вульгарная перефразировка пышного Качаловского стиха). Пусть ворона клюет меня еще годы и годы – печень она истерзает, но моего во мне не убьет. Герцен по аналогичному поводу заметил: это не героизм, а ослиное терпение[8]. Конечно, не героизм; но думаю, что и не в одном ослином терпении тут дело. Дело в сознании, что никакие годы не убьют того, что для тебя дорого; *я*-то, быть может, и буду заклеван вороной, но *мое* – сильнее ворон и в свое время снова выйдет на свет Божий. Хорошо бы, конечно, и мне дожить до этого, но – навряд ли придется; а потому – не теряя бодрости, постараемся не потерять себя и свое, у каждого иное.

---

* *в самую суть (лат.)*

Видите, милый, какую несосвятимую ерунду может писать человек после вороньего дня; а потому – круто обрываю, чтобы резюмировать: «жив есмь! жива душа моя!» – и чтобы столь же круто перейти к делу. Дело же у меня к Вам такое для Вас скучное, что заранее прошу не очень сердиться и не очень браниться. Вот оно в двух словах:

Нашелся издатель, который хочет немедленно же издать книжку «Библиография произведений А.Белого» – благо библиографию эту уже ряд лет составляет Д.М.Пинес и теперь уже заканчивает ее. Меня просят дать к этой книжке маленький вступительный очерк на тему «Об этапах творчества А.Белого»[9]. По совести скажу – очень не хочется, потому что я совершенно не умею писать таких статей; а между прочим – надо, потому что очерк этот – conditio sine qua non* издателя для напечатания сей книжки. Вот и хочу я просить Вас – помочь мне, выручить меня: кому, как не автору, знать об этапах своего творчества? Лет десять-двенадцать тому назад я, правда, писал об этом в статье «Андрей Белый»[10]. Насколько помню теперь, в ней дело рисовалось так:

Тема – преодоление космического одиночества. «Символизм» 1900–1904 гг., эпоха «Симфоний» и «Золота в лазури»; эпоха «зорь»; эсхатологические чаяния; все это – первый этап. Второй – крушение эсхатологических упований, тема лжепророка; поиски спасения в «земле», в «народе»; отчаяние; это – 1904–1907 годы. «Пепел» и «Урна», как итоги этого пути. Третий этап – 1907–1911 годы: путь спасения в теоретико-познавательных исканиях; кантианство; разочарование в этом пути. Четвертый этап – 1911–1914 годы: возвращение к «символизму» по новым путям; «Петербург».

Этот первый круг из двух семилетий, из которых каждое распадается на 4 + 3 года, продолжается вторым кругом тоже из двух семилетий, еще не закончившимся: 1914–1928 гг. Первое семилетие 1914–1921 гг. – война и революция, эпоха статей «На перевале», ряда «Кризисов», романов и поэм, заканчивающихся «Первым свиданием». Это семилетие тоже делится на 3 + 4 года: 1914–1917 – годы войны, 1918–1921 – годы революции. Новое, еще не завершенное семилетие 1921–1928 гг. характеризуется снова отчаянием «Берлинского песенника»[11], годами надлома и перелома (1921–1924), годами «Эпопеи»[12] и «Начала века»; подводятся итоги пережитому. Наконец – вторая половина этого семилетия (1924–1928) – «Москва», которая, пожалуй, и будет закончена к 1928 году. Этими двумя семилетиями заканчивается пока второй круг.

Я знаю: все это голо, абстрактно и схематично, почти что столь же сухо, как цифры $3 + 4 = 7$; $7 \times 2 = 14$; $14 + 14 = 28$ и т.п. Но за этим костяком и скелетом цифр бьется живая жизнь. Вот и хочу просить Вас, милый Борис Николаевич, дать мне в своем ответном письме свою «литературную биографию», как можно подробнее обрисовать этапы своего творчества, как Вы их сами чувствуете и сознаете. Чем подробнее – тем лучше: хоть по годам. Милый, дорогой – не сердитесь: знаю, что скучища смертная думать и говорить о себе; но иной раз – приходится. Оглянуться назад на четверть века – иногда жуть берет; одним можно утешаться (если в этом есть утешение), что заглянуть на четверть века вперед – быть может, было бы еще бóльшей жутью. Так вот иногда о себе подумаешь: ну вдруг (чего Боже упаси) суждено тебе прожить еще двадцать пять лет, и все эти двадцать пять лет – с ворóнами, терзающими и печень, и сердце, и душу; будет тебе тогда за семьдесят, – ух! Как хорошо, что заглядывать вперед на свою жизнь не дано человеку!

Впрочем – вздор все это, и напоминает того человека, который назвал свою собаку – «Семизм», для того чтобы иметь возможность щегольнуть каламбуром: «у меня есть пес – Семизм». Так вот, все сказанное только что – это не пессимизм, а именно пёс Семизм. Знаю я, что и другая бывает старость: не старость Задопятова, а хотя бы – Листа, окруженного друзьями и учениками[13]. Но не всегда зависит это от самого человека, часто – и от эпохи. Тут-то и загадочна наша судьба: в эпоху роста вне-культурного поколения. Скифы – это хорошо; но ведь не Скифы теперь перед нами, а Мещане. И новая бóрьба – далеко еще впереди.

Нет, что ни пишу сегодня – все вздор: вороний день сказывается. Надо кончать. Кончу – большой благодарностью Вам за январь, за Москву, за «Москву», за Кучино: я в неделю набрался сил на месяцы. И хотя горько вспоминать мне, что я не только

---

* *обязательное условие (лат.)*

не погасил старого долга, а вошел в новый, но что уж тут... Буду надеяться на будущее. На днях в московской «Правде» прочел, что Мейерхольд в будущем сезоне ставит «Москву» и «Историю одного города» («в обработке Вл.Холмского и Е.Замятина, при вещественном оформлении Петрова-Водкина»)[14]. Кстати: Мейерхольды были у нас в Ц<арском> Селе (25 янв<аря>)[15]; Вс<еволод> Эм<ильевич> просил написать Вам, что чем дальше он от дня чтения «Москвы» Вами, тем ярче и ярче его впечатления, что он совершенно «захвачен» (его слова) «Москвой» и думает о ней беспрестанно. Все это – очень утешительно для возможности реализации им постановки.

Милый и дорогой Борис Николаевич, – кончаю просьбой: сдержать свое обещание и побывать у нас в марте-апреле, побывать «всерьез и надолго»[16], если только работа позволит. Я к тому времени надеюсь хоть немного раскрепоститься от вороньего засилия; а как хочется снова повидаться и посидеть с Вами! Если найдется до тех пор время – ответьте на это мое письмишко, которое мне совестно посылать, хорошим (большим!) письмом; чтение и перечитывание Ваших писем сразу смывает с души всю накипь и всю гарь. Сердечный привет передайте милой Клавдии Николаевне от всех нас; давно собираюсь написать ей отдельно, по разным делам, да все руки не доходят.

Крепко обнимаю Вас и целую.

Сердечно Ваш Р.Иванов.

Пишите! Приезжайте!

[1] Иванов-Разумник вернулся из Москвы в Детское Село 19 января 1927 г. (см. примеч.2 к п.175).

[2] Речь идет о комментариях к «Убежищу Монрепо», «За рубежом», «Современной идиллии» (Салтыков (Щедрин) М.Е. Сочинения. Т.4. М.; Л., 1927. С.623-705).

[3] В т.5 Сочинений М.Е.Салтыкова-Щедрина с комментариями Иванова-Разумника (М.; Л., 1927) входят «Господа Головлевы» и «Сказки», в т.6 (М.; Л., 1928) – «Пошехонская старина».

[4] Прозаики Лидия Николаевна Сейфуллина (1889–1954), Федор Васильевич Гладков (1883–1958).

[5] В греческие календы (ad calendas graecas – *лат.*) – шутливо-ироническое выражение, означающее: никогда, неведомо когда.

[6] Письмо отвез Белому в Кучино М.А.Великанов (см. п.177); ср. запись Белого (25 февраля 1927 г.): «Был проф. Великанов» (*РД*. Л.127).

[7] Работа над постановкой трагедии Эсхила «Скованный Прометей» (вторую часть к которой – «Освобожденный Прометей» – дописал по сохранившимся фрагментам С.М.Соловьев) с В.И.Качаловым в главной роли была начата в МХАТ в мае 1925 г. (режиссер В.С.Смышляев), было проведено 249 репетиций (последняя – 18 января 1927 г.), после чего работа над спектаклем была остановлена (см.: Агапитова А.В. Летопись жизни и творчества В.И.Качалова // Василий Иванович Качалов. Сб. статей, воспоминаний, писем. М., 1954. С.550, 554-555; Строева М.Н. Режиссерские искания Станиславского. 1917–1938. М., 1977. С.124-127). В концертный репертуар Качалова вошли монологи Прометея в сопровождении рояля (музыка А.Н.Скрябина и В.А.Оранского).

[8] Источник высказывания не обнаружен.

[9] Рукопись этого очерка Иванова-Разумника, по всей вероятности, не сохранилась. Предполагавшийся издатель – Ф.И.Седенко (П.Витязев), глава кооперативного издательства «Колос» (закрытого в 1926 г.), связанный с Ивановым-Разумником длительными деловыми и дружественными отношениями. В связи с намеченным изданием библиографии Белого Витязев писал Д.М.Пинесу 5 марта 1929 г.: «Кончай работу об А.Белом. Приведи в порядок, что есть у тебя – и баста! Хватит! <...> Сдам в набор. Бумага лежит даром. Жду»; 5 апреля 1929 г. – ему же: «Торопись с библиографией, а то мы дойдем до такого момента, когда имя А.Белого станет запретным» (*РГАЛИ*. Ф.391. Оп.1. Ед.хр.115). Задуманное издание библиографии Андрея Белого осуществить не удалось. Находясь в ссылке в Архангельске, Д.М.Пинес писал 21 декабря 1935 г. А.Г.Фомину: «У меня нет никакой уверенности в том, что библиография произведений Андрея Белого будет теперь напечатана. Без меня, но большей частью по моим мате-

риалам, она была подготовлена (женою А<ндрея> Б<елого>) для предположенного собрания стихотворений – в изд<ательстве> “Academia”, в 1934 г. уже сверстанного. Но оно не появилось совсем. – М<ожет> б<ыть>, теперь удастся приложить библиографию к “Обзору литературного наследия Андрея Белого”, который должен появиться в выпуске “Литер<атурного> Наследства”, посвященном творчеству русских символистов. Пишу: “*может быть*”, п<отому> ч<то> вообще-то таковыми делами “Лит<ературное> Насл<едство>” не занимается. Все же я взялся за дополнения, обработку и т.д. подготовленной ранее библиографии <...>» (*ИРЛИ*. Ф.568. Оп.2. Ед.хр.415). В т.27/28 «Литературного наследства» (М., 1937) многочисленные библиографические сведения, восходящие к разысканиям Пинеса, включены в текст обзора «Литературное наследство Андрея Белого» (С.575-638), авторами которого обозначены К.Бугаева и А.Петровский (имя Пинеса, как репрессированного, не было указано). Ср.: Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.91 (комментарий Дж.Мальмстада).

10 См.: *Вершины*. С.29-86.

11 Подзаголовок книги стихов Андрея Белого «После разлуки» (Пб.; Берлин, «Эпоха», 1922).

12 Название журнала, выходившего в Берлине в 1922–1923 гг. под редакцией Андрея Белого (№1-4), и одновременно название задуманного Белым цикла автобиографических произведений, из которого были осуществлены «Записки чудака» (т.1-2. Берлин, 1922).

13 Профессор Задопятов – один из героев романа «Москва». Франц Лист (1811–1886) в последние годы жизни преподавал в Веймаре, где у него учились известные пианисты А.И.Зилоти, А.Рейзенауэр, Э.д’Альбер, Э.Зауэр и др. (см.: Зилоти А. Мои воспоминания о Ф.Листе. СПб., 1911).

14 В «Правде» 18 февраля 1927 г. (№40. С.8) под рубрикой «Театр» появилось следующее сообщение: «Государственный театр имени Вс.Мейерхольда. В репертуар включены следующие пьесы: “Хочу ребенка” С.М.Третьякова, “Горе от ума” А.С.Грибоедова, новая пьеса В.В.Маяковского, новая пьеса Н.Эрдмана, “Москва” Андрея Белого, “История одного города” по М.Е.Салтыкову-Щедрину, в переработке В.Холмского и Евг.Замятина и вещественном оформлении худ. Петрова-Водкина. Работы над первыми двумя пьесами уже начались. “Хочу ребенка” пойдет в текущем сезоне». 6 февраля 1927 г. Иванов-Разумник сообщал В.Э.Мейерхольду: «Петров-Водкин занят вчитыванием в “Ист<орию> одного города” и будет ждать известий от Вас» (*РГАЛИ*. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1626). В связи с привлечением Е.И.Замятина в качестве соавтора по инсценировке «Истории одного города» Иванов-Разумник писал ему 4 марта 1927 г. – перед намечавшейся поездкой Замятина в Москву: «Так как Вам придется иметь разговор с Мейерхольдом о сценической обработке материала, то мое pium desiderium заключается только в возможной сохранности салтыковского текста. Вы сами увидите, что к сему есть полная возможность <...> по приведении пьесы в окончательный вид не могли бы Е.Замятин и Вл.Холмский напечатать ее?» (*ИМЛИ*. Ф.47. Оп.3. Ед.хр.91. Более пространная цитата из письма – в послесловии А.Галушкина к публикации замятинского текста «Истории одного города»: Странник. 1991. Вып.1. С.30). Продолжение темы – в письме Иванова-Разумника к Мейерхольду от 31 марта 1927 г.: «Был у меня вернувшийся из Москвы Замятин, рассказывал о Ваших разговорах с ним по поводу “Истории одного города”. Думает к середине июня уже закончить свою редактуру и, обсудив текст с Вл.Холмским, отослать его Вам. <...> Приятель мой, Владимир Васильевич Холмский, совершенно согласен с Вами и Замятиным, что всю эту вещь надо бы как можно больше “осовременить”, – что <...> совершенно совпадает с салтыковским пониманием “Истории одного города”, как вовсе не пародии на историю, а как сатире на современность (любую – салтыковскую, нашу). Влад<имир> Вас<ильевич> Холмский немного боится только одного: как бы в Замятинской переделке не остались от Салтыкова одни лишь рожки да ножки. Это случилось с Лесковым в “Блохе”. Замятин, конечно, хороший писатель, но Лесков и Салтыков – еще лучше. <...> Кстати, Холмский думает, что чем меньше псевдоним его будет раскрываться (даже в частных беседах), тем будет лучше; как Вы полагаете? Здесь в Питере все уверены, что приятель мой, Вл<адимир> Вас<ильевич> Холмский, живет где-то в Берлине и прислал мне свою рукопись, как “спецу” по Салтыкову» (*РГАЛИ*. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1626).

15 Ср. сообщение в письме Иванова-Разумника к А.Н.Римскому-Корсакову от 25 января 1927 г. из Детского Села: «Только что уехал от меня Мейерхольд, сегодня же вечером уезжающий в Москву» (*РИИС*. Ф.8. Р.VII. Ед.хр.216).

16 Выражение из доклада В.И.Ленина на IX Всероссийском Съезде Советов 23 декабря 1921 г. «О внутренней и внешней политике республики», примененное к новой экономической политике (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. М., 1964. С.311).

177. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ - ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
1–3 марта 1927 г. Кучино[1].

Кучино. 1-го марта. 27 года.

Дорогой и глубоколюбимый Разумник Васильевич,

только что закончил письмо Вам[2], как явился М.А.Великанов с Вашим письмом; в нем, кроме тем личных, есть, так сказать, полуделовая, или, даже, *деловая* просьба, чтобы я написал вам о, *так сказать*, «*этапах*», *так сказать*, «*творчества*». Пишу с «*так сказать*», ибо в применении к себе самому себе самому стыдно говорить об «*этапах творчества*». Поскольку же Вам это нужно, представляет интерес, распутывает ходы мыслей и т.д. – спешу ответить по возможности внятно и спешно. И даже: предел спешности – 2 вечера, из которых, опять-таки, не могу уделить ответу оба вечера *сполна*; стало быть: надо спешить, в два вечера исчерпать тему об «*этапах*». Послезавтра является в Кучино отъезжающий в Ленинград Макридин; и берет мой «*деловой*» ответ[3].

Чтобы ответ был «*деловой*», – сразу элиминирую в этом письме все прочее, т.е. не отвечаю Вам на «*темы*» Вашего письма (они – предмет ответа в «*свое время*»); и воздерживаюсь от всего, с чем бы хотел к Вам просунуться.

И хотя, признаться сказать, мне очень скучно говорить об «*этапах*» своего «*творчества*», однако, встряхнувшись, потерев лоб и наморщивши чело, безжалостно обрываю эту скуку в себе; и – принимаюсь за тему «*этапов*» так, как если бы она была самой близкой, насущной, единственной.

То есть, – буду сериозен.

Гм!.. Ну – начнем.

. . . .

Для меня тема этапов писаний не может не слиться с другой темой: этапов жизни; над последней темой я много думал, порой чрезвычайно удивлялся тому, как мудро устроена жизнь, что в ней есть подгляды в ритм и что даже в моей жизни теперь, из моих 46<-ти> лет, мне явно видится *клавиатура*; и – да: тут мы совпадаем с Вами; и я – сторонник «*семизма*» в моей жизни, т.е. схемы семилетий; но иногда бываешь в затруднении, где подлинное семилетие.

Из даилектики числа «*7*» я в других случаях строил себе схему; и она соответствует многому.

Все – понятно: т.е. понятно, что «*1*» соответствует «7», 2 – 6, 3 – 5 в обратной симметрии; и – кроме того: «*4*» – неповторимое число. Кроме того: имеют значение в проблеме семилетий – год открывающий и год заканчивающий семилетие.

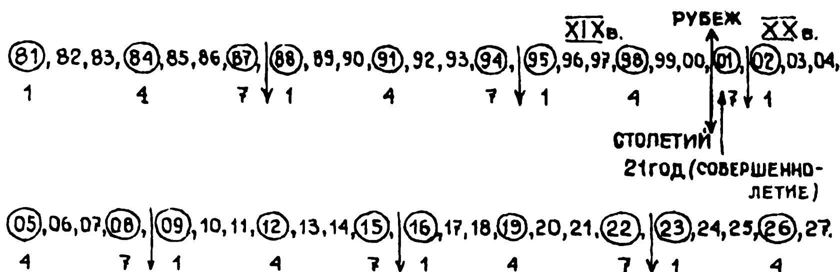
В схеме «*семерок*» 3 года значимей: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7

В моих судьбах я прежде всего замечал влияние числа 1, 4 и 7.

Но вглядываясь пристально в линию годин, видишь осложнение ритма «*7*».

Я родился 27 октября 80 года по новому стилю; для простоты откидываю 2 месяца 80 года; первый год моей жизни ведь протекал всецело в 81 году, а не в *80-ом*. Так мне проще считать жизнь по семилетиям.

Вот линия лет[4]:



31 Зак. 3782

Вот линия лет с разрезом на семилетия; эти семилетия в «*общем и целом*» совпадают для меня со следующими зонами развития[5]:

1) <18>81 – <18>87 :	Сказочный период.
2) <18>88 – <18>94 :	Период прозы.
3) <18>95 – <1>901 :	Период выработки мировоззрения; первый этап творчества; эстетизм, символизм, буддизм, Шопенгауэр; окончание – эпоха зори. Надо всем – влияние семейства Соловьевых.
4) <1>902 – <1>908 :	Эпоха символизма, «*Весы*», влияние Брюсова, Э.К.Метнера, Морозовой; дружба с Мережковскими, влияние поэзии Блока, а потом дружба и вражда с Блоком; словом – Блок на моем горизонте.
5) <19>09 – <1>915 :	Эпоха исканий в сфере эсотеризма; путь с Асей; разрыв с Метнером, Брюсовым и рядом былых друзей.
6) <1>916 – <1>922 :	Война, революция, «*Вольфила*»; крах прошлых путей; общение и дружба с Р.В.Ивановым.
7) <19>23 – <19>29 :	?

Я нарочно охарактеризовываю обще эти семилетия, ибо каждое распадается отчетливо на два под-периода по схеме 1 – 4 – 7
1 2

Беря дробно, имею:

1) <18>81 – <18>84 :	От мифа к сказкам.
2) <18>84 – <18>87 :	Угасание сказочности; наблюдение над внешним миром; религиозность.
3) <18>88 – <18>91 :	Со-знание; самостоятельность; сознательная игра в жизнь; немота.
4) <18>91 – <18>94 :	Гимназия: от первого ученика к «*лентяю*»; немота.
5) <18>95 – <18>98 :	Самосознание, чувство греха; опыты творчества «*про себя*»; декадентство, пессимизм, буддизм.
6) <18>98 – <19>01 :	От трагизма к апокалиптизму; от дома Соловьевых к Вл. Соловьеву.
7) <19>02 – <19>05 :	Период солнечной лирики, Ницше, аргонавтизм; *Блоки*, Мережковские.
8) <19>05 – <19>08 :	Период «*Пепла*» и «*Урны*»; Кант; скептицизм; отдаление от Блоков и Мережковских. От революции к реакции.
9) <19>09 – <19>12 :	Оккультизм, Минцлова, «*Мусагет*», искание пути жизни; ритмика; романы: «*Сер<ебряный> Голубь*», «*Петербург*».
10) <1>912 – <19>15:	Антропософия, Штейнер, жизнь за границей; ощущение кризиса, оккультные достижения, война. От реакции к революции.
12) <1>916 – <19>19:	Россия, революция; трансвланация «*антропософии*» в «*философию сознания*»; работа кружков, лекции и т.д. От револ<юции> к реакции.
13) <1>919 – <1>922:	Кризис в революционных чаяниях; «*Вольфила*»: (в Петербурге и в Берлине); философия культуры; эпоха решительного расхождения с Асей с <1>919 года, окончившаяся явным разрывом отношений; стремление уехать из России, уезд и жизнь в Берлине; трения с антропософами на западе.
14) <1>923 – <1>926:	Тяга к России, возвращение; медленное выздоровление; новый подход к проблемам антропософии; от «*беспутицы*» (<19>23 год) к попытке выработать ритм жизни (1926).

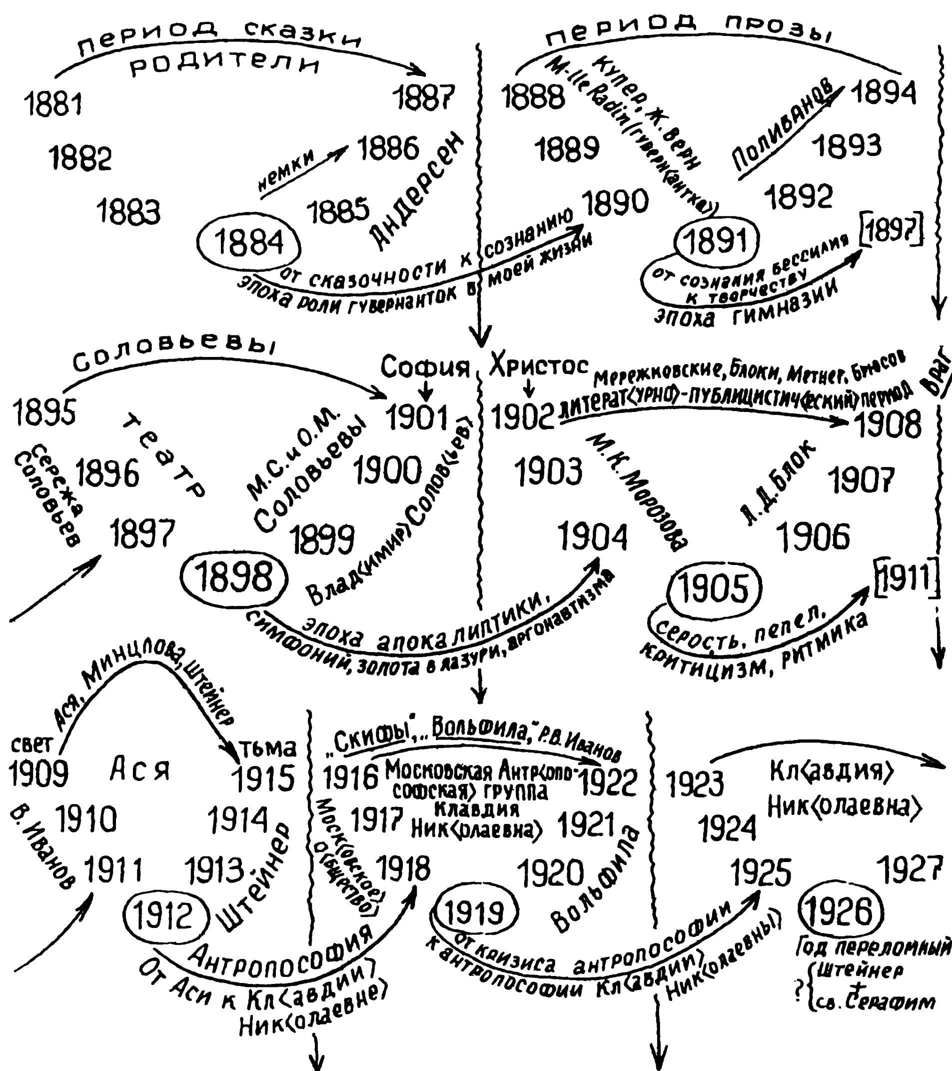
Не знаю, говорит ли что-либо постороннему оглавление этих четырехлетий; для меня эти четырехлетия разительны; внутри каждого семилетия, окрашенного своеобразно, я ощущаю посредине его отчетливый толчок, сворачивающий линию интересов.

Так что ритм годин, собственно говоря, изобразим мне – так.

81 87	88 94	95 01	02 08	09 15	16 22	23 29
82 86	89 93	96 00	03 07	10 14	17 21	24 28
83 85	90 92	97 99	04 06	11 13	18 20	25 27
84	91	98	05	12	19	26
1-ое сем<илетие>	2-ое сем<илетие>	3	4	5	6	7

При таком начертании синкопического ритма мне открываются, так сказать, семилетия 2-го порядка, т.е. от *интервала* внутри семилетия к *интервалу* внутри следующего семилетия.

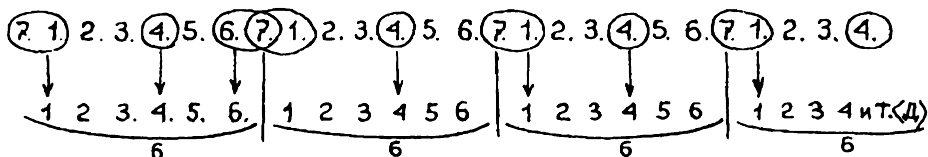
Так что[6]



Видите, какое получается осложнение ритма; в нем вычерчивается значимость, или возможная значимость лет в двух, например, смежных периодах.

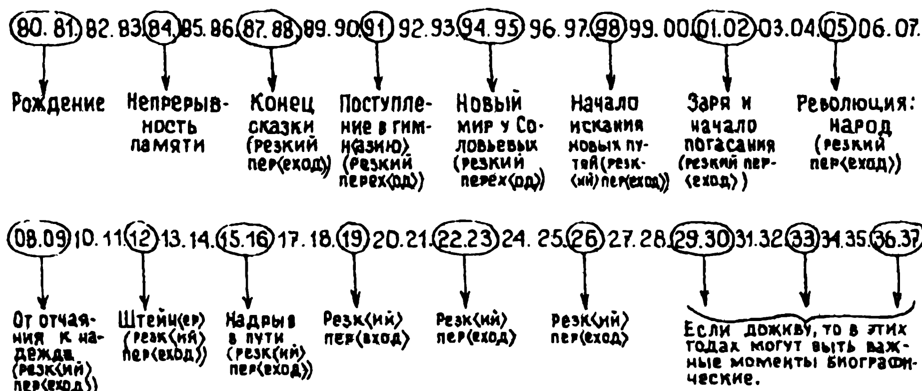
(1.) 2. 3. (4.) 5. 6. (7.) | (1.) 2. 3. (4.) 5. 6. (7.) | (1.)

Опыт жизни моей мне указывает, что в двух смежных периодах «*7*» предыдущего + «*1*» последующего как бы стремятся стянуться в *двухгодия*; и эти *двухгодия* в сумме являют разительный интервал; середина семилетия, т.е. «*4*», тоже в моей жизни являла перевал. Так приходишь как бы к редукции 7-летия в 6-летие; т.е. имеешь:



То есть, подлинный период колеблется между числом «6» и «7»; он – больше «*6*»; и меньше – «*7*».

Подсматриваю и более сложные модуляции этих ритмов, но очень трудно их отчетливо прочесть; поэтому и не пытаюсь их выявить Вам. Думаю, что *лейт-мотив* подсмотренного Вам ясен*.



* *По техническим причинам текст на с.485 воспроизводится в горизонтальной проекции (Ред).*

На основании предыдущего делю на периоды механически; и далее заполняю клеточки эпохой возникновения книг.

95 96. 97. 98 99. 900. 01. 02. 03. 04. 05 06. 07. 08. 09 10. 11. 12 13. 14. 15. 16 17. 18. 19 20. 21. 22. 23 24. 25. 26 27

Первые стихи. Первые отрывки прозы.

2-ая драма. План драмы „Пришедший". Ряд отрывков в прозе, стихи.

Первая уничтож(енная) симфония. Стихи.

Стихи, первая драма.

Первые юношеские опыты. Все утрачено.

„Северная Симф(они)я",

„Драм(атическая) Симф(о-ния)"

„Возврат" 4-ая Симфония (ее четвертая редакция есть „Кубок Метелей")

Стихи эпохи „Золота в лазури"

Эпоха Симфоний и „Зол(ота) в Лазури."

Эпоха статей „Символизма", „Арабесок" и „Луга Зеленого"

стихи „Пепла"

стихи „Урны"

Переработка 4-ой Симфонии в „Кубок метелей" или: порча 4-ой Симфонии

Поэма: „Дитя Солнце" (утрачена)

эпоха „Пепла" и статей

„Пут(е-вые) Замет-ки"

„Сереб-р(яный) Голубь"

Стихи „Рыцари и Королевна"

„Петербург"

Романы („Голубь", „Петерб(ург)") и Пут(е-вые) Заметки".

Книга: „Штейнер и Гете"

„Котик Летаев"

„Кризисы" (жизни, мысли)

„Ритмич(еский) жест"

„Глоссолалия"

Стихи „Звезда"

„Кризис культуры", „Христос воскресе", „Записки чудака"

„Лев Толстой"

„Кризис Сознания"

Черновик „Преступления Ник(олая) Лет(аева)"

Тема кризисов, глоссолалии, „Котика", „Николая Летаева", „Звезды", „Записок Чудака" и „Первого Свидания"

„После разлуки", „Преступ(ление) Николая Летаева", „Первое Свидание", „Воспоминания о Блоке"

„Воспом(инания) о Блоке"

3 тома „Начала Века"

Драма „Петербург"

Первый том романа „Москва"

„История самос(ознающей) души" (черновик)

„Воспоминания о Штейнере" (черновик)

25–27 „Москва" „История самосозн(ающей) души" „Штейнер"

Долитературный период отрезывается отчетливо переломными годами.

7 лет

Символизм и критицизм

Семь лет

4 года

4 года

Романы

4 года

Промежуточный период: „Котик" как бы притянут к след(ующему) пер(иоду).

3 года

(Тема: „Антропософия и „Я")

семь лет

Эпоха: „После разлуки" и „Начало Века". Разуверение. Прошлое.

Обретение „веры" и „надежды"

95 98 900. 901. 905. 08. 09 12 15. 16 19 22. 23 26

Дорогой Разумник Васильевич, привожу Вам на предыдущей странице хаотический набросок: наверху линия лет с годами, обведенными кружочками; это годы, в которых внутри моей биографии происходили решительные моменты, переворачивавшие жизнь.

Под линией хаотически набрасываю главные «*произведения*», написанные в этот период; к ним ведут линии со стрелками, сверху вниз, т.е. от *числа* года к заглавию произведения.

Под хаосом кое-как набросанных заглавий попытка стянуть группы заглавий к этапам, уже не лично биографическим, а, так сказать, «*литературно-тематическим*»; еще ниже опять в соответствующих местах – переломные времена и от них, снизу вверх, стрелки, разрезающие заглавия. Видите, что стрелки имеют тенденцию совпадать с литературными «*эпохами*», т.е.: «*эпохам*» личной биографии как бы соответствуют «*эпохи*» творчества, и тут, и там есть тенденция выявить периоды или в «*4 года*», или в «*7 лет*», или в «*4 + 3*» лет. Я нарочно ничего не приглаживаю, ничего не подсочиняю, предоставляя Вам чистое «*сырье*», которое охарактеризовать даже сам затрудняюсь; конечно, многое здесь вижу, но не хочу резать по живому.

Отсюда – неряшливость, неотчетливость, неуверенность. Ритм моей внутренней биографии внятен мне; и ясно, что этому ритму во многом соответствуют и «*эпохи*» написания того или этого: и в «*сюжете*», и в литер<атурном> «*стиле*». Но в точности сам не вижу многого; и боюсь «*внешне*» приладить «*эпохи*» книжные к эпохам «душевного развития».

Отсюда и «*грязь*» схемы: за нее простите от всего сердца меня.

Вот на этом-то фоне, на фоне смутно нащупываемого ритмического костяка, думается мне, и следовало бы мне *точнее* понять ритм становления «*образов*», осевших позднее в мои книги; но никогда много не думал в этом направлении; и потому буду просто описывать «*этапы*», взятые в грубом, не слишком пристальном разрезе.

Почему первый «*этап*» в его становлении для меня начинается с семилетия, открывающегося 95-ым годом? Потому что выявлению «*творчества*» способствует особая культура, которая откупоривает душу, как бутылку, sui generis «*штопором*»; таким способствующим штопором был для меня дом Соловьевых, та своеобразная, питающая творчество «*культура искусств*», которой я стал дышать с 1895 года; тут с одной стороны воспитание вкуса хорошими образцами: Шиллер, Шекспир, Пушкин, Тютчев, Фет, Жуковский и т.д. С другой стороны смелость и непредвзятость во вкусах: Верлэн, Метгерлинк, импрессионисты, прерафаэлиты, Рэскин[7] и т.д. Наконец: сознание, что выявлять себя в стихах и прозе – «*не стыдно*», а естественно. Я познакомился с домом Соловьевых в 1895 году, а в конце 1896 года я уже про себя пишу; помнится: какая-то несуразная поэма белыми стихами на тему «*Крестоносцы*», навеянная «*Освобожденным Иерусалимом*»; помнится: отрывок прозы для гимназического журнала, удививший товарищей «*художественностью*»[8]; с 1887 года я уже, так сказать, перманентно пишу; энное количество стихов моих *ужасно*, *безудержно* декадентские; в этот период Верлэн и Метгерлинк – непроизвольные инспираторы моей беспомощной лирики; они – «*дрожжи*», а «*тесто*» дрожжей – Бальмонт и... представьте... Полонский[9], которым одно время я, Бог весть почему, увлекаюсь. Помнится, что моим первым лирическим произведением (кажется – 1896 год) было следующее четверостишие:

Кто там плачет над могилой
У подгнившего креста?
Это волки завывают?
Нет, то плачет тень моя.

В эту эпоху я пишу неоконченную поэму под названием «*Тристан*» (5-стопный ямб). И какую-то ужасную философскую галиматью с претензией на Гете и на «*Дон Жуана*» Алексея Толстого[10]; в поэме – духи цветов, ангелы, двойники. От всего остались в памяти две невероятных строки:

О, – двойник, двойник!
О, – второй мой лик!

В 1898 году я уже автор целого сборника стихов, совершенно беспомощных, если их сравнить с «*Ante Lucem*» Блока, но сквозь всю беспомощность, помнится, в иных

строках есть «*что-то*»... Остатки этого периода, переписанные в тетрадь, путешествовали со мною; и, кажется, оставлены в груде вещей – в Дорнахе[11].

В 1897 году я написал 2-актную драму (названия не помню), навеянную Ибсеном, Метерлинком и «*Ганнеле*» Гауптмана[12]; «*драма*» ужасно понравилась С.М.Соловьеву, который, кажется, помнит ее содержание лучше, чем я[13]; кажется, что главное действующее лицо, некто Колосов, банкир, в молодости кого-то обобравший, кому-то сломавший жизнь, под действием встречи с некоим мистиком, «*Преображенским*», напомнившим ему его былое преступление, заболевает нервной горячкой; 2-ой акт изображает не то «*бред*» горячки, не то явление всякой мистической «*флоры и фауны*» не без содействия ночного сторожа дачи, в которой бредит «*Колосов*». Из всего драматического бреда помню лишь одну фразу бредящего Колосова, ибо она – шедевр: «*Преображенский стал Вознесенским и Спасским*!» Под этой фразой, помню, подпись С.М.Соловьева синим карандашом: «*Превосходно*!»

Рукопись утратилась; вероятно, ее устыдившись, сам же ее уничтожил.

В 98 году тоже написал драму уже под явным влиянием одноактных «*пьесок*» Метерлинка; и – тоже уничтожил.

В 98 году писал много стихотворений в прозе (помесь Тургенева, Эдгара По со всем наилевейшим, наинепонятнейшим); к этому периоду относятся отрывки «*Волосатик*», «*Ревун*», припечатанные к «*Золоту в Лазури*»[14], впоследствии причесанных* и, так сказать, темперированных, поданных не в *революционной* косматости «*98*»<-го> года, а в *кадетской* эстетически-культурной оправе, в стилистике (сквозь призму 1903 года). В 98<-м> году у меня было много подобных отрывков, один сног<с>шибательнее другого; среди них помню «*В садах Магараджи*», *ужасно* нравившийся Сереже Соловьеву; и помню через каждый абзац рефрены: «*В садах – блестит... В садах – сверкает...*» Или: «*В садах Магараджи кто-то курит: курит до опьянения*». Был отрывок «*Черный поп*»! Был отрывок «*Мать*»! Была поэма на тему «*Мать – вампир*». Лирика этих отрывков – невероятна; жаль, что исчезли, а то можно было бы похохотать. Так, рефрены одного отрывка: 1) «*Сидишь ты, – зеленая, раззеленая...*», 2) «*У меня и так истерия: мне больше ничего не нужно*»[15].

Но в 98-м же году впервые (за год до появления «*Антихриста*» Влад.Соловьева)[16] в церкви (это было в страстной вторник)[17] просто осенили *гигантские* образы огромной мистерии «*Антихрист*», план которой (ряд сцен) был записан, а несколько сценок набросаны[18]; впоследствии я две сценки опять-таки «*зализал*»; 2 появились в печати: в 1903 году в «*Северных Цветах*» («*Пришедший*») и в «*Золотом Руне*» в 1906 году («*Пасть ночи*»); прочие вместе с планом пропали, да и я отступил от замысла, который и до сей поры считаю грандиозным и которого в этом воплощении не осуществить. Этот *замысел* произвел в моей душе сдвиг к *апокалиптике*, к чаяниям, к ожиданию *Конца*; так что считаю, что моя, в душе написанная, «*Повесть об Антихристе*» предваряет соловьевскую; отсюда и встреча моя с Владимиром Соловьевым в 1900 году; она была предестинирована переживанием образов весны 1898 года.

В будущем из незаписанных тем «*Антихриста*» моего всплыла вся серия стихов «*Не тот*», «*Безумец*»[19], вплоть до «*Арлекинады*» сборника «*Пепел*», вплоть до «*философического*» соблазнителя стихов «*Урны*»; позднее «*Адам Петрович*» из «*Кубка Метелей*», как и рассказ «*Адам*» («*Весы*» за 1907 год)[20], – струи темы мистерии «*Антихрист*», не нашедшей воплощения, но просачивающейся то в лирику, то в прозу.

Мне понятно, почему я отступил от темы этой «*мистерии*»; ключ к пониманию ее, к раскрытию душевных корней, могущих увидеть нечто от «*Не тот*», – курс Штейнера – «*Пятое Евангелие*», слышанный в 1913 году в Христиании[21]; теперь мне ясно, что тема моего «*Антихриста*» есть попытка выявить ложность смещения темы «*Иисус*»; «*Иисус*», шедший к Иордани, но *не дошедший*, услышал бы: «*Сын мой возлюбленный*»[22]. Но это был бы голос... Аримана. И отсюда восстание темы «*Антихрист*».

Я нарочно подробно останавливаюсь на моменте, в который встали мне не нашедшие формы образы «*Антихриста*», ибо они – этап: от до-литературной стадии, катакомбной, моих писаний: к предлитературной, к 1899 году.

---

* *Так в автографе.*

Этот год открывается замыслом драмы, под названием: «*Старушка Мертваго*». Некоторые замыслы ее сообщаю С.М.Соловьеву, но он со смехом мне говорит: «*Послушай, Боря, это же – твоя бабушка*». (Моя бабушка только что скончалась)[23]; это открытие так перепугало меня, что «*Старушка Мертваго*» тотчас же исчезла с моих творческих горизонтов; и я отдался странной, дикой, туманной, космической эпопее в прозе; в небесах этой поэмы постоянно проносится «*облачко крыл херувимов, несущих некий престол*», а под небесами от времени до времени открываются панорамы жизни некоего «*вечного жида*», бывшего ребенком в раю, потом ставшим царем мира и наконец палимым молниями небесной ярости и т.д. Над формой этой поэмы я работал в «*поте лица*» с зимы до осени 1899 года; потом «*поэма*» несколько лет лежала у меня; потом я ее уничтожил[24].

Из этой формы родились «*Симфонии*». Собственно говоря, первой Симфонией была не *Северная*, а эта, уничтоженная. «*Симфонии*» родились во мне «*космическими*» образами, без фабулы; и из этой «*бесфабульности*» кристаллизовалась программа «*сценок*». Еще должен сказать: бесфабульности соответствовали многообразные мои музыкальные импровизации на рояле (с 1898 года до 1902 года), вылившиеся в *темы*; и к музыкальным темам писались образы; «*Северн<ая> Симфония*» и «*Московская*»[25] имели свои музыкальные темы (я их разбирал на рояли); «*Возврат*» был уже *отрывом* от рояля. Он – мое первое «*литературное*», и только, произведение.

Вскоре за уничтоженной «*Симфонией*» следует начало «*Северной*», которую пишу весь 1900 год; в этом году я много работаю в университете, много читаю по естествознанию; и времени на «*творчество*» у меня нет. Вскоре за «*Северной*» я пишу «*Московскую Симфонию*»; время окончания первой – декабрь 1900 года; в марте 1901<-го> в два-три дня пишу первую часть 2-ой Симфонии; можно сказать, в сутки пишу вторую часть (между двумя экзаменами, в мае); в несколько дней – 3-ью часть, в июне; и весь июль и август – 4-ую часть; уже с октября 1901 года пишу «*Возврат*», который кончаю вчерне к весне 1902 года, а летом 1902 года пишу *первую редакцию 4-ой Симфонии*, и в том же 1902<-ом> – вторую редакцию, уже портящую первую. Считаю *нормальной* 4-ой Симфонией эти не существующие первые две редакции (2-ую редакцию читал Соловьевым в 1902 году осенью)[26].

Таким образом, от 1899 года до конца 1902<-го> пишу одну за другой пять «*Симфоний*» (одна – уничтожена; она – *допечатный* период; другая, не напечатанная, лежит года, перезревает в сознании; и потом уже в 1906 и 1907 годах *изламывается* 3-ьей и 4-ой редакцией в многослойный, пере-пере-мудреный «*Кубок Метелей*»; да и понятно: позднейшая работа над «*Кубком*», работа из периода, разорвавшего все с эпохой «*Симфоний*»: над этою эпохою).

В сущности, эпоха написания «*Симфоний*» есть 1899–1902 года. В этом периоде завершается путь первого семилетия; начал писать в 1896<-ом>; и путь исканий вылился в 1902 году четырьмя «*Симфониями*», вышедшими в свет; последняя вышла гораздо позднее; и – в *перекалеченном виде*.

Но в литературе появляюсь лишь с весны *1902* года; и если брать меня в литературно-печатном аспекте, то эпохой «*Симфоний*» + «*Золота в лазури*» можно назвать 1902–1905 год.

«*Симфонии*» во внутренней теме записаны уже в 1902 году; они *стали* во мне; они начали «*становиться*» с 1898 года: 1) образы мистерии «*Антихрист*», 2) отрывки в прозе, 3) уничтоженная «*космическая*» Симфония 1899 года. И, наконец, зафиксированные 4 темы четырех симфоний – 1900–1902 годы. Если период 1899–1901 есть во мне период симфонических «*становлений*», то период 1902–1905 – период *последствий*, вытекающих из эпохи зари; это – *post factum*; и таким *post-factum*'ом является для меня моя печатная лирика: 1902, 1903, начало 1904 <г.> тянется период «*Золота в Лазури*», внутренне связанный с «*Симфониями*»: тема воздуха, света, лазури; «*стиль*» образов, краски образов перекликаются: «*таяла розовая башня*», «*Великан Риза*» первой «*Симфонии*»[27]; и тема «*великана*», «*кентавра*» и т.д. в «*Золоте в Лазури*»; но «*великан Риза*» в Симфонии – не облако, а живое, стихийное существо; «*великан*» «*Золота в Лазури*» аллегоричен, орнаментален; сперва он – «*становление*»; потом – «*ставшая форма*», завершение.

Тема батюшки Иоанна, белого священника, – жива в «*Моск<овской> Симфонии*»; эта тема в «*Золоте в Лазури*» – форма.

Восторгом солнечным зажженный иерей,
Повитый ладаном, выходит из дверей[28].

«*Мистики*» *московской* Симфонии в «*Золоте* <*в*> *Лазури*» – «*не те*», «*безумцы*», «*дурачки*»:

Ей машу колпаком:
«Скоро, скоро увидимся мы»[29].

Ближе всего перекрещиваются темами тема «*Возврата*» (3-ьей Симфонии) с темой «*Безумца*». Сравните: Хандриков в санатории д<окто>ра Орлова с →

Здесь безумец живет
Среди белых сиреней[30].

Оба – тонут: и Хандриков, и безумец.

«Нет – ничего: и – ничего не будет».
(Из стихотв<орения> 1902 года)[31].

В это же время переделывалась симфония «*Возврат*» в линии: «*будет*», если ты с лодкой опрокинешься[32].

Не стану проводить аналогий.

Эпоха 1902–1904 в «*Золоте в Лазури*» есть эпоха эстетического остывания в «*ставшее*» становлений, волнений эпохи 1899–1901 годов (у Блока – «*от ante lucem к lux*!»)[33]. И у Блока же: от 1902 к 1904 эпоха: «от *lux* к *post lucem*».

Но симфонический воздух, стиль, краски, как орудие письма, не пресекается и в *1904*, и в *1905* годах; именно: в ряде статей: «*Символизм, как миропонимание*», «*Маска*», «*Окно в будущее*», «*Химеры*», «*Сфинкс*», «*Апокалипсис русской поэзии*» стилистически еще держится в «*эпохе симфоний*»: те же звуки, те же темы, те же краски; и в ряде стихов, хотя и отлетевших в «*Пепел*» по воздуху и краскам, – «*Золото в Лазури*», как-то: «*Поповна*», «*Только лен провевает атласом*».

Ринемся к ним
Сквозь это марево пыли:
Плавно взлетим –
Взмахом серебряных крылий[34].

Это же «*Золото в Лазури*» по теме, а напечатано в книге «*Пепел*» (1905 год); наконец: пропавшая поэма «*Дитя-Солнце*», писанная в июне 1905 года, – насквозь *золото*, насквозь – *лазурь*: по приему, по краскам[35].

Так что: хотя стиль эпохи «*Симфоний*» уже из становления становится *формой* к концу 1902 года, однако *ставшая форма* держится в выявлениях «*творчества*» до 1905 года; считаю, что она становится впервые смертельно раненой, *нá-смерть* раненой во мне, июлем 1905 года: в этом месяце тяжелая жизнь в Шахматове (см. «*Воспоминания о Блоке*»)[36], после которой – нет мне покою.

С другой стороны: «*Пепел*» в теме «Пепла» («*Исчезни в пространстве*, *исчезни*»)[37] уже врывается остро в мою жизнь с весны 1904 года; и моментами остро ранит.

Так: в марте 1904 <г.> пишется «*Безумец*».

Золотой мой фонарь
Освещает лучом ваши окна[38].

А в апреле, недели через 3, пишутся строки:

Я понял все. Мне все равно.
Я не боюсь. Мой разум ясен[39].

Расстояние – 3 недели; но «*Безумец*» – в «*Золоте в Лазури*», а приведенные строки – в «*Пепле*».

С 1904 года «Пепел» еще – «*пред-пепелит*», а чистая лазурь, так сказать, – «*после-лазурит*». Если бы перечли все, мной написанное за 1905 год, то удивились бы: 1) мало написано, 2) в написанном – острое перекрещение двух течений: остатков былого света в былом «*стиле*» с началом грядущего *мрака* в наступающем стиле.

Типична для <19>05 года и тональность «*Золота в Лазури*», но остывшая и потухающая:

И вот меж тонких, тонких верб, –
Одна, одна, одна: в кручине.
Одна гляжу, как вешний серп
Блестит, блестит: в пустыне синей[40].

Сравните со строками:

И, проигравшийся игрок, –
Я встал: неумолимо строгий –
Плясал безумный кэк-уок,
Под потолок бросая ноги[41].

И то же сравните в линии статей: какой контраст между «*Апокалипсис в русской поэзии*», где все полно зова и грусти: «Явись: мир ждет!»[42] – с рассерженной реалистической темой «*Ибсен и Достоевский*», в которой «*мистическому пьянству*» Достоевского противополагается хмурая застегнутость Ибсена.

Скажу для Вас: фраза «*явись*» – еще весна *1905 года*; еще верю в «символ» зари и верю в символизм «*пути с Блоками*»; верю и в торжество революции; статья «*Достоевский и Генрик Ибсен*» – окончание 1905 года; уже знаю, что в отношениях моих к «*символу*» нет «*символизма*» (Л.Д.); уже знаю – «*будет трагедия*»; уже знаю: после «*декабрьского восстания*» революция сорвется; и отсюда во всех линиях пути – непроизвольно вырываются: максимализм, бунт, бомбизм (долой «*Блока*», долой «*мистику*», долой «*Балаганчик*»[43], долой «*Столыпина*»[44] и т.д.).

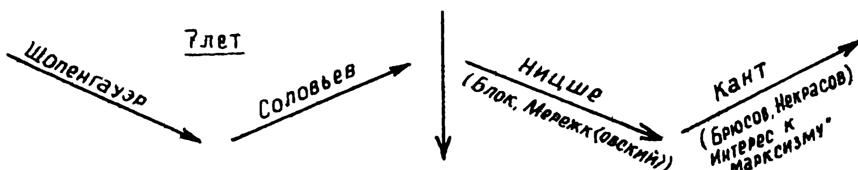
Тут же пишу:

Берегись ты, лютый ворог, –
Берегись, я – здесь![45]

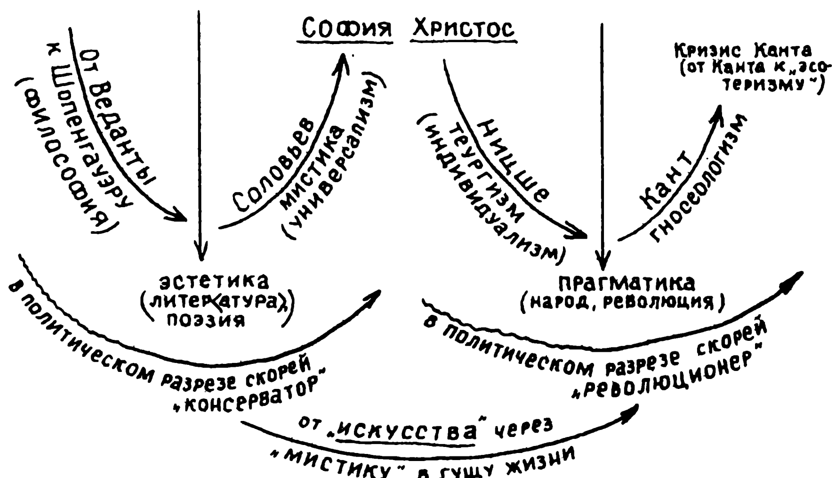
1905 год – переломный; лишь он окончательно ликвидирует с эпохой «*Симфоний*» и «*Золота в Лазури*»; шире говоря – с «*аргонавтическим символизмом*».

Пытаюсь суммировать в схеме эти периоды[46].

Или:



И видите, какая симметрия в 2-х семилетиях.



Последняя схема взывает к пояснению.

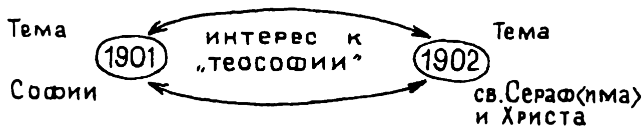
1) *Почему в одном углу «А», «**Веданта**», а в другом «**В**», «**Блаватская**»?* Вот почему: в 1895 году я внутренно немой; мне тяжело, беспросветно; в душе безымянно поет музыка созерцаний; в 1896* году заболеваю; во время болезни ряд переживаний (болезнь – «*воспаление легких*»); вместе с началом выздоравливания приходит книга «*Из пещер и дебрей Индостана*»[47]; отсюда: по-детскому еще – взрыв интереса к «*теософии*»; прочитываю «*Голубые Горы*»[48], вожусь в библиотеке отца; читаю «*Аллана Кардека*»[49] и огромную книгу под заглавием «*Occultisme*»[50]: делаю выписки из «*Элифаса Леви*», «*Охоровича*», «*Папюса*»[51]; все еще – по-детски; и наконец: громадное переживание: прочитываю «*Отрывки из Упанишад*»[52].

На исходе 2-го семилетия: надоедают Кант, Риккерт, Коген; с осени 1908 года исподтишка опять читаю: Безант, Мида[53], Ледбитера, посещаю кружок теософов, мне

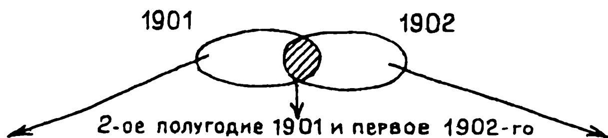
* *В автографе описка*: 1906

дарят «*Doctrine Secrète*»[54]; жадно читаю; опять болезнь, кризис; «*имагинация*» посвященных; сближение с Минцловой.

Посередине же четырнадцатилетия 1895–1908, именно, в двух годах, вернее в годе, сложенном из второй половины 1901 года и первой половины 1902 года, – живейшая встреча с теософкой *Гончаровой*, умнейшей, образованнейшей барышней, «*доктором*» философии[55], в это время появившейся в Москве и учредившей первый кружок в Москве; потом она уехала, оставив своего двоюр<од>ного брата, Батюшкова[56]; в этот период опять читаю: Паскаля[57], Безант и т.д. Но теософические интересы не превалируют; они – внутри христианских.



2) Останавливаюсь на спайке лет с внутри них намечающейся антиномией. Помните, – в начале этого разъяснения я говорил, что в одном отношении года №№ «*7*» + «*1*» в ритме моей жизни имеют тенденцию схватиться в *двугодие* (sui generis «*диподия*»), так было для меня с 1901 + 1902 годами, которые вижу подчас, как заходящие друг в друга сферы.

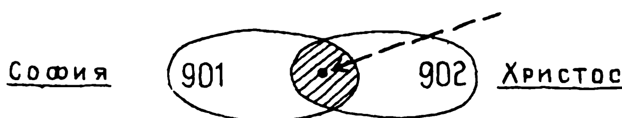


В первом полугодии 1901 года завершение как бы всей эпохи апокалиптической в теме «*Софии*» 1) опознанной чрез посредство философии и поэзии Вл.Соловьева, 2) жизненно (см. «*Первое Свидание*»), 3) творчески («*2-ая Симфония*»); но тема Софии помрачается во втором полугодии страхом искажения (встреча личная с А.Н.Шмидт)[58], опасением от иных нот «*поэзии Блока*», с которой знакомлюсь, которую боготворю, но... немного боюсь.

Во втором полугодии 1902 года усиленно читаю все о св.Серафиме[59]; и чрез опыт «*молитв*», установленных Серафимом, впервые внутри молитв имею узнание о том, что позднее откроется, как «*Импульс Христа*». Но предварение этого: переживания июня 1902 года, когда как веяние встало нечто от II Пришествия (см. «*Записки Чудака*»: о чине «*служб*» в полях Серебр<яного> Колодца)[60]. А первое полугодие 1902 года – усиленный интерес к теософии; и *явное недоверие уже* к теме «*Софии*» вне чего-то (это «*что-то*» – узнается: Христос).

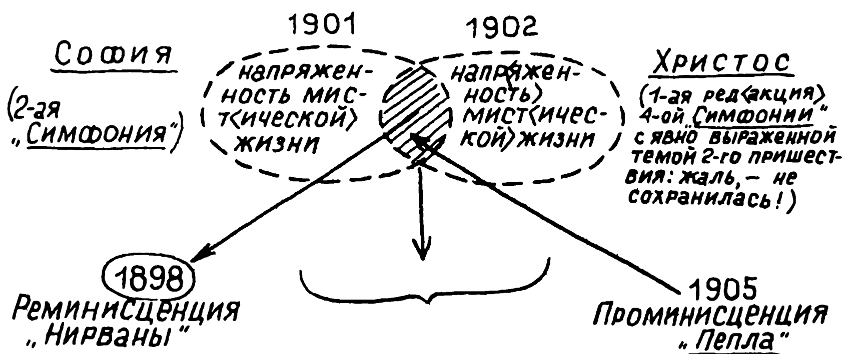
В среднем, заштрихованном периоде и намечается *перелом*: в будущем (1902–<1>905) он – *надлом*; но пока – «*страшная усталость*»; и от усталости: «Нет ничего: и – ничего не будет».

Тут, Разумник Васильевич, позвольте внести небольшой корректив в Ваши слова; Вы пишете, что *первый период* есть «*преодоление космического одиночества*»; и намечаете 1900–1904 годы. Это так, если брать в линии «*литературного выявления*»; *литер<атурное> выявление* зависит от жизненного переживания, им обусловлено; но – не всегда совпадает во времени; «*реминисценция*» играет огромную роль в «*литер<атурном> выявлении*»; бывают и «*про*»-минисценции, но реже; помню, что в Вашем очерке «*Андрей Белый*» некоторые стихотворения, в том числе и стихотворение со строчкой «*Нет ничего: и ничего не будет. И ты – умрешь. Погаснет мир. И Бог его забудет. Чего ж ты ждешь*» Вы относите к космическому одиночеству, или – к «*декадентскому*» периоду[61]. Это – не совсем так; строки написаны именно в 1902 году: вот в каком месте схемы.



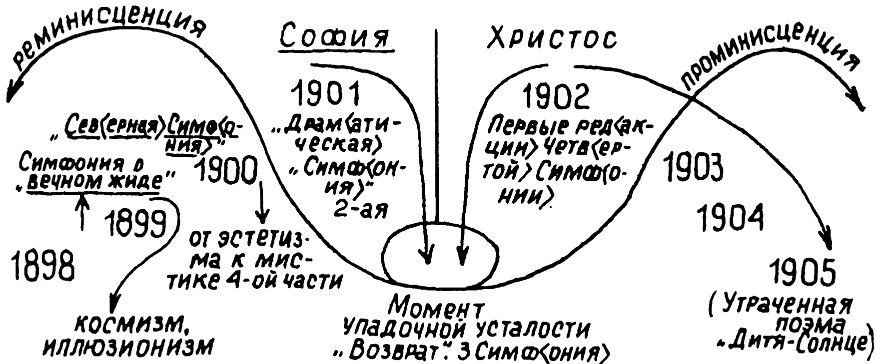
Они написаны в минуту усталости между переживаниями «*София*» и пред переживаниями «*Христос*». Они одновременно: реминисценции далеко назад ушедшего периода, эпохи *1895–1898* годов, когда властвовали: буддизм, пессимизм, бальмонтовская тишина[62] и когда писались максимально «*декадентские*» стихи, беспомощные в форме, вроде «*Кто там плачет над могилой*»; и вместе с тем в моменте *реминисценции* – и *про-минисценция*, т.е. предварение, предчувствие далекой еще, тяжелой эпохи, наступившей после *1905 года* (с 1906-го).

Ряд строк этого периода есть – вот что:



Замечательно, что в этом, заштрихованном периоде написана «3-ья» Симфония, в которой «*ре*»-минисценция темы космического «*Орлова*», поданного теософически, à la переживаний моих дó 1898 года; и вместе тема пред-чувствия ноты *безумия*, сумасшествия и натуралистической лечебницы: *схождение с ума* Хандрикова.

Если принять во внимание, что «*софийной*» Симфонии (2-ой) предшествует «*Северная*», где вместо «*Софии*» еще эстетическая «*королевна*» и которая начинается не с «*мистики*», а с иллюзии «*сказки*», а за *первой-второй* редакцией 4-ой Симфонии последует поэма «*Дитя-Солнце*», в которой «*дитя-Солнце*» должно было повиснуть где-то над миром не Евангельским Логосом, а риккертовским Логосом и которого отец, лейтенант «*Тромпетер*», есть нарочито опереточная фигура, а пророк которого – выведенный в поэме, есть базельский профессор Ницше, – если принять все это во внимание, получается картина удивительной симметрии рождения, напряжения в «*мистич<еский> реализм*» темы симфонической, рожденной из «*пены*»; и потом – такое же угасание ее в утраченной поэме «*Дитя-Солнце*»; то есть, – вот что.



от иллюзионизма к мессианизму
4 года
1901
1902
от мессианизма к иллюзионизму
4 года
„Симфонии“
„Золото в Лазури“
1898.1899
1905
Эпоха „Симфоний“ и „Золота в Лазури“
рубеж 2-х семилетий

3) Наконец: удивительное соответствие.

Шопенгауэр
Логическ(ая) логика
от филос(офии) к религии
Солов[ь]ев
от религии к философии
Ницше
Кант и неок(антианство)
логическая иога
1898
Антиномия двух течений:
„Община“ – „Я“
(Эстетика)
(Естеств(ознание) и психология)
чистая философия

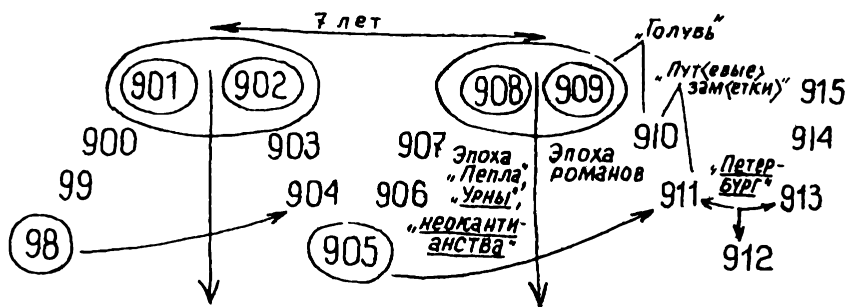
Замечательно, что с 1898 года до 1899 года меня волновали проблемы философского обоснования искусства; и мысли на эту тему вылились позднее, как реминисценция, в статье «*Формы искусства*»; в конце этого «*синкопического*» семилетия меня волнует опять проблема обоснования символизма (от 1904 года до 1905-го), но на этот раз при помощи *Гефдинга*, *Вундта*[63] и других психофизических параллелистов, в которых я хочу преломить и Шопенгауэра, и Канта; сюда статьи: 1904 года «*Кант*»[64] и «*О границах психологии*»[65].

До 1898 года – Шопенгауэр; до него – алогизм *Веданты*: дологическая иога. А после *1905* года – ликвидация и Шопенгауэра, и «психологизма»: чистая логика – Кант, Риккерт, Риль[66], Коген.

Видите, дорогой друг, какой обстоятельный разбор «*эпохи Симфоний*».

Эдак, ведь, и не кончишь; поэтому: буду лапидарнее в других «*этапах*».

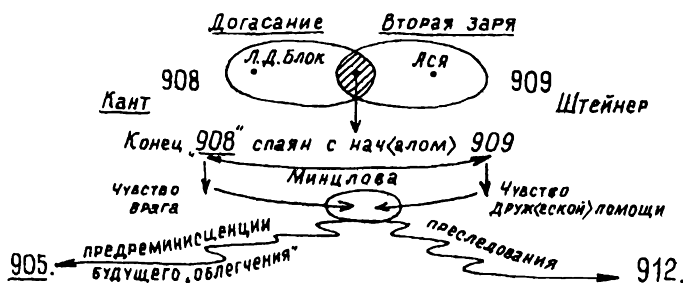
Трудно, ох трудно, анализировать себя самого; итак, беру *вторую эпоху*: но чем ее считать? Не знаю; буду исходить из ритмического костяка лет.



Вот – схема костяка: опять 2 отчетливых куска по 4 *года*; I) от 905 до 908: a) крах, разбитие «*мистерии*» в личной жизни; отсюда полемика с мист<ическим> анархизмом; b) отсюда же, вместо «*аргонавтизма*» – журналистика от «*символической, московской*» школы; c) до «*1905*» года не «*Весы*» *par excellence*; с 906 *до 908* и *909* – «*Весы*» – par excellence[67]; d) теория знания: во всех видах; e) страшное озорство, буйность, непримиримость; и оттого ряд намечающихся дуэлей: в 1905 году – с Брюсовым[68]; в 1905 же году (осенью) – с Соловьевым[69]; в 1906 году – с Блоком; в 1907 году – опять с Блоком[70]; ряд инцидентов; и наконец: весь 1908 год – ссоры, инциденты; все это привело – к травле меня огульной: *всею прессою*; с 902 *до* 905 – *покорно страдаю*; с 1906 *до* 1908 – непокорно страдаю. f) Стихи мои «*Пепел*» и «*Урна*»; прибавлять к этому нечего: все ясно; разве что: с 905-го *до* 908<-го> развеиваю себя в «*Пепел*»; но: до лета 907 года – «*только развеиваю*»; с лета же 907 года еще и: «*пытаюсь собирать его в урну*». g) 905 и 906 год продумываю «*систему символизма*» в огромном ворохе бумаг (ворох – сожжен); «*вытяжку*» из «*вороха*» после спешно формую в «*Эмблематику Смысла*»[71].

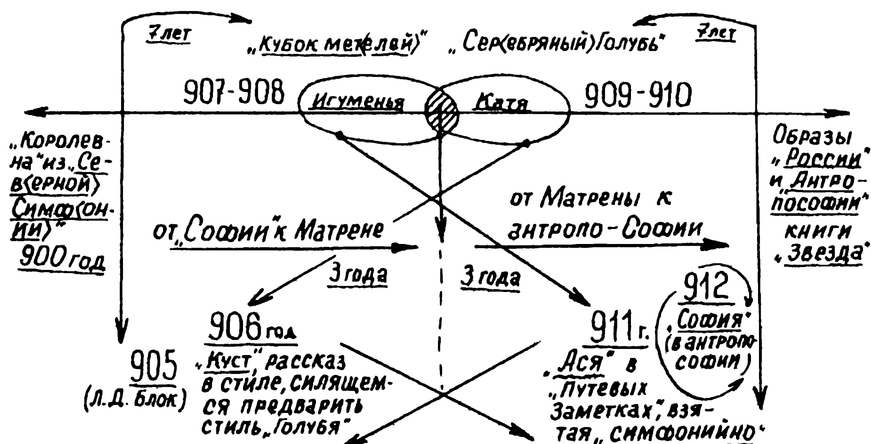
II) От 909 до 912: опять отчетливый отрезок: a) от Канта к исканию «*мистерии*» по-новому, как «*пути жизни*»: теософия, Минцлова, «*Я + Ася*» в проблеме пути: наши домыслы о пути в соборе Монреаля, у Гроба Господня (Иерусалим)[72], события в «*Брюсселе*»[73]; и наконец: встреча с Доктором[74]; это все отразилось в книжечке «*Рыцари и Королевна*»; и – 2 тома «*Путевые Заметки*» (особенно: не напечатанный 2-ой том). b) Мало журналистики, но много ссор с «*друзьями*» (до–ссоры с «*врагами*»); и кроме того: в эпоху 1905–1908 годы: от Блока к Мережковскому, Брюсову, Метнеру, Морозовой, «*Религ<иозно>-Фил<ософскому> О<бщест>ву*»; в эпоху 909–912: от Мережковского, Брюсова, Метнера, Морозовой и «*Рел<игиозно>-Фил<ософского> О<бщест>ва*» к новой встрече с Блоком, с В.Ивановым (дружба до – 1912 года); от *905–908* – Л.Д.Блок; от 909–912 – Ася Тургенева. c) Отчетливо весь этот период меня занимает деятельность в «*Мусагете*» (в предыдущий пер<иод> – деятельность в «*Весах*»). d) Вместо «*теории знания*» меня интересует – «*проблема слова*» (ритм, Потебня[75], философия языка); и опять-таки: там – «*логизм*»; здесь – «*оккультизм*». Там – «*символическая школа*»; здесь – «*проблема культуры*». e) Вместо «*озорства*», «*бунта*», «*крика*» настроение «*опасливости*», ощущение периодическое «*преследований*» со стороны «*врагов*», или «*помощи*» от «*тайных друзей*», вместо интересов «*марксизма*», революционной общественности, – интерес к интимному, своему кружку, к «*коммуне*». f) Период *905–908* год окрашен «*Дедовым*»; период *909–912* – «*Боголюбами*»[76], «*Волынью*» и «*заграницей*»; с «*Дедовым*» ликвидировано, как и с «*Серебр<яным> Колодцем*»[77]; зато – возникла «*Бобровка*» (имение в Тверск<ой> губ<ернии> покойной Рачинской)[78]. e) Эпоха романов; весь 909 год – пишу «*Серебряный Голубь*», а 911 и 912-ый – «*Петербург*»; и хотя доделываю последний в 13-ом году, однако: он уже продуман в 12-ом; в 13-ом – «*хвостик*» от Петербурга: досадная привеска к моему «*антропософскому*» настоящему.

Казалось бы – разительный контраст двух «*четверок*»; однако: по закону «*7 + 1*» = «*двугодию*», имею схему.



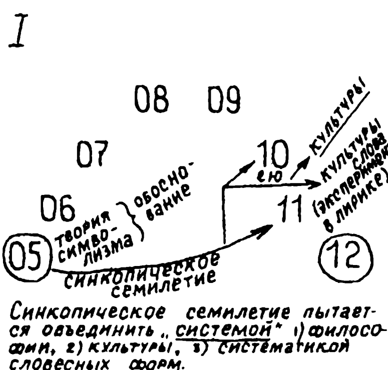
Наконец: 908 и 909 годы мне слиты одной темой; в 908 году выходит «*Кубок Метелей*» в 4-ой редакции, над которой работал, бессознательно вводя в нее ноты «*хлыстовства*», т.е. будущего «*Голубя*»; с другой стороны: в нотах «*Голубя*» все время полусознательная работа осмеять, сорвать не только мрак гущи народной, но и тему былых моих «*Симфоний*»; «*Кудеяров*» – то Мережковский, то – Блок, всунутые в облик надовражинского «*столяра*»; а «*Матрена*» – Любовь Дмитриевна; и еще: уплотненная в быт героиня 4-ой Симфонии, а с ней вместе и вся тема «*Первого свидания*» (от 901-го года до 905-го); «*Катя*» – не только в близком будущем мне имеющаяся раскрыться как «*Ася*» и отражение ее из «Путевых Заметок», но и – моя давняя «*королевна*» из «*Северной Симфонии*».

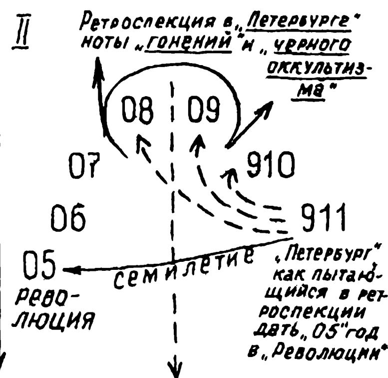
Странно сказать, что тут, в непроизвольном перекрещивании «*метельного раденья*» и «*бытового раденья*», в сшиве «*Кубка Метелей*» и «*Голубя*» – скреп двух 4-летий и двух семилетий; так что:



Видите, какая сложная спайка в «*двухлетии*».

И – другая, такая же спайка.





Так что 2 четырехлетия (905–908) и (909–912) спаяны в ноте синкопического «семилетия».

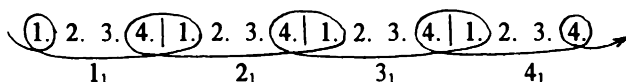
И – наконец: схема «14»-летия.

7 лет
путь исканий с моск(ов-скими) друзьями
„7 + 7"
7 лет
Путь с Асей
901 - 902, 03, 04, 05, 06, 07, 08 - 09, 10, 11, 12, 13, 14, 15 - 16
„Весы"
„Мусагет"
Соловьев
7 лет
Штейнер
Период бурь и метаний:
а) от отчаяния к надежде
отражение периода этого в „эпосе"
1) „Сер(ебряный) Голуб(ь)"
2) „Петербур(г)"
период познавательной систематизации
Символизм
Эсотеризм
903-905
Блок
(переписка и дружба)
910 - 912
Блок
(переписка и дружба)

Форма

905-908
Логика
09 - 11
Ритмика
Романтическое содержание жизни
Конкретно-духовное содержание жизни
01 02 03. 04. 05 06. 07. 08 09 10. 11. 12 13. 14. 15 16
Религия, теургия
духовное знание

Вот, видите, – бледный намек на ритмическую схему «*14*»-летия, взятого 1) в целостной схваченности, 2) в *2* × *7*, 3) и в виде:



4) в синкопической семерке 05–11.

Разве не стройно? Ей Богу же, – я не подстраиваю; так слагается «*ритм*» годин.

Заря Софии (первая) 1) *901 год* от зари к заре двенадцать лет 912 *Заря Софии* (Вторая)

Еще стройность:

1-ая революция
2) 905 год от революции к революции почти те же «12» лет. убийство Распутина[79] 916 и 2-ая революция

Кучино. 2 марта. 27 года.

Дорогой Разумник Васильевич, – уже ночь: трещит голова, а завтра сдавать письмо; поэтому буду отчаянно лапидарен и сух. Простите, – за вчерашний хаос схем; схемы сокращают; без схем и в неделю словесно не изложил бы того, что в намеке Вам представил об этапах. Конечно, – схемы читаешь медленнее, чем слова; но, повторяю, – настроченное вчера настрочено с места в карьер: единым духом.

Наконец: извините за подчерк; он у меня механически меняется в зависимости и от моральной, и от физической усталости; а все эти дни смертельно устал: и морально, и физически.

Теперь перехожу прямо к продолжению.

Остановился я на 1912 годе.

Продолжаю: буду лапидарен и сух.

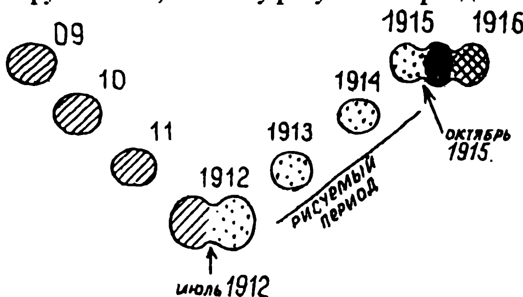
Каждое следующее *семилетие* (в нем – каждое четырехлетие), приближающее меня к настоящему, видится мне все сложнее; ритмы в нем утонченнее; рисунок фигуры мелкобисернее; иногда бисерность начинает так рябить, что из-за леса не видишь деревьев; остается: или пуститься в безудержный *реализм* и просто зарисовывать всю сумму штрихов, складывающих целое; или, наоборот, отступать в беспардонную и от этого мало говорящую, абстрактную сухость.

Я – вынужден к последнему.

1912 *год* рисует мне отчетливое 4-летие, или четырех-пятилетие, вернее – 4 1/2 года схвачены друг с другом; и опять-таки: 1912 год – отщепляется отчетливо; первая половина его скорее отнесена к периоду *1909–1912* и по темпу работ, и по быту жизни; а *1915* год, являясь в ритме семилетий ***седьмым***, опять-таки отчетливо выявляет тенденцию годов за №№7: схватиться с годами за №№«*1*» в двух-годия; вспомните схемы годов *1901–1902*, *1908–1909*:

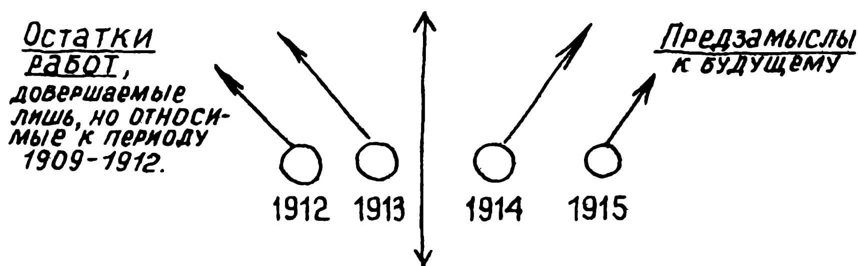
1915 – переходный; 1916 отчетливо расколот на 2 части: до отъезда в Россию это – Дорнах; далее – Москва и Петербург.

Изображая года кружочками, так вижу рисуемый период.



Итак: четырехлетие *1912–1915* в специфическом смысле есть период: от июля *1912* и до октября 1915 года. И еще: если бы я рисовал некоторые черты моей жизни в схемах силовых, то: *силы работы* (идеи, планы, выполнения) предшествующего «*романного*» и «*мусагетского*» периода (1909–1912) как бы всасывают в себя *остатки* планов, которые механически доделываются в *1912* и *1913*: *механически* дописывается «*Петербург*» и *механически* отправляются остатки «*мусагетских*» обязанностей; все, пытающееся зажить в периоде *1912–1915* от прошлого – механически деформируется: деформируются отношения: со всем «*Мусагетом*», т.е. с Метнером, Петровским, Киселевым[80], Сизовым; потом – с Рачинским; потом – с С.М.Соловьевым; то же – с Морозовой, Булгаковым, Бердяевым и т.д.; то же – с мамой; то же – со всей Москвой; потом – и со всей Россией.

Окончание периода, т.е. работы *1915* года в обратной аналогии, – «*предзамыслы*», которые все – завершаются, чеканятся, осознаются уже в периоде, переполненном *становлением* к выполнению в период 1916–1919 и даже: обнимают круг следующего семилетия: *1916–1922*. Изображу это графически:



Характерно, что в этот же период перестраивающиеся отношения с людьми подчинены этому *ритму*: в *предзамысле* наших будущих встреч, работ, бесед, дружбы возникаете мне Вы в линии *1914*, *1915* в душевном тяготении к Вам и к *Петербургу* (по-новому звучит *Петербург*, подпритягивая); возникает Б.П.Григоров, возникает Московская группа[81], дорнахский антропософский Коллектив, вынашиваются «*зерна*» в душе будущей «*антропософской молодежи*» (2-ая и 3-ья волна *антропософии*), вырастает Бауэр, и доселе играющий морально крупную роль в моей жизни, вырастает и делается близким душе и *как друг*, и как *эзотерик*, с которым мы связаны, *Т.Г.Трапезников*; в Москве мы оказались в кармическом контакте, вызвав к жизни группу *Ломоносова*[82].

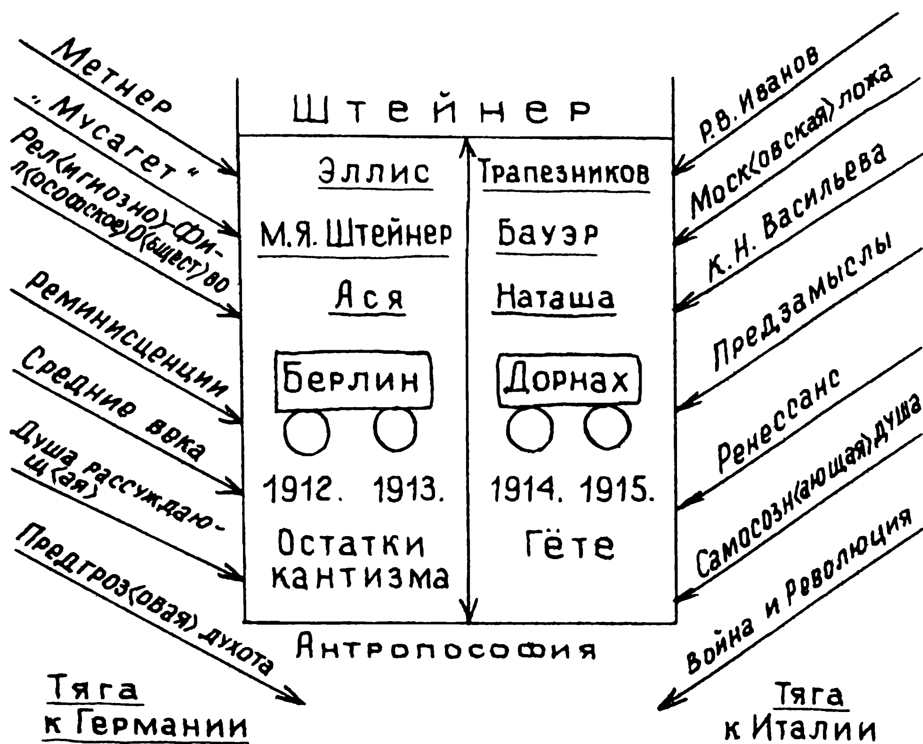
Все это в «*предзамысле*» относимо к будущему.

Линия *слома* путей разительна: она проходит сквозь все интимнейшее во мне; и даже отношения с ближайшим в то время человеком, с Асей, не могут переступить за порог *роковой черты*, делящей цельное четырех-летие, в свою очередь, на две части; отношения с *Асей* не по нашей воле *остывают* в 1914, 1915 годах; портятся еще более в письмах, агонируя весь период <с> 1916 до 1921 года, до удара встречи (конец 1921) и удара последнего разрыва (1922 год).

В этом разрыве, в замысле судьбы, разведшей меня и Асю, играла большую роль Наташа Поццо[83]; и, конечно, она вырастает на моем горизонте *очень* в 1914, в 1915 годах; свершив свою «*роль*», подугасает в *1916*, чтобы в последующей жизни от времени до времени просовываться, как, ну, «*хорошая знакомая*».

Четырехлетие *1912–1915* еще, кроме всего, – *мистерия* перемены судеб в социальном ритме; мало кто проходит за порог *рокового рубежа* для меня, стоящего посередине 4-летия; странно сказать: прошел А.А.Блок (до 1912 года – прекрасные отношения с ним; и – после, до смерти); и – А.С.Петровский, мой *вечный спутник* по жизни.

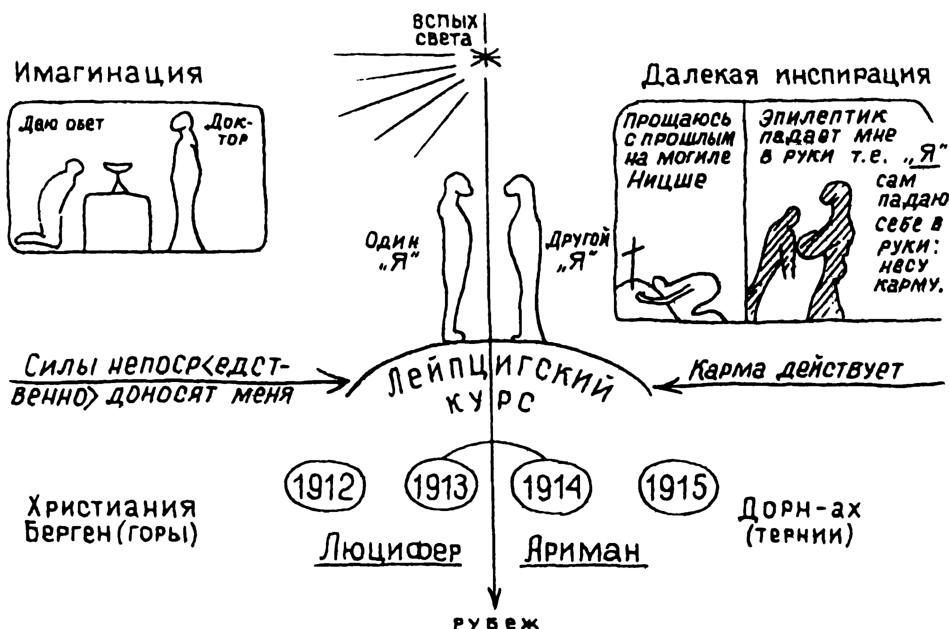
Так бы я изобразил социальную структуру этого четырехлетия.



Видите: двумя словами «*Штейнер*» и «*антропософия*» исчерпывается sui generis четырехлетие; но внутри яркой краски его, верней *света*, совершенно исключительного, заставляющего транспарировать *краски*, – два диаметрально разные световые цвета освещают мне оба двухлетия; первое двухлетие я вижу как бы в золотисто-пурпурном, розовом освещении, все напрягающимся, усиливающимся к границе между 13<-ым> и 14<-ым> годами, до вспышки как бы *белого света*, где-то между ними; и эта вспышка – лейпцигский курс доктора «*Христос и духовный мир*»[84]; внутри этого светового пятна, посередине курса: событие странное: ослепительный вспых света, подобного «*фаворскому*» (и морально, и *физически*: все – утонуло в свете); тут же – странное посещение могилы Ницше, точно ритуал прощания со всем прошлым, в сопровождении Т.Г.Трапезникова, А.С.Петровского, Наташи и Аси, которых ощущал, как *ассистентов ритуала*: моего ***прощания*** со всем, всем[85]. До явления, вспыха – *сон не сон*: скорее выход из себя в какой-то *чертог*, где встретил доктор, которому мое высшее «я» дало как бы на что-то обет (низшее «я» недорасслышало); и непосредственно после обряда прощания, на лекции доктора мне в руки свалился *эпилептик*, которого вынес я и которого приводил в сознание, причем было ясно: «*эпилептик*» – это тот «я», который от принятого решения моим высшим «*Я*» всю последующую жизнь будет нести величайшие страдания.

Грань, воистину грань, всей жизни в рубеже, отчетливо секущем четырехлетие.

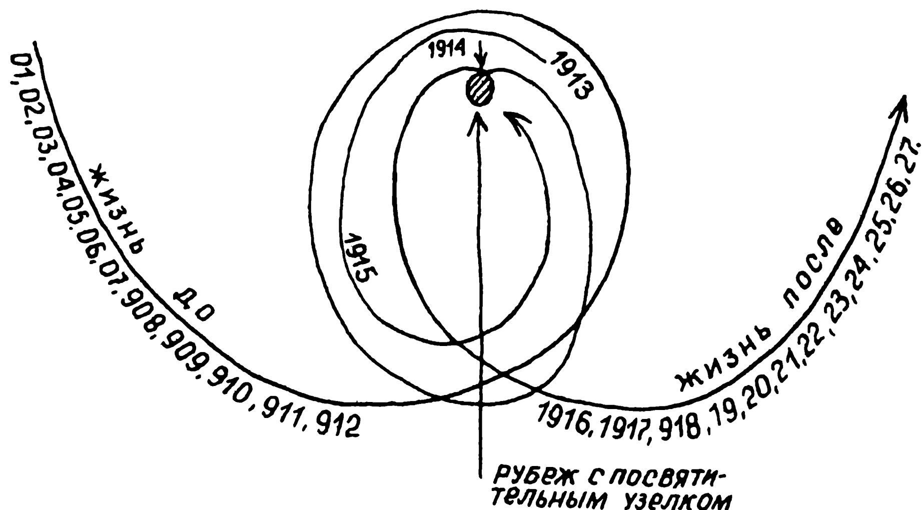
Изображу архитектонически:



Так бы я изобразил эту ситуацию; и если «*посвящение*» имеет свои «*прообразы*», которые суть «*посвятительные моменты*», – «*моментом моментов*» всей жизни – этот странный период, обнимающий недели три, в другом, странном периоде, обнимающем ряд месяцев. О *моменте* я ничего не могу сказать; и о периоде, когда хочу сказать, начинаю лепетать; но и *момент*, и *период* ложатся с *1916 года* до *1927* года в меня перманентной *памятью* в перманентных попытках что-либо прочесть; и вычитывается; и будет вычитываться, потому что материал – неисчерпаем.

С 1914 года пурпурно-розовый тон светового периода переходит в золотисто-лазурный, лазурный, синий, тускло-синий, серо- и черно-синий до *мрака* последующих годин.

В период 1912–1915 я проживаю замкнутую жизнь, – более богатую, чем вся жизнь «*до*» и вся жизнь «*после*» (в событиях внутренних и странных); и внутри четырехлетия – опять странный завиток, к которому сбегается все.



Вот все, что могу сказать об этом периоде; Вы спросите: ну а замыслы, а работы, а книги. Скажу: замыслы, работы – все медитативного порядка: до 1914 года спешно заканчиваются остатки работ периода предшествующего; в *1914* и *1915* начинают слагаться контуры работ, исполнением которых является период последующий: семилетие 1916–1922.

Так: в 1914 году пишу несколько *стишков*; но это – «Пред-*Звезда*», которая и начинается во мне с 1916 года[86]; так: осенью <в> 1914 году веду свой дневник мысли, но это – зерна к имеющим из них восстать моих четырех кризисов; наконец: пишу книгу в 1915 году «*Рудольф Штейнер и Гете*»; но – какая же это книга; она – отражение Метнера; и она – *семинарий* и *штудиум* по вопросам антропософского *гетизма* и антр<опософской> *методике*.

Я очень лично ценю эту книгу: она, по-моему, ярка, написана крепким языком; но – ведь это же чудовищный «*кентавр*»: «*полемико-гносеолого-афорисмо-логисмо-*» – не умею закончить: «*-логия*», что ли, «*-фония*» ли? И она – характерна: она – «*пред-замысел*» к неисполненным еще работам, которых неисполненность мучит меня.

Что еще? В 1914 году готовлю для «*Сирина*» собрание стихов, т.е. чиню и штопаю старье.

Остается «*Котик Летаев*», которого начинаю писать в октябре 1915 года, который – начальный кусочек «*Моей жизни*»; попытка подойти к «*Моей жизни*» и эдак, и так, и мистически, и психологически, и романно, и мемуарно, опять-таки: *последующее семилетие*.

Начало «*Котика*» есть предварение периода; пишу его деятельно – октябрь и часть ноября; потом бросаю; возвращаюсь к нему уже <в> 1916-м году; и последнюю главу спешно дописываю в Москве. За вычетом «*сих*» трудов – никаких литературных «*трудов*»; но множество других: медитативных, схем, дневников, отчетов доктору; прохождение «*академически*» до 30<-ти> курсов; прослушание более 400 лекций; внимательный штудиум по «*гетизму*», физическая работа по постройке «*Гетеанума*».

Но все, что написано после 1915 года в линии лет *1916–1927*, заложено, как основа, в этом периоде.

Еще особенность этого периода: в нем осознается *прошлое*. С этого момента я вижу, каким должно было быть «*Золото в Лазури*»; оно не удалось, потому что не хватило силы мастерства; и я начинаю штопать «*Зол<ото> в Лаз<ури>*». Первая редакция правки – 1914 год; вторая редакция – полное переписание – 1916 год (рукопись пропала с арестом Пашуканиса)[87]; третья попытка правки – написание горсточки стихотворений в 1921 году и из них выскочившее «*Первое Свидание*»: согласитесь, – оно и в *стихе*, и в *образе* сильнее «*Зол<ота> в Лазури*»: *таким* должно быть «*Золото в Лаз<ури>*»: как «*Первое Свидание*»; наконец: последняя попытка править, как угорь, выскользнула из рук; и – весь пучок стихов «*После разлуки*» явился; это – та *короткая строчка*, которой в «*Зол<оте> в Лаз<ури>*» не владел; штудиум к овладению – «*После разлуки*»: случайно в нее вложилась скорбь: *1922 года*. Начал-то писать в *стилевом* пафосе: исправить «*Золото в Лазури*».

Почему восстание этого *пафоса* с 1914 года: исправить «*Золото в Лазури*»? Да потому, что период «*Золота в Лазури*» есть период *остановившейся*, ставшей и под-остывшей в душе «*симфонийности*», а темы «*Симфоний*» – темы внутренние, темы не quasi-лирики, а корней лирики моей души; корни ее – в эпохе *чаяний*, в эпохе зари: в темах София (1901 год) и Христос (1902 год), в лирике подмены «*Христова*» переживания: «*Не тот*» (1903 год) с откидом в раннейшее: в мистерию «*Антихрист*» (1898 год).

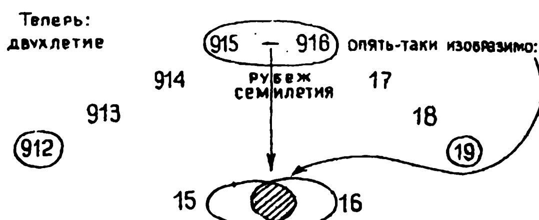
Антропософия в 1912 году в интимнейшем переживалась мне, как «2-ое *Свидание*» с темой: «*София*». Отсюда же: огляд в назад: к «*эпохе зорь*»; а *1913* год курсами и событиями переживаний в Христиании, в Лейпциге, в Бергене, в Копенгагене был мне вторым *реалистическим* подходом к теме *Христос*; в моей душе как бы было *второе пришествие* Христа: в раскрытии темы *второго пришествия*; и отсюда: христианские переживания 1902 года получили ключ к объяснению.

Тема «*Храма Славы*» мистерии «*Антихрист*», как и тема «*Антихрист*», получили свое объяснение *невероятное*.

Необыкновенно был близок мне период от 1898 *до* 1902 года именно в 1912–1913 годах; необыкновенно враждебен был мне период от 1905 до 1912: период «*Пепла*», «*Урны*», мрака моих романов, холода моего «*кантианства*» и формализма моей «*эстетики*».

И все это не могло не отразиться на стиле «*Котика*». Разве языковые задания здесь – мои романы? Нет: техника письма, развившая руку, обращается к краскам «*Симфоний*»; и «*Котик*» – «*5-ая Симфония*» скорей, чем роман; и в стихах «*Звезды*» – по-иному «*воздух*» и «*свет*» эпохи зорь.

С 1914 и 1915 года: к этому огляду в безвозвратно брошенное прошлое, которым является уже весь мой литературный путь, вспыхивает интерес к первым мигам младенчества, соответствующим переживанию мигов, первым, младенчески пробуждающегося порой в ту пору моего высшего «*Я*»: «*оно*» в духовной жизни такой же младенец, как «*Котик*»: мы с «*Котиком*» – братья. Кроме того: в «*Котике*» и антропософская академическая работа: *расширением памяти действительно увидеть* кое-что из того, что не было увидено; и в увиденное внести, так сказать, сознание кандидата на «*эсотерику*».



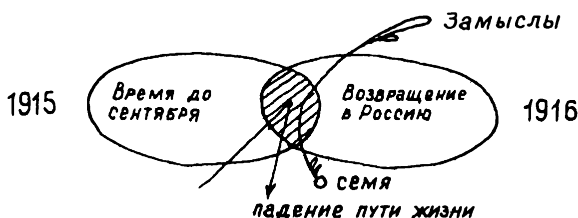
Пятнадцатый год собирает, как в зерно, все семилетие (09–15), озаглавливаемое: «*эсотерика*»; и роняет в «*16*»<-ый> год это «*семя-зерно*», чтобы оно прорастало в культурных выявлениях следующих годин; если семилетие «*09–15*» озаглавливаемо: от тем «*Символизм, как культура*» (тема «*Мусагета*», или период *09–12*) к теме «*антропософия, как эсотерический путь*» (тема периода 912–915), то семилетие «*16–22*» выявляет тему: «*от антропософии*» к «*культуре*» (в частности, «*культуре России*»); и мотто семилетия: «*антропософия, как культура*»: сознания, искусства, общественности; темы работ будущего семилетия в линии сознания: кризис жизни, кризис мысли, кризис культуры, кризис сознания, Лев Толстой и культура; в линии дум об искусстве: «*Жезл Ааронов*», «*Ритмич*<*еский*> *Жест*», «*Глоссолалия*», работа в Пролет-Культе и т.д. В линии общественности: работа в московской группе, участие с Вами в «*Вольфиле*» и т.д. Но все это внутри меня собирается в слово девизное: «*Антропософия, как культура*»: в следующем семилетии (16–22) *антропософия*, бывшая в периоде 12–15<-го> годов «*эсотерическим путем моей жизни*», впервые всходит в моих литературно-общественных выявлениях.

В периоде *внутренне-динамическом* она выявлялась в росте моего *пути* жизни; в периоде *внешне-динамическом* она выявляется в росте и многообразии тем работ, в *посеве тем*, несовершенном, перепутанном, буйном, *полувыношенном*, это – эпоха какого-то второго становления.

Но в ней опрокидывается, стремительно падает мой жизненный путь (источник *непонимания* долгих лет: настоящая трагедия):

Период подлинного перекрещения с бурным падением меня в пути «*эсотер*<*ическом*>» и столь же бурное приподнятие во мне замыслов к будущему есть время:

от октября, даже сентября 15<-го> года до и т.д. во весь период жизни в Дорнахе в 16-ом году.



Так перекрещены года.

Период поднятия замыслов в России бурен; я все время работаю, не покладая рук; вот список занятий.

Переработка, полная, всего «*Золота в Лазури*» (сентябрь–декабрь 16-го).

Дописываю «*Котика*» (сентябрь).

Статья «*Александрия и мы*» (октябрь)[88].

Статья о Блоке[89]: и при ней – груда материала по Блоку (не использованная) – должно быть, ноябрь 1916.

Стихи.

Усиленно про себя занимаюсь ритмич<еским> жестом (декабрь).

Статья «*Жезл Аарона*» (кажется, пишу у Вас в Царском) в январе 17-го.

«*Ритмический жест*» пишется у Вас и доделывается у С.М.Соловьева (в Посаде): февраль–март.

«*О смысле познания*» пишется в марте–апреле.

«*Революция и культура*» – май–июнь.

Переработка цикла «*Тайны миротворения*»[90] и усиленное собирание материала: Бругманн, Мейе, Макс Мюллер, Пржезинский[91] и т.д. – к Глоссолалии в отношении к Блоку, к эвфонии Блока (собран большой материал; и – где-то пропал) – июль 1917 года; часть августа.

Собирается материал, очень большой, по «*Глоссолалии*» (август–сент<ябрь> 17<-го> года).

«*Глоссолалия*» – сентябрь–октябрь 17<-го> года.

Работа над Вяч.Ивановым и «*Статья*» – ноябрь 1917 года[92].

Подготовка к курсу «*Мир Духа*» и работа над отцами церкви, Августином, Григорием[93] и т.д. Декабрь 1917, часть января 1918.

Весь период от декабря 17-го до апреля 18-го занят работой над курсом «*Мир Духа*» (для А<нтропософского> О<бщества> и желающих): 10 лекций.

«*Христос Воскресе*» – апрель.

Черновик к будущим «*Записки Чудака*»: март–апрель.

Черновик и материал к ненаписанному кризису «*Символизм и франц<узские> символисты*» (июнь 18<-го> года)[94].

Все лето 18-го деятельная работа в «Кружке Мистерий» (в А<нтропософском> О<бществе>)[95].

Июнь и июль: писаны, переработаны 2 кризиса «*Кризис Жизни*», «*Кризис Мысли*».

Август: усиленная работа в А<нтропософском> О<бществе> (так наз<ываемая> «*Инициативная* группа»). Рассказ: «*Иог*». Готова: «*Звезда*».

Сентябрь: написан «*Кризис Культуры*».

Сентябрь–ноябрь: написаны и переписаны 2 части «*Записок Чудака*» (без хвостика, приписанного в Берлине в 1921 году). Одновременно: пишется монументальный конспект курса «*Ритмика*» (для ремингтона в «*Пролет-Культ*», где и пропадает).

Лекции в Пролет-Культе.

Работа в «*Тео*»[96].

С 19-го года заново перерабатываю 2 тома «*Пут<евые> Заметки*» (коренная переработка).

Читаю курс: «*Теория худ<ожественного> слова*» (Пролет-Культ).

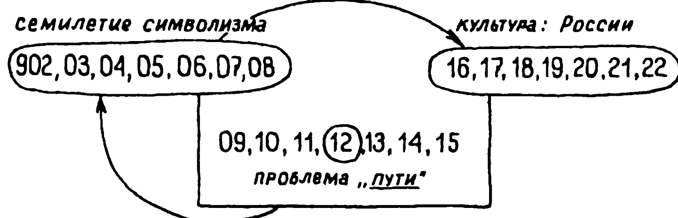
С осени до 20<-го> года собираю огромную груду материалов по «*Истории Коллекций*» (она – не использована)[97].

Читаю курс: «Антропософия»[98].

Читаю курс во «Дворце Искусств»: «Культура мысли».

Далее – 20-ый год, «Вольфила» и т.д.

Я нарочно привожу список заданий этих, чтобы Вы видели, что меня кидает от *замысла* к *замыслу* в ущерб *внутренней жизни*, *выношенности*: все, выходящее из-под пера, – молодо, незрело, спешно; но кипение «*становления*» развивает *sui generis* культуру кипения; все это – в суете, под темп революции и разных пертурбаций; дрожжи кипения – «*семя*» цветения периода 12–15<-го> годов; «*тесто*», нелепо всходящее на них, – представьте: заново перерабатываемые темы мои: «*Культура*» (тема «*Мусагета*»), «*Россия*» («*Луг зеленый*», «*Пепел*»), «*Символизм*»: эпоха проповеди символизма (1902–1908 года); и вот тут-то рисуется мне такая связь семилетий.



Сквозь внутренние узнания среднего семилетия в семилетии следующем (16–22) делается попытка влить материал: семилетия эпохи символизма («*аргонавтизм*» + «*кантизм-формализм*»).

Отсюда:

1) По-новому переработка «*теорий мысли*» в «*культуру мысли*».

2) По-новому пере<ра>ботка тем «*Арабесок*» в темы «*Кризисов*».

3) По-новому взятия тем «*Золота в Лазури*» в «*Звезду*», в «*Первое Свидание*».

4) По-новому взятия тем «*Симфоний*» в тему «*Котик*», «*Прест<упление> Ник<олая> Летаева*».

5) По-новому в «*Чудаке*» брошен взгляд в тему «*Не тот*».

6) Тема переработки в прямом смысле: 1) «Золото в Лазури».
2) «Пут<евые> Заметки».

7) Все завершается попыткой оформить прошлое, до 12<-го> года – в «*Воспоминания о Блоке*», ставшие в 23<-м> году 3<-мя> томами «*Начала Века*».

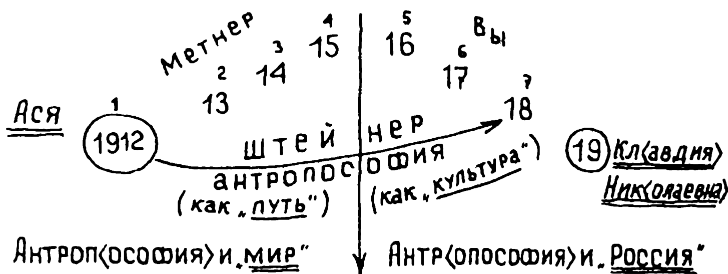
Лейт-мотив: всю прошлую жизнь воскресить в «*новом свете*».

«*Новый свет*» – свет воспоминания эпохи «*12–15*», в «*частности*» – рубежа двух лет (13, 14); может быть: миг – «*вспыха света*».

Но этим семилетием 1916–<19>22 недоволен, если оно – не становление к *форме*, долженствующей выявиться в будущем, если Бог пошлет жизнь.

Выявляется тема двух «*я*»: личного и индивидуального; второе – «*Чело Века*»; эта попытка приподнять тему большого «*Я*» особенно отчетлива теоретически в «*Кризисе Сознания*» (4-ый, наиболее зрелый «*Кризис*»); и неудачна (не под силу) в теме «*Записки Чудака*», долженствующей быть введением к эпопее «*Я*»; а тема малого «*я*» – «*Преступление Николая Летаева*». Оба загаданы мне, как «*Моя жизнь*»; и обе бросают меня к доселе еще не прочитанному четырехлетию *12–15*<-го> годов.

Теперь: то семилетие, которое складывается между двумя «*4*» двух семилетий (синкопическое: построенное на «*синкопах*»).

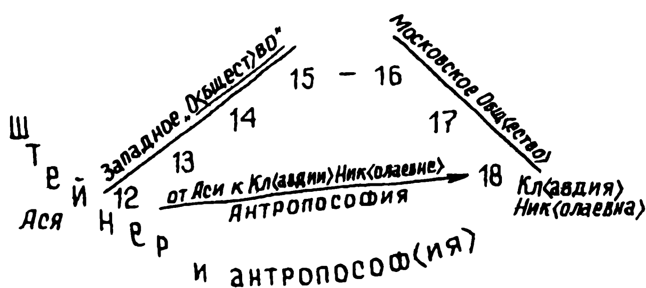


Семилетие *1912–1918* могу назвать в целом: *Антропософия*. Но: в первом *четырехлетии* (12–15) эта «*антропософия*» мне звучит в темах: «*мир*», «*Германия*», «*медитация*», «*мировая война*», «*Ася*», мучительное искание гармонии с доселе близким мне другом, так много значащим для меня, Эмилием Карлов<ичем> Метнером; гармония рвется – более, более, более; и в 15-ом году отношения наши разрываются навсегда; период знакомства, дружбы и тяжб с Метнером: 1902–1915 годы[99].

Во втором *трехлетии* (16–18) антропософия мне звучит в темах: «*социальная культура*», «*Россия*», «*путь обществ<енного> выявления*», «*революция*». «*Ася*» сопровождает меня, но бледнеет и делает все, чтобы оттолкнуть от себя; с 1916 года К.Н. делается мне близкой в работе «*московской группы*», в 1917 году – еще «*ближе*», а в 1918 году происходит наша встреча с ней[100]; я первой из всех ей умею *все-все-все* рассказать о годах *12–15-ых*; мы роднимся в теме «*Антропософия и Россия*»; а вместо ушедшего для меня Метнера, сопутствовавшего мне по жизни с темами «*Германия*», «*Гете*», «*Кант*», «*Бетховен*», вырастает для меня значение встречи с Вами, приносящим темы: «*Россия*», «*революция*», «*народ*», «*скифство*» и потом «*Вольфила*». Метнер *навсегда* уходит в 15-ом; Вы встаете передо мной в 16-ом.

Такова целость семилетия «*синкопического*».

И еще: нарисовал бы его треугольником.



1919 год – тяжелый: 1) самый трудный год, 2) явное разочарование в близости «*революции Духа*», 3) тяжелый удар, нанесенный мне Асей, вызывающий решение, какою угодно ценою, вырваться к ней; отсюда мучительные попытки уехать (19, 20 и 21 годы), 4) подкрадывающиеся сомнения и разуверения во многом: в *докторе* и *антропософии* от неумения чего-то понять в себе и в докторе (это я таю от всех, кроме К.Н.), 5) временный отход от *антропософии*, Аси, отдаление от доктора; и тема воспоминаний о «*до-антропософском*» периоде, завершающая семилетие и переходящая в 23<-й> год.

Схема семилетия.

Все – ясно. Да еще можно назвать этот грустный путь: от «*эвритмии*» к «*глоссолалии*»; от «*глоссолалии*» к лекционной «*пляске слов*» и от нее к... «*фокстроту*»![101] От медитаций 1916 года к вину и пиву (1922 год).

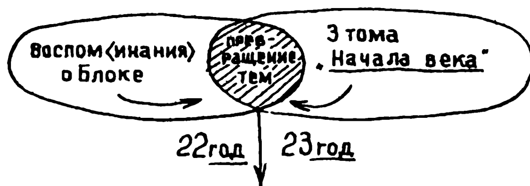
Теперь остается короткий отрезок в «*4*» года: от 1923 до 1926 года. Четырехлетие сопоставимо с четырехлетием, образуя «*синкопическое семилетие*».

Это «*синкопическое семилетие*» объединено мне тем окончательным значением для меня К.Н., которая в период кризиса и переоценки для меня «*антропософии*» мне стояла, как путеводная «*звезда*»: от *антропософии* к... *антропософии* по-новому.

Семилетие завершилось событием кончины доктора (25<-ый> год)[102]; с этой *кончиной* как бы начинается для меня понимание доктора «*впервые*»: *и – навсегда*.

Оно же являет типическую двоицу.

тема воспоминаний



Линия пересечения тем совпадает мне с июнем 23<-го> года, или с эпохой нашей жизни с К.Н. в Гарцбурге. 23<-й> год открывается: пожаром «*Гетеанума*» (с которым я был *так* связан); и – тотчас: приездом в Берлин *К.Н.*, появившейся для меня в самую опасную минуту прострации; с этого начинается незаметное пресуществление *болезни* в медленное *выздоровление*: с желания выздороветь; в нашем общении с К.Н. (январь – до июля 23-го) вызревает во мне жажда 1) вернуться в Россию (оживает тема «*Москвы*»); 2) оживает «*доктор*» (*К.Н.* невольно мирит меня с ним); в марте 23<-го> года доктор мне «*все*» объясняет, что казалось неясным[103].

Июнь проводим с К.Н. в Гарцбурге; здесь пишу этюд «*Москва*» (часть 3-го тома «*Начала Века*»)[104] и твердо решаю вслед за уезжающей К.Н. вернуться в Россию.

Годы *23–25* (трехлетие «*семилетия*») все более и более ставят тему «*Москва*»; в «*Москве*» «*Начала Века*» изображены события жизни Москвы, меня обстававшие в 907 и 908 годах. И найдено *примирение*; конец 23-го года есть *жадное* вобрание в себя воздуха «*Москвы*».

В 24<-ом> году до весны перерабатываю «*Петербург*» в драму; и в этой переработке опять приближаюсь душой к «*романному*» стилю, столь ненавидимому мной с 1912 года; оставлена мысль приподнять неприподнимаемое, большое «*Я*» в малом; мысль об эпопее «*Я*» кажется мне покушением с негодными средствами; это «*Я*» – «*Не тот*». Но теперь этот «*Не тот*» – не замысел «*Антихриста*» первых юноше-

ских попыток 1898 года. Это – тема «*Истории становления самосознающей души*», которая вырастет.

Уже весной 24<-го> года мелькает замысел будущей «*Москвы*», сложившийся из Москвы «*Начала Века*» + попытки *по-новому подойти к роману*. С ноября 24<-го> года до середины сентября 25<-го> года пишу первый том «*Москвы*».

В нем вижу в языковом задании синтез тем:

1) симфонизм «*Котика*»,
2) вербализм «Преступления Ник<олая> Летаева»,
3) романизм (фабулярность) «*Петербурга*»,
4) некогда «*народный*» стиль, нарочитый, «*Голубя*» есть стиль введения языка слов Даля[105].
5) Костяк темы: антропософия.

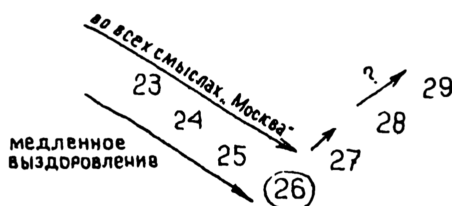
} первый том романа «*Москва*».

В нем вижу намек на начало эры «*свершений*» того, что «*становлением*» бродило в семилетии (16–22); бродила попытка влить в *антр<опософское> сод<ержание>* до-антропософское «*прошлое*»; теперь в языковом задании это впервые *удалось*.

В 26<-ом> году по независящим причинам написание 2-го тома отложилось.

Итак: четырехлетие (23–26) выглядит так.

7-ое семилетие.



26 год переломный; таким он и был; перелом начался в конце 25-го и длился всю зиму 26; так бы назвал его: 25<-й> окончился темой: «*Вера в веру*» (Ап<остол> Павел); 26<-й> – «*от веры к надежде*». В нем открылось нечто из темы «*Я*», подслушанной в событиях моей внутр<енней> жизни эпохи *12–15*, как нечто до конца *не личное*, а индивидуальное, историческое: «*Я*» – ни Котик, ни Борис Бугаев, ни Белый; я – «*История становления самосознающей души*». Эта книга вчерне написана; выяснилось, что кризис темы «*антропософия*» есть кризис в «*антропософии*» души рассуждающей и рождение самосознающей. Писал «*Ист<орию> стан<овления> сам<осознающей> души*» от «*января до мая*»; переделывал летом; а с октября до января вчерне написал «*Воспоминания о Штейнере*».

Теперь буду стараться писать 2-ой том «Москвы».

Вот – все!

Дорогой друг, – ух, как устал! Завтра утром приедет Макридин за письмом. Сейчас – пятый час утра. Ничего не могу больше написать.

Отвечать на Ваше письмо буду.

Напишите мне, – даст ли Вам этот сухой пробег по «*этапам*»; а то – стыжусь за написанное.

Крепко Вас обнимаю.

Борис Бугаев.

Сердечный привет Варваре Николаевне и Иночке.

P.S. Пишу на другой день в миг, когда пришла крайняя нужда запечатывать. И в ужасе от того, что Вам настрочил «*единым наскоком*» и с видом таким, как будто бы сообщение данных об «*этапах*» ужасно интересовало меня; а между тем, надо было делать все время волевое усилие, чтобы что-либо понять; отсюда – нарочитость: гипертрофированность, важный тон; и оттого: ужасная усталость, почти прострация; и – сознание, что «*главного*»-то, может быть, не привел. Именно: не привел ряда историко-литературных и формальных данных: вопрос о влиянии писателей, стиле и т.д.

Вспомнил, что раз уже отвечал в двух анкетах на эти стороны (в «*Академию*» и в «*Брюсовский институт*»)[106]; обе анкеты разъехались, вышли неприличными; и я их – *не отослал*; они у меня, но – в Москве; там, может быть, больше данных о «*твор-*

честве», в более тесном смысле взятом; здесь скорей идеология в «*ритме жизни*». Там – конкретнее о «творчестве»; искал; и – не нашел. Вспомнил – в Москве анкеты.

Милый, близкий Разумник Васильевич, – пишите мне подробнее. Нельзя ли устроиться как-нибудь с Мейерхольдом в смысле аванса? Теперь уже знаю, кто «*Холмский*». В письме к Вам не догадался; но – причем *Замятин*?

Дорогой друг, не возьмете ли Вы <у> меня немного денег? Как раз в первой половине марта пытаюсь стягивать ряд авансов, так что деньги будут.

Мечтаю все же, как-нибудь выюркнуть из Москвы к Вам: до отъезда на Черное море.

Еще раз всего, всего хорошего.

Борис Бугаев.

3-ье марта. 27 года. Кучино.
К.Н. шлет привет.

[1] Ответ на п.176.

[2] Имеется в виду п.175.

[3] Ср. записи Белого: «Строчу "письмище" Разумнику» (2 марта 1927 г.); «Приезд Макридина» (3 марта) (*РД*. Л.127). Николай Васильевич Макридин (1882–1942) – инженер путей сообщения и поэт, автор стихотворных публикаций в периодике 1910-х гг. и статей в бакинском журнале «Искусство» (1921), член Цеха поэтов (см. примечания М.В.Безродного, Р.Д.Тименчика к публикации воспоминаний Г.А.Тотса: Литературное обозрение. 1988. №11. С.112); в 1915 г. готовил для издательства «Огни» неосуществленные издания Д.В.Веневитинова и Н.М.Языкова, в 1920–1921 гг. работал в Театральной студии Наркомпроса в г.Батуме, выступал с лекциями по истории искусств; в августе–сентябре 1921 г. – научный сотрудник Отдела искусств в Публичной библиотеке в Петрограде, после этого работал инженером в Научно-мелиоративном институте (Архив *РНБ*. Ф.2. Оп.1. Ед.хр.48).

[4] Видимо, почти одновременно со схемами, воспроизведенными в настоящем письме к Иванову-Разумнику, Белый составил подробную, выполненную разноцветными красками «Линию жизни» – панораму, охватывающую жизненный и творческий путь от рождения до 1927 года (хранится в Мемориальном музее-квартире Андрея Белого на Арбате; ее воспроизвел Тая Гут в кн.: Andrej Belyj. Symbolismus. Anthroposophie. Ein Weg. Texte–Bilder–Daten. Dornach, 1997. S.226-227).

[5] Библиографические сведения об упоминаемых ниже книгах и отдельных произведениях Белого см. в его библиографии, составленной Н.Г.Захаренко и В.В.Серебряковой, в кн.: Русские советские писатели. Поэты: Биобиблиографический указатель. Т.3. Ч.1. М., 1979. С.114-153. Мелкие неточности, допускаемые Белым при упоминании некоторых названий, в комментарии специально не оговариваются. Аналогичным образом не комментируются и самые общие сведения из сферы его личных и творческих связей и идейных воздействий (для конкретизации отдельных аспектов см.: Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А.В.Лавров // *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.773-805).

[6] В приводимых ниже схемах: «немки» – гувернантки Белого; Ханс Кристиан Андерсен (1805–1875), Джеймс Фенимор Купер (1789–1851), Жюль Верн (1828–1905) – ранние литературные впечатления.

[7] Джон Рёскин (Ruskin, 1819–1900) – английский писатель, теоретик искусства, публицист, искусствовед; идеолог прерафаэлитов. Произведения Рескина переводила на русский язык О.М.Соловьева.

[8] Ср. характеристику первых творческих опытов в кн. Белого «На рубеже двух столетий» (М., 1989. С.337).

[9] Об интересе Белого в отрочестве к творчеству Якова Петровича Полонского (1819–1898) см.: Там же. С.319.

[10] «Дон Жуан» (1860) – драматическая поэма Алексея Константиновича Толстого (1817–1875). Названные творческие опыты в архиве Белого не сохранились.

[11] «Ante lucem (1898–1900)» – раздел, открывающий кн.1 (1898–1904) «Стихотворений» А.Блока. Ср. свидетельство Белого в «Списке пропавших или уничтоженных автором рукописей»: «Все стихотворения, написанные в эпоху от 1896 до 1899 года (уничтожены автором)» (*РНБ*. Ф.60. Ед.хр.31). Немногие из сохранившихся стихотворных текстов Белого этого периода см. в кн.: *Стихотворения II*. С.57-63.

[12] «Ганнеле» («Hanneles Himmelfahrt», 1894) – пьеса Герхарта Гауптмана (1862–1946), примечательная сочетанием натуралистических и символистских тенденций.

[13] Комментарий Иванова-Разумника: «По этому поводу С.М.Соловьев сообщил (весною 1937 года), что содержание драмы совершенно улетучилось из его памяти» (Л.27).

[14] См.: Андрей Белый. Золото в лазури. М., 1904. С.179-187; Андрей Белый. Симфонии. Л., 1991. С.443-446.

[15] Часть этих произведений переписана в рабочей тетради Белого, озаглавленной «Лирические отрывки (в прозе)» (*РГБ*. Ф.25. Карт.1. Ед.хр.1): «В садах Магараджи» – отрывок №10 (Л.24об.-27), «Мать» – №4 (Л.7об.-12об.). См.: Лавров А.В. Юношеская художественная проза Андрея Белого // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. Л., 1981. С.111-113.

[16] «Краткую повесть об антихристе» Вл.Соловьев написал зимой 1899–1900 г.; Белый слушал ее в авторском чтении в квартире М.С.Соловьева в мае 1900 г. (этот вечер описан им в мемуарном очерке «Владимир Соловьев», впервые напечатанном в «Русском Слове» 2 декабря 1907 г. (№277); см.: Андрей Белый. Арабески. Книга статей. М., 1911. С.387-394).

[17] 31 марта 1898 г.

[18] Фрагменты черновой рукописи «Антихриста», хранящиеся в *РГАЛИ* (Ф.53. Оп.1. Ед.хр.12), опубликованы Даниелой Рицци в отдельном издании (Andrej Belyj. Antichrist. Edizione e commento di Daniela Rizzi. Trento, 1990); фрагменты, хранящиеся в *РГБ* (Ф.25. Карт.2. Ед.хр.2), в это издание не вошли.

[19] См.: Андрей Белый. Золото в лазури. С.27-34, 231-235.

[20] Рассказ «Адам. Записки, найденные в сумасшедшем доме» был впервые опубликован в «Весах» в 1908 г. (№4. С.15-30). См.: Андрей Белый. Серебряный голубь. Рассказы. М., 1995. С.282-291.

[21] См. примеч.26 к п.175.

[22] Мф. III, 17, XVII, 5; Лк. III, 22, IX, 35 и др.

[23] Елизавета Федоровна Егорова (урожд. Желвунова), бабушка Белого с материнской стороны.

[24] Черновой текст этого произведения (так наз. «Предсимфония») ныне опубликован (Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. С.126-137; Андрей Белый. Симфонии. С.420-441).

[25] Имеется в виду «Симфония (2-я, драматическая)».

[26] Фрагменты ранней редакции 4-й «симфонии» («Отрывки из 4-й симфонии») были опубликованы в Альманахе книгоиздательства «Гриф» (М., 1903. С.52-61; см.: Андрей Белый. Симфонии. С.456-466); рукописи, относящиеся к ней, по всей вероятности, не сохранились.

[27] См.: Андрей Белый. Симфонии. С.51.

[28] Заключительные строки стихотворения «Во храме» (1903; Андрей Белый. Золото в лазури. С.35).

[29] Цитата из 3-й части стихотворения «Вечный зов» (1903; Там же. С.20).

[30] Цитата из 3-й части стихотворения «Безумец» (1904; Там же. С.233).

[31] Строка из 1-й части стихотворения «Закаты» (1902; Там же. С.13).

[32] См. предфинальный эпизод 3-й «симфонии» «Возврат» (Андрей Белый. Симфонии. С.250).

[33] Обыгрывается заглавие раздела юношеских стихотворений Блока: «ante lucem» (*лат.*) – «перед светом»; «lux» – «свет» (подразумевается период «Стихов о Прекрасной Даме»), «post lucem» – «после света».

[34] Цитата из стихотворения «Туда» (1904; Андрей Белый. Пепел. СПб., 1909. С.185).

[35] В «Списке пропавших или уничтоженных автором рукописей» Белый указывает: «Две песни поэмы "*Дитя-Солнце*", обнимавшие более 2000 стихов (ямбы, белый стих, написанный неравностопными строками); поэма должна была заключать 3 песни; третья песнь была не написана; в свое время поэма читалась С.М.Соловьеву и А.А.Блоку; пропала весной 1907 года» (*РНБ*. Ф.60. Ед.хр.31). Подробнее см.: *МДР*. С.21-24, 450-452.

[36] Имеется в виду гл.5 (главка «Страда») «Воспоминаний о Блоке» (Эпопея. №2. М.; Берлин, 1922. С.240-265).

[37] Строка из стихотворения «Отчаянье» (1908), открывающего «Пепел» (С.14).

[38] Неточная цитата (Андрей Белый. Золото в лазури. С.231).

[39] Цитата из стихотворения «В темнице» (1904; Андрей Белый. Пепел. С.173).

[40] Заключительная строфа стихотворения «Весенняя грусть» (1905) в переработанной редакции (Андрей Белый. Стихотворения. Берлин; Пб.; М., 1923. С.43); ср.: Андрей Белый. Пепел. С.101.

[41] Неточно цитируется строфа из стихотворения «Пир» (1905; Там же. С.134).

[42] Обыгрываются заключительные строки статьи «Апокалипсис в русской поэзии» (Весы. 1905. №4. С.28). См.: Андрей Белый. Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2 т. М., 1994. Т.1. С.390.

[43] Неприятие лирической драмы А.Блока «Балаганчик» (1906) было у Белого частной формой проявления его критического отношения к творчеству Блока середины 1900-х гг. и к «петербургскому» модернизму в целом.

[44] Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911), с 1906 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров, воспринимался Белым как воплощение всей российской государственной системы.

[45] Цитата из стихотворения «На откосе» (1906; Андрей Белый. Пепел. С.78).

[46] В приводимых ниже схемах: Леонид Ледяной – образ авторского героя в «Записках чудака» Белого (Т.1. М.; Берлин, 1922. С.15, 68, 73-76).

[47] Книга писательницы и общественной деятельницы, основательницы Теософского общества Елены Петровны Блаватской (псевдоним – Радда-Бай, 1831–1891), опубликованная в Москве в 1883 г.; содержит путевые заметки, сведения о Теософском обществе, индийской культуре и истории, излагает основы буддизма и индуизма.

[48] Имеется в виду книга Блаватской «Загадочные племена. Три месяца на “Голубых горах” Мадраса» (СПб., 1893).

[49] Аллан Кардек (Allan Kardec; наст. имя Hippolyte Léon Denizard Rivail, 1803–1869) – основатель французского спиритизма, автор ряда книг по спиритизму.

[50] По сообщению в заметках Белого «Касания к теософии»: «...интересуюсь книгой Синнета» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. Paris, 1990. С.449. Публикация Дж.Мальмстада) – можно предположить, что в данном случае имеется в виду книга английского теософа Альфреда Перси Синнета (Sinnett, 1840–1921) «Le monde occulte, hypnotisme transcendant en orient» (London, 1883). Не исключено, однако, что Белый подразумевал здесь одну из книг Папюса – «L'Occultisme» (Paris, 1890) или «L'Occultisme contemporain» (Paris, 1887).

[51] Элифас Леви (Eliphas Lévi; псевдоним аббата Альфонса-Луи Констана, 1810–1875) – французский священник, автор книг по оккультизму. Юлиан Охорович (Ochorowicz, 1850–1917) – польский философ и психолог, автор книги «De la Suggestion mentale» (Paris, 1887). Папюс (Papus; наст. имя Жерар Энкосс, 1865–1916) – французский оккультист, редактор журналов «L'Initiation» (1888–1910), «Le Voile d'Isis» (1890–1898) и др.; наиболее известный популяризатор герметических доктрин. Подробнее см. в заметках Белого «Касания к теософии» и комментариях к ним Дж.Мальмстада (Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. С.449-468).

[52] Имеется в виду публикация: Джонстон Вера. Отрывки из Упанишад // Вопросы философии и психологии. 1896. Кн.31(1). С.1-34. Ср.: Андрей Белый. На рубеже двух столетий. С.337, 523.

[53] Джордж Роберт Стоу Мид (Mead, 1863–1933) – английский теософ, личный секретарь Е.П.Блаватской, специалист по истории раннего христианства и гностицизма.

[54] «La doctrine secrète» – «Тайная доктрина» («The secret doctrine», vol.1-2. London, 1888; vol.3 – 1897), одно из главных сочинений Е.П.Блаватской, посвященное изложению основ теософии.

[55] Об Анне Сергеевне Гончаровой (1855–?) см.: *НВ*. С.65-69.

[56] Теософ П.Н.Батюшков был научным сотрудником библиотеки Румянцевского музея, сотрудником журнала «Вопросы теософии». Белый дал его литературный портрет в мемуарах (*НВ*. С.65-76).

[57] Теофиль Паскаль (Pascal, 1860–1909) – французский оккультист и теософ, автор «Основ теософии» (ABC de la Théosophie. Paris, 1897).

[58] Анна Николаевна Шмидт (1851–1905) – нижегородская журналистка, автор «Третьего Завета» и других религиозно-мистических сочинений (см.: Из рукописей Анны Николаевны Шмидт. [М.], 1916). Встречи с нею Белый описал в мемуарах (*НВ*. С.142-145).

[59] О воздействии на Белого личности и религиозного служения св. Серафима Саровского см.: Malmstad John E. Andrey Bely and Serafim of Sarov // Scottish Slavonic Review. 1990. Vol.14. P.21-59; Vol.15. P.59-102.

[60] Имеется в виду следующий фрагмент главки «Памир: крыша света»: «Переживания летних закатов во мне вызывали: чин службы; справляли литургии в полях; и от них-то пошли темы более поздних “Симфоний”» (Андрей Белый. Записки чудака. Т.1. С.55).

[61] См.: *Вершины*. С.30. Стихотворение «Закаты» (июль 1902) Белый цитирует неточно (ср.: Андрей Белый. Золото в лазури. С.13).

[62] Обыгрывается заглавие книги К.Д.Бальмонта «Тишина. Лирические поэмы» (СПб., 1898).

[63] Харальд Гёффдинг (Höffding, 1843–1931) – датский философ и психолог, историк философии. Вильгельм Вундт (Wundt, 1832–1920) – немецкий психолог, физиолог, философ и языковед.

[64] Имеется в виду статья «Критицизм и символизм. По поводу столетия со дня смерти Канта» (Весы. 1904. №2. С.1-13).

[65] Эта статья была впервые опубликована в книге Андрея Белого «Символизм» (М., 1910. С.31-48).

[66] Алоиз Риль (Riehl, 1844–1924) – немецкий философ-неокантианец.

[67] Об участии Белого в московском символистском журнале «Весы» (1904–1909) см.: *ЛН*. Т.85. Валерий Брюсов. М., 1976. С.268-269, 330-332, 340-343.

[68] См.: Там же. С.338, 381-383.

[69] Инцидент с поэтом, владельцем издательства «Гриф» Сергеем Алексеевичем Соколовым (псевдоним – Сергей Кречетов, 1878–1936), обойденный вниимагием в мемуарах Белого, был связан с публикацией в московском журнале «Искусство» (литературным отделом которого заведовал Соколов) рецензии на альманах «Северные Цветы Ассирийские», в которой давалась негативная оценка помещенной в альманахе трагедии Вяч.Иванова «Тантал» (Искусство. 1905. №5/7. С.166. Подпись: Нарцисс). Оскорбленный тоном рецензии, Белый объявил Соколову о своем отказе от сотрудничества в «Искусстве»; в ответ Соколов написал Белому (8 сентября 1905 г.): «Помещение Вами в “Весах” письма с отказом от участия в “Искусстве” я буду рассматривать, как личное себе в качестве редактора оскорбление, в ответ на каковое мне не останется ничего иного, как только потребовать от Вас удовлетворения путем дуэли» (*РГБ*. Ф.25. Карт.23. Ед.хр.2). Дуэль не состоялась; в дневнике В.Я.Брюсова «Моя жизнь» записано в этой связи (осень 1905 г.): «Гриф вызвал его <Белого. – *Ред*.> на дуэль (как раньше я). Б<угаев> испугался, извинился (как со мной), исполнил все требования Грифа (взял назад “письмо в ред<акцию>” из Весов)» (*РГБ*. Ф.386. Карт.1. Ед.хр.16(1). Л.38).

[70] См.: Андрей Белый. Воспоминания о Блоке // Эпопея. №3. М.; Берлин, 1922. С.188-190, 269-270; *МДР*. С.85-86, 291; *Блок–Белый*. С.192-213.

[71] Эта философско-эстетическая работа (1909) впервые была опубликована в книге Белого «Символизм» (С.49-143).

[72] В городке Монреале (Сицилия, в 5 км от Палермо) Белый и А.Тургенева жили во второй половине декабря (н.ст.) 1910 г., в Иерусалиме – в середине апреля 1911 г. См.: Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого / Публикация, вступ. статья и комментарий Н.В.Котрелева // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С.143-150, 167-176.

[73] Подразумеваются относящиеся ко времени пребывания Белого и А.Тургеневой в Брюсселе (апрель – начало мая 1912 г.) события и наблюдения, воспринятые ими как «оккультные феномены». См.: *Блок–Белый*. С.295-298; Тургенева А. Андрей Белый и Рудольф Штейнер // Мосты. 1968. №13/14. С.242; Turgenieff Assja. Erinnerungen an Rudolf Steiner und die Arbeit am ersten Goetheanum. Stuttgart, 1973. S.16-18.

[74] 6 мая (н.ст.) 1912 г. Белый и А.Тургенева впервые прослушали в Кёльне лекцию Р.Штейнера, 7 мая состоялась их личная встреча. См.: Спивак М.Л. Андрей Белый – Рудольф Штейнер – Мария Сиверс // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.53-55.

[75] Александр Афанасьевич Потебня (1835–1891) – филолог-славист, языковед, теоретик литературы, фольклорист, этнограф. Белый написал статью «Мысль и язык (Философия языка А.А.Потебни)» (Логос. 1910. №2. С.240-258). См.: Белькинд Е. А.Белый и А.А.Потебня (К постановке вопроса) // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А.А.Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. С.160-164.

[76] В имении В.К.Кампиони и С.Н.Кампиони (матери А.Тургеневой) Боголюбы (Волынская губ., близ Луцка) Белый впервые побывал летом 1910 г.

[77] В имении Серебряный Колодезь (Старогальская волость Ефремовского уезда Тульской губ.), купленном Н.В.Бугаевым в 1898 г., Белый в последний раз жил в июне 1908 г.; после этого имение было продано.

[78] В имении Анны Алексеевны Рачинской (ум. в 1916 г.), сестры Г.А.Рачинского, Бобровка (Тверская губ., ст. Оленино Виндавской ж.д.) Белый жил в конце февраля – первой половине марта и с конца ноября по конец декабря 1909 г., в середине января и в апреле 1910 г., в декабре 1911 г. и в середине января 1912 г.

[79] Г.Е.Распутин был убит в ночь на 17 декабря 1916 г.

[80] Николай Петрович Киселев (1884–1965) – библиограф, книговед; в 1913–1915 гг. секретарь издательства «Мусагет». См. о нем: Маркушевич А.И. Николай Петрович Киселев // Федоровские чтения. 1974. М., 1976. С.110-122; Грачева О.А., Сокольская К.П. Библиотекарь, библиограф, историк книги // Николай Петрович Киселев: Биобиблиографический указатель. М., 1984. С.3-11.

[81] Имеется в виду московская группа Русского Антропософского общества, формально основанного 20 сентября 1913 г.

[82] Антропософская группа в Москве, определившаяся в первые пореволюционные годы (см.: Жемчужникова М.Н. Воспоминания о Московском Антропософском обществе (1917–23 гг.) // Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. Paris, 1988. С.46-47); в очерке «Почему я стал символистом...» (1928) Белый указывает, что он был одним из ее организаторов: «...и как антропософ, и как член совета и председатель "*Вольно-философской ассоциации*", всемерно стоял и участвовал в продумывании стиля работ ломоносовской группы как стиля работ общины, ассоциации, *совета* без членов и руководителей» (Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.476).

[83] О месте, которое занимала Н.А.Поццо в его внутреннем мире в пору пребывания в Дорнахе, Белый подробно рассказывает в автобиографических записях (*МБ*; Минувшее: Исторический альманах. Вып.8. Paris, 1989. С.419-421, 427-428, 431-433, 437, 448, 450 и др.).

[84] Этот цикл лекций Р.Штейнер прочитал с 28 декабря 1913 г. по 2 января 1914 г.

[85] См. подробное изложение Белым этих событий (посещение могилы Ф.Ницше – 3 января 1914 г.) в автобиографических записях (*МБ*; Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. С.363-369).

[86] Подавляющее большинство стихотворений, составивших книгу Белого «Звезда. Новые стихи» (Пб., 1922), написано в 1916–1918 гг.

[87] Подробнее об этих двух переработках «Золота в лазури» см.: Бугаева К., Петровский А. <Пинес Д.>. Литературное наследство Андрея Белого // *ЛН*. Т.27/28. М., 1937. С.583-584. Ср. свидетельство Белого в «Списке пропавших или уничтоженных автором рукописей»: «Заново переработанный материал стихов "*Золота в Лазури*", приготовленный к печати в виде сборника "*Зовы времен*" и уже сданный в набор издателем; рукопись исчезла при аресте издателя, Пашуканиса» (*РНБ*. Ф.60. Ед.хр.31).

[88] См. примеч.5 к п.22; примеч.5 к п.14.

[89] Имеется в виду статья «Поэзия Блока» (Ветвь. М., 1917. С.267-283), вошедшая (под заглавием «А.Блок») в книгу Белого «Поэзия слова» (Пб., 1922).

[90] Подразумевается изучение лекций Р.Штейнера, читавшихся для членов Антропософского общества, и отражение сведений из них в кн. Белого «Глоссолалия. Поэма о звуке» (Берлин, 1922. С.31-34, 119-123). Ср. запись Белого об июле 1917 г.: «...впервые штудирую курс Штейнера "*Тайны библейского миротворения*", который подымает во мне тему глоссолалии» (*РД*. Л.88об.).

[91] См. п.65, примеч.4. Виктор Карлович Поржезинский (1870–1929) – русский и польский языковед; автор «Очерка сравнительной фонетики», использованного Белым в «Глоссолалии».

[92] Имеется в виду статья «Вячеслав Иванов» (Русская литература XX века. 1890–1910. / Под ред. проф. С.Венгерова. Т.3. Кн.8. М., [1918]. С.114-149), вошедшая в книгу Белого «Поэзия слова».

[93] Теолог, крупнейший представитель западной патристики Августин Аврелий (354–430) и один из виднейших представителей греческой патристики Григорий Нисский (ок.335–ок.394). Ср. записи Белого о декабре 1917 г.: «...собираю материал по Августину; читаю Григория Нисского и Дионисия Ареопагита» (*РД*. Л.90).

[94] См.: Неизданные статьи Андрея Белого / Публикация А.В.Лаврова // Русская литература. 1980. №4. С.170-176.

[95] См. записи Белого о «Кружке мистерий» в документальном своде «Себе на память» (Минувшее: Исторический альманах. Вып.9. Paris, 1990. С.478-479. Публикация Дж.Мальмстада).

[96] Белый заведовал Научно-теоретической секцией в Театральном отделе Наркомпроса в ноябре–декабре 1918 г.

33 Зак. 3782

[97] См. примеч.26 к п.96.

[98] Курс лекций при Антропософском обществе в Москве, читавшийся Белым с сентября по декабрь 1919 г.

[99] Ср.: *НВ*. С.100-101.

[100] Белый относит это сближение с К.Н.Васильевой к апрелю 1918 г.: «Близость с К.Н. оформляется и переходит в ту прочную связь, которая стала уже нерасторжимой в десятилетии 1918–1928 годах» (*РД*. Л.92об.).

[101] См. п.136, примеч.15.

[102] Р.Штейнер скончался в Дорнахе 30 марта 1925 г.

[103] Имеется в виду последняя встреча Белого со Штейнером в Штутгарте 30 марта 1923 г.; К.Н.Васильева писала о ней П.Н.Зайцеву 27 июня 1923 г. из Бад Гарцбурга: «Его <Белого. – *Ред*.> встреча с Ш<тейнером> была так прекрасна, так благостна, так гармонична... Лучше, глубже – едва ли можно себе представить. В этом какой-то залог будущего» (*Минувшее 13*. С.237). См. также: Спивак М.Л. Андрей Белый – Рудольф Штейнер – Мария Сиверс // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.66-68.

[104] О «берлинской редакции» воспоминаний «Начало века» см. примеч.11 к п.129.

[105] Подразумевается использование в творческой работе над «Москвой» «Толкового словаря живого великорусского языка» (1863–1866) Владимира Ивановича Даля (1801–1872).

[106] Гос. Академия Художественных Наук (ГАХН) и Высший Литературно-Художественный институт имени Брюсова (ВЛХИ).

178. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
6 апреля 1927 г. Кучино.

Кучино 6 апреля 27 года.

Дорогой, милый Разумник Васильевич, –
все ждал от Вас письма; так и не получил; страшно мечтал освободить недельку для поездки в «*Детское*»; и – не освободил. Человек предполагает, а судьба располагает.

И вот нахлынул отъезд[1]: тоже скорее, чем ожидал; помните, писал, что надеюсь на «*щель*» во времени, чтобы проюркнуть к Вам; но щель сдвинулась: кучинские *дела* передержали; а поездка на юг неожиданно придвинулась: выяснилось, что нам с К.Н. удобнее всего ехать в Батум, где под Батумом нам приискали 2 комнаты; а в Батуме уже с середины июня – нестерпимая жара, так что надо ехать или сейчас, или в сентябре; отложить до сентября – вовсе не уехать. А меня доктора гонят на юг; у меня сильнейшее переутомление; мои «*жар-птицы*» дум за это время превратились в грохот и треск «*бомб*», разрывающихся в голове; этими «*бомбами*» оказались «*атомы*»; прочел за март почтенную груду книг, пугая посетителей Кучина; ибо, видя, какие книги у меня на столе, они приходили в ужас: от 2-томного курса физики Михельсона до тома академика Иоффе[2]; но зато разобрался; и теперь знаю точно: метод, которым оперировал Бор, – «*метод соответствий*» – в итоге усилий моих его понять оказался старинным знакомцем: «*соответствие*» Бора (т.е. соответствие с электро-магнитной, экстра-атомной теорией Лоренца и Максвелля) есть ни более, ни менее, как «*correspondance*» Бодлера[3]. *Я не шучу*.

Пристально проследив историю эволюции эфирной гипотезы[4] и связанной с ней механики, проследив историю противоречий, которые вскрылись в ней *внутри атома*, пристально разобрав теорию Бора, закон всемирного тяготения в связи с Эйнштейном, мне *in spe**, для себя, кое-что открылось, как примирение противоречий; для этого надо: 1) сохранить эфир, но установить взгляд на него Пуанкаре[5]; 2) ввести в понятие «*тела*» 4 измерения, т.е. время-пространство *in concreto*, где время *квалитативно*, т.е. не какое-нибудь вообще измерение (одно из четырех), а *такое-то*; 3) надо углубить недра противоречий между теорией Бора и Лоренцом, дабы из открывшейся бездны противоречия выблеснул *свет*. И тогда в физику вполне научно в согласии и с Пуанкаре, и с Бором, и с доктором легко и просто вводится научно взя-

* *в зародыше (лат.)*

тая гипотеза эфирного тела, т.е. четырехмерного, и закон тяготения Ньютона, не получавший объяснения в электро-магнитной теории, объяснение получает (причем формула кинетической энергии получает лишь кажущееся парадоксальным значение $\frac{mv^2}{2} = \frac{\infty \cdot t^2}{2} = \infty$; где «*m*» – масса отрицат<ельного> заряда, совпавшего с математическим центром *атома*: она = ∞; а «*t*» можем мы вполне научно всюду подставлять вместо «*v*» (это и мной самостоятельно усмотрено; и проверено мною из беседы с проф. Великановым); но приведенное равенство означает, что кинет<ическая> энергия тяготения неисчерпаема; очень интересные свойства получает тут «*t*»; оно будет всегда *единицей*; $t^2=1$; и это значит в моем вскрытии: сила тяготения распространяется в замкнутой сфере всегда *мгновенно*. То, чего не понимал Пуанкаре (т.е. как связать эфир, элект<ро>-магн<итную> механику и законы Ньютона и Кеплера, – становится объяснимым в гипотезе «*эфирных тел*»). Я не вскрываю хода своих мыслей; он у меня набросан, конспективно, в сотне страниц[6]; я только здесь бросаю Вам нечто от «*научного афоризма*». Недавно этот «*афоризм*» я развивал нескольким «*спецам*»; и они весьма заинтересовались, так сказать, *проектом проспекта* к будущим ходам мысли на тему: «Методика новой науки». Еще скажу: в этой установке «*t*» берется не относительно, а – абсолютно: «*t*» есть всегда время в точке сферы, принятой, как неподвижный центр; такой центр – атомный центр в атоме, взятом безотносительно; и такой центр – земной центр: по Эйнштейну, как знаем, так брать можно (т.е. взято по Птоломею)[7].

Для меня проблема, смущавшая Пуанкаре и многих (как ввести закон тяготения в формулы электро-магнитные?), есть проблема об отыскании принципа согласования *экстра*- и *интра*-атомных динамик путем правомерного вынесения поправок в «*экстра*»-атомность из новых принципов «*интро*»-атомной динамики; другими словами, для меня это проблема: как соединить *солнце с землей* (наша тема о «*внутреннеземном*» солнце). Прежде я ломал голову; потом – сломал; но, сломав, – понял: *in spe*; вероятно, еще года буду лишь *чревовещательно* говорить; от неумения до деталей научно проформулировать. Но мои «*заикания*» спецы поняли; и ими заинтересовались. Пока с меня довольно: еду лечиться от переутомления, лишившего меня таких мне дорогих и нужных дней общенья с Вами. Тянуло в «*Детское Село*»; а это означало: вернуть собранную кучу книг, не до-уразумев; надо было понять смысл поправки к 3-ьему закону Кеплера; и я клал на́ голову компрессы, стонал, читал, строчил себе выписки; и... не ехал к Вам. Потом ругался: что это за способность у меня, – даже в Кучине выдумывать себе *каторги*; *каторжно* трудно мне было пропирать механику; и так тянуло к Вам: к Вашей трубочке, к вечернему чаю. Но собираюсь себя *вознаградить* не то летом, не то в начале осени. А пока всею силою души желаю Вам всего, всего хорошего. Крепко обнимаю. Всем Вашим сердечный привет.

Борис Бугаев.

P.S. Сообщу Вам из Батума свой батумский адрес; и буду ждать хоть... открытки туда.

[1] Белый и К.Н.Васильева выехали из Москвы в Грузию 8 апреля.

[2] Имеются в виду «Физика. Лекции, читанные студентам Московского сельскохозяйственного института» (Вып.1-2. М., 1913–1914; Т.1-2. М., 1922; 2-е, испр. изд. Т.1-2. М.; Пг., 1923–1926) Владимира Александровича Михельсона (1860–1927) и «Лекции по молекулярной физике» (Пг., 1919; 2-е, перераб. изд. – Пг., 1923) Абрама Федоровича Иоффе (1880–1960). В тот же день, 6 апреля, Белый писал Д.М.Пинесу: «...за март месяц я прочел: <...> 2 части книги Френкеля "Строение вещества", том "Лекций по молекулярной физике" акад. Иоффе, физику Михельсона, ряд популярных книжек (между прочим о теории Бора, теории квант, "Эволюция физики" Пуанкаре) и ряд статей специальных по физике и химии; мне надо было до отъезда в Батум разрешить один вопрос в связи с строением вещества» (Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.90).

[3] «Correspondances» («Соответствия») – программный сонет Шарля Бодлера, развивающий тему таинственных соответствий между видимыми явлениями и невидимыми сущностями. Белый проводит «соответствия» между теорией атома, основанной на планетарной модели и квантовых представлениях, выдвинутой датским физиком Нильсом Бором (Bohr, 1885–1962), теорией электромагнитного поля английского физика Джеймса Клерка Максвелла (Maxwell, 1831–1879) и классической электронной теорией нидерландского физика Хендрика Антона Ло-

ренца (Lorentz, 1853–1928). Ср. свидетельство Белого (13 апреля 1927 г.): «...передо мной спираль Бора и ряд моих собственных схем: – ряд спиралей; весь март ломал голову над примиреньем меж "*эстра*" и "*интра*" атомною схемой механик; согласовать мир Лоренца, Максвелля с моделью, показанной Бором. Мне кажется, – что-то нащупал я тут (для себя – разумеется)» (*Ветер с Кавказа*. С.9).

[4] В классической физике эфир рассматривался как гипотетическая материальная среда, которой приписывали роль носителя электромагнитных и гравитационных полей.

[5] Жюль Анри Пуанкаре (Poincaré, 1854–1912) – французский математик, физик и философ; автор труда «О динамике электрона» (1906).

[6] Ср. запись Белого о марте 1927 г.: «Весь месяц интенсивная работа над материей; набросал сырья в свой "*Дневник*" за март. 258 стр.» (*РД*. Л.128).

[7] Подразумевается геоцентрическая система мира Птолемея, разработавшего математическую теорию движения планет вокруг неподвижной Земли.

179. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
7 июня 1927 г. Цихис-Дзири.

Цихис-Дзири[1]. 7-го июня. 27 года.

Дорогой друг!

Что же это? Какая не судьба мне иметь вести о Вас. Еще в Москве ждал Вашего письма. Не получив, уехал. В Цихис-Дзири написал Вам; и – не послал; письмо вышло усталое, жалкое; да и случились всякие душевные недомогания; письмо лежало, да и проросло мохом. С той поры много воды утекло.

Вот уже 2 месяца, как я уехал из Кучина; кажется, что не 2 месяца, а месяцев шесть. Когда живешь в одном месте и все впечатления сосредоточены на ландшафте вокруг, который вбираешь всеми порами сознания, время течет медленно, а Аджария за 2/3 нашего пребывания в ней превратилась в какое-то сидение перед запертой теплицею, напоминающее сидение на вокзале в ожидании поезда: с южным климатом. Подумайте: 4 тысячи верст ехали, чтобы погреться, пожить природною жизнью, набраться сил; покупаться – без забот и затей! Цихис-Дзири встретило ослепительными днями и июньской жарой (в начале апреля)[2]; все это длилось 2-3 дня; и потом, до 20 мая наступили долгие недели ожидания и ловли солнечного луча; дождь лил без перерыва. И лишь теперь, с неделю, – в благорастворении возду́хов. Я уже начал проклинать свойства допотопного климата (под Батумом – остатки климата третичного периода, когда небо было покрыто войлоком туч; из-под войлока лили ливни; под войлоком обильно росли древние тропические растения). Полтора месяца жили одновременно: в лете, в зиме, в осени и в весне; эти 4 времени года сменялись даже не ежедневно, а по несколько раз в день; что меня всего более бесило, так это: смесь палящего, как печь, жара от солнца с ледяным ветерком; ни тебе загорать, ни тебе прохлаждаться; сидишь в тени: ноги в аджарских зимних носках; и – только-только! А лысину выставляешь на солнце из тени с испугом, показывая ее... как кукиш: покажешь, и – спрячешь, потому что мгновенно сожжется. Или: у нас на холме утром – холод; забираешь все теплое; спустишься под холм, саженей 10 вниз – июнь; еще ниже – тропики; тогда начинаешь задыхаться и опаляться; у моря сбрасываешь все, что есть на тебе: и тотчас – озноб холода; так мы с К.Н. брали с собой на прогулки все виды одежд (для солнца, для тени, – верней: *от* солнца, *от* тени, *от* высоты, *от* долины и т.д.); и ходили, как вьючные животные, обремененные зимними и летними одеждами; да и теперь, в палящую жару, наблюдаем превратности всех сезонов в их единовременном столкновении; наш сад на днях был весь покрыт флер-д'оранжем: весна! Но – аджарцы ходят в бараньих шапках и в зимних носках, как зимой; на дорожки свеиваются сухие листья, цветшие, вероятно, в декабре; пальмы тоже желтеют, как осенью; недалеко от нашего дома стоит тропическое дерево «*мушмала*», обвисшая спелыми золотыми плодами: осень; все прочее – взрывы летнего, июльского роскошества; кусты и даже деревья обвисают розами; в нашем саду одуряющий запах белых магнолий (смесь запаха лимона и ананаса), цветы которых громадны (с полоскательную чашку). Разеваешь рот на безумное роскошество мексиканской, японской и

австралийской флоры, т.е. *батумской*, ибо все эти виды растений привились здесь; сейчас в нашем саду вдруг, отовсюду выперли громадные, не по дням, а по часам растущие злаки, стебли которых через несколько недель станут толстейшими дубинками, вроде той, с которой я брожу по горам; наш хозяин жалуется: надо скорей уничтожать злаки, ибо они задушат всякую иную культуру; это – бамбуки; здесь есть целые плантации (бамбуковое производство); но в нашем саду оно котируется как... сорная трава; когда мы приехали в Цихис-Дзири, то все лощины были лиловыми от цветения других, тоже «*сорных*», по-здешнему, растений: рододендров; вокруг нашей дачи растут драцены, пальмы, смоковницы, ливанские кедры, тропическое дерево павлония, красные камелии (в цвету), агавы; одна из последних в неделю выбросила двухсаженный ствол – торчком в небо: соцветие; это знак, что агава умирает; она цветет раз, перед смертью; нашей агаве более 25 лет; я ничего подобного не видел в Сицилии и в Северной Африке: так здесь все космато пучится, молниеносно растет и принимает чудовищные размеры; наша сосновая шишка размером с большой ананас; ствол 18-летней чинары выглядит стволом нашего столетнего дуба; необхватные, гладкостволые красавцы эвкалипты, криптомерии, бананы, стебель которых достигает сажени (не преувеличиваю); все это даже чудовищно: малопонятно и неохватно сознанию северянина; тем сиротливей была эта природа под хмурым, низким свинцом туч, перших над морем из Анатолии и застревавших между анатолийскими горами и соседней с нами Мингрелией.

И тем сиротливей нам было с К.Н. в пасхальные дни[3]: на сердце заботы; за окнами угрюмый свинец; скрежет камней, которыми скребется о берега разъяренное море под нами, и вой, свист, плач, гул налетающих шквалов на торчок башенки, в которой я приютился и откуда невыразимый вид и на горы Аджарии, и на растительность, и на море сквозь нее и за ней; и на развалины времени Юстиниана (VI век)[4] наискось, и на панораму снежных гор главного кавказского хребта (лишь в иные прозрачные дни): с ледниками, – розовыми и фиолетовыми в час заката.

Но от этой безумной роскоши и красоты веяло нам с К.Н. грустью, заботами; и безумная красота хмурилась.

Теперь погода снисходительней: купаемся и жаримся; но 1 1/2 месяца сидели и ждали, когда *это* начнется.

У нас, конечно, уже коллекция камушков, не уступающих коктебельским: надеюсь когда-нибудь Вам показать что-нибудь от батумских даров моря; каменная болезнь охватила; и долго мучились, как же везти с собой этот груз камней; посылаем посылками: изумительные орнаменты![5]

Разумник Васильевич, ведь эти места – места древнего «*Золотого Руна*». Почему-то вспоминаю свое древнее стихотворение «*Аргонавты*», где есть строки: «Встали груды утесов средь трепещущей солнечной ткани. Солнце село. Рыданий полон крик альбатросов»[6]. Да ведь это – моя цихис-дзирская панорама; солнечную, трепещущую ткань я наблюдаю каждый вечер, когда ясно; здесь и земли солнечны: то охрово-золотые, то сурико-пурпурные (от присутствия в почвах *охры* и *сурика*: про Цихис-Дзири это узнал из брошюры «*Советские тропики*»)[7]; и теперь мне понятно, что Колхида – пламенна; пламенна землей; и еще: «*Золотое Руно*» – цихисдзирские утесы, проступающие из каскадов зелени и цветов; здесь все – миф и рай; но «*мифы*» – умерли; «*рай*» – потерян; я, старый аргонавт, после 25-летних скитаний приплыл-таки с К.Н. к берегу страны Золотого Руна; и согласился с собой, что все это великолепие – «*среди всплесков тоски*»[8]. Я, старый аргонавт, здесь говорю «*да*» своему «*аргонавтизму*»; и мы, с К.Н., уже в мыслях отчаливаем на нашем Арго от страны Золотого Руна – к иному Руну; страна Золотого Руна – без Золотого Руна; надо было ее посетить, чтобы сказать это: сказать, что «*древние мифы*» – умерли.

Оттого еще грустно нам с К.Н. (моим *Alter Ego* по аргонавтизму) – здесь, среди «*солнечной ткани*» утесов.

Но надо было сюда приехать.

Однажды, когда лил дождь и было особенно сиро, когда мы собрались в Тифлис, чтобы не видеть хмури хлябей небесных, перед нашей верандой появились: Всеволод Эмилиевич с Зинаидой Николаевной[9]; и очень взбодрили; было легко и просто; в результате их наезда мы ускорили наш наезд на них; и прожили у них, в Тифлисе, пять дней (я в комнате Вс.Эм., К.Н. в комнате З.Н.)[10]; я очень благодарен тифлисской по-

ездке; и Тифлису, и Грузии, и спектаклям «*Театра имени Мейерхольда*»[11], и изумительному плану Вс.Эм. ставить «*Москву*» на спирали, где размещены одновременно все 17 картин, так что можно пустить в ход все 17 картин одновременно; многообразие мест в едином моменте времени: «*аккорды*» сцен и перманентность действия без зацепок[12]. К.Н. – давнишняя знакомая З<инаиды> Н<иколаев>ны; а я сблизился очень со Вс.Эм. за эти дни; и было – изумительно просто и хорошо с ним; много говорили о Вас и Мих<аиле> Александровиче[13]. Вс.Эм. – очень устал, разбит, раздражен; и моментами даже пугал нас своим состоянием.

Цихис-Дзири – дивный, но умерший и грустный миф: потерянный и не возвращенный рай; но Грузия нас волнует, как *нечто*, лежащее на сердце у каждого (ведь Пушкин, ведь Лермонтов); К.Н. не может опомниться от Мцыри[14]: мы были около него; и было ясно: без скалы и древнего монастыря, без знания мест окрестных, без панорамы Мцхета, – не до конца понятна поэма Лермонтова; нам *все* стало ясно под Мцыри. И стало ясно: «*На холмах Грузии легла ночная тень. Шумит Арагва подо мною...*» Мы видели Арагву в месте ее слияния с Курой – там же, у Мцхета (с Мейерхольдами); с тех пор не можем забыть Грузии: «*Печаль моя светла. Печаль моя полна тобою*»[15] – так мысленно я к ней обращаюсь; и еще: воскресли рассказы отца; ведь он родился под Тифлисом; любил Грузию; и все рассказывал о каком-то Чавчавадзе, с которым дружил дед; представьте: от хозяйки Мейерхольдов (очень культурной армянки)[16] я услышал именно об этом самом Чавчавадзе, друге деда; и казалось, что воскресло раннее детство, отец, рассказывающий о Грузии, о деде, о Чавчавадзе. И стало грустно, но – светло.

Тифлис как-то согрел нас; и мы еще будем там: вот где мне хотелось бы жить (с близкими, разумеется). Еще: над Тифлисом мне открылся Врубель; вся его техника – почвы Тифлиса; К.Н. гениально выразилась, что перья врубелевских ангелов, павлиньи хвосты орнаментов – просто зарисовка земель, растреск которых образует правильные квадратики, как квадратные мазки кисти Врубеля. И очень над Тифлисом стал понятен Демон у обоих[17].

Дорогой Разумник Васильевич, – Вы можете подумать, читая мою беспринципную болтовню, что я в легкомысленном и прекраснодушном настроении; нет, – мне очень бывает тяжело. Мое молчание к Вам полно слов к Вам; но говорить от сердца к сердцу – не умею на расстоянии, а это очень тяжело; ведь думаю о Вас всегда; и – с жаром.

Милый, хороший, позвольте к Вам приехать в Детское Село, пожить вместе несколько дней после нашей кавказской поездки; попав на Кавказ, я хочу уже по возможности исчерпать его, т.е. хоть кусочек его увидеть; поэтому: после 20<-го> будем в Тифлисе, и через Военно-Грузинскую и Туапсе[18] проезжаем по черноморскому побережью; странный рейс – от заезда в Тифлис теперь, а не после: просят прочесть лекцию (для денег на поездку соглашаюсь); и от этого – зигзаг в пути. В Кучине думаем быть к концу июля, а в августе думаю, с Вашего разрешения, появиться у Вас, да и кстати: зацепиться за Мейерхольда, которого гастроли ленинградские – август-сентябрь; мы с ним уславливались иметь в Ленинграде разговоры о постановке «*Москвы*», с которой он торопится по соображениям «*Тима*» и сезона (***в** случае цензурного* разрешения, с которым какие-то сложности)[19]; я же жду проекта макета, чтобы по нему проработать текст. Но встреча с Мейерхольдом – претекст, чтобы пожить хоть немного с Вами; а то Москва охватит quasi-делами, а сердечное дело (встреча с Вами) всегда в мороке дел отсрачивается по «*независящим обстоятельствам*»; зная это, я загрунтовал себе на август «*независящее обстоятельство*» в Ленинграде.

Если бы Вы черкнули хоть два слова мне, был бы счастлив; ввиду отъезда нашего из Цихис-Дзири около 19-22 июня, пишите по адресу: Чаква (близ Батума). Дача Соловьевой. Лидии Павловне Сильниковой. Мне. Я всем дал этот адрес, ибо наше пребывание в Цихис-Дзири для меня было *terra incognita*; ввиду ливней думали уехать к 10 маю; потом, ввиду поездки в Тифлис, отложили; теперь вторично откладываем; оттого и адрес давал Сильниковой, которая обещалась пересылать письма в тот пункт побережья, куда бросит случай (погода, помещение, цены, удобства и т.д.); здесь все случайно: думал, что Батум – большой, благоустроенный город, а он – дыра; думал, что Боржом – дыра, а он – благоустроеннейший уголок[20]; никогда не знаешь, куда приедешь, что ждет, сколько проживешь, а потому и не даю адреса своего. А то

черкните по адресу: Москва. Плющиха, д.53, кв.1. Петру Николаевичу Васильеву. Для меня. Очень думаю о Вас; мысленно всегда с Вами. Мой сердечный привет и уважение Варваре Николаевне и Иночке. Обнимаю Вас крепко.

Любящий Вас Борис Бугаев.

[1] Прибрежный курорт в 16 км к востоку от Батума, с дачными участками на гористой местности с крутыми склонами.

[2] Белый и К.Н.Васильева прибыли в Цихис-Дзири, как свидетельствует в дневнике К.Н.Васильева, 12 апреля 1927 г. (*Лица*. С.197), прожили там безвыездно до 18 мая (см.: *Ветер с Кавказа*. С.9-56; *Лица*. С.197-204; письмо Белого к П.Н.Зайцеву от 13 апреля 1927 г. // *Минувшее 13*. С.258-260); вновь в Цихис-Дзири – с 28 мая по 25 июня. Жили они на даче, принадлежавшей Д.И.Ростовцеву (в прошлом гвардии полковнику). См.: Голицын В. Цихис-Дзири. Дачное место близь Батума. Батум, 1911. С.43.

[3] Пасха – 11/24 апреля 1927 г. Ср. запись Белого (22 апреля): «Грусть о Пасхе» (*РД*. Л.128). 26 апреля К.Н.Васильева записала в дневнике: «Третий день Пасхи. <...> Тихо встретили праздник. На столе – кулич, красные яйца – подарок хозяев» (*Лица*. С.198-199).

[4] Юстиниан I (482 или 483 – 565) – византийский император (с 527 г.).

[5] О новом переживании «каменной болезни» в Цихис-Дзири см.: *Ветер с Кавказа*. С.14-15.

[6] Цитата из 1-й части стихотворения «Золотое руно» (1903; Андрей Белый. Золото в лазури. М., 1904. С.7), бывшего своего рода манифестом «аргонавтического» мироощущения Белого в начале 1900-х гг.

[7] Имеется в виду кн.: Советские субтропики: Справочник-путеводитель по Аджаристану / Составил А.Силин. Батум, издатель Аджаристанское О-во Доброхим, б.г.; в разделе «Минеральные богатства» в ней сообщается: «Зарегистрированы многочисленные проявления охры и сурика в цихис-дзирском и аджарис-цхальском районах» (С.8).

[8] Строка из 1-й части стихотворения «Золотое руно» (Андрей Белый. Золото в лазури. С.7). См. также написанное в Цихис-Дзири стихотворение «В стране золотого руна» (*Стихотворения II*. С.191-193).

[9] В.Э.Мейерхольд и З.Н.Райх приезжали к Белому в Цихис-Дзири из Тифлиса (где гастролировал в мае 1927 г. Театр имени Мейерхольда) 15 мая. См.: *Ветер с Кавказа*. С.53-56; *Лица*. С.203.

[10] Белый и К.Н.Васильева пробыли в Тифлисе с 19 по 24 мая. См.: *Ветер с Кавказа*. С.57-112; *Лица*. С.204-209. 10 июня 1927 г. Белый писал В.Э.Мейерхольду: «Еще раз спасибо за так хорошо проведенное с Вами время. Тифлис остался у нас с К.Н. светлым воспоминанием»; ему же – 23 июня: «Я очень рад дням, проведенным вместе, за те худ<ожественные> наслаждения, которые мы получили, и за сердечные беседы вместе. Не забуду их» (*РГАЛИ*. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1160).

[11] 19 мая Белый и К.Н.Васильева смотрели «Ревизора» в постановке Мейерхольда, 21 мая – «Лес» А.Н.Островского (*РД*. Л.128об.; *Лица*. С.205, 207-208).

[12] См. подробное изложение беседы Белого с Мейерхольдом (20 мая) о проекте постановки драмы «Москва» (*Ветер с Кавказа*. С.77-78), а также сведения об этом проекте в письме Белого к П.Н.Зайцеву от 9 июня 1927 г. (*Минувшее 13*. С.263). Режиссерский замысел Мейерхольда побудил Белого к созданию сценического варианта текста пьесы с подробно разработанными схемами организации сценического пространства (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.3. Ед.хр.3). См. также: Фельдман О. «Эта его мечта не осуществилась» // Театр. 1990. №1. С.161; там же (С.162) – схематический план постановки «Москвы», предложенный Мейерхольдом. Макеты постановки «Москвы», выполненные Мейерхольдом и Белым, приводятся также в книге Татьяны Николеску «Андрей Белый и театр» (М., 1995. С.158-159) – в гл.VI («Но эта его мечта не осуществилась»), посвященной истории работы Белого над пьесой «Москва» и анализу двух ее редакций. Ныне сценический вариант пьесы опубликован: Андрей Белый. Москва. Драма в пяти действиях / Предисловие, комментарии и публикация Т.Николеску. М., 1997.

[13] М.А.Чехов.

[14] Имеется в виду город Мцхета на Военно-Грузинской дороге при впадении реки Арагви в реку Куру (в 21 км к северу от Тифлиса, древняя столица Грузии), известный памятниками грузинского зодчества XI в. (патриарший собор «Светицховели» и храм «Самтавро») и храмом «Джвари» (VII в.) с развалинами монастыря (на горе), описанным в поэме М.Ю.Лермонтова

«Мцыри» (1839). Белый и К.Н.Васильева побывали там 23 мая (см.: *Ветер с Кавказа*. С.91, 96-97, 101).

[15] Неточно цитируется стихотворение А.С.Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (1829).

[16] Имеется в виду З.К.Мутафова. Ср. о ней: «...хозяйка уютной квартиры, Заруи Карапетовна М., – очень умная, интеллигентная дама, лингвистка, специализировавшаяся на армянском (на древнеармянском)» (*Ветер с Кавказа*. С.67-68). О каком именно представителе грузинского княжеского рода Чавчавадзе идет речь, неясно.

[17] Имеются в виду М.Ю.Лермонтов и М.А.Врубель; размышления о трактовке ими образа Демона в связи с грузинским ландшафтом Белый развивает в «Ветре с Кавказа» (С.75-76).

[18] Намерение поехать в Туапсе не было осуществлено.

[19] Под цензурными «сложностями» Мейерхольд подразумевал, скорее всего, резко отрицательный отзыв о пьесе Белого влиятельного партийного и государственного деятеля, теоретика театра П.М.Керженцева; 5 мая 1927 г. он писал Мейерхольду:

«Вс<еволод> Эм<ильевич>, я не успел Вам написать о “Москве”. Спешу сделать это. Мое впечатление – отрицательное. Пьеса не может иметь успеха. Конечно, типы есть выразительные (кроме большевиков – они просто *карикатура* человека, не видавшего близко настоящих рабочих и партдеятелей), но что за сюжет! Зачем нужно бросать молнии на головы разных профессоров вроде Задопятова или как он там. Зачем восхвалять патриотич<ескую> доблесть проф<ессора> математики. Все ведь это ерунда. Ничего подобного не было и не бывает. Математики тайн военных и изобретений не имеют, шпионы их не пытают (эти сцены – дешевая уголовщина в стиле “Тарзанов”). А если у деятелей науки бывают секреты, то мы знаем, что не так уж они их хранят от вражеского глаза. А если обобщать – то выдача профессурой военных тайн *белым* против сов<етской> власти вещь много раз имевшая место.

Не понимаю, зачем вообще возводить в герои чудака профессора. В этом фальшь, в этом *неверное* изображение эпохи войны, Москвы и пр. В течение всей пьесы Белый усиленно клеймит среду интеллигенции, профессуры, дельцов, буржуа и пр. и пр. (всё – гримаса). Затем он точно спохватывается и решает дать реванш, возвести интеллигенцию в лице ее чуда<ко>ватого профессора на пьедестал – и притом в фальшивой, крикливой и невероятной сцене смерти за математ<ическую> формулу.

Фальшь бьет в нос. Последние сцены с худ<ожественной> стороны ужасны.

И кроме того – тяжело от смрадности всей жизни, беспросветности, грязи.

И это неправда – тоже среда профессорства, студенчества и пр. давала и другие типы.

Белый еще раз показал, как чужд он понимания того, чем мы сейчас живем. Его карикатуры на большевиков (и имена-то им даны с усмешечкой) показывают, что он не видал и не видит ни рабочих, ни революционеров.

Нет, В<севолод> Эм<ильевич>, мой дружеский совет (как ни больно мне вас огорчать), эта пьеса не для театра Мейерхольда. Это антиобщественная вещь.

Вот мое откровенное, прямое мнение.

Не браните за эту резкую характеристику. Я так думаю»

(*РГАЛИ*. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1706).

[20] Поездка Белого и К.Н.Васильевой в Боржом состоялась с 24 по 27 мая (см.: *Ветер с Кавказа*. С.113-131; *Лица*. С.209-213; письмо Белого к П.Н.Зайцеву от 27 мая 1927 г. // *Минувшее 13*. С.261).

180. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
20 июня 1927 г. Цихис-Дзири.

Цихис-Дзири. 20 июня. 27 года.

Дорогой и милый Разумник Васильевич,

Получил Ваше «*ау*»; и – посмеялся; мы совпали чуть ли не в днях; Ваша открытка – от 7-го; а 7-го или 8-го писал Вам письмо[1]. С той поры утекло мало времени, так что почти нечего прибавить к написанному; тихая жизнь, море, цветы; вспыхнули кусты голубой гортензии букетами соцветий; на одном кусте мы с К.Н. насчитали до 1000 таких шапок; черт знает что, а не природа; перед домом цветет... клубничное... дерево (sic!); соцветие кактуса, о котором, кажется, писал Вам, уже вытянулось в 3 1/2 моих роста; изображаю себя и его для наглядности:

вот – подлинная пропорция этого «*чуда природы*»[2].

Совсем о другом: последние дни потрясаюсь «*Медным Всадником*»; и – «*ритмическим жестом*»; я вычислил ритмический жест «*Всадника*» и при помощи его разглядел такие штуки у Пушкина, что *ахнул*[3]. Между прочим, – один из моих подглядов при помощи жеста: «*Медный Всадник*» не Петр, а Николай I-ый; наводнение, вероятно, – декабрьское восстание, а «*Евгений*» распропагандирован Евгением Онегиным, декабристом; их познакомил Езерский (из «*Родословной моего героя*»)[4]; гигант на бронзовом коне – Николай на Сенатской площади; а безумец, снимающий картуз перед ним, – Пушкин-камер-юнкер. Все это не ново в историко-литературном разрезе; но все это *ново* и полно значенья для меня, поскольку я это вынул из разгляда «*жеста*»: непременно Вам его покажу!

Доживаем тихие цихис-дзирские дни с К.Н.; и едем в Тифлис, где я читаю две лекции[5], после чего состоится нечто, отчего с меня заранее от страха и стыда спадают... «*штаны*» и я переживаю толстовский «*Сон Попова*»[6]; грузинские писатели устраивают торжественное заседание, мне посвященное, а я тихо мяучу: «*Меня не надо вешать*»[7]. Но отказаться никак нельзя, ибо это все от «*прекрасных, меня трогающих чувств*». Если выживу после этого, напишу Вам. В начале июля мы с К.Н. через Военно-Грузинскую дорогу возвращаемся доживать на черноморск<ое> побережье[8]; потом Волгой – в Кучино.

Ужасно хочется очутиться к 2-ой половине августа у Вас, в Детском. Милый, черкните, – можно ли это? Хочется провести вместе хоть несколько дней.

К.Н. шлет Вам и В.Н. сердечный привет.

Остаюсь искренне любящий и преданный Борис Бугаев.

P.S. Мой привет и уважение Варваре Николаевне и Иночке.

[1] См. п.179. Об открытке, датированной 7 июня, – комментарий Иванова-Разумника: «Это письмо ИР к АБ не сохранилось» (Л.27об.).

[2] Аналогичный рисунок – в письме Белого к П.Н.Зайцеву из Цихис-Дзири от 9 июня 1927 г. (*Минувшее 13*. С.263).

[3] К изучению ритмического жеста поэзии Пушкина Белый приступил в Цихис-Дзири 11 июня; 13 июня исследовал ритм поэмы «Полтава», с 14 по 20 июня – ритм «Медного всадника» (*РД*. Л.129). Ср.: *Ветер с Кавказа*. С.147; *Лица*. С.218-219 (записи от 18 и 23 июня). В результате этих вычислений Белый написал исследование «Ритм как диалектика и “Медный всадник”» (М., 1929).

[4] Заглавие, под которым Пушкин напечатал в «Современнике» в 1836 г. фрагменты своей неоконченной поэмы «Езерский» (1833).

[5] Белый и К.Н.Васильева переехали из Цихис-Дзири в Тифлис 26 июня, первую лекцию в Тифлисе («Читатель и писатель») Белый прочитал 28 июня, вторую (о Блоке) – 30 июня (*РД*. Л.129). Лекции, прочитанные в зале Консерватории, были организованы Всегрузинским Союзом Писателей, объявление о них появилось в тифлисской газете «Заря Востока» 26 июня 1927 г. (№1512. С.6).

[6] Подразумевается сюжет сатирической поэмы А.К.Толстого «Сон Попова» (1873): «Приснился раз <...> Советнику Попову странный сон: / Поздравить он министра в именины / В приемный зал вошел без панталон», и т.д. (Толстой А.К. Собр. соч. В 4 т. М., 1963. Т.1. С.433).

[7] Название одной из главок «Рассказа о семи повешенных» (1908) Л.Н.Андреева – фраза, повторяемая одним из его персонажей, крестьянином Иваном Янсоном (Андреев Л. Собр. соч. В 6 т. М., 1994. Т.3. С.58, 61, 66).

[8] Это намерение не было осуществлено.

181. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
6 июля 1927 г. Казбек.

Казбек. 6-го июля. 27 года.

Дорогой, милый Разумник Васильевич, –

Привет Вам и Варваре Николаевне от нас с К.Н. с Казбека, т.е. со станции Военно-Грузинской дороги, а не со снежного конуса. Случайно как-то вместо Нового Афона и Кисловодска, где хотели задержаться на несколько дней, – осели на недельку при Казбеке[1]. Переметнувшись из Тифлиса в Владикавказ в 12 часов[2], мы остались не сыты горами и совершенно иррационально бросились обратно к Казбеку, случайно сняли комнату, спустились во Владикавказ; и опять на другой день бросились к Казбеку[3]. Словом: сегодня мы в четвертый раз проезжали Дарьяльским ущельем (частью проходили); и – странно сказать (не осудите!): перед замком Тамары[4] нам подали... самоварчик, за которым посиживали с нашим возницей, русским мужичком из-под Саратова; саратовский мужичок, влюбленный в Дарьяльское ущелье, самоварчик посредине ущелья, – вот так соединение!

Но – все не так, как кажется по описаниям: Военно-Грузинская дорога – самое безопасное, почти домашнее, многолюдное, отнюдь не дикое место с бо́льшим комфортом, чем, например, большой город Батум; в Батуме глушь, а в Дарьяльском ущелье и на Казбеке – едва ль не комфорт*. Подумайте: с воскресенья до среды – четыре раза пересечь это ущелье! Этого во времена Пушкина нельзя было сделать.

Но – оговариваюсь; то, что Военн<о>-Груз<инская> дорога – людная, не мрачная дорога, – не свидетельствует против нее. Сейчас же оговариваюсь: я ничего прекрасней не видел по разнообразию. И я удивлен, почти потрясен: даже Пушкин и Лермонтов не отметили в ней ряда типичных черт; она прекрасней, чем можно думать по сумме описаний, но ее *прекрасность* в *ином*, – в *том*, что не отмечено, что, однако, нам бросилось в глаза сразу. Никто не отметил, что Дарьяльское ущелье – сплошной готический портал (поздняя готика, «*style flamboyant*»**), что розблеск колоритов камней – радуга, разбитые крылья павших существ; и Демон Врубеля–Лермонтова взвит над ним; что ничего мрачного и темного в нем нет, – наоборот: много светлого, радужного; что оно – *культура*, и сложено из гигантских «земляничных» листиков; не понимаю Пушкина, отметившего «*ужасность*» его[5]; оно «*ужасно*» в другом смысле: «*ужасно красиво*», как говорили некогда в провинции; на Военно-Груз<инской> дороге нет стремнин, головокр<ужительных> пропастей; есть другое, о чем не упоминали; оно – воздушно; воздушная и нежная фантасмагория: «*Пери*», а не разбойник носится по ней взад и вперед; нежные, мозаичные «лики» свешиваются над вами; и выше их – изощренное кружево зубцов, такое нежное и воздушное: то серо-розоватое исштрихованное зеленью линий, то оранжево-желто-коричневое; но все тона – *светлы*, не мрачны; а Терек – не ревет, не грохочет, а как-то музыкально звенит камнями; и тем не менее, каждую минуту камешек эдак пудов в 500 может свалиться на вашу голову; но даже смерть от такого нежного камешка, кажущегося розовою мечтою, вставшей над вами, – нежна и сладка. Дарьяльское ущелье – пленительная Далила[6]; оно – опасно и язвительно; оно зовет к себе поцелуями, а посылает под ноги камни; в сегодняшнем переезде «*камешек*» свалился с высей чуть ли не под колеса нашей пролетки, а в Пассанауре меня едва не задрал медведь, сидящий на цепи без ограды[7]; я пошел ласкать милого и «*ручного*» Мишку, а он, оказавшись не ручным, облапил мою ногу, тащил за ногу к другому Мишке и пытался всадить зубы в ногу (вообразите мое положение!); отцепиться от «*милого Мишки*» я не мог, и мы боролись, кто у кого перетянет ногу: я или он, пока ударом палки, подсунутой мне, я не оглушил зверя. И все это было ласково и нежно: в солнечный день, среди очаровательного пейзажа; кругом стояли и «*ужасались*» происходящему, но ничего поделать не могли, а я не «*ужасался*», но удивлялся: как это так, – «*милый Мишка*», пленительный день, розблеск каменной мозаики, грузинские писатели, сопровождавшие нас[8], праздничное настроение, а... вырвать облапленной ноги от зверя никак не воз-

---

* Пишу письмо, а за стеной, в гостинице «*Европа*», экскурсанты аплодируют «*цыганским*» песням и жарят рапсодию Листа на рояли. Но... над скалой сегодня видел, как реяли 2 орла! (*Примечание Белого*).

** *пылающий стиль (фр.).*

можно; он мне ноги не изорвал, ибо ошейник давил его горло: приставлял зуб к ноге, раздумывал и соображал, что надо на шаг подтащить ближе; и подтащил бы, кабы не палка.

Описываю этот «*случай*», ибо он в стиле Военно-Груз<инской> дороги: нежный камушек, а... кокнуть может: *без всякой* мрачности!

Без шуток. Изумительно! И вот: метаемся взад и вперед по Дарьяльскому ущелью, а... Казбек! Этого не опишешь. И опять – совсем, совсем проглядели Казбек. Ни у кого *ничего* про Казбек; он – благой; громадный белый великан подошел к горам, окаймляющим ущелье, белой рукой охватил гребешок высокой горы, приподнял разметанные в небо бурей белые космы и положил голову на готические порталы под ним; туловища великана не видно, а лицо удивительное: глаз его не забуду. Особенно левый глаз: глядит над В<оенно->Гр<узинской> дорогой тысячелетним зрачком; отчетливы губы; верхняя чуть приподнята; я не фантазирую: громадное, белое, мировое лицо! Отчего его никто не увидел? Отчего у Пушкина и Лермонтова не сказано, что белоголовый великан из-за хребтов глядит в даль (над В<оенно->Гр<узинской> дорогой) – тысячелетия. У нас с К.Н. чувство, что мы у него в гостях!

Довольно: сегодня я обалдел; «*нежный*» Кавказ окончательно вскружил нам голову; уезжая, все помыслы наши о том, чтобы снова попасть в эти места. Аджария – чужая[9], а Грузия, как... «*пушкинская строчка*»: так же прекрасна![10]

Когда увидимся, передам подробней свои впечатления, а пока обнимаю Вас и остаюсь глубоко любящий Вас

Борис Бугаев.

P.S. Иночке от всего сердца привет.

[1] Ср. дневниковую запись К.Н.Васильевой: «Станция Казбек. 6.VII. Вместо просто поездки к Казбеку – очутились в гостинице здесь, где пробудем несколько дней» (*Лица*. С.225). Белый и К.Н.Васильева пробыли там по 10 июля (см.: *Ветер с Кавказа*. С.234-269).

[2] Этот переезд по Военно-Грузинской дороге состоялся 3 июля (см.: *Ветер с Кавказа*. С.199-233; письмо Белого к П.Н.Зайцеву от 11 июля 1927 г. // *Минувшее 13*. С.266-268).

[3] Ср. записи Белого (5 июля. Владикавказ): «Поездка на Казбек. Сняли комнаты. Вернулись во Владик<авказ>: условились с фаэтоном», «6-го. Казбек. Приехали с фаэтоном» (*РД*. Л.129об.).

[4] Крепость (I в. до н.э.; так наз. «замок царицы Тамары») на высокой конусообразной скалистой горе над левым берегом Терека в Дарьяльском ущелье – в долине реки Терек, в месте пересечения Бокового хребта Большого Кавказа.

[5] Вероятно, имеется в виду эпизод из «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» (1835), в котором описывается обвал, засыпавший ущелье и запрудивший Терек: «Терек прорылся сквозь обвал не прежде, как через два часа. То-то был он ужасен!» (Пушкин. Полн. собр. соч. [Л.], 1938. Т.8. С.453). Ср. более развернутую оценку Белым впечатлений Пушкина от Дарьяльского ущелья и Казбека: *Ветер с Кавказа*. С.244.

[6] Далила (Далида) – возлюбленная Самсона, предавшая его в руки филистимлян (Суд. XVI. 4-20).

[7] Этот случай произошел 3 июля, во время обеденной остановки при переезде из Тифлиса во Владикавказ. См.: *Ветер с Кавказа*. С.210-212; *Лица*. С.223-224; *Бугаева*. С.59-62.

[8] В переезде из Тифлиса во Владикавказ Белого и К.Н.Васильеву сопровождали Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Павле Ингороква, Алексей Арсенишвили, Георгий Леонидзе, Колау Надирадзе, Валериан Гаприндашвили и др.

[9] Ср. признание Белого в письме из Цихис-Дзири к А.А.Алексеевой (14 июня 1927 г.): «...здесь – красота, но – чужая, измучивающая; дико, роскошно, но – утомительно» (*РНБ*. Ф.60. Ед.хр.53).

[10] Сходные характеристики – в письме К.Н.Васильевой к Иванову-Разумнику из Цихис-Дзири от 7 июня 1927 г.: «Как ни прекрасны местности Цихис-Дзири, но в ритме и характере всего здесь: и солнца, и ветра, и цветов, и дождя и т.д. – есть что-то чуждое. “Допотопный климат”, “чужая страна”. – Как раз обратное – Грузия. Там – все знакомое, все родное. Все время кажется, что “узнаешь” то одно, то другое» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

182. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
26 июля 1927 г. Кучино.

Кучино. 26 июля. 27 года[1].

Дорогой Разумник Васильевич,

Писал Вам из Цихис-Дзири – 2 раза; раз – из Тифлиса; раз – с Казбека[2]. И ни звука от Вас[3]. Между прочим: 2 раза спрашивал, разрешите ли Вы мне приехать к Вам, в Детское, на несколько дней; просил ответить. И вот из Кучина повторяю вопрос: можно ли мне навестить Вас дня на три-четыре? Если да, – мне удобнее это было б свершить в первой половине августа: от 10<-го> до 20-го, а не в конце, как я писал Вам. Пишите откровенно; если хоть чем-нибудь стесню, разумеется, – пишите. Если – нет, приеду; но с конца августа – работа; до – кондиция (относительная). Жду ответа быстрого по адресу: Нижегор<одская> жел<езная> дор<ога>. Салтыковка. Новое Кучино. Дача Шипова. №7. Мне. Обнимаю сердечно Вас, глубокий привет Варваре Николаевне и Иночке.

Остаюсь любящий Вас

Борис Бугаев.

[1] Белый и К.Н.Васильева возвратились в Москву 23 июля, в Кучино – 25 июля (*РД*. Л.129об.).

[2] См. п.179-181. Комментарий Иванова-Разумника: «...письмо АБ из Тифлиса не дошло до ИР» (Л.27об.).

[3] Комментарий Иванова-Разумника: «Все летние письма 1927 года ИР к АБ не дошли до адресата» (Л.27об.).

183. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
4 августа 1927 г. Детское Село[1].

4 авг. 1927. Ц<арское> Село.

Милый и дорогой Борис Николаевич,

только что (буквально – час тому назад) вернулся в Ц<арское> Село после месячного отсутствия, нашел на столе Вашу открытку от 26/VII – и немедленно отвечаю на вопрос.

Ну конечно же – ждем Вас с нетерпением, и не на несколько дней («три-четыре», – безобразие!), а на весь срок с 10 по 20 августа. И то – слишком мало; но уж если Вам ни раньше, ни позднее нельзя, то хоть этот краткий срок проведите у нас. Ждем и ждем!

А теперь – вкратце об июле месяце. На этот месяц мы с Варв<арой> Ник<олаевной> и Иной, впервые после десятилетнего сидения сиднем в Ц<арском> Селе, имели возможность уехать в глухую новгородскую деревушку, чудесные «Песочки», где жили уже и в 1915 и в 1916 гг.[2] Завтра напишу Вам более подробное письмо[3], чтобы поделиться впечатлениями, еще не дожидаясь Вашего приезда на днях, а пока хочу только объяснить этим, почему в нашей переписке случился такой перерыв. Но тут же скажу: в Песочки мне были пересланы *все* Ваши письма, *кроме* тифлисского, очевидно пропавшего по дороге в Ц<арское> Село[4]. Я на все полученные ответил краткими откликами по указанному Вами Чаквинскому адресу, писал о Песочках, звал Вас в августе в Ц<арское> Село. Краткими – потому, что с сомнением относился к под-батумскому адресу при Ваших кавказских скитаниях. И, по-видимому, был прав.

Но обо всем напишу завтра, когда приду в себя; это же мое письмецо – только зов: приезжайте! ждем! приезжайте в любой день, и раньше и позже 10 авг<уста>, приезжайте «на-подольше». Мне очень стыдно, что Вы могли подумать, будто я мог не ответить Вам (или еще хуже – ответить молчанием) на Вашу весть о намерении приехать. Давно жду Вас и жду с искренним нетерпением.

Клавдии Николаевне общий наш привет, – и надежда, что, может быть, и ее мы повидаем в этом августе? Места у нас хватит; а видеть – будем рады сердечно.

До завтрашнего письма и до скорого свидания.

Крепко обнимаю.

Ваш Р.Иванов.

[1] Ответ на п.182.

[2] Свое пребывание в Песочках летом 1916 г. Иванов-Разумник отразил в цикле очерков «Деревенское» (см.: Иванов-Разумник. Перед грозой. 1916–1917 г. Пг., 1923. С.11-61).

[3] Это письмо либо не было написано, либо не сохранилось.

[4] См. примеч.2 к п.182.

184. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
22 августа 1927 г. Кучино.

Кучино. 22 августа. 27 г.

Дорогой Разумник Васильевич,

Не сердитесь, что не приехал: и билет был в кармане; но так сложились дела, что остался[1].

Объяснительное, длинное письмо пишу. Сейчас же уведомляю, что не приеду. Еще раз простите.

Остаюсь искренне любящий Вас Борис Бугаев.

[1] 12 августа 1927 г. Белый отправил Иванову-Разумнику телеграмму: «Буду 18-20 Бугаев». 18 августа Иванов-Разумник информировал В.С.Миролюбова: «20-го авг<уста> к нам на дней десять приезжает А.Белый <...>» (*ИРЛИ*. Ф.185. Оп.1. Ед.хр.563), 21 августа писал В.Э.Мейерхольду: «...сегодня же ждем Бор<иса> Ник<олаевича>, который проведет у нас в Д<етском> Селе дней 10-12» (*РГАЛИ*. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1626). 24 августа, по получении этого известия, Иванов-Разумник сообщил Миролюбову, что Белый приехать не может.

185. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
19-21 августа 1927 г. Кучино[1].

Кучино. 19 августа 27 года.

Милый, бесконечно близкий Разумник Васильевич,

чем мне мотивировать мой неприезд? Я так хотел (и продолжаю хотеть) Вас видеть, так радовался, что проведу у Вас с Варварой Николаевной несколько тихих деньков. Поездка к Вам как-то особенно замыслилась при Казбеке; при Казбеке – воздух горный, легкий; мускулы становятся эластичней, сердце бьется быстрее: не ходишь, а летаешь; не существует косности; мыслью преодолеваешь какие угодно расстояния.

В Кучине воздух – лесной; в лесу много болот и топей; дышишь тяжелей; ступаешь, точно пуды носишь.

Это все не объяснение моего неприезда... В оправдание свое скажу, что третьего дня нарочно ездил в Москву за билетом и за дорожным костюмом; билет по сию пору в кармане; вещи все были сложены; до отъезда из Кучина осталось полчаса[2].

И – вот: за полчаса до отъезда, взвесив все обстоятельства и нисколько не утратив пыла и желания к Вам перенестись, я тем не менее неожиданно для самого себя оформил все обстоятельства моей поездки в Детское, и не менее неожиданно решил остаться; билет, как вещественное доказательство, при сем прилагаю[3].

И так решив, понял, что правильно решил; между тем обосновать свой поступок не могу доселе; тут играло роль многое, вплоть до *ауспиций*[4] и вплоть до привходя-

щих соображений (рикошетных мыслей о том, что мой приезд к Вам не будет истолкован, как приезд к Вам именно); это одно, разумеется, не могло играть решающей роли в отмене поездки, как и *ауспиции*, которые всегда можно подчинить своему намерению их прочесть так-то, а не иначе.

Но в «*общем и целом*» (как теперь говорят «*москвичи*») и даже *ауспиции* упали на чашку весов; пункт первый: до отъезда – переутомился «*спиралью*» драмы «*Москва*»[5] и, спешно нарезав и наклеив (частью написав) до 150 листов (не печатных, разумеется), вдруг *срухнул*, почувствовав необыкновенную косность, угрюмость и немоту; пункт второй: третьего дня подпростудился и лечил себя; пункт третий: взыграли зубы; пункт четвертый: натер ногу; пункт пятый: зарезал палец; пункт шестой: стали сказываться переутомлением физическим летние странствия; и сообразил, что, проведя дней 10 в Ленинграде и Детском, никоим образом не сумею остаться с Вами и с Варварой Николаевной en trois-quatre* (включая Иночку); будет и у Вас толпиться народ и сам я буду после 25-го толпиться в театре Мейерхольда[6] со своим проектом «*спирали*» (о чем пишу ниже); все равно лишь до 25-го сумею целомудренно пробыть в Детском; потом – свернешься в Ленинград; и – кончено: вернешься с высунутым языком – отдыхать: в Кучино; а отдыхать-то мне с сентября уже нельзя; ставка на второй том «*Москвы*»: если не сумею продать еще не написанное «*детище*» к весне, то к весне остаюсь – ни с чем; стало быть: именно эти 10 дней надо мне перед многомесячной работой, так сказать, протянуть ноги; и – замереть, закрыв глаза, и внешне, и внутренно, чтобы, встав с *одра*, с железной неумолимостью всадить в себя второй том; а поездки куда бы то ни было перед такими операциями – вещь не гигиеническая; сообразил, что вместо кутерьмы с Мейерхольдом я могу просто передать ему через Ал<ексея> Серг<еевича> «*текст драмы-спирали*»[7] – с категорическим «*произведя большую работу переорганизации "Москвы", вручаю все дальнейшее режиссеру и отказываюсь в дальнейшем подниматься на столь громоздкую работу*»; в письме это сказать легче, чем на словах; наконец, – действительно: оттого и просился в самых первых числах августа в Детское, что позднее это уже становилось трудным. Тут-то присоединились и *ауспиции*, которые к 46<-ти> годам уже начал *уметь читать* (ауспиции совершенно индивидуальные: о них – не напишешь).

Соедините все это вместе, вплоть до стертой ноги, зубной невралгии, до языка, прилипшего к гортани, и до ужаса перед встречами с людьми (хотя б и у Вас, не говоря о Ленинграде), – соедините все это, и Вы поймете, что «*все это*», вопреки моему, мало сказать, горячему порыву Вас видеть, а и «*пламенному*» порыву (как никогда) к Вам, – «*все это*» вдруг встало сразу в последнюю минуту и отрезало меня от поездки.

Билет пропал, а я вместо того, чтобы мчаться к Вам с девятичасовым поездом, строчу из Кучина это письмо.

Вот из каких иррациональных моментов плетется *карма*. Но утешаю себя в грусти (что завтра не увижу Вас) тем, что, в случае перепирания *рожна* (вплоть до ауспиций), из моей поездки в Детское не произошло бы ничего хорошего; или бы поезд потерпел крушение, или бы с моим приездом в Ваших делах случилось что-либо неприятное для Вас.

И – стало быть: пока будемте пробовать вести письменные беседы друг с другом; помните: через Спасских можно послать письмо с Великановым, периодически наезжающим в Кучино; и – разумеется: Кучино всегда счастливо Вас увидеть: с момента моего переселения в нижний этаж (в две Вам известные комнаты): не приглашаю Вас в верхний этаж, ибо до сентября в нем – «*народ*»; но как скоро перееду (к 10-му сентябрю), так всегда в восторге Вас видеть; и – на какой угодно срок; с 10 сентября и... хоть до... 10 сентября!.. Но о подобной радости даже не смею мечтать, особенно после учиненного мной поступка с «*неуездом*». Но действие равно противодействию; и если *ауспиции* противодействовали (хоть отчасти) моему появлению у Вас, то это означает: они «*за*» Ваш приезд в Кучино.

А? Встретимте здесь красную осень, когда еще возможны прогулки по полям! В Кучине – очаровательные окрестности.

---

* *втроем-вчетвером (фр.)*

Теперь: огромная просьба – с места в карьер; Алексей Сергеич, который будет у Вас, подкинет Вам толстый пакет с письмом к Мейерхольду; Вы, конечно, Мейерхольда увидите, – хотя бы по делам о постановке Салтыкова; земно кланяюсь Вам на том, чтобы Вы передали Мейерхольду пакет и письмо; в толстом пакете – схема «*макета*» «*Москвы*» с заново переработанной «*Москвой*», согласно моему обещанию Мейерхольду, данному в Тифлисе. Этот «*мучитель*» показал мне изумительный по гениальности проект постановки «*Москвы*»: все сцены даны одновременно на спирали; они – вспыхивают, освещаемые то извне, то изнутри: можно вести действие одновременно хоть в четырех сценах: фраза в «*a*», фраза в «*b*»; «*картина*» из временного момента становится «пространственным»; «*картина*» – определенный инструмент; эта – духовые инструменты; та – струнные и т.д. Клавиатура «*сцен*» – оркестр. Драма – «*со-сцение*», или симфонический контрапункт энного количества всегда готовых к появлению сценок и всегда готовых к исчезновению; сценки расположены на спирали; эту «*спираль*» Мейерхольд вытащил гениально из особенностей моих писаний (от «*Симфоний*» до «*Москвы*»); увидавши подобное «*чудо*» и представив себе все им открываемые возможности, я не мог не пустить «*Москву*» по спирали сцен, т.е. все переиначил; но для возможности оркестровать (верней, «*сценизировать*») «*Москву*» я должен был, взяв принцип проекта макета, детски составить свое собственное со-сцение (спираль сцен), дабы иметь возможность «*спирализовать*» текст: произведена радикальная ломка драмы, и этим отдано максимальное внимание мейерхольдовскому проекту; теперь уже его очередь вникнуть всем существом в мой отклик на него и найти художника, могущего осуществить «*мою спираль*» в макете. Третий раз писать драму-«Москву» не буду, ибо пишу 2-ой том[8]; а то он на моей надстройке к его надстройке с тою же гениальностью надстроит еще невесть чего и этим спровоцирует меня к пере-пере-устройству; и так ad infinitum*. Вместо постановки «*Москвы*» произойдет игра в чехарду: проекты, перепрыгивая друг через друга, снимут с очереди возможность реально ставить «*Москву*». Объясните ему лично, что я долго медитировал над показанной мне спиралью; и, взяв на учет ее, построил для меня возможную спираль сцен; сообразно с ней произвел огромную работу; повторять ее не могу; и предлагаю: либо принять во внимание ее, либо оставить мысль о «*спирали*», либо самому же видоизменить, что надо видоизменить; ретушировать текст в ходе работы я берусь; но в *третий раз* писать драму «*Москва*» не буду.

Вместе с тем изумляюсь, до чего «*гениален*» Мейерхольд; ведь он из моей «*Москвы*» вынул всего меня; ведь жест моего мировоззрения вплоть до исторической концепции – *спираль*; он ее и выявил.

Мы с К.Н. были у Мейерхольдов в Тифлисе, многое пережили вместе[9]; и – признаюсь: за эти 4-5 тифлисских дней я очень полюбил Всеволода Эмилиевича; и о многом мы с ним *хорошо* и *сердечно* поговорили; лишь после Тифлиса я понял, почему Мейерхольд и до сего времени «*вольфилец*». Я начинаю сериозно мечтать о том, чтобы Чехов, бросив тяжеловесный рыдван МХАТ'а II-го, перешел бы к Мейерхольду, который, как режиссер, дал бы М.А. надлежащую оправу; на талант Чехова, разумеется, он посягать не будет; а обрамление ему, конечно, дать может; Чехов же *пока*, как режиссер, не выявился; да и не знаю: может ли он быть режиссером; именно: в несоизмеримости дарований возможна работа Чехова с Мейерхольдом; мысль эта только с виду парадоксальна. Да и не принадлежит мне: эту мысль развивал мне Вс<еволод> Эм<илиевич> в Тифлисе.

Кстати о Тифлисе; я был там два раза: в мае и в июне-июле[10]: у Мейерхольда и у грузинских поэтов; последние, узнав о моих «*séjours*»** в Грузии, уговорили меня прочесть в Тифлисе публичные лекции; отказаться было почти невозможно, ибо это была *их* форма гостеприимства; я согласился сначала с кряхтом; потом, когда лекции уже были объявлены от имени «*Союза грузинских писателей*», кряхт одно время перешел просто во внутреннее стенание (в связи с условием момента, с травлей Мейерхольда за «*мистику*», с арестом моих цихис-дзирских хозяев: я же был «*понятым*» при обыске); вообще: было так неуютно в Цихис-Дзири (военные тревоги, аресты и т.д.)[11], что мы уехали оттуда в Тифлис на мои злосчастные лекции; я почувствовал,

---

* *без конца (лат.)*

** *пребываниях (фр.)*

что говорить мне на тему моих двух публичных лекций – «*нечего*», как и вообще «*не о чем мне говорить*» (темы – «*Читатель и писатель*», «*Личность и поэзия Александра Блока*»), или же – ударить на критику «*атакой в лоб*», что я и сделал.

Темой моих лекций (двух публичных и третьей, «Ритмический жест "*Медного Всадника*"», читанной в Тифлисском дворце искусств)[12] я взял: демонстрацию истинно марксистского метода в противовес «*не марксистским*» нападкам критики, говорящей от лица Маркса, но не усвоившей метод Маркса; тему «*Блок*» я взял в такой тональности: –

– «*Госиздат*» выпустил томик стихов Блока с предисловием Машбиц-Верова; в этом предисловии я упомянут «*проказителем*» Блока; я и другие «*мистики*» заразили мистикой Блока[13]; «*проказителям*» не место выступать с докладами о Блоке; им место прятаться в тени; а я должен, упомянувши о полном неприличии моего выступления, позорно удалиться с кафедры; но я – не удалюсь, а покажу, что Машбиц-Веровы лишь подмахивают марксистским флажком, что они – не марксисты, ибо цепляются за наши идеологические надстройки, минуя *бытие* образов нашей мысли; бытие определяет сознание, по Марксу; бытие образов поэта определяет сознание поэта; Машбиц-Веров говорит о нашем сознании, перепрыгивая через *бытие*: марксист ли он? Разговор о «*мистике*» и «*не мистике*» – разговор о сознании, оторванном от бытия. Во-вторых: бытие образов изживается в диалектике их; как могут марксистские критики перепрыгивать через диалектику? Называющие себя марксистами позабыли о диалектическом методе; диалектика – тезис, антитезис, синтез; фраза Ленина «*Октябрьская революция + электрофикация равна социализму*» – фраза, указывающая на диалект<ическое> развитие: революция (тезис), электрофикация (антитезис), социализм – синтез. Согласно Ленину и диалект<ическому> марксизму, а не псевдо-марксизму современных критиков, и я скажу о Блоке: «*Прекрасная Дама + Незнакомка = России*»; раскрыть смысл фразы – применить диалектический метод к образам Блока; это и есть истинно марксистский прием, а не *констатация* («*мистик*», «*не мистик*»), не чтение в сердцах, ибо это чтение есть выщелущивание «*идеологической надстройки*»: перескок к сознанию, минующий бытие. Слова о моем «*проказительстве*» Блока марксистски безграмотны; как может «*Госиздат*» допускать антимарксистские предисловия к своим изданиям? Я, проказитель, во второй части лекции покажу, что значит брать образы поэзии Блока диалектически (что я и сделал)[14].

Вот костяк моего подхода к теме лекции: это я и называю: атакой в лоб; признаюсь, – я был зол до... чертиков[15]; и после лекции горевал о том, что ужасно подвел моих «*грузинских поэтов*». Вы *понимаете*, почему подвел? Что же произошло?

Статья одного из редакторов «*Зари Востока*», заранее написанная обо мне и меня уничтожающая, была *не допущена* к печати; заведующий агит-отделом Грузии был в восторге от новых горизонтов, которые я открываю марксистской критике; в редакции «*Зари Востока*» на другой день были горячие дебаты: против меня и, главным образом, за меня; в результате – сочувственная рецензия[16]; и кроме того: прошла более чем лестная для меня статья поэта Табидзе под заглавием «*Андрей Белый*»[17].

Я испугался этому своему «*успеху*»; то же произошло и на лекции моей «*Читатель и писатель*», в которой я предлагал ликвидировать с мещанским понятием «*читательская масса*», которой нет, быть не может, а есть читательский авангард, или «*чит-ячейка*», чуждая «*демократическому*» понятию «*масса*»; масса есть функция скорости и в этом смысле – функция времени, что псевдо-марксисты упустили из виду; «ячейка + линия будущих времен», или времяпространство, равны массе, или населению земного шара в будущем, всегда бо́льшему, чем какая угодно масса данного момента времени; в этой же лекции я предлагал *чит-ячейкам* заняться учреждением «*Общества полезных сведений о художественных ремеслах*»; этот «*Опсохр*», подобный «*Авиахиму*»[18], будет возможен лишь после свержения монархии критика, который всегда *критянин*, а не истинно критикующий; октябрьская революция должна быть углублена расстрелом понятия «*масса*» и свержением монополии острова Крита; должен возникнуть «*Чит-Пис-Крит*», или «*Совет читательских, писательских и критических*» депутатов[19].

Воззванием к «*Чит-Пис-Криту*» я кончил лекцию, не решившись упомянуть, что «*Чит-Пис-Крит*» адекватен «*Пис-Чит-Криту*» или «*писчит-криту*»; о «*писке*»

критического Крита неудобно было говорить, ибо и так у этого Крита кисло кривились лица; на этой лекции были видные коммунисты; и представьте: моя атака в лоб для меня неожиданно прорвала некий фронт.

Я думал, что меня поколотят, а меня стали хвалить. До сей поры ничего не понимаю: в чем дело?[20]

В Тифлисе сошелся с группой грузинских поэтов[21]: люди милые, интересные, культурные; меня они тронули 1) жаркой любовью к Пушкину, Лермонтову и др. нашим классикам, 2) ощущением своей преемственности и связью с символизмом, в частности с русским символизмом; Брюсова, Блока, меня здесь знают, часто трогательно любят; словом: в Тифлисе мы с К.Н. неожиданно попали *совсем в свою среду*, – в ту среду, которой не встретишь в литер<атурных> центрах Москвы; в частности, я говорю о кружке поэтов, писателей и критиков, имеющем девиз «*Голубые Роги*»[22]; и я в итоге недели общения получил настоящий, старинный «*голубой рог*»; «*голуборогизм*», насколько я понял, есть то, что мы когда-то называли «*аргонавтизмом*», с тою разницей, что «*аргонавты*» возникли в 1903 году, а «*голубые роги*» – в 1915-16-17 годах[23]. Все это люди, приемлющие 1) символизм, 2) проблему культуры, 3) социальную революцию; но все это – «*беспартийные*». Вожаки кружка: теоретик Григорий Рубакидзе, Паоло Яшвили (любимый и популярный поэт современной Грузии), Тициан Табидзе, Леонидзе[24] и др. Яшвили был у нас с К.Н. в Цихис-Дзири[25]; и в Тифлисе очень *умело* познакомил со своими «голубыми рогами»; в этом кружке мы с К.Н. вполне чувствовали себя, *как у себя*; и в обстании «*голубых рогов*» было необременительно общаться уже вообще с «*союзом писателей*», во главе которых стоят видные коммунисты. Было много застольных бесед, были вместе прогулки на *авто* (в «*Загес*», «*Мцхет*», «*Каджори*»)[26], посещение музеев. Между прочим, в одном из тостов нам подчеркнули, что грузинские писатели встречают далеко не всех писателей русских; и тот факт, что я, так сказать, введен в их семью, показывает на действительное братство народов в *культуре подлинно*, а не в политике; «Многие тут у нас шатаются летом из Москвы и Петербурга; и – пусть себе на правах туристов фланируют на улицах Тифлиса; они нас не увидят, потому что наша дверь закрыта для них». (Это говорилось о Маяковском, Пильняке, Шкловском, Третьякове[27] и др.).

По отношению к нам было проявлено не только гостеприимство, но и *тончайшая деликатность*; и, покидая Тифлис, я вдруг загрустил о том, что, двигаясь на север, попадешь из литер<атурной> культуры в... разруху...

Оттого ли, что мы имели таких гидов-друзей по музеям и окрестностям, оттого ли, что Грузия действительно страна *древней культуры*, но отношение к грузинам у меня резко изменилось: из рассеянного оно стало отношением удивления, почти почтения; в прошлом – удивительные памятники (орнаменты, соборы, фрески, книжные списки), в настоящем – искания, сплетенные из дум о Руставелли, Верлене, Маллармэ, Блоке, «*Скифах*» и т.д. И наконец, – кончая внешним стилем городской жизни: всюду из открытых окон звуки Бетховена, Шумана, Листа; всюду на улицах интеллигентные, интересные лица; в театре – культурная, внимающая публика и т.д. *Все то, чего у нас нет*!

Я давно так морально не отдыхал, как в Тифлисе, хотя вся неделя прошла для меня сплошной встрепкой: три лекции, несколько полуофициальных «*застольных бесед*», поездки, разговоры, знакомства и т.д.

Кончилось это «*Zusammensein*»* с грузинами общей поездкой по Военно-Грузинской дороге; нас ехало человек *17*: мы с Кл<авдией> Ник<олаевной> и поэты с женами[28]; они проводили нас до Владикавказа. Между прочим: Сергей Есенин очень дружил с семейством Табидзе; мадам Табидзе, особенно дружившая и возившаяся с Есениным[29], почти со слезами вспоминает о нем, как он к ним приходил пьяный и горюющий из ночи, как она его отхаживала, как он ей жаловался на среду, в которой жил в Москве. Много интересного и *милого* встает из ее воспоминаний о «*золотой головке*»; так она называет Есенина: и прибавляет: «Если бы он к нам приехал, мы бы не позволили ему так кончить; мы бы отстояли его, отогрели б от холода, в кото-

---

* *совместное пребывание (нем.)*

ром он жил». И познакомившись ближе с «*Голубыми рогами*», я думаю, что действительно: он мог бы *не так* кончить. Более всего меня тронуло в «*Голубых рогах*» то, что они, будучи талантливыми поэтами, еще просто: хорошие, честные, сердечные люди.

Между прочим: по грузинскому обычаю, на дружеских обедах поминают отсутствующих «*друзей*»; мне был заочно представлен и «*рассказан*» Рубакидзе (отсутствующий); и мне было предложено выпить за его здоровье; после этого: по грузинскому же обычаю я должен был помянуть и о «*моих друзьях*»: так сказать, «*показать*» их заочно; я *показал* и *рассказал* Штейнера и Вас. И после этого мы выпили за Ваше здоровье и помянули Штейнера.

Многое хотелось бы Вам рассказать о природе Грузии, да не расскажешь; Аджаристан – дико красив, допотопен и неуютен; это места, где некогда было «*Золотое Руно*»; но Золотого Руна там нет; увезено; и природа томится по увезенному: ревет, плачет, душит. Грузия с ее холмами полна «*светлой печали*»; она – как строчки Пушкина: «На холмы Грузии легла ночная мгла...» И – «*печаль моя светла*»[30]. Изумительны, как строчки Пушкина, классичны, легки очертания сухих и простых, но в простоте изощренных окрестностей Тифлиса. Аджаристан – полотно Делакруа[31]; Грузия – строчка Пушкина; и я, конечно, предпочитаю последнюю.

Начиная с Тифлиса, Грузинская дорога – прекрасна; и мне особенно прекрасны места, именуемые в путеводителях неинтересными, именно: окрестности Мцхета, древний Собор и изумительный «*Мцыри*», под которым ныне «*Загес*» и огромная статуя Ленина[32]; «*Мцыри*» и... «*Ленин*»; «*электрофикация*» и ею разрушенный через Куру мост... Помпея[33]... Пикантное место!

Но для меня и *прекрасное место*, где мы с Кл<авдией> Ник<олаевной> многое пережили.

Что касается до Военно-Грузинской дороги[34], то меня поразила она, во-первых, тем, что все рассказы и описания ее, включая Пушкина и Лермонтова, – мимо, мимо и мимо; все, что встает из разговоров о ней, все, что подготовляет к встрече с ней, – оказывается несуществующим; никакого дикого величия (пропастей, стремнин, головокружительных подъемов и спусков, теснин и тому подобного) – в ней нет; и можно в ней весьма и весьма разочароваться; но зато натыкаешься на то, чего менее всего ожидал в ней встретить; и это *то* не всякому глазу доступно лицезрению. Дорога выглядит внешне скромней, чем ожидаешь, но внутренне она неизмеримо *значительней*; это не места для *туризма*; но это места для... паломничества; никакой дикой природы; и везде – старость культуры; ни «*питоресков*», ни романтики, но... зато: геологическая мистерия; и – письмена Акаши[35]. Для антропософского глаза многие пункты – космический храм, в который входишь с *трепетом*. Между прочим: пять раз пересекли мы Дарьяльское ущелье; и иные части прошли пешком; Дарьяльское ущелье – ряд зал и проходов гигантского музея, где стены и отвесы – барельефы, кариатиды, группы, слепления групп, иссеченных *пракультурою*; различные упрощения линий этих изваяний дают разные стили, где Индия, Ассиро-Вавилония, Египет до... готики получают ключи к объяснению; Пушкин не выдержал мрачной тишины ущелья; он говорит: если б не шум Терека, можно сойти с ума[36]; оно и понятно: ущелье – храмовая галерея, ведущая в первую залу Храма Космоса; и эта первая зала: долина Казбека; ряд зал от Казбека до Млетского спуска обрамлены: с юга – взлетом над Млетами[37] (лестницей в вышину); с юга – храмовой галереей (Дарьяльским ущельем); между – храм, которого купол – небо. *Вот этого-то и не видят*; чтобы увидеть, надо, чтобы ангел – грудь рассек мечом, вырвал язык[38]: надо очиститься; Дарьяльское ущелье – место очищения; вот почему оно выглядело мрачным для Пушкина; но мрачности в нем нет; есть роскошество: пир линий и красок, нежность колоритов; то не «*теснины*», а «*глубины*», становящиеся «*вышинами*». Если бы Пушкин оком внутр<еннего> посвящения разглядел это ущелье, то он увидел бы лик Казбека; но ни Пушкин, ни Лермонтов «*Лика*» Казбека не узрели: не поняли, *что это тут такое*; а лик Казбека...; но... знаете ли Вы «*два лика*» индусов, которых показывают друг другу теософы, шепчась, что «*лики*» эти принадлежат членам Белого Братства; так вот: третий «*лик*» («*пара*» двум) в буквальном смысле слова – Казбек; и «*лик*», можно

сказать, во весь мир; гора перед ним – престол, а «*Монастырь на Казбеке*»[39] – малюсенькая дарохранительница, поставленная на престоле; стихотворение Пушкина «*Монастырь на Казбеке*» (до *неприличия* бледно отражающее ландшафт) показывает явно, что Пушкин (как и Лермонтов) не увидел «*Лика*»; и стало быть: не был введен в «*космический храм*»; очищения не случилось в Дарьяльских «*теснинах*»[40], не ставших «*глубинами*» в восприятии: глубинами недр земли, родивших недра пра-пра-культуры.

И оттого не нашлось *никаких слов* о Военно-Груз<инской> дороге, кроме банальных заявлений о «*дичи натуры*», когда – никакой «*дичи*»; наоборот: рафинированность, пере-пере-утонченность, Врубель, возведенный в «*энную*» степень (реальный «*Врубель*» – сладчайшая олеография своего первоистока); и никакой «*натуры*» в обычном смысле: насквозь «*культура*», но культура древнейших мистерий; тут начинаешь понимать, что в этих именно местах – корень пра-расы, что тут именно спрыгнул с неба Прометей с огнем; я видел места, где он был пойман «*с поличным*»; видел и скалу, к которой его пригвоздили (*крест* до Христа); видел и место, где просветились его страдания, когда *крест* Прометея был освещен... другим крестом: крестом Голгофы; знаете ли пункт крещения Прометея? я его *узнал*, хотя никакие мифологи не уяснили этого места; этот пункт – пункт Крестового перевала; я понял, почему Перевал – Крестовый; понял, потому что внутренне увидел; и с этого мига вся местность *Гудаура–Коби–Казбек* превратилась для меня в гигантский храм; и тогда-то для нас с К.Н. слетел «*лик*» Казбека с Лика Иерея этого Храма: «*лик*» Казбека, или ландшафт горы, – личина; не перед всяким Казбек снимает личину; нам с К.Н. выпало счастье увидеть Лик Иерея Нерукотворного Храма. И – оттого-то: как только мы из Владикавказа проводили «*поэтов*», мы ринулись обратно на Казбек, «*исследовали*» Дарьяльское ущелье во всех отношениях; и четыре суток прожили у подножия Казбека, переживая неизгладимейшие минуты[41].

Да, Кавказ и Закавказье – древнейшие места; и мне ясно, почему наша раса – *Кавказская*, почему на Арарат сел Ковчег[42], почему аргонавты именно сюда приплыли («*Медея*» – грузинское имя[43]; многие грузинки – Медеи и по сию пору), почему Прометей принес на Хребет посвятительный небесный огонь; и жестом низведения огня преисполнены окрестности.

Вот *что есть* Военно-Грузинская дорога; она – живая летопись скал о событиях священных и древних: *культура*, а не природа.

Меня, как нарочно, швырнуло из Кучина на Кавказ; и я смеялся, говоря, что «*К*» соединяет эти столь различно звучащие местности: ***К**-учино*, ***К**-авказ*; буква «*К*» – звук минеральной материи... В Кучине в феврале–марте я по-новому пережил *материю*; мне открылась тайна прокрóпленности Солнечно-Христовым светом атомного ядра, этой недоступной, но и Неопалимой Купины; я чуть не сошел с ума в Кучине, дешифрируя тайны атомных мистерий: мистерий химических; и тогда нас швырнуло к батумским камешкам (привез снова до 30 фунтов их)[44], пережитым, как *минералогическая мистерия*; у Казбека и в Дарьяльском ущелье открылись тайны геологической мистерии (слоев, сбросов, сдвигов и выпирания первозданных гранитов); и тут же связались эти мистерии с мифами о первозданных культурах Кавказа: с мистериями антропологическими; *К*учино и *К*авказ связались мне в «*К*»; и я шутил на Казбеке, доказывая Кл<авдии> Ник<олаевне>, что К-*учино учит*, а К-ав-*каз – кажет*[45]; кучинская *наука* встала мне наглядным *показом* на Кавказе, к которому отныне влекусь всей душой.

Я когда-нибудь почитаю Вам записи в моем «*Дневнике*» – себе самому: о первых, смутных впечатлениях от Казбека и Военно-Груз<инской> дороги, – если *не будете скучать*.

Кстати: посередине дороги я чуть не «*перестал быть*»; пришлось вспомнить Чебутыкинскую поговорку: «*Он ахнуть не успел, как на него медведь насел*»[46]. В Пассанауре я «*ахнуть не успел*», как на меня (вот нелепица-то!)... *медведь насел*[47]. Я думал, ручной Мишка (ограды не было): пошел его пообнимать, поласкать (люблю медведей!). Мишка же оказался не ручным и злым; он оскалился, мгновенно облапил ногу около бедра и стал что есть мочи тащить к другому привязанному Мишке, чтобы вдвоем покончить со мной; я стал вырывать ногу, еще думая, что Мишка играет (неприятной показалась лишь *могучая сила* лап, да цапкость их и ощущение, что ника-

кой силой из лап выцепиться нельзя); а он, негодяй, разинув пасть, приложил уже огромный клычище, чтобы... прокусить ногу; я, напрягая последние силы, рванул ногу; он – за мной; ошейник давнул ему горло, и только оттого нога оказалась непрокушенной; тут он стал меня с силой подтаскивать, и я увидел какого-то господина, тщетно бьющего палкой Мишку; я сказал: «*Дайте палку*»; не помню, как палка оказалась в руках и я с непонятной для меня силой свистнул Мишку по переносице; и это была счастливейшая удача: переносица у медведей – самое болезненное место (если бы свистнул по черепу, – эффекта не получилось бы, пришел бы «*капут*»); удар пришелся в «*точку*»; Мишка отшвырнул меня, и я выкатился по камням, спиной, из сферы его влияния, еще не соображая, что собственно произошло, пока какой-то подскочивший человек не крикнул мне, что я счастливо отделался от смерти.

Вот ведь от чего зависит жизнь: мы на волоске от смерти – всегда.

Кучино. 21 августа. 27 года.

Дорогой Разумник Васильевич, –

– вот и опять увлекся: опять строчу гигантское письмо, пользуясь оказией; очень интересуюсь Вашими впечатлениями от деревни; и рад, что Вы хотя бы на месяц сдвинулись с места. Надо себе давать время от время отдыхи; и – перескакивать с насиженного места, хотя бы для работы и здоровья; все гну к тому, чтобы устроили себе второй *выпрыг* из Детского; и на этот раз ко мне, в Кучино; повторяю: красная осень в Кучине *красна*; будем на чудесных лесных опушках собирать листики, возвращаться домой на заре, а за вечерним чаем Вы будете мне рассказывать подробно о Вашем житье-бытье в Новгородской губернии. Здесь спохватываюсь; и вспоминаю, что моя уязвимая пята не защищена и Вы в любой миг можете всадить в нее копье сарказма: «Сами-то чего не приехали в Детское». И вот, чтобы обезопаситься от Ваших «*уязвлений*», прибегаю к последней самозащите; и – выдвигаю еще один аргумент за свой *неприезд* к Вам; в числе энного рода иррациональных, полурациональных и, наконец, рациональных причин, задержавших меня в Кучине, есть вполне *весомый* и рациональный*; «*некие*» о «*неком*» выразились в Ленинграде следующим образом: «Вот он приедет в Ленинград к своему "*юбилею*"[48], мы его и...» И – так далее; во-первых: миф о моем «*юбилее*» возник так: перед отъездом в Батум получил из Ленинграда телеграмму, в которой были теплые слова ко мне по поводу 25-летия с дня выхода «*Симфонии*», на что я ответил письмом, в котором благодарил адресата; адресат же был изъят из употребления[49]; Шпёкины передали письмо, куда следует; и какой-то безответственный субъект из «*ОГПУ*» грозился тем, что, вот, я приеду на какой-то «*юбилей*», а меня де и... того: ждет «*юбилей*» *sui generis*. Узнавши об этом и находясь под покровительством законов «*СССР*», не чувствуя себя ни в чем виноватым, ибо вся жизнь моя протекает *на ладони* у тех, кому надлежит поддерживать меня ладонью, – узнавши об этом, я хотел было с жалобой обратиться к высшим органам власти за безответственные слова и бессмысленные угрозы по адресу меня на допросах, ибо грозить мне – *нечем*; и раз столичные власти не видят в моей жизни ничего предосудительного, то «*провинциальным*» властям, коим я не подведомственен, не след совать носа в «*чужие функции*». Но ей Богу, – это хлопотно; а без поднятия «*шума*» ехать к Вам в гости, чего доброго, и рискованно; безответственному агенту «*ГПУ*» еще придет в голову меня ловить у Вас; поди, – распутывай эти узлы; лучше уж мне не ехать в места, где существуют дефекты *аппарата* в столь важном учреждении, как «*ГПУ*», где сидят субъекты, у которых руки коротки протянуться в Москву и которые по этому самому, присев на корточки за углом Вашего дома, сладострастно ждут «*счастливого случая*»: появления меня в «*сферу их района*». Собственно говоря: за подобные слова, если они действительно были, следует притянуть к ответственности, ибо это есть правонарушение норм советского режима, под охраной коего все мы находимся. Но Вы сами знаете: если проявлять здесь и там свой «*гражданский долг*» и поднимать дело о безответственности, – жизнь превратится в муку; начать с путешествия нашего в Батум: во время этого путешествия вагонный проводник оскорбил ехавшую с нами даму; она – заплакала; я стал шуметь и кричать, что подыму дело; но

---

* *Так в автографе.*

дама умоляла молчать, чтобы не множить дорожных хлопот. И я смолчал ради ее спокойствия. «*Хлопотно*» вмешиваться в неувязку государственного аппарата; и я, откровенно игнорируя реальность «*угроз*» мне со стороны агента *ГПУ*, вспоминаю между прочим и их, когда эти угрозы все же числятся в реестре всяческих мотивов, обусловливающих мое сидение в Кучине.

Но Кучино – не Ленинград; и Вам никто не волен запретить собирать злаки на кучинских равнинах; и потому: еще и еще всем сердцем и всей душой зову Вас к нам; будет уютно; 1/2 недели жили бы мы вдвоем, а 1/2 недели проводила бы с нами Клавдия Николаевна, которая сердечно благодарит Вас и Варвару Николаевну за зов в Детское, им бы воспользовалась, если бы я поехал и если бы это время не совпало б с отпуском Петра Николаевича[50], который сейчас у нас, в Кучине (до 1-го сентября). Кстати: вместе с этим письмом шлю Вам маленький сувенир с Кавказа: горсточку камешков и маленькую карточку: нас щелкнули аппаратом у подножия Шата-горы, которая и по сию пору противостоит Казбеку[51]; посылаю эту карточку, как реальный мотив к настойчивой просьбе: прислать мне свою, если оная есть; а если оной нет, то при будущих возможных сниманиях принять меня во внимание.

С этим пожеланием оканчиваю «*письмище*», ибо еще надо писать Мейерхольду.

Надеюсь на *весточку* о Вас с Алексеем Сергеевичем и еще раз покорнейше прошу передать Мейерхольду *пакет* с переработкой драмы и письмо.

Остаюсь глубоко любящий и всегда поминающий Вас

Борис Бугаев.

Варваре Николаевне и Иночке сердечный привет и уважение. Дмитрию Михайловичу[52] – тоже: напомните ему, чтобы он при своих наездах в Москву не забывал Кучина.

[1] Письмо написано раньше, чем п.184, но отправлено адресату позднее – с А.С.Петровским.

[2] Ср. записи Белого – 18 августа: «Взят билет в Ленинград»; 19 августа: «Иррационально остался в Кучине (недомоганье). В Ленинград не поехал» (*РД*. Л.130).

[3] Среди писем Белого к Иванову-Разумнику за 1927 г. сохранился железнодорожный плацкартный билет на проезд из Москвы в Ленинград со сроком годности 3 суток (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.18. Л.76).

[4] Ауспиции – в переносном смысле: предзнаменования.

[5] См. примеч.12 к п.179. 10 июня 1927 г. Белый извещал Мейерхольда: «Драму "*Москва*" (текст) получил, но не могу работать до получения схемы постановки. Чтобы ретушировать "Москву" надо иметь перед глазами схему макета. Посодействуйте, чтобы она была послана»; 23 июня вновь писал ему же из Цихис-Дзири: «"*Схему*" получил, но к сожалению поздно, когда нависают лекции, переезды, суета и пр. Жаль, что около месяца абсолютно свободного времени, когда мог работать, – провел беспроко; теперь работать над "*постановкой*" придется только в Кучине» (*РГАЛИ*. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1160). Ср. дневниковые записи Белого – 5 августа: «Работа над "*спиралью*" драмы»; 9-11 августа: «Упорная работа с утра до ночи над "спиралью" драмы»; 13-15 августа: «Безумная работа над "спиралью" драмы» (*РД*. Л.130). О ходе своей переработки текста драмы «Москва» в соответствии с постановочным проектом В.Э.Мейерхольда и о возникших при этом трудностях Белый подробно рассказывает в письме к Мейерхольду от 22 августа 1927 г. (Воронин С. Из истории несостоявшейся постановки драмы А.Белого «Москва» // Театр. 1984. №2. С.126-127).

[6] В конце августа – сентябре 1927 г. Театр имени Мейерхольда гастролировал в Ленинграде. См. письмо В.Э.Мейерхольда к М.А.Булгакову от 24 июня 1927 г. (Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896–1939. М., 1976. С.267). Комментарий Иванова-Разумника: «В это время В.Э.Мейерхольд был в Ленинграде со своим театром» (Л.28).

[7] А.С.Петровский. См.: Воронин С. Из истории несостоявшейся постановки драмы А.Белого «Москва» // Театр. 1984. №2. С.125-127.

[8] К непосредственной работе над 2-м томом романа «Москва» Белый к тому времени еще не приступил.

[9] См. п.179, примеч.10.

[10] Второе пребывание Белого в Тифлисе – с 27 июня по 3 июля (см.: *Ветер с Кавказа*. С.161-198; *Лица*. С.220-223).

[11] В Цихис-Дзири Белый и К.Н.Васильева снимали две комнаты на даче, принадлежавшей Д.И.Ростовцеву и О.А.Ростовцевой. Запись Белого за 23 июня 1927 г.: «Обыск у Ростовцевых: арест его и брата жены (я – понятой). Утешаю семью» (*РД*. Л.129). 1 сентября 1927 г. в Москве Белый хлопотал за арестованных у А.В.Луначарского (*РД*. Л.130об.).

[12] См. примеч.5 к п.180. Доклад о ритмическом жесте «Медного всадника» Белый прочел 2 июля (*РД*. Л.129об.; *Ветер с Кавказа*. С.194-197; *Лица*. С.222).

[13] Иосиф Маркович Машбиц-Веров (1900–1989) – критик, литературовед. Речь идет о его статье «Блок и современность», напечатанной в кн.: Блок А. Избранные стихотворения. М.; Л., 1927. С.XI-LII; в ней – полемические выпады в адрес Белого: «...А.Белый – постфактум – настойчиво пытается доказать, что Блок, собственно, никогда не "изменял" мистике, что он оставался незапятнанным "иноком", и что Прекрасная Дама, Незнакомка и Катька-проститутка – это естественная и законная эволюция единого образа мудрой и чистой мистической Софии»; «...все близкие друзья Блока – С.Соловьев, А.Белый, З.Гиппиус и др., – были убежденными, органическими мистиками и ревностно в этом духе воспитывали поэта» (С.XII, XLVI).

[14] См. более подробное изложение аргументации, использованной Белым в лекции «Личность и поэзия Блока», в кн.: *Ветер с Кавказа*. С.182-188. Сохранились конспективные записи Белого, относящиеся к этой лекции, с полемическими выпадами против И.М.Машбиц-Верова (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.91. Л.65-71об.).

[15] Ср. свидетельство К.Н.Васильевой (дневниковая запись от 2 июня 1927 г.) об этой лекции Белого: «Кто-то сказал о нем, что он говорил, "как Савонарола". Он, правда, – "гремел"... и громил. Еще в Цихис-Дзири его взорвал Машбиц-Веров своим предисловием к Блоку» (*Лица*. С.221).

[16] Имеется в виду хроникальная заметка «Личность и поэзия Блока (На лекции Андрея Белого)», помещенная в тифлисской газете «Заря Востока» (1927. №1516. 2 июля. Подпись: А.Б.) с портретом Андрея Белого. В ней сообщалось: «Если в первой лекции о писателе и читателе Андрей Белый выдвинул много, может быть, и спорных, и парадоксальных положений, то, слушая вторую, трудно было не поддаться очарованию острых и стройных построений лектора, вскрывающих личность и поэзию Блока. <...> Лекция о Блоке в этом смысле явилась как бы продолжением, как бы иллюстрацией к предыдущей лекции, так как в ней, подчеркивая это, Андрей Белый показал, каковы задачи критики, которая хочет быть настоящей критикой <...> лекция о Блоке привлекла гораздо большую аудиторию, чем первая». См. также отзыв В.Б.Шкловского, присутствовавшего на этой лекции Белого: Шкловский В. Гамбургский счет. Статьи – воспоминания – эссе. М., 1990. С.511-512 (комментарии А.Ю.Галушкина).

[17] Статья грузинского поэта, одного из организаторов символистской группы «Голубые роги» Тициана Табидзе (1895–1937) была опубликована в «Заре Востока» 1 июля 1927 г. (№1515) с редакционным примечанием: «В порядке обсуждения» (видимо, редакцию насторожила содержавшаяся в ней исключительно высокая оценка творчества Белого). В статье утверждалось: «Андрей Белый и Александр Блок – "два трепетных крыла" русского символизма. <...> Нередко Андрея Белого отмечают чертами гения – и это не только в узком кругу символистов, где впоследствии у него оказалось больше врагов, чем друзей, а совершенно в других писательских слоях. Роман Андрея Белого "Петербург" до сих пор остается непревзойденным в русской литературе <...> Влияние Андрея Белого на современную русскую прозу весьма велико, и вряд ли найдется сейчас писатель в прозе, который не прошел бы сквозь Белого, как раньше проходили сквозь Гоголя и Достоевского», и т.д. Ср.: *Ветер с Кавказа*. С.193.

[18] Имеется в виду «Осоавиахим» (Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству) – массовая общественная организация, учрежденная в СССР в 1927 г.

[19] Ср. толкование этих положений лекции в газетном репортаже о ней: «Наш критик происходит от слова "Крит", остров в Средиземном море, на котором сидел и судил Минос, присуждая всех на ужин Минотавру. Критика узурпировала себе роль верховного судьи, гегемона, учителя и т.д.»; «Нужен новый совдеп – "читпискрит", все стороны которого равноправны. "Надо учиться человеку". Настоящий писатель всегда учится человеку с большой буквы и пишет о нем, о будущем, свободном, надклассовом человеке» (А.Б. Читатель и писатель (Лекция Андрея Белого) // Заря Востока. 1927. №1514. 30 июня. С.4).

[20] Изложение лекции «Читатель и писатель» по конспекту Белого см. в обзорной статье: Анчугова Т.В. Выступления Андрея Белого в конце 20-х – начале 30-х годов // *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.670-671.

[21] См. публикации материалов, освещающих историю взаимоотношений Белого с грузинскими писателями: Magarotto Luigi. Andrey Bely in Georgia: Seven Letters from A.Bely to T.Ta-

bidze // The Slavonic and East European Review. 1985. Vol.63. №3. P.388-416; Андрей Белый и поэты группы «Голубые роги» (Новые материалы) / Публикация и примечания Павла Нерлера // Вопросы литературы. 1988. №4. С.276-282. См. также: Цурикова Г. Тициан Табидзе. Жизнь и поэзия. Л., 1971. С.181-194.

[22] «Голубые роги» («Циспери канцеби») – организованная в 1915 г. в Кутаиси литературная группа, ориентировавшаяся на французских и русских символистов; в нее входили Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Григол Робакидзе, Валериан Гаприндашвили, Колау Надирадзе и др.

[23] О связи между юношеским «аргонавтизмом» Белого и мифопоэтикой раннего творчества Т.Табидзе см.: Цурикова Г. Тициан Табидзе. С.61-65.

[24] Григол (Григорий) Робакидзе (1884–1962) – прозаик, поэт, критик; автор статьи «Андрей Белый» (Ars. Ежемесячник искусства и литературы (Тифлис). 1918. №2/3. С.49-61; см. также: Робакидзе Гр. Портреты (Петр Чаадаев, Лермонтов, Василий Розанов, Андрей Белый). Вып.1. Тифлис, 1919). Паоло Яшвили (1895–1937) – поэт, переводчик. Георгий Леонидзе (1899–1966) – поэт, прозаик, историк литературы.

[25] Ср. запись Белого (Цихис-Дзири, 10 июня 1927 г.): «Приезд к нам Паоло Яшвили. Прогулка с ним по высокой дороге. Обед» (*РД*. Л.129). 10-м июня 1927 г. датировано приветственное послание Белого к грузинским писателям, опубликованное в подборке его писем к Т.Табидзе: «Братский привет товарищам и братьям... от сотоварища и собрата по искусству, всегда любившего Грузию в образах Пушкина и Лермонтова, и уже полюбившего лично Тифлис за немногие дни пребывания в нем. С надеждой на близкую встречу и знакомство. С надеждой, что эта встреча будет лишь первым этапом нашего знакомства. Андрей Белый (Борис Бугаев)» (Табидзе Т. Статьи, очерки, переписка. Тбилиси, 1964. С.240). О знакомстве Белого с Яшвили в этот день см. также: *Ветер с Кавказа*. С.143-147; *Лица*. С.216-217.

[26] Поездка в Коджоры (дачная местность близ Тифлиса) состоялась 29 июня. См.: *Ветер с Кавказа*. С.177-179; *Лица*. С.221.

[27] С В.Б.Шкловским Белый случайно встретился в Тифлисе 29 июня (см.: *Ветер с Кавказа*. С.180-182; *Лица*. С.221). Сергей Михайлович Третьяков (1892–1939) – поэт, драматург, прозаик; один из лидеров Лефа.

[28] См. п.181, примеч.2, 8.

[29] Жена Т.Табидзе Нина Александровна Табидзе (урожд. княжна Макашвили, 1900–1965) свидетельствует в мемуарном очерке о Есенине: «Мы с ним часто встречались. Мой муж Тициан Табидзе и Есенин были друзьями. Тициан обворожил его своей душевностью и большим сердцем. Есенин бывал у нас, как свой, близкий человек» (Табидзе Н. «Золотая монета» // Сергей Есенин в Грузии. «Товарищи по чувствам, по перу...» / Составитель и редактор Г.В.Бебутов. Тбилиси, 1986. С.66); в этом же очерке Н.Табидзе вносит поправку в слова Белого, передающие ее рассказ о встречах с Есениным (см.: *Ветер с Кавказа*. С.190). О встречах с Есениным рассказывает и Тициан Табидзе в статье «С.Есенин в Грузии» (Табидзе Т. Статьи, очерки, переписка. С.127-131; Сергей Есенин в Грузии. С.13-17). См. также публикацию Т.Табидзе и Н.А.Табидзе («Из книги “Память”») в кн.: С.А.Есенин в воспоминаниях современников. В 2 тт. М., 1986. Т.2. С.191-199.

[30] Ср. п.179, примеч.15.

[31] Подразумеваются, видимо, картины Эжена Делакруа (1798–1863) на темы Востока.

[32] См. примеч.14 к п.179. «ЗАГЭС» – Земо-Авчальская гидроэлектрическая станция, пущенная 26 июня 1927 г.; Белый побывал там вместе с В.Э.Мейерхольдом 23 мая (см.: *Ветер с Кавказа*. С.96-108).

[33] О римском мосте через Куру («Построен Помпеем он») см.: Там же. С.101. Гней Помпей Великий (106–48 до н.э.) – римский полководец.

[34] Ср. п.181, примеч.2.

[35] Акаша (*санскр.*) – «тонкая, сверхчувственная духовная сущность, наполняющая все пространство; изначальная субстанция <...> Фактически, она является Всемирным Пространством, в котором неотъемлемо заключена вечная Мыслеоснова Вселенной в ее вечно изменяющихся аспектах на планах материи и объективности» (Блаватская Е.П. Теософский словарь. М., 1994. С.32-33). См. также: Штайнер Р. Из летописи мира. Калуга, 1992. С.15-17.

[36] В описаниях Дарьяльского ущелья и Терека в «Путешествии в Арзрум» Пушкина таких слов нет.

[37] Селение на Военно-Грузинской дороге, ближайшее к Крестовому перевалу.

[38] Обыгрываются образы из стихотворения Пушкина «Пророк» (1826).

[39] Название стихотворения Пушкина (1829), отразившего впечатления от старинной церкви Цминда Самеба на склоне Казбека. Ср.: *Ветер с Кавказа*. С.244.

[40] Намек на образ из стихотворения М.Ю.Лермонтова «Тамара» (1841): «В глубокой теснине Дарьяла».

[41] Белый и К.Н.Васильева пробыли близ Казбека с 5 до 10 июля (см.: *Ветер с Кавказа*. С.241-267; *Лица*. С.225-228).

[42] См.: Быт. VIII, 4.

[43] Медея (*греч. миф.*) – волшебница, дочь царя Колхиды Ээта и океаниды Идии; бежала из Колхиды с предводителем аргонавтов Ясоном.

[44] В письме к П.Н.Зайцеву из Цихис-Дзири (9 июня 1927 г.) Белый сообщал, что отправляет домой черноморские камешки «в маленьких ящичках посылками» (*Минувшее 13*. С.264).

[45] Ср.: *Ветер с Кавказа*. С.290-291.

[46] Эту неточную цитату из басни И.А.Крылова «Крестьянин и Работник» в драме Чехова «Три сестры» произносит не Чебутыкин, а Соленый (действие 1-е; см.: Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. Соч. в 18 т. М., 1978. Т.13. С.125).

[47] Ср. п.181, примеч.7.

[48] Имеется в виду 25-летие литературной деятельности Андрея Белого, исполнявшееся в апреле 1927 г. (в апреле 1902 г. вышла в свет «Симфония (2-я, драматическая)», которой Белый дебютировал в литературе). Никаких официальных мероприятий по этому поводу не происходило. Ср. запись Белого (7 апреля 1927 г., Москва): «День 25-летия литер<атурной> деятельности. Собрались: Моисеев, Трапезникова, Петровский, Е.Н., Галя, Даня, Татаринов» (*РД*. Л.128. Упоминаются, в числе других: В.Моисеев, Е.Н.Кезельман, Г.А.Назаревская, Д.Н.Часовитина). Подробнее см.: Лавров А.В. Несостоявшийся юбилей Андрея Белого // Die Welt der Slaven. 1998. Jg. XLIII. H.2. S.355-366.

[49] Имя этого арестованного корреспондента Белого не прояснено.

[50] П.Н.Васильев, муж К.Н.Васильевой.

[51] Фотография сохранилась в архиве Иванова-Разумника; на обороте – надписи: «Дорогому Разумнику Васильевичу от всего сердца. Кл.В. Кучино. 17/VIII 27»; «Милому Разумнику Васильевичу от полного сердца Борис Бугаев. Кучино. 17/VIII. 27» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.6. Ед.хр.3).

[52] Д.М.Пинес.

186. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
30 сентября – 3 октября 1927 г. Кучино.

Текст К.Н.Васильевой:

30/IX 27. Кучино.

Дорогой Разумник Васильевич!

Пишу Вам под диктовку Бориса Николаевича, у которого болят глаза (верно, переутомленье, завтра едет к окулисту) и который сам поэтому писать не может[1]. Болей особенных нет, а только резь вокруг глаз и чувствительность глазного нерва. – От себя заранее пишу сердечное спасибо за Ваши и Ваших домашних приветы. Верьте, что душой откликаюсь на них и горячо желаю всем Вам всего, всего лучшего.

Искренно Ваша Кл.В.

Текст Белого:

30 сентября. День Софии Премудрости*.

Дорогой друг!

Очень большим утешением было мне Ваше письмо[2]. Горячее спасибо за слова, полные сердечного отношения ко мне. Они-то, т.е. сердечность их, и есть то, за что схватываешься, как за спасительную соломинку. Нас так мало. Нас меньше и меньше. Я употребляю это неопределенное выражение «нас» и сам останавливаюсь с недоумением перед ним. Кто же эти «мы»? Да я сам не знаю, кто. Мы не объединены общностью отвлеченного мировоззрения. Мы не «сопартийцы», и не «сообщники». Когда выявилось, что самое понятие общности гнездится всегда в недрах узкой частности, то и не может быть «общего» между нами. Что же есть? Человечность. Тридцатипятилет-

---

* *Строка – рукой Белого. Последующий текст – рукой К.Н.Васильевой.*

ний опыт общения с людьми достаточно выявил мне, что «общее» в темах общения – темное пятно, отделяющее человека от человека. И пока мы жили в Обществе, мы в общении не общались. И наконец, когда мы стали перед понятием «общество», как перед разбитым корытом, обнаружилась вся фиктивность связей, соединявших людей. Где десятки и сотни знакомых? Где «со-общники»? 99% общений развеялось прахом. Это мир фикций. Но ценой гибели их обнаружился поворот лица, конкретного лица, самые черты которого дороги, – поворот лица от Человека к Человеку. Человек пророс в большую букву. И отношения стали большие. (Не то слово «большие», но подходящего не имею). И эта возможность «больших», т.е. индивидуальных, а не только личных, отношений дороже всего. Можно сказать, что жив, здоров, бодр, полон сил (не физических) от действительной жизни этих отношений, которые несу в сердце. Таковы мои отношения к двум, трем, четырем... пяти (а может и этого много). И конечно, среди этих «пяти» Вы и К.Н. ближе прочих. И действуешь, думаешь, работаешь, даже пишешь не к «массам» (которых нет: «масса» – фикция), а к индивидуумам. Как хотел бы я, чтобы из вороха моих книг отыскалось хоть несколько строк, о которых я мог бы сказать, что они есть письмо, написанное из сердца в сердца близких (по слову ап<остола> Павла)[3]. Вот почему я с такою взволнованною серьезностью принимаю без затей Ваши слова обо мне по поводу моего, так наз<ываемого>, «юбилея»[4]. Юбилей – вздор. При слове «юбилей» вырисовывается мне Задопятов, Задопятовщина. И я, вероятно, осуществись этот «юбилей», устроил бы себе самому какую-нибудь «gaffe»* в стиле Кузьмы Пруткова. Но то, что Вы в литературной деятельности моей отметили человечность, взволнованность или сердечность письма, которое я хотел бы хоть в клочках написать, вот за это-то и спасибо, дорогой друг.

Как хорошо, что Вы, после 11-летнего сидения в Детском, снялись с места и постранствовали. Вы исходили ряд деревень. Побывали в недрах России. Приникли ухом к земле, и слушали, как трава растет. Все, что Вы писали о своих впечатлениях, воспринималось нами с глубоким интересом. Делайте и впредь, по мере возможности, такие выбеги из Детского. Я знаю, как перемена места освежает. А о перемене ли только места идет речь в Вашем письме. Тут есть нечто от попытки спустить<ся> к «матерям». Да, в родной, материей стихии – в России – еще жива Жизнь. А во всех наслоениях верхних, в надстройках, в «общественностях» – Ариман убил жизнь. Все – мертвое. Обоняю почти физическим носом гнилостные яды, инфецирующие наше сознание. Вспомните, как у Гете сказано: черт не имеет доступа туда, где – «матери»[5]. (А для меня – мать сыра земля, которая по Достоевскому что есть? – Богородица). В этом – Мудрость. Она – мать – будет мудрой водительницей нашего строющегося сознания, когда сознание это возжаждет конкретности, и волю к строительству жизни внесет в интеллект интеллигенции. Тогда-то «вера в веру» ап<остола> Павла станет воистину Верою, открывающей Надежду. Там же, где осязаема Надежда и Вера, там – в их контакте – вспыхивает Любовь. А для меня Любовь к стихии народа, к стержневому ритму этой стихии, и есть Любовь между нами в Любви нашей к Матери. Тут-то и открывается в наших индивидуальных попытках «слушать» ритм жизни великих глубин, соединенных с целинами народной жизни, – тут открывается нам София, Мудрость. Пишу Вам это пожелание, чтобы мы из глубин материей жизни вынесли Мудрость, в день Софии Премудрости (и стало быть: Веры, Надежды, Любви).

Вы слушали ухом жизнь русскую. Мы же с К.Н. проплыли по Волге с Кавказа (от Царицына до Нижнего, 7 суток)[6]. Вам нечто открылось от воли России. Нам Волга открыла картину: Россия, как образ полей, берегов, земель, сел, городов. И это «чистое созерцанье» (в терминах эстетики Шопенгауэра) тоже по-своему явило «Идею» России. Сам образ России после Казбека, настраивающего на горнюю высоту, нам – образ низин и пространств русских, разрезаемых Волгою, – впервые рассказывал очень огромные вещи; я живал в степях, полях и лесах; в «глушах» и в пригородах России. Но это не то. Надо было семь дней вперяться в пробегающие мимо пространства, с душой, настроенной горне, с душой, так сказ<ать>, сошедшей с Кавказского хребта, чтобы понять разлет шири русской. Боже мой! почему Блок не плавал по Волге! Многое сумел бы он тогда прибавить к сказанному им о России[7]. В моей душе непосредственно соединились два представления: Кавказ-Казбек – Волга-Васильсурск,

* *бестактность, неловкость, оплошность (фр.)*

Козьмодемьянск, Нижний и т.д. Вышина и ширина. Поднятие к небу земель, и схождение неба на землю и в землю. Я не знаю, какая картина более взволновывает. Жаль, что на Кавказ <не?> едут через Волгу, и не возвращаются по Волге с Кавказа. Надо, настроив сердца «горé», с Волги увидеть бегущие берега России, стоя пред ними, как бы со стороны. Видишь образ России в целом, и – непредвзято. Даже в степях кругозор замкнут, все тот же. И там он – статика, быт. А тут, в плавании – разрыв кругозора; текучий быт и воздух воли от незамкнутости. Понимаешь, что Волга – текучее древо русской жизни (возьмите карту Волги и впадающих рек и вод, и Вы увидите, что район вод – древо, вершиной распространяющееся на всю европейскую Россию). С Волги открылось нам: река Жизни России, слагавшая в низовьях дух вольницы, в верховьях – дух раскола[8]. Неуспокоенность в социальных и духовных исканиях России есть самое жизнь России. И оттого Волга – матушка Русская земля – течет, рассыпается, убегает из-под ног, образуя рельефы оврагов, п<отому> ч<то> русская земля – не в земле, а в воде, стихии текучей, и в сходящем с воздухом небе, врастающим внутрь земли и образующим рельефы воздушно-небесных цепей, переполняющих овраги. В дне оврага – вершина неба. ...Обрываю себя. Мог бы без конца распространяться, социально, философски и религиозно углублять эту волжскую тему России. Но за отсутствием времени скажу лишь: Волга мне показала, что сквозь все расколы Земель и сознаний спускается к нам, русским, Глава небесного человека (Богочеловека). По-новому прозвучала тема «Инонии» Есенина[9]. В нем она – бунт, выродившийся в беспутицу. Волга как бы приоткрыла возможность в самой этой «бес-путейности» ритма Пути Нового. И как странно: от волжских берегов я увидел по-новому некоторые особенности русской истории. – Но всего не расскажешь. Словом: увидели мы Идею = Образ России в этом чистом, свободном созерцании, в бездумном скольжении вдоль берегов. И даже (это случайная мелочь) у Васильсурска от солнечного напека ли, от чего ли другого, но я услышал как бы звон колоколов. И тут вспомнились темы Китежа[10]. Спасибо, Вы сказали мне нечто конкретное о Новгородской земле. Я же вот что увидел, и даже расслышал с Волги.

Велика Россия. Она – Вода Жизни.

За сим обрываю. Постараюсь лично докончить письмо*.

Кучино. 3 окт. 27 года.

Дорогой Разумник Васильевич, –

– К.Н. в Москве; задержалась дольше, чем следовало; и – стало быть: я по состоянию своей «*безглазости*» не могу писать сам; завтра за письмом заедет Спасский[11]; кончаю спешным порядком; и очень жалею, что письмо так и останется недописанным (окулист до «*очков*» запретил читать и писать; очки не готовы; и пишу лишь, чтоб... кончить).

Огромнейшее спасибо Вам за прекрасную карточку[12]; я люблю такие, случайные, больше, чем «*показные*»; они – живее. Что касается своей карточки, то, грешным делом, – нет их; который год надо сниматься; снимусь; и – непременно Вам пошлю.

Вы не сердитесь, что, диктуя К.Н. к Вам, я наговорил так много «*прекраснодушных*» слов; дело в том, что говорил их себе еще больше, чем Вам; сейчас так трудно, что себе самому напоминаешь все «*прекрасное, доброе и вечное*»[13], потому что «*прекрасное, доброе и вечное*»... точно покинуло нас. Живем, упершись в глухую стену; и шепчешь себе: «*Ну, брат, – держись!*» Бывает тяжело до... отказа от жизни; и мне, и К.Н. И К.Н. подчас еще тяжелее, чем мне; ко всем моим тяжестям личного порядка присоединяется для нее и тяжесть «*окончательного*» разуверения в жизнеспособности некого «*Gesellschaft*»**, – почти до отказа в мыслях от него[14]; а ведь она – человеком «*общественным*» была – сколько лет! А приходится отказываться от ряда своих *иллюзий*.

Вообще: живешь без «*иллюзий*», даже слишком «*без*»; хоть бы тень «*иллюзии*»; живешь, твердя духовные слова... точно в пустоту; в месте духа... как бы... пустота, дыра, откуда просовываются «*персты*» в виде энного рода землетрясений, ураганов и наводнений вплоть до... «*каменного дождя*» (каждая «*дождинка*» – камень в фунт весом); такой дождик выпал в Кастилии (не читали?). В Крыму открылись вулканы;

---

* *Последующий текст – рукой Белого.*

** *«Общества» (нем.)*

на всем земном шаре реки и озера выступают из берегов; скоро... затрясется... средняя Россия; на Урале проваливаются горы... Персты... да... А почему не так тыкаются персты: не в *то* и не в *тех*, в кого надо? Исполняйся эта «*перстность*» по макету «*Библии*», – как они, персты, должны были бы тыкаться в нагрешившую землю? Вот так вот: идет по улице миллиардер; перст в него – «*тык*»: упал с неба метеор на миллиардера; и – нет его. А «*персты*», уснащающие действительность, тыкаются иначе: едет почтальон где-то в Южной Америке, – человек невинный, пролетарий; и вдруг: земля разверзается под ним; и – проглатывает его (у меня записан и такой случай из газет).

Словом: «*перстов*» – много; но «*персты*» – не назидают; «*персты*» – не Божии; «*персты*» – Аримановы.

Я духом бодр; но «*душевно*» разбит окончательно; и разбит не собой даже: разбит трудностями обстающих близких и разбит видом «*человека*»; ужасно, чем становится человек; точно это и не человек подчас, а продукт скрещения с обезьяной (кстати: «*этою*» мерзостью теперь усиленно занялись). Таковым он, «*человек*», выглядит в «*общественном*» разрезе; и каковым бы он ни был у себя на дому и у себя самого (в «*доме*» сознания) – в трамвае он – горилла. В театре – нечто «*заснувшее после службы*», за исключением «*дам*», душащих своими обнаженными «*мясáми*» и справа, и слева (впечатление от публики МХАТ'а II-го, где был на «*Гамлете*», – не произведшем, к величайшему удивлению и огорчению, «*никакого впечатления*»: что случилось?[15] Может быть, – мы с К.Н. до такой степени *не* в театральн<ом> настроении).

«*Глаза*» и душа мои отворачиваются даже от спутника дней моих: от «*Дневника*»[16]; и тут – молчишь, стиснув губы. Единственное деяние этой осени – «*немой венок сонетов*», который К.Н. назвала сборником «*Золотой Кошки*»; но это – сонеты, сплетенные из... земляничных листиков; да, но и над ними же я... потерял глаза: «*проглядел*» в буквальном смысле[17].

Так что и это «*деяние*»... насильственно оборвалось.

Я не падаю «*духом*»; но падаю... «*душой*»; верней – «впадаю»: в уныние (периодически). И тогда-то, будучи вооружен сознанием в духе, – говорю из духа с унывающей, своею душою; отсюда и тон, может быть, «*прекраснодушия*»...: от попытки поддержать –: себя самого*.

Дорогой Разумник Васильевич! приехала К.Н., и с ней вернулись моя рука и мои глаза[18], п<отому> ч<то> собственные глаза и руки – плохие помощники: от них прилив крови к глазам, суетня во лбу, и оттого в душе какие-то туман и раздражение, мешающие сосредоточиться и даже меняющие самую тональность слов. Когда работаешь сам, все-то теперь начинаются какие-то кипения, возни, нелады с собой, отбрасывающие от письменного стола и валящие на постель, где я и водворяюсь последние дни, вперяясь в стену и переживая странные размышления о том, что лежать на постели и вперяться в стены – кажется, единственное, что мне осталось. А прочее все отвалилось. Все прочие занятия как будто бы ни к чему. Все, что нужно было написать для других, написано лет десять назад еще. А все то, чем живешь, волнуешься, кипишь, над чем работаешь, напечатанные и ненапечатанные рукописи – праздная роскошь. Два, три, четыре, для которых живешь, выглядят в иные минуты такими же умственно роскошествующими. Не заблуждаюсь, что буду писать второй том «Москвы» для Вас и К.Н. Опыт с первым томом ясно мне показал: людям этого не нужно. Им нужна Сейфуллина для восточной Европы, Бердяев – для западной. Бердяев стал истинною знаменитостью на Западе. Немцы читают его взахлеб. Для меня же Бердяев еще 15 л<ет> назад казался жалко повторяющим популярно надоевшие и оскомину набившие мысли: во-первых, свои собственные; во-втор<ых>, Мережковского, Штейнера, Ницше и кого, кого. Оказывается, вот это-то твержение задов и нужно миру. Мы с Вами никому не нужны. Опыт с «Москвой» мне это показал. Я ее написал для Вас и для К.Н. Вспомните Ваши же слова о «Москве»: 1) что в ней художественно конкретна идея «Я» («Эпопеи»), которая там – в лесах. 2) Вы же мне сказали, что в

---

* *Последующий текст – рукой К.Н.Васильевой.*

«Москве» тема V Евангелия[19]. Это сказали Вы, не антропософ. А антропософы этого не говорили (К.Н. и несколько «раффинé»[20] не в счет). Антропософы обижены за натурализм и грубую житейскую прозу. А ведь я написал впервые, после 15 лет изучения антропософии, антропософски-художественную книгу. Не сержусь на то, что коммунисты и обыватели, «публика» не желает «Москвы». Но тот факт, что и свои не видят, ясно показывает мне в иные минуты, что круг земных дел замкнут, и мне остается лежать на постели, уткнувши нос в стену. Остается утешаться, что тебя поняли бы через сто лет, и что никто не виноват в том, что тебя не понимает действительность и ты не понимаешь и не принимаешь действительности.

Видите, Разумник Васильевич! до чего я способен договориться: до стены. Я очень завидовал Спасскому, что он слышал отрывки из Вашей работы о «Москве». С каким удовольствием я послушал бы Вас. Но не доводите этой работы до конца: я пишу в стену «Москву», а Вы пишете в стену о «Москве»[21]. То, что я говорю Вам, – не уныние, разумеется. Просто нас заживо закопали. Читателя оболванили. И два, три последующих поколения, воспитанные в городах, будут в культурном отношении строить не человечью жизнь, а обезьянью жизнь. А нам с обезьянами делать нечего. Знаю и то, что дела наши не пропадут. Книги ли, мысли ли найдут продолжение. Но в иные минуты нам, уже уставшим, трудно пылать в четырех стенах и себя утешать будущим, которого мы не увидим.

Я сам знаю, что мои слова не без воздействия Аримана. Но поймите же, этот господин, ныне свергаемый с неба, впервые становится господином земли. Никогда еще земля не служила ему пьедесталом. А теперь он наш непосредственный владыка. Если бы большие события в духовном мире не наступили бы в близком будущем, то и не было бы такого томления смертного, как в наши дни. Если хотите, и томление, и даже рост кривой катастроф – своего рода духовное утверждение («Если бы не сократились дни, то не спаслась бы никакая плоть»)[22]. Ну вот – стенают наша плоть и наша душа. А дух в нас бодр. Но мы еще не до конца дух. Стало быть, и постенать нам можно. Постенаешь, – и легче. А веры и надежды мы не утрачиваем.

Кстати – о катастрофах. Прилагаю здесь на бумажке кривую, составленную на основании статистики записей по месяцам разных «исключительных» случаев. Вы увидите закон роста кривой. А то все говорят: исключительный случай, да исключительный случай. Вулканы в Крыму – это случай. Метеоры, с треском залетавшие над Крымом тотчас же, – тоже «случай». Все реки мира выступают из берегов – «случай». А вот соединение «случаев» – не случайно. К.Н. год назад стала записывать эти случайности. Многие смеялись над нами. А мы еще с лета 23-го года, в Гарцбурге, заметили нечто, после чего стали пристально вглядываться в природу. Японское землетрясение 23-го года явилось подтверждением наших мыслей. Меня потрясли изменившиеся зори в 25-м году. Повод к наблюдению случайности вызрел в годах. А потом, нам же, антропософам, и подобает проверять домысел Д<окто>ра о землетрясениях, как результате душевных и социальных потрясений. Так и выходит. Неправильно встрясенные души основательно-таки растрясывают почву под ногами.

Еще замечание. Когда теперь бывает душно и тяжело, то оказываешься душевно слабее своих же мыслей.

Достал свой дневничок, и себе самому в назиданье, а не Вам, прочитываю написанное мною себе в Дневник скоро год тому назад. «*Предстоящее семилетие будет особенно трудно для непознавших...*; *ведь обращение к ним... познать будет идти остраннением их кармы, которую они услышат стуком судьбы*; *а этот стук есть стук бед, трудностей, страданий...*» (Кучинск<ий> дневник, 1 янв<аря> 1927 г., 1 час ночи).

Легче записывать рецепты для других, чем для себя. *Остраннилась* за эти десять месяцев и моя карма. Остраннение в том, что вижу Аримана почти воочию на физическом плане; и он пристает, цепляется, ущипывает пальцы, бьет трамваем, бросает об лед, обнимает медведем и вместо утешающих листиков бросает в глаза муть с песком и подставляет глухую стену, в которую и вперяешься; не говоря уже о том, что жизнь наша вполне, как темница. Кряхтишь вовсю. Но в темницу не верю. И не случайно в моем Кучинском дневнике запись 1-го января кончается текстом, открывшимся мне в Книге в самый безысходный, темничный миг: «Темницу мы нашли запертою, но отворив, не нашли в ней никого» (Деян<ия> ап<остолов>)[23]. Речь идет о вы-

ведении из темницы апостолов ангелами. Так же «претерпевшие до конца» будут духом изведены из темницы. «Изведи из темницы душу мою»[24].

Вот что я должен, Разумник Васильевич, себе самому прочесть из себя самого, чтобы умерить тон сетования. Нам не остается ничего другого, как превращать плач в веселие. Будем же веселиться. И с этой темой кончаю письмо, п<отому> ч<то> надо же дать отдых К.Н., да и Вам – от меня. Вот несносный-то господин: «указывает» и «показывает». Кстати: к теме веселья. С хохотом читали сегодня выдержки из Кузьмы Пруткова. Совершенно бессмертные выдержки! Куда Маяковскому! И еще утешил очень «Ревизор». Сцена взяток пущена по-новому[25]. Мейерхольд говорит, что это в стиле «Москвы». Предстоит, кажется, уйма хлопот с «Москвою»[26].

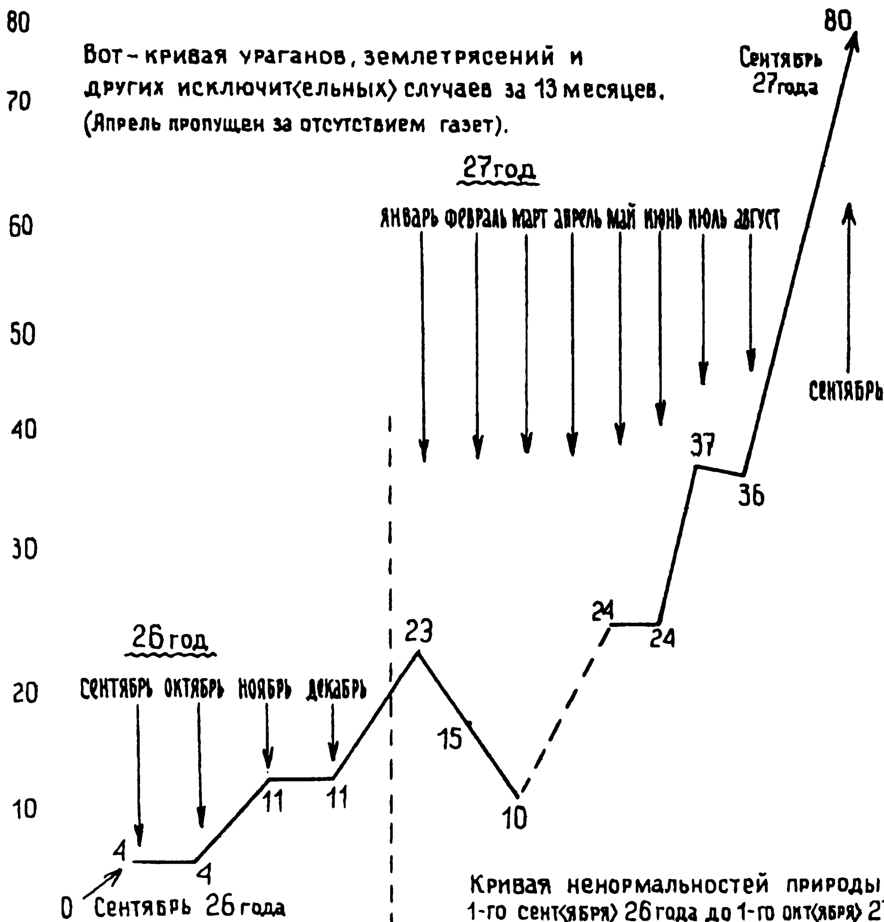
Дорогой друг, все-таки: приезжайте в Кучино. Что ж Вы о Кучине ни слова мне. Пока же крепко, крепко Вас обнимаю, и очень, очень люблю.

Варваре Николаевне и Иночке сердечный привет. Если получу дар зрения, то с Дмитрием Михайловичем Пинесом и еще поднапишу[27]. И все для того, чтобы с Мих<аилом> Андр<еевичем> Великанов<ым>, который бывает в Детском у Спасских и в Кучине у меня, – чтобы с ним пришло большое письмо. Чем толще, тем лучше*.

Еще раз – не прощайте, а... до ближайшего (близкого, надеюсь) свидания.

Борис Бугаев.

Дорогой Разумник Васильевич, – забыл к письму приложить кривую, о которой идет речь. Б.Б.**



* *Последующий текст – рукой Белого.*

** *Пояснительный текст на обороте листа с приводимым ниже графиком.*

[1] Ср. запись Белого (30 сентября 1927 г.): «День Софии. К.Н. расклеилась <...> Вечером диктовал ей письмо к Р.В.Иванову (не мог писать, – глаза)» (*РД*. Л.130об.).

[2] Комментарий Иванова-Разумника: «Письмо ИР к АБ не сохранилось» (Л.28).

[3] Ср.: «Вы – наше письмо, написанное в сердцах наших» (2 Кор. III, 2).

[4] См. примеч.48 к п.185.

[5] См.: «Фауст», часть 2-я, акт I, сцена «Темная галерея».

[6] Путешествие Белого и К.Н.Васильевой по Волге на пароходе «Чайковский» от Сталинграда (Царицына) до Нижнего Новгорода продолжалось с 14 по 21 июля. См.: *Ветер с Кавказа*. С.273-293; *Лица*. С.231-241.

[7] Ср.: «Жаль, что "волжанин" не видел великой реки: разумею я Блока» (*Ветер с Кавказа*. С.279).

[8] См. развитие тех же мыслей: *Ветер с Кавказа*. С.279-280.

[9] Ср.: «"Инония", странный, есенинский крик, – узнаю тебя здесь» (*Ветер с Кавказа*. С.279). Интерпретацию поэмы С.Есенина «Инония» (1918) Иванов-Разумник дал в статье «Россия и Инония» (Наш Путь. 1918. №2. С.144-151; Иванов-Разумник. Россия и Инония. Андрей Белый. Христос Воскресе. Есенин С. Товарищ. Инония. Берлин, «Скифы», [1920]).

[10] Народное предание о невидимом граде Китеже (на берегу озера Светлояр в Заволжье) неоднократно осмыслялось в русской литературе начала века – в путевых записках З.Н.Гиппиус «Светлое озеро» (в ее 4-й книге рассказов «Алый меч» – СПб., 1906), в книге М.М.Пришвина «У стен града невидимого» (М., 1909), в религиозно-философском очерке С.Н.Дурылина «Церковь невидимого Града. Сказание о граде Китеже» (М., 1914).

[11] Ср. запись Белого (4 октября 1927 г.): «Был С.Д.Спасский. Читал поэму» (*РД*. Л.131).

[12] Имеется в виду фотография Иванова-Разумника, присланная им по просьбе Белого (см. п.185).

[13] Вариация слов «разумное, доброе, вечное» из стихотворения Н.А.Некрасова «Сеятелям» (1876).

[14] Комментарий Иванова-Разумника: «Имеется в виду "Антропософское Общество"» (Л.28).

[15] Белый смотрел «Гамлета» в МХАТ 2-м 9 сентября; ср. его запись за этот день: «Были на "*Гамлете*". <...> Ужас перед "Мхатом" II-ым» (*РД*. Л.130об.).

[16] Ср. итоговую запись Белого за сентябрь 1927 г.: «За сентябрь написано в "Дневник" лишь 39 страниц. Чувство истощенности; и перемены ритма» (*РД*. Л.130об.).

[17] Ср. записи Белого – 21 сентября: «Листики. <...> Получил от К.Н. орден "*Золотой Кошки*"»; 26 сентября: «Болят глаза (выглядел их на сборе листьев)» (*РД*. Л.130об.).

[18] Запись Белого за 3 октября: «Вернулась К.Н. Диктовал письмо Р.В. (глаза). Читали Пруткова: смех» (*РД*. Л.131).

[19] См. примеч.26 к п.175.

[20] Raffiné (*фр.*) – рафинированный, уточненный, изысканный.

[21] Об этой своей незавершенной работе Иванов-Разумник писал Ф.И.Седенко (Витязеву) 22 декабря 1927 г.: «Если бы мне удалось выкроить хоть год, хоть полгода незагроможденного житейским хламом существования, то конечно написал бы я книгу "'Петербург' и 'Москва'", которая вся сидит в голове (а отчасти и написана). Но так как житейского хлама с плеч не сбросить, это первое; а второе – так как эта книга теперь никому не нужна и еще долго не будет нужна, – то значит и не судьба быть ей написанной» (*РГАЛИ*. Ф.106. Оп.1. Ед.хр.64).

[22] Мф. XXIV, 22 (неточная цитата).

[23] Деян. V, 23 (неточная и сокращенная цитата).

[24] Пс. CXLI, 7 (неточная цитата).

[25] Белый вновь смотрел «Ревизора» в Театре имени Мейерхольда 1 октября (ср. его запись за этот день: «Был у Мейерхольда» – *РД*. Л.131). 2 октября он писал Мейерхольду: «Великолепно! Опять с восторгом смотрел "Ревизора", а сцена взяток – изумительна»; Мейерхольд благодарил Белого за отзыв в письме от 7 октября (см.: Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896–1939. М., 1976. С.416, 260-270).

[26] Комментарий Иванова-Разумника: «Драма "Москва" не была поставлена Мейерхольдом, также как и инсценировка "Истории одного города"» (Л.28).

[27] Д.М.Пинес приезжал к Белому в Кучино 8 и 14 октября (*РД*. Л.131).

187. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
23 октября 1927 г. Кучино.

Кучино. 23 октября 27 года.

Дорогой Разумник Васильевич,

не дождавшись Вашего письма и пользуясь тем, что, вероятно, еще раз увижу Дмитрия Михайловича в Кучине, я и «*пристрачиваю*» к посланному «*куску*» письма моего и этот «*кусок*»[1]; ведь письма мои Вам – желание поговорить; и «*строча*» Вам, я – живо беседую, а не «*пишу*» (тем сумбурнее выглядят письма от этого; «*сумбурность*» – удел речи, закрепленной на бумаге, как стенограмма; чем живей моя словесная лекция, тем более ужасает меня стенограмма ее).

И – вот: Вы уж миритесь с моею «*беседою*»; коли очень сумбурны будут слова, – письмо бросайте в корзину для бумаг; в рассчете на то, что при случае не постеснитесь письма мои выбрасывать, строчу «*куски*» – без начала и окончания; и все оттого, что «*без начала и окончания*» продолжаю мысленно беседовать с Вами; и Вы – непременный и частый участник наших с К.Н. кучинских вечерних «*чаев*», а эти «*чаи*» – не просто чаи, но и то, что подчас в наши черные времена извлекает в сердцах наших звук – «*чаянья*»; пьем *чай*: и – «*ча́ем*».

Аполлон Аполлонович в «*Петербурге*» сострил слишком грубо: «*Чаю* воскресения мертвых и *сахару* будущего века»[2]. Лучше высказывался А.С.Пет«к»овский в московской «*Симфонии*» у старушки Мертваго, беседуя с батюшкой Иоанном; он говорил: «*Знаю*»[3]. И сказка, посещая Девичий Монастырь, в ту весну «*знала*»; и – знала именно: «*Много светлых радостей осталось для людей*»[4].

Теперь более чем когда-либо они даны под формой «*чая*»; «*чаю*» еще раз по-новому воплотилось в «*чай*»; отчалить от чая – предаться *от-чая*-нию...

Чаепитие – форма встреч: то именно, что некогда было полезною формой общественной деятельности; теперь деятельности эти об-*общи*-лись; стали – общи и пусты: для многих; а «*чай*» – остался; и – вот: призываем Вас с К.Н. часто к нашему «*чайному*» столу; и – как знать: не просовываю ли я нос порою – у Вашего «*чайного*» стола (кто нас знает, – какие мы в сознанием не вскрытом нашем «*ритмическом жесте*»). Я, например, – недавно: поймал себя в Кучине за странным жестом; К.Н. уехала в Москву; мне стало – «*тяжело*», как и часто это стало со мной делаться; в тяжелом мрачном унынии я взглянул на стену, а на стене висел мною от грузинских писателей полученный «*голубой рог*»; я инстинктивно вспомнил свое обещание «*голубым рогам*»[5] – в рог затрубить, когда мне будет трудно; подошел; и – протрубил; и потом удивился сам великой серьезности, с которой проделал этот поступок, как... Роланд, призывающий «*дядю*», когда – «*Мавра*» насела[6]; моя «*Мавра*» – темные облаки, порою завешивающие сознание; и вот я – протрубил; и – стало легче.

Думаю, что если мы будем друг друга поминать за нашими «*чаями*», то и «*ча́яния*» – будут нас посещать; отсюда же: стиль «*чайный*», путающий мою «*эпистолярность*»; вот, рядом со мной, – выпитый крепкий стакан чая; а я, за чаем своим, – строчу Вам.

До многого мы с К.Н. «*дочаиваемся*» за чаем; и – между прочим: очень много разговариваем о всяких зверях, – *что у кого*, и – *кто как*: о *котах*, *гусях*, *псах*, *медведях* и прочих обитателях животного царства разговариваем мы, вплоть до... «*носорогов*» и до «*слонов*»; причем я, порою, вхожу в такой раж, так ясно вижу поставленного перед сознанием зверя, что не могу не воспроизвести его жестов; К.Н. говорит, что я очень хорошо представляю «*слона*», отсутствие подбородка у «*кота*» (и – присутствие его очень больших усов); хорошо представляю «*трехволосую*» бровь пса, «*ленивца*» и «*муравьеда*»; но что «*барсук*» – у меня не выходит; зато будто бы выходит «*желтый шарик на лапках*», или – вышедший из яйца цыпленок.

Порой наши разговоры о животном царстве из шуток становятся сериозностями, даже важными занятиями (упражнениями, подобными изучению царств камней и листиков); если что-либо есть от сериозного в наших «*играх-шутках*», то мне несомненно: это имеет касание к *астральному телу*; и я, потом, уже застаю себя за *сериозными интересами*: стою на дворе и разглядываю все действия хвоста неподвижно сидящего передо мной пса – «*Пугача*» (сидит сериозно, а – что выделывает хвост?). И

вдруг воскликнешь: «Отчего у нас нет хвоста?» Впрочем, – надо вести себя осторожно с подобными восклицаниями; раз, удрученный покупками, я пожаловался соседу по кучинскому поезду на то, что у нас нет хобота; если бы была третья рука в виде хобота, как разгрузились бы мы в наших поездках в Москву; но сосед – мне не ответил, а вагон посмотрел – сосредоточенно-подозрительно; и я – умолк. Но я, про себя, продолжаю волноваться интересами нас обстающих зверюшек; изумляюсь и умиляюсь почтенному соседскому гусаку, водящему свою паству по всем лугам и прудам Кучина; и – потом часами простаивающему у запертой калитки и просительно кричащему, чтобы его впустили во двор; один день я грустил: гусак гулял с поредевшим стадом; он детей своих водит ведь... к... «*людоедам*» (pardon, – к «*гусеедам*»: гусей – зарезали!).

Ужасные мы негодяи, люди: я сам сегодня... ел... утку!..

Сегодня мне рассказали, что ужи живут до ста лет и что один уж, доставшийся семейству от деда (столетний) пас у внуков стадо овец (овцы боятся *змей* и потому они беспрекословно «*ужа*» слушались); однажды я «*наблюл*» трогательный факт из жизни... клопов! В числе несчастий моей жизни у Анненковых[7] – были (легчайшие среди тяжких): тьмы тем – паутин, пылей, молей, пауков, клопов; клопы меня кусали там почему-то... в щеки (прочие места тела – не трогали); измученный щечным кусанием, я однажды быстро зажег свечу и увидел на своей подушке жирного клопа с... клопенком; жирный клоп с сумасшедшей быстротой ринулся прочь, а клопенок – замешкался; тогда ринувшийся прочь клоп, очевидно вспомнивший про опасности, угрожавшие глупому клопенку, – ринулся обратно к нему; и – они вместе побежали; а я, опять негодяй, – их поймал; и... сжег на свече...

Все-таки жаль, что мы «*едим*» друг друга!..

Простите, дорогой друг, за это «*кифо-мокийство*»[8]; оно – от *чая*; *чай*, – наряду с чаянием приносит и... болтовню пустую; но все же я – за *чай*; и здесь, – неожиданный скачок: в другую сторону; Сергей Дмитриевич Спасский целый день читал нам поэму[9]; иные места 2-ой и 3-ей частей нас потрясли (биография летчика, его самоубийство, его похороны и т.д.)[10]; поэма есть действительно – поэма «*быта страшных лет*»; в ней раскрыты бытовые скобки знаменитого стихотворения Блока[11]; выявлено поколение, впервые «*ставшее*» в страшных годах; Блок – не вполне прав; мы – дети лет, собственно, предваряющих «*страшные годы*». А Сергей Дмитриевич – «*дитя*» этих лет; и я это впервые почувствовал, слушая 2-ую и 3-ью части (первая часть еще – «*предварение*»). Но, спросите меня, – причем «*чай*»? А притом, что, будучи поставлен в затруднительное положение, как подать сквозь цензуру свой «*позитив*», – он кончает «*чайным столом*» – на Остоженке; прошедшие сквозь «*страшные годы*» – чайничают[12]; здесь появляется музеевед-реставратор; и во время разговора показывает реставрируемый и просовывающийся к говорящим сквозь копоть... лик... Богоматери[13]... Музеевед, по всем признакам, – Пет«*к*»овский моей «*Симфонии*». А остоженский домик, собравший детей страшных лет (это уже утверждаю я), – домик старушки Мертваго, уже скончавшейся; здесь, в 1901 году, собирались: Мусатов, Пет«*к*»овский, старушка и Иоанн. Я этот домик – узнал; и живо вздрогнул.

Подумайте: 25-летие страшных лет; и – через 25 лет, после всего, в остоженском домике, за тем же «*чаем*» в присутствии того же Пет«*к*»овского, ставшего реставратором икон, – опять чаепитие с *упованием* и с *верой в свет*.

В этой встрече поколений за *чаем* – переклик эпох; и – между прочим: переклик поэмы Сергея Дмитриевича с эпохой «*зари*» символизма.

Я считаю поэму *очень значительной*.

Вообще, – поражает меня ритмический жест судеб, выражающийся в *склике годин*; после «*страшных лет*», сметающих страны, после землетрясений и ураганов, сметающих города, – всплывают те же некогда *светлые* и оставшиеся сквозь всё *светлыми* уголки жизни; арбатско-пречистенским районом оканчивает через 25 лет Спасский (уроженец Тифлиса) свою поэму; и в ней встречается... со мной, начавшим с этого же района; и – те же *метели* запевают в окна; и из них выходит... тот же... Пет«*к*»овский... с «*ликом*». А – этот «*лик*», который мы с Блоком воспевали в 1901 го-

дах*, – для меня и С.М.Соловьева он связался с ликом образа Богоматери, висевшим в Неопалимовом переулке (около Девичьего Поля и Пречистенки); и – с пунцовым огоньком лампадки, засвеченной перед ним; к огоньку я, студент-естественник, приходил из белых метелей; от «*огонька*» шли мои светлые чаяния; церковь *Неопалимой Купины* светлела из вихрей – луной сквозь тучи; и я описал это «*сверкающее белизной*» место (*белизною* и *пурпуром* огня) в «*Симфонии*»[14]; и – живо вспомнил чрез 20 лет в «*Первом Свидании*»[15] – в дни, когда писалась 2-ая часть «*Симфонии*» (Троицын и Духов дни); знаете, – почему этот возврат к Неопалимову переулку?.. Скажу Вам: это – возврат к нему зимой 1917–1918 годов, когда мы... встретились... с К.Н.[16]

Она сразу же, когда в 16<-ом> году я вернулся, мне прозвучала... тогда еще «*моим*» «*Дорнахом*» (т.е. «*суммой*» света во мне); она – *первая* меня поняла в моей антропософии; я стал вторично «*москвичом*», потому что она мне вернула во многом: Москву и Россию (будучи ученицей доктора); перед Рождеством 1918 года мне стало так одиноко, что я, бросив все в Москве, уехал в Дедово (и сидел там во мраке: С<ергей> М<ихайлович> и его жена, Таня[17], уехали, а керосин – исчез); и вот: в этот «*мрак*» (всяческий) приехала Таня с керосином и с письмом мне. Письмо – от К.Н.[18] Она, *одна* из всех москвичей, с невероятной чуткостью поняла, в какой *мрак* я ушел (а я в те дни уже решил ехать за границу); и она нашла слова; слова ее были, как... брызнувший свет, как то, чем когда-то запела мне московская «*Симфония*» (*то* именно: я даже удивился сходственности нот); помню, как я душевно *просветлел* (а вокруг зажгли лампы: *приехал керосин*). Так в Дедово, место, оставшееся незабвенным от переживаний в нем весны 1901 года (тотчас же после написания 2-ой части «*Симфонии*») – был мною получен *луч* меня осиявшего света (*того же*, света 1901 года!) – в 1917 году, когда все в душе висело на волоске: пребыть в России, или... «*утечь*» к Асе... Меня удивило: откуда К.Н., с которой я внешне тогда мало говорил, *так до дна* прочитала мою душу. И я – вернулся в Москву с решением *мне быть в России*; и послал К.Н. вместе с благодарностью за *духовную помощь* «*Симфонию*», как знак того, что она помогла мне *тем именно*, чем во мне запевала «*Симфония*» в годах зари; и помню, как был изумлен, когда нес письмо по только что узнанному ее адресу: она жила – в *Неопалимовом переулке*, наискось от церкви *Неопалимой Купины*.

Неопалимов переулок выслал мне *светлого друга*. Еще невероятнее: гораздо позднее, когда мы рассказывали друг другу свои биографии, – выяснилось: в 1908–1910 годах «*курсистка Алексеева*» (т.е. К.Н.), бывшая далекой от всякой официальной «*духовности*», переживала *кризис сознания* (от решения с собою покончить, от неверия и мрака душевного, – к решению искать *правду*); переживая кризис, «*курсистка Алексеева*», жившая в других районах Москвы, случайно попала в переулочный наш район; и – бродила в Неопалимовом переулке; «*пунцовый огонек*», мною описанный, еще горел; и она приходила из ночи к его «*огню*» и к лику Богоматери; отсюда – начало ее исканий до... антропософии (1912 год, т.е. и *мой год* встречи с доктором); «*симфоний*» в то время она не знала; интересовалась лишь *историей* и *соц<иальным> вопросом* (т.е. была «*сериозной*» курсисткой, отчасти «*презиравшей*» декадентов); а... Неопалимов переулок («*мой*» переулок!) у нее *тогда уже* был; и она, петербургская жительница, в 1914 году, совершенно случайно переехавшая в Москву к сестре и матери (когда мужа взяли на войну), оказалась в Неопалимовом переулке (где они жили), в *ее переулке*; а в 17<-ом> году здесь произошла наша *встреча*; так в «*ней*» мне связались конкретно: *антропософия* и *Россия*, *годы ученичества* и *ранние годы зари*, Москва и Дорнах.

Кстати... о встрече: 1917 год – год нашей моральной, духовной встречи. А знаете, где мы впервые, не зная друг друга, встретились? Да... в приемной у доктора, под Базелем, в 1912 году[19]; мы с Асей приехали на свидание, входим в приемную; там сидела лишь нами незнаемая Клавдия Николаевна; я ее, как сейчас, помню: она ужасно понравилась; и я подумал: какое *милое*, *родное* лицо; и еще подумал: какая-нибудь из «*немецких Гретхен*»; в это время вышел доктор и позвал К.Н.[20]; когда она уходила в передней, ее провожала Мария Яковлевна[21] и говорила по-русски с ней; мы с Асей потом говорили: «Что это за русская, которую мы не знаем, никогда не видали, а мы знаем всех русских антропософов?» Но она – скрылась бесследно, случайно мелькну-

---

* *Так в автографе.*

35 Зак. 3782

ла в Гельсингфорсе в 1913 году[22]; и – первая встретила меня в Москве, в *Остоженском переулке*, где помещалось О<бщест>во; в этом помещении жил, конечно, Алексей Сергеич, собирал библиотеку[23], а К.Н. выдавала книги – там же; я постоянно забегал к Алеше; и – постоянно с нею встречался до... встречи с ее письмом, или с «*Неопалимовым Переулком*».

И опять, как в годах зари, годы подъема революции мне лично пережились еще *нотой*, в которой К.Н. была, как символ света: и России, и антропософии; мои стихотворения к *России* и к *Антропософии* («*Звезда*») – сходственны в тональностях: соединила тональности мне в каком-то очень дорогом и заветном смысле К.Н.

Помнится: Вы сидите весной 18<-го> года у меня в комнате, на Садовой[24]; за стеной – помещение О<бщест>ва; и – К.Н., наша «*библиотекарша*», отбывающая свои библиотечные часы; я Вам читаю впервые стихотворение «*К Антропософии*»[25]; в середине чтения распахивается дверь; и с каким-то библиотечным вопросом – в дверях К.Н.; увидев, что я не один, она – захлопывает испуганно дверь; я – дочитываю Вам стихи; и – думаю: «*Вот – моя инспираторша*».

Как странен склик годин: 1901 год, 1918 год, 1927 год; миры – рушатся, плывут по 25-летию те же нерасплавленные «*быты*»; но и – те же светлые ритмы прорезывают «*чаяниями*»; и – тот же «*чай*»; так: в теперешних наших с К.Н. кучинских «*чаях*» – все светлое живо; и – «*чаями*» держимся; оттого-то и Вам так непредвзято пишу... от своего вечернего «*чая*».

Пишу о встрече с К.Н., потому что в ней явлен мне – «*ритмический жест*» судьбы; не – форма; и – не содержанье душевное, а *Ритм-Смысл*: эвритмия жизни; недаром К.Н. – *эвритмистка* по существу (может быть, не *спецка*, ибо *спецки* упражняются по 5 часов в день и в *огромных* пространствах, а она – урывает 10-15 минут, не каждый день, и на пространстве «*кучинской*» комнатушки, пользуясь роялем лишь 1-2 раза в неделю); что-то в ее эвритмическом «*примитиве*» дороже мне всех «*ренессансов*» технически квалифицированных западных «*эвритмисток*»; у нее к эвритмии – внутренний дар; и оттого-то в ее преподавании эвритмии (азов) соединяется нечто от внутренних основ самого *пути* с культурой жеста, с постановкой *руки*, *ноги* и т.д. Обстанная стенами нашей жизни, она невозможность разбега в тональной эвритмии, где, например, *септима* требует *саженей*, заменяет разбег* внутренним жестом; и оттого-то ее внешний жест, ставший, по необходимости, намеком, – мне так выразителен.

Эвритмия – внешнее отображение чего-то, взятого от... инспирации; раскрытая инспирация – *изживание кармы*, предполагающая столпы *у Порога*; и карма – жест ритма.

Наша встреча с К.Н. – кричащий *ритмический жест*, в котором ни я, ни она – не повинны наши личности**; мы встретились... *о главном*; а наши отношения – десятилетие попыток и сознанием разглядеть жест.

Пишу так много о ней, потому что сегодня ее нет в Кучине; а то она бы, как маленькая, стала приставать ко мне с «*прочтите, что Вы написали Р.В.*». И – нет сил противостоять; я и... почитываю порой (не сердитесь), зная, что она опять-таки из *эвритмии* всегда стоит за самую теснейшую нашу дружбу, и за... общение мое с Дмитрием Михайловичем.

Как правы слова Евангелия, если их... «*слушать*» (а не всегда «*слушаешь*»; чаще – не «*слышишь*»); сегодня я много думал о К.Н.; и в связи с думами о ней открыл Евангелие. Вот что прочлось: «*Нет никого, кто не оставил бы дом... или жену... для Царствия Божия. И не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий*» (Лука. Гл.18, ст.29-30)[26]. И это – ответ на думы о К.Н. В 16-ом году в Дорнахе я покидал – «*дом*», «*жену*», «*близких*», «*учителя*»; я, антимилитарист, ехал в Россию не для того, чтобы воевать, а... потому что со своим призывом связал «*ноту*» какой-то мне неясной *правды* и *долга*: быть в России; и – с Россией. И я еще за 1/2*** положил се-

---

* *Так в автографе* (*«разбег» вписано*).
** *«наши личности» вписано.*
*** *Так в автографе.*

бе: когда «*позовут*» – это будет звон часов, меня извещающий, что надо бросить все, что дорого, для мне не ясных *правды* и *ритма*. И я – встретил «*бóльшее*»; то, что я покинул, – было «*земным*» обличием «*дома*» и «*лика учителя*»; а то, что я встретил, – было «*жизненным смыслом*»; до 22<-го> года я еще не до конца осознал, где, с чем, правда «*жеста ритма*»; но «*жена*» меня бросила, «*учитель*» повернул от былого «*дома*», «*дом*» – «*сгорел*»[27]; Запад – «*прогорел*»; около меня выросла – Москва: К.Н.; а когда она стала собираться из Берлина, я за ней рванулся: *решением сокровенной* воли вопреки «*внешней*» возможности; и я – вернулся; и я – получил бóльшее, и не только – в веке будущем; но и – «*в сие время*»; здесь, в Кучине, – я испытываю это «*бóльшее*»; и благодарю *судьбу*, которая разбила все, за что схватывалась моя душа; душа разбилась, но «*дух*» – воспрянул!

———

Бывают странные случаи «*склика*» дней; в те же дни случается – то же; и ты по реакции отношения к случаям узнаешь: ушел ли ты вперед, или назад: *приобрел*, или – *потерял*.

Так: в прошлом году, в октябре, чуть ли не 18-го, в понедельник, я уезжал из Долгого переулка в Кучино; перед отъездом К.Н. мне играла Шуберта (романсы), а я все искал романса, с которым связаны воспоминания юности; его не нашлось: «Не этот ли?» – сказала К.Н. и сыграла великолепный «*Die Stadt*»: описывается стояние перед городом путника; путник вспоминает, какую боль здесь некогда он пережил; разбилась его любовь; из шубертовских звуков, им соответствуя, встали старые улички Базеля, Базель, мы с Асей, Мария Яковлевна – между нами; «*все*» бурно поднялось во мне, как обида и... бунт; и я это сказал К.Н.; она меня успокоила; непроизвольно я заехал перед вокзалом к М.А.[28]; и у него случайно встретил приехавшую из «*Die alte Stadt*»* девушку, почитательницу и эвритмическую ученицу... Аси; сыгранный мне К.Н. «*Die Stadt*» был – *предуведомлением*; Асина «*ученица*» вознамерилась мне нечто передать от Аси; и я вернулся в Кучино – «*бурей*»; дней 8 рвал и метал; и мои дневниковые записи от октября 1926 года (на днях их перечитал: полезно!) – перечисление «*кровных обид*», полученных от Аси, Общества, Базеля и «*старой дуры*» (так в миги ярости зову «*Frau Doktor Steiner*»)[29]; 23-го и 24-го в «*Дневнике*» записи: «*довольно*», «*нельзя*» бурлить: лучше темное и интимное не вспоминать, а вспоминать – светлое, полученное от доктора; так «*боль*» и «*бунт*», исходящие от «*Die alte Stadt*», перешли в ноты «*Воспоминаний*» о докторе (ноябрь–декабрь), в темы «*Пятого Евангелия*» (январь 27<-го> года), «*фантом*»; и отсюда: в проблему эфирного тела, физич<еского> эфира (который – не физичен) и материи (февраль–март) до... Батума.

И это был путь от «*боли*» и «*бунта*» к теме, преодолевающей «*Воспоминания*». Замечательно, что едва ли не в тот же день 18 октября (вторник) мы с К.Н. попали в этом году на концерт Петри, весь овеянный «*светом*» и «*подъемом*», исходящим от Петри[30]; и на концерте встретил случайно знакомую, только что вернувшуюся из-за границы: «*Die alte Stadt*» – коснулся-*таки* меня: в том же пункте годового круга. Но я – уже не откликнулся на него ничем темным: и – даже не заметил его; надо всем доминировал Петри с «*Бахом*», «*Фантазией*» Шумана и с «*Вальсом*» Шуберта; впечатление осталось: *только от Петри*.

Вернувшись в Кучино, лишь теперь сообразил, что 18 октября – склик дней: *их жест*; и реакция на ту же тему – светлая; т.е.: путь от октября–ноября прошлого года через «*Воспоминания о Штейнере*», через проблему «фантома», эфира и атома (далее – «*Казбек*») – путь, после которого не может быть возврата к «*меланхолиям*» темы шубертовского романса: «*Die alte Stadt*»; он – изжит!

Годами таскают нас по «*кавказским хребтам*» (и посылают к «*Петри*»), чтобы мы научились «*ритмически*» реагировать на «*ритмы жизни*». И до чего мы, меломаны, – не музыкальны в восприятии конкретных, жизненных фактов; мне нужно было нечто ствердить в «*камень*» от моей «*меланхолической мягкости*», уязвимой воспоминаниями; и я – стверживал, искал *камни*, проницал познанием минеральный мир; «*Петри*» – производит экзамен моему «*ствержению*» через год; и я его – сдаю.

---

* *«старого города» (нем.)*

И здесь: механический перелет сознания: от «*Петри*» к «*камушкам*»; и от них – к «*листикам*». Узнал легенды русские о землянике; замечательно: все они связаны; одни – со Христом; другие – с Марией; третьи – с Крестителем; и еще: земляничный сухой лист, собранный до Иоаннова дня[31], – целителен против *сердца*: он вносит *солнечность* в сердце (а Сердце-Солнце – Христос); Креститель в пустыне – по легендам – питался земляникой. Связь земляничного листика с Марией настолько мы осознали с К.Н., что в собирании листиков видели нечто вроде покрова, который к *Покрову*[32] сплетаем мы, чтобы уйти от «*ехидн*» и «*скорпий*» осенних пустот мира. Октябрь – в истории есть 17<-ый> век: век выработки интеллектом научного «*принципа*», сего *железа*, долженствующего стать «*мечом Михаила*», а «*сентябрь*» – ренессанс «*даров культуры*» (20<-ый> век – декабрь, где – *судьба* Козерога: «*рождество*» – будущее, вероятно).

Дорогой друг, – сегодняшний чай, в связи с мыслями о К.Н. и с Вами, неожиданно *вывлек* из проверки вычислений жеста «*Всадника*»[33] к жесту сего письма; надо его уж докончить, чтобы завтра быть в «*работе*» и быть готовым письмо передать Д.М. (подозреваю его завтрашний визит). Хочу сказать еще нечто о «*жестах*»; на этот раз – природы; как в «*Симфонии*» уже упомянуто о «*небывалой и странной*» весне 1901 года (*она такой и была*), так ныне вперен в странности жестов природы весь этот год до... совпадения со звездными явлениями: в феврале 1901 года газеты писали о *звезде первой* величины, вспыхнувшей на небе (она скоро угасла – вероятно: сгорел где-нибудь мир), – так: в октябре 1927 года в газетах пишут: *о небывалом извержении светящихся масс на планете Юпитер*; по-моему, это – хорошо: Юпитер наконец не вынес деятельности солнечных пятен; в моей записи аномалий природы[34] два месяца – с максимумами: *январь* и *сентябрь*; и оба месяца предварены *темным пятном* на Солнце (в конце *декабря* и в конце *августа*); Юпитер, планета благая, на второе пятно ответил: *воспламенением светящихся масс*; в разрезе физики мне ясно: то, что на Юпитере – взрыв этих масс, на Земле – усиление вулканической деятельности; и этому – соответствуют: –

– в сентябре: 1) *задействовал подводный вулкан на дне океана* (1-ое сент<ября>), 2) *в Чили вспыхнул вулкан Ллойма и засыпал пеплом город Лас-Лахас* (сент<ябрь>), 3) задействовал вулкан около Аляски (окт<ябрь>), 4) началось сильнейшее извержение вулкана в 80 кил<ометрах> около Токио (окт<ябрь>), 5) вынырнул в итоге вулк<анической> деятельности в 1900 году провалившийся остров (Тихий океан), 6) около Кантона провалился остров (вулкан<ическая> деят<ельность>) и т.д. И отсюда уже мой, не геологический, а *априорный* вывод: *землетрясение в Крыму*[35] *вулканического, а не тектонического порядка*, чему – явные факты: 1) светящиеся столбы воспламененных газов около мыса Лукулл, 2) свечение газов около Судака, 3) всплытие на поверхности моря со дна кусков *пемзы*. Вулканич<еская> деятельность этого района (от Касп<ийского> моря до Балканск<ого> полуострова) открылась с силой еще до Крымского землетрясения, чему – факты: 1) *еще ранее – образовался новый вулкан в Албании*, 2) *считавшийся давно потухшим вулкан Созине на черноморском побережье 19-го февраля забил* (*район Турции*); 3) *второго мая сильное извержение подводного вулкана на Каспийском море* (около кавк<азского> берега); мы знаем, что вулк<аническая> деят<ельность> происходит на дне Черного моря постоянно, ибо море это выделяет сероводород в столь огромн<ом> количестве, что на глубине всего нескольких саженей оно – *мертвое море*: жизни там нет, ибо сероводород – обилен. Как знак усиления общей деят<ельности> вулканов – частые и сильные извержения Везувия в этом году: 28 ноября (26<-го> года), 22 марта, 31-го июля. Видите, – полезно вести запись; она осветила мне природу *Крымского землетрясения*, которая, по рассказам очевидцев, – ***весьма жутка***: по знакам своим; повторность (в *июне* и *сентябре*), длительность (уже полтора месяца), сила (9 баллов по 10-балльной системе) – *не крымские*! Во-вторых: рябь явлений вокруг него: сильные, частые гулы, изменения рельефов (исчезли *пики* Ай-Петри[36], например), в Балаклаве дважды отхлынула вода (12-го и 15-го), в Коктебеле – *тоже отхлынула вода* (о чем не писали в газетах, явно затушевывая «*жуть*» явлений), взвивающиеся огненные языки под небом, провал морского дна и изменение рельефов дна, *подводный вулкан* недалеко от Евпатории; и – частности, ничего не говорящие геологам, но *говорящие*,

если глядеть оком «*симфоническим*», т.е. ритмическим: бывшие летом в Коктебеле рассказывали мне: перед землетрясением появились в огромном количестве сороконожки и сколопендры; из горных трещин спустились в долины прежде невиданные *гигантские ужи* (старожилы-одиночки рассказывали, что *де* видали таких, но им не верили); появились ужи до 10<-ти> и даже 12<-ти>... аршин (!!!) длины (и – соответственной толщины); т.е. не *ужи*, а – *удавы*, вместе с огромным количеством наводнивших местность змей; это уже... à la Булгаков[37]; ко всему – курьезы случайностей; в разгар землетрясения: 1) над Симферополем летит громадный метеор с ослепительным блеском, освещающим «*день*» (18-го сентября), 2) в Ставрополе с оглушительным грохотом разрывается метеор (хотя и не в Крыму; но вся та местность – неблагополучна, чему я свидетель был под Батумом, где я все ждал, что *море убежит* от нас, или что нас сорвет в море ураган, или что – рухнут горы, или что – нас затопит; а что делалось вообще с Черноморским районом и летом, и в дни, предшествующие землетрясению? Начало сентября (до 12-го): необычайная жара – на Украйне (до 48°), в Крыму (солнечные удары), в Днепропетровске; но – в *Австрии* (рядом)... выпал... снег; необычайной силы шторм на Черном море (1-ое, 2-ое, 3-ье, 4-ое, 5-ое, 6-ое, 7-ое – сентября); и – вдруг: сильнейшее похолодание (с 6-го); одновременно: взрыв ураганов, ливней и наводнений в районах прибережных: *1-го сентября*: необычайной силы ураган над Карпатами с гигантским наводнением, длящимся до 8-го; и песчаный ураган при 40°<-ной> жаре над Днепропетровском; 2-ое сентября: ураганные ливень и град над Молдавией и Валахией; в этот же день: 1) необ<ычайной> силы *тайфун* в Японии; 2) ураган над Канадой (с наводнением); 3-го сентября: катастрофическое наводнение в Буковине (до 7-го); и – угроза наводнения во всем Приднепровье (у Черн<ого> моря); 4-го: на другом полюсе гигантское наводнение (район Охотска и Хабаровска); 5-ое и 6-ое: непрерывные ливни в Закавказье; все побережье Батума – под водой; 7-ое: к существующим наводнениям присоединяется наводнение в Бессарабии (Кишинев, Бендеры и т.д.); 8-ое и 9-ое – наводнение под Батумом; 10-ое и 11-ое – замирание (зловещее) – ливней, ураганов; с 11-го сентября в Кучине, после холодов, доходивших до 5°, стоит несосветимая *парня*; и – мертвая духота; мы с К.Н. с недоумением глядим на воздух; и – вспоминаем, что в дни «*флоридского*» урагана переживалась та же душная гадость; и я говорю: «Надо ждать, что где-нибудь происходит стихийное бедствие; ну ее, – "*такую*" жару!» А через несколько часов – в Крыму землетрясение (в ночь на 12-ое).

Я потому им и заинтересовался, что обстание его – странно, что все изменилось в природе (в Батуме – замерзали 2 месяца, а 25 сентября я мерил в Кучине t° на солнце; и – было: 32°); *6 октября* – К.Н. шла из Салтыковки в летней кофточке, изнемогая от жары, в Нью-Иорке – падали от солнечных ударов (хотя в августе там был снег), а снег выпал... в Южной Австралии (30 сентября).

Над землею – не эвритмия климатов, а... фокстрот какой-то, в результате чего – «*северные сияния*» свистят и шипят (около Ленинграда в 26<-ом> году и около Томска в... августе 27-го), из облака – падают камни, а на Урале – проваливаются горы и вместо них – зияют дыры (так было в августе 27<-го> года).

К странным явлениям – в «*кучинском*» калибре: 1) не было здесь нигде – ни одного чертополоха; в августе Кучино *густо покрылось чертополохами* (для кучинца – невиданное зрелище); в начале сентября была *необычайно ядовитая роса*; и вся зелень стала – черно-рябой; 2 раза нападали «*скверные*» жары, когда люди заболевали от необычайного оттенка жары; наконец: в Моск<овской> губернии открылась невиданная болезнь (заболело 500 человек) от вдруг появившегося в огромном количестве стрептококка: «*стрептококк*» – здесь, «*уж*» в 12 аршин – в Крыму; но над всем – гигантское солнечное пятно; и – как ответ: взрыв газов на Юпитере. Все это явления – «*ритмического жеста*», которому говорю:

Я понять тебя хочу:
Темный твой язык учу[38].

В заключение этого «*бабьего*» лепетания моего, – присоединяю факт, которым порадовал меня П.Н.Зайцев, бывший сегодня[39].

Он – сказал, что издательство «*Никитинские субботники*» хочет включить, если не включило уже, в план издания Ваши работы о «*Петербурге*» и «*Москве*» (буде Вы захотите о «Москве» закончить)[40]; и – стало быть: будут с Вами в этом смысле разговоры вести; когда от П.Н. узнаю это дело точно, – тотчас *черкну почтой*.

И еще: всегда зову (и – как!): в Кучино. Этот зов, от всего сердца, если я его и не закрепляю порой в буквы письма, есть самая аура письма; помните, дорогой друг, этот постоянный мой зов!

Остаюсь сердечно любящий и постоянно вспоминающий Борис Бугаев.

Варваре Николаевне и Иночке мой глубокий привет, поклон и уважение.

[1] «Кусок» письма – п.186. См. примеч.27 к п.186. Очередной приезд Д.М.Пинеса в Кучино Белый зафиксировал 9 ноября (*РД*. Л.131об.).

[2] Это каламбурное обыгрывание фразы из Символа веры («Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века») – в реплике Аполлона Аполлоновича в 10-й картине драмы «Петербург»: «Чаю... ме-ме... Воскресения мертвых и сахару будущего... ме-ме... века» (Андрей Белый. Гибель сенатора (Петербург). Историческая драма. Berkeley, 1986. С.201).

[3] Подразумеваются слова Петковского из 4-й части «Симфонии (2-й, драматической)»: «Так, Господи! Я знаю Тебя...» (Андрей Белый. Симфонии. Л., 1991. С.192).

[4] В тексте «Симфонии (2-й, драматической)»: «...много святых радостей осталось для людей...» (Там же. С.193).

[5] См. примеч.22 к п.185.

[6] «Дядя» – франкский король Карл Великий. Подразумевается эпизод из старофранцузской эпической поэмы «Песнь о Роланде» (XI в.), ст.1753-1795. См.: Песнь о Роланде. Старофранцузский героический эпос. М.; Л., 1964. С.55-56.

[7] Имеется в виду жизнь в квартире А.И. и В.Г.Анненковых на Бережковской наб. в Москве (ноябрь 1923 – май 1925 г.).

[8] См. примеч.6 к п.123.

[9] Речь идет о поэме «Неудачники». См. примеч.11 к п.186.

[10] Имеются в виду фрагменты поэмы, в которых рассказывается о студенте-юристе и военном летчике Грише Бродине. См.: Спасский С. Неудачники. Повесть. М., «Никитинские субботники», 1929. С.66-79, 82-93, 106-108.

[11] Подразумевается стихотворение А.Блока «Рожденные в года глухие...» (1914) – со строкой: «Мы – дети страшных лет России».

[12] Имеются в виду следующие строки поэмы «Неудачники» (С.136):

И тут иные встали темы:
О старине и новизне,
О творчестве, о нашем дне,
О том, о сем.
Решаем все мы
Разнообразные дела
В кругу у чайного стола.

[13] Речь идет о персонаже поэмы «Неудачники» музейном работнике Колосове («книгочий, хранитель / Былых веков»):

Снимать умел он тень олиф
И копоть оттирать – пока
Опять не отдадут века
Слой краски древней.
(Там же. С.128, 129).

[14] Имеется в виду церковь в Полуектовом переулке в Хамовнической части Москвы. См.: Андрей Белый. Симфонии. С.170.

[15] См. заключительные строки 4-й главы поэмы «Первое свидание» (Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. («Библиотека поэта». Большая серия). М.; Л., 1966. С.441-442).

[16] О декабре 1917 г. Белый записал: «Радостное для меня и *роковое в радостном смысле письмо от К.Н.Васильевой*; *с этого письма оформляется наша внутренняя встреча*»; о январе 1918 г.: «...для меня это время – начало личного сближения с К.Н.Васильевой: встречи в библиотеке, где она отсиживает часы, и на эвритмии – превращаются в сердечные беседы» (*РД*. Л.90, 91).

[17] Татьяна Алексеевна Соловьева (урожд. Тургенева, 1896–1966), младшая сестра А.А.Тургеневой и Н.А.Поццо.

[18] Текст этого письма неизвестен.

[19] Эта встреча относится ко второй половине сентября 1912 г., когда Р.Штейнер читал в Базеле лекционный курс «Евангелие от Марка».

[20] О своей беседе со Штейнером в Базеле К.Н.Бугаева подробно рассказала в воспоминаниях о нем. См.: Bugajewa K.N. Wie eine russische Seele Rudolf Steiner erlebte. Basel, Verlag Die Pforte, 1987. S.25-30.

[21] М.Я. фон Сиверс, жена Р.Штейнера (с 24 декабря 1914 г.).

[22] См.: Bugajewa K.N. Wie eine russische Seele Rudolf Steiner erlebte. S.31-34.

[23] А.С.Петровский комплектовал библиотеку московского отделения Русского Антропософского общества.

[24] Имеется в виду квартира в доме 6 по Садовой Кудринской, куда Белый переселился (вместе с А.С.Петровским) 14-15 февраля 1918 г. Встреча с Ивановым-Разумником, о которой вспоминает Белый, состоялась либо в середине марта, либо во второй половине апреля 1918 г.

[25] В 1918 г. Белый написал три стихотворения под заглавием «Антропософии» – «Над ливнем лет...», «Твой ясный взгляд, в нем я себя ловлю...», «Из родников проговорившей ночи...» (Андрей Белый. Звезда. Новые стихи. Пб., 1922. С.38, 57, 68-69); к весне 1918 г. были написаны два из них – второе (февраль 1918 г.) и третье (февраль или март 1918 г.), третье в одном из автографов озаглавлено: «К антропософии» (см.: *Стихотворения III*. С.287, 296).

[26] Неточная и сокращенная цитата.

[27] Намек на пожар Гетеанума в ночь на 1 января 1923 г.

[28] Имеется в виду М.А.Чехов.

[29] О конфликтных отношениях между М.Я.Штейнер и Белым во время его пребывания в Германии в 1921–1923 гг. см. в его очерке «Почему я стал символистом...» (Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.480-481).

[30] Эгон Петри (Petri, 1881–1962) – немецкий пианист и педагог; с 1923 г. многократно концертировал в СССР. Ср. запись Белого за 18 октября 1927 г.: «Вечером наслаждение концертом Петри» (*РД*. Л.131).

[31] Иоаннов день здесь – 29 августа ст.ст. (сухой, постный).

[32] Покров Пресвятой Богородицы – 1 октября ст.ст.

[33] Ср. запись Белого за 22 октября 1927 г.: «Проверка вычислений “Медного Всадника”» (*РД*. Л.131).

[34] Ср. запись Белого за 21 октября 1927 г.: «Составил кривую аномалий природы» (*РД*. Л.131).

[35] Сильное землетрясение, причинившее большой ущерб Южному берегу Крыма, произошло в ночь на 11 сентября 1927 г.

[36] Вершина Главной гряды Крымских гор, в районе Алупки, 1233 м.

[37] Подразумевается сюжет фантастической повести М.А.Булгакова «Роковые яйца» (1924); книгу Булгакова «Дьяволиада» (М., 1926), включавшую «Роковые яйца», Белый получил в подарок от автора через П.Н.Зайцева (см. письмо Зайцева к Белому от 1 октября 1926 г. // *Минувшее 13*. С.253); с повестью Белый был знаком еще до ее опубликования – присутствовал на авторском чтении и «очень хвалил молодого автора» (Зайцев П.Н. Воспоминания об Андрее Белом // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.86-87).

[38] См. примеч.47 к п.167.

[39] Ср. запись Белого за 23 октября 1927 г.: «Был П.Н.Зайцев с Г.А.Назаревской. Разговор о Крыме, Коктебеле, Максе» (*РД*. Л.131).

[40] Этот проект не был осуществлен. Ср. примеч.21 к п.186.

188. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
9 ноября 1927 г. Кучино[1].

Дорогой Разумник Васильевич,

Пишу спешно (Д.М. у меня). Лишь два слова. Дал согласие на «*Голубь – Котик*» – «*Мысли*»[2]; «*Петербург*» – отдан: не могу отдать[3]. Дорогой друг, – не знаю их условий. Я предложил бы 150 рублей лист; даю Вам право уступить им, если предложат 100 рублей. Главное, интересует *аванс*, ибо «Субботники» – не платят; и я, теорети-

чески будучи обеспечен, фактически сижу без всяких денег; аванс – 500 рублей – есть прежде всего фонд жизни, ибо сижу с фактическим «*Цекубу*»[4], а каждые 100 рублей вырываешь из «Субботников» со страшной силой. Дорогой, – ничего не пишу лично-го, ибо страшно тороплюсь передать письмо уезжающему Д.М.

Напишу в «*Мысль*» отдельно; пусть они обратятся ко мне *фактически*. Я же, конечно, лишь могу согласиться. Аванс выручил бы. С Мейерхольдом тоже – плохо; сомневаюсь, что «Москва» дойдет до очереди: так он – в другом.

Остаюсь искренне любящий Б.Бугаев.

[1] Датируется на основании записи Белого за 9 ноября 1927 г.: «Был Пинес (весь день)» (*РД*. Л.131об.).

[2] Речь идет о предполагаемом переиздании «Серебряного голубя» и «Котика Летаева» в издательстве «Мысль».

[3] «Петербург» был переиздан (в сокращенной редакции) в апреле–июле 1928 г. (ч.1-2. М., «Никитинские субботники», 1928).

[4] ЦЕКУБУ – Центральная Комиссия по улучшению быта ученых при Совете Народных Комиссаров РСФСР, действовавшая в 1921–1931 гг.

189. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
13 ноября 1927 г. Детское Село.

13 XI 1927

Милый и дорогой Борис Николаевич,

не письмо, а только два слова, – деловые. Вы получили телеграмму (которую изд-во «Мысль» просило у меня разрешения подписать моим именем, – что было в ней, я не знаю) и ответили на нее. Теперь издатель, Лев Владимирович Вольфсон, собирается на днях в Москву, чтобы побывать у Вас и заключить с Вами договор на «Серебр<яного> Голубя» и «Котика Летаева»[1]. Поэтому в спешном порядке хочу предупредить Вас: он будет, конечно, предлагать Вам за лист что-нибудь вроде 100 р., ссылаясь на то, что де это «перепечатка» и т.п. Твердо стойте на 200 р., ссылаясь на то, что такую сумму за лист он предлагает Замятину за собр<ание> соч<инений>[2] (можете сказать, что это сообщил Вам Замятин – имею его разрешение).

Вот единственная цель моего спешного письма, – чтобы волчий сын (как мы здесь именуем Вольфсона) не объехал Вас на кривой. А затем – до скорого письма при первой же возможности. Сердечный привет Клавдии Николаевне от Варв<ары> Ник<олаевны> и от меня; обнимаю и целую Вас, желая бодрости душевной и здоровья. Не забывайте.

Сердечно Ваш Р.Иванов.

[1] Переиздание этих романов Белого в ленинградском издательстве «Мысль» не состоялось – равно как и в московском издательстве «Никитинские субботники», где оно также предполагалось (см.: Зайцев П.Н. Воспоминания об Андрее Белом // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.91). Для переиздания «Котика Летаева» Белый написал в ноябре 1928 г. предисловие (см.: Новый журнал. Кн.101. Нью-Йорк, 1970. С.69-71; Русская литература. 1988. №1. С.217-219).

[2] В издательстве «Мысль» собрание сочинений Е.И.Замятина не было осуществлено, в 1929 г. оно было выпущено в свет (в четырех томах) московским издательством «Федерация».

190. ИВАНОВ-РАЗУМНИК - АНДРЕЮ БЕЛОМУ
7 декабря 1927 г. Детское Село.

7 декабря 1927. Ц<арское> Село.
Колпинская, 20.

Дорогой и сердечно любимый Борис Николаевич,

только что вернулись мы с Варв<арой> Ник<олаевной> – с похорон Федора Кузьмича[1]. Устал я смертельно за три последние дня (да и вообще устал), прошел за гробом

с добрый десяток верст, промерз; вернулся в девятом часу вечера домой – и ничего делать не могу. Не читается, не сидится, не лежится. Потянуло написать Вам – хоть и безоказийно; рассказать о последних днях Сологуба.

Три года прожили мы с ним «стена в стену»[2], – и я благодарен судьбе, что она дала мне узнать милого, простого, детски смеющегося Федора Кузьмича, а не того Сологуба, каким раньше я его знал (вернее – представлял): «комантного»[3], обидчивого, брюзгливого, резкого, тщеславного. Все это – было, но было той внешней шелухой, за которой таилась детская, добрая душа; он был очень застенчив (право!) – и скрывал эту застенчивость в резкости; он был очень добр и отзывчив – и стыдился своей доброты; был широк – и окутывал себя часто досадной мелочностью. Я никогда не верил Андерсену, что «позолота – сотрется, свиная кожа – остается»[4]. Свиная кожа – истлевает, а золото под ней – останется.

Девять месяцев не вставал он с постели; мучился страшно, и чем дальше, тем больше. Я заезжал к нему часто, сидел у него недолго, чтобы не утомлять[5]. Он лежал детски-радостный, или бессильно-измученный, смотря по состоянию минуты; страшно радовался, когда я говорил ему, что Варв<ара> Ник<олаевна> и я ищем ему квартиру в Царском Селе, что как только ему станет немного лучше – его перевезут туда, что там он окрепнет, поправится... Умирать – страшно не хотел, не хотел и говорить об этом. И лишь месяца полтора назад впервые сказал, задыхаясь от боли: «Нет уж, видно перееду не в Царское Село, а в общую яму»... Но на следующий же раз – опять: «нет, видно, не поправлюсь, пока не перееду в Царское Село»...

В последний раз я был у него в пятницу, 2 декабря, за три дня до смерти. Предыдущий день был для него тяжел, он криком кричал от болей (почки не работали). Потом боли утихли, он успокоился, был слаб, но говорил без умолку и плакал горько. Я пробыл у него минут десять; попробовал глупо уговорить, что «вредно» так плакать. «Ах, дайте же мне выплакаться; разве вы не знаете, какая радость слезы... И что теперь для меня "вредно"? Дайте мне на прощанье поплакать. Господи, прибери меня – вот единственная теперь моя молитва. Господи, прибери меня; Господи, довольно»... И тут же: «простите меня, простите меня за эти слезы и стоны; но не могу, не могу больше»... Я сказал, что пусть он меня простит, пусть всех нас простит за то, что языки у нас деревянные, что ни одного слова утешения нет у нас за душой... «Да разве есть – слова утешения? разве есть *слова* (подчеркнул) утешения? Есть лишь *Слово* (тоже подчеркнул). И вот – плачу, выплакаться хочу, дайте мне плакать»... И потом – о Достоевском, о Соне Мармеладовой, о чиновнике Мармеладове... «Тоже, утешили: поминальный обед... с дракой[6]. Всякий поминальный обед непременно с дракой. Гадость какая! Бедная, бедная Соня! Дайте мне с нею поплакать!»

Таким видел я его в последний раз. Потом два дня, субботу и воскресенье, сидел дома простуженный. В субботу возобновились мучения, он кричал – но уже не «Господи, прибери меня!», а – «не хочу умирать! Как она смеет, костлявая! Что я, разве лягушка, чтобы тащить меня в болото! Не хочу!» В воскресенье – успокоился, заснул; сон к утру понедельника перешел в конец. В понедельник утром я получил телеграмму: «началась агония; выезжайте». Мы сейчас же поехали с Варв<арой> Ник<олаевной>; приехали к 12 часам. Он уже лежал тихий, спокойный, не суровый, но серьезный; за болезнь оброс серебряной бородой – и очень был похож на Сологуба 1905–1906 года, когда я увидал его впервые. Умер он тихо, не приходя в сознание, в 10 1/2 ч. утра.

День прошел в суете и хлопотах; вечером была уже панихида. Ночь я провел у тела; просил остаться со мною милого Дм<итрия> Мих<айловича>, и мы вдвоем просидели за разборкой рукописей до утра[7]. Вчера, во вторник – перевезли его в залу Союза Писателей, – в залу нашей Вольфилы[8]. Вот судьба! Два года тому назад провел последние часы в Вольфиле Есенин, перед отправкой тела в Москву; теперь провел ночь Сологуб. Хор Капеллы исполнил реквием Моцарта. – Сегодня в 12 часов после трех речей (очень хороших, потому что очень кратких)[9] двинулись на Смоленское кладбище. Отпели. И теперь Сологуб лежит в нескольких десятках саженей от Блока[10]. – Поклонился я Федору Кузьмичу и от Вас – поцеловал его – простился навсегда. Кто-то третий будет проводить ночь в зале бывшей Вольфилы?..

Две недели тому назад Федор Кузьмич дал мне пять тетрадей последних своих стихов (1925–1927 гг.), чтобы Варв<ара> Ник<олаевна> переписала отмеченные им,

а я попытался бы устроить в каком-нибудь издательстве сборник его стихов. Я и устроил – сегодня, на похоронах; теперь – легко, когда человек умер; а вот при жизни... – да что говорить![11]

Вот последнее его стихотворение, которым кончается последняя тетрадь; написано 17(30) июля 1927 года.

Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным,
Бедный, слабый воин Бога,
Странно-зыблемый, как дым.

Что Творцу твои страданья!
Кратче мига – сотни лет.
Вот – одно воспоминанье,
Вот и памяти уж нет.

Страсти те же, что и ныне...
Кто-то любит пламя зорь...
Приближаяся к кончине,
Ты с Творцом твоим не спорь.

Бедный, слабый воин Бога,
Весь истаявший, как дым,
Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным[12].

Ну вот, милый Борис Николаевич, написал Вам – и полегчало. Простите. Мало нас, ох как мало остается; а новые поколения когда еще доживут и доработаются до своего Сологуба. Сологуба, как и Блока, надо заслужить; а это – работа поколений.

Надеюсь скоро написать Вам по-настоящему; сегодня только так, «заказное письмо». Трудно и тяжело мне очень и всячески, так хоть в письме отведешь душу. Письмо и стихи – только для Вас и Клавдии Николаевны (ей – сердечный привет Варв<ары> Ник<олаевны> и мой) и для тех немногих, кому захотите сообщить (Алекс<ею> Серг<еевичу>[13], – ему тоже искренний привет). Крепко обнимаю и целую Вас; будемте живы и пойдем, куда нам назначено. А Федору Кузьмичу – вечная память, и спасибо ему за все. Пусть не забывает нас, любящих его, если «там» – есть память.

Еще раз целую крепко.

Всегда любящий Вас Р.Иванов.

[1] Ф.Сологуб скончался 5 декабря 1927 г. в 10 ч. 30 мин. утра; смерть наступила от миокардита, осложненного атеросклерозом и воспалением легких. Похороны состоялись на Смоленском кладбище (см.: Письма Всеволода Рождественского о смерти Ф.Сологуба / Предисловие, публикация и примечания М.В.Рождественской // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С.426-430).

[2] См. примеч.11 к п.163.

[3] Здесь: неясный, непонятный, неожиданный (от *фр.* comment – как, каким образом).

[4] Стихотворные строки из сказки Ханса Кристиана Андерсена «Старый дом»: «Да, позолота-то сотрется, / Свиная ж кожа остается!» (перевод А.В.Ганзен).

[5] Среди немногих сохранившихся писем Сологуба к Иванову-Разумнику – письмо от 5 августа 1927 г., продиктованное О.Н.Черносвитовой: «Здоровье все еще не важно, без Вас бывало всяко: и хуже, и лучше. Приезжайте сами повидать меня, – я всегда рад Вам и Варваре Николаевне: за эти 1 1/2 месяца мне сильно нехватало Вашей дружеской беседы и Вашего, всегда доброго, внимания по отношению ко мне» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.327); оно было послано вместе с запиской О.Н.Черносвитовой, датированной тем же днем: «Федор Кузьмич в последние дни чувствует себя гораздо лучше. Проф. Аринкин очень удачно, на мой взгляд, применил в последн<юю> неделю "голодную диету", вследствие кот<орой> значительно опали отеки. Он ждет Вас» (Там же. Л.9-9об.). Сохранились записи О.Н.Черносвитовой и ее близких, фиксирующие ход предсмертной болезни Сологуба (*ИРЛИ*. Ф.289. Оп.6. Ед.хр.84).

[6] См.: «Преступление и наказание», ч.5, гл.II (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1973. Т.6. С.299-300).

[7] О последних днях Ф.Сологуба и о предварительной разборке его архива, предпринятой совместно с Д.М.Пинесом, Иванов-Разумник пишет также в мемуарном очерке «Федор Сологуб» (Возвращение. Вып.1. М., 1991. С.318-319).

[8] Гражданская панихида состоялась утром 7 декабря в зале Всероссийского Союза Писателей (Сологуб был председателем Ленинградского отделения Союза) на Фонтанке (дом 20) – там же, где проходили многие заседания Вольфилы.

[9] На панихиде выступили Е.И.Замятин, В.Т.Кириллов, Б.Л.Модзалевский (Красная газета. Утр. вып. 1927. №280. 8 декабря. С.3). О выступлении Замятина см. во вступительной статье А.Ю.Галушкина и М.Ю.Любимовой к публикации переписки Замятина и Сологуба (Неизданный Федор Сологуб. С.387).

[10] 26 сентября 1944 г. прах Блока был перенесен со Смоленского кладбища на Литераторские мостки Волковского кладбища. См.: Максимов Д. Memoria о перенесении праха Ал.Блока // Литературное обозрение. 1987. №5. С.65-66.

[11] Издание этого посмертного сборника стихотворений Сологуба не состоялось. Машинописный экземпляр невышедшей книги (98 листов) сохранился в собрании М.С.Лесмана – Н.Г.Князевой (С.-Петербург).

[12] Это стихотворение впервые увидело свет в составе очерка Иванова-Разумника «Федор Сологуб» из цикла «Писательские судьбы» (Новое слово (Берлин). 1942. №45(427). 7 июня) – со значительными разночтениями по отношению к автографу (объясняющимися тем, что Иванов-Разумник, видимо, привел текст по памяти); по автографу (который идентичен тексту, приводимому в настоящем письме) впервые опубликовано М.И.Дикман в кн.: Сологуб Ф. Стихотворения («Библиотека поэта». Большая серия). Л., 1975. С.495-496.

[13] А.С.Петровский.

191. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
21 декабря 1927 г. Детское Село.

21–XII–1927. Ц<арское> Село.
Колпинская, 20.

Дорогой и любимый Борис Николаевич,
получили ли Вы мое большое (заказное!) письмо, написанное 7 дек<абря>, после похорон Сологуба – и о Сологубе?[1]

Сегодня пишу Вам о нем же, спешно, и с просьбой *спешного* ответа. Вчера просил меня Союз Писателей (Замятин[2] и др.) обратиться к Вам вот с каким предложением:

Не можете ли Вы приехать в Петербург *между 20 и 30 января*, на два-три дня, чтобы выступить на вечере в память Сологуба? (Дорога и расходы будут оплачены). Если *да*, то Союз Пис<ателей> устроит этот вечер в зале Филармонии (бывш<ее> Дворянское Собрание), если *нет* – то в значительно ме́ньшей зале Капеллы.

Вот и весь вопрос, на который требуется спешный Ваш ответ. От себя скажу: если приедете – то приезжайте, конечно, не на 2-3 дня. Но – прекрасно понимаю, что это связано с рядом других вопросов, из них же главный: засели ли Вы уже за работу над 2-м томом «Москвы»?

О том, как мне и всем нам хотелось бы повидать Вас, – говорить, конечно, не приходится.

О том, что следовало бы помянуть Федора Кузьмича – забытого, заброшенного, – тоже нет надобности говорить.

Сообразитесь с собственными делами и обстоятельствами и черкните ответ *спешно*.

Этим и кончаю. Скажу только, что весь декабрь проходит у меня под знаком Сологуба. Ежедневно продолжаю с помощью Дм<итрия> Мих<айловича> разбирать архив Сологуба и составлять опись. На поверхностную опись – нужны недели, на полную – месяцы, а на разработку архива – годы и годы[3]. Но это уже дело будущих исследователей.

Ну вот – жду ответа. Крепко обнимаю и целую. Клавдии Николаевне от всех нас сердечный привет; хорошо бы и ей попасть в Питер (– в Царское Село!). Места много, устроимся – только бы Вы приехали.

Любящий Вас всегда Р.Иванов.

[1] См. п.190.

[2] Е.И.Замятин состоял (наряду с К.А.Фединым) заместителем председателя Ленинградского отделения Всероссийского Союза Писателей.

[3] О разборке архива Ф.Сологуба и передаче его в Пушкинский Дом см. письмо О.Н.Черносвитовой к Т.Н.Чеботаревской от 13 апреля 1928 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С.317-320. Публикация М.М.Павловой).

192. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
25 декабря 1927 г. Москва[1].

Москва. 25 декабря 27 года.

Дорогой, родной, близкий Разумник Васильевич, –

С праздником!

Не сердитесь, что не отвечал: страшно работал; и очень переутомился; и – здоровье подхрамывает; ничего особенного, а нет дня, чтобы с какой-нибудь стороны не укусила тебя какая-нибудь мелочь: то голова, то кашель, то сердце, то мышцы, то зубы, то... – постоянно подлечиваешься; и какая-то общая усталость и вялость; и точно отняты «*слова*»; и парализована воля.

Первый жест после получения письма – откликнуться; да так и не откликнулся до второго Вашего письма; внешним образом потому, что спешно должен был окончить мою работу «Ритмический жест и "*Медный Всадник*"»[2]. Сжимал где мог, а все-таки получилась рукопись в 150 страниц; и не это главное, а то, что я должен был зáново критически анализировать весь мой метод, прежде чем подать его публике; и в том, *как* подать, и *что* выбрать, *что* опустить, все это были для меня *вопросищи*, взывали к перечтению всяких метрик, «жирмунских» и «томашевских»[3]; ведь я от «жеста кривой» уходил годами; и лишь случай свел с кривой «*Всадника*»; когда меня попросили записать реферат, я думал, что это работа недели; а вышла работа 2<-х> месяцев; да и наконец самая кривая «*Всадника*», я ее счислял, пересчислял, пере-пере-пере-счислял; все в ней требует величайшей точности: 1) в самих действиях с числами (иногда несколько дней вылавливал по малюсенькой ошибке), 2) в установлении принципа разбиения на отрывки (окончательная установка текстовых групп), 3) в проверке *слуховой записи* (чрезвычайно трудной в поэме); вещи, о которых и не подозревают «*профессора*», пригвождали меня к цифрам и проблемам на недели; например: ужасные спондейные формы[4]; или вопросы о «*мимикри*» полуспондеических форм, поправочные коэффициенты на разрывы строк (о «*enjembement*»)[5]; номенклатуры-то нет; приходилось самому, одному, и ставить, и разрешать проблемы слуха; и разрешать «*скрупулезно*»: словом – не спал, не ел, похудел, отощал, ослабел; и наконец впал в ту сонную одурь, при которой силы хватало лишь на текст работы, отваливаясь от которой, впадал в *прострацию*.

Милый, Вы не думайте, что я не пережил *глубочайше смерть* Федора Кузьмича[6]; и именно потому, что нет «*слов утешения*» и слов выражения своей неподдельной скорби, а есть «*Слово*», а «*Слово*» это во мне обмерло в эти дни, – я и молчал.

Теперь о вечере.

Представьте, – садясь за письмо, не знал, что ответить, да и сейчас не уверен, что знаю: 1) страшно хочется исполнить свой долг, 2) с Вами провести несколько дней; только для этого б и приехал: пожить с Вами и исполнить долг перед памятью того, кого ощущаю своим учителем. Все это «*за*» приезд; пугает Ваше извещение, что если я приму участие, *то будет взят зал Филармонии* (страшный, неуютный), если *нет* – Капелла; а между тем: бывают минуты, когда хочется сжаться, быть неярким,

онеметь, молчать; и я в таком настроении; кроме того – страшно измучен, а меня и тут теребят: 1) еженедельно курсовая лекция у Мейерхольда[7], 2) есенинский вечер[8]; и все-то – *по долгу*: против воли... Далее: года не касался книг Федора Кузьмича, забыл; книг нет, достать негде;

Сам я и беден, и мал,
Сам я смертельно устал –
Чем помогу?
(Ф.Сологуб)[9].

Если б и принял участие, то – «из-за спины других»; и не более 20<-ти> минут; т.е. – если бы план вечера совершенно не связывался с моей ощипанной личностью (ощипаны силы, выщипаны мысли, нет жизни слов во рту – бывают такие периоды), мне было бы легче приехать, честно исполнить долг; а помыслю, что для «*Филармонии*» надо что-то сказать, т.е. выдавить из себя, – и ужасаюсь; и, как Иван Ильич, застаю себя на крике «*не мог-уууу*!..»[10] (Язык прильпе к гортани).

Еще признаюсь Вам по секрету: я в периоде антропофобии; определенно *никого не хочу видеть*; единственный смысл – увидеть Вас да Дм<итрия> Мих<айловича>; с Вами, у Вас будет легко; везде – трудно; я, как никогда, – «*кучинский бирюк*».

И вот на письме к Вам принимаю решение: *приеду*; но поскольку в этом решении перевешивает желание Вас и Дм<итрия> Мих<айловича> видеть, – то: я приеду за несколько дней до вечера; Вы никому не скажете, что я приехал; Вы меня снабдите книгами Федора Кузьмича; проведем действительно вместе эти дни; и на другой день после вечера я уеду; поеду же на вечер с билетом в кармане, чтобы не зацепиться ни за свидания, ни за какие бы то ни было «вечера». До вечера хочется быть инкогнито; я, действительно, очень устал, здоровье слабо, надо писать «*Москву*», а вермишель из маленьких дел опутывает с виду небольшими, а на самом деле цепкими узами; и все для одного – высосать нужные силы, нужную волю, чтоб написать «Москву»; я знаю эти уловки судьбы; ты бежишь, высунув язык, к цели: окончить очередные суеты, выспаться перед многомесячным трудом и иметь ту паузу *концентрации* внимания, без которой нельзя приняться за работу; а кругом – подставляется: вот только «*последнее дельце*»; последняя статейка, последний реферат, из которого растет книга в 150 страниц (пусть интересная работа, но – отвод от поставленной цели); вот – курсик, вот – литер<атурный> вечер; вот – болезнь; вот – что еще; а ты бежишь, бежишь, высунув язык, по «*неделям*» (всегда – «*последняя неделя*», и ты де свободен!); а недели слагаются в месяцы, месяцы – в полугодия; вернусь из Ленинграда, – явится Мейерхольд, схватит за бока: «Ну ставим “*Москву*”!» И опять побежишь от «Москвы»-романа к «Москве»-драме.

Я в отчаянии от прошлого года; заложив неоконченную книгу «История самосознания» для писания «*Москвы*», я, высунув язык, пробежал по зиме, кончая очередные, последние работы; и очутился усталый до последних пределов в Батуме, где, опять-таки, *море* и *неприятности* сорвали работу; а потом привалился Кавказ: до «Москвы» ли.

Вот уже второй год длится бегство «*по последней неделе*»; и этот обман, что последняя неделя – «*последняя*», теперь более всего утомляет меня; и я, как Гоголь перед 2-м томом «*Душ*», начинаю испытывать просто моральное страдание: не написав 2-го тома, я не могу зажить тем внутренним строем жизни, каким мне ***пора*** зажить; и я себя ломаю, чтоб написать; но и этот излом маревом «*последней*» недели и моей слабостью (неумением противостоять!) становится двояким изломом: «Москва» мешает жить так, как хотел бы; «*Москву*» мешает начать «*последняя*» неделя, не отпуская ни к работе внешней, ни к *покою работы внутренней* (без которого тоже жить не могу).

Заколдованный круг!

И Вы поймете, дорогой друг, – до чего мне трудно было решиться опять отодвинуть к февралю начало работы над «Москвой»; я все усилия употреблял разграбастать «*делишки*» до 1-го января; и новый год начать паузой пред работой.

Опять ритмы нарушены.

Опять с высунутым языком с ощущением пропущенной зимы добежишь до весны, измученный более всего «*неделанием*» (всегда пребывал в «*делах*» недели).

Итак, дорогой, жду точнейшего уведомления, когда вечер, чтобы дней за 5-6 выехать к Вам; и нигде в Ленинграде не появляться.

Остаюсь горячо Вас любящий

Б.Бугаев.

P.S. Варв<аре> Ник<олаевне> и Иночке привет от меня и К.Н. (которая Вам шлет привет, очень хотела бы приехать к Вам; да – не может: объясню).

[1] Ответ на п.190 и 191. Ср. запись Белого за 10 декабря 1927 г.: «Письмо от Р.В.Иванова» (*РД*. Л.132).

[2] Ср. итоговую запись Белого за ноябрь 1927 г.: «Весь месяц писал книгу "*Диал<ектика> ритма*" и вычислял», – а также его запись за 23 декабря: «Работа: кончил книгу "Диал<ектика> Ритма"» (*РД*. Л.131об., 132).

[3] Имеются в виду книги «Русское стихосложение. Метрика» (Пг., «Academia», 1923) Бориса Викторовича Томашевского (1890–1957) и «Введение в метрику. Теория стиха» (Л., «Academia», 1925) Виктора Максимовича Жирмунского (1891–1971). Согласно записям Белого (*РД*. Л.131об.), в ноябре 1927 г. он читал также «Трактат о русском стихе» (ч.1. Органическая метрика. Изд.2-е. М.; Пг., ГИЗ, 1923) Г.А.Шенгели.

[4] Спондей в силлабо-тоническом стихосложении – условное название сверхсхемного ударения в стопе ямба или хорея.

[5] Enjembement (*фр.*) – перенос: несовпадение синтаксической и ритмической паузы в стихе, когда конец фразы не совпадает с концом стиха.

[6] Ср. запись Белого за 5 декабря 1927 г.: «Смерть Сологуба» (*РД*. Л.132).

[7] В декабре 1927 – январе 1928 г. Белый читал студентам Гэктемаса лекции на темы «Слово как средство изобразительности», «Слово как орган творчества» (Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896–1939. М., 1976. С.416. Комментарии В.П.Коршуновой и М.М.Ситковецкой).

[8] Ср. запись Белого за 2 января 1928 г.: «Вечером выступаю на есенинском "вечере". Успех» (*РД*. Л.132об.). Этот вечер, приуроченный к 2-й годовщине смерти Есенина, состоялся в МХАТ 2-м; отдельные положения выступления Белого переданы в статье И.Рудого «Есенинщина справляет тризну», напечатанной в московской газете «Молодой ленинец» 4 января 1928 г. (№3). См. также: Вечер памяти Есенина (2 января во втором МХТ) // Читатель и писатель. 1928. №1. 7 января. С.9. По стенографической записи, сохранившейся в архиве С.А.Толстой-Есениной, выступление Белого было опубликовано (с сокращениями) В.А.Вдовиным в «Литературной России» 2 октября 1970 г. См.: Андрей Белый. Из воспоминаний о Есенине // О Есенине. Стихи и проза писателей – современников поэта. М., 1990. С.383-385.

[9] Неточная цитата из стихотворения «В поле не видно ни зги...» (1897). См.: Сологуб Ф. Стихотворения. («Библиотека поэта». Большая серия). Л., 1975. С.186.

[10] Подразумевается предсмертный крик Ивана Ильича («Не хочу!») – в гл. XII повести Л.Н.Толстого «Смерть Ивана Ильича» (1886).

193. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
13 января 1928 г. Ленинград.

13 янв. 1928.

Борис Николаевич, дорогой друг, простите великодушно: молчал, потому что со дня на день ждал от Правления Союза сообщения – когда будет вечер[1]. Но – только 14-го (завтра) состоятся перевыборы Правления[2], только 16-го (в понедельник) будет первое заседание, когда и будет назначен день (– не раньше 30 янв<аря>!). В тот же час, как узнаю точно, – черкну Вам; мне обещали, что предупредят Вас *за две недели* до вечера.

Так значит – ждите письма; страшно рад, что мы скоро свидимся и что Вы снова проведете у нас хоть несколько дней (побольше бы!). Пишу и Клавдии Николаевне. Все мы шлем Вам сердечный привет – и ждем; а я – крепко обнимаю Вас.

Искренно любящий Р.Иванов.

[1] См. п.191. Иванов-Разумник откликается на письмо-открытку К.Н.Васильевой от 9 января 1927 г. (полученное 12 января): «Пишу Вам по поручению Б.Н., который беспокоится, не получая от Вас ответа. Ему важно было бы знать заранее: состоится его поездка, или нет. Свое письмо он писал Вам из большой усталости среди трудной работы и в наступающей праздничной суете. Поэтому, может быть, оно прозвучало слишком эмоционально и недостаточно определенно выразило его готовность откликнуться на Ваше предложение» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24. В тексте упоминается п.192). В конце письма – приписка Белого:

«Милый друг, – с новым годом Вас поздравляю и всех Ваших.

Б.Бугаев.

P.S. Мне нужно знать заранее, – еду ли в Детское, нет ли – для распорядка дел в Москве».

[2] 14 января 1928 г. на заседании Правления Ленинградского отделения Всероссийского Союза Писателей вечер памяти Сологуба был назначен на 30 января (см. вступительную статью А.Ю.Галушкина и М.Ю.Любимовой к публикации переписки Сологуба и Замятина: Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С.387).

194. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
18 января 1928 г. Ленинград.

Дорогой Борис Николаевич,

спешно пишу на вокзале – завтра повторю заказным: вечер назначен на ***30 янв****<аря>* (понед<ельник>)[1]; в случае перемены (может быть отложен до 6-7 февр*<аля>*) – Вас не позднее 20-21 янв<аря> известят телеграммой. До завтра, – до письма.

Обнимаю. До скорого свидания.

Любящий Вас Р.Иванов.

[1] См. п.191, 193.

195. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
20 января 1928 г. Ленинград.

20 янв.1928.

Сердечно любимый друг Борис Николаевич,

получили ли Вы мою открытку, спешно написанную на вокзале третьего дня?[1] В ней сообщалось, что вечер памяти Ф.К.Сологуба (в Капелле!) состоится в понедельник 30 янв<аря>, а если де будет перемена, то Вам дадут знать телеграммой. Перемена уже состоялась: вечер *окончательно* назначен на *среду 1 февр<аля>*[2]. А так как я не уверен в аккуратности Союза Писателей и в их телеграмме, то на всякий случай пишу это письмо – тоже наспех, чтобы опустить в ящик на вокзале. Не могу Вам сказать, как рады мы при мысли, что на днях вновь повидаемся с Вами, снова «почайничаем» уютно по вечерам и по ночам! Кстати: *на днях* получил Ваше письмо от *23 окт<ября>* (!)[3], где Вы пишете о чае, как единственной теперь форме *нашей* общественности. Так оно и есть, конечно; а потому с тем бóльшим нетерпением жду Вас – повидаться и поговорить хоть раз в год без бумаги и пера. Если бы собралась с Вами Клавдия Николаевна, было бы чудесно! А разместимся мы легко.

Хорошо, если за несколько дней до приезда сообщите хоть открыткой: буду тогда-то. Не успеете открыткой – можно и телеграммой. А можно и без открытки, и без телеграммы, – все равно ждем Вас ежедневно. Во вторник и пятницу (24 и 27 янв<аря>) я должен быть в городе по делам; но Варв<ара> Ник<олаевна> все равно дома. Только просьба: *не* приезжайте в воскресенье (т.е. *не* выезжайте в субботу), т<ак> к<ак> воскресенье у меня – довольно густой день: приезжают незнакомые из города, заходят провинциальные обитатели (в том числе и переселившийся в наше уютное место Петров-Водкин). Приезжайте *до* воскресенья; о том, что приедете, не сообщу никому. Усажу Вас днем за Сологуба (у меня есть все, написанное – т.е. напечатанное – им); а за чаем среди других разговоров – расскажу Вам и о Сологубе нечто потрясающее (не плохое, но невероятное), что открылось лишь теперь после его смерти и что историки литературы узнают когда-нибудь через десятки лет.

Пишу это письмо в той комнате, где умирал и умер Фед<ор> Кузьм<ич>[4], за его столом, его пером; против меня – Дм<итрий> Мих<айлович> кончает опись рукописей Сологуба[5] (Дм<итрий> Мих<айлович> шлет сердечный привет и рад Вашему приезду). Заканчиваем краткую опись архива и на ближайшей неделе сдаем его в Пушкинский Дом.

Значит – ждем. Ух, как рады!

Крепко обнимаю и целую. Варв<ара> Ник<олаевна> и Ина – ждут.

Любящий Вас Р.Иванов.

Клавдия Николаевна – приезжайте! Ждем все трое! Р.И.

[1] Подразумевается п.194.

[2] В комментарии Иванов-Разумник указывает, что «вечер памяти Ф.Сологуба был 28 января» (Л.28об.), однако это сообщение расходится как с текстом настоящего письма, так и с рассказом Г.И.Чулкова в письме к Н.Г.Чулковой от 2 февраля 1928 г. о состоявшемся накануне сологубовском вечере («Вчера читал о Сологубе») – *РГАЛИ*. Ф.548. Оп.1. Ед.хр.482. Кроме того, вечер, посвященный чтению неизданных произведений Сологуба, назначенный сначала на 6 февраля, состоялся лишь месяц спустя после этого дня – 5 марта 1928 г. в закрытом заседании Ленинградского отделения Всероссийского Союза Писателей (Фонтанка, 20). См.: Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С.387-388 (статья А.Ю.Галушкина и М.Ю.Любимовой).

[3] Имеется в виду п.187, отправленное с оказией (по всей вероятности, не с Д.М.Пинесом, как рассчитывал Белый).

[4] С октября 1921 г. Сологуб жил на Петроградской стороне в доме 3/1 на углу набережной реки Ждановки и Малого проспекта (кв.22).

[5] См. примеч.7 к п.190, примеч.3 к п.191.

196. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
26 января 1928 г. Кучино.

Кучино. 26-ое января 28 года.

Дорогой Разумник Васильевич,

ведь это просто несчастие, которое трудно даже объяснить на расстоянии; взял билет, ликвидировал дела, даже боялся, что что-нибудь случится, что расстроит поездку (я – суеверен в этом отношении), с билетом в кармане говорил себе: *теперь-то уеду*; накануне дал телеграмму[1], собрался; в ночь – страшное недомогание; утром – сильная боль горла, жар, голова и т.д.; думаю, – с легкой ангиной как-нибудь перекачусь; собирался до 5<-ти> часов; в 7 должен был уезжать[2]; и совершенно так же, как в августе, за 1 1/2 часа выяснилось: ехать – безумие. Решил отложить на три-четыре дня; для верности пригласил доктора; и – вот: сегодня доктор сказал: основательная фалликулярная жаба, которой теченье – с неделю; ехать – безумие; хотел даже написать свидетельство об этом, дабы я Вам переслал в Ленинград; но я сказал, что мне и так поверят (ведь не подумаете же, что я Вас подвел); шлю телеграмму такого сорта, чтобы она могла служить оправдательным документом (для устроителей, что ли); чувствую огромную досаду; я не привык подводить людей[3].

Но Вы видите сами, что получается, когда сдвигаются ритмы; я всю осень и зиму очень слаб; всякие случаи (простуды, порезы и прочие мелкие напасти), точно присев вокруг, ждут случая вцепиться; мое здоровье странно связано с Кучиным; едва передвину ритмы, – вот что случается; осенью не было жабы, но было общее недомогание; причина, вероятно, та, что *насильно* заставил себя для Мейерхольда переработать «*Москву*»; итог – не попал в Ленинград[4].

Теперь – то же; рвался к Вам; очень хотел почтить память Федора Кузьмича; одно лишь: ведь я в спешном порядке Тихонову готовлю книгу о кавказских впечатлениях, – книгу, которая, *опять*, легла поперек романа[5]; Тихонов ждет и гонит; я стараюсь загрунтовать гонорар, ибо «*Субботники*» деньги *претуго* платят[6]; летел на перекладных с писанием; и лишь грустил, что поездка в Ленинград теперь – «*maximum*» рабочих моих неудобств при «*maximum'e*» моральных приятностей.

Но так сложилась жизнь, что либо – *работа*, либо – *душевная приятность*, а при ослабленном организме всякий раз, когда пытаюсь обнять *то* и *это*, получается такой подвох, как вчера.

Тут что-то роковое: два раза, купив билет, остаться[7]; и главное, – точно предчувствовал, уже имея билет, что это случится. *И – случилось.*

Странные со мной вещи бывают. Обнимаю Вас, горячий поклон Варваре Николаевне и Иночке привет и уважение.

С грустью, что *без вины оказался* виноватым, и с горячей любовью

Борис Бугаев.

P.S. Эх, приехали б в Кучино! Видите, что судьба решительно не пускает в Ленинград! Приезжайте!

[1] Текст телеграммы, переданной Иванову-Разумнику 24 января: «Буду четверг Бугаев» (четверг – 26 января).

[2] Имеется в виду отъезд из Кучина в Москву – на поезд из Москвы в Ленинград, отправлявшийся вечером 25 января.

[3] Текст телеграммы, переданной Иванову-Разумнику 26 января: «Не судьба. Ангина. Мысленно участвую в вечере, посвященном дорогой памяти Федора Кузьмича. Андрей Белый». Ср. запись Белого за 25 января: «Второй раз с билетом в кармане не поехал в Ленинград. Ангина» (*РД*. Л.132об.).

[4] В тот же день К.Н.Васильева писала Иванову-Разумнику: «Чем объяснить это странное несчастие с поездками Б.Н. в Ленинград? Каждый раз основательные сборы, укладка, ликвидация дел, билет... И за полтора часа до отъезда – выясняется, что ехать нельзя. <...> Грустно, что как-то не может все состояться встреча Б.Н. с Вами, дорогой Разумник Васильевич. А она так нужна была бы для Б.Н. <...> Он всю осень прихварывает. То какие-то странные состояния между головой и сердцем, то с дыханием трудности, то желудок, то руки, то ноги... глаза... Перебирает от одного к другому» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

[5] Роман – задуманный 2-й том «Москвы». А.Н.Тихонов фигурирует здесь как один из руководителей артели писателей «Круг», с которой была достигнута договоренность об издании книги Андрея Белого о путешествии в Грузию, основанной на его дневниковых записях 1927 г. К работе над книгой «Ветер с Кавказа» Белый приступил в январе 1928 г. (ср. его запись за 10 января: «Начал "*Ветер с Кавказа*"» – *РД*. Л.132об.).

[6] Издательство «Никитинские субботники» в 1928 г. осуществило переиздания романов Белого «Петербург» и «Крещеный китаец».

[7] Ср. п.184 и 185.

197. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
7-10 февраля 1928 г. Кучино.

Кучино. 28 года. 7-ое февраля.

Дорогой друг!*

Пока читал Ваше сообщение о Ф.К. и отрывки из его стихов, у меня было чувство, что меня обваривают кипятком[1]; со страхом передал листки К.Н., и с ней чуть не сделалось дурно: это – *такой ужас, о котором* лучше не думать: хочется бросить золотой Аполлонов ковер над бездной бреда; чтó заключительные сцены 2<-ой> части «*Москвы*» по сравнению «*со всем этим*»? Там – миг ужасной пытки; и – прорыв к освобождению, хотя бы чрез утрату разума; тут – 65 лет жизни перманентного острого бреда, переживаемого хронически, ставшего «*Хроникой сологубовского быта*», перед которой все заострения острейших страниц его книг – ничто; и как итог этого 65-летнего тихого, вынужденного сумасшествия (ибо – *навязанного* с младенчества) – не вскрик безумия, как у Коробкина, а – «*мудрость*» с пролетом в просветление, а,

---

* *Первый лист письма утрачен (текст начинается с л.2 по авторской нумерации). Датировка и обращение вписаны рукой Иванова-Разумника.*

может, и по-своему просветленная; перед фактом *такого* бытия стоишь с растаращенными глазами и не находишь рубрики; я, действительно, не знаю, как *это* назвать, т.е. как назвать то, что вытекло из пере-пере-измученности тихого, хорошего ребенка, каким мне видится Ф.К. 3-4-х лет, пока это еще не сломало до конца его «*тел*» (ибо все же надо было время, чтобы физическое истязание изломало эфирное и астральные тела, потом душу и т.д.); что же случилось: *мученик* в христианском смысле, но мученик без исхода мучения (ибо *смерть* для замученного есть исход), мученик, оправдавший ужас и бред, разразившийся над ним, в дальнейшем вырастании становится без вины «*извращенным*», но так странно, что обычные представления отмыты; и просто не знаешь, как же *это* назвать, в каком освещении брать; вот уж действительно Гордиев узел, в котором связаны и неразвязуемы представления, – «*невинный мученик*», «*подвижник*», «*самоистязатель*», «*преступник*», «*буддийский мудрец*», индейский факир, сидящий при дороге с вывороченными суставами[2].

Боже мой, – до чего в *ином свете* встают образы творений Сологуба: все то, что о них говорилось и шепталось зло, – «*не то*», «*не то*»; шепталось, что Сологуб имеет нечто от садизма в своем творчестве; а он – во-первых: *жертва*; во-вторых: невинная; и в-третьих: в итоге безвинных страданий ряда лет по жизни ходит рядом с нами не святой с *нимбом*, а сухой, «*злой*» старичок, Федор Кузьмич Сологуб (я пишу «*злой*» в кавычках: это – не то слово).

Хочется белугой реветь: что же это такое?

Скажу: быт такой жизни повергает меня в ужас, лихорадку, негодование, почти омерзение; *и подчеркиваю*: в этом ужасе, негодовании «*Я*» Федора Кузьмича стоит незатемненным: *чем же он виноват, что над ним случилось такое*? «*Такое*» – телесный наряд, прилипший к нему, как одежда кентавра Несса, прилипшая к Гераклу; Геракл, убивавший гидр, поддерживавший с Атласом небо, – погиб от отравленной одежды им убитого кентавра Несса. Когда-то, когда я писал этюды «*Сфинкс*», «*Феникс*»[3], я хотел написать этюд «*Кентавр Несс*»[4]; тема смерти от отравленных одежд Несса мне музыкально слышалась, а оформить ее не сумел; так и не написал; а теперь, через 25 с лишним лет я написал бы этот этюд «*Одежда Несса*»; но можно было бы озаглавить его и иначе: «*Чудовищное житие старца, Федора Кузьмича*»[5]. И больше ничего не умею придумать: «*чудовищно*», а – виноват ли? Геракл – герой, победитель многих гидр и химер духа – падает жертвою отравленной одежды побежденного им чудовища; *победа* – победа тихого мальчика, невинного, истязуемого ребенка; он младенческой любовью силится подняться над бредом, как умеет; и морально, в искре «*Я*» выходит победителем; «*чудовище*» злобы как бы преодолено: любите истязающих вас – достигнуто; Несс – убит, а проклятое наследство Несса, злоба и истязание, прилипая к телу, становится телом: горят тела; и в этом «*адском огне*» не совершается просветление; «*жало зла*» становится «*жалом самоистязания*»; и сухой огонек его ожигает и других: любил Ф.К., будучи «*строг*» (?!?) к себе, иногда для ради юродивой пользы другим, быть с этими другими «*строгим*».

И отсюда уже выплетается в десятках лет «*иога строгости*», от которой бросает в холод и дрожь, в омерзение и негодование, – повторяю: *не к нему*, ибо он, если и не «*нечист*», то, конечно, и не «*чист*»; «*чист*» и «*не чист*» в этом ужасном случае «*жития*» утоплены: что сказать; «*непонятное*» явно подняло голову над понятным: кричит на всех нас из этой 65-летней жизни, обитающей тут же, рядом, за стеною[6], приходящей к нам пить «*чаи*» и поучать нас действительно душистым медом дней жизни; а нам всем – «*невдомек*», что там происходит, потому что не может «*домекнуться*» наше рассуждение о жизни до жизни: не говорит, а «*мемекает*»; разве можно *знать* тем способом, каким мы *знаем*, узнаем, – знать о жизни что-нибудь; «*невнятное*», которое «*смемекалось*» нам и лежит у нас на полочке под рубрикою «*быт русского обывателя*», будто бы нам известный, есть потрясающий душу ужас и бездна (а не то, что декаденты с Л.Андреевым выдумали эти слова); этот быт – во-первых: *мамаша*; во-вторых – сестрица[7]; в-третьих (особенно страшно): прислуга Даша. Вот так *Даши* да *мамаши*; ужас! ужас! Что делают с детьми? Это моя тема: в «*Преступл<ении> Ник<олая> Летаева*»[8], я, испытавший 1/10 000 000 *напраслины* не ради сведения счетов с бедной мамой, которую горячо любил, которая так просветилась в последних страданиях жизни, – в «*Прест<уплении> Ник<олая> Лет<аева>*» я тему «*без вины виноватости*» вывел сознательно, ибо тема безответствен-

но<го> ломания жизни ребенка (чаще всего по неведению) есть самая гражданская тема из всех гражданских; мои родители (прекрасные, каждый в своем разрезе) измучили и изломали меня: мои главнейшие *окаянства* суть последствия ломки; живя у Анненковых в 24-25<ом> годах, я видел – *то же*, но в форсированном темпе; и я кончил тем, что уехал от них, ибо не мог видеть (скорей, слышать) застенную жизнь, ибо оставалось либо принять грех соучастия в ломке молодых жизней, либо, связавши В.Г.Анненкову, – да-с: *вы-по-роть* ее![9]

Я уехал: в Кучино.

Опять: В.Г.Анненкова – не «*неплохая*», а – больная: самотерзательница и истязательница других (в минуты припадка), чтобы потом ужасаться того, что наделала.

Но что все это перед уродством «*жития*» знаменитого писателя, – уродством, в которое его зашили, как в рогожу, дабы он прокричал, как мой Коробкин, на весь мир: «*Се – есть*!»

Огромное, больное, большое юродство: огромный юродивый, которого жизнь стала «*неблагоухающим*» подвигом, не меньшим, чем подвиг А.Добролюбова[10]; и – подвиг, конечно, есть подвиг: *отрицательный результат* положительного преодоления, т.е. сплошное «–» на «+» дает «–».

Ибо «*это*» ж – минус, в котором и «+» огромен: его же не зачеркнете Вы?

Голубчик, личность Федора Кузьмича не только не померкла для меня, – наоборот: до плача люблю его, жалею; если бы узнал «*это*» о нем при жизни его, – рвался бы к нему с иррациональным сердечным плачем, чтобы хоть чем-нибудь отогреть эту неотогретую жизнь; и рвал бы метафорически на себе волосы, что уже – поздно: не отогреешь; различайте: отвращение от «*слюней*» Анны Павловны Задопятовой, разбитой параличом, и от запаха, исходящего от нее (ибо – делает под себя), – от благоухания ее «*глаз*» – больших, над собою вставших[11]. Не боюсь сказать: Ф.К. жил в *смраде*, а не только душном воздухе; и уже поздно было изменять причину *смрада*; но тот, кто из-за этого *смрада* тронет его бессмертное «*Я*», – *анафема* тому!

Вот мое отношение к этому ужасу: чем он виноват? Он, бедненький, – не *виноват*; он, вопреки своему смраду, через все, вставши *над*, бросал Небу: «*В руки Твои испускаю дух мой*!»[12] Какие же силы жили в нем, чтобы, так разложившись в телах и с ними склеенных нижних душевных пластах, иметь силу в «*Я*» встать, да еще приподнять на прокаженные руки «*одр свой*»; а ведь он с *этим одром* на руках являлся из-за стены к Вам; и я – свидетель той благоухающей мудрости, которая – не чрез смрад, а вопреки ему, – вставала под небо.

Стоя над этим «*страшным случаем*», в котором силы добра и зла так сплетены, что и не расплетешь, – не знаешь, чему содрогаться: *силе* ли зла (что *вот* чем окружены: ибо это наша застенная жизнь), или *силе* добра, что – «*тем не менее*».

Мне – ясно: надо гигантским шагом перешагнуть через стену; и – *увидеть*: хотя бы то, что надо строить критерии на каком-то грунте, которого все еще – нет у нас, ибо сумма нашего грунта умудряет нас в вопросах «*общего*»: когда мы говорим о *мире*, *истории*, *культуре*, мы – умны; когда мы поворачиваемся на «*малый круг*» забот, мы – ходим со всеми нашими умностями над трясиною бездны, откуда вылезает: сюрприз за сюрпризом.

Ибо «*сюрприз*» сологубовской жизни есть бросающий в трепет гигантский символ, к нам всем обращенный: чудище *стоглавое, озорное*[13] стоит и рычит за стеной; мы же говорим: там – все спокойно; оттуда приходит Федор Кузьмич с рассказом о *Льве*, как разъялись стены и вошел из разъятия зверь; и – «*тяжелую на его грудь положил лапу*»[14].

Мы – под «*лапой*», Разумник Васильевич, а до сих пор мы «*отфыркиваемся*» от зверя: ничего – нет; все – выдумано; ну а – «*мамаша*» с «*прислугою Дашей*», в каждом городе заключающая подобные «*монструозные знакомства*»? Тут и учитель «*Силька*» (так – кажется?).

Считаю громадным рассказ Леонида Андреева – «*Проклятие*»[*15]; там «*зверь*» дан во всемирно-историческом размахе; там берлинский зоологический сад – весь Берлин; живя в этом Берлине, я с ним «*встретился*»; оттого и запил: от ужаса; со времени Л.Андреева он еще больше освирепел: стена, отделяющая его от нас, стала –

---

[*] *Зачеркнуто*: «Проклинающий зверя».

тоньше; каждый, будет минута, с ним встретится; и «*тяжелая на его грудь*» будет положена «*лапа*», если вóвремя не освободить, не перевоспитывать *зверя*; *зверь*, – я разумею не имагинативный образ, а нечто, еще более страшное; мне, например, вспоминается васильевоостровская квартира Федора Кузьмича, в которой я бывал в 1905 году[16] и в которой меня охватывал ледяной ветерок, отчего я старался как можно меньше бывать на этой квартире; там к чаю из темных коридоров выходила в скромном, в темном, – бледно-бесцветная, пресная, ничем не замечательная... «*Федор Кузьмич*» в юбке – без глаз Ф.К., без печати интеллектуализма: сухая, как спичка, чухонка с морщинками на брысом, бледно-мертвом лице (белые ресницы, бело-желтые, жиденькие, гладко зачесанные волосы, будто смасленные): одёр, кожа да кости; теперь, после *узнанного*, вспоминаю, что кривенький сдерг вниз тонкой бело-желтой губы (отчего делалась морщиночка у носа) этого серо-мертвого существа, – в мое подсознанье входил олицетворением того именно озноба жути, который в наивности я себе называл «*скукою*» квартиры Федора Кузьмича; это и была... «*сестрица*». Слушайте: так ведь сидела-то, разливала нам чай – ... сама... *Не-до-ты-ком-ка*![17]

Безвидная, сидела рядом: и лишь Ф.К. знал, кто сидит: но приходил час: падали стенные перегородки, и *Лев* – «*тяжелую на его грудь клал лапу*».

Знали ли мы, молодые поэтики, перед чем сидим и с кем пьем чай?

Напомню, что второй подступ первого Стража Порога[18] – тоже «*лев*», проходящий из стенной дыры в комнату обреченного; во-вторых: в ретушах доктора этот «*лев*» – *страшная женщина*, которую надо не только укротить, но и *переродить*, иначе от «*льва*» – погибнешь.

Вся жизнь Ф.К. – ужасно страшный, погибельный случай аномалии: преждевременная встреча со «*львом*», неизвестно почему (я – не знаю, откуда такая *карма*) окончившаяся аномалией обратного перерождения, т.е. подчинением* *пасти льва*.

Вместо укрощения льва – произошло: укрощение львом личности, в котором, конечно, человеческому «*Я*» грозила ужасная опасность.

Меня охватывает трепет, дорогой друг: жизнь Блока, жизнь Брюсова (узнались некоторые штрихи, о которых когда-нибудь скажу, – рассказывала художница Остроумова[19], – заставляющие меня *за-ново* осериознить мои «*странные*» отношения с Брюсовым в эпоху 1904–1905 годов), жизнь Добролюбова, жизнь Сологуба: «*страшно, страшно быть символистом, коснуться этого*», – так пародировал бы Гоголя[20], если бы у меня не было уверенности, что «*Бог – не выдаст, свинья – не съест*»; и уповаю, почти уверен, что «*мировая свинья*» не съела «*Я*» мудрого Сологуба и что страшный случай ограничился лишь одеждами Несса, сжигающими тела, но не бессмертное «*Я*».

В связи с Сологубом: дела давно минувших дней; в 1908 году я написал «*аховую*» статью «*Ф.Сологуб*»[21]; как ряд статей того периода, она была исполнена «*ужимок*» (где игра парадоксов переходила в «*ужимочки*»); с этими «*ужимками*» в себе я потом покончил; но «*ужимка*» всей статьи была утрировкой «*ужимки*», допущенной Сологубом с его «*Чур-чурашки*». В ответ на «*чур-чурашки*», или наговор «*сологубизма*», я хотел собственно ответить анти-наговором, обращенным к Сологубу: отколдованием Сологуба от него самого.

Теза всей статьи: там, где Сологуб ставит «–», надо ставить «+»; и обратно; тогда его «–» на «+» равно «–» становится: к «–» прибавляю «+» и обратно («–» + «+») на («+» + «–») = «–» на «–» = «+». В этой тональности и проведена вся статья (ее *сериозное намерение*, к сожалению, утопленное в игре дурного тона «*каламбуров*» в стиле сологубовского персонажа).

Вот ее тезисы: «*Сологуб – незабываемый изобразитель пустых ужасов*»; он – «*далай-лама из Сапожка*»; но – «*о, сапожок: не спасешь, но погубишь*» («Луг зел<еный>», стр.158). «*Человек – Недотыкомка*»: вот острие осознания «*сапожковской*» мифологемы; осознавши ужас, он – превращается «*в тоскливого, ... маленького вор-*

* *В автографе*: подчинению

чуна, ёлкича, у которого украли жизнь, зеленую елку» (<стр.> 159). Елка – эфирное тело (по доктору)[22].

Злой приехал мужичок,
Елку в город уволок.
Сологуб[23].

«Миленький ёлкич смерти протягивает маленькие ручки...» (<стр.> 159).

Тогда «*все разваливается... и богоспасаемый Сапожок скалится ужасом*» (<стр.> 164). Тогда – (цитата из Сологуба): «быстро выбегала из угла *длинная, тонкая лихорадка с некрасивым, желтым лицом... и ложилась рядом, и обнимала, и принималась целовать*» («*Призывающий Зверя*»). Она же – Юлия Петровна, от которой «*веет жаром*»: «Она хватала Передонова за рукав, и от этих быстрых, *сухих прикосновений словно быстрые, сухие огоньки пробегали по всему телу*». Напомню: «сестрица» – была «*длинной, тонкой лихорадкой с некрасивым, желтым лицом*» (лицо было – белое, ожелченное бледными губами, желтоватыми веками и бледно-желтым волосом); *лихорадка* – персонаж хронический, биографический; она – разливала нам чай.

Тут прибавлено о Ф.К. «*Но он не колдун*». В этом «*он не колдун*» и лежало серьозное намерение, укрытое смешком: мои в ответ на сологубовское «*чур-чурашки*» – *античура́шки*; вся статья – *античурашка*, т.е.: «***Но он не колдун***». И теперь хочу вопиять под небо: «***Он не колдун, а замученный жизнью ёлкич***» (с Брюсовым дело «*хуже*»: у того *проказа* подкралась уже к «*Я*»).

«Колдовство Сологуба – химера... Он в демонизме своем ***маленький, измученный ёлкич, у которого украли жизнь, зеленую елку***» («Луг зел<еный>», стр.166). Т.е.: *растлили* эфирное тело.

Далее: Сологуб для нашего устрашения прикинулся «колдунком», – «прыг на стол: сбежались к столу дети, а он им со стола: “Фу-фу-фу: все разложу”. Дети заплакали. “*Чур-чур-чур*!” Пришла мама и сказала:

Ёлкич, миленький, лесной,
Уходил бы ты домой.
Елку ты уж не спасешь,
С нею сам ты пропадешь».
(Ibidem)[24].

Мама разу<м>еется не «*мамаша... с Дашей*», а настоящая Мать, Скорая Помощница, проливающая слезы над всякой насильно растленной жизнью. Она – висит над моим столом: Лик Владимирской Божьей Матери. Такие, как Ф.К., именно у Нее находят милость понимания.

Далее: «*Не верьте, дети: это добрый наш... Федор Кузьмич Сологуб*» (стр.172). И – далее: «Сологуб перепутал основные понятия при совершенной правильности последующих вычислений; преобразуя уравнения, перенес известные величины в одну часть, а неизвестные – в другую, *позабыв переменить знаки на обратные*; ... ставим “*минус*”, вместо плюса» и т.д. «*Плюс, жизнь его, называем смертью; смерть – жизнью*» (стр.174). «Сологуб, переряженный в колдуна-армянина», – (одежды кентавра Несса) – «*поил нас водой смерти, мы брызнули... водой жизни, и стал уменьшаться колдун; остался халат да шапка; там что-то попискивало: это был милый, маленький ёлкич, запутавшийся в одежде. Дети, возьмите ёлкича, поставьте на столик: скоро ёлкич большим дядей вырастет. И дядя ёлкич вырастает – большой, большой*» (<стр.> 174).

Верю: смертью сброшены армянские *халат и шапка*, растленные тела, одежды кентавра Несса; милый ёлкич, т.е. ребенок Сологуб, приявший безвинно муку и ею замученный, – ненормально маленький, – сидел еще в 65-летнем старике, большом; это «*большое*», на нем налипшее, нечто вроде «*элефантиазиса*»[25]: разращение тел истязуемых, а *ёлкич*: сидел: маленький-мудрый Федор Кузьмич, когда пил чай у вас, то, может быть, сидел не на стуле, а на столе, ибо был размером не более чайного стакана: был сквозной от света, маленький, да удаленький в мудрости из страдания униженной жизни, а *то*, что сидело на стуле (седое и лысое), что капризничало, – так это ж не он; умирая, ёлкич уходил из смерти в жизнь, где он будет «*большой, большой*»; так утверждаю я в памяти своей, о нем творимой; и тут опять привожу Гете:

Фауста тоже вывлекли из оболочек «*маленьким*» (in Puppenzustand*); ангелы вздыхали над ним, что он так мало имел «*свежей жизни*», но что он здесь, в жизни, называемой смертью, растет, ибо *Мать* его спасла; а уже стоит Мариаинус, или дух «*Я*» Фауста – *большой-большой*. И хор мистиков поет: «Неописуемое – совершилось: Вечно Женственное поднимает нас»[26].

И знаете, – даже страшно сказать, что *поднимет* Сологуба в *жизнь вечную*: то, что хило, убого, по-ёлкичевски, свято пищало сквозь все ревы телесных зверей, влипших в него и извративших его: то, что «*Она – алтарь Живого Бога*». Не о «*ней*» он говорил, а о «*Ней*»; сквозь все он видел голубое:

Lasse mich im Blauen
. . . .
Dein Geheimniss schauen[27].

Не «*мамашу*» он видел, а Мать в голубом над мистерией истязания; но, малым умом, перепутал знаки: жизнь назвал смертью, смерть – жизнью; его «*мать*» – Недотыкомка (вместе с «*сестрицей*» и «*Дашею*»), а он имел веянье Матери; но ёлкич, ребенок, увидел эту Мать с большой буквы милой девочкой *Раей*, упавшей из окна (рассказ «*Утешение*» в «*Жале Смерти*»)[28].

«*Дым от ладана клубится по церкви... У алтаря ходит Рая, полупрозрачная. Вся она, как никто из живых, и прекрасная*» («*Утешение*»).

Начиналось «*das Schauen des Blauen Geheimniss*»**. И: «*проливающие кровь искуплены моею кровью*» («Баранчик»); но тут-то скривлялось все, ибо кривили «*невинного ребенка*» с детства; и вырастала «*шишка*» 65-летней «*сологубовской*» жизни, внутри которой жил в плену «*ёлкич*». Он не понял, что ёлкич, у которого украли ёлку, – не ёлкич, а... «*младенец Иисус*».

И из шипов они сплели
Венец терновый для него[29].

Милый, бедный, маленький, большой Федор Кузьмич сквозь... весь смрад убогой жизни. Будем же так о нем думать, так сотворять Память о нем, так помогать ему отсюда туда, ибо мы – можем и смеем; и *даны нам силы так делать*.

Но да... «*лобзанием не повем тайну Твою*»[30]: дорогой друг, – не надо, чтоб знали; и может быть – надо, чтоб никто никогда не узнал; когда стукнет час и *тайное станет явным*, пусть – узнается; но ради историко-литературных правд даже – не надо: *обхрюкает Недотыкомка, кладущая личинки в душу каждого*.

«*Лобзанием не повем тайну Твою*!»

Прочел, что написал о Ф.К., сидящей рядом со мной К.Н.; она – согласна со мной: «Не надо». Надо *любить* и *не надо помнить*; еще К.Н. прибавляет, что тут именно, в этом страшном случае, как спасительно знать, что человек не один, а состав и церковь, т.е. коллегия «*личностей*»: ужас «*личного*» бытия этого «*Я*», может ли он разрушить храм целого?

Знаете что, дорогой друг, – в этом смраде и ужасе не было «*хулы на Духа*», было жалобное вопияние из смрада и ужаса к... Духу же. А вот неизмеримо более «*приличная*» во внешнем жизнь Валерия Яковлевича (не сужу его) заставляет более опасаться: там жили микробы более страшных болезней, задавленные, но не побежденные, жили как... потенции; и оттого немо поднимались испарения под небо если не хулы, то... «*хульчишки*»; Брюсов *виновнее* в каком-то смысле (разумею традиционное понимание вины и не вины).

Совсем о другом – не о Брюсове, не о Сологубе, но и «*не без*»: ход мысли – рикошетом; у того же Макария вот есть какие фразы: «Князь века сего есть жезл вразумления и бич, наносящий раны младенчествующим по духу; и им... уготовляет великую славу... Чрез него строится... великое домостроительство... лукавое недобрым

---

* *в кукольном состоянии (нем.)*
** *созерцание голубой тайны (нем.)*

своим... содействует благому»* («*О терпении и рассудительности*», гл.6)[31]. В 4-ой мистерии доктора Люцифер грозит Бенедикту: «Ich werde kämpfen». Бенедикт отвечает: «*Und kämpfend Göttern dienen*»**[32]. Т.е. – слово в слово скликается: духовное знание четвертого века с дух<овным> знанием 20-го века; между – клином вшибленный VI век (т.е. от 6-го века до 20<-го> века – история церковности), в свете которого одинаково и Штейнер, и Макарий – *манихеи*[33]; что Штейнер «*манихействует*» – всем известно; о «*великом*» св.Макарии Египетском – молчок.

Вы не думайте, что я впал в пиетизм, – совсем наоборот; недавно я орал и кричал в пустых комнатушках Кучина над одной из «*свято-отеческих*» книг[34] (разумеется, уже 6-го века, когда как морозом хватило по *духу* христианства – ужасное время!); но Макарий возник передо мной вот в каком темпе: взял «*Заратустру*» и с неделю упивался им, как музыкой свободы; после «*Заратустры*» стал читать Макария, – и, к величайшему изумлению, понял, что то, до чего «*приподпрыгивал*» Ницше, не умея даже прикоснуться, этим иной раз владеет Макарий, как виртуоз-пьянист, – без прыжков, а стоя спокойно и уверенно – уже не на вершинах, а на облаках, проходящих над вершинами, причем – вершина Ницше – вершина XIX века, и *не на все* он отвечает в 1928 году; «*облако*» же Макария передвигается: и с вышин Макарий прямо смотрит иногда в условия жизни 1928 года: и дает прямые, изумительные ответы на злобы дня нашей жизни; это – не сравнение, и не оценка, но лишь – штрих к характеристике иных из «*слов*» Макария.

Один из первых афоризмов его, меня потрясших, таков (передаю по содержанию): престол нашего ума – Бог; но: *престол Бога – наш ум*!![35] Это же – типичнейшая черта всех подчеркиваний Доктора перед смертью; и это – афористически сформулировано в одной фразе Макарием.

Когда читал в «*Заратустре*», что Ницше советует крепкому, сильному отшельнику-монаху стать добрым, ибо, смеясь над добрыми, он смеется над «*слабыми*»[36]; но именно *доброта* есть следующее достижение за *великостью*, *силой* и *подвигом*; сильным подвижникам, только им, следует быть добрыми; до – доброта не действенна. И вот: Макарий встает и в биографии, и в словах – громадной силою, *продобревшей* в ницшевском смысле до... вот чего: больному монаху, капризничающему, хочется пастилки; и бородатый Макарий бежит из Ливийской пустыни в изнеженную лавочку сладостей изнеженной Александрии... за... «*пастилкою*»[37]; представьте: бородатого, пыльного, лохматого «*дикаря*» перед прилавком среди раздушенных щеголей, покупающих пастилу: – «Тебе чего же? Здесь не подают». Ответ: – «И мне бы... пастилки!» И с пастилкою бежит обратно по раскаленным пескам.

Он – *добрый*; и он – не о великом, а о... «*малом*»: он постоянно бросается в мелочи жизни с своей заоблачной вышины; отвечает и нам с *К.Н.* на мелочи кучинской жизни.

Вот он – какой.

Это не знал и... Ницше.

Он не знал, что «*сильный*, *но добрый*» осуществлен до него за ряд столетий в той же Александрии, которую он не знал и на которую так наклепал[38].

Должен сказать, что мы – ничего не знаем и до сих пор подлинного об этом периоде; все – фальшивка; и «*за*», и «*против*» – фальшивки.

У Макария подвиг – от «*по-двигаться*»; по́двиг – подвиг, – сдвиг, динамизация, текучесть, парение в воздушной свободе: все расплавлено до газа; и настоящее подвижничество – в по-движе́нии, в движении, в «*excelsior*»***; а мы подвиг понимаем в остолбенении: встал на столб – стал столбом; мы и тут фальшивим; все это было: столбенели; вся история христианства – история остолбенения; все – так: но – надо быть правдивым; в наших «*все*» – не «*все*» ладно; надо наши «*все*»-утверждения освободить от перлов жизни, нами же вбитых во «*всеобщности*»; «*остолбенело*» почти все в истории: ракушки, каркасы; но вот в этой ракушке есть жемчуг; и сваливать ее в кучу извести – правда ли?

---

* *От* «...Чрез него» *до* «благому» *– записано красными чернилами.*

** *«Я буду бороться»... «И в борении служить Богу» (нем.)*

*** *«все выше» (лат.)*

С «подвижничеством» у нас дело обстоит так именно: надо бы и тут сделать ревизию: пересмотреть; что – «*так*», то – выкинуть; а ряд «*не так*», жемчужин, вынуть из недр исторического подвижничества и положить пред собою, как «*перл создания*»; «*перл*» есть «*перл*», в какую бы оправу его ни вставить; оправа «*православия*» – ужасна: вынем из нее; перл же не приклеен к скорлупе; но тут мы и натыкаемся на другую скорлупу: *на нашу скорлупу*; она, часто, тоже – увы – известка.

Я из независимости не боюсь сказать: «*Макарий – великий подвижник*», – прошу меня не считать Бердяевым, Булгаковым, Георгием Чулковым[39].

Кучино 28 года. 8-ое февраля.

Дорогой друг,

вчера единым махом настрочил Вам вот сколько; но «*единый мах*» оттого, что боюсь, как бы не вышло, что в день передачи письма его и не окажется; вся эта неделя густо *обсеяна* посещениями, срочной работой, и к этому еще надо прибавить известный % сюрпризов, всегда в сторону *угущения* порядка дня; странно говорить в Кучине о *порядке дня*, а в этом году как-то так случилось, что *порядок дня* появился в тихих наших комнатушках; воскресенье – подготовление к лекции у Мейерхольда, в понедельник – лекция[40]; среда – всегда приезд «*по назначению*» (очередь этих приездов образовалась); четверг – приезд П.Н.Зайцева; пятница – часто тоже день приездов; и вот видите, – неделя распестрена; это бы ничего, если бы не слабость моего здоровья в этом году и не необходимость к режиму приемов, режиму работы присоединить еще режим здоровья, каковым является либо прогулка, либо физическая работа (со снегом) – час, полтора; а вечером, на ночь, – гимнастика; если прежде, еще в прошлом году, это было забавой, теперь это стало необходимостью, ибо физических сил для умственной работы стало *меньше*.

День мой заключается в следующем: если встану ранее 12-ти, – болен весь день, ибо не могу заснуть ранее 6<-ти> утра; итак: встаю поздно; с 2-х до 4-х, до 3 1/2 – на дворе; к 4-м – обед; после обеда – дополнительный сон – 2 часа; в 8 – чай; с 9-10<-ти> до 2-3<-х> – работа (ежедневная); после работы – гимнастика; потом ужин; ложусь – часа в 4; и в постели до 5 1/2 читаю (ведь надо же оставить время для чтения). К 6-ти, иногда в 7-ом, – засыпаю. При этом – постоянная слабость, испарина, мигрень, приливы, легко повышенная t° (37,2 – 37,3) и т.д.; едва справляешься с днем, т.е. с рабочей порцией; это – нормальный день, когда нет приездов в Кучино; приездам был бы рад, если бы приезд (с 2-х часов до 7-8<-ми>) не лишал меня 1) необходимого мне воздуха и физич<еской> работы, 2) дополнительного сна; без воздуха и послеобеденного сна я к 9-часовой работе – пареная, сонная репа; и кроме того: 2 дня недосыпа на 3-ий день сказываются полной прострацией. С этою оговоркою, Вы поймете, что стоит мне 3 или 4 раза в неделю выбитие из *ритма нормы*, в котором только и могу работать; я стал слабее; и оттого – скупее. Так вот вчера и решил махнуть сразу письмо, ибо: в субботу был П.Н.Зайцев, в воскресенье – А.С.Петровский, во вторник – Спасские[41], завтра (четверг) – П.Н.Зайцев, в пятницу – Вышеславцев[42], в субботу – Спасские; в воскресенье – надо готовиться к лекции; в понед<ельник> – лекция[43]; итак: сегодня среда, а нормальная работа, или здоровье (либо то, либо другое), счеркнуты со среды на вторник той недели; а уж знаю: ко вторнику скопятся новые *необходимости*. Это я и называю *порядком дня*, все у́же и у́же меня стягивающим в корсет *необходимости*.

Сегодня послал открытку в «*Тим*», что на лекции не буду, ибо и ослабел, и еще не оправился до конца после ангины (слабость, упадок сил); вообще с «*Тим'ом*» черт знает что: Мейерхольд до сих пор не удосужился просунуть нос в мою переработку «*Москвы*», не вызвал художника, ставит после «*Горе от ума*» теперь «*Свадьбу Кречинского*»[44]: «*Москва*» отлетает в далекое будущее; он от меня, подозреваю, что сбежал, как Подколесин, насильно со свойственной ему энергией втащив на аркане в свой «*Вхутемас*»[45], мотивируя, что для постановки «*Москвы*» де надо 1) динамизировать артистов, 2) проветрить «*Тим*»[46]. Так я оказался, вопреки желанию своему, вопреки силам, в роли «*форточника*», не получающего даже аккуратно за лекции; между тем: я не умею читать по шаблону; и каждая лекция – смарка двух дней (*воскр<есенье>* и *понед<ельник>*), ибо весь смысл моего курса в *анализе* сырья, а этот анализ – вещь кропотливая: по воскресеньям я препарирую им то то, то другое («*Фин-*

ляндию» Барат<ынского>, «*Страшную месть*» Гоголя)[47]; Вы прекрасно знаете, что значит взять темой лекции препарат «*Страшной мести*» (словечки, фигуры речи, звуки, ритмы и вырастающую из звуков и метафор *социальную тенденцию*, под которую не подкопается марксист), – Вы знаете, что это значит: сказать *новое* о Гоголе или Баратынском; это требует чертовской усидчивости, чтобы не было банально; и – вот: молодежь слушает, открыв рот; но... почему *эта*, а не *та*, *та*, а не *эта*; в конце концов, – не мое дело прочищать вкус горсточке *тимовцев*, когда в «*общем и целом*» вкус зарастает; и не горсточке его отстоять: праздная работа! Так, – хочу отказаться от «*Тим'а*»[48], ибо – в «*общем и целом*» (простите за это нерусское выражение, но оно навязло в Москве на зубах) Мейерхольд со мной поступил... *по-свински* (он – не виноват: его – *усвиняют*, как *усвиняют* все театры); *усвинены* – все: МХАТ II-ой, по-моему, уже не существует, а М.А.Чехов в роли директора стал жалкой фигурой; с веревкой на шее, надетой на него Берсеневым, его тащут насильно туда, где он бы не оказался; завтра с Мейерхольдом будет то же, или Мейерхольд – перестанет существовать: жалкая картина; все – «*тщетно тщатся... сок гранаты выжимать*» (помните Пруткова?)[49]. Я же, в чужом похмелье, затащенный в «*Тим*», – «*тщетно тщусь*» выжать сок из своей гранаты: и Мейерхольда ублаготворить, и свою кучинскую работу спасти.

Знаете легенду о «вампирах»: укушенные «*вампиром*», в свою очередь, «*кусают*»; и «*вампиризм*» эпидемически распространяется, как бешенство; все москвичи – «*укушенные*»; перекусав друг друга, они бросаются в Кучино, чтобы и людей, которым нет дела до Москвы, укусить ненужной судорогой трепыхов; и милейший Мейерхольд, и даже... кротчайший П.Н.Зайцев, кляня свою укушенность, вдруг, в припадке кусанья, и меня подкусят: и тогда я, сорвавшись с *дела*, в угоду всеобщему кусанию, – бросаюсь «*кусаться*» в Москву.

Так вот, – «*порядок дня*» затесался в Кучино: не порядок, а *укус*.

Тарантелла, как укус тарантула, – вот что в Москве: все «*тарантят*», «*тарантеллят*»; с вытаращенными глазами и бледными злыми лицами несутся по улицам с туго набитыми портфелями, тарантят в трамваях, и таранят в спины зажатых прессом, набившихся, как сельди в бочке, людей. Эти – сельди в бочке: когда сельди испортятся, их уже не видишь в бочках, а видишь и еще сильней обоняешь слизь: это – душевный мир Москвы: *вонь*, от которой становится тошно; иногда и в Кучине вдруг повеет этот ветерок; даже у нас, за спиной, Николай Емельянович[50], сокращенный со службы, сидит в наушниках и слушает по радио, как кричит хриплый голос из Москвы; все кучинцы обзавелись радио: и в крестьянских, и в мещанских домах с удовольствием слушают хриплые крики о том, *как надо жить*.

Знаете, – мы с К.Н. ослабели как-то: нахохлились, как птицы, которым стало холодно: морозом опалило; сидим рядушком, и иногда хохлимся просто так, ибо сам воздух стал ужасный; это – не отчаяние, а физиология: нечем жить извне (то, чем живешь, – порядка сверхъестественного, до которого не всегда дотягиваешься слабенькими силенками); а ведь все, начиная от воздуха, погоды до убывания во вселенной скорости света, – идет на замерзание; и *мёрзью* ожаривает; и, оттого, – хохлимся до... реального поднятия «t°»; мой перманентный жарок, мигрени, слабости и чувство убыли жизни – ни отчего: вернее – от «*всего вместе*»; оттого, что без искусственного кислорода уже дышать реально нельзя; а у К.Н. начались странные припадки удушья – тоже: *ни отчего*.

А я знаю, отчего...

Кстати: читали ли Вы, что новые опыты Майкельсона[51] действительно установили, что скорость света (300 000 килом<етров> в секунду), считавшаяся вчера одной из констант физики, – не константа, а эмпирическая и быстро убывающая величина во всех вселенных Вселенной (а не солнечной только); через 75 000 лет она будет равна «*0*»; т.е. – вселенных не будет; и стало быть: живая жизнь задолго до распада твердых тел звезд прекратится; отрезок времени для *живой жизни* в нашем смысле – не десятки тысячелетий, а *тысячелетия* (сколько, – два, три?).

Итак: эмпирически доказано, что Вселенная – *конечна*; т.е. *Пралайя*[52] уже показалась на горизонте будущего, как реальный факт; и стало быть, «*апокалиптический*

конец мира», который – раньше физич<еского> конца (75 000 лет), уже приперт к нам: *он – не далекое, а близкое будущее.*

Ей Богу, – опять вспоминаю «*дымку*» «Трех разговоров» Вл.Соловьева[53]; весь этот год ее ощущал и видел почти глазами; и многие простые, но чуткие люди, в Кучине и в Москве, своими глазами видят «*дымку*» «Трех разговоров», вплоть до Елизаветы Трофимовны[54], которая уверяет меня, что солнце светит уже слабее даже тогда, когда нет на небе ни туч, ни тумана (*я это слишком хорошо вижу*); кучинские крестьяне спрашивают: «Что это сделалось с погодой: все – не так». Я, К.Н., Елизавета Трофимовна – это уже *решено и подписано* у нас, – удивляемся быстрому самоотравлению деревенского воздуха: часто нéчем дышать (это – не аллегория, а – эмпирика, физиология); «*нам*» чаще становится душно; и это-то вот меня ужасно удивляет, а К.Н. иногда высказывает дилетантский взгляд, что это – влияние подземных газов, вырвавшихся наружу с Крымским землетрясением; я, как естественник, не смею утверждать, а как кучинский обыватель, спрашиваю: «А доказано ли геологами, что это – не так? Кто его знает!»

Спешу сегодня же – окончить это письмо, чтобы *порядок дня*, не могущий меня оторвать от него до субботы (день передачи)[55], не положил механической преграды между нами: ведь два раза преграда эта встала – осенью и теперь (никогда со мной не бывало, чтобы, уложившись и купив билет, *не* уехал). С большой радостью к назначенному сроку постараюсь закрепить воспоминания свои о Федоре Кузьмиче[56], к сожалению бедные, ибо, хотя и знаком был с ним 22 года, однако редко встречались; летуче как-то; и не очень много наскребется интересного; просил П.Н.[57] достать мне что-либо из книг, чтобы читать Ф.К.; может быть, – лучше сплести воспоминания о нем с воспоминанием о действии на меня его книг; он – *очень и очень* влиял на меня; и в каком-то реальном, писательском смысле был более учителем моей прозы, чем «*мэтр*» Брюсов – моих стихов; «*Жало Смерти*», «*Истлевающие Личины*», «*Мелкий Бес*», «*Сказочки*» были действительно моими настольными книгами; я *ходил* в них, *жил* в них, а не только читал; то же скажу и о «*Пламенном Круге*»[58].

Дорогой друг, – ужасно печальная новость; Никитина, как передает мне П.Н.Зайцев, будучи очень заинтересована напечатанием Вашей книги[59] и принципиально сочувствуя всемерно ее появлению, в последнюю минуту вдруг... испугалась; и – отступила; до сих пор она действовала так, что, угодив в ряде пунктов, позволяла себе вольность протащить то, что не всякий сумел бы; так ею были протащены мои книги; и после одного разговора с Лебедевым-Полянским[60] он дал принципиальное согласие на появление (не сразу, – разумеется) нескольких книг; «*Петербург*» был не разрешен цензурой, но после разговора с Полянским разрешен[61], ибо Полянский сказал, что меня, как горбатого, «*лишь могила исправит*», что со мной де дело обстоит так безнадежно, что я так *неопасен*, ибо отжил и живу в *седой старине*, что печатание «*Петербурга*» со всею мистикою не соблазнительно ни для кого; и – пусть выходит. Вы, очевидно, – более опасны, ибо бесстрашная Никитина вдруг испугалась, а к Вам в издательстве – сочувственное отношение; даже: один из влиятельнейших членов кооператива, Алексей Силыч Новиков-Прибой[62] (кстати, – милейший и честнейший) считает себя Вашим выучеником, ибо на Ваших книгах *уму-разуму* учился (он – бывший матрос, подводник). И вот, – при максимуме желания – «*напечатали бы*» – отступление; теперь говорят: «Включим в план, но с обнаружением его *пока повременим*...» Мне это было тем более больно, что в числе причин, косвенно усиливших *испуг*, было и то, что они осенью рискнули со мной, и потом, в дни намерения издать Вашу книгу... подвернулся (!!)... Замятин (!!!)[63], которого купив, они уже окончательно испугались Вас; что Замятин – фигура, «*странно*» с Вами связанная, – убеждаюсь: и *там* – Замятин, и *тут* – Замятин: и у «*Тим'а*», и у Никитиной в роковую минуту является Замятин, даже не ведая своего *рока*; и он-то и оказывается «*каплею*», переполняющей широкую чашу намеренья: Мейерхольда – ставить Салтыкова[64]; Никитиной – печатать Вас. Кстати уже о Никитиной; Яковлев, прекрасный техник, – сидит[65]; Никитина, которую неделю, – больна; и это, быстро действовавшее, издательство село или садится на мели, что приходится в днях испытывать; П.Н.Зайцев с самоотвержением вывинчивает из суммы долга мне скудные порцийки для прожития; и постоянно в положении тщетного тщения... «*сок граната выжимать*».

«*Сухие соки*» пошли!

Кстати: с осени все мои встречи с Мейерхольдом заключаются в том, что я, встретив его, разеваю рот, чтоб спросить о нужном, – в ответ он опрокидывается на меня с «*вот почитайте мою докладную записку*», или «*посмотрите на японскую ткань*», или «*хотите, поставлю граммофон*» и вместе с десятью в него вцепившихся людей, вылетающих на него из всех дверей, и с треском телефона, тоже его урывающим; так с раскрытым для ряда вопросов ртом стою перед ним, или, вернее, хожу за ним месяцы: и к нему, и в «*Тим*», – а он, как угорь, урывается, или, пойманный в сеть, не мною, а... до меня, как игривая рыбка, взвивается в чужой сети мимо моего носа вверх; и исчезает из поля моего зрения; бывало и так: нас с К.Н. сердечно просят зайти к ним, – и времени нет (ни у меня, ни у К.Н.), а – идем: ведь куча вопросов есть; приходим: Мейерхольд в чужой сети, виясь угрем, проносится из кабинета в переднюю, а Зинаида Николаевна, не встав, одевается 1 1/2 часа; мы сидим в пустой комнате, а нас не отпускают: «Вам же кофе варят!» Потом мимо нас Зинаида Николаевна проносится в *театр*; и нам тогда подают кофе; и выходит, что, урвав нужное время, для чего-то идешь в гости к... «*кофе Мейерхольдов*».

Или, желая поставить вопрос ребром о том или другом, вдруг видишь, что это – глубокое неприличие, ибо у Мейерхольда такое испуганно-растерянное лицо, точно его сейчас ушибут камнем; и невольно: опускается рука, т.е. язык «*прильпе к гортани*».

Странные, сумасшедшие люди!

Это все я и называю «*бегством Подколесина*» в окошко.

Так что я не знаю, что с «*Москвой*» и что с Щедриным. Понимаете, – вы поставлены в положение и Райх, и Мейерхольдом, и кофеем, и десятком в двери ворвавшихся, и треском аппарата – в положение немого.

Я терпел, терпел это, – да вдруг и сказал про себя: «А ну, – черт с ним!»[66] Ибо не разберешь, что это – хитрость или до такой степени *растасканность на части*, что уже пахнет «декомпозицией» личности: Мейерхольд – какие-то кинематографические ассоциации, взаимная пересеченность 10<-ти> гениальных фильм в ерунду и бред, кое-как «*механизованный*»; и – только механизованный. С Мейерхольдом надо жить, сокувыркаясь; он – *perpetuum mobile* кувырков; и когда мы с К.Н., живя с ними в Тифлисе, сокувыркались, среди всех кувырков – *фраза за фразой, в днях*: *получался хоть обрывок разговора*; чтобы достигнуть этого обрывка в Москве, т.е. узнать, что же думает он о постановке действительно, а не *турусно* (ибо постоянно рассказывает *турусы на колесах*, как рвется к постановке), надо, бросив Кучино, переехать в квартиру Мейерхольдов и закувыркаться на... минимум... неделю. Всегда, когда я стою перед Вс<еволодом> Эм<илиевичем>, – я потрясен: и за себя, и за него: *что* – со мной? и *что* – с ним? И уже после того, как он, угрем выскользнув, или вытянут рыбачьей сетью прочь, – удивляешься, для чего ты сейчас, ни с того, ни с сего, кувыркался.

Но безумие – заразительно.

Еще спешу высказать, как *pium desiderium** нас с К.Н. Мы замыслили поход к Пскову, после Пасхи: есть многое, что тянет; и соборы, и воздух Пскова; словом: *надо кое-что своими глазами увидеть*; но не один *Псков* тянет, но и *Детское*; хотели бы соединить и заранее заручиться позволением, если позволит судьба, *до* или *после* Пскова несколько дней пожить у Вас[67]; при случае черкните, дорогой друг: можно ли? Но – не могу заранее сказать, что буду, ибо – *fatum'a* боюсь; и Вы, в случае разрешения нам у Вас остановиться, – не ждите. Верьте одному: мы с К.Н. – *очень, и очень, и очень* к Вам тянемся, да... что-то вцепилось и не пускает.

Вот, дорогой друг, что хотелось сказать; если будет время, то еще сяду подписать Вам, а пока обнимаю сердечно, горячий привет Варваре Николаевне и Иночке: остаюсь сердечно любящий

Борис Бугаев.

---

* *благое пожелание (лат.)*

P.S. Читал на днях Записки Панаева Вашей редакции[68], а перед этим читал Записки Панаев-*ой* (Чуковского)[69]; и вот: об этих двух «*записках*» тоже встает ряд меня волнующих по-всячески домыслов; все эти дни говорили с К.Н. о людях, проходящих в Записках; и о времени.

Да всего – не скажешь, а хотелось бы с Вами поговорить.

Кучино. 28 года. 9 февраля.

Дорогой друг,

Подписываю еще немного.

Теперь, когда вечер прошел[70], я на него собрался и не по своей воле не попал; – я скажу откровенно, что думалось о вечерах этого типа; до сих пор я, когда это необходимо, от них не отказывался; и – выходил, когда надо (тоже и о есениновском, на котором участвовал)[71]. Федор Кузьмич нам дорог; и, верю, дорог не нам одним; мы умеем с запечатанными ртами не забывать того, что нам дорого. Но для чего устраивать вечера «*памяти*» публично? Ведь тем, кто нас считает «*живыми мертвецами*», ни на что иное не способными, как только поминать свое прошлое, над которым гогочут дикари культуры, – какой новый повод для «*гогота*»! Уж не преминут они издеваться: «*Ну – выползли мертвецы из своих гробов выть над мертвецом*!» Воспоминания о том, чего нет, – единственно разрешенная нам форма, – «*они*» умело повертывают «*во упокой*» нас: «*упокойные*» люди только перед гробами поднимаются из гробов: «*мертвецы грызут мертвецов*»[72]. Я ясно вижу эту поганую улыбку; и что-то начинает во мне дрожать от негодования; и я, в ответ на эту нам злорадно всовываемую «*мертвецкую*» всем своим жестом отвечаю: «*Наших дорогих покойников умеем мы нести в сердце так, что вам и невдомек; а так как мы не умерли, но живы, то – дайте нам место для наиболее злободневной темы, и мы вам покажем; если нам нельзя говорить на одну из наших тем, – подавайте нам любую из* ***ваших***: *"Социальный заказ?" Ладно: буду говорить о заказе. "Диалектический метод?" Ладно: вот вам – диалектический метод; и вы откусите язык от злости, увидав, что и на вашем языке мы можем вас саданут под микитки. А то – выдумали: мертвецы де о мертвецах! Я вам, сукины дети, таких покажу мертвецов, что вы будете вынуждены, связав меня публично, уволочь с эстрады*».

Вот что, приблизительно, поднимается во мне, когда с темой о «воспоминаниях» ко мне подходят теперешние устроители вечеров, в большинстве случае «*социал-прохвосты*». Я или категорически отказываюсь «*поминать*», как раз уже 6 отказывался от есенинских поминовений... Единственный раз не отказался (очень уж Софья Андреевна[73] просила); но я сознательно пришел на вечер не в «*сов-сюртуке*», а в кучинском халате и туфлях и таки испортил настроение председательствовавшему П.С.Когану настолько, что он встал, передал председательствование и удалился; ничего озорного не сказал; а – так: *невкусно вдруг сделалось Петру Семеновичу*; ради этой *невкусности* и пошел, а не ради Есенина, которого и без вечеров «*поминовений*» – держу в сердце[74].

Нечто подобное шевельнулось во мне, когда перед сознанием встал вечер памяти о Федоре Кузьмиче; я себе сказал: «Неужели ж – не бóльшее поминовение – стиснутые зубы; там, где нужно, где можно, – я даже поплакать готов; но перед "*массой*" народа впадать в "*упокойный*" тон, когда только этого и ждут, – брр: нет». Но поскольку приглашение исходило от Вас, поскольку Вы решили выступить, – я себе сказал: «Ты не знаешь мотивов вечера – во-первых; *во-вторых*, – раз Разумник Вас<ильевич> принимает участие, – ты, как "*камрад*"[75] по оружию, как со-вольфилец, не смей своего суждения иметь»; я ведь тоже стою за «*вольф-дисциплину*»; в порядке дисциплинарном и в порядке навещения Вас я тотчас дал согласие; и честно чалил в Ленинград, пока не свалила ангина (может, оттого и *свалила*, что *величайшее противление* я чувствовал участвовать, но – смолчал).

Каково же было мое удивление, когда я узнал, что Вы – отказались участвовать, что председательствовал Замятин, а «*выступал*» седой Чулков[76]; позвольте, – с Замятиным у меня другой разговор: я с ним в «*Вольфиле*» не работал; он – не «*камрад*»; знай я, что Вы от вечера в стороне, – я бы Замятину отказал бы в участии.

Видите, – может быть, *ангина* и выручила.

Я терпеть не могу, когда меня и по сию пору упрашивают: «*Выступите с воспоминаниями о Блоке*». Не желаю; Блока – помню, Блока – вспоминал; но теперь, когда

вместо десятка тем, роящихся в голове, какой-нибудь «*сов-раб*» услужливо мне подставляет «*За упокой Блока*», – у меня шевелится: «Ах, сукин сын, – я тебя» – и ряд нецензурных ругательств.

Знаете, в последний раз «*поминал*» Блока в Тифлисе[77], потому что сумма поэтов Грузии, нежно любящих Блока, – пристала: *для них*, *для* их любви к Блоку я согласился; но, – уж и поминовение вышло! Такое в воздухе поднялось, что меня один наивный старик-художник назвал Савонароллой[78], К.Н. боялась, что вместо Военно-Грузинской мы покатим по другой дороге; кадетский элемент, пришедший на лекцию, чтобы послушать «*мистика*», нечто à la Лоэнгрин[79], был в свою очередь страшно сконфужен, ибо в воздухе повисла густая брань (К.Н. говорила, что я ругался угрожающими паузами минут в пять, во время которых с нервной публикой делалось Бог знает что, а я будто бы стоял молча, как пень, в угрожающем хотя, но... *совершенном* спокойствии: публика же думала, что в следующую минуту – кафедра свергнется в нее); да «*кадеты*» были оскорблены моей грубостью, а у других была отнята всякая возможность меня поймать с поличным, ибо я говорил о том, что *не есть* марксистский метод и что – *он есть*; в результате же доказательства, что ***он есть***, я с особым наслаждением насильно воткнул в раскрытые рты мистику Блока, его Прекрасную Даму и т.д. – «съешьте *бытие*, определяющее сознание», а если «*бытие не определяет сознание*», а обратно, если «*сознание определяет бытие*», тогда правы те, кто и меня, и Блока называют мистиками; те тоже были опешены. В результате, я кончил словами Блока: «И над *вами*, и над *нами*... Интернационал»[80]. Ибо и ***над нами*** в известном смысле – *он*.

В этой апелляции к Интернационалу была моя «*страшная месть*» за тему: «*Поминовение*»...

Единственная лекция, которой я доволен, за период этих лет: но «*поминать*» так – не всегда можно; и во всяком случае – так нельзя было бы поминать Сологуба.

Недавно, в ноябре, тоже вышел случай с «Воспоминаниями». Никитина и Лозовский насильно вытащили меня читать «*воспоминания*» о старой Москве в «*Клубе работников по просвещению*»[81]. Как ни ковырял 3-ий том «*Начала Века*», все выковыренное оказалось – «*преснятиной*», ибо непресное оказалось неуместным; и я в совершенном ужасе полез на эстраду эту преснятину читать; открыл рукопись, и – не могу: нечто вроде тошноты подступило к горлу; я – рукопись отбросил; и, оказавшись в кучинском халате и туфлях, стал просто говорить о том, что «*символизм есть*, *был и будет*», что это – самое живое и молодое направление, что нас оболгали, но сквозь всю «*ложь*» правда вынырнет; проговорил эдак часа три (проволочил минуты три, не упоминая имени, Городецкого, рассказывая, как мы с Брюсовым травили «*мистич<еский> анархизм*» и за что́)[82]; и – знаете: все были довольны, и Никитина, и коммунист Лозовский, и учителя, и даже бывшие там рабочие и комсомольцы, – вызывали много раз; а на прощанье я крикнул: «Да здравствует новый *совдеп*: совет читательских, писательских и критических депутатов; и да погибнет критика!»

Тогда просто *заревели* от удовольствия.

Но я боюсь часто выступать с подобного рода «*воспоминаниями*»; Вы понимаете, что тут бежишь по канату; ничтожное «*lapsus*», и – «*погиб*»: шлюсс[83], капут: минимум – лишение прав раскрыть рот; именно, когда зовут «*поминать*», в последнюю минуту вместо поминовения выныривает в сознании нечто сегодняшнее, острое, а от «*поминания*» остаются... рожки да ножки.

Впрочем: скоро меня перестанут звать на поминовения устроители, люди осторожные и корректные; и так, на есениновском вечере публика меня вызывала, а устроитель вечера, с перекошенным от злобы лицом, шипел змеей мне в ухо: «Да угомоните же их».

Меня потом все поздравляли с успехом на вечере, а – знаете: поздравлять не́ с чем, ибо никогда я не говорил так пусто, неумно, как на нем; что же понравилось, и что меня выделило? Пустое, простое: я стал говорить о забытых истинах, много раз набивших оскомину; именно: что есть *добро*, что Есенин был *добрый*, что надо быть *добрым*, и что искусство есть только – человеческая любовь; кто пишет хорошие стихи, которые всем нравятся, – тот любит тех, кому пишет; и за это надо его любить. Больше я ничего не говорил: *ни одной мысли не высказал*, *кроме этих*, *азбучных*; нет,

– еще высказал, применив *паузную форму*; вообще: роль паузных форм все более и более интересует меня в проблеме «*жеста*»; и может быть, оттого, когда говорю, то все мысли уходят в немые паузы, а то, что говорю, – азбучно; когда чей-то глаз (вероятно, «*глаз и ухо наблюдателя*») с галерки крикнул на мои советы быть *добрым* и *любить друг друга* (надо же – «*не любить*»), то так случилось, что я, сделав руки по швам, покорно ответил, подчиняясь «*отеческому попечению*», – «*Я – кончил*». И – сел. Тут-то и заревели: «*Не кончил, говорите*» и т.д. Все это случилось, конечно, непроизвольно, – но повторяю: это – не слова: *паузная форма*; живуч человек: он и со связанным ртом делается «*мимом*». И может быть, в будущем, еще придется выступать мне, седому и лысому, в балетных пантомимах.

Ведь уже стихов не пишу, – пишу сонеты из листиков, сонеты из камушков; на лекциях – угрожаю молчаниями; Бог даст, – дойдет дело и до балета. Не выступить ли нам, дорогой друг, – в коротеньких юпочках в качестве балерин? И вместо «*Вольфилы*» открыть – танц-классы; покойный Бакрылов был передовой человек; он – первый понял, *чему надо учиться, чтобы прожить те годы, которых... не прожил*[84].

Все урываюсь, Разумник Васильевич, – Вы не поверите, до чего все минуты разобраны; я вот – один: К.Н. – нет; день – свободный, а перед глазами стоит расписание; и – в набегающий час ставлю точку на письме Вам; и усаживаю себя за работу; пробило «*3*» – стоп машина; на запятой обрываю работу, – к письму, на две строчки лишь; не запишу – позабуду.

Продолжаю вести свои метеорологические* и геологические записи, – скудные и дефектные: источник записей – «*Вечорка*»[85]; они – не полны; а – между тем: и по этим записям можно себе кое-что представить.

Вот американская статистика стихийных бедствий за 2 года: с сентября 24-го до сентября 26-го. Землетрясений – 66, извержений – 4; ураганов – 148; наводнений – 197. Или в годовом среднем: землетрясений – 33; извержений – 2; ураганов – 74; наводнений – 95.

Теперь – средняя годовая 17<-ти> месяцев моей записи $\left(\frac{m \cdot 12}{17}\right)$ от сентября 26<-го> года, – записи дефектной и ракурсной[86], ибо *Наманганское* землетрясение, длившееся месяцы, *Ленинаканское*, длившееся месяц, и Крымское, длившееся 4 месяца (каждое состояло из градации землетрясений) считал за «*1*»; тоже – трехнедельные ураганные штормы считал за «*1*», что несправедливо, ибо день потряслось в Риме; и – «1»; «*120*» дней трясся Крым – тоже «*1*».

Итак, нормы моих записей страшно редуцированы; но и в этой редукции – вот что по сравнению с *полной* американской записью: с 26<-го> года (сентябрь); землетрясений – *63*; извержений – 11; ураганов – 95. То есть в средних числах: с эпохи «*до сентября 26<-го> года*» число землетрясений скакнуло: с «*33*» на «*63*»; извержений – с «*2*» на «*11*», ураганов – с «*74*» на «*95*».

И лишь рубрика наводнений упала: с «*95*» на «*71*».

А я знаю, что неправомерно убавлял числа; если бы считать *дни* трясений, извержений, то скачки вверх удвоились бы, если не утроились.

Вот что хотел Вам сообщить; но – пора спать: четвертый час; в моей программе стоит: «Гимнастика», «ужин», «*чтение*». Покойной ночи, дорогой друг (впрочем, Вы уже спите).

Кучино. 28 года. 10 февраля.

Дорогой Разумник Васильевич, –

присаживаюсь, не столько «*подписать*», сколько проститься[87]; вчера так стремительно оборвал письмо, что не успел сказать «*до свиданья*»; сегодня сидел Н.Н.Вышеславцев, человек милый и тихий, до 8<-ми>, т.е. случилось то же: переполненное сроками пространство часов с 12-ти до 3-х ночи «*минус*» 6 часов (с 2<-х> до 8-ми), т.е. без *сна* и *воздуха*, а в покуре и разговоре; в итоге: накачал себя вместо сна крепким чаем, отмахал положенную рабочую порцию, а для письма – оскудел.

---

* *В автографе*: метереологические

Ну да Вы не осудите, как и не осудите всю ту болтовню, которая излилась на эти страницы. Странное дело: я не умею «*не болтать*» в письмах; иначе выходит: либо абстрактная «*гиль*», либо сухой и чопорный «*доклад*».

Чтобы вышло письмо, – мне надо переговориться; отсюда и вся «*болтовня*»; думаю, что из двух зол – лучше «*болтовня*» по дружбе, чем «*стиснутые*» зубы, производящие впечатление... отнюдь не дружеское.

Говорили о разном с Вышеславцевым; и между прочим: совершенно не ведая о моих домыслах о Замятине, он, как художник, сказал: «Знаете, – у него *жуликоватые* руки». (Впечатление чисто *глазное*, а не *аллегорическое*).

Но, – не будем...

Я все стою пред собою и упрашиваю себя: «Голубчик, – не осуждай: "*Не судите, да не судимы будете*"»[88]. А все – осуждаю: проклятая постановка жизни в писательской среде – «*стиль саркастик*»; каждый литератор старается подчас только для красного словца подкузьмить, срезать, высмеять, а то и... оплевать; прожив в литературе 25 лет, я до такой степени усвоил себе этот писательский (чуть не сказал – плевательский) «*кондачок*», что теперь, порой только по привычке, а не по необходимости, «*кузьмлю*» и «*кондачкую*»: причем «*жуликоватые*» руки? Замятина не очень жалую, но... не имею никакого права «*кондачок*» Вышеславцева «*докандáчивать*» для Вас. А – «*скондáчил*».

И стало: обидно и стыдно мне.

«Дух праздности, любоначалия и празднословия» – не дай мне![89] А я «*спраздномловил*». Знаете, – я это всериоз; с некоторого времени мне опостылело «*судить и рядить*»; осудишь, – и станет стыдно перед собою: точно гнилую селедку съешь; вкус во рту – противный; и тянешься к свежей воде, чтоб утолить «*соленую*» жажду. «*Соль острот*» – говорят: воистину – «*соль*»: омерзительная, горькая «*английская соль*»; после нее – жажда.

И я начинаю твердить – так просто – дивные слова Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего». И впечатление, будто горло ополóснуто свежею водой.

Да, – мы соленые: скверно «соленые» люди; и после того, как нам рот затыкали «*соленой селедкою*», – самая эта литературная «*соль*» опостылела.

Есть слово, которое всю жизнь передо мною молчало; я его произносил; и – бросал: звука не слышал в нем; и вдруг оно – заговорило; и из него стали развертываться передо мною ландшафты смыслов; а слово простое: «*Смиренномудрие*»; подумайте, «*мудрость*» + «*смирение*»; мы знаем слово «*высокомудрие*», «*любомудрие*», «*богомудрие*», «*человекомудрие*»; все так: но еще нет «смиренномудрия». С некоторого времени я стал замечать, что я без него томлюсь; тут не может быть речи ни о каком пиетизме, самоу<ни>чижении паче гордости, и прочем, что прикидывается смирением и о чем мы все *достаточно знаем*; и вдруг стало: надоело мне все это *достаточно теперь известное*, все эти *оговорки*; я в жизни столь заносился и с оговорками, и без всяких оговорок, и так жизнь меня жестоко драла, что оговорочные слова, «*паче гордости*»[90] и т.д. – потеряли для меня всю соль и силу; и я увидел, что если смирение без оговорок входит в душу, как волк в овечьей шкуре, то «*оговорки*» без смирения – *волк* в *волчьей* шкуре; это, конечно, уже лучше, но разве это все?

Так я оказался как-то физиологически всею усталостью моего оговорочного организма вперт в проблему «*смирения*», ощутил гигантскую жажду; и вдруг напал на слово, на правильную оговорку к смирению, а не на «*usus*»* истасканного литературного жаргона, в коем знаешь *a priori*, в каком месте подается оговорка «*самоуни-<чи>ж<ения> паче*» и т.д.; и это «*паче*» – пепельница каждодневного разговора: в нее плюем и тыкаем окурки.

А тут – не пепельница, а – оговорка воистину: «*смиренномудрие*»; коли «*-мудрие*», то – и «*паче*», и «*овчиная*» глупость само собой отпадают; из существа с таким усилием сквозь всю жизнь выволакиваемых крупиц «*мудрости*» – вытекает, что в «*-мудрии*» смирение дается отмытым от наших «*паче*». Да и меня не интересуют они: перед кем мне, отверженному, – хвалиться смирением? да и – «*смирение*» вышло из моды: не очень-то «*посмиренничаешь*»; а в гордости я жил всю жизнь; и она, верьте,

---

* *обычай, навык, опыт (лат.)*

опостылела мне хуже горькой редьки; скажу даже – из гордости плюю на гордость; эта каменная стезя мной изучена: ее венец – мудрость; но в «*мудрости*» – в свободе мысли – в свободе свобод – переплавляется то, чего суррогатом является гордость; ибо гордость есть присвоение того, что тебе не принадлежит; я не красуюсь *носом* моим, *зубами*, или – простите – экскрементами; вообще: нельзя рядиться в то, что есть *ты* сам; рядятся не в имманентное, а в трансцендентное; этот «*алмаз*» – не я: вот я его надеваю на себя: «Он – мой».

И это – гордость.

Гордость – суррогат приобретения: посягательство на «*не свое*» с негодными средствами; и наконец – гордость всех гордостей, где приобретение пересекается с приобретающим, являя новый синтез.

Это – мудрость.

В мудрости – венец свобод и венец гордынь, ставший волосами: венец, как волосы, – а волосами я уже не горжусь (у меня они вылезли), как и зубами (гниют), как и глазами (слепнут). И вот тут-то подкрадывается ко мне, как новообретаемая, нудимая радость, – *смирение мудрия*: смиренномудрие, которое без «*паче*».

«*Паче*», да я – «опачил» себя всею жизнью; градация этих «*паче*» – развернутый свиток лет; удивляюсь хитрости «*пачей*» моих; но и – знаю их.

Об одном из сих «*пáче*», когда это «*пáче*» достаточно было всей жизнью моею растоптано, я мог бы сказать: вышел бы гротеск, ибо сознание было *умиренó*, как никогда, а *пáче*, как зверь из бездны, влезло в меня сквозь мое бессознание; после того, как тот, кто считал себя в 1913 году посвящаемым, хотя и вопреки своим заслугам (я же сидел во «*смиренниках*»), – после того, как в 21<-ом> году ученик пути запил и в запитии «*запил*» путь посвящения, это уже извлеченное из недр души «*пáче*» было окончательно раздавлено, как клоп, пьяной пятою: «*пьяный*» Бугаев раздавил фикцию «*ученика пути*».

Уж какое тут «*пáче*», когда этим «*пáче*» стал... фокстрот![91]

Сквозь все изумительные картины пережитий огромных 1913–1914 годов вижу эти картины, растоптавшие «*пáче*»; и нужно было 10 лет вопиять перед разбитым корытом, путем, чтобы вывлеклось «*пáче*»; и душа запросила б не «*смирения*» (со скрытым пáче), а смиренномудрия; ибо когда мы смиряемся просто, то – никакого смирения нет, а только *фига*, показываемая кому-то; ибо смирение нудится в нуждах «*мудрости*», в тоске по правде и мудрости, а не в смирении, как таковом.

А я в 1913 году вдруг засмирнел, засмирился, – просто, по прямому проводу: большая дылда, присев на корточки за травинку, вообразила, что ее, большой дылды, – нет; большая дылда – севшая на корточки гордость: я, Андрей Белый, написал 10 книг и вдруг решил: «Где мне, куда мне!» Спасительно было хоть то, что со своим смирением я ни к кому не лез, а сидел у себя на «*Augsburgerstrasse*» в Берлине[92], счастливо спрятанный от срама пред русскими, ибо видеть «*большую дылду*» в роли «*бэби*» – смешно; а я был этим смешным срамом. Но перед собой самим я разыграл «*тем пáче*»: сидел на корточках перед зеркалом, видел дылду и утверждал себе: *ничего* не вижу.

А видел – *большую дылду*, но говорил: «*Это – не я*; я – не причем в этом всем: меня заставляют верить в большую дылду, а я не поверю».

Никто не заставлял верить; и к моей чести сказать, что «*Я*» – не только не уверовало, а содрогалось от гадливости: вшептывали в уши *миф о дылде* – тела мои, стучащая кровь и образы, меня обступавшие; они говорили: «*Ты – то, ты – се*»; они принимали вид странных подмигов мне Штейнера и старших антропософов; по отношению к этим подмигам я со всей искренностью распевал арии à la «*Не искушай меня без нужды*»[93] и «*Не верю, не верю обетам коварным*»[94]. И верьте: искренне распевал. Только весь ужас-то был в том, как впоследствии обнаружилось: никто из антропософов, ни доктор не давал мне обетов; никто не искушал; искушало, стало быть, какое-то «*оно*», в меня самого засевшее. Гордость была убита сознаньем – в сознанье; но меч был короток: подсознание не было им проколото.

И развернулась эпопея à la история с Пьером Безуховым; помните – «*l'russe Bezouchoff*», равный числу «*666*»: не «*le* russe», а «*l'russe*» (духовному миру для чего-то надо было не знать орфографии)[95]; все прочее – вытекало само собой; и Пьер думал, что его миссия – убить Наполеона. Боже мой, до чего верно Толстой это изобра-

зил, но... до чего грубо: в «*духовном мороке*» оборотень, т.е. «*l'russe*» вместо «*le*», – в десять раз безвидней и тоньше; а поддайся этой тонкости, сразу грубо обвалится тонкий ландшафт Гауризанкарами[96] нелепиц на физич<еском> плане; чем тоньше черта, отделяющая «*l'russe*» от «*le russe*», тем толще бред вытекающих поступков; так выдавливаются «*миссии*», «*мессии*», «*Распутины*», «*Альционы*»[97]; и мы удивляемся, – до чего люди *до*-ходят; но «*до*» – чудовищность; надо понять не «*до*», а – «*из*»: «*из*» чего люди исходят в сотворении себе легенд (вполне искренне); и это «*из*» – тоньше волосинки. Можно сказать, что всякая, хотя бы и ***верная*** имагинация, не рассеченная мечом инспирации («*И он мне грудь рассек мечом*»)[98] и принятая за инспирацию, – вырастает в брéдище.

Вот почему на этих путях так много искренних шарлатанов; это – больные: болезнью, подлинный источник которой от обывателей скрыт.

К ним надо иметь «*милость жалости*», ибо это – «не просто *шарлатаны*»: но с тем бóльшей строгостью от них надо оберегать тех, кто по роду пути восприимчив к этой заразе: особенно они опасны для начинающих «*имагинантов*».

И мое «*пáче*» прошло через острый приступ «*l'russe*»; и я не стал шарлатаном только потому, что в годы этих лихорадочных приступов всем своим «*кантианским сознанием*» говорил: «*Уймитесь волнения страсти: усни заболевшее сердце*»[99]. И лишь месяцами острой муки в грудь вошедшее лезвиé умертвило «*гадину*».

Она – «*издохла*» уже к 16-ому году.

Но два года я был болен.

И теперь, когда уже прошло 12 лет после исчезновения последних привкусов «*l'russe*», я со смехом иным друзьям показываю «*плановую работу подсознания*», архитектонически мне вытачивавшую легенду обо мне, т.е. большую *дылду*, глядящую из зеркала.

«*Большая дылда*», не я – «*Микель Анджело*»; доктор *де* тончайшими средствами символизма ввел меня в соблазн, открывая мне де глаза на одно из воплощений моих («*ох, уж эти воплощения*!»)); я, разумеется, отвечал на «соблазн испытания»: «*Так и поверю*!!» В ответ на что меня обливали, как из рога изобилия: намеками, узнаниями, сопоставлениями, стечениями намеков и иными *шифрами*. Честь мне, что я эти «*шифры*» отвергал; но не честь, что строились «*шифры*», ибо «*шифр*» был... *плановой работой моего бессознания*, перед которым стояло сознание со «*смиренно*» опущенными глазами.

Я, Б.Н.Бугаев, не виноват, что в моем подсознании обнаружилась такая гадость, на которую «*тетки*»[100] клюют, а я не клюнул; но я «*не* невиноват», что я не напал на «*шифр*» и не надавал тумаков этому «*шифру*»; надо было гнаться за «*шифром*» по пятам и декапитировать его смыслы; но – как погонишься, когда в «*шифр*» встали жестами Бауэр, Штейнер и Мария Яковлевна[101] – те, перед коими я благоговел? И я стоял, потупив очи и не решаясь грубо оборвать «*морок*»; если бы я погнался за доктором и надавал бы ему здоровых тумаков, – «*маска*» доктора была бы разбита; и я попал бы в объятия самого доктора; «*маски*» ж я не сорвал; и в итоге – ряд лет отдалений от доктора, «*втайне усумнившегося*», меня.

Я не стану перечислять всех гениальностей «*шифра*»; это не «*l'russe*», а – почище: но «*l'russe*» Безухова – грубый прототип тончайших ухищрений, не вырванных с корнями «*пáче*».

Позднее я себе сочинил грубую пародию-модель на «*l'russe*» Безухова (в стиле Пруткова); и забавлялся мороками, когда-то гнездившимися.

Вот шутка моего огрубления (*между нами*).

Мне подмигивали: «*Я – воплощение Микель Анджело*»[102]. Мы знаем линию воплощения *М*<*икель*> *А*<*нджело*>: 1) Микель Анджело ***Бу***-онаротти, 2) ***Га***-лилей, 3) Михаил Ломоносо***в*** (заметьте: все – «*мои*» воплощения!).

Где же *l'russe*?

Извольте: Бу-онаротти.
Га-лилей.
Ломонос- + ов

Бу + га + ов = Бугаöв (говорят по-малороссийски), ö = ё } Бугаёв = Бугаöв } «ё = ö», разве это не «l'», равное «le»?

Допустите, – и моя бренная фамилия – сложение слогов трех фамилий тех, о ком мне «*вшептывалось*»: «Твои воплощения».

Хохоча до упаду над «*дичью*», я – продолжаю игру.

У *Микель* Анджело был сломан нос в драке; оттого и «*Ломоносов*», Михаил; связь Ломоносова с *М<икель> А<нджело>* в 1) *писании стихов*, 2) в том, что *Ломоносов был мозаичистом* (реминисценции прежнего воплощения); связь его с Галилеем (доктор подробно вскрывал связь Мик<ель> Андж<ело> с Галилеем) – оба: *гениальные физики*; кроме того: Мик<ель> Андж<ело> – дал «*космический купол*» в куполе храма Петра; Галилей – в храме Пизанском открыв движение маятника, заложил новый «*храм науки*». Ломоносов первый открыл стеклянный купол неба («*купол твердого азота*») и т.д. Микель «*Анджело*», Михаил «*Ангел*» в смысле «*Ангельский*»; Ломоносов – «*Архангельский*».

Теперь гордо является «*l'russe*» в эту компанию. *Михаил* Соловьев (*Михаил* Ангел, *Михаил* Архангельский) нарекает его Андреем Белым[103] («*Андр*» – «*Андж*»); Белым, ибо от *Белого моря пришедший*: этот Анд(Андж)-рей Белый-Бу-га-ёв, так же, как Микель Анджело, все время тормошится под куполами «*нового храма*» (и *малого*, и *большого*, переживая *жесточайшие лихорадки* знамений неслучайности сего); как и Галилей, он, хотя и профан в физике, однако – взволнован проблемами материи вплоть *до* открытия, что *атом* – космический храм (всю жизнь эти «*трепыхи*» над проблемами физики); с Ломоносовым его соединяет: поэтика, поэзия (и с Мик<ель> Анджело) и *стиховедение*: отец «*русского стиховедения*», Ломоносов[104], передает ему свои задачи; и он – продолжает их (сам себе передал!). Все трое, художники-ученые, учено-художники, в силу новой миссии стоят под знаком «*Михаила*»-драконоборца (Михаил Ангел, Михаил Архангельский, «Михаил» Соловьев, помазующий елеем); Андрей Белый имеет «*гигантские*» имагинации в «*Бергене*»[105], что значит «город гор» – Холмогоры[106]: Холмогоры Белого моря и купола Петра-Пизанск<ого> собора и Гетеанума перекликаются в сознании *l'russe*.

И тогда-то доктор Штейнер, в *знак сего*, группу Белого, отколовшуюся от Григорова, называет «*Группой имени Ломоносова*»[107]; а «*Ломоносов*» – в ней числится членом; «*ломки*» же продолжаются, но уже не «*носов*», а «*копчиков*» и «*лопаток*» и т.д.

Дорогой друг – чудовищно?

Не думайте, чтобы эта чудовищность когда-либо сидела во мне: это моя пародия, грубейшая, «*до ужаса*», – на тончайшую «*плановую работу моих подсознаний*»: это модель к «*l'russe*» (вместо «*le russe*»): в 1913 году «*l'russe*» подавалось тончайше; *и я – не клюнул*; все же: остался виноват, ибо не с достаточной яростью выжигал образы «*тонких мороков*»; доктор – не причем, антропософы – не причем: причем – «*па́че*», или – *большая дылда, севшая перед собой на карачки и не узнавшая в себе*: *себя самого*.

Теперь, когда всею душою тоскую о «*смиренномудрии*», – верьте: это – жажда старика, просящего себе того, чего он при всех смирениях так мало вкусил.

Тут – *па́че* нет.

Сел оканчивать это письмо, а, как Розанов, – вскрикиваю: «Что написал?»[108] Вот уж: язык до Киева доведет; верю, что не до Киева, а до милого Разумника Васильевича, который возьмет и похоронит эту выболтанную пародийную гиль; хотя она и пародия, но пародия на нечто, что *тонко* и *горне* укусило тому назад 14 лет; два семилетия истекли; и 12-летие лежит между последними остатками «*горького*» морока, испепелившего вместе с другими окаянствами «*проблеск*» горних подглядов, сквозь них все выблеснувших; годами страданий, лишений, духовной униженности вплоть до «*l'russe*», ставшим пьянчужкой в Берлине, я искупил попустительство сознания, с любопытством разглядывавшего «*плановую работу*» соблазненного Люцифером подсознания и удивлявшегося изобретательности лживого артиста, в нас засевшего – за стеной (пока стены не падут, – нет гарантий, что с каждым не приключится что-либо подобное: ведь... *из-за стены*... приходил Ф.К.).

Так что – Вы понимаете: всю безобидность этого шаржа; но – все же: никому не показывайте моих издевательских поклепов на себя самого. Похороните в своем сердце. Все же лучше: а то – расклюют и без того расклеванного «*мистика*».

Впрочем, не мне *Вам* это объяснять.

———

Обнимаю от всей души: жду с оказией письма. Сердечнейше приветствую Варвару Николаевну и Иночку. И без всяких оказий всегда жду Вас в Кучино, когда бы Вы ни приехали.

Но, увы, не верю в приезды эти!

Сердечно любящий Борис Бугаев.

Приписка к письму К.Н.Васильевой от 7 февраля 1928 г.[109]

Дорогой Разумник Васильевич, – посылаем Вам итог работы целого лета: это суть те «*фермампиксы*», из-за которых люди сходят с ума, т.е. не те «*собаки*» (выражение Макса)[110], которые мы тоже (и в высшей степени) собирали; как ни хороши «*собаки*», а в знак нашего юбилейного привета их послать нельзя, оттого и посылаем «*фермампиксы*», т.е. «*благородные*» камушки («ферм...» – термин коктебельских больных каменной болезнью)[111]; нам особенно радостно послать их Вам, <потому> что они с трудом находятся: в день – дай Бог один; бедные больные перерывают в день до 25 пудов кругляччков; в итоге хвастаются, если есть «*фермампикс*»; теперь оправдано наше сумасбродство; роясь в камнях, мы с К.Н. готовили привет наш Вам с Варварой Николаевной.

[1] Ср. запись Белого за 7 февраля 1928 г.: «Письмище Р.В.Иванову. Потрясающее узнание о Сологубе» (*РД*. Л.133). Письмо Иванова-Разумника к Белому, содержащее «сообщение» о Ф.Сологубе, по всей вероятности, не сохранилось. Первый лист настоящего письма Белого, затрагивающего ту же тему, был отделен Ивановым-Разумником от последующего текста, безусловно, еще до передачи писем Белого на государственное архивное хранение (об этом позволяют судить вписанные адресатом датировка и обращение) и был либо уничтожен, либо утрачен вместе с другими многочисленными документами архива Иванова-Разумника; в комментарии Иванова-Разумника – объяснение такого решения: «В “Ракурсе к дневнику” под 7 февраля 1928 года отмечено: “Потрясающее узнание о Сологубе”. Содержание “узнания” оглашению не подлежит» (Л.28об.). «Узнание» заключалось в сведениях, полученных Ивановым-Разумником в ходе разборки и систематизации архива Сологуба (ср. сообщение Иванова-Разумника в письме к Вас.В.Гиппиусу от 15 января 1928 г.: «...весь декабрь и половина января ушли у меня на разбор и краткую опись архива Сологуба. На днях заканчиваю эту работу и сдаю архив в Пушкинский Дом». – *ИРЛИ*. Ф.47. Оп.3. Ед.хр.28). О том, что часть материалов этого архива, имевших сугубо интимный характер, было решено до его передачи в Пушкинский Дом уничтожить (по согласованию с душеприказчицей покойного О.Н.Черносвитовой), сообщил нам Д.Е.Максимов – ссылавшийся, в свою очередь, на свидетельство Иванова-Разумника.

[2] В неизвестном нам письме к Белому Иванов-Разумник, безусловно, сообщал о постоянных побоях и унижениях, которые испытывал Сологуб, начиная с раннего детства: «...мать Ф<едора> К<узьмича> при всей своей любви и самоотверженности по отношению к детям была строга и взыскательна до жестокости, наказывала за каждую оплошность, за каждое прегрешение, вольное и невольное: ставила в угол, на голые колени, била по лицу, прибегала к розгам» (Черносвитова О.Н. Материалы к биографии Федора Сологуба / Вступ. статья, публикация и комментарии М.М.Павловой // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С.230-231), – а также о развившемся у него на этой почве садо-мазохическом комплексе, нашедшем непосредственное отражение в стихах, не предназначавшихся для печати, и в автобиографических записях (из которых следует, что Сологуб переносил телесные истязания и в зрелом возрасте). Подборка стихотворений Сологуба, объединенных этой темой, сохранилась в архиве Иванова-Разумника (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.4. Ед.хр.153). См.: Сологуб Ф. Цикл «Из дневника» (Неизданные стихотворения) / Публикация М.М.Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С.109-159; Павлова М. Из творческой предыстории «Мелкого беса» (Алголагнический роман Федора Сологуба) // Анти-мир русской культуры. Язык. Фольклор. Литература. М., 1996. С.338-348.

[3] Лирико-философский этюд Белого «Сфинкс» был опубликован в журнале «Весы» (1905. №9/10. С.23-49), «Феникс» – там же (1906. №7. С.17-29; вошел в кн.: Андрей Белый. Арабески. Книга статей. М., 1911. С.147-157).

[4] Это ненаписанное произведение Белый упоминает в перечне своих статей, предполагавшихся к опубликованию в издательстве «Скорпион» отдельной книгой, в письме к С.А.Полякову (конец марта 1906 г.) (Malmstad John E. From the History of Russian Symbolism: Andrej Belyj and Sergej Poljakov // Stanford Slavic Studies. Vol.1. Stanford, 1987. P.86).

[5] Имя и отчество Сологуба здесь ассоциируются со старцем Федором Кузьмичом, обличье которого, по легенде, принял император Александр I (не умерший в 1825 г., а ушедший «в народ»); ср. заглавие незавершенной повести Л.Н.Толстого о Федоре Кузьмиче – Александре I «Посмертные записки старца Федора Кузьмича...», впервые опубликованной в 1912 г.

[6] См. примеч.11 к п.163.

[7] Татьяна Семеновна Тетерникова (1832–1894) и Ольга Кузьминична Тетерникова (1865–1907); см. о них в «Материалах к биографии Федора Сологуба» О.Н.Черносвитовой (Неизданный Федор Сологуб. С.229-235).

[8] Первоначальное заглавие романа Андрея Белого «Крещеный китаец», под которым он был впервые опубликован в «Записках Мечтателей» (1921. №4. С.21-164).

[9] См. п.149, примеч.54.

[10] Поэт-«декадент» А.М.Добролюбов в 1898 г. оставил университет, порвал со своей средой и стал странником и религиозным проповедником, впоследствии – основателем секты «добролюбовцев». См.: Азадовский К.М. Путь Александра Добролюбова // Творчество А.А.Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник III (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып.459). Тарту, 1979. С.121-146.

[11] См.: Андрей Белый. Москва. М., 1990. С.262-263 (ч.2, гл.2, главка 9).

[12] Лк. XXIII, 46 (неточная цитата).

[13] Подразумевается строка из «Тилемахиды» В.К.Тредиаковского, взятая эпиграфом к «Путешествию из Петербурга в Москву» (1790) А.Н.Радищева: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй».

[14] Цитата из рассказа Ф.Сологуба «Призывающий Зверя» (1906). См.: Сологуб Ф. Собр. соч. Т.11. СПб., «Сирин», 1914. С.82.

[15] Имеется в виду рассказ «Проклятие зверя» (1908), навеянный впечатлениями от пребывания Л.Н.Андреева в Берлине в 1906 г. См.: Андреев Л. Собр. соч. М., 1994. Т.3. С.17-47.

[16] О своих визитах к Сологубу, проживавшему в доме 20 по 7-й линии Васильевского острова, Белый рассказал в мемуарах: *НВ*. С.483-486.

[17] Недотыкомка – бредовый образ, являющийся Передонову, герою романа Сологуба «Мелкий бес».

[18] См.: Штейнер Р. Путь к посвящению, или Как достигнуть познания высших миров. Путь к самопознанию человека в восьми медитациях. М., 1991. С.118-125.

[19] С А.П.Остроумовой-Лебедевой Белый общался летом 1924 г. в Коктебеле (см. п.143, примеч.14), там она написала его портрет. См.: Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. М., 1974. Т.3. С.57-58, 66-70.

[20] Ср. в «Выбранных местах из переписки с друзьями» («I. Завещание»): «...соотечественники! страшно!.. Замирает от ужаса душа» – и т.д. (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т.8. [Л.], 1952. С.221).

[21] Имеется в виду статья, впервые опубликованная в журнале «Весы» под заглавием «Далай-лама из Сапожка (О творчестве Ф.Сологуба)» (1908. №3. С.63-76); под заглавием «Ф.Сологуб» и с небольшими изменениями в тексте вошла в книгу Андрея Белого «Луг зеленый» (М., 1910. С.152-177). См.: Андрей Белый. Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2 т. М., 1994. Т.1. С.335-350, 470 (комментарий А.Л.Казина, Н.В.Кудряшевой); Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.382-392, 509 (примечания Л.А.Сугай). Далее Белый приводит в тексте (часто – в сокращенном виде) фрагменты из этой статьи или изложение ее содержания – в том числе цитаты из произведений Сологуба, включенные в нее (страницы указаны по книге «Луг зеленый»). После опубликования статьи в «Весах» Сологуб выразил (в письме к В.Я.Брюсову от 12 апреля 1908 г.) свое недовольство ею, в результате чего Белый отправил ему (30 апреля 1908 г.) большое объяснительное письмо, в котором с особой силой подчеркивал свою высокую оценку творчества Сологуба (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. Л., 1974. С.132-135. Публикация С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова). См. анализ статьи Белого: Синельникова Г.И. А.Белый о Сологубе (проблема автора-критика) // Жизнь и стиль литературного произведения: Межвузовский сб. научных трудов. Йошкар-Ола, 1994. С.110-116; Поэтика жанра. Сб. научных статей. Барнаул, 1995. С.61-67.

[22] См., например, главы «Об эфирном теле человека и об элементарном мире» в книге Р.Штейнера «Порог духовного мира. Афористические рассуждения» (Штейнер Р. [Соч.]. Т.1. Порог духовного мира. Теософия. Из летописи мира. Пенза, 1991. С.25-29) и «Строение эфирного тела» в его книге «Путь к посвящению» (Штейнер Р. Путь к посвящению, или Как достигнуть познания высших миров... С.79-93).

[23] Стихотворная цитата из «Январского рассказа» (Сологуб Ф. Истлевающие личины. Книга рассказов. М., 1907. С.92), позднее печатавшегося под заглавием «Ёлкич» (Сологуб Ф. Собр. соч. Т.7. СПб., «Сирин», 1914. С.9-21).

[24] См.: Сологуб Ф. Истлевающие личины. С.91. Цитата приводится в статье Белого «Ф.Сологуб».

[25] Элефантиаз – слоновость; необратимое, постепенно прогрессирующее утолщение кожи и подкожной клетчатки.

[26] Подразумевается заключительная сцена акта V 2-й части «Фауста» и финальные строки трагедии (Chorus mysticus).

[27] Слова из той же сцены, которые произносит Doctor Marianus; в переводе Н.А.Холодковского: «...В синеве эфира / Тайну мне узреть твою / Дай...»

[28] «Жало смерти» (М., «Скорпион», 1904) – книга рассказов Сологуба, включающая рассказы «Утешение» и «Баранчик», ниже упоминаемый.

[29] Неточная цитата из стихотворения А.Н.Плещеева «Легенда» («Был у Христа младенца сад...», 1877), опубликованного с подзаголовком «С английского» (Плещеев А.Н. Полное собрание стихотворений («Библиотека поэта». Большая серия). М.; Л., 1964. С.352).

[30] Белый, по всей вероятности, искаженно воспроизводит слова тропаря, читаемого в Великий четверг: «...не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам яко Иуда <...>».

[31] Св. Макарий Великий или Египетский (300–390) – отец Церкви, автор 50 бесед и 7 Слов религиозно-нравоучительного характера. Ср. запись Белого за 6 февраля 1928 г.: «Читаю Макария» (*РД*. Л.133). В сокращении цитируется «Слово 4. О терпении и рассудительности» (Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послание и слова, с присовокуплением сведений о жизни его и писаниях. Изд.4-е. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С.386).

[32] Заключительные реплики 10-й картины четвертой драмы-мистерии Р.Штейнера «Пробуждение душ» («Der Seelen Erwachen»), представленной впервые в Мюнхене в Народном театре 22 августа 1913 г. См.: Steiner R. Vier Mysteriendramen. Dornach, 1956. S.500.

[33] Манихейство – религиозно-философское учение, возникшее в III в. на Ближнем Востоке; в основе его – дуалистическое представление о мире как существовании изначальных, вечных и противостоящих принципов: добра и зла, света и тьмы (материи), отграниченных друг от друга; согласно манихейству, человек есть творение тьмы, заключающей душу (искру света) в оковы плоти.

[34] Ср. запись Белого за 12 января 1928 г.: «Читаю афонское издание о старцах (Варсанофия, Иоанна). Негодование от книги» (*РД*. Л.132об.). Подразумевается книга, изданная впервые по-гречески афонскими монахами в 1803 г., а в русском переводе – в 1855 г. (М.): «Преподобных отцев Варсанофия Великого и Иоанна, руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников». В записях за вторую половину января 1928 г. Белый также неоднократно зафиксировал чтение «Патерика»; каким именно изданием жизнеописаний святых отцов он пользовался, неясно.

[35] Подразумевается фраза из беседы 6-й Макария: «Престол Божества есть ум наш, и наоборот, престол ума – Божество и Дух» (Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послание и слова... С.62).

[36] Возможно, подразумевается фраза из 2-й части поэмы «Так говорил Заратустра» (фрагмент «О возвышенных»): «Поистине, я смеялся часто над слабыми, которые мнят себя добрыми, потому что у них расслабленные лапы» (Ницше Ф. Соч. в 2 т. М., 1990. Т.2. С.85. Перевод Ю.М.Антоновского).

[37] Имеется в виду следующий эпизод из «Жизни преподобного Макария Египетского»: «Пришел он некогда к одному отшельнику и, нашедши его больным, спросил: не хочет ли он съесть чего-нибудь? Больной сказал: хочу пастилы. Старец не поленился сходить в Александрию, чтобы достать больному то, чего он просил» (Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послание и слова... С.XVII).

[38] Подразумевается концепция александрийской, сократической, теоретико-рационалистической культуры, обусловившей основные формы современной цивилизации, которую вы-

двинул Ф.Ницше в книге «Рождение трагедии из духа музыки» (гл.18). См.: Ницше Ф. Соч. В 2 т. М., 1990. Т.1. С.126-129 и др.

[39] Прозаик, поэт, критик, идеолог «мистического анархизма» Г.И.Чулков в 1920-е гг. испытал духовную эволюцию в сторону православного догматического богословия; в частности, в рождественском письме (24 декабря 1934 г. / 6 января 1935 г.) к Н.Г.Чулковой он отрекался от своих «неосторожных, торопливых высказываний» периода исповедания «мистического анархизма» и заявлял: «Главное мое заблуждение, противоречившее, кстати сказать, моему внутреннему опыту, это уклончивое отношение к исповеданию той Истины, что две тысячи лет назад была воплощена до конца и явлена была человечеству в своей единственности и абсолютности» (*РГБ*. Ф.371. Карт.2. Ед.хр.31).

[40] См. примеч.7 к п.192.

[41] Указанные визиты состоялись, соответственно, 4, 5 и 7 (либо 6-го) февраля; ср. запись Белого за 6 февраля: «Утром были Спасские (Соня и С.Д.)» (*РД*. Л.133).

[42] Николай Николаевич Вышеславцев (1890–1952) – художник; в январе–марте 1928 г. работал над портретом Белого (см.: *Минувшее 13*. С.275). Ср. запись Белого за 10 февраля: «Был Вышеславцев» (*РД*. Л.133).

[43] Намеченная на понедельник 13 февраля лекция Белого в Гэктемасе при Театре имени Мейерхольда не состоялась. Ср. письмо Белого к В.Э.Мейерхольду (Кучино, 3 февраля 1928 г.): «А я все подхварываю: ослабел и от работы, и от разных горестных раздумий. Умирать пора. <...> Передайте Вашим студийцам, что в ближайший понедельник опять читать не могу; я должен был ехать в Ленинград; вместо этого в сильнейшей ангине просидел 10 дней безвыходно» (*РГАЛИ*. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1160).

[44] Премьера первой сценической редакции «Горе уму» (по «Горе от ума» А.С.Грибоедова) в постановке В.Э.Мейерхольда состоялась в его театре 12 марта 1928 г.; вторая постановка «Свадьбы Кречинского» А.В.Сухово-Кобылина была осуществлена Мейерхольдом лишь в 1933 г. (14 апреля – премьера в Ленинграде).

[45] См. явление XXI 2-го действия «Женитьбы» Н.В.Гоголя. Белый иронически идентифицирует театральную студию Мейерхольда (Гэктемас) с ВХУТЕМАСом (Высшие художественно-технические мастерские) – московским учебным заведением (1920–1926), готовившим в основном художников-станковистов и архитекторов.

[46] В письме от 10 октября 1927 г. Мейерхольд, приглашая Белого «начать с ноября курс слова» в Гэктемасе, отмечал: «Было бы очень важно, если бы Вы начали этот курс еще и потому, что эти занятия подготовили бы наших ребят к репетициям “Москвы”» (Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896–1939. М., 1976. С.270). В 1928 г. конкретные работы, связанные с намечавшейся в Театре имени Мейерхольда постановкой «Москвы», не возобновлялись.

[47] Анализ элегии Е.А.Баратынского «Финляндия» (1820) Белый провел на одной из лекций в Гэктемасе в декабре 1927 г., «стилевой разбор» повести Н.В.Гоголя «Страшная месть» – в январе 1928 г. (Андрей Белый. Себе на память // *РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.96. Л.19).

[48] С февраля 1928 г. Белый чтения лекций в Гэктемасе не возобновлял.

[49] См. примеч.19 к п.141.

[50] Н.Е.Шипов, домохозяин Белого в Кучине.

[51] Альберт Абрахам Майкельсон (Michelson, 1852–1931) – американский физик; знамениты его опыты по определению скорости Земли относительно эфира и др.

[52] Пралайя (*санскр.*) – период обскурации или покоя (планетного, космического или вселенского). Из видов Пралайи, различаемых в теософии, здесь подразумевается, видимо, окончательная Пралайя – смерть Космоса (см.: Блаватская Е.П. Тайная доктрина. Т.1. Космогенезис. Л., 1991. С.87-90).

[53] Имеются в виду рассуждения в Разговоре 3-м («Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», 1900) об исчезновении ярких, прозрачных дней: «...все как будто чем-то подернуто, тонким чем-то, неуловимым, а полной ясности все-таки нет. <...> Все какая-то тревога и как будто предчувствие какое-то зловещее» (Соловьев Вл.С. Соч. В 2 т. М., 1988. Т.2. С.735).

[54] Е.Т.Шипова, домохозяйка Белого.

[55] В субботу (11 февраля) Белый намеревался передать письмо для Иванова-Разумника возвращавшимся в Ленинград С.Д. и С.Г.Спасским; ср. его запись за 11 февраля: «Были Спасские» (*РД*. Л.133).

[56] Речь идет о предполагавшемся мемуарном очерке для задуманного Ивановым-Разумником сборника воспоминаний о Сологубе (специального очерка Белый не написал, однако

рассказал о встречах с Сологубом в позднейших мемуарах: *НВ*. С.483-491). В январе 1928 г. О.Н.Черносвитова сообщала Ю.Н.Верховскому, что с целью издания сборника памяти Сологуба образован комитет в составе А.А.Ахматовой, Е.И.Замятина и Иванова-Разумника (см.: Данько Е.Я. Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публикация и комментарии М.М.Павловой // Лица. Биографический альманах. Т.1. М.; СПб., 1992. С.197, 227). О собранных материалах книги («пачка рукописей») Иванов-Разумник писал Замятину 15 июля 1928 г.: «Возьмите их для прочтения и присоедините к ним те странички, которые передаст Вам Вал<ентин> Ин<нокентьевич> Анненский. Кроме них готовы еще: большая статья О.Н.Черносвитовой, статья Лундберга (высылает с Кавказа), моя (о "последней тетради" Сологуба), Д.М.Пинеса (об архиве Сологуба). Надеюсь, что не обманет и Козьма, который обещал написать несколько страничек. Если бы и Замятин тоже дал несколько страниц, то, пожалуй, и весь сборник вчерне был бы готов. А как реализация его?» (*ИМЛИ*. Ф.47. Оп.3. Ед.хр.91. Козьма – К.С.Петров-Водкин). Подготовленный сборник был представлен в 1929 г. в московское издательство «Федерация», однако издание осуществить не удалось (см. вступительную статью А.Ю.Галушкина и М.Ю.Любимовой к публикации переписки Ф.Сологуба и Е.И.Замятина. – Неизданный Федор Сологуб. С.388).

[57] П.Н.Зайцев.

[58] Перечисляются, наряду с другими, книги Ф.Сологуба: «Истлевающие личины. Рассказы» (М., 1907), «Политические сказочки» (СПб., 1906), «Пламенный круг. Стихи. Кн.8» (М., 1908).

[59] См. п.187, примеч.40.

[60] П.И.Лебедев-Полянский – критик, литературовед, в 1917–1919 гг. правительственный комиссар Литературно-издательского отдела Наркомпроса, в 1922–1931 гг. – начальник Главлита, центрального цензурного органа, контролировавшего всю советскую издательскую деятельность (см.: Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры 1917–1929. СПб., 1994. С.92-93).

[61] Речь идет о переиздании «Петербурга» в 1928 г. «Никитинскими субботниками». Возможно, что «снисходительное» отношение к этому Лебедева-Полянского было отчасти обусловлено фактом его прежних тесных деловых контактов с П.Н.Зайцевым: последний был в 1922 г. секретарем еженедельной газеты «Московский понедельник», выходившей под редакцией Лебедева-Полянского (см.: Зайцев П.Н. Первая московская литературная газета «Московский понедельник» / Публикация В.П.Абрамова // Минувшее: Исторический альманах. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.54-69).

[62] А.С.Новиков-Прибой (1877–1944) – прозаик; входил в состав правления «Никитинских субботников» (наряду с И.Н.Розановым, М.Я.Козыревым, А.С.Яковлевым и председателем правления Е.Ф.Никитиной). См. письмо Андрея Белого к Новикову-Прибою от 20 сентября 1927 г. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С.69-70).

[63] 28 января 1928 г. Е.И.Замятин заключил с «Никитинскими субботниками» договор на издание Собрания сочинений в 6-ти томах; в июне того же года договор был переоформлен с издательством «Федерация» (см. письма Замятина к Л.Н.Замятиной от 6 и 22 июня 1928 г. // Рукописные памятники. Вып.3. Ч.1. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина. СПб., 1997. С.331-332, 339-340. Комментарии М.Ю.Любимовой).

[64] Предполагавшаяся к постановке в Театре имени Мейерхольда в сезон 1927–1928 г. инсценировка «Истории одного города» не была доработана Замятиным к назначенному сроку. 3 ноября 1927 г. Иванов-Разумник писал ему в этой связи: «Если виделись с Мейерхольдом, то знаете, что "Ист<ория> одн<ого> гор<ода>" нужна ему спешно, – хочет ставить ее первой постановкой после ноября. Боюсь, что Вы подвели нас обоих и работы еще не сделали <...> о себе должен прямо сказать – вся моя надежда на конец этого года и начало будущего года была на "Ист<орию> одн<ого> города". Если же она не будет поставлена теперь, а Мейерхольд в феврале–марте (как собирался) уедет со своим театром за границу, то тогда – пиши пропало, милый друг! То бишь жди сезона 1928–1929 г., до которого Вы-то благополучно доживете, а я – сумлеваюсь штоп: слишком трудны мои обстоятельства» (*ИМЛИ*. Ф.47. Оп.3. Ед.хр.91). Не завершенная Замятиным, пьеса не была поставлена ни у Мейерхольда (отказавшегося в 1928 г. от этого проекта), ни в Театре имени Вахтангова, Театре сатиры и Бакинском рабочем театре, которые также в 1927–1928 гг. проявляли интерес к инсценировке «Истории одного города» (см. послесловие А.Галушкина к публикации замятинского текста «Истории одного города»: Странник. 1991. Вып.1. С.30).

[65] Александр Степанович Яковлев (наст. фам. Трифонов-Яковлев, 1886–1953) – прозаик, журналист, член партии эсеров с 1905 г.; входил в состав правления «Никитинских субботников». Арест, на который намекает Белый, видимо, был непродолжительным: в том же 1928 г.

Яковлев принимал участие в спасении итальянской экспедиции к Северному полюсу под руководством Умберто Нобиле.

[66] Свою горечь и уязвленность, вызванные затяжкой постановки «Москвы», Белый выразил весьма определенно в письме к Мейерхольду от 12 марта 1928 г., в котором, перечисляя все прежние неудачные попытки приступить к совместной работе, заключил: «Меня нельзя вызвать по первому требованию; я для этого слишком занятой, усталый, едва справляющийся с жизнью человек, более занятый мыслями о *благообразной* кончине жизни и тихой осмысленной предсмертной жизни, чем мыслями о суетах вроде постановки своей пьесы. Все равно, явись я к Вам, – разговор был бы бесплоден до вдумчивого вхождения в текст переделки» (*РГАЛИ*. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1160).

[67] Эти намерения не осуществились.

[68] Иван Иванович Панаев (1812–1862) – прозаик, поэт. Имеется в виду кн.: Панаев И.И. Литературные воспоминания. Первое полное издание под редакцией и с примечаниями Иванова-Разумника. Л., «Academia», 1928. Книга вышла в свет в начале января 1928 г. (см. письмо Иванова-Разумника к Вас.В.Гиппиусу от 15 января 1928 г.: *ИРЛИ*. Ф.47. Оп.3. Ед.хр.28); Белый читал ее, согласно его записям, 5 и 8 февраля (*РД*. Л.133).

[69] Авдотья Яковлевна Панаева (урожд. Григорьева, во 2-м браке Головачева; псевдоним – Н.Станицкий, 1819–1893) – прозаик; жена И.И.Панаева, с середины 1840-х гг. гражданская жена Н.А.Некрасова. Имеется в виду кн.: Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. 1824–1870 / Редакция и примечания К.И.Чуковского. Л., «Academia», 1927. Белый читал ее 2 февраля 1928 г. (*РД*. Л.133).

[70] См. п.195, примеч.2.

[71] См. п.192, примеч.7.

[72] Образ восходит к «Страшной мести» Н.В.Гоголя, ср.: «мертвецы грызут мертвеца», «грызут мертвецы мертвеца» (Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. Т.1. [Л.], 1940. С.278, 282).

[73] С.А.Толстая-Есенина (1900–1957) – внучка Л.Н.Толстого, дочь А.Л. и О.К.Толстых, жена С.Есенина (с весны 1925 г.); активно работала над сбором и систематизацией рукописного наследия Есенина.

[74] П.С.Коган, председательствовавший на вечере памяти Есенина 2 января 1928 г. и открывший его вступительным словом, «резко разграничил Есенина и есенинщину»: «Справедливая борьба с упадочническими настроениями должна продолжаться, но в этой борьбе нельзя забывать о искреннем стремлении поэта воспеть нового человека, строителя будущего» (Вечер памяти Есенина (2 марта во втором МХТ) // Читатель и писатель. 1928. №1. 7 января. С.9). Выступление Белого излагается в репортаже-фельетоне Ивана Рудого «Есенинщина справляет тризну. Торжество истеричных дев. Вечер в угоду обывателя» (Молодой ленинец. 1928. №3. 4 января. С.3), в тройном заглавии которого, а также в авторском резюме («Вечер памяти Есенина был превращен его организаторами в совершенно бессмысленное торжество истеричных девиц и слюнявых “воспоминаний”») содержится совершенно однозначная оценка проведенного поминального собрания:

«Андрей Белый обижен на критику. Его пригласили выступить с воспоминаниями на вечере памяти Есенина. Но это отнюдь не значит, что он не должен здесь сводить счеты с критиками.

– Больше всего я Есенина люблю за его деликатность, – говорил Белый. – Признаться, не о чем мне вспоминать. Нет у меня воспоминаний о Есенине. То есть есть, но боюсь вспоминать... Вот раз вспомнил о Блоке, и начали меня крыть критики...

– Но все же такого тонкого, сердечного человека нельзя было обижать. В Есенине была оскорблена человеческая человечность.

И как и следовало ожидать, Белый заключил, что погиб Есенин от критиков и повесился он “в зеленый вечер под окном” из-за людей “с острова Крита”».

[75] Kamerad (*нем.*) – товарищ.

[76] В письме к Н.Г.Чулковой от 2 февраля 1928 г. Г.И.Чулков сообщал о своем выступлении на вечере памяти Сологуба: «Когда я вышел на кафедру – ни единого хлопка: аудитория, очевидно, меня не знает. Но когда я кончил, аплодисменты были единодушны и долго не смолкали, так что следующий чтец никак не мог начать свое слово. Я чувствовал, что победил. Ко мне подходили многие – знакомые и незнакомые. Лозинский, старый петербургский поэт и эстет, жал мне руку и говорил, что не помнит уже, когда ему доводилось с таким наслаждением слушать кого-либо» (*РГАЛИ*. Ф.548. Оп.1. Ед.хр.482).

[77] См. п.185, примеч.13-16.

[78] Здесь в смысле: фанатичный проповедник, неистовый обличитель. Джироламо Савонарола (Savonarola, 1452–1498) – итальянский проповедник, поэт и религиозно-политический де-

ятель; фанатический враг светской культуры Возрождения, побудивший к уничтожению многих ее памятников.

[79] Подразумевается опера Р.Вагнера «Лоэнгрин» (1850), написанная на сюжет средневекового сказания о рыцаре Лоэнгрине.

[80] Неточно приводятся заключительные строки стихотворения А.Блока «З.Гиппиус» («Женщина, безумная гордячка!..», 1-6 июня 1918 г.): «Высоко – над нами – над волнами, – <...> Веет знамя – Интернацьонал!» (Блок А. Собр. соч. В 8 т. М.; Л., 1960. Т.3. С.372).

[81] Это выступление Белого состоялось 14 ноября 1927 г. (*РД*. Л.131об.); ср. запись о нем в перечне Белого «Себе на память»: «“О символизме и символистах”. Лекция в Доме раб<отников> по просвещению» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.96. Л.19).

[82] Поэт, прозаик, критик Сергей Митрофанович Городецкий (1884–1967) в 1907–1908 гг. выступал как приверженец «мистического анархизма» Г.И.Чулкова – в том числе в статье «На светлом пути», напечатанной в кн.2 альманаха «Факелы» (СПб., 1907). Выпад в этой связи по адресу Городецкого и его «мистико-анархического» «афористического шедевра» включает и статья Белого «Гоголь и Мейерхольд» (Гоголь и Мейерхольд. М., 1927. С.24).

[83] Schluß (*нем.*) – конец.

[84] Комментарий Иванова-Разумника: «В.В.Бакрылов – секретарь ВФА в 1919–1922 гг.; незадолго до смерти организовал при ВФА кружок ритмической пластики» (Л.29).

[85] Ежедневная газета «Вечерняя Москва».

[86] Составленный Белым «Дневник явлений природы» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.99) включает графики «неуравновешенностей в природе», а также «Кривую записей ненормальностей в явлениях природы (от сент<ября> 26 года до окт<ября> 27 года)».

[87] Ср. запись Белого за 10 февраля: «Письмище Р.В.Иванову» (*РД*. Л.133).

[88] Мф. VII, 1.

[89] Начальные слова молитвы св.Ефрема Сирина (ок.306 – ок.373), одного из отцов Церкви: «Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми».

[90] Подразумевается выражение «уничижение паче гордости» – т.е. излишнее смирение больше гордости.

[91] Ср. п.125, примеч.5, п.136, примеч.15.

[92] Белый вспоминает о своей жизни в Берлине в октябре–ноябре 1913 г. (ср.: *МБ*; Минувшее: Исторический альманах. Вып.6. Paris, 1988. С.356-360).

[93] Первая строка романса М.И.Глинки («Элегия», 1825) на текст стихотворения Е.А.Баратынского «Разуверение» (1821).

[94] Строки из романса М.И.Глинки «Сомнение» («Уймитесь, волнения страсти!..», 1838) на текст одноименного стихотворения Н.В.Кукольника (Песни русских поэтов. («Библиотека поэта». Большая серия). В 2 т. Л., 1988. Т.1. С.522).

[95] Имеется в виду эпизод в «Войне и мире» Л.Н.Толстого (т.3, ч.1, гл.XIX), в котором Пьер Безухов анализирует масонское пророчество о судьбе Наполеона в связи с апокалипсическим числом 666: согласно цифровым соответствиям французских букв, словосочетание «L'empereur Napoléon» («император Наполеон») в арифметическом эквиваленте дает сумму чисел, равную 666, а словосочетание «Le Russe Besuhoff» («русский Безухов») – 671; орфографически неправильное написание второго словосочетания («l'Russe Besuhoff»), однако, в сумме дает также 666.

[96] Гауризанкар – горная вершина в Гималаях, высотой 7144 м; до 1913 г. ошибочно отождествлялась с находившейся на расстоянии 60 км от нее наивысшей вершиной на земле – Эверестом (Джомолунгмой).

[97] Альцион – Джидду Кришнамурти (см. п.9, причем.12, 13).

[98] Цитата из стихотворения А.С.Пушкина «Пророк» (1826).

[99] Неточно приводятся первые строки романса «Сомнение» (см. выше, примеч.94).

[100] Уничижительное обозначение последовательниц Р.Штейнера (ср. п.14); вспоминая о переживаниях 1915 г., Белый отмечает: «Дорнахская атмосфера становилась мне порой поперечь горла; дух догматизма и глупого педантизма множества “*теток*” <...> меня раздражал; особенно раздражали сплетни, распространяемые “тетками”», и т.д. (*МБ*; Минувшее: Исторический альманах. Вып.8. Paris, 1989. С.434).

[101] М.Я. фон Сиверс. См. о восприятии ее личности Белым: Там же. С.418-422.

[102] Изначальный стимул для такой параллели (занимавшей прежде всего сознание самого Белого) был задан лекцией Р.Штейнера «Микеланджело и его время с точки зрения духовной науки», прочитанной в Берлине 8 января 1914 г. Рассказывая о своих переживаниях в июле 1915 г., Белый касается своих бесед с Т.Г.Трапезниковым: «...он слишком часто, слишком особенно, с подчерком говорит о "Микель-Анджело"; и я вздрагиваю <...> Ведь в имагинациях 1914 года (на лекции Доктора в Берлине о Микель-Анджело) мне показалось, что Доктор старается мне дать понять, что я перевоплощение его. Я с ужасом этот "*бред*" отверг, как ложную имагинацию. Теперь, через полтора года <...> опять появляется тема "*Микель-Анджело*": с подчерком; что-то подчеркивает мне обо мне же, на этот раз – Трапезников, не подозревающий, *что* он задевает во мне» (*МБ*; Там же. С.461–462). В мемуарном очерке «Ночь с Андреем Белым», описывающем встречи с Белым в Берлине в 1921–1923 гг., А.В.Бахрах свидетельствует, что слышал от писателя «запутанный, но "логически" построенный и внешне вполне ясный рассказ о том, как в одном из своих предыдущих воплощений он был... Микель-Анджело. За этим головокружительным "признанием" следовали всевозможные детали из жизни великого флорентинца, которые передавались все в первом лице: я рисовал, я лепил, я строил...» (Бахрах А. По памяти, по записям. Литературные портреты. Париж, 1980. С.55. Ср. другую редакцию текста: Бахрах А. «По памяти, по записям». Андрей Белый // Континент. 1975. №3. С.307).

[103] Псевдоним «Андрей Белый» был предложен М.С.Соловьевым при подготовке к изданию «Симфонии (2-й, драматической)». См.: *НВ*. С.145.

[104] Имеется в виду «Письмо о правилах российского стихотворства» (1739) – теоретический трактат М.В.Ломоносова, в котором были обоснованы принципы силлабо-тонического стихосложения.

[105] В Бергене Белый был 8-10 октября 1913 г. См.: Спивак М.Л. Андрей Белый – Рудольф Штейнер – Мария Сиверс // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.50-51.

[106] Город на Северной Двине, близ которого родился Ломоносов.

[107] О формировании «ломоносовской» группы см. в автобиографическом очерке Белого «Почему я стал символистом...» (Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.475-476).

[108] Ср. вступительный фрагмент в кн. В.В.Розанова «Уединенное» (Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990. С.36).

[109] В этом письме (отправленном с оказией вместе с письмом Белого) К.Н.Васильева поздравляла Иванова-Разумника и В.Н.Иванову со свадебным юбилеем: «Так редко бывает, чтобы люди сразу нашли друг друга, и нашли друг в друге то, что им нужно. Поэтому с каким-то особым волнением произносишь вслед за Вами: "25 лет счастливой жизни вдвоем". С этим мало "поздравить". <...> А между тем мысль о Вашем "юбилее" наполняет душу каким-то особым волнующим содержанием. <...> Примите от нас смешные, но дорогие для нас подарки: несколько аджарских листиков и коробку коктебельских камней. Последняя – результат целого лета ползания по берегу среди камней» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24). Непосредственно за последней цитированной фразой письма – приписка Белого.

[110] Макс – М.А.Волошин.

[111] Ср.: «"Собаки" и "фермампиксы" – были особые коктебельские термины. Первые означали простые, неинтересные камни. Вторые – прозрачные, всевозможных цветов и рисунков, иногда даже драгоценных пород: яшмы, сердолики, хризолиты, хризопрасы и пр.» (*Бугаева*. С.141).

198. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
16 апреля 1928 г. Кучино.

Кучино. 28 года. 16 апреля.

Дорогой Разумник Васильевич –

– с Праздником Вас[1], Варвару Николаевну, Иночку поздравляю!

Отчего не черкнете хоть 2 слова? Когда Вы не пишете, я начинаю беспокоиться: не нагромоздил ли я в письме Вам какой-нибудь гротеск; когда пишешь непредвзято, болтая от *чая* и *самовара*, остается впечатление, что наболтал зря, особенно когда на письмо месяцами ответа нет; и как-то сжимаешься: иногда написал бы, а не... напишешь; думаешь: и так пере-пере-пере-болтался в письмах; давайте хоть двумя словами перекликаться, хоть открытками... аукаться.

А мы с К.Н. решили ехать: опять на Кавказ; и на этот раз даже надо: в лечебном смысле; я как заболел в конце января, так, в сущности, до сих пор продолжаю отболевать: перебирают меня все мелкие гадости; нет дня, чтобы не привязывалась какая-нибудь немочь: сегодня зубы, завтра голова, послезавтра гриппик, потом сердце, потом глаза, потом мускулы, потом одышка... Ловишь себя на том, что каждый день заболеваешь какою-то сериозной болезнью (каждый день – новой), чтобы оборвать в себе свою болезнь новой болезнью: что общего между воспалением надкостницы, желудочной схваткой, болью вен, мигренью, глазным нервом и т.д.? А все эти отрывки из *разных опер* имеют какой-то один, невскрытый, центр пересечения: не то причина – сердце, не то – невскрывшаяся неизвестная болезнь, не то – отказ нервной системы справляться с какими бы то ни было восприятиями. Знаете: как я 25-го января не выехал к Вам[2], так я засел в Кучине; и просидел сиднем, спускаясь в Москву раз в полтора месяца. Встречают знакомые и говорят: «Какой у вас крепкий, здоровый вид». А чего мне стоит этот вид: какие *немощи* под ним таятся! и вот решили мы: может, вся суть в нервах: в нервном переутомлении именно на почве тишины; ведь кучинская тишина меня с необходимостью ввергает в 10-часовую умственную работу. Я в Кучине уже не умею *не работать*: и всегда с азартом; встает сериозный вопрос: *надо себя вынуть из работы.*

Предположительно: в первых числах мая едем в Армению; сперва – в Эривань; у меня будут письма к *армянам*, чтобы наставили уму-разуму относительно поездок: куда можно, куда нельзя; в предположительном рассчете наметили 2-3 пункта: май – Армения; июнь – куда-нибудь в промежуточную область (Кутаис, либо Кахетия), июль – куда-нибудь высоко-высоко.

Да, человек предполагает, а судьба располагает.

Дорогой друг, – недавно одна книжечка на неделю меня уложила в лоск до – припадков удушья; и я настрочил впопыхах ответ на книжку, хотел ремингтонировать и разослать копии: 1) П.С.Когану в Худ<ожественную> Академию, 2) в Блоковское общество[3], 3) Вам, 4) маститой «*тете*» и маститой «подруге жизни»[4] «*именитого*» поэта, а один экземпляр спрятать у себя, как документ: «*dixi*», мол! Вы угадываете: книжечка – «*Дневник*» Блока[5]. Могу сказать: кратко: читал-кричал! Т.е. прочтешь страничку, и – взоревшь от негодования[6]. Крепко любил и люблю А.А., но в эдаком виде, каким он встает в 11–13<-ом> годах, я вынести его не могу: *никогда не мог*; и всякий намек на *такого*, показанного в «*Дневнике*», Блока вызывает у меня крик страстной, может, при-страстной злобы и негодования; если бы в эпоху 11–13<-го> годов я был жизненно посвящен в *труды и дни* Блока (изо дня в день), – не было бы в этих годах наших встреч, и, разумеется, – не было бы нашей переписки; я и не подозревал, *до какой степени* эти «труды и дни»; и до *какой степени* вовсе не относится к фактам жизни (кутеж, пьянство, беспросветная, ничем не оправданная *злость*, ибо злость – *на себя*), а к несносному привкусу очерствения, гнилой мистики, бекетовской спеси и... народофобии (ибо «*народ*» этого периода жизни Блока – химерическая «*морда*», от которой он бежит и к которой прибегает для... подпуга ею интеллигентов). Если бы Блок исчерпывался б показанной картиной (а в показанной картине вижу не Блока, а... Николая II-го[7], не более), то я должен бы был вернуть свой билет: билет «вспоминателя» Блока; должен бы был перечеркнуть свои «*Воспоминания о Блоке*»[8], отказаться от них в примечании такого рода: «Ознакомившись с материалом "*Дневника*" 11–13<-го> годов, беру назад слова покаяния о том, что я *де* не понял Блока в эпоху наших прей и взаимных вызовов на дуэль; я, стало быть, понял Блока в 1906 году; мои рецензии на "*драмочки*" и на "*Нечаянную Радость*"[9] – правильный ответ; и если Блок на протяжении всего "*Дневника*" – *то*, чем он является в напечатанном томе, то я должен реставрировать в 28<-ом> году свой взгляд на Блока 1906 года: *впредь до опубликования материалов*, из которых было бы видно, что, кроме Блока, белогорячечного, "*мистика*", народоненавистника, эгоиста и т.д., был Блок *большой*, – "*впредь до...*" зачеркиваю свои надгробные слова о Блоке («De mortius aut bene, aut nihil»*); мои слова отныне не "*bene*", а – "*nihil*"[10]: этой формы нигилизма в людях я *не не переношу*». Не сомневаюсь: был *другой* Блок; и *другой* Блок перевешивал Блока показанного; но вырезать из портрета Блока ряд черт *большого размаха* и

* *«О мертвых или хорошо, или ничего» (лат.)*

старательно выставить его пьяным, безвольным не то *идиотом*, не то... *мерзавцем*, – разве не значит: быть *идиотами* или *мерзавцами*. Сопоставьте «*мистические*», пьяные всхлипы Блока о Боге (это ли не самый дурной вид *мистики*?) с утверждением прохвоста Медведева о Блоке «*Дневника*», якобы преодолевающем романтизм в здоровый реализм[11]; сопоставьте гнусное восприятие «*мужичка*», как морды и хулигана, с якобы народолюбием Блока в этот период: сопоставьте пьяную ругань Блока на интеллигентов, с которыми он не имеет мужества рвать (вчера выругал А., завтра с ним завтракал)[12], сопоставьте надутое обещание говорить в «*Дневнике*» о важном с фактическим убожеством «*мыслей*» «*Дневника*», в котором 1/50 посвящена культуре, литературе, России вообще, а 49/50 – семейству Бекетовых, «*Любе*», «*маме*», «*тете Мане*» и «*Тапсику*»[13]. Между фразами «*была няня Маня*» и «*выпил бутылку рислингу*» – фраза: «*Нелепое известие о Сереже Соловьеве*»[14]. Сережа Соловьев – покушался на самоубийство и был увезен в психиатрическую больницу; Сережа Соловьев – вчера «*самый близкий*», но... «*няня Маня*» и «*бутылка рислинга*» куда более занимает сердце Блока, чем весть о трагедии человека, с которым *столькое* было пережито. Ведь от записей подобного рода веет Дневником... Николая II-го. После «*Дневника*» усумнился я и в народничестве; это – не любовь, а пьяная икота душевного паралитика, бессильного сбросить с себя прострацию; ему остается, как последняя форма самобичевания, пустить спьяну слезу о народе (вспомните: «*Он был зол и сантиментален*» – слова о Ф.П.Карамазове)[15]. *А приори* я знал в Блоке такую линию жизни; *in concreto*, когда она подается на блюде, – со мной делается нечто вроде припадка ярости. Только потому отложил намерение приложить свой «*меморандум*» к дневнику, что дрожал от злости, когда писал. Хотелось крикнуть – всем, всем: коммунистам, блокистам: «Есть чему радоваться! Называть *это* оздоровлением Блока, – значит быть: подлецом, либо идиотом (а, может быть, – и тем, и другим)». А «*редактор*» назвал этот «*ужас*» оздоровлением Блока! Есть мера лжи и есть мера глупости: но где была «*жена*», где была «*тетя*», где была «*Блоковская академия*». Даже... Книпович опустила голову; даже... она стыдится.

На днях С.Д.Мстиславский прислал мне второй том трилогии «*На кровях*»[16]. Прочел! Н-да! В первой части «*Пери*» провозгласила С.Д. Александром Македонским[17]; во втором томе он и повел себя «*соответствующим*» образом: невероятно, даже *неверрр*-оятно! И вдруг воскликнулось: румын! Какой такой? «*Румын*» от революции; вышел в эпоху нэпа в нэповском кабачке «*рреволюционный ррумын*» и смычком вывел тремоло с *легкостью необычайною*[18]; *нэпачи* упали в обморок от «крровей». И потом все пустились в фокс-трот. Я бы назвал роман: «*С бомбы на бал!*»[19]. Написано увлекательно, с *черт побери* каким *шиком*!

Простите, что письмо преисполнено злостью и горечью. Но – откликнитесь, а то я думаю, что Вы за что-то обижаетесь на меня. От К.Н. привет.

Остаюсь сердечно любящий Борис Бугаев.

P.S. Вашим сердечный привет. Д.М.Пинесу – тоже.

[1] Поздравление с Пасхой: 2/15 апреля 1928 г.

[2] См. п.196.

[3] Имеется в виду Московская Ассоциация по изучению творчества А.Блока (во главе с Е.Ф.Книпович), действовавшая в 1921–1929 гг. (с 1927 г. – как Комиссия по изучению творчества А.Блока в составе Литературной секции Государственной Академии Художественных Наук). См.: Ильюнина Л.А. Московская Ассоциация по изучению творчества А.Блока // Александр Блок. Исследования и материалы. Л., 1991. С.213-220.

[4] Имеются в виду тетка А.Блока Мария Андреевна Бекетова, автор книг «Александр Блок. Биографический очерк» (Пг., «Алконост», 1922) и «Ал.Блок и его мать. Воспоминания и заметки» (Л.; М., «Петроград», 1925), и жена Блока Любовь Дмитриевна Блок.

[5] Подразумевается издание: Дневник Ал.Блока. 1911–1913 / Под ред. П.Н.Медведева. [Л.], Изд-во Писателей в Ленинграде, 1928. Белый читал эту книгу в начале марта 1928 г.: «Читаю “Дневник” Блока» (5 марта); «Читаю “Дневник” Блока: в ужасе от него» (6 марта); «Киплю Блоком (много записано о нем)» (8 марта); «Киплю “Дневником” Блока» (9 марта) (*РД*. Л.133об.). Записи по поводу прочитанного Белый заносил в свой дневник (за март 1928 г. было записано 236 страниц. – *РД*. Л.133 об.), текст которого не выявлен.

[6] Комментарий Иванова-Разумника: «Отрицательное отношение АБ к этому “Дневнику” немедленно отразилось на концовке “Ветра с Кавказа”, дописывавшегося в те же дни (март 1928 года); затем на черновике “Почему я стал символистом” (писался в этом же месяце), а позднее – на втором томе воспоминаний (“Начало века”, 1930 г.)» (Л.29). См.: *Ветер с Кавказа*. С.292-293; Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.457. Подробнее об эволюции восприятия Белым образа Блока в 1920-е гг. см.: Fleishman Lazar. Bely’s Memoirs // Andrey Bely. Spirit of Symbolism. Ed. by John E. Malmstad. Ithaca–London, 1987. P.228-230; Лавров А.В. Мемуарная трилогия и мемуарный жанр у Андрея Белого // Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989. С.27-28; Гришунин А.Л. Андрей Белый о Блоке после 1921 года // Модели культуры. Межвузовский сб. научных трудов, посвященный 60-летию проф. В.С.Баевского. Смоленск, 1992. С.56-64. Негативные отзывы Белого о «Дневнике» зафиксировал П.Н.Зайцев в дневниковой записи от 10 марта 1928 г., приведенной М.Л.Спивак (Минувшее: Исторический альманах. Вып.23. СПб., 1998. С.527-528). Сохранились свидетельства о том, что Белый написал, в связи с изданием «Дневника», длинное письмо, обращенное к Л.Д.Блок и П.Н.Медведеву, которое не было отправлено (см.: Там же. С.498).

[7] Подразумевается публикация дневника Николая II за 1916–1917 гг. (Дневник Николая Романова / Подготовил к печати А.А.Сергеев // Красный архив. 1927. Т.1. С.123-152; Т.2. С.79-96; Т.3. С.71-91).

[8] Белый имеет в виду свою книгу «Воспоминания о Блоке» (Эпопея. №1-4. М.; Берлин, 1922–1923), а также более ранние и краткие мемуарные версии – «Воспоминания о Блоке» (Северные дни. Сб.2. М., 1922. С.131-155), «Воспоминания об Александре Александровиче Блоке» (Записки Мечтателей. 1922. №6. С.5-122).

[9] Белый подразумевает свою статью «Обломки миров» (Весы. 1908. №5. С.65-68), представляющую собой отклик на «Лирические драмы» (СПб., 1908) А.Блока, и рецензию на вторую книгу стихов Блока «Нечаянная Радость» (М., 1907) (Перевал. 1907. №4. С.59-62). Обе статьи Белый включил в полном объеме в «Воспоминания о Блоке» (Эпопея. №3. С.135-140; №4. С.112-117).

[10] Аналогичные коррективы к образу Блока, обрисованному в его «Воспоминаниях о Блоке», Белый вносит в очерке «Почему я стал символистом...» (март–апрель 1928 г.): «...трагический крах отношений с Блоками, над которым я опустил завесу молчания в воспоминаниях о Блоке (“de mortius aut bene, aut nihil”); скажу лишь: я в этих воспоминаниях себя слишком преумалил “*для ради*” надгробного слова над свежей могилой. Теперь – сожалею, ибо усматриваю спекуляцию на моей скромности» (Андрей Белый. Символизм как миропонимание. С.442).

[11] Подразумевается фраза из вступительной статьи П.Н.Медведева «О дневниках Ал.Блока», следующая за цитатой из дневниковой записи от 10 февраля 1913 г.: «Вместе с этой переоценкой мистико-романтического миросозерцания, у Ал.Блока начинают формироваться новые идейные интересы и пробуждается “вкус к реальности”» (Дневник Ал.Блока. 1911–1913. С.12). П.Н.Медведев в 1920–1930-е гг. – один из наиболее активных исследователей и издателей творческого наследия Блока (см.: Библиография избранных трудов П.Н.Медведева / Сост. Ю.П.Медведев // Медведев П. В лаборатории писателя. Л., 1971. С.387-390). Белый был эпизодически знаком с Медведевым с начала 1920-х гг. (см.: Андрей Белый. Письма к П.Н.Медведеву / Предисловие, публикация и примечания А.В.Лаврова // Взгляд. Критика. Полемика. Публикации. М., 1988. С.430-431).

[12] Какие именно записи в издании «Дневника Ал.Блока. 1911–1913» здесь подразумеваются, неясно: зашифрованные собственные имена в нем обозначены звездочками, а не инициалами, как у Белого (возможно, что обозначение «А.» в письме условно и не содержит догадки о конкретном лице; если же предположить конкретный намек, то, скорее всего, – на Е.В.Аничкова, которому в дневнике уделено несколько нелицеприятных записей).

[13] Имеется в виду такса Топка – щенок, взятый в дом А.А. и Ф.Ф.Кублицких-Пиоттух. См. записи Блока от 7 и 8 октября 1912 г. (Дневник Ал.Блока. 1911–1913. С.118-119; Блок А. Собр. соч. В 8 т. М.; Л., 1963. Т.7. С.161).

[14] Речь идет о дневниковой записи от 3 ноября 1911 г., включающей 6 фраз-сообщений, в их числе: «В “Утре России” под заглавием “В поисках смерти” нелепое известие о Сереже Соловьеве»; «Днем – няня Соня и разговоры о ее муже и о ректорском доме»; «Бутылка рислингу» (Дневник Ал.Блока. 1911–1913. С.29-30; Блок А. Собр. соч. В 8 т. Т.7. С.80). Газетная вырезка с сообщением о попытке самоубийства С.Соловьева была вклеена Блоком в дневник; см.: Блок А. Дневник / Подготовка текста, вступ. статья и примечания А.Л.Гришунина. М., 1989. С.73.

[15] Приводится заключительная фраза гл.IV («Третий сын Алеша») ч.1, кн.1 «Братьев Карамазовых» (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л., 1976. Т.14. С.24).

[16] Ср. запись Белого за 13 апреля 1928 г.: «Читаю Мстиславского “На кровях”» (*РД*. Л.134). Имеется в виду кн.: Мстиславский С. На крови. Роман. М.; Л., ГИЗ, 1928.

[17] Имеется в виду эпизод из 1-й части автобиографического цикла С.Д.Мстиславского «На тропе. Роман о моей жизни» (Кн.1. Крыша мира. М., 1925), в которой рассказывается о путешествии на Памир в 1898 г.: встреченная героем женщина называет его Искандером – т.е. Александром Македонским (С.172-174); в романе излагается также сказание об Искандере и Пэри – Красоте Мира, воспринимаемое героем как прообраз случившейся встречи (С.175-187).

[18] Обыгрывается образ «румынского оркестра» – музыкального ансамбля, получившего известность в России начала XX в. и ставшего своего рода нарицательным обозначением расхожего эстрадного, ресторанного и кафешантанного репертуара и соответствующей исполнительской манеры. Ср. строки из стихотворений П.П.Потемкина: «В Румынском оркестре / Появился в этом семестре / Новый тапер» («Тапер»); «Терзает уши злой румын, / Тошна его свирель» («Увеселительный сад») (Потемкин П. Герань. Книга стихов. СПб., 1912. С.149, 172). В «вольфильской» речи памяти Блока (28 августа 1928 г.) Иванов-Разумник приводит слова Блока, произнесенные в период разрухи, весной 1919 г.: «Как хорошо все же, что мы не слышим сейчас румынского оркестра, а, пожалуй, и впредь не услышим» – и добавляет: «Румынский оркестр – как символ старого мира! Если бы А.А.Блок не был так болен в последние месяцы своей жизни, он узнал бы, что это вернулось; проходя по улице мимо освещенных окон ресторанов и кафе, он услышал бы звуки румынского оркестра...» (*Вершины*. С.227).

[19] Иронический аналог пушкинских слов «с корабля на бал» («Евгений Онегин», гл.8, строфа XIII). В романе «На крови», действие которого разворачивается во время революции 1905–1906 гг., главный автобиографический герой, Михаил, – дворянин, человек «света», посещающий спектакли, скачки, балы, и одновременно революционер, представитель Боевого рабочего союза, близко стоящего к Боевой организации эсеров; такая двойная жизнь им сознательно декларируется: «...стать Протеем, научиться менять оболочки, оставаясь собой. Ведь только так и можно всю, всю жизнь узнать, если нигде не быть чужим: всюду входить как свой»; «На перине и на досках – я одинаково остаюсь собой» (Мстиславский С. На крови. С.50, 51).

199. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
30 апреля 1928 г. Детское Село[1].

30 апреля 1928. Ц<арское> Село.

Дорогой и родной Борис Николаевич, – до чего грустно быть оторванным даже письменно и не иметь возможности перекликаться хоть письмами, раз личные встречи оттягиваются на годы, а годов этих осталось и без того немного. Вы скажете – вот однако пишу же; но до чего не люблю писать по шпекинской линии, – просто потому, что противно, а не потому, чтобы имелись какие-либо тайны. Но – ничего не поделаешь. Не писал так долго потому, что изо дня в день и из недели в неделю мне говорили, что вот-вот танта[2] наша с мужем едут в Москву, что вот-вот едет профессор и побывает у Вас, рассказав Вам о нашем царскосельском житье-бытье. Но и танта не поехала, и профессор не поехал, – или, может быть, поехал, но не уведомив меня. Махнув на них рукой, обращаюсь к шпекинскому содействию[3], и впредь буду обращаться к нему.

Письмо Ваше на Пасху получил, получил и предыдущее, большое[4]. Дорогой друг, спасибо Вам за них; каждое Ваше письмо – большая радость для меня, причем – радость эта пропорциональна размерам письма (извините за эту вульгарно-сухую математику). Но есть радость и другая – от сознания, что, даже не обмениваясь письмами, мы перекликаемся темами: последнее письмо Ваше пришло ко мне в ту минуту, когда я, махнув рукой на тантопрофессорские посулы, сидел и писал Вам – о дневнике Блока и о романе Мстиславского. (Совестно ставить рядом два эти литературные явления, но ведь в обоих есть и общее: – разложение души). Читаю Ваше письмо – и что же? В нем Вы пишете об этих же самых двух книгах, уже отвечая мне на еще неотправленное мое письмо. Разумеется, я сейчас же бросил его в огонь, чтобы написать Вам заново, – что и делаю сегодня. Очень радует вот такая перекличка по духовному радио, радует и утешает тем, что и не перекликаясь письменно, мы все же перекликаемся. Утешение, конечно, слабое: хотелось бы поговорить часами, а не только знать,

что и за сотни верст мы думаем о том же и болеем тем же. Но все же утешаешься малым и радуешься сознанию, что года и версты не поставили между нами преград.

Так вот – о дневнике Блока 1911–1913 гг. От слова и до слова я согласен с тем, что Вы пишете, и от слова до слова не согласен. Длинная это тема, и не знаю, сумею ли я высказаться на этих поневоле немногих страницах, но попробую. – Начать с того, что Блок не может отвечать за Медведева. К последнему Вы слишком, однако, строги: не думаю, чтобы он был подлец, но думаю (вместе с Вами), что он очень бездарен и очень глуп. Вот ведь трагическая судьба больших людей и писателей попадать после смерти в распоряжение и на правеж людей глупых и бездарных!

О, жертва бедная двух адовых исчадий!
Тебя убил Дантес – и издает Геннади[5].

Но Геннади был только тупым библиографом, коверкавшим текст Пушкина и не касавшимся его души. Медведевы, конечно, хуже. Правда, позднее и текст Пушкина был восстановлен, будут впоследствии восстановлены и душевные переживания Блока. А пока – негде даже и высказаться о дневнике Блока и о медведевском освещении его; негде – и некому, так как Вам или мне печатно высказаться не дадут, рот заткнут тряпкой, как у Коробкина; а высказываться будут Медведевы, имена же их Ты, Господи, веси. Впрочем, что касается Медведева, то вина лежит, конечно, на нас, петербуржцах, и в первую очередь на мне, вина перед памятью А.А. и перед самим собой. Конечно, надо было до всякого Медведева взять дело о литературном наследии Блока в свои руки, – в руки тех вольфильцев, которые до 1924 года (года закрытия Вольфилы) вели постоянную работу по Блоку в вольфильском кружке[6]. Мы не сделали этого по многим причинам; одну из главных назову кратко: Любовь Дмитриевна. Рассказывать подробно – было бы долго. В двух словах: я думаю, что освещение «медведевское» для нее приемлемее и приятнее «вольфильского». Другая причина – моя личная: я не мог из дела Блока сделать для себя «хлебное дело», получать гонорары за свою работу над Блоком. Это дело душевное. Но жизнь скрутила так, что «хлебным» делам приходилось (и приходится) все эти годы отдавать 24 часа в сутки: переводить глупейшие романы, читать корректуры статистических таблиц, редактировать чужие переводы. Писать комментарии к Салтыкову – это уже было отдыхом и спасением. Не оправдываю себя: вина перед Блоком все равно остается. Объясняю только, как случилось, что появился Медведев в Питере. Появились они и в Москве, – и теперь дело прочно захвачено ими. Бедный, бедный А.А.! Но теперь уже и поделать ничего нельзя: Л.Д. вполне «солидаризировалась» с медведевской линией и вполне довольна такой интерпретацией Блока. Теперь лишь через года и года можно будет будущим исследователям восстановить его подлинный облик.

К нему я теперь и перехожу. Скажу Вам вот что: с подлинными дневниками Блока (1911–1913 и 1917–1921 гг.) я познакомился в 1922 году. Теперь они (часто с дикими купюрами) выходят в двух томах: первый том – 1911–1913 гг. – Вы читали и пришли в справедливый ужас; второй том – 1917–1921 гг. – выйдет в мае-июне[7]. Но читать и судить их отдельно – нельзя. 1911–1913 гг. – полное духовное разложение Блока, гибель его в страшных годах России. Пусть Медведев считает, что в эти годы происходит воскресение Блока от «мистики» в «реализм», – на то он и Медведев, глупый, трафаретный, бесталанный. Не воскресение, не воскрешение, а гибель – конечно. Гибель в бекетовщине, гибель в вине, гибель в декадентстве. Уйти от символизма, чтобы завязнуть в давно уже прогнившем декадентстве – трагедия Блока этих лет. Я тогда же (хотя совсем с другого конца) писал об этом, и думаю, что не совсем был неправ. Рислинг, Тапсик, пьянство, злость (на себя же!), бекетовщина – с одной стороны; но чем же лучше с другой – вкус к Судейкину, Сапунову[8], эстетам и эпигонам «Мира Искусства»? Беру только случайную сторону, – но ведь она обратная сторона той же бытовой бекетовщины! Блок ходит по музеям и выставкам, – но видит ли он, что был Врубель, что есть Петров-Водкин? Судейкин и Сапунов ему ближе. И *этот* Блок – неприемлемый для меня «декадент» – был до 1911 года, будет и после 1917 года. Когда пшютоватый, разухабистый и приемлемый для всех мещан Анненков испортил в 1918 году «Двенадцать» Блока своими хлесткими и бойкими (стиля романа Мстиславского) иллюстрациями[9] – Блок написал ему почти что восторженное письмо на четырех больших страницах! (Вчера только перечитал это письмо, передавая оригинал его в Пушкинский Дом для покупки от бывшей жены этого художни-

ка)[10]. *Этот* Блок – мне всегда чужд и враждебен. И если я беру здесь только одну случайную линию, – отношение к одному из видов искусства, – то лишь для примера и для краткости. Можно было бы повторить это и о целом ряде других линий дневника 1911–1913 гг. Не воскресение, а гибель – вот как хотелось бы определить личную жизнь Блока в эти страшные для него годы.

Но – вот вопрос по старой формуле: что́ все это – драма или трагедия? С Блоком 1911–1915 годов я виделся часто, почти ежедневно; видел и помню его большую *муку* за всей этой гиблой повседневщиной. Помню: сидим в «Сирине»[11], разговоры (очень острые), 11 часов вечера; мне давно пора ехать в Ц<арское> Село. Прощаемся; Блок говорит: «пойду домой. А знаете, *как* пойду? От Пушкинской до Пряжки, по Невскому, по Садовой, – на всем пути 52 (как твердо я подсчитал!) кабака, кафэ, ресторана... Зайду в каждый – и в каждом выпью рюмку водки... К двум часам ночи приду домой». И он возвращался поздно ночью домой и ложился, совсем пьяный, на железную жесткую кровать в каком-то закутке, – чтобы завтра или через день начать то же самое. Я помню его глаза, когда он говорил это, – и, помня их, читаю дневники 1911–1913 годов.

Все это на личной почве (Люба!) – пусть! Но все это выходит за пределы личного, Блоку надо было перестрадать что-то за всех нас, загнить до конца, до разложения самого себя, чтобы воскреснуть в 1917 году. Я не верю в благополучие Тапсика, бутылки рислинга, бекетовского уюта; все это – самое страшное, от чего приходится потерянным ходить по ночному Петербургу, заходить в кабаки, чувствовать себя затравленным, загнанным, разлагающимся. Какое уж тут «воскресение в реализме»! Это – разложение в натурализме (недаром Блок в эти годы стоит за «Звезду», за зеленотрупные обложки сборников «Знания»)[12]. И знаете, в чем было *наше* (говорю про себя и своих) спасение в эти трупные годы, когда Блока тянуло на падаль? – Как раз в том «символизме», от которого с ужасом отшатывался Блок. Реалисты увидели реализм в символизме (realiora!)[13]; символист Блок искал прибежища в натурализме. И погибал. Натурализм бекетовщины, знаньевцев – с одной стороны; эстетство разлагавшегося уже «Мира искусства», декадентство – с другой стороны. И Блок, с мукой в глазах, заживо разлагающийся душевно в этом болоте.

И вот – 1917 год, революция, «Двенадцать», «Скифы». Не мне говорить Вам, как тесно связано все это с прежними «Стихами о Прекрасной Даме», – Вы это давно уже сказали лучше меня[14]. Да, здесь подлинное воскресение Блока после страшных лет России и самого себя, здесь последние два года его воскресшей жизни – 1917 и 1918 г. Потому что 1919–1921 гг. – это уже тихое умирание и смерть. Дневники 1917–1921 гг. показывают все это наглядно. Надо прочитать их все вместе, чтобы увидеть, какое разложение – Блок 1911–1913 гг., и какое возрождение – Блок 1917–1918 года. Вот почему, дорогой друг, я согласен с Вами от слова до слова Вашего письма – во всем том, что Вы сурово говорите о I-м томе дневников. Да, все это так, – быть может, даже более того. И – не согласен ни в одном слове, если считать его окончательным выводом, а не лишь *антитезисом* 1906–1916 годов к тезису Блока 1900–1905 гг., в преддверьи *синтеза* 1917–1918 года.

Блока дневников 11–13<-го> годов я чувствую, – не знаю, как бы это сказать пояснее; – вот! только не сердитесь на кощунство: чувствую его как «взявшим грехи мира». Кощунства здесь нет, потому что «взявший на себя грех мира» – это каждый из нас; только и «взявший» и «мира» пишется здесь с очень, очень маленькой буквы, да и «мир» здесь иногда очень маленькое понятие: мир семьи, мир группы людей, мир направления. Для Блока мир этот был миром символизма, и грехи его (а они были не малые) он понес на своих плечах, – не он один, но и он тоже. В этом для меня его жизнь – между тезисом символизма и синтезом революции (Вы понимаете, конечно, что здесь и «символизм» и «революция» – лишь этикетки, от косноязычия). Вот почему кричу, как и Вы, от ужаса, негодования, иногда злобы против Блока, читая его дневники страшных лет; ненавижу бекетовщину, Тапсика, уюты мамы и тети, – но знаю, что неуютно было ему в этих уютах, – иначе не обходил бы он за вечер 52 кабака от Пушкинской до Пряжки. Все, что пишете Вы, – горькая правда, но не последняя: есть еще и дневники 1917–1918 года.

Но скажу сейчас же: и эти последние дневники – не окончательное освобождение от груза страшных лет. Слишком тяжел был этот груз, слишком въелись ремни в

плечи, раны кровоточили и в дни воскресения. Рана 1904–5 г. не закрылась до самой смерти и гноилась до конца. Все мы – гнойные и струпные, каждый по своим грехам; гной и струпья душевные Блока – определяются для меня словом «декадентство» (не литературное, конечно!), самым ненавистным для меня в области жизни духовной. Так вот, согласен с Вами во всем о Блоке, но только знаю за ним (а Вы – лучше меня знаете) – другого, о котором дневники 1911–1913 годов сказать почти ничего не могут.

Чувствую, что только лишь начал «входить в тему» (хороша «тема» – целая жизнь!) – и надо обрывать, чтобы письмо не разбухло до размеров, неприемлемых на почте. Обрываю, – впредь до встречи; а когда?!

От Блока к Мстиславскому и «На крови» – переход в мир другого измерения, даже сопоставлять неловко; но знаете – есть и общая «тема» (на этот раз – уже не жизнь, а литературщина). Дело в том, что это роман душевного разложения, – общее с Блоком, – принимаемого за всамделишное здоровье, – здесь пропасть между ними. Читал эту хлесткую, бойкую вещь – и все время трупом попахивало; этакий «бобок»[15], принимающий себя за пышащего здоровьем, краснощекого, полного крови и сил человека. «Ррреволюционный рррумын» – очень метко: ведь румыны-то эти на деле – щупленькие, худосочные, на поджарых ножках, этакие «бобки» в венгерках и со скрипками, с бравурными фиоритурами. И еще вспомнились – хлесткие, шикозные картины художника Порфирова (есть такой)[16], его саженные, порнографические Мессалины и Данаи. Потому что «На крови» – сплошная порнография в области духа, с ее «философией протеизма» (чем она не годится и для Азефа?)[17], с ее формулой – «убей и живи», с ее подмигиванием настоящему. И стиль совершенно соответствует внутренней сути, таков он и должен быть. Очень жаль мне Сергея Дмитриевича, я к нему хорошо отношусь, но романы его отталкивают – и второй еще больше первого. Если бы Мстиславский, вместо пенталогии романов, написал бы столько же томов подлинных воспоминаний (хотя бы в роде «Пяти дней»)[18], то крепко вошел бы в литературу; а своими романами он только выходит из нее. Это не литература, а хлесткая брешкобрешковщина, дюмапэрничество (оно выше), немировичданченковство...[19] Простите за неологизмы.

Написал я все это в один присест, вышел прогуляться – и, вернувшись, чуть не отправил все эти листы в корзину, – потому что встретил Вашего москвича, Всев. Иванова[20], сообщившего мне, что в пятницу 4/V Вы уже двигаетесь на Кавказ. – В предотъездном настроении – до таких ли писем, как это мое! Чуть не изорвал, – но все же посылаю, не для того, чтоб Вы прочли, а для того, чтобы знали, что я писал и чтó я писал. Хотел написать еще о многом, но Кавказ стер все мои намерения. Поэтому – кончаю. Страшно рад за Вас и Клавдию Николаевну (ей же – сердечный привет Варв<ары> Ник<олаевны> и мой!), что Вы снова отдохнете и подкрепитесь горами, морем, солнцем. Кстати о Кавказе: В.Иванов сказал мне, что в №4 «Красной Нови» напечатан ваш Кавказ[21]. *Если* у Вас есть журнальные оттиски (что сомнительно), и *если* у Вас в предотъездные дни найдется свободная минута (что еще сомнительнее), то не пришлете ли мне этот очерк, который так меня интересует? Да заодно уж и I-ый т<ом> «Петербурга» нового издания![22] – Простите, что напрашиваюсь на подарки, – и заранее прошу не выполнять навязчивой просьбы, если она связана с хлопотами.

И рад за Вас – и грустно при мысли, что вместо нескольких сот верст все лето между нами будут лежать несколько тысяч верст. Пишите хоть открытки – буду отвечать ими же. Мы, вероятно, все лето безвыездно будем сидеть в Ц<арском> Селе. Не забывайте же нас.

Ну – до свидания, дорогой друг, крепко обнимаю Вас, желаю удачного лета, отдыха, здоровья. Спешно кончаю, чтобы сейчас же отнести это письмо на почту, в надежде, что от понедельника (сегодня) до пятницы оно, несмотря на все почтовые условия, все же дойдет до Вас.

Крепко целую, крепко всегда помню – и прошу о взаимности.

Сердечно любящий

Ваш Р.Иванов.

38 Зак. 3782

[1] Ответ на п.198.

[2] Tante (*фр.*) – тетка.

[3] Подразумевается отправка письма по почте – с вероятностью его перлюстрации.

[4] Имеется в виду п.197.

[5] Приводится эпиграмма Сергея Александровича Соболевского (1803–1870) «На издателя А.С.Пушкина» (1860), представляющая собой отклик на издание собрания сочинений Пушкина (1859), подготовленное Г.Н.Геннади и вызвавшее многочисленные протесты из-за примененной в нем методики воспроизведения текста – контаминации основного текста с зачеркнутыми вариантами строк и слов. См.: Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века). («Библиотека поэта». Большая серия). Л., 1988. С.310, 618 (примечания М.И.Гиллельсона и К.А.Кумпан); Равич Л.М. Г.Н.Геннади (1826–1880). М., 1981. С.26-28.

[6] Перечень заседаний «Вольфилы» в 1922–1924 гг., посвященных Блоку, см. в работе Е.В.Ивановой «Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С.55-56, 58-61).

[7] См.: Дневник Ал.Блока. 1917–1921 / Под редакцией П.Н.Медведева. [Л.], Изд-во Писателей в Ленинграде, 1928.

[8] О художнике Николае Николаевиче Сапунове (1880–1912) в дневнике Блока за 1911–1913 гг. имеются многочисленные записи, о художнике Сергее Юрьевиче Судейкине (1882–1946) – лишь одно косвенное упоминание («Судейкинский вечер») в записи от 7 октября 1912 г. (Дневник Ал.Блока. 1911–1913. С.118; Блок А. Собр. соч. В 8 т. Т.7. С.161).

[9] Юрий Павлович Анненков (1889–1974) – художник-график, театральный художник, критик; в эмиграции (с 1924 г.) – прозаик (псевдоним – Борис Темирязев). С рисунками Анненкова было осуществлено отдельное издание поэмы А.Блока «Двенадцать» (Пб., «Алконост», 1918; см.: Прижизненные издания Александра Александровича Блока. Каталог / Сост. Е.И.Яцунок. М., 1980. С.22-23). О работе над рисунками Анненков рассказал в мемуарном очерке о Блоке (см.: Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Т.1. Международное Литературное Содружество, 1966. С.65-69).

[10] Имеется в виду письмо Блока к Ю.П.Анненкову от 12 августа 1918 г. (Блок А. Собр. соч. В 8 т. М.; Л., 1963. Т.8. С.513-515), впервые опубликованное (без начала) в составе мемуарного очерка К.Чуковского «Последние годы Блока» (Записки Мечтателей. 1922. №6. С.181-182); автограф хранится в *ИРЛИ* (P.I. Оп.3. Ед.хр.37). Жена Анненкова – Елена Борисовна Анненкова (урожд. Гальперина; род. в 1897 г.), балерина.

[11] Имеется в виду помещение редакции издательства «Сирин» (Пушкинская ул., дом 10), где Блок регулярно бывал в 1912–1914 гг.

[12] Об интересе Блока к легальной большевистской газете «Звезда» (1910–1912) свидетельствуют его дневниковые записи от 26 февраля и 4 марта 1912 г., об отправке стихов для 38-го сборника товарищества «Знание» Блок сообщает в записи от 6 января 1912 г. (Дневник Ал.Блока. 1911–1913. С.72, 83-85; Блок А. Собр. соч. В 8 т. Т.7. С.120, 130, 131). В целом же наиболее пристальный интерес к «знаньевскому» реализму характерен для Блока в более ранний период – в 1907–1908 гг. (см., например: Максимов Д. Поэзия и проза Ал.Блока. Л., 1981. С.448-455).

[13] Подразумевается программная формула «реалистического символизма», выдвинутая Вяч.Ивановым в статье «Две стихии в современном символизме» (Золотое руно. 1908. №5): a realibus ad realiora – что предполагает «утвердить, познать, выявить в действительности иную, более действительную действительность» (Иванов Вяч. Собр. соч. Т.2. Брюссель, 1974. С.553).

[14] Впервые Белый проследил эту связь в речи, произнесенной 28 августа 1921 г. на открытом 83-м заседании Вольной Философской Ассоциации, посвященном памяти Блока. См.: Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А.З.Штейнберг. Пб., 1922. С.8-34.

[15] Подразумевается одноименный рассказ Ф.М.Достоевского – фантастический гротеск, входящий в «Дневник писателя. 1873» («VI. Бобок»).

[16] Иван Федорович Порфиров (1866–1942) – живописец, выпускник Имп. Академии Художеств; на Академической выставке 1892 г. получил звание классического художника I степени за работу «Царица Александра припадает к ногам св. мученика Георгия». См. о нем: Собко Н.П. Словарь русских художников <...> с древнейших времен до наших дней. Т.III. Вып.1. СПб., 1899. Стб.411.

[17] Один из руководителей партии эсеров провокатор Евно Фишелевич Азеф (1869–1918) входит в число персонажей романа Мстиславского (см.: Мстиславский С. На крови. С.399-411).

[18] Имеется в виду историко-документальная книга С.Д.Мстиславского «Пять дней. Начало и конец Февральской революции» (М., Изд-во З.И.Гржебина, 1922).

[19] Обыгрываются фамилии исключительно плодовитых беллетристов, пользовавшихся репутацией авторов для «массового» невзыскательного читателя, – Николая Николаевича Брешко-Брешковского (1874–1943) и Василия Ивановича Немировича-Данченко (1844/45–1936). Присоединение к ним Александра Дюма-отца (Dumas-père, 1802–1870), возможно, связано с использованием в романе Мстиславского (гл.V, «Мушкетерство») имен персонажей «Трех мушкетеров» (Атос, Портос, Арамис) как «светских» прозвищ героя и его трех друзей: «...я – младший из четырех – д'Артаньян» (Мстиславский С. На крови. С.65).

[20] С прозаиком Всеволодом Вячеславовичем Ивановым (1895–1963) Белый встречался в Москве 26 апреля 1928 г. (*РД*. Л.134).

[21] Имеется в виду предварительная публикация фрагментов из книги Белого «Ветер с Кавказа» («Кавказские впечатления (Отрывки из книги)» // Красная новь. 1928. №4. С.75-113). Белый отправил материал для этой публикации вместе с письмом к П.Н.Зайцеву от 7 марта 1928 г. (*Минувшее 13*. С.273-274).

[22] «Петербург» Белого (Часть 1. М., «Никитинские субботники», 1928) вышел в свет в первой половине апреля 1928 г.

200. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
3 мая 1928 г. Москва[1].

Москва 3 мая.

Дорогой и сердечно любимый друг!

В день отъезда из Кучина, за 2 часа до отъезда получил Ваше письмо; и страшно обрадовался; несмотря на то, что пространства нас отделяют, и завтра мчусь от Вас к Арарату[2], за тысячи верст, я в этих последних годах почти невиданья с Вами все более и более ощущаю духовную связь в ритме с Вами; прямо говорю: Кл<авдия> Ник<олаевна>, Вы, Алексей Сергеич[3], еще одна, две души, – и все, с кем есть чувство глубокой связи; с большинством из даже друзей преобладает нота «душевных» отношений, а это – не то. Вот объясните-ка рационально: люди не видятся друг с другом годами, а *ритм* общения между ними растет. Видятся, а ритм – оскудевает. Человеческие отношения подчинены особым законам; если бы их осознать, – какая огромная революция произошла бы в быте жизни; и «Блок» не погиб бы от «Любы» + «бекетовщины», потому что корень «декадентства» в Блоке есть наследственность Александра Львовича[4], пышно расцветшая на почве «бекетовщины» и «*Любы*». Все остальные мотивы «смерти» Блока – на почве основного надлома, время которому Вы совершенно верно определяете: 1904–1905 годы; я прибавил бы: и... 1906-ой год, в котором наружу выступило то, что таилось в 1904 году: «Сбежал с горы и замер в чаще»[5]. Надо, надо помнить близких, поминать их в себе, двигать в себе память о них; и тогда устанавливается меж людьми то чудесное *радио*, о котором так хорошо говорил Блок в «*Назначении поэта*», разъясняя *звуки*, которые слушал Пушкин[6]; но поэт – эхо: «Таков и ты, поэт»[7]. Эхо звуков общений по радио. Как это до сих пор не поняли, что суть не в «*Музе*» и «*Аполлоне*»; это – дальние звуки; они бегут, доходят, отдаются через «ближних»; в общении по *радио* с ближними мы все – «*поэты*», ибо мы слушаем передачу сердец по радио-волнам, пересекающим эфир. Сейчас я все более и более сосредоточиваюсь не на звуковых индивидуумах, лики которых отражали поэты «*мистично*», а о звуковых *коллективах* (*коллектив* – иное выражение индивидуума); о бое сердец, бросаемых в эфир волной биения; это и есть тот социальный ритм, без которого социальность рвется. И я, как человек, живущий в коллективе и желающий получать *радио*-вести, т.е. слушать «*Я*» мне близкого человека из эфира, – «*поэт*» постольку, поскольку в истинном смысле слова социален. Говорят, что поэт – рупор коллектива; но каждый в своем истинном «Я», как «Я = мы», – рупор коллектива, т.е. *поэт* человеческих отношений; и если мы не будем работать над ритмами этих отношений так, как работают поэты над ритмами строчек, – эти отношения неправильно «обобществляются», становятся «*общественными*» в угасшем смысле: т.е. – «портятся».

Ваше долгое молчание на мое длинное письмо испугало; я часто пишу «*sans façons*»*, случайно хватаясь за слова и в случайном слове искажая себя, свои мысли и ритмы. Я и подумал, что что-либо из хаоса моих мыслей могло прозвучать *не так*; и Вы в ответ на *не так* не то чтоб обиделись, а испытали диссонанс, от которого люди непроизвольно съеживаются.

Ваше письмо обрадовало меня: стало быть, – это не так. Ведь мне очень, очень дорого с Вами перекликаться.

Кстати, – от личного к общему: я все более задумываюсь над модной темой «*социального заказа*». Что есть подлинный «*заказ*» и что есть представление критика о «*заказе*»? дистанция – огромная; подлинный заказ – депеша, летящая по волнам эфира; приемник – пульс и дыхание; первое отражение заказа в осуществлении – качество тональности; это качество есть интонационный жест или тональность; в качественно-количественном взятии это – «*тон*»: тот самый «*тон*», о котором стиховеды ничего не сказали путного, характеризуя «*тоническое стихотворение*»; и выражение этого тона интонации в научной графике – моя ритмическая кривая. На днях сдал «*Красной Нови*» статью под заглавием «Принцип ритма в диалектическом методе»[8]. В ней пытаюсь сформулировать тезис такого рода: в научном принципе пересекается логическое *a priori* с предельной индукцией *a posteriori*; *a priori* ритма – математика, аритмология; в теории чисел ритм давно вскрыт в формулах, ибо теория комплексных чисел и есть *теория ритма*; а кривая моя, будучи последним предельным выводом *a posteriori*, в этом опытно найденном законе совпадает с математическим велением ритму быть тем именно, чем он становится в кривой. В моей кривой все признаки *научного принципа*, ибо она – и *a priori* в теории чисел, и *a posteriori* в способе ее извлечения из опытного материала строк.

Это попытка сказать о жесте ритма вне стиховедческой лаборатории: сказать в принципе. Я это делаю, потому что моя книга о ритме в «*Субботниках*» отложена в долгий ящик[9]; сомневаюсь, чтоб вышла, ибо в невыхождении этой линии моей мысли в свет – судьба моя. Я, заранее озлившись на судьбу, перепираю ее тем, что хоть в принципиальной статье хочу сказать о том, чего не могу сказать с *16-го года*. Помните, – у Вас, в Детском писал первую, детскую редакцию «*Жеста*»?[10] В стиле судьбы, чтобы «*Красная Новь*» и этой статьи не напечатала.

Но я отвлекаюсь. Не об этом хотел писать, а вот о чем, о деловом: осенью, когда вернусь с Кавказа, хотел бы просить Вашего согласия на то, чтобы я составил у нотариуса бумагу завещания о том, чтобы в случае смерти мои литер<атурные> бумаги (в смысле их разборки, упорядочивания, хранения и прочего) перешли тем из друзей, которых считаю компетентными в понимании и знании моих литер<атурных> набросков; чтобы не удручать кого-нибудь одного, я наметил маленькую группу друзей, кому завещаю все бумаги и все права на них; в числе них я в первую голову поместил: Вас и Кл<авдию> Ник<олаевну>; во-вторых – Дмитрия Михайл<овича>, как жертвенно много работавшего в связи с моим «*мараканьем*». Ввиду того, что Вы в Ленинграде, я для удобства Вам и Кл<авдии> Ник<олаевне> поместил еще двух друзей: Алексея Серг<еевича>, как музееведа и друга, П.Н.Зайцева, самопожертвенно оказавшего мне «*рой*» таких услуг, что я перед ним в долгу неоплатном (в смысле разговоров с редакциями, вплоть до гонораров); если я живу в Кучине благополучно и даже еду на Кавказ, все это – Петр Никанорович!

Так вот, дорогой друг, ответьте хоть в открытке на Кавказ, согласились бы Вы быть со-наследником моих рукописей в той форме, в какой это допустимо в советских законах, и согласен ли Дм<итрий> Мих<айлович> на одолжение принять участие в этом сонаследовании?[11] В бумаге будет и указание на «*Пушкинский Дом*», куда я хотел бы отдать все в том случае, если бы это наследование оказалось кружку друзей бременем, или, чего не будет, если бы после моей смерти не оказалось бы в наличии лиц, кому я оставляю мои бумаги[12].

Мне этот вопрос выдвинулся вдруг перед отъездом; но быстрота отъезда и мои немощи не смогли меня двинуть на быстрое осуществление моей мечты. Буду ждать ответа.

---

* *без стеснения, бесцеремонно (фр.)*

Пора кончать: завтра утром уезжаю; сейчас – поздняя ночь. Хотел написать открытку лишь, а уже – разъехался. Обрываю стремительно и все то немногое, что хотел сказать, как, например, то, что Вам будет выслан и «*Петербург*», и книга о Кавказе, выходящая в «*Круге*» в июне-июле (надпись – потом сделаю)[13]; книги выходят без меня, а оттисков «Красной Нови» нет, так что не могу никак прислать отрывка из книги, которую Вы месяца через полтора получите; самый № «*Красной Нови*» (май) кем-то зачитан[14]. И кроме того: у меня есть для Вас рукопись-ремингтон под заглавием «*Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть*»[15]; эта 134<-страни>чная «*мемория*» о том, почему все коллективы разлагаются, как я в личном опыте 30-летия убедился: под коллективами же я разумею коллективы, принимающие форму умершего «*общества*»; никакого «*общества*» во вчерашнем смысле слова быть не может; само понятие «*общество*» в недавней буржуазной форме – стало трупом, а ритмы общества-общины в новом смысле еще не сложились.

Этот дневниковый ход мысли писал для двух-трех близких; и для Вас в том числе; мой экземпляр для Вас есть. Но не судьба его Вам послать до осени.

Ну, кончаю: до свиданья; будемте перекликаться открытками. Обещаю Вас засыпать градом открыток с пути, мне неизвестного; знаю лишь, что еду в Армению по поручению «Красной Нови» дать худож<ественный> очерк; далее зависит от здоровья, климата и того рекомендательного письма, которое получил из редакции от Раскольникова[16].

Милый, хороший, – будьте здоровы, берегите свое здоровье. Остаюсь сердечно любящий Вас, обнимаю и целую,

Борис Бугаев.

P.S. Варваре Ник<олаевне>, Иночке и Дм<итрию> Мих<айловичу> мой сердечный привет. От К.Н. – тоже.

[1] Ответ на п.199.

[2] Белый выехал из Кучина в Москву 3 мая, из Москвы в Тифлис – 4 мая (*РД*. Л.134об.; *Лица*. С.243-244).

[3] А.С.Петровский.

[4] А.Л.Блок (1852–1909) – отец А.А.Блока; юрист и философ, профессор Варшавского университета. См. о нем: Спекторский Е.В. Александр Львович Блок, государствовед и философ. Варшава, 1911; Письма отца к Блоку (1892–1908) / Предисловие, публикация и комментарии Т.Н.Конопацкой // *ЛН*. Т.92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.1. М., 1980. С.249-307.

[5] Первая строка стихотворения Блока, написанного 21 июля 1902 г. Белый неоднократно использовал это стихотворение в своих интерпретациях духовной эволюции Блока (см., например, его речь на вечере памяти Блока 26 сентября 1921 г.: *ЛН*. Т.92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн.4. М., 1987. С.769-770).

[6] Имеется в виду раскрытие Блоком в речи «О назначении поэта» (1921) своего понимания задач поэтического творчества – освобождения звуков «из родной безначальной стихии» и приведения их в гармонию (Блок А. Собр. соч. В 8 т. М.; Л., 1962. Т.6. С.162-163).

[7] Заключительная фраза стихотворения А.С.Пушкина «Эхо» («Ревет ли зверь в лесу глухом...», 1831).

[8] О работе над этой статьей Белый упоминает в записи за 18 апреля 1928 г. (*РД*. Л.134). Статья «Принцип ритма в диалектическом методе» не была напечатана в журнале «Красная новь» и осталась неопубликованной; машинопись ее сохранилась в архиве Белого (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.73), над текстом Белый сделал пояснительную запись: «Первая формулировка книги “Диалектика ритма”» (Л.1).

[9] В связи с тем, что издание книги «Ритм как диалектика и “Медный всадник”» было отложено в «Никитинских субботниках», Белый отправил развернутое письмо к Е.Ф.Никитиной (18 апреля 1928 г.), опубликованное в послесловии Д.М.Фельдмана к воспоминаниям П.Н.Зайцева «Андрей Белый и “Никитинские субботники”» (Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.133-134); в ответном письме от 23 апреля Никитина заверяла Белого, что его стиховедческая книга «*наверняка* выйдет осенью» (*Минувшее 13*. С.291), однако этот план не осуществился.

[10] Имеется в виду книга «О ритмическом жесте», над которой Белый работал в феврале–марте 1917 г. в Царском Селе, Москве и Сергиевом Посаде. См.: Гречишкин С.С., Лавров А.В. О стиховедческом наследии Андрея Белого // Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам XII (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып.515). Тарту, 1981. С.107-108, 132-139.

[11] Сохранилась копия текста завещания Андрея Белого, датированного 19 марта 1928 г., согласно которому литературный архив писателя передавался в ведение поименованных пяти лиц: К.Н.Васильевой, А.С.Петровского, Р.В.Иванова, Д.М.Пинеса, П.Н.Зайцева (см.: Из архивов ОГПУ (письмо Андрея Белого Иванову-Разумнику и завещание Андрея Белого) / Публикация А.В.Лаврова и С.В.Шумихина // Новое литературное обозрение. 1995. №14. С.163-164). Завещание было оформлено 10 сентября 1928 г., душеприказчиками в нем фигурировали те же лица.

[12] Ср. в указанном тексте завещания: «...если в минуту моей смерти вышеназванные лица не окажутся в состоянии исполнить моей просьбы о хранении и сортировке бумаг, либо вследствие их отсутствия, невозможности приехать, или даже кончины, то я завещаю весь материал бумаг “Пушкинскому Дому” в Ленинграде; ни в каком другом архиве не желал бы я видеть этих бумаг» (Там же. С.164).

[13] Книга Андрея Белого «Ветер с Кавказа. Впечатления» (М., Изд-во «Федерация» – артель писателей «Круг», 1928) вышла в свет во второй половине августа 1928 г.

[14] «Кавказские впечатления (отрывки из книги)» Белого были помещены не в майском, а в апрельском номере «Красной нови» за 1928 г.

[15] Философско-автобиографический очерк «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития» (не предполагавшийся к опубликованию в СССР) Белый написал во второй половине марта – начале апреля 1928 г. (датировка под текстом: 7 апреля 1928 г.). Впервые опубликован отдельным изданием по неавторизованному машинописному тексту в издательстве «Ardis» (Ann Arbor, Michigan, 1982), по автографу (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.74) – в кн.: Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.418-493 (публикация Л.А.Сугай).

[16] Федор Федорович Раскольников (наст. фам. Ильин, 1892–1939) – активный участник Октябрьского переворота и гражданской войны, советский дипломат, журналист и писатель; летом 1927 г. был назначен Отделом печати ЦК в редакцию журнала «Красная новь». Белый встречался с Раскольниковым в редакции «Красной нови» 26 апреля 1928 г. (*РД*. Л.134). О просьбе «о бумажке от “*Красной нови*” для Армении» Белый упоминал в письме к П.Н.Зайцеву, написанном до 15 апреля 1928 г. (*Минувшее 13*. С.276).

201. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
16 мая 1928 г. Тифлис.

Тифлис. 16-го.

Дорогой, милый Разумник Васильевич,

Привет Вам и Варваре Николаевне от нас с Кл<авдией> Ник<олаевной> из Тифлиса, куда уже вторично приехали сегодня, пожив с неделю и потом побывав в Имеретии (на два дня)[1]; ездили смотреть себе пристанище на июнь; благодаря гостеприимству грузинских писателей, мы проведем месяц в настоящей имеретинской деревне, в горах, около Сачхери. Оттуда буду Вам писать. Завтра едем в Армению, где пробудем от 10 до 14<-ти> дней[2]. Вероятно, к началу июня будем в Сачхери. Чувствуем невыразимое облегчение; я с осени до весны все прихварывал; и теперь, вдыхая в себя грузинский климат, сбрасываю лень, неврастению и всякую зимнюю «мозгологию»; за неделю уже поздоровел. Надо изредка вырываться к красотам природы, а то при том темпе умственной жизни, которую развиваю в Кучине, не долго протянешь.

Как только буду в Сачхери, непременно напишу Вам: а Вы черкните хоть словечко. Желаю Вам летом отдохнуть и как-нибудь хоть на две недели вырваться в деревню, или куда-нибудь; необходимо менять место; я замечал, что не отдыхается там, где много работаешь, даже когда себе положишь отдых. Для отдыха надо вырваться и побродить.

Ну пока всего, всего лучшего. Обнимаю Вас и шлю сердечный привет Вашим.

Борис Бугаев.

[1] Белый и К.Н.Васильева прибыли в Тифлис 7 мая, вечером 13 мая уехали в имеретинское селение Сачхери (ныне – Сачхере) и 16 мая возвратились в Тифлис (*РД*. Л.134об.; *Лица*. С.246, 252-255). В поездке в Имеретию их сопровождали Паоло Яшвили и Тициан Табидзе.

[2] Белый и К.Н.Васильева выехали в Эривань 17 мая, возвратились в Тифлис 25 мая (*РД*. Л.134об.; *Лица*. С.256, 278).

202. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
2 июня 1928 г. Схвитори.

Схвитори[1]. 2 июня. 28 г.

Дорогой друг, привет Вам из верхней Имеретии, из самой настоящей грузинской милой деревни; живем в старом доме покойного поэта Грузии, Акакия Церетелли[2], с милым и добрым другом покойного, Котэ Абдушели. Уголок прелестный, на границе Рачинского округа; за нашим хребтом – хребты Сванетии; впереди – тихая долина речки Квирилы; здесь успокоительно после трудных, но ярких дней поездки по Армении, где Арарат, нас встретив, неприветливо запахнулся плащами туч. Откликнитесь на мое «*ау*» хоть парой слов; здесь мы пробудем июнь; далее – не знаем, где осядем. В Тифлисе заседали с... Лундбергом и... Мстиславским, едущим в Дагестан[3]. Я так и выпалил ему про «*румынский*» смычок его романа[4]; а потом испугался своей резкости. Наш адрес: Грузия. Шаропанский уезд. Сачхери. Дом Акакия Церетелли (у Котэ Абдушели). Мне. От К.Н. привет. Сердечно обнимаю.

Б.Бугаев.

[1] Белый и К.Н.Васильева приехали в село Схвитори утром 31 мая (*Лица*. С.282), прожили там до 28 июня. Ср. письмо Белого к П.Н.Зайцеву от 2 июня 1928 г. (*Минувшее 13*. С.283-284).

[2] Акакий Церетели (1840–1915) – грузинский поэт, прозаик, общественный деятель. Село Схвитори (вблизи Сачхере), где родился Церетели, – его княжеское родовое владение; ныне там находится музей А.Церетели.

[3] Ср. запись Белого за 29 мая: «Встреча с Гогоберидзе, Лундбергом, Мстиславским» (*РД*. Л.134об.).

[4] См. п.198, примеч.16, 18.

203. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
25 июня 1928 г. Сачхери.

Сачхери. 25 июня. 28 г.

Дорогой друг,

целый месяц собирался Вам писать, и вот только сейчас пишу. Все более и более становится ясным мне, что в наши поступки, устремления, симпатии и антипатии влагается нечто, что, независимо от нас, *прямые* проявления делает весьма ломаными, почти *кривыми* (не в смысле душевно-духовной кривизны отношений, а в смысле искривления возможности себя выявить); я все более и более, дорогой друг, осознаю свое, или, лучше сказать, наше с К.Н., полное одиночество среди людей; и на этом фоне все ярче и все дороже мне факт Вашего бытия, все больше хочется с Вами увидаться, посидеть вместе, хотя бы без всяких разговоров; и в прошлом году на Кавказе я все время тянулся к Вам; и попросился даже приехать; но тут что-то вцепилось; и приехал к Вам не я, а билет мой (железнодорожный)[1]; та же картина – зимой; встал утром – ехать, и почувствовал сильный жар: вторично не приехал; теперь – то же: все эти месяцы не только мысленно говорю с Вами, но и рвусь приехать к Вам, а даже стыдно об этом заикаться, ибо какая-то злая, роковая рука вмешивается в *прямое*, непосредственное желание, *искривляя* его.

Вот и сейчас: скоро 2 месяца на Кавказе; и – не знаю, что выйдет; с Кавказом, как и с моим желанием Вас видеть, – кривизна; в прошлом году, как только мы попали в Батум, весь Кавказ одел шапку-невидимку из туманов; и скрылся: кроме пяти

казбекских дней, у меня впечатление от Кавказа: сырая, холодная гниль. В этом году – то же самое. И потом: едешь на юг, попадаешь на север; едешь на север, попадаешь на юг; за два месяца жизни энное количество желаний по прямому проводу сорвано, искривлено. С Кавказом, как и с желанием побыть с Вами, – не выгорело: *кривая* портит. Ехали в Новый Афон, а подвернулась *Армения*; «*Красная Новь*» попросила очерка[2]; я обещал, ибо человек я небогатый, и надо чем-нибудь оправдать *траты*: все же, думаю, очерк окупит. Но – в Армению надо в мае; «*Новый Афон*» – пролетел; приезжаем в Тифлис: оказывается, – надо в Кутаис ехать: везут; собрались; оказывается: нельзя ехать в Кутаис; едем в Армению; приехали: оказывается, – жить в Армении – негде; в казенной гостинице с нас драли по 5 р. за комнату (червонец в день); поездка в Армению превратилась в бешеное собирание материала для очерка (проперли 4 000 верст, чтобы платить в день по червонцу: надо окупить); в Армении пробыли неделю[3]; далее – сидение в тифлисской гостинице, ибо мне говорили: повезем Вас в Кахетию; с Кахетией – не выгорело[4]; Афон – поздно; надо строчить армянский очерк[5]; долго описывать, как мы попали в Имеретию, где я писал очерк; нечего прибавлять: хлынули дожди: не было 2<-х> подряд недождливых дней; дороги – липкое месиво; просидели под дождем на прекрасном тычке, прекрасность которого скрыли туманы. Стоит вопрос: теперь – куда? В какие туманы? Ибо моря, гор, солнца искать нечего на Кавказе; вместо всего – туман. И кроме того: никто ничего не знает, где можно жить, где – нет; всякие «*здравицы*» – не про нас: там все места расписаны и заняты; мы должны наугад выискивать среди туманов пункты, где можно продержаться; всюду – либо дорого, либо дешево, но – нельзя жить, проехать и т.д.; либо – дырявая крыша с прекрасным ландшафтом, либо комната в унылом месте. Так что и *Кавказ* портит... *кривая*[6].

Вообще эта *кривая* все более и более вмешивается в жизнь; так что просто за неделю не знаешь, где будешь жить, работать, или не работать, насильно общаться с подставленными тебе людьми, или жить в уединении; кажется, – это моя последняя попытка «*тщетно тщиться*»[7] отдохнуть в природе; природы нет нигде!

Дорогой друг: странно, что то же, что с Кавказом, у меня, независимо от меня, происходит и с людьми: *нет людей*! Или я *не умею* с людьми быть; и стоишь в ощущении стояния своего с протянутой рукой – к природе, к людям, к миру, к мыслям, а все, к чему ни протянешься, как-то странно ускользает в туман. И у меня чаще срывается вскрик: «Ну, – не буду». Буду жить одиноко, насупленно, мрачно, коли этот барьер судьбы между мной и *всем, что ни есть*, растет. Поэтому с особенной любовью протягиваешься к *живому*, к тому, что мыслит и человечески откликается: горы – не откликаются, люди – не откликаются: *серый туман не имеет откликов*.

И вот сидим в Схвитори и думаем о Вас: откликнитесь! Получили ли открытку?[8] Мы, кажется, едем на днях – не то в Кутаис, не то в Шови, не то на Новый Афон[9]; может быть, – Ваша ответная открытка еще застанет (на обратном пути заедем в Сачхери, где проживем, может быть, июля до 8-10-го)[10]; далее – не знаю: может, – на Грузинскую дорогу; а, может быть, махнув рукой на невидимый из-за тумана Кавказ, опять просто поедем Волгой. И тогда, милый друг, откровенно признаюсь и *прямо выражаю желание*... к Вам попасть; можно по Волге, минуя Москву, доехать до Твери, а из Твери – к Вам: прямо; но надо знать мне (нам): 1) что появление у Вас нас, или меня, – не появление *татар* (т.е. незваных гостей); 2) К.Н., которую Вы любезно приглашали, высказывает мысль: со мной, нырнув к Вам, пожить и уехать в Москву; а я бы мог у Вас и подзадержаться, – при условии, что: 1) Вы будете в Детском, 2) что мы, или я, Вам не помешаем, 3) что Вы не станете точно нас ждать, потому что теперь, после двух самых горячих, но... *тщетных* попыток к Вам приехать, для меня Детское Село стало «*Заколдованным Местом*» (гоголевским)[11]; ринешься туда, а попадешь – не туда.

Мое желание Вас видеть – растет все эти 1 1/2 года; и я не знаю, почему вырастающая между нами *кривая* воздвигает препятствия; так и теперь: даже если бы мы хотели к Вам попасть, даже если бы Вам и Варв<аре> Ник<олаевне> было это необременительно и Вы июль–август – в Детском, – даже при всем этом *теперь* уже не могу сказать, что *наверное* попаду к Вам, ибо зависишь не от себя, а от здоровья, складывающихся обстоятельств, от писем из Москвы, дел, издательств, Кучина, наконец. В последнюю минуту все может измениться. Я просто не решился бы в третий раз про-

ситься к Вам, в Детское, два раза обманув (не по своей воле); и если, тем не менее, сейчас спрашиваю разрешение приехать, *буде возможность* (для нас, Вас, меня лично), так это только потому, что хочу *кривые* Судьбы *выпрямить*; и ***таки*** несколько дней пожить с Вами. Жить-то не много осталось; и так мало людей *живых*, с *откликом*; К.Н., Вы, двое-трое; и далее – *никого нет*.

Итак: жду открытки с откликом; до 10-го сачхерский адрес: а далее – тифлисский: Грузия, Тифлис. Улица Гурамишвили, 10. Григорию Титовичу Робакидзе[12] (для Б.Н.Бугаева); адрес сачхерский: Грузия. Шаропанский уезд. Сачхери. У Котэ Абдушели. Мне. А еще лучше: для верности напишите 2 открытки; одну – сюда; другую – в Тифлис; одна из двух достигнет; Робакидзе может вдруг уехать на дачу (грузинские поэты имеют 7 пятниц: лично на себе это испытал); или: мы, потерпев фиаско с попыткой поездить, будем вынуждены раньше вернуться сюда; и раньше уехать. Еще раз простите за это кислое письмо и за навязчивую просьбу разрешить к Вам приехать.

Сердечно любящий Вас Борис Бугаев.

К.Н. Вам и Варв<аре> Ник<олаевне> сердечно кланяется; мой привет и уваж<ение> В.Н.

[1] См. п.185, примеч.3.

[2] См. п.200, примеч.16.

[3] См. примеч.2 к п.201.

[4] Ср. записи Белого – за 25 мая: «Тифлис. Уславливаемся ехать в Кахетию»; за 26 мая: «Поездка в Кахетию расстроилась (ливни)» (*РД*. Л.134об.). См. также: *Лица*. С.279; *Минувшее 13*. С.284-285 (письмо Белого к П.Н.Зайцеву от 12 июня 1928 г.).

[5] Над очерком «Армения» Белый работал с 3 по 22 июня 1928 г. (*РД*. Л.135), об отправке рукописи в «Красную новь» извещал П.Н.Зайцева в письме от 25 июня 1928 г. (*Минувшее 14*. С.440). Очерк был опубликован в журнале «Красная новь» (1928. №8. С.214-258). См.: Андрей Белый. Армения. Очерк, письма, воспоминания / Составление, статьи, примечания Н.Гончар. Ереван, 1985.

[6] Ср. аналогичные жалобы на «выростающие кривые» в письме Белого к П.Н.Зайцеву, датированном тем же днем (*Минувшее 14*. С.430-440).

[7] См. примеч.19 к п.141.

[8] Имеется в виду п.202.

[9] Белый и К.Н.Васильева выехали из Сачхери в Кутаис утром 28 июня (*РД*. Л.135).

[10] После 28 июня 1928 г. Белый и К.Н.Васильева в Сачхери не возвращались.

[11] Заглавие повести Н.В.Гоголя, входящей во 2-ю часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1832). Ср. замечание в письме Белого к Е.Ф.Никитиной от 18 апреля 1928 г.: «Знаете рассказ Гоголя "Заколдованное место". В ландшафте жизни моей есть такие места: "*Кажинный раз на том же месте*"» (Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.133. Публикация Д.М.Фельдмана).

[12] Белый и К.Н.Васильева приехали из Кутаиса в Тифлис 2 июля; в записи за 3 июля Белый зафиксировал: «Вечер с Робакидзе» (*РД*. Л.135об.).

204. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
4 июля 1928 г. Детское Село[1].

4 июля 1928. Ц<арское> Село.

Дорогой друг,

до чего же удачно пришло только что Ваше письмо! Я как раз собирался писать Вам «предотъездную открытку» – так как все мы втроем[2] уезжаем послезавтра (6 VII) в деревню на месяц, а то и до 15/VIII; собирался сообщить Вам наш июльский адрес и звать Клавдию Николаевну и Вас в гости к нам, с Кавказа в глубь новгородской старины. И тут – Ваше письмо; чудесно!

Так вот: зовем Вас с Клавдией Николаевной к нам в *Песочки* – на любой срок. Постарайтесь проехать мимо Москвы как можно скорее и не зацепившись за нее или

за Кучино, – а то всякие «дела» опутают своей сетью и помешают добраться до нас. Из Москвы надо ехать по Николаевской дороге до станции *Волхов*, а там – пересесть на пароход (их два в сутки: в 4-5 ч. утра и в 6 ч. вечера) и ехать вверх по Волхову до Новгорода. В Новгороде сесть на поезд, идущий в Старую Руссу, и проехать 1 1/2 часа до станции Шимск, а оттуда 12 в<ерст> на лошадях (за них – 3 рубля) до деревни Песочки. Если предупредите нас заранее о дне и времени приезда, то вышлем за Вами лошадей, а не то – так даже можем назначить себе rendez-vous в Новгороде!

Теперь о Песочках. Я не знаю, как Кл<авдия> Ник<олаевна> и Вы приспособлены к настоящей деревне. Поэтому сообщаю: спать придется на сенниках, на полу. Мебель – стол и табуретки. Вместо шкапов – гвозди, вбитые в стены. Еда – молоко, яйца, творог, рыба; мясо изредка. Каша – pièce de résistance*. Почта – два раза в неделю; газет нет. Минусы это или плюсы для Вас – не знаю, но вот и несомненные плюсы:

Песочки – деревнюшка из двадцати-тридцати дворов, прислоненная одной стороной к небольшому сосновому бору, другой – к полям и разнолесью, и стоящая на крутом песчаном берегу (Песочки!) чудесной и пустынной реки Шелони[3]. В этом месте кн. Холмский в 1471 (кажется?) году перешел через реку и разбил новгородцев[4]. Была «велия битва», отчего и село в версте от Песочков называется Велебицы. В нем церковь XII-XIII века с позднейшими пристройками. Крестьяне – коренные новгородцы, вряд ли много изменившиеся с XII века. Много знакомых в соседних деревнях (ведь мы жили в Песочках еще в 1915 и 1916 гг.), поют нам старые песни, угощают медом и яблоками. Я когда-то написал о Песочках целую книгу, – вряд ли Вы ее знаете («Перед грозой»)[5].

Приезжайте! Если приедете в июле – проживем вместе до 15 августа; если приедете в августе – поживем в Песочках, сколько можно, а потом все впятером поедем в Ц<арское> Село. А пока – пишите мне как можно больше хотя бы открыток, указывая, куда могу я Вам отвечать, чтобы списаться. Почтовый адрес тот же, по которому писали Вы мне и в прошлом году: Станц<ия> Шимск, Новгородской губ. и уезда, деревня Песочки, дом Ракова. Имейте только в виду, что почта приходит к нам только два раза в неделю: по воскресеньям и средам. И еще: ходят слухи, что в деревне совсем нет хлеба; но мы безбоязненно едем, сделав запас сухарей и круп. Если Вы, проезжая через Москву, тоже запасетесь ими, то дело будет в шляпе. Впрочем, я еще напишу Вам из Песочков: Вам – в Кучино, Клавдии Николаевне – в Москву. На Кавказ писать больше не буду, – ведь правильно? – а буду ждать Вас возможно скорее.

У нас, как и у Вас, хляби небесные упорно не хотят закрываться, сплошь дожди и холода. Но невероятно, чтобы июль не победил эти хляби, чтобы солнце не победило. Поэтому храбро едем в Песочки (где, впрочем, всякий ливень через полчаса уже бесследно впитывается «песочками»). Не думайте, впрочем, что нас окружают унылые пески: кругом – зелень, лес, поля, река, и чудесный кряж, с которого река и поля видны на десятки верст.

Тороплюсь кончать. «Еже недописах» – допишу в следующем письме. А лучше всего – чтобы, вместо моего «следующего письма», Вы просто написали бы нам: «выезжаем тогда-то, ждите тогда-то».

В этой надежде и кончаю. Сердечный привет Варв<ары> Ник<олаевны> и мой Клавдии Николаевне и Вам. Ждем! Одновременно опускаю в ящик еще две открытки: одну – в Сачхери, другую – в Тифлис[6]. Три письма сразу! Так вот: все мы ждем Вас обоих и говорим – до скорого свидания! Авось кривая выведет Вас в Песочки!

Крепко обнимаю, целую, жду.

Любящий Вас Р.Иванов.

[1] Ответ на п.203.

[2] Иванов-Разумник, В.Н.Иванова и И.Р.Иванова.

[3] Ср. впечатления К.С.Петрова-Водкина, писавшего 30 июля 1928 г. жене: «Я в “Песочках” <...> место очаровательное <...> река Шелонь великолепна. Песок, сосны, вид в даль <...> настоящая Россия, как в Новгороде. Дорога в экипаже, идущая через села, поля, хлеба <...> в 3 часа приехал в Сольцы, а в 6 часов был уже у Разумника» (Петров-Водкин К.С.

* *основное блюдо (фр.)*

Письма. Статьи. Выступления. Документы / Составление, вступ. статья и комментарии Е.Н.Селизаровой. М., 1991. С.252).

[4] Князь Даниил Дмитриевич Холмский (ум. в 1493 г.) – боярин, воевода Московский, известный полководец в княжение Ивана III; в 1471 г. возглавлял московскую рать против новгородцев, 14 июля этого года войско князя Холмского, несмотря на огромную разницу в численности войск (4000 против 40000 новгородцев), нанесло поражение новгородцам на реке Шелони (см.: Русский биографический словарь. Т. «Фабер–Цявловский». СПб., 1901. С.393). По ассоциации с этим полководцем Иванов-Разумник избрал один из своих псевдонимов – Вл.Холмский.

[5] См. примеч.2 к п.183.

[6] Первая из этих открыток, видимо, до Белого не дошла; вторая – п.205.

205. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
4 июля 1928 г. Детское Село.

4 июля 1928. Д.Село.

Дорогой и милый Борис Николаевич,

это письмо мое к Вам сегодня – третье: одну открытку отправил на всякий случай в Сачхери; второе письмо, *заказное* – в Тифлис[1], и это, третье – в Тифлис же, чтобы просто уведомить Вас о лавине моих посыпавшихся на Вас писем. О том, *как* мы ждем Вас с Клавд<ией> Ник<олаевной> (сердечный привет от Варв<ары> Ник<олаевны> и от меня!), о том, *где* мы ждем Вас – найдете в двух первых письмах. С радостью буду ожидать Вашего ответа – по адресу: Станц<ия> Шимск, Новгородской губ., деревня Песочки, дом Ракова; едем туда послезавтра, так что письмо Ваше пришло в самое-самое время!

Крепко обнимаю и целую от всей души. Привет от Варв<ары> Ник<олаевны> и от меня еще раз Клавд<ии> Ник<олаевне>. Ждем!

Любящий Вас Р.Иванов.

[1] См. п.204 и примеч.6 к нему.

206. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
9 июля 1928 г. Коджоры.

Каджоры. 9 июля. 28 года.

Дорогой Разумник Васильевич,

Писал Вам из Сачхери[1]. Сейчас деловое письмо, – деловое о *неделовом*; так мало людей; так близко ощущаю Вас; не видимся же по годам; 2 раза ехал к Вам; и – сваливала болезнь; стыдно – проситься в третий; и тем не менее – прошусь; если Вы в августе в Детском, если Вы свободны, если я Вам ничем не помешаю, то – прошусь приехать в августе; еще было бы лучше, если бы Вы приехали ко мне в Кучино, ибо после ряда передвижений нарастает усталость; в Кучине же в августе и сентябре – прекрасно; что Вам стоит ночь в дороге? Но если Вы не захотите, приеду с Вашего разрешения к Вам деньков на 5-6. Главное, – хочется повидаться. Но, – даже в случае Вашего любезного согласия на мой приезд, – не ждите точно меня (просто боюсь быть точным после двух неудач с поездкой); мое здоровье «*в невесомом*» стало шутить со мной; завишу от всего; и всегда «*под-прихварываю*». Повторяю: самое распрекрасное: Вам приехать погостить ко мне; Вам надо дать себе отдых, переменить место, побродить по лугам; все это может дать Кучино; теперь: если бы Вам было неудобно выбраться по материальным соображениям, – милый друг: *ужасная гордыня и недружба* не позволить себе этой поездки в то время, как я эти и следующие месяцы обеспечен, – тем более, что я – настоящий должник перед Варварой Никол<аевной>, взявшейся некогда отремингтонировать 2-ой том «*Начала Века*»[2]; почему Вы такой *не-друг* мне в этом, материальном отношении? Я потому выдвигаю преимущества Вашего приезда в Кучино, что 1) Вам полезней дать себе отдых и переме-

ну места, 2) избавиться от летних посетителей (знаю, что лето и у Вас – толчея), 3) мне, 2 месяца передвигающемуся, более мотивов звать Вас к себе.

Но не это главное; главное, – хотелось бы повидаться.

До конца июля я в Тифлисе (т.е. около где-то). Адрес: Грузия. Тифлис. Грибоедовская, д.18. Тициану Табидзе. Мне. Еще лучше: вторую открытку пошлите на адрес Петра Николаевича Васильева[3] – мне же: с «*да*» или «*нет*» (в смысле «*еду в Кучино в августе*», «*можно Бугаеву ехать в Детское*»); как приеду в Москву, шлю телеграмму о приезде ли своем, Вашем ли в Кучино. Адрес: Москва. Плющиха, д.53, кв.1. Петру Николаевичу Васильеву. Мне. Пишу лапидарно, ибо бросаю на почту. Милый, приезжайте в Кучино!

———

Что сказать о Кавказе? Все здесь ужасно трудно и противоречиво: например – Кутаис, или «Κυτάίϊδοσ» древних греков: ужасная грязь ужасно прекрасного города, места Аэта, Медеи, Цирцеи, Руна[4]; буря романтики, малярия, тьмы ужасных клопов, сырых туманов, невероятных развалин Багратского храма, пещеры Язона, Гелатского монастыря[5] и таких грязных нужников, что до сих пор содрогаюсь[6]; в греческих источниках, повествующих о плавании Язона по Фазису (Риону), географически правильно зарисована местность: слева – главный хребет, справа – леса, где Дракон охраняет Руно; так и сейчас.

Кавказ – безумно древен, древне-культурен; но – капризен, мучителен, грязен, подчас опасен; вместе с тем: бурное возрождение – всюду; заводы, гидростанции, шоссе, литература и т.д. Странная пестрота эпох; армянин – обритый ассириец (тот же профиль); и та же ассирийская борода у современного батюшки. Говорил в Эчмиадзине[7] об Ассирии с некиим «*Сенекеримом*» (по-немецки!?); он разбирает клинообразные надписи и говорит по-немецки (не по-русски); между тем он – «*Сенекерим*»! И именем, и профилем!! Ассирия, Вавилон, «*Тиглат-Палассер*»[8], изумительный стиль церквей Ани (10-ый век, *9-ый век*)[9]; и – взрыв заводов, фабзавучей! Голова кружится от хоровода веков, где 20<-ый> век до Р.Х. и 20<-ый> век по Р.Х. – скрещены; это чувствуется в Армении, где пробыли лишь неделю, но устали безумно от 40 столетий и от... Арарата!

Вообще: Кавказ – школа для познания; но и – школа терпения: все бьет сюрпризами – климат, туман, неудобства и т.д. Отдохнуть на Кавказе трудно, имея воображение.

Сейчас живем в Каджорах в 18<-ти> километрах от Тифлиса и в 1 1/2 километрах по перпендикуляру вверх[10]. Вы были в Тифлисе[11], помните гору св.Давида; так вот: здание фюникюлера, увенчивающее ее вершину, – глубоко, далеко под нами: под ногами, в голубой мути; в 15<-ти> минутах ходьбы от нас вид уже совершенно географический: на севере – снежный хребет; на юге – горы Армении; на западе – Сурамский хребет; на северо-востоке – весь Кахетинский и из-за него – Дагестан; на юго-востоке на несколько десятков верст внизу, внизу персикового цвета плоские земли долины Куры в странной дымке; Военно-Грузинская дорога (долина Арагвы) видна почти до... Душета; Тифлис – маленькая рябь в бездне нижней; кругом, ниже, – сращенье хребтов и хребетиков; только в полотнах Чурляниса[12] слабый намек на то, что нас обстает каждый вечер, когда поднимаемся на маленький холмик над нами, который – вершина огромной горы (Каджоры ютятся при вершине). После кутаисских клопов судьба подарила нас двумя чистейшими комнатами гостиницы «*Наркомздрава*», где мы – одни (гостиница открыта на днях)[13]; и так же все великолепие может ежедневно окончиться: все сядет в дожди, холода и туманы. Но, – довольно.

Жду отклика. Сердечно обнимаю Вас.

Б.Бугаев.

От К.Н. и меня сердечный привет: Варв<аре> Ник<олаевне> и Иночке. К.Н. Вам сердечно кланяется.

[1] Имеется в виду п.203.

[2] Машинописный текст 2-го тома (гл.4-5) «берлинской» редакции воспоминаний Белого «Начало века» сохранился в фондах Белого в РГАЛИ (Ф.53. Оп.1. Ед.хр.25) и РНБ (Ф.60. Ед.хр.11).

[3] П.Н.Васильев (1885–1976) – первый муж К.Н.Васильевой; врач, антропософ.

[4] Кутаис (ныне Кутаиси) – город на реке Рион (Риони), известия о котором восходят к VI в. до н.э., древняя столица Колхидского и Имеретинского царств – ассоциируется здесь со страной Эей (Колхидой) в греческой мифологии, хранительницей золотого руна. Аэт (Ээт) – царь Эи, волшебница Медея – его дочь, волшебница Цирцея (Кирка) – его сестра.

[5] Достопримечательности Кутаиса: руины храма Баграта III (980–1014), разрушенного турками в 1692 г., памятник средневекового зодчества Грузии; пещера, носящая имя Ясона (Язона; *греч. миф.*), предводителя аргонавтов, с грандиозным входом наподобие гигантской арки; Гелатский монастырь (к северо-востоку от Кутаиса), состоящий из трех храмов и монастырских помещений, – один из крупнейших культурных центров средневековой Грузии, основанный в 1106 г. грузинским царем Давидом Строителем (мозаика XII в. и фрески XII-XVIII вв. в главном храме и церкви св. Георгия). Белый посетил Гелатский монастырь 29 июня 1928 г. (*РД*. Л.135).

[6] Ср. описание Кутаиса в путеводителе для туристов: «Улицы отличаются благоустройством, а мостовые плохи, содержатся небрежно; тротуары проложены далеко не везде; освещение скудное; пыль, грязь, канализации нет, как нет вообще элементарных санитарных приспособлений» (Григорий Москвич. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. Изд.21-е. СПб., [1914]. С.457).

[7] В монастыре Эчмиадзин (основан в 302 г.) близ Эривани (Еревана), главной святыне армян и резиденции католикоса, Белый побывал 20 мая 1928 г. (*РД*. Л.134об.; *Лица*. С.265-267).

[8] Те же наблюдения и параллели – в очерке Белого «Армения». См.: Андрей Белый. Армения. Ереван, 1985. С.33-34, 40-41. Тиглат-Палассер – вероятно, имеется в виду Тиглатпаласар I, ассирийский царь XII в. до н.э.

[9] Ани – древнеармянский город (V-XVI в.) на реке Арпачай (ныне на территории Турции), центр Малой Армении и столица Анийского царства (X-XI в.); известен остатками памятников армянской архитектуры. Ср.: Андрей Белый. Армения. С.43, 45.

[10] Коджоры – дачную местность под Тифлисом с горным климатом – Белый характеризует также в письмах от 27 июля 1928 г. к П.Н.Зайцеву (*Минувшее 14*. С.445-446) и от 30 июля 1928 г. к Д.М.Пинесу (Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.96-97). Белый и К.Н.Васильева прожили там с 6 июля по 9 августа 1928 г.

[11] Иванов-Разумник родился в Тифлисе и прожил там первые годы детства.

[12] Микалоюс Константинас Константино Чюрлёнис (Čiurlionis, 1875–1911) – литовский живописец и композитор; автор символических живописных циклов, дающих картины грез и фантастических видений.

[13] Подробнее о бытовых условиях жизни в Коджорах Белый писал П.Н.Зайцеву 9 июля 1928 г. (*Минувшее 14*. С.443).

207. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
18 июля 1928 г. Песочки.

Станц<ия> Шимск, Новгородской губ. и уезда. Деревня Песочки, дом Ракова*.

18 июля 1928. Песочки.

Дорогой и милый Борис Николаевич,

– целая лавина писем на Вас! Три – на Кавказ, еще из Ц<арского> Села в начале июля, одно из них (в Тифлис) – заказное[1]; приехали сюда 10/VII – и я тотчас же снова послал на авось открытку Вам в Тифлис; наконец сегодня – только что написал Клавдии Николаевне на Плющиху[2], а теперь пишу Вам в Кучино – тоже на авось, не зная, где Вы теперь, но зная, что Кучина не минуете. А потому пишу еще раз, снова ограничивая письмо лишь маршрутными указаниями; не буду повторять, с какой радостью мы ждем Вас и Клавдию Николаевну. Все готово к Вашему приезду, только приезжайте, а приехать надо так:

Выехать из Москвы с вечерним поездом, но таким, который бы остановился на станц<ии> *Волхово*, Николаевской жел. дороги (курьерский, кажется, не останавливается). С этой станции в *5 ч. утра* (а также и в 1 ч. дня) отходит пароход до Новгоро-

---

* *Адрес записан в левом верхнем углу листа и отделен чертой от текста письма.*

да. В Новгород прибудете в 9 ч. утра. Оставив вещи на хранение на пароходной пристани (или – перевезя их на вокзал и сдав на хранение носильщику, ибо официального «места для хранения» на новгородском вокзалишке нет), отправляйтесь в «Музей» – 10 минут ходьбы от пристани, всякий встречный покажет Вам. В Музее спросите заведующего Порфиродова или его «замзава» – Квашонкина, скажете им, что Вы писатель такой-то (оба они – предупреждены), и Вы получите ордер на право осмотра всей новгородской старины. В один день осмотреть можно немногое, но необходимо успеть: 1) съездить на лодке к Спасу Нередице (туда и обратно с осмотром – часа три), 2) в Новгороде осмотреть вновь открытые фрески в церкви Спаса Преображения, и 3) конечно, побывать в Кремле и Софии[3]. На все это у нас и ушел как раз день с утра до вечера. К ночи надо забраться на вокзал и дождаться поезда, приходящего из Питера в 5 ч. 10 м. утра. Взять билеты до станции Шимск. Поезд отходит из Новгорода в 5 1/2 ч. утра, приходит в Шимск к 7 ч. утра. Если будем знать день Вашего приезда – вышлем за Вами лошадь; имейте в виду, кстати, что почта приходит к нам только по средам и воскресеньям. Если дать знать о дне приезда не успеете – наймете лошадь до Песочков (за 3-4 рубля). Езды до нас – часа два (около 15 верст), так что в 9 ч. утра будете уже пить чай и молоко в Песочках. А про Песочки – писать не буду: сами увидите.

Удобств больших не будет, – вернее, не будет никаких удобств: ни тебе мягких кроватей, ни тебе пружинных кресел; но не думаю, чтобы они были Вам нужны. Будут сенники, будут табуретки, но зато кроме них будут река, лес, поле, чудесный русский язык, старые новгородские песни и новгородская старина. И поживете Вы здесь, сколько поживется; мы предполагаем пробыть здесь до 15 авг<уста>, но если бы Вы захотели пожить в этом чудесном месте подольше, то могли бы отложить свой отъезд и до 1 сентября. Хотя лучшее время здесь – именно теперь, так что не откладывайте!

Будем надеяться, что «кривая», о которой Вы писали[4], на этот раз уткнется своим концом прямо в Песочки, и что Вы и Клавд<ия> Ник<олаевна> еще до конца июля станете вместе с нами жителями новгородской Шелонской пятины. Постарайтесь приехать, – здесь можно и отдохнуть, и поработать. А то «кривая» снова так завернет, что снова не придется видеться годы, которых осталось совсем немного.

Крепко обнимаю и целую; Варв<ара> Ник<олаевна> и Ина шлют привет и ждут Вас и Клавдию Николаевну.

Приезжайте поскорее!

Любящий Вас Р.Иванов.

[1] Из этих писем сохранились два (п.201 и 202).

[2] Ни открытка, ни письмо К.Н.Васильевой, видимо, не сохранились.

[3] Перечисляются памятники зодчества новгородской школы: церковь Спаса на Нередице (1199), церковь Спаса на Ильине ул. (1378) с фресками Феофана Грека, Софийский собор (1045–1050) в Новгородском кремле.

[4] См. п.203.

208. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
14 августа 1928 г.

Вагон. 14 августа. 28 г.[1]

Дорогой Разумник Васильевич,

фатум, что не можем списаться. Еще 10-го июля я подробно писал, почему мы с К.Н., вопреки горячему желанию, не можем приехать в деревню[2], а я могу приехать к Вам на несколько дней с 15-го августа в Детское. Из письма Вашего от 25 июля[3] увидел, что письмо мое не дошло, следовательно: опять, как в прошлом году, прождав полмесяца, в конце концов застряну при Москве. Словом: если до 22-25 августа не получу от Вас точного ответа, могу ли приехать в Детское, вряд ли уж приеду. Итак, жду ответа. Пишу из поезда. Положительно, не везет нам в смысле повидания.

Остаюсь искренне любящий Б.Бугаев.

[1] Белый и К.Н.Васильева выехали поездом из Тифлиса 11 августа, прибыли в Москву 14 августа (*РД*. Л.136).

[2] Комментарий Иванова-Разумника: «Этого заказного письма ИР не получил» (Л.29об.). О недошедших письмах Белого Иванов-Разумник упоминает в письме к В.Н.Фигнер от 24 декабря 1928 г.: «...два его письма ко мне с Кавказа, посланные еще летом (тоже *заказные*!) все еще идут ко мне, – так я их и не получил. Удивляюсь этой перлюстрационной заботливости обо мне» (*РГАЛИ*. Ф.1185. Оп.1. Ед.хр.437). 30 июля 1928 г. Белый сообщал Д.М.Пинесу из Коджор: «...переписываюсь с Р.В. о том, чтобы мне приехать к нему в Детское сейчас же, как он вернется из Песочков, куда он нас с К<лавдией> Н<иколаевной> зовет, и куда попали бы несмотря на расстояние, если бы не грустные семейные дела К.Н., призывающие в Москву; так что всего вероятнее, что Р.В., которого усердно зову из Песочков в Кучино, не приедет; и тогда я поеду к нему, потому что очень-очень хотел бы пожить с ним несколько денечков» (Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.96).

[3] Комментарий Иванова-Разумника: «Это письмо не сохранилось» (Л.29об.).

209. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
14 августа 1928 г.

Вагон. 14 августа[1].

Дорогой Разумник Васильевич,

пишу из вагона *и* в деревню, *и* в Детское (не знаю, где Вы)[2]; Вы, моего письма не получивши, не отвечаете мне на вопросы. Могу приехать лишь в Детское, в пределах от 18 до 23 августа; позднее – не смогу. И вот боюсь, что эти сроки, как и в прошлом году письма, разойдутся. Дайте ответ, – могу ли приехать? О К.Н. писал подробно. Но что ж делать, коли письма не доходят. Ни списаться, ни ответить вовремя, стало быть, нельзя.

Весь Ваш Б.Бугаев.

(Пишите в Кучино или в Москву).

[1] См. п.208, примеч.1.

[2] Письмо (открытка) отправлено в Детское Село, предыдущее письмо (п.208) – в Песочки; оба письма дошли до места назначения (судя по почтовым штемпелям) 15 августа.

210. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
15 августа 1928 г. Песочки[1].

15 авг. 1928. Песочки.

Дорогой друг!

Где Вы и что Вы – не знаю. Написал Вам с десяток (ей-ей, не меньше!) писем и открыток – и в Тифлис, и в Сачхери, и в Каджоры, и в Кучино, и на Плющиху[2]. Но раз ответа нет – значит, Вы к нам в Песочки не приедете, а потому мы на днях снимаемся с места и возвращаемся на зимние квартиры.

Гора решительно не хочет идти к Магомету, – значит Магомет пойдет к горе. Собираюсь к Вам, в Москву – Кучино, и напишу об этом более подробно, когда получу от Вас весть, – с Кавказа ли, из Кучина ли. А как жаль, что Вы и Клавд<ия> Ник<олаевна> не попали в Песочки! Мы здесь провели бы время так, как не провести его ни в Ц<арском> Селе, ни в Кучине.

Привет от нас троих Вам и Клавд<ии> Ник<олаевне>. Жду письма в Ц<арском> Селе.

Крепко обнимаю.

Ваш Р.Иванов.

[1] Написано и отправлено до получения п.208.

[2] Из всех писем Иванова-Разумника, отправленных Белому во время его пребывания в Закавказье в 1928 г., известны только три (п.204, 205, 207).

211. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
16 августа 1928 г. Кучино.

Кучино. 16 августа. 28 года[1].

Дорогой друг,

послал Вам из вагона 2 невнятных открытки[2]; поезд трясло; и рука едва выводила каракули. Вероятно, Вы удивитесь им. Пишу разъяснение: получил Ваше последнее письмо, помеченное 18<-м> июлем, не то 28-м[3]; и – понял, что Вы не получили ни моего письма, ни письма Клавдии Николаевны; раз 2 заказных письма пропали, не дойдя до Вас, то – как же Вам писать в Новгородскую губернию? Между тем: я просил Вас спешно мне дать ответ, ибо в связи с этим ответом стоит мой все-таки приезд к Вам, или... – но об этом ниже. Итак, – почта опять нас разъединила, как и в прошлом году. И опять создала ненужные сложности, препятствуя нашему свиданию. Это досадно: «*кажинный*» раз на этом месте! Повторяю в ракурсе суть наших с К.Н. писем. Ваше милое приглашение приехать с Кавказа прямо к Вам, в деревню – попало в самое больное место: и я, и К.Н. только и мечтали об этом. Но увы! Мечта, взманяя, неосуществима. И К.Н. даже разогорчилась. Ведь именно ее мечта была: ехать к Новгородской Старине: в Новгород, Псков и т.д. Мы даже в планах поездку на Кавказ соединяли с этим намерением. Первоначально мы хотели с Кавказа Волгой, *минуя Москву*, подплыть к Твери, далее – посетить Вас в Детском; и – отправиться осматривать русские древности (в Новгородскую губернию). А Вы, как нарочно, из самых этих наших заветных мест нас зовете. К.Н. сказала: «Это – насмешка судьбы». И у нас произошел разговор, в котором я всячески старался ее успокоить.

Дело вот в чем: мы с К.Н. *вместе* (и работаем, и морально мыслим, и вместе ищем, взявшись за руки) уже с 1918 года. И за десять лет Бог знает как стали близки: можно сказать, что все *мое* стало *ее* и все *ее* стало *моим* (и люди, и вкусы, и заботы дней и т.д.); всем это ясно; и всем это понятно (и ее родным, и Петру Николаевичу, ее мужу, который сам признается, что он вполне понимает меня и ее и ничего не может противопоставить нашей моральной связи[4]. Но тут-то и подымаются «*Парок бабье лепетанье, – жизни мышьей суетня*»[5].

Петр Николаевич – человек благородный, честнейший и силящийся сознанием стать на уровне проблемы *Пути*; увы, – у него слабая воля и *страстное*, ревнивое сердце; он мучается нашей близостью с К.Н. тем сильнее, чем яснее видит, что сказать тут нечего. Он прекрасный человек, умный доктор, изумительно музыкально одаренный, но... – несмотря ни на что, он с 1910 года (года женитьбы) до 1928-го все еще погибает от «*безнадежной*» любви; и ведет порою себя, как капризный ребенок. Мать К.Н., Анна Алексеевна, старушка пуританская с явным уклоном и в толстовство, и в «*брандизм*» (от «*Бранд*», драма Ибсена)[6], когда-то взяла с нас слово, чтобы К.Н. внешне осталась с П.Н. и чтобы мы (я и К.Н.) не были мужем и женой; она очень слаба; у нее склероз; и боязнь *убить* ее держит нас в условностях. Единственно, кто мог бы нас разрешить от «*уз*» протестантской «*морали*» (в кавычках) и догматов «*семейного дома*», в котором К.Н. (в силу обстоятельств, а не своей воли) должна играть роль «*супруги*», – единственно, кто мог бы нас разрешить, так это П.Н.; но повторяю: тут он *слаб*, как... капризный ребенок; и, так сказать, «*бронирует*» себя той Анной Алексеевной, которая *требует*, чтобы *К.Н.*, «*якобы*» щадя П.Н., осталась «*мадам*» Васильевой; и тут-то начинаются «*бабьи... лепетания*» и «*мышьи... грызни*», буквально изгрызающие душу К.Н. «*Наши*» прекрасно понимают нас с К.Н.; но остается *труп* быта, который насильно привязали к К.Н.: все эти отдаленные родственники Анны Алексеевны, живущие 70<-ми> годами прошлого века, родственники Петра Николаевича, начиная с его матери, бывшей «*директрисы*» ленинградской гимназии, ныне приехавшей из Сочи к «*Клоде и Пете*»!

Сперва мы хотели, огибая Москву, попасть к Вам, а потом – Новгород; и вдруг письмо от П.Н.: «*Мама* к *нам* едет; когда вернешься?»[7] Вот тебе и поездка к Вам, вот тебе и Новгород. Конечно, Петр Николаевич мог бы, если бы был *сильным* человеком, освободить К.Н., т.е. доказать Анне Алексеевне, что он *не погибнет* без «*Клоди*». А он... человек слабый; а мы, который год, боимся поднимать разговоры на эти темы из-за здоровья Анны Алексеевны (припадок, сердечный удар, вообще «*удар*»). И стало быть: ложь «*жизни сей*» – довлеет; мы с К.Н., когда рассуждаем обо всем

этом, – решаем: до кончины (не дай Бог!) Анны Алексеевны положено нам быть «*страдающей*» стороною, ибо мы, увы, все же – *сильнее духом*...

Но что стоит это К.Н.!

Вы таким сердечным зовом разбередили раны К.Н.; она даже плакала; и мне же пришлось ее утешать: «Успокойтесь; не поезжайте к Р.В.; и все!» А ей хотелось; успокоились; и обстоятельно написали Вам о невозможности приехать. А письма пропали.

И это тем досадней, что в письме я Вас прошу спешно ответить, будете ли 15-го августа в Детском. Если *да*, я приеду к Вам, но...: позднее 25<-го> августа мне неудобно уехать, ибо в первых числах сентября всяческая суетня здесь, да и рабочие планы... А вот сегодня, 16-го августа, а от Вас ни звука. Пока не получу ответа, – не приеду в Детское; все равно: ранее 20-х чисел не мог бы выехать никуда; и потому, не зная, что Вы можете задержаться в Новгор<одской> губ<ернии> до сентября, уже распределил дни кучинской жизни от 15<-го> до 20-х чисел... Ясно: когда один – в Закавказье, а другой – в Песочках, то между ними все сношения оборваны; в прошлом году был бы у Вас, если бы вовремя списались; но, приехав в конце июля и прождав Вашего письма до середины августа, – *уже не мог* уехать; опять тот факт, что Вы жили в доме «Р*ако*ва»[8], а я – у «Топ*адзе*» на Казбеке, развели мосты между нами; письма ходят только по главным магистралям; как свернут с них, – черт знает что! Черт знает что, – почта в Закавказье; Каджоры от Тифлиса – 19 километров; каждый день 3 почтовых автомобиля; а письмо из Тифлиса в Каджоры шло ко мне 10 дней (просто невероятно, где оно гуляло: вероятно, путешествовало, – было и в Баку, и в Эривани); вероятно, то же происходит между Шимском и Песочками; итак: 10 дней от Каджор до Тифлиса, плюс нормальный путь Тифлис – Москва (3 дня), плюс дней 15 от Москвы до Песочков; итого: месяц пути от меня к Вам; месяц обратно; Вы 10<-го> августа, вероятно, получили письмо, помеченное 10<-м> июлем, а я получу Ваш ответ из Песочков только 10<-го> сентября (кучинская почта – тоже «*адская*»!). Итак, махнув на Песочки рукой, – пишу в Детское.

Теперь – последний пункт: я так хочу Вас видеть, что приеду к Вам, если приезд не отсрочится до *после* сентября, но... приеду в Детское, где Вас осаждает народ, где даже еще увидишь ли Вас? И побыть-то вместе не очень удастся. Ловлю, дорогой друг, Вас на словах: Вы, зовя меня в Песочки, предлагаете отсрочить приезд в Детское до сентября; из этого явствует: Вы можете отложить возврат в Детское. А что бы Вам приехать в Кучино? Преимущества: у меня народа нет; в нашем домике живут люди (дочь и муж дочери Елизав<еты> Трофим<овны>[9]), не имеющие никакого отношения к нам, да наверху доживает весь день служащий П.Н.Зайцев, человек наи-деликатнейший, которого придется изредка силком стаскивать с верха на часок, а то он способен из пере-деликатности вообще сгинуть. В Кучине сейчас прекрасно, тихо; в начале сентября будет еще лучше. Что Вам мешает, взяв дорожную сумочку, взяв работу, если работаете, приехать ко мне? И этим продлить, хотя бы до 1<-го> сентября, – нужный Вам отпуск? А как бы осчастливили меня?

Вижу, что ничто не препятствует: и оттого – зову всеми силами души! Приезжайте, милый, в Кучино!

Остается один вопрос, – и Вы простите меня, но ведь мы друзья *настоящие*, – остается один вопрос, который Вы не выдвинете, но который может быть: остается дорога в Кучино. Но, – дорогой: нам не так много осталось жить, не слишком много мы будем еще в этой жизни встречаться, и слишком о многом хотелось бы перекликнуться от *души* к *душе*, чтобы вопросы «*бытовых условностей*» могли взрывать мосты между нами. И поэтому я прямо выдвигаю вопрос о том, что позвольте мне взять расход на билет (у меня сейчас неожиданные появились деньги); кроме всего: я же должник перед Варв<арой> Никол<аевной>, взявшейся ремингтонировать 2-ой том «*Начала Века*»[10]. Словом: одного из возражений на Ваш приезд *быть не может*; а именно: *денежного*.

Обо всем этом я писал Вам подробно в недошедшем письме[11]: там я ставил вопрос так; мы должны встретиться; но лучше всего в Кучине, где и свободнее от людей и где судьба не сыграет со мной в 3<-ий> раз злой шутки (с билетом в кармане не *уехать*). Но если Вам все-таки никак нельзя в Кучино, я все-таки приеду в Детское, но не позднее конца августа, а потому ответьте тотчас: мне ли ждать Вас, мне ли

39 Зак. 3782

ехать. Если бы приехали, утешили бы и К.Н., которая связана 3 недели Москвой, где ей приходится «*отдуваться*» с родственниками; она бы от времени до времени нас навещала, и денек, другой мы бы хорошо жили *en trois*. Итак, жду вести от Вас.

Остаюсь сердечно преданный и любящий Б.Бугаев.

Все же: до скорого свидания! К.Н. шлет привет Вам и Варв<аре> Ник<олаевне>; мой привет Варв<аре> Ник<олаевне> и Иночке.

Мой адрес. Нижегор<одская> жел<езная> дор<ога>. Салтыковка. Новое Кучино. Железнодорожная улица. Дача №40 (Шипова). Мне.

[1] Письмо написано на следующий день по возвращении в Кучино (*РД*. Л.136).

[2] Имеются в виду п.208 и 209.

[3] Имеется в виду п.207, отправленное по кучинскому адресу.

[4] См. в этой связи недатированное письмо П.Н.Васильева к Белому, опубликованное Н.С.Малининым (*Лица*. С.302). В письме к М.К.Морозовой от 15 июля 1928 г. Белый признается: «...я радуюсь, что когда-нибудь и я соединюсь с землей; это будет тогда, когда "*Я*" станет солнцем, ибо центр самой земли, центр атома, – солнечен; он вечно пылает, как несгораемая купина»; К.Н.Васильева, продолжает Белый, «стала таким солнцем моей жизни, – солнцем, вставшим именно тогда, когда я думал, что для меня все кончено, и оттуда, где, казалось, были погашены все огни» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.4. Ед.хр.13).

[5] Неточная цитата из «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы» (1830) А.С.Пушкина.

[6] А.А.Алексеева. Бранд, герой одноименной драматической поэмы (1866) Генрика Ибсена, – воплощение непреклонной воли, беспощадности к себе и другим при выполнении морального долга.

[7] Это письмо П.Н.Васильева к К.Н.Васильевой нам неизвестно.

[8] Адрес Иванова-Разумника в Песочках.

[9] Кучинская домохозяйка Белого.

[10] См. п.206, примеч.2.

[11] См. примеч.2 к п.208.

212. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
23 августа 1928 г. Детское Село[1].

23 августа 1928. Ц<арское> Село.
Колпинская, 20.

Дорогой и милый Борис Николаевич, – только что вернулись из Песочков домой; на столе – Ваше письмо из Кучина (от 16 авг<уста>). Вот так незадача: в Песочках не получили мы ни Вашего, ни Клавдии Николаевны* *заказных писем* (!)[2], в то время как десятки других, даже не заказных, доходили вполне благополучно. А я-то писал Вам письмо за письмом – и в Сачхери, и в Коджоры, и в Тифлис, и в Кучино, и на Плющиху[3] – и дивился: в ответ – ни звука! Получил лишь письмо из Коджор от 10 июля (*не* в ответ на мои), да открытку: «вагон, 14 августа»[4]. Тогда же вновь ответил в Кучино – получили ли?[5]

Да, незадача. Первая – в том, что Вы и Клавдия Николаевна не могли попасть в наши новгородские чудесные места, посмотреть старину и пожить в старом крестьянском быту (вот где культура-то!). Причины, о которых пишете Вы, – грустны и тяжелы, и мне очень больно, что мы нашим приглашением были невольной причиной огорчения Клавдии Николаевны. Будем надеяться хоть на то, что если к будущему лету все мы будем живы, здоровы и благополучны, то можно будет всем нам встретиться в этих местах, – куда Вы и Клавдия Николаевна приедете прямо из Москвы, а

---

* *В автографе первоначально ошибочно*: Клавдии Васильевны *(исправлено Ивановым-Разумником). Ниже в тексте письма ошибочное написание* Клавдия Васильевна *исправлено без дополнительных оговорок.*

не с Кавказа. Бабье лепетанье и мышья суетня – хуже гордиевых узлов, те хоть разрубить можно, а эти обволакивают и грызут неустанно. Но и против них есть иной раз средство: не обращать внимания. Тогда иной раз все утрясывается постепенно. Простите за эти бесплодные слова; но верю, что часто сама жизнь дает выход из положения. Но все же пока что – незадача: и Вы оба не могли попасть в наши новгородские места, и мы не смогли пожить с Вами в новгородской деревне, в одиночестве и тишине, вдали от города и его суетни.

Незадача вторая: поджидая Вас и ответа от Вас – застряли мы в Песочках до начала 20-х чисел августа (а если бы Вы приехали – то остались бы и до сентября). Вы пишете, что могли бы приехать в Ц<арское> Село не позднее 25 авг<уста>, а я пишу Вам это уже 23-го! Если можете приехать хоть на немного дней (хоть на много дней!) – приезжайте: так рады будем Вам! Одна неустранимая беда – слишком густое писательское население Ц<арского> Села (Толстой, Скалдин[6], Спасские, и еще, и еще, и Петров-Водкин, – люди все очень милые, но...)[7]. Но беда эта неустранима, когда бы Вы к нам ни приехали, а потому – приезжайте, приезжайте, если только можете!

Ваш приезд нимало не выбьет меня из рабочей колеи. Я уезжаю в город работать (в Публичн<ую> Библ<иотеку> и Академии Наук) очень рано, после 8 ч., возвращаясь к 3-м; а Вы в это время будете еще спать, пить чай и иметь час-два свободный; с 3-х дня до 3-х ночи – я совсем свободен, а ведь лучшие наши часы всегда были ночные. Не говорю уже о том, что если бы Вы приехали недели на две, то я и совсем брошу поездки в Питер (без всякого урона для своей работы); приведенное выше «расписание дня» – лишь на случай длительного Вашего приезда (– вот бы!).

Я написал Вам из Песочков, что раз гора не идет к Магомету, то он сам пойдет к горе[8], и что, значит, я сам явлюсь к Вам в Кучино. Явиться-то явлюсь – но вот когда? Мне надо будет поработать с недельку в Москве, в Румянцевском Музее – но время этой работы выяснится лишь тогда, когда Дм<итрий> Мих<айлович> (сегодня вечером увижу его), вернувшись на днях в Москву, наведет в Рум<янцевском> Музее нужные мне справки[9].

Этим я кончаю сегодняшнее письмо; повидавшись сегодня вечером с Дм<итрием> Мих<айловичем> и узнав от него новости – завтра напишу Вам дополнительно. Но если Вы решите ехать к нам – не ждите никакого дополнительного письма, а прямо приезжайте, чем доставите всем нам огромную радость. Пока же – крепко обнимаю Вас и целую, твердо веря, что так или иначе, а в ближайшее время повидаться нам удастся.

От Варв<ары> Ник<олаевны> и Ины – привет сердечный Клавдии Николаевне и Вам; крепко помним и любим Вас обоих. Клавдии Николаевне скоро напишу – в ответ на ее неполученное мною заказное письмо.

Еще раз обнимаю – до скорого свидания.

Любящий Вас Р.Иванов.

Необходимое *P.S.*: спасибо Вам большое за предложение взаймы на проезд; я не поколебался бы взять у Вас и еще раз в долг (должен я Вам уже два года – сорок рублей и все не могу вернуть!). Но Вы напрасно называете себя должником Варвары Николаевны, – напротив, это она в долгу перед Вами. Суета житейская до сих пор не дала ей возможности выполнить работу; но в этом сезоне все будет готово – и не позднее, чем к Новому Году, Вы получите и оригинал, и переписанное в 2-х экз. Давно уже хотел я по ее просьбе сообщить Вам об этом – и все забывал; хоть теперь-то к слову пришлось. Еще раз – спасибо и спасибо; долг свой Вам (уверен, что Вы о нем давно забыли, да я-то помню!) надеюсь вернуть тоже в этом году. – Не сердитесь за деловое *P.S.* – и еще раз до скорого свидания.

Р.И.

[1] Ответ на п.211.

[2] См. примеч.2 к п.208.

[3] См. примеч.2 к п.210.

[4] Текст письма Белого к Иванову-Разумнику от 10 июля 1928 г. нам неизвестен; возможно, здесь подразумевается письмо от 9 июля (п.206). Открытка – п.208.

[5] Имеется в виду либо п.210, либо письмо, не дошедшее до адресата.

[6] А.Н.Толстой. Алексей Дмитриевич Скалдин (1889–1943) – поэт, прозаик. В письме к Скалдину из Песочков от 29 июля 1928 г. Иванов-Разумник спрашивал: «Что-то делается в нашем Селе, и как живется всем Вам? <...> во 2-ой половине августа надеемся снова видеть Вас за нашим вечерним столом» (*РГАЛИ*. Ф.487. Оп.1. Ед.хр.53).

[7] Ср. замечание Иванова-Разумника в письме к Ф.И.Седенко (Витязеву) от 18 июля 1928 г. из Песочков: «В Ц<арском> Селе летом невозможно заниматься: толчея летних посетителей с утра и до вечера, не считая местных царскоселов (Замятина, Толстого, Шишкова, Петрова-Водкина и др.)» (*РГАЛИ*. Ф.106. Оп.1. Ед.хр.64).

[8] См. п.210.

[9] См. письма Белого к Д.М.Пинесу от 15, 16 и 18 августа 1928 г., в которых он договаривался о его приезде в Кучино в ближайшие дни (Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.99-100).

213. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
24 августа 1928 г. Кучино.

Кучино. 24-го августа. 28.

Дорогой Разумник Васильевич,

Недоумеваю: от Вас опять никакого письма в ответ на 2 открытки, письмо из Кучина[1] и на слова, переданные Д.М.Пинесу. Еще с Каджор, с 10 июля, я Вам писал, что после 25-26<-го> мне *уже неудобно ехать* в Детское. Как и в прошлом году, вероятно, неудача с поездкой есть дело почты; ни о каких сроках нельзя условиться; и следовательно: нельзя видеться поэтому. Все еще жду скорого отклика. Но пишите на Москву. В этому году кучинская почта вконец испортилась. Теперь уже вопрос о нашей встрече в руках у Вас: приедете или нет в Кучино?[2]

Искренне любящий Вас

Б.Бугаев.

[1] Имеются в виду п.208, 209, 211.

[2] Судя по этому вопросу, ко времени написания письма Белый еще не получил п.210; поступившее на почту в Салтыковке 17 августа (дата почтового штемпеля), оно не было своевременно доставлено в Кучино адресату.

214. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
26 августа 1928 г. Кучино.

Кучино. 26 августа 28 года.

Дорогой друг,

получил Вашу открытку[1]. Пишу письмо; сейчас же лишь отправляю два слова; Вы сами отвечаете мне на мои сомнения: кому к кому приехать. Если Вам надо быть в Москве, то вопрос для меня приятно и радостно решен. К тому же: говоря откровенно; я в таком настроении, что не только не хотел бы видеть Толстого, а и... Спасских (тем более хотел бы видеть Вас и Пинеса). И еще: от 15<-го> до 25<-го> мне было еще удобно приехать. *После* – уже неудобно (долго писать, почему). Итак, жду: готов терпеливо ждать.

Любящий Вас

Борис Бугаев.

[1] Имеется в виду п.212 (ошибочно называемое «открыткой»).

215. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
Между 26 и 29 августа 1928 г. Салтыковка[1].

Дорогой Разумник Васильевич, еще раз повторяю. Жду! Всегда дома: лишь 2-3<-го> сентября в Москве. До скорого свидания. Крепко обнимаю.

Борис Бугаев.

[1] Записка на обратной стороне извещения о почтовом денежном переводе на сумму 30 рублей (получено в Детском Селе 30 августа). 29 августа 1928 г. Белый также дал Иванову-Разумнику телеграмму: «Деньги высланы ждем Бугаев».

216. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
29 августа 1928 г. Кучино.

Кучино. 29 августа.

Дорогой Разумник Васильевич!

Деньги высланы. Ждем![1] К.Н. получила Ваше письмо и очень Вас благодарит за него; хотела бы ответить, да прихварывает. Я – в Кучине все дни, *кроме воскресенья 2<-го> и понедельника 3 сентября*. Ужасно радостно увидаться. Дорогой друг, если Вы едете к нам, у меня просьба: захватите с собой вид на жительство, или какой-нибудь документ: *для нотариуса*. Помните, – просьба моя к Вам, которую я изложил Вам весною; если будете в Москве, то вопрос о доверенности может стать. Тогда у нотариуса, вероятно, потребуется документ[2]. Это, разумеется, в случае, если Вы согласны на просьбу. Итак, жду с радостью[3].

Крепко обнимаю Вас. Борис Бугаев.

К.Н. и я шлем привет Вам, Варв<аре> Ник<олаевне> и Иночке.

[1] См. п.215. Комментарий Иванова-Разумника: «ИР приехал и пробыл в Москве и Кучине с 6 по 11 сентября 1928 года» (Л.29об.).

[2] Комментарий Иванова-Разумника: «ИР приезжал в Москву для подписи под нотариально заверенным литературным завещанием АБ» (Л.29об.). См. п.200, примеч.12.

[3] На это приглашение Иванов-Разумник откликнулся письмом, которое, вероятно, не сохранилось; 5 сентября 1928 г. он писал в Москву Ф.И.Седенко (Витязеву): «...приезжаю на 3-4 дня, буду жить в Кучине» (*РГАЛИ*. Ф.106. Оп.1. Ед.хр.64). Ср. записи Белого: «Письмо от Разумн<ика>, едет» (5 сентября 1928 г.); «от 6 до 10-го. Провел эти дни с Р.В.Ивановым. Написал завещание. Виделся с Пинесом» (*РД*. Л.136об.). После возвращения Иванова-Разумника в Детское Село К.Н.Васильева писала ему (15 сентября 1928 г.): «До сих пор еще вспоминаем Вас и переживаем Ваш приезд. Спасибо Вам за него. Жаль только, что мало! <...> Недавно Б.Н. навестили "поэты" (Табидзе, Робакидзе), приехавшие на юбилейные торжества Толстого. Были они и в Ясной Поляне. <...> Кучино им страшно понравилось. Они его "увидали"» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

217. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
29 октября 1928 г. Детское Село[1].

29–X–1928. Ц<арское> Село.

Дорогой и сердечно любимый друг, –

вот уже полтора месяца, как я коплю время, чтобы написать Вам «настоящее» письмо; а время не ждет и заставляет в промежутках взяться за перо, чтобы отправить Вам эту небольшую и скучно-деловую записку. Но прежде чем о делах, все-таки хоть несколько слов о мелочах житейских: Вы не поверите, как провожу я время (дико провожу!) со времени своего возвращения домой[2]. А провожу я его изо дня в день, без всякой передышки так: встаю в 7 ч., наскоро ставлю самовар, обжигаясь пью чай и спешу на поезд; в 10 ч. я уже в Питере, в рукописном отделе Публичной Библиоте-

ки или в Пушкинском Доме (рукописи Салтыкова). Работаю там до 4-х; к 6-ти я дома, и после спешного обеда начинаю диктовать Варв<аре> Ник<олаевне> на пишущей машине все то, что наработал за день. В час ночи, совершенно одурелый, ложусь спать; в 7 ч. утра, столь же одурелый, встаю. И – прежнее колесо.

Вся эта дикая спешка происходит потому, что я должен к 1 янв<аря> сдать всю книгу о Салтыкове[3]. Иногда мечтаю о том, как бы я использовал материал, будь у меня хоть 1/2 года в запасе. Мечтать не возбраняется, но работа не ждет.

Иногда, закончив день в Публ<ичной> Библ<иотеке>, захожу перед поездом в издательства, – между прочим и по тем делам, которые заставили меня писать Вам сегодня это нелепое письмо (вместо того, чтобы это же время употребить на письмо «настоящее»). Так вот, теперь о делах.

«Медный Всадник» окончательно *не* прошел в двух изд<ательст>вах: в Academi'и и в Книгоизд<ательст>ве Писателей[4]. Эх, кабы такие факты можно было сохранить «для назидания потомства»! В Academi'и – Кроленко и Назаренко[5] (есть такой), в Кн<игоиздатель>стве – Федин и еще кто-то, но и тут, и там – под ауспициями Эйхенбаумов и Тыняновых[6]. Как тут пройти «Медному Всаднику», о котором они предполагают, что написан он в посрамление формального метода!

К черту! Не стал бы об этом и писать, кабы к слову не пришлось. Но вот настоящее дело:

Теперь эпоха «мемуарная» – и целых *три* изд<ательст>ва «заинтересовались» «Началом Века»: та же «Academia», «Мысль» и «Земля и Фабрика»[7]. Размер – не смущает: в 3-х томах. Но для продолжения разговоров и «конкретизации» их нужно непременно: *краткое изложение содержания* всех томов, пó-главное или нет – безразлично. Содержание тома, который переписывает (и к 1 янв<аря> кончит) Варв<ара> Ник<олаевна> – я составил; но нужно содержание и тех материалов, которых у меня нет. Значит – просьба к Вам: поскорее составить такое краткое содержание и прислать мне. Повторяю: *большие шансы*, что «Начало Века» пройдет в 1929 году. Шлите же страничку содержания поскорее!

(И еще – но в скобках: на прощанье Вы обещали как-нибудь вечерком засесть за странички воспоминаний о Сологубе. Очень надо бы получить их от Вас – сборник почти собран; а помянуть Ф.К. – Вам всячески следует)[8].

Вот и все дело, небольшое, но спешное. И – кончаю, т<ак> к<ак> уже 2-ой час ночи. Милой Клавдии Николаевне передайте большое, большое спасибо за память, за письмо, за рецепт (пользуюсь!!)[9], а главное передайте вот что: пусть не считает меня таким невежей, каким я кажусь и даже оказываюсь, не ответив на ее письмо. Вот увидите, что отвечу и напишу, дайте срок; а пока – не очень сердитесь на сердечно любящего Вас и всегда крепко помнящего друга.

Крепко обнимаю, сердечно целую.

Ваш Р.Иванов.

Варв<ара> Ник<олаевна> и Ина шлют сердечный привет Клавдии Николаевне и Вам. Не забывайте.

P.S. Слух о «Начале Века» распространился через издательства и в литературных кругах. – У меня сегодня была какая-то кончающая Инст<итут> Ист<ории> Искусств и пишущая дипломную работу «А.Белый, как критик», – с просьбой дать ей возможность ознакомиться с нужным ей для работы «Началом Века». Я отказал, сказав, что не могу сделать это без Вашего разрешения; она собиралась писать Вам об этом. Фамилия ее что-то вроде Гольштейн, или Гольдман, или Гольдберг, с «Голь»'ю или «Гольд»'ом в основе[10]. Думаю, что следовало бы отказать, сказав, что до напечатания, предполагаемого в 1929 году, не считаете возможным исполнить такую просьбу. – Впрочем, как захотите, так и сделаю.

Глаза не глядят, голова болит; принимаю на ночь порошок Клавдии Николаевны, – спасибо!

Р.И.

[1] Вероятно, именно об этом письме упоминает Иванов-Разумник в письме к В.Н.Фигнер от 24 декабря 1928 г.: «...письмо мое к Андрею Белому (*заказное*!), посланное в конце октября, до сих пор не дошло до него <...>» (*РГАЛИ*. Ф.1185. Оп.1. Ед.хр.437).

[2] Иванов-Разумник возвратился в Детское Село из Москвы 12 сентября; 21 сентября 1928 г. он писал Ф.И.Седенко (Витязеву): «...со времени моего возвращения прошло уже 10 дней <...>» (*РГАЛИ*. Ф.106. Оп.1. Ед.хр.64).

[3] Речь идет о 1-й части монографии Иванова-Разумника «М.Е.Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество», предполагавшейся к опубликованию в московском издательстве «Федерация». Об отправке готовой рукописи в «Федерацию» Иванов-Разумник сообщал В.Н.Фигнер в письме от 26 января 1929 г. (*РГАЛИ*. Ф.1185. Оп.1. Ед.хр.437). 26 июля 1928 г. Ф.И.Седенко-Витязев писал В.Н.Фигнер: «Мне удалось устроить в “Федерацию” книгу Разумника Васильевича о Салтыкове. Теперь он получает по 200 руб<лей> в месяц в течение 6 месяцев. Он немного отдохнет от беспросветной нужды, в которой находился с момента гибели “Колоса”» (Звенья: Исторический альманах. Вып.2. М.; СПб., 1992. С.443. Публикация Я.В.Леонтьева и К.С.Юрьева).

[4] Имеется в виду попытка организовать издание стиховедческого исследования Андрея Белого «Ритм как диалектика и “Медный всадник”» в ленинградских издательствах – «Academia» и Издательство Писателей в Ленинграде.

[5] Александр Александрович Кроленко (1889–1970) – издательский деятель и книговед, в 1922–1929 гг. заведующий издательством «Academia» (см. о нем: Мартынов И.Ф., Кукушкина Е.Д. Александр Александрович Кроленко // Книга. Исследования и материалы. Сб.XXVIII. М., 1974. С.178-190; Рац М.В. Издательство «Academia». Заметки библиофила //«Academia». 1922–1937. Выставка изданий и книжной графики. М., 1980. С.8-12); Иванов-Разумник рассказал о Кроленко в очерке «Две жизни султана Махмуда» (1942), вошедшем в цикл «Писательские судьбы» (см.: Возвращение. Вып.1. М., 1991. С.311-312). Яков Антонович Назаренко (1893–?) – член правления издательства «Academia» (наряду с А.А.Кроленко, М.А.Сергеевым и Н.Э.Радловым); критик, литературовед, профессор Ленинградского университета, автор учебника «История русской литературы XIX века» (Л., 1925), вышедшего с 1925 по 1931 гг. девятью изданиями.

[6] В Издательстве Писателей в Ленинграде – товариществе ленинградских писателей, основанном в феврале 1927 г., – Константин Александрович Федин (1892–1977) был председателем Правления. Б.М.Эйхенбаум и Юрий Николаевич Тынянов (1894–1943) в Правление не входили.

[7] Проект издания «берлинской» редакции воспоминаний Андрея Белого «Начало века» не был осуществлен. См. об этом письмо Белого к П.Н.Медведеву от 10 декабря 1928 г. (Взгляд: Критика. Полемика. Публикации. М., 1988. С.431-433).

[8] См. примеч.56 к п.197.

[9] Имеется в виду письмо К.Н.Васильевой от 15 сентября 1928 г., в котором она, в частности, замечала: «...хочу “допрощаться” этим письмом. И кстати уже послать Вам рецепт тех чудодейственных “головных” порошков, которые, как кажется, пришлись Вам по вкусу. Их многие любят. И Мих<аил> Ал<ександрович> Чехов говорил о них: “Едим их, как хлеб”. Может быть и еще кому-нибудь они пригодятся. Многие, ведь, мучаются “головой”» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

[10] Возможно, подразумевается Тамара Львовна Гольштейн (род. в 1908 г.), поступившая на словесное отделение ВГКИ при Гос. Институте Истории Искусств в 1925/26 учебном году (*ЦГАЛИ СПб*. Ф.59. Оп.2. Ед.хр.647).

218. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
2 ноября 1928 г. Кучино.

Кучино 2-го ноября. 28 г.

Милый, сердечно любимый Разумник Васильевич,
только что уехал Д.М.Пинес, уезжающий завтра в Ленинград[1]; и я строчу лишь несколько строк, ибо завтра с утра – в Москву, а сегодня вечер занят доделыванием (к завтра) мелких дел. Поэтому только смогу послать сердечный привет с запоздалою благодарностью за проведенные в Кучине дни (с Вами)[2], с надеждой, что они этой зимой повторятся и не в такой скромной дозе, что поживете подольше, взяв с собой в Кучино *кое-что* (для работы), и что на этот раз захватите с собой почитать мне все, что у Вас имеется, хотя бы в недоработанном виде.

Что касается меня, то может оказаться, что окажусь у Вас, в Детском, по самому неожиданному поводу; приеду для «*кино*»-съемок Ленинграда; смеюсь, конечно: «Ки-

но» – неожиданный для меня факт, что 3-ья глава 2-го тома «Москвы», кажется, переносит действие в Ленинград (тема – Февральская революция)[3]; и мне надо лично ощупать глазами ряд мест в Ленинграде: стиль романа (не как «Петербург») взывает к точности глазного восприятия; и это *восприятие*, вероятно, выгонит меня, когда кончу 2-ую главу, которую еще не начинал даже (когда напишу – не знаю: работа адская, движусь черепашьим шагом); принимая во внимание, что недели 2 будет вынужденный отрыв от романа, чего доброго до 1-го января[4], и не придется ехать. Но раз 3<-ья> глава – *Ленинград*, поеду.

Независимо от моего, все еще проблематичного, приезда, жду Вас, всегда, в Кучино: работе моей не помешаете; да и за писанием одной первой главы обалдевал так, что 2 раза вынужден был бросать работу; мне нужны *паузы*, иначе могу заболеть; и вовсе бросить роман. Так что приезд Ваш – всякое благо для меня.

Как Вы? С последнего мига нашей встречи по сие время я бессменно в Кучине, а канув в роман, – вовсе канул: недели неслись, как миги, очнулся лишь сегодня, допереписав первую главу, которая вышла большой (84 страницы), отняла 1 1/2 месяца[5]; ее не писал, а скорей складывал в голове, выборматывая строчки на кучинском дворике; по просьбе Д.М. прочел сегодня ему «*добрый кусок*», и ничего не понимал еще, как автор: ему – виднее.

Вот, кажется, все, что могу сообщить о своей премонотонной жизни (извне); почти нет никаких восприятий, кроме кучинских, да радости встречать К.Н. по понедельникам (дни ее приезда).

Хорошо, что П.Н. пристроил ритм мой в «*Федерацию*»[6].

Правда, я так скуден мыслями за этот месяц, что себя стыдно; вся энергия ушла на технику *сработки* 1-ой главы, а то, что *при-сидит* при работе в качестве «*личности*» Б.Н.Бугаева, – серо и жалко: постоянное мое ощущение себя в период работы над романами: н-и-к-а-к-о-г-о в-д-о-х-н-о-в-е-н-и-я! Некто в сером[7].

И вот этот «*некто в сером*» отчасти за отсутствием мысли, отчасти за отсутствием времени, но не за отсутствием сердечной думы о Вас, – уже кончает письмо.

Итак, – очень жду Вас.

О дне же моего приезда, – буде случится он, – мне рано говорить еще; сперва надо писать 2-ую главу, а для меня это значит: не поле перейти!

Но вовремя постараюсь известить.

Так и Вы: о своем приезде известите.

Всегда жду. К.Н. шлет Вам сердечнейший привет; Вам и Варваре Николаевне, к которому и я всячески присоединяюсь; сердечный привет Иночке.

Остаюсь искренне любящий Вас

Борис Бугаев.

[1] Ср. запись Белого за 2 ноября 1928 г.: «Был Пинес. Читал ему “Москву”» (*РД*. Л.137об.).

[2] См. примеч.1-3 к п.216.

[3] Комментарий Иванова-Разумника: «По первоначальному замыслу второго тома романа “Москва” (позднее – “Маски Москвы”, еще позднее – “Маски”), выздоровление проф. Коробкина должно было совпасть с началом февральской революции» (Л.30). Во вступлении к «Маскам» («Вместо предисловия»), датированном 2 июня 1930 г., Белый писал: «...сюрпризом явился для меня второй том романа “Москва”, долженствовавший включить февральскую и октябрьскую революции. Но в процессе организации текста тема разрасталась <...> и часть второго тома неожиданно выросла в том <...>» (Андрей Белый. Москва. М., 1990. С.760). К работе над вторым томом «Москвы» Белый непосредственно приступил в середине сентября 1928 г.; 15 сентября К.Н.Васильева сообщала Иванову-Разумнику: «Б.Н. уже заработал над “Москвой”. Начало очень сильное, угрюмо грозное. Вой ветра в просторах развала распада о страшной расправе. Это так действенно уже само по себе, дает такой мощный эпический тон, что почти жаль растворять его в фабуле. Эта работа занимает утро» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

[4] Вероятно, Белый подразумевает здесь намеченную доработку «Воспоминаний о Штейнере»; завершением и правкой текста этой книги он был занят в декабре 1928 г.(*РД*. Л.138).

[5] В итоговой записи Белого за октябрь 1928 г. сообщается: «В этот месяц, можно сказать, написана 1-ая глава 2-ого тома Москвы» (*РД*. Л.137). Ср. его запись за 3 ноября: «Москва. <...> Читаю у П.Н.Зайцева 1-ую главу “*Москвы*” (сильный успех)» (*РД*. Л.137об.).

[6] Благодаря содействию П.Н.Зайцева, рукопись книги Белого «Ритм как диалектика и “Медный всадник”» была взята из издательства «Никитинские субботники» (обещавшего издать ее осенью 1928 г.) и передана в издательство «Федерация», которое выпустило ее в свет во второй половине мая 1929 г. Ср. записи Белого: «Принята в Фед<ерацию> “Диал<ектика> ритма”» (18 октября 1928 г.); «Договор с Федерацией» (27 октября) (*РД*. Л.137).

[7] Некто в сером – символический персонаж драмы Л.Н.Андреева «Жизнь Человека» (1907).

219. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
31 декабря 1928 г. Детское Село.

31–XII–1928.

С Новым Годом, дорогой друг, – и да будет дано нам с новыми силами пережить и этот новый год. Клавдии Николаевне от всех нас – тоже поздравления (было бы с чем) и приветы. Передо мной лежит квитанция за № таким-то об отсылке Вам заказного письма еще 27 октября сего года[1]; после этого не получал от Вас никаких вестей[2], а потому и в сомнении – дошло ли до Вас это мое заказное письмо?

Слышал о Вашем намерении посетить наши места в январе, и очень обрадовался предстоящей встрече. Но подождите сперва моего письма. А пока – черкните мне о себе и своих работах: двигается ли второй том[3] (Клавдия Николаевна! не уничтожайте черновиков!), выходит ли из печати «Медный Всадник»[4], что еще в проекте и что в работе, что Мейерхольд с «Москвой»?[5] Напишите – либо открыткой, либо заказным. – О себе не могу сказать ничего нового, – все время в трудах, как мартышка над бревном в басне Крылова[6], – и приблизительно с таким же результатом. Про общих знакомых мог бы сообщить много нового только в большом письме, которое не отчаиваюсь написать; здесь сообщу только, что книжка Спасского вышла[7], и что Дм<итрий> Мих<айлович> недавно слег в больницу, также как и Евг<ений> Павл<ович>[8]. Осень гнилая в этом году. – Обнимаю и целую сердечно.

Ваш Р.И.

[1] Вероятно, подразумевается письмо, датированное Ивановым-Разумником 29 октября 1928 г. (п.217, примеч.1).

[2] Письмо 218, доставленное Иванову-Разумнику, по всей вероятности, Д.М.Пинесом (Белый встречался с ним в Москве 3 ноября. – *РД*. Л.137об.), было написано до получения п.217.

[3] Имеется в виду работа над 2-м томом романа «Москва».

[4] См. примеч.6 к п.218.

[5] В постановочных планах Театра имени Мейерхольда драма Белого «Москва» значилась вплоть до 1930 г., однако уже в 1928 г. работа над нею не возобновлялась. См.: Николеску Т. Андрей Белый и театр. М., 1995. С.145-147.

[6] Имеется в виду басня И.А.Крылова «Обезьяна» (кн.3, VI).

[7] Имеется в виду поэма С.Д.Спасского «Неудачники. Повесть» (М., «Никитинские субботники», 1929). Ср. запись Белого за 4 января 1929 г.: «Читаю Спасского» (*РД*. Л.138об.).

[8] Иносказательное сообщение об аресте Д.М.Пинеса и Е.П.Иванова. Е.П.Иванов после 9 месяцев заключения был сослан в Великий Устюг, возвратился в Ленинград в 1932 г. (см.: Русские писатели: Биографический словарь. Т.2. М., 1992. С.380 (статья Л.А.Ильюниной); Максимов Д. Александр Блок и Евгений Иванов // Блоковский сборник. Тарту, 1964. С.345-346). Д.М.Пинес находился под арестом в течение 2 месяцев (Архив *РНБ*. Ф.16. Следственное дело Иванова-Разумника. Л.81об.). 26 января 1929 г. Иванов-Разумник писал В.Н.Фигнер: «...под самый Новый Год был арестован ближайший мой сотрудник по архивной работе и хороший знакомый, Дм.Мих.Пинес. Был он в 1917–8 гг. левым эсером (с этих пор я его и знаю), был с 1920 г. секретарем нашей Вольной Философской Ассоциации. Теперь отошел и от политики и от “вольной философии”, всецело отдавшись архивной научной работе. После ареста ему скоро предъявили обвинение по 58-ой статье, пункт 11: участие в антисоветских организациях и группировках. Совершенная нелепость: могу ручаться за него, как за самого себя, что ни в ка-

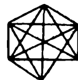
ких организациях и группировках он не участвовал. Я поехал к только что вернувшемуся из Москвы А.В.Прибылеву, потом А.В. приехал к нам по этому делу, оказав сердечное сочувствие и желание помочь, чем возможно; я написал и передал А.В. большую "записку" о Д.М.Пинесе и об очень тревожном его положении: взят он был полубольной (на нервной почве). Вскоре это и сказалось: недели через две после ареста он объявил голодовку, в результате которой попал в тюремный лазарет» (*РГАЛИ*. Ф.1185. Оп.1. Ед.хр.437. Александр Васильевич Прибылев (1857–1936) – деятель «Народной воли», затем член партии социалистов-революционеров).

220. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
9 января 1929 г. Кучино[1].

Кучино. 9 января 29 года*.

Дорогой Разумник Васильевич,

с Новым Годом; получил Вашу открытку[2] и устыдился; письмо Ваше в октябре получил[3]; и не отвечал, пока не вырешилось мне: хотел перед Рождеством посетить Вас, да не мог: зимой увлечен потоком работы; первая глава «Москвы» (2-го тома) далась мне с огромным трудом, ибо не написалась, а с величайшим усилием выбормоталась, как труднейшее стихотворение; судьба выкинула меня из расплава рабочей энергии; *темп* повествования взывает к токам высокого напряжения, и едва душа чуть остынет, как работа невозможна: железо плавимо при такой-то t°, а лед – при другой; а жить в раскале t° плавления железа, – сами знаете, как трудно; и то после 1-ой главы недели 2 поболел, а тут подкинулась книга воспоминаний[4] (помните, – читал Вам из нее отрывки, когда были у меня в январе 27<-го> года?); так вот: переделывал и дописывал[5]; вышла книга страниц в 400; это взяло месяца полтора. Вот Вам и все полугодие. Ахнуть не успел, – как пролетело! Милый, как грустно, что Вы пишете! Вам надо отдохнуть. И у меня (у нас с К.Н.) напоминание (Ваши же слова!), что Вы, может быть, сумеете приехать в январе в Кучино. Помните, – и январь, и февраль, и март: когда хотите! Несказанно порадуете! Всем жестом души, до конца всегда Вам – «добро пожаловать»! Жду Вас всегда, а эти слова – лишь напоминание; мне же ни в каких смыслах не выбраться из Кучина (и в Москву-то съезжаю раз <в> 2-3 недели); а теперь тем более: набирают мою «Диалектику ритма»[6], и вместо метрических знаков – черт знает что: приходится самому во все тыкать нос; жить при корректурах; а «*Диалектика ритма*», где все же здорово достается Жирмунским и Эйхенбаумам[7], требует тщательного прогляда, дабы за оплошность корректора не пострадать мне от «сих профессоров» (они же всякую бессмыслицу набора на меня взвалят); с книгой пришлось-таки повозиться; написал популярное введение (Ритм и... Энгельс, ритм и... Геккель!)[8], рассказывающее еще раз диалектическими словами тему книги. Знаете, чем ради игры занимался на праздниках? Вращал мысленно геометрические фигуры и пришел к основам текучей геометрии, – такой, в которой все, сколько бы их ни было, фигуры объяснимы в принципе метаморфозы трех- и двухмерных проекций четырехмерной протофигуры (если бы был жив Гете, поговорил бы с ним на тему «*метаморфозы фигур*»)[9]; знаете ли, что фигура (все скажут, что плоскостная шестиугольная звезда) есть стереометрически: и куб, и октаэдр, и пятигранная пирамида, и многое другое: приезжайте в Кучино, – докажу!



А все же, – очень, очень грустно!

Сердечно, с большой любовью Вас обнимаю и жду в Кучино. К.Н. присоединяет свой зов к моему. Варваре Николаевне и Иночке сердечный привет и уважение.

Борис Бугаев.

[1] Ответ на п.219. Ср. запись Белого за 8 января 1929 г.: «Написал Сарьяну, Разумнику...» (*РД*. Л.138об.).

---

* *В автографе описка*: 9 декабря 28 года.

[2] Отправленное из Ленинграда 2 января, п.219 было доставлено на почту в Салтыковке 3 января 1929 г.; ср. запись Белого за 4 января: «Письмо от Р.В.Иванова» (*РД*. Л.138об.).

[3] Имеется в виду п.217.

[4] Имеются в виду «Воспоминания о Штейнере» (см. примеч.4 к п.218).

[5] В записи за 4 января 1929 г. Белый зафиксировал: «Кончил книгу "Рудольф Штейнер"» (*РД*. Л.138об.). Эта же дата – под текстом книги (Андрей Белый. Воспоминания о Штейнере. Paris, 1982. С.344).

[6] См. примеч.6 к п.218.

[7] В числе ряда критических и полемических замечаний по адресу теоретиков литературы и стиховедов 1920-х гг. книга Белого включала упрек В.М.Жирмунскому в том, что тот, якобы, воспользовался в своих стиховедческих работах сведениями из «Учебника ритма», составленного в 1911–1912 гг. под редакцией Белого в ритмическом кружке при издательстве «Мусагет» и неопубликованного (Андрей Белый. Ритм как диалектика и «Медный всадник». Исследование. М., 1929. С.243); в своем отзыве на книгу Белого Жирмунский опроверг это обвинение (Жирмунский В. По поводу книги «Ритм как диалектика». Ответ Андрею Белому // Звезда. 1929. №8. С.205).

[8] Введение к книге «Ритм как диалектика» Белый написал 15-16 ноября 1928 г. (*РД*. Л.137об.). Эрнст Геккель (Haeckel, 1834–1919) – немецкий биолог-эволюционист, сторонник и пропагандист учения Дарвина; эволюционную теорию Геккеля и его вклад в науку высоко ценил Р.Штейнер, написавший в 1899 г. статью «Геккель и его противники» («Haeckel und seine Gegner») и «Эрнст Геккель и мировые загадки» («Ernst Haeckel und die Welträtsel»); см. также его лекцию «Геккель, мировые загадки и теософия» (Вестник теософии. 1908. №11. С.56-74).

[9] Подразумевается аналогия по отношению к идее «прарастения» (Urpflanze), выдвинутой Гете в его «Метаморфозе растений» (1790).

221. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
26 февраля 1929 г.Москва.

Москва. 26 февраля 29 г.

Дорогой Разумник Васильевич!

Что же Вы не ответили мне на письмо, посланное больше месяца?[1] Или не получили? Но у меня падают руки писать: пишешь письма, и не получаешь ответа; на 2 деловых письма Сарьяну – никакого ответа[2]; от Вас – никакого. Эдак с отчаяния махнешь рукой и перестанешь вовсе писать; пишешь, как в воздух; жду очень открытки хоть: как Ваше здоровье, как Ваши?

Чувствую себя плохо; переработался; пишу том «На рубеже двух столетий», или «Предначало века», к сроку[3]; а в Кучине жизнь как-то разладилась; жду весны, чтобы удрать куда-нибудь.

Остаюсь искренне любящий Б.Бугаев.

От К.Н. Вам и Вашим привет.

[1] Имеется в виду п.220.

[2] Мартирос Сергеевич Сарьян (1880–1972) – армянский живописец; Белый интенсивно общался с ним во время пребывания в Армении в мае 1928 г. (см.: Гончар Н.А. Путевая проза Андрея Белого и его очерк «Армения» // Андрей Белый. Армения. Ереван, 1985. С.152-156). Имеются в виду письмо Белого от 9 января и письмо К.Н.Васильевой с припиской Белого от 7 февраля 1929 г., в которых выражалось согласие на предложение Сарьяна вновь посетить Армению; ответное письмо Сарьяна Белому из Эривани датировано 22 февраля 1929 г. (Там же. С.91-96).

[3] Идея мемуарной книги «На рубеже двух столетий» возникла у Белого в январе 1929 г. в ходе эпистолярного обсуждения с П.Н.Медведевым вопроса о перспективах издания «берлинской» редакции «Начала века» в Ленинградском отделении ГИЗа. План задуманной книги Белый изложил в письме к Медведеву от 20 января 1929 г.; в ответ на пожелание Медведева получить готовую рукопись к апрелю 1929 г. сообщил (в письме от 6 февраля 1929 г.): «Вчера сел за "На рубеже двух столетий". Трудно определить размер; если я скажу "*15*" печатных листов, – считайте от 14-ти до 16-ти, 17-ти. <...> Работа меня и интересует, и увлекает» (Взгляд: Критика. Полемика. Публикации. М., 1988. С.434, 436, 437).

222. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
28 февраля 1929 г. Детское Село[1].

28 февр. 1929. Ц<арское> Село.
Колпинская, 20.

Дорогой и сердечно любимый Борис Николаевич,
открытка Ваша подтолкнула мою руку, – как ни не хотелось мне писать Вам такое письмо. За январь и февраль я написал Вам *три* больших письма, в ожидании трех предполагавшихся оказий, из которых ни одна не осуществилась, – и письма пошли на растопку печей. Но чувствую свою вину перед Вами – и пишу сегодня хотя бы небольшое письмо, просто для того, чтобы обнять Вас и сказать, что все это время ни на день не забывал Вас, Кл<авдию> Ник<олаевну>, Кучино, и если не писал, то этому были причины. Глупые причины: ненавижу шпекинство, и хотя бы не писал ничего особенного, но рука не берется за перо, чтобы написать и отправить письмо. Открытка Ваша заставила меня преодолеть себя.

До середины февраля я изнемогал под грузом работы. Мне надо было срочно закончить том монографии о Салтыкове[2], а «попутно» сделать и еще несколько меньших работ. С тех пор как я вернулся из Кучина, я засел за работу в архивах, – рукописных отделениях Публичной Библиотеки и Пушкинского Дома, – и работал там почти ежедневно с 10 до 4-х; потом возвращался домой – и, наскоро пообедав, диктовал Варв<аре> Ник<олаевне> до 12 ч. ночи наработанное за день о Салтыкове. Монография вышла во всяком случае – новая, с интересным материалом; в конце января я отправил в Москву (в изд-во «Федерация») первый том, в котором оказалось 20 печ<атных> лист<ов>. От Вашего былого коллеги, А.М.Эфроса[3], получил «лестный отзыв» («замечательная книга», «классическая работа», «изд<ательст>ву честь печатать ее»), к которому не отношусь серьезно – в том смысле, что вполне уверен, что А.Н.Тихонов сумеет затормозить появление этой книги[4]. Но так или иначе – работа хоть наполовину закончена; когда буду писать II том – не знаю, да и буду ли писать – тоже не ведаю[5]. Теперь сижу у моря и жду новой работы, а получу ли – опять-таки неизвестно. Так вот оно колесом и идет.

В одном из писем 1882 года Салтыков говорил (и этими его словами я начинаю книгу): «Нет конца моей работе. Месяц кончается – начинается другой, и в то же время кончается и начинается моя работа, точно проклятый заколдованный круг меня окружил»[6]... Это я могу поставить эпиграфом к моей жизни за последние десять лет. Иной раз чувствую, что устал безмерно, что пятьдесят лет жизни и двадцать пять лет литературы сказываются; а отдохнуть – некогда. Впрочем – усталость не от работы, а от окружения, от насыщенного углеродом воздуха, от людей и нравов, от внешних фактов. Но – не унываю. Помню замечательное место из жития Аввакума, которое, вероятно, уже приводил Вам, и еще раз приведу, зная его наизусть. «Страна варварская, иноземцы немирные, отстать от людей не смеем и за лошадьми идти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится... Я пришел. На меня, бедная, пеняет, говоря: – долго ли муки сея, протопоп, будет? И я говорю: – Марковна! до самыя смерти! – Она же, вздохня, отвечала: – добро, Петрович, ино еще побредем»[7].

В последней фразе – высший пример «du sublime»* классических реторик; да и не реторика тут, а наша жизнь. Муки сея будет до самыя смерти, а мы ино еще побредем. Быть так.

Вы знаете, вероятно, о затяжной болезни Дм<итрия> Мих<айловича>[8]; писать об этом не буду, слишком тяжело; будем надеяться на лучшее. Но чтобы письмо мое не вышло слишком мрачно – круто обрываю черные темы и перехожу к более радост<н>ым.

Радостна для меня та работа, которую Вы ведете в кучинском уединении. Жду с нетерпением выхода в свет «Медного Всадника»[9]; мечтал попасть в январе в Кучино и узнать о втором томе «Москвы». Дай Вам Бог бодрости и сил, – а остальное все приложится. Я все еще не теряю надежды повидаться в этом 1929 году, хотя летние псковские и новгородские планы и отпадают начисто. Во псковщине и новгородчине

---

* *«величия» (фр.)*

уже теперь – голод, а что будет там летом – жутко себе представить; ехать туда «до нового урожая» в этому году нельзя. Зовет нас на все лето в Троицко-Сергиевскую Лавру – Пришвин (прочтите его прекрасный роман «Кащеева цепь»)[10], который сам на все лето уезжает охотиться на Алтай (счастливец!), а нам предлагает поселиться на лето в его доме – вернее, избе – в Сергиеве. Но если бы даже это и состоялось, что́ сомнительно, то что толку? ведь летом Вас в Кучине не будет.

Меня прервали – и вот еще радост<н>ая весть: сегодня окончательно выздоровел и встал на ноги Дм<итрий> Мих<айлович>[11]; я его еще не видел, но, вероятно, увижу на днях.

Продолжаю после перерыва, и хочу сказать вот о чем. Можно не общаться письмами – и все же как-то чувствовать и знать друг о друге что-то главное. И вот пример, который Вы мне и подтвердите: я за эти месяцы никого не видел, кто был бы в Кучине, письма Ваши не дают никаких оснований полагать то, что я чувствую, а я между тем ясно ощущаю, что Вы на меня сердиты. И даже знаю за что. Последнее, впрочем, не по ощущению, а по умозаключению.

Вот какое дело: Вы сердиты на меня за «Начало века»[12] и за письмо к Вам валаамовой ослицы, то бишь знаменитого блоковеда («в» здесь лишнее) П.Н.Медведева[13]. Но в обоих случаях я без вины виноват. Ибо во-первых: «Начало века» переписано в значительной части и ждет только оказии в Москву. Во-вторых: осенью казалось возможным устроить напечатание «Н<ачала> В<ека>» в изд-ве «Academia»[14]. Я считаю, что напечатание возможно «цензурно» и всячески, при условии некоторых купюр, на которые можно пойти. Из Academi'и про это узнал Медведев, ныне возглавляющий лит<ературно>-худ<ожественный> отдел Гиз'а, и спросил меня, правда ли, что существует такая работа, и не обратиться ли ему к Вам с предложением напечатать ее в Гиз'е. Я ответил, что не имею от Вас никаких полномочий. – «Н<ачало> В<ека>» ни единой живой душе не показывал, храню, как зеницу ока (и даже не у себя), и лишь хочу как можно скорее вернуть его Вам. Так что если я прав и Вы сердиты, – то преложите гнев на милость: вины моей нет. Кстати, Вы пишете о новой работе, срочной – «На рубеже двух столетий»: не есть ли это I-ый том «Начала века»? Если так, то тем скорее устрою оказию с возвращением Вам лежащего у меня, хоть и не у меня, тома.

Кстати о «начале века»: я получил предложение от изд-ва «Земля и фабрика» написать том литературных воспоминаний (листов на 20). Очень боюсь, что за неимением другой работы придется взяться за эту и посвятить ей 1929 год. Даже заглавие есть: «Четверть века», с подзаголовком «Литературные воспоминания»[15]. Но если бы Вы знали, до чего не хочется браться за эту работу! Готов идиотские романы переводить, корректуры править, лишь бы не писать воспоминаний, «справляясь в уме с таблицей умножения подлости Бирукова, помноженной на глупость Красовского», как говорил (приблизительно) Пушкин[16]. Ну что́ скажешь теперь о причинах гибели Есенина, задушенного воздухом собачьей пещеры, что́ скажешь о самой этой пещере и о причинах ее существования!

О приезде Вашем в наше Ц<арское> Село – уже и не мечтаю, знаю, что невозможно. Хотя... а вдруг? Вот бы! Одна беда: село наше стало за последний год слишком шумным литературно-художественным центром. Живут здесь «оседло» – А.Н.Толстой, В.Я.Шишков, К.С.Петров-Водкин, не считая ряда minorum deorum*; у каждого свой jour fixe, в том числе и у нас собираются по субботам. А не-оседло, но продолжительно все же – обитают здесь О.Д.Форш, заневестившаяся невеста большевизма, Е.И.Замятин, К.А.Федин – и прочие, прочие, прочие. Иногда шумно – и не весело. Дух жизни отсутствует; чувствуется лишь «прочее время живота». А иногда и пир во время чумы.

---

* *младших богов (лат.)*

Тороплюсь кончить и отправить это письмо сегодня же, а потому пишу обрывисто и отрывисто; не взыщите. Милой Клавдии Николаевне сердечнейший привет от всех нас троих, а от меня в особину. Ина теперь, прослушав три года музыкальное отделение курсов Института Истории Искусств, стала студенткой радио-инженерных курсов, и этим летом уезжает в командировку на юг[17]; курсы трехлетние. Дотащить бы мне это до конца и поставить ее на ноги. Варв<ара> Ник<олаевна> работает не покладая рук, пишет на машинке под мою диктовку всю обильную мою макулатуру; я – белка в литературном колесе, но к счастию – не колесе современной литературы. Так и живем. А что дальше будет – того не ведаем, но духу уныния не поддаемся. «Муть ферлорен – аллес ферлорен»[18], как говорил на немецко-нижегородском один мой знакомый в былые времена. И Вам, дорогой друг, в заключение письма желаю только бодрости душевной. Меня не забывайте. А я Вас всегда и всегда крепко помню и люблю.

Обнимаю и остаюсь любящий Вас

Р.Иванов.

[1] Ответ на п.221.

[2] См. примеч.3 к п.217.

[3] Называя А.М.Эфроса «былым коллегой» Белого, Иванов-Разумник, видимо, подразумевает одну из его многочисленных должностей: с начала 1919 г. Эфрос – заведующий Отделом охраны памятников старины и искусства в Музейном отделе Наркомпроса; Белый служил в Отделе охраны памятников с сентября 1919 г. по март 1920 г.

[4] А.Н.Тихонов (Серебров) в 1928–1930 гг. был заведующим издательством «Федерация». См.: Эльзон М.Д. Издательство «Федерация» // Книга. Исследования и материалы. Сб.XL. М., 1980. С.140.

[5] Имеется в виду 2-й том монографии о Салтыкове-Щедрине, задуманной Ивановым-Разумником в трех томах.

[6] Этой цитатой из письма Салтыкова к А.М.Жемчужникову от 25 января 1882 г. открывается «Предисловие автора», датированное январем 1929 г. (Иванов-Разумник. М.Е.Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. Ч.1. 1826–1868. М., «Федерация», 1930. С.21. Ср.: Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. В 20 т. М., 1977. Т.19. Кн.2. С.87).

[7] Неточная и сокращенная цитата из «Жития» протопопа Аввакума (1672–1675). См.: Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975. С.36.

[8] См. п.219, примеч.8.

[9] См. примеч.6 к п.218.

[10] Автобиографический роман М.М.Пришвина «Кащеева цепь» в составе первых четырех «звеньев» был опубликован отдельным изданием в 1927 г. (М.; Л., Госиздат), в составе десяти «звеньев» – в томах 5 и 6 Собрания сочинений Пришвина (М.; Л., Госиздат, 1928). В статье «Мелкая форма (Из работы Романа Новосельского "Очерк об очерке")» (декабрь 1930 г.) Иванов-Разумник характеризует «сложнейший лирико-эпический роман» «Кащеева цепь» как «органический синтез громадного числа отдельных "очерков"», отражающий «типичную особенность Михаила Пришвина как художника, убежденно включившего в "очерк" все свое творчество и сумевшего довести эту форму до романа и до поэмы» (Роман Новосельский. Мелкая форма // Пришвин М. Скорая любовь. Избранные произведения. [М.], 1933. С.12, 15).

[11] Подразумевается известие о том, что Д.М.Пинес освобожден из заключения.

[12] Подразумевается задержка с перепечаткой «берлинской» редакции «Начала века», которую осуществляла В.Н.Иванова.

[13] Имеется в виду письмо к Белому П.Н.Медведева от 30 ноября 1928 г.: «Разумник Васильевич сообщил мне, что Вы не возражали бы против издания Ленотгизом трех томов "Начала века". Я, со своей стороны, был бы чрезвычайно рад осуществить это издание. Таким образом, и Вы и Ленотгиз, как будто, сходятся в своих пожеланиях. Стремясь поскорее приступить к реализации этого начинания, очень прошу Вас, Борис Николаевич, прислать мне более или менее полный проспект Вашей работы и Ваши условия, как автора». В ответном письме от 10 декабря 1928 г. Белый сообщил, что считает опубликование «Начала века» в его существующем виде нереальным (Взгляд: Критика. Полемика. Публикации. М., 1988. С.431-432).

[14] Ср. п.217, примеч.7.

[15] В архиве Иванова-Разумника сохранилось авторское предисловие к книге «Четверть века. Литературные воспоминания», датированное сентябрем 1926 г. (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед. хр.145); других материалов, относящихся к этому замыслу, не выявлено.

[16] Подразумевается фраза из письма Пушкина к П.А.Вяземскому от 8 или 10 октября 1824 г.: «скучно писать про себя – или справляясь в уме с таблицей умножения глупости Бирукова, разделенного на Красовского» (Пушкин. Полн. собр. соч. Т.13. [Л.], 1937. С.111. Имена цензоров А.С.Бирукова и А.И.Красовского Пушкин неоднократно обыгрывает и в других своих письмах).

[17] С июня по сентябрь 1929 г. И.Р.Иванова, учившаяся на радиотехническом отделении Морского техникума в Ленинграде (см.: Карохин Л. «Человек, перед которым я не лгал...» Сергей Есенин и Иванов-Разумник. СПб., [1997]. С.104), была командирована в Таганрог.

[18] Подразумевается немецкое выражение «Mut verloren – alles verloren» («Потерять мужество – это потерять все»), представляющее собой цитату из «Кротких ксений» (IV) Гете.

223. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
4 марта 1929 г. Кучино[1].

Кучино. 4 марта. 29 года. Понедельник.

Дорогой, горячо любимый друг,
Разумник Васильевич, –

– как Вы обрадовали меня[2]: и за себя, и за Д.М. Ведь я все время порол горячку, не зная ничего: ни о Вас, ни о нем; и только С.Д.Спасский, третьего дня бывший, впервые внятно орьентировал о Д.М. и о Вас; горячий привет ему. Во-вторых: о самом моем письме; это не письмо, а – отписка; и вот почему: до апреля все дни у меня разграфлены; столько-то отработать к такому-то сроку, а тут: С.Д., только теперь попавший в Кучино, дал мне сроку 2 дня на письмо Вам; а – тут: из «*Федерации*» в спешном порядке ответственная корректура всей книги[3], которую должен сдать во вторник П.Н.Зайцеву; между тем: 10 порционных страниц должны быть написаны[4] (а 2 дня – гости, т.е. С.Д.Спасский); итак: я в положении: и сидеть с гостями, и откорректировать 280 страниц; и написать 20 стр., иначе не вырвусь на отдых весной; сами посудите, дорогой друг, – что же напишешь, кроме отписки, да радостного сквозь все: «будьте здоровы!»

Я – больной, без вдохновения верчу колесо: надо вертеть; да еще извне – мешают; после прощания с Вами осенью пере-пере-пере-работался (без отдыха); 1) написал главу (84 стр.) «Москвы»[5]; 2) написал и переработал книгу «*Рудольф Штейнер*» (433 стр. ремингтона)[6]; 3) отредактировал заново «Золото в Лазури» (до 50<-ти> стихотворений)[7]; 4) теперь строчу том «*На рубеже двух столетий*» (не менее 400 страниц); должен кончить к маю; это значит при моем методе работы написать минимум 800 страниц моей рукой.

Вдохновения рабочего уж никакого, хотя глава «*Москвы*», говорят, удачна, стихи «*З<олота> в Л<азури>*» удачны; книга «*Руд<ольф> Шт<ейнер>*» мне самому нравится, а все это – работай «*неволей, если не охотой*» (Брюсов)[8]; вероятно, социальное обстание рождает эту безвдохновительность. Думаю *докатить колесо* до мая, а там прочно заотдыхать, а то эдак и не проживешь долго; мы с Вами перекликаемся вполне («*И я говорю*: – *Марковна*! *До самой смерти*...»).

Нет, дорогой друг, «*На руб<еже> дв<ух> стол<етий>*» – не 1-ый том «Начала Века», а предпервый, именно до «*Начала*»; он по заданию лишь подводит к 1901 году, к эпохе зари, а его поле – быт конца века и «*рубеж*», складывающийся в нас, вступающих в «Начало» уже совершеннолетними; и опять это неспроста, что я, раком пятясь, ушел в до-первый том; ибо и «*годы зари*» уже в наших условиях не цензурны; и остается вспоминать Янжула, Ковалевского, Стороженку[9]; круг тем, которых могу касаться, быстро суживается; и уже упёрт в прошлое столетие (выперт из этого).

Странно: возвращается давно минувшее, как самая животрепещущая современность; и я читаю споры деборинцев с механицистами и переживаю свою психологию студента-первокурсника в былых спорах о механицизме; не случайно: *на днях выходит* «*Пепел*» (ракурс)[10]; и я очень стою за него, именно в 1929 году; еще в 25<-ом> году он был отвергнут Тихоновым[11], в 21<-ом> году был и для меня невозможен;

теперь: Тихонов жалеет, что «Пепел» издает не «Федерация», а я с убеждением «Пепел» переиздаю («Tempora mutantur!»*); кстати: если Вам подвернется книга А.Столярова (не Михаила, а деборинца), – прочтите: острая и симптоматичная[12].

Дорогой друг, кроме биения сердца, которое всегда за Вас и о Вас, даже сказать нечего: до того мыслей нет; вся система часовых колесиков в голове только об одном: «работай, работай, – верти колесо!» И в буквальном смысле слова я уже месяца 2 ни о чем не думал, кроме текста; и даже не знаю, как себя чувствую, кроме физиологической депрессии и расширения сердца, аорты, склероза и т.д. Вот их-то и надо подлечить, а то даже эдаким способом, рабочим способом, жить перестанешь; и – станешь калекой.

Но – не ропщу («*Марковна! До самой смерти...*»).

Утешил С.Д.Спасский; увидите, заставьте его прочесть последний цикл стихов (о современности и ночи)[13]: я начинаю верить в него, как поэта; последний цикл стихов – удивителен: «In der Nacht» Шумана[14], но на почве наших дней.

Сарьян зовет в Армению[15]; мне все равно куда, лишь бы подальше от Москвы; в этом году и Кучино – уже Москва; Москва ширится и окапчивает Кучино; мне все равно куда, и я пользуюсь зовом Сарьяна и чисто внешними возможностями устроиться летом; лишь поэтому намечаем мы с К.Н. Армению; думаю вернуться к августу; и если Вы будете в Сергиеве, то непременно и Вы у нас, и мы у Вас побываем; и кроме того: Вы поживете у меня; но, может быть, Вы приедете еще и теперь? Как был бы рад! Если б приехали, был бы повод мне с неделю заотдыхать; а мне – нужен отдых; без Вашего приезда – не заотдыхаю; а после отдыха и темп работы скорей бы пошел, да и: ведь и при Вас мог бы умеренно подрабатывать. А? Не приедете? Вот осчастливили бы!

Получил на днях прекрасное длинное письмо от М.А.Чехова[16]; неспроста я так его люблю; он проходит огромный опыт «*дурацкого колпака*»[17] (ведь играет *клоуна*: у-ч-и-л-с-я у к-л-о-у-н-а!)[18]. Это – вместо «*мистерий*»! Но пишет, что – *так надо*, да еще, используя отдых, засел за... греческий язык (?!)[19]; тон письма крепкий и бодрый, но – *какой* бодростью, *какой* крепостью; сами понимаете: крепостью мученика!

И почему это одни округляют «*рожи*», где бы они ни были (у нас, на Западе), как Качалов, Боровский[20]; а мы (Вы, Чехов, я), где бы мы ни были и как бы мы ни рвались к полетам, мы *вертим колесо* своих мук. Такова, знать, судьба: почетная! Это – надо ценить!

Мейерхольду – тоже: *весьма не весело*; я его не видал, а через П.Н.Зайцева мы *аукаемся* (стыдится, что с «Москвой» – никак[21]: я его успокаиваю, что не надо стыдиться; я ведь знал, что так будет и что *не дадут* ему «*Москву*» ставить).

Слышали Вы, что доктор Унгер – убит: сумасшедшим антропософом. Странно: в час его убийства я, вдруг вспомнив о нем, написал о нем с меня самого поразившей нежностью (в главе «*Руд<ольф> Шт<ейнер> и ученики*»); вот что значит *радио*![22] Даже нас с К.Н. прошибло: никогда не думал, ни строчки не написал о нем; вдруг вспомнил, написал с пылкостью; а через 10 дней известие: в эти часы его убили.

Тоже – мученик!

Пора бы бросить разговор о том, что *а<нтропосо>фы* почиют: разве зло мира сего не указывает истреблением доктора (почти факт), пожаром «Гетеанума», убийством Унгера, какой линии «дети» мы; тоже – утешительно, поскольку вообще трагическая смерть может «утешать».

Я очень рад, что *до́* книги «*Руд<ольф> Шт<ейнер>*» в «*Почему я стал символ<истом>*» высказал максимум нет «*общему общества*», чтобы очистить себе право от полноты чувств прокричать «*да, да, да*» – доктору, настоящим его ученикам и делу света![23] Меня никто теперь не может упрекать в пристрастии, ибо пристрастие мое прошло чрез «*огонь и медные трубы*»!

Дорогой друг, знаете, я – обрел себе автора; глотаю уже 6-ую книгу; и это – Кэрвуд, американский писатель[24]: глупо, чисто, сентиментально, романтично; но с первой строки до последней – неослабевающий интерес; я ведь люблю Конан-Дойля; он – перечитан; а Кэрвуд – некая помесь из Купера[25], Конан-Дойля и некоторого идиотизма; последний не мешает интересу; природа очень хороша у Кэрвуда; и описывает

* *«Времена меняются!» (лат.)*

любимое место: место моих детских грез – район Гудзонова залива. Вообще американцы нас, европейцев, скоро и художественно начнут побивать; Кэрвуд – 2-ой американец, который меня пленил за этот год; *номер первый* (без всякого идиотизма), а совсем всериоз прекрасно пишет, так это перувианец современный, Кальдерон[26]; ярче его за все годы никого не встречал из западных писателей; характерно: оба писатели *уже не европейцы.*

Совсем в другом стиле увлечение наше с К.Н., не на сон грядущий, – знаете кем зачитывались до вырывающегося из души «ах»! Герценом. Весь ноябрь и декабрь – головой в «*Былое и думы*» и в переписке[27]; что за писатель! Что за родной-родной! Точно он писал для нас, теперь, в 1929 году. Помните его характеристику «социализмов» Оуэна и Бабёфа[28]; дух захватывает, как остро; и – знаете: обе линии социализма углубились в наши дни; и Бабёф, но и Оуэн в том ценном, что отмечает Герцен; и конечно, сквозь характеристику вечной ноты в Оуэне узнаю – доктора с его «*трехчленностью*»; апелляция к будущему человеку, но – бессильная в условиях мещанской пакости; ну, а Бабёф: Бабёф осознал себя! Изумительно, до чего стиль воспоминаний Герцена – стиль воспоминаний лучшего человека, нашего человека: *нового* человека; в тональности, в мягкой летучести, в многострунности обрисовки он принадлежит нашему поколению; и он во многом попал в наше положение с его отвергнутостью, с одной стороны, Кетчерами[29] и Б.Н.Чичериными («Чичерин» – идиот: читал его письма к Толстому)[30], с другой – Чернышевским. Меня прямо-таки волнует объективность Герцена, уживающаяся с тончайшим субъективизмом; впрочем, так полагается для подлинного индивидуалиста, переросшего критерии «*объективное*», «*субъективное*» и потому владеющего и теми, и другими.

Ужас Герцена перед мещанством вполне современен; у меня перед глазами за этот год картина перерождения стольких людей в ужасных мещан, что ужас берет; теперешние боязни (сокращения, «лишенчество»[31], карточки, хвосты) и прочее взметает новые ураганы мещанской мелкости, подлых трепетов, доносов и просто скотства, что ужас берет за лик человека; не Бабёф пугает, а воспитываемый им мещанин. В Москве тот, кто не оскотевает, представляет собой уже вслух стонущего и физически издыхающего.

Теперь в Москве Дамоклов меч – лишенчества; уже – 80 000 лишенцев в одной Москве, а по уезду, кажется, 140 000; «лишенцев» страшатся; знакомые начинают не кланяться им... А лишенцем по доносу может стать каждый; непонятно, почему тот, а не этот. Но из-под всех скорпионов торжественно выпирает уже окончательно оскотевшее мещанство; я на днях убедился: есть-таки классовое сознание. Знаете Елизавету Трофимовну? Так вот: лично она нас любит и хорошо относится; а если бы Вы посмотрели, как за эту зиму из двух безобидных стариков вылупилось *мещанство*[32], великое-безликое и подлое-безмордое[33]; и видишь, как это классовое «*оно*»[34] вопреки личному уже по-псиному урчит на иной быт, например, – на наш с К.Н.

Грустно это сознавать и видеть: до чего раб, раб, раб человек; до чего еще в нас зверь силен.

Ясен, кажется, теперь смысл царства «зверя сего»; мещанство, само по себе, – класс; но глубже класса в нем то, что под классовой базой – отверстие, бывшее до последнего времени заделанным: отверстие в... «*кладезь бездны*»[35]; теперь – открывают «кладезь бездны» в процессе быстрого возверения человеческого «я»; остается в противовес: во-ангелиться; средняя линия «*человек*» скоро станет пустыми скобками, с одинаковым безразличием заключающими и зверя, и ангела; и путь истинно человеческий – в истинно человеческой, конечно, в линии к ангелу, потому что еще вчерашние «средне-человеческие» свойства – уже не «средне-человеческие», а «звериные»: зверь быстро вылезает из кладезя бездны в нас.

Два факта, ничего общего не имеющие с виду, заставили нас с К.Н. странно содрогнуться за последнее время: что общего между убийством Унгера и между омещанением (столь понятным) моих стариков? А мне ясен стержень, откуда выветвляется и то, и это, и... небывалые морозы; в Москве дело доходило до «*–42°*», – факт небывалый; а в Европе-то: пишут статьи, как всюду появились стаи волков; в Греции на деревню напала стая в 100 волков; загрызены полицейские и 16 детей. А это похолодание в свою очередь надо шире брать. Читали, как всюду западали метеориты? Одно время каждый день известие: «Упал метеорит...» И опять: «Упал метеорит». Метео-

риты – копья Михаила; Михаил градом ударов свергает *зверя* с небес на нас; земля стала неудобным суденышком под обстрелом неба; в этом воплощении психология Аввакума и протопопицы – наша карма.

———

Вот и записался; обрываю, чтобы дать место К.Н.; не знаю, когда письмо дойдет до Вас: передаю его Сергею Дмитриевичу; обнимаю сердечно; всегда мыслями с Вами; молчание мое – от перегруженности и физического ослабевания*, не то удивительно, что ослабеваю, а удивительно, что мы до 29<-го> года таки дотащились.

Сердечный привет Варваре Николаевне; сердечный привет Иночке; Козьме Сергеевичу и Дмитрию Михайловичу[36] – тоже.

Обнимаю Вас крепко. Борис Бугаев.

Приписка К.Н.Васильевой

4/III 29. Кучино.

Дорогой Разумник Васильевич! Очень перетревожились за Вас, и очень соскучились без Вас. Так ждали «января» с обещанным Вашим приездом. Много накопилось всякого, о чем хотелось бы говорить с Вами. Может быть, все-таки приедете? Обрадуете? – Б.Н. уже писал Вам о наших «днях и часах». Повторять не буду. Скажу лишь, что школа хорошая – под знаком «Excelsior!»** – Недавно было хорошее, большое письмо Б.Н. от Мих<аила> Александр<овича>[37]. Он, по-видимому, укрепляется там. Тон письма бодрый, несмотря ни на что. С августа 29<-го> года подписал контракт на 8 месяцев. Будет режиссером и актером в каком-то «большом» деле[38]. Как ни грустно, а нужно сознаться, что теперь его приезд был бы бессмысленен. Ведь в «МХАТ'е» его основательно *забыли* и без него чувствуют себя прекрасно. Что это делается с людьми? Ума не приложишь... Простите, что так мало пишу. Хотелось только протянуть Вам руку, – и еще раз порадоваться, что у Вас пока что благополучно и что милый Дмитрий Мих<айлович> опять на ногах. Передайте ему самый сердечный привет, а также милой Варваре Николаевне и Инночке. Всего лучшего.

Ваша Кл.В.

[1] Ответ на п.222 (доставленное, видимо, С.Д.Спасским).

[2] Комментарий Иванова-Разумника: «"...Как Вы обрадовали меня...", – письмом от 28 февраля 1929 года <...> Это – последнее из сохранившихся писем ИР к АБ; дальнейшие письма ИР 1929–1932 гг. не сохранились» (Л.30). Несколько последующих писем Иванова-Разумника, однако, уцелело, они воспроизводятся ниже.

[3] Корректура исследования «Ритм как диалектика и "Медный всадник"».

[4] Имеется в виду ежедневная «норма» работы над текстом книги «На рубеже двух столетий».

[5] См. примеч.5 к п.218.

[6] См. примеч.5 к п.220.

[7] В записи о марте 1929 г. Белый отмечает: «...иногда правка "Золота в лазури"» (*РД*. Л.139). Значительная часть переработанных стихотворений, ранее входивших в состав книги Белого «Золото в лазури» (М., 1904), включена в его книгу «Зовы времен» (1931) (*Стихотворения II*. С.143-351). См.: Бугаева К., Петровский А., <Пинес Д.>. Литературное наследство Андрея Белого // *ЛН*. Т.27/28. М., 1937. С.584, 598.

[8] Строка из стихотворения В.Брюсова «В ответ» («Еще я долго поброжу...», 1902), входящего в его книгу «Urbi et orbi» (Брюсов В. Собр. соч. В 7 т. М., 1973. Т.1. С.278).

[9] См. примеч.157 к п.167. Николай Ильич Стороженко (1836–1906) – историк западноевропейских литератур, профессор Московского университета. Их литературные портреты даны

———

* *В автографе*: физическому ослабеванию,

** *«Все выше!» (лат.)*

в мемуарной книге Белого. См.: Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989. С.124-126, 130-132, 135-143.

[10] Речь идет о переработанной редакции книги стихов «Пепел», которую Белый подготовил в ноябре 1928 г.; см.: Андрей Белый. Пепел. Стихи. Изд.2-е, переработанное. М., «Никитинские субботники», 1929. Книга вышла в свет лишь в начале ноября 1929 г.

[11] Имеется в виду несостоявшееся переиздание «Пепла» (в переработанной редакции) в артели писателей «Круг», одним из руководителей которой был А.Н.Тихонов (Серебров). Состав и композиция этой редакции «Пепла» воспроизведены в кн.: *Стихотворения III*. С.479-481.

[12] Имеется в виду книга «Диалектический материализм и механисты. Наши философские разногласия» (Л., 1929) А.Столярова, одного из последователей советского философа А.М.Деборина; Белый цитирует ее в мемуарах «На рубеже двух столетий» (С.202). Ср. сообщение К.Н.Васильевой в письме к Иванову-Разумнику от 15 сентября 1928 г.: «А вечерами Б.Н. все сидит над Дебориным и К°. Интересно» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

[13] Вероятно, имеется в виду цикл из пяти стихотворений «Ночь» (1928), посвященный С.Г.Каплун (Спасский С. Особые приметы. Стихи. Изд-во Писателей в Ленинграде, 1930. С.59-65).

[14] «In der Nacht» («Ночь») – фортепианная сюита Роберта Шумана, входящая в цикл «Фантастические пьесы» («Phantasiestücke», op.12, 1837).

[15] См. письмо М.Сарьяна к Белому от 22 февраля 1929 г. (Андрей Белый. Армения. Ереван, 1985. С.96).

[16] См. недатированное письмо (*Чехов 1*. С.349-353), присланное из Берлина (летом 1928 г. Чехов уехал на летний отдых за границу, откуда уже не вернулся); редакторскую датировку письма («Не позднее апреля 1929 г.») правомерно уточнить: февраль 1929 г. Письмо Чехова – видимо, ответное на письмо Белого от 18 января 1929 г. (запись Белого за этот день: «Написал Чехову». – *РД*. Л.138об.).

[17] Ср. в указанном письме Чехова к Белому: «Вы правы (как всегда) – я в чем-то в прежнем, в том, что любил, обескрылен: дурацкий колпак – *на мне*. Вы написали – я: подписываюсь» (*Чехов 1*. С.350).

[18] Подразумевается первая роль, сыгранная Чеховым за границей на немецком языке, – клоун Скид в пьесе Георга Уоттерса и Артура Хопкинса «Артисты» (постановка Макса Рейнгардта, премьера в Вене 11 ноября 1928 г.). В ходе работы над ролью Чехов брал регулярные уроки акробатики (см.: *Чехов 1*. С.184-190; Громов В. Михаил Чехов. М., 1970. С.168-171).

[19] В указанном письме Чехова к Белому этого сообщения не содержится.

[20] Александр Кириллович Боровский (1889–1968) – пианист, профессор Московской консерватории в 1915–1920 гг.; с 1920 г. жил за границей, концертировал в СССР (впервые в 1927 г.).

[21] См. примеч.5 к п.219.

[22] 4 января 1929 г. Карл Унгер был убит Вильгельмом Кригером (Krieger), душевнобольным человеком, обвинявшим Штейнера, Унгера и других антропософов в темных оккультных деяниях, в том, что они, сводя с ума и обезличивая волю, украли его «я» (и даже подававшим в суд на «оккультных вампиров»). «Известия об убийстве Унгера» Белый получил 15 января 1929 г. (*РД*. Л.138об.); после этого он написал «Вместо послесловия» к «Воспоминаниям о Штейнере» (29 января 1929 г.); из этого поминального добавления выясняется, что Белому была сообщена неверная дата гибели Унгера: «...в силу судеб по точному расчету я начал писать о докторе Карле Унгере в ночь с 28-29 декабря, приблизительно через час после его трагической смерти, а кончил главку 31-го декабря, приблизительно в день его похорон; и – стало быть: моя главка, без моего ведома оказалась некрологом» (Андрей Белый. Воспоминания о Штейнере. Paris, 1982. С.345. Главка об Унгере – с.181-188); ср. запись Белого за 28 декабря 1928 г. с позднейшими добавлениями: «Начал писать об Унгере часа в 2 ночи: вероятно часов в 11 он был убит»; «Доктор К.Унгер убит после лекции в Нюренберге 28-го декабря 28 года» (*РД*. Л.138).

[23] В гл.15 очерка «Почему я стал символистом...» Белый дает резкую критику Антропософского общества (каким он его воспринял в 1921–1923 гг.), противопоставляя Р.Штейнера Обществу и даже намекая на то, что кончина Штейнера стоит в обусловленной связи с деятельностью Общества: «Смерть – здесь; победа – там. Но не "*Обществу*" гордиться победою; ему лучше следует вникнуть в причину смерти; ведь эта смерть совпадает с жертвенным вступлением Рудольфа Штейнера... в недра общества: Рудольф Штейнер вступал в "Общество", как в свой физический гроб» (Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.482).

[24] Джеймс Оливер Кервуд (Curwood, 1878–1927) – американо-канадский прозаик, натуралист и путешественник; автор приключенческих романов. В дневниковых записях за январь–февраль 1929 г. Белый зафиксировал чтение романов Кервуда «Пылающий лес» (Л., 1928), «Долина безмолвия» (Л., 1928), «Старая дорога» (Л., 1926), «Девушка Севера» (Л., 1928), «Золотая петля» (Л., 1926) (*РД*. Л.138об.-139). В 1920-е гг. ленинградскими издательствами «Мысль» и «Красная газета» было выпущено в свет около 20 романов Кервуда.

[25] О своем отроческом чтении романов американского прозаика Джеймса Фенимора Купера Белый в это же время писал в воспоминаниях «На рубеже двух столетий» (С.221-222).

[26] Вентура Гарсиа Кальдерон (García Calderón, 1886–1959) – перуанский прозаик (живший в Париже); в 1920-е гг. было издано несколько его книг в русском переводе: «Человек, облегчающий смерть» (Л., 1926), «У предела» (Л., 1928), «Перуанские рассказы» (М.; Л., 1928). Белый знакомился с его творчеством в Кутаисе 1 июля 1928 г.: «Читаю Кальдерона (перувианца) <...>» (*РД*. Л.135об.).

[27] Под «перепиской» подразумевается том VII Сочинений А.И.Герцена в 7 томах (СПб., изд. Ф.Павленкова, 1905), содержащий переписку Герцена с Н.А.Захарьиной. Ср. дневниковые записи Белого за ноябрь–декабрь 1928 г.: «Купил 3 тома “Былое и думы” (Герцен)» (3 ноября); «Читаю “*Былое и думы*”. Восторг. Мысли о Герцене» (7 ноября); «Читаю Герцена. Мысли о нем. (III том)» (21 ноября); «Читаю том писем Герцена» (2 декабря); «Кончил “Былое и думы”» (6 декабря) (*РД*. Л.137об.-138).

[28] Герцен проводит сопоставительный анализ идей французского коммуниста-утописта Гракха (Франсуа Ноэля) Бабёфа (1760–1797): «практика *хирурга*» – и английского социалиста-утописта Роберта Оуэна (1771–1858): «практика *акушера*» – в главе IX («Роберт Оуэн») части 6-й («Англия») «Былого и дум» (Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. М., 1957. Т.11. С.237-244).

[29] Николай Христофорович Кетчер (1806–1886) – врач, поэт-переводчик; друг юности Герцена, участник его кружков 1830-х и 1840-х годов.

[30] Имеется в виду публикация 30 писем Б.Н.Чичерина к Л.Н.Толстому за 1858–1903 гг. в кн.: Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник. М.; Л., ГИЗ, 1928. С.264-305.

[31] Этим словом определялось лишение избирательного права по политическим и экономическим мотивам, осуществлявшееся с июля 1918 года по декабрь 1936 г. См.: Лишенцы: 1918–1936 / Публикация А.И.Добкина // Звенья: Исторический альманах. Вып.2. М.; СПб., 1992. С.600-628.

[32] Ср. запись Белого за февраль 1929 г. о своих кучинских домохозяевах: «Болезнь Е.Т. Неприятности со стариками» (*РД*. Л.139).

[33] Комментарий Иванова-Разумника: «“Великое-безликое” – цитата из Бальмонта; “гордое-безмордое” (а не “подлое”) – пародия В.П.Буренина на эту строку Бальмонта» (Л.30). Комментарий неточен; оба определения восходят к персонажам пародий Буренина «Литературные чтения и собеседования в обществе “Бедлам-модерн”» и «Поэтические козероги и скорпионы»: «подающий надежды на гениальность поэт Агафон Белибердович Великий-Безликий» и «Анкудин Гордый-Безмордый, маг и шаман, брат и сват всех поэтов нового стиля» (Буренин В. Горе от глупости. Чтение в обществе «Бедлам-модерн». Поэтические козероги и скорпионы. СПб., 1905. С.63-68, 101-104, 128).

[34] Возможно, обыгрывается образ («оно»), описываемый в заключительных строках последней главы («Подтверждение покаяния. Заключение») «Истории одного города» (см.: Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. В 20 т. М., 1969. Т.8. С.423).

[35] Ср.: «...ключ от кладязя бездны» (Откр. IX, 1).

[36] К.С.Петров-Водкин и Д.М.Пинес.

[37] См. выше, примеч.16.

[38] Почти дословное изложение фрагмента из письма М.А.Чехова к Белому (*Чехов 1*. С.351-352).

224. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
12 апреля 1929 г. Кучино.

Кучино. 29 года. 12 апреля.

Дорогой, милый Разумник Васильевич,

Простите, что не тотчас Вам отвечаю[1]. Причины тому – хилое здоровье, безумное переутомленье, ряд сериозных неприятностей и рой маленьких гадостей; стиснув зубы, живу, чтобы на расстонаться. Два месяца со стоном сволакиваю себя с постели

и, зажав мысль в клещи обязательной дневной порции работы, волочу эту работу до ночи; чем постылей самый процесс принуждения себя к письменному столу, тем с бóльшей жестокостью себя к этому столу волочу. Получив Ваше письмо, совсем разогорчился; ведь что напишешь? Уста – немы! И просил К.Н. написать за меня в надежде, что Вы поймете интонацию молчания моего[2].

Да что объяснять!

Дорогой друг, – поздравляю сердечно Вас с днем 25-летия Вашей такой нужной, большой, блестящей литер<атурной> деятельности; сам знаю более, чем кто-либо, всю эфемерность «юбилеев»; не в юбилее дело, а в лишнем поводе нам, Вашим друзьям, сказать Вам горячее, горячее спасибо за все то, что Вы дали нам.

А впрочем...

Над всеми нашими делами стоит мне точка ухода от всяких дел; она – не в безделье (наоборот, – никогда не работал с таким остервенением, как этот сезон: с дней нашего осеннего свидания до вчерашнего вечера работал, не покладая рук), а в полном знании, сознании, что эта работа отделена от «я» расстоянием «25»-летнего юбилея (в масштабе времени солнечного) – минимум; представьте, что я сейчас бы строчил очередную статейку в «На Перевале» несуществующего журнала «Весы»[3]. Все, протекающее в разрезе писательства, мне стоит в таком же отдалении от себя; и в первую голову – то, над чем гну спину в *тоже*, как и всё, далеком Кучине; ибо «плачущие, как не плачущие»[4]; но – «пишущие, как не пишущие»; вот эта-то установка к известному разрезу жизни и создает мне, очевидно, трудности и кряхтения мои над работой; и я не гибел* бы над ней, если бы меня не зарезал срок: 10 апреля кончить, чтобы мочь уехать: почти бежать из Кучина, ибо оно, столь гостеприимное к нам 3 года, стало подвошным[5]: сидишь над работой, подставив спину перегородке (из почти драночек), а в спину – вопли, фырки, брыки, охи, вздохи совсем больной и ставшей одержимой Елиз<аветы> Троф<имовны>; чем более старички были уютны, душевны, тем грубее, физиологичнее, мещанственней стала Елиз<авета> Троф<имовна>, заболев (и физически, и нервно: явная инъекция дурной атмосферою Кучина: в Кучине очень дурная атмосфера: *мещанство растет, – горе тому, в ком таится мещанство*!)[6]; пишу это к тому, что 2 месяца работаю с сознанием далекости работы, с непрекращающимися мигренями, одышками и прочими склерозными и сердечными явлениями; а в спину – глядит раскрывшаяся бездна «мещанства» (стены-то нет, – драночки); метнешься в Москву и возвращаешься в других горестях: нет дома, где бы не плакали, не болели и т.д.

Единственное средство сохранить посреди сознания ось самообладания: молчать; ибо откроешь рот, и – хлынет поток слов угашающих, гасящих.

Милый, о Вашей работе над Салтыковым скажу: только бы рукопись была цела; остальное – неважно[7]. Только бы Вы были здоровы и бодры; остальное – неважно.

Бодры, – это я о математической точке, не имеющей измерения в центре «*Я*»; ибо «*Я*» уже никакого нет, опричь *точки центра*, не говоря о душевности; ныне души – пустые пары; где вчера играла душевность – дыра пустая: пары играли; душа – дыра в теле – нечто вроде фистулы; я имею большое поле наблюдения в данное время над эпидемией провала того, что вчера еще называли «душой» и что в последнее время становится фистулой в теле (Елиз<авета> Троф<имовна> лишь одна из многих, «*душевных*»). Не душа нужна, а кое-что бóльшее.

И я чувствую по себе все бóльшую и бóльшую стесненность в органах душевного выявления; я ощущал себя невесомой точкой центра в пустоте, окружность которой – стиснутые зубы рабочего императива: к 10 апрелю дописать том, поставить точку, сказать *feci, quod potui***; а потом – хоть пропади он пропадом: удрать из Кучина все равно куда; в Армению едем менее всего в целях туризма, а оттого, что во всем *СССР* Эривань – пока единственное место, где Сарьян, добрый человек, предпринял шаги, чтобы можно было бы где-нибудь приткнуться[8]; Вы пишете про Алтай: не нам, слабым, истощенным, которым не до прогулок, пускаться неизвестно куда, неизвестно во что. К.Н. перемучена Москвой, а никуда не уедешь; и то ее отпускают из дому под флагом моей командировки.

---

* *Так в автографе.*

** *Я сделал все, что мог (лат.)*

Не опишешь, почему все складывается так, что нам надо уехать в пределах поезда (раз в неделю) от 24-го апреля до 30<-го> апреля: тут и Кучино играет роль, ибо к 1-ому маю в Кучине для нас не будет самых элементарных условий жизни.

В этот сезон для нас рухнул и кучинский «*быт*», казалось бы, такой «*безбытный*»; быт мыслей, быт желания быть добрыми, тихими, никому не мешать; и это оказывается «*мещанством*»: не про нас!

Дорогой, – не огорчайтесь Салтыковым: все, что написано, хотя бы оно и сгорело: написано, записано, действует; и все, для чего требуется бумага, музей, склад, – становится все более и более несовременным; вот если в результате бóльшего оледенения попрут с полюса ледниковые горы, предшествуемые белыми медведями и стаями полярных волков, – не до писаний будет! А возможно: все возможно; возможно, что в июне будем сидеть в сугробах, а метереол<огические> <sic!> станции будут продолжать отписываться: «Ничего особенного». И обыватель даже, выпучив глаза, с недоумением балдеет перед природой: «Что такое?» А метереолог <sic!> кокетливо все строит глазки ему: «Ничего особенного».

Странное чувство у меня от работы: до нового года откряхтел рабочим томом[9]; когда кончил, по отзыву читавших отрывки из него, – едва ли не одна из удачнейших книг; сложил холодно; и холодно с 6 февраля до вчера откряхтел вторым рабочим томом в 475 страниц[10]: 22-23 печатных листа (по 11 листов в месяц); начал с заказа, а теперь просто не хочется и сдавать его; у меня сейчас будут разговоры об устройстве его в Москве (не говорите пока Медведеву)[11]; неудобно, живя в Москве, сноситься с Ленинградом; а, может, удеру на юг, а о деловых переговорах с издательствами будет речь осенью.

Дело в том: до смерти не хочется печататься: ну кому нужно?

Судьба книг странна: пишешь 2 книги с тою же деловой холодностью, а напишешь: они ни в чем не похожи; то, что писал до января, производит сердечное впечатление; то, что сейчас писал, – едко, горько, сухо, никому не радостно: ни Пиксанову[12], ни «*интеллигенту*»; вышла злая книга: «*На рубеже двух столетий*», или генезис того, отчего меня в детстве «*мамка ушибла*»; и я вырос «*декадентом*»; это – центровая тема, поданная в гирлянде характеристик (отец, Веселовский, Янжул, Ковалевский, Иванюков, Стороженко, Толстые, В.И.Танеев, Грот, Лопатин, Поливанов, Умов, Млодзиевский, Бобынин, Столетов, Марковников, Павлов, Каблуков, Церасский, Мензбир, Тихомиров, Зограф, Зелинский, Реформатский, Лейст, Анучин, Тимирязев и т.д.)[13]; видите – сколькие имена; и ни о ком из «*символистов*», ибо описываю 80–90-ые годы, до «*выхода в свет*».

Вчера со стоном дописывал 23-ий печ<атный> лист с мигренью, с неохотой, без мыслей в голове, и в спину – охи, вздохи и физиологические разговоры (хоть уши ватой затыкай); и так 9 недель; мы с К.Н. ляжем (она у себя, я у себя), стиснем зубы и ищем точки тишины, чтобы не сорваться (дух бодр, душа же немощна!). Так вот с февраля ходим с затиском в наших комнатушках, как в клетках; а отовсюду несется поток известий: этот болен, этот сокращен, этих гонят с квартиры, там внедряют; так и ходишь вот с расширенными глазами!

Дорогой друг, как бы хотелось свидеться: опять откладываешь до после Армении; а я ведь Вас ждал до середины марта (получили ли письмо, где я звал Вас[14]: да Вы не отвечали); сейчас даже не могу позвать; и – вот почему: Елиз<авета> Троф<имовна> больна, переродилась: злая, ко всему придирается; ни поговорить, ни разместиться; да и посторонние в их половине; кроме того: с конца апреля, если бы даже не ехали в Армению, все равно пришлось бы выехать, ибо некому будет ни приготовить кушанья, ни воды принести; Елиз<авета> Троф<имовна> живет в рассчете нашего уезда.

Надеюсь, что к возвращению условия обитаемости выладятся; а то придется искать нового приюта, а – где? Ну да утро вечера мудреней!

Дорогой друг, бодрости! И все же свидимся как-нибудь. Пишите в Армению (после 24-25 апреля)[15]; пока адрес: Армения. Эривань. Улица Рубени. 55. Мартиросу Сергеевичу Сарьяну. Для меня. Варваре Николаевне и Иночке от нас с К.Н. сердечный привет и уважение.

Обнимаю Вас, горячо любящий

Б.Бугаев.

[1] Подразумеваемое здесь письмо Иванова-Разумника не сохранилось. О его получении Белый сообщает в записи за 3 апреля: «Грустнейшее письмо от Разумн<ика> Вас<ильевича>» (*РД.* Л.139). В письме шла речь о юбилейной дате – 25-летии литературной деятельности Иванова-Разумника – и о том, как она была неофициально отмечена в кругу близких.

[2] Приводим это письмо полностью (*РГАЛИ.* Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24. Л.15-15об.; в письме говорится о дочери А.И. и В.Г.Анненковых – ср. п.149; упоминаются Д.М.Пинес, М.А.Чехов, П.Н.Зайцев и его пьеса «Фрол Севастьянов», написанная в соавторстве с Ю.Родианом (И.С.Белым) и поставленная в МХАТ 2-м в 1928 г., В.Э.Мейерхольд и его новая постановка – «Клоп» В.В.Маяковского).

5/IV <19>29. Кучино.

Милый Разумник Васильевич!

Прежде всего позвольте все-таки от имени Б.Н. и от своего поздравить Вас с Вашим «юбилеем», поздравить от всего сердца, – горячо, горячо. А пожелания – они тоже – от сердца и к сердцу. И что бы там ни было, а не хочется этот день оставить незамеченным. Надеюсь, что и мы были участниками в Вашем «чае с кренделем». Как хорошо сделал милый Дмитрий Михайлович. Так живо вижу его. И так радостно знать, что он был в этот день с Вами. Пожмите ему крепко руку и передайте ряд хороших слов. – А теперь другое. Не умею сказать Вам, дорогой Разумник Васильевич, что вызвало в нас Ваше письмо. Б.Н. и до сих пор не может успокоиться. Говорит, что лучше не думать. Отчасти потому и не пишет сам. Очень уж трудно найти слова. Но Вы знаете, что сердцем он кричит Вам свое всегдашнее: «люблю, помню, несу в глубине сознания...»

Грустно, что летом не будем вместе. Может быть, как-нибудь и увидимся. Собираемся в Армению. Но тоже как-то невесело. Только что пережили смерть Кины Анненковой. Бедная девочка так и не вынесла. Скончалась 29/III. Последние полтора месяца была в клинике. Это было лучше. Можно было навещать ее, не вызывая бури в родных. Страдала ужасно – физически. Душевно уже отстрадала в своей домашней тюрьме. Даже в клинике доктора и сиделки удивлялись: такого отношения к своему ребенку не видели. Спрашивали: родная ли она дочь им? И приходилось отвечать: Да, родная... Б.Н. тоже навещал Кину последнее время, и все удивлялся ее уму и осмысленности ее интересов. Останься она жить, из нее вышла бы незаурядная «научная работница». Да, все одно к одному. – Наше кучинское житие теперь как-то длится. Водворился «худой мир», который, говорят, лучше «доброй ссоры». Но на практике это как-то невесело. На Ел<изавете> Тр<офимовне>, как на человеке стихийном и медиумическом, многое видишь из того, что в других закрыто сознанием. Все же пока остаемся здесь; да и осенью – если ничего с нашими старичками не случится, – думаем тоже. Много в них и хорошего, чего не найдешь в другом месте. – Вот и радостное: известия от М.А. Он как будто окреп, освоился, завоевал положение. Письма бодрые. Живет со смыслом и с интересом. «Даже стыдно, как мне хорошо» – его слова. Со Всев<олодом> Эм<ильевичем> встречи у Б.Н. не было. Но сердечные приветы и порывы увидеться передаются взаимно через Меркурия – Петра Никанор<овича>. – За весь год не пришлось быть в театре, кроме «Фрола». Очень уже все неинтересно. Даже «Клоп», говорят, скучен. Музыки тоже хорошей почти нет. Остаются книги. Ну и читаешь. И думаешь. Да еще природа остается. А главное, остаются люди, друзья, близкие. Остаетесь Вы, Разумник Васильевич, и этим кончаю. Простите, что так мало и внешне. Но – от сердца. – Горячий привет Варваре Ник<олаевне> и Иночке, а также Д<митрию> Мих<айловичу> и Спасским. Всего лучшего.

Искренно уважающая Вас Кл.В.

Б.Н. думает все же скоро Вам писать.

[3] «На перевале» – цикл литературно-критических и публицистических статей Белого, печатавшийся в журнале «Весы» в 1906–1909 гг.

[4] 1 Кор. VII, 30.

[5] В начале апреля 1929 г. Белый дописывал книгу «На рубеже двух столетий»; ср. его запись: «5-12-ое <апреля>. Кончил “*На рубеже*”. Те же трудности с Елизав<етой> Трофимовной», – а также итоговую запись за март 1929 г.: «Очень трудные напряженные отношения с Шиповыми, ставящие вопрос о том, можем ли мы вообще жить в Кучине» (*РД.* Л.139).

[6] Аналог фразы, вынесенной Белым в заглавие главки 3-й главы 3-й книги «На рубеже двух столетий» (М., 1989. С.298): «Пустыня растет, горе тому, в ком таится пустыня», – и восходящей к повторяющейся фразе из раздела «Среди дочерей пустыни» 4-й части книги Ф.Ницше «Так говорил Заратустра»; ср. в переводе Ю.М.Антоновского: «Пустыня ширится сама собою: горе тому, кто сам в себе свою пустыню носит» (Ницше Ф. Соч. В 2 т. М., 1990. Т.2. С.221, 224).

[7] Вероятно, в неизвестном нам письме Иванов-Разумник сообщал о сложностях прохождения его книги о Салтыкове-Щедрине в издательстве «Федерация».

[8] О подготовке к приезду Белого в Эривань М.Сарьян извещал его в письме от 25 марта 1929 г. (Андрей Белый. Армения. Ереван, 1985. С.101).

[9] Подразумевается завершение работы над «Воспоминаниями о Штейнере».

[10] Подразумевается завершение работы над книгой «На рубеже двух столетий». В статье, напечатанной в сборнике «Как мы пишем» (Л., 1930), Белый отмечал в этой связи: «В прошлом году я написал в два месяца 26 печатных листов мемуаров <...> Эти мемуары я “*писал*” в точном смысле слова, т.е. строчил их и утром и вечером; работа над ними совпадает с временем написания; мысль о художественном оформлении ни разу не подымалась: лишь мысль о правдивости воспоминаний меня волновала» (Как мы пишем. М., 1989. С.9; *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.100).

[11] Начиная работу над книгой «На рубеже двух столетий» по договоренности с Ленинградским отделением Государственного издательства (в лице П.Н.Медведева), Белый, тем не менее, принял решение передать готовую рукопись московскому акционерному издательству «Земля и Фабрика» («ЗИФ»), которое и выпустило книгу в свет в начале января 1930 г. Свое решение Белый подробно аргументировал в письмах к П.Н.Медведеву от 23 апреля 1929 г. и 5 марта 1930 г. (Взгляд: Критика. Полемика. Публикации. М., 1988. С.439-444).

[12] Николай Кирьякович Пиксанов (1878–1969) – историк русской литературы, текстолог, библиограф; с 1931 г. – член-корреспондент АН СССР. Пиксанов – автор статьи об Андрее Белом в Большой советской энциклопедии (Т.5. М., 1927. Стб.443-445), давшей официальную весьма критическую оценку его творчества; Белый полемически откликнулся на эту статью в мемуарах (см.: *НВ*. С.34, 570-571). П.Н.Зайцев в воспоминаниях свидетельствует, что Белый был «болезненно раздражен» статьей Пиксанова (Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.94).

[13] Алексей Николаевич Веселовский (1843–1918) – историк литературы, профессор Московского университета. Иван Иванович Иванюков (1844–1912) – экономист, литератор. Николай Яковлевич Грот (1852–1899) – философ, профессор Московского университета, редактор журнала «Вопросы философии и психологии». Лев Михайлович Лопатин (1855–1920) – философ, психолог, профессор Московского университета. Николай Алексеевич Умов (1846-1915) – физик-теоретик, профессор Московского университета. Болеслав Корнелиевич Млодзеевский (1858–1923) – математик, профессор Московского университета. Виктор Викторович Бобынин (1849–1919) – историк математики, приват-доцент Московского университета. Александр Григорьевич Столетов (1839–1896) – физик, профессор Московского университета. Владимир Васильевич Марковников (1837–1904) – химик, профессор Московского университета. Алексей Петрович Павлов (1854–1929) – геолог, профессор Московского университета. Иван Алексеевич Каблуков (1857–1942) – физико-химик, профессор Московского университета. Витольд Карлович Церасский (1849–1925) – астроном, профессор Московского университета. Михаил Александрович Мензбир (1855–1935) – зоолог, заведующий Институтом сравнительной анатомии при Московском университете. Александр Андреевич Тихомиров (1850–1931) – зоолог, профессор и ректор Московского университета. Николай Юрьевич Зограф (1854–1919) – зоолог, профессор и хранитель Зоологического музея Московского университета. Николай Дмитриевич Зелинский (1861–1953) – химик-органик, профессор Московского университета. Александр Николаевич Реформатский (1864–1937) – химик-органик, профессор Московского университета. Эрнст Егорович (Георгиевич) Лейст (1852–1918) – метеоролог, геофизик. Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923) – географ, этнограф, археолог, антрополог, профессор Московского университета. Литературные портреты всех этих лиц даны Белым в книге «На рубеже двух столетий».

[14] Вероятно, имеется в виду п.220.

[15] Белый и К.Н.Васильева выехали из Москвы 26 апреля и прибыли в Эривань 30 апреля (*РД*. Л.139об.). См. письмо Белого к М.Сарьяну от 18 апреля 1929 г. (Андрей Белый. Армения. С.102-103).

225. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
1 июня 1929 г. Красная Поляна.

Красная Поляна. 1-ое июня.

Милый, хороший Разумник Васильевич,

Уехали из Москвы 26-го апреля; и – представьте: до 1-го июня не было никакой физической возможности Вам написать; приходилось переезжать, видеть рои людей,

разрешать сложные проблемы, куда ехать, как устроиться; и спешно прочитывать ряд книг, с которыми нигде не познакомился бы, кроме Эривани (заведующий Публичной Библиотекой любезно предоставил мне право брать нá дом ценные и редкие труды, касающиеся Армении и Персии); сколько раз садился было Вам писать в остающуюся щель свободного времени, и ощущал в голове или глупый кавардак, или только «злобу дня»; признаться: эти «*злобы*» дней скорее нам с К.Н. были «*благами*», ибо они развлекали, утомляли иным утомлением, – не московским, не кучинским; ведь мы вырвались из Москвы, едва таская ноги, измученные, каждый по-своему, умственным напряжением и печальными образами нашей жизни (и жизни друзей); а в итоге переездов, осмотров, общения с новыми людьми, даже дорожных неудач, мы успокоились, окрепли, загорели; и – главное: итог этого месяца «*странствий*» лег в душу так, что говоришь месяцу: «Спасибо».

Только: ну и тяжело же путешествовать по Кавказу, не имея прямых путевок и не имея возможности бросаться сотнями; каждую минуту ждет сюрприз; разве не сюрприз тот факт, что в начале мая усилиями Сарьяна и наркомпросса Мравьяна мы были уже устроены в Дарачичаге (около Севана-Гокчи) и я едва не внес плату за дачу[1]; к июню же должны были переехать в Дарачичаг, жить там до сентября и оттуда делать выезды (Степанован, предгория Алагеза, район Лори-Памбак, Джульфа, может быть Даралагез и Зангезур); а 31-го мая оказались в Черноморском округе, в Сочинском районе, в Красной Поляне у грека Харлампия Николаевича Полихронова (кстати: это – наш адрес июня до 25-го); сами удивляемся; ехали в Эривань; и вдруг продрали за 1000 километров; а на июль раздобыли забронированные за нами 2 комнаты в новооткрытом, прелестном, высокогорном курорте Шови (по Осетинской дороге, в 11 километрах от Мамисонского перевала)[2]; а Армения унеслась прочь: может быть, лишь в августе попадем на неделю в район Севана (перед Москвой).

Я радуюсь нашему умению лавировать между тысячами закавказских сюрпризов, сваливающихся на головы путешественников, ибо наш ход «*на ура*» (на Красную Поляну) и ставка с риском на Шови увенчались успехом. Для того и удрали вдруг из Армении, чтобы *июнь* и *июль* провести по своему вкусу, а не по вкусу людей, нас насильно запихивающих туда, куда мы не желаем попасть; так было в прошлом году с Грузией; мы не имели своего твердого плана, ибо доверились друзьям, исколесившим Кавказ, уроженцам Кахетии, Имеретии, Мингрелии: мы де Вас свезем туда, куда другим нет доступа; мы де доставим машину, препроводим к друзьям; и т.д. В прошлом году этому поверили; и оказались насильно свезенными и на месяц закупоренными в Сачхери, где и просидели в ущелье, под облаком, не имея возможности оттуда бежать.

В этому году в Армению звал Сарьян, обещал помощь председателя армянского Совнаркома (в смысле мест, проездов и т.д.)[3]; приехали: оказались закупоренными в Эривани: Зангезур, Даралагез, районы Алаверды, Алагеза – все оказалось улетающим журавлем; и нас силком тащили в Дарачичаг в рой людей, в неудобнейшие условия с туманными посулами и с унылым предстоящим; мы устроили экстренное заседание с К.Н.; и, нарушая все планы, построенные за нас, бросая любезно нам забронированное помещение с риском обидеть милейшего Сарьяна, вырвались почти насильно (нас тащили за шиворот в нам не понравившийся Дарачичаг) и бежали в Тифлис до наплыва курортников: биться за Шови и Красную Поляну; и – «*до»-бились*; если бы не удрали 21<-го> мая из Эривани, а, например, уехали бы мая 23-го, то остались бы без Шови, ибо в дни распределения мест на все лето в Шови (курорт открыт с 1-го июля) оказались в Тифлисе; и друг того доктора, усилиями которого Шови стало курортом, нам с великими хлопотами это дело устроил, ибо мы выдвинули ультиматум: «Или Шови, или – никуда: остается ехать в... Кучино...» И – Шови добились; раз июль оказался забронированным, можно было рисковать с Красной Поляной; и мы, вопреки предложениям, вопреки предостережениям «Куда вы», оказались-таки в Красной Поляне; и – опять вóвремя, ибо устроились баснословно дешево, укромно, свободно в двух чистеньких комнатах, в прелестной горной долине, окруженной снеговыми зубцами; главное: никого знакомых! И все, что нам нужно; а попади на 2 недели поздней, – никак бы не устроились!

Дорогой друг, – на Кавказе ужасно то, что в 25 километрах уже от искомого вами места начинают циркулировать совершенно превратные представления об этом

месте; когда говорят «*дорого*», надо понимать «дешево»; когда говорят «там прелестно», надо понимать «скучнейшее место» и т.д., не говоря о расписаниях автобусов, поездов, проездов; «курортные бюро» дают превратные сведения, чтобы посадить в лужу; местные газеты участвуют в обмане, печатая для сведения «путников» мифы о новых автомобильных путях, которых нет, об открытых гостиницах, которых тоже нет; а о местах, где все это имеется, точно нарочно – ни звука; вы едете в оборудованное место, а попадаете в грязную дыру; вы думаете, что попадете в дыру, а попадаете в рай; так: три года я слышал о том, что Новый Афон[4] – рай (все кавказцы и москвичи нас гнали туда); у меня был лишь инстинкт: *туда не ехать*; и – что же? 3 дня назад проехали мимо него: слащаво-стилизованная *а ля* Бёклин[5] красота, – с которой нечего делать (модные зубные врачи вешают у себя на стенах такие виды с кипарисами, чтобы доказать пациентам, что они – «дорогие» врачи); розы, кипарисы в обстании малярийных болот (60% приезжающих заболевают малярией) да унылая гора, отрезающая действительные снежные, прекрасные горы; а проехав за Афон верст 25, начинаются с Гудаут места роскошные; поэтому: путеводители говорят прекисло о *Гудаутах*; а там-то и жить. Или: всю жизнь у меня было представление, что Адлер – унылое место, окруженное пыльными холмами, и что его значимость в том, что он лежит между Сочами и Гаграми; никто об Адлере – ни звука; оказывается: Адлер – чистенькое, милое селение-городок, весь в зелени, с прекрасным плажем и с видом на цепь снежных вершин неописуемой красоты; мощи лесов, стволов – неописуемы; и оттуда <в> 56 километрах вверх по неописуемой дороге чрез Мзымтское ущелье, более величественное, чем Дарьяльское, в Красную Поляну с уютно-грандиозным ландшафтом; с Красной Поляной мы рисковали (куда еще попадем?); а в ней устроились на июнь: две больших, чистеньких комнаты у милых, простых греков по 15 рублей в месяц с домашним простым вегетарианским столом для К.Н. (чего не достанешь ни в одном хваленом кавк<азском> месте), весьма дешевым; июнь выигран и в смысле экономии финансов, и в смысле отдыха; но чтобы попасть во́время в прелестное, дешевое, малоизвестное место, мы в 3-4 дня истратили на путь не менее 100 рублей, перепирая через отвратительные «*Сухумы*», где дерут вдесятеро, где и бутылка Боржома стоит 65 копеек (в Москве – 60, в Эривани – 38).

Так на Кавказе все: все – риск; и главное: поражаюсь, до чего люди *не видят природы*, не понимают, что прекрасно и что дешевка в ней. Отвратительные и дорогие, малярийные Кобулеты – модный курорт грузинской «*высшей интеллигенции*», а прелестный, дешевый, милый Адлер до того неизвестен, что, едучи в Адлер, я боялся, что мы в нем проведем никчемные сутки. Между прочим: хорошо, что лишь теперь я увидел Адлер; иначе я все же жалел бы, что потерял здесь участок земли (в семи верстах от Адлера, в горах)[6]; по признакам, мне известным из рассказов отца, я установил: земля находилась в райски прекрасном месте, а я всю жизнь слышал: «Как жаль, что ваш участок около этого Адлера, а не около Сочь или Гагр». А Гагры мне менее понравились, чем Адлер.

Да, Кавказ – соблазн; наивным приезжим он строит подвох за подвохом, хотя бы: кто может сказать, что есть курортное место с авто-сообщеньем, с домами отдыха, но... без капли... чернил; обежав всю Красную Поляну, я получил на донышке склянки каплю чернил в... *аптеке*: чернила мне отпустили из... жалости, ибо я стал заявлять, что они – мое лекарство – эликсир жизни, ибо я – писатель; а то, – только через 2 недели бы чернила оказались в Красной Поляне. Или: до Адлера я не мог нигде добиться о том, можно ли устроиться в Кр<асной> Поляне не специально посланному (с путевкой); мы по дороге в Поляну нацелились на Гудауты, чтобы отступить туда в случае неудачи с К.Н.; но с Сухума узнали, что машины туда ходят; в Адлере узнаем: машины еще не ходят, но в Кр<асной> Поляне есть гостиница «*Чайка*»; решили пожить в Адлере: в 5 часов нас будит присланный из «*бюро*»: «*незаконная*» машина вопреки расписанию идет в Кр<асную> Поляну; приезжаем: нас встречает официальный человек: «Зачем приехали: тут только устраиваются специально посланные!» – «А гостиница "Чайка"?» – «Такой нет, никогда не бывало». – «Да нам сказали в Адлере». – «Чего они выдумывают!» (Надо сказать: Адлер – ближайший и единственный пункт, связанный с Кр<асной> Поляной; и – теснейшие сношения между обоими селениями, а в Кр<асной> Поляне есть люди, не видавшие Адлера; в Адлере же творят «мифы» о Кр<асной> Поляне). Мы – в ужасе; куда деваться: оста-

ется в той же машине ехать назад; через 5 минут обнаруживается: Кр<асная> Поляна полна *пустыми* комнатами, отдаваемыми в наем, а через 1/2 часа прекрасно и дешево водворились на месяц.

Это – тоже Кавказ!

Ловлю себя, что все письмо полно лишь «злобами» дня; в них прошел месяц; а мы – отдохнули!

Армения, утомив, дала ярчайшие моменты и в смысле общения с людьми (Сарьян, Ованесьян, Исакиан, пролет-поэт Хорен и т.д.)[7], и в смысле изумительных местностей (ущелье Касах, Аштарак, ущелья Гарни и Гехарт и т.д.)[8], и в смысле познават<ельного> материала (армянские памятники древности); ночь, проведенная в старом монастыре Гехарт[9], под отвесными перпендикулярами скал, и дорога туда со всякими приключениями – никогда не забудутся; но об этом в двух словах не напишешь; обрываю письмо, обнимаю сердечно; с К.Н. приветствуем Вас, Варвару Николаевну и Иночку. Пишите; до 25 июня адрес: Черноморский округ, Сочинский район, Красная Поляна, Харлампию Николаевичу Полихронову; мне.

Остаюсь любящий Вас Борис Бугаев.

P.S. На днях в Тифлисе получил Вашу открытку, написанную год тому назад (!?)[10].

[1] Дарачичаг (ныне Цахкадзор) – горно-климатический курорт в 52 км от Эривани (Еревана). Ср. записи Белого: «10-е <мая>. Эривань. Утром прогулка в персидском квартале. Едва вернулись – комендант ВЦИКа с машиной: “Мравьян просит осмотреть дачи в Дарачичаге”. Молниеносно понеслись в Дарачичаг (120 килом<етров> в час!). Наметили комнаты: и столь же молниеносно спустились <...> В 3 часа сделали 120 километров и осмотрели Дарачичаг. Вернулись в Эривань к обеду» (*РД*. Л.141об.). Асканаз Артемьевич Мравян (1885/86–1929) – советский государственный и партийный деятель, с 1923 г. – заместитель председателя Совета народных комиссаров и нарком просвещения Армянской ССР, редактор газеты «Советакан Айастан». См. также письма Белого к П.Н.Зайцеву от 11 и 24 мая 1929 г. (*Минувшее 14*. С.453-455, 459-462).

[2] Белый и К.Н.Васильева выехали из Эривани в Тифлис 21 мая, прожили в Тифлисе с 22 по 28 мая, 29 мая прибыли в Батум, 30 мая – в Сухум (пароходом), Гагры и Адлер (на автомобиле), оттуда направились в Красную Поляну: «31-го Красная Поляна. Приехали с машиной утром; нашли помещение у Полихроновых» (*РД*. Л.142). 14 мая 1929 г. Белый сообщал П.Н.Зайцеву из Эривани: «...мы уезжаем из Армении; и, может быть надолго, адрес будет неустойчив; в Армении устроиться не удалось; где осядем на июнь, неизвестно: Красная Поляна, Цихис-Дзири, Шови, – где удастся»; 24 мая из Тифлиса – ему же: «...можно устроиться лишь направляясь к побережью: и вот: едем в Батум-Сухум; из Сухума автомобилем до Адлера; и в Красную Поляну, где, может, удастся найти помещение в солнечном, горном, немалярийном месте; если не удастся, придется уже просто зацепиться за первое удачное место; и ждать июля, т.е. Шови» (*Минувшее 14*. С.455, 460). Красная Поляна – курортный поселок в Адлерском районе Краснодарского края.

[3] 25 марта 1929 г. М.Сарьян сообщал Белому: «Для создания минимальных удобств есть возможности (при жестоких условиях Армении). Предсовнаркома Армении т.Тер-Габриэлян обещал помочь в вопросе помещения и переездах, это, мне кажется, самое главное, а остальное легче устроить» (Андрей Белый. Армения. Ереван, 1985. С.101). Саак Мирзоевич Тер-Габриэлян (1886–1937) – советский государственный деятель, в 1928–1935 гг. председатель Совета народных комиссаров Армянской ССР.

[4] Новый Афон – поселок и монастырь (у подножия Афонской горы) на побережье Черного моря в 18 км от Сухума (Сухуми); приморский климатический курорт.

[5] Арнольд Бёклин (Böcklin, 1827–1901) – швейцарский живописец, представитель символизма и стиля модерн; в юности Белый испытал значительное воздействие его творчества.

[6] См. примеч.9 к п.2.

[7] Имеются в виду армянские поэты Иоаннес Иоаннисян (1864–1929) и Аветик Исаакян (1875–1957); согласно записям Белого, с Иоаннисяном он встречался 5, 13 и 18 мая, с Исаакяном – 3 и 13 мая (*РД*. Л.140, 141). «Хорен» – либо неизвестное лицо, либо искаженное написание; в последнем случае, возможно, имеется в виду поэт Вагаршак Норенц (род. в 1903 г.), участвовавший в изданиях и объединениях армянских пролетарских поэтов в 1920-х гг. Ср. записи Белого за май 1929 г.: «Знакомство с пролет-поэтом Хореном» (4 мая); «Заходил Хорен» (8 мая); «Утром долгий разговор с Хореном» (12 мая) (*РД*. Л.140-141).

[8] Ср. дневниковые записи Белого – 7 мая: «Поездка в Аштарак и Иоганнован <...> предгория Алагеза: гора Ара, гора Семирамиды; ущелье Касах, Аштарак: осмотр церквей св. Иоанна (Иоганнован), монастыря св. Варвары, Магни (7-ой век) (между Аштараком и Иоганнованом), "Красной Церкви", Маринэ (в Аштараке)»; 15 мая: «Поездка в Гехарт через Норк–Джервеж–Вахчаберт–Гарни (К.Н., я, Сарьян, Люся Лазаревна). Изумительные ландшафты, камни, завтрак под деревом в Вахчаберте; отдых у крестьян в Гарни; осмотр развалин Гарни; поездка, полная приключений, в Гехарт; осмотр Гехарта; разговор с епископом; ночью гроза» (*РД*. Л.140об., 141).

[9] Монастырь Гегард (основан в IV в.) в ущелье реки Гарни, в 40 км к юго-востоку от Еревана, известен комплексом памятников средневековой армянской архитектуры (XII-XIII вв.).

[10] См. п.204, примеч.6; п.205. 2 июня 1929 г. Белый сообщал П.Н.Зайцеву: «...верите ли: в мае 29 года я получил открытку Разумника Васильевича, посланную мне в июле 28 года; а пучок писем, мной отправленных из Коджор, через 4 месяца вернулся в Коджоры *за ненахождением адресатов* (?!?). <...> Вот так почта!» (*Минувшее 14*. С.465).

226. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
26 июня 1929 г. Красная Поляна

Красная Поляна. 26 июня. 29.

Милый, дорогой Разумник Васильевич,

как обрадовали письмом![1] Когда попадаешь на Кавказ, отстранив временно московско-кучинские заботы, то особенно хочешь делиться свободно-горным обменом мнений и чувств, а не тем, который, как клещами, схвачен ежедневной рабочей порцией; ведь и Кучино, из которого мало выезжаю, стало: расписанием уроков школьного дня; в числе часов-уроков почти каждый день и часы для приезжающих; и главное: «*отбывные*» разговоры, на заранее выбранную тему, порой чуждую, к которой, однако, надо подготовиться (своего рода диктанты!). В этом году особенно устал от кучинской жизни, ибо месяцами, чтобы справиться с работой, не позволял себе роскоши мыслить и чувствовать «*для себя*»; и жил... «*от книги*», ужасно утомляясь на себя надетым «*корсетом*»; вместо ж отдыха – ручей неприятностей, текущий из Москвы (с тем «*плохо*», с этой «*плохо*»); а живешь-то ведь состоянием «*организма друзей*», а не своим (свой организм – для чисто физич<еских> недомоганий); и вот: «организмы» друзей расшатались; свой собственный – совсем ослаб этой зимою; К.Н. всю зиму пере-раз-из-забоченная другими (и оттого – прихварывающая); А.С.Петровский, тот даже физически хворал 3 месяца. Все это подкладывало усталость к твоей усталости; вдобавок: до Рождества проохал и прокряхтел старик за спиной, а с января разохалась Елизавета Трофимовна (за стеной же, а стены – сквозные); главное: оба морально износились; Ник<олай> Емельян<ович> стал *неприятным*, а Елизав<ета> Троф<имовна> – «кликушею»[2].

Так стало нам Кучино – «*Скучиным*»!

Когда сбрасываешь узы «*быта*», уходя к подножиям гор, особенно сильно переживаешь друзей; и переживаешь потребность: поделиться в душе журчащими мыслями, хотя б... «*ни о чем*»; и Вы особенно приближаетесь; и, действительно, чувствуешь связь с Вами (простите за это «напрямик»): Вы и не подозреваете, дорогой друг, до какой степени бытие Ваше мне нужно, ценно: факт Вашей жизни – подбóдр; постоянно себя спрашиваешь: «*Что сказал бы Р.В.? Как отнесся бы Р.В.?*» Это стало самоочевидным припевом жизни; и хотя мы месяцами не переписываемся, эти месяцы молчания и «*невидения*» – с особой силою у меня идет разговор с Вами. Я много бы писал Вам: но опыт прошлого года с «*закавказской*» почтой убил меня (верьте, – в 29<-ом> году, в Тифлисе, я получил одну из в прошлом году недошедших Ваших открыток!?!)[3]; из «Поляны» писал на «*ура*», не надеясь, что письмо Вас застанет. Простите за его внешность; но я не умею писать «малых» писем; у меня письмо просится стать посланием (а В.[4] – «*подвел*»!: не является!).

Дорогой друг, – с самой Москвы киплю волнением, что с Салтыковым «*не устроилось*»[5]; сохраните же рукопись книги: есть ли у Вас копия? И не пишите таких слов, какие стоят у Вас в письме; будто бы написанное и ненаписанный том – Ваше свершение; мне видятся еще «рои» Ваших больших свершений; и в первую голову

«Антроподицея»[6], которая мыслится мне и которую жду; записывайте мысли к ней хоть в «дневниковой» форме, как материал к многотомному труду.

И – да не смущается сердце Ваше биографической кривой; наше счастье, что молот жизни выковывает в наших душах стойкость: «Ныне плачущие, как неплачущие...»[7] И – «пишущие, как не пишущие». Я уже перестал горевать о том, что мой написанный «Салтыков» (25 печатных листов о заветном)[8] – лежит под спудом, а 23 листа «*На рубеже*» (периферические характеристики!) прошли[9], что «*История становления сам<осознающей> души*» с 26-го года лежит сырьем, к которому не могу вернуться, что «*Москва*» (второй том) обрывается не невозможностью ее написать, а нежеланием деформировать тему, что 1-ый том «Начала Века» – пропал и все 3 тома – впустую![10] И т.д. Я осознал превращение пишущих в «*непишущих*», как повышение требований к их сознанию со стороны судьбы. И взял эту судьбу «*молчальника*»; и, может быть, скоро совсем умолкну; ведь все мои друзья – умолкшие: Эллис, Метнер, А.С.[11] и сколькие судьбой умолкшие; но ритмич<еская> кривая их жизней во всей парадоксальной неоконченности ее – взлет «горé».

«Горé имеем сердца!»

Эти мысли подсказаны Красной Поляной: «горé» – так веет в уши нам горный ветер, нашептывая сказки о судьбах будущих воплощений; и я вижу в счастье себя, нас; и более всего Вас! Дорогой друг, – позвольте сказать и умолкнуть; я не только люблю Вас: я с волнением снизу вверх гляжу на Вас; и (со стороны виднее!) – радостно волнуюсь, прозирая сквозь пятна и мути личных невзгод печать духа, реющую над Вами! Пишу после Духова дня[12] (в этот день видится многое!): Вы... идете... к Вашему Духову дню; он – ***бу-де-т***!!

«Dixi!»* – и о другом: пусть ручьятся ни о чем мысли; и да, – что скажешь, живя при горах? Да лишь о горах! И – вот: *чем в горы выше, – тем горы выше*; и еще: «*загорéли*» мы с К.Н. (не от слова «*загáр*», а от слова «*загóр*»): говор гор: *хор гор*; *горы* – неумолкаемый хор («*г*» иногда становится «х»: слово немецкое «Chor», произносимое как «кор» по-немецки, – «хор»; но этот «*кор-хор*» вытекает из сердца: «cor» – сердце (по-латыни); и вот генеалогия того, что воздвигает горы (на нашей планете и в человеческом сердце):

кор-хор- } *гор-зор-взор-заря-зарить* («г» смягчается в «з»)
горы-горение-горим горé! («*к-х-г*»): *говорит* то, что *горит* и *гóрит*.

Горы связаны с биением сердца, с ритмическою системой; ритм, звук, «*хор*» воздвигает «гор»-ы; и движение этого воздвижения – «*гор*»-ение («*горение*», огненная горообразующая деятельность): все, что «горит» – возносится «горé»; и потом уже, вознесясь, становится объектом – *взора* (взóрит) *хорные горы – взорные горы*; имагинация связана со взором (мир глаза – образ, эйдос, эйдейа; идеология); а *звук*, строящий образ гор, есть импульс хребтов; ин-спирация земли; имагинация – мысль, ставшая уже «*образом мысли*», но еще только в голове; а инспирация – мысль, опущенная в сердце, из сердца ритмом-звуком («*хором*» звуков) себя выговаривающая.

И – вот: горы полны внутреннего звука; *сердечен* («cor») *звук* («хор») гор; и – *горит* «взор» («г» в «з»).

Вот лейт-мотив наших тихих дней в Красной Поляне; он подстилает наши прогулки; мы *загорели* в двух смыслах: в прямом (загáр) и в переносном (загóр); взор у гор горит (в, з, г, р, о): *взор у гор – го-во-р-ит*! («у» в «в»).

«u = w» (древнее «w»)

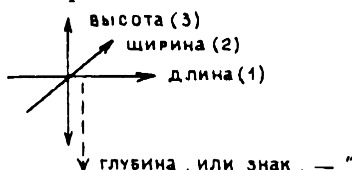
И вот – тайна гор; сами горы – невскрытый говор; у гор – *говор*: с-л-о-в-о! Слово строит сердце мира; сердце строит звук (хор); звук в сердце горит; горящее возносится «горé»; и то, что взóрит свыше, – горы!

Помните у Толстого? Оленин, увидав горы, безумствовал: все, что ни вставало в сознании его, сопровождалось лейт-мотивом: «*А горы*»...[13] И вот это «*а горы*» – единственное питание: и глазу, и ногам; видим горы, бродим у гор. И – все! Бóльшего

---

* *«Я сказал!» (лат.)*

не скажешь! А философия гор – лишь абстрактная дедукция из горного лейт-мотива; если хотите – вот она (в двух словах); тайна гор, что, встав на них, видишь «4», а не три измерения. 3-ья ось «*высота*» в квалитативном взятии разламывается на *высоту* (3) + глубину (4); и эта «глубина», как четвертая ось в геометр<ическом> начертании, удваивает действительность восприятия:



Чувство глубины есть умение пережить «*минус мир*» не как ничто, а как «*что-то*», остранняющее и деформирующее трехмерность видимого обычным глазом в *четырехмерность*; и это есть «*время*»; глубина, как четвертое измерение, может быть только восприятием «времени», видимым в горах, как «время-пространство»; оно – *время* поднятия на горы, т.е. преодоление косности точки начала координат всех измерений! Отсюда: связь времени (одномерного) с законом тяготения; и упразднение его движением сердца и мускулов при поднятии в горы; затраченное усилие на поднятие предстоит, как зримое чувство высоты, меняющее солнечное время на *сердечное*; а сердечное время – не время, а времена; оно или

моменты

хореично, или анапестично; линия метрономического времени: ; линия ямбического } линия поднятия; анапестического

хореического: } = спуск; амфибрахическое рисует зубцы ; молосс[14] } поднятие почти по отвесу. В долинах нет линии поднятия; «*времена*» во времени равны нолю, или – линии «*одномерного времени*», переживаемого вне пространства, а в плоскости; в горах есть времена; это – многолинейный, изломанный рельеф линий; горы – зримое время-пространство; и оттого оно – ритмически бьется; если трехмерный мир = «+ а», то время время-пространства есть «– *а*», как деформация рельефа *колоритом* глубины, а все есть a^2, корень квадратный из которого одновременно и «– *а*», и «+ *а*»; зримо обычно «+ *а*» (вышина, ширина, длина); не данное в трехмерном пространстве *время* и есть «– *а*»; во время-пространстве мы зрим корень квадратный из «a^2», или *время* время-пространства; обратно: «время» переживается «*во временах*», данных как *рельефы гор*; время-пространство есть одновременно данные 3 направления трех линейно представляемых времен, текущих взаимно перпендикулярно, но связанных *четвертым* временем, как временем время-пространственности.

Горы – насквозь времена, собегущие и в собеге строющие рельеф пространственности.

И вот к началу письма.

Наши биографии:

——> ....>; вдруг они оборваны многоточием (——— | ....),

сыплющимся, «*как горох*»; но это значит: переместилась ось: ; правильное

восприятие – по гипотенузе: ; то, что нам видится точкой, оборвавшей наше

личное время, есть наша *высота*, изменяющая отрезок трехмерного пути «⟶» в бóльший, равный *гипотенузе*, построенной на двух катетах; длина одного – *время* прохода по жизни; длина другого – высота стояния: мы не топчемся на месте: *горé* движемся!

Дорогой друг: не смейтесь; чудовищная филология (кор-хор-гор-зор-гоо-уў-оор-говор) лишь попытка на заумном языке выразить внедумное переживанье, охватывающее в Поляне; а «*эйнштейновские*» абстракции – перевод «*заумья*» на язык рассудка: ракурс статьи: «*Философия гор*» (впрочем, за ненаписанную статью – стою: и готов дебатировать за нее в несуществующей «*Вольфиле*» с несуществующими гносеологами). Приходится говорить формулами, или заумьем, ибо – куда девались слова языка моего? Здесь при попытке словесно зарисовать что-нибудь из того, что ощупываешь *глазом* и что откликается *звуком* в сердце, – хватаешься зá голову: предел языкового достижения «*Белого*» кажется жалким, «*кадетским*», изжитым приемом, из которого вылезает – недалекий малый: «Белый»; и сидит с карандашиком перед камнем, выдумывая десятки ему нужных слов и не имея оных; невольно вспоминаешь «*шаропихи*» Шишкова[15] и «*облых чудовищ*» Тредьяковского[16]: «*Wohl-temperierte-Klavier*»[17] Пушкина – временная «темперация» «*шишковщины*»; для этюдов словесно-зарисовывающего натурализма нужен ряд этюдов, дичайших, смешнейших, чтобы лет через 50 новый Пушкин дал новую клавиатуру из отбора новоизобретенных слов. Недавно мы с К.Н., сев перед горами, шутливо отдались натуралистическому этюду; и вот что вышло (выдаю К.Н.: и она руку приложила!): –

– «*Каменные кулаки над зеленцою залобилися и долбнéй, и дылднéй перепёра*; *серобурая скребоварина встала*; *а ребра – раскряк углоплитов*; *земля – переплитица*; *облачный выползень лег на нее*: *в перечерч прощербленный; надпёра ореховоцветного рýхи и грохи*; *ореховокарий, с прорехами серыми камень*; *и кружево вылеплинок его – в едком процепе плюща*!» –

– что скажете о таком «*ужасе*»! А я вижу, что должен на года закрыть «*лавочку*» ходячей андрее-беловской писни и упражняться только в этюдах такого сорта! Или, – еще «*ужасик*» этюда: –

– «Гордые горы, врезаяся черными ребрами в воздух, углами и сломами конусов кубово тырчутся (сахарный снег серебреет); и остро-огромен их пёрш; мимо рвется распёрый сквозняк змеевéек продунутых; ниже: улицу кубиком выложили в зелень грецких орехов, – в стволы, в толстуны (они в желтом промóхе); отряды заборинков; и свиноухая хрючница рюхает в пылях; вишневою юбкой проходит гречанка кофейного цвета средь серых и тигровобурых коров; как зарницей серебряной в ухо резнуло чирцами цикад; а под краем: струением блéсни пролизанные плиты тырчин; и выуглены каменищи над зычными дрызгами взбрызганной Мзымты»... –

– дорогой друг, – сам знаю всю дичь словесного набора[18]; и всю немощь его; но что прикажете: если бы написал привычным Белому «приемом», – сказали б: «Как хорошо!» А ведь – все сочинил бы: «*натуры*», стоящей перед глазом, не получилось бы; слова унесли бы прочь от того, что видит *глаз* и слышит *ухо*; задача будущего натурализма: связать правдивое восприятие глаза с ухом в правдивое описание; «натуралисты» описывали газетными словами; символисты, «*кадеты*», описывали аллегорическими метафорами; «имажинисты» отдались *глазу* в ущерб уху; *футуристы* и *заумники* отдались уху в ущерб глазу. Проблема природы восприятия и правильной связи *образа* со *звуком* искони отсутствовала; не удивительно: на этом пути дай Бог прийти... к Шишкову!

И этими домыслами отрезана самая возможность мне «*живописать*» Поляну; «живописать» – лгать; мы и учимся с К.Н. описывать словесными «этюдиками» да карандашными зарисовками; то и другое – каракули!

Ракурсируя нашу жизнь, скажу: ничего не читаем; бродим до загара-загóра; занимаемся жалкими зарисовками (карандашом и словом); внешне отдыхаем: внутренне – прислушиваемся к каким-то еще не до конца понятным нам «звукам» сознания, но, кажется, – сериозным.

И здесь стыдно: писать Вам издалека о том, что сейчас Вам вынужденно чуждо: стыдно до... покраснения!

Хорошо то, что «*зима*», как змеиная шкура, удачно сброшена (осенью будем обрастать новой шкурой; каждая, как одежда кентавра Несса, – жжет болью!)[19]; и за этот хотя бы временный напиток забвенья – спасибо Красной Поляне! Здесь кубок – переполнен до краю. А спросишь себя, что сделал за месяц; ответ: как есть ничего. Такого «как есть ничего» не переживал уже очень давно.

Послезавтра кончается эта жизнь[20]. Едем в Шови; адреса точного пока нет. Но, кажется, что-то вроде: Грузия. Рачинский уезд Кутаисской губернии. Курорт Шови (район Они). И опять-таки не знаю, как называется учреждение, где нам оставлены 2 комнаты: «*Гостиница*» ли, «*Дом ли отдыха*»... Поэтому: тотчас из Шови, где будем (2-го или 3-ьего июля) шлю открытку с точным адресом; а Вы, дорогой друг, невзирая на отсутствие адреса, напишите мне; и отправьте письмо по получению открытки; не знаю, что ждет в Шови; но знаю, что не будет такой тишины, как в Красной Поляне.

Дорогой друг, передайте мой сердечный привет Козьме Сергеевичу; будучи в Армении, я наведывался у Сарьяна о том, как возможно было бы устроить его; но, видимо, Сарьян затрудняется, не зная, что нужно К.С. для лечения и в каких условиях он хотел бы жить; есть курорт для туберкулезных; именно: Дилижан[21]; ужасен в Армении – жилищный кризис; хвосты на каждое место; и неблагоустройство. Сарьян готов был бы похлопотать у Совнаркома Армении; но для этого надо лично списаться; я не мог дать адреса К.С., ибо не знал; адрес Сарьяна: Эривань. Улица Рубени. 55. Мартиросу Сергеевичу Сарьяну. С Дилижаном не поздно до октября; но самое ужасное то, что на каждую комнату в Армении до 20<-ти> претензий; ведь и нас отсутствие возможности устроиться выгнало из Армении при всех обещаниях наркомпросса Мравьяна, усилиях Сарьяна и помощи Тер-Габриэляна (Совнаркома); парадоксально, но факт: просто приехать в Эривань из Москвы, Ленинграда – нельзя: негде остановиться; отстроили огромную гостиницу; но она – битком набита: служащими эриванцами. Мы было положились с приездом на Сарьяна; и все-таки – уехали; и винить некого; турки в 20-м году разрушили все! А население тем не менее увеличилось. Может быть, с Дилижаном и возможно было бы предпринять что-нибудь, да и Сарьян похлопотал бы; но надо, чтобы Сарьян и Козьма Сергеевич вступили бы в переписку лично.

Я не мог дать адреса; при случае сообщите его, если не поздно.

Ну, дорогой друг, кончаю письмо; и так оно разъехалось; и простите за подчерк; пишу на столе, покрытом бумагой, с локтем на весу (таков стол!); оттого и буквы скачут.

Непременно напишем Иночке[22]. Привет сердечный Варваре Николаевне. Обнимаю, остаюсь искренне любящий

Борис Бугаев.

P.S. Независимо от Шови, адрес: Грузия. Тифлис. Грибоедовская. 18. Квартира Тициана Табидзе[23]. Мне. В Тифлисе будем после Шови, в начале августа (2-3-4-5-го); потом, может быть, Каджоры (2 недели), как в прошлом году.

Приписка К.Н.Васильевой

Красная Поляна. 26/VI 29.

Дорогой Разумник Васильевич! всегда Ваше письмо для нас источник долгих обсуждений, и всегда они кончаются: «Как хотелось бы увидеться и поговорить». А то, – что скажешь за тысячи верст! Общие места, общие фразы: «Прекрасно. Интересно! Ужасно! Возмутительно!..» Писать же подробно обо всем – не напишешь. И берешь перо в руки с досадой. Все же берешь, – потому что хочется хоть два слова сказать. И прежде всего сказать, что как бы далеко нас не забросила судьба, как бы разны не были миры восприятий наших и Вашего, чувство постоянной и живой связи не нарушается. Словно то, что видишь перед собой, составляет лишь часть всего круга сознания, в котором несешь и то, чего не видишь, но что чувствуешь остро и ярко. Детское, Ленинград, Москва! Никакие расстояния не могут от них оторвать. Поэтому все, что приходит оттуда, – интересно и важно. И просто необходимо. Все, что бы Вы не написали, будет дорого нам. И пишите побольше, дорогой Разумник Васильевич. Ва-

ши письма всегда радость для Б.Н. И всегда он их ждет. – Очень удивились мы, что Инночка на радиокурсах. А как же музыка? Неужели пришлось оставить! Непременно напишем ей, как только будут открытки. Здесь ничего нет. – О своих странствованиях не пишу. Вы знаете главное от Б.Н. Скажу лишь, что они для нас – источник непрерывных познаний. Какая-то своеобразная «школа». Армения, Грузия, Красная Поляна – все это учит по-своему. И матерьял обученья огромен. Ничего не читая, здесь прожили месяц. А верите, что «дохнуть» некогда было. Часто жалеем, что не пришлось «поучиться» в Новгородской губернии. Ну, да, может быть, это еще не ушло. И мы с Вами когда-нибудь там таки да побродим... поглядим и поучимся. – Простите за эту приписку «ни о чем». Повторяю, хотелось лишь послать Вам и Варваре Николаевне свой сердечный привет и пожелание всякого добра.

Искренно уважающая Вас Кл.В.

[1] Текст этого письма неизвестен. Ср. запись Белого за 26 июня: «Письмо Раз<умнику> Вас<ильевичу>» (*РД*. Л.142об.).

[2] См. примеч.5 к п.224.

[3] См. п.225, примеч.10.

[4] Возможно, подразумевается М.А.Великанов, регулярно ездивший из Ленинграда в Кучино и передававший письма Белого Иванову-Разумнику.

[5] См. п.224, примеч.7.

[6] См. примеч.16 к п.145.

[7] Ср. п.224, примеч.4.

[8] Подразумевается законченная рукопись книги «Воспоминания о Штейнере».

[9] Договор на издание книги «На рубеже двух столетий» был заключен издательством «Земля и Фабрика» с П.Н.Зайцевым (доверенным лицом Белого) в мае 1929 г. (см. письмо Зайцева к Белому от 18 мая 1929 г. // *Минувшее 14*. С.456-457).

[10] См. примеч.11 к п.129.

[11] А.С.Петровский.

[12] Духов день в 1929 г. – 11/24 июня. Ср. запись Белого за этот день: «Мысли о горах – "горé" – горении...» (*РД*. Л.142об.).

[13] Рефрен из заключительной части гл.III повести Л.Н.Толстого «Казаки» (1863). См.: Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1929. Т.6. С.14.

[14] Молосс – в античном стихосложении 6-морная стопа, состоящая из трех долгих слогов (– – –); в русском силлабо-тоническом стихе молоссом называют стоящие подряд три односложных ударяемых слова в трехсложном размере.

[15] Александр Семенович Шишков (1754–1841) – писатель и государственный деятель, адмирал, президент Российской академии в 1813–1841 гг.; в книге «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803) выступал против проникновения в русский язык иностранных слов и за активное использование резервов церковнославянского языка. Подразумевается слово «шаротык» – новообразование Шишкова в значении «биллиардный кий»; обыгрывается А.С.Пушкиным в письме к Н.И.Гречу от 21 сентября 1821 г. – в иронических замечаниях по поводу слова «вольнолюбивый»: «...оно прямо русское, и верно почтенный А.С.Шишков даст ему право гражданства в своем словаре, вместе с шаротыком и с топталищем» (Пушкин. Полн. собр. соч. [Л.], 1937. Т.13. С.32).

[16] Имеется в виду образ «Чудище обло» – начало строки из «Тилемахиды» (1766) Василия Кирилловича Тредиаковского), взятой эпиграфом к «Путешествию из Петербурга в Москву» А.Н.Радищева.

[17] Использовано заглавие собрания музыкальных пьес Иоганна Себастьяна Баха «Хорошо темперированный клавир» (1-я часть, 24 прелюдии и фуги, 1722; 2-я часть, 24 прелюдии и фуги, 1744).

[18] Вариант тех же «натуралистических этюдов» Белый приводит в письме к П.Н.Зайцеву от 15 июня 1929 г. (*Минувшее 14*. С.474-475).

[19] Имеется в виду мифологический сюжет о хитоне, пропитанном кровью кентавра Несса (которая превратилась в яд); хитон прирос к телу надевшего его Геракла, причиняя невыносимые страдания. Белый неоднократно обращался к этому сюжету и даже предполагал написать

41 Зак. 3782

прозаический этюд под заглавием «Кентавр Несс» (см. письмо Белого к С.А.Полякову (март 1906 г.) // Stanford Slavic Studies. Vol.1. Stanford, 1987. P.86).

[20] Ср. записи Белого: «Прощание с Красной Поляной» (27 июня); «Отъезд: Поляна – Адлер – Гагры» (28 июня) (*РД*. Л.142об.).

[21] Поездка К.С.Петрова-Водкина (нуждавшегося в интенсивном лечении легких) в Армению тогда не состоялась: лето 1929 г. он провел в деревне Мерево (в Ленинградской области, близ Луги), а осень – в Крыму. См.: Петров-Водкин К.С. Письма. Статьи. Выступления. Документы. М., 1991. С.253-260.

[22] См. примеч.17 к п.222.

[23] 16 июня 1929 г. Т.Табидзе писал Белому в Красную Поляну: «Нам очень нравится Ваш план возвращения в Тифлис через Зекарский перевал <...> Что касается остановки в Тифлисе на несколько дней, я буду очень рад предоставить мою квартиру <...>» (Табидзе Т. Статьи, очерки, переписка. Тбилиси, 1964. С.240). Подводя итоги поездки на юг летом 1929 г., Белый отмечает: «...более конкретное отношение к душам людей, с которыми встречались, главным образом Табидзе и его женой; Табидзе воистину стал мне братом» (*РД*. Л.146).

227. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
19 июля 1929 г. Коджоры.

Каджоры. 19 июля. 29 года.

Дорогой Разумник Васильевич,

пишу Вам из тех самых Каджор[1], куда безрезультатно Вы слали мне письма в прошлом году (и в эти же числа); и куда я попал вместо Шови, вполне неожиданно, как и в прошлом году. Это попадение невпопад, становящееся *попадом в точку* (и в смысле удобства, и в смысле тишины, и многих других преимуществ), настолько любопытно и настолько *в стиле «чудес в решете»*, ставших законом всех передвижений наших, что об этом случае стоит рассказать: без эмоций, выводов, экспрессий, лишь изложив факты.

В прошлом году я, изучая карту Кавказа, открыл название одной местности, «Шови», и *а приори* решил: здесь – прелестно; сюда бы попасть; наведя справки у старожил (в Сачхери), я узнал: место – земной рай, в ледниках; путь: Кутаис – Они – Глола (137 верст по Военно-Осетинской); и тотчас прочел в газетах: *«Первого июля открывается новый курорт "**Шови**"»*... Мы решили: надо попасть; списались с тифлисскими друзьями; они прислали телеграмму: *«27-го будем в Сачхери: едем Кутаис – Шови вместе»*. Мы с К.Н. ликовали. Приехали Яшвили, Табидзе, Лордкипанидзе[2] с известием: им удалось устроить машину в Шови на понедельник 30 июня из Кутаиса; машина нас ждет. Мы – в восторге; 28-го июня трогаемся в Кутаис, чтобы, осмотрев его, 30-го ехать в Шови; 28-го приезжаем; в Кутаисе – сухая бурища; небо – портится; 29-го узнаем сюрприз: произошло недоразумение; машина, прождав нас 29-го, ушла в Шови с кем-то (вместо нас); и надо ждать, кажется, 1-го июля.

Едем в Гелатский монастырь 29-го[3]; все портится: настроение; лошади, на которых едем, отказываются везти; какой-то полуюродивый не то сван, не то имеретин, видя наше застревание на дороге, сибиллически кричит: *«Ничего не увидите: ничего не увидите!»* Кое-как, распрягши лошадей, выволакиваем пролетку; и под крапающим дождем тащимся к Гелатск<ому> монастырю; перед ним – *обрóина*: дорога размыта; мы вынуждены в расстоянии получаса повернуть назад.

30-го, в понедельник узнаем: дорога на Шови размыта на 2 недели[4]; наш автомобиль, проскочив в Шови без нас и до ливня, там застрял волей судьбы; вне его – нет машин в Шови (сообщение лишь до Они); надо возвращаться назад; хотим к побережью; известия: ужасные ливни размывают автомоб<ильные> дороги; на море – шторм; тогда нас соблазняет какая-то барышня ехать до Они, а потом на *аробе* до Шови; но у нас уже взяты билеты в Тифлис; оказывается: 1-го июля на две машины в Они – разбойничье нападение; опускаю ряд других нападений на нас в Кутаисе, включая нападение вшей и клопиных полчищ; совершенно деморализованные попадаем 2-го июля в Тифлис; все планы – разбиты, хоть уезжай в Кучино; и вдруг неожиданно подставляются Каджоры, где проводим 5 недель.

Это было в прошлом году.

А в этом –

– красоты Шови не дают покою; уславливаемся с Петровским встретиться в Шови; нарочно ликвидируем Армению и 22 мая оказываемся в Тифлисе, чтобы в Кур<ортном> упр<авлении> выхлопотать комнаты в Шови; с помощью друзей нам на июль бронируют 2 комнаты; я вношу 1/2 цены; Шови – за нами; пути – налажены; едем на июнь в Кр<асную> Поляну: ждать Шови.

Чтобы попасть к 1-ому, надо выезжать 28-27-го июня; мелькает ассоциация: как и в прошлом году; я не суеверен: но эта ассоциация 28-го и 28-го рябит в сознании; но вопрос решает пароходное расписание; 28-го лишь пароход уходит из Адлера.

И в этом году, как и в прошлом, 28-го июня трогаемся в Шови; 30-го – из Батума, чтобы с утренним, понедельничным «*авто-*» 1-го июля ехать в Шови; с Батума до Кутаиса – грозища, бурища; рой исключительных дорожных пакостей обрушивается: с Адлера до Кутаиса; я, кроме того, получаю грипп; и в гриппе мы тащимся с сундучищами под тропическим ливнем к клопиной гостинице в Кутаисе (извозчиков нет: поезд пришел в 2 ночи). Трясет лихорадка; тем не менее – не спим ночь, чтобы в 6 часов утра при каких угодно погодах и невзирая на грипп ехать в Шови; в 8 отходит машина; в 7 1/2 нам говорят: никакого сообщения с Шови не было и не будет; проехать в Шови нельзя; я в ярости на «*Курупр*», раздающий комнаты в несуществующем курорте и взымающий плату заранее. Узнаем точно: в Шови проезда нет; в ярости берем билеты на Тифлис; и уже, садясь в вагон, узнаем: дорога-то есть, но в ночь с 30-го на 1-го ливнем размыло дорогу в Шови: день в день![5] А пакость в том, что нас обманули, заставив взять билеты в Тифлис; сношение с Шови прервано на 1 лишь день. Но ряд ужасных маленьких пакостей заставляет нас *тем не менее переть* в Тифлис вместо Шови, к недоумению встретившейся дамы (знакомой), едущей в Шови 2-го июля (машина – идет: это для нас она не ходит); я, верней мы с К.Н., вопреки рассудку, из чувства ритма, отказываемся ехать в Шови; и алогично едем в Тифлис.

Вваливаемся 2-го июля в Тифлис вопреки всякому ожиданию, как и в прошлом году: тоже, – 2-го июля неожиданно оказались в Тифлисе; у меня жар, гриппище; «поэты» не понимают мотивов нашего нежелания ехать в Шови[6]. А 3-го июля узнаем: машина, на которую нас влекли (единственная, циркулирующая между Шови и Кутаисом), слетела под откос; дама, влекшая нас на нее, – в больнице (в Они); шоферу ампутировали ногу; четыре – тяжело раненых.

Тогда я пишу отказ от Шови в *Глав-Курупр* и, благодаря любезности друзей, гостеприимно, но неожиданно, мы устроены в Каджорах: в той же гостинице, в тех же 2-х комнатах, при том же нашем друге, Мелитоне[7].

И когда мне теперь говорят: в третий раз вы *таки* попадете в Шови, я уже не верю, ибо я прочел ритм западной Грузии, который начинается с Сурамского перевала, тянется сквозь Кутаис и приканчивается мной «*воспетой*» батумской бухточкой: делать пакости; ритм Карталинии: оказывать гостеприимство; и – выручать. Батумская бухточка в день нашего выезда из Батума (30 мая 29 года) наградила небывалым штормом (ветер в 10 баллов), едва мы выехали из Батума при тихом море и ясной погоде, так что пароход не мог попасть в Поти (пронесся мимо); но едва начались воды Абхазии, ветер спал; и 30 июня, на возвратном пути (Батум – Кутаис), взревел штормище; и из Аджаристана вместе с нами ухнула грозища, размывшая дороги в Шови; ровно год назад, когда мы после катастрофы с Шови решили ехать на побережья, там взревел шторм.

Случай, или не случай: но я устал от этих неслучайных случайностей: от случайностей, начинающихся с нами при приближении к Батуму, или к Сурамскому перевалу; первое знакомство с ним: с К.Н. сделался алогичный обморок и отнялись ноги (ничего подобного с ней не бывало); надо мной в те же минуты стряслась ужасающая зубная боль и случилось желудочное недомогание; с тех пор: всякое приближение к Сур<амскому> перевалу несет пакости; а о Кутаисе я без ужаса вспомнить не могу.

Дорогой друг, – не сердитесь на то, что письмо переполняю неинтересными случайностями; верьте: моя внешняя жизнь в переездах только и состоит из случайностей, для меня не случайных и до того запугавших меня, что я уже заранее отказываюсь, открещиваюсь от нас не любящего Кавк<азского> хребта. Или: стоит сухая, устойчивая погода; но как только приедут поэты и скажут: «*Ну теперь ничто уже нас*

не остановит от поездки в Кахетию», – *так тотчас набегают тучи*; и начинает лить неуливный дождь, портя на этот раз дороги в Кахетии; если бы не он, я, вероятно, был бы раз пять в Кахетии; когда мне говорят: «Отчего вы не были в Кахетии», – я только стискиваю зубы; ведь «*им*» не объяснишь, что при слове «*Кахетия*», произносимом перед нами с К.Н. в самом соблазняющем смысле, – вся область от Дагестана до Тифлиса переполняется тучищами; так и в этом году; третьего дня приехал Яшвили и сказал: «В субботу едем в Кахетию». А вчера, в четверг, – ливень; сегодня в месте Кахетии – густой дым: там, вероятно, портятся дороги.

Так же в прошлом году с Военно-Грузинской: 3 недели – ни облачка; спустились в Тифлис, записались на 2 места во Владикавказ; в ночь накануне отъезда – буря, ливень 8-часовой, – до момента отхода машины; от мест пришлось отказаться; но, когда дописывал «*отказ*», дождь прервался; «послал» отказ, и тучи мгновенно рассеялись; стояли безоблачные дни до нашего отъезда, и «*Хребет*» дразнил нас издалека.

Интересна психология архитектоники «*случаев*», 3-ий год пакостящих нам пребывание на Кавказе: объяснил бы мне кто-нибудь их!

Я-то уже давно объяснил их себе; ибо из них и состоит моя внешняя жизнь.

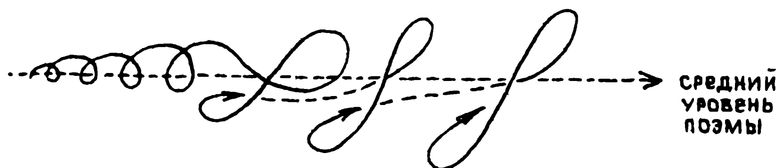
. . . .

Дорогой друг, – прошло около месяца после отправки Вам последнего письма, а ничего не произошло в нашей жизни; просто даже не о чем писать – в порядке личного плана; зато внеличное – тревожное грозное...

Все эти дни переполнен китайскою «*пакостью*»[8]...

. . . .

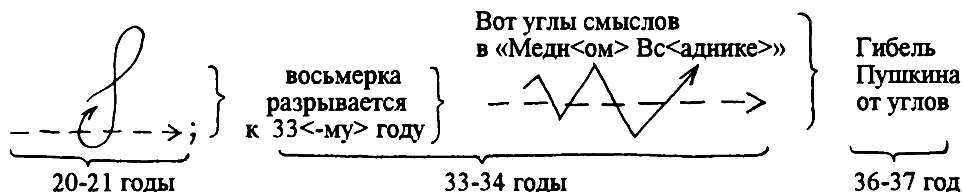
Десять дней болел в Тифлисе; и, признаться, – не мог оправиться от «*стечения случаев*» нам нá голову; чтобы не скучать в болезни, пó уши влез в счисление жеста кривой «Кавк<азского> Пленника» Пушкина[9]; случилось, как бывает всегда с кривой ритма; вычислил вчерне в 5 дней, а потом в месяцах буду пере-про-пере-вычислять и разрешать в полном одиночестве энное количество методолог<ических> вопросов. «Кавк<азский> Пленник» выдвинул вовсе новую черту в жизни кривых; кривая поэмы – антипод «Медн<ого> Всадника»; в последнем средний уровень разрезает точки высот на две темы: верх – Евгений; низ – Петр-Николай-Петербург-Всадник[10]. В «*Кавк<азском> Пленн<ике>*» – ничего подобного; закон кривой явно выпечатан, а логически сформулировать его не умею: так он хитер и неуловим; нет тем по «темам»; все темы (пленник, черкесы, черкешенка) проходят по всем уровням; *верх* и *низ* – в изменении тональности произнесения; нет образности, тональностям соответствующей; и еще: около средней (2,3) от 1,9 до 2,7 есть различие верха и низа, а далее – явный парадокс: «*то, что вверху, то и внизу*»; контраст – не в контрасте минимумов и максимумов, а в контрасте минимумов + максимумов с средними уровнями масштаба, что создает движение развертываемой спирали, которая в высших размахах становится восьмеркой; вот импрессия от смыслового чтения:



Видите, какая хитрая линия смысловых остраннений; логически прочесть ее бьюсь 3 недели; путает: крайняя недифференцированность в расстановке красных строк и знаков препинаний (может, – неовладение ими молодым Пушкиным). Но сквозь все в подсознании Пушкина проходит мысль, обратная внешнему смыслу: покорение Кавказа – рабство для пленника; его освобождение черкешенкой есть порабощение; и – пленник, не любящий ничего, кроме свободы, для свободы отвергает любовь черкешенки, которая и есть обретенная пленником и свобода, и любовь; освободившись от *свободы* и *любви*, он натыкается на штык казака и духовно гибнет (чего Пушкин не дописал, чего не мог дописать, ибо этого он и не сознавал: но это вписано в невыявленное лирич<еское> волнение поэта; дописал «*Пленника*» Пушкин лишь в Алеко «*Цыган*»)[11].

Думается мне: тема этого волнения – самопротиворечие; до чего путь, пройденный Пушкиным от 220-21<-го> годов к 33-34<-му> годам, есть путь роста в нем образного сознания

Вот вращение смыслов
в «Кавк<азском> Пленн<ике>»



И поднимается, как задание, тема: проследить эволюцию аккомпанемента кривых смыслам: от «Руслана и Людмилы» чрез все поэмы к концу; понять эволюцию эту – понять: кривая пушкинских ритмов – судьба Пушкина.

Но пока участь моя: бессмысленно балдеть над «кривой»...

Дорогой, легко это писать; а я, больной от Шови, гриппа и многого другого, разболелся вдвойне от прочтения «непрочетов», так что с отчаянья бросил «Пленника» и засел за... краски[12]: хочется хоть в намеке уловить колориты каджорских глубин, показывающих не земли, а как бы «стеклянное море»[13] и на нем двенадцать оснований; одно – подобное камню «яспису», другое – «топазу»; помните? «*Был возведен на высокую гору*»[14]. Но мы не «возведены», а живем при вершине «*высокой горы*»; пятьдесят шагов вверх; и – разверстая глубина в километр, а даль – в сотни километров; каждый вечер сидим на вершине, скривив головы; и видим не землю, а – радугу на «*стеклянном море*»; кончается это тем, что начинаем кататься; и силиться увидеть глубину – головой вниз, ногами кверху.

И это имеет глубокое философическое основание, ибо то, чем мы занимаемся в Каджорах, диаметрально противоположно тому, чем занимаются в Каджорах сюда приезжающие отдыхать (в субботу и воскресенье) тифлисские «*завы*»; они приезжают съесть шашлык и напиться при вершине, т.е. в расстоянии 50 шагов вверх от вида, прекрасней которого не знаю; 99% и не знают, что в Каджорах есть такой вид; недавно в наш отельчик приезжала компания: выпили 2 ведра кахетинского; и уехали, не дойдя до вершины[15].

Мы же каждый день выпиваем два ведра... «*стеклянного моря*»; и спускаемся в отэль, пьяные от вида.

Но увы, – вид видом, а грусть грустью. Переживаем эту грусть все 22 часа минус часа два сидения на «*высокой горе*». Этим и кончаю письмо. К.Н. и я сердечно посылаем привет Вам и Варваре Николаевне, а я крепко-крепко обнимаю Вас и остаюсь любящим

Борисом Бугаевым.

P.S. Адрес: Грузия. Каджоры (близ Тифлиса). Гостиница «*Курорт*». №8. Мне. Или: Грузия. Тифлис. Грибоедовская, 18. Квартира Тициана Табидзе. Для меня.

Получили ли мое длинное ответное письмо из «Красной Поляны»?[16]

[1] Белый и К.Н.Васильева приехали в Коджоры 11 июля («Оказались в наших прошлогодних комнатах» – *РД*. Л.143об.).

[2] Константин Лордкипанидзе (1904/05–1986) – грузинский поэт и прозаик.

[3] См. примеч.5 к п.206.

[4] Ср. запись Белого за 30 июня 1928 г. (Кутаис): «Шови отрезано. Мытарство. Комары, клопы, вши. Грязь. Томимся» (*РД*. Л.135). См. также письмо Белого к П.Н.Зайцеву от 9 июля 1928 г. (*Минувшее 14*. С.442-445).

[5] Ср. записи Белого: «30-ое <июня>. Батум. Ужасные сутки Батум–Кутаис; гроза, простуда <...> Ободранные, едва живые вваливаемся в Кутаис»; «1-ое <июля>. Кутаис. Вместо Шови – сидим в Кутаисе: размыло дороги; простуда, ярость, град гадостей; вечером уезжаем в... Тифлис, как и в прошлом году (число в число!)» (*РД*. Л.142об., 143). См. также письмо Белого к П.Н.Зайцеву от 19 июня 1929 г. (*Минувшее 14*. С.479-481).

[6] В Тифлисе Белый и К.Н.Васильева остановились у Тициана Табидзе. Ср. запись Белого за 2 июля: «Ввалились к Тициану, усталые; у меня – грипп <...> Вечер с поэтами: Тициан, Паоло, Григорий Робакидзе» (*РД*. Л.143. Паоло – П.Яшвили).

[7] «Радостную встречу с Мелитоном» Белый отметил в записи за 11 июля 1929 г. (*РД*. Л.143об.).

[8] Ср. запись Белого за 17 июля: «Волнуемся с К.Н. инцидентом с Китаем» (*РД*. Л.143об.). Подразумеваются события, предшествовавшие вооруженному конфликту между СССР и Китаем: арест правительством Чан-Кайши советских консульских работников в Манчжурии и Северном Китае и советских граждан – работников КВЖД (10 июля), отзыв советским правительством своих представителей из Манчжурии (17 июля).

[9] К вычислению ритма поэмы «Кавказский пленник» (1821) Белый приступил в Тифлисе 3 июля (*РД*. Л.143); эта работа не была им завершена. В рукописи сохранились наброски ритмической «кривой» «Кавказского пленника» и данные вычисления (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.2. Ед.хр.5).

[10] Подробный семантический анализ «кривой» ритма поэмы «Медный всадник» дан Белым в исследовании «Ритм как диалектика и "Медный всадник"» (М., 1929), там же изложен метод вычисления «ритмического жеста».

[11] Подразумевается сюжетная развязка поэмы Пушкина «Цыганы» (1824).

[12] Акварели Белого, выполненные во время путешествий по Кавказу и Закавказью, хранятся в Гос. Литературном музее (Москва) и РНБ. См.: Кайдалова Н.А. Рисунки Андрея Белого // *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.601-605; Рисунки русских писателей XVII – начала XX века / Автор-составитель Р.Дуганов. М., 1988. №259-262.

[13] Образ из Апокалипсиса (Откр. IV, 6, XV, 2).

[14] Ср.: «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола»; «Опять берет Его диавол на весьма высокую гору <...>» (Мф. IV, 1, 8).

[15] Ср. запись Белого за 17 июля: «Приезд поэтов с Гогоберидзе, Пирумовым и другими "властями". Меня вовлекли в "беседу". Речи, панегирики. Компания пьяна (выпили они 65 бутылок кахетинского)» (*РД*. Л.143об.).

[16] Имеется в виду. п.226.

228. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
13 августа 1929 г. Тифлис.

Тифлис. 13 августа.

Дорогой Разумник Васильевич,

письмо Ваше, большое, и открытку получил[1]. Отвечу уже из Кучина, ибо сейчас, из тифлисской, отъездной суетни не ответишь[2]. Едем либо прямо Тифлис – Владикавк<аз> – Москва, либо по дороге свернем на Военно-Осетинскую (к Цейскому леднику)[3]. Если где осядем дня на 2-3, – напишу. Сердечно обнимаю Вас. Привет Варв<аре> Никол<аевне>. К.Н. шлет сердечный привет.

Борис Бугаев.

[1] Эти письма Иванова-Разумника не сохранились.

[2] Белый и К.Н.Васильева переехали из Коджор в Тифлис 12 августа.

[3] Ср. письмо Белого к П.Н.Зайцеву от 13 августа 1929 г. (*Минувшее 14*. С.481-483). Цейский ледник – на северном склоне Большого Кавказа, в бассейне реки Ардон (спускается до 2200 м, длиной около 9 км). Белый и К.Н.Васильева выехали из Тифлиса поездом 21 августа (*РД*. Л.145).

229. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
30 августа 1929 г. Кучино.

Кучино. 30 августа 29 года.

Дорогой, милый Разумник Васильевич,

Не знаю, куда Вам писать: Вы, кажется, собирались в Сергиев Посад; но адреса Вашего не знаю; и пишу Вам на Детское. А как было бы хорошо, если бы Вы были в

Посаде; это значило б: мы увидимся; и еще это надежда мне, что Вы из Посада ли, на возвратном пути ли приедете в Кучино; и мы поживем с Вами; погода – хорошая; в Кучине сейчас приятно: во всех смыслах (природа и Елизавета Трофимовна, которая, отдохнув и поправившись, кажется, вернулась в обычное свое благодушное состояние: а то она невыносимо нервила все второе полугодие истекшего сезона)[1].

Вернулись мы с Кавказа 24-го; с 26-го сижу здесь[2]; собираюсь продолжать писать «Москву». Как хотелось бы Вам прочесть 1-ую главу 2-го тома; приезжайте, – почитаю: может, – и из Детского приедете: вот обрадовали б. Поехали б вместе к Мейерхольду – в Горенки (они – рядом)[3]; сейчас его там нет; но, говорят, скоро вернется.

Кавказ вполне посрамил нас; не люди, от которых я видел столько сердечности и ласки; и не погода, на этот раз хорошая; а именно: посрамил *Хребет*; замечательно: нам с К.Н. он никак не дается; историю двухкратного моего посрамления с Шови – Вы знаете; то же – с Кахетией; за два года провалилось 5 поездок в Кахетию: то ливни, то нет машины, то еще что-нибудь; кажется, просто: сесть и приехать; но что другим просто, то – *просто невозможно* нам; и это потому, что хотелось из Кахетии видеть подножия Дагестана; а в Цинондалах были и комнаты для нас[4]. Не попали. Наконец: та же история с Военно-Грузинской; в прошлом году спустились из Каджор, взяли билеты; в ночь отъезда – ливень, семичасовая гроза; вернули билеты, – вернулись в Каджоры; в миг ликвидации билетов вспыхнуло солнце; и неукоснительно сияло нам до Москвы.

В этом году ехали на Владикавказ, чтобы хоть через Алагир – Цей (по Осетинской, с обратной стороны) подъехать к Шови; 12-го приехали в Тифлис; 13-го взял билеты на Владикавказ: опуская их в карман, ощутил приступы боли, едва доплелся домой: жар, боль; вызвали доктора; доктор усадил дома; и в этом году вместо Военно-Грузинской – 9-дневное сидение в Тифлисе в 45-градусной жаре[5]: бессмысленное сидение! Едва вырвались в Москву (через Баку).

Что скажете? Это даже почище двухкратного непопадения к Вам, – тоже с билетами в кармане. Теперь уже заражен суеверием: как покупаю отъездный билет, так – заболеваю. Абсолютный *претык* с передвижениями. В этом году 16 человек из наших друзей беспрепятственно бродило по Кавказу; а мы лишь отсиживались; как усядемся прочно, – прекрасно; как сдвинемся с места, – беда; было прекрасно в Кр<асной> Поляне; и было прекрасно в Каджорах; но – что скажете: в этом году никаких намерений не было даже 2 дня сидеть в Тифлисе; а обстоятельства заставили *зря* из 4<-х> месяцев 1 месяц сидеть в Тифлисе (в сумме); правда, – с Тифлисом повезло в смысле общенья с людьми; но мы ехали не к людям, а – от людей: к горам. Горы же нас грубо, так сказать, отшвырнули.

Не понимаю, – в чем суть!

Было обидно разбиться о Шови, на котором было построено все лето; а потом я привык; и даже, – занимательно: занимательно познавать; и неудачи – предмет познания, как и все. Относительно Кавказа у меня есть соображения, почему нам не везет; видите ли, – Кавказ слишком древен и патриархален в смысле внутренних культур; а мы с К.Н. – носители революционного духа в сфере этих культур; вот отчего при нашем приближении Кавказ брыкается; ему не нужно *нового*; он несет свое *древнее*.

Кстати: вернувшись и окинув ретроспективно истекшие 4 месяца, я понял, что в этом году наиболее сильные впечатления дала Армения; хотя мы просидели три с лишком недели в Эривани, однако и Эривань, и 3 поездки в окрестности (особенно в Аштарак и в ущелья Гарни и Гехарт) глубочайше задели[6]; задели – памятники древности; как Вас переполнила псковская старина, так нас с К.Н. в этом году взволновала *старина* Армении, особенно зодчество ее: и зрительно, и познавательно; все время пребывания в Эривани были завалены литературой из Публ<ичной> Библиотеки; читали, читали, читали; и делали изумляющие нас выводы, о которых в двух словах не расскажешь; все время одолевали два огромных тома Стржиговского (венского профессора) «Строительное искусство Армении и Европа» (по-немецки)[7]. Стржиговский – даже не *слон* среди историков-теоретиков зодчества, а – *мамонт*, не в смысле внешней маститости (хотя и мастит), а в смысле тенденций, превышающих все, что было высказано в этой области, и в смысле обследованности материала.

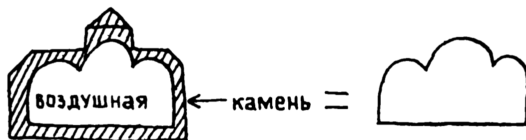
Вот нищенское резюме его 2-х томов: он ищет протоформу для европейского зодчества, – чтобы из нее выветвить трансформы стилей; гетевский трансформизм должен пробить брешь в формализме и в номенклатуризме; и в частности: европейский кругозор в зодчестве узок; он замкнут Средиземным морем; Стржиговский ищет брешей к востоку; вскрыв корни Византии в сирийском творчестве, он углубляется в Персию; и показывает, как из персидских форм уже к III веку по Р.Х. стал выкристаллизовываться химический синтез, явивший протоформу всей истории архитектуры Запада в трех основных модификациях, слагавшихся одновременно в трех областях; области – области тогдашней Армении; протоформа – армянская церковь (или – выплав из персидских храмов, посвященных Ормузду[8]: купол на квадрате); но что для древней Армении – стили географические, одновременно возникавшие, то для Европы – история смены стилей, ибо – одна форма импульсирует романский стиль; другая – готический; из третьей – вылезает купол Ренессанса; эти 3 модификации протоформы, разумеется, в Европе членятся в множестве модификаций*; но *тема всех варьяций* – *композиция*, ощупываемая ясно в армянских памятниках (в Ани, Аштараке, Ване, Эчмиадзине и т.д.). Например: наброски в альбомах Леонардо[9], являющие высокий синтез, в другом разрезе – модифицированная реконструкция того, что уже в Армении или дано, или – полудано (вылезает из утробного состояния); разумеется, что пресловутый арабский стиль с его *оживой*[10] – явление позднейшее, коренящееся в армянской протоформе; сама она – синтез Персии; так, – европейская протоформа, выйдя из Персии, к ней же по-новому возвращается в XX веке; будущее – из Европы – сквозь Армению – в Персию. Этого последнего вывода Стржиг<овский> не делает, но он вытекает из 2-х его томин, где взяты не только Армения, обследованная до дна, не только Зап<адная> Европа и Персия, но и Индия, и Украина, и Кремлевские соборы, и Грузия (боковая веточка армянского зодчества); все – в поле его анализа.

Вспомните: при переходе из 5-ой культуры к 6-ой, она, эта шестая, возобновит вторую, т.е. Персию[11]: Стржиговский не знает, на чье колесо льет он воду своими томинами. Я лично, читая его и ощупывая представляемый им материал, все время изумлялся, ибо 2 его тома – подтверждение мыслей, теоретически развитых в черновике моей «Истории становления»[12], где обследуется, что самосознающая душа в диалектике разных дисциплин по-разному выявляет свой *фас – композицию* и свой *профиль – тему в вариации*. Но вся постановка Стржиговского – постановка *композиции* в *вариационных модуляциях*.

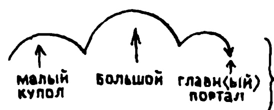
Помните, как от одной косточки зависела участь позвоночной теории черепа; и вот: армянская церковка, по Стржиговскому, – эта косточка; она дает возможность установить и здесь трансформизм.

Кроме того: поразил меня и тот факт, что Стрж<иговский> считается не только с каменным каркасом формы, но и с воздушной формой, в нем заключенной; он изучает *обе формы* и их соотношение; ведь до него лишь Шт<ейнер> указывал на то, что подлинная форма – *воздушная*, а каменный каркас – *негатив*.

И вот:



; разглядывая воздушные вырезы: я получаю зигзаг профиля первого Гетеанума[13].



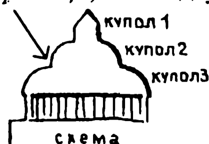
суть – в пропорциях: пропорции – те же!

То что в XX столетии Ш<тейнер> силился явить, как новую форму в *утробном состоянии*, как вырез воздуха внутри стен, уже было намечено в Армении.

---

* *В автографе*: модификациях

Должен отметить: Стржиговский импонирует знанием евр<опейских> форм; а каштаны из огня таскал для него замечательный человек, фанатик этого дела Тораманьян, доселе живой и прозябающий в бедности в Эчмиадзине[14]. Тораманьян всю жизнь под град насмешек – копал, измерял развалины, делал прогнозы и голодал; им восстановлена модель храма *Звартноц* (около Эчмиадзина)[15]; над моделью хохотали: таких форм де не было; а через несколько лет *такую небывалую форму* Марр отрыл в Ани[16]. Книга Стржиговского на 2/3 написана трудом жизни Тораманьяна; и тот же Тораманьян указал Марру, где копать в Ани (и раскопки Марра наполовину – осуществление почти гениальных прогнозов Тораманьяна; он говорил: «Площадь – здесь: копайте». И указывал в землю; Марр копал; и – находил). Когда я глядел на модель *Звартноца*, то я недоумевал, где я видел эту форму;



и потом вспомнил: эта форма – «Храм Солнца» утопии Кампанеллы[17]; и эту форму в схеме я показывал на лекции в 18<-ом> году в Москве. Когда я это говорил армянам, они спрашивали: «У кого это вы прочли». Я отвечал: «Прочел у Кампанеллы; возьмите карандашик и зарисуйте, что он описывает».

Вы понимаете, что, живя в Армении, вбирая древний этот воздух, осматривая развалины и читая, читая, читая, мы с К.Н. были *переполнены* переживаниями, о которых нéкому было сказать, ибо они поднимали в нас гигантских размеров проблемы современности; и эти дни штудиума и поездок, отсюда, из Кучина, мне вдруг выросли и еще раз до-смыслились.

А поездка в ущелье Гехарт (и путь, и ночь в монастыре, и природа, и воздух места) живет как очень значительное переживание, оправдывающее наш скачок: Москва – Эривань. Было хорошо выкинуться из снега к цветущим персикам, из замкнутых закут к открытым окнам, из Кучина к подножиям Араратов и от больной, брюзжащей Елиз<аветы> Трофимовны к Сарьяну и ряду милых тонких и сердечных людей (профессоров, писателей и т.д.), с которыми мы общались в Эривани.

Но что это я об Армении, – впрочем, понятно: вернулся и охвачен реминисценциями прожитого; скоро согну спину; и застрочу на всю зиму.

Дорогой друг, – знаете, чем мы с К.Н. занимались в Каджорах, – с яростью, с самозабвеньем, с бессонными ночами? Зарисовывали и красили. Смешно сказать: привез ряд «*Каджор*» (колоритов)[18]. Каджоры в этом году еще более зажили в нас; воистину: я нигде не видал такого места, с такими разлетами; есть места прекрасней, монументальней, конечно; но таких ширей, видимых с высокá, ширей и тишей – не видел нигде; и каджорские колориты нас так замучили, просясь на лист белой бумаги, что мы, перепачканные красками, 2 недели добровольно укладывали себя в лоск, силясь схватить в убогих каракулях хоть намек на 1/100 того, что видели, как колорит. И это вовсе не важно, что получилась всякая юмористика (вместо рисунков); важно то, что осознавалось в процессе мазанья и ощупывания красок; ведь и допотопные рисунки на кости начинались с подобного нечто; верьте, – тут не искусство, а – познание[19]; эта потребность к краске в нас, – то же, что былые потребности к собиранию камушков, листиков; модификация – все того же; дело в том, что я считаю: нельзя *увидеть* правильно, не задвигав рукой; руки – вторая пара глаз, как ноги – вторая пара ушей; то, что начинается в глазу, – должно кончиться рукой: зрение взывает к объяснению, а объяснение – к воспроизведению, пусть к каракулям; руки и ноги должны быть просвещены *глазами* и *ушами*; мы – многоочиты *in spe*; и вот этим-то я объясняю себе наши каджорские безумия; грузинские поэты только качали головой, добродушно посмеивались; и... – подарили: огромных размеров кисть, перепугав меня, ибо я из почтения к ней и к подаренному альбому не смел прикоснуться ни к хорошей бумаге, ни к кисти; и писал дрянными кисточками на писчей бумаге, чтобы было не так страшно. Но серьезно: я понял, что руки хотят стать глазами, а ноги – ушами; слух должен войти в поступь, чтобы ощупь пятой земли стала *слухом* в походке: ступать – по-ступать. И ухо, и пята имеют уже отношение к... нравственности, между тем как руки – еще в стихии «*κἄλόξ*», а не «*κἄλόξ κἀγανόξ*»[20].

И каджорские колориты, отсюда, из Кучина, живут *познанием*.

Видите, – я не скорблю на неудачи с Кавказом; были и удачи.

Дорогой друг, еще не ответил Вам ничего на Вашу любезность: спасибо за отрывки из Клюева[21]; вероятно, – «Погорельщина» вещь замечательная; читая отрывки, от некоторых приходил в раж восторга; такие строки, как «Цветик мой дитячий» и «Может им под тыном и пахнет жасмином от Саронских гор»[22], напишет только очень большой поэт; вообще он махнул в силе: сильней Есенина! поэт, сочетавший народную старину с утончениями версифик<ационной> техники XX века, – не может быть не большим; стихи технически – изумительны, зрительно – прекрасны; морально – «*гадостны*»; красота имагинации при уродстве инспирации. И – «*hier stehe ich*»* (повторяю Ваши слова). Изумительные по образам, содержанию, ритму и технике стихотворения, «*Виноградье мое со калиною*» воняет морально: от этих досок неотесанных, на которых «нагота, прикрытая косами»[23], идет дух мне неприемлемого, больного, извращенного эротизма; и если я услышал в «А<нтропософском> О<бществе>» в 22<-ом> году запах смеси «*парфюмерии с трупом*» и чуть ли не упал в обморок от него, то от стихотв<орений> Клюева, прекрасных имагинативно и крупных художественно, разит смесью «*трупа с цветущим жасмином*»; я не падаю в обморок, потому что соблюдаю пафос дистанции между собой и миром поэзии Клюева. А во всем прочем согласен с Вами[24].

Невыразимо чуждо мне в этих стихах не то, что они о «*гниловатом*», а то, что поэт тончайше подсмаковывает им показываемое; в этом смысле и склоненье «*сосцов*»(?!) «Иродиады»(?!)[25]. Клюев не верит ни в то, что Иродиада – Иродиада, ни в правду «*песни*», долженствующей склонить «*сосцы*» (непременно «*сосцы*»!), ни в «Спаса рублёвских писем», которому «*молился Онисим*». «Спаса писем – Онисим» – рифма-то одна чего стоит! Фу, – мерзость!

Так Спаса не исповедуют!

———

Извиняюсь, дорогой друг, – вдруг вспыхнул от негодования: в 29<-ом> году не так говорят о духовном; не говорят, а живут и умирают в духе... А это –

Спаса рублевских писем,
Ему молился Онисим
Сорок лет в затворе лесном[26].

Гюисмансу много лет назад было простительно «гутировать» святости[27]; но и он трепетал! А этот – не трепещет; и чего доброго, ради изыска, пойдет в кафе-кабаре прочесть строчку:

«Граждане Херувимы, прикажите авто!»[28]

Наденет поддевочку, да и споет под мандолину свое прекрасное «*кислоквасие*», проглотив предварительно не один «*ананас*» от культуры, кишащей червями. И оттого: «*двуногие пальто*»[29], презираемые Клюевым, мне ближе: где им до эдакого изыска; у «*двуногих пальто*» нет и представления о том, что возможны такие кощунства: «*Мы на четвереньках, нам мычать да тренькать в мутное окно*»[30], – участь клюевской линии; ее дальнейший этап – «*четвереньки*»: Навуходоносорова участь![31]

А поэзия его изумительна; только подальше от нее; и говоря «по-мужицки, по-дурацки»[32], я скорей с Маяковским; люблю его отмеренною, простою любовью: «*от сих до сих пор*».

———

Дорогой Разумник Васильевич, – не сердитесь на мое «нет» Клюеву? Ведь не оспариваю: прекрасно; но мне мало уже прекрасного; на 50<-ом> году жизни хочу жить и «хорошим», как прекрасным.

———

Обрываю свои излияния; поздно; завтра в Москву. Напишите, куда высылать книгу о ритме?[33] Если уехали в Сергиев и в Детском пусто, она не дойдет; не надеюсь, что получите это письмо; ответьте, где Вы, приедете ли к нам, в Кучино. Как было бы хорошо повидаться. К.Н. в Москве, но просила, когда буду писать, передать Вам и Варв<аре> Ник<олаевне> привет[34].

---

* *«на том стою» (нем.)*

Обнимаю крепко, остаюсь глубоко любящий Борис Бугаев.

Мой привет и уважение Варваре Николаевне и Иночке; вернулась ли она?[35] И что вынесла из путешествия?

[1] См. п.224, примеч.5.

[2] Ср. запись Белого за 26 августа: «Приезд с К.Н. в Кучино. Встреча с Шиповыми <...> Тихо, уютно» (*РД*. Л.145об.).

[3] Горенки – бывшая усадьба Разумовских в 25 км от Москвы и в 5 км от Кучина.

[4] В письме к Белому от 10 апреля 1929 г. Паоло Яшвили, предлагая приехать в Цинондалы (Цинандали), сообщал: «...это лучшее место в Кахетии, большой удобный дом, мы даже выбрали для Вас 2 комнатки, можно получать обеды, самовар, ж<елезно>д<орожная> станция в 2-х верстах. Это быв<шее> имение Чавчавадзе (может быть, помните по биографии Грибоедова), громадный парк, на виду вся Алазанская долина и Дагестанские горы, лучшая часть Кавказского хребта» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.238).

[5] Перед отъездом в Москву Белый и К.Н.Васильева прожили в Тифлисе с 12 по 21 августа.

[6] Пребывание в Эривани – с 30 апреля по 21 мая, с поездками в Канакер (2 мая), Аштарак (7 мая), Дарачичаг (10 мая), Гарни–Гегард (15-16 мая).

[7] Йозеф Стржиговский (Strzygowski, 1862–1941) – австрийский историк архитектуры. Имеется в виду его книга «Die Baukunst der Armenier und Europa» (Bd.1-2. Wien, A.Schroll und C°, 1918). Ср. записи Белого за время пребывания в Эривани в 1929 г. – 6 мая: «Набрал из библиотеки книжищ: между прочим первый том Strzygowski»; 8 мая: «Усиленное чтение Стржиговского»; 14 мая: «Заход в библиотеку за 2-ым томом Стржиговского» (*РД*. Л.140-141). Сохранилась записная книжка Белого с заметками и выписками, сделанными при чтении книг об Армении (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.101).

[8] Ормузд – Ахурамазда, в иранской мифологии верховное божество зороастрийского и ахеменидского пантеонов.

[9] Подразумеваются манускрипты Леонардо да Винчи с многочисленными рисунками (художественного и научного содержания), хранящиеся в библиотеках Италии, Франции, Англии.

[10] Ожива (ogive) – термин, обычно применяющийся к готической архитектуре: французское название стрельчатой арки или стрельчатого свода.

[11] Подразумевается периодизация человеческих культур, обоснованная Р.Штейнером; согласно этим построениям, второй период духовной культуры определялся Древней Персией. См.: Штейнер Р. Очерк тайноведения. Л., 1991. С.168-170, 248-249.

[12] Речь идет об «Истории становления самосознающей души». Комментарий Иванова-Разумника: «“...Вспомните”... – прочитанные ИР отрывки из книги АБ “История становления самосознающей души”» (Л.30об.).

[13] Гетеанум (так наз. «первый Гетеанум», сгоревший в ночь на 1 января 1923 г.) представлял собой, согласно проекту Р.Штейнера, двухкупольное сооружение.

[14] Торос Тораманян (1864–1934) – исследователь древнеармянского зодчества, архитектор-археолог; с 1903 г. вел работы по обмерам, исследованию и охране памятников древней архитектуры Армении, в 1904–1912 гг. активно участвовал в раскопках и изучении памятников Ани; автор реконструкции храма Звартноц. Работы Тораманяна стали источником для Н.Я.Марра, Й.Стржиговского и др. исследователей. См.: Арутюнян В. Исследования Тороса Тораманяна // Сообщения Института истории и теории архитектуры. М., 1944. Вып.4.

[15] Звартноц – собор, сооруженный между 641 и 661 г. при Нерсесе III Строителе; разрушен, развалины раскопаны в 1901–1907 гг. По реконструкции Тораманяна Звартноц – крупное центрально-купольное сооружение с тремя постепенно уменьшающимися в диаметре и по высоте ярусами, последний из которых завершался куполом с коническим покрытием. Звартноц послужил прототипом ряда последующих архитектурных сооружений. См.: Арутюнян В.М. Звартноц. Ереван, 1954; Мнацаканян С.Х. Звартноц. М., 1971.

[16] Николай Яковлевич Марр (1865–1934) – востоковед, лингвист; академик (с 1912 г.). Исследователь кавказских языков, истории, археологии, этнографии Кавказа. О проводившихся им раскопках в Ани в 1904–1907 гг. см.: Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.; Л., 1949. С.119-123, 147-154.

[17] Имеется в виду описание храма на вершине горы в книге Томмазо Кампанеллы (1568–1639) «Город Солнца» (1602, опубл. в 1623) (см.: Утопический роман XVI-XVII веков. М., 1971. С.145-146). Свою трактовку утопии Кампанеллы Белый дал в Вольной Философской Ассоциации 2 мая 1920 г. – в выступлении на заседании «Солнечный град (Беседа об Интернационале)», посвященном 300-летию «Города Солнца». См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С.43-46.

[18] Подразумеваются акварельные пейзажи, выполненные Белым в Коджорах.

[19] Ср. запись Белого за август 1929 г.: «Глаз многому научился; недавно художник, ученик Репина, увидев мои беспомощные зарисовки Каджор, воскликнул: "Да вы владеете пространством!" Значит, то, чему учился глаз, сказалось-таки и на руке; как она ни беспомощна (я не умею провести линии), все же – нечто от мысли и глаза излилось в руку; и это *нечто* не художническое дарование (я, как художник, бездарен), а – *опознание*: перспектива и колорит – вот что было нам с Клавдией Николаевной познавательной данностью» (*РД*. Л.145об.).

[20] Κἄλὀξκἀγαὐόξ (*греч.*) – благороднейший, добродетельный. Выражение встречается у Ксенофонта и у Платона. К.Н.Бугаева свидетельствует: «У Б.Н. был жизненный идеал человека, заветный и тайно хранимый. Он открыл его мне не сразу, а только после нескольких лет близости, в одну из тихих минут. И назвал его греческим словом Kalos k'agathos (kalos kai agathos) – прекрасный и добрый или Kalokagathos – прекрасно-добрый (благой), в одно слово, как оно звучало для греков. <...> Но Б.Н. слышал в нем большее. Споры филологов и эстетов показали ему, что подлинный смысл Kalokagathos утерян именно потому, что оно стало разломанным на две половины. И эти половины воспринимаются, как простая и даже случайная сумма двух разных качеств. На самом же деле это не сумма, а произведение, предполагающее действие бессознательного умножения. Это подобие умножения происходит в нашей душе, когда в ней пересекаются два рода воздействий, скрыто присутствующих в каждом восприятии: воздействие внешнего и внутреннего. На пересечении их и возникает Kalokagathos, в котором прекрасное и доброе взаимно проникают, как бы химически окрашивают друг друга и являют собой совсем новое качество: прекрасно-доброго» (*Бугаева*. С.265-266). Белый употребил этот термин применительно к В.А.Серову в статье «Памяти художника-моралиста» (Русские Ведомости. 1916. №271. 24 ноября) и в мемуарах применительно к Л.М.Поливанову (Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989. С.274). См. также: *Минувшее 13*. С.258-260 (письмо Белого к П.Н.Зайцеву от 13 апреля 1927 г.).

[21] В неизвестном нам письме (или в рукописном приложении к нему) Иванов-Разумник сообщил Белому фрагменты из поэмы Н.А.Клюева «Погорельщина» (1928). В очерке «Николай Клюев» (1942) Иванов-Разумник пишет, что слушал «Погорельщину» в авторском чтении и что у него сохранился список этой поэмы – которая, по его мнению, «останется вершиной творчества Николая Клюева, памятью о его трагической писательской судьбе» (Возвращение. Вып.1. М., 1991. С.340).

[22] Цитаты из заключительной строфы «Погорельщины» (Клюев Н. Сочинения / Под общей редакцией Г.П.Струве и Б.А.Филиппова. A.Neimanis Buchvertrieb und Verlag, 1969. Т.2. С.351).

[23] Имеются в виду строки из «Погорельщины» (Там же. С.332):

Виноградье мое со калиною,
Выпускай из рукава стаю лебединую!

Уж как лебеди на Дунай-реке,
А свет Настенька на белой доске,
Не оструганной, не отесанной,
Наготу свою застит косами!

[24] В неизвестном нам письме Иванов-Разумник, как можно заключить из этой фразы, давал свою оценку поэмы Клюева.

[25] Подразумеваются строки из «Погорельщины»: «Чай, на песню Иродиада / Склонит милостиво сосцы» (Клюев Н. Сочинения. Т.2. С.347).

[26] См.: Там же. С.346.

[27] Французский прозаик Жорис Карл Гюисманс (Huysmans, 1848–1907) упоминается здесь как апологет католицизма на завершающем этапе своего творческого пути: романы «В пути» («En Route», 1895), «Собор» («La Cathédrale», 1898), «Святая Лидвина» («Sainte Lydwine de Schiedam», 1901).

[28] Строка из «Погорельщины» (Клюев Н. Сочинения. Т.2. С.347).

[29] Образ из «Погорельщины»: «Выла улица каменным воем, / Глотая двуногие пальто» (Там же).

[30] См.: Там же. С.350.

[31] Подразумевается наказание царя Навуходоносора за гордыню (Дан. IV, 28-30).

[32] Эта формулировка использована Белым в «Симфонии (2-й, драматической)» (1901): Емельян Однодум (подразумевается Л.Н.Толстой) «строгал щепку, приговаривая: "По-мужицки, по-дурацки! Тяп да ляп, и вышел карапь!"» (Андрей Белый. Симфонии. Л., 1991. С.150).

[33] Имеется в виду книга Белого «Ритм как диалектика и "Медный всадник"», выпущенная в свет московским издательством «Федерация» в середине мая 1929 г., уже после отъезда Белого в Закавказье. Об отправке экземпляра вышедшей книги П.Н.Зайцев извещал Белого в письме от 18 мая 1929 г. (*Минувшее 14.* С.456).

[34] Следующим днем (31 августа 1929 г., Москва) датировано письмо К.Н.Васильевой к Иванову-Разумнику: «Дорогой Разумник Васильевич! Хочу только подтвердить слова Бор<иса> Ник<олаевича> о нашем горячем, горячем желании увидеться с Вами. В Кучине пока все мирно, и мы бесконечно рады будем Вам – и если можно, то и милой Варваре Николаевне. Мы с нею так мельком познакомились, и хотелось бы углубить эту встречу. – В двух словах: Б.Н. записал ряд принципиальных мыслей о символизме. Правда, очень наспех (писал даже в вагоне) и начерно. Но, знаю, Вам это было бы интересно. Да и он привык уже все свое продумывать с Вами: ...вот бы и приехали потолковать...» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

[35] Имеется в виду поездка И.Р.Ивановой в Таганрог. См. примеч.17 к п.222.

230. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
1 октября 1929 г. Кучино.

Кучино. 1-ое октября. 29 года.

Дорогой, глубоколюбимый Разумник Васильевич, – Ваше письмо меня просто сразило[1]: слишком я понимаю, что значит для Вас быть выселенным из места, где Вы работали 22 года, где каждый уголок – летопись дум, разговоров, писаний; и мне, лишь гостю Вашей квартиры, невозможно представить Вас вне ее; все это мы с К.Н. слишком понимаем; и все это произвело на меня такое впечатленье, что я, послав к черту свою работу, бухнулся от огорченья в постель (моя манера бороться с «*духом уныния*»); и потому-то, – не буду распространяться на эту тему; распространение, как бы горячо я ни относился, то – сантиментализм, то – донкихотство, которое ни капли не изменяет факта: вавилонской башни ненужных тормошений, в которую Вы ввергнуты; и – совершенно бессмысленно. Мое сочувствие было б осмысленно, если б я мог прискакать в Детское, чтоб помочь Вам в хлопотах; и я, наверное бы, это сделал, если бы на меня не навалилась моя Вавилонская Башня, – прямо чертовской работы над романом «*Москва*»[2], – работы, которая не клеится, которая должна быть сдана к новому году по договору (прожит аванс); и работа – бессмысленная, ибо «*Федерация*» после чистки ее *отклонит* «*Москву*» да еще предъявит мне долг: «*А подать сюда аванс*»[3]. Так что из чисто юридич<еских> соображений должен быть четок, т.е. стоять на рынке – с *готовым* товаром к сроку, чтобы не... «*проштрафиться*»; ползу с текстом, как черепаха, весь издерган, работаю с 1/10 работоспособности; и – никак не справлюсь к новому году; не будь в данных условиях так *постыла* работа, приехал бы в Детское; но именно потому, что *постыла*, – не могу оторваться; и дни проходят в пыхтении. Лучше, стиснув зубы, отвечу Вам на Ваши меня так дружески взволновавшие соображенья о «*Ритме*»[4]. *Но и тут оговариваюсь*: –

– как ужасно жалко, что мы не общаемся друг с другом в живом процессе работы – в момент процесса; я 2 года назад, сидя в *процессе*, сидел во всех тонкостях хода мыслей о *ритме* (и летом *сидел*); а сейчас все это – дальше Австралии, ибо «*Москва*», внутренне произносимая, есть тот именно ритмический жест, с которым слит «*субъект*» моего «*я*»; а в моменты разгляда – этот жест есть «*объект*»; и – научный; сейчас я сам – «*жест*» романа «Москва»; и поэтому мне особенно трудно Вам отвечать на Ваши соображения; приходится даже медитативно вспоминать: что, бишь, это такое, – мои мысли о ритме? Вы это, прекрасно, понимаете! С этою оговоркою постараюсь ответить:

Я глубоко взволнован Вашим отношением к книге, потому что Вам-то и писал книгу; и во-вторых: за пять месяцев (с момента выхода книги) это – первый отклик; а то: берут книгу; и потом, какое-то, или... «нда», «весьма интересно», «трудно написано»; или просто, даже без «*нда*» – молчат; и это мне горько; горько, что тема не зацепляется – ни за что, ни за кого: написана «*марсианином*» жителям «*луны*», а издана – на земле: в Москве; и конечно: будь за эти 17 лет хоть 10 таких читателей, как Вы, я бы глубже врос в тему, – в тему новой науки, по отношенью к которой я сам беспомощен, ибо я лишь наткнулся на *нечто*; и взываю, чтобы *нечто* было взято в научный разгляд. И конечно: Ваши соображения я беру на учет[5]; и когда-нибудь в будущем обложусь математикой, чтобы моя формулка могла быть и *дедуцирована* из обще-математического принципа; знаю, что без этой дедукции нет *чистоты*; и пока приходится пользоваться ею, как эмпирически сформулированной, где «*n*» есть *ничто иное*, как *порядковый номер повтора*; «*n*» есть повтор на 3-ьей, 4-ой, 5-ой строке; а «*n-1*» – толща контрастов (3, 4, 5 строк) в пресумпции, что строка берется неделимым целым в отношении к своим частям и ими не обусловлена и что сама она берется *частью* в целом всего стихотворения.

Так что имею реальную эмпирику: 1) «стихотворение», как целое в отношении к строке; 2) строка, как целое в отношении к количеству слов, стоп и интонационных групп, в ней данных; 3) количество строк антитетических между совпадами (n-1); 4) и совпад, или «n-1» + (+1) = «*n*»; «$\frac{n-1}{n}$», стало быть, не взято в трансформе математической диалектики в процессе оформления эмпирики слуха.

Вы пишете: «*Если бы Вы пробовали ряд формул*: $\frac{n-1}{n}$, $\frac{n^2-1}{n}$, *или даже*» и т.д. «*и подводили бы их под заранее добытые факты – формула была бы эмпирическая... Но... "осмысленность" кривой... является... выводом из результатов применения...* $\frac{n-1}{n}$». Но ведь «$\frac{n-1}{n}$» не взята наугад, а есть выражение данной эмпирики: «*n*» – слуховой совпад целостностей; «*n-1*» – слой целостных контрастов; «$\frac{n-1}{n}$» → *синтез* в ухе отношения совпада к контрасту, подобный отношению чисел, т.е. чем дальше *совпад*, тем в *эмпирике* слухового синтеза он менее* слышен; и вырастает контраст; во сколько же? Во столько, во сколько, например, $\frac{5-1}{5} > \frac{2-1}{2}$ $(0{,}8 > 0{,}5)$. Все – *эмпирические реальности*, сейчас же превратимые в факты слухового восприятия; ибо я, с одной стороны, вычисляю, а, с другой стороны, все вычисляемое выверено моим слуховым аппаратом, верней, восприятием его; я знаю, что совпад условен; и нет двух совпадов; но среди *контрастов* иные *контрастируют* с другими так, что контраст их почти не кричит, а контраст других – явно кричит; совпад – не совпад, подобный 2,0001=2,0001; а подобный: 2,0001=2,0004; пренебрегая 4-ым знаком, имеем 2=2; контраст антитезы явен, ибо здесь какое-то «2» не равно какому-то «*3*»; что является решающей *единицей* (2<3)? Разность в динамике удара, опять-таки выверенная слухом: ◡́◡◡́◡́◡́> *контрасты*; ◡́◡́◡́◡́> *совпады*; 1) динамика удара – основной фактор, как *количества*; 2) интонационный знак препинания, т.е. логический удар; в случае «точки» имеем, например, ◡–́◡–‴·◡–́◡–″, т.е. максимум нарушения динамики *удара*, определяемого логикой интонации; поправки на паузы, цезуры и т.д. – поправки к совпадам потому, что паузы, цезуры суть соединительная ткань, оплетающая *всё стихотворение*, – потенциальная энергия, коренящаяся в дыхании организма, как целого, в отношении к которому строчки, отдельные кости, не отдельны еще, ибо в паузе – потенциальная энергия, имеющая отношение к пленуму форм энергий, а не к одной форме энергии, именно, к кинетике удара (механической энергии); поправка на паузу означает: две одинаковые кости, но с *разным* содержанием костного мозга... Все это пишу, чтобы подчеркнуть: $\frac{n-1}{n}$ – взято из эмпирики, являет эту эмпирику данного слухового восприятия оформленной; и в каждую минуту переводима в эмпирику, т.е. в факт слуха, чем и обусловлены моим поправки: 1) «$\frac{n-1}{n}$» действует в моем восприятии в пределах не более 10-12<-ти> строк, и *0,98* я считаю = «*1*»; 2) я беру на учет тот факт, что отношения толщи контрастов к повторам с 7/8 в

---

* *В автографе*: меня

эмпирике слухового факта явно звучат, как *0,9*, а не как *0,85* (и слуховая разница после 0,7, верней с 5/6, теряет несколько в отчетливости).

Все это – эмпирика: $\frac{n-1}{n}$ – эмпирична.

А как мне эмпирически перевести в слух «$\frac{n^2-1}{n}$»? что есть «квадрат» контрастов; и почему мне «4» контраста реальных строк считать за 16 *их*? Ведь этих 16<-ти> строк нет в данности; это – фикция. И числа строчных отношений будут такими же фикциями; их нет: в данности – «4» контрастных строки, отделяющих *совпад* (эту ритмическую рифму, *тезу*), а строчное отношение из 16-ти не существующих в данности строк не имеет никакого отношения ни к факту слуха, ни к данному стихотворенью; то же о формуле $\frac{n(n-1)(n-2)\dots(n-m)}{1.2.3\dots m}$. Что здесь «*-2*», «*-3*»? Никакого «*-2*» нет, а только «-1», т.е. количество строк без одной, *повторной*, сорифмующей сквозь слой контрастов.

Ведь я исчисляю слуховое чередование во времени, в котором каждая реальная строка взята в соотношении со всем строем *во времени*, а не в невремени; это – акустика, а не чистая математика; и произвольные математические величины, вводимые в акустическую данность, которым нет акустических коррелатов, – не укажут мне ничего *пока* о счисляемой реальности, ибо я буду счислять акустическую нереальность; в основе моего метода взят «*повтор*», как отсутствие контраста, взята *рифма* ритма, – *строка*, а единица контраста – отрицательная величина, как «*что-то*», нарушающее основное «что-то»: *совпада*; *совпад*, как ноль *контраста* в условности установки – положительная величина: консонанс, а не диссонанс; но фактически контраст антитезы встречается лишь 1 раз; все прочие контрасты суть лишь отношения, или *синтезы*, ибо их «*1*» суть де факто *0,995*, т.е. получены из «$\frac{n-1}{n}$», а не *просто* единицы; итак: каждая строка – *синтез* (отношение антитез к созвучию тез); все числа имеют отношения к перебоям, но в круге *тез*; их совокупность, переведенная в кривую, аналитически никак не вскрываемую, т.е. алгебраически неразъясняемую, рисует данное соотношение *групп* строчных, *строфных*, в *группе* целого; а закон, управляющий группами, отыскуем в тех сферах математики, где работал *Галуа*[6], т.е. в сферах, от которых я отрезан незнанием; и принцип ритма из какой-нибудь закономерности, или стилистики формул, и выводим, – из *тех*, мне не ведомых формул, а не из алгебраически спекулятивных («$\frac{n^2-1}{n}$» и других); там он и отыскуем; моя акустическая эмпирика знает лишь «*n*» повторности и «*n-1*» слоя контрастов между *повтором*; никаких строчных квадратов мой убогий слух не ощупывает, – пока; и *пока* не стоит вычислять «*не сущие*» слуховые факторы.

Вот мой убогий ответ *издалека* от темы «*Ритма*»; ибо сейчас – просто с трудом думаю на эту тему (сам сижу в ритмах).

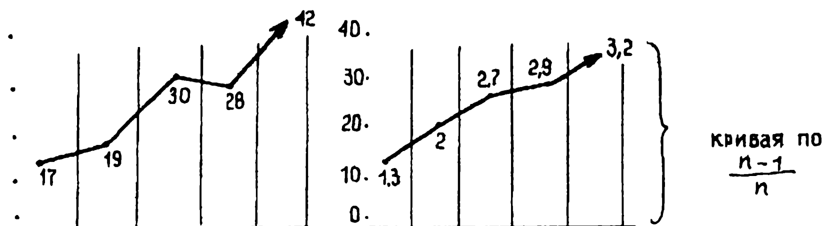
Ответ вкратце на Ваш остроумный способ подсчитывать[7]; я его знаю давно; но не пользуюсь; пользовался же им в несколько измененном виде – когда-то.

Пример? Беру то же «*Мороз и солнце*»[8]: и рассматриваю сумму сложностей (не по словам, а по интонационным группам, т.е. словам «+» энклитики и проклитики, к словам ударяемым прирастающим). Здесь раздел – не слово само по себе, а вся интонационная группа, имеющая центром основное слово. Для первой строфы «Зимнего утра» это[9]

2, 3, 1, 3
2, 3, 1, 3
2, 4, 3
2, 3, 2, 2
3, 3, 2

Еще ты дремлешь, друг прелестный = 2 + 3 + 1 + 3
Пора, красавица, – проснись! = 2 + 4 + 2
0+1+1+3=5

«5» – сумма интонационных контрастирующих моментов, адекватных слогам. Отношение строки к строке в первой строфе будет выражаться в суммах, адекватных «5»; это будет: 0 + 5 + 2 + 2 + 1 = *14*; «*14*» – строфная сумма; для шести строф: 14, 19, 30, 28, 42. Строю строфную кривую и сравниваю ее с кривой, исчисленной по «$\frac{n-1}{n}$».



Любопытно, что не так они далеки друг от друга. Я не раз сравнивал вычисления кривых указанным способом с моими кривыми и часто *нападал* на *почти* их тождественность. Но почему верю я более кривой по $\frac{n-1}{n}$? Да потому, что она берет строку неделимым *единством*, а во втором счете сравниваются *части* строк с *частями*; кривая Вашего вычисления для меня сомнительна, как и кривая, Вам мною показанная*, – в том, что обе исчисляют лишь отношения двух смежных строк, а в принцип моего исчисления введена группа строк; в действительности слуха мы имеем дело с группой строк в поле, в горизонте определенного времени; каждая строка взята в антитетичности ее к до нее лежащим, часто «*10*»<-*ти*>; и в отношении *тетичности* к за ней следующим, влияя на строчное отношение ей подобной в пределе 10<-ти> строк. В моем исчисле<нии> я оперирую все время со слуховым синтезом строки в группе их (до 20<-ти> строк); на каждую строку влияет вся группа строчного обстания ее; и кривая ритма выражает соотношение друг к другу не только строк, но и групп обстаний.

Дорогой друг, уже 3 часа ночи; завтра – и гости, и работа; обрываю письмо механически; спасибо за согретый вниманием к книге ответ; спасибо за указанные опечатки; я знаю об опечатке с «Зимним утром»[10]. Есть и другие, частью по моей вине, частью – корректора; Вы и не представляете, с какими трудностями я боролся в процессе набора, начиная со знаков; писал длинные послания корректорам и т.д.[11]

Милый, хороший Разумник Васильевич, Вы уж как-нибудь переборите это трудное время. Напишите новый адрес сейчас же. Напишу Вам сейчас же личное письмо, ибо это письмо *из-под работы* считаю лишь *ответным* на Ваши сердечные, интересные указания, о которых буду долго думать.

С горячей любовью целую Вас.

Да хранит Вас судьба.

Борис Бугаев.

P.S. Иночке и Варваре Николаевне сердечный привет и уважение.

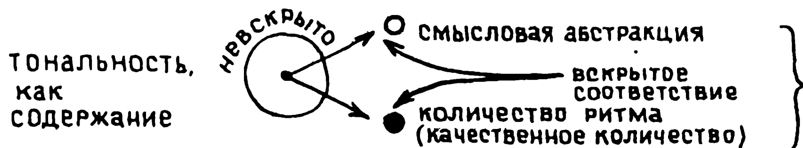
P.P.S. Еще: перечел Ваше письмо и наткнулся на фразу: «*Опасность в том, что на основании столь же произвольно взятых формул*» и т.д. В том-то и дело, что «$\frac{n-1}{n}$» *не имеет никакого отношения к произволу*; непроизвольность ее – в *эмпирике* ***таких-то так-то*** расположенных между ***столькими-то*** контрастами двух строк совпада; *она выражает соотношение опытного материала*; а числовой результат ее (от 0,5 к 0,99) есть выражение убывания восприятия совпада, обратно пропорциональное нарастанию восприятия контрастности, предел которой – «*1*» контраста, взятая уже не как количество, а как количественная качественность; sui generis она – актуальная бесконечность, ибо в ней 1 + 0,1 = *1* же, а не *1,1*. *Строка – неделима*; Вы спросите: а как же, – Вы сами меняете расположение строк? Меняю, но именно в поисках иной интонации. Когда-то написал стихотворение такого-то расположения, а в переиздании изменил сознательно расположение[12]:

---

* *От этого слова Белым проведена указательная стрелка к выше начерченному графику в левом столбце.*

интонационно два, не совпадающих ни в чем стихотворения; изменилась химия восприятия, а не только строка; и кривая второй редакции будет иной.

Я все более и более склоняюсь подчеркивать не сопряженность ритма и смысла, а сопряженность ритма, верней его количественной проекции (что есть кривая), с ***интонационным*** смыслом, который и *первее* и *позднее* (т.е. и первое и последнее) абстрактного смысла, ибо смысл самого смысла – *интонация*; *интонация* – некая духовная реальность *тона*, *тональности*, как качественности; не надо забывать, что количественная проекция (кривая) ритма и мех<ан>ическая абстрактность содержания (понятийность) в смысле Канта суть не содержания, а только *формы*; кривая – еще *форма* (в одном смысле); абстракция – уже форма (в другом смысле); это лишь два крайних звена диалектических ножниц; между лежит подлежащая раскрытию качественность ударов в связи с голосовым напряжением; удар «é» – не удар «á»; и в «é» «*пé*» – не «*ствé*»; но на первых шагах мы отвлекаемся от ритма, как *эвритмии*, т.е. от *тональностей* тона; они – то, что подлежит вскрыть и со стороны «содержания» (т.е. формы в одном смысле) и формы (в другом смысле).



К этому должен сказать, что я беру понятие содержания, как формо-содержание, ибо понятие *содержания* – понятие двойственное, имеющее и *свою* форму, и свое содержание; если форма содержания «*со*», как держ-*ащее*, то «содержание» содержания «держание», как держ-***имое*** (точка идеализма); если *держимое* – форма, а держащее – «содержание», мы приходим <к> позиции реализма. Как раз думая на тему символизма, я много уяснил себе в этой теме, что мною не оговорено в «Символизме»[13], где я пользовался понятием содержание и форма – *напрокат* в их академическом, ложно-классич<еском> стиле. Противоположение «*ритм – смысл*» формально, поскольку под понятие «смысл» подставляется содержание, которое – условность, ибо оно понятие – обратимое в форму, а под ритм подставляется его «количественная» проекция («–» тональность, *ин*-тонация, которая и есть «*In*-»halt* содержания формо-содержания); содержание не знает щепления на форму и содержание; это – «выщепы» из целого; и как «выщепы» они суть лишь формы.

Так что мои якобы смысловые разгляды сводятся к осмышлению интонационности, от которой зависит и ритм, как количество, и позднейшая рефлекция абстрактного «субъекта» осмышления (например, в поэтич<еском> «Я» Пушкина резонирование «Александра Сергеича»: в «Кавказском Пленнике» оно – разительно расходится с «Я» поэта, ибо поэт еще не осознал, как в «Медн<ом> Всаднике», своего «Я»: не осознал, что неувязка с поведением «пленника» – нелады «Ал<ександра> Серг<еевича>» с собой; в «Медн<ом> Вс<аднике>» – «Ал<ександр> Серг<еевич>» бесконечно имманентнее «*Я*», ибо поэтич<еское> «*Я*» вныривает в «Евгения»: «Не дай мне Бог сойти с ума» = «мятежным думам» Евгения)[14]. Содержание понятия «смыслового содержания» в каждом произведении *свое* в зависимости от процесса творческого самосо-

---

* *«Со-»держание (нем.)*

знания, как *зрелости*. Но это уже тема, где «*pes*», или – «*стопа*» (метр), осознанием превращается в интонацию по-ступи, как *поступка*: здесь и нога становится *ухом*, а *ухо* – органом, воспринимающим звук из *молчания*. Собственно: вскройся нам *интонация*, мы имели бы дело с *инспирацией* и с *судьбой*: *ритм* и *смысл* – две формальные проекции не вскрытой нам инспирации; в ней ритм становится понятием «*пути*»: *поступи поступков*[15].

Еще примечание, и – о другом: к вопросу о разнообразии счислений; я знаю энное количество счислений; но все иные счисления в кривой выявляют лишь сторону, одно из счисленного при помощи $\frac{n-1}{n}$. Так: в Вашем способе счислять количество слов нечто подчеркивается; но счисляемое Вами мной счислено уже («+» многое другое) в «$\frac{n-1}{n}$» : так возьмем двустрочие:

На встречу | Северной | Авро(ры)
Звездою | Севера | явись, –

опуская хвостик «*ры*», т.е. 9-ый слог женской рифмы на основании симметрического повтора в целом стихотворении («взоры = Авроры»); мы видим, что поправка на рифму выразится не в изменении фигуры кривой, а в ничтожном ее повышении, что – *не играет роли*; и мы пренебрегаем ей (а Вы «*не*» пренебрегаете, ибо счисляете лишь следующую со следующей, *не держа совокупности*); две строки («–» слоговой хвостик) идентичны: 3 + 3 + 3 (-1) = 3 + 3 + 2. Т.е. «0» контраста (контраст рифмы интерферирован в целом); а как в моем счете? Тоже «*0*», и не может быть иного, ибо количество слов зависит от «сложности», а нарастание «сложности» и вызывает изменение динамики:

Открой закрыты негой взоры... = 2 + 3 + 2 + 2 } = 4 }
На встречу Северной Авроры 3 + 3 + 3 } = 3 } не равны; как и в моем методе счисления ∪ –́ ∪ –́ ∪ –́ ∪ –́ ∪
∪ –́ ∪ –́ ∪ ∪ ∪ –́ ∪

Вы скажете: в данном случае так, а в случае:

∪ — ∪ — ∪ ∪ | ∪ — = Пора, красавица: проснись. = 2 + 4 + 2
∪ — ∪ — ∪ ∪ | ∪ — Звездою Севера явись. = 3 + 3 + 2

Правда: у меня – поправка на знаки («,» и «:»); но это – поправки к *тезе*; в общем строки – «*тетичны*»; может быть:

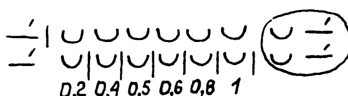
Моей красавице давно (2 + 4 + 2
Влюбиться в отрока пора. 3 + 3 + 2)

Ваш метод отличает различие будто бы, а мой – нет, но это потому, что мой метод синтетичнее; он берет строку в смене чередований, в многострочиях, где *совпад* в многострочном чтении не выделяет разницы в один слог при ударности, ибо неударность стопы, гипертрофируя удары смежно-лежащие, – *впервые* подчеркивает в *паузе* проблему слоговую; роль слога слова явно выступает при –́ ∪∪∪ –́; и не явно выступает при –́ ∪ –́ ; она явна лишь при *вырыве* двух строк из целостности всей группы; но мы читаем и воспринимаем строки в *стихотворении* (в целом), а не в нарочитой фиксации лишь двух строк «минус» целое.

И вот при –́ ∪∪∪ –́ в двудольнике состав слова мною принят во внимание в поправке на паузу; и поправка на слог *в случае смежности* строк *0,2*; бывают и случаи, редкие, в 0,1; при «c_d» и потом «d_c»: «$c_d - d_c$» в слуховом восприятии *0,1*; но ведь это в случае интонационной неударности; моя *0,2* есть продукт деления максимального

целого } ∪ –́ ∪∪∪∪∪∪∪ | –́
∪ –́ | ∪∪∪∪∪∪∪ | –́ } здесь возможного: этого случая мы не встречали, но он теоретически возможен; и тогда б мы поправку к «0» должны были бы приравнять к «1» («0 +1»); деля единицу на промежутки, имели б:

∪ –́ | ∪∪∪∪∪∪∪ –́
∪ – | ∪∪∪∪∪∪∪ –́ } 0 ∪ –́ | ∪∪∪∪∪∪∪ –́
∪ –́ ∪ | ∪∪∪∪∪∪ –́ } 0,2 ∪ –́ | ∪∪∪∪∪∪∪ –́
∪ – ∪∪∪∪∪∪∪ –́ } = 1.

Здесь «1», деленная на «*5*»;  уже пятые стопы

Но есть и менее при $d_c\ b_d$ } $d_b = 0{,}1$;
разница же восприятия между разрезами
в синтетическом чтении менее 0,1; это *сотые доли*, *с которыми я не считаюсь в масштабе*; и потому считаю, что в синтезе и сложность слов взята на учет, *поскольку* она нужна, т.е. *реальна* в восприятии; взята не только она, но и, например, знаки препинания, цезуры, что *не взято* на учет в Вашем способе (могу сказать, и в моем, ибо не раз им пользовался из *любопытства*); он вычерчивает лишь *грань* в счислении, а в счислении, мной практикуемом, *грань* введена в сумму граней, ***но постольку, поскольку*** *она предполагает ухо в* ***синтезе*** *восприятия*, а не в ***анализе*** вырыва строк из их совокупности.

P.P.S. От К.Н. привет и сердечное уважение Вам и всем Вашим.

[1] Комментарий Иванова-Разумника: «В несохранившемся письме от конца сентября 1929 года ИР сообщал, что его и семью выселяют из квартиры, в которой они жили с 1907 года» (Л.30об.). 18 сентября 1929 г. Иванов-Разумник писал Ф.И.Седенко (Витязеву): «...местная детскосельская милиция, совершенно испакостив за последние годы пять лучших домов в Детском Селе (переезжала из одного в другой через каждые два года), обратила благосклонное внимание на лучший из оставшихся в целости домов – дом №20 по Колпинской улице. Восемь квартир, занимающих лицевой фасад дома (в том числе и моя), предназначены для нового помещения милиции и для частных квартир власть имущих: начальника милиции, брандмейстера, предисполкома и т.д. <...> В 3 часа дня явился милиционер с повесткой о насильственном выселении *в семидневный срок* <...> выселяемым предложено занять комнаты (по коридорной системе и с одной кухней на 10 семей) в отремонтированном советском доме, бывшем заразном бараке» (*РГАЛИ*. Ф.106. Оп.1. Ед.хр.64); ср. сообщение в письме Иванова-Разумника к В.Н.Фигнер от 29 сентября 1929 г.: «...десять дней тому назад я получил повестку о выселении в семидневный срок из квартиры, ввиду того, что весь наш дом отводится под квартиры местных властей и “общежитие пожарной команды”» (*РГАЛИ*. Ф.1185. Оп.1. Ед.хр.437). 25 сентября Иванов-Разумник писал Витязеву, что подыскал другую квартиру, а в письме от 11 октября 1929 г. извещал: «...с 15-го октября новый мой адрес – Октябрьский бульвар, д.32» (*РГАЛИ*. Ф.106. Оп.1. Ед.хр.64). Указывая в письме к В.С.Миролюбову от 7 ноября 1929 г. свой новый адрес, Иванов-Разумник добавлял: «...как видите – “Колпинской, 20” уже не существует, по крайней мере как нашего двадцатидвухлетнего обиталища. Переехали на новую квартиру, а это было делом настолько сложным, что вот почти месяц, как выбиты из колеи» (*ИРЛИ*. Ф.185. Оп.1. Ед.хр.563).

[2] Ср. записи Белого за сентябрь 1929 г.: «...числа с 10-го углубился в “Москву”; и увидел, что написанное в прошлом году должно быть заново переработано; пришлось как бы писать заново» (*РД*. Л.146).

[3] Обыгрываются слова Городничего из «Ревизора» Н.В.Гоголя (действие 1, явление I): «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! <...> А подать сюда Землянику!» В сентябре 1929 г., в результате интенсивных нападок критики, в издательстве «Федерация» был поставлен вопрос об изменении редакционного совета издательства, а также решено прекратить издание рукописей из портфеля артели писателей «Круг» (выпустившей в свет «Москву» Белого). См.: Эльзон М.Д. Издательство «Федерация» // Книга: Исследования и материалы. Сб.XL. М., 1980. С.137-138.

[4] Подразумеваются суждения Иванова-Разумника о книге Белого «Ритм как диалектика и “Медный всадник”», высказанные в несохранившемся письме.

[5] Комментарий Иванова-Разумника: «Для понимания дальнейших утверждений АБ, необходимо указать вкратце на главные возражения ИР. Последний в своем письме указывал, что формула может быть либо дедуктивной – и тогда она имеет общеобязательное значение, либо эмпирической – когда она есть вывод из обработки многочисленных данных опыта. Основная формула «ритмического жеста» ($\frac{n-1}{n}$) – ни дедуктивна (ибо ниоткуда математически не выведена), ни эмпирична (ибо не она выведена из данных опыта, а наоборот, на ней строится опытный материал ритмического жеста). Следовательно, эта формула не только условная, но и произвольная; можно взять любую другую формулу (например, $\frac{(n-1)(n+1)}{n}$

или даже $\frac{n(n-1)(n-2)\ldots(n-m)}{1.2.3.\ldots m}$ и на основании ее строить кривую ритмического жеста. – На все это АБ и возражает в настоящем письме» (Л.30об.-31).

[6] Французский математик Эварист Галуа создал теорию алгебраических уравнений высших степеней с одним неизвестным, устанавливающую описание расширений полей в терминах групп.

[7] Комментарий Иванова-Разумника: «ИР указывал, что можно придумать десятки приемов построения ритмической кривой и в виде примера излагал способ подсчета числа слогов в словах каждой строки стихотворения и затем суммировки контрастов и совпадений в двух смежных строках. Этот прием в несколько измененном виде разбирает АБ в дальнейших абзацах письма» (Л.31).

[8] Стихотворение А.С.Пушкина «Зимнее утро» («Мороз и солнце; день чудесный!..», 1829) проанализировано в книге «Ритм как диалектика и "Медный всадник"» (С.111-116); согласно данным подсчетов ритмической «кривой», оно разделяется на две части, трактуемые Белым как теза и антитеза.

[9] Комментарий Иванова-Разумника: «Далее идет арифметический подсчет – с рядом ошибок или описок (например: третья строка должна быть: 2, 4, 2; пятая строка пропущена, она должна быть: 3, 3, 3; строфная сумма выведена с ошибкой, ибо 0 + 5 + 2 + 2 + 1 не равны 14; строфная сумма первой строфы, если ее вычислить, будет 0 + 5 + 3 + 4 + 1 = 13; ошибки есть и в подсчете остальных пяти строф; наконец, в чертеже строфной кривой первая строфа ошибочно приравнивается 17-ти). Но все эти ошибки не влияют на общие выводы АБ, почему их можно оставить здесь без исправления» (Л.31).

[10] Комментарий Иванова-Разумника: «Среди ряда ошибок или опечаток ИР указал АБ на ошибочное построение ломаных линий в первой и второй строфе "Зимнего утра" ("Ритм как диалектика", стр.109) и на ряд других мест книги, требующих исправления» (Л.31).

[11] См. письма Белого по поводу печатания книги «Ритм как диалектика и "Медный всадник"» (1928–1929) в издательства «Никитинские субботники» и «Федерация» (С.Я.Штрайху): Минувшее: Исторический альманах. Вып.15. М.; СПб., 1994. С.348-351 (публикация Дж.Мальмстада).

[12] Далее приводятся две редакции текста из 1-й части стихотворения «Голос прошлого» («В веках я спал... Но я ждал, о Невеста...», 1911) – по первой публикации (Аполлон. 1911. №6. С.30) и в книге Андрея Белого «Королевна и рыцари. Сказки» (Пб., 1919. С.36-37).

[13] Подразумеваются статьи по стиховедению, входящие в книгу Белого «Символизм» (М., 1910).

[14] Первая строка стихотворения А.С.Пушкина (1833) и контаминация образов из его поэмы «Медный всадник» (1833): «...Мятежный шум / Невы и ветров раздавался / В его ушах. Ужасных дум / Безмолвно полон, он скитался».

[15] См. развитие этих положений в статье Белого «Ритм и смысл», при жизни автора не опубликованной (Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам. XII (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып.515). Тарту, 1981. С.140-146).

231. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
22 июня 1930 г. Судак.

Судак. 22 июня. 30 года.

Дорогой друг,

Пишу Вам из Судака[1]; это не письмо, а лишь сообщение адреса: Крым. Судак. Берег моря. Дом №8. Дача Эггерт. Мне.

Писать трудно всегда; а из Судака после Кучина особенно; переживаю невероятный «шок», впрочем – радостный: 8 1/2 месяцев жизнь стального режима[2]; и – вдруг блаженное безделье, – безделье, переживаемое самоценностью; чувствуем радость просто бытия – оттого, что мы объекты обдувания морского ветерка, и оттого, что можно, бросив все кучинские шкурки в виде фуфаек, теплого белья и прочего, облечься в трусики. Вместо приливов крови и всяческой стукотни в голове ощущаешь голову круглым шаром из карельской березы; и вместо мыслей то же – гладкий шар.

Мы здесь с 14-го; и все еще не можем очнуться от безделья, в котором оказались, как в ванне; бросив зимнюю шкурку, удивляюсь, что оказался совсем другим человеком, – не человеком от «Масок Москвы», при рукописи которой состоял, а человеком

от себя самого; и этот «*человек от себя*», – моложе себя лет на 15; и – глуп, как пробка; а главное: не желает слышать ни о чем «*вумном*»; нечто в роде «*Бальмонта без вина и флирта*», верней – Бальмонта, написавшего некогда:

«В бездне бесцельности –
Цельность забвения»[3].

Сейчас это двустишие просто и точно исчерпывает нашу жизнь в Судаке; и надо сказать: насколько Крым – легче, проще, благостнее, безобиднее Кавказа; а для меня, очевидно, целительнее. Кавказ – опасней, тревожней, враждебней, сюрпризней; здесь в Судаке даже природа, которая прекрасна по мне (та самая сушь без трав, которую я люблю), скромно обрамляет «*Я*» недалекого человека, каким я стал; она – «*не вещь в себе*», а «*вещь для отдыхающего*». И – климат: чудесный для меня; не ледянит, не палит, не маляриет, не опрокидывает лавины, не душит, как в Батумской теплице, в которой придрагиваешь, а греет неопасно; дождичек – ладно; сушь – ладно; солнце – ладно; нет солнца – тоже ладно.

Как-то все на потребу усталому организму.

. . . .

Дорогой Разумник Васильевич, –

мне очень огорчительно, что Вы приехали к нам так ненадолго[4]; и так неудачно: в холод, в мою болезнь и в дни, когда я, хоть тресни, а должен был окончить «*Москву*», которую и кончил 1-го июня, в день Вашего отъезда из Кучина. И – потом: что же это за бывание вместе, когда Вы уныривали в Москву, возвращались к вечеру; да и то: вечерами я Вам читал то, что Вы бы и без меня прочли. Так мы и не начали даже беседы; когда люди не видятся года, то первые дни – не беседа, а – накипи, преодоление инерции молчания; ведь люди живут разно; и трудно конкретно понять жизни друг друга; разговор вырастает лишь из вместе бывания *à la longue**; а этого *à la longue* в нашей встрече и не было. И я чувствовал случайность наших разговоров, ощущая всем существом, что это «разговорики» над *разговором*, который и не начинался; точно встреча в вагоне.

У меня большая потребность к разговору между нами из *à la longue*, а не из взаимно-отчитыванья друг перед другом фактами; и мне ужасно стыдно, что то немногое время, которое мы были вместе, я занял «*Москвой*»; это – «*зачетная*» тема, а не тема живого разговора. И чувствовал, что Ваши рассказы о себе – не *в корень*, а – «*так*». Но оно и понятно: два простуженных усталых человека, из которых один целый день метается, а другой – исстрочился и стал лапой при туловище «*Москвы*» (когда ее кончил, ощутил себя оторванной насекомьей ногою, т.е. ощутил себя не только без головы, но и без туловища); и вот эта жучиная лапка что-то чирикала с Вами, а человек, под нею живущий, чувствовал потребность поговорить по-настоящему: à la longue.

Откладывается наша встреча; уж я постараюсь навестить Вас осенью или зимой.

. . . .

Жду от Вас отклика; и спешу окончить это письмо, ибо «*субъект*» письма – «*объект*» действия ветра и солнца: весьма поглупевший и блаженно безмысленный от этого, пребывающий в «бездне бесцельностей» – мытья посуды, мётки пола, просушиванья купального халата, выставления голых ног («*о закрой свои бледные ноги*!»)[5] на солнце («чтобы они стали *не бледными*!»). У нас великолепная терасса-веранда, 1/2 которой – всегда солнце, а 1/2 – всегда тень; вид на море; со ступенек аллея кипарисиков; сбоку на крутой скале Генуэзская крепость.

К.Н. шлет сердечный привет Вам и Варваре Николаевне; передайте ей мой привет и уважение. Напишите, как Иночка.

Остаюсь сердечно любящий Вас

Борис Бугаев.

[1] Ср. запись Белого за 3 июня 1930 г.: «Решение ехать в Судак: наметили – 12-го июня» (*РД*. Л.150об.). Первые впечатления от пребывания в Судаке Белый изложил в письме к П.Н.Зайцеву от 18 июня 1930 г. (*Минувшее 14*. С.485-487).

---

* *Продолжительное время (фр.)*

[2] С сентября 1929 г. до 1 июня 1930 г. Белый работал в Кучине над романом «Маски» («Маски Москвы»).

[3] Заключительные строки стихотворения К.Д.Бальмонта «В чаще леса» из книги «Тишина». См.: Бальмонт К.Д. Собрание стихов. Т.I. М., «Скорпион», 1905. С.196.

[4] Иванов-Разумник гостил у Белого с 28 по 31 мая 1930 г.; о своем приезде известил письмом, в архиве Белого не сохранившемся (ср. запись Белого за 18 мая: «Письмо от Разумника (едет в Москву)» – *РД*. Л.150). 29 апреля 1930 г. Иванов-Разумник сообщал Д.М.Пинесу: «Получил подряд два письма от Бор<иса> Ник<олаевича>. Очень меня тянет (да и надо бы!) во 2-ой половине мая на недельку в Москву; всячески постараюсь, чтобы устроить это» (*РГАЛИ*. Ф.391. Оп.1. Ед.хр.119. Эти письма Белого в архиве Иванова-Разумника не сохранились); 10 мая 1930 г. писал ему же: «Борису Николаевичу пишу на днях; если увидите его раньше, то сообщите, что Магомет придет к горе между 20 и 30 мая, – если, конечно, Магомет будет жив и здоров» (Там же). Пребывание Иванова-Разумника в Кучине фиксируется дневниковыми записями Белого – 28 мая: «Приезд Р.В.Иванова. У меня был доктор Гуленко (ангина)»; 29 мая: «Р.В.Иванов вернулся поздно: простужен»; 30 мая: «Читал Разумнику “Маски”»; 31 мая: «Провел вечер с Р.В.Ивановым. Простился с ним» (*РД*. Л.150-150об.).

[5] Однострочное стихотворение В.Я.Брюсова (1894), пользовавшееся после опубликования в 3-м сборнике «Русские символисты» (М., 1895) скандальной известностью.

232. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
25-26 августа 1930 г. Судак.

Судак. 25 авг<уста> 30 г.

Дорогой, милый Разумник Васильевич,

с радостью получил Ваше письмо[1]; и две недели все отвечаю Вам мысленно; а фактически происходит вот что: день туго набит; вставанье, приборка, мётка и т.д. комнаты, чай, а за ним – правка вчера написанного[2]; потом – работа до обеда, обед, мытьё посуды; и – необходимая потребность протянуться на часок; потом – лежание на пляже, деловитое (для загара), купанье, прогулка (час); и – темнота; говорю темнота – потому, что стоит 2 месяца такая жара, стены так раскалены, что зажигать свет, закрывая окна и дверь, – нельзя: задохнешься; а открывать при свете двери – поток москитов, мух, скороножек и всяких летучек; сидим во тьме, купая глаза тенями, а тела – отсутствием прохлады ночной; так день за днем, как в колесе; и знаете, – устали всячески: работой, какой-то никчемностью катимого колеса, Судаком, – сухим, жутко-жарким (с удушливыми норд-остами); был роздых лишь в июне, недели 1 1/2; с 24-го июня и по сию пору (25 августа) – два жарких, скупеньких дождичка с грозой; и – жар; а я для парадокса сижу сейчас с гриппиком, как в прошлом году в Тифлисе, когда простудился в Сухуме в 45° жару; так и в этом году, в Судаке: простудился, вероятно, на почве переутомления жаром.

Да и вообще, дорогой друг, – переутомлены мы с К.Н.; и ощущаем труд передвиженья по жизни в неподмазанной, скрипящей телеге; она – та же всегда; и все безразличнее антураж: Кучино, Судак, Сухум; или – что еще?

Собирались было с К.Н. ехать по зову поэтов в Кахетию, и вдруг испугались: переть 1500 да 1500: 3000 лишних верст с чемоданами, керосинкой, чаями и сахарами, когда – Кахетия ль, Судак ли – не все ли равно; и то, и другое – кочки, по которым скрипит с перекряхтами телега жизни.

И, кажется, остались: доживать в Судаке[3].

П.Н.Зайцев, которого «*вычистили*», пишет: Тихонов известил его, что Ред-Совет «*Федерации*», обнюхивая «*Маски Москвы*», порешил: произведение цензурно приемлемо, – но, но, но: необыкновенная сложность и утонченность произведения ставит вопрос о том, принять ли его?[4] Это решение не Тихонова, которому вещь нравится, а результат обнюхивания рукописи братьями-писателями из разных литературных групп: утонченно, ново – не-ль-зя, ни-ка-к не-ль-зя печатать; еще не решено окончательно; но мы с Вами знаем, что значит это «*еще не...*»; а я 9 месяцев сдирал с себя шкуры и приехал в Судак, дыша на ладан: от переутомления.

Тем не менее уже наработал 350 страниц «*Начала Века*»; и к переутомлению прибавил несколько фунтиков: переутомления; а тут жары: ходишь, высунув язык, с приливами, мигренями; и – купанье не в купанье, загар не в загар, а... в угар разве...

Неважно себя чувствуем во всех отношениях.

Очень внимательно вчитывался в Ваши слова о «*На рубеже*»[5]. Спасибо на добрых словах; эти слова Ваши и других (Д.М.Пинеса, С.М.Соловьева, Петровского и ряда еще лиц) совсем неожиданны: ведь книга не писалась, а строчилась без отдыха и с правкой кой-как; настрочилась в 2 месяца; и если вопреки спешке, неряшества стиля случилось нечто от «*фрески*», это высшая похвала, на какую я и не надеялся, ибо полагал книгу, всю, состоящей из «*досадных пятен*»; ведь 2 месяца без единого дня, в который бы мог задуматься; в Кучине болела и капризничала Е.Т.[6] за спиной; а мы с К.Н. только и думали о том, как бы скорей удрать в Эривань; можно сказать: писал с думой об Эривани.

Так что заранее согласен на все оговорки Ваши; конечно, – досадные пятна полемики и путаница с желанием доказать свою правоту; конечно: «С пушками по воробьям». И прав Герцен, оговаривающий Белинского[7]. Буду писать не о «*На рубеже*», книге неряшливой и спешной; буду говорить в принципе; я боюсь, что «*досадные пятна*» стрелянья из пушек по воробьям будут повторяться и в «*Начале Века*»; и главное: читая Ваши строки, краснел, думая о вчерашнем строченье: ведь как раз до получения Вашего письма, накануне, – стрелял по воробьям пушками; прочел Ваши слова, – устыдился, огорчился; и вдруг стало грустно, что *иначе писать не умею*, что «*воробей*», – трамплин, от которого прыгаю... под фреску; он предлог, чтобы паче чаянья... случилась «*фреска*»; заданий нет дать «*фреску*», она – интерференция пушечных дымов по... воробьям...

Как бы это внятнее сказать?

«*Маски Москвы*» не печатают: т-о-н-к-о! И потом: писано в с-е-р-ь-о-з; нельзя: сериозная конкуренция! Белый выпускаем на арену лишь как шут, или бык, которого назначение – кидаться на торреадора; и – давать маху, чтоб торреадор в который раз его проткнул. Заговори я со спокойным достоинством, не удостаивая внимания Булгариных и запиши «*фрески*», случится то же, что с «*Масками*»: не пройдет; знаете, что значит лукавая формула «*цензурно, но тонко*»; она на языке критики значит: «Врешь, брат: мы тебя – твоим оружием; не дадим тебе венца Нецензурности, а провалим под другим флагом: ник-чем-но!»

Это – раз: «*пушками по воробьям*» – стилистический прием; да и тактический: горошинами в воробьев стрелять не разрешено; воробей птица важная: его быки боятся; и увидев, поднимают рев, хвост задрав; а не стрелять в воробьев, – нельзя: воробьиный чирк, мировой, именуемый здравым смыслом, тысячелетия держит миллионы в обалдении; Вы скажете, что Шекспиры, Пушкины и прочие «*взыскательные художники*»[8] побеждают в веках (нас с Вами) ценой своей проливаемой крови; но мы с Вами не показатель, что «*правда*» побеждает непротивлением и что клопов и вшей не давят; именно давят: в противном случае тифозная горячка была бы перманентна, а с ней борятся; с тифозной же горячкой, именуемой «*правотою Булгариных*», не борятся; а – надо: я хочу кричать о Булгарине, пугать Булгариным, ибо тот факт, что узналось, как он травил Пушкина, – случайность[9]; не случайность, что массам и по сии дни неизвестны все проделки всех Булгариных, в результате которых мировая история – села в лужу.

Пушкин – не мировая история, а Булгарин – да; не будь его, мы бы давно были бы уж в Энгельсовом «царстве Свободы»[10]; я не Пушкин, и я – борюсь с ним; но ведь даже и Пушкин – с ним боролся.

Булгариных – тысячи; каждый – не имеет самостного бытия, стремясь воплотиться хотя бы в слюну, которой его оплевывают, как половые особи в колониальном существе, например у *сифонофор*[11]; половые особи отрываются и плавают в море: отдельно; не с ними борешься, а с *сифонофорой*, которая не сумма из тысячей особей, Булгариных, – а существо, носящее имя: А-ри-ман![12] Он-то изгадил историю; я хочу, чтобы Шекспир выжил для всего человечества, – а не для «*элиты*» в нем, и чтобы это выживание *в века* шло не из дыма костра, разводимого пакостниками под Джордано Бруно, а из Бруно, умершего естественно.

Молчать, сложа руки из надменства, – так ведь можно и провалить «*свое*», то, о чем орешь, в небытие окончательное; я не верю в самовсплывание «*правд*»; если что и всплывает, то благодаря подымающим водолазам; можно утопить ценность в океан, не оставив следов и для водолазов: непобедимая Армада канула без следов с миллионами золота[13]; зачем копить это золото для спрутов: океанического дна?

Кроме этого общего рассуждения об Аримане и Булгарине, – есть нечто живое, что меня волнует; в «воспоминаниях» о символизме имею живейшую потребность показать: чем был для меня символизм; и чем он никогда не был; было бы еще лучше показать, каким несу символизм я, символист 1901 года, в 1930 году; прошлой осенью написал о символизме около 300 страниц[14]; что *есть* символизм, – нельзя сказать: никто не напечатает; чем был – можно.

Дорогой друг, – и в 1904 году, и в 1906, и в 1908 я рвал и метал, что символизм ширится в сознании интеллигенции не по прямым радиусам от центра к периферии, а по каким-то дрянненьким кривым; и эти кривые – не ликвидированный Брюсовым хехек кружковской зубоврачихи 1903 года[15], а полные сантиментального сочувствия к нам бледно-бессильных интеллигентов, взявших серьезное течение, как «*где-то, что-то, как-то*», и – «*там, там*»; уже в 1904 году я писал, что *символизм* реализма Чехова нам ближе «*метерлинковщины*»[16]; а когда «метерлинковщина» стала стоустым воплем хорега от неврастенических сочувственников нам, Георгия Чулкова[17], не по статьям Чулкова ударял я, а по ползучему чулкизму, или сантиментальному искажению «*из сочувствия*» наших лозунгов, предвидя проход в историю литературы под флагом символизма совсем не символизма, а... «мистического анархизма»; о мистич<еском> анархизме не говорят в 1930 году, а о символизме еще говорят, но разумеют не символизм, а «*мистич<еский> анархизм*»; «символизм» с 1906 года зацеловали сантиментальные уста, да так, что от сих «*целуев*» остались несмываемые штампы, к символизму не относящиеся; а на эти штампы и легли либерально-профессорские истолкования; и их – столько, столько, столько, что... кто нуждается в словах символистов? Символисты доказывали, что они не школа; кругом писали: «школа, школа». Символисты писали: «Символизм, плюс критицизм». А кругом писалось: «Минус критицизм». Символисты писали: «Мы – имманентисты; и стало быть не мистики». Писалось: «Трансцендентисты, стало быть, – мистики». Символисты писали: «Символизм-то и есть реализм, а обычные "*реализмы*" нереальные олеографии под реализм». Кругом писалось: «Слава Богу, реализм побеждает аллегории». Символисты писали: «Индивидуализм не субъективизм и не мыслим без коллектива, расширителя личности». Писалось об анти-коллективизме и субъективности. Символисты писали: «Единство формы и содержания не понимать в смысле выведения содержания из формы, или формы из рациональной конструкции содержания». А две школы из двух половинок символизма построили себе коней, на которых сидя, воевали с символизмом, будто бы не ведавшем своих половинок (ведавшем, и – как еще): я говорю о формалистах, теоретиках футуризма, и о конструктивистах.

Словом, лес химер о символизме выращивался именно с момента победы символизма, или растворения его в слюне ненужных поцелуев: следы слюны скрыли лик; и за эту слюну, а не то, что под ней, бьют нас марксисты; бей за то, что я платформировал; не хочу получать затрещин за Георгия Чулкова; а я несу, как символист, хулу за то, что хулил в Чулкове 24 года назад. Самозащита ли, что я, вспоминая становление своих идей и эпоху борьбы за свои представления о символизме, – вспоминаю то, что было, а не то, чего не было; говорю: это – правый уклон, это – левый; правый – Брюсов в «Аполлоне», аплодирующий акмеизму[18]; левый – Блок, сочувственно скошенный к «*Человеку левых устремлений*» (заглавие моего фельетона в 1906 году)[19]; оправдываться мне не в чем; но представляться «мистич<еским> анархистом» не хочу, ибо я не «*мистик*», а Вы знаете кто; и статью «*Против мистики*» писал в эпоху моды на мистику, в 1912 году[20]; по «*мистикам*» не намереваюсь бить; но представляться мистиком лишь потому, что они – «*не в чести*», считаю никому не нужным донкихотизмом, ведущим ко лжи «*из сантиментальности*»; я кипел злостью 25 лет, т.е. все время на фальши искажения нас, не разбираясь в том, из клеветы ли они, или из сантиментального сочувствия «*не по адресу*»; высмеивая моду на «*мистерию*» в 1906 году (в «*Весах*»), зачем мне надевать в 1930 году терновый венец, уготованный не мне; и свой есть. Но когда вспоминаешь то, над чем 25-летие надстроило *мифы*, за которые влетает тебе, нет никакой возможности расплести *правое самооправдание* с объективным установлением фактов: *так было, так не было*; и если оживают образы некогда любимых людей, то и оживают их враги; и даже: в одном и том же лице оживают: и белые лебеди, и черные кошки; вживаясь в воспоминания, вижу вихрь проносящихся мелочей, и решительно не умею заранее отделить «*фресковые*» мо-

менты от досадных «пятен»; значит мой удел писать «фрески» с пятнами на них; живость воспоминаний от того, что и сор внесен в них; а сорность их от живого темперамента автора, живого деятеля вспоминаемой эпохи, и «*увы*», или «*ай-люли*» (не знаю, как воскликнуть) еще живого теперь: не бога, мумии, чистого художника, а изнемогающего, израненного, пусть несправедливого, но – с колотящимся сердцем.

Уф, – сколько написал: написал с «сором», с задёром, косолапо; но так же, как это письмо Вам, строчу и «*воспоминания*»; и не могу их очистить: устал, написал лишь кончая 1902 годом, а 350 исписанных страниц; дай Бог 1905 год упереть в 700-ую страницу рукописи; сил мало, а хотелось бы заново и на этот раз не «*от Блока*»[21] пройти период до хотя бы 1912 года: кладите, – минимум 700×3 писаных страниц (2100).

А устал, – ох, как устал!

Судак. 26 авг. 30 года.

Милый Разумник Васильевич,

вчера так и не кончил Вам письма; начал Вам, а продолжился в полемику с вопросами, которые живут перепутанно в моем сознании; те самые «*ножницы*», о которых пишу в «*На рубеже*»[22], значит, не сомкнуты: жизнь размыкает их; с одной стороны – задор, пушки по воробьям и азарт, обуревающий при каждом деле, а с другой стороны страшная усталость; и стою над самим собой со сложенными руками, с недоумением: к чему «волнения страсти»?[23] И – в который раз прокалывает душу твердое знание: не совместить подлинного человеческого достоинства с жалкою суетой, именуемой «социальные проявления жизни», внутри которых литература, всякая, булгаринская, как и пушкинская – труха перед блистающим тебе порой покоем («*во блаженном успении вечный покой*»); то, что порой приподымается из-под жизни, – дарит тебя непередаваемыми минутами; но порой и властно, сурово тебе говорит: «Достоинства нет, и не может быть там, где заводится пыль, именуемая литература, которой и "*фрески*" – пятна в пятнах; так что уж тщиться над "фресками": пошел в пыль, – так пыли, трепыхайся, сади чемоданами в бактерий; все равно не упокоишься в правде письма, ибо и она – пыль».

Так порою со мной говорит моя тишина; и все невыносимей видеть ее, слышать порой ее зовы, и быть прикованным все к тому же письменному столу за книгой, номер такой-то; одна, другая, третья, пятая, десятая, двадцатая, трид-ца-тая – о, о, о! А ты – пишешь, пишешь, пишешь, пишешь и уже давно примелькалось в написаниях, что «*Москва*», над которой ты с ненормальной жестокостью сдираешь для нее шкуры, чтобы из живой шкуры сделать исписанный лист, что «воспоминательные» пустячки; и пустячки ли пустячки? И художественно ли художество? Все примелькалось в великой усталости: «*давно, усталый раб, замыслил я побег в обитель дальнюю*»[24] – только не «*трудов*», ибо перетрудился, а – «*покоя*».

Милый друг, я безмерно взволнован Вашими добрыми словами о «*Котике*», «*Китайце*»[25], «*Петербурге*», которых Вы перечитывали; Вы чуть ли не единственный мой читатель и друг-критик, проникновенно тонкий, но чересчур снисходительный; у меня сейчас такое настроение, что все, что написал, что напишу, что написать мог бы, – мусор, пыль, блестки песку, принимаемые за бисер; и – пыль сияет; и кружево ее – тоньше брюссельского. Пыль, пыль, – пыль ворохов желтых листов, исписанных паучиными царапками, между которой искал вспыхов света; да разве свет здесь, в этих пыльных листах, в согбенной шее, нажитой неврастении? Единственный итог – мозоль на третьем пальце правой руки; ею, может, заработаю себе билет на ящик, именуемый гробом; много трудился: а... натрудился ли? Вижу «*Китайца*»; и вижу: досадные кляксы покрывают его страницы; единым бы духом стер их: легко сказать: стереть кляксы – хотя бы переписать от руки всю книгу; времени нет, сил мало; летишь, как на перекладных, от прошлых ошибок к... новым; и закипает яркий протест против «*ярма*» и «*бича*», точно подстегивающего.

«Трудись, мой вол!»[26]

А смысла «*трудов*» – не вижу.

Дорогой друг, Ваше письмо попало в точку скрещения разомкнутых ножниц; но Ваш совет презреть Булгарина лишь размыкает ножницы во мне, ибо и Булгарин, и ему не отвечающий (а Пушкин отвечал) Пушкин – поданы в пасти Булгарина с боль-

шой буквы до создания мира, сожравшего обоих; не Пушкиным изменить мир; Пушкины в компромиссе.

Вот, сознаю это, а еще пера не бросаю; а – надо бросить: пора бросить!

Или это грипп говорит из меня?

Думаю о Вас, о Вашем Салтыкове[27], о том, что у Вас с работой не устроено; и с души срывается: «Что ж это?» Та же картина с П.Н.Зайцев<ым>: он вычищен[28], висит в воздухе, семья; А.С.[29] едва живой утащился на Кавказ: 4 месяца мучила чистка; у меня длинный список друзей в таком же положении; мы какие-то выдавленцы из мира, обреченные стоять с протянутой рукой и с доской на груди: «Подайте литератору!»

Хочется иной раз сомкнуть глаза, чтобы ракетой над своим телом взлететь в небо с вопросом: «Объясните, граждане духовного мира, – за что ж?» Именно разорваться там с треском этим вопросом.

И себя умеряешь: до-тер-пи!

Но трудно жить во вселенной с мыслью, что в необорных пустотах катаются совершенно бессмысленные шарики, покрытые ржавчиной; на них – непостижимо малая кучка непостижимо малых бактерий, именуемая: «*животный мир*»; ужасно ничтожная часть непостижимо малого именуется «*человек*», а до ужаса малая часть ничтожной части непостижимо малого именуется: «*образованный*»; опять-таки: непостижимо малая часть «*образованных*» до ужаса малой части ничтожной части непостижимо малого именуется «*человек с высшими стремлениями, звучащими гордо*!» И в нем разрываются фейерверки никогда в мире пустом не бывших правд, достижений, неведомых ни «*образованным*», ни «*человечеству*», ни «*животному миру*», ни планетному шару; и он рвется хоть частью осуществить эти возможности; и ему не дано: ни-ког-да, ни при каких обстоятельствах; его грызут собратья по образованию, избивает камнями масса; зверь врывается в его тело бактериями чахоток, раков, холер; и таки – загрызает; и ежеминутно может любой глупый камень, упав, раздавить мозг, в котором вспыхнули удивительнейшие пожары вселенных, – только не этой, пустой дурехи, коперниканской, в безлобом идиотизме пусто катящей свои шары и даже не подозревающей, что ее пустые метанья сложили сознания, внутри которых светит то, что только и может быть названо «миром»; что ей до это<го> «*мира*», который случился в ее «*мирах*»?

Трудно жить миром, которого нет в мире; и трудно протягивать руку за куском хлеба к миру, который каждую минуту расплющит твой «*мир*», которого нет вне тебя, но который есть в тебе; и поскольку «*ты еси*» пусть пустым парадоксом дурехи вселенной возникший, постольку и он – «*есть*».

Тоже парадокс ножниц, постоянно подстилающий мои ночи и дни; лежишь со своим миром в груди, вперясь в мир пустой долгими часами бессонницы, почти каждой ночью; сегодня вперяюсь и днем: «*И ночи, и дни примелькались*!»[30] И потом – носом в пыль листов: в Сизифово колесо никому не нужной рукописи, для которой нужно еще выцарапывать – «право на бумагу»?!?

Каждый раз, как возникает беспроко из слов письма «*Кифа Мокиевич*»[31], рассуждающий о вселенных, обрываю себя отчерком; начинаю новое; и опять – случается «*Кифа Мокиевич*»; уж простите, дорогой, за это письмо: оно – из «*гриппа*» и из усталости; сегодня кончил силуэт Брюсова[32]; оттого – «*и ночи, и дни примелькались*».

Напишу, когда выздоровлю; ужасно говорит К.Н. Григорьев; спасибо еще раз за него; книга очень кстати[33]. Шлем с К.Н. сердечный привет и уважение – Варваре Николаевне и Вам; а я с своей стороны крепко Вас обнимаю и остаюсь сердечно любящим

Бор.Бугаевым.

P.S. Пока не знаем, сколько пробудем; вырешим к 5-му сентябрю, проживем ли и сентябрь здесь, или где еще[34].

P.P.S. У нас тут бывали А.Н.Толстой и Шишков; с обоими было очень уютно и хорошо[35].

[1] Это письмо Иванова-Разумника в архиве Белого не сохранилось.

[2] В июле 1930 г. Белый приступил к работе над книгой мемуаров «Начало века» (договор на эту книгу был заключен с издательством «Земля и Фабрика» 14 апреля 1930 г.; см.: *РНБ*. Ф.60. Ед.хр.3). 11 июля Белый сообщал П.Н.Зайцеву: «...начал полегоньку “Начало Века”» (*Минувшее 14*. С.493).

[3] К.Н.Бугаева пишет в этой связи о Белом: «Его ужасала одна мысль о тех “гигантских” совершенно бесплодных усилиях, которые неизбежно связывались для него с каждой новой попыткой тронуться с места. <...> Так просидели мы в 1930 году четыре месяца в неинтереснейшем, раскаленном жарой Судаке. А в наших зимних планах была намечена и Ялта, и южный берег Крыма, и Новый Афон, и даже Кахетия, – о чем шла переписка с тифлисскими друзьями. Вместо всего Б.Н. засел за “Начало века” и отговаривался, что не может теперь бросить начатой работы» (*Бугаева*. С.40-41). Предложение посетить Кахетию Белый получил от Тициана Табидзе; 31 июля 1930 г. Белый писал ему из Судака: «...положили себе: откликнуться на добрый зов и в первых числах сентября ехать в Тифлис, чтобы, повидавшись с Вами, поехать в Кахетию <...> мы собираемся выехать с Кл<авдией> Н<иколаевной> в первых числах сентября из Судака, чтобы через Батум быть в Тифлисе, примерно меж 6-7-го и 10 сентября; хотелось бы попасть в Цинандалы между 10 и 15 сентября, чтобы пожить там месяц с октября до 10-15 того же» (Magarotto Luigi. Andrey Bely in Georgia: Seven Letters from A.Bely to T.Tabidze // The Slavonic and East European Review. 1985. Vol.63. №3. P.408). 2 февраля 1931 г. Т.Табидзе писал Белому в той же связи: «Очень ждали к концу лета из Судака, но теперь понятно, что, правда, было бы очень трудно сделать такой сквозной путь. А то в Цинондалах все было готово – и осень была хорошая» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.277).

[4] Указанное письмо П.Н.Зайцева к Белому нам неизвестно. 11 июля 1930 г. Белый отвечал П.Н.Зайцеву в этой связи: «Весьма порадовал меня А.Н.Тихонов мнением о “Москве”; буду надеяться, что с цензурой все благополучно» (*Минувшее 14*. С.493). Перед отъездом в Судак Белый сдал рукопись романа «Маски» («Маски Москвы») в издательство «Федерация», орган Федерации Объединений советских писателей (ФОСП), и оставил доверенность П.Н.Зайцеву (10 июня 1930 г.) «вести с Издательством “*Федерация*” переговоры об издании второго тома романа “МОСКВА”, под названием “МАСКИ”, и получать причитающийся <...> за него гонорар» (*Минувшее 14*. С.490).

[5] Книга воспоминаний Андрея Белого «На рубеже двух столетий» (М.; Л., «Земля и Фабрика», 1930) вышла в свет в последние дни декабря 1929 г. В недатированном письме к П.Н.Зайцеву (январь 1930 г.), упоминая о ней, Белый отмечал: «Надписываю книгу для Пастернака, Разумника, Штрайха» (*Минувшее 14*. С.483).

[6] Елизавета Трофимовна Шипова, кучинская домохозяйка Белого.

[7] Подразумеваются идеологические споры между Герценом и Белинским осенью 1839 г., описанные в «Былом и думах» (ч.4, гл.XXV). См.: Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. М., 1956. Т.9. С.22-23, 27-28.

[8] Образ из сонета А.С.Пушкина «Поэту» («Поэт! не дорожи любовию народной...», 1830): «Ты им доволен ли, взыскательный художник?»

[9] Имеется в виду деятельность писателя и журналиста Фаддея Венедиктовича Булгарина (1789–1859) как негласного осведомителя III Отделения и автора пасквилей на Пушкина, носивших характер политических доносов. См.: Модзалевский Б.Л. Пушкин под тайным надзором. [Л.], 1925. С.74-76.

[10] Слова восходят к книге Ф.Энгельса «Анти-Дюринг». Говоря о том, что только при социализме «люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю», Энгельс подчеркивает, что это и есть «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т.20. С.295).

[11] Сифонофора – морское кишечнополостное животное, живущее свободно плавающими колониями.

[12] Интерпретацию этого символического образа, определяющего в антропософии один из путей демонического соблазна, начало разложения и хаоса, см. в книге Белого «Воспоминания о Штейнере» (Paris, 1982. С.140-143).

[13] «Непобедимая Армада» – крупный военный флот (130 больших и 30 малых судов), созданный в 1588 г. Испанией для завоевания Англии; потерпел сильный урон в столкновениях с английским флотом, а также от шторма (погибло 75 кораблей).

[14] Речь идет о работе, о которой Белый сообщает в записях за сентябрь 1929 г. (рукопись ее не выявлена): «Весь месяц прошел <...> в “*Мыслях о Символизме*”. Эти “*Мысли о Символизме*” начал было записывать в Каджорах, продолжив в Тифлисе; и в Кучине настолько увлекся ими, что они грозили оттеснить “*Москву*”» (*РД*. Л.146. Ср. примеч.33 к п.229).

[15] Возможно, намек на Нину Ивановну Петровскую (1879–1928), писательницу из круга символистов, имевшую профессию зубного врача (Петровская сообщает об этом в письме к Ю.И.Айхенвальду от 29 июня 1927 г. См.: Жизнь и смерть Нины Петровской / Публикация Э.Гарэтто // Минувшее: Исторический альманах. Вып.8. Paris, 1989. С.133-134). О взаимоотношениях Петровской с Андреем Белым и В.Я.Брюсовым в середине 1900-х гг. см.: Гречишкин С.С., Лавров А.В. Биографические источники романа Брюсова «Огненный Ангел» // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С.530-566.

[16] Эти утверждения были сформулированы в статьях Андрея Белого «Вишневый сад» (Весы. 1904. №2. С.45-48) и «Чехов» (Весы. 1904. №8. С.1-9).

[17] Г.И.Чулков, создатель философско-эстетической теории «мистического анархизма», с которой Белый резко полемизировал в 1906–1908 гг., выступил также как переводчик Мориса Метерлинка. См.: Метерлинк М. Двенадцать песен в переводе Георгия Чулкова. СПб., 1905.

[18] Подразумевается, видимо, статья Брюсова «О “речи рабской”, в защиту поэзии» (Аполлон. 1910. №9. С.31-34), направленная против теургических концепций символизма. Эстетическая платформа акмеизма к тому времени еще не была выдвинута; к ней Брюсов, вопреки мнению Белого, отнесся весьма скептически (см. статью Брюсова «Новые течения в русской поэзии. Акмеизм». – Русская мысль. 1913. №4. Отд.III. С.134-142; Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924. Манифесты. Статьи. Рецензии. М., 1990. С.393-400).

[19] Заглавие статьи Белого – «Люди с “левым устремлением”» (Час. 1907. №10. 24 августа); вошла в его книгу «Арабески» (М., «Мусагет», 1911. С.335-341).

[20] Заглавие статьи Белого – «Нечто о мистике» (Труды и дни. 1912. №2. С.46-52).

[21] Подразумевается «берлинская редакция» воспоминаний Белого «Начало века» (1923) – расширенная версия его «Воспоминаний о Блоке» (Эпопея. №1-4. М.; Берлин, 1922–1923).

[22] В воспоминаниях «На рубеже двух столетий» Белый пишет о важной для него в университетские годы «проблеме ножниц» – между естествознанием и художественным мироощущением, «меж миром искусства и миром науки в попытке идеологического построения символизма» (Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989. С.377).

[23] «Уймитесь, волнения страсти» – первая строка романса М.И.Глинки «Сомнение» (1838) на слова Н.В.Кукольника. «Волнения страсти» – заглавие третьей части «четвертой симфонии» Белого «Кубок метелей» (1908).

[24] Цитата из стихотворения А.С.Пушкина «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834); заключительная строка: «В обитель дальную трудов и чистых нег».

[25] Роман Белого «Котик Летаев» и его продолжение «Крещеный китаец».

[26] Парафраз строк из стихотворения В.Я.Брюсова «В ответ» (1902): «Вперед, мечта, мой верный вол! <...> Я сам тружусь, и ты работай!» (Брюсов В. Собр. соч. В 7 т. М., 1973. Т.1. С.278).

[27] Белый читал книгу Иванова-Разумника «М.Е.Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. Часть 1-я. 1826–1868» (М., «Федерация», 1930) в мае 1930 г. (*РД*. Л.150). 21 августа 1930 г. Иванов-Разумник сообщал Д.М.Пинесу, что «подписал договор с Изд<ательством> Писателей на книгу “Неизданный Щедрин” (12 печ. л.)» (*РГАЛИ*. Ф.391. Оп.1. Ед.хр.119).

[28] Эту ситуацию (лето 1930 г.) П.Н.Зайцев описывает в своих воспоминаниях о Белом: «Развернулась партийная “чистка” во всех советских учреждениях. Коснулась она и беспартийных служащих. <...> В связи с чисткой усилилась роль органов безопасности и увеличились репрессии против инакомыслящих. Росло количество концентрационных лагерей на Севере и в Сибири <...>» (Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.98); «Чистили в этом году и меня. И “вычистили” из издательства ВЦСПС» (*Минувшее 14*. С.496).

[29] А.С.Петровский; в 1930 г. служил главным библиотекарем в Библиотеке СССР им. Ленина.

[30] Первая строка стихотворения В.Я.Брюсова (1896). См.: Брюсов В. Собр. соч. В 7 т. Т.1. С.121.

[31] См. примеч.6 к п.123.

[32] Подразумеваются главки «Валерий Брюсов», «Знакомство с Брюсовым», «Чудак, педагог, делец», входящие во 2-ю главу мемуаров «Начало века».

[33] Имеется в виду книга, подаренная Ивановым-Разумником: Аполлон Григорьев. Воспоминания / Редакция, введение и комментарии Иванова-Разумника. М.; Л., «Academia», 1930.

[34] Белый и К.Н.Васильева выехали из Судака в Феодосию 19 сентября 1930 г., 24 сентября прибыли в Москву, а 25-го возвратились в Кучино. См.: *Минувшее 14*. С.498.

[35] А.Н.Толстой и В.Я.Шишков тогда постоянно проживали в Детском Селе и общались семьями с Ивановым-Разумником. 8 сентября 1930 г. Белый писал П.Н.Зайцеву из Судака: «Одно время навещали нас Алексей Толстой и Вячеслав Шишков; и мы вместе отдыхали от жары вечерами на нашей террасе; с ними было неожиданно легко, интересно и просто» (*Минувшее 14*. С.496). См. также письмо Толстого и Шишкова к Белому, отправленное из Феодосии 21 августа 1930 г., с благодарностью «за дружеские часы в Судаке» (Там же. С.498).

233. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
1 ноября 1930 г. Кучино.

Кучино, 1-ое ноября.

Дорогой, глубоколюбимый друг,

Только несколько слов: спасибо, спасибо Вам за сердечную память, за телеграмму[1]; а только – зачем? И раззор, и нерадостно вовсе за плечи спихнуть полстолетия[2].

Мое рождение падает на отвратительное время: 26-27 октября (нового стиля) угощают всегда роем маленьких гадостей – от пакостной погоды до пакостной простудишки. До декабря – какой-то ухаб; и остается утешаться, что эта всегдашняя яма в году падает на прохождение из Скорпиона в Стрельца; Скорпион жалит в спину; Стрелец – разит в грудь. Так что день рождения всегда омрачен: октябрьским туманом, да и туманом сознания.

Милый друг, – из письма Д.М.[3] знаю, что у Вас работа с подготовкой к изданию 10 томов Блока в короткий срок[4]; и – не удивляюсь молчанию.

Хочется лишь напоследок просить Вас не сердиться: я, кажется, в письме к Вам из Судака «*намердихлюндил*», излив в письмо гриппик, судакскую беспрокую жару и недоумение, куда деваться, не прибавив, кажется, что мы не едем в Кахетию[5].

Уж простите, дорогой! Ходил, как в тумане!

Судак остался постылым впечатлением: только две недели порадовались морю; потом ухнули норд-осты; и 6 недель держало на 40°-45° Цельсия.

Под конец – не выдержали.

Дорогой, пока не кончу том «*Начала Века*», с которым открылось втрое больше возни, чем предполагал, вероятно, не буду писать: все часы разобраны. Когда кончу (к январю, в январе), тогда и облегчу свою душу настоящим письмом. Думаю наотдыхаться прочно: а то в 2 года – 4 тома: в среднем по 25 листов (минимум). Многовато; и я иногда настолько ощущаю отказ от письменного стола, что молю К.Н. пописать: ей диктую.

Несносно: 1) ответственность за каждый силуэт, 2) рой их 3) я открыл какую-то литературную фотографию: «Брюсов, пожалуйте: щелк... Готово». «Бальмон<т> – щелк: готово!» «Иванов – щелк: готово».

А ведь при щелке измериваю и взвешиваю – от «*морали*»: кого отенить, кого осветить; кого – «*ан фас*»; кого – «*ан труа кар*»*.

Надоело это идейно-морально-натурально-объективно-субъективное фотографирование; все равно, – не угодишь: никому.

Еще раз, дорогой друг, спасибо за память; и не дивитесь молчанию.

Остаюсь сердечно любящий Вас

Борис Бугаев.

Варваре Николаевне и Иночке, которая скоро вернется[6], глубочайший привет и сердечное расположение.

[1] Комментарий Иванова-Разумника: «Телеграмма ИР от 27 октября 1930 года, поздравлявшая АБ с пятидесятилетием его жизни» (Л.31об.). Текст телеграммы: «Горячие поздравления пожелания долгих лет славной работы. Ивановы» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.193).

[2] П.Н.Зайцев вспоминает об этой юбилейной дате Белого: «Он получил приветственные телеграммы от Мейерхольда и З.Н.Райх, М.М.Коренева и от меня. Я был в отъезде. Но юбилей его не праздновали. Было не до него. Шла чистка партии и всего советского аппарата» (*Минувшее 15*. С.285). См. также поздравительную телеграмму Белому от Б.Л.Пастернака (Из

* *en trois quarts (фр.) – в три четверти.*

переписки Бориса Пастернака с Андреем Белым / Вступ. статья, публикация и комментарии Е.В.Пастернак и Е.Б.Пастернака // *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.699).

[3] Д.М.Пинес.

[4] Осенью 1930 г. руководство «Издательства Писателей в Ленинграде» предложило Иванову-Разумнику составить план собрания сочинений А.Блока и редактировать его. В Собрании сочинений Блока в 12-ти томах (1932–1936) первые семь томов, вышедшие в свет в 1932–1933 гг., были подготовлены Ивановым-Разумником (при участии Д.М.Пинеса). В письме Д.М.Пинеса к Белому от 21 октября 1930 г. упоминается «работа (совместно с Р.В.) над *10-томным* собранием сочинений Блока, которое надо закончить в *десять* месяцев» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.246).

[5] См. п.232, примеч.3.

[6] И.Р.Иванова, получившая специальность судового радиста и работавшая в Балтийском судовом пароходстве, находилась тогда в морском рейсе.

234. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
2–10 января 1931 г. Кучино.

2-го января. 31 года. Кучино.

Дорогой, милый Разумник Васильевич, –

с Новым годом!

И прошибли же Вы меня своим письмом![1] У меня даже сердце упало. Дело в том, что мы говорили о Вас за чаем с К.Н. И каюсь, я сетовал на Вас: почти сердился (не в порядке зла, а в порядке досады на рой собственных мыслей о Вас, полных предвзятости, – опять-таки не в порядке «сериоза», а почти снов, наросших в молчании: иногда – молчание, что пыль оседающая: оседает механически, а в ней – бациллы гриппа)... К.Н. Вас отстаивала в том смысле, что развеивала мои думы о том, что, может быть, Вы на что-нибудь обиделись на меня. Как выяснилось: в это же время Елизавета Трофимовна в кухоньке думала: «Разумник Васильевич давно не писал Б.Н....»

И в это время почтальон подает Ваше письмо. Распечатываю, – читаю, не понимаю, потом ужасаюсь: «Бред, бред!» Что можно подумать? Только ужас: «Р.В. сошел с ума!» Читаю вслух: у К.Н. перекосилось лицо. Вдруг осеняет спасительная соломинка, что – «сон»; бросаю К.Н.: «Это сон», без веры, что оно так и есть; успокаивает почерк; у больных *не такой*.

И наконец – слава Богу: сон!

Вот как Вы подвели! Ведь так всериоз, что сумасшедшая мысль мелькнула: когда же Вы это были?

Ваше письмо вовремя рассеяло разные мысли; впрочем: через несколько дней, освободившись от работы, все равно Вам бы написал.

А все из чего?

Из нечеткости моего «больного» письма из Судака[2], когда писал Вам из температуры (был жар), измученности, крымского норд-оста, который терпеть не могу; и даже не помню содержания письма; помню, что оно было полно брюзжанья кислого; это было в конце августа. В эти числа решался вопрос, едем или не едем на Кавказ; и не помню в конце письма, извещал или не извещал Вас о неопределенности адреса и времени пребывания в Судаке.

Но после этого ряд неприятностей с рукописями до октября, попыхи, а потом навис срок подачи, т.е., из неприятностей – в усидчивую работу, которую сбросил с себя в сущности лишь третьего дня[3]. Хотел было Вам писать, спросить, что и как: рассказали Спасские, что безумно заняты Блоком (или Д.М. писал, уж – не помню)[4]. Почему думал, что сердитесь на меня? Потому что не помню, что написал Вам в письме, был, может быть, нечеток с адресами (ибо в те дни сам не знал, где очутимся), потому что Вы молчали о себе; и я не писал: я-то не писал от переутомления (под конец даже диктовал К.Н., – перо вываливалось, приливы, головные боли: едва доплелся до конца: ведь 2 томины один за другим!)[5]; и – началось: «Он думает, что он думает, что он думает?» Знаете эту психологию? И потом вдруг всплыло: все же я написал и из Судака, и из Кучина (в начале ноября)[6], а Вы не ответили: значит – обижены; а я ничем Вас не обижал. Значит: начал на Вас сетовать. А тут – письмо.

И значит: *надо все-таки изредка* хоть *открыткой перекликаться*.

А ведь интересный феномен у Вас со сном: Ваш сон – восприятие моих тревожных сетований о Вас и умиротворение моих тревог К.Н. Георгий Чулков – посторонняя ассоциация мыслей, заплывшая из «*Начала Века*» (хотя туда пока Чулков не попал, а думал о нем часто, вперебивку с думами о Вас). Все это Ваше подсознание восприняло, а сознание, или полусознание наштамповало свои поспешные резолюции: т.е. оно слышало «звон», но не дорасслышало, «откуда» он; и все суммировалось в сон, который – *субъекция*, но на недоощупанном реально грунте. В этом разрезе ужасные чепухи бывают, как со мною на днях. Вижу во сне: старичок, Николай Емельянович[7], которого ни разу не видал навеселе (ему уж 70 минуло), в буйно-пьяном виде с сапом и пыхом тщетно тщится[8] выжать каплю вина из пустого бараньего бурдюка, над которым он трудится. Рассказываю К.Н.: «Вот бессмыслица!» В этот же день слышу возглас Н.Е. за стеной: «А я видел во сне, что пью шампанское». Мы с К.Н. даже прыснули; хотелось крикнуть: «Не шампанское пили Вы, а из пустого бараньего бурдюка тщетно тщились пить».

Ну к чему такое праздное, пустое перекривленное ясновидение? В данную минуту меня интересует более всего керосин: получим ли керосин (вся жизнь на керосине: сгорела эл<ектрическая> станция); а ведь не увидишь про керосин; увидишь «праздно» сон о Н.Е.

Дорогой друг, на этих днях я вышел из забот о срочной работе; в сущности – отдыха не было с 6-го сентября 1929 года, когда полез в роман «Маски», который кончил 1-го июня, а уже с 15-16-го начал беспокойно возиться над «*Начало Века*»; кончил 18 декабря; и потом до января правил по ремингтону (надо было из 30 печ. листов выжать 4 печ. листа, чтоб для приличия было 26, а не столько). И вот: работа – змеиная кожа, которую сбросил; и оказалось: вся моя жизнь с 6-го сентября 29 года была лишь *кожа*: то, что вылезло из кожи, – достойно сожаления: больное, жалкое, растерявшее самую способность мыслить; с ужасом смотрю на себя: «Это ли я?» Так и вся наша жизнь: к-о-ж-а! А мы вкладываем в нее уйму беспроких усилий: все эти дни переживаю

...А «*оно*» –
Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя[9].

Нет, есть еще нечто, подобное звездинке над бессмысленным «*оно*»; и – отстоящее за 1000 световых годов; но этой звездинке не нужно ни «*оно*», ни души, делающей себе различные защитные кожи («Маски», «Начало Века»); «*оно*» еще не умеет лучом звездинки согреть свои опустошенные душевно пространства.

И переживаешь – немощь, хворь, усталость; и 16 месяцев воловьего, творческого труда стоят как праздные пыхи Николая Емельяновича, выжимающего из винного, бараньего бурдюка какие-то винные капли.

Дорогой друг, я несказанно радуюсь, что издание Блока попало, наконец, в надлежащие руки: давно пора! Редактирование «тетушки» несносно[10]; Медведев, все ж, – хлыщ[11]. Как ни трудно Вам, как ни завалены Вы, а я, читатель-любитель Блока, – радуюсь; и радуюсь, что Вы работаете с милым Д.М.Пинесом, которому шлю сердечный привет.

Я, вероятно, Вас неприятно задену стилем переработки материалов «Воспоминаний» в «Начале Века» (о Блоке). Но будучи связан в «воспоминаниях» тем, что рисую *малый отрезок* отношений (эпоха 904 и начала 905 года), что связан *субстанцией* памяти (родственниками, женой), я не могу взять *пленума*, а вынужден из *пленума* делать отбор; и поскольку в «Эпопее» отбором служит надгробная память[12], – в ней романтический перелет; борясь с этим перелетом, я в желании зарисовать *натуру* Блока впадаю в стиль натурализма поздних голландцев. Может быть, это – недолет: но вгоняли в «стиль»: желание показать, как было дело, полемика с мифом о «мистиках», нас, соблазнявших «*реалиста*», Блока; был же не реалист, а «на-ту-ра-ли-ст», любивший мистику «*Дамы-Любы*» и... «*пламезарную, не соленую с бледно-розовым жирком ветчину*»[13]; реализм в этой половине души Блока был больной: он – «*натурализм + химеризм*», деленные на два.

В ограниченных условиях письма боюсь, что романтическому «перелету» «*Воспоминаний*» противопоставляю я «недолет» голландской школы, рисующей зайцев кверх ногами.

Может быть, в третьей переделке попаду в цель. Так: в «Начале Века» считаю Брюсова удавшейся мне фигурой, а Блока – неудавшейся. Но было трудно: ведь Блока, «героя» «Воспоминаний», надо было вдвинуть в рой фигур, чтобы он не выпирал; и переработать, сообразуясь со стилем всей книги, рисующей этап: с 901-го к 905-му: от абстрактного «строя» – к конкретному «*рою*»; от абстрактных оценок к потрясенности сложностью человеческой личности.

Меня потрясавшее узнание о людях в 905 году: я не знаю, кто хорош, кто дурен, кто враг, кто друг, что – «симпатии», что – «антипатии». В книге нет «*друзей*» и «*врагов*», а «*друго-враги*». Лишь в следующем томе (который... будет ли написан?) дам я выход из антитезы, ибо в «*Начале Века*» рисуется картина утраты *зорь* 901 года; а выход к новому синтезу еще не показан.

От 901 к 905-ому – от тезы к антитезе; от 905 до 909 – жизнь в осознанной антитезе; от 909 к 912-ому – от антитезы к синтезу: эпоха от 912 до 915-го – жизнь в синтезе, теза которого 901-ый, вся глубина антитезы 907–908 года. В 26 печ. листов едва вогнался «*минимум материала*» к этому тому; но «Начало Века» взывает к продолжению; оно – первая часть ненаписанного, обрывается без точки, а на «тирэ»: «итак – следует –...». В этом смысле книга не цельна. Но внешне в пять раз проработаннее «На рубеже» (в смысле красок, рисующих «*рой*», линии силуэтов и т.д.). Книга удалась технически, стилистически и приведением фактов; удалась ли «*морально*» – не знаю; удалась ли «*концепцией целого*» – не знаю: и сомневаюсь. Во всяком случае писал с трудолюбием; и не «*халтурно*»; не как «*На рубеже*». Ту книгу прокатал в 2 месяца; эту выпиливал – 6 месяцев, да еще имея подспорьем черновые материалы.

Дорогой друг, – не опишешь моей жизни, ибо она была за эти полтора года каторжный и, может, не нужный труд; а немногие часы досуга нерадостные думы о том, где бы чего достать для поддержания самой скромной, небуржуазной жизни; изволь умственно работать в Кучине, когда вспыхивают вместо электричества темно-багровые «источники мрака», или лампочки в 30 свечей, равные по свету 1/5 обычной свечи; такова кучинская электрофикация; свечей же – нет; «*источники мрака*» уже так расстроили мне глаза, что полуслепой; если так будет продолжаться, то ослепну, и электр<ической> станции остается предъявить иск за то, что она меня своей «*электрофикацией*» лишает орудия производства, зрения; да и то: догорали последние лампочки; написал прошение о том, чтобы мне выдали лампочки, ибо работаю к сроку; выдали ордер; на вопрос, где по нему получить, барышня усмехнулась: «Попытайтесь на Сухаревке!» Для чего же ордер? Из ордера не струится источник света; на Сухаревке можно без ордера получить; но я Сухаревку ненавижу, да и мне нет времени нестись на Сухаревку... Вот вам и ордер! Вы спросите, почему не жгу лампы? Фитиль на исходе – раз; экономим керосин – два; керосин идет на отопление вечно мокрого угла; если его не сушишь, через 3 часа покроется слезой, будет нести в ноги; и загниют переплеты книг; керосин идет на осушку; кучинский домик сгнивает. Спросите, – почему нет ремонта? У моих стариков денег нет; и – боятся, что отберут дачу, если отремонтируют. Во всем Кучине панический ужас ремонта.

Вот Вам одна из забот вне трудов; натрудив глаза «*источником мрака*», бросаешься сушить угол!

Теперь «*источники мрака*» погасли, ибо сгорела станция; и нарочно: именно с этого момента из Кучина исчез керосин; надо бегать в Салтыковку – ловить момент, стоять в хвостах.

Я занят и полуболен. Елиз<авета> Троф<имовна> – в хвостах; и тоже полубольна; у Н.Е. грудная жаба; ему 70 лет. Итог – в Кучине не проживешь; это – вывод 2-х лет; люблю Кучино, а здоровье и силы не позволяют: сырь, холод, мрак... Мы с К.Н. сериозно задумываемся о переселении на юг (пока – между нами)...

Кучино. 10 января.

Дорогой друг, –

письмо оказалось недописанным. Прошло 8 дней; они были заняты беганьем по керосинным делам. Только сегодня получили керосин; и думается, потому, что 2 раза был у керосинщика и даже написал ему письмо, что имею намерение в случае продолжения керосинного безобразия отправиться в редакцию газеты «*Правда*» с просьбой

обратить внимание на *вредительство* в районе Салтыковка – Кучино (он жаловался на Реутово); как бы то ни было, – керосин появился[14]. Устал я в Кучине от головотяпств и вредительств; в учреждениях здесь густая смесь из мещанства и головотяпства. Как дело дойдет до поселкового Совета или кооператива, – покрываюсь холодной испариной...

Как конкретный курьез, который заодно хотел свезти в «*Правду*» (я сериозно решил было жаловаться на расстройство керосинного транспорта с момента исчезновения электричества), – как курьез приведу один факт. В позапрошлом году с меня взяли налог самообложения 27 рублей; в прошло<м> – 193 чуть не содрали, т.е. на 166 рублей увеличили. Я обратился к юрисконсульту «Федерации»; он обратился в Салтыковский Поселковый совет с просьбой мотивировать такой налог. И вот какой ответ был получен; привожу его; иные слова привожу начертанием, ибо их не разбираю.

Вот ответ:

«*Sприцы* (переписываю начертание) *кто платит подоходной н-о-ло-х у финспекторов и ичислым тык теримодим* (привожу начертание) *селхознологе 35% по 20 рублей ны едокы* (?!?) *с облжимои* (?!?) *сумы все члины ортелий и письтили робятиющ* (?!?) *на процытах и получимый Гонорар* (почему с большой?) *за даною книгу согласно справочник по самооб...* (не могу разобрать) *посылкон московаог. округы. Подписи А.В.Клыков и С.В.Своикин* (не ручаюсь за фамилию) *утверждон Вциком Нар. Ком....* (далее невпрочет)». И подпись председателя финансового отдела Поселкового Совета.

Вам, как любителю Щедрина, посылаю перл, который все-таки думаю послать в «Правду».

Но грустная сторона юмора, – 12 дней мы сидим в мраке, стоим в керосинных хвостах; мысль о керосине отстранила все прочие. А Клыков и Свойкин, который «*утверждон Вциком Нар. Ком.*», тем временем замышляют новый налог мне, – уж не в тысячу ли рублей, ибо для них «*члины ортелий и письтили*», робятиющ на процытах (прочитываю «*работающие на процентах*» – ?!?), очевидно – пушнина, за которой они охотятся.

Дорогой друг, все круто обрываю; надо же отправлять письмо.

С Новым Годом.

Остаюсь сердечно Вас любящий.

К.Н. шлет Вам привет. Мы с ней шлем привет и уважение Варв<аре> Никол<аевне>, Иночке и Дм<итрию> Мих<айловичу>.

Простите еще раз за это грустное письмо: болезнь и усталость после работы очевидно сказались на настроении.

[1] Текст полученного Белым письма Иванова-Разумника нам не известен. Комментарий Иванова-Разумника: «В письме от конца декабря 1930 года ИР сообщал АБ, что только что был у него в Кучине, что застал К.Н.Бугаеву (Васильеву) за рисованием акварелью, а АБ – в беседе с Георгием Чулковым; рассказ этот занимал страницы две письма» (Л.31об.).

[2] Имеется в виду п.232.

[3] В конце декабря 1930 г. Белый закончил работу над воспоминаниями «Начало века».

[4] Комментарий Иванова-Разумника: «С осени 1930 года ИР редактировал полное собрание сочинений А.А.Блока, в сотрудничестве с Д.М.Пинесом. До весны 1933 года вышло семь первых томов, заключающих в себе все поэтическое наследство А.А.Блока» (Л.31об.).

[5] Подразумеваются роман «Маски» и «Начало века».

[6] Имеется в виду п.233.

[7] Н.Е.Шипов, домохозяин Белого в Кучине.

[8] См. примеч.19 к п.141.

[9] Цитата из стихотворения Е.А.Баратынского «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...» (1840). К.Н.Бугаева приводит это стихотворение в записи, передающей интонационный рисунок чтения Белого (*Бугаева*. С.95-96).

43 Зак. 3782

[10] Имеется в виду М.А.Бекетова – тетка Блока и автор примечаний в издании «Письма Александра Блока к родным» ([т.I] – Л., «Academia», 1927).

[11] П.Н.Медведевым были подготовлены издания «Дневник Ал.Блока» (т.1-2. Изд-во Писателей в Ленинграде, 1928) и «Записные книжки Ал.Блока» (Л., «Прибой», 1930).

[12] Речь идет о «Воспоминаниях о Блоке» Белого, публиковавшихся в берлинском альманахе «Эпопея» в 1922–1923 гг.

[13] Обыгрывается цитата из письма А.Блока к матери от 26 апреля 1904 г.: «...принесли <...> молоко, чай, величину совершенно особого вкуса (бледно-заревую, с пламезарной оторочкой, нежную, не соленую, и мало копченую) и пр.» (Письма Александра Блока к родным. С.113). Белый приводит эту цитату в «Начале века», сопровождая ее примечанием, восходящим к пояснениям М.А.Бекетовой: «“Величиной” Блок в шутку называл ветчину» (*НВ*. С.367).

[14] Ср. свидетельство об этом случае, зафиксированное Г.И.Поляковым со слов К.Н.Бугаевой: «В Кучино учинил как-то большой шум в лавке из-за того, что отказывались отпустить необходимый для работы керосин, хотя было разрешение на это от соответствующих инстанций. Вышел из себя, махал руками, топал ногами, кричал на продавца. Последний жаловался впоследствии, что Бугаев хотел его избить палкой» (Андрей Белый: Посмертная диагностика гениальности, или Штрихи к портрету творческой личности / Публикация М.Л.Спивак // Минувшее: Исторический альманах. Вып.23. СПб., 1998. С.497).

235. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
12 марта 1931 г. Кучино

Кучино. 12 марта. 31 года[1].

Милый, дорогой Разумник Васильевич,

Простите, что не сразу ответил Вам: дела, как Монблан, – не впродох!

Спасибо сердечное за добрый зов и за книгу Пяста[2]; я, было, в январе чуть не оказался у Вас без предупреждения; были дни, что хоть шапку в охапку; и – вон: из дому; не приехал только потому, что я впал в 4-ый грипп, а К.Н. в 3-ий; у нас с ноября непрекращающиеся гриппы; теперь же, – именно в силу неоднократных попыток бежать из дому сложилось так, что спешно уезжаем в Тифлис, чтобы 1) отдохнуть от Кучина, 2) отдохнуть от сырости; тела наши ослабли; и московский климат стал *не про нас*: бросаемся в тифлисскую весну, к солнышку, к городу, к людям из сырого, распадающегося, ставшего мрачным Кучина; уже комнаты в Тифлисе сняты; и вопрос лишь в билетах.

За эти 4–5 месяцев у меня впечатление, что Кучино, 5 лет дававшее столько раздумья и осмысленных трудов, – катастрофически рухнуло. Во-первых: в Кучине исчезли продукты; пришлось таскать все из Москвы; даже К.Н. облеклась в мешок 19-го года (помните, – тот, который носили Вы); поезда опаздывают, набиты, в трамваях – мука; жить в Кучине стало технически тяжело. Номер два: здесь с меня так дерут пошлины и такая дичь, что жить стало неудобно; номер три: наши комнаты насквозь прогнили (перманентный грипп – от комнат: сжигаю 6 саженей дров; и – никакого проку); до января держались керосиновым отоплением; с января пропал керосин; 2 месяца боролся за право иметь керосин; наконец к отъезду – получил керосиновую бумажку[3]; а – то: керосинная очередь – до 400 человек (был такой период); 2 месяца сидели без электричества; так что: однажды сбежал в Москву от перспективы с 6-ти погрузиться в мрак и холод. Наконец: умер старичок, Н.Е.[4], на котором держался весь наш режим, как оказалось; без него Ел<изавета> Троф<имовна> – сошла с ума: стала «*злой ведьмой*»[5]; кроме всего: с ноября она вдруг стала исчезать из Кучина, бросая на нас дом: и таскать дрова, и топить, и варить, и работать, и расчищать снег, и не отлучаться; и вместо «*спасибо*» – несносный режим; а мы – больные, слабые, переутомленные.

Словом, с января до марта сумма всех нестерпимостей выгнала нас; сейчас едем в Тифлис, ибо он сух и «*южен*»; и едем оттого, что в Кучине *больше жить нельзя*.

Мечтали бы попасть к Вам и к Спасским, да – это роскошь: при нашей изможденности перед Тифлисом это лишний крюк; да и кроме того: чтобы уехать в Тифлис, я именно теперь не могу отлучиться из Москвы; так что, – кланяемся, благодарим, но

я откладываю отъезд до после Тифлиса; может быть, нагряну летом; а сейчас по линии наименьшего сопротивления угоняемся в обратную от Вас сторону (я получаю командировку в Грузию: пишу книгу «Советская Грузия»)[6]; знаете, – с «*Началом века*» – плохо: кажется, – книга не пройдет[7]. Зато «*Москва*» прошла[8].

Книгу Пяста читал с большим интересом: *хорошая книга*. И мне на руку: именно в эти месяцы много думал о стиховедении; и – даже: писал стихи (?!?); впрочем: всегда пишу стихи в *мрачные периоды* жизни[9]. Из Тифлиса напишу подробней; и тотчас дам адрес. А пока, – крепко обнимаю Вас, дорогой друг: *до летнего свидания*! К.Н. шлет Вам сердечный привет. Шлем сердечный привет и уважение Варваре Николаевне, Дмитрию Михайловичу и Иночке. Передайте от меня привет А.Н.Толстому.

[1] Ответ на письмо, в архиве Белого не сохранившееся.

[2] Имеется в виду кн.: Пяст Вл. Современное стиховедение. Ритмика. Изд-во Писателей в Ленинграде, 1931.

[3] Подразумевается талон на льготное получение керосина. 21 февраля 1931 г. Белый сообщал П.Н.Зайцеву в этой связи: «Нам на 2 недели дают 1/2 литра на человека» (*Минувшее 15*. С.286).

[4] Н.Е.Шипов скончался 21 января 1931 г. См.: *Минувшее 15*. С.285-286; Зайцев П.Н. Воспоминания об Андрее Белом // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.99.

[5] В тот же день К.Н.Васильева писала Иванову-Разумнику: «Были, право, минуты, когда казалось, что в Кучине дня нельзя оставаться. Ко всему еще: огромная жалость к несчастной старушке, превращающей себя в зверя. Так тяжело смотреть, и так ничем нельзя помочь. <...> Впрочем, милый Разумник Васильевич, Вы прекрасно понимаете, что все "кучинское" (и "сырость", и "керосин"... и т.д.) – только последняя капля» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24). П.Н.Зайцев, описывая в воспоминаниях о Белом свои посещения Кучина в феврале 1931 г., свидетельствует: «...я застал форменный разрыв дипломатических отношений между хозяйкой дома и Белым. Елизавета Трофимовна наговорила Борису Николаевичу грубостей, тот замолчал, перестал раскланиваться, словом, совсем прекратил общение с ней» (*Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.584). Вспоминая о жизни в Кучине и отношениях с домохозяйкой, К.Н.Бугаева отмечает: «Правда, к концу нашей кучинской жизни не все было гладко. Но причины недоразумений были ясны: нервное состояние и болезнь Е.Т., особенно после смерти ее мужа. Все же в памяти отложилось только хорошее. Мы прожили с ней шесть лет. И за все шесть лет – никогда никакой воркотни, ни одной жалобы на капризы, на неудобства, причиняемые ей Б.Н-чем» (*Бугаева*. С.214-215).

[6] Неосуществленный замысел. В тот же день Белый писал С.Д. и С.Г.Спасским: «...я взял командировку в Тифлис (К.Н. же как секретарь) и теперь спешно еду на Кавказ, отчего и не может состояться наш приезд к Вам» (Ново-Басманная, 19. М., 1990. С.649. Подготовка текста писем В.С.Спасской. Вступ. статья, примечания Н.Алексеева). П.Н.Зайцев свидетельствует, что Белый вел переговоры с заведующим ГИХЛ В.И.Соловьевым и Союзом писателей о творческой поездке на Кавказ с целью написания книги о Советской Грузии; соответствующие командировочные удостоверения были выданы Белому 26 февраля 1931 г. (*Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.584; *Минувшее 15*. С.287).

[7] В письме к Вяч.П.Полонскому от 3 ноября 1931 г. Белый сообщал, что печатание воспоминаний «Начало века», сданных в Гос. издательство художественной литературы (ГИХЛ) в начале 1931 г., было приостановлено в течение семи месяцев: «...я столько слышал о "*Н<ачале> В<ека>*" противоположного в "Гихле": "*Нецензурно, вполне цензурно, интересно, враждебно*!..." и т.д.» (*РГАЛИ*. Ф.1328. Оп.1. Ед.хр.39; см. также: Перспектива-87. Советская литература сегодня. Сб. статей. М., 1988. С.500. Публикация Т.В.Анчуговой).

[8] Договор на издание «Масок» (2-го тома «Москвы») был подписан Белым с издательством «Земля и Фабрика» 18 октября 1930 г. (*РНБ*. Ф.60. Ед.хр.3).

[9] В этот же день К.Н.Васильева писала Иванову-Разумнику: «Вопреки всему за последние два месяца Б.Н. упорно работал над стихами: переделка, – а в сущности писание заново. И составил I-й том будущего двухтомия; ко второму же дал полное оглавление и программу. Он добился чудес с расстановкой строк» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24). Составленная Белым поэтическая книга – «Зовы времен» (см.: *Стихотворения II*. С.143-351; *Стихотворения III*. С.433-440).

236. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
15 марта 1931 г. Кучино

15-ое марта. 31 года.

Дорогой, милый Разумник Васильевич,
вслед за отправленным Вам заказным письмом (из Кучина) шлю из Москвы спешной почтой[1] еще письмо с тайной надеждой, что оно перегонит заказное, ибо содержание его диаметрально противоположно только что отправленному письму.

С места в карьер – просьба, а уже потом – мотивация. Просьба: голубчик, скажите, положа руку на сердце, со всей честностью, – можете ли нам с Кл<авдией> Николаевной (и этот вопрос с еще большей горячностью заостряю к Варв<аре> Николаевне); итак – можете ли Вы дать нам с К.Н. приют в Детском, куда страшно хотели бы попасть тотчас после 30 марта (от 3-4 деньков, до – сколько позволит Вам и нам жизнь, Вам – дать убежище, нам – прожить в Детском), деля ночлег, может быть, со Спасскими[2]; конечно: и мне, и К.Н. хотелось бы больше всего центрироваться у Вас; пишу это с той дружеской прямотой, которая надеется, что на вопрос последует такой же честный ответ: «*Можно*», «*нельзя*».

В силу ряда вещей, о которых отчасти уже писал Вам, нам необходим отдых с переменой места (не пожить в Кучине от недели до двух было бы величайшим счастием, ибо с ноября – Кучино источник всех и физических, и моральных наших мук); вся моя поездка на Кавказ затеяна, как *начало ликвидации жизни в Кучине*.

Третьего дня писал Вам, что вынужден отказаться (с величайшим сожалением) от поездки в Детское, ибо и командировка, и, главное, задержанные в Тифлисе комнаты для нас вынуждали нас к скорейшему отъезду на Кавказ ввиду того, что нам задержали комнаты в Тифлисе, которые мы не хотели прозевать. И вот: при личном свидании объясню, в чем дело, но – независимо от нас сложилось вдруг так, что на Кавказ ехать (в Тифлис именно) сейчас – нельзя[3]; и стало быть – хлопоты, суматоха, спех отъезда, – все падает неожиданно до... лета ли, осени ли, – не знаю.

И стало быть: падают причины, удерживающие нас от поездки в Ленинград – Детское. Вместе с радостью Вас увидеть присоединяется необходимость отдохнуть от Кучина, с которым предстоит все равно ликвидировать; и у нас возник план, – нельзя ли соединить поездку в Детское с попыткой летом устроиться где-нибудь около Ленинграда, ибо сумлеваюсь, «*штоп*» летом уехал на юг, а в Кучине жить – мука; и даже – более того: где-то роится мысль о просто переезде из Кучина, – не в окрестность Москвы, а в окрестность Ленинграда, – *подчеркиваю*, если только обстоятельства жизни К.Н. ей позволят со мной поехать[4]; вне ее – никуда не уеду, ибо не мню себе жизни без нее.

Итак видите, дорогой друг, – кроме радости ближайшего будущего пожить с Вами, с Варв<арой> Ник<олаевной> и с К.Н. несколько дней у Вас, у меня всякие хотя и слабые надежды, но надежды, – на лето около Ленинграда, или да... и... о... зиме будущей. Но это – предмет уже наших разговоров в Детском, буде действительно мы Вас не стесним.

Итак, в первую голову пусть Варвара Никол<аевна>, как хозяйка, а с нею и Вы со всей простотой, чистосердечно скажете 1) можем ли мы рассчитывать побыть у Вас, 2) на какой срок, 3) что для этого нужно, 4) привозить ли продукты ли, карточки ли продовольственные и т.д. *Теперь все это крайне важно знать*. Мы можем приехать тотчас же после 30 марта (хоть 31-го выехать: разумеется, – вопрос билетов и т.д.); человек предполагает, а судьба располагает. Еще не могу перекоординировать своей психологии. Столько было усилий, чтобы 21 марта выехать в Тифлис, столько нависало дел, поездок в Москву, укладок, бумажек (вплоть до нотариуса), что работали над отъездом, как запаленные лошади; и вдруг, – поверт всех планов.

Между прочим: простите, дорогой друг, за суетливо-рассеянный, спешный тон письма моего (заказного); он обусловлен усталостью, спешкой, суетой и прочим, – что теперь отпадает; охотно приехали бы раньше 30-го, но лишь 28-го получим карточки (продовольственные); и кроме того: 30<-го> у К.Н. есть дело в Москве. А хоть 31-го готовы к отъезду.

Но ждем письма, что действительно не явимся гостями «*хуже татарина*»...

Просим очень Вас изложить все неудобства (а они не могут не быть) от нашего возможного приезда к Вам.

Крепко обнимаю Вас с тайной надеждой, действительности этого факта, а не «литературного выражения». Жду письма.

К.Н. просит передать Вам и Варваре Николаевне сердечный привет и то, что она присоединяется к моим вопросам.

Остаюсь любящий Вас

Борис Бугаев.

P.S. Варваре Николаевне и Иночке сердечный мой привет.

[1] На конверте помета: «Спешной почтой». Заказное письмо – п.235.

[2] Подразумевается ленинградская квартира С.Д. и С.Г.Спасских. Ср. письмо Белого к ним (аналогичного содержания) от 16 марта 1931 г. (Ново-Басманная, 19. М., 1990. С.651-652); в нем Белый, в частности, писал: «...наша поездка в лучшем случае откладывается до осени (и то, если будут деньги); и стало быть: падают механические препятствия к нашей поездке в Ленинград – Детское <...> Итак, если мы Вас не стесним, то мы приедем, чтобы прожить несколько дней у Вас и несколько дней у Р.В.» (С.651).

[3] В комментарии Иванов-Разумник поясняет, что писатель в данном случае «имеет в виду переданные ему слухи об отдельных случаях чумы в Тифлисе» (Л.32).

[4] Подразумевается, что К.Н.Васильева может быть связана уходом за пожилыми матерью и теткой.

237. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
22 марта 1931 г. Детское Село[1].

22 марта 1931. Детское Село.
Октябрьский бульвар, 32[2].

Дорогой друг Борис Николаевич, оба Ваши письма (и заказное, и спешное) получены, причем «спешное» не обогнало «заказного». Прочтя первое из них – мы огорчились, что не увидим Вас обоих, но порадовались, что Вы едете греться на Кавказ; получив вдогонку второе письмо – мы огорчились, что Ваши южные планы рухнули, но очень обрадовались, что зато повидаемся с Вами.

Есть и еще весьма солидный «резон», по которому Вам обоим необходимо приехать к нам. Дело в том, что Ваша кавказская поездка ни в малой мере не решила бы осенне-зимнего «кучинского вопроса»; а поездка сюда – как раз может оказаться решением его. Подробнее пока не пишу: приедете – сами увидите.

Вчера я дал Вам телеграмму (о том – что ждем обоих на все лето); замедлил ответом потому, что выяснял за это время целый ряд житейских вопросов. Из них – комнатный вопрос решен, как увидите, в высшей степени благополучно. Но есть вопросы еще «под вопросом». Так, например, я совершенно не в курсе дел – какие «карточки» Вам надо взять (или не взять) с собой, чтобы получить взамен их здесь? И т.п. Я думаю, что это Вы и у себя можете выяснить.

Одним словом: приезжайте вдвоем «всерьез и надолго». Ждем. Намеренно не пишу никаких подробностей, чтобы Вы все увидали по приезде своими собственными глазами и порадовались бы. Единственное, что напишу, – как нас найти. Надо ехать по бульвару (по направлению к Ку́зьмину); когда проедете поперечную Церковную улицу, то третьим домом по правой руке, рядом с пустырем, будет одноэтажный желто-розоватый «ампир» с колонками: сюда и надо держать путь.

Вот единственное нужное сведение. Остальное все увидите на месте. Разве еще одно: так как едете «всерьез и надолго», то захватите с собой и весенние и летние вещи, – вообще количеством багажа не стесняйтесь (его можно послать большой скоростью, застраховав).

Итак – начиная с 31 марта ждем каждое утро!

Крепко обнимаю – и страшно рады!

Любящий Вас Р.Иванов.

P.S. Милой Клавдии Николаевне – сердечный привет и спасибо за письмо. Вар<ара> Ник<олаевна> пишет ей сегодня[3].

[1] Ответ на п.235 и 236.

[2] Новый адрес Иванова-Разумника с октября 1929 г. (см. примеч.1 к п.230).

[3] Приводим недатированное письмо В.Н.Ивановой к К.Н.Васильевой (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.371):

Милая Клавдия Николаевна,

Разумник Васильевич уже написал Борису Николаевичу, что самое главное при настоящих условиях – помещение – для Вас есть, а я в свою очередь хочу добавить, что Ваш приезд с Бор<исом> Ник<олаевичем> ни в малейшей мере нас не может стеснить, и мы будем очень рады, если Вы поживете у нас как можно дольше. По-видимому, Вам судьба этой весною попасть в наши края и вместо Тифлиса пожить под Ленинградом, несмотря на скудость и убогость северной природы, у нас все-таки хорошо, а т<ак> к<ак> зима была морозной, лето ждут жаркое.

Итак, до скорого свидания, ждем Вас.

В.Иванова.

238. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
1 апреля 1931 г. Москва[1].

Дорогой друг, – ехали сперва 2-го апреля; неувязка с билетами; положили 4-го; конечно, – по этому поводу грипп (как в дорогу, – заболеваю); теперь силимся вырваться, начиная с вторника: 8-го апреля; 8-го, 9-го, 10-го выезжаем[2]. Надеемся зацепиться, прожить лето (сняв комнаты); еще более тайная надежда: авось за лето найдем что-нибудь нá зиму; но за вещами и с целью ликвидировать Кучино придется возвращаться в Москву – в мае ли, в июне ли, – так что: едем полу-налегке, чтобы пробыть до мая (минимум); а если где можно зацепиться временно, то и часть мая пробыли бы. С радостной надеждой скоро увидеться, обнимаю Вас; сердечный привет и уважение шлем с К.Н. Варваре Николаевне и Иночке. К.Н. шлет Вам сердечный привет. Остаюсь искренне любящий

Борис Бугаев[3].

[1] Открытка. Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 1.4.31; Детское Село. 3.4.31.

[2] 2 апреля Белый дал Иванову-Разумнику телеграмму: «Грипп билеты карточка задерживают. Собираемся уехать восьмого девятого Бугаев». Белый и К.Н.Васильева выехали из Москвы 9 апреля, прибыли в Детское Село на квартиру Иванова-Разумника 10 апреля.

[3] По приезде в Детское Село Белый писал П.Н.Зайцеву (14 апреля): «Устроились великолепно – так, как и не мечтали; комнаты великолепны; домик очарователен: с двором; тепло, главное сухо, нигде не дует; живем изолированно; купил дров; и – топим; вероятнее всего, что останемся и на лето <...> все складывается в смысле помещения так, что того, чего нет в Кучине и в Москве, мы нашли в Детском» (*Минувшее 15*. С.287-288). См. также письма Белого к Зайцеву от 19 и 22 апреля 1931 г. (Там же. С.290-296).

239. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
27 июня 1931 г. Москва.

27 июня. 31 года.

Дорогой друг
Разумник Васильевич,

пишу Вам несколько слов по Вашей просьбе; не буду многословен; подытожу результат этих дней и всяких мной предпринятых бегов[1] («*Гихл*», корректуры[2], дело о моих рукописях, письмо к Алексею Максимовичу Пешкову[3] и т.д.). Словом, с 24-го, по сегодняшний вечер – ни дна, ни покрышки: столько наросло забот (тут и ликвидация кучинского жилья, и ряд новых сложностей, и, кажется, новые придирки Салтыковского Сель-Совета, – впрочем, по словам других, – на который пришлось даже жаловаться сегодня в одном «присутственном месте», прося защитной бумаги, ибо мои квитанции налоговых сборов – в опечатанной комнате Зайцева, что мне пришлось

подчеркнуть). Но сквозь все, – радость, что вернулся в Москву (давно *пора*) и что хлопоты по делам – исход скопившейся энергии; сквозь все грустное – бодрость, энергия; а сегодняшний вечер переживаю почти как радость. И она – в том, что сегодня я был в том месте, куда рвался давно, и где имел разговор с одним ответственным лицом, могущим иметь касание к *участи моих бумаг*, и друзей (Кл<авдии> Ник<олаевны>, Петра Ник<олаевича> и т.д.)[4]. Наконец-то!

И – глубокое удовлетворение, что меня выслушали и что я мог не только сказать все, что думаю о деле, повлекшем недоразумение с бумагами, но даже мог излить душу: т.е. сказать все, что лежало на душе о Петр<е> Никол<аевиче> и Кл<авдии> Никол<аевне>. Буду еще туда телефонить и иметь второй разговор; я подал объяснительную бумагу; рукописи – вернут: но дело даже не в них, а тех деликатных мотивах, которые связаны с ними; впечатление мое и старушки Анны Алексеевны[5], что *очень хорошо, что я все сказал, что хотел*; дело делом, а мое посильное желание изложить свой взгляд на него лицам, имеющим касание к делу, – в свою очередь: примут во внимание мой взгляд, – не мое дело; но удовлетворение, что исполнил и гражданскую обязанность, и моральный долг (относительно *правды* и друзей). Меня выслушали вплоть до деталей, до вопроса о трудностях с жилищным вопросом, который теперь стоит в зависимости от судьбы Клавдии Николаевны; когда шел на разговор – волновался: позволят ли мне говорить в тех гранях, в каких я хотел; и впечатление от разговора – самое приятное; отнеслись *в-н-и-м-а-т-е-л-ь-н-о* к моим словам и к моей бумаге; что из этого последует, не знаю; но я – доволен[6].

Всем говорю (и в деловых местах, и при прописке), что постоянный мой адрес – Детское; дорогой друг, берегите нам до решения участи Кл<авдии> Ник<олаевны> помещение, ибо когда она освободится (в чем ни минуты не сомневаюсь), она вернется к себе, в Детское, ибо с Кучиным – ликвидировано; и я без Детского повис бы в воздухе без всякого пристанища; о ее жизни в Детском говорили со старушкой; пробуду в Москве до тех пор, пока не почувствую, что исчерпал свои возможности быть полезным; мое присутствие в Москве, наконец, просто нужно *для возможной дачи показаний*; но когда исчерпаю себя в Москве, если дело Кл<авдии> Ник<олаевны> затянется, приеду ожидать ее судьбы в Детское.

Еще раз спасибо за теплоту и ласку Вашу и Варв<ары> Николаевны – в трудные минуты. Авось и до скорого свидания. Остаюсь сердечно преданный и любящий

Борис Бугаев.

P.S. Привет и уважение Варв<аре> Ник<олаевне> и Иночке. Привет Шишковым[7]; кажется, Мих.Мих.Пришвин в Москве. Так мне сказали в «Гихле». Мейерхольды уезжают завтра; сегодня должен был ночевать у них; но устал: не пошел.

P.P.S. Мне очень уютно с моими старушками[8] (в тесноте, да не в обиде); Анна Алексевна бодра, почти весела; мы с ней ведем нежные разговоры о ее «*малютке*»!

[1] 23 июня Белый выехал из Детского Села в Москву, чтобы хлопотать за К.Н.Васильеву и ее родственников и друзей по Русскому антропософскому обществу. «После того, как взяли ее, – писал Белый П.Н.Зайцеву в Троицын день (31 мая) 1931 г., – сутки лежал трупом; но для *нее* в будущем надо быть твердым; и я... – возьму себя в руки» (*Минувшее 15*. С.299). К.Н.Васильева была арестована в Детском Селе 30 мая и отвезена в Москву, где к тому времени были арестованы ее муж, сестра (Е.Н.Кезельман), А.С.Петровский и другие близкие Белому люди из круга антропософов, а также П.Н.Зайцев. В ночь с 8 на 9 мая на московскую квартиру Васильевых явились агенты ОГПУ и забрали архив Белого (Белый узнал об этом от П.Н.Зайцева, специально приехавшего с этим известием в Детское Село). См.: Зайцев П.Н. Воспоминания об Андрее Белом // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.99-100; *Минувшее 15*. С.297--300. По позднейшему свидетельству К.Н.Бугаевой (Васильевой), Белый тогда «два дня находился в “убитом” состоянии, ничего не мог делать. На третий день пересилил себя и заставил работать» (Андрей Белый: Посмертная диагностика гениальности, или Штрихи к портрету творческой личности / Публикация М.Л.Спивак // Минувшее: Исторический альманах. Вып.23. СПб., 1998. С.498).

В надежде найти помощь и поддержку, Белый обратился с письмом к З.Н.Райх (рассчитывая, безусловно, на связи В.Э.Мейерхольда в «высших» сферах); письмо было отправлено – в двух, близких по тексту, вариантах – по двум адресам, московскому и дачному; приводим один из этих текстов (*РГАЛИ*. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.3674):

Детское. 8 июня <19>31 года.

Дорогая, глубокоуважаемая Зинаида Николаевна,

сижу у Раз<умника> Вас<ильевича>; пишу – Вам и Вс<еволоду> Эм<илиевичу>, – вот по какому поводу: 8 мая *заболели и уехали* Петр Ник<олаевич> Васильев (муж Кл<авдии> Ник<олаевны>) и Ел<ена> Ник<олаевна> (сестра Кл<авдии> Н<иколаевны>); *уехали почти все мои друзья*; а 30 мая явились к Раз<умнику> Вас<ильевичу> за моей милой Кл<авдией> Ник<олаевной>. Мать ее, старушка, Анна Алекс<еевна>, слаба (ей 70 лет); П.Н.Зайцев *тоже уехал* (все – в одно место); у меня увезли сундук с рукописями, книгами и всем, наработанным за 10 лет, стоявшим у Кл<авдии> Ник<олаевны>. Сейчас навожу справки, где К.Н. (куда ее повезли, в Ленинград или в Москву); нет ли у Вас, или у Вс<еволода> Эмил<иевича> возможности справиться, где Кл<авдия> Ник<олаевна>; я горю, как на медленном огне: ее судьбой; а должен пока сидеть в Детском, чтобы быть полезным друзьям; скоро я обращусь с требованием вернуть мне бумаги, но пока должен выдержать паузу и не слишком шевелиться; послал Горькому письмо; да чтó Горький! Просьба моя к Вам: если есть возможность помочь действием или советом старушке-матери, Анне Алексеевне, если Вы в Москве, зайдите к ней (Москва. Плющиха, д.53, кв.1. Подвал: Анна Алексеевна Алексеева); если у Вас есть знакомые, могущие справиться о судьбе К.Н. (невинна же она, бедняжка, – ни в чем нет вины!), обратитесь к ним. Пишу Вам на Москву, а копию шлю в Горенки.

Ведь К.Н. мне не жизнь, а – 1000 жизней! Я бы давно кинулся, но Раз<умник> Вас<ильевич> велит сидеть до точного узнания адреса К.Н. Я хотел бы быть свободным, чтобы сопровождать К.Н. туда, куда ее ушлют (если ей суждена участь невинно страдать). Почему ж меня не взяли?

Передайте Всевол<оду> Эмил<иевичу> это мое письмо к Вам: он же поймет меня, ибо он понимает, что значит жизнь свою полагать в жизнь близкой души.

Если буду в Москве, и если останусь на свободе, заеду к Вам: в Горенки, или нá дом. Мой адрес: Детское. Октябрьский бульвар, д.32. Кв<артира> Р.В.Иванова.

Остаюсь искренне уважающий и преданный

Борис Бугаев.

[2] Корректуры романа «Маски», печатавшегося в ГИХЛ'е.

[3] См. письмо Белого к М.Горькому от 17 мая 1931 г. с сообщением о изъятии своего архива (Минувшее: Исторический альманах. Вып.12. Paris, 1991. С.350-351. Публикация Дж.Мальмстада). 19 июня 1931 г. Горький писал Белому: «...я просил похлопотать по Вашему делу П.П.Крючкова и сегодня он сообщил мне, что все рукописи будут немедленно возвращены Вам...» (Крюкова А. М.Горький и Андрей Белый. Из истории творческих отношений // *Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.303).

[4] Петр Николаевич – Васильев, муж К.Н.Васильевой. Белый говорит об аудиенции у Я.С.Агранова, члена Коллегии и заведующего секретно-политическим отделом ОГПУ. Аудиенции предшествовало заявление Белого в Коллегию ОГПУ (Москва, 26 июня 1931 г.), в котором он ходатайствовал о возвращении конфискованных рукописей и пишущей машинки, а также хлопотал об арестованных друзьях (Минувшее: Исторический альманах. Вып.12. С.352-355). О тех надеждах, которые он возлагал на объяснения с руководством репрессивных органов, Белый писал З.Н.Райх из Детского Села 18 июня 1931 г.: «Мне хотелось бы лично видеться с цензорами; и им объяснить, где в моем множестве бумаг, дневников и лит<ературных> материалов *ответы* на их занимающие вопросы; или: мне хотелось бы кому-нибудь из видных партийцев лично передать это и многое другое; или чтобы кто-нибудь из друзей *это передал*, пока я сижу здесь, ожидая письма ехать, или устроил бы мне свидание с людьми, с которыми я по прибытии в Москву мог бы побеседовать. А то, – ведь не нахожу себе места уже скоро месяц: извелся! К.Н. мне дороже жизни, ни в чем невинна, а – страдает. Если бы ее постигло что-нибудь без вины и я не мог бы быть с ней, мне остается судьба... Есенина! Но я уповаю, что *грамотные люди* разберут степень недоразумения 1) с К.Н., 2) с моими друзьями» (*РГАЛИ*. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1160).

[5] А.А.Алексеева (1860–1942) – мать К.Н.Васильевой.

[6] О визите Белого к Я.С.Агранову ходатайствовал Мейерхольд, как явствует из письма Белого к нему от 4 сентября 1931 г.: «Пишу, во-первых, чтобы выразить Тебе и Зинаиде Николаевне нашу горячую благодарность с Клавдией Николаевной за ту сердечную помощь, которую Ты и Зинаида Николаевна нам оказали, ибо без Агранова я не мог бы, вероятно, надеяться на скорое освобождение К.Н., а путь к Агранову я нашел через Тебя: 27-го июня Агранов принял меня, позволил горячо, до конца высказаться, очень внимательно отнесся к моим словам, так что я вынес самое приятное впечатление от него <...> *никогда не забуду того сердечного отклика*, который я встретил у Тебя и Зинаиды Николаевны в самую горестную минуту жизни, ибо разлука с К.Н. есть самый тяжелый для меня крест» (*РГАЛИ*. Ф.998. Оп.1.

Ед.хр.1160). Ср. характеристику тех же обстоятельств в письме к П.Н.Зайцеву от 23 июля 1931 г.: «...трехнедельное сидение в Детском после ареста Клавдии Николаевны, а потом месячное метание по Москве – достаточная мука, несколько компенсирующая тот факт, что я, из всех "*без вины виноватых*" наиболее "*виноватый*", сижу на свободе; о чем я и говорил члену коллегии ОГПУ, т<оварищу> Агранову, в беседе с ним, стараясь в меру сил и разумения дать объяснение инциденту с арестами» (*Минувшее 15*. С.300). В письме к А.С.Петровскому (март 1932 г.) Белый отмечал: «Добился же, может быть, того, что и мой разговор (часовой) с А<грановым> способствовал отчасти освобождению К.Н.» (Новый журнал. Нью-Йорк. 1976. №122. С.162. Публикация Роджера Кийза).

[7] В.Я.Шишков, его жена Клавдия Михайловна и ее родители, жившие летом у Шишковых в Детском Селе, – Раиса Яковлевна и Михаил Иванович Шведовы. См.: Завалишина Н. Детскосельские встречи. Главы из воспоминаний // Звезда. 1976. №3. С.172-183.

[8] А.А.Алексеева и ее сестра Екатерина Алексеевна Королькова (1867–1941). Белый жил в это время вместе с ними (Плющиха, 53, кв.1).

240. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
3 или 4 июля 1931 г. Москва.

31 г. 3 июля.

Дорогой друг,

поздравьте меня с огромной радостью, переполняющей душу; 2 июля Клавдия Николаевна и Петр Николаевич к нам вернулись[1]. До сих пор хожу, как во сне; еще не могу сообразить; все кажется, что – сон. К.Н. помолодела, веселая, стриженая: хохочет; представьте: до своей болезни она казалась хрупкой, а сейчас меня радует; у меня есть надежда, что все хорошо; внеслась в сознание ясность вместо недоумений; предстоит еще много житейских хлопот (ликвидация Кучина, вопрос о сундуке, который мне надо перевезти, вопрос о *пока* невыезде); но мы *будем в Детском жить*; гораздо труднее с семейными делами (мать, Петр Ник<олаевич>); К.Н. поживет у матери; а потом, как это ни трудно, я ее беру, выхлопатываю ей уезд; ей пора отдохнуть в тихом Детском; но, пожалуй, раньше августа и не попасть в Детское. Тем бóльшая просьба: берегите нам комнату, ибо иначе мы будем без пристанища; К.Н. просто вредно теперь жить в Москве; и она сама рвется в тишину, деревню, отдых; ей хочется побыть со мной; да вот... мать!

[1] Не исключено, что, сообщая здесь дату освобождения К.Н.Васильевой и П.Н.Васильева, Белый ошибся: настоящее письмо (открытка), датированное 3-м июля, отправлено из Москвы 5 июля (дата на почтовом штемпеле), получено в Детском Селе 8 июля. В письме на имя И.В.Сталина от 31 августа 1931 г. Белый указывал: «Моя нынешняя жена, Клавдия Николаевна Бугаева (до "загса" со мною – Васильева) <...> 3-го июля освобождена, и дело о ней прекращено; но с нее взяли подписку о невыезде из Москвы до окончания дела бывших членов "Русского Антропософского Общества", заметив, что временное прикрепление есть просто "*формальность*"» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1976. №124. С.159). Ср. сообщение в письме Белого к В.Э.Мейерхольду от 4 сентября 1931 г.: «3-ьего июля вернулась домой К.Н. и Петр Николаевич Васильев» (*РГАЛИ*. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1160).

241. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
7 июля 1931 г. Детское Село[1].

7 июля 1931. Д. Село.

Дорогой друг Борис Николаевич,

вот уже две недели, как Вы уехали. За это время я только послал Анне Алексеевне (сердечный ей привет от нас) – открытку[2], от Вас получил срочное письмо, и вот пишу сегодня. Думаю, что все это время Вам было не до меня, оттого и не писал, хотя все время держал в мыслях Клавдию Николаевну и Вас. Бессознательные движения мысли у меня – бодрые и веселые; почему-то твердо надеялся на лучшее еще и до получения Вашего письма. А оно – еще больше подбодрило. 30/VI подумал: «уже ме-

сяц» – и решил, что скоро Клавдия Николаевна и Вы вернетесь в Детское Село. И летняя, и зимняя комнаты – в прежнем положении, летняя – на лето, зимняя – для зимы. Остается только приехать.

Думается, что Вы приехали в Москву в самый раз: и позже не следовало, и раньше вряд ли было бы плодотворно. Все, что Вы сообщаете, – утешительно, и хочу надеяться, что в ближайшем же <времени?>[*] сообщите нам еще более утешительные вести. <...>[**] – писем от Вас не жду; пишите открытки, и тех пока достаточно. Когда будете возвращаться – телеграммы не посылайте, не стоит, все равно комната ждет.

У нас за эти недели – без перемен, разве только, что наступает жара. Когда увидите Клавдию Николаевну – поцелуйте ей руку от меня и передайте от нас с Варв<арой> Ник<олаевной>, что «нахкур»[3] хорошо провести в нашем тенистом и тихом саду. Очень ждем, а думаем о Вас (и о вас) постоянно, надеясь на лучшее.

Крепко обнимаю, дорогой друг; рад за Ваше мужество и бодрость, и впредь того же желаю.

От всех нас всем вам горячий, сердечный привет.

Надеясь на скорую встречу

– искренно любящий Вас Р.Иванов.

P.S. А ремни для подушек оказались с самого верха верхнего ящика Вашего комода!

[1] Ответ на п.239.

[2] Это письмо Иванова-Разумника к А.А.Алексеевой нам неизвестно.

[3] Nachkuhr (*нем.*) – дополнительный курс лечения; отдых после курса лечения.

242. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
Между 5 и 10 июля 1931 г. Москва[1].

Дорогой Разумник Васильевич,

Вы уже знаете, что К.Н. и Петр Николаевич освобождены; о подробностях надеюсь сказать, когда мы с Кл<авдией> Ник<олаевной> вернемся, а это будет, когда 1) ликвидируются дела с Кучиным (вывоз вещей, сель-советские «ерунды»; т.е. рой хлопот), 2) когда выяснится мое положение в «Гихле»[2], 3) когда подписка о невыезде из Моск<овской> области для Кл<авдии> Ник<олаевны> будет заменена подпиской о невыезде из Детского, что по мнению компетентного лица из прокуратуры вполне возможно (но может и тут будет рой хлопот). Как только все это разрешится, едем к Вам, т.е., надеюсь, *к себе*, ибо вся ставка жизни на Детское: дорогой, милый, – берегите нам помещение у Сиповской[3]; переговорите с ней: до чего это важно нам и морально, и реально, ибо я без этого – беспризорный, а Кл<авдия> Ник<олаевна> будет поставлена в безвыходность с подпиской о невыезде из Детского, и без возможности жить в доме №32.

Если буду мало писать, – не обращайте внимания: столько хлопот, забот, беспокойств в ряде планов; держусь только внутренне; физически же сдал, а сил надо иметь много. Я еду с Кл<авдией> Ник<олаевной>; а ей, измученной, усталой и *там*, и здесь от людей, любопытств, расспросов, просто опасно и во внешнем и во внутреннем смысле быть с многими людьми[4]; будем и у Вас жить изолированно, тихо, молчаливо, высовываться к Шишковым, двум-трем, и прячась от любопытств. Ну да Вы и сами все поймете. Ну, обнимаю Вас.

Б.Б.

Привет сердечный Вашим от Кл<авдии> Ник<олаевны> и меня.

P.S. Когда вернемся к Вам, моя роль будет ролью изолятора Кл<авдии> Ник<олаевны>, которой надо остаться с собой, отоспаться и не навлечь подозрений, что она в контакте с «антропософами», ибо ее привлекательность чисто человеческая и сла-

---

[*] *Угол листа с текстом оторван.*

[**] *Угол листа с текстом оторван.*

бость к людям, боязнь их обидеть – главная причина печального события с ней; ее раздули вопреки ее желания и поставили в положение какого-то ответственного лица – дурь людей, сплетни о ней и безответственность людей, болтающих зря языками.

P.S. Скажите Соне[5], чтобы никаких касаний к Кл<авдии> Ник<олаевне> в круге ее знакомых не было: и не было б попыток ее увидеть. Чем меньше будут о ней говорить, тем лучше ей.

[1] Отправлено не по почте. На обороте письма – датировка: «8/VII»; на конверте – помета Иванова-Разумника: «Начало июля 1931 г.».

[2] Подразумевается издательское прохождение книг Белого «Маски» и «Начало века». 4 июня 1931 г. П.Н.Зайцев сообщал Белому (находясь в заключении; был арестован 27 мая): «“Начало века” сдают в печать первые 12 листов. Я прочитал все-таки корректуру верстки» (Музей-квартира Андрея Белого на Арбате).

[3] Елена Львовна Сиповская, вдова историка литературы В.В.Сиповского. В ее доме в Детском Селе (Октябрьский бульвар, 32) жил Иванов-Разумник с семьей, одну из комнат с апреля 1931 г. занимал Белый.

[4] Ср. письмо Белого к П.Н.Зайцеву от 23 июля 1931 г.: «...мы с К<лавдией> Н<иколаевной> самовысылаемся в Детское; и теперь эта жизнь в Детском – необходимость изменить режим жизни К<лавдии> Н<иколаевны> (не иметь большого контакта с антроп<ософской> средой); она дала такое обещание при выпуске на свободу; и я хлопочу ей изменить место прикрепления (Москву на Детское Село), после чего, в случае удачи, мы должны спешно покинуть Москву, что советуют опытные люди (Воронский, Санников и др.)» (*Минувшее 15*. С.301).

[5] С.Г.Спасская-Каплун.

243. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
12 июля 1931 г. Москва[1].

Дорогой, глубоколюбимый Разумник Васильевич,
спасибо за ласковое письмо. Клавдия Николаевна просит Вам передать сердечный привет, благодарность за память; просит передать, что она рвется «*домой*»; ибо теперь Детское Село ей «*дом*»; *мы с ней будем всегда и везде вместе теперь*. Но есть пока технические трудности с пропиской; мы с ней хлопочем о замене ей места жительства, и нет оснований полагать, что наши хлопоты не увенчаются; но у меня с ней и у меня лично есть и ряд других дел: с Кучиным, с «*Гихлом*»[2], и т.д.; и прикидывая взором необходимые хлопоты, вижу, что самая скорая возможность вернуться – не раньше 20-ых чисел июля; если будут зацепки, то и до августа. Настроение бодрое, но устаешь до чертиков. Вот причина редких писем; много приходится писать всяких бумаг. Мой сердечный привет и уважение Варваре Ник<олаевне>, Иночке и Вашим друзьям. От Кл<авдии> Ник<олаевны> – тоже.

Сердечно любящий Вас Борис Бугаев.

P.S. Анна Алексеевна благодарит за память и просит передать сердечный привет.

[1] Ответ на п.241.

[2] См. примеч.2 к п.242.

244. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
19 июля 1931 г. Москва.

Москва. 19 июля. 31 г.

Дорогой, глубоколюбимый друг
Разумник Васильевич,

Сердечное спасибо за ласковое письмо[1]; стремимся с *женой** (ибо Кл<авдия> Ник<олаевна> теперь развелась с П.Н. и мы зарегистрировались в Загсе)[2] – в Дет-

* О последнем не говорите знакомым; пусть само собой тихо это узнается: без оповещения; так лучше. (*Примечание Белого*).

ское: *домой*, ибо и у меня, и у нее нет пристанища; в Москве ей было бы и тяжело, и сложно вплоть до прежнего дома, да и надо пощадить Петра Николаевича, который выказал в этом сложном деликатном деле невероятную деликатность и благородство. Ему, как и ей, первое время после развода (ведь 22 года вместе прожили) было бы легче первый хотя бы год встречаться реже, чтобы потом привыкнуть нам троим к новому быту отношений; теперь же мы прикованы трое друг к другу на пространстве 15 шагов[3].

Из этого Вы видите, что значит для нас Детское; вне его все равно надо было бы уехать неизвестно куда, ибо в Москве и мне, и К.Н. жить невозможно. Между тем: К.Н. пока прикреплена к Москве, а хлопоты по замене прописки, принципиально не сложные, и вполне разрешимые, вследствие моей неопытности пока выразились лишь в 12-дневном повисании над телефонной трубкой без результата: без даже узнания, куда подавать давно написанное прошение; возможна проволочка и двух, и трех недель; в крайнем случае приеду хоть на 3-4 дня, если будет необходимость в жилищном отношении, чтобы мне с женой был обеспечен кров.

То же и дело о сундуке и машинке, принципиально решенное, 12 дней не разрешается ничем, ибо лицо, от которого я мог получить сундук, уехало в командировку, а его заместитель неуловим по телефону (то же 12 дней повисание над телефоном)[4]; от обоих дел зависят дела мои с Сельсоветом в Салтыковке, ибо квитанции от налогов запечатаны в комнате Зайцева[5]; случилось что-то роковое в смысле архитектоники судьбы. Сельсовет перепутал счета и навыдумал пени и налоги; документы, доказывающие, что я налоги уплатил, опечатаны; прошу защитить меня бумагой, а лица, к которому мог бы обратиться с прошением, не могу обрести; и пункт четвертый: дела с «Гихлом»[6]. Все при нормальном течении дел могло бы разрешиться в 3-4 дня; а разрешится ли в 3-4 недели?

Устал до... сердечных припадков и истощения физ<ических> сил: иногда от переутомления опускаются руки; и кажется, что я – инвалид. Помимо прочего просто жизненные узлы затянули; и форма затяга – сидение в Москве. Рассчитываю на Ваше доброе попечение и Сиповской в Детском, без чего есть от чего прийти в отчаяние.

Но не падаю духом. Надеюсь на все же скорое свидание. Мы с Кл<авдией> Ник<олаевной> шлем сердечный привет Вам и Варв<аре> Ник<олаевне> с Иночкой. К.Н. благодарит за хорошие слова о ней.

Остаюсь горячо любящий

Б.Бугаев.

P.S. Дорогой друг, разумеется, всемерно пользуйтесь комнатой![7]

[1] Подразумевается либо п.241, либо письмо, в архиве Белого не сохранившееся.

[2] Брак Белого с К.Н.Васильевой был зарегистрирован 18 июля. Белый писал П.Н.Зайцеву 23 июля: Клавдия Николаевна «теперь и внешне поручена мне, как жена (мы с ней и с Петр<ом> Ник<олаевичем> были в *Загсе* согласно уговору дружескому: он с ней развелся, а я – зарегистрировал наш "*брак*"); так выпрямилась кривизна отношений нас троих друг к другу в прямоту» (*Минувшее 15*. С.301). К.Н.Васильева была замужем за П.Н.Васильевым с 1910 г. 4 сентября 1931 г. Белый писал В.Э.Мейерхольду: «...самая незадача, случившаяся с К.Н., обернулась неожиданно в большую радость для меня, ибо мы стали мужем и женой (были в "*Загсе*"), так что наш "брудершафт" с шампанским в минуту отъезда Твоего был как бы радостным предчувствием не только освобождения К.Н., но и переменой судьбы» (*РГАЛИ*. Ф.998. Оп.1. Ед.хр.1160).

[3] О совместной жизни с П.Н.Васильевым после развода в московской квартире на Плющихе в июле-августе 1931 г. К.Н.Бугаева писала А.С.Петровскому 14 декабря 1931 г. из Детского Села: «...целый месяц перед отъездом сюда мы провели буквально втроем: он, Б.Н. и я. И воспоминание об этом месяце стало одним из самых светлых для нас троих. Только втроем нам и было хорошо. Мама в то время сильно бунтовала и не хотела принять Б.Н. в новой роли моего "мужа"... И тут Петя часто заступался за Б.Н., когда у них с мамой доходило до очень острых моментов» (*РНБ*. Ф.60. Ед.хр.120). О тех же обстоятельствах Белый писал Г.А.Санникову 27 июля 1931 г.: «К<лавдия> Н<иколаевна> стала моей женой, а должна жить в комнате с бывшим мужем, ибо деваться некуда; нам троим трудно, и мы ждем, чтобы наконец разрешилось это трудное положение нашим уездом в Детское, а уехать К.Н. – нельзя; корень трудности в старушке матери <...> а пока живем как на вулкане, – четверо на пространстве 10 шагов,

насильственно прикованные друг к другу до того момента, когда К.Н. будет разрешено ехать в Детское» (Санников Д. Каждому свой черед // Наше наследие. 1990. №5(17). С.91).

[4] Речь идет о конфискованных рукописях и пишущей машинке Белого. Как сообщал Белый в одном из писем к Г.А.Санникову, в результате энергичных хлопот сундук с архивом ему вернули, «но без ряда рукописей» (Там же).

[5] О местонахождении своих документов и рукописей, хранившихся у П.Н.Зайцева и оказавшихся вне досягаемости после его ареста, Белый спрашивал Зайцева в письме от 23 июля 1931 г.; см. также письмо Белого к жене Зайцева, Марии Сергеевне Зайцевой, датированное тем же днем, и адресованный ей «Списочек бумаг, необходимых Б.Н.Бугаеву, им отданных П.Н.Зайцеву, где-то у него хранящихся в запечатанной комнате, или переданных в другие руки» (*Минувшее 15*. С.301-302, 304-305).

[6] См. примеч.2 к п.242.

[7] Речь идет о комнате в Детском Селе, которую снимал Белый у Е.Л.Сиповской.

245. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
30 июля 1931 г. Москва.

Москва. 30 июля 31 года.

Милый, дорогой друг,
Разумник Васильевич,

спасибо за добрые, ласковые слова[1]; очень они успокаивают нас с Кл<авдией> Никол<аевной>; сейчас все наши думы о том, чтобы вернуться в Детское. Кл<авдии> Ник<олаевне> нужен покой, молчание, сосредоточенность и открепощенность от ряда старых знакомств; Детское – идеальное место для нее; Ваш круг знакомых – нисколько не нарушит ее жизни, ибо не отшельничества и монастыря она ищет, а перемены *атмосферы*; в Москве она неизбежно обстана бытом прежней жизни; и ужасно мучительно создавать ей искусственный – «изолятор» что ли, когда люди толкаются в двери; и не объяснишь, что ей тяжелы и не нужны, и вредны встречи с рядом людей: люди глупы; не понимают ее теперешней психологии[2]. Единственное препятствие в том, что она временно прикреплена; надеюсь, что хлопоты увенчаются все же результатом, ибо в сущности ее отъезд в Детское идет навстречу тому, чего от нее могут ждать; да и кроме того: нельзя же жену разъединять с мужем и вынуждать насильно жить в одной комнате с прежним мужем в условиях, где она опять окажется в обстании людей, могущих подать повод к недолжным думам о ней. Ведь если с Детским не выгорит, для меня – крах: и моральный, и материальный, ибо ***все равно из Москвы мы уедем***; кроме того: я законтрактовался срочной работой[3]; и уезд в провинцию для меня – зарез работы: мне нужны и библиотеки, и литература; все это дает Детское. Так что, – без Детского не проживем. Но если бы на днях разрешились мои хлопоты за нее, до 4-го августа все еще не можем выехать, ибо 4-го у меня еще дела с «*Гихлом*», которые в общем недурно наладились; надеюсь, что после 4-го скоро вернемся в Детское. К.Н. сердечно благодарит за ласку Варв<ару> Ник<олаевну> и шлет Вам привет. Передайте и мой привет и уважение Варваре Николаевне и Иночке.

Крепко обнимаю Вас; остаюсь любящий Вас

Б.Бугаев.

[1] Ответ на письмо Иванова-Разумника, в архиве Белого не сохранившееся.

[2] См. примеч.4 к п.242. В начале сентября 1931 г. Белый писал П.Н.Зайцеву из Москвы: «С большой грустью уезжаем, не дождавшись судьбы друзей, ибо 1) если вовремя не будем в Детском, пропадают помещения, 2) ***К<лавдию> Н<иколаевну> надо изолировать от Москвы***, где ей сейчас быть просто ***рискованно*** (посещения!!)» (*Минувшее 15*. С.306).

[3] Подразумевается намеченная работа над книгой о Гоголе. Договор с ГИХЛ на «книгу о творчестве Гоголя» объемом 12 печ. л. Белый заключил 8 августа 1931 г. с обязательством представить рукопись к 1 марта 1932 г.; 13 июля 1932 г. Белый перезаключил договор с ГИХЛ на сданную рукопись книги «Творчество Гоголя» объемом 22 печ. л. (*РНБ*. Ф.60. Ед.хр.3).

246. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
7 или 8 августа 1931 г. Москва[1].

Дорогой, милый друг, не пишу, потому что все в бегах и заботах; и сильно устал; думаем с К.Н. суметь приехать: или к 20 авг<уста>, или в первых числах сентября; если ей не удастся и в первых числах сентября, то *еду один*; если бы мне нужно было ехать ранее в Детское, напишите: скрепя сердце и бросив в Москве К.Н., где она сидит без пристанища, в сущности, приеду в Детское. Наше с ней решение твердое, – в Москве не остаться. И потому-то вся надежда на Детское Село и на то, чтобы скорей оказаться на месте, которое стало нам теперь единственным пристанищем. О том же с бо́льшими подробностями пишу Д.М.[2] Надеюсь все же, до скорого свидания; обнимаю Вас. Наш с К.Н. сердечный привет Вам, Варв<аре> Ник<олаевне>, Иночке. Обнимаю Вас и целую.

Б.Бугаев.

[1] Датируется по связи с п.247 и по штемпелю получения: Детское Село. 11.8.31.

[2] Это письмо Белого к Д.М.Пинесу нам неизвестно. Ср. письмо Пинеса к Белому от 13 августа 1931 г. – в ответ на его открытку от 9 августа: «Вы, вероятно, получили за это время мои письма от 7 и 9 августа и знаете, что никаких комнатных угроз в Д<етском> С<еле> – нет, – на всякий случай еще раз подтверждаю это» (*РГАЛИ*. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.246).

247. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
9 августа 1931 г. Москва[1].

Москва. 9 августа 31 г.

Дорогой, милый Разумник Васильевич,

лишь теперь могу условно определить дни возможного нашего приезда; если дела пойдут так, как нас известили, то между 15-ым и 20-ым августом сможем с К.Н. вернуться в Детское, а, может быть, это случится и после 20-го (между 20-ым и 25-ым). Если бы паче чаяния для К.Н. опять вышли бы трудности, то приеду один. Но на этот раз надеюсь, что вернемся вместе; и – прочно. Дорогой друг, как хотелось бы поскорей Вас увидать; мне кажется, что прошла целая вечность после нашего последнего разговора. Вот и лето проходит. Мой сердечный привет Варваре Николаевне и Иночке. Пишу очень мало: надеюсь, что скоро увидимся. К.Н. шлет Вам, Варв<аре> Ник<олаевне> и Иночке сердечный привет.

Остаюсь сердечно любящий Б.Бугаев.

[1] Открытка; почтовые штемпели: Москва. 10.8.31. Детское Село. 12.8.31.

248. В.Н.ИВАНОВА и ИВАНОВ-РАЗУМНИК – К.Н.БУГАЕВОЙ и АНДРЕЮ БЕЛОМУ*
15 августа 1931 г. Детское Село[1].

15 августа 1931.

Дорогие друзья, Клавдия Николаевна и Борис Николаевич, снова перед отъездом в город берусь за перо, чтобы еще и еще раз сказать Вам:

С комнатами (обеими) – вполне благополучно.

Если бы случились осложнения (которых не предвидится) и понадобился бы спешный приезд – немедленно и спешно же сообщу.

Так что остановка только за Вами, ибо комнаты тоже – остаются за Вами.

Ждем в любую минуту; извещать заблаговременно не стоит, телеграмма может прийти позднее Вас.

---

* *Весь текст (кроме подписи В.Н.Ивановой) – рукой Иванова-Разумника.*

Надеемся, что хлопоты Ваши подходят к концу и что во второй половине августа снова и радостно обнимем Вас.

Искренно любящие Вас В.Иванова
Р.Иванов.

[1] Ответ на п.245-247.

249. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
17 августа 1931 г. Москва.

Москва. 17 авг. 1931 г.

Дорогой, милый друг,
Разумник Васильевич,

Простите, что давно не писал; а не писал, потому что писать нечего; вот уже с месяц длится измучивающая безысходность; говорят: «Через 4-5 дней дело кончится»[1]. А недели идут за неделями и К.Н. пригвождена к месту, где ей теперь и трудно, и бессмысленно, а я тщетно тщусь[2] предпринять что-либо. Между «*завтра и неизвестно когда*» живу; а тут еще всякие заторы с «*Гихлом*»; заключен контракт на книгу, а денег не дают: таскаюсь зря[3].

С душевным стоном предвижу, что придется оставить К.Н. в Москве и ехать одному в Детское, – ибо надо же быть *дома*, хотя бы и для К.Н. в будущем. Проклятые формальности просто давят жизнь человеку. Моя жизнь многократно передавлена за эти два месяца; хотя бы в одном пункте: 8 лет не разлучались с К.Н., а теперь после *Загса* я вынужден для охраны ее будущего бросить ее в том месте, где ей тяжелее всего на свете. Как она рвется – в Детское, которое теперь ее дом!

Итак до первого сентября лишь жду ее; с первого – возвращаюсь (с ней ли, один ли, но – возвращаюсь), ибо терпению, всякому, есть предел; и нам с женой легче перемучиться вдали друг от друга, чем мучиться рядом, не имея возможности сказать два слова в перепереуплотненном пространстве с людьми, которым лучше разъехаться, а приходится, как рабам, *насильно выносить друг друга*. Тут есть какое-то издевательство судьбы![4]

Да, не буду!

Итак, – скоро увидимся, дорогой друг, и да будет так, чтобы к радости встречи с Вами примешалось горе разлуки с женой, ибо скажу откровенно: быть вдали от нее – нестерпимая боль мне. Обнимаю Вас крепко. До скорого.

Б.Бугаев.

P.S. К.Н. шлет сердечный привет Вам, Варв<аре> Ник<олаевне> и Иночке.

[1] Подразумевается ожидаемое получение разрешения на выезд К.Н.Васильевой из Москвы.

[2] См. примеч.19 к п.141.

[3] См. примеч.3 к п.245.

[4] См. п.244, примеч.3. 27 июля 1931 г. Белый писал Г.А.Санникову: «...у каждого трудность разыгрывается по-своему; у меня – расширением сердца; у К.Н. безмерной усталостью; у Петра Ник<олаевича> страшной нервностью. А конца “делу” не видать; и без разрешения К.Н. уехать можно месяцы просидеть в этом “психологическом аду”; и уже просто встает вопрос, будем ли живы. Но уповаю еще, что мы уедем-таки в Детское, и помещение не провалится. Но, ох, как трудно!» (Санников Д. Каждому свой черед // Наше наследие. 1990. №5(17). С.91).

250. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – В.Н.ИВАНОВОЙ и ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
19 августа 1931 г. Москва[1].

Москва.19 авг. 31 года.

Дорогие друзья, глубокоуважаемая Варвара Николаевна и Вы, милый хороший Разумник Васильевич, – спасибо от нас <с> Кл<авдией> Ник<олаевной> за ласковые

слова; как мы рвемся к Вам, а дела все еще пригвождают. Только на днях послал Вам скорой почтой письмо[2]. Нет никакой видимой надежды на разрешение наших хлопот: обещания, как мороки; К.Н. извелась, а я едва держусь на ногах. Еще раз крепкое спасибо от нас за добрые слова и ласку. Иночке наш сердечный привет.

Крепко Вас обнимаю. Борис Бугаев.

[1] Ответ на п.248.

[2] Имеется в виду п.249.

251. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
24 августа 1931 г. Ленинград.

24–VIII–1931.

Дорогой друг Борис Николаевич,
к Вашему сведению – сообщаю то, о чем мне рассказали москвичи: в «Метрополе»[1] принимается запись на жел<езно>-дор<ожные> билеты; в одной кассе – за 10 дней, в другой – за 10-30 дней до отъезда. Получение билетов без очереди.

Ждем к сентябрю. У нас – без перемен. Письма Ваши все получили. Сердечный привет от обоих нас Кл<авдии> Н<иколаевне> и Вам; обнимаю

Ваш Р.Иванов.

[1] Московская гостиница «Метрополь».

252. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
31 августа 1931 г. Москва.

Дорогой, милый Разумник Васильевич,

Наши дела кончены; и мы с Кл<авдией> Ник<олаевной> будем, вероятно, 6-го; все основания получить билеты есть; остаются лишь доложиться и докончить ряд маленьких дел (их все равно не кончишь, – столько их: и придется опять ехать месяца через два их заканчивать); пока же радуемся тому, что возвращаемся *домой* и скоро увидимся[1]. К.Н. сердечно приветствует Вас, Иночку и Варвару Николаевну. Сердечно обнимаю и остаюсь крепко любящий Вас

Б.Бугаев.

P.S. Спасибо за добрые, сердечные слова.

[1] Белый и К.Н.Бугаева выехали в Детское Село 6 сентября, прожили там до 30 декабря 1931 г. О жизни в Детском Селе Белый писал Г.А.Санникову 25 ноября 1931 г.: «Все, что касается нас с К<лавдией> Н<иколаевной> – мирно, благополучно; живем тихо: очень много работаем; К<лавдия> Н<иколаевна> помогает мне в работе над Гоголем <...> В Ленинграде почти не бываем; видим главным образом детскоселов, соседей Шишковых, Петрова-Водкина и нек<оторых> других; живется с Разумниками тихо и просто <...>» (Наше наследие. 1990. №5(17). С.92-93. Публикация Д.Санникова).

253. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
4 января 1932 г. Москва[1].

4 января 32 г.

Дорогой Разумник Васильевич,

Сейчас получил конверт, адресованный мне от Вас. И каково же было удивление, когда от Вас мне ни звука, а вместо письма Вашего мне – письмо, адресованное Вам. Первая мысль: Вы по ошибке вложили не тот листик; и стало быть: надо письмо к

Вам вернуть Вам. Но потом подумал, что, может быть, Вы адресовали письмо к Вам мне сознательно (хотя *странно*, что без сопроводительного пояснения); итак, – *вынужден был прочесть письмо М.М.Пришвина к Вам*, чтобы понять, в чем же суть его присылки мне. Единственно, что понял из письма: М.М.Пришвин собирается к Вам приехать. Единственно, что можем с женой ответить: мы до февраля в Москве[2]; стало быть: до февраля наша комната в распоряжении М.М.

К.Н. и я шлем привет и уважение Варв<аре> Ник<олаевне> и Вам.

Остаюсь искренне преданный Борис Бугаев.

P.S. Мне послали хвостик корректуры в Детское; покорная просьба: переслать; в «*Гихле*» просили об этом[3].

[1] Белый и К.Н.Бугаева возвратились в Москву 31 декабря 1931 г.; главной причиной отъезда из Детского Села стали изменившиеся условия жизни. В недатированном письме к Е.Н.Кезельман (осень 1931 г.) Белый сообщал: «...дом, в котором живем, продается, комната, в которой живем и которая предназначалась нам, – лишь до 15 ноября; а далее будем тесниться в квартире Р.В.» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1976. №124. С.163. Публикация Роджера Кийза). Во второй половине декабря 1931 г. Белый писал А.С.Петровскому: «...пока устроились очень сносно у Разумн<ика> Вас<ильевича>. Комнатой очень довольны, но на днях придется переменить ее на более неудобную (у Разумника же) <...> на днях дом продается, и мы все поступаем к новому хозяину, который по закону не имеет права нас выселить *до апреля* и обязан нам предоставить жил-площадь <...> забот предстоит много; мы не знаем, где очутимся» (Там же. 1976. №122. С.158. Публикация Роджера Кийза).

[2] Белый и К.Н.Бугаева оставались в Москве до 20 марта.

[3] Речь идет, по всей вероятности, о корректуре романа «Маски».

254. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
7 января 1932 г. Детское Село[1].

7 января 1932 г. Д. Село.

Дорогой Борис Николаевич,

и на старуху бывает проруха, значит – тем паче не на старуху. Получил только что Вашу открытку от 4/I, хватился за письма – и к конфузу своему открыл, что письмо к Вам из Гихла – лежит у меня на столе, а письма ко мне от М.М.Пришвина – нет (ибо я по ошибке заслал его к Вам). Приношу извинения – и прилагаю Гихл'овское письмо, а письмо ко мне М.М.Пришвина – будьте добры, захватите с собой, чтобы вернуть мне[2].

Кстати сообщу, что за это время я послал Вам (т.е. собственно говоря – заклеил и приклеил марки, а отсылал Дм<итрий> Мих<айлович>) *три*[*] *заказных письма* со вложением ряда писем к Клавдии Николаевне и к Вам и *одну заказную бандероль* с корректурой[3]. Отправлял в тот самый день, когда получал. Надеюсь, что все получено?

Что касается письма ко мне М.М.Пришвина, то, кроме чистейшей ошибки, в пересылке его Вам нет ничего. М.М. действительно приедет к нам числа 10-го и пробудет с неделю, но устроится, как всегда, в моем кабинете, я же перейду на это время во вторую нашу комнату. Ваша комната будет необитаема до Вашего возвращения. Кстати сказать, в ней сегодня – всего 2° (а на дворе – 3° тепла, все течет). Дайте заранее знать, чтобы успеть вытопить ее к Вашему приезду.

Новостей у нас нет никаких, да оно и хорошо: point de nouvelles – bonnes nouvelles[**]. Как-то у Вас в Москве? Сердечно желаем Клавдии Николаевне и Вам всего лучшего в Новом Году (с которым, впрочем, я уже поздравил в первом же из писем). Как здоровье Анны Алексеевны?[4] Привет от нас и наилучшие пожелания. Всяких успехов и Вам в московских делах!

Ваш Р.Иванов.

P.S. Простите за мазню: тороплюсь на поезд.

---

[*] Сегодняшнее – ***четвертое***. (*Примечание Иванова-Разумника*).
[**] *Нет новостей – уже хорошие новости (фр.)*

44 Зак. 3782

[1] Ответ на п.253.

[2] Это письмо М.М.Пришвина в архиве Иванова-Разумника не сохранилось.

[3] Речь идет о корреспонденции, поступившей в Детское Село на имя Белого и К.Н.Бугаевой после их отъезда в Москву.

[4] А.А.Алексеева, мать К.Н.Бугаевой.

255. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
16 января 1932 г. Москва.

Москва. 16-го янв. 32 г.

Дорогой Разумник Васильевич,

Простите, что долго не писал. Нет ни минуточки времени; первую неделю бегал по Москве; ничего не набегал: знаете, – как расходящиеся на воде круги; зайдешь к нужному человеку, оказывается, что – четыре нужные «человеки»; зашел в корректурную, и вместо одной корректорши поговорил с 4-мя дамами, потеряв понимание, от какой же из них зависит судьба корректуры. То же – с полит-цензурой: вместо полит-цензорши – полит-цензор и цензорша, и теперь будет у меня заседание с ними[1]; а с «*Началом Века*» – мало выяснилось; то же – с пенсией: вместо Есениной – юрисконсульт «Федерации»[2]; вместо него – «Наркомсобес», где дело о пенсии поручено какому-то знакомому юрисконсульта; но знакомый юрисконсульта – уехал; и теперь предстоит «*Наркомсобес*», где я еще не был (вероятно, ходьбы с две недели); я не был, потому что заболел гриппом («грипп» у меня всегда – реакция физиологическая на невозможность морально справиться с количеством учреждений); заболев гриппом, на все махнул, уйдя в «Гоголя» и решив: пока не кончу стилистической главы[3], *никуда не пойду*, ибо не могу разрушать бегами, бесплодными, все-таки плодотворную работу; сегодня кончаю главу, завтра жду К.Н., возвращающуюся от сестры, а послезавтра, спрятав работу, начинаю *работать* в другом направлении, т.е. *утомительно бездельничать*, высиживая часами в учреждениях, толкаясь в трамваях и возвращаясь домой *трупом*.

Но по ходу того, что нужно сделать в Москве, вижу: раньше первых чисел февраля *и думать нечего* о возвращении. Телеграфирую за неделю; и очень, очень попрошу Александру Ефимовну[4] перед приездом нашим, – *очень-очень*, – несколько раз протопить, ибо холод – наша с К.Н. уязвимая пята; если не хватит дров, может быть, дадите взаймы (до приезда): пишу так, – не желая удручать Алекс<андру> Ефим<овну> хождением в сарай, где они спрятаны (да и сарай, небось, занесло снегом).

Теперь о переводе: деньги мне *очень нужны* (в Москве был ряд непредвиденных расходов, взносов; один – в *сто рублей*, – как я предвидел); главное: отосланный назад перевод ухнет куда-нибудь, особенно если из «*Гихла*»; хожу по «*Гихлу*» и думаю: «Как бы мне получить с "*Гихла*"»; в «*Гихле*» знают, что я в Москве: а машина механически вертится; и перевод мне, за что, не знаю, даже шлется в Детское; если он вернется в «*Гихл*» – в 3 месяца не получишь. Поэтому вторая просьба к Вам (уж простите); немедленно сделайте заявление, что меня нет в Детском *надолго* и что адрес мой: Москва, 21, Плющиха, д.53, кв.1 (Васильева). Простите, дорогой друг, что пишу в таком стиле «немедленно»; это значит: *до срока*. Страшно боюсь просто лишиться этих 496 рублей, ибо еще «пенсия» – журавль (когда-то будет), а деньги тают (и уже растаяли в *непредвиденных* и предвиденных расходах).

Пусть пошлют переводом.

Вот что значит аппарат: три раза обошел весь «*Гихл*», просидел там с 5 часов, а шлют... в Детское (если «*Гихл*», а больше – неоткуда).

Действительно ли это заявление? Попытаюсь завтра сходить к *Домкому*, если заверит доверенность Вам на получение, то прошу очень получить; в таком случае сохраните у себя.

Вы мне объяснили с письмом Пришвина[5], а то ничего не понимал; мне стыдно, что прочел письмо, но, не имея указаний, думал, что оно – для прочтения.

Все письма, пересланные Вами, получил.

Остаюсь искренне любящий Борис Бугаев.

Варваре Николаевне сердечный привет.

P.S. Сейчас удостоверил подпись на двух бумажках: 1) доверенность на получение Вам[6], 2) если бы этой доверенности было недостаточно, то покажите бумажку вторую: просьба о высылке мне переводом в Москву. Я так боюсь, что деньги в почтовых волокитах, или в недрах «Гихла», пропадут на *много месяцев*. Еще раз бесконечно простите, дорогой друг, за это обременение. До, все же, скорого (в начале февраля) свидания! Черкните мне, если еще что понадобится: может, – нотариальная доверенность?

[1] Речь идет о переговорах в ГИХЛ о книге воспоминаний «Начало века» – о правке текста, вызванной цензурными требованиями. В письме к В.П.Полонскому от 3 ноября 1931 г. Белый сообщал: «7 месяцев рукопись лежала зарезанной цензурой, пока В.И.Соловьев ее не передал другому цензору, нашедшему, что книга вполне цензурна, но требует ретушей» (Перспектива-87. Советская литература сегодня. Сб. статей. М., 1988. С.500. Публикация Т.В.Анчуговой). «Ретушами» текста Белый занимался в феврале–мае 1932 г.

[2] Эти хлопоты были связаны с тем, что 23 ноября 1931 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР назначил Белому персональную пенсию. Софья Андреевна Толстая-Есенина работала в Союзе писателей, Литературном музее, а также в Толстовском музее.

[3] Подразумевается работа над книгой «Мастерство Гоголя» – над главой 4-й («Стиль прозы Гоголя»).

[4] Александра Ефимовна Емельянова (1859? – середина 1930-х) работала прислугой у соседей Иванова-Разумника в доме на Колпинской ул. (д.20), помогала по хозяйству семье Иванова-Разумника. (Сообщено И.Р.Ивановой).

[5] См. п.254.

[6] К письму приложен заверенный в домоуправлении рукописный документ:

Доверенность

Доверяю получить присланную мне в Детское Село переводом денежную сумму в четыреста девяносто шесть (496) рублей Разумнику Васильевичу Иванову, проживающему в Детском Селе (Октябрьский бульвар, дом №32) ввиду того, что мой временный адрес до февраля – Москва, 21, Плющиха, д.53, кв.1 (доктора Васильева).

Борис Николаевич Бугаев (литературный псевдоним «Андрей Белый»).

Москва, 16 января. 1932 г.

Адрес: Москва. 21. Плющиха, д.53, кв.1.

Борис Николаевич Бугаев.

256. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
7 февраля 1932 г. Москва[1].

Дорогой Разумник Васильевич, на днях пишу Вам длинное письмо с рядом объяснений (и нашего молчания, между прочим, и многого). Сейчас ворох дел: груда корректур (проверочных), «*Гоголь*», дела с «*Нач<алом> Века*»[2], еще, и еще. Буду, *постараюсь*, на днях у Мейерхольдов, постараюсь поймать Яшвили[3].

Остаюсь искренне любящий Б.Бугаев.

Привет и уваж<ение> В.Н.

P.S. С «*Наркомсобесом*» устроилось[4].

[1] Ответ на неизвестное нам письмо Иванова-Разумника. Написано на лицевой стороне открытки, слева от адреса; на обороте – письмо К.Н.Бугаевой:

7 II <19>32. Москва.

Милый Разумник Васильевич! Спешу ответить на Ваше письмо: Мейерхольды здесь, и пробудут, вероятно, весь февраль и до марта. Б.Н. еще у них не был. То – прихварывал, а то – дела, которых много. Паоло Яшвили тоже в Москве и останется еще на неопределенное время. – Очень хорошо, что Вы не получили для нас дров, – не надо. Если даже и будут, то для нас не берите. У нас всякие перемены. О них пишу Д.М. Пока

все еще проекты. – Здоровье мамы лучше. Но все еще нет уверенности большой за будущее – нет. – Шлю сердечный привет В.Н., Вам и всем детскоселам. Всего, всего лучшего.

К.Б.

[2] Корректуры романа «Маски», работа над книгой «Мастерство Гоголя», исполнение издательских требований по тексту воспоминаний «Начало века». 18 февраля 1932 г. К.Н.Бугаева писала Иванову-Разумнику: «Дел – выше головы. Возможно, что будет 3-ья корректура “Масок”» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

[3] Неизвестное нам письмо Иванова-Разумника к Белому содержало вопросы, имевшие отношение к В.Э.Мейерхольду и Паоло Яшвили; 18 февраля 1932 г. К.Н.Бугаева писала Иванову-Разумнику: «Верно Вы не получили моей открытки, где извещала Вас (тотчас же) о Мейерхольде (февраль и начало марта в Москве) и о Яшвили (в Москве – на неопределенное время). Ни с тем, ни с другим Б.Н. не виделся» (Там же).

[4] Подразумевается устройство дел с оформлением пенсии (см. примеч.2 к п.255).

257. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
Между 18 и 21 февраля 1932 г. Москва[1].

Дорогой друг, Разумник Васильевич,
все эти дни переживаем с Вами то печальное, что узнали еще до Вашего письма (из письма Дм<итрия> Мих<айловича>)[2], именно, что Ваш огромный, более чем годовой труд пропал даром[3]; – что прибавить к этому? Остается опустить голову; но всю эту неделю жил под тяжелым впечатлением от этого известия, – в первую голову даже не за Вас (как ни больно, ни остро переживалась эта несправедливость), а за издание, за Блока; ведь, думаю, и для тетушки[4], и для Л.Д.Блок это – удар; ведь так знать биографию и все связанное с жизнью Блока, так его понимать, как Вы, – ведь второго такого редактора – не сыщешь! Ужасное культурное несчастие для... Блока; надеюсь, что у Вас сохранится сполна этот огромный труд; по возвращении в Детское, надеюсь, Вы позволите мне прочитать внимательно Ваши комментарии (а я-то все ждал, когда выйдут тома Блока, как праздника!).

Милый Разумник Васильевич, – прежде всего: то, что я далее пространно пишу, – уже Вам лапидарно писала К.Н. в открытке, *которую Вы не получили*; во-вторых: К.Н. писала еще Д.М. то же, в надежде, что он часто бывает в Детском и передаст Вам содержание письма (как и летом о квартире – помните?). И потому: то, что пишу сейчас, Вы бы узнали, как план, еще 10 дней раньше.

Теперь подхожу к наиболее деловому пункту письма, который меня волнует с первых же недель приезда в связи с Детским, нашим бытом и в связи... с Вами, дорогой Разумник Васильевич; и пока надо было все осмыслить, решить окончательно, шли недели, а мы не решались с Кл<авдией> Николаевной на окончательные шаги, пока судьба не показала прямо, как нам поступать; и теперь уже мы не властны поступить иначе; надо оформить лишь созревшее. И это – в связи с местом жительства.

С первых дней выяснилось: независимо от состояния теперешнего здоровья Анны Алексеевны[5], насколько она вообще слаба; и взывает к тому, чтобы ей был предоставлен покой; кроме того, сестре ее, тете Кл<авдии> Ник<олаевны>, *негде* жить без А.А. А тут – квартирный Дамоклов меч повис неожиданно над Долгим пер.[6] – сразу с двух сторон: *весь район при Девичьем Поле с весны аннексируется под военные учреждения*; *малые дома сносятся*; *большие забираются для нужд военных*; эту судьбу разделяет и д.53, т.е., *наш*. Все выселяются.

П.Н.Васильев, у которого больна жена и который теперь живет у жены, а в комнате, нам предоставленной, ***не живет*** (она ему только помеха), ожидая рождения ребенка, меняет *с весны же* свою комнату *в Долгом на помещение с женой*; и оказывается: *две старушки остаются брошенными* и в критическом положении; квартиры в Долгом *с весны не будет*.

И этим определяется и наше с К.Н. бытие.

Лично мы могли бы прожить где угодно и как угодно; но поскольку теперь *наше семейство 4 человека* (минимум), то нас не устроили бы и 2 комнаты, а не только одна (надо подумать и о Ел<ене> Ник<олаевне> в будущем и о Вл<адимире> Ник<ола-

евиче>)[7]. Перевозить А.А. в ее возрасте, с ее состоянием здоровья в Детское – куда, как? Это – отпадает.

План жизни в Детском зрел до событий летом; с тех пор изменилось все: твердость помещения в Детском и для нас *уплыла* (не говоря о том, что у нас же в Детском *нет ничего* инвентарного, и мы в зависимости от стула, стола и т.д.). *Стыдно пользоваться не своим*; в Москве и с этим пунктом благополучнее; не тащить же возможную здесь достать меблировку в Детское?

Видите, как все изменилось? Когда ставился вопрос о Детском, 1) были мы двое, 2) у К.Н. была в Москве комната, 3) с помещением в Детском было благополучно, 4) мы с К.Н. не были мужем и женой, 5) моим семейством (в смысле быта жизни) не было, как теперь, 4-5 членов, тесно переплетенные (не ставился вопрос о *квартирке*, а о комнате), 6) жил-площадь в Долгом пер. была тверда. И т.д.

Все радикально изменилось; а *главное*: все вдвое радикальнее стало с осени, когда мы уехали в Детское: т.е. 1) женитьба П.Н., 2) ожидание им ребенка, 3) болезнь его жены, 4) Анны Алексеевны, 5) невозможность ей жить в новом для нее семействе, и, главное: 6) *квартирный вопрос в Долгом*, 7) наконец: болезнь А.А. и необходимость ухода за ней.

Все это, вместе взятое, и было сложным сюрпризом для нас с первых дней появления в Москве, требовавшим от нас резолюции, так что узел моих дел даже отступил на второй план; он оказался пустяком в связи с узлом выяснения будущего *семьи*; и поскольку мы с К.Н. всецело с ней связаны, то мы уже не можем позволить себе роскоши не считаться с местожительством, квартирными заботами и т.д.

Но трудно было так сразу переорьентировать все планы, пока не стал представляться единственный выход: добиваться через Союз Писателей жил-площади при Союзе и отказаться от всех планов о продолжении нашей совместной жизни в Детском на предоставленной нам площади; т.е.: даже явись она, – *она нас не удовлетворит*; нам нужно минимум 3 комнаты, которые мы не сможем получить в теперешних условиях в Детском; а буде можно их получить, А.А. в ее возрасте, состоянии нельзя переехать; наконец: нельзя же жить в пустых стенах? В случае устройства в Москве, часть необходимого мы могли бы взять у А.А., раз она будет жить с нами[8].

Взвесив все, я вынужден был начать решительные хлопоты о предоставлении нам площади в Москве (в принципе писатели отнеслись по-*товарищески*)[9]; есть полная возможность к осени получить квартирку; лето же (с конца мая) *мы проводим у Ел<ены> Ник<олаевны> в Лебедяни* (до осени), ибо она остается одна и в неважном состоянии (сердце, ревматизм): М.А.Скрябина[10] вероятно получит возможность ехать к мужу; так что: мы возвращаемся в начале марта в Детское, с тем, увы, чтобы, взяв вещи и прожив с Вашего разрешения до начала мая (буде возможность есть), уехать в Москву же с вещами; и затем – в Лебедянь: до разрешения квартирного вопроса.

Стало быть: *падают для нас с К.Н. все наши детскосельские планы, о чем спешу Вас предупредить*; *я не мог этого сделать сразу, ибо надо было сперва распутать Гордиев узел с нашим квартирным самоопределением*; но вырешив принципиально, надо было тотчас же начать действовать в Москве: моя просьба уважена; и с этого момента я уже *не могу в Москве* хлопотать о жил-площади в Детском, аннулирующим самую возможность разрешить нам, Ан<не> Ал<ексеевне> и П.Н.Васильеву общий всем квартирный кризис.

———

Вот какие пертурбации произошли с нами; и этим определяется: невозможность нам говорить с Мейерхольдом, с Яшвили о *нас*, как участниках в жилищном плане, о котором шла речь[11]: нельзя добиваться места жительства в двух пунктах, из которых один (Детское) – все равно не устроит, а лишь создаст нам помехи к жизни в Москве, которая и удовлетворила бы нас (в теперешних условиях нашего, общего с А.А. быта). С Мейерхольдом я не виделся; был назначен вечер у него, но я заболел гриппом; был после у него, – не застал; говорили, что он пробудет в Москве до конца февраля[12]; говорить по телефону не мог: единственный телефон в моем районе (у Санникова)[13] был снят (меняли телефон), а Санников сам жил вне дома (с больным дифтеритом ребенком).

Что касается до Яшвили, то – вот его адрес: Москва, Кропоткинская набережная, д. №29, тел. 4-66-07 (весь особняк дан инженеру Авдееву, у которого Яшвили живет:

квартир – нет); я с ним виделся очень *мало*, полтора месяца назад; и до получения Вашего письма решил даже сам не идти к нему, ибо он даже не соблаговолил появиться у нас, хотя мы назначили день. Я не знаю, зачем Вам нужен адрес; если это в связи с квартирным вопросом, то – 1) что может он сделать (великолепный человек, но очень «*фразист*»: на словах – одно, на деле – *ничего*), ибо и в Тифлисе-то мы всегда обрезывались на словах Яшвили, а здесь, в Москве, – не представляю себе, чтобы у него были какие-либо возможности помочь (он исключительно по делам «*Гихла*»: проводит в «*Academia*» перевод Руставелли[14], печатает то, что очевидно в Тифлисе напечатать трудней); 2) я мог бы поговорить с ним о Детском, *выключая нас*, ибо наша квартирная орьентация – Москва; 3) очень не хотелось бы идти к нему, ибо он по отношению к нам с К.Н. поступил «наплевательски» (не по-дурному, а от присущего ему «легкомыслия», как и в раздаче невыполнимых обещаний). Но если надо, – пойду; *тогда напишите точно, что именно ему передать*.

Завтра утром постараюсь узнать о Мейерхольдах: здесь ли еще; и впишу в это письмо (пишу глубокой ночью) перед отправкой.

Работаю я, как вол; и сразу – во всех направлениях: бегаю в «*Гихл*», пишу «*Гоголя*»[15], который – все филиграннней, все медленней (кружево картинок, связанных из цитат); проверочные и полные ошибок корректуры «*Масок*», цензурная правка «Начала Века»[16]; одновременно: толкаю квартирный вопрос, лечу зубы (каждый день); словом: день – бега; ночь – работа; сплю, когда придется.

Оттого и мало писал Вам; и кроме всего: хотел написать о квартирном вопросе; но все *вырешали* с К.Н.: окончательно. Вырешилось лишь дней 7 назад, что – то, что пишу Вам, единственное, что нам осталось. (Это писала К.Н. Дм<итрию> Мих<айловичу> в Ленинград в надежде, что он передаст Вам).

Теперь: может быть (я не знаю Ваших планов), Вам неудобно нас продержать, так сказать, квартирантами? Скажите: если Вы остаетесь в доме и на лето и Вам нужно сдать комнату, найти компаньонов ввиду будущих жилищных планов, то – не стесняйтесь с нами; нам было бы важно сохранить комнату в Детском на март и апрель; если будет возможность, – на часть мая, не будет – уедем раньше. А лето мы в Детском не будем жить.

Дорогой друг, не мы подвели Вас (всех «нас» вместе), а «нас» с К.Н. жизнь поставила в неизбежность только Москвой разрешить общий всем квартирный кризис[17].

Вернемся в Детское не ранее 5-го марта и не позднее 7-8-го (в зависимости от билета); и вот тут убедительная просьба, – не знаю, к кому обратить ее; но того, кто топил бы нашу печку, мы конечно отблагодарили бы; дрова у нас с избытком; жалеть их – нечего; сырость для К.Н. убийственна: не столько холода мы боимся, сколько сырости (ведь в комнатах одеяла и другие просыреваемые вещи); не могла ли бы Александра Ефимовна[18] – топить нам печку *каждый день*, чтобы высушить ее. Конечно, устроило бы, если бы А<лександра> Еф<имовна> утрудила себя для нас; если на несколько дней опоздаем, – не беда: комната просушится (и Вам ведь будет уютнее с нашей *теплой* комнатой).

Дорогой друг, надеюсь, что Вы поможете тут нам; по-моему, комнату не мешало бы топить с 27 февраля; а то когда мы переехали в декабре, то, несмотря на тепло, дней 5 *была очень **неприятная** сырь*, которая лишь от «*печурки*» прошла.

Еще: ну разумеется, само собой, что Вы должны взять и следуемое за комнату, и следуемое Александре Ефимовне (не писал об этом, ибо это – само собой разумелось).

Простите, что пишу только о деловом; объяснение этому – взапых работаю и бегаю, и вижу людей; всем сердечный привет. Варваре Николаевне наш привет и уважение.

Остаюсь искренне любящий

Б.Бугаев.

От К.Н. сердечный привет.

[1] Ответ на неизвестное нам письмо Иванова-Разумника. Отправлено из Москвы 21 февраля 1932 г. (дата почтового штемпеля). 18 февраля К.Н.Бугаева сообщала Иванову-Разумнику: «Б.Н. пишет сегодня Вам подробное письмо» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

[2] Это письмо Д.М.Пинеса к Белому не выявлено.

[3] 18 февраля 1932 г. К.Н.Бугаева также писала Иванову-Разумнику: «Письмо Ваше очень огорчило нас. Столько работы – ни во что! Да, тут нужно много мужества» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24). Речь идет о решении руководства «Издательства Писателей в Ленинграде» печатать собрание сочинений А.Блока без подробного текстологического комментария, подготовленного Ивановым-Разумником. «...Это издание, – пишет Иванов-Разумник, – весною 1932 года было кастрировано: из него были вырезаны все уже набранные, а отчасти и отпечатанные фактические примечания мои (около 50 печатных листов), заключающие в себе до пяти тысяч неизвестных строк из черновиков стихотворений Блока» (Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк, 1953. С.82). Такое решение было принято по инициативе писателей Д.Лаврухина и М.Чумандрина, членов правления издательства. Как сообщает Иванов-Разумник, лишь десять экземпляров 1-го тома собрания сочинений Блока (1932) были отпечатаны «с приложением истории заключающихся в нем стихотворений» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.8). Подробнее об этой работе Иванова-Разумника см.: *ЛН*. Т.92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1981. Кн.2. С.382-383; Лавров А.В. О Блоке и Пушкине (Царском Селе). Письмо Иванова-Разумника к В.Д.Бонч-Бруевичу // Новое литературное обозрение. 1993. №4. С.143-150.

[4] М.А.Бекетова, тетка А.Блока и его биограф.

[5] А.А.Алексеева, мать К.Н.Бугаевой.

[6] Подразумевается дом на углу Плющихи и Долгого переулка, где жил Белый с К.Н.Бугаевой и ее родными; квартира находилась в подвальном помещении (д.53, кв.1). «В восемнадцатиметровой комнате стояли: рояль Клавдии Николаевны, его письменный стол, за шкафами – кровати. Окна были – у самого потолка» (Гаген-Торн Н.И. Воспоминания об Андрее Белом. Рукопись).

[7] Сестра и брат К.Н.Бугаевой – Е.Н.Кезельман (находившаяся в это время в ссылке в Лебедяни) и В.Н.Алексеев (ум. в 1938).

[8] Ср. аналогичные доводы в письме Белого к А.С.Петровскому (середина марта 1932 г.): «...ситуация сложилась так, что нам нужна квартирка, ибо П<етр> Ник<олаевич>, ожидая ребенка, должен менять свою комнату в Долгом, чтобы иметь возможность жить с женой, а Анна Алексеевна ослабела, что взывает к особым заботам; оставить двух старушек и Влад<имира> Ник<олаевича> <...> невозможно; из этого вытекает: нам с К.Н. жить вместе с А.А., т.е. искать квартиру в Москве» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1976. №122. С.160. Публикация Роджера Кийза).

[9] В январе 1932 г. Белый подал заявление в РЖСКТ о предоставлении ему жилплощади в Москве.

[10] Мария Александровна Скрябина (1901–1989) – дочь А.Н.Скрябина, жена актера и режиссера В.Н.Татаринова, драматическая актриса, состоявшая в труппе МХАТ 2-го; в 1932 г. жила вместе с Е.Н.Кезельман в ссылке в Лебедяни.

[11] См. п.256, примеч.3.

[12] 22 февраля 1931 г. К.Н.Бугаева писала Иванову-Разумнику: «До сих пор не могли узнать, будут ли Мейерхольды в Ленинграде. Три дня Б.Н. ходил безрезультатно на телефон» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24); 25 февраля сообщала ему же: «Наконец-то удалось дозвониться до Мейерхольдов. Они завтра уезжают в Ташкент и в Ленинграде не будут» (Там же).

[13] Григорий Александрович Санников (1899–1969) – поэт, дружески общался с Белым в конце 1920-х – начале 1930-х гг. См. публикацию писем Белого к Г.А.Санникову и мемуарных записей Санникова о Белом (Наше наследие. 1990. №5(17). С.91-98. Вступ. статья и публикация Д.Санникова. Комментарии В.Нехотина).

[14] См.: Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Поэма / Перевод с грузинского и предисловие К.Д.Бальмонта. М.; Л., «Academia», 1936. Ко времени пребывания Паоло Яшвили в Москве относятся его недатированное письмо к Белому и ответное письмо Белого от 5 февраля 1932 г. с приглашением его посетить (см.: Вопросы литературы. 1988. №4. С.279-280. Публикация Павла Нерлера).

[15] Исследование «Мастерство Гоголя», над которым Белый работал с августа 1931 г.

[16] Имеется в виду авторская доработка и правка воспоминаний с учетом цензорских и редакционных требований. В письме к Иванову-Разумнику от 25 февраля 1932 г. К.Н.Бугаева сообщала: «5-го/III Б.Н. сдает "Начало Века", просмотрев его (в течение этих дней)» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

[17] Белый не упоминает в письме еще одну, существенную причину отказа от дальнейшего проживания в Детском Селе – осложнений, обнаружившихся в ходе совместного проживания с Ивановым-Разумником во второй половине 1931 г. Моменты расхождения Белый вскрыл в черновом письме к Д.М.Пинесу (весна 1932 г.), цитируемом во вступительной статье (С.20-21).

[18] См. примеч.4 к п.255.

258. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
4 марта 1932 г. Москва.

Дорогой Разумник Васильевич, спешу написать 2 слова; не по своей вине – узел дел – вероятно, поедем 15-го (сейчас перерабатываю к сроку «*Начало Века*»); торопят с книгой, не сдав, не уеду[1]; кроме того, опять грипп (мой спутник по зиме)[2].

Твердо говорю: мы приедем *лишь за вещами*, так что в помещении не нуждаемся; поскольку будет возможность несколько дней переночевать – будем рады; одновременно просим приюта у Сони[3] на случай, если комната отойдет; в таком случае только просьба: сохранить где-нибудь вещи. Если же с 15-го еще можно в комнате пожить, собирая вещи (понадобится дня четыре на укладку, объяснение с фином и т.д.), то очень просим, чтобы она была теплая; мое здоровье совсем плохо.

Увы, так неожиданно кончилась жизнь в Детском. Здоровье Анны Алексеевны все в том же, внушающем опасения состоянии[4]. Простите, что так кратко пишу. Занят беспросветно.

Остаюсь любящий Б.Бугаев.

От нас с К.Н. сердечный привет и уважение В.Н. Кл<авдия> Ник<олаевна> приветствует Вас[5].

[1] См. примеч.16 к п.257.

[2] 12 марта 1932 г. К.Н.Бугаева писала Иванову-Разумнику: «У нас новое осложненье: бронхит у Б.Н. Сейчас ему лучше. Но третьего дня было 38,7. Билетов еще не брали. Все же при первой возможности думаем выехать. Комнатой нашей располагайте, как Вам нужно» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

[3] С.Г.Спасская-Каплун.

[4] В цитированном письме от 12 марта К.Н.Бугаева сообщала Иванову-Разумнику: «У нас весь дом полон больных: бронхит у мамы, тетя лежит с вывихнутой ногой, неудачно упала на улице. У меня – грипп. Не выхожу уже 5 дней»; 17 марта писала ему же: «Состояние мамы такое, что ее нельзя надолго оставить. Тетя тоже еще не выходит» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

[5] О дне приезда в Детское Село К.Н.Бугаева известила Иванова-Разумника 17 марта 1932 г., подтвердила дату в письме от 20 марта: «Билеты взяты на 22-ое, так что 23-го предполагаем быть в Детском, всего на несколько дней. Если можно, попросите Александру Ефимовну протопить хорошенько. Б.Н. после бронхита очень слаб и до сих пор кашляет» (Там же).

259. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
3 апреля 1932 г. Москва.

Москва 3 апреля.

Милый Разумник Васильевич! Пока пишу только деловое (на днях напишу о нас)[1]; теперь же – вот в чем дело: прочтите открытки П.Н.Зайцева ко мне; там он объясняет о бюро[2]. Очень важно при отправлении (если это возможно) багажей сделать заявление в «Бюро доставки» (московское) об отправляемом грузе и о нашем адресе, т.е. дать московский адрес (Москва 21. Плющиха 53, кв.1), чтобы этот адрес сообщили московскому бюро. Независимо от этого: непременно нам надо *переслать накладную*, чтобы мы тотчас передали ее московскому *Бюро доставок*; может быть, накладную пошлете спешной почтой? Дорогой друг, мне стыдно Вас утруждать, но, – что прикажете? Это будет последним утруждением; а мы очень беспокоимся; я потому прошу Вас прочесть открытки мне П.Н.Зайцева, что в них он сообщает, что нужно предпринять; я его видел лишь мельком на вокзале (он только завтра забежит к нам); и потому тороплюсь Вам написать; это *заявление* об отправке с нашим адресом упрощает получение вещей; но *накладную* надо переслать нам во всех случаях; и еще раз простите за эти лишние хлопоты Вам – из-за нас. К.Н. шлет сердечный привет Вам и В.Н. От меня В.Н. привет и уважение.

Остаюсь сердечно любящий Вас Б.Бугаев.

[1] Письмо написано по возвращении из Детского Села в Москву. В письме к П.Н.Зайцеву от 27 марта 1932 г. Белый просил встретить его и К.Н.Бугаеву утром 31 марта на вокзале (*Минувшее 15*. С.311).

[2] Эти открытки (полученные в Детском Селе после отъезда Белого), вероятно, не сохранились. Подразумеваются обстоятельства отправки по железной дороге и получения багажа – вещей Белого и К.Н.Бугаевой.

260. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
20 апреля 1932 г. Москва.

Москва. 20 апреля 32 г.

Милый, дорогой Разумник Васильевич,

сердечно простите, что на 2 Ваших письма не ответил[1]; причина: дневная, чаще всего необходимая беготня, «*плюс*» ночная, совершенно необходимая работа над Гоголем[2] просто лишала меня всякой возможности даже писать внятные письма; вероятно, сказываются: и утомление, и возраст, – уже не могу охватить все расслоняющиеся жизненные трудности. Пока живем в неопределенности; с квартирой неясно, и вряд ли до осени что-либо выяснится; выяснилось одно, что жилищное писат<ельское> товарищество имеет право и до 3-х лет квартиры не дать, но я, независимо от получения квартиры, обязан в 32-ом году выплатить 2300 (не менее) рублей[3]. Правда, – будет до 40 квартир; но... – я видел ящик с анкетами кандидатов на квартиры; и это достаточно, чтоб понять, какая будет давка и выбивание квартир из-под носа друг у друга; главное: ходят слухи, что квартиры где-то уже распределены: *кем-то кому-то*; и это создает тревогу, что... не получишь. Санников меня успокаивает, а я, как пессимист методологический (чтобы не разочароваться), скорей склонен видеть, что квартирная эпопея грозит многомесячными мучениями; и что... главным образом придется сидеть в Москве (как меченые люди в хвостах, получив номер, проводят дни не дома, а при хвосте); мы с К.Н. фатально стали в квартирный хвост (делаем взносы, осведомляемся), ибо положение наше, как бесквартирных, к осени станет критическим, поскольку комната Петру Николаевичу *необходима*[4] (не по его словам лишь, а по нашему разумению); и вот, даже Лебедянь, куда надо ехать, – проблема: можно ли будет ехать, когда, кому; все – terra incognita. «*Маски*» тоже где-то провали<ли>сь в производстве; о них ни слуха, ни духа! И вот, – кстати: перечисляя неопределенности, по дороге напомню. Голубчик, – *вещи-то мне* нужны до зарезу (все не зимние шапки, бумага для работы и ряд носильных вещей ведь в сундуках, которые в Детском); кроме того: чем дальше, тем, очевидно, с отправкой вещей технически трудней будет. Сегодня 20-е апреля, а из *Детского* нет известий о вещах. И я немного беспокоюсь; 25-го уезжает П.Н.Зайцев в командировку; а он такой милый технический помощник нам в таких вещах, как сношение с *бюро доставок*.

Напоминаю, дорогой, Вам: может быть, Лида[5], или кто из Ленинграда поможет Вам при отправке; очень стыдно, что Вас беспокою, и очень жалею, что послушался Вас, оставив вещи и не отправив их при себе: теперь бы мы давно их имели б. Еще, дорогой, – ведь в 3-х сундуках все наше бельевое и костюмное имущество; непременно запишите себе № накладной.

Простите, что пристаю: знаю, что, когда можно, вещи отправите; напоминаю на случай, если они *уже отправлены*, как знак, что мы не имеем никаких почтовых извещений об отправке.

Из всех моих пока плодотворных дел только *дóпись* книги о Гоголе удовлетворяет; и хотя работаю ночью, работа ладится (будет другое, когда рукопись поступит в производство). О Козьме Сергеевиче – ни слуха, ни духа[6]; вряд ли он нас найдет: Москва – такая вертучка, что, попав в нее, трудно попасть куда бы то ни было.

Дорогой друг, часто с К.Н. вспоминаем Детское. Сердечный привет от нас Варваре Николаевне, Шишковым, Котляровым[7]. К.Н. сердечно кланяется Вам.

Остаюсь искренне любящий Б.Бугаев.

[1] Эти письма Иванова-Разумника в архиве Белого не сохранились. Ср. письмо К.Н.Бугаевой к Иванову-Разумнику от 10 апреля 1932 г.: «...получили Ваше последнее письмо и все

прежние (с пересылаемыми нам письмами). Спасибо большое. <...> Вспоминаем, что сегодня ровно год нашего появления в Детском... <...> Мама и Б.Н. (он уже опять в “Гоголе”) шлют Вам и В.Н. привет» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

[2] В апреле 1932 г. Белый завершил работу над исследованием «Мастерство Гоголя».

[3] Имеется в виду денежный взнос за кооперативную квартиру в строившемся писательском доме в Нащокинском переулке. В середине марта 1932 г. Белый писал А.С.Петровскому: «... при “вероятности” разрешения кризиса с жил-площадью надо достать 1500 рублей паевого взноса, чтобы иметь право на въезд; а у меня сейчас нет почти никакого заработка, ибо 2 года почти лежат без движения “Маски” и “Начало века” в “Гихле”; за них получено все, что можно до выхода получить» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1976. №122. С.160).

[4] См. п.257, примеч.8.

[5] Детскосельская соседка Ивановых, помогавшая им в бытовых вопросах (сообщено И.Р.Ивановой).

[6] К.С.Петров-Водкин в апреле 1932 г. был в Москве – участвовал, как первый председатель Ленинградского областного Союза советских художников, в конференции, связанной с созданием единого Союза советских художников. См.: Петров-Водкин К.С. Письма. Статьи. Выступления. Документы / Составление, вступ. статья и комментарии Е.Н.Селизаровой. М., 1991. С.264-266.

[7] Семья Григория Михайловича Котлярова (1884–1938), детскосельского друга семьи Ивановых, с 1928 г. сотрудника Библиотеки Академии наук (заведовавшего Русским отделением Библиотеки). Подробнее о Г.М.Котлярове см. в комментариях В.Г.Белоуса и Я.В.Леонтьева к «Тюрьмам и ссылкам» Иванова-Разумника (Мѣра. 1995. №1. С.288). Дочь Котлярова Н.Г.Завалишина пишет в своих воспоминаниях о встречах с Белым и К.Н.Бугаевой в Детском Селе (см.: Завалишина Н. Детскосельские встречи. Главы из воспоминаний // Звезда. 1976. №3. С.182-183). См. также: Завалишина Н.Г. Несколько слов о Разумнике Васильевиче Иванове / Подготовка текста и комментарии В.Г.Белоуса и Л.Ф.Карохина // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С.35-38.

261. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – К.Н.БУГАЕВОЙ И АНДРЕЮ БЕЛОМУ
1 мая 1932 г. Детское Село[1].

1 мая 1932. Д.Село.

Милые и дорогие Клавдия Николаевна и Борис Николаевич, – с Праздником![2] Сегодня – в тени 18°, распустились первые голубенькие подснежники в нашем саду (помните их голубой ковер?), появились сережки на осине, пахнут почки тополей, черная смородина распускает веером первые листики, – весна пришла. В прошлом году в это время мы вместе с Вами радовались всем этим шагам весны, а теперь очень грустно за Вас, что только камень и асфальт перед Вашими глазами, да трамвайный скрежет вместо пения птиц; грустно и за себя, что мы уже не вместе с Вами встречаем весну. Впрочем, сегодня нам устроила двойной праздник приехавшая Ина; путешествовала с 1 января по 1 мая[3]; пробудет у нас недели 2-3 и снова пустится в новый рейс.

Наши квартирные дела – без всяких перемен; дом пустой, ремонт не начинался, что будет дальше – не знаем. Как Ваши аналогичные дела? определились ли хоть немного за прошлый месяц? Всяческой удачи!

Телеграмму Клавдии Николаевны и потом две открытки получил. Багаж был отправлен Вам не «пятнадцатого», а в «пятницу» (22/IV), телеграмма была мною отправлена только одна, так что доставка Вам двух телеграмм с вариантом текста – просто шутка телеграфа[4]. Накладную писал я, дубликат накладной – Лида на товарной станции; Дм<итрий> Мих<айлович> выслал Вам его спешным письмом в тот же день. Но так как «спешные» письма идут вдвое медленнее заказных и втрое медленнее простых, то телеграмма Ваша и первая открытка – не очень нас обеспокоили: пропасть спешное письмо все же не могло. Как прошло в Москве получение багажа? С меня не взяли за пересылку, сообщив, что эта сумма (какая – не знаю) должна быть уплачена получателем; так что моих расходов было всего лишь 5 р. на извозчика. Вычитая их из суммы моего дровяного и картофельного долга (211 р.), получим 206 р.; в этом месяце я вышлю Вам в погашение этой суммы возможно бóльшую часть[5]; боюсь однако, что раньше чем к августу мне не удастся выслать Вам последнюю часть этой суммы.

Как и что Гоголь? Подходит к концу или даже закончен? Буду ждать с нетерпением, также как и «Москву» и «Начало века», надеясь, что к осени выйдут хоть две из этих трех книг. Сам я теперь, закончив (или почти закончив) полуторагодовую работу над Блоком[6], принимаюсь за столь же продолжительную работу над Салтыковым, к полному собранию сочинений которого должен написать в 1 1/2 года реальный комментарий в 65-70 печатных листов[7]. Придется почти каждый день ездить в город, я купил уже годовой билет; таким образом резко меняется modus vivendi: с Блоком я полтора года сидел дома, для Салтыкова полтора года придется ездить в город. Впрочем – кто может в наше время рассчитать не то что на полтора года, а и на полтора месяца вперед?

Заканчивая письмо, шлю искренний привет от всех нас троих. Вчера были у нас Шишковы, Котляровы, Римские-Корсаковы, Брюллова, Анненский[8]; вспоминали Вас и просили передать приветы, что́ и исполняю. Не забывайте и пишите[9].

Искренно любящий Вас Р.Иванов.

[1] Ответ на п.260.

[2] Поздравление с Пасхой (18 апреля / 1 мая 1932 г.).

[3] И.Р.Иванова вернулась из длительного морского рейса. Ср. п.233, примеч.6.

[4] В первой открытке (24 апреля 1932 г.) К.Н.Бугаева писала Иванову-Разумнику: «Когда посланы вещи? Мы ничего не понимаем. На протяжении часа получены две телеграммы: 1) Багаж выслан *пятницу* накладная спешным письмом и т.д. 2) Багаж выслан *пятнадцатого* накладная спешным письмом и т.д. Когда же выслан багаж в действительности? Накладной мы не получили»; во второй открытке (25 апреля) сообщала: «...только что отправили Вам телеграмму, как пришло заказное письмо с накладной. Простите, что причинили Вам беспокойство. И большое спасибо за отправку вещей. Очень порадовало нас известие о договоре на Салтыкова. Вот если бы так же счастливо с квартирой у Вас разрешилось!» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24. Упоминаемое К.Н.Бугаевой письмо Иванова-Разумника в архиве Белого не сохранилось).

[5] Денежный долг Иванов-Разумник вернул в начале июня 1932 г.; 8 июня К.Н.Бугаева извещала его: «Большое спасибо за деньги, которые пришли сегодня. Зачем Вы торопились. Ведь мы могли бы и подождать. Во всяком случае – спасибо» (Там же).

[6] См. п.233, примеч.4, п.257, примеч.3.

[7] Ср. сообщение в письме Иванова-Разумника к Ф.И.Седенко (Витязеву) от 14 мая 1932 г.: «...последние полтора года я сиднем сидел за Блоком; теперь эта работа пришла к концу. Но зато подошла другая работа – полное собрание сочинений Салтыкова-Щедрина, в 20-ти томах. План и распределение материала выработал я; издает "Гихл" – "в ударном порядке": все 20 томов должны лежать на прилавках книжных магазинов к 1 дек<абря> 1933 года. Забронировано 300 тонн бумаги и сколько-то там сотен тысяч рублей. В этом издании я делаю три тома (всю публицистику) и реальный комментарий ко всем томам. Таким образом впереди, если будем живы и здоровы, – полтора года напряженнейшей работы. Полтора года работы над Блоком (с утра до ночи напролет, без отдыха и без "выходных дней") совсем меня замучили; теперь не без страха смотрю на такую же напряженную работу, предстоящую в ближайшие полтора года (впрочем – не только "предстоящую", так как я в ней уже вплотную сижу)» (*РГАЛИ*. Ф.106. Оп.1. Ед.хр.64). 20-томное Собрание сочинений Салтыкова-Щедрина (осуществлявшееся по плану Иванова-Разумника) было выпущено в свет не в указанные сроки, а в 1933–1941 гг., конкретного участия в подготовке томов Иванов-Разумник принять не мог из-за ареста (февраль 1933 г.) и последующей ссылки. См.: Лавров А.В. Историко-литературные замыслы Иванова-Разумника // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С.101-103. В письме к А.А.Бескиной от 16 июня 1932 г. Иванов-Разумник указывал согласованные сроки представления в издательство подготовленных к печати статей Салтыкова-Щедрина: «...тт.V и VI, включающие в себя <...> публицистику Салтыкова 1861–1864 гг., будут сданы в текстологическую редакцию 1 августа и 1 сентября <...> т.VIII, заключающий в себе публицистику Салтыкова за этот период времени <1864–1871>, будет сдан в текстологическую редакцию 1 октября настоящего года, а в главную редакцию – 25 октября этого же года <...> Сдача материалов 1871–1875 гг. намечена на 1 марта 1933 г. <...> работа над определением анонимных и псевдонимных произведений Салтыкова в "Отечественных Записках" 1868–1884 гг. проделана мною уже давно, хотя еще и не опубликована; небольшую часть этого материала т. Борщевский впервые опубликовал в своей книге "М.Е.Салтыков-Щедрин. Неизвестные страницы". <...> Полный список всех таких анонимных и псевдонимных произве-

дений Салтыкова (статей и рецензий) в “Отеч<ественных> Записках” 1868–1884 гг. передан мною в текстологическую редакцию» (*ИРЛИ*. Ф.79. Оп.1. Ед.хр.191).

[8] Андрей Николаевич Римский-Корсаков (1878–1940) – музыковед, старший сын Н.А.Римского-Корсакова, близкий друг Иванова-Разумника с юношеских лет – и его жена Юлия Лазаревна Вейсберг (1879–1942). Надежда Владимировна Брюллова-Шаскольская (1886–1937) – деятельница эсеровской партии, публицист, историк и этнограф; арестована 25 января 1933 г. и проходила в числе основных обвиняемых по сфабрикованному ОГПУ делу о «Ленинградской областной эсеровско-народнической контрреволюционной организации» (по которому был репрессирован Иванов-Разумник); после второго ареста расстреляна 9 октября 1937 г. в Ташкенте. Валентин Иннокентьевич Анненский (псевдоним – Валентин Кривич, 1880–1936) – поэт, прозаик, сын И.Ф.Анненского, с 1922 г. постоянно проживавший в Детском Селе.

[9] Еще до получения этого письма К.Н.Бугаева отправила Иванову-Разумнику открытку (3 мая 1932 г.): «Шлем Вам сердечный привет и пожелания всего лучшего. Надеюсь, что Иночка уже с Вами. <...> Б.Н. просит простить его за молчанье. Он очень устал. <...> 11-го/V я с мамой еду в Лебедянь» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

262. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
24 мая 1932 г. Москва.

Москва 24-го мая 32 г.

Дорогой друг,

простите, что пишу так лапидарно; и лишь – о делах; и все оттого, что – хлопоты, хлопоты, хлопоты: и домашние, и по книгам (в «Гихле» переменился весь состав; и очень трудно с делами), по добыванию денег, квартирному вопросу и т.д.

Последний и определяет это письмо. Дом нам, писателям, строить будут; и, к счастью, мы попали в премированный список (из около 300 кандидатов в первую очередь, т.е. в декабре, получат квартиры 50 человек)[1]; но... этот премированный список ложится на нас бременем; до июля надо выплатить 2300 рублей, а до декабря перевалит и за 3000, как обещают строители; с величайшим усилием придется отдать все, что имеем и что нам нужно на жизнь; и то удалось мобилизовать, взяв у «Гихла» все, что можно (и сверх того) за «Маски» и «Нач<ало> века»; но... следующих получек нет, ибо за «Маски» все получено; «Нач<ало> века» выйдет в 33-ьем году (читай 34-ом); «Гоголь» в 34-ом (читай 35-ом); и положение критическое.

И вот эта просьба к Вам в связи с необходимостью, спешной, достать денег. Бонч-Бруевич собирается купить мой архив рукописей[2] (увы, сколькое я пережег); и собирается твердо; он просит меня спешно подробную опись того, что я могу ему уступить[3]; между тем, мой инвентарь мал (приходится жалеть о множестве сожженных бумаг); я и вспомнил, что Вы не раз предлагали мне взять имеющиеся у Вас на хранении бумаги: поскольку помню; это есть: 1) рукопись «Петербурга», 2) рукопись стихов для «Сирина»[4], 3) все материалы, черновые, по «Москве» (не знаю, передал ли я Вам черновик «Ветра с Кавказа»); 4) «Почему я стал символистом»; мне это необходимо теперь, чтобы чем-нибудь приукрасить свой скудный архив, а это надо, чтобы достать денег просто на жизнь, ибо 225 в месяц и 1/2 не хватает при жизни в Москве, а достать неоткуда.

Итак, – жду от Вас дружеской услуги: во-первых скорейшего письма мне с указанием, какие рукописи извлекаемы; перечень желательно бы на отдельном листке, с указанием по возможности в среднем количества страниц каждого «№» из означенного, чтобы я мог этот листок приложить к описи Бонч-Бруевича, что, действительно, этот материал есть, ибо список рукописей показываю на днях (это, чтоб уговориться о цене «архива»); голубчик, – присоедините сюда все, что можно из моего старого «барахла»; только мат<ериальная> необходимость меня заставляет так поступать.

Уже после цены, если мне будет выгодно продать, явится вопрос о том, как получить от Вас; я готов специально приехать за материалом (а может кого-нибудь пришлет и «архив»). Что мне важно сейчас, так это Ваш спешный ответ с инвентарем (опись на отдельном листке для Бонча)[5]. Я в своей описи упоминаю 1) «Поч<ему> я стал символистом», 2) «Петербург», 3) черновики «Москвы», 4) наброски к «*Маскам*», 5) стихи.

Дорогой друг, простите, что и это письмо внешнее. Надеюсь, что когда утрясется вокруг меня «галиматья», написать. Простите за хлопоты. Наш привет и уважение Варв<аре> Ник<олаевне>.

Любящий Вас.

Борис Бугаев.

[1] В воспоминаниях о Белом П.Н.Зайцев пишет: «Еще в начале 30-х годов была намечена постройка Дома писателей в Нащокинском переулке <...> Была открыта подписка среди писателей, желающих поселиться в этом доме. Одним из первых решил вступить в этот кооператив Андрей Белый. Но денег на взнос у него не было. За тридцать лет своей писательской жизни и непрерывной работы он их не накопил. Ему пришлось продать часть своего архива, чтобы уплатить взнос» (*Андрей Белый. Проблемы творчества*. С.587). Квартира (Нащокинский пер., д.3/5, кв.55) была получена К.Н.Бугаевой только через два года, уже после смерти Андрея Белого.

[2] Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955) – деятель Коммунистической партии, публицист, историк; возглавлял Государственный Литературный музей, ставший в результате его собирательской деятельности богатым хранилищем архивных фондов (см.: Дементьев Ю.Г. Вклад В.Д.Бонч-Бруевича в советское архивное строительство // Советские архивы. 1971. №3. С.27-31; Межова К.Г. Деятельность В.Д.Бонч-Бруевича по собиранию документов личного происхождения // Там же. 1973. №3. С.37-42). Предложение Белому приобрести его архив Бонч-Бруевич передал через В.О.Нилендера. Об истории приобретения архива и его содержании Бонч-Бруевич рассказал в статье «Архив Андрея Белого» (*РГБ*. Ф.369. Карт.26. Ед.хр.9; см.: Воронин С.Д. Статья В.Д.Бонч-Бруевича «Архив Андрея Белого» // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С.273-276).

[3] Предварительную опись архивных материалов, предназначенных для передачи в Литературный музей, Белый направил вместе с письмом к Бонч-Бруевичу от 28 мая 1932 г. (Археографический ежегодник за 1984 год. С.274; Перспектива-87. Советская литература сегодня. Сб. статей. М., 1988. С.503. Публикация Т.В.Анчуговой).

[4] Рукопись двухтомного собрания стихотворений, подготовленная в 1913–1914 гг. для издательства «Сирин». См. примеч.1 к п.5.

[5] В комментарии Иванов-Разумник указывает, что выслал «в двух посылках» следующие рукописи: «1) черновик I тома "Москвы", 2) черновик II т. "Москвы", 3) чистовик I т. "Москвы", 4) "Ветер с Кавказа", 5) "Армения", 6) "О смысле познания", 7) "Собр<ание> стихотворений", тт.I и II» (Л.33об.).

263. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
30 мая 1932 г. Москва.

Москва. 30 мая. 32 г.

Дорогой Разумник Васильевич,

предполагаю, что Вы получили мое заказное письмо[1]; но повторяю в ракурсе его содержание. Матер<иальная> необходимость (все авансы съедаются взносами в Строительн<ый> Кооператив) вынудила согласиться на предложение Бонч-Бруевича продать ему целиком весь архив бумаг, рукописей и т.д. Спешно мобилизирую оставшийся материал; и проф. Цявловский[2], и Бонч-Бруевич просят скорей предварительной описи инвентаря; мне придется ехать (или Нилендеру, или кого Бонч-Бруевич пошлет) за бумагами, хранящимися у Вас: я указал в прелиминарной описи, что у Вас хранятся 1) рукопись «Петербурга», 2) черновик и черновые наброски «Москвы» (I т<ом>), 3) черновые наброски «Масок», 4) рукопись «Почему я стал символистом», 5)* 2 тома стихов, подготовленных «Сирином», и, кажется, рукопись «Ветра с Кавказа». Скорей напишите вкратце, пусть в среднем, что имеется у Вас на хранении (и количество страниц); это очень важно для предварит<ельной> описи. А от нее зависит разговор об условиях приобретения. Мне предстоит много трат и в этом, и в будущем году (квартира стоит 10000; выплата – 3 года). Жду с нетерпением спешного ответа. Буду чрез-

* *В автографе*: 4)

вычайно благодарен за ответ. Простите, что так кратко. Д.М.[3] бросит открытку в Ленинграде. Отдаю ему[4].

Остаюсь искренне любящий Б.Бугаев.

P.S. Варв<аре> Ник<олаевне> привет.

<P.>P.S. К.Н. просит передать привет Вам и Варв<аре> Ник<олаевне>.

[1] Имеется в виду п.262.

[2] Мстислав Александрович Цявловский (1883–1947) – историк литературы, пушкинист. К.П.Богаевская, вспоминая о М.А.Цявловском, свидетельствует: «Летом 1932 года в квартире М.А. неоднократно бывал Андрей Белый (9, 11, 21 июня и 6 июля). Он продавал свои рукописи с помощью М.А. в Библиотеку имени Ленина (но эта передача не состоялась; архив Белого купил за 10 тысяч для Литературного Музея Бонч-Бруевич)» (Богаевская К.П. Из воспоминаний // Новое литературное обозрение. 1996. №21. С.123).

[3] Д.М.Пинес, принимавший, будучи в Москве, участие в обсуждении вопросов, связанных с передачей архива Белого на государственное хранение; 5 июня 1932 г. он писал Белому: «Со своей стороны, еще раз подчеркиваю важность юридического оформления запродажи и очень советую не выпускать архива из дому, пока не получите всей суммы» (Спивак М.Л. Письма Д.М.Пинеса Андрею Белому // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С.29).

[4] В цитированном выше письме Д.М.Пинес сообщал Белому: «...при мне получилась телеграмма. А Вы за это время, вероятно, получили 2 весточки от Р.В. Завтра он пишет Вам подробно». 8 июня 1932 г. Иванову-Разумнику писала К.Н.Бугаева: «Б.Н. шлет Вам и В.Н. свой привет. Он все трудится над архивом. Ждет Вашей описи, хотя бы самой краткой»; 10 июня она же извещала его: «Борис Никол<аевич> получил Ваше письмо и опись. Он очень Вас благодарит. И скоро напишет» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24). Упомянутые письма Иванова-Разумника в архиве Белого не сохранились; телеграмма Белого (от 5 июня 1932 г.) сохранилась среди его писем в архиве Иванова-Разумника: «Удивляюсь молчанию ответ необходим Литмузею. Бугаев».

264. ИВАНОВ-РАЗУМНИК – АНДРЕЮ БЕЛОМУ
30 июня 1932 г. Детское Село.

30–VI–1932

Милый и дорогой Борис Николаевич,

надеюсь, что Вы получили письмо мое, отправленное на днях: я писал о воспалении легких и плеврите у Дм<итрия> Мих<айловича> (с тех пор положение осложнилось еще и смещением сердца)[1]. «Ценные посылки» отправляю поэтому я, – и делаю это сегодня, т<ак> к<ак> лишь с большим трудом удалось купить «упаковочный материал» (зато дешево – большой мешок, на обе посылки, за 4 рубля)[2]. Посылок две, обе «ценные», каждая на 500 р.; в первой, бóльшей – 1) черновики «Москвы» т.I-го, 2) черновики «Москвы» т.II-го, 3) чистовик «Москвы» т.I-го; во второй, мéньшей: 1) «Ветер с Кавказа», 2) «Армения», 3) «О смысле познания», 4) «Собрание стихотворений» т.I, 5) «Собрание стихотворений» т.II. Так как иногда, судя по газетам, почта доставляет в ценных посылках, вместо посланного груза, кирпичи или иное подобное, то, чтобы снять с себя ответственность, я запаковал посылки в присутствии свидетеля, который расписался на составленной описи содержания посылок. – Рад за Вас, что Вы так удачно реализовали свой архив, который оказался равноценным предстоящей квартире.

Милой Клавдии Николаевне от нас сердечный привет и пожелание – отдохнуть в Лебедяни от Москвы. Да и Вам отдых этот не меньше нужен. Пишите!

Сердечно Ваш Р.Иванов.

P.S. Вчера мне сказали в «Изд<ательстве> Писат<елей>», что «Гоголя» вышлют Вам 1 июля[3].

[1] Указанное письмо Иванова-Разумника в архиве Белого не сохранилось. Д.М.Пинес писал Белому 2 июля 1932 г. о своей болезни: «Приходивший врач подтвердил: остатки воспа-

л<ения> обоих легких + остатки плеврита. – Банки, горчичники и – лежать, лежать!»; 9 июля сообщал ему же: «...я все еще в "постельном" режиме, хотя мне значительно лучше» (Музей-квартира Андрея Белого на Арбате). Ср.: Спивак М.Л. Письма Д.М.Пинеса Андрею Белому // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. СПб., 1996. С.30.

[2] 29 июня 1932 г. Д.М.Пинес писал К.Н.Бугаевой: «Сегодня был Раз<умник> Вас<ильевич>. Из-за отсутствия упаков<очного> материала посылки не мог отправить. Сегодня В<арвара> Ник<олаевна> достанет и завтра будет отправлено» (Музей-квартира Андрея Белого на Арбате).

[3] Речь идет о цензурном прохождении рукописи книги Белого «Мастерство Гоголя» в Ленинграде. 5 июня 1932 г. Д.М.Пинес писал Белому: «"Мастерство Гоголя" сразу сдано в цензуру, и на днях ожидается ответ»; 29 июня Р.Я.Мительман (жена Пинеса) в приписке к письму Пинеса извещала Белого, что 1 июля рукопись «Мастерства Гоголя» будет отправлена ему из Обллита (Спивак М.Л. Письма Д.М.Пинеса Андрею Белому. С.29).

265. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
5 июля 1932 г. Москва.

5 июля 32.

Дорогой, милый Разумник Васильевич!

Простите за неожиданные хлопоты с пересылкой ценными пакетами рукописей, предназначенных для Гос-Архива. Знаю, какая это неприятная история при Вашей занятости. Но меня к спешке провоцировало письмо от Бонча-Бруевича и проф. Цявловский. В те дни, когда писал Вам, казалось, что все готово и что дело лишь в рукописях, имеющихся у Вас. Поймите: не я докучал Вас письмами, а меня торопили с точной описью к заседанию; но это заседание откладывалось с 13<-го> на 15-ое, 19-ое, 21-ое и т.д. июня. Когда получил Вашу открытку, то накануне хотел писать Вам, чтобы Вы не трудились со спешкой, ибо, получив опись, удостоверив меня, что вопрос лишь в днях, Бонч-Бруевич вдруг исчез, собраний не собирает, держит в недоумении меня, Цявловского и других. Обнаружилось, что у него нет денег, что он понапрасну раззвонил о покупке рукописей; вместо 100 000, де ассигнованных на Архив, у Бонча оказалась 1000; так что по законам действительности «миф» об *Архиве*, о покупке рукописей, – очередное марево; на днях уведомляю Бонча, что мне пора уезжать, что он совершенно напрасно отнял у меня 2 рабочих недели, и что я не намерен его ждать. Как ни нужны мне деньги, но есть что-то оскорбительное в том, как эти «*снобствующие меценаты*», сидящие в роскошных кабинетах, обходятся с нами, «пролетариями», живущими в подвалах. Я просидел вечер у Бонча: мы говорили о Ницще, о туризме, о сектантстве; я нарочно избегал говорить о моих бумагах. И в результате все – досадный морок. Хорошо, что я ему не дал бумаги (права выхлопатывать мой «Дневник»)[1]; эту бумагу просил он у меня. Но меня *вовремя* предупредили: не давать!

Дорогой друг, – дело сделано; я Вас, кажется, совершенно зря растревожил; рукописи придут, но, – по-видимому, чтобы громоздить и так тесную комнату.

Но я все-таки напишу Бончу резкое письмо, что он не имеет никакого права так поступать, как он поступил со мной[2].

Пакетов пока не получал[3].

Дорогой друг, напишите, сколько Вы издержались (с перевозочным материалом, отправкой и т.д.); я тотчас вышлю. Едем в Лебедянь не ранее 20-го июля, не позднее 25-го. Не знаю, сколько пробудем там (там нет керосина, электричества и жизнь дорога).

Ах, сколько у меня было ненужных хлопот за эти месяцы; и вдобавок: я совершенно измучен жизнью под кооперативным хвостом; сегодня вылез утром из окна; и стал просто отпихивать от окон; в самом деле: милиция не помогает; кооператив, домовой комитет тоже; приходится собственными руками спасать стекла подвала, которые бьют бидонами и каблуками в ежеутренней давке; от одного крика оглохнешь![4]

Горько: жить в подвале, драться с толпой оголтелых спекулянтов по утрам. Вот жизнь писателя.

Добился за это время одного успеха: все три книги, «Маски», «Гоголь», «Нач<ало> Века», в принципе решили выпустить в этом году. Помог Воронский; Накоряков

и Копяткович[5] приняли мои условия о «Гоголе»: 300 р. печ. лист (не 175); и плата – помесячно; через несколько дней перезаключим договор. «Гоголь» был отдан на просмотр Воронскому, который наговорил мне самые большие комплименты, что он-де в восторге от него; это и решило судьбу книги; после этого «*Гихл*» настоял, чтобы я не отдавал «*Лен<инградскому> Изд<ательству> Пис<ателей>*»; а то было «Гоголя» забраковали: *де не нужен*. Произошло это случайно: Воронский захотел послушать «Гоголя», и у Катаева (писателя)[6] устроили чтения; я реферировал содержание книги и прочел несколько отрывков; я даже не ожидал эффекта: Воронский стал провозглашать просто мою книгу; он-де дает слово, что ее устроит; «перевальцы» тоже очень поддержали меня. И сразу весь тон «Гихла» о «Гоголе» изменился[7]; хотят даже ее иллюстрировать. Меня это одобрение очень поддержало, потому что 9 1/2 месяцев работал и действительно не знал, что такое написал (не белиберда ли?); морально было очень неприятное чувство; я было решил больше ничего не писать; думал, – исписался. Воронский крупно поддержал с Гоголем, считая, что эта книга нужна-де каждому вузовцу; а мой полит-редактор Сац[8] очень выручил с «*Началом века*», сначала заставив много мест ретушировать, а потом дав резолюцию, что книга очень-де значительная. Теперь «*Гихл*», у которого появились бумажные возможности, решил печатать все три книги, не делая пауз между ними.

Можно сказать, что с апреля жил в сплошных неопределенностях. Теперь, кажется, уточнилось в одном пункте: с Гихлом. А вот с Архивом на 80% – фиаско.

Дорогой друг, – опять пишу пустое письмо. Это от какой-то нервной усталости, источник которой, главным образом, – хвост.

Если у Вас будет возможность послать 100 р. (ведь можно и осенью, если Вам трудно), то пошлите на имя Анны Алексеевны Алексеевой в Москву (Москва 21. Плющиха, д.53, кв.1); в Лебедяни деньги задерживают, а мы пробудем там неизвестно сколько. И действительно: только в том случае вышлите, если будет возможность (без изъяна себе). К.Н. шлет сердечный привет Вам и Варв<аре> Николаевне, которой прошу также передать привет.

Остаюсь искренне любящий

Борис Бугаев.

[1] Речь идет о рукописях Белого, конфискованных ОГПУ при обыске (см. примеч.1 к п.239) и не возвращенных ему. Перечень этих рукописей Белый привел в письме к В.Д.Бонч-Бруевичу, полученном 20 июля 1932 г., сообщив о желании приобщить их к своему архивному фонду: «1) “О самосознающей душе” (ремингтон), 2) “Рудольф Штейнер” (литературный портрет, 25 печатных листов, ремингтон), 3) “Дневник 1925–<19>31-ых годов” (150 печ<атных> листов, рукопись); в последнем – бытовые записи, выписки, рецензии о книгах, дневники путешествий, интимно-биографические воспоминания, ряд начатых работ и т.д.» (Воронин С.Д. Статья В.Д.Бонч-Бруевича «Архив Андрея Белого» // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С.274-275).

[2] Однако несколькими днями спустя, 9-10 июля, передача части архива Белого в Литературный музей состоялась.

[3] 13 июля 1932 г. К.Н.Бугаева писала в ответ на неизвестное нам письмо Иванова-Разумника: «Простите, что до сих пор не известили Вас о получении Ваших посылок. Но Б.Н. перепутал, и думал, что он Вам писал уже после. Из сегодняшней Вашей открытки видно, что это не так. Простите. Посылки дошли в полной сохранности. Но одну я все же просмотрела при почтальоне, причем он презрительно изрек: “Кому они нужны-то! Бумаги сколько хочешь носим. Вот, если масло...” Тем лучше». К письму Белый сделал приписку: «Дорогой друг, на днях пишу! Б.Бугаев» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

[4] Имеется в виду очередь в магазин перед окнами подвальной квартиры, в которой жил Белый. Н.И.Гаген-Торн пишет в «Воспоминаниях об Андрее Белом»: «В окнах – ноги проходивших по улице. Ноги выстраивались в очередь к молочной. Тени – двигались по потолку. <...> Клавдия Николаевна рассказывала мне, округляя горем глаза: он раз в ярости выскочил на улицу и закричал на толпу:

– Перестаньте! Перестаньте кричать! Так жить, так писать – невозможно!..

Толпа стихла. Смотрела на взъерошенную гневом, махавшую руками фигуру.

А он – очнулся, переконфузился, убежал обратно в подвал».

О том же Белый пишет М.А.Скрябиной 11 августа 1932 г.: «...в Москве, с января до августа кроме работы у меня шли кампании на разных фронтах – квартирном, книжном, матери-

альном и даже хвостяном (мы с К.Н. жили под “хвостом” от молочной, можно сказать под звон разбиваемых стекол)» (Частное собрание). Ср. другие аналогичные свидетельства: Милашевский В. Вчера, позавчера... Воспоминания художника. М., 1989. С.283-285; Андрей Белый: Посмертная диагностика гениальности, или Штрихи к портрету творческой личности / Публикация М.Л.Спивак // Минувшее: Исторический альманах. Вып.23. СПб., 1998. С.496-497, 516.

[5] Николай Никандрович Накоряков (1881–1970) – работник советской печати; с июня 1932 г. – директор ГИХЛ. Александр Антонович Копяткевич – заместитель директора ГИХЛ.

[6] Иван Иванович Катаев (1902–1939) – прозаик, член литературной группы «Перевал».

[7] Решение о печатании исследования «Мастерство Гоголя» было принято руководством ГИХЛ 19 июня.

[8] Игорь Александрович Сац – издательский работник. См. письма Белого к нему, отражающие ход редакционно-издательской работы и авторской правки «Начала века» (*Минувшее 15*. С.358-360).

266. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
12 августа 1932 г. Лебедянь[1].

Милый, дорогой Разумник Васильевич,
пишу Вам из Лебедяни, куда наконец попали (ЦЧО. Лебедянь. Улица Свердлова, д.36. Елене Николаевне Кезельман, для меня)[2]. Не писал, потому что последние 1 1/2 месяца вконец измучились (архив, Гихл, хвост, квартира, полит-редактура и т.д.); только 8<-го> вырвались; и теперь – приятная и безмысленная прострация; скоро, когда отваляюсь, напишу подробно. Как Вы? Вспоминаю Ваш сад и силюсь представить Вас и Варвару Николаевну. В Лебедяни мне ужасно нравится; ведь – родные места: в 80<-ти> верстах Ефремов[3], а наша Красивая Мечь тут где-то близко впадает в Дон. Вспоминаю эпоху «Симфоний»: те ж поля, то ж небо, тот же родной мне воздух. С 1908 года не бывал в этих местах. Посылаем с К.Н. Вам и Варваре Николаевне сердечный привет. Сердечное спасибо за все.

Любящий Вас Б.Бугаев.

[1] Датируется по почтовому штемпелю: Лебедянь. 12.8.32; Детское Село. 15.8.32.

[2] Белый с женой приехали в Лебедянь 9 августа, поселились у сестры К.Н.Бугаевой Е.Н.Кезельман. См. воспоминания Е.Н.Кезельман «Жизнь в Лебедяни летом 32-го года» (*Бугаева*. С.293-310; Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С.453-468) и письма Андрея Белого к Е.Н.Кезельман 1931–1933 гг. (Новый журнал. Нью-Йорк, 1976. №124. С.163-172. Публикация Роджера Кийза). См. также письма Белого из Лебедяни к П.Н.Зайцеву (от 20 августа // *Минувшее 15*. С.315), Г.А.Санникову (от 18 августа // Наше наследие. 1990. №5(17). С.93), М.А.Скрябиной (11 августа 1932 г.): «Наконец после долгого морока московских дней вырвались; живем в хорошо Вам известных комнатах, Машенька, и отдаемся пока что прекрасной лени» (Частное собрание). О Белом в Лебедяни см. также: Лебедянь. Памятная книга / Сост. В.В.Шахов. Липецк, 1992. С.66-67.

[3] В Ефремовском уезде Тульской области находилось имение Серебряный Колодезь, в котором Белый в молодости проводил летние месяцы (с 1899 по 1908 г.). Е.Н.Кезельман свидетельствует: «Б.Н. <...> с восторгом говорил, что это его “родной” воздух, что под старость, – так странно – судьба привела его в “родные” края, что Лебедянь – недалеко от Ефремова, вблизи от которого находилось когда-то имение его матери “Серебряный Колодезь”, где и писалось “Золото в лазури”» (*Бугаева*. С.294).

267. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ – ИВАНОВУ-РАЗУМНИКУ
4 сентября 1932 г. Лебедянь.

4 сент. 32 г. Лебедянь[1].

Дорогой друг, Разумник Васильевич,
получил Вашу милую открытку[2]; и живо перенесся в Детское; порадовался, что Иночка вернулась; и – с Вами; однако, – какая она стала путешественница[3]. А мы с Клав-

дией Николаевной заканчиваем наш воистину «медовый» месяц в Лебедяни, – «медовый», потому что «медовая» жизнь, «медовый» воздух (есть и «мед», но больше «творогу», который уничтожаю в огромном количестве и мог бы назвать наш месяц – «творожным»). Сериозно: кажется, никогда не отдыхали с «малюткой» так, как здесь; и это благодаря тому уюту, которым обставила нас Елена Николаевна, и душевному, и физическому; Вы знаете, – нет, не знаете, – что Клодя такой повар, какого свет не видал; все ее блюда – художественная импровизация, с вдохновением, с «перцем», с огнем, в чем я убедился, когда Анна Алексеевна уезжала в Лебедянь, а маленькая – кормила меня. Но рекорд поварского искусства решительно побит Еленой Николаевной, которая из лебедянских продуктов (творогу, помидор, луку, картофелю, яблок) творит не обеды, а гастрические мистерии; обе сестрицы вопреки предвзятостям по отношению к ним со стороны многих (люди-де *известно какого толка*) побивают рекорд в изыскании прекрасных конкретностей жизни, в результате чего – пополнел, повеселел и решительно не желаю покидать ставшую мне милой Лебедянь. Вот режим нашей жизни: встаем в 6 утра; вытираюсь водой; потом в 7 1/2 пьем кофе со вкусностями (оладьями, маслом и т.д.); в 8 бежим на базар за вкусностями и папиросами (последних – сколько угодно) 3 раза в неделю; в начале 9-го уже за работой; начал третий том воспоминаний (для «*Федерации*»)[4]; работаю легко, не спеша до 12<-ти>; полчаса – пробег: до обеда; 12 1/2 – обед, или *оргия* (от меня отнимают творог, ибо я стал творожных дел мастером); после: валяюсь, как паша, на диване, а Клодя нам читает уютнейшего Теккерея[5]. В 4 1/2 вечерний чай: с пиршествами; около шести идем в поля – в невыразимо душе говорящие просторы (просторы, навеявшие мне некогда «Симфонии»); к восьми дома: сумерничаем в тихих беседах под окнами; в 9 часов – спать.

Так каждый день.

Даже стыдно: какое-то исполнение всех желаний. Лебедянь живописнейший изо всех мной виданных городков; он расположен высоко, над обрывом; обрыв – над Доном; Дон тихий; Лебедянь утопает в садах; город переходит в утопающую в зелени деревню, выходящую в поле; а – там-то, а – там-то!.. На десятки верст – ширь, ветер; и – заря, заря. Но мой удел полемизировать, – на этот раз с Тургеневым: и тут он сфальшивил, объявив Лебедянь неинтересным городом[6]; я видел – Петровск, Аткарск, Орел, Карачев, Ефремов, Спасск, Арзамас, Клин и сколько еще городишек! Но только Лебедянь – очаровательна[7].

Дорогой друг, сердечный привет знакомым царскоселам. Наш привет и уважение Варваре Николаевне. К.Н. Вас приветствует. Остаюсь сердечно любящий Вас.

Борис Бугаев.

P.S. На днях внимательно читал Михайловского «Литер<атурные> воспоминания и совр<еменная> смута».

И – прочел: о Волынском: «*В похвалах подобных господ не то, что бесчестие* (?!?)... *для себя, – потому что чем же я виноват? – а все-таки неприятность*» (стр.415); о Страхове: «Он до такой степени *лишен критического чутья* (!?!?!?!?!?!?!?!?!?!?!?!?!?!?!?), *что*»... и т.д.; о Чехове: «Раз уже г. Чехов попал в историю литературы, должны в нее попасть и» – хвалители Чехова (ракурс мой), «*не из тучи эти громы*» (хвалений); «не великие критики... но при всей малости»... «*они характернее г. Чехова*» (?!?!? и т.д.)[8]. Карраул, – грабят!

«Ничего! Ничего! Молчание!»[9]

[1] Датировка – рукой К.Н.Бугаевой.

[2] В этом письме (в архиве Белого не сохранившемся) Иванов-Разумник, в частности, сообщал, что ожидаемого переезда по новому адресу в ближайшее время не состоится. К.Н.Бугаева отвечала ему 5 сентября: «Милый Разумник Васильевич! как хорошо, что Вы все еще остаетесь на старом месте. Может быть, удастся и зиму провести, никуда не трогаясь. Это было бы самое лучшее. Судя по Вашей открытке – лето не очень многолюдное и посетители не утомляют Вас, как это часто бывало» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24).

О содержании письма Иванова-Разумника к Белому можно судить по записям Д.Е.Максимова, зафиксировавшего в тетради «Мои интервью» свою беседу с К.Н.Бугаевой (январь 1944 г.): «Р.В. прислал Б<орису> Н<иколаевич>у оч<ень> ехидную открытку с насмешками по

поводу разбора Б<орисо>м Н<иколаевич>ем поэмы Санникова. Взбешенный Б.Н. написал огромнейшее (2 печ. л.) ответное ругательное письмо Разумнику, но посылать его отсоветовали. Ответил кратко» (Частное собрание). Текст этого «ругательного письма» нам не известен.

[3] И.Р.Иванова вернулась из морского рейса. Ср. п.261, примеч.3.

[4] Договор на книгу воспоминаний («Между двух революций») был заключен с издательством «Федерация» 23 июля 1932 г.: «2 тома мемуаров»; 30 печ. листов (400 руб. за печатный лист); первый том должен был быть сдан не позже 1 февраля 1933 г., а второй том – 1 августа 1933 г. (*РНБ*. Ф.60. Ед.хр.3). Позднее Белый передал рукопись книги «Издательству Писателей в Ленинграде» (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С.79; письма Белого к Г.А.Санникову от 29 мая и 12 июня 1933 г. // Наше наследие. 1990. №5(17). С.94. Комментарии В.Нехотина; письмо Белого к С.Д.Спасскому от 29 ноября 1933 г. // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С.661-662. Примечания Н.Алексеева).

[5] Е.Н.Кезельман сообщает, что К.Н.Бугаева также «читала вслух военные рассказы Эркмана-Шатриана или что-нибудь Диккенса» (*Бугаева*. С.296). Рассказывая о распорядке дня в Лебедяни в письме к П.Н.Зайцеву от 19 сентября 1932 г., Белый упоминает «чтение вслух Давида Копперфильда» (*Минувшее 15*. С.319).

[6] Имеется в виду рассказ И.С.Тургенева «Лебедянь» (1847), входящий в «Записки охотника».

[7] К.Н.Бугаева писала Иванову-Разумнику 5 сентября: «У нас пока что передышка. Отложили все заботы и злобы дня. Хочется, чтобы Б.Н. хорошенько отдохнул. До сих пор нам везло: погода прекрасная, хотя и свежая по утрам и ночами. Прогулки чудесные: в поля на закат, или к Дону» (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24). Белый и К.Н.Бугаева прожили в Лебедяни до 29 сентября.

[8] Неточные и сокращенные цитаты из книги Н.К.Михайловского «Литературные воспоминания и современная смута» (Т.I. СПб., 1900. С.414, 416, 127); ср. в оригинале: «Раз уже г.Чехов попал в историю литературы, должны в нее попасть и те критики и публицисты, которые, указывая на г. Чехова, восклицают: се человек! – и затем громят направо и налево все, что не похоже на г. Чехова и не желает быть на него похожим. Не из тучи этот гром, конечно, не великие критики излагают эти мысли, но, при всей своей малости, они для переживаемого нами момента характернее, быть может, самого г.Чехова» (С.127). Выписки и замечания Белого – полемическая реплика Иванову-Разумнику, считавшему себя во многих отношениях приверженцем идей и литературно-эстетических взглядов Михайловского.

[9] Фраза из «Записок сумасшедшего» Н.В.Гоголя: «Ай, ай!.. ничего, ничего. Молчание!» (запись от 13 ноября // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. [Л.], 1938. Т.3. С.202). Комментарий Иванова-Разумника: «И весь P.S., и эта цитата из Гоголя объясняются тем письмом ИР к АБ, о котором упоминается в начале настоящего письма. В разговоре с ИР в Детском Селе, в марте 1932 года, АБ очень хвалил поэму Г.Санникова (еще не напечатанную) “В гостях у египтян”; впоследствии он даже написал о ней целую хвалебную статью <...> ИР относился скептически к достоинствам этой поэмы, судя о ней лишь по тем отрывкам, которые запомнил АБ. Летом ИР прочел всю эту уже напечатанную поэму, мнения о ней не изменил – и написал в P.S. письма к АБ: “Поэму Санникова прочел... Но – ничего! ничего! молчание!..” АБ решил отплатить той же монетой – и в этом причина его цитат из Михайловского и повторения гоголевской концовки. Так фразой: “Ничего! Ничего! Молчание!” суждено было закончиться двадцатилетней переписке» (Л.33об.-34). Поэма Г.А.Санникова «В гостях у египтян» была опубликована в «Новом мире» (1932. №5), в том же журнале позднее была помещена статья Белого об этом произведении – «Поэма о хлопке» (1932. №11).

По получении этого письма, однако, Иванов-Разумник отправил Белому, как минимум, одно письмо (в архиве Белого не сохранившееся), отклик на которое содержится в письме К.Н.Бугаевой к Иванову-Разумнику (*РГАЛИ*. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24) – последнем по времени документе, примыкающем к нашему эпистолярному комплексу:

14 XII <19>32. Москва.

Милый Разумник Васильевич! пишу Вам вместо Б.Н., который снова “отрезан” от писем: “Воспоминания”, правки стенограмм и “выбеги” по делам... Но со временем он Вам ответит. – А мне вспоминается прошлый год... и приближающийся Варварин день. Поздравляем дорогую Варвару Николаевну и Вас, и шлем Вам самые лучшие пожелания. А также наш сердечный привет всем, кто соберется у Вас в этот день. Мысленно будем с Вами. А Вы – вспомните о нас. – Из последних впечатлений очень большое и сильное: “Журавлиная родина” и знакомство с Мих<аилом> Мих<айловичем>. Прекрасная книга. И какой живой, яркий человек Мих<аил> Мих<айлович>. Какой молодой и горячий. Мы с ним встречались у краеведов, и он обещал быть у нас. “Три” книги Б.Н.

"in statu nascendi"... которое длится года и месяцы. И неизвестно сколько еще продлится. Можно петь: "Три карты, три карты"... Всего лучшего. Не забывайте.

Ваша К.Б.

(Варварин день – 4/17 декабря. «Журавлиная родина» М.М.Пришвина была впервые опубликована в №4–9 журнала «Новый мир» за 1929 г. В «Летописи жизни и творчества Андрея Белого» (*РНБ*. Ф.60. Ед.хр.107) К.Н.Бугаева датирует «возобновление знакомства» Белого с М.М.Пришвиным, бывшим одним из наиболее близких к Иванову-Разумнику литераторов, дружески с ним связанных, 30 октября 1932 г.).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* Составила Т.В.Павлова.
Курсивом выделены номера страниц, на которых даются краткие сведения о данном лице.

СОДЕРЖАНИЕ

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ИВАНОВ-РАЗУМНИК
ПЕРЕПИСКА

Редактор В.Аллой
Корректор Т.Б.Притыкина
Наборщик И.М.Курдина
Оформление Г.Кузнецовой

ЛР №064815 от 30.X.1996

Подписано в печать 25.09.1998. Формат 70 x 108 1/16.
Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Объем 46 п.л. + 1 л. вклеек. Тираж 1500 экз. Заказ №3782.

Издательство «Феникс»: 193060, С.-Петербург,
ул.Смольного, 1/3, подъезд 6а.
Тел. 276-13-35, 276-124-77
E-mail: orders @ phenix.spb.su

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12.